

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

СЕРИЯ

**АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Эгил А. ВИЛЛЕР

**УЧЕНИЕ О ЕДИНОМ
В АНТИЧНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

АНТИЧНАЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2002

Э. А. ВИЛЛЕР

1 $\frac{02 - 9}{112 - 8}$

**УЧЕНИЕ О ЕДИНОМ
В АНТИЧНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Антология текстов

Перевод с норвежского и общая редакция
И. М. Прохоровой

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2002

УДК ЮЗ(0)321-215
ББК 1(091)
В 45

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2002

Э. А. Виллер

В 45 Учение о Едином в античности и средневековье. — СПб.: Алетейя, 2002. — 668 с. — (Античная библиотека. Античная философия).
ISBN 5-89329-495-5

Основатель и руководитель серии:

Абышко О. Л.

Книга Эгиля Виллера, известного норвежского ученого, профессора Университета в Осло, много лет возглавлявшего там кафедру философии, вводит в научный оборот новую для нас философскую дисциплину «генологию» (изучение Единого), которая трактует платонизм как философию, проходящую через античность (христианскую и нехристианскую), средневековье (западное и восточное) и, минуя Ренессанс, уходящую в Новое время. Книга представляет собой антологию, в которую включены отрывки из произведений почти двухсот философов, богословов, поэтов, мистических и гуманистических писателей, объединенных, несмотря на разделяющие их времена и пространства, общим, платоновским пониманием Бога как Единого. Книга не предполагает всестороннего исследования философии Платона. В ней намеренно присутствует определенная односторонность взгляда, позволяющая проследить движение его философии во времени. Первая часть книги, посвященная классической античности и латинскому средневековью, начата с Сафо и античных писателей и доходит до Николая Кузанского, Ренессанса и Нового времени. Вторая часть, посвященная греко-византийской духовной традиции, начинается сочинениями Мужей апостольских и кончается греческой народной песней о падении Константинополя.

Книга рассчитана на историков философии, филологов-классиков, богословов, историков религии, обществоведов, литературоведов и всех, кому интересно следить за историческим движением мысли.

Перевод выполнен по изданию:

EGIL A. WYLLER
PLATONISME — HENOLOGI I ANTIKK OG MIDDELALDER
SOLUM FORLAG
OSLO 1993

MUNIN

Книга издана при поддержке
MUNIN: MARKETING UNIT FOR NORWEGIAN
INTERNATIONAL NON-FICTION, OSLO
& DEPARTMENT OF PHILOSOPHY, UNIVERSITY OF OSLO.

2002041497

ISBN 5-89329-495-5

9 785893 294958

© издательство «Алетейя» (СПб.), 2002 г.

© И. М. Прохорова, перевод с норвежского, 2002 г.

Предисловие к русскому переводу

Автор двухтомной антологии «Учение о Едином в античной и средневековой мысли» норвежский философ Эгиль Виллер, профессор университета в Осло, «крещеный платоник», как он себя называет, работал над этой книгой, по его словам, всю жизнь. В процессе работы он сделал величайшее открытие сначала для себя, обнаружив почти незнакомый Западу мощный пласт византийского православного богословия, а затем сделал свою находку достоянием западных читателей. Его книга представляет собой антологию текстов философов и богословов, оказавших наибольшее влияние на становление и развитие того, что мы называем нашей, или христианской, цивилизацией, и — в первую очередь — ее веры, философии, культуры.

Первая часть, начатая с Сафо и античных писателей, доведена им до Николая Кузанского, Ренессанса и Нового времени. Вторая, посвященная греко-византийской духовной традиции, начинается творениями Мужей апостольских и кончается греческой народной песней о падении Константинополя, — событии, которое определяет и временную границу книги. Связующей силой, создавшей при всем разнообразии культур и народов единую цивилизацию, в которой мы живем до сих пор, является, несмотря на разделенность тысячами лет, отношение к Богу, или Тому, Кого Платон называл «Единым». Книга посвящена изменчивости отношения к Нему на протяжении более чем двух тысяч лет и неизменности Его присутствия в духовной жизни различных народов, понятной нам, несмотря на культурные, языковые и временные барьеры, что и подтверждается выдержками из сочинений почти двухсот античных и средневековых писателей. По мнению Э. Виллера, весьма лестному для нас, православных, наибольшей глубины и разработанности это отношение, пронизывающее все сферы духовной жизни, достигает именно в греко-византийской церковной традиции. Книга, вышедшая на немецком и английском языках, явилась откровением для тех, кто, подобно самому автору в пору начала его работы, даже не подозревал о существовании мощнейшей греко-византийской церковной традиции, о богатстве ее святоотеческого Предания, о ее мистических учениях, оказавших огромное

влияние на западное богословие. Виллер заполняет этот пробел в богословских и философских представлениях читателей на Западе. Это им он открывает Византию.

Автор книги считал естественным, что поскольку мы — наследники духовного богатства Византии и этим весьма гордимся, как и тем, что «Москва — третий Рим», то приводимые им тексты хорошо известны русскому читателю и уже давно переведены. Но выяснилось, что все совсем не так. Многократно переводились античные авторы, естественно, были переведены Платон и Плотин и многие латинские богословы; судьба же византийских авторов в России оказалась еще печальней, чем на Западе. Некоторые из них не переводились вовсе или же были переведены в XIX в., иногда с ошибками и часто с пропусками, поэтому многие из переводов пришлось делать заново с греческого и латинского языков, а некоторые — заново редактировать в соответствии с приведенными в книге оригинальными текстами. Часто в изданиях позапрошлого века невозможно найти имя переводчика — или по скромности, или потому что это коллективный труд. Не указаны авторы переводов и в том случае, когда — подобно безвестным монахам и семинаристам — это коллективный труд переводчика и редакторов данной книги, и это указывает, что текст заново переведен с оригинального текста. Кстати, того же принципа придерживается и автор книги. Во всех остальных случаях авторы переводов, разумеется, указаны.

И. М. Прохорова,
Санкт-Петербург,
ноябрь 2001 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому переводу	5
Предисловие	11

КЛАССИЧЕСКАЯ АНТИЧНОСТЬ

1. Орфическо-пифагорейская традиция	14
Сафо с Лесбоса (VI в. до Р. Х.)	16
Ферекид Сиросский (VI в. до Р. Х.)	18
2. Из досократиков	22
Пифагор	22
Гераклит: фрагменты из сочинений	28
Парменид: избранные отрывки	38

КЛАССИЧЕСКИЕ АФИНЫ

3. Сократ	44
4. Платон	46
5. Спевсипп: Принципы единства и двойственности	104
6. Аристотель: Критика учения Платона о начале	108
7. Академический скепсис: Аркесилай	112

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ

Эллинистическая Александрия

8. Филон Иудей из Александрии	118
9. Орфические гимны	124

10. ГНОСТИЦИЗМ И ГЕРМЕТИЗМ

Гностицизм. Из апокрифа от Иоанна	126
Герметизм. Двойное именование Бога	132

СРЕДНИЙ ПЛАТОНИЗМ

11. Плутарх	138
-------------------	-----

12. Альбин/Алкиной. Дидаскалии	144
13. Апулей. Амур и Психея	150
14. Цельс	154

ПЛОТИН И НЕОПЛАТОНИЗМ

15. Плотин	162
16. Порфирий. О том, что ум/мысль множественны	190
17. Ямвлих. О египетских мистериях	194
18. Марий Викторин. Рассуждения о Троице с точки зрения Единого	198
19. Ипатия. Ее жизнь и смерть	204
20. Синесий из Кирен	206
21. Прокл	210
22. Августин	214

ЛАТИНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Годы 500–1000	246
23. Бозций. Благо (единство) есть мера всех вещей	248
24. Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии	256
25. Иоанн Скот Эриугена. О разделении природы	272
Годы 1000–1500	284
26. Теодор Шартрский. Единство есть Бог	286
27. Сугерий из Сен-Дени	288
28. Бернар Клервоский. Из тени к свету	294
29. «Книга двадцати четырех философов». О Боге	298
30. Бонавентура. О ступенях восхождения к Богу... ..	302
31. Майстер Экхарт. Deus unus est	308
32. Николай Кузанский	318

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ И ГРЕКО-ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Предисловие ко второй части	336
-----------------------------------	-----

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН	340
--	-----

1. Мужья апостольские (I–II вв.)	342
2. Иустин Мученик. Мой философский путь	354

АЛЕКСАНДРИЙЦЫ

3. Климент Александрийский	356
4. Ориген	372
5. Григорий Чудотворец. Символ Веры	386
6. Император Юлиан	390
7. Изречения отцов-пустынников	400
8. Прокл из Афин. Платоновое молчание перед Единым. Принцип противоречия	406

КАППАДОКИЙЦЫ	410
--------------------	-----

9. Василий Великий	412
10. Григорий Назианзин	432
11. Макарина	450
12. Григорий Нисский	454
13. Кесарий Назианзин	460

ВИЗАНТИЙСКАЯ МЫСЛЬ

Первый период. Годы 500–1000	464
------------------------------------	-----

14. Дионисий Ареопагит. О божественных именах	466
15. Роман Сладкопевец. Плач Сарры над Исааком	484
16. Иисус и сердечная молитва (из «Добротолубия»)	488
17. Иоанн Лествичник	496
18. Максим Исповедник. «О божественной любви»	506
19. Монах Феофан. Лестница божественных милостей	520
20. Иоанн Дамаскин	524
21. Фотий. Об авторстве Дионисия Ареопагита	532
22. Арефа	534
23. Константин-Кирилл. Житие Константина/Кирилла	542

Второй период. Годы 1000–1500	550
24. Симеон Новый Богослов. Из гимнов божественной любви	552
25. Никита Стифат. Видение гроба Симеонова	562
26. Михаил Пселл	568
27. Об Иоанне Итале. Из постановления церковного синода, обвиняющего Иоанна Итала в платонизме	578
28. Петр Дамаскин. О Платоновых «Идеях»	580
29. Михаил Хониат. Плач по Афинам	588
30. Каллист Катафигиот. Гимн «Неописуемый Бог!»	590
31. Феодор Метохит. О понятии «ирония»	594
32. Григорий Палама	600
33. Николай Кавасила. О жизни во Христе	624
34. Гемист Плифон	634
35. Кардинал Виссарион. Против хулителей Платона	640
36. Из переписки между Виссарионом и Плифоном	652
37. Греческая народная песня о событиях 1453 г.	660

ПРИЛОЖЕНИЕ

Разговор на Афоне о вере (1976)	662
---------------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю антология, работа над которой по времени равна жизни целого поколения, вводит в научный оборот новую философскую дисциплину «генологию» (изучение Единого), которая трактует духовно-историческое направление «платонизм» как связующую мысль и философию, проходящую через античность (как нехристианскую, так и христианскую), средневековье (как западное, так и восточное) и идущую дальше, не затрагивая Ренессанс. В книге представлены произведения философов, богословов и писателей-гуманистов, отрывки из поэтических и мистических сочинений которых равномерно распределены по временному пространству в двадцать столетий. Я надеюсь, что книга будет интересна и принесет пользу как специалистам в истории философии и духовного развития общества, так и филологам-классикам, богословам и историкам религии, а также литературоведам и многим другим читателям.

Оригинальные тексты не «изданы» в филологическом смысле слова, они взяты из уже существующих изданий. Книга не предполагает всестороннего исследования собственно философии Платона. Напротив, в ней предусмотрена определенная односторонность взгляда, что дает возможность проследить движение его философии во времени. Хождение по канату возможно только тогда, когда этот канат хорошо натянут, а в данном случае канат натягивает учение о Едином и его принципы, отразившиеся в генологии. Ценность книги заключается как раз в том, что она направлена не на платонизм как таковой, а на то более существенное, чего он касается. Помимо Платона как традиционного начала (а до него — «орфические» поэты), временной вехой служит Николай Кузанский (1401–1464), который способствовал решительной перемене взглядов в философии и богословии.

Мне представляется естественным употребить применительно к различным типам духовности, соответствующим разным эпохам, о которых идет здесь речь, слово «предвидение», или визионерство. Основное «предвидение» платонизма в том, что, помимо Эроса, он отважился соединиться с принципами Прекрасного, Благого и Единого

(«Бога»). Выбор текстов, таким образом, придает меньше значения всему учению об идеях как таковому, чем отдельным принципам этого учения, которые, согласно работам исследователей последнего поколения, составляют фундамент платонизма.

В первой части, помимо классической античности, представлены произведения нехристианской поздней античности, а также западное латиноязычное средневековье. Исключение сделано лишь для императора Юлиана (Отступника), который, несмотря на свою принадлежность к античности, настолько связан с внутренней проблематикой христианства, что естественно было поместить его во втором томе. Исключением для западного богословия является Дионисий Ареопагит, который, строго говоря, принадлежит к восточному греко-язычному средневековью (где он и представлен во второй части), но благодаря сделанному Скотом Эриугеной переводу на латынь, он оказал столь большое влияние на Запад, что в связи с этим не мог не фигурировать в той части, что посвящена западной философии.

Может быть, кого-то смутит, что антология начата произведениями, существовавшими до самого Платона. Но, по нашему мнению, едва ли Платон — первый представитель «платонизма». *Fuerunt et ante Homerum poetatae* (Были поэты и до Гомера). Собственно, все начинается с Орфея, и мы могли бы назвать свою книгу «Путешествие аргонавтов мысли сквозь века». Но у нас, к сожалению, нет никаких источников, говорящих о столь далеких временах. Мы начинаем антологию досократиками, а именно — «орфическими» фрагментами.

Впрочем, можно сказать, что отбор произошел сам собой. Но по мере продвижения по пути развития платонизма и изучения Платона, вплоть до Николая Кузанского, в центре нашего внимания оставались принципы учения о Едином. В античности путеводной нитью была, разумеется, Академия с ее девятисотлетними традициями. Это особенно хорошо представлено как в начальной фазе (Спевсипп, Аркесилай), так и в заключительной (Прокл). Возникший в Александрии неоплатонизм Плотина и его последователей естественным образом занимает в этой цепи свое место, связанное с идеей Единого и генологией. Отсюда — безусловные связи с крещеными платониками (Августин, Дионисий Ареопагит), хотя александрийские отцы Церкви, Климент и Ориген, не зависели от платонизма. В книгу включены также отдельные авторы, находящиеся под сильным влиянием Платона, например Филон Иудей. Представлены даже гностицизм и герметизм, несмотря на то, что их скорее отличал антиплатонизм; карикатуры также могут повлиять на сущность дела.

Вообще, нет никакого критерия, который был бы исчерпывающим и окончательным для отбора такого рода текстов. И сам Платон, и от-

дельные платоники делали ошибки в целом ряде вопросов, и влияние платонизма на христианство приносило как пользу, так и вред. Здесь у каждого может быть свое собственное мнение. Наша задача в этом отношении — лишь регистрировать и классифицировать духовно-исторические типы и взаимосвязи.

Во второй части речь идет о поздней христианской античности и византийской эпохе (восточное, грекоязычное средневековье). О проблемах отбора произведений для нее см. в предисловии ко второй части. Она включает в себя произведения целостной платоновской традиции, начатой Мужами апостольскими и заканчивающейся ренессансным кардиналом Виссарионом, другом и спутником Николая Кузанского, когда они вместе покидали Византию. Окончив первую часть в 1973 г., я понимал, что потребуются продолжение. Но мне не верилось, что когда-нибудь я сам буду в состоянии осуществить его, слишком чужда была мне эта область знаний. Но теперь это сделано, и я прошу читателей быть снисходительными ко всем шероховатостям и недостаткам этой книги. Такую огромную задачу невозможно выполнить безупречно с первой попытки.

Э. Виллер

КЛАССИЧЕСКАЯ АНТИЧНОСТЬ

1. Орфическо-пифагорейская традиция

Философия, в западном понимании этого слова, возникла в Древней Элладе в VI в. до Р. Х. Ее возникновение чаще всего связывают с Фалесом Милетским и Ионической школой, с их сосредоточенностью на конкретных осязаемых элементах, таких как вода (Фалес) и воздух (Анаксимен), что нашло свое воплощение в материалистической атомистической теории Демокрита. К этой традиции принадлежит и Аристотель. Его учение о форме и материи, его философско-историческое самопознание (особенно в метафизике) оказало большое влияние на современное представление об античном периоде философии (Целлер, основываясь на Гегеле).

Однако можно и по-другому взглянуть на греческое происхождение философии и на ее развитие, найдя для этого основания в самой античности, например у позднеантичного философа-доксографа Диогена Лаэртского (III в.). Как Платон противостоит Аристотелю во вневременном диалоге, так и «орфическая» философия противостоит «гомеровской»: первая больше интересуется временем, нежели пространством, умопостигаемым (число и бытие), нежели осязаемым (вода и воздух), духовным (бессмертная душа), нежели физически материальным. С этой точки зрения Фалесу принадлежит честь, разделяемая им с его современником Ферекидом Сиротским, быть первым, кого Аристотель несколько абстрактно-поэтически отнес к числу философов, хотя Диоген Лаэртский считал его учителем Пифагора. Таким образом, в Элладе выстраивается собственная традиция (Пифагор — Парменид — Эмпедокл), которая направлена к Платону. Два основных генологических труда Платона — «Парменид» и «Тимей» — совершенно очевидно связаны с элейской, или пифагорейской, философией, а материалист Демокрит им вообще не упомянут. (Платон разработал для этого свою вдохновенную пифагорейцами математическую атомистическую теорию.) Лишь Гераклит на Востоке равным образом принадлежит обеим традициям; даже Платон постоянно упоминал его (в диалогах «Кратил» и «Теэтет»).

Поэтому не без оснований говорят об орфическо-пифагорейско-платонической традиции (в противовес гомеров-милето-демокритовой), не противопоставляя, однако же, кого-либо одного из представителей этих традиций другим. Мы с самого начала придерживаемся этой линии, добавляя лишь одно новое звено: Сафо с Лесбоса с ее утонченной лирикой. Напрасно Орфей пытался с помощью лиры вырвать свою возлюбленную из Царства мертвых. Самого его разорвали на куски дионисийские менады. Однако известно, что голова его попала за море, на остров Лесбос (Метилена), где родилась впоследствии лирическая поэзия, и родоначальницей ее была Сафо. Позднее рядом с ней мы обнаруживаем и Платона (см. его хвалебные строки, посвященные Сафо).

Таким образом, орфическо-платонистическая мысль возникла из духа лирической поэзии.

Сафо с Лесбоса (VI в. до Р. Х.)

«Девять, говорят нам, таково число муз. Почему же не больше? Ведь Сафо, конечно, десятая» — это двустиишие Платона показывает как значение поэтессы для своего времени, так и то, насколько он ощущал свою близость к ней. Сафо с Лесбоса — родоначальница лирической поэзии как вида

Полночь

Δέδυκε μὲν ἃ σελάννα
καὶ Πληΐαδες, μέσαι δὲ
νύκτες, παρὰ δ' ἔρχετ' ὥρα,
ἐγὼ δὲ μόνα κατεύδω.

Вечерняя звезда

Ἦσπερὲ πάντα φέρων ὅσα φαίνολις ἐσκέδασ' αὖτως,
φέρεις δὴν, φέρεις αἶγα, φέρεις ἅπυ μάτερι παῖδα.

Эрос (фрагмент)

Ἦρος δ' ἐτίναξέ μοι
φρένας, ὥς ἄνεμος κατ' ὄρος δρύσιν ἐμπέτων.

искусства, в котором до сих пор остается непревзойденной. От ее произведений, некогда составлявших семь книг, сохранилось немного, и лишь во фрагментах. Их основные мотивы — одиночество, страсть, любовь (эротическая).

Полночь

Погрузилась Луна
и Плеяды, полночь;
но время проходит,
а я лежу одна.

Вечерняя звезда

Все, что рассеет заря, собираешь ты, Геспер, обратно:
коз собираешь, овец — а у матери дочь отнимаешь.

Эрос (фрагмент)

Словно ветер с горы на дубы налетающий,
Эрос душу потряс мне...

Пер. В. Вересаева

Ферекид Сиросский (VI в. до Р. Х.)

Мифический философ с острова Сирос в Эгейском море (к северу от Делоса) (1). Легенда связывает его имя с находящейся там пещерой, а ее, в свою очередь, с какими-то занятиями астрономией (солнечные часы) (1). По позднеантичной традиции, Ферекид был учителем Пифагора (2), во всяком слу-

1. νῆσός τις Συρίη κικλήσκεται, εἴ που ἀκούεις,
Ὅρτυγίης καθύπερθεν, ὅθι τροπαὶ ἡλείοιο.

2. ... διδασκῶναι δὲ ὑπ' αὐτοῦ Πυθαγόραν
λόγος, αὐτὸν δὲ οὐκ ἐσχηκέναι καθηγητήν, ἀλλ'
ἐαυτὸν ἀσκῆσαι κτησάμενον τὰ Φοινίκων
ἀπόκρυφα βιβλία.

3. ... σώζεται δὲ τοῦ Συρίου τό τε βιβλίον ὃ συνέγραψεν
οὗ ἡ ἀρχή·
Ζὰς μὲν καὶ Χρόνος ἦσαν ἀεὶ καὶ Χθονίη·
Χθονίη δὲ ὄνομα ἐγένετο Γῆ,
ἐπειδὴ αὐτῇ Ζὰς γῆν γέρας διδοῖ.

чае, он предшествовал ему по времени. На него же самого большое влияние оказала восточная мудрость (Заратустра и финикийцы) (2). Из написанного им (3) сохранились лишь небольшие фрагменты. В центре его мировоззрения — помимо Эрота (6) — феномен Времени (Хронос).

О Ферекиде Сиросском

1. Некий остров зовется Сиросом, если ты, может быть, слышал, повыше Ортигии, где происходят повороты солнца.

Гомер, Одиссея 15, 403–404

Примеч. Гомерово название «Ортигия» означает, по всей видимости, мифическую область на Востоке (близ Эфеса?), где всходит солнце. Таким образом, уже у Гомера Сирос, скорее всего, служил знаком для отметки солнцестояния (связанным с упомянутой пещерой?).

2. Говорится, что им (Ферекидом) выучен был Пифагор, сам же он ни у кого не учился, но узнал все сам, приобретя финикийские тайные книги.

Суда. О Ферекиде

Примеч. Несомненны восточные мотивы у Ферекида. Поэтому очень интересны указания на восточные влияния на него, но они относятся к поздней античности.

3. От Сиросца (т. е. Ферекида) сохранилась книга, которую он написал и которая начинается так:

«Зас (т. е. Зевс) и Хронос были всегда, и Хтония. Хтонии же имя стало Земля (т. е. Гея), с тех пор как Зас дал ей в дар землю (ге).

Диоген Лаэртский

Примеч. Центральным пунктом этого фрагмента является переименование прабога Кроноса (лат. Сатурн) в Хроноса (т. е. Время), поскольку именно в том, что Время «было всегда», заключен основной момент, который выражает феномен «вечного времени». Хтония означает глубину земли, или подземное. Вывод: Красота тела Земли (gh) — (свадебный) подарок небес (Зевса) «глубине»; время движется взад-вперед в виде смены времен года.

4. ... τοῦ Συρίου Φερεκύδου μυχοὺς καὶ βόθρους καὶ ἄντρα καὶ θύρας καὶ πύλας λέγοντος καὶ διὰ τούτων αἰνιττομένου τὰς τῶν ψυχῶν γενέσεις καὶ ἀπογενέσεις.
5. ... αὐτῷ ποιοῦσιν τὰ οἰκία πολλά τε καὶ μεγάλα. ἐπεὶ δὲ ταῦτα ἐξετέλεσαν πάντα καὶ χρήματα καὶ θεράποντας καὶ θεραπαίνας καὶ τᾶλλα ὅσα δεῖ πάντα, ἐπεὶ δὴ πάντα ἐτοῖμα γίγνεται τὸν γάμον ποιεῦσιν. κάπειδὴ τρίτῃ ἡμέρῃ γίγνεται τῷ γάμῳ, τότε Ζὰς ποιεῖ φᾶρος μέγα τε καὶ καλὸν καὶ ἐν αὐτῷ ποικίλλει Γῆν καὶ Ὠγηνὸν καὶ τὰ Ὠγηνοῦ δώματα ...
6. ὁ Φερεκύδης ἔλεγεν εἰς Ἑρωτα μεταβεβλήσθαι τὸν Δία μέλλοντα δημιουργεῖν, ὅτι δὴ τὸν κόσμον ἐκ τῶν ἐναντίων συνιστὰς εἰς ὁμολογίαν καὶ φιλίαν ἤγαγε καὶ ταυτότητα πᾶσιν ἐνέσπειρε καὶ ἔνωσιν τὴν δι' ὅλων διήκουσαν.
7. ... ἀλλὰ καὶ τοῦ Συρίου τὴν ποίησιν σκόπει καὶ τὸν Ζῆνα καὶ τὴν Χθονίην καὶ τὸν ἐν τούτοις Ἑρωτα, καὶ τὴν Ὀφιο- νέως γένεσιν καὶ τὴν θεῶν μάχην καὶ τὸ δένδρον καὶ τὸν πέπλον.

4. Ферекид Сиросский говорит о «недрах», «ямах» и «пещерах», «дверях» и «вратах», символизирующих рождения (вхождения в чувственный мир) и исхождения (из него) души...

Порфирий

Примеч. Эти слова, по всей вероятности, относятся к (мистическим) свойствам подземного (Хтония), соответствуя представлениям о Царстве мертвых в современных ему мифах и искусстве. Видимо, аллегоризация мистических свойств души имела значение для неоплатоника Порфирия, однако Цицерон говорит (Дильс/Кранц 7A5), что Ферекид был первым, кто утверждал, что человеческая душа бессмертна.

5. Ему строят хоромы, многие и большие. Когда же они завершают их полностью, равно как и утварь, и слуг, и служанок, и все прочее, что необходимо, когда, значит, все готово, устраивают свадьбу. И когда наступает третий день свадьбы, тогда Зас творит покров, большой и красивый, и вышивает на нем Землю (Ге) и Огена, и чертоги Огена...

Фрагмент на папирусе, III в. до Р. Х.

Примеч. Климент Александрийский приписывает этот фрагмент Ферекиду. Опущенное здесь продолжение показывает, что отрывок касается брачной церемонии, а именно момента снятия покрывала (ἀνακαλύπτειν) с лица невесты. У Ферекида действие связано с древним обрядом Священного брака и следующим за ним актом творения.

6. Ферекид говорил, что, собираясь творить мир, Зевс превратился в Эрота: создав космос из противоположностей, он привел его к согласию и любви и посеял во всем тождественность и единение, пронизывающее универсум.

Прокл

Примеч. Генологическая мысль имеет здесь выраженный позднеплатонический характер, но по существу космология Ферекида, связанная с актом любви, перекликается с теогонией Гесиода, а там Эрот — прабог.

7. ...Имей в виду также поэзию Сиросца (т. е. Ферекида): и Заса с Хтонией, и Эрота (Любовь) между ними, и рождение Офионея, и битву богов, и древо, и покров.

Максим Тирский

Примеч. Борьба между богом света Зевсом (Зас) и богом тьмы Офионом (ὄφις, змея) является древнейшим как семитским, так и индоевропейским мотивом, который Ферекид развивает собственным, не известным нам способом. «Древо», в другом фрагменте (издание Кирк/Рэйвен, 56), — «крылатый дуб». Царственный великолепный дуб с его «крылатыми» ветвями в античной мифологии был священным деревом Зевса. По-видимому, для Ферекида он символизирует несущую опору земли — подобно скандинавскому Игграсилу и в отличие от него, чьи корни несут Землю, а ветви — Небо.

2. Из досократиков

Пифагор

О Пифагоре (ок. 570 — ок. 500 до Р. Х.) известно мало, и все известное недостоверно. Он происходил с острова Самос в Эгейском море (за Эфесом), но поселился в Кротоне, на южной оконечности Италии. Здесь он основал общину со строгими правилами общежития, в том числе — требованием безмолвия в течение года. Пифагор ничего не писал. Первым пифагорейцем, фрагменты философских сочинений которого сохранились, был Филолай, живший, по всей видимости, в эпоху Платона.

Ἐν δὲ τούτοις καὶ πρὸ τούτων οἱ καλούμενοι Πυθαγόρειοι τῶν μαθημάτων ἀσάμενοι πρῶτοι ταῦτά τε προήγαγον, καὶ ἐντραφέντες ἐν αὐτοῖς τὰς τούτων ἀρχὰς τῶν ὄντων ἀρχὰς ᾗθησαν εἶναι πάντων. ἐπεὶ δὲ τούτων οἱ ἀριθμοὶ φύσει πρῶτοι, ἐν δὲ τούτοις ἐδόκουν θεωρεῖν ὁμοιώματα πολλὰ τοῖς οὐσι καὶ γιγνομένοις, μᾶλλον ἢ ἐν πυρὶ καὶ γῇ καὶ ὕδατι, ὅτι τὸ μὲν τοιονδὶ τῶν ἀριθμῶν πάθος δικαιοσύνη τὸ δὲ τοιονδὶ ψυχῇ καὶ νοῦς ἕτερον δὲ καιρὸς καὶ τῶν ἄλλων ὥς εἰπεῖν ἕκαστον ὁμοίως, ἔτι δὲ τῶν ἀρμονιῶν ἐν ἀριθμοῖς ὁρῶντες τὰ πάθη καὶ τοὺς λόγους· ἐπεὶ δὴ τὰ μὲν ἄλλα τοῖς ἀριθμοῖς ἐφαίνετο τὴν φύσιν ἀφωμοιωθῆαι πᾶσαν, οἱ δ' ἀριθμοὶ πάσης τῆς φύσεως πρῶτοι, τὰ τῶν ἀριθμῶν στοιχεῖα τῶν ὄντων στοιχεῖα πάντων ὑπέλαβον εἶναι, καὶ τὸν ὅλον οὐρανὸν ἀρμονίαν εἶναι καὶ ἀριθμόν· καὶ ὅσα εἶχον ὁμολογούμενα ἔν τε τοῖς ἀριθμοῖς καὶ ταῖς ἀρμονίαις πρὸς τὰ τοῦ οὐρανοῦ πάθη καὶ μέρη καὶ πρὸς τὴν ὅλην διακόσμησιν, ταῦτα συνάγοντες ἐφήρμοττον. κἂν εἴ τί που διέλειπε προσεγλίχοντο, τοῦ συνειρομένην πᾶσαν αὐτοῖς εἶναι τὴν πραγματείαν· λέγω δ' οἶον, ἐπειδὴ τέλειον ἢ δεκάς εἶναι δοκεῖ καὶ πᾶσαν περιελιφέναι τὴν τῶν ἀριθμῶν φύσιν, καὶ τὰ φερόμενα κατὰ τὸν οὐρανὸν δέκα μὲν εἶναί φασιν, ὄντων δὲ ἐννέα μόνον τῶν φανερῶν διὰ τοῦτο δεκάτην τὴν ἀντίχθονα ποιοῦσιν.

Διῶρισται δὲ περὶ τούτων ἐν ἑτέροις ἡμῖν ἀκριβέστερον. ἀλλ' οὐ δὴ χάριν ἐπερχόμεθα, τοῦτό ἐστιν ὅπως λάβωμεν καὶ παρὰ τούτων τίνας εἶναι τιθέασι τὰς ἀρχὰς καὶ πῶς εἰς τὰς εἰρημένας ἐμπίπτουσιν αἰτίας. φαίνονται δὴ καὶ οὗτοι τὸν ἀριθμὸν νομίζοντες ἀρχὴν εἶναι καὶ ὥς ὕλην τοῖς οὐσι καὶ ὥς πάθη τε καὶ ἕξεις, τοῦ δὲ ἀριθμοῦ στοιχεῖα τό τε ἄρτιον καὶ τὸ περιττόν, τούτων δὲ τὸ μὲν πεπερασμένον τὸ δὲ ἄπειρον, τὸ δ'

1. Все есть число

(Из Аристотеля. *Метафизика*. 1, 5)

Здесь приводится сжатый реферат пифагорейского учения, представленного Аристотелем, которому самому оно было чуждо и непонятно. Отрывок взят из введения в «Метафизику», где Аристотель подвергает критическому разбору принципы учений своих предшественников (у Аристотеля отрывок почти сразу же продолжен представлением принципов учения Платона).

Одновременно с ними, и даже еще раньше, так называемые пифагорейцы занялись математикой и были первыми, кто развил эту науку. Будучи воспитанными на ней, они полагали ее начала началами всех вещей. А так как числа, по природе, есть первое из этих начал, то они полагали, что в них, а не в огне, земле и воде, можно обнаружить много подобий тому, что есть, и тому, что в процессе становления (полагая, что такое-то свойство чисел есть справедливость, такое-то — душа и ум, другое — удобный момент, и, можно сказать, определяя через них остальные вещи). Кроме того, усматривая в числах свойства и отношения гармоний (музыкальных интервалов), поскольку, как им казалось, все остальные вещи уподобляются числам по совокупности своих характерных свойств (природы), а числа первичны по отношению ко всей природе, они стали полагать, что элементы чисел суть элементы всех вещей и что вся Вселенная — гармония и число. Все то, что они обнаруживали в числах и гармониях соответствующим вращению и делению небесного свода и всему порядку Вселенной, они выводили (из своих посылок) и подгоняли. Если же где-то чего-то не хватало, они из всех сил старались найти выход, чтобы их теория была связной от начала до конца. Например, поскольку они видели в декаде совершенное число, заключающее в себе всю природу чисел, то полагали, что и движущихся по небу тел десять, но так как видимых — только девять, то они на этом основании постулировали десятое — Антиземлю.

Более обстоятельно мы разобрали этот вопрос в другом сочинении. Возвращаясь к этому сейчас, мы делаем это только для того, чтобы выяснить, что полагают эти философы началами (бытия) и каким образом они совпадают с указанными причинами (т. е. четырьмя причинами Аристотеля). Судя по всему, эти философы тоже считают

ἐν ἐξ ἀμφοτέρων εἶναι τούτων [καὶ γὰρ ἄρτιον εἶναι καὶ περιττόν], τὸν δ' ἀριθμὸν ἐκ τοῦ ἑνός, ἀριθμοὺς δέ, καθάπερ εἴρηται, τὸν ὅλον οὐρανόν. –

Ἄλλοι δὲ τῶν αὐτῶν τούτων τὰς ἀρχὰς δέκα λέγουσιν εἶναι τὰς κατὰ συστοιχίαν λεγομένας,

πέρας ἄπειρον
 περιττὸν ἄρτιον
 ἐν πλῆθος
 δεξιὸν ἀριστερόν
 ἄρρεν θῆλυ
 ἡρεμοῦν κινούμενον
 εὐθὺ καμπύλον
 φῶς σκότος
 ἀγαθὸν κακόν
 τετράγωνον ἑτερόμηκες.

Ὅνπερ τρόπον ἔοικε καὶ Ἀλκμαίων ὁ Κροτωνιάτης ὑπολαβεῖν, καὶ ἦτοι οὗτος παρ' ἐκείνων ἢ ἐκεῖνοι παρὰ τούτου παρέλαβον τὸν λόγον τούτον· καὶ γὰρ Ἀλκμαίων ἀπεφάνετο παραπλησίως τούτοις· φησὶ γὰρ εἶναι δύο τὰ πολλὰ τῶν ἀνθρωπίνων, λέγων τὰς ἐναντιότητας οὐχ ὥσπερ οὗτοι διωρισμένας ἀλλὰ τὰς τυχούσας, οἷον λευκὸν μέλαν, γλυκὺ πικρὸν, ἀγαθὸν κακόν, μέγα μικρόν. οὗτος μὲν οὖν ἀδιορίστως ἀπέρριψε περὶ τῶν λοιπῶν, οἱ δὲ Πυθαγόρειοι καὶ πόσαι καὶ τίνες αἱ ἐναντιώσεις ἀπεφάνετο.

Παρὰ μὲν οὖν τούτων ἀμφοῖν τοσοῦτον ἔστι λαβεῖν, ὅτι τάναντία ἀρχαὶ τῶν ὄντων· τὸ δ' ὅσαι παρὰ τῶν ἑτέρων, καὶ τίνες αὐταὶ εἰσιν. πῶς μέντοι πρὸς τὰς εἰρημένας αἰτίας ἐνδέχεται συνάγειν, σαφῶς μὲν οὐ διήρθρωται παρ' ἐκείνων, εἰκότα δ' ὥς ἐν ὕλης εἶδει τὰ στοιχεῖα τάττειν· ἐκ τούτων γὰρ ὥς ἐνυπαρχόντων συνεστάναι καὶ πεπλάσθαι φασὶ τὴν οὐσίαν.

число началом — и как материю вещей, и как переменные и постоянные свойства. Элементы числа, по их мнению, — четное и нечетное, причем одно из них ограничено, другое — безгранично. А «одно» состоит из обоих этих (элементов), поскольку оно и четно и нечетно; число же состоит из «одного». И все Небо (Вселенная) есть, как сказано, число.

Другие из числа этих же самых (философов-пифагорейцев) полагают, что есть десять начал, которые они располагают попарно:

граница и безграничное
нечет и чет
одно и многое
правое и левое
мужское и женское
покоящееся и движущееся
прямое и кривое
свет и тьма
добро и зло
квадрат и разносторонний прямоугольник.

Того же воззрения, судя по всему, держался и Алкмеон из Кротона, то ли у них переняв это учение, то ли они его переняли у него. Во всяком случае ясно, что его понимание было близким к их. А именно он говорит, что «большая часть человеческих вещей двоична», разумея при этом не строго определенные противоположности, как делали пифагорейцы, а главные и наиболее важные, как то: белое—черное, сладкое—горькое, добро—зло, большое—малое. Об остальных он лишь высказал предположения, не определив (их числа и состава), пифагорейцы же сказали и сколько противоположностей, и какие.

Стало быть, из обоих этих источников можно узнать лишь то, что противоположности — начала сущих вещей, но только один из них указывает, сколько этих противоположностей и каковы они. Каким образом они могут быть сопоставлены с ранее названными причинам, не указывается, но они дают возможность определять элементы как форму, присущую веществу. Ибо они говорят, что сущность возникает и образуется из них как из присущих ей составных частей.

Пер. А. В. Кубицкого

Λέγεται δὲ Πυθαγόρας πρῶτος φιλόσοφον ἑαυτὸν προσαγορεῦσαι, οὐ καινοῦ μόνον ὀνόματος ὑπάρξας, ἀλλὰ καὶ πρᾶγμα οἰκεῖον προεκιδιάσκων χρησίμως. εἰκέναι γὰρ ἔφη τὴν εἰς τὸν βίον τῶν ἀνθρώπων πάροδον τῷ ἐπὶ τὰς πανηγύρεις ἀπαντῶντι ὁμίλῳ. ὥς γὰρ ἐκεῖσε παντοδαποὶ φοιτῶντες ἄνθρωποι ἄλλος κατ' ἄλλου χρεῖαν ἀφικνεῖται (ὃ μὲν χρηματισμοῦ τε καὶ κέρδους χάριν ἀπεμπολῆσαι τὸν φόρτον ἐπειγόμενος, ὃ δὲ δόξης ἕνεκα ἐπιδειξόμενος ἥκει τὴν ῥώμην τοῦ σώματος· ἔστι δὲ καὶ τρίτον εἶδος καὶ τό γε ἐλευθεριώτατον, συναλιζόμενον τόπων θέας ἕνεκα καὶ δημιουργημάτων καλῶν καὶ ἀρετῆς ἔργων καὶ λόγων, ὧν αἱ ἐπιδείξεις εἰώθεσαν ἐν ταῖς πανηγύρεσι γίνεσθαι), οὕτως δὴ κἂν τῷ βίῳ παντοδαποὺς ἀνθρώπους ταῖς σπουδαῖς εἰς ταῦτ' ἀθροίζεσθαι· τοὺς μὲν γὰρ χρημάτων καὶ τρυφῆς αἰρεῖ πόθος, τοὺς δὲ ἀρχῆς καὶ ἡγεμονίας ἵμερος φιλονεικίαι τε δοξομανεῖς κατέχουσιν. εἰλικρινέστατον δὲ εἶναι τοῦτον ἀνθρώπου τρόπον, τὸν ἀποδεξάμενον τὴν καλλίστων θεωρίαν, ὃν καὶ προσονομάζειν φιλόσοφον.

2. Название «философия»

(Из Ямвлиха. О пифагорейской жизни. 58)

Очень спорным источником сведений о жизни и учении Пифагора является написанное 800 лет спустя сочинение неоплатоника Ямвлиха. Следующий отрывок взят оттуда:

Говорят, что Пифагор был первым, кто назвал себя философом, не только учредив новое название, но и дав необходимые объяснения, что это такое. А именно он утверждал, что характер человеческой жизни подобен людской толпе, устремляющейся на ярмарку. Ибо, подобно тому, как люди всех типов, которые поспешают туда, поступают так, как им свойственно (одни идут, чтобы продать свой товар и получить за него деньги и прибыль, другие — чтобы показать свою физическую силу и тем потешить свое тщеславие, но есть еще и третьи — самые свободные, те, что идут ради того, чтобы созерцать, чтобы повидать места и красивые вещи, а также оценить точность слов и поступков, которые обычно можно наблюдать на ярмарках), — так и в жизни собраны люди разных типов: одни гонятся за деньгами и роскошью, другие одержимы жаждой власти, стремлением к наживе или честолюбием, но самым чистым является такое поведение человека, которое свидетельствует о созерцании благороднейшего; и такой образ жизни можно назвать «философским».

Гераклит

Жил в Эфесе, на западном побережье Малой Азии, примерно в 520–450 гг. до Р. Х. Каждый греческий город имел тогда собственный интеллектуальный облик, что было свойственно и знаменитому портовому и торговому городу Эфесу. Здесь находился главный храм сестры Аполлона, богини охоты Артемиды, или Дианы (ср. крики «велика Артемида Ефесская»: *Деян. 19, 28–34*), и вполне естественно рассматривать образ мыслей Гераклита в свете именно этой духовной силы. Из источников поздней античности известно, что Гераклит оставил (единственное?) сочинение под названием «О природе», посвященное Артемиде.

Впрочем, об этом сочинении нам ничего не известно. Скорее всего, это был сборник афоризмов, γνῶμαι, сконцентрированный вокруг таких ключевых понятий как природа, или φύσις (от φύω, расти, произрастать), единство (ἕν) и все (πᾶν), огонь (πῦρ), жизнь и смерть, противоречие и гармония и — прежде всего — λόγος — слово. Самый большой вклад Гераклита в историю мысли заключается в том, что он раскрыл полноту идеи слова в человеческом отношении. Вероятно, можно говорить о своего рода «правой» и «левой» стороне его мысли и творчества. «Правая» сторона относится к слову,

Τοῦ δὲ λόγου τοῦδ' ἐόντος
 ἀεὶ ἀξύνετοι γίνονται ἄνθρωποι καὶ
 πρόσθεν ἢ ἀκοῦσαι καὶ ἀκούσαντες τὸ
 πρῶτον· γινομένων γὰρ πάντων κατὰ τὸν
 λόγον τόνδε ἀπείροισιν εἰκόασι, πει-
 ρώμενοι καὶ ἐπέων καὶ ἔργων τοιούτων,
 ὁκοίων ἐγὼ διηγέσμαι ἕκαστον
 κατὰ φύσιν διαιρέων καὶ φράζων ὅκως ἔχει.
 τοὺς δὲ ἄλλους ἀνθρώπους λανθάνει ὁκόσα
 ἐγερθέντες ποιοῦσιν, ὅκωσπερ ὁκόσα
 εὐδοντες ἐπιλανθάνονται.

Διὸ δεῖ ἔπεσθαι τῷ [ξυνῶι,
 τουτέστι τῶι] κοινῶι· ξυνὸς γὰρ
 ὁ κοινός. τοῦ λόγου δ' ἐόντος
 ξυνοῦ ζώουσιν οἱ πολλοὶ ὥς
 ἰδίαν ἔχοντες φρόνησιν.

логосу (ср. фрагмент 1), «левая» — к огню, πῦρ (ср. фрагмент 30). Современная параллель этому представлена, *mutatis mutandi*, в сочинении «Из опыта мышления» (*Aus der Erfahrung des Denkens*) наиболее близкого Гераклиту мыслителя нашего времени — немецкого философа Мартина Хайдеггера. «Понимать» Гераклита означает быть способным видеть «гармонию противоречий» между Словом и Огнем, которая, по его мнению, царит повсюду, где что-то всходит и произрастает, где что-то предстает как Природа.

Архаичная проза Гераклита носит абсолютизирующий характер. Слово и мысль предстают прямо и непосредственно, например, отсутствует соединительное слово «есть». Феномены объясняются не с помощью описаний и рассуждений, а высказываются прямо, сообщаются. Сообщающие слова, афоризмы не объясняют и не раскрывают суть вещей, а, скорее, придают им сокровенную полноту (см. выражение «подает знаки» во фрагменте об Аполлоне, 93). Собственные слова Гераклита несут в себе нечто от этой «скрывающей» функции, которую он во фрагменте 123 приписывает Природе.

Гераклит: фрагменты из сочинений

Logos — Слово

Эту вот Речь (Логос), сущую вечно, люди не понимают и прежде чем выслушать (ее), и выслушав однажды. Ибо, хотя все (люди) сталкиваются напрямую с этой вот Речью (Логосом), они, подобно незнающим (ее), даром что узнают на опыте (точно) такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя (их) так, как они есть. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому, как этого не помнят спящие.

Потому следуй за общим, ибо общее принадлежит всем. Но хотя Слово — общее для всех, большинство (людей) живет так, как если бы у них был особенный рассудок.

Здравый рассудок — у всех общий.

Для бодрствующих — один общий мир. А каждый спящий обращается к своему собственному.

Тот, кто намерен говорить с умом, должен крепко опираться на общее для всех, как граждане полиса на закон, и даже гораздо крепче. Ибо все человеческие законы зависят от одного, божественного: он простирает свою власть так далеко, как только пожелает, и всему довлеет и (все) превосходит.

Ξυνόν ἐστι πᾶσι τὸ φρονέειν.

Ὁ Ἡ. φησι τοῖς ἐγρηγο-
ρόσιν ἓνα καὶ κοινὸν κόσμον εἶ-
ναι, τῶν δὲ κοιμωμένων ἕκαστον
εἰς ἴδιον ἀποστρέφεσθαι.

Ξὺν νόμῳ λέγοντας ἰσχυρί-
ζεσθαι χρὴ τῷ ξυνῶι πάντων,
ὅκωσπερ νόμῳ πόλις, καὶ πολὺ
ἰσχυροτέρως. τρέφονται γὰρ πάν-
τες οἱ ἀνθρώπειοι νόμοι ὑπὸ ἐνός
τοῦ θείου· κρατεῖ γὰρ τοσοῦτον
ὁ κόσμος ἐθέλει καὶ ἐξαρκεῖ πᾶσι
καὶ περιγίνεται.

Ὡι μάλιστα διηνεκῶς ὁμι-
λοῦσι λόγῳ τῷ τὰ ὅλα διοικούν-
τι, τούτῳ διαφέρονται, καὶ οἷς
καθ' ἡμέραν ἐγκυροῦσι, ταῦτα
αὐτοῖς ξένα φαίνεται.

Οὐ γὰρ φρονέουσι τοιαῦτα
πολλοί, ὁκόσοι ἐγκυρεῦσιν, οὐδὲ
μαθόντες γινώσκουσιν, ἑωυτοῖσι
δὲ δοκέουσι.

Ἀπίστους εἶναι τινὰς ἐπι-
στύφων Ἡ. φησιν· ἀκοῦσαι οὐκ
ἐπιστάμενοι οὐδ' εἰπεῖν.

Ἀξύνετοι ἀκούσαντες κωφοῖ-
σιν εἰκόασιν· φάτις αὐτοῖσιν μαρτυρεῖ
παρόντας ἀπεῖναι.

Κύνες γὰρ καταβαύζουσιν
ὧν ἂν μὴ γινώσκωσι.

Οὐκ ἔμοῦ, ἀλλὰ τοῦ λόγου
ἀκούσαντας ὁμολογεῖν σοφὸν ἐστίν
ἐν πάντα εἶναι.

Что же касается того, с чем они в самом непрерывном общении (с логосом, управляющим всеми вещами), с тем они в разладе, и с чем сталкиваются ежедневно, то им кажется незнакомым.

Большинство (людей) не мыслят (воспринимают) вещи такими, какими встречают их (в опыте) и, узнав, не понимают, но воображают.

Неумеющие ни слушать, ни говорить.

Те, что слышали, но не поняли, глухим подобны: «присутствуя, отсутствуют», — говорит о них поговорка.

Собаки на того и лают, кого они не знают.

Выслушав не мою, но эту вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все, как одно.

Ἀθάνατοι θνητοί, θνητοί
 ἀθάνατοι, ζῶντες τὸν ἐκείνων
 θάνατον, τὸν δὲ ἐκείνων βίον
 τεθνεῶτες.

... τὸ ἀντίξουν συμφέρον
 καὶ ἐκ τῶν διαφερόντων καλλίσ-
 την ἁρμονίαν.

Ἄρμονιή ἀφανής
 φανερῆς κρείττων.

οὐ ξυνιᾷσιν ὅκως
 διαφερόμενον ἑωυτῷ ὁμολογέει·
 παλίντροπος ἁρμονίῃ ὅκωσπερ
 τόξου καὶ λύρης.

Τῷ οὖν τόξῳ ὄνομα βίος,
 ἔργον δὲ θάνατος.

Πόλεμος πάντων μὲν πατήρ
 ἐστι, πάντων δὲ βασιλεύς, ...

Ποταμοῖς τοῖς αὐτοῖς ἐμ-
 βαίνομέν τε καὶ οὐκ ἐμβαίνομεν,
 εἰμέν τε καὶ οὐκ εἶμεν

Ξυνὸν γὰρ ἀρχὴ καὶ πέρας
 ἐπὶ κύκλου περιφερείας.

Ὅδὸς ἄνω κάτω μία καὶ ὡυτή.

Ἐν τὸ σοφὸν μῶνον λέγεσθαι
 οὐκ ἐθέλει καὶ ἐθέλει Ζηνὸς ὄνομα.

... Τὰ δὲ πάντα οἰακίζει Κεραυνός, ...

Κόσμον τόνδε, τὸν αὐτὸν ἀπάν-
 των, οὔτε τις θεῶν οὔτε ἀνθρώπων
 ἐποίησεν, ἀλλ' ἦν αἰεὶ καὶ ἔστιν
 καὶ ἔσται πῦρ αἰείζων, ἀπτόμενον
 μέτρα καὶ ἀποσβευνόμενον μέτρα.

Гармония противоречий

Бессмертные смертны, смертные бессмертны, (одни) живут за счет смерти других, за счет жизни других умирают.

Соединяющая противоборствующее. Прекраснейшая гармония противоположного друг другу.

Тайная гармония лучше явной.

Они не понимают, как враждебное находится в согласии с собой: перевернутое соединение (гармония), как лук и лира.

Имя луку — жизнь, дело его — смерть.

Война — отец всех, царь всех.

На входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды.

Совместны у (окружности) круга начало и конец.

Путь вверх-вниз — один и тот же.

Одно — единственно Мудрое (Существо) называться не желает и желает именем Зевса.

Природа и Вселенная

Вселенной хозяйничает подобная молнии вспышка.

Этот мир — тот же самый для всех, будь то человек или бог.

Он был постоянно и будет вечно живущим огнем, что зажигается и гаснет по Слову.

Всех и вся, нагрянув внезапно, будет огонь судить и схватит.

Солнце новое ежедневно.

Πάντα γάρ τὸ πῦρ ἐπελθὸν
κρινεῖ καὶ καταλήψεται.

Ἦλιος γὰρ οὐχ ὑπερβήσεται
μέτρα· εἰ δὲ μή, Ἑρινύες μιν
Δίκης ἐπίκουροι ἐξευρήσουσιν.

Ὁ ἥλιος ...
νέος ἐφ' ἡμέρηι ἐστίν ...

Εἰ μὴ ἥλιος ἦν, ἔνεκα⁴) τῶν
ἄλλων ἄστρον εὐφρόνη ἂν ἦν.

Φύσις δὲ καθ' Ἡράκλειτον
κρύπτεσθαι φιλεῖ.

Ψυχῇσιν θάνατος ὕδωρ γενέ-
σθαι, ὕδατι δὲ θάνατος γῆν γενέ-
σθαι, ἐκ γῆς δὲ ὕδωρ γίνεται, ἐξ
ὕδατος δὲ ψυχή.

Ὅθεν καὶ Ἡράκλειτον ψυχῇσι
φάναι τέρψιν ἢ θάνατον ὑγρῇσι γενέσθαι.

Αὕτη ψυχὴ σοφωτάτη καὶ
ἀρίστη.

Ψυχῆς πείρατα ἰὼν οὐκ ἂν ἐξ-
εύροιο, πᾶσαν ἐπιπορευόμενος ὁδόν·
οὕτω βαθὺν λόγον ἔχει.

Ψυχῆς ἐστι λόγος ἑαυτὸν
αὔξων.

ἦθος ἀνθρώπῳ
δαίμων.

Τὸ φρονεῖν ἀρετὴ μεγίστη,
καὶ σοφίῃ ἀληθέα λέγειν καὶ ποι-
εῖν κατὰ φύσιν ἐπαΐοντας.

Солнце не преступит (положенных) мер, а не то его разыщут Эри-
нии, союзницы Правды.

Не будь солнца, мы бы не знали, что такое ночь.

Природа любит прятаться.

Душа и мораль

Душам смерть — воды рождение, воды смерть — земли рождение,
из земли вода рождается, а из воды — душа.

Смерть душам стать влажными.

Сухая душа — мудрейшая и наилучшая.

Границ души тебе не отыскать, по какому бы пути ты не пошел:
столь глубока ее мера.

Душа — дополнение к Слову, которое превыше самого себя.

Характер — божество человека.

Целомудрие — величайшая добродетель, а мудрость — говорить
истину и поступать, изнутри поняв законы природы.

Всем людям дано познать самих себя и быть целомудренными.

Я искал самого себя.

Не пытаться задавать все новые вопросы — не иметь цели!

Один для меня равен мириадам, если он наилучший.

Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифа-
гора, равно как и Ксенофана с Гекатеєм.

Пифагор — предводитель мошенников.

Ἀνθρώποισι πᾶσι μέτεστι
γινώσκειν ἑωυτοὺς καὶ φρονεῖν.

Ἐδιζησάμην ἑμεωυτόν.

Μὴ εἰκῇ περὶ τῶν μεγίστων
συμβαλλώμεθα.

Εἷς ἐμοὶ μύριοι, ἂν ἄριστος ᾦ.

Πολυμαθὴν νόον ἔχειν οὐ διδά-
σκει. Ἡσίοδον γὰρ ἂν ἐδίδαξε καὶ
Πωθαγόρην αὐτίς τε Ξενοφάνεά τε
καὶ Ἑκαταῖον.

Πυθαγόρης κοπίδων ἀρχηγός.

Αἰὼν παῖς ἐστὶ παίζων, πεττεύ-
ων. παιδὸς ἢ βασιληΐῃ.

— — Γενόμενοι ζῶειν ἐθέλουσι
μόρους τ' ἔχειν, μᾶλλον δὲ ἀνα-
παύεσθαι, καὶ παῖδας καταλεί-
πουσι μόρους γενέσθαι.

Ἄνθρωπος ἐν εὐφρόνῃ φάος
ἅπτεται ἑαυτῷ ἀποσβεσ-
θεῖς ὄψεις, ζῶν δὲ ἅπτεται τεθνε-
ῶτος εὐδων, ἐγρηγορῶς
ἅπτεται εὐδοντος.

— — Θάνατός ἐστιν ὁκόσα ἐγερθέν-
τες ὀρέομεν, ὁκόσα δὲ εὐδοντες
ὑπνος.

Ὁ ἀναξ οὐ τὸ μαντεῖόν ἐστι
τὸ ἐν Δελφοῖς, οὔτε λέγει οὔτε
κρύπτει ἀλλὰ σημαίνει.

Жизнь и смерть

Век — дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле!

Рожденные жить, они обречены на смерть (или упокоение), да еще оставляют детей, чтобы родилась (новая) смерть.

Человек — свет в ночи: вспыхивает утром, угаснув вечером. Он вспыхивает к жизни умерев, словно как вспыхивает к бодрствованию уснув.

Все, что мы видим наяву — смерть; все, что во сне, — сон; все, что по смерти — жизнь.

Аполлон

Владыка, чье прорицалище в Дельфах, и не говорит, и не утаивает, а подает знаки.

Пер. А. В. Лебедева

Парменид

Избранные отрывки

Предшественник Сократа, мыслитель Парменид из Элеи, творческий расцвет которого приходится на вторую половину VI — начало V в. до Р. Х., был руководителем и, по всей вероятности, основателем Элейской школы в Южной Италии (Зенон, Мелисс и др.). Сущность его философии составляло некое прозрение бытия, интуитивный подход. Он создал философскую дисциплину онтологию (гр. *ὄν, ὄντος* — сущее), а из мысли и отрицания «не» он основал логику (гр. *λόγος* — ход мысли). Он старался критически разделить истинные и ложные пути познания (ср. «метод», гр. *ὁδός* — путь), будучи сам первым методологом. В приводимых отрывках дано изложение трех основных принципов онтологии и логики: закона противоречия, или принципа контрадикции, принципа тождества бытия и мышления и закона об исключенном третьем, или *tertium non datur*.

Следуя этим трем принципам, Парменид отвергает реальность движения или изменения (*κίνησις*) (ср. апории его ученика Зенона). По мнению Парменида, наука об изменчивом чувственном мире (естественная наука) невозможна. Мир, каким его воспринимают наши чувства, — это нечто только кажущееся, только «представляемое» (*δόξα*), но в действительности не существующее (ср. с первой репликой Гамлета: *Seems, madam! nay, it is;*

— — Καί με θεὰ πρόφρων ὑπεδέξατο, χεῖρα δὲ χειρὶ
δεξιτερὴν ἔλεν, ὥδε δ' ἔπος φάτο καί με προσηύδα·
ὦ κοῦρ' ἀθανάτοισι συνάρορος ἡνιόχοισιν,
ἵπποις ταῖ σε φέρουσιν ἱκάνων ἡμέτερον δῶ,
χαῖρ', ἐπεὶ οὔτι σε μοῖρα κακὴ προὔπεμπε νέεσθαι
τήνδ' ὁδὸν [ἧ γὰρ ἀπ' ἀνθρώπων ἐκτὸς πάτου ἐστίν],
ἀλλὰ θέμις τε δίκη τε. χρεὼ δέ σε πάντα πυνθέσθαι
ἡμὲν Ἀληθείης εὐκυκλέος ἀτρεμεῖς ἦτορ
ἡδὲ βροτῶν δόξας, ταῖς οὐκ ἐν πίστις ἀληθής.
[ἀλλ' ἔμπηξ καὶ ταῦτα μαθήσεται, ὥς τὰ δοκοῦντα
χρῆν δοκιμῶς εἶναι διὰ παντὸς πάντα περῶντα].

Οὐ γὰρ μήποτε τοῦτο δαμῆι εἶναι μὴ ἔοντα·
ἀλλὰ σὺ τῆσδ' ἀφ' ὁδοῦ διζήσιος εἶργε νόημα·
μηδέ σ' ἔθος πολὺπειρον ὁδὸν κατὰ τήνδε βιάσθω,
νωμᾶν ἄσκοπον ὄμμα καὶ ἡχέσσαν ἀκουήν
καὶ γλῶσσαν, κρίναι δὲ λόγῳ πολὺδερην ἐλεγχον
ἐξ ἐμέθεν ῥηθέντα.

I now not «seems»). Элейскую философию часто рассматривают как полную противоположность Гераклитовой.

Парменид изложил свою философию в виде внушительного по размерам стихотворного эпоса «О природе», который является неким визионерским внушением, видением, но по внутреннему содержанию — строго аргументирован.

Неподготовленному читателю не стоит отчаиваться, если ему не сразу откроется смысл сочинений Парменида. Отрывки из Парменида представляют собой наиболее сложные тексты во всей западной философии вообще.

Отрывок начинается с описания путешествия из тьмы (мир чувств) к свету (чистое мышление). «Я» философа едет в повозке, запряженной лошадьми (ср. с уподоблением души конной упряжке в «Федре» Платона), управляемой «дочерьми Солнца», «дорогой демонов» мимо «неких поселений» к вратам, за которыми сокрыт дневной свет. Врата заперты богиней справедливости Дике «карающим, но и дающим прощенье ключом». Дочери Солнца переговариваются с Дике, та сбрасывает с ворот запор — и повозка сразу же въезжает в чистый мир света. Здесь «я» встречает (неназванная) богиня, в уста которой вложено все последующее.

И богиня меня приняла благосклонно; десницей

Взявши десницу, рекла ко мне так и молвила слово:

«Юноша, спутник бессмертных возниц! О ты, что на конях,

Вскачь несущих тебя, достигнул нашего дома,

Радуйся! Ибо тебя не злая Судьба проводила

Этой дорогой пойти — не хожено здесь человеком —

Но Закон вместе с Правдой. Теперь все должен узнать ты:

Как убедительной Истины непогрешимое сердце,

Так и мнения смертных, в которых нет верности точной.

Все же таки ты узнаешь и их: как надо о мнимом

Правдоподобно вещать, обсуждая все без изъятия.

Нет, никогда не вынудить это: «не-сущее сущее».

Но отврати свою мысль от сего пути изысканья,

Да не побудит тебя на него многоопытный навык

Оком бесцельным глазеть, и слушать ухом шумящим,

И языком ощущать. Рассуди многоспорящий довод

Разумом, мной приведенный.

Один только путь остается,

«Есть» гласящий; на нем — примет очень много различных,

Что нерожденным должно оно быть и негибнущим также,

Μοῦνος δ' ἔτι μῦθος ὁδοῖο λείπεται
 ὥς ἔστιν· ταύτη δ' ἐπὶ σήματ' ἔασι
 πολλὰ μάλ', ὥς ἀγένητον ἔδον καὶ ἀνώλεθρόν ἔστιν
 οὔλον μουνογενές τε καὶ ἀτρεμές ἡδ' ἀτέλεστον·
 οὔδ' ποτ' ἦν οὐδ' ἔσται, ἐπεὶ νῦν ἔστιν ὁμοῦ πᾶν,
 ἔν, συνεχές· τίνα γὰρ γένναν διζήσεαι αὐτοῦ;
 πῆι πόθεν αὐξήθην; — — — οὐτ' ἐκ μὴ ἐόντος ἑάσω
 φάσθαι σ' οὔδ' νοεῖν· οὐ γὰρ φατὸν οὔδε νοητόν
 ἔστιν ὅπως οὐκ ἔστι. τί δ' ἂν μιν καὶ χρέος ὥρσεν
 ὕστερον ἢ πρόσθεν, τοῦ μηδενὸς ἀρξάμενον, φῶν;
 οὕτως ἢ πάμπαν πελέναι χρεῶν ἔστιν ἢ οὐχί.

— — —

Οὐδὲ διαιρετόν ἔστιν, ἐπεὶ πᾶν ἔστιν ὁμοῖον·
 οὔδ' ἐτι τῇ μᾶλλον, τό κεν εἶργοι μιν συνέχεσθαι,
 οὔδ' ἐτι χειρότερον, πᾶν δ' ἐμπλεόν ἔστιν ἐόντος.
 τῷ ξυνεχὲς πᾶν ἔστιν· ἐδὸν γὰρ ἐόντι πελάζει.
 αὐτὰρ ἀκίνητον μεγάλων ἐν πείρασι δεσμῶν
 ἔστιν ἀναρχον ἄπαυστον, ἐπεὶ γένεσις καὶ ὄλεθρος
 τῆλε μάλ' ἐπλάχθησαν, ἀπῶσε δὲ πίστις ἀληθείης.
 ταῦτόν τ' ἐν ταῦτῳ τε μένον καθ' ἑαυτὸ τε κεῖται
 χοῦτως ἐμπεδον αὐθι μένει· κρατερὴ γὰρ Ἀνάγκη
 πείρατος ἐν δεσμοῖσιν ἔχει, τό μιν ἀμφὶς ἐέργει.
 οὐνεκεν οὐκ ἀτελεύτητον τὸ ἐδὸν θέμις εἶναι·
 ἔστι γὰρ οὐκ ἐπιδευές· [μὴ] ἐδὸν δ' ἂν παντὸς ἐδεῖτο.
 ταῦτόν δ' ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὐνεκὲν ἔστι νόημα.
 οὐ γὰρ ἄνευ τοῦ ἐόντος, ἐν ᾧ πεφασισμένον ἔστιν,
 εὐρήσεις τὸ νοεῖν. — — —

Εἰ δ' ἄγ' ἐγὼν ἐρέω, κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας,
 αἵπερ ὁδοὶ μοῦναι διζήσιός εἰσι νοῆσαι·
 ἢ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὥς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι,
 Πειθοὺς ἔστι κέλευθος — Ἀληθείῃ γὰρ ὀπηδεῖ —,
 ἢ δ' ὥς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὥς χρεῶν ἔστι μὴ εἶναι,
 τὴν δὴ τοι φράζω παναπευθέα ἔμμεν ἀταρπόν·
 οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐδὸν — οὐ γὰρ ἀνυστόν —
 οὔτε φράσαις. — — —

... Τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἔστιν τε καὶ εἶναι.

Целым, однородным, бездорожным и совершенным.
И не «было» оно, и не «будет», раз ныне все сразу
«Есть», одно, сплошное. Не сыщешь ему ты рожденья.
Как, откуда взросло? Из не-сущего? Так не позволю
Я ни сказать, ни помыслить: немыслимо, невыразимо
Есть, что не есть. Да и что за нужда бы его побудила
Позже скорее, чем раньше, начав с ничего, появляться?
Так что иль быть всегда, иль не быть никогда ему должно.
...И неделимо оно, коль скоро всецело подобно:
Тут вот — не больше его ничуть, а там вот — не меньше,
Что исключило бы сплошность, но все наполнено сущим.
Все непрерывно тем самым: сомкнулось сущее с сущим.
Но в границах великих оков оно неподвижно,
Безначально и непрерывно: рождение и гибель
Прочь отброшены — их отразил безошибочный довод.
То же, на месте одном, покоясь в себе, пребывает
И пребудет так постоянно: мощно Ананке
Держит в оковах границ, что вокруг его запирают,
Ибо нельзя бытию незаконченным быть и не должно:
Нет нужды у него, а будь, во всем бы нуждалось.
То же самое — мысль и то, о чем мысль возникает,
Ибо без бытия, о котором ее изрекают,
Мысли тебе не найти.

Ныне скажу я, а ты восприми мое слово, услышав,
Что за пути изысканья единственно мыслить возможно.
Первый гласит, что «есть» и «не быть никак невозможно»:
Это — путь Убежденья (которое Истине спутник).
Путь второй — что «не есть» и «не быть должно неизбежно»:
Эта тропа, говорю я тебе, совершенно безвестна,
Ибо то, чего нет, нельзя ни познать (не удастся),
Ни изъяснить...

... Ибо мыслить — то же, что быть.

Мне безразлично, откуда начать, ибо снова туда же
Я вернусь...

Можно лишь то говорить и мыслить, что есть; бытие ведь
Есть, а ничто не есть: прошу тебя это обдумать.
Прежде тебя от сего отвращаю пути изысканья,
А затем от того, где люди, лишённые знания,
Бродят о двух головах. Беспомощность жалкая правит
В их груди заплутавшим умом, а они в изумленьи
Мечутся, глухи и слепы, невнятные толпы,
Коими «быть» и «не быть» одним признаются и тем же
И не тем же, но все идет на попятную тотчас.

Λεῦσσε δ' ὅμως ἀπεόντα νόωι παρεόντα βεβαίως·
οὐ γὰρ ἀποτμήξει τὸ ἐδὼν τοῦ ἐόντος ἔχεσται
οὔτε σκιδνάμενον πάντῃ πάντως κατὰ κόσμον
οὔτε συνιστάμενον.

Ξυνὸν δέ μοι ἐστίν, ὁππόθεν ἄρξωμαι·
τόθι γὰρ πάλιν ἵξομαι αὐθις.

Χρὴ τὸ λέγειν τε νοεῖν τ' ἐδὼν ἔμμεναι· ἔστι γὰρ εἶναι,
μηδὲν δ' οὐκ ἔστιν· τὰ σ' ἐγὼ φράζεσθαι ἄνωγα.
πρώτης γὰρ σ' ἀφ' ὁδοῦ ταύτης διζήσιος [εἵργω],
αὐτὰρ ἔπειτ' ἀπὸ τῆς, ἣν δὴ βροτοὶ εἰδότες οὐδὲν
πλάττονται, δίκρανοι· ἀμηχανίη γὰρ ἐν αὐτῶν
στήθεσιν ἰθύνει πλακτὸν νόον· οἱ δὲ φοροῦνται
κωφοὶ ὁμῶς τυφλοὶ τε, τεθιπότες, ἄκριτα φύλα,
οἷς τὸ πέλειν τε καὶ οὐκ εἶναι ταῦτόν νενόμισται
κοῦ ταῦτόν, πάντων δὲ παλίντροπός ἐστι κέλευθος.

— — —

Ἐν τῷ σοι παύω πιστὸν λόγον ἠδὲ νόημα
ἀμφὶς ἀληθείης· δόξας δ' ἀπὸ τοῦδε βροτείας
μάνθανε κόσμον ἐμῶν ἐπέων ἀπατηλὸν ἀκούων.

... Здесь достоверное слово и мысль мою завершаю
Я об Истине: мненья смертных отныне учи ты,
Лживому строю стихов моих нарядных внимая.

Пер. А. В. Лебедева

В завершение следует довольно отрывочное описание чувственного космоса. Описание не претендует на то, чтобы быть оригинальным и захватывающим, за исключением вводного утверждения диалектичности (двойственности), совершенно необходимой для философии. Диалектичность описана следующим образом: свет — тьма, день — ночь, тепло — холод и включает в себя все распространенные пары противоположностей досократовской философии.

КЛАССИЧЕСКИЕ АФИНЫ

3. Сократ

Философия пришла в Афины, географический и культурный центр Эллады, с софистами. Если до них там совсем не было философии, то после — вся значительная философия только там. Афины стали «школой Эллады» (Перикл). Софисты были первыми «интеллектуалами». Они открыли, освободили и применили формальный разум, способствуя гуманизации общества и росту терпимости в нем. Протагор принес туда наследие Востока в виде интеллектуального релятивизма, Горгий — наследие Запада в виде гипотетического нигилизма. Человек стал «мерой всех вещей» (Протагор), и слово и риторика стали самым важным для человека. Рост демократии, немислимый без участия софистов, был основан на искусстве владения словом как силой.

В этом интеллектуальном многообразии Сократ представлял собой Единицу. Весь образ жизни Сократа был пронизан иронией, т. е. двойственным, «косым» взглядом на существующее, и, как сказал Серен Кьеркегор, «нет нужды думать о софисте как о чем-то отдельном. Вот ироничный человек всегда — Единица, ибо если софисты подпадают под понятия “искусство”, “род” и т. д., то ироничные люди только под понятие “личность”». Сократова мысль, в свою очередь, по сути своей связана с сократовским способом бытия и, следовательно, с личностью Сократа. Наилучшим образом она проявилась в трех скомпонованных Платоном разговорах (диалогах) с Сократом и о Сократе. В соответствии с этим приводятся тексты из раннего Платонова диалога «Хармид», диалога о последних часах Сократа и его смерти, «Федон», и пересказанной Платоном «Апологией Сократа». Здесь перед нами раскрывается как образ Сократа-философа, так и его идеалистическая позиция, его нравственный пафос и его гражданское мужество, т. е. все те черты его личности, которые имеют решающее значение для его истинных учеников.

Следом за Сократом идет Платон, а за Платоном — Аристотель и целый ряд других философов (кинники, киренаики). Так был заложен фундамент философской традиции эллинизма и поздней античности.

Познай самого себя (Из Платона. «Хармид». 163e–167b)

Юношеские «сократовские» диалоги Платона дают живое представление о Сократе и окружавшей его интеллектуальной среде. В сочинении «Хармид» он предоставляет Сократу анализировать идею σωφροσύνη, эллинского представления о чувстве меры, в разговоре с молодым Хармидом, который страдает от головной боли. Судя по разговору, конечное намерение Сократа — помочь молодому человеку избавиться от головной боли, а это станет возможным, если у него пробудится соответствующее собственное σωφροσύνη. Как всегда в диалогах Платона, анализ проходит через несколь-

Οὐκ ἄρα σωφρονεῖ ὁ τὰ κακὰ πράττων, ἀλλ' ὁ τὰγαθὰ; Σοὶ δέ, ἦ δ' ὅς, ὦ βέλτιστε, οὐχ οὕτω δοκεῖ; Ἔα, ἦν δ' ἐγώ· μὴ γάρ πω τὸ ἐμοὶ δοκοῦν σκοπῶμεν, ἀλλ' ὃ σὺ λέγεις νῦν.

Ἀλλὰ μέντοι ἔγωγε, ἔφη, τὸν μὴ ἀγαθὰ ἀλλὰ κακὰ ποιοῦντα οὐ φημι σωφρονεῖν, τὸν δὲ ἀγαθὰ ἀλλὰ μὴ κακὰ σωφρονεῖν· τὴν γὰρ τῶν ἀγαθῶν πρᾶξιν σωφροσύνην εἶναι σαφῶς σοι διορίζομαι.

Καὶ οὐδέν γε ἴσως κωλύει ἀληθῆ λέγειν· τόδε γε μέντοι, ἦν δ' ἐγώ, θαυμάζω, εἰ σωφρονοῦντας ἀνθρώπους ἡγῆ σὺ ἀγνοεῖν ὅτι σωφρονοῦσιν.

Ἀλλ' οὐχ ἡγοῦμαι, ἔφη.

Οὐκ ὀλίγον πρότερον, ἔφην ἐγώ, ἐλέγετο ὑπὸ σοῦ ὅτι τοὺς δημιουργοὺς οὐδέν κωλύει καὶ αὐτὰ τῶν ἄλλων ποιοῦντας σωφρονεῖν;

Ἐλέγετο γάρ, ἔφη· ἀλλὰ τί τοῦτο; Οὐδέν· ἀλλὰ λέγε εἰ δοκεῖ τίς σοι ἰατρός, ὅγιᾶ

τινα ποιῶν, ὠφέλιμα καὶ ἑαυτῷ ποιεῖν καὶ ἐκείνῳ ὃν ἰῶτο;

Ἔμοιγε.

Οὐκοῦν τὰ δέοντα πράττει ὃ γε ταῦτα πράττων;

Ναί.

Ὁ τὰ δέοντα πράττων οὐ σωφρονεῖ;

Σωφρονεῖ μὲν οὖν.

Ἦ οὖν καὶ γιγνώσκειν ἀνάγκη τῷ ἰατρῷ ὅταν τε ὠφελίμως ἰᾶται καὶ ὅταν μὴ; καὶ ἐκάστῳ τῶν δημιουργῶν ὅταν τε μέλλῃ ὀνήσεσθαι ἀπὸ τοῦ ἔργου οὐ ἂν πράττῃ καὶ ὅταν μὴ;

Ἰσως οὔ.

ко стадий, каждая из которых по-своему способствует развитию исследуемого комплекса проблем, постепенно проявляя взгляд на него. Сначала исследуется *σωφροσύνη*, отделенная от робости и чувства стыда. Затем — от смирения и «мудрой кротости» (отрешенности). Таким образом, остается главное: самообуздание, самосознание, самопознание. В приведенном ниже отрывке мы встречаем софиста Крития, который связывает *σωφροσύνη* со словами Аполлона *γνῶθι σεαυτόν*: познай самого себя.

— Значит, тот, кто совершает дурные дела, не рассудителен, и рассудителен лишь тот, кто вершит хорошие?

— А тебе, достойнейший мой, — возразил он, — разве не так это представляется?

— Оставь это, — сказал я. — Ведь мы рассматриваем сейчас не мои представления, но твои нынешние высказывания.

— Я утверждаю, — сказал он, — что тот, кто вершит не достойные, но дурные дела, не рассудителен; рассудителен же тот, кто вершит хорошие дела, а не плохие. Я ясно условился с тобой, что рассудительность — это свершение хороших дел.

— Вполне возможно, что ты и прав. Удивляет меня, — продолжал я, — лишь следующее: что же, ты считаешь, будто рассудительные люди не ведают того, что они рассудительны?

— Нет, я этого не считаю, — возразил он.

— Но разве ты не сказал совсем недавно, — продолжал я, — будто ничто не мешает мастерам, делающим что-то для других, быть все же рассудительными?

— Да, — отвечал он, — я это говорил; ну и что же?

— Ничего. Но скажи, не думаешь ли ты, что врач, делая кого-то здоровым, приносит пользу и себе, и тому, кого он излечивает?

— Да, я так думаю.

— Значит, тот, кто совершает подобное дело, занимается тем, чем должно?

— Да.

— А тот, кто занимается тем, что должно, разве не рассудителен?

— Конечно, рассудителен.

— И разумеется, врачу необходимо знать, когда он лечит с пользой, а когда — нет? И ведь точно так же любому мастеру надо знать, будет ли польза от дела, которым он занимается, или же нет?

Ἐνίστε ἄρα, ἦν δ' ἐγώ, ὠφελίμως πράξας ἢ βλαβερῶς ὁ ἱατρὸς οὐ γινώσκει ἑαυτὸν ὡς ἔπραξεν· καίτοι ὠφελίμως πράξας, ὡς ὁ σὸς λόγος, σωφρόνως ἔπραξεν. ἢ οὐχ οὕτως ἔλεγες;

Ἔγωγε.

Οὐκοῦν, ὡς ἔοικεν, ἐνίστε ὠφελίμως πράξας πράττει μὲν σωφρόνως καὶ σωφρονεῖ, ἄγνοεῖ δ' ἑαυτὸν ὅτι σωφρονεῖ;

Ἄλλὰ τοῦτο μὲν, ἔφη, ὦ Σώκρατες, οὐκ ἂν ποτε γένοιτο, ἀλλ' εἴ τι σὺ οἶε ἐκ τῶν ἔμπροσθεν ὑπ' ἐμοῦ ὠμολογημένων εἰς τοῦτο ἀναγκαῖον εἶναι συμβαίνειν, ἐκείνων ἂν τι ἔγωγε μᾶλλον ἀναθείμην, καὶ οὐκ ἂν αἰσχυρθεῖην μὴ οὐχὶ ὀρθῶς φάναι εἰρηκέναι, μᾶλλον ἢ ποτε συγχωρήσαιμ' ἂν ἀγνοοῦντα αὐτὸν ἑαυτὸν ἀνθρώπον σωφρονεῖν. σχεδὸν γάρ τι ἔγωγε αὐτὸ τοῦτό φημι εἶναι σωφροσύνην, τὸ γινώσκειν ἑαυτόν, καὶ συμφέρομαι τῷ ἐν Δελφοῖς ἀναθέντι τὸ τοιοῦτον γράμμα. καὶ γὰρ τοῦτο οὕτω μοι δοκεῖ τὸ γράμμα ἀνακεῖσθαι, ὡς δὴ πρόσρησις οὔσα τοῦ θεοῦ τῶν εἰσιόντων ἀντὶ τοῦ Χαίρε, ὡς τούτου μὲν οὐκ ὀρθοῦ ὄντος τοῦ προσρήματος, τοῦ χαίρειν, οὐδὲ δεῖν τοῦτο παρακελεύεσθαι ἀλλήλοις ἀλλὰ σωφρονεῖν. οὕτω μὲν δὴ ὁ θεὸς προσαγορεύει τοὺς εἰσιόντας εἰς τὸ ἱερὸν διαφέρον τι ἢ οἱ ἄνθρωποι, ὡς διανοούμενος ἀνέθηκεν ὁ ἀναθείς, ὡς μοι δοκεῖ· καὶ λέγει πρὸς τὸν αἰεὶ εἰσιόντα οὐκ ἄλλο τι ἢ Σωφρόνει, φησὶν. αἰνιγματωδέστερον δὲ δὴ, ὡς μάντις, λέγει· τὸ γὰρ Γνωθὶ σαυτόν καὶ τὸ Σωφρόνει ἔστιν μὲν ταυτόν, ὡς τὰ γράμματα φησιν καὶ ἐγώ, τάχα δ' ἂν τις οἴηθεῖν ἄλλο εἶναι, ὃ δὴ μοι δοκοῦσιν

παθεῖν καὶ οἱ τὰ ὕστερον γράμματα ἀναθέντες, τό τε Μηδὲν ἄγαν καὶ τὸ Ἐγγύη πάρα δ' ἄτη. καὶ γὰρ οὗτοι συμβουλήν ᾤθησαν εἶναι τὸ Γνωθὶ σαυτόν, ἀλλ' οὐ τῶν εἰσιόντων [ἔνεκεν] ὑπὸ τοῦ θεοῦ πρόσρησιν· εἰθ' ἵνα δὴ καὶ σφεῖς μηδὲν ἤττον συμβουλὰς χρησίμους ἀναθεῖεν, ταῦτα γράψαντες ἀνέθεσαν.

Οὐ δὴ οὖν ἔνεκα λέγω, ὦ Σώκρατες, ταῦτα πάντα, τόδ' ἐστίν· τὰ μὲν ἔμπροσθέν σοι πάντα ἀφήμι – ἴσως μὲν γάρ τι σὺ ἔλεγες περὶ αὐτῶν ὀρθότερον, ἴσως δ' ἐγώ, σαφὲς δ' οὐδὲν πάνυ ἦν ὧν ἐλέγομεν – νῦν δ' ἐθέλω τούτου σοι διδόναι λόγον, εἰ μὴ ὁμολογεῖς σωφροσύνην εἶναι τὸ γινώσκειν αὐτὸν ἑαυτόν.

Ἄλλ', ἦν δ' ἐγώ, ὦ Κριτία, σὺ μὲν ὡς φάσκοντος ἐμοῦ εἶδέναι περὶ ὧν ἐρωτῶ προσφέρῃ πρὸς με, καὶ ἔαν δὴ βούλωμαι, ὁμολογήσοντός σοι· τὸ δ' οὐχ οὕτως ἔχει, ἀλλὰ ζητῶ γὰρ μετὰ σοῦ αἰεὶ τὸ προτιθέμενον διὰ τὸ

— Быть может, и не надо.

— Значит, иногда, — сказал я, — врач сам не сознает, принес ли он пользу или причинил вред, когда что-либо сделал? Хотя, когда он приносит пользу, он, по твоим словам, поступает рассудительно? Или ты не так сказал?

— Именно так.

— Следовательно, получается, что иногда, принося пользу, он поступает рассудительно и бывает рассудительным человеком, хотя и не осознает себя таковым.

— Но этого, Сократ, — возразил он, — не может быть. И если ты считаешь, что из моих прежних утверждений необходимо следует такой вывод, то я скорее от них отступлюсь и не стану стыдиться признания, что я был тогда не прав, чем соглашусь с тем, что рассудительный человек может не осознавать себя таковым. Мое утверждение состоит примерно в том, что рассудительность — это самопознание, и я вполне согласен с человеком, сделавшим подобную надпись в Дельфах. Мне кажется, что она была сделана с той целью, чтобы служить приветствием бога, обращенным к входящим, вместо слова «здравствуй!» Сделавший ее, видно, считал обращение «здравствуй!» неправильным и советовал вместо того желать друг другу быть рассудительными. Таким образом, бог приветствует входящих в святилище иначе, чем люди, — вот в чем заключался, на мой взгляд, замысел того, кто сделал надпись. И потому говорят, что всякому посетителю бог возвещает только одно: «Будь рассудителен!» Правда, в качестве прорицателя он выражается немного загадочно, ведь «Познай самого себя!» и «Будь рассудителен!» — это одно и то же, как следует из буквального значения этих слов и как считаю я сам. Быть может, кто-нибудь и сочтет, что дело обстоит иначе, как, я думаю, произошло и с теми, кто сочинил более поздние надписи: «Ничего сверх меры!» и «Не зарекайся — быть беде!» Они полагали, что изречение «Познай самого себя!» — это совет, а не приветствие, обращенное богом к входящим; поэтому, стремясь приписать богу не менее полезные советы, они и начертали эти надписи. А говорю я это, Сократ, вот ради чего: все, что было сказано раньше, я отдаю на твое усмотрение; быть может, ты сказал об этом нечто более правильное, быть может, и я, но нами не было сказано ничего достаточно ясного. Теперь же я желаю предоставить слово тебе, если ты не согласен, что рассудительность — это самопознание.

— Но, мой Критий, — возразил я, — ты так нападаешь на меня, как будто я уже знаю то, о чем я тебя спрашиваю, и соглашаюсь с тобой, когда мне вздумается. Однако все обстоит иначе: я, наоборот, все время стремлюсь вместе с тобою выяснить поставленный мною вопрос, потому что сам я не знаю ответа. А сказать, согласен ли я

μή αὐτὸς εἰδέναι. σκεψάμενος οὖν ἐθέλω εἰπεῖν εἴτε ὁμολογῶ εἴτε μή.
ἀλλ' ἐπίσχες ἕως ἄν σκέψωμαι.

Σκόπει δὴ, ἢ δ' ὅς.

Καὶ γάρ, ἦν δ' ἐγώ, σκοπῶ. εἰ γάρ δὴ γινώσκειν γέ τί ἐστιν ἡ σωφροσύνη, δῆλον ὅτι ἐπιστήμη τις ἂν εἴη καὶ τίνος· ἢ οὐ;

Ἔστιν, ἔφη, ἑαυτοῦ γε.

Οὐκοῦν καὶ ἱατρικὴ, ἔφην, ἐπιστήμη ἐστὶν τοῦ ὑγιεινοῦ;

Πάνυ γε.

Εἰ τοίνυν με, ἔφην, ἔροιο σύ· “Ἱατρικὴ ὑγιεινοῦ ἐπιστήμη οὐσα τί ἡμῖν χρησίμη ἐστὶν καὶ τί ἀπεργάζεται, ” εἵποιμ' ἂν ὅτι οὐ σμικρὰν ὠφελίαν· τὴν γὰρ ὑγίειαν καλὸν ἡμῖν ἔργον ἀπεργάζεται, εἰ ἀποδέχηι τοῦτο.

Ἀποδέχομαι.

Καὶ εἰ τοίνυν με ἔροιο τὴν οἰκοδομικὴν, ἐπιστήμην οὐσαν τοῦ οἰκοδομεῖν, τί φημι ἔργον ἀπεργάζεσθαι, εἵποιμ' ἂν ὅτι οἰκῆσεις· ὡσαύτως δὲ καὶ τῶν ἄλλων τεχνῶν. χρὴ οὖν καὶ σὲ ὑπὲρ τῆς σωφροσύνης, ἐπειδὴ φῆς αὐτὴν ἑαυτοῦ ἐπιστήμην, εἶναι, ἔχειν εἰπεῖν ἐρωτηθέντα, “Ὡ Κριτία, σωφροσύνη, ἐπιστήμη οὐσα ἑαυτοῦ, τί καλὸν ἡμῖν ἔργον ἀπεργάζεται καὶ ἄξιον τοῦ ὀνόματος;” ἴθι οὖν, εἰπέ.

Ἄλλ', ὦ Σώκρατες, ἔφη, οὐκ ὀρθῶς ζητεῖς. οὐ γὰρ ὁμοία αὕτη πέφυκεν ταῖς ἄλλαις ἐπιστήμαις, οὐδέ γε αἱ ἄλλαι ἀλλήλαις· σὺ δ' ὥς ὁμοίων οὐσῶν ποιῇ τὴν ζήτησιν. ἐπεὶ λέγε μοι, ἔφη, τῆς λογιστικῆς τέχνης ἢ τῆς γεωμετρικῆς τί ἐστὶν τοιοῦτον ἔργον οἷον οἰκία οἰκοδομικῆς ἢ ἱμάτιον ὑφαντικῆς ἢ ἄλλα τοιαῦτ' ἔργα, ἃ πολλὰ ἂν τις ἔχοι πολλῶν τεχνῶν δεῖξαι; ἔχεις οὖν μοι καὶ σὺ τούτων τοιοῦτόν τι ἔργον δεῖξαι; ἀλλ' οὐχ ἔξεις.

Καὶ ἐγώ εἶπον ὅτι Ἀληθῆ λέγεις· ἀλλὰ τόδε σοι ἔχω δεῖξαι, τίνος ἐστὶν ἐπιστήμη ἐκάστη τούτων τῶν ἐπιστημῶν, ὃ τυγχάνει ὄν ἄλλο αὐτῆς τῆς ἐπιστήμης. οἷον ἡ λογιστικὴ ἐστὶν που τοῦ ἀρτίου καὶ τοῦ περιττοῦ, πλήθους ὅπως ἔχει πρὸς αὐτὰ καὶ πρὸς ἄλληλα· ἢ γάρ;

Πάνυ γε, ἔφη.

Οὐκοῦν ἐτέρου ὄντος τοῦ περιττοῦ καὶ ἀρτίου αὐτῆς τῆς λογιστικῆς;

Πῶς δ' οὐ;

Καὶ μὴν αὖ ἡ στατικὴ τοῦ βαρυτέρου τε καὶ κουφοτέρου σταθμοῦ ἐστὶν στατικὴ· ἕτερον δὲ ἐστὶν τὸ βαρὺ τε καὶ κοῦφον τῆς στατικῆς αὐτῆς. συγχωρεῖς;

с тобой или нет, я хочу после того, как мы с тобой этот вопрос выясним. Потерпи же, пока мы его рассмотрим.

— Так рассматривай же, — сказал он.

— Вот я и рассматриваю, — отвечал я. — Ведь если рассудительность есть умение что-либо познавать, ясно, что она представляет собою знание некой вещи. Или ты не согласен?

— Да, — отвечал он, — это знание самого себя.

— Значит, и врачебное искусство есть знание того, что дает здоровье?

— Несомненно.

— Итак, если ты спросишь меня: «Для чего нам пригодно врачебное искусство, коль скоро оно — наука о здоровье, и что оно совершает?» — я могу ответить, что оно приносит немалую пользу. Ведь оно доставляет нам здоровье — прекрасную вещь, если только ты это допускаешь.

— Да, допускаю.

— А если ты меня спросишь о строительстве — какое, согласно моему мнению, оно вершит дело, будучи знанием того, как строить, — я отвечу, что оно строит дома; и точно так же я отвечу по поводу других искусств. Поэтому, Критий, тебе следует, коль скоро ты утверждаешь, что рассудительность — это знание самого себя, уметь ответить на вопрос: будучи наукой о себе, что доставляет нам рассудительность прекрасного и достойного упоминания? Ну, отвечай же.

— Но, Сократ, — возразил он, — ты неверно ведешь исследование. Ведь рассудительность не подобна другим знаниям, да и все остальные знания не подобны друг другу. Ты же исследуешь их так, как если бы они были друг другу подобны. Поэтому скажи мне, — продолжал он, — разве у счетного искусства или у геометрии есть произведения, подобные жилищу, создаваемому искусством строительства, или плащу — творению ткацкого искусства, или многим другим таким творениям, кои можно указать для многих искусств? Можешь ли ты мне указать на подобные произведения первых двух названных мною искусств? Нет, ты не сможешь этого сделать!

А я отвечал:

— Ты прав. Но я могу тебе указать, к чему отличному от науки самой по себе относится каждая из этих наук. Например, счетное искусство имеет дело с четными и нечетными числами и с вопросом о том, каково их количество само по себе и по отношению друг к другу. Не так ли?

— Безусловно, так, — отвечал он.

— Но разве при этом чет и нечет не являются чем-то отличным от самого искусства счета?

— Как же иначе?

Ἐγωγε.

Λέγε δὴ, καὶ ἡ σωφροσύνη τίνας ἐστὶν ἐπιστήμη, ὃ τυγχάνει ἕτερον ὃν αὐτῆς τῆς σωφροσύνης;

Τοῦτό ἐστιν ἐκεῖνο, ἔφη, ὦ Σώκρατες· ἐπ' αὐτὸ ἡκεις ἐρευνῶν τὸ ᾧ διαφέρει πασῶν τῶν ἐπιστημῶν ἡ σωφροσύνη· σὺ δὲ ὁμοιότητά τινα ζητεῖς αὐτῆς ταῖς ἄλλαις. τὸ δ' οὐκ ἔστιν οὕτως, ἀλλ' αἱ μὲν ἄλλαι πᾶσαι ἄλλου εἰσὶν ἐπιστήμαι, ἑαυτῶν δ' οὐ, ἡ δὲ μόνη τῶν τε ἄλλων ἐπιστημῶν ἐπιστήμη ἐστὶ καὶ αὐτῇ ἑαυτῆς. καὶ ταῦτά σε πολλοῦ δεῖ λεληθέναι, ἀλλὰ γὰρ οἶμαι ὃ ἄρτι οὐκ ἔφησθα ποιεῖν, τοῦτο ποιεῖς· ἐμὲ γὰρ ἐπιχειρεῖς ἐλέγχειν, ἑάσας περὶ οὗ ὁ λόγος ἐστίν.

Οἶον, ἦν δ' ἐγώ, ποιεῖς ἡγούμενος, εἰ ὅτι μάλιστα σὲ ἐλέγχω, ἄλλου τινὸς ἔνεκα ἐλέγχειν ἢ οὐπερ ἔνεκα κἄν ἑμαυτὸν διερευνῶμην τί λέγω, φοβούμενος μὴ ποτε λάθω οἰόμενος μὲν τι εἰδέναι, εἰδὼς δὲ μὴ. καὶ νῦν δὴ οὖν ἔγωγέ φημι τοῦτο ποιεῖν, τὸν λόγον σκοπεῖν μάλιστα μὲν ἑμαυτοῦ ἔνεκα, ἴσως δὲ δὴ καὶ τῶν ἄλλων ἐπιτηδεῶν· ἢ οὐ κοινὸν οἶει ἀγαθὸν εἶναι σχεδὸν τι πᾶσιν ἀνθρώποις, γίγνεσθαι καταφανὲς ἕκαστον τῶν ὄντων ὅπῃ ἔχει;

Καὶ μάλα, ἡ δ' ὅς, ἔγωγε, ὦ Σώκρατες.

Θαρρῶν τοίνυν, ἦν δ' ἐγώ, ὦ μακάριε, ἀποκρινόμενος τὸ ἐρωτώμενον, ὅπῃ σοι φαίνεται, ἔα χαίρειν εἴτε Κριτίας ἐστὶν εἴτε Σωκράτης ὁ ἐλεγχόμενος· ἀλλ' αὐτῷ προσέχων τὸν νοῦν τῷ λόγῳ σκόπει ὅπῃ ποτὲ ἐκβήσεται ἐλεγχόμενος.

Ἀλλά, ἔφη, ποιήσω οὕτω· δοκεῖς γάρ μοι μέτρια λέγειν.

Λέγε τοίνυν, ἦν δ' ἐγώ, περὶ τῆς σωφροσύνης πῶς λέγεις;

Λέγω τοίνυν, ἡ δ' ὅς, ὅτι μόνη τῶν ἄλλων ἐπιστημῶν αὐτὴ τε αὐτῆς ἐστὶν καὶ τῶν ἄλλων ἐπιστημῶν ἐπιστήμη.

Οὐκοῦν, ἦν δ' ἐγώ, καὶ ἀνεπιστημοσύνης ἐπιστήμη ἂν εἴη, εἴπερ καὶ ἐπιστήμης;

Πάνυ γε, ἔφη.

Ὁ ἄρα σῶφρων μόνος αὐτός τε ἑαυτὸν γινώσεται καὶ οἶός τε ἔσται ἐξετάσαι τί τε τυγχάνει εἰδὼς καὶ τί μὴ, καὶ τοὺς ἄλλους ὡσαύτως δυνατὸς ἔσται ἐπισκοπεῖν τί τις οἶδεν καὶ οἶεται, εἴπερ οἶδεν, καὶ τί αὐ οἶεται μὲν εἰδέναι, οἶδεν δ' οὐ, τῶν δὲ ἄλλων οὐδεὶς· καὶ ἔστιν δὴ τοῦτο τὸ σωφρονεῖν τε καὶ σωφροσύνη καὶ τὸ ἑαυτὸν αὐτὸν γινώσκειν, τὸ εἰδέναι ἃ τε οἶδεν καὶ ἃ μὴ οἶδεν. ἄρα ταῦτά ἐστιν ἃ λέγεις;

Ἐγωγ', ἔφη.

— Точно таким же образом и искусство взвешивания — это наука о более и менее тяжелом весе. Но тяжелое и легкое — это ведь нечто отличное от искусства взвешивания самого по себе. Ты согласен?

— Конечно.

— Скажи же, наукой о чем является рассудительность? Ведь, наверное, о том, что отлично от рассудительности самой по себе?

— Вот в этом-то и все дело, Сократ, — сказал он. — Ты в своих поисках пришел к тому, что отличает рассудительность от всех остальных знаний, но тем не менее продолжаешь отыскивать некое ее сходство с ними. Однако это не так, все остальные науки имеют своим предметом нечто иное, а не самих себя, рассудительность же — единственная наука, имеющая своим предметом как другие науки, так и самое себя. И это вовсе для тебя не секрет. Однако, думаю я, ты делаешь то, что недавно еще за собой отрицал: ты пытаешься меня опровергнуть, пренебрегая самой сутью нашего рассуждения.

— Как можешь ты думать, — возразил я, — если бы даже я тебя полностью опроверг, будто я это делаю ради чего-то иного, а не ради того, о чем я и сам себя вопрошаю — каковы на этот счет мои взгляды, — ибо опасаясь, как бы от меня не укрылась какая-то вещь, в знании коей я убежден, между тем как на самом деле ее не знаю. И сейчас я утверждаю, что занят именно этим, и рассматриваю твое суждение главным образом ради себя, а может быть, и ради пользы других: или ты не считаешь, что это было бы общим благом почти всех людей, если бы стала очевидной суть каждой вещи?

— Нет, напротив, Сократ, я думаю именно так.

— А посему, — сказал я, — смело отвечай, мой милый, на вопрос, что тебе кажется правильным, и оставь заботу о том, будет ли опровергнут Критий или Сократ: внимательно вдумавшись в само рассуждение, посмотри, какой выход останется тому, кто окажется опровергнут.

— Что ж, — сказал он, — я так и сделаю. Мне кажется, ты говоришь ладно.

— Так скажи же, — подхватил я, — как ты судишь о рассудительности?

— Итак, я утверждаю, — отвечал он, — что среди всех прочих знаний она единственная является наукой и о самой себе и о других науках.

— Значит, — спросил я, — она является также наукой о невежестве, коль скоро она наука о знании?

— Несомненно, — отвечал он.

— Следовательно, один только рассудительный человек может познать самого себя и выявить, что именно он знает и что — нет, и точно так же он будет способен разглядеть других — что именно каждый

Πάλιν τοίνυν, ἦν δ' ἐγώ, τὸ τρίτον τῷ σωτῆρι, ὥσπερ ἐξ ἀρχῆς ἐπισκεψόμεθα πρῶτον μὲν εἰ δυνατόν ἐστιν τοῦτ' εἶναι ἢ οὐ – τὸ ἄ οἶδεν καὶ ἄ μὴ οἶδεν εἰδέναι [ὅτι οἶδε καὶ] ὅτι οὐκ οἶδεν – ἔπειτα εἰ ὅτι μάλιστα δυνατόν, τίς ἄν εἴη ἡμῖν ὠφελία εἰδόσιν αὐτό.

Ἄλλὰ χρή, ἔφη, σκοπεῖν.

Ἴθι δὴ, ἔφην ἐγώ, ὦ Κριτία, σκέψαι, ἐάν τι περὶ αὐτῶν εὐπορώτερος φανῇς ἐμοῦ· ἐγὼ μὲν γὰρ ἀπορῶ.

из них знает и думает (если только он что-то знает), а с другой стороны, что каждый знает по его собственному мнению, на самом же деле не знает. Никто другой всего этого не может. Таким образом, быть рассудительным и рассудительность и самопознание — все это означает не что иное, как способность знать, что именно ты знаешь и чего не знаешь. Ведь именно это ты утверждаешь?

— Да, именно это, — отвечал он.

— Давай совершим третье жертвоприношение Зевсу Спасителю, — сказал я, — и, начав заново наше исследование, во-первых, посмотрим, возможно или нет кому-то знать о том, что мы знаем и чего мы не знаем, и знаем ли мы это или нет; затем, если это даже возможно знать, какая нам польза в таком знании?

— Да, это следует рассмотреть, — отозвался он.

— Так давай же, мой Критий, — предложил я, — посмотри, не окажешься ли ты здесь находчивее меня? Я ведь пребываю в полном недоумении.

Пер. С. П. Маркиша

Понятие причины

(Из «Федона», 96a–c, 97c, 98b–99b)

Ἐγὼ γάρ, ἔφη, ὦ Κέβης, νέος ὢν θαυμαστῶς ὥς ἐπεθύμησα ταύτης τῆς σοφίας, ἦν δὴ καλοῦσι περὶ φύσεως ἱστορίαν. Ὑπερήφανος γάρ μοι ἐδόκει εἶναι, εἰδέναι τὰς αἰτίας ἐκάστου, διὰ τί γίγνεται ἕκαστον καὶ διὰ τί ἀπόλλυται καὶ διὰ τί ἔστι· καὶ πολλάκις ἑμαυτὸν ἄνω κάτω μετέβαλλον σκοπῶν πρῶτον τὰ τοιάδε, ἄρ' ἐπειδὴν τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν σηπεδόνα τινὰ λάβη, ὥς τινες ἔλεγον, τότε δὴ τὰ ζῶα συντρέφεται· καὶ πότερον τὸ αἷμά ἐστιν ᾧ φρονοῦμεν, ἢ ὁ ἄηρ ἢ τὸ πῦρ, ἢ τούτων μὲν οὐδέν, ὁ δ' ἐγκέφαλός ἐστιν ὁ τὰς αἰσθήσεις παρέχων τοῦ ἀκούειν καὶ ὁρᾶν καὶ ὁσφραίνεσθαι, ἐκ τούτων δὲ γίγνοιτο μνήμη καὶ δόξα, ἐκ δὲ μνήμης καὶ δόξης λαβούσης τὸ ἡρεμεῖν κατὰ ταῦτα γίνεσθαι ἐπιστήμην· καὶ αὐτῶν τὰς φθορὰς σκοπῶν, καὶ τὰ περὶ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν πάθη, τελευτῶν οὕτως ἑμαυτῷ ἔδοξα πρὸς ταύτην τὴν σκέψιν ἀφυῆς εἶναι, ὥς οὐδὲν χρήμα...

Ἄλλ' ἀκούσας μὲν ποτε ἐκ βιβλίου τινός, ὥς ἔφη, Ἀναξαγόρου ἀναγιγνώσκοντος, καὶ λέγοντος ὥς ἄρα νοῦς ἐστιν ὁ διακοσμῶν τε καὶ πάντων αἴτιος, ταύτη δὴ τῇ αἰτίᾳ ἦσθην τε καὶ ἔδοξέ μοι τρόπον τινὰ εὖ ἔχειν τὸ τὸν νοῦν εἶναι πάντων αἴτιον... ἀλλὰ πάνυ σπουδῇ λαβὼν τὰς βίβλους ὥς τάχιστα οἶός τ' ἢ ἀνεγίγνωσκον, ἵν' ὥς τάχιστα εἰδείην τὸ βέλτιστον καὶ τὸ χεῖρον. Ἀπὸ δὲ θαυμαστικῆς ἐλπίδος, ὦ ἑταῖρε, ὥχόμεν φερόμενος, ἐπειδὴ προῖων καὶ ἀναγιγνώσκων ὁρῶ ἄνδρα τῷ μὲν νῷ οὐδὲν χρώμενον οὐδέ τινος αἰτίας ἐπαιτιώμενον εἰς τὸ διακοσμεῖν τὰ πράγματα, ἀέρας δὲ καὶ αἰθέρας καὶ ὕδατα αἰτιώμενον καὶ ἄλλα πολλὰ καὶ ἄτοπα. Καί μοι ἔδοξεν ὁμοιότατον πεπονθέναι ὥσπερ ἂν εἴ τις λέγων ὅτι Σωκράτης πάντα ὅσα πράττει νῷ πράττει, κἀπειτα ἐπιχειρήσας λέγειν τὰς αἰτίας ἐκάστων ὧν πράττω, λέγοι πρῶτον μὲν ὅτι διὰ ταῦτα νῦν ἐνθάδε κάθημαι, ὅτι σύγκειται μοι τὸ σῶμα ἐξ ὁστέων καὶ νεύρων, καὶ τὰ μὲν ὅστ' ἐστιν στερεὰ καὶ διαφυᾶς ἔχει χωρὶς ἀπ' ἀλλήλων, τὰ δὲ νεῦρα οἷα ἐπιτείνεσθαι καὶ ἀνίεσθαι, περιαμπέχοντα τὰ ὅστ' μετὰ τῶν σαρκῶν καὶ δέρματος ὃ συνέχει αὐτά· αἰωρουμένων οὖν τῶν ὁστέων

В молодые годы у меня была настоящая страсть к тому виду мудрости, который называют познанием природы. Мне представлялось чем-то возвышенным знать причину каждого явления — почему что рождается, почему погибает и почему существует. И я часто бросался из крайности в крайность и вот какого рода вопросы задавал себе в первую очередь: когда теплое и холодное вызывают гниение, не тогда ли, как судили некоторые, образуются живые существа? Чем мы мыслим — кровью, воздухом или огнем? Или же ни тем, ни другим и ни третьим, а это наш мозг вызывает чувство слуха, и зрения, и обоняния, а из них возникают память и представление, а из памяти и представления, когда они приобретут устойчивость, возникает знание?

Размышлял я и о гибели всего этого, и о переменах, которые происходят в небе и на земле, и все для того, чтобы, в конце концов, счесть себя совершенно непригодным к такому исследованию...

Но однажды мне кто-то рассказал, как он вычитал в книге Анаксагора, что всему в мире сообщает порядок и всему служит причиной Ум; и эта причина мне пришлась по душе, я подумал, что это прекрасный выход из затруднений, если всему причина — Ум...

С величайшим рвением принялся я за книги Анаксагора, чтобы поскорее их прочесть и поскорее узнать, что же всего лучше и что хуже.

Но с вершины изумительной этой надежды, друг Кебет, я стремглав полетел вниз, когда, продолжая читать, увидел, что Ум у него остается без всякого применения и что порядок вещей вообще не возводится ни к каким причинам, но приписывается — совершенно нелепо — воздуху, эфиру, воде и многому иному. На мой взгляд, это все равно, как если бы кто сперва объявил, что всеми своими действиями Сократ обязан Уму, а потом, принявшись объяснять причины каждого из них в отдельности, сказал: «Сократ сейчас сидит здесь потому, что его тело состоит из костей и сухожилий, и кости твердые и отделены одна от другой сочленениями, а сухожилия могут натягиваться и расслабляться и окружают кости — вместе с мясом и кожей, которая все охватывает. И так как кости свободно ходят в своих суставах, сухожилия, растягиваясь и напрягаясь, позволяют Сократу сгибать ноги и руки. Вот по этой-то причине он и сидит теперь здесь, согнувшись...»

ἐν ταῖς αὐτῶν συμβολαῖς χαλῶντα καὶ συντείνοντα τὰ νεῦρα κάμπτεσθαι που ποιεῖ οἷόν τ' εἶναι ἐμὲ νῦν τὰ μέλη, καὶ διὰ ταύτην τὴν αἰτίαν συγκαμφθεὶς ἐνθάδε κάθημαι... ἐπεὶ νῆ τὸν κύνα, ὥς ἐγῶμαι, πάλαι ἂν ταῦτα τὰ νεῦρά τε καὶ τὰ ὀστέα ἢ περὶ Μέγαρα ἢ Βοιωτοὺς ἦν, ὑπὸ δόξης φερόμενα τοῦ βελτίστου, εἰ μὴ δικαιότερον ᾧμην καὶ κάλλιον εἶναι πρὸ τοῦ φεύγειν τε καὶ ἀποδιδράσκειν ὑπέχειν τῇ πόλει δίκην ἦντιν' ἂν τάττη. Ἄλλ' αἷτια μὲν τὰ τοιαῦτα καλεῖν λίαν ἄτοπον· εἰ δέ τις λέγοι ὅτι ἄνευ τοῦ τὰ τοιαῦτα ἔχειν καὶ ὀστέα καὶ νεῦρα καὶ ὅσα ἄλλα ἔχω, οὐκ ἂν οἷός τ' ἦν ποιεῖν τὰ δόξαντά μοι, ἀληθῆ ἂν λέγοι· ὥς μέντοι διὰ ταῦτα ποιῶ ἅ ποιῶ καὶ ταῦτα νῶν πράττω, ἀλλ' οὐ τῇ τοῦ βελτίστου αἵρέσει, πολλῇ καὶ μακρὰ βραθυμία ἂν εἴη τοῦ λόγου. Τὸ γὰρ μὴ διελέσθαι οἷόν τ' εἶναι ὅτι ἄλλο μὲν τί ἐστὶ τὸ αἷτιον τῶν ὄντων, ἄλλο δὲ ἐκεῖνο ἄνευ οὗ τὸ αἷτιον οὐκ ἂν ποτ' εἴη αἷτιον· ὃ δὴ μοι φαίνονται ψηλαφῶντες οἱ πολλοὶ ὥσπερ ἐν σκότει, ἀλλοτρίῳ ὀνόματι προσχρώμενοι, ὥς αἷτιον αὐτὸ προσαγορεύειν.

Да, клянусь собакой, эти жилы и эти кости уже давно, я думаю, были бы где-нибудь в Мегарах или в Беотии, увлеченные ложным мнением о лучшем, если бы я не признал более справедливым и более прекрасным не бежать и не скрываться, но принять любое наказание, какое бы ни назначило мне государство.

Нет, называть подобные вещи причинами — полная бессмыслица. Если бы кто говорил, что без всего этого — без костей, сухожилий и всего прочего, чем я владею, — я бы не мог делать то, что считаю нужным, он говорил бы верно. Но утверждать, будто они причина всему, что я делаю, и в то же время, что в данном случае я повинуюсь Уму, а не сам избираю наилучший образ действий, было бы крайне необдуманно. Это значит не различать между истинной причиной и тем, без чего причина не могла бы быть причиной. Это последнее толпа, как бы наощупь шаря в потемках, называет причиной — чуждым, как мне кажется, именем...

Пер. С. П. Маркиша

4. Платон (427–342 до Р. Х.)

Естественно, что с наибольшей полнотой в данной антологии представлены сочинения Платона, сохранившиеся лучше, нежели другие произведения классической античной философии. Подбор текстов концентрируется, как сказано в предисловии к этой книге, на учении Платона о началах, которое в своей совокупности есть учение о Едином, или генология (гр. *ἓν* — единое). Кроме того, мы старались показать те произведения, которые в наибольшей степени повлияли на развитие платоновской традиции, какой она представлена в этой книге. Оба намерения, реализованные при подборе текстов, в конечном счете сливаются в одно, поскольку традиция как раз и основана на учении о начале и Едином.

Первой ступенью развития платоновского начала является учение об абсолютно Прекрасном, или общая эстетика. Сюда относятся основные диалоги — «Пир» и «Федр», ставящие Красоту в подчинение Любви, Эросу. Платоновое учение о любви, которое, по другому поводу, я попытался выразить формулой *amo ergo es* (я люблю, следовательно, ты существуешь), представляет собой живой нерв и учения о идеях, и учения о началах.

Вторая ступень — учение об абсолютном Благе. Сюда как бесспорный источник относится идеалистическое сочинение «Государство», а также «Законы» — как коррелят с более реалистической концепцией. В «Государстве» сделана попытка посмотреть и на индивидуально-эстетическое и на всеобщеполитическое как на единое целое — с упором то на одно, то на другое, поскольку в перспективе и то и дру-

Абсолютно прекрасное (Из «Пира». 210a–212b)

Сочинение состоит в основном из речей, посвященных Эросу, богу любви. Сократ вложил свои слова в уста мудрой Диотимы (очевидно, выдуманный женский персонаж), и она объясняет, что Эрос — не бог, а великая ду-

Ταῦτα μὲν οὖν τὰ ἐρωτικά ἴσως, ὃ Σώκρατες, κἀν σὺ μνηθεῖς· τὰ δὲ τέλεα καὶ ἐποπτικά, ὧν ἕνεκα καὶ ταῦτα ἐστίν, ἂν τις ὀρθῶς μετῇ, οὐκ οἶδ' εἰ οἷός τ' ἂν εἴης. Ἐρῶ μὲν οὖν, ἔφη, ἐγὼ καὶ προθυμίας οὐδὲν ἀπολείψω· πειρῶ δὲ καὶ σὺ ἐπεσθαι, ἂν οἷός τε ᾦς.

гое лежит по ту сторону Блага, которое образует как этические, так и политические формы добродетели (справедливости), хотя само не входит ни в одну из них. Это — праисточник, проявляющийся в мире как «свет», который можно представить и испытать лишь символически — через сравнение с солнцем. Представленный в подборке текст является основным для понимания платоновской символики света.

Третья стадия — метафизически-религиозная, или «мистическая» (в понимании Плотина или Витгенштейна), — связана с поздней философией Платона и, в особенности, с энигматическим плетением его «Парменидовых» диалогов. Мы представляем здесь *in extenso* две из девяти гипотез, или аргументированных подходов, а именно первую гипотезу и третью гипотезу. Отрицание, содержащееся в первой гипотезе, традиционно использовалось платониками-нехристианами для обоснования интеллектуальной мистерии Единого, а платониками-христианами — как подготовка почвы для Богоявления. Третья гипотеза отмечает «скачкообразный» характер платонизма (*saltus datur*) в отличие от непрерывности, присущей аристотелевской, стоической или прочей философии.

Основываясь на этом трехзвенном учении об абсолютном (Прекрасное, Благо и Единство), Платон в своем наиболее значительном произведении «Тимей» приступает к объяснению мира. Именно здесь проявляются «противогностические» принципы: чувственный мир столь прекрасен, благ и един потому, что прекрасен, благ и един сам создатель его, Демиург (собст. Ремесленник).

ховная сила, «демон», который стремится к божественному. Следующими словами она посвящает Сократа в божественную мистирию Прекрасного:

...Во все эти таинства любви можно, пожалуй, посвятить и тебя, Сократ. Что же касается тех высших и сокровеннейших, ради которых первые, если разобраться, и существуют на свете, то я не знаю, способен ли ты проникнуть в них. Сказать о них я, однако, скажу, —

Δεῖ γάρ, ἔφη, τὸν ὀρθῶς ἰόντα ἐπὶ τοῦτο τὸ πρᾶγμα ἄρχεσθαι μὲν νέον ὄντα ἰέναι ἐπὶ τὰ καλὰ σώματα, καὶ πρῶτον μὲν, ἂν ὀρθῶς ἡγῆται ὁ ἡγούμενος, ἐνδὸς αὐτὸν σώματος ἑρᾶν καὶ ἐνταῦθα γεννᾶν λόγους καλοῦς, ἔπειτα δὲ αὐτὸν κατανοῆσαι ὅτι τὸ κάλλος τὸ ἐπὶ ὄψου ὄντος σώματι τῷ ἐπὶ ἐτέρῳ σώματι ἀδελφόν ἐστι, καὶ εἰ δεῖ διώκειν τὸ ἐπ' εἶδει καλόν, πολλὴ ἄνοια μὴ οὐχ ἔν τε καὶ ταῦτόν ἡγεῖσθαι τὸ ἐπὶ πᾶσιν τοῖς σώμασι κάλλος· τοῦτο δ' ἐννοήσαντα καταστῆναι πάντων τῶν καλῶν σωμάτων ἑραστήν, ἐνδὸς δὲ τὸ σφόδρα τοῦτο χαλάσαι καταφρονήσαντα καὶ σμικρὸν ἡγησάμενον·

μετὰ δὲ ταῦτα τὸ ἐν ταῖς ψυχαῖς κάλλος τιμώτερον ἡγήσασθαι τοῦ ἐν τῷ σώματι, ὥστε καὶ ἂν ἐπιεικὴς ὢν τὴν ψυχὴν τις κἂν σμικρὸν ἄνθος ἔχῃ, ἔξαρκεῖν αὐτῷ καὶ ἑρᾶν καὶ κήδεσθαι καὶ τίκτειν λόγους τοιούτους καὶ ζητεῖν, οἵτινες ποιήσουσι βελτίους τοὺς νέους, ἵνα ἀναγκασθῇ αὐτὸν θεάσασθαι τὸ ἐν τοῖς ἐπιτηδεύμασι καὶ τοῖς νόμοις καλὸν καὶ τοῦτ' ἰδεῖν ὅτι πᾶν αὐτὸ αὐτῷ συγγενὲς ἐστίν, ἵνα τὸ περὶ τὸ σῶμα καλὸν σμικρὸν τι ἡγήσῃται εἶναι·

μετὰ δὲ τὰ ἐπιτηδεύματα ἐπὶ τὰς ἐπιστήμας ἀγαγεῖν, ἵνα ἴδῃ αὐτὸν ἐπιστημῶν κάλλος, καὶ — βλέπων πρὸς πολὺ ἤδη τὸ καλὸν μηκέτι τὸ παρ' ἐνί, ὥσπερ οἰκέτης, ἀγαπῶν παιδαρίου κάλλος ἢ ἀνθρώπου τινὸς ἢ ἐπιτηδεύματος ἐνός, δουλεύων φαῦλος ἢ καὶ σμικρολόγος, ἀλλ' ἐπὶ τὸ πολὺ πέλαιος τετραμμένος τοῦ καλοῦ καὶ θεωρῶν — πολλοὺς καὶ καλοῦς λόγους καὶ μεγαλοπρεπεῖς τίκτηι καὶ διανοήματα ἐν φιλοσοφίᾳ ἀφρόνῳ, ἕως ἂν ἐνταῦθα ῥωσθεῖς καὶ αὐξηθεῖς κατίδῃ τινὰ ἐπιστήμην μίαν τοιαύτην, ἣ ἐστι καλοῦ τοιοῦδε. Πειρῶ δέ μοι, ἔφη, τὸν νοῦν προσέχειν ὡς οἶόν τε μάλιστα.

Ὅς γὰρ ἂν μέχρι ἐνταῦθα πρὸς τὰ ἐρωτικὰ παιδαγωγηθῇ, θεώμενος ἐφεξῆς τε καὶ ὀρθῶς τὰ καλὰ, πρὸς τέλος ἤδη ἰὼν τῶν ἐρωτικῶν ἐξαίφνης κατόψεταί τι θαυμαστὸν τὴν φύσιν καλόν, τοῦτο ἐκεῖνο, ὃ Σώκρατες, οὐ δὴ ἔνεκεν καὶ οἱ ἔμπροσθεν πάντες πόνοι ἦσαν,

πρῶτον μὲν αἰεὶ ὃν καὶ οὔτε γινόμενον οὔτε ἀπολλύμενον, οὔτε αὐξανόμενον οὔτε φθίνον, ἔπειτα οὐ τῇ μὲν καλόν, τῇ δ' αἰσχρόν, οὐδὲ τοτὲ μὲν, τοτὲ δὲ οὐ, οὐδὲ πρὸς μὲν τὸ καλόν, πρὸς δὲ τὸ αἰσχρόν, οὐδ' ἔνθα μὲν καλόν, ἔνθα δὲ αἰσχρόν, ὡς τισὶ μὲν ὃν καλόν, τισὶ δὲ αἰσχρόν· οὐδ' αὖ φαντασθήσεται αὐτῷ τὸ καλὸν οἶον πρόσωπόν τι οὐδὲ χεῖρες οὐδὲ ἄλλο οὐδὲν ὃν σῶμα μετέχει, οὐδέ τις λόγος οὐδέ τις ἐπιστήμη, οὐδέ που ὃν ἐν ἐτέρῳ τινι, οἶον ἐν ζῳῳ ἢ ἐν γῇ ἢ ἐν οὐρανῳ ἢ ἐν τῷ ἄλλῳ, ἀλλ' αὐτὸ καθ' αὐτὸ μεθ' αὐτοῦ μονοειδὲς αἰεὶ ὃν, τὰ δὲ ἄλλα πάντα καλὰ ἐκείνου μετέχοντα τρόπον τινὰ τοιοῦτον, οἶον

продолжала она, — за мной дело не станет. Так попытайся же следовать за мной, насколько сможешь.

Кто хочет избрать верный путь ко всему этому, должен начать с устремления к прекрасным телам в молодости. Если ему укажут верную дорогу, он полюбит сначала одно какое-то тело и родит в нем прекрасные мысли, а потом поймет, что красота одного тела родственна красоте любого другого и что если стремиться к идее прекрасного, то нелепо думать, будто красота у всех тел не одна и та же. Поняв это, он станет любить все прекрасные тела, а к тому одному охладет, ибо сочтет такую чрезмерную любовь ничтожной и мелкой. После этого он начнет ценить красоту души выше, чем красоту тела, и, если ему попадется человек хорошей души, но не такой уж цветущий, он будет вполне доволен, полюбит его и станет заботиться о нем, стараясь родить такие суждения, которые делают юношей лучше, благодаря чему невольно постигнет красоту нравов и обычаев и, увидев, что все это прекрасное родственно между собою, будет считать красоту тела чем-то ничтожным. От нравов он должен перейти к наукам, чтобы увидеть красоту наук и, стремясь к красоте уже во всем ее многообразии, не быть больше ничтожным и жалким рабом чьей-либо привлекательности, плененным красотой одного какого-то мальчишки, человека или характера, а повернуть к открытому морю красоты и, созерцая его в неуклонном стремлении к мудрости, обильно рождать великолепные речи и мысли, пока наконец, набравшись тут сил и усовершенствовавшись, он не узрит того единственного знания, которое касается прекрасного, и вот какого прекрасного... Теперь, — сказала Диотима, — постарайся слушать меня как можно внимательнее.

Кто, наставляемый на пути любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, Сократ, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, — нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких

γίγνομένων τε τῶν ἄλλων καὶ ἀπολλυμένων μηδὲν ἐκεῖνο μήτε τι πλεόν μήτε ἔλαττον γίγνεσθαι μηδὲ πάσχειν μηδέν.

“Ὅταν δὴ τις ἀπὸ τῶνδε διὰ τὸ ὀρθῶς παιδευαστεῖν ἐπανιών ἐκεῖνο τὸ καλὸν ἄρχηται καθορᾶν, σχεδὸν ἂν τι ἄπτοιο τοῦ τέλους. Τοῦτο γὰρ δὴ ἐστὶ τὸ ὀρθῶς ἐπὶ τὰ ἐρωτικά ἰέναι ἢ ὑπ’ ἄλλου ἄγεσθαι, ἀρχόμενον ἀπὸ τῶνδε τῶν καλῶν ἐκείνου ἕνεκα τοῦ καλοῦ ἀεὶ ἐπανιέναι,

ὥσπερ ἐπαναβασμοῖς χρώμενον, ἀπὸ ἐνὸς ἐπὶ δύο καὶ ἀπὸ δυοῖν ἐπὶ πάντα τὰ καλὰ σώματα, καὶ ἀπὸ τῶν καλῶν σωμάτων ἐπὶ τὰ καλὰ ἐπιτηδεύματα, καὶ ἀπὸ τῶν ἐπιτηδευμάτων ἐπὶ τὰ καλὰ μαθήματα, καὶ ἀπὸ τῶν μαθημάτων ἐπ’ ἐκεῖνο τὸ μάθημα τελευτῆσαι, ὃ ἐστὶν οὐκ ἄλλου ἢ αὐτοῦ ἐκείνου τοῦ καλοῦ μάθημα, καὶ γινῶ αὐτὸ τελευτῶν ὃ ἐστὶ καλόν.

Ἐνταῦθα τοῦ βίου, ὦ φίλε Σώκρατες, ἔφη ἡ Μαντινικὴ ξένη, εἴπερ που ἄλλοθι, βιωτὸν ἀνθρώπων, θεωμένῳ αὐτὸ τὸ καλόν. “Ὁ ἂν ποτε ἴδῃς, οὐ κατὰ χρυσίον τε καὶ ἐσθῆτα καὶ τοὺς καλοὺς παῖδας τε καὶ νεανίσκους δόξει σοι εἶναι, οὓς νῦν ὀρῶν ἐκπέπληξαι καὶ ἔτοιμος εἶ καὶ σὺ καὶ ἄλλοι πολλοί, ὀρῶντες τὰ παιδικὰ καὶ συνόντες ἀεὶ αὐτοῖς, εἴ πως οἶον τ’ ἦν, μήτ’ ἐσθίειν μήτε πίνειν, ἀλλὰ θεᾶσθαι μόνον καὶ συνεῖναι.

Τί δῆτα, ἔφη, οἴόμεθα, εἴ τῳ γένοιτο αὐτὸ τὸ καλὸν ἰδεῖν εἰλικρινές, καθαρὸν, ἄμεικτον, ἀλλὰ μὴ ἀνάπλεων σαρκῶν τε ἀνθρωπίνων καὶ χρωμάτων καὶ ἄλλης πολλῆς φλυαρίας θνητῆς, ἀλλ’ αὐτὸ τὸ θεῖον καλὸν δύναιτο μονοειδὲς κατιδεῖν; Ἄρ’ οἶει, ἔφη, φαῦλον βίον γίγνεσθαι ἐκεῖσε βλέποντος ἀνθρώπου καὶ ἐκεῖνο ᾧ δεῖ θεωμένου καὶ συνόντος αὐτῷ;

Ἦ οὐκ ἐνθυμῇ, ἔφη, ὅτι ἐνταῦθα αὐτῷ μοναχοῦ γενήσεται, ὀρῶντι ᾧ ὄρατον τὸ καλόν, τίκτειν οὐκ εἰδῶλα ἀρετῆς, ἅτε οὐκ εἰδῶλου ἐφαπτομένῳ, ἀλλὰ ἀληθῇ, ἅτε τοῦ ἀληθοῦς ἐφαπτομένῳ· τεκόντι δὲ ἀρετὴν ἀληθῇ καὶ θρηψαμένῳ ὑπάρχει θεοφιλεῖ γενέσθαι, καὶ εἴπερ τῷ ἄλλῳ ἀνθρώπων ἀνάνατῳ καὶ ἐκεῖνῳ;

воздействий оно не испытывает. И тот, кто благодаря правильной любви к юношам поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать само прекрасное, тот пожалуй, почти у цели.

Вот каким путем нужно идти в любви — самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх — от одного прекрасного тела к двум, от двух — ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это — прекрасное. И в созерцании прекрасного самого по себе, дорогой Сократ, — продолжала мантинеянка, — только и может жить человек, его увидевший. Ведь увидев его, ты не сравнишь его ни со златотканной одеждой, ни с красивыми мальчиками и юношами, при виде которых ты теперь приходишь в восторг, и, как многие другие, кто любит свои возлюбленными и не отходит от них, согласился бы, если бы это было хоть сколько-нибудь возможно, не есть и не пить, а только непрестанно глядеть на них и быть с ними. Так что же было бы, — спросила она, — если бы кому-нибудь довелось увидеть прекрасное само по себе прозрачным, чистым, беспримесным, не обремененным человеческой плотью, красками и всяким другим бранным вздором, если бы это божественно прекрасное можно было увидеть во всем его единообразии? Неужели ты думаешь, — сказала она, — что человек, устремивший к нему взор, подобающим образом его созерцающий и с ним неразлучный, может жить жалкой жизнью? Неужели ты не понимаешь, что, лишь созерцая прекрасное тем, чем его и надлежит созерцать, он сумеет родить не призраки добродетели, а добродетель истинную, потому что постигает он истину, а не призрак? А кто родил и вскормил истинную добродетель, тому достается в удел любовь богов, и если кто-либо из людей бывает бессмертен, то именно он.

Пер. С. К. Анна

Одержимость эротическим духом (Из «Федра». 245a, 249d–252b)

Говорит Сократ. Он анализирует и описывает природу души, ее бессмертие, ее пребывание в прекрасном царстве вечных идей задолго до ее рождения на земле. Он описывает также некоторые формы «божественной одержимости».

Τρίτη δὲ ἀπὸ Μουσῶν κατοκωχὴ τε καὶ μανία, λαβοῦσα ἀπαλὴν καὶ ἄβατον ψυχὴν, ἐγείρουσα καὶ ἐκβακχεύουσα κατὰ τε ᾠδὰς καὶ κατὰ τὴν ἄλλην ποίησιν, μυρία τῶν παλαιῶν ἔργα κοσμοῦσα τοὺς ἐπιγιγνομένους παιδεύει· ὃς δ' ἂν ἄνευ μανίας Μουσῶν ἐπὶ ποιητικὰς θύρας ἀφίκηται, πεισθεὶς ὡς ἄρα ἐκ τέχνης ἱκανὸς ποιητὴς ἐσόμενος, ἀτελὴς αὐτὸς τε καὶ ἡ ποίησις ὑπὸ τῆς τῶν μαινομένων ἢ τοῦ σωφρονοῦντος ἠφανίσθη.

*Ἔστι δὴ οὖν δεῦρο ὁ πᾶς ἥκων λόγος περὶ τῆς τετάρτης μανίας – ἦν ὅταν τὸ τῇδὲ τις ὄρων κάλλος, τοῦ ἀληθοῦς ἀναμνησκόμενος, πτερῶταί τε καὶ ἀναπτερούμενος προθυμούμενος ἀναπτέσθαι, ἀδυνατῶν δέ, ὄρνιθος δίκην βλέπων ἄνω, τῶν κάτω δὲ ἀμελῶν, αἰτίαν ἔχει ὡς μανικῶς διακείμενος – ὡς ἄρα αὕτη πασῶν τῶν ἐνθουσιάσεων ἀρίστη τε καὶ ἐξ ἀρίστων τῶν τε ἔχοντι καὶ τῶν κοινωνοῦντι αὐτῆς γίγνεται, καὶ ὅτι ταύτης μετέχων τῆς μανίας ὁ ἐρῶν τῶν καλῶν ἐραστὴς καλεῖται.

Καθάπερ γὰρ εἴρηται, πᾶσα μὲν ἀνθρώπου ψυχὴ φύσει τεθέεται τὰ ὄντα, ἣ οὐκ ἂν ἦλθεν εἰς τόδε τὸ ζῶον· ἀναμνησκέσθαι δὲ ἐκ τῶνδε ἐκεῖνα οὐ ῥάδιον ἀπάσῃ, οὔτε ὅσαι βραχέως εἶδον τότε τὰ κεῖ, οὐθ' αἱ δεῦρο πεσοῦσαι ἐδυστύχησαν, ὥστε ὑπὸ τινων ὁμιλιῶν ἐπὶ τὸ ἄδικον τραπόμεναι.

жимости», или экзальтации. Одна из них — одержимость музыкой, которая описывается так:

Третий вид одержимости и неистовства — от Муз, он охватывает нежную и непорочную душу, пробуждает ее, заставляет выражать вакхический восторг в песнопениях и других видах творчества и, украшая несчетное множество деяний предков, воспитывает потомков. Кто же без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых.

(Затем Сократ продолжает описание эротической одержимости)

Вот к чему пришло все наше рассуждение о четвертом виде неистовства: когда кто-нибудь смотрит на здешнюю красоту, припоминая при этом красоту истинную, он окрыляется, а окрылившись, стремится взлететь; но, еще не набрав сил, он наподобие птенца глядит вверх, пренебрегая тем, что внизу, — это и есть причина его неистового состояния. Из всех видов иступленности эта — наилучшая, уже по самому своему происхождению, как для обладающего ею, так и для того, кто ее с ним разделяет. Причастный к такому неистовству любитель прекрасного называется влюбленным.

Ведь, как уже сказано, всякая человеческая душа по своей природе бывала созерцательницей бытия, иначе она не вселилась бы в это живое существо. Припоминать то, что там, на основании того, что есть здесь, нелегко любой душе: одни лишь короткое время созерцали тогда то, что там; другие, упав сюда, обратились под чужим воздействием к неправде и на свое несчастье забыли все священное, виденное ими раньше. Мало остается таких душ, у которых достаточно сильна память. Они всякий раз, как увидят что-нибудь, подобное тому, что было там, бывают поражены и уже не владеют собой, а что это за состояние, они не знают, потому что недостаточно в нем разбираются. В здешних подобиях нет вовсе отблеска справедливости, воздержанности и всего другого, ценного для души, но, подходя к этим изображениям, кое-кому, пусть и очень немногим, все же удастся, да и то с трудом, разглядеть при помощи наших несовершенных органов, к какому роду относится то, что изображено.

λήθην ὧν τότε εἶδον ἱερῶν ἔχειν. Ὀλίγαι δὴ λείπονται αἷς τὸ τῆς μνήμης ἱκανῶς πάρεστιν· αὐταὶ δέ, ὅταν τι τῶν ἐκεῖ ὁμοίωμα ἴδωσιν, ἐκπλήττονται καὶ οὐκέτ' ἐν αὐτῶν γίνονται, ὃ δ' ἔστι τὸ πάθος ἀγνοοῦσι διὰ τὸ μὴ ἱκανῶς διαισθάνεσθαι. Δικαιοσύνης μὲν οὖν καὶ σωφροσύνης καὶ ὅσα ἄλλα τίμια ψυχᾷς οὐκ ἔνεστι φέγγος οὐδὲν ἐν τοῖς τῇδε ὁμοιώμασιν, ἀλλὰ δι' ἀμυδρῶν ὀργάνων μόγισ αὐτῶν καὶ ὀλίγοι ἐπὶ τὰς εἰκόνας ἰόντες θεῶνται τὸ τοῦ εἰκασθέντος γένος· κάλλος δὲ τότε ἦν ἰδεῖν λαμπρόν, ὅτε σὺν εὐδαιμόνι χορῶ μακαρίαν ὄψιν τε καὶ θέαν, ἐπόμενοι μετὰ μὲν Διὸς ἡμεῖς, ἄλλοι δὲ μετ' ἄλλου θεῶν, εἰδόν τε καὶ ἔτελοῦντο τῶν τελετῶν ἦν θέμις λέγειν μακαριωτάτην, ἦν ὠργιάζομεν ὁλόκληροι μὲν αὐτοὶ ὄντες καὶ ἀπαθείς κακῶν ὅσα ἡμᾶς ἐν ὑστέρω χρόνῳ ὑπέμενεν, ὁλόκληρα δὲ καὶ ἀπλᾶ καὶ ἀτρεμῇ καὶ εὐδαιμόνα φάσματα μυούμενοί τε καὶ ἐποπτεύοντες ἐν αὐγῇ καθαρᾷ, καθαροὶ ὄντες καὶ ἀσήμαντοι τούτου ὃ νῦν δὴ σῶμα περιφέροντες ὀνομάζομεν, ὁστρέου τρόπον δεδεδεσμευμένοι...

Ὁ μὲν οὖν μὴ νεοτελής ἢ διεφθαρμένος οὐκ ὀξέως ἐνθένδε ἐκεῖσε φέρεται πρὸς αὐτὸ τὸ κάλλος, θεώμενος αὐτοῦ τὴν τῇδε ἐπωνυμίαν, ὥστ' οὐ σέβεται προσορῶν, ἀλλ' ἡδονῇ παραδοὺς τετράποδος νόμον βαίνειν ἐπιχειρεῖ καὶ παιδοσπορεῖν, καὶ ὕβρει προσομιλῶν οὐ δέδοικεν οὐδ' αἰσχύνεται παρὰ φύσιν ἡδονὴν διώκων· ὁ δὲ ἀρτιτελής, ὁ τῶν τότε πολυθεάμων, ὅταν θεοειδὲς πρόσωπον ἴδῃ κάλλος εὖ μεμιμημένον ἢ τινα σώματος ιδέαν, πρῶτον μὲν ἔφριξε καὶ τι τῶν τότε ὑπῆλθεν αὐτὸν διεμάτων, εἶτα προσορῶν ὥς θεὸν σέβεται, καὶ εἰ μὴ ἐδεδίει τὴν τῆς σφόδρα μανίας δόξαν, θύοι ἂν ὥς ἀγάλματι καὶ θεῷ τοῖς παιδικοῖς. ἰδόντα δ' αὐτὸν οἶον ἐκ τῆς φρίκης μεταβολή τε καὶ ἰδρῶς καὶ θερμότης ἀήθης λαμβάνει· δεξάμενος γὰρ τοῦ κάλλους τὴν – ἀπορροὴν διὰ τῶν ὁμμάτων ἐθερμάνθη ἢ ἢ τοῦ πτεροῦ φύσις ἄρδεται, θερμανθέντος δὲ ἐτάκη τὰ περὶ τὴν ἔκφυσιν, ἃ πάλαι ὑπὸ σκληρότητος συμμαμυκὸτα εἶργε μὴ βλαστάνειν, ἐπιρρυείσης δὲ τῆς τροφῆς ὥδησέ τε

Сияющую красоту можно было видеть тогда, когда мы вместе со счастливым сонмом видели блаженное зрелище, одни — следуя за Зевсом, а другие — за кем-нибудь другим из богов, и приобщались к таинствам, которые можно по праву назвать самыми блаженными и которые мы совершали, будучи сами еще непорочными и не испытывавшими зла, ожидавшего нас впоследствии. Допущенные к видениям непорочным, простым, неколебимым и счастливым, мы созерцали их в свете чистом, чистые сами и еще не отмеченные, словно надгробием, той оболочкой, которую мы теперь называем телом и которую не можем сбросить, как улитка — свой домик...

Человек, отвергающий посвящение в таинства или испорченный, не слишком сильно стремится отсюда туда, к красоте самой по себе: он видит здесь то, что носит одинаковое с нею название, так что при взгляде на это он не испытывает благоговения, но, преданный наслаждению, пытается, как четвероногое животное, покрыть и оплодотворить; он не боится наглого обращения и не стыдится гнаться за противоестественным наслаждением. Между тем человек, только что посвященный в таинства, много созерцавший тогда все, что там было, при виде божественного лица, хорошо воспроизводящего [ту] красоту или некую идею тела, сперва испытывает трепет, на него находит какой-то страх, вроде как было с ним и тогда; затем он смотрит на него с благоговением, как на бога, и, если бы не боялся прослыть совсем неистовым, он стал бы совершать жертвоприношения своему любимцу, словно кумиру или богу. А стоит тому на него взглянуть, как он сразу меняется, он как в лихорадке, его бросает в пот и в необычный жар.

Восприняв глазами истечение красоты, он согревается, а этим укрепляется природа крыла: от тепла размягчается вокруг ростка все, что ранее затвердело от сухости и мешало росту; благодаря притоку питания, стержень перьев набухает, и они начинают быстро расти от корня по всей душе — ведь она вся была искони пернатой. Пока это происходит, душа вся кипит и рвется наружу. Когда прорезываются зубы, бывает зуд и раздражение в деснах — точно такое же состояние испытывает душа при начале роста крыльев: она вскипает и при этом испытывает раздражение и зуд, рождая крылья.

καὶ ὥρμησε φύεσθαι ἀπὸ τῆς ρίζης ὁ τοῦ πτεροῦ καυλὸς ὑπὸ πᾶν τὸ τῆς ψυχῆς εἶδος· πᾶσα γὰρ ἦν τὸ πάλαι πτερωτή. Ζεῖ οὖν ἐν τούτῳ ὅλη καὶ ἀνακηκίει, καὶ ὅπερ τὸ τῶν ὀδοντοφυούτων πάθος περὶ τοὺς ὀδόντας γίγνεται ὅταν ἄρτι φύωσιν, κνήσῃς τε καὶ ἀγανάκτησις περὶ τὰ οὖλα, ταῦτόν δὴ πέπονθεν ἡ τοῦ πτεροφυεῖν ἀρχομένου ψυχῇ· ζεῖ τε καὶ ἀγανακτεῖ καὶ γοργαλίζεται φύουσα τὰ πτερά.

“Ὅταν μὲν οὖν βλέπουσα πρὸς τὸ τοῦ παιδὸς κάλλος, ἐκείθεν μέρη ἐπιόντα καὶ ῥέοντ’ – ἃ δὴ διὰ ταῦτα ἱμερος καλεῖται – δεχομένη τὸν ἱμερον ἄρδηται τε καὶ θερμαίνεται, λωφᾷ τε τῆς ὀδύνης καὶ γέγηθεν· ὅταν δὲ χωρὶς γένηται καὶ αὐχμήσῃ, τὰ τῶν διεξόδων στόματα ἢ τὸ πρερὸν ὀρμᾷ, συναυαινόμενα μύσαντα ἀποκλήει τὴν βλάστην τοῦ πτεροῦ, ἢ δ’ ἐντὸς μετὰ τοῦ ἡμέρου ἀποκεκλημένη, πηδῶσα οἶον τὰ σφύζοντα, τῇ διεξόδῳ ἐγχρίει ἐκάστη τῇ καθ’ αὐτήν, ὥστε πᾶσα κεντουμένη κύκλῳ ἢ φυχή οἰστρᾷ καὶ ὀδυνᾶται, μνήμην δ’ αὖ ἔχουσα τοῦ καλοῦ γέγηθεν.

Ἐκ δὲ ἀμφοτέρων μεμειγμένων ἀδημονεῖ τε τῇ ἀτοπία τοῦ πάθους καὶ ἀποροῦσα λυττᾷ, καὶ ἐμμανῆς οὖσα οὔτε νυκτὸς δύναται καθεύδειν οὔτε μεθ’ ἡμέραν οὐδ’ ἂν ἢ μένειν, θεῖ δὲ ποθοῦσα ὅπου ἂν οἴηται ὄψεσθαι τὸν ἔχοντα τὸ κάλλος· ἰδοῦσα δὲ καὶ ἐποχετευσαμένη ἱμερον ἔλυσε μὲν τὰ τότε συμπεφραγμένα, ἀναπνοὴν δὲ λαβοῦσα κέντρων τε καὶ ὠδίνων ἔληξεν, ἡδονὴν δ’ αὖ ταύτην γλυκυτάτην ἐν τῷ παρόντι καρποῦται. “Ὅθεν δὴ ἐκοῦσα εἶναι οὐκ ἀπολείπεται, οὐδέ τινα τοῦ καλοῦ περὶ πλείονος ποιεῖται, ἀλλὰ μητέρων τε καὶ ἀδελφῶν καὶ ἐταίρων πάντων λέλῃσται, καὶ οὐσίας δι’ ἀμέλειαν ἀπολλυμένης παρ’ οὐδὲν τίθεται, νομίμων δὲ καὶ εὐσχημόνων, οἷς πρὸ τοῦ ἐκαλλωπίζετο, πάντων καταφρονήσασα δουλεύειν ἐτοιμὴ καὶ κοιμᾶσθαι ὅπου ἂν ἑᾷ τις ἐγγυτάτῳ τοῦ πόθου· πρὸς γὰρ τῷ σέβεσθαι τὸν τὸ κάλλος ἔχοντα ἱατρὸν ἠὔρηκε μόνον τῶν μεγίστων πόνων.

Глядя на красоту юноши, она принимает в себя влекущиеся и истекающие оттуда частицы — не даром это называют влечением: впитывая их, она согревается, избавляется от муки и радуется. Когда же она вдалеке от него, она сохнет: отверстия проходов, по которым пробиваются перья, ссыхаются, закрываются, и ростки перьев оказываются заперты. Запертые внутри вместе с влечением, они бьются наподобие пульса, трут и колют, ища себе выхода — каждый росток отдельно для себя, — так что душа, вся изнутри исколотая, мучается и терзается, но все же, храня память о прекрасном, радуется.

Странность такого смещения ее терзает, в недоумении она неистовствует, и от иступления не может она ни спать ночью, ни днем оставаться на одном месте. В тоске бежит она туда, где думает увидеть обладателя красоты. При виде его влечение разливается по ней, и то, что было ранее заперто, раскрывается: для души это передышка, когда прекращаются уколы и муки, в это время вкушает она сладчайшее удовольствие. По доброй воле она никогда от него не откажется, ее красавец для нее дороже всех; тут забывают и о матерях, и о братьях, и о всех приятелях, и потеря — по нерадению — состояния ей также нипочем. Презрев все обычаи и приличия, соблюдением которых щеголяла прежде, она готова рабски служить своему желанному и валяться где попало, лишь бы поближе к нему — ведь помимо благоговения перед обладателем красоты она обрела в нем единственного исцелителя величайших страданий.

Пер. А. Н. Егунова

Подобие Солнцу

(Из «Государства». VI, 506a–509c)

Говорит Сократ (передавая свой разговор с Адимантом и Главконом, братьями Платона). Перед этим шел спор об условиях справедливого и удобного государственного порядка. Выяснилось, что главное условие этого — нали-

Οἶμαι γοῦν, εἶπον, δίκαιά τε καὶ καλὰ ἀγνοούμενα ὅπη ποτὲ ἀγαθὰ ἐστίν, οὐ πολλοῦ τινος ἄξιον φύλακα κεκτῆσθαι ἂν ἑαυτῶν τὸν τοῦτο ἀγνοοῦντα· μαντεύομαι δὲ μηδένα αὐτὰ πρότερον γνῶσεσθαι ἱκανῶς.

Καλῶς γάρ, ἔφη, μαντεύῃ.

Οὐκοῦν ἡμῖν ἡ πολιτεία τελέως κεκοσμήσεται, ἐὰν ὁ τοιοῦτος αὐτὴν ἐπισκοπῇ φύλαξ, ὁ τούτων ἐπιστήμων;

Ἀνάγκη, ἔφη. ἀλλὰ σὺ δὴ, ὦ Σώκρατες, πότερον ἐπιστήμην τὸ ἀγαθὸν φῆς εἶναι ἢ ἡδονήν, ἢ ἄλλο τι παρὰ ταῦτα;

Οὗτος, ἦν δ' ἐγώ, ἀνὴρ, καλῶς ἦσθα καὶ πάλαι καταφανὴς ὅτι σοι οὐκ ἀποχρήσοι τὸ τοῖς ἄλλοις δοκοῦν περὶ αὐτῶν.

Οὐδὲ γὰρ δίκαιόν μοι, ἔφη, ὦ Σώκρατες, φαίνεται τὰ τῶν ἄλλων μὲν ἔχειν εἰπεῖν δόγματα, τὸ δ' αὐτοῦ μή, τοσοῦτον χρόνον περὶ ταῦτα πραγματευόμενον.

Τί δέ; ἦν δ' ἐγώ· δοκεῖ σοι δίκαιον εἶναι περὶ ὧν τις μὴ οἶδεν λέγειν ὥς εἰδότα;

Οὐδαμῶς γ', ἔφη, ὥς εἰδότα, ὥς μέντοι οἰόμενον ταῦθ' ἃ οἶεται ἐθέλειν λέγειν.

Τί δέ; εἶπον· οὐκ ἦσθησαι τὰς ἄνευ ἐπιστήμης δόξας, ὥς πᾶσαι αἰσχυραί; ὧν αἱ βέλτισται τυφλαί — ἢ δοκοῦσί τί σοι τυφλῶν διαφέρειν ὁδὸν ὁρθῶς πορευομένων οἱ ἄνευ νοῦ ἀληθές τι δοξάζοντες;

Οὐδέν, ἔφη.

Βούλει οὖν αἰσχυρὰ θεάσασθαι, τυφλά τε καὶ σκολιά, ἐξὸν παρ' ἄλλων ἀκούειν φανὰ τε καὶ καλά;

Μὴ πρὸς Διός, ἢ δ' ὅς, ὦ Σώκρατες, ὁ Γλαῦκων, ὥσπερ ἐπὶ τέλει ὧν ἀποστής. ἀρκέσει γὰρ ἡμῖν, κἂν ὥσπερ δικαιοσύνης πέρι καὶ σωφροσύνης καὶ τῶν ἄλλων διήλθες, οὕτω καὶ περὶ τοῦ ἀγαθοῦ διέλθης.

чие правильных «стражей», или руководителей. Далее речь заходит о Благе, которое является идеальным фундаментом для существования «стражей» и государства.

— Я думаю, что справедливость и красота, если неизвестно, в каком отношении они суть благо, не найдут для себя достойного стража в лице человека, которому это неведомо. Да, я предвижу, что без этого никто и не может их познать.

— Ты верно предвидишь.

— Между тем государственный строй будет у нас в совершенном порядке только в том случае, если его будет блюсти страж, в этом сведущий.

— Это необходимо. Но ты-то сам, Сократ, считаешь благо знанием или удовольствием? Или чем-то иным, третьим?

— Ну что ты за человек! Мне хорошо известно, да и ты прежде явно показывал, что тебя не могут удовлетворить обычные мнения об этих вещах.

— Мне кажется, Сократ, неправильным, когда чужие взгляды люди умеют излагать, а свои собственные — нет, несмотря на долгие занятия в этой области.

— Как так? По-твоему, человек вправе говорить о том, чего он не знает, выдавая себя за знающего?

— Вовсе не за знающего, но пусть он изложит, что он думает, именно как свои соображения.

— Как? Разве ты не замечал, что все мнения, не основанные на знании, никуда не годятся? Даже лучшие из них и те слепы. Если у людей бывают какие-то верные мнения, не основанные на понимании, то чем они, по-твоему, отличаются от слепых, которые правильно идут по дороге?

— Ничем.

— Ты предпочитаешь наблюдать безобразное, туманное и неясное, хотя есть возможность узнать от других, что и ясно и красиво?

— Ради Зевса, Сократ, — воскликнул Главкон, — не отстраняйся, словно ты уже закончил рассуждение. С нас будет достаточно, если ты разберешь вопрос о благе так, как ты рассматривал справедливость, рассудительность и все остальное.

Καὶ γὰρ ἐμοί, ἦν δ' ἐγώ, ὦ ἐταῖρε, καὶ μάλα ἀρκέσει· ἀλλ' ὅπως μὴ οὐχ οἴός τ' ἔσομαι, προθυμούμενος δὲ ἀσχημονῶν γέλωτα ὀφλήσω. ἀλλ', ὦ μακάριοι, αὐτὸ μὲν τί ποτ' ἐστὶ τὰγαθὸν ἐάσωμεν τὸ νῦν εἶναι – πλέον γάρ μοι φαίνεται ἢ κατὰ τὴν παροῦσαν ὁρμὴν ἐφικέσθαι τοῦ γε δοκοῦντος ἐμοὶ τὰ νῦν – ὃς δὲ ἔκγονός τε τοῦ ἀγαθοῦ φαίνεται καὶ ὁμοιότατος ἐκείνῳ λέγειν ἐθέλω, εἰ καὶ ὑμῖν φίλον, εἰ δὲ μή, ἔαν.

Ἄλλ', ἔφη, λέγε· εἰς αὖθις γὰρ τοῦ πατρὸς ἀποτείσεις τὴν διήγησιν.¹⁾

Βουλοίμην ἄν, εἶπον, ἐμέ τε δύνασθαι αὐτὴν ἀποδοῦναι καὶ ὑμᾶς κομίσασθαι, ἀλλὰ μὴ ὥσπερ νῦν τοὺς τόκους μόνον.²⁾ τοῦτον δὲ δὴ οὖν τὸν τόκον τε καὶ ἔκγονον αὐτοῦ τοῦ ἀγαθοῦ κομίσασθε. εὐλαβεῖσθε μέντοι μὴ πη ἐξαπατήσω ὑμᾶς ἄκων, κίβδηλον ἀποδιδούς τὸν λόγον τοῦ τόκου.

Εὐλαβησόμεθα, ἔφη, κατὰ δύναμιν· ἀλλὰ μόνον λέγε.

Διομολογησάμενός γ', ἔφην ἐγώ, καὶ ἀναμνήσας ὑμᾶς τὰ τ' ἐν τοῖς ἐμπροσθεν ῥηθέντα καὶ ἄλλοτε ἤδη πολλάκις εἰρημένα.

Τὰ ποῖα; ἦ δ' ὅς.

Πολλὰ καλὰ, ἦν δ' ἐγώ, καὶ πολλὰ ἀγαθὰ καὶ ἕκαστα οὕτως εἶναί φαμέν τε καὶ διορίζομεν τῷ λόγῳ.

Φαμέν γάρ.

Καὶ αὐτὸ δὴ καλὸν καὶ αὐτὸ ἀγαθόν, καὶ οὕτω περὶ πάντων ἃ τότε ὥς πολλὰ ἐτίθεμεν, πάλιν αὖ κατ' ἰδέαν μίαν ἐκάστου ὥς μιᾶς οὕσης τιθέντες, „ὃ ἐστίν“ ἕκαστον προσαγορεύομεν.

Ἔστι ταῦτα.

Καὶ τὰ μὲν δὴ ὁρᾶσθαι φαμεν, νοεῖσθαι δ' οὐ, τὰς δ' αὖ ιδέας νοεῖσθαι μέν, ὁρᾶσθαι δ' οὐ.

Παντάπασι μὲν οὖν.

Τῷ οὖν ὁρῶμεν ἡμῶν αὐτῶν τὰ ὁρώμενα;

Τῇ ὄψει, ἔφη.

— Мне же, дорогой мой, этого тем более будет достаточно. Как бы мне только не сплеховать, а то своим нелепым усердием я вызову смех. Но, мои милые, что такое благо само по себе, это мы пока оставим в стороне, потому что, мне кажется, оно выше тех моих мнений, которых можно было достигнуть при нынешнем нашем размахе. А вот о том, что рождается от блага и чрезвычайно на него походит, я охотно поговорил бы, если вам угодно, а если нет, тогда оставим и это.

— Пожалуйста, говори, а о его родителе ты нам расскажешь в дальнейшем.

— Хотелось бы мне быть в состоянии отдать вам целиком этот мой долг, а не только проценты, как теперь. Но взыщите пока хоть проценты, то есть то, что рождается от самого блага. Однако берегитесь, как бы я нечаянно не провел вас, представив неверный счет.

— Мы остережемся по мере сил. Но ты продолжай.

— Да, если прежде договоримся и я напомним вам то, о чем мы с вами уже говорили раньше да и вообще нередко упоминали.

— А именно?

— Мы считаем, что есть много красивых вещей, много благ и так далее, и мы разграничиваем их с помощью определения.

— Да, мы так считаем.

— А также, что есть прекрасное само по себе, благо само по себе и так далее в отношении всех вещей, хотя мы и признаем, что их много. А что такое каждая вещь, мы уже обозначаем соответственно единой идее, одной для каждой вещи.

— Да, это так.

— И мы говорим, что те вещи можно видеть, но не мыслить, идеи же, напротив, можно мыслить, но не видеть.

— Конечно.

— Посредством чего в нас видим мы то, что мы видим?

— Посредством зрения.

— И не правда ли, что посредством слуха мы слышим все то, что можно слышать, а посредством остальных чувств мы ощущаем все, что поддается ощущению?

Οὐκοῦν, ἦν δ' ἐγώ, καὶ ἀκοῇ τὰ ἀκουόμενα, καὶ ταῖς ἄλλαις αἰσθήσεσι πάντα τὰ αἰσθητά;

Τί μήν;

Ἄρ' οὖν, ἦν δ' ἐγώ, ἐννενόηκας τὸν τῶν αἰσθήσεων δημιουργὸν δσω πολυτελεστάτην τὴν τοῦ ὄραν τε καὶ ὀρᾶσθαι δύναμιν ἐδημιούργησεν;

Οὐ πάνυ, ἔφη.

Ἄλλ' ὥδε σκόπει. ἔστιν ὅτι προσδεῖ ἀκοῇ καὶ φωνῇ γένους ἄλλου εἰς τὸ τὴν μὲν ἀκούειν, τὴν δὲ ἀκούεσθαι, ὃ ἐὰν μὴ παραγένηται τρίτον, ἢ μὲν οὐκ ἀκούσεται, ἢ δὲ οὐκ ἀκουσθήσεται;

Οὐδενός, ἔφη.

Οἶμαι δέ γε, ἦν δ' ἐγώ, οὐδ' ἄλλαις πολλαῖς, ἵνα μὴ εἴπω ὅτι οὐδεμιᾶ, τοιούτου προσδεῖ οὐδενός. ἢ σὺ τίνα ἔχεις εἰπεῖν;

Οὐκ ἔγωγε, ἦ δ' ὅς.

Τὴν δὲ τῆς ὄψεως καὶ τοῦ ὄρατοῦ οὐκ ἐννοεῖς ὅτι προσδεῖται;

Πῶς;

Ἐνούσης που ἐν ὀμμασιν ὄψεως καὶ ἐπιχειροῦντος τοῦ ἔχοντος χρῆσθαι αὐτῇ, παρούσης δὲ χρώας ἐν αὐτοῖς, ἐὰν μὴ παραγένηται γένος τρίτον ἰδίᾳ ἐπ' αὐτὸ τοῦτο πεφυκός, οἶσθα ὅτι ἢ τε ὄψις οὐδὲν ὄψεται, τὰ τε χρώματα ἔσται ἀόρατα.

Τίνος δὴ λέγεις, ἔφη, τούτου;

Ὅ δὴ σὺ καλεῖς, ἦν δ' ἐγώ, φῶς.

Ἀληθῆ, ἔφη, λέγεις.

Οὐ σμικρᾷ ἄρα ἰδέα ἢ τοῦ ὄραν αἰσθησις καὶ ἢ τοῦ ὀρᾶσθαι δύναμις τῶν ἄλλων συζεύξεων τιμιωτέρῳ ζυγῷ ἐζύγησαν,³⁾ εἴπερ μὴ ἄτιμον τὸ φῶς.

Ἀλλὰ μήν, ἔφη, πολλοῦ γε δεῖ ἄτιμον εἶναι.

Τίνα οὖν ἔχεις αἰτιάσασθαι τῶν ἐν οὐρανῷ θεῶν τούτου κύριον, οὗ ἡμῖν τὸ φῶς ὄψιν τε ποιεῖ ὄραν ὅτι κάλλιστα καὶ τὰ ὀρώμενα ὀρᾶσθαι;

Ὅνπερ καὶ σὺ, ἔφη, καὶ οἱ ἄλλοι· τὸν ἥλιον γὰρ δῆλον ὅτι ἐρωτᾷς.

Ἄρ' οὖν ὥδε πέφυκεν ὄψις πρὸς τοῦτον τὸν θεόν;

Πῶς;

— Ну и что же?

— Обращал ли ты внимание, до какой степени драгоценна эта способность видеть и воспринимать зрением, созданная в наших ощущениях?

— А ты взгляни на это вот как: чтобы слуху слышать, а звуку звучать, требуется ли еще нечто третье, так, что когда оно отсутствует, ничто не слышится и не звучит?

— Ничего третьего тут не нужно.

— Я думаю, что и для многих других ощущений — но не для всех — не требуется ничего подобного. Или ты можешь что-нибудь возразить?

— Нет, не могу.

— А разве ты не замечал, что это требуется для зрения и для всего того, что можно видеть?

— Что ты говоришь?

— Какими бы зоркими и восприимчивыми к цвету ни были у человека глаза, ты ведь знаешь, он ничего не увидит и не различит, если попытается пользоваться своим зрением без наличия чего-то третьего, специально для этого предназначенного.

— Что же это, по-твоему, такое?

— То, что ты называешь светом.

— Ты прав.

— Значит, немаловажным началом связуются друг с другом зрительное ощущение и возможность зрительно восприниматься; их связь ценнее всякой другой, потому что свет драгоценен.

— Еще бы ему не быть!

— Кого же из небесных богов можешь мы признать владычествующим над ним и чей это свет позволяет нашему зрению всего лучше видеть, а предметам — восприниматься зрением?

— Того же бога, что и ты, и все остальные. Ведь ясно, что ты спрашиваешь о Солнце.

— А не находится ли зрение по своей природе вот в каком отношении к этому богу...

— В каком?

— Зрение ни само по себе, ни в том, в чем оно возникает, — мы называем это глазом — не есть Солнце.

Οὐκ ἔστιν ἥλιος ἢ ὄψις οὔτε αὐτὴ οὔτ' ἐν ᾧ ἐγγίγνεται, ὃ δὴ καλοῦμεν
 ὄμμα.

Οὐ γὰρ οὖν.

Ἄλλ' ἡλιοειδέστατόν γε οἶμαι τῶν περὶ τὰς αἰσθήσεις ὀργάνων.⁴⁾

Πολύ γε.

Οὐκοῦν καὶ τὴν δύναμιν ἣν ἔχει ἐκ τούτου ταμειουμένην ὥσπερ
 ἐπίρρυτον κέκτηται;

Πάνυ μὲν οὖν.

Ἄρ' οὖν οὐ καὶ ὁ ἥλιος ὄψις μὲν οὐκ ἔστιν, αἴτιος δ' ὧν αὐτῆς ὁράται
 ὑπ' αὐτῆς ταύτης;

Οὕτως, ἢ δ' ὅς.

Τοῦτον τοίνυν, ἣν δ' ἐγώ, φάναι με λέγειν τὸν τοῦ ἀγαθοῦ ἐκγονον, ὃν
 τὰγαθὸν ἐγέννησεν ἀνάλογον ἑαυτῷ, ὅτι περ αὐτὸ ἐν τῷ νοητῷ τόπῳ
 πρὸς τε νοῦν καὶ τὰ νοούμενα, τοῦτο τοῦτον ἐν τῷ ὁρατῷ πρὸς τε ὄψιν
 καὶ τὰ ὁρώμενα.

Πῶς; ἔφη· ἔτι δῖελθέ μοι.

Ὁφθαλμοί, ἣν δ' ἐγώ, οἶσθ' ὅτι, ὅταν μηκέτι ἐπ' ἐκεῖνά τις αὐτοὺς
 τρέπη ὧν ἂν τὰς χροᾶς τὸ ἡμερινὸν φῶς ἐπέχῃ, ἀλλὰ ὧν νυκτερινὰ
 φέγγη, ἀμβλυώττουςί τε καὶ ἐγγὺς φαίνονται τυφλῶν, ὥσπερ οὐκ
 ἐνούσης καθαρᾶς ὀψεως;

Καὶ μάλα, ἔφη.

Ὅταν δέ γ' οἶμαι ὧν ὁ ἥλιος καταλάμπει, σαφῶς ὁρῶσι, καὶ τοῖς
 αὐτοῖς τούτοις ὀμμασιν ἐνοῦσα φαίνεται.

— Конечно, нет.

— Однако из орудий наших ощущений оно самое солнцеобразное.

— Да, именно так.

— И та способность, которой обладает зрение, уделена ему Солнцем, как некое истечение.

— Конечно.

— Значит, и Солнце не есть зрение. Хотя оно — причина зрения, но само зрение его видит.

— Да, это так.

— Вот и считай, что я утверждаю это и о том, что порождается благом, — ведь благо произвело его подобным самому себе: чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам.

— Как это? Объясни мне подробнее.

— Ты знаешь, когда напрягаются, чтобы разглядеть предметы, озаренные сумеречным сиянием ночи, а не те, цвет которых предстает в свете дня, зрение притупляется, и человека можно принять чуть ли не за слепого, как будто его глаза не в порядке.

— Действительно, это так.

— Между тем те же самые глаза отчетливо видят предметы, освещенные Солнцем: это показывает, что зрение в порядке.

— И что же?

— Считай, что так бывает и с душой: всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, а это показывает ее разумность. Когда же она уклоняется в область смешения с мраком, возникновения и уничтожения, она тупеет, становится подверженной мнениям, меняет их так и этак, и кажется, что она лишилась ума.

— Похоже на это.

— Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и

Τί μήν;

Οὕτω τοίνυν καὶ τὸ τῆς φυγῆς ὧδε νόει· ὅταν μὲν οὐ καταλάμπει ἀλήθειά τε καὶ τὸ ὄν, εἰς τοῦτο ἀπερείσθεται, ἐνόησέν τε καὶ ἔγνω αὐτὸ καὶ νοῦν ἔχειν φαίνεται· ὅταν δὲ εἰς τὸ τῷ σκότῳ κεκραμένον, τὸ γινόμενόν τε καὶ ἀπολλύμενον, δοξάζει τε καὶ ἀμβλυώττει ἄνω καὶ κάτω τὰς δόξας μεταβάλλον, καὶ ἔοικεν αὐτὸς νοῦν οὐκ ἔχοντι.

Ἔοικε γάρ.

Τοῦτο τοίνυν τὸ τὴν ἀλήθειαν παρέχον τοῖς γινωσκομένοις καὶ τῷ γινώσκοντι τὴν δύναμιν ἀποδιδόν τὴν τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέαν φάθι εἶναι· αἰτίαν δ' ἐπιστήμης οὐσαν καὶ ἀληθείας, ὡς γινωσκομένης μὲν διανοοῦ, οὕτω δὲ καλῶν ἀμφοτέρων ὄντων, γνώσεώς τε καὶ ἀληθείας, ἄλλο καὶ κάλλιον ἔστι τούτων ἡγούμενος αὐτὸ ὁρθῶς ἡγήσῃ· ἐπιστήμην δὲ καὶ ἀλήθειαν, ὥσπερ ἐκεῖ φῶς τε καὶ ὄψιν ἡλιοειδῇ μὲν νομίζειν ὁρθόν, ἥλιον δ' ἡγεῖσθαι οὐκ ὁρθῶς ἔχει, οὕτω καὶ ἐνταῦθα ἀγαθοειδῇ μὲν νομίζειν ταυτ' ἀμφοτέρα ὁρθόν, ἀγαθὸν δὲ ἡγεῖσθαι ὁπότερον αὐτῶν οὐκ ὁρθόν, ἀλλ' ἔστι μειζόνως τιμητέον τὴν τοῦ ἀγαθοῦ ἔξιν.

Ἀμύχανον κάλλος, ἔφη, λέγεις, εἰ ἐπιστήμην μὲν καὶ ἀλήθειαν παρέχει, αὐτὸ δ' ὑπὲρ ταῦτα κάλλει ἐστίν· οὐ γὰρ δήπου σύ γε ἡδονὴν αὐτὸ λέγεις.

Εὐφήμει, ἦν δ' ἐγώ· ἀλλ' ὧδε μάλλον τὴν εἰκόνα αὐτοῦ ἔτι ἐπισκόπει.

Πῶς;

Τὸν ἥλιον τοῖς ὀρωμένοις οὐ μόνον οἶμαι τὴν τοῦ ὀρᾶσθαι δύναμιν παρέχειν φήσεις, ἀλλὰ καὶ τὴν γένεσιν καὶ αὔξην καὶ τροφήν, οὐ γένεσιν αὐτὸν ὄντα.

Πῶς γάρ;

Καὶ τοῖς γινωσκομένοις τοίνυν μὴ μόνον τὸ γινώσκεισθαι φάναι ὑπὸ τοῦ ἀγαθοῦ παρῆναι, ἀλλὰ καὶ τὸ εἶναι τε καὶ τὴν οὐσίαν ὑπ' ἐκείνου αὐτοῖς προσεῖναι, οὐκ οὐσίας ὄντος τοῦ ἀγαθοῦ, ἀλλ' ἔτι ἐπέκεινα τῆς οὐσίας

πρεσβεΐα καὶ δυνάμει ὑπερέχοντος.⁵⁾

Καὶ ὁ Γλαῦκων μάλα γελοίως, Ἄπολλον, ἔφη, δαιμονίας ὑπερβολῆς.⁶⁾

Σὺ γάρ, ἦν δ' ἐγώ, αἴτιος, ἀναγκάζων τὰ ἐμοὶ δοκοῦντα περὶ αὐτοῦ λέγειν.

Καὶ μηδαμῶς γ', ἔφη, παύση, ...

то и другое — познание и истина, но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, то будешь прав. Как правильно было считать свет и зрение солнцобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать которое-либо из них самым благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше.

— Каким же ты считаешь его несказанно прекрасным, если, по твоим словам, от него зависят и познание, и истина, само же оно превосходит их своей красотой! Но конечно, ты понимаешь под этим не удовольствие?

— Не кощунствуй! Лучше вот как рассматривай его образ...

— Как?

— Солнце дает всему, что мы видим, не только возможность быть видимым, но и рождение, рост, а также питание, хотя само оно не есть становление.

— Как же иначе?

— Считай, что и познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря благу; оно же дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой.

Тут Главкон шутя воскликнул:

— Апполон! В какие дебри мы забрались!

— Ты сам виноват, — сказал я, — ты заставляешь меня излагать мое мнение о благе.

— И ты ни в коем случае не переставай это делать.

Пер. А. Н. Егунова

«Парменид». Первая гипотеза: Единое (137с–142а)

Диалектическое исследование диалога «Парменид», представляющее собой основное генологическое сочинение, содержит волну критических возражений против модели «идея—вещь», не подкрепленных дальнейшими рассуждениями о единстве. В серии формулировок, выраженных как гипотезы, типа «Предполагаю, что...», систематическому исследованию подвергается сам феномен «единства». Первая гипотеза, которая приводится in

Εἰ ἓν ἐστίν, ἄλλο τι οὐκ ἂν εἴη πολλὰ τὸ ἓν;
Πῶς γὰρ ἂν;

Οὔτε ἄρα μέρος αὐτοῦ οὔτε ὅλον αὐτὸ δεῖ εἶναι.

— Τί δή;

Τὸ μέρος που ὅλου μέρος ἐστίν. — Ναί. — Τί δὲ τὸ ὅλον; οὐχὶ οὐκ ἂν μέρος μηδὲν ἀπὴ ὅλον ἂν εἴη; — Πάνυ γε. — Ἀμφοτέρως ἄρα τὸ ἓν ἐκ μερῶν ἂν εἴη, ὅλον τε ὃν καὶ μέρη ἔχον. — Ἀνάγκη. — Ἀμφοτέρως ἂν ἄρα οὕτως τὸ ἓν πολλὰ εἴη ἄλλ' οὐχ ἓν. — Ἀληθῆ. — Δεῖ δέ γε μὴ πολλὰ ἄλλ' ἓν αὐτὸ εἶναι. — Δεῖ.

Οὐτ' ἄρα ὅλον ἔσται οὔτε μέρη ἔξει, εἰ ἓν ἔσται τὸ ἓν. — Οὐ γάρ.

Οὐκοῦν εἰ μηδὲν ἔχει μέρος, οὐτ' ἂν ἀρχὴν οὔτε τελευτὴν οὔτε μέσον ἔχοι· μέρη γὰρ ἂν ἦδη αὐτοῦ τὰ τοιαῦτα εἴη. — Ὅρθως.

Καὶ μὴν τελευτὴ γε καὶ ἀρχὴ πέρας ἐκάστου. — Πῶς δ' οὐ; — Ἀπειρον ἄρα τὸ ἓν, εἰ μήτε ἀρχὴν μήτε τελευτὴν ἔχει. — Ἀπειρον.

Καὶ ἄνευ σχήματος ἄρα· οὔτε γὰρ στρογγύλου οὔτε εὐθέος μετέχει. — Πῶς; — Στρογγύλον γέ πού ἐστι τοῦτο οὐκ ἂν τὰ ἔσχατα πανταχῇ ἀπὸ τοῦ μέσου ἴσον ἀπέχῃ.

— Ναί. — Καὶ μὴν εὐθύ γε, οὐκ ἂν τὸ μέσον ἀμφοῖν τοῖν ἐσχάτοις ἐπίπροσθεν ᾗ. — Οὕτως. — Οὐκοῦν μέρη ἂν ἔχοι τὸ ἓν καὶ πολλὰ ἂν εἴη, εἴτε εὐθέος σχήματος εἴτε περιφεροῦς μετέχοι. — Πάνυ μὲν οὖν. — Οὔτε ἄρα εὐθύ οὔτε περιφερέες ἐστίν, ἐπεὶ περ οὐδὲ μέρη ἔχει. — Ὅρθως.

extenso, является совершенно негативной, что дало повод к абсолютно различным ее толкованиям.

Разговор происходит между Парменидом из Элеи, который говорит, и молодым человеком по имени Аристотель (вряд ли философом с тем же именем), который отвечает лишь ничего не значащими репликами.

— Ну, что ж, — сказал Парменид, — если есть единое, то может ли это единое быть многим? — Да как же это возможно? — Значит, у него не должно быть частей, и само оно не должно быть целым. — Почему так? — Часть, полагаю я, есть часть целого. — Да. — А что такое целое? Не будет ли целым то, в чем нет ни одной недостающей части? — Именно так. — Значит, в обоих случаях единое состояло бы из частей — и как целое, и как имеющее части. — Непременно. — И значит, в обоих случаях единое было бы многим, а не единым. — Правда. — Должно же оно быть не многим, а единым. — Должно.

— Следовательно, если единое будет единым, оно не будет целым и не будет иметь частей. — Конечно, нет. — А потому, не имея вовсе частей, оно не может иметь ни начала, ни конца, ни середины, ибо все это были бы уже его части. — Правильно.

— Но ведь конец и начало образуют предел каждой вещи. — Как же иначе? — Значит, единое беспредельно, если оно не имеет ни начала, ни конца.

— Беспредельно. — А также лишено очертаний: оно не может быть причастным ни круглому, ни прямому. — Как так? — Круглое ведь есть то, края чего повсюду одинаково отстоят от центра.

— Да. — А прямое — то, центр чего не дает видеть оба края.

— Да. — Итак, единое имело бы части и было бы многим, если бы было причастно прямолинейной или круглой фигуре. — Совершенно верно.

— Следовательно, оно — не прямое и не шарообразное, если не имеет частей.

— Правильно. — А будучи таким, оно не может быть нигде, ибо оно не может находиться ни в другом, ни в себе самом. — Почему так?

Καὶ μὴν τοιοῦτόν γε ὄν οὐδαμοῦ ἂν εἶη· οὔτε γὰρ ἐν ἄλλῳ οὔτε ἐν ἑαυτῷ εἶη.

– Πῶς δὴ;

Ἐν ἄλλῳ μὲν ὄν κύκλῳ που ἂν περιέχοιτο ὑπ’ ἐκείνου ἐν ᾧ ἐνείη, καὶ πολλαχοῦ ἂν αὐτοῦ ἄπτοιτο πολλοῖς· τοῦ δὲ ἐνός τε καὶ ἡμεροῦς καὶ κύκλου μὴ μετέχοντος ἀδύνατον πολλαχῇ κύκλῳ ἄπτεσθαι. – Ἄδύνατον.

Ἄλλὰ μὴν αὐτό γε ἐν ἑαυτῷ ὄν κἂν ἑαυτῷ εἶη περιέχον οὐκ ἄλλο ἢ αὐτό, εἶπερ καὶ ἐν ἑαυτῷ εἶη· ἐν τῷ γάρ τι εἶναι μὴ περιέχοντι ἀδύνατον. – Ἄδύνατον γάρ. – Οὐκοῦν ἕτερον μὲν ἂν τι εἶη αὐτὸ τὸ περιέχον, ἕτερον δὲ τὸ περιεχόμενον· οὐ γὰρ ὅλον γε ἅμωφ ταῦτόν ἅμα πείσεται καὶ ποιήσεται· καὶ οὕτω τὸ ἐν οὐκ ἂν εἶη ἔτι ἐν ἄλλῳ δύο. – Οὐ γὰρ οὖν.

Οὐκ ἄρα ἐστὶν που τὸ ἐν, μήτε ἐν αὐτῷ μήτε ἐν ἄλλῳ ἐνόν. – Οὐκ ἐστίν.

Ὅρα δὴ, οὕτως ἔχον εἰ οἶόν τέ ἐστιν ἐστάναι ἢ κινεῖσθαι.

– Τί δὴ γὰρ οὐ;

Ὅτι

κινούμενόν¹⁾ γε ἢ φέροιτο ἢ ἀλλοιοῖτο ἂν· αὐταὶ γὰρ μόναι κινήσεις.

– Ναί.

Ἀλλοιούμενον δὲ τὸ ἐν ἑαυτοῦ ἀδύνατόν που ἐν ἔτι εἶναι. – Ἄδύνατον.

Οὐκ ἄρα κατ’ ἀλλοιώσιν γε κινεῖται. – Οὐ φαίνεται.

Ἄλλ’ ἄρα τῷ φέρεσθαι; – Ἰσως.

Καὶ μὴν εἰ φέροιτο τὸ ἐν, ἥτοι ἐν τῷ αὐτῷ ἂν περιφέροιτο κύκλῳ ἢ μεταλλάττοι χώραν ἐτέραν ἐξ ἐτέρας.

– Ἀνάγκη.

Οὐκοῦν κύκλῳ μὲν περιφερόμενον ἐπὶ μέσου βεβηκέναι ἀνάγκη, καὶ τὰ περὶ τὸ μέσον φερόμενα ἄλλα μέρη ἔχειν ἑαυτοῦ· ᾧ δὲ μήτε μέσου μήτε μερῶν προσήκει, τίς μηχανὴ τοῦτο κύκλῳ ποτ’ ἐπὶ τοῦ μέσου ἐνεχθῆναι;

– Οὐδεμία.

Ἄλλὰ δὴ χώραν ἀμείβον ἄλλοι²⁾ ἄλλοι γίγνεται καὶ οὕτω κινεῖται; – Εἶπερ γε δὴ.

– Οὐκοῦν εἶναι μὲν που ἐν τινὶ αὐτῷ ἀδύνατον ἐφάνη; – Ναί. – Ἄρ’ οὖν γίνεσθαι³⁾ ἔτι ἀδυνατώτερον;

— Находясь в другом, оно, надо полагать, кругом охватывалось бы тем, в чем находилось бы, и во многих местах касалось бы его многими своими частями; но так как единое не имеет частей и не причастно круглому, то невозможно, чтобы оно во многих местах касалось чего-либо по кругу. — Невозможно.

— Находясь же в себе самом, оно будет окружать не что иное, как само себя, если только оно действительно будет находиться в себе самом: ведь невозможно, чтобы нечто находилось в чем-либо и не было им окружено.

— Конечно, невозможно. — Следовательно, окруженное и то, что его окружает, были бы каждое чем-то особым — ведь одно и то же целое не может одновременно испытывать и вызывать оба состояния, и, таким образом, единое было бы уже не одним, а двумя. — Конечно.

— Следовательно, единое не находится нигде: ни в себе самом, ни в другом.

— Не находится. — Сообрази же, может ли оно, будучи таким, покоиться или двигаться. — А почему же нет? — Потому что, двигаясь, оно перемещалось бы или изменялось: это ведь единственные виды движения.

— Да. — Но, изменяясь, единое уже не может быть единым. — Не может. — Следовательно, оно не движется путем изменения. — Очевидно, нет. — А не движется ли оно путем перемещения? — Может быть. — Но если бы единое перемещалось, то оно либо вращалось бы по одному и тому же кругу, либо меняло бы одно место на другое.

— Непременно. — Итак, необходимо, чтобы при круговращении оно имело центр, а также и другие части, которые вращались бы вокруг него. Но возможно ли, чтобы перемещалось вокруг центра то, чему не свойственны ни центр, ни части? — Нет, совершенно невозможно. — Но может быть, [единое], меняя место и появляясь то здесь, то там, таким образом движется? — Да, если оно действительно движется. — А не оказалось ли, что ему невозможно в чем-либо находиться? — Да. — И следовательно, в чем-то появляться еще менее возможно? — Не понимаю, почему. — Если нечто появляется в чем-либо, то необходимо, чтобы, пока оно только появляется, оно еще там не находилось, но и не было бы совершенно вовне, коль скоро оно уже появляется. — Да, необходимо.

— Οὐκ ἐννοῶ ὅπη.

Εἰ ἐν τῷ τι γίνεται, οὐκ ἀνάγκη μήτε πῶ ἐν ἐκείνῳ εἶναι ἔτι ἐγγιγνόμενον, μήτ' ἔτι ἔξω ἐκείνου παντάπασιν, εἴπερ ἤδη ἐγγίγνεται;

— Ἀνάγκη.

Εἰ ἄρα τι ἄλλο πείσεται τοῦτο, ἐκεῖνο ἂν μόνον πάσχοι οὐ μέρη εἴη· τὸ μὲν γὰρ ἂν τι αὐτοῦ ἤδη ἐν ἐκείνῳ, τὸ δὲ ἔξω εἴη ἅμα· τὸ δὲ μὴ ἔχον μέρη οὐχ οἷόν τε πῶς ἔσται τρόπῳ οὐδενὶ ὅλον ἅμα μήτε ἐντὸς εἶναι τινος μήτε ἔξω. — Ἀληθῆ. — Οὐ δὲ μήτε μέρη εἰσὶ μήτε ὅλον τυγχάνει ὄν, οὐ πολὺ ἔτι ἀδυνατώτερον ἐγγίγνεσθαι πῶς, μήτε κατὰ μέρη μήτε κατὰ ὅλον ἐγγιγνόμενον; — Φαίνεται.

Οὐτ' ἄρα ποιῶν καὶ ἐν τῷ γιγνόμενον χώραν ἀλλάττει, οὐτ' ἐν τῷ αὐτῷ περιφερόμενον οὔτε ἀλλοιούμενον. — Οὐκ ἔοικε.

Κατὰ πᾶσαν ἄρα κίνησιν τὸ ἐν ἀκίνητον.

— Ἀκίνητον.

Ἀλλὰ μὴν καὶ εἶναι γέ φαμεν ἐν τινι αὐτὸ ἀδύνατον.

— Φαμὲν γάρ. — Οὐδ' ἄρα ποτὲ ἐν τῷ αὐτῷ ἔστιν.

— Τί δή; — Ὅτι ἤδη ἂν ἐν ἐκείνῳ εἴη ἐν ᾧ τῷ αὐτῷ ἔστιν. — Πάνυ μὲν οὖν. — Ἀλλ' οὔτε ἐν αὐτῷ οὔτε ἐν ἄλλῳ οἷόν τε ἦν αὐτῷ ἐνεῖναι. — Οὐ γὰρ οὖν. — Οὐδέποτε ἄρα ἐστὶ τὸ ἐν ἐν τῷ αὐτῷ. — Οὐκ ἔοικεν.

Ἀλλὰ μὴν τό γε μηδέποτε ἐν τῷ αὐτῷ ὄν οὔτε ἡσυχίαν ἄγει οὐδ' ἔστηκεν.

— Οὐ γὰρ οἷόν τε.

Τὸ ἐν ἄρα, ὥς ἔοικεν, οὔτε ἔστηκεν οὔτε κινεῖται.

— Οὐκ οὖν δὴ φαίνεται γέ.

Οὐδὲ μὴν ταυτόν γε οὔτε ἐτέρῳ οὔτε ἑαυτῷ ἔσται, οὐδ' αὐτῷ ἑτερον οὔτε αὐτοῦ οὔτε ἐτέρου ἂν εἴη.

— Πῇ δή;

Ἔτερον μὲν πῶς ἑαυτοῦ ὄν ἐνὸς ἑτερον ἂν εἴη καὶ οὐκ ἂν εἴη ἐν. — Ἀληθῆ.

Καὶ μὴν ταυτόν γε ἐτέρῳ ὄν ἐκεῖνο ἂν εἴη, αὐτὸ δ' οὐκ ἂν εἴη· ὥστε οὐδ' ἂν οὕτως εἴη ὅπερ ἔστιν, ἐν, ἀλλ' ἑτερον ἐνός.

— Οὐ γὰρ οὖν.

Ταυτόν μὲν ἄρα ἐτέρῳ ἢ ἑτερον ἑαυτοῦ οὐκ ἔσται.

— Οὐ γάρ.

Ἔτερον δὲ γε ἐτέρου οὐκ ἔσται, ἕως ἂν ἡ ἐν· οὐ γὰρ ἐνὶ προσήκει ἐτέρῳ τινὸς εἶναι, ἀλλὰ μόνῳ ἐτέρου,

— Следовательно, если это вообще могло бы с чем-либо произойти, то лишь с тем, что имеет части; тогда одна какая-либо часть могла бы находиться внутри чего-либо, другая же одновременно вне его; но то, что не имеет частей, никоим образом не сможет в одно и то же время находиться целиком и внутри и вне чего-либо. — Это правда. — А не кажется ли еще менее возможным, чтобы где-либо появлялось то, что не имеет частей и не составляет целого, коль скоро оно не может появляться ни по частям, ни целиком? — Кажется. — Итак, единое не меняет места, направляясь куда-либо или появляясь в чем-либо, оно не возвращается в одном и том же месте и не изменяется. — Похоже, что так.

— Следовательно, единое не движется ни одним видом движения. — Нет, не движется. — Но мы утверждаем также, что для него невозможно находиться в чем-либо. — Да, утверждаем. — Следовательно, единое никогда не находится в том самом месте. — Почему так? — А потому, что тогда оно находилось бы в другом месте таким же образом, как в том же самом. — Совершенно верно. — Но для единого невозможно находиться ни в себе самом, ни в другом. — Это так.

— Следовательно, единое никогда не бывает в том же самом. — По-видимому, не бывает. — Но что никогда не бывает в том же самом, то не покоится и не стоит на месте. — Да это и невозможно. — Таким образом, оказывается, что единое и не стоит на месте, и не движется. — По-видимому, так. — Далее, оно не может быть тождественным ни чему-то иному, ни самому себе и, с другой стороны, отличным от себя самого или от иного.

— Как это? — Будучи отличным от себя самого, оно, конечно, было бы отлично от единого и не было бы единым. — Верно.

— А будучи тождественно иному, оно было бы этим последним и не было бы самим собой, так что и в этом случае оно было бы не тем, что оно есть, — единым, но чем-то отличным от единого. — Да, именно так. — Итак, оно не будет тождественным иному или отличным от себя самого. — Нет, не будет. — Но оно не будет также отличным от иного, пока оно остается единым, ибо не подобает единому быть отличным от чего бы то ни было: это свойственно только иному, и ничему больше. — Правильно. — Таким образом, единое, благодаря тому что оно едино, не может быть иным. Или, по-твоему, не так. — Именно так.

ἄλλω δὲ οὐδενί. — Ὅρθως. — Τῷ μὲν ἄρα ἐν εἶναι οὐκ ἔσται ἕτερον· ἢ οἶει; — Οὐ δῆτα. —

Ἄλλὰ μὴν εἰ μὴ τούτῳ, οὐχ ἑαυτῷ ἔσται, εἰ δὲ μὴ αὐτῷ, οὐδὲ αὐτό· αὐτὸ δὲ μηδαμῇ ὄν ἕτερον, οὐδενὸς ἔσται ἕτερον. — Ὅρθως.

Οὐδὲ μὴν ταυτὸν γε ἑαυτῷ ἔσται. — Πῶς δ' οὐ; — Οὐχ ἥπερ τοῦ ἐνὸς φύσις, αὐτὴ δῆπου καὶ τοῦ ταυτοῦ. — Τί δῆ; — Ὅτι οὐκ, ἐπειδὴν ταυτὸν γένηται τῷ τι, ἐν γίγνεται. — Ἀλλὰ τί μὴν; — Τοῖς πολλοῖς ταυτὸν γενόμενον πολλὰ ἀνάγκη γίνεσθαι ἄλλ' οὐχ ἓν. — Ἀληθῆ. — Ἄλλ' εἰ τὸ ἐν καὶ τὸ ταυτὸν μηδαμῇ διαφέρει, ὅποτε τι ταυτὸν ἐγίγνετο, αἰεὶ ἂν ἐν ἐγίγνετο, καὶ ὅποτε ἓν, ταυτόν. — Πάνυ γε. — Εἰ ἄρα τὸ ἐν ἑαυτῷ ταυτὸν ἔσται, οὐχ ἓν ἑαυτῷ ἔσται· καὶ οὕτω ἐν ὄν οὐχ ἓν ἔσται. Ἄλλὰ μὴν τοῦτό γε ἀδύνατον·

ἀδύνατον ἄρα καὶ τῷ ἐνί

ἢ ἑτέρου ἕτερον εἶναι

ἢ ἑαυτῷ ταυτόν.

— Ἀδύνατον.

Οὕτω δῆ

ἕτερόν γε ἢ ταυτὸν τὸ ἐν

οὔτ' ἂν αὐτῷ οὔτ' ἂν ἑτέρῳ εἴη.

— Οὐ γὰρ οὖν.

Οὐδὲ μὴν ὁμοίον τι ἔσται οὐδ' ἀνόμοιον

οὔτε αὐτῷ οὔτε ἑτέρῳ

— Τί δῆ;

Ὅτι

τὸ ταυτόν που πεπονθὸς ὁμοιον.

— Ναί. — Τοῦ δέ γε ἐνὸς χωρὶς ἐφάνη τὴν φύσιν τὸ ταυτόν. — Ἐφάνη γάρ· — Ἀλλὰ μὴν εἰ τι πέπονθε χωρὶς τοῦ ἐν εἶναι τὸ ἐν, πλείω ἂν εἶναι πεπόνθοι ἢ ἓν, τοῦτο δὲ ἀδύνατον. — Ναί. — Οὐδαμῶς ἔστιν ἄρα ταυτὸν πεπονθὸς εἶναι τὸ ἐν οὔτε ἄλλω οὔτε ἑαυτῷ. — Οὐ φαίνεται.

Οὐδὲ ὁμοιον ἄρα δυνατὸν αὐτὸ εἶναι οὔτε ἄλλω οὔτε ἑαυτῷ.

— Οὐκ ἔοικεν.

Οὐδὲ μὴν ἕτερόν γε πέπονθεν εἶναι τὸ ἐν· καὶ γὰρ οὕτω πλείω ἂν πεπόνθοι εἶναι ἢ ἓν. — Πλείω γάρ. — Τό γε μὴν ἕτερον πεπονθὸς ἢ ἑαυτοῦ ἢ ἄλλου ἀνόμοιον ἂν εἴη ἢ ἑαυτῷ ἢ ἄλλω, εἴπερ τὸ ταυτὸν πεπονθὸς ὁμοιον. — Ὅρθως.

— Но если оно не может быть иным из-за своего единства, то оно не будет иным и из-за себя самого, а если оно не может быть иным из-за себя самого, то само оно, никак не будучи иным, не будет и от чего бы то ни было отличным.

— Правильно. — Однако оно не будет и тождественно самому себе.

— Почему же? — Разве природа единого та же, что и природа тождественного? — А разве нет? — Ведь когда нечто становится тождественным чему-либо, оно не становится единым. — Чем же тогда оно становится? — Становясь тождественным многому, оно неизбежно становится многим, а не одним.

— Это правда. — Но если бы единое и тождественное ничем не отличались, то всякий раз, как что-либо становилось бы тождественным, оно делалось бы единым и, становясь единым, делалось бы тождественным. — Совершенно верно. — Следовательно, если единое будет тождественно самому себе, то оно не будет единым с самим собой и, таким образом, будучи единым, не будет единым. Но это, конечно, невозможно, а следовательно, единое не может быть ни отлично от иного, ни тождественно самому себе. — Да, не может.

— Итак, единое не может быть иным или тождественным ни самому себе, ни иному. — Конечно, нет. — Далее, оно не будет ни подобным, ни неподобным чему-либо — ни себе самому, ни иному. — Почему?

— Потому что подобное — это то, чему в некоторой степени свойственно тождественное. — Да. — Но оказалось, что тождественное по природе своей чуждо единому. — Да, это так. — Далее, если бы единое обладало какими-либо свойствами, кроме того чтобы быть единым, то оно обладало бы свойством быть большим, чем один, что невозможно. — Да.

— Следовательно, единое вовсе не допускает тождественности — ни другому, ни самому себе.

— Очевидно, нет. — Значит, оно не может быть и подобно ни другому, ни себе самому. — Выходит, так. — С другой стороны, единое не обладает свойством быть иным, ибо и в таком случае оно обладало бы свойством быть большим, чем одно. — Именно так. — Но то, что обладает свойством быть отличным от самого себя или от другого, неподобно как себе самому, так и другому, коль скоро подобно то, чему свойственна тождественность.

Τὸ δέ γε ἔν, ὥς ἔοικεν,
οὐδαμῶς ἕτερον πεπονθὸς
οὐδαμῶς ἀνόμοιον ἔστιν
οὔτε αὐτῷ οὔτε ἑτέρῳ.

— Οὐ γὰρ οὖν.

Οὔτε ἄρα

ὁμοιον οὔτε ἀνόμοιον

οὔθ' ἑτέρῳ οὔτε ἑαυτῷ ἂν εἴη τὸ ἔν.

— Οὐ φαίνεται.

Καὶ μὴν τοιοῦτόν γε ὃν οὔτε ἴσον οὔτε ἄνισον ἔσται οὔτε ἑαυτῷ οὔτε ἄλλῳ.

— Πῆ;

Ἰσον μὲν ὃν τῶν αὐτῶν μέτρων ἔσται ἐκείνῳ ᾧ ἂν ἴσον ᾗ. — Ναί.

Μεῖζον δέ που ἢ ἔλαττον ὃν, οἷς μὲν ἂν σύμμετρον ᾗ, τῶν μὲν ἑλαττόνων πλείω μέτρα ἔξει, τῶν δὲ μεζόνων ἐλάττω. — Ναί.

Οἷς δ' ἂν μὴ σύμμετρον, τῶν μὲν σμικροτέρων, τῶν δὲ μεζόνων μέτρων ἔσται. — Πῶς γὰρ οὐ;

Οὐκοῦν ἀδύνατον τὸ μὴ μετέχον τοῦ αὐτοῦ ἢ μέτρων τῶν αὐτῶν εἶναι ἢ ἄλλων ὀντινωνοῦν τῶν αὐτῶν; — Ἀδύνατον. — Ἰσον μὲν ἄρα οὔτ' ἂν ἑαυτῷ οὔτε ἄλλῳ εἴη μὴ τῶν αὐτῶν μέτρων ὃν. — Οὐκοῦν φαίνεται γε.

Ἄλλὰ μὴν πλείονων γε μέτρων ὃν ἢ ἑλαττόνων, ὁσωνπερ μέτρων, τοσοῦτων καὶ μερῶν ἂν εἴη· καὶ οὕτω αὐ οὐκέτι ἔν ἔσται ἀλλὰ τοσαῦτα ὁσαπερ καὶ τὰ μέτρα. — Ὅρθῶς. — Εἰ δέ γε ἐνὸς μέτρου εἴη, ἴσον ἂν γίγνοιτο τῷ μέτρῳ· τοῦτο δὲ ἀδύνατον ἐφάνη, ἴσον τῷ αὐτὸ εἶναι. — Ἐφάνη γάρ.

Οὔτε ἄρα ἐνὸς μέτρου μετέχον οὔτε πολλῶν οὔτε ὀλίγων, οὔτε τὸ παράπαν τοῦ αὐτοῦ μετέχον, οὔτε ἑαυτῷ ποτε, ὥς ἔοικεν, ἔσται ἴσον οὔτε ἄλλῳ·

οὔτε αὐ μεῖζον οὔδε ἑλαττον οὔτε ἑαυτοῦ οὔτε ἑτέρου.

— Παντάπασιν μὲν οὖν οὕτω.

Τί δέ;

πρεσβύτερον ἢ νώτερον

ἢ

τὴν αὐτὴν ἡλικίαν ἔχειν

τὸ ἔν δοκεῖ τῷ δυνατόν εἶναι;

— Τί δὴ γὰρ οὐ;

— Правильно.

— Единое же, вовсе не обладая, как выяснилось, свойством быть отличным, никак не может быть неподобным ни себе самому, ни иному. — Конечно, нет.

— Следовательно, единое не может быть ни подобным, ни неподобным ни себе самому, ни иному. — Очевидно, нет. — Далее, будучи таким, оно не будет ни равным, ни неравным ни себе самому, ни другому. — Почему так? — Будучи равным, оно будет иметь столько же мер, сколько то, чему оно равно. — Да.

— А будучи больше или меньше тех величин, с которыми оно соизмеримо, оно по сравнению с меньшими будет содержать больше мер, а по сравнению с большими — меньше. — Да. — А по отношению к величинам, с которыми оно не сопоставимо, оно не будет иметь ни меньше, ни больше мер. — Как же иначе?

— Но разве возможно, чтобы непричастное тождественному было одной и той же меры или имело что-либо тождественное другому? — Невозможно.

— А что не одной и той же меры, то не может быть равно ни себе самому, ни другому.

— Как видно, нет. — Но, заключая в себе большее или меньшее число мер, оно состояло бы из стольких частей, сколько содержит мер, и, таким образом, опять не было бы единым, но было бы числом, равным числу содержащихся в нем мер. — Правильно. — А если бы оно содержало всего одну меру, то было бы равно этой мере; но ведь выяснилось, что ему невозможно быть чему-либо равным. — Да, это выяснилось. — Итак, не будучи причастно ни одной мере, ни многим, ни немногим и будучи вовсе непричастно тождественному, единое, очевидно, никогда не будет равным ни себе, ни другому, а также не будет больше или меньше себя или иного.

— Совершенно верно. — Теперь вот что. Представляется ли возможным, чтобы единое было старше или моложе или одинакового возраста с чем-либо? — Почему бы и нет? — А потому, что, будучи одинакового возраста с самим собой или с другим, оно будет причастно равенству во времени и подобию; а мы уже говорили, что единое не причастно ни подобию, ни равенству. — Совершенно верно. — Но будучи таковым, может ли единое быть старше или моложе чего-либо или иметь с чем-либо одинаковый возраст? — Никоим образом. — Следовательно, единое не может быть моложе, старше или одинакового возраста ни с самим собой, ни с другим.

“Οτι που

ήλικίαν μὲν τὴν αὐτὴν ἔχον ἢ αὐτῷ ἢ ἄλλῳ ἰσότητος χρόνου καὶ ὁμοιότητος μεθέξει, ὧν ἐλέγομεν οὐ μετεῖναι τῷ ἐνί, οὔτε ὁμοιότητος οὔτε ἰσότητος. — Ἐλέγομεν γὰρ οὖν.

Καὶ μὴν καὶ ὅτι ἀνομοιοτήτος τε καὶ ἀνισότητος οὐ μετέχει, καὶ τοῦτο ἐλέγομεν. — Πάνυ μὲν οὖν. — Πῶς οὖν οἷόν τε ἔσται τινὸς ἢ πρεσβύτερον ἢ νεώτερον εἶναι ἢ τὴν αὐτὴν ἡλικίαν ἔχειν τῷ τοιοῦτον ὄν; — Οὐδαμῶς.

Οὐκ ἄρα
 ἂν εἴη νεώτερόν γε οὐδὲ πρεσβύτερον
 οὐδὲ τὴν αὐτὴν ἡλικίαν ἔχον τὸ ἐν
 οὔτε αὐτῷ οὔτε ἄλλῳ.
 — Οὐ φαίνεται.

Ἄρ’ οὖν οὐδὲ ἐν χρόνῳ τὸ παράπαν δύναίτο ἂν εἶναι τὸ ἐν, εἰ τοιοῦτον εἴη;

ἢ οὐκ ἀνάγκη,
 ἐάν τι ἢ ἐν χρόνῳ,
 αἰεὶ αὐτὸ αὐτοῦ πρεσβύτερον
 γίνεσθαι;
 — Ἀνάγκη.

Οὐκοῦν τό γε πρεσβύτερον αἰεὶ νεωτέρου πρεσβύτερον; — Τί μήν; — Τὸ πρεσβύτερον ἄρα ἑαυτοῦ γιγνόμενον καὶ νεώτερον ἑαυτοῦ ἅμα γίγνεται, εἴπερ μέλλει ἔχειν ὅτου πρεσβύτερον γίγνηται. — Πῶς λέγεις;

Ὡδε· διάφορον ἕτερον ἑτέρου οὐδὲν δεῖ γίνεσθαι ἤδη ὄντος διαφόρου, ἀλλὰ τοῦ μὲν ἤδη ὄντος ἤδη εἶναι, τοῦ δὲ γεγονότος γεγενῆναι, τοῦ δὲ μέλλοντος μέλλειν, τοῦ δὲ γιγνομένου οὔτε γεγενῆναι οὔτε μέλλειν οὔτε εἶναι πῶ διάφορον, ἀλλὰ γίνεσθαι καὶ ἄλλως οὐκ εἶναι. — Ἀνάγκη γὰρ δὴ.

Ἀλλὰ μὴν τό γε πρεσβύτερον διαφορότης νεωτέρου ἐστὶν καὶ οὐδενὸς ἄλλου. — Ἔστι γάρ.

Τὸ ἄρα πρεσβύτερον ἑαυτοῦ γιγνόμενον ἀνάγκη καὶ νεώτερον ἅμα ἑαυτοῦ γίνεσθαι. — Ἔοικεν.

Ἀλλὰ μὴν καὶ μήτε πλειῶ ἑαυτοῦ γίνεσθαι χρόνον μήτε ἐλάττω, ἀλλὰ τὸν ἴσον χρόνον καὶ γίνεσθαι ἑαυτῷ καὶ εἶναι καὶ γεγενῆναι καὶ μέλλειν ἔσεσθαι. — Ἀνάγκη γὰρ οὖν καὶ ταῦτα.

Ἀνάγκη ἄρα ἐστίν, ὥς ἔοικεν, ὅσα γε ἐν

— Очевидно, нет. — Но если единое таково, то может ли оно вообще существовать во времени? Ведь необходимо, чтобы существующее во времени постоянно становилось старше самого себя? — Да, необходимо.

— А старшее не есть ли всегда старшее по отношению к младшему. — Как же иначе?

— Значит, то, что становится старше себя, становится вместе с тем и моложе себя, коль скоро в нем будет то, старше чего оно становится. — Как ты говоришь? — А вот: если что-нибудь уже отлично от иного, оно не может становиться отличным от него; оно может только быть от него отличным; далее, если что-нибудь было отличным от иного или будет от него отличным, оно может только быть в прошлом отличным от него или отличаться от него в будущем; но если что-нибудь становится отличным от иного, то, значит, оно не было, не будет и не есть отличное от него, а только становится отличным, и не иначе. — Да, это верно. — А старшее есть нечто отличное от младшего, а не от чего-либо другого. — Да. — Следовательно, то, что становится старше самого себя, должно неизбежно становиться вместе с тем и моложе себя.

— Выходит, так. — С другой стороны, по времени оно, конечно, не бывает ни продолжительнее, ни короче самого себя, но становится и есть, было и будет в течение равного себе времени. — Да, и это верно. — И следовательно, оказывается необходимым, чтобы все, что существует во времени и причастно ему, имело один и тот же возраст с самим собой и вместе с тем становилось старше и моложе себя. — По-видимому так. — Но единому не свойственно ни одно подобное состояние. — Да, не свойственно. — Следовательно, единое не причастно времени и не существует ни в каком времени. — Действительно, не существует; по крайней мере, так показывает наше рассуждение.

— Что же далее? Не представляется ли, что слова «было», «стало», «становилось» означают причастность уже прошедшему времени?

— Конечно. — Далее, слова «будет», «будет становиться», «станет» не указывают ли на причастность времени, которое еще только должно наступить? — Да. — А слова «есть», «становится» — на причастность настоящему времени? — Именно так.

χρόνῳ ἐστὶν καὶ μετέχει τοῦ τοιούτου, ἕκαστον αὐτῶν τὴν αὐτὴν
τε

αὐτὸ αὐτῷ ἡλικίαν ἔχειν

καὶ

πρεσβύτερόν τε αὐτοῦ — ἅμα καὶ νεώτερον γίνεσθαι.

— Κινδυνεύει.

Ἄλλὰ μὴν τῷ γε ἐνὶ τῶν τοιούτων παθημάτων οὐδὲν μετῆν. — Οὐ γὰρ μετῆν.

Οὐδὲ ἄρα χρόνου αὐτῷ μέτεστιν,

οὐδ' ἐστὶν ἐν τινι χρόνῳ.

— Οὐκ οὖν δὴ, ὥς γε ὁ λόγος αἰρεῖ.

Τί οὖν; τὸ ἦν καὶ τὸ γέγονε καὶ τὸ ἐγίγνετο οὐ χρόνου μέθεξιν δοκεῖ σημαίνειν τοῦ ποτὲ γεγονότος; — Καὶ μάλα.

Τί δέ; τὸ ἔσται καὶ τὸ γενήσεται καὶ τὸ γενηθήσεται οὐ τοῦ ἔπειτα τοῦ μέλλοντος; — Ναί.

Τὸ δὲ δὴ ἐστὶ καὶ τὸ γίγνεται οὐ τοῦ νῦν παρόντος; — Πάνυ μὲν οὖν.

Εἰ ἄρα τὸ ἐν μηδαμῇ μηδενὸς μετέχει χρόνου, οὔτε ποτὲ γέγονεν οὐτ' ἐγίγνετο οὐτ' ἦν ποτέ, οὔτε νῦν γέγονεν οὔτε γίγνεται οὔτε ἐστὶν, οὐτ' ἔπειτα γενήσεται οὔτε γενηθήσεται οὔτε ἔσται.

— Ἀληθέστατα.

Ἔστιν οὖν οὐσίας ὅπως ἂν τι μετάσχοι ἄλλως ἢ κατὰ τούτων τι;

— Οὐκ ἐστὶν.

Οὐδαμῶς ἄρα τὸ ἐν οὐσίας μετέχει.

— Οὐκ ἔοικεν.

Οὐδαμῶς ἄρα ἐστὶ τὸ ἐν. — Οὐ φαίνεται.

Οὐδ' ἄρα οὕτως ἐστὶν ὥστε ἐν εἶναι·

εἴη γὰρ ἂν ἤδη ὄν καὶ

οὐσίας μετέχον·

ἀλλ' ὥς ἔοικεν,

τὸ ἐν οὔτε ἐν ἐστὶν οὔτε ἐστὶν,

εἰ δεῖ τῷ τοιῷδε λόγῳ πιστεῦειν.

— Κινδυνεύει.

Ὁ δὲ μὴ ἐστὶ, τούτῳ τῷ μὴ ὄντι εἴη ἂν τι αὐτῷ ἢ αὐτοῦ; — Καὶ πῶς; — Οὐδ' ἄρα ὄνομα ἐστὶν αὐτῷ οὐδὲ λόγος οὐδέ τις ἐπιστήμη οὐδὲ αἴσθησις οὐδὲ δόξα. — Οὐ φαίνεται.

Οὐδ' ὀνομάζεται ἄρα οὐδὲ λέγεται οὐδὲ δοξάζεται οὐδὲ γινώσκεται, οὐδέ τι τῶν ὄντων αὐτοῦ αἰσθάνεται. — Οὐκ ἔοικεν.

Ἡ δυνατόν οὖν¹⁾

περὶ τὸ ἐν ταῦτα οὕτως ἔχειν;

— Οὐκ οὖν ἔμοιγε δοκεῖ.

— Следовательно, если единое никак не причастно никакому времени, то оно не стало, не становилось и не было прежде, оно не настало, не настает и не есть теперь и, наконец, оно не будет становиться, не станет и не будет впоследствии.

— Совершенно верно. — Но возможно ли, чтобы нечто было причастно бытию иначе, нежели одним из этих способов? — Невозможно.

— Следовательно, единое никак не причастно бытию. — Оказывается, нет.

— И потому единое никаким образом не существует. — Очевидно, нет.

— Не существует оно, следовательно, и как единое, ибо в таком случае оно было бы уже существующим и причастным бытию. И вот оказывается, единое не существует как единое, да и [вообще] не существует, если доверять такому рассуждению. — Кажется так.

— А если что не существует, то может ли что-либо принадлежать ему или исходить от него? — Каким же образом? — Следовательно, не существует ни имени, ни слова для него, ни знания о нем, ни чувственного его восприятия, ни мнения. — Очевидно, нет. — Следовательно, нельзя ни назвать его, ни высказаться о нем, ни составить себе о нем мнения, ни познать его и ничто из существующего не может чувственно воспринять его. — Как выясняется, нет.

— Но возможно ли, чтобы так обстояло дело с единым? — Нет. По крайней мере, мне так кажется.

Пер. Н. Н. Томасова

Переходная категория «вдруг»

(Третья гипотеза «Парменида». 155е4–157в5)

Подобно тому как диалог «Пир» является основным для платоновского учения о Прекрасном, а диалог «Государство» — для его учения о Благое, диалог «Парменид» можно рассматривать как основной для его учения о Едином. Этот диалог — а также натурфилософский диалог «Тимей» — сыграл решающую роль в дальнейшем развитии платонизма и в античности, и в средневековье. Как нехристиане (Плотин, Прокл), так и христиане (Дионисий Ареопагит, Николай Кузанский) видели в «Пармениде» наиболее полное выражение учения Платона. Философия единства (генология), с которой был связан этот диалог, несколько отошла на задний план с победой в эпоху Просвещения естественно-научной школы.

Ἔτι δὴ τὸ τρίτον λέγωμεν. τὸ ἐν εἰ ἔστιν οἷον διεληλύθαμεν, ἄρ' οὐκ ἀνάγκη αὐτό, ἐν τε ὄν καὶ πολλὰ καὶ μήτε ἐν μήτε πολλὰ καὶ μετέχον χρόνου, ὅτι μὲν ἔστιν ἐν, οὐσίας μετέχειν ποτέ, ὅτι δ' οὐκ ἔστι, μὴ μετέχειν αὐ ποτε οὐσίας; — Ἀνάγκη. — Ἄρ' οὖν, ὅτε μετέχει, οἷον τε ἔσται τότε μὴ μετέχειν, ἢ ὅτε μὴ μετέχει, μετέχειν; — Οὐκ οἷόν τε. — Ἐν ἄλλῳ ἄρα χρόνῳ μετέχει καὶ ἐν ἄλλῳ οὐ μετέχει· οὕτω γὰρ ἂν μόνως τοῦ αὐτοῦ μετέχοι τε καὶ οὐ μετέχοι. —

Ὅρθῶς.

Οὐκοῦν ἔστι καὶ οὗτος χρόνος, ὅτε μεταλαμβάνει τοῦ εἶναι καὶ ὅτε ἀπαλλάττεται αὐτοῦ; ἢ πῶς οἷόν τε ἔσται τοτὲ μὲν ἔχειν τὸ αὐτό, τοτὲ δὲ μὴ ἔχειν, ἐὰν μὴ ποτε καὶ λαμβάνῃ αὐτὸ καὶ ἀφίῃ; — Οὐδαμῶς. — Τὸ δὴ οὐσίας μεταλαμβάνειν ἄρα γε οὐ γίνεσθαι καλεῖς; — Ἐγώ γε. — Τὸ δὲ ἀπαλλάττεσθαι οὐσίας ἄρα οὐκ ἀπόλλυσθαι; — Καὶ πάνυ γε. — Τὸ ἐν δὴ, ὥς ἔοικε, λαμβάνον τε καὶ ἀφίεν οὐσίαν γίγνεται τε καὶ ἀπόλλυται.

Ἀνάγκη.

Ἐν δὲ καὶ πολλὰ ὄν καὶ γιγνόμενον καὶ ἀπολλύμενον ἄρ' οὐχ, ὅταν μὲν γίγνηται ἐν, τὸ πολλὰ εἶναι ἀπόλλυται, ὅταν δὲ πολλὰ, τὸ ἐν εἶναι ἀπόλλυται; — Πάνυ γε. — Ἐν δὲ γιγνόμενον καὶ πολλὰ ἄρ' οὐκ ἀνάγκη διακρίνεσθαι τε καὶ συγκρίνεσθαι; — Πολλή γε. — Καὶ μὴν ἀνόμοιον γε καὶ ὁμοιον ὅταν γίγνηται, ὁμοιοῦσθαι τε καὶ ἀνομοιοῦσθαι; — Ναί. — Καὶ ὅταν μείζον καὶ ἑλαττον καὶ ἴσον, αὐξάνεσθαι τε καὶ φθίνειν καὶ ἰσοῦσθαι;

Тем не менее этот диалог снова оказался в центре внимания, которым окружен теперь платонизм как философия. Дискуссии, разворачивавшиеся вокруг него во все времена, оказались релевантными основополагающим вопросам современной философии, как то: «парадокс» у Кьеркегора, «бытие» у Хайдеггера, «ничто» у Сартра, «мистерия» у Марселя, «мистическое» у Витгенштейна, «абсурдное» у Камю и т. д.

Здесь приводится третья из девяти «гипотез» диалога, та, что после Кьеркегора получила название гипотезы «вдруг».

Поведем еще речь о третьем. Если единое таково, каким мы его проследили, то не должно ли оно, будучи, с одной стороны, и одним, и многим, и не будучи, с другой стороны, ни одним, ни многим, а кроме того, будучи причастным времени, быть какое-то время причастным бытию, поскольку оно существует, и какое-то время не быть ему причастным, поскольку оно не существует? — Должно. — Но может ли оно, когда причастно бытию, не быть ему причастным, и когда оно не причастно ему, наоборот, быть? — Не может.

— Следовательно, оно причастно и не причастно [бытию] в разное время; только таким образом оно может быть и не быть причастным одному и тому же.

— Правильно. — Но не есть ли время и тот момент, когда единое приобщается к бытию, и тот, когда отрешается от него? Ведь как будет в состоянии единое то обладать, то не обладать чем-либо, но не будет момента, когда оно либо завладевает им, либо его оставляет? — Никак.

— А приобщение к бытию ты разве не называешь возникновением?

— Называю. — А отрешение от бытия не есть ли гибель? — Конечно.

— Таким образом, оказывается, что единое, приобщаясь к бытию и отрешаясь от него, возникает и гибнет. — Безусловно.

— А так как оно — единое и многое, возникающее и гибнущее, то не гибнет ли многое, когда оно становится единым, и не гибнет ли единое, когда оно становится многим? — Конечно. — А поскольку оно становится и единым и многим, не должно ли оно разъединяться и соединяться? — Непременно должно.

— Далее, когда оно становится неподобным и подобным, не должно ли оно уподобляться и делаться неподобным? — Должно. — А когда становится большим, меньшим, равным, не должно ли оно увели-

Οὕτως.

“Ὅταν δὲ κινούμενόν τε ἴσῃται καὶ ὅταν ἐστὸς ἐπὶ τὸ κινεῖσθαι μεταβάλλῃ, δεῖ δήπου αὐτὸ γε μὴδ’ ἐν ἐνὶ χρόνῳ εἶναι. — Πῶς δὴ; — Ἐστὸς τε πρότερον ὕστερον κινεῖσθαι καὶ πρότερον κινούμενον ὕστερον ἐστάναι, ἄνευ μὲν τοῦ μεταβάλλειν οὐχ οἶόν τε ἔσται ταῦτα πάσχειν. — Πῶς γάρ; — Χρόνος δέ γε οὐδεὶς ἔστιν, ἐν ᾧ τι οἶόν τε ἅμα μῆτε κινεῖσθαι μῆτε ἐστάναι. — Οὐ γὰρ οὖν. — Ἄλλ’ οὐδὲ μὴν μεταβάλλει ἄνευ τοῦ μεταβάλλειν.¹⁾ — Οὐκ εἰκός. — Πότ’ οὖν μεταβάλλει; οὔτε γὰρ ἐστὸς ὄν οὔτε κινούμενον μεταβάλλει, οὔτε ἐν χρόνῳ ὄν.

Οὐ γὰρ οὖν.

Ἄρ’ οὖν ἔστι τὸ ἄτοπον τοῦτο, ἐν ᾧ τότε’ ἂν εἴη, ὅτε μεταβάλλει; — Τὸ ποῖον δὴ; — Τὸ ἐξαίφνης. τὸ γὰρ ἐξαίφνης τοιόνδε τι ἔοικε σημαίνειν, ὡς ἐξ ἐκείνου μεταβάλλον εἰς ἑκάτερον. οὐ γὰρ ἔκ γε τοῦ ἐστάναι ἐστῶτος ἔτι μεταβάλλει, οὐδ’ ἐκ τῆς κινήσεως κινουμένης ἔτι μεταβάλλει· ἀλλὰ ἡ ἐξαίφνης αὕτη φύσις ἄτοπός τις ἐγκάθηται μεταξὺ τῆς κινήσεως τε καὶ στάσεως, ἐν χρόνῳ οὖσα, καὶ εἰς ταύτην δὴ καὶ ἐκ ταύτης τό τε κινούμενον μεταβάλλει ἐπὶ τὸ ἐστάναι καὶ τὸ ἐστὸς ἐπὶ τὸ κινεῖσθαι. — Κινδυνεύει. — Καὶ τὸ ἐν δὴ, εἴπερ ἔστηκέ τε καὶ κινεῖται, μεταβάλλοι ἂν ἐφ’ ἑκάτερα — μόνως γὰρ ἂν οὕτως ἀμφοτέρω ποιοῖ — μεταβάλλον δ’ ἐξαίφνης μεταβάλλει, καὶ ὅτε μεταβάλλει, ἐν οὐδενὶ χρόνῳ ἂν εἴη, οὐδὲ κινεῖτ’ ἂν τότε, οὐδ’ ἂν σταίῃ.

Οὐ γάρ.

Ἄρ’ οὖν οὕτω καὶ πρὸς τὰς ἄλλας μεταβολὰς ἔχει, ὅταν ἐκ τοῦ εἶναι εἰς τὸ ἀπόλλυσθαι μεταβάλλῃ ἢ ἐκ τοῦ μὴ εἶναι εἰς τὸ γίνεσθαι, μεταξὺ τινων τότε γίνεσθαι κινήσεών τε καὶ στάσεων, καὶ οὔτε ἔστι τότε οὔτε οὐκ ἔστι, οὔτε γίνεσθαι οὔτε ἀπόλλυται;

Ἔοικε γοῦν.

Κατὰ δὴ τὸν αὐτὸν λόγον καὶ ἐξ ἐνὸς ἐπὶ πολλὰ ἰδὼν καὶ ἐκ πολλῶν ἐφ’ ἐν οὔτε ἐν ἔστιν οὔτε πολλά, οὔτε διακρίνεται οὔτε συγκρίνεται. καὶ ἐξ ὁμοίου ἐπὶ ἀνόμοιον καὶ ἐξ ἀνομοίου ἐπὶ ὁμοιον ἰδὼν οὔτε ὁμοιον οὔτε ἀνόμοιον, οὔτε ὁμοιούμενον οὔτε ἀνομοιούμενον· καὶ ἐκ σμικροῦ ἐπὶ μέγα καὶ ἐπὶ ἴσον καὶ εἰς τὰ ἐναντία ἰδὼν οὔτε σμικρὸν οὔτε μέγα οὔτε ἴσον, οὔτε αὐξανόμενον οὔτε φθίνον οὔτε ἰσούμενον εἴη ἂν.

Οὐκ ἔοικε.

Ταῦτα δὴ τὰ παθήματα πάντ’ ἂν πάσχοι τὸ ἐν, εἰ ἔστιν.

Πῶς δ’ οὐ;

чиваться, уменьшаться, уравниваться? — Да. — А когда оно, находясь в движении, останавливается или из покоя переходит в движение, то, полагаю я, оно не должно пребывать ни в каком времени. — Как это? — Прежде покоясь, а затем двигаясь и прежде двигаясь, затем покоясь, оно не будет в состоянии испытывать это, не подвергаясь изменению. — Конечно. — Ведь не существует времени, в течение которого что-либо могло бы сразу и не двигаться, и не покоиться.

— Конечно, нет. — Но оно ведь и не изменяется, не подвергаясь изменению.

— Это было бы невероятно. — Так когда же оно изменяется? Ведь и не покоясь, и не двигаясь, и не находясь во времени, оно не изменяется.

— Конечно, нет. — В таком случае не странно ли то, в чем оно будет находиться в тот момент, когда оно изменяется? — Что именно?

— «Вдруг»; ибо это «вдруг», видимо, означает нечто такое, начинающая с чего происходит изменение в ту или другую сторону. В самом деле, изменение не начинается с покоя, пока это — покой, ни с движения, пока продолжается движение; однако это странное по своей природе «вдруг» лежит между движением и покоем, находясь совершенно вне времени; но в направлении к нему и исходя от него изменяется движущееся, переходя к покою, и покоящееся, переходя к движению. — Кажется, так.

— И коль скоро единое покоится и движется, оно должно изменяться в ту и в другую сторону, потому что только при этом условии оно может пребывать в обоих состояниях. Изменяясь же, оно изменяется вдруг и, когда изменяется, не может находиться ни в каком времени, и не может, значит, в тот момент ни двигаться, ни покоиться. — Конечно, нет.

— Но разве не так обстоит дело и при прочих изменениях? Когда что-либо переходит от бытия к гибели или от небытия к возникновению, происходит его становление между некими движением и покоем и оно не имеет в тот момент ни бытия, ни небытия, не возникает и не гибнет. — Выходит, так.

— По той же причине, когда единое переходит из единого во многое и из многого в единое, оно не есть ни единое, ни многое, оно не разъединяется и не соединяется; точно так же, переходя из подобного в неподобное и из неподобного в подобное, оно не есть ни подобное, ни неподобное, оно не уподобляется и не становится неподобным; наконец, переходя из малого в великое и равное и наоборот, оно не бывает ни малым, ни великим, ни равным, не увеличивается, не убывает и не уравнивается. — Выходит, что нет.

— Значит, единое испытывает все эти состояния, если оно существует.

— Как же иначе?

Принципы натурфилософии («Тимей». 27d–29d)

«Тимей» — главное натурфилософское произведение Платона. В основном оно состоит из «достоверного рассказа» (εἰκὸς μύθος) о состоянии и структуре физического мира от лица пифагорейца Тимея. Отрывок взят из принципиально важного введения в этот рассказ. На первый план ставятся определенные принципы существования и природы каждой вещи, а именно: онтологический принцип разделения, причинный принцип (αἰτία) и принцип

Ἔστιν οὖν δὴ κατ' ἐμὴν δόξαν πρῶτον διαιρετέον τάδε· τί τὸ ὄν αἰεί, γένεσιν δὲ οὐκ ἔχον, καὶ τί τὸ γινόμενον μὲν αἰεί, ὄν δὲ οὐδέποτε; τὸ μὲν δὴ νοήσει μετὰ λόγου περιληπτόν, αἰεὶ κατὰ ταῦτά ὄν, τὸ δ' αὖ δόξῃ μετ' αἰσθήσεως ἀλόγου δοξαστόν, γινόμενον καὶ ἀπολλύμενον, ὄντως δὲ οὐδέποτε ὄν.

Πάν δὲ αὖ τὸ γινόμενον ὑπ' αἰτίου τινὸς ἐξ ἀνάγκης γίγνεσθαι· παντὶ γὰρ ἀδύνατον χωρὶς αἰτίου γένεσιν σχεῖν.

Ὅτου μὲν οὖν ἂν ὁ δημιουργὸς πρὸς τὸ κατὰ ταῦτά ἔχον βλέπων αἰεί, τοιούτῳ τινὶ προσχρώμενος παραδείγματι, τὴν ἰδέαν καὶ δύναμιν αὐτοῦ ἀπεργάζεται, καλὸν ἐξ ἀνάγκης οὕτως ἀποτελεῖσθαι πᾶν· οὐ δ' ἂν εἰς γεγονός, γεννητῷ παραδείγματι προσχρώμενος, οὐ καλόν.

Ὁ δὲ πᾶς οὐρανὸς — ἡ κόσμος ἢ καὶ ἄλλο ὅτι ποτὲ ὀνομαζόμενος μάλιστα ἂν δέχοιτο, τοῦθ' ἡμῖν ὀνομάσθω — σκεπτέον δ' οὖν περὶ αὐτοῦ πρῶτον, ὅπερ ὑπόκειται περὶ παντὸς ἐν ἀρχῇ δεῖν σκοπεῖν, πότερον ἢν αἰεὶ γενέσεως ἀρχὴν ἔχων οὐδεμίαν, ἢ γέγονεν, ἀπ' ἀρχῆς τινος ἀρξάμενος. γέγονεν· ὁρατὸς γὰρ ἀπτός τέ ἐστιν

ценности или качественности прекрасного (благо). Далее ставится вопрос о форме существования физического мира (который считается отраженным — εἰκὼν) и адекватно форме его познания (которое считается правдоподобным — εἰκός). Таким образом, точные знания о природе исключены в принципе, может существовать только более или менее «достоверный рассказ».

(Тимей говорит:)

Представляется мне, что для начала должно разграничить вот какие две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие и что есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и объяснения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле. Однако все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно. Далее, если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и потенции данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным.

А как же всеобъемлющее небо? Назовем ли мы его космосом или иным именем, которое окажется для него самым подходящим, мы во всяком случае обязаны поставить относительно него вопрос, с которого должно начинать рассмотрение любой вещи: было ли оно всегда, не имея начала своего возникновения, или же оно возникло, выйдя из некоего начала?

καὶ σῶμα ἔχων, πάντα δὲ τὰ τοιαῦτα αἰσθητά, τὰ δ' αἰσθητά, δόξη περιληπτά μετ' αἰσθήσεως, γιγνόμενα καὶ γεννητὰ ἐφάνη.

Τῷ δ' αὖ γενομένῳ φαμέν ὑπ' αἰτίου τινὸς ἀνάγκην εἶναι γενέσθαι. τὸν μὲν οὖν ποιητὴν καὶ πατέρα τοῦδε τοῦ παντὸς εὐρεῖν τε ἔργον καὶ εὐρόντα εἰς πάντας ἀδύνατον λέγειν· τότε δ' οὖν πάλιν ἐπισκεπτέον περὶ αὐτοῦ, πρὸς πότερον τῶν παραδειγμάτων ὁ τεκταινόμενος αὐτὸν ἀπηργάζετο, πότερον πρὸς τὸ κατὰ ταῦτα καὶ ὡσαύτως ἔχον ἢ πρὸς τὸ γεγονός, εἰ μὲν δὴ καλὸς ἐστὶν ὁδε ὁ κόσμος ὃ τε δημιουργὸς ἀγαθός, δῆλον ὡς πρὸς τὸ αἰδίον ἐβλεπεν· εἰ δὲ ὁ μὴδ' εἰπεῖν τινὶ θέμις, πρὸς γεγονός. παντὶ δὴ σαφές ὅτι πρὸς τὸ αἰδίον· ὁ μὲν γὰρ κάλλιστος τῶν γεγονότων, ὁ δ' ἄριστος τῶν αἰτίων.

Οὕτω δὴ γεγενημένος πρὸς τὸ λόγῳ καὶ φρονήσει περιληπτὸν καὶ κατὰ ταῦτα ἔχον δεδημιούργηται· τούτων δὲ ὑπαρχόντων αὐτῷ πᾶσα ἀνάγκη τόνδε τὸν κόσμον εἰκόνα τινὸς εἶναι.

Μέγιστον δὴ παντὸς ἄρξασθαι κατὰ φύσιν ἀρχήν. ὥδε οὖν περὶ τε εἰκόνης καὶ περὶ τοῦ παραδείγματος αὐτῆς διοριστέον, ὡς ἄρα τοὺς λόγους, ὧν πέρ εἰσιν ἐξηγηταί, τούτων αὐτῶν καὶ συγγενεῖς ὄντας· τοῦ μὲν οὖν μονίμου καὶ βεβαίου καὶ μετὰ νοῦ καταφανοῦς μονίμου καὶ ἀμεταπτώτους – καθ' ὅσον οἶόν τε καὶ ἀνελέγκτοις προσήκει λόγοις εἶναι καὶ ἀνικητοῖς, τούτου δεῖ μὴδὲν ἐλλείπειν – τοὺς δὲ τοῦ πρὸς μὲν ἐκεῖνο ἀπεικασθέντος, ὄντος δὲ εἰκόνης εἰκότας ἀνὰ λόγον τε ἐκείνων ὄντας· ὅτι περ πρὸς γένεσιν οὐσία, τοῦτο πρὸς πίστιν ἀλήθεια.

Ἐὰν οὖν, ὦ Σώκρατες, πολλὰ πολλῶν πέρι, θεῶν καὶ τῆς τοῦ παντὸς γενέσεως, μὴ δυνατοὶ γινώμεθα πάντῃ πάντως αὐτοὺς ἑαυτοῖς ὁμολογουμένους λόγους καὶ ἀπηκριβωμένους ἀποδοῦναι, μὴ θαυμάσης· ἀλλ' ἔὰν ἄρα μὴδενὸς ἦττον παρεχόμεθα εἰκότας, ἀγαπᾶν χρῆ,

μεμνημένους ὡς ὁ λέγων ἐγὼ ὑμεῖς τε οἱ κριταὶ φύσιν ἀνθρωπίνην ἔχομεν, ὥστε περὶ τούτων τὸν εἰκότα μῦθον ἀποδεχομένους πρέπει τούτου μὴδὲν ἔτι πέρα ζητεῖν.

ΣΩ. Ἄριστα, ὦ Τίμαιε, παντάπασί τε ὡς κελεύεις ἀποδεκτέον· τὸ μὲν οὖν προοίμιον θαυμασίως ἀπεδεξάμεθά σου, τὸν δὲ δὴ νόμον ἡμῖν ἐφεξῆς πέραινε.

Оно возникло: ведь оно зримо, осязаемо, телесно, а все вещи такого рода ощутимы и, воспринимаясь в результате ощущения мнением, возникают и порождаются. Но мы говорим, что все возникшее нуждается для своего возникновения в некоей причине. Конечно, творца и родителя этой Вселенной нелегко отыскать, а если мы его и найдем, о нем нельзя будет всем рассказывать. И все же поставим еще один вопрос относительно космоса: взирая на какой первообраз работал тот, кто его устроил, — на тождественный и неизменный или на имевший возникновение? Если космос прекрасен, а его демиург добр, ясно, что он взирал на вечное; если же дело обстояло так, что и выговорить-то запретно, значит, он взирал на возникшее. Но для всякого очевидно, что первообраз был вечным: ведь космос — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин. Возникши таким, космос был создан по тождественному и неизменному [образцу], постижимому с помощью рассудка и разума. Если это так, то в высшей степени необходимо, чтобы этот космос был образом чего-то. Но в каждом рассуждении важно избрать сообразное с природой начало. Поэтому относительно изображения и первообраза надо принять вот какое различие: слово о каждом из них сродни тому предмету, который оно изъясняет. О непреложном, устойчивом и мыслимом предмете и слово должно быть непреложным и устойчивым: в той мере, в какой оно может обладать неопровержимостью и бесспорностью, ни одно из этих свойств не должно быть утрачено. Но о том, что лишь воспроизводит первообраз и являет собой лишь подобие настоящего образа, и говорить можно не более как правдоподобно. Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере. А потому не удивляйся, Сократ, если мы, рассматривая во многих отношениях много вещей, таких, как боги и рождение Вселенной, не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего.

С о к р а т: Отлично, Тимей! Мы так и поступим, как ты предлагаешь. Запев твой мы выслушали с восторгом, а теперь поскорее переходим к самой песне.

Пер. С. С. Аверинцева

5. Спевсипп (ок. 395—339 до Р. Х.)

Принципы единства и двойственности

Спевсипп — племянник Платона, возглавивший Академию вслед за ним. Из его сочинений, написанных в пифагорейском духе, сохранились лишь отдельные фрагменты.

У Аристотеля, покинувшего Академию, когда ее возглавил Спевсипп, по-видимому, было мало общего с платонизмом такого рода.

1. „Le unum enim melius ente putantes et a quo le ens, et ab ea que secundum principium habitudine ipsum liberaverunt. Existimantes autem quod, si quis le unum ipsum seorsum et solum meditatum, sine aliis, secundum se ipsum ponat, nullum alterum elementum ipsi apponens, nichil utique fiet aliorum, indeterminabilem dualitatem entium principium induxerunt.“

2. ... διόπερ ὁ μὲν ἔφευγε τὸ ἀγαθὸν προσάπτειν τῷ ἐνὶ ὧς ἀναγκαῖον ὄν, ἐπειδὴ ἐξ ἐναντίων ἢ γένεσις, τὸ κακὸν τὴν τοῦ πλήθους φύσιν εἶναι. (fr. 35a Lang)

...Они (т. е. «старые»), полагая, что «единое» превосходит «сущее» и что оно и есть то, из чего «сущее» происходит, освободили его от того свойства, которое есть у начала. Однако увидев, что если рассматривать только одно «единое» само по себе, без второго, не добавляя к нему ничего от второго, то от второго ничего не останется, они в качестве начала всего сущего ввели «неопределенную двойственность» (*indeterminabilis dualitis*).

(Gaiser, *Testimonia platonica*, nr. 50). Этот фрагмент из Спевсиппа передан в латинском переводе (Вильгельм Мёрбеке) принадлежащего Проклу греческого комментария к «Пармениду» Платона. Комментарий был использован Проклом для прояснения платоновской идеи трансцендентного, каковая, по его мнению, была выражена в заключительной части первой гипотезы из «Парменида». Этот латинский перевод, в одном существенном моменте дополняющий приведенный нами текст Прокла, был открыт в 1927 г. (Клибанским) в личной библиотеке Николая Кузанского в Кузе и издан (Клибанским — Лабовским) в сборнике *PLATO LATINUS* в 1953 г. Примечательно, что преемник Платона по Академии одновременно и подчеркивает трансцендентность единого и выдвигает принцип «неопределенной двойственности», т. е. принцип дуализма, развившийся в ходе дискуссии об «ином» (*alia, talla*) и «вторичном» (*alterum, eteron*). Под «старыми» Спевсипп, очевидно, имеет в виду орфическо-пифагорейскую традицию, к которой причисляет и своего учителя Платона.

2. Для того, кто выдвигает единое в качестве высшего начала, возникает проблема соподчиненности его с благом и прекрасным, которые тоже могут выступать в качестве высших начал. Аристотель поднимает эту проблему в заканчивающей его «Метафизику» (книги XIII–XIV) критике Платона и платонизма, где, упомянув определенные трудности, возникающие при сравнении единого с благом (1091b 30 и далее), он говорит о Спевсиппе:

«Он избегает привязывать благо к единому на том основании, что поскольку возникновение происходит из противоречий, из этого неизбежно следует, что природа Множественности — Зло» (35a, Ланг).

3. Οὐκ ὀρθῶς δ' ὑπολαμβάνει οὐδ' εἴ τις παρεικάζει τὰς τοῦ ὅλου ἀρχὰς τῇ τῶν ζώων καὶ φυτῶν, ὅτι ἐξ ἀορίστων ἀτελῶν δὲ αἰεὶ τὰ τελειότερα, διὸ καὶ ἐπὶ τῶν πρώτων οὕτως ἔχειν φησίν, ὥστε μὴδὲ ὄν τι εἶναι τὸ ἐν αὐτό. (fr. 34e Lang)

3. В той же самой связи далее у Аристотеля говорится (Мет. 1092а 11 и далее):

«Нет, отнюдь не верно, если, подобно некоему мужу (т. е. Спевсиппу), сравнивают начало всего с началом животного и растительного мира, рассуждая так:

Возникновение более совершенного (в растительном и животном мире) — постоянный процесс для неопределенных несовершенств. Потому то же самое относится и к первичным, и простым сущностям. Отсюда следует, что Единое как таковое не может быть ничем сущим» (34е, Ланг).

Вывод предполагает, что Единое есть нечто совершенное. Издатель Аристотелевой «Метафизики» в серии Лоэба (Армстронг), переведя это, сделал комментарий: Аристотель критикует не вывод, а исходные позиции, считая их псевдоэволюционными.

6. Αριστοτέλης (384–322 до Р. Χ.)

**Κριτικά учения Πλάτωνα ο начале.
Μεταφυσικά. Α, 6 (987 a 27–988 a 17)**

Μετά δὲ τὰς εἰρημένας φιλοσοφίας ἡ Πλάτωνος ἐπεγένετο πραγματεία, τὰ μὲν πολλὰ τούτοις ἀκολουθοῦσα, τὰ δὲ καὶ ἴδια παρὰ τὴν τῶν Ἰταλικῶν ἔχουσα φιλοσοφίαν. ἐκ νέου τε γὰρ συνήθης γενόμενος πρῶτον Κρατύλῳ καὶ ταῖς Ἑρακλειτείσις δόξαις, ὡς ἀπάντων τῶν αἰσθητῶν ἀεὶ ῥεόντων καὶ ἐπιστήμης περὶ αὐτῶν οὐκ οὔσης, ταῦτα μὲν καὶ ὕστερον οὕτως ὑπέλαβεν·

Σωκράτους δὲ περὶ μὲν τὰ ἠθικὰ πραγματευομένου περὶ δὲ τῆς ὅλης φύσεως οὐθέν, ἐν μέντοι τούτοις τὸ καθόλου ζητοῦντος καὶ περὶ ὁρισμῶν ἐπιστήσαντος πρῶτου τὴν διάνοιαν, ἐκείνον ἀποδεξάμενος διὰ τὸ τοιοῦτον ὑπέλαβεν ὡς περὶ ἐτέρων τοῦτο γιγνόμενον καὶ οὐ τῶν αἰσθητῶν· ἀδύνατον γὰρ εἶναι τὸν κοινὸν ὄρον τῶν αἰσθητῶν τινός, ἀεὶ γε μεταβαλλόντων. οὗτος οὖν τὰ μὲν τοιαῦτα τῶν ὄντων ἰδέας προσηγόρευσε, τὰ δ' αἰσθητὰ παρὰ ταῦτα καὶ κατὰ ταῦτα λέγεσθαι πάντα· κατὰ μέθεξιν γὰρ εἶναι τὰ ὁμώνυμα τοῖς εἶδεσιν. τὴν δὲ μέθεξιν τοῦνομα μόνον μετέβαλεν· οἱ μὲν γὰρ Πυθαγόρειοι μιμήσει τὰ ὄντα φασὶν εἶναι τῶν ἀριθμῶν, Πλάτων δὲ μεθέξει, τοῦνομα μεταβαλὼν. τὴν μέντοι γε μέθεξιν ἢ τὴν μίμησιν ἥτις ἂν εἴη τῶν εἰδῶν ἀφεῖσαν ἐν κοινῷ ζητεῖν.

Ἔτι δὲ παρὰ τὰ αἰσθητὰ καὶ τὰ εἶδη τὰ μαθηματικὰ τῶν πραγμάτων εἶναί φησι μεταξὺ, διαφέροντα τῶν μὲν αἰσθητῶν τῷ ἀίδια καὶ ἀκίνητα εἶναι, τῶν δ' εἰδῶν τῷ τὰ μὲν πόλλ' ἄττα ὅμοια εἶναι τὸ δὲ εἶδος αὐτὸ ἐν ἑκαστῷ μόνον. ἐπεὶ δ' αἰτία τὰ εἶδη τοῖς ἄλλοις, τὰ κείνων στοιχεῖα πάντων ᾗθη τῶν ὄντων εἶναι στοιχεῖα.

Ὡς μὲν οὖν ὕλην τὸ μέγα καὶ μικρὸν εἶναι ἀρχάς, ὡς δ' οὐσίαν τὸ ἐν· ἐξ ἐκείνων γὰρ

Вслед за философскими учениями, о которых шла речь, появилось учение Платона, во многом примыкающее к пифагорейскому, но имеющее и свои особенности по сравнению с философией италийцев. Смолоду сблизившись прежде всего с Кратилом и проникшись Гераклитовыми воззрениями, согласно которым все чувственно воспринимаемое постоянно меняется, а знания о нем — нет, Платон и позже держался тех же взглядов. А так как Сократ, занимаясь вопросами нравственности, не исследовал природу в целом, но искал в нравственном общее и первый обратил свою мысль на определения, то Платон, усвоив взгляд Сократа, доказывал, что такие определения относятся не к чувственно воспринимаемому, а к чему-то другому, ибо, считал он, нельзя дать общего определения чего-либо из чувственно воспринимаемого, поскольку оно постоянно изменяется. И вот это другое из сущего он назвал идеями, а все чувственно воспринимаемое, говорил он, существует помимо них и именуется сообразно с ними, ибо через причастность эйдосам существует все множество одноименных с ними [вещей]. Однако «причастность» — это лишь новое имя: пифагорейцы утверждают, что вещи существуют через подражание числам, а Платон, <изменив имя>, — что через причастность. Но что такое причастность или подражание эйдосам, исследовать они предоставили другим.

Далее Платон утверждал, что помимо чувственно воспринимаемого и эйдосов существуют как нечто промежуточное математические предметы, отличающиеся от чувственно воспринимаемых тем, что они вечны и неподвижны, а от эйдосов — тем, что имеется много таких одинаковых предметов, в то время как каждый эйдос сам по себе и только один.

И так как эйдосы суть причины всего остального, то, полагал он, их элементы суть элементы всего существующего. Начала как материя — это большое и малое, а как сущность — единое, ибо эйдосы <как числа> получаются из большого и малого через причастность единому.

κατὰ μέθεξιν τοῦ ἑνὸς τὰ εἶδη εἶναι, τὸ μέντοι γε ἓν οὐσίαν εἶναι, καὶ μὴ ἕτερόν τι ὄν λέγεσθαι ἓν, παραπλησίως τοῖς Πυθαγορείοις ἔλεγε, καὶ τὸ τοὺς ἀριθμοὺς αἰτίους εἶναι τοῖς ἄλλοις τῆς οὐσίας ὡσαύτως ἐκείνοις· τὸ δὲ ἀντὶ τοῦ ἀπείρου ὡς ἑνὸς δυάδα ποιῆσαι, τὸ δ' ἄπειρον ἐκ μεγάλου καὶ μικροῦ, τοῦτ' ἴδιον·

Καὶ ἔτι ὁ μὲν τοὺς ἀριθμοὺς παρὰ τὰ αἰσθητά, οἱ δ' ἀριθμοὺς εἶναι φασιν αὐτὰ τὰ πράγματα, καὶ τὰ μαθηματικὰ μεταξὺ τούτων οὐ τιθέασιν. τὸ μὲν οὖν τὸ ἓν καὶ τοὺς ἀριθμοὺς παρὰ τὰ πράγματα ποιῆσαι, καὶ μὴ ὥσπερ οἱ Πυθαγόρειοι, καὶ ἡ τῶν εἰδῶν εἰσαγωγή διὰ τὴν ἐν τοῖς λόγοις ἐγένετο σκέψιν [οἱ γὰρ πρότεροι διαλεκτικῆς οὐ μετεῖχον], τὸ δὲ δυάδα ποιῆσαι τὴν ἑτέραν φύσιν διὰ τὸ τοὺς ἀριθμοὺς ἔξω τῶν πρώτων εὐφυῶς ἐξ αὐτῆς γεννᾶσθαι ὥσπερ ἐκ τινος ἐκμαγείου.

Καίτοι συμβαίνει γ' ἐναντίως· οὐ γὰρ εὐλογον οὕτως. οἱ μὲν γὰρ ἐκ τῆς ὕλης πολλὰ ποιοῦσιν, τὸ δ' εἶδος ἅπαξ γεννᾷ μόνον, φαίνεται δ' ἐκ μιᾶς ὕλης μία τράπεζα, ὁ δὲ τὸ εἶδος ἐπιφέρων εἰς ὧν πολλὰς ποιεῖ. ὁμοίως δ' ἔχει καὶ τὸ ἄρρεν πρὸς τὸ θῆλυ· τὸ μὲν γὰρ ὑπὸ μιᾶς πληροῦται ὀχείας, τὸ δ' ἄρρεν πολλὰ πληροῖ· καίτοι ταῦτα μιμήματα τῶν ἀρχῶν ἐκείνων ἐστίν.

Πλάτων μὲν οὖν περὶ τῶν ζητουμένων οὕτω διώρισεν· φανερόν δ' ἐκ τῶν εἰρημένων ὅτι δυοῖν αἰτίαι μόνον κέχρηται, τῇ τε τοῦ τί ἐστι καὶ τῇ κατὰ τὴν ὕλην [τὰ γὰρ εἶδη τοῦ τί ἐστίν αἴτια τοῖς ἄλλοις, τοῖς δ' εἶδεσι τὸ ἓν], καὶ τίς ἡ ὕλη ἡ ὑποκειμένη καθ' ἣς τὰ εἶδη μὲν ἐπὶ τῶν αἰσθητῶν τὸ δ' ἓν ἐν τοῖς εἶδεσι λέγεται, ὅτι αὕτη δυάς ἐστι, τὸ μέγα καὶ τὸ μικρόν, ἔτι δὲ τὴν τοῦ εὖ καὶ τοῦ κακῶς αἰτίαν τοῖς στοιχείοις ἀπέδωκεν ἑκατέραν, ὥσπερ φαμὲν καὶ τῶν προτέρων ἐπιζητῆσαι τινὰς φιλοσόφων, οἷον Ἑμπεδοκλέα καὶ Ἀναξαγόραν.

Что единое есть сущность, а не что-то другое, что обозначается как единое, это Платон утверждал подобно пифагорейцам, и точно так же, как они, что числа — причины сущности всего остального; отличительная же черта учения Платона — это то, что он вместо беспредельного, или неопределенного, как чего-то одного признавал двоицу и неопределенное выводил из большого и малого; кроме того, он полагает, что числа существуют отдельно от чувственно воспринимаемого, в то время как пифагорейцы говорят, что сами вещи суть числа, а математические предметы они не считают промежуточными между чувственно воспринимаемыми вещами и эйдосами. Платон же в отличие от пифагорейцев считал единое и числа существующими помимо вещей и ввел эйдосы, и основание этому то, что он занимался определениями (ведь его предшественники не были причастны к диалектике), а двоицу он объявил другой основой (φύσις) потому, что числа, за исключением первых, удобно выводить из нее как из чего-то податливого.

Однако на самом деле получается наоборот: такой взгляд не основателен. Ибо эти философы полагают, что из одной материи происходит многое, а эйдос рождает нечто только один раз, между тем совершенно очевидно, что из одной материи получается один стол, а тот, кто привносит эйдос, будучи один, производит много [столов]. Подобным же образом относится и мужское к женскому, а именно: женское оплодотворяется одним совокуплением, а мужское оплодотворяет многих; и, однако же, это — подобия тех начал.

Вот как Платон объяснял себе предмет нашего исследования. Из сказанного ясно, что он рассматривал только две причины: причину сути вещи и материальную причину (ибо для всего остального эйдосы — причина сути его, а для эйдосов такая причина — единое); относительно того, что такое лежащая в основе материя, в которой как материи чувственно воспринимаемых вещей сказываются эйдосы, а как материи эйдосов — единое, Платон утверждал, что она есть двоица — большое и малое. Кроме того, он объявил эти элементы причиной блага и зла, один — причиной блага, другой — причиной зла, а ее, как мы сказали, искали и некоторые из более ранних философов, например Эмпедокл и Анаксагор.

Пер. А. Ф. Лосева

7. Академический скепсис: *Аркесилай*

Аркесилай (315–240 до Р. Х.) реформировал преподавание в Академии, введя в него элемент скепсиса. Спорили — и спорят поныне — произошло ли это под влиянием школы скептика Пиррона, или учения перипатетиков (Теофраст), или шло непосредственно от Сократа. В качестве носителя имен-

„Socrates mihi videtur, id quod constat inter omnes, primus a rebus occultis et ab ipsa natura involutis, in quibus omnes ante eum philosophi occupati fuerunt, avocavisse philosophiam et ad vitam communem adduxisse, ut de virtutibus et vitiis omninoque de bonis rebus et malis quaereret, caelestia autem vel procul esse a nostra cognitione censeret vel, si maxime cognita essent, nihil tamen ad bene vivendum. Hic in omnibus fere sermonibus qui ab iis qui illum audierunt perscripti varie copioseque sunt ita disputat ut nihil adfirmet ipse, refellat alios, nihil se scire dicat nisi id ipsum, eoque praestare ceteris quod illi quae nesciant scire se putent, ipse se nihil scire, id unum sciat, ob eamque rem se arbitrari ab Apolline omnium sapientissimum esse dictum quod haec esset una omnis sapientia, non arbitrari se scire quod nesciat. Quae cum diceret constanter et in ea sententia permaneret, omnis eius oratio tamen in virtute laudanda et in hominibus ad virtutis studium cohortandis consumebatur, ut e Socraticorum libris maximeque Platonis intellegi potest.

Platonis autem auctoritate, qui varius et multiplex et copiosus fuit, una et consentiens duobus vocabulis philosophiae forma instituta est, Academicorum et Peripateticorum, qui rebus congruentes nominibus differebant; nam cum Speusippum sororis filium Plato philosophiae quasi heredem reliquisset, duos autem praestantissimo studio atque doctrina, Xenocratem Calchedonium et Aristotelem Stagiriten, qui erant cum Aristotele Peripatetici dicti sunt quia disputabant inambulantes in Lycio, illi

но такого взгляда выступает «академик» Варрон в сочинении Цицерона *Academici libri*, основном источнике сведений по истории скептического периода в Академии. Следующее взято из Цицерона (*Acad. I*, 15 и далее):

... По-моему, — и эту точку зрения разделяют все — Сократ был первым, кто отвлек философию от таких темных и самой природой прикровенных вещей, какими занимались все предшествующие ему философы, и перевел ее в сферу общих жизненных проблем. Он ставил свои вопросы о добродетелях и пороках и вообще о добре и зле, считая «небесные» вещи слишком далекими для нашего понимания, или — если они вполне постигаемы, — что они не способствуют праведному образу жизни. Почти во всех беседах (диалогах), которые столь подробно и со многим разнообразием записали его слушатели, он, опровергая других, ничего не утверждает сам. Он говорит, что ничего не знает, за исключением того — и в этом превосходит прочих, — что те считают себя знающими то, чего не знают, он же сам знает, что ничего не знает. Да, он полагает, говорил он, что именно по этой причине был назван Аполлоном мудрейшим из людей, так как вся мудрость, какой можно обладать, заключается в том, чтобы не думать, что знаешь то, чего не знаешь. Постоянно утверждая это и твердо придерживаясь своего мнения, он употреблял свое красноречие на то, чтобы восхвалять добродетель и призывать своих соотечественников со всем усердием придерживаться ее, — что вытекает из сочинений сократиков и в особенности Платона.

Однако под влиянием Платона, который был разнообразен, сложен и богат мыслями, возникла единая форма философии, существующая под двумя названиями: академическая и перипатетическая; но они полностью согласны друг с другом: это две школы, различающиеся названиями, но единые в существе дела. Ибо Платон оставил после себя, помимо своего племянника Спевсиппа, которого сделал своего рода «наследником» *своей* философии, еще двоих человек совершенно исключительного усердия и учености: халкидонита Ксенократа и стагирита Аристотеля; и те, кто примыкал к Аристотелю, были названы «перипатетиками», поскольку они дискутировали, прогуливаясь (*гр. peripatein*) в Ликее, в то время как прочие устраивали свои регулярные диспуты в основанной Платоном Академии,

autem quia Platonis instituto in Academia, quod est alterum gymnasium, coetus erant et sermones habere soliti, e loci vocabulo nomen habuerunt.

Sed utrique Platonis ubertate completi certam quandam disciplinae formulam composuerent et eam quidem plenam ac refertam, illam autem Socraticam dubitanter de omnibus rebus et nulla adfirmatione adhibita consuetudinem disserendi reliquerunt. Ita facta est, quod minime Socrates probabat, ars quaedam philosophiae et rerum ordo et descriptio disciplinae.

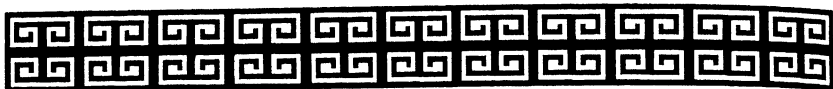
Itaque Arcesilas negabat esse quidquam quod sciri posset, ne illud quidem ipsum, quod Socrates sibi reliquisset¹⁾: sic omnia latere censebat in occulto, neque esse quidquam quod cerni aut intellegi posset; quibus de causis nihil oportere neque profiteri neque adfirmare quemquam neque ad-sensione approbare²⁾, cohibereque semper et ab omni lapsu continere temeritatem, quae tum esset insignis cum aut falsa aut incognita res approbaretur, neque hoc quidquam esse turpius quam cognitioni et perceptioni adsensionem approbationemque praecurrere. Huic rationi quod erat consentaneum faciebat, ut contra omnium sententias disserens in eam plerosque deduceret, ut cum in eadem re paria contrariis in partibus momenta rationum invenirentur, facilius ab utraque parte adsensio sustineretur.

которая была другим учебным заведением, и, таким образом, получили свое имя от названия места.

Но хотя обе эти проникнутые Платоновым богатством школы работали некую определенную форму учения, и притом вполне законченную, они упустили существовавшую в Сократовых беседах привычку сомневаться во всем и воздерживаться от любого позитивного утверждения. Тем самым возникло — что менее всего одобрил бы Сократ — некое искусство философии, упорядоченность вещей и описание наук.

Из этого отрывка можно было бы сделать вывод: «Назад к Сократу!» (ср. *Цицерон. О природе богов. I, 11 и Об ораторе. III, 67*). Однако же Аркесилай делает сознательный и решительный шаг в сторону дальнейшего развития скептического направления, что становится очевидным из следующего отрывка (*Acad. I 44–45*):

Аркесилай отрицал наличие чего-либо, что можно знать, полагая, что нельзя знать даже того, для чего Сократ сделал исключение. Он считал, что все сокрыто в темноте и нет ничего, что можно было бы разглядеть или постичь; по таковой причине, полагал Аркесилай, никто не может ни провозглашать чего-то, ни утверждать, ни с чем-то соглашаться, но нужно постоянно воздерживаться от любого ложного шага, ведущего к пропасти безрассудства, проявляемого всякий раз, когда мы одобряем неправильные или неизвестные нам вещи. И нет ничего глупее, нежели когда одобрительным согласием предвосхищают познание и восприятие (перцепцию). Он следовал этому учению, выдвигая доводы против любой из имеющихся точек зрения. Таким образом, он развил у многих своих слушателей понимание того, что, поскольку в одном и том же деле в противоположных позициях находятся равные доли смысла, то лучше воздерживаться от согласия и с той, и другой стороной.

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ

Эллинистическая Александрия

В позднюю античность Александрия являлась вторым по величине городом Римской империи. Основанная Александром Великим, она в течение столетий была городом ревностных ученых и книжников и, кроме того, оплотом науки. Но когда Александрия оказалась завоеванной римлянами (30 г. до Р. Х.), просвещенный эллинизм ушел в прошлое (Дройзен), оставив после себя интеллектуальный застой. Расцвет новой духовной жизни в Александрии был связан с появлением мощного творческого потенциала. В течение двух-трех веков в этой космополитичной среде возникло пестрое «узорное покрытие» («Строматы», название сочинения Климента) всевозможных религий и мировоззрений, каждое из которых — на свой лад — разрабатывало платонические мотивы.

Первыми в этом были иудеи, пытавшиеся соединить Платона с Моисеем. После работы целых поколений над «Септуагинтой», т. е. после перевода 70 толковниками Ветхого Завета на греческий язык, Филон, примерно современник Рождества Христова, попытался соединить Моисееву веру с греческой мыслью. Бог иудеев, который, согласно Первой книге Моисея (Бытие), создал небо и землю, для Филона идентифицировался с божественным «демиургом», который, согласно Платонову «Тимею», создал чувственный мир. А греческий Логос, считавшийся, в особенности стоиками, да и Платоном тоже, самой сущностью мысли, для Филона был идентичен Свету, который являет собой первое Божье «Да будет!».

Далее шли египтяне, которые пытались соединить платоновское (скорее всего) учение о божестве Гермесе как носителе Слова с культом своего бога Тота. Отсюда — «герметизм», этот мощный и неистребимый духовный импульс в западной литературно-религиозной жизни. Он выразился в том числе и во вневременных мотивах Амура и Психеи (Апулей, 13), которые можно обнаружить не только в «Федре» Платона, но и в «Песне Песней» Соломона. Но герметизм имел и нижний этаж, имевший вид черной магии и символического мистицизма. Его по праву можно называть специфически «египетским» и рассматривать как определенное препятствие на пути европейцев к ясности.

Далее, близко соприкасаясь с предыдущими, идут гностики, которые в фундамент общего эллинизма (Валентин) пытались вплести нити мистических религий, переплавляя все это в близкую к Платону «мифику». В отличие от герметиков (границы здесь расплывчаты), гностики объявляли себя христианами, да они, собственно, и были христианами, поскольку все их видение космической природы сводилось к живым, неписанным проповедям Христа. Отсюда — осуждение их отцами Церкви при Тертуллиане и Иринее. Гностики стали отождествляться с язычниками. Кстати, гностическо-языческое движение, сосредоточившись на мифической фигуре Заратустры, позднее стало манихейством — направлением, с которым особенно непримиримо боролся и которое победил Августин.

Свой вклад в это «узорное покрывало» внесла и ортодоксальная церковно-христианская группировка в Александрии, но и она, на свой манер, взяла себе в помощники Платона. Грек Климент, который сам пришел из Афин, не осудил, подобно римлянину Тертуллиану, учение гностиков о пути спасения через познание (γνῶσις — познание); он скорее абсорбировал его, преобразовав и очистив, и сам выступил от лица подлинных гностиков. Мысль для греков, сказал он, то же самое, что Закон для иудеев: преддверие веры. Греческий философский путь познания в его орфическо-платоническом окрасе предстал перед Климентом в виде «Песни» — слова, которое по-гречески (νόμος) означает также «закон». Другой великий александриец Ориген сумел уйти от духовного высокомерия, которое отличало академическую традицию. «Что такое христианство?» — спрашивал платоник Цельс и с презрением отвечал: «Платонизм для народа». (В течение последующих 1600 лет — до Ницше — ответ мог быть точно таким же.) Да, возразил Ориген, «христианство — своего рода платонизм, но платонизм — и для народа тоже».

Наконец, появляется Плотин, который был современником Оригена и, вероятно, учился у того же самого учителя, что и он (Аммония Саккаса). Он заставил умолкнуть весь «александрийский квартет», исполнявший вариации на тему Платона. Платон и Моисей — говорили иудеи. Платон и Гермес-Тот — говорили египтяне. Платон и Заратустра, «Христос» и Иисус — говорили гностики. Платон и Иисус Христос — говорили отцы Церкви. Все это для Плотина звучало фальшиво. Платон и тот, Платон и еще этот. Прочь и того и другого, и вперед к самому Платону, чистому Платону, сердцевина которого так же вневременна и самодостаточна, как чистая мысль. Да, откажись, наконец, и от самого Платона, поскольку твоя собственная мысль, предоставленная самой себе, проделает тот же путь познания, который проделала когда-то мысль Платона. Первый призыв Плотина был таков: «Отложи все». Неоплатонизм создавался им как чисто интеллектуальная мистика.

8. Филон Иудей из Александрии

Филон из Александрии, называемый также Филон Иудей, жил во времена Христа (ок. 20 до Р. Х. — ок. 45 по Р. Х.).

Филон происходил из богатого и благородного рода и принимал участие в политической жизни. Особенно известна его поездка к императору Гаю Калигуле (37–41) во главе иудейской делегации, жаловавшейся на погром в Александрии.

Филон был хорошо образован как в точных науках, так и в философии. Тем не менее главной книгой для него оставался Закон Моисея, и подавляющую часть его произведений составляли экзегетические сочинения, посвященные отдельным его главам. Многие места в его сочинениях обусловлены прежде всего тем, что он — иудей, принимавший активное участие в религиозной жизни синагоги.

Было много споров о том, могут ли его сочинения всерьез восприниматься в русле не-иудейского эллинизма или они должны толко-

13. "Ἐξ δὲ ἡμέραις δημιουργηθῆναί φησι τὸν κόσμον, οὐκ ἐπειδὴ προσεδεῖτο χρόνων μήκους ὁ ποιῶν — ἅμα γὰρ πάντα δρᾶν εἰκὸς θεόν, οὐ προστάττοντα μόνον ἀλλὰ καὶ διανοοῦμενον —, ἀλλ' ἐπειδὴ τοῖς γινομένοις ἔδει τάξεως.

Τάξει δὲ ἀριθμὸς οἰκεῖον, ἀριθμῶν δὲ φύσεως νόμοις γεννητικώτατος ὁ ἕξ· τῶν τε γὰρ ἀπὸ μονάδος πρῶτος τέλειός ἐστιν ἰσούμενος τοῖς ἑαυτοῦ μέρεσι καὶ συμπληρούμενος ἐξ αὐτῶν, ἡμίσεος μὲν τριάδος, τρίτου δὲ дуάδος, ἑκτου δὲ μονάδος, καὶ ὡς ἔπος εἰπεῖν ἄρρην τε καὶ θῆλυς εἶναι πέφυκε καὶ τῆς ἐκατέρου δυνάμεως ἡρμοσται·

ἄρρεν μὲν γὰρ ἐν τοῖς οὖσι τὸ περιττόν, τὸ δ' ἄρτιον θῆλυ· περιττῶν μὲν οὖν ἀριθμῶν ἀρχὴ τριάς, дуὰς δ' ἀρτίων, ἡ δ' ἀμφοῖν δύναμις ἑξάς.

14. "Ἐδει γὰρ τὸν κόσμον τελειότατον μὲν ὄντα τῶν γεγενομένων κατ' ἀριθμὸν τέλειον παγῆναι τὸν ἕξ, ἐν ἑαυτῷ δ' ἔχειν μέλλοντα τὰς ἐκ συνδυασμοῦ γενέσεις πρὸς μικτὸν ἀριθμὸν τὸν πρῶτον ἀρτιοπéριττον τυπωθῆναι, περιέξοντα καὶ τὴν τοῦ σπεύροντος ἄρρενος καὶ τὴν τοῦ ὑποδεχομένου τὰς γονὰς θήλεος ιδέαν.

ваться только на фоне иудейской традиции. Независимо от ответа на этот вопрос ясно, что сочинения Филона отражают влияние среднего, или «промежуточного», платонизма.

Произведение «О сотворении мира по Моисею» (более известное под сокращенным латинским названием *De opificio mundi*) представляет собой первую часть ряда взаимосвязанных сочинений, которые дают систематическое представление о содержании всех пяти книг Моисея. Библейский рассказ о Творении объяснен здесь посредством платонических, стоических и пифагорейских понятий, согласующихся с его собственным оригинальным взглядом на Бога и Логос. Главным источником вдохновения для него был «Тимей» Платона.

О сотворении мира

13. Он (Моисей) говорит, что космос был создан за шесть дней и не потому, что Создателю требовалось время на это, — ведь самоочевидно, что Бог все делает сразу, и не только Своим велением, но и мыслью, — но потому, что для Творения был надобен порядок.

Но к порядку относится число, а из чисел — по законам природы — шесть есть самое подходящее для Творения. Поскольку, если считать от одного, шесть — первое совершенное из чисел, так как оно равно производному своих частей (т. е. $1 \times 2 \times 3$), а также есть их сумма (т. е. $1 + 2 + 3$), а именно тройки как половины, двойки как трети и одного как шестой части. И, как сказано, по природе оно (шесть) и мужского и женского рода, и составлено из производных и того и другого.

Ведь во всем том, что существует, мужской род — нечет, а женский род — чет. Начало нечета есть число три, а чета — число два. Производное обоих есть число шесть.

14. Ибо так нужно было, чтобы космос, самое совершенное из сотворенного, был создан по совершенному числу, числу шесть; и так как оно должно содержать в себе тварные элементы для образования пар, то ему следовало быть выраженным смешанным числом, первым четным и первым нечетным, и таким образом заключать в себе идею и мужского рода, который закладывает семя, и женского, который его принимает.

15. Ἐκάστη δὲ τῶν ἡμερῶν ἀπένειμεν ἓνια τῶν τοῦ παντός τμημάτων τὴν πρώτην ὑπεξελόμενος, ἦν αὐτὸς οὐδὲ πρώτην, ἵνα μὴ ταῖς ἄλλαις συγκαταριθμῆται, καλεῖ, μίαν δ' ὀνομάσας ὀνόματι εὐθυβόλῳ προσαγορεύει, τὴν μονάδος φύσιν καὶ πρόσρησιν ἐνιδῶν τε καὶ ἐπιφημίσας αὐτῇ.
Λεκτέον δὲ ὅσα οἷόν τέ ἐστι τῶν ἐμπεριεχομένων, ἐπειδὴ πάντα ἀμήχανον· περιέχει γὰρ τὸν νοητὸν κόσμον ἐξαιρετον, ὥς ὁ περὶ αὐτῆς λόγος μηνύει.
16. Προλαβὼν γὰρ ὁ θεὸς ἅτε θεὸς ὅτι μίμημα καλὸν οὐκ ἂν ποτε γένοιτο δίχα καλοῦ παραδείγματος οὐδέ τι τῶν αἰσθητῶν ἀνυπαίτιον, ὃ μὴ πρὸς ἀρχέτυπον καὶ νοητὴν ἰδέαν ἀπεικονίσθη, βουληθεὶς τὸν ὁρατὸν κόσμον τουτονὶ δημιουργῆσαι προεξετύπου τὸν νοητὸν, ἵνα χρώμενος ἀσωμάτῳ καὶ θεοειδεστάτῳ παραδείγματι τὸν σωματικὸν ἀπεργάσεται, πρεσβυτέρου νεώτερον ἀπεικόνισμα, τοσαῦτα περιέξοντα αἰσθητὰ γένη ὅσα περ ἐν ἐκείνῳ νοητά.
17. Τὸν δ' ἐκ τῶν ἰδεῶν συνεστῶτα κόσμον ἐν τόπῳ τινὶ λέγειν ἢ ὑπονοεῖν οὐ θεμιτόν· ἢ δὲ συνέστηκεν, εἰσόμεθα παρακολουθήσαντες εἰκόνι τινὶ τῶν παρ' ἡμῖν. Ἐπειδὴν πόλις κτίζεται κατὰ πολλὴν φιλοτιμίαν βασιλέως ἢ τινος ἡγεμόνος αὐτοκρατοῦς ἐξουσίας μεταποιουμένου καὶ ἅμα τὸ φρόνημα λαμπροῦ τὴν εὐτυχίαν συνεπικοσμοῦντος, παρελθὼν ἔστιν ὅτε τις τῶν ἀπὸ παιδείας ἀνὴρ ἀρχιτεκτονικὸς καὶ τὴν εὐκрасίαν καὶ εὐκαιρίαν τοῦ τόπου θεασάμενος
διαγράφει πρῶτον ἐν ἑαυτῷ τὰ τῆς μελλούσης ἀποτελεῖσθαι πόλεως μέρη σχεδὸν ἅπαντα, ἱερὰ γυμνάσια πρυτανεῖα ἀγορὰς λιμένας νεωσοίκους στενωπούς, τειχῶν κατασκευὰς ἰδρύσεις οἰκιῶν καὶ δημοσίων ἄλλων οἰκοδομημάτων·
18. εἰθ' ὥσπερ ἐν κηρῷ τῇ ἑαυτοῦ ψυχῇ τοὺς ἐκάστων δεξάμενος τύπους ἀγαματοφορεῖ νοητὴν πόλιν, ἥς ἀνακινήσας τὰ εἰδωλα μνήμῃ τῇ συμφύτῳ καὶ τοὺς χαρακτῆρας ἔτι μᾶλλον ἐνσφραγισάμενος, οἷα δημιουργὸς ἀγαθός, ἀποβλέπων εἰς τὸ παράδειγμα τὴν ἐκ λίθων καὶ ξύλων ἄρχεται κατασκευάζειν, ἐκάστη τῶν ἀσωμάτων ἰδεῶν τὰς σωματικὰς ἐξομοιωὺν οὐσίας.
19. Τὰ παραπλήσια δὴ καὶ περὶ θεοῦ δοξαστέον, ὥς ἄρα τὴν μεγαλόπολιν κτίζειν διανοηθεὶς ἐνενόησε πρότερον τοὺς τύπους αὐτῆς, ἐξ ὧν κόσμον νοητὸν συστησάμενος ἀπετέλει καὶ τὸν αἰσθητὸν παραδείγματι χρώμενος ἐκείνῳ.
20. Καθάπερ οὖν ἡ ἐν τῷ ἀρχιτεκτονικῷ προδιατυπωθεῖσα πόλις χώραν ἐκτὸς οὐκ εἶχεν, ἀλλ' ἐνέσφράγιστο τῇ τοῦ τεχνίτου ψυχῇ,

15. Каждый день он (Моисей) наделил какими-то частями целого, за исключением дня первого, который он даже не называл первым, — дабы не считать его наравне с остальными. Но называя его «Одним», он указывает его точное имя, так как и видит и показывает в нем единство природы и названия.

Следовало бы назвать возможно большее количество элементов, которые вовлечены в творение, но ведь невозможно назвать все. А оно включало в качестве своего первейшего элемента мысленный космос, как показывает рассказ об этом.

16. Ибо Бог, будучи Богом, знал наперед, что красивое отображение невозможно без красивого образца, и что ничто из чувственного не может быть безупречно, не будучи исполнено по своему архетипу и духовной идее. И пожелав создать видимый космос, Он прежде сотворил космос мысленный, дабы, используя бестелесную и божественную модель, Он мог бы создать телесный космос как младшее отражение старшего. Этот телесный космос должен включать в себя столько же чувственных существ, сколько их умопостигаемых видов в том космосе.

17. Непозволительно придумывать или приписывать космосу, состоящему из идей, какое-то место. Из чего он состоит, мы узнаем, изучив ту его картину, которая, соответствуя ему, есть у нас. Когда закладывают новый город — например, по причине великого стремления к славе у какого-то царя или князя, обладающего неограниченной властью, да к тому же блестящего рода и желающего всем показать, как он удачлив, — тогда приходит образованный архитектор и, посмотрев на место, на то, каков там климат и хороши ли окрестности, делает поначалу набросок в себе самом, мысленно представляя почти все части будущего города: храмы, гимназии, базары, порт, верфи, улицы, городские стены, жилые дома и общественные сооружения.

18. Так, сделав в своей душе модель каждой вещи, наподобие восковой, вынашивает он в себе картину мысленного города. И когда он с помощью врожденной памяти придаст этим картинам свежесть и еще более запечатлеет в себе все его черты, то, как хороший мастер-строитель, начинает строить город из дерева и камня, не отрывая глаз от образца и тем самым делая телесные сущности похожими на каждую из бестелесных.

19. Точно так же мы должны думать и о Боге, о том, что, задумав построить Великий град, Он сперва продумывает его модели. Из них Он создает мысленный космос, и пользуясь им как образцом, возводит космос чувственный.

20. Подобно тому, как город, придуманный в мыслях архитектора, не имеет своего места вовне, но существует лишь в душе мастера,

τὸν αὐτὸν τρόπον οὐδ' ὁ ἐκ τῶν ἰδεῶν κόσμος ἄλλον ἂν ἔχοι τόπον ἢ τὸν θεῖον λόγον τὸν ταῦτα διακοσμήσαντα· ἐπεὶ τίς ἂν εἴη τῶν δυνάμεων αὐτοῦ τόπος ἕτερος, ὃς γένοιτ' ἂν ἱκανὸς οὐ λέγω πάσας ἀλλὰ μίαν ἄκρατον ἡντινοῦν δέξασθαι τε καὶ χωρῆσαι;

21. Δύναμις δὲ καὶ ἡ κοσμοποιητικὴ πηγὴν ἔχουσα τὸ πρὸς ἀλήθειαν ἀγαθόν. Εἰ γάρ τις ἐθελήσῃ τὴν αἰτίαν ἧς ἕνεκα τόδε τὸ πᾶν ἐδημιουργεῖτο διερευνᾶσθαι δοκεῖ μοι μὴ διαμαρτεῖν σκοποῦ φάμενος, ὅπερ καὶ τῶν ἀρχαίων εἶπέ τις, ἀγαθὸν εἶναι τὸν πατέρα καὶ ποιητὴν οὐ χάριν τῆς ἀρίστης αὐτοῦ φύσεως οὐκ ἐφθόνησεν οὐσίᾳ μηδὲν ἐξ αὐτῆς ἐχούση καλόν, δυναμένη δὲ πάντα γίνεσθαι.
22. Ἦν μὲν γὰρ ἐξ αὐτῆς ἄτακτος ἄποιος ἄψυχος (ἀνόμοιος), ἑτεριότητος ἀναρμοστίας ἀσυμφωνίας μεστή· τροπὴν δὲ καὶ μεταβολὴν ἐδέχετο τὴν εἰς τάναντία καὶ τὰ βέλτιστα τάξιν ποιότητα ἐμψυχίαν ὁμοιότητα ταυτότητα, τὸ εὐἄρμοστον, τὰ σύμφωνον, πᾶν ὅσον τῆς κρείττονος ιδέας.
23. Οὐδενὶ δὲ παρακλήτω – τίς γὰρ ἦν ἕτερος; – μόνῳ δὲ αὐτῷ χρησάμενος ὁ θεὸς ἔγνω δεῖν εὐεργετεῖν ἀταμιευτοῖς καὶ πλουσίαις χάρισι τὴν ἄνευ δωρεᾶς θείας φύσιν οὐδενὸς ἀγαθοῦ δυναμένην ἐπιλαχεῖν ἐξ ἑαυτῆς. Ἀλλ' οὐ πρὸς τὸ μέγεθος εὐεργετεῖ τῶν ἑαυτοῦ χαρίτων – ἀπερίγραφοι γὰρ αὐταὶ γε καὶ ἀτελεύτητοι –, πρὸς δὲ τὰς τῶν εὐεργετουμένων δυνάμεις· οὐ γὰρ ὥς πέφυκε ὁ θεὸς εὖ ποιεῖν, οὕτως καὶ τὸ γινόμενον εὖ πάσχειν, ἐπεὶ τοῦ μὲν αἰ δυνάμεις ὑπερβάλλουσι, τὸ δ' ἀσθενέστερον ὃν ἢ ὥστε δέξασθαι τὸ μέγεθος αὐτῶν ἀπέειπεν ἂν, εἰ μὴ διεμετρήσατο σταθμισάμενος εὐαρμόστως ἐκάστω τὸ ἐπιβάλλον.
24. Εἰ δέ τις ἐθελήσῃ γυμνοτέροις χρήσασθαι τοῖς ὀνόμασιν, οὐδὲν ἂν ἕτερον εἴποι τὸν νοητὸν κόσμος εἶναι ἢ θεοῦ λόγον ἤδη κοσμοποιούντος· οὐδὲ γὰρ ἡ νοητὴ πόλις ἕτερόν τί ἐστίν ἢ ὁ τοῦ ἀρχιτέκτονος λογισμὸς ἤδη τὴν (νοητὴν) πόλιν κτίζειν διανοομένου.
25. Τὸ δὲ δόγμα τοῦτο Μωυσέως ἐστίν, οὐκ ἐμόν· τὴν γοῦν ἀνθρώπου γένεσιν ἀναγράφων ἐν τοῖς ἔπειτα διαρρηθὴν ὁμολογεῖ, ὥς ἄρα κατ' εἰκόνα θεοῦ διευτυπώθη (Gen. 1,27). Εἰ δὲ τὸ μέρος εἰκῶν εἰκόνοσ, (δηλὸν ὅτι) καὶ τὸ ὅλον εἶδος, σύμπας οὗτος ὁ αἰσθητὸς κόσμος, εἰ μείζων τῆς ἀνθρωπίνης ἐστίν, μίμημα θείας εἰκόνοσ, δηλὸν ὅτι καὶ ἡ ἀρχέτυπος σφραγίς, ὃν φαμεν νοητὸν εἶναι κόσμον, αὐτὸς ἂν εἴη (τὸ παράδειγμα, ἀρχέτυπος ιδέα τῶν ἰδεῶν) ὁ θεοῦ λόγος.

так же и космос идей не имеет иного места, помимо божественного Логоса, который устрояет эти вещи. Ибо какое же иное место, достаточное и чтобы принять Его, и чтобы вместить, может неизменно стоять наготове для Его сил — я говорю не обо всех Его силах, но об одной единственной из них?

21. Сила, создавшая космос, — та, что есть источник истинно благого. Ибо если кто-то пожелает узнать причину, по какой, собственно, и было создано все, думаю, он не ошибется, сказав: она в том, что Бог — Отец и Создатель, о чем сказал и один из древних. Поэтому Он и не сообщил материи Своей совершенной природы, той материи, которая сама по себе не имеет ничего божественного, но которая может быть всем. Ведь само по себе ее существование не имеет ни порядка, ни качества, ни души, ни подобия, но полно противоречий, несуразностей и дисгармонии. Тем не менее материя может измениться и преобразиться в совершенно противоположное и лучшее — в порядок, качество, жизнь, подобие, тождество, благозвучие, гармонию — все то, что будет лучшего склада.

23. Без всяких советчиков — да и кто бы мог им быть? — но только Сам Собою, Бог знал, что должен быть благосклонен к природе, принося ей безграничные и щедрые дары, — той природе, что без Божьего милосердия сама по себе не в состоянии прийти к чему-то благому. Но Его благодать не измеряется Его дарами — ибо они безграничны и бесконечны, — но меряется лишь способностью воспринять их. Ибо не в природе рожденного претерпевать благо, но в Божьей природе — творить благо. Ведь силы Его всемогущи, рожденное же слишком слабо, чтобы воспринять их всецело, и оно не восприняло бы их, если бы Он по благодати Своей не отмеривал бы и не уделял каждому его часть.

24. А если кто-то желает использовать более простое выражение, он может сказать, что умный космос — не что иное, как Божественный Логос, когда Бог уже в процессе творения. Ибо ведь и умный город — не что иное, как мысль архитектора, когда он уже начал планировать создание города.

25. Не я так думаю, но Моисей. Когда он описывает сотворение человека, то ясно показывает, что тот был создан по образу Божию (Быт. 1, 27). Но если часть есть образец от образца, то очевидно, что и вся форма — тоже, весь этот чувственный космос; если то, что больше, чем человеческий образ, есть подобие образа Божия, то ясно, что печать архетипа, про который мы сказали, что это мысленный космос, и есть Сам Божественный Логос.

9. Ορφические гимны

От поздней античности осталось собрание так называемых орфических гимнов, всего 87 единиц. Собрание возникло не ранее II в. по Р. Х., но некоторые из них, вероятно, еще старше. Они носят литургический характер, и собрание, по всей вероятности, представляло собой культовую книгу орфической общины в Малой Азии. Они не являются дополнением к специфическому орфическому богословию, которое имеет очень древние корни и

ΕΙΣ ΤΗΝ ΝΥΚΤΑ

Νύκτα θεῶν γενέτειραν αἰέσομαι ἡδὲ καὶ ἀνδρῶν.
 Νύξ γένεσις πάντων, ἦν καὶ Κύπριν καλέσωμεν.
 κλυθι μάκαιρα θεά, κυαναυγής, ἀστεροφεγγής·
 ἡσυχίη χαίρουσα καὶ ἡρεμίη πολυύπνω·
 εὐφροσύνη, τερπνή, φιλοπάννουχε, μήτερ δνειρών·
 ληθομέριμν', ἀγανή τε, πόνων ἀνάπαυσιν ἔχουσα·
 ὑπνοδότειρα, φίλη πάντων, ἐλάσιππε, νυχαυγής·
 ἡμιτελής, χθονίη, ἡδ' οὐρανίη πάλιν αὐτή·
 ἐγκυκλῆ, παίκτηρα διώγμασιν ἡεροφοίτοις·
 ἢ φάος ἐκπέμπεις ὑπὸ νέρτερα, καὶ πάλι φεύγεις
 εἰς Ἀΐδην. δεινὴ γὰρ ἀνάγκη πάντα κρατύνει.
 νῦν δὲ, μάκαιρ' ὦ Νύξ πολυδόλβιε, πᾶσι ποθεινὴ,
 εὐάντητε, κλύουσα λόγων ἱκετηρίδα φωνήν,
 ἔλθοις εὐμενέουσα, φόβους δ' ἀπόπεμπε νυχαυγεῖς.

которое можно реконструировать по фрагментам, сохранившимся в некоторых более ранних источниках (как, например, у Гесиода). Приведенный здесь гимн, посвященный Ночи, передает глубинное настроение всей орфической мистики, которая соединяет его с основополагающим настроением платонизма: религиозным трепетом перед Истоком как пред великим неизвестным.

К Ночи (ок. I–II в. по Р. Х.)

Буду я ночь воспевать, что людей родила и бессмертных,
Ночь — начало всего, назовем ее также Кипридой.
Внемли, блаженная, в звездных лучах, в сиянии синем!
Внемли! Отрадны тебе тишина и сон безмятежный,
Ты, о веселая, добрая, праздники любишь ночные,
Мать сновидений, ты гонишь заботы и отдых приносишь.
Все тебя любят, дарящую сон, колесницы хозяйку,
Свет твой таинствен, и ты по природе, богиня, двусуща —
То под землей пребываешь, то снова восходишь на небо.
Кругами бредя, ты играешь, гонясь за живущими в небе,
Либо, коней подгоняя, к подземным богам устремляешь
Бег их и светишь в Аиде опять, ведь тобой управляет
Строгий Ананки закон, что всегда и для всех неизбежен.
Ныне, блаженная, всем вожденная Ночь, — умоляю,
Внемли с охотой словам к тебе обращенной молитвы,
Мне благосклонно явись, разогнав мои страхи ночные!

Пер. О. В. Смыки

ГНОСТИЦИЗМ И ГЕРМЕТИЗМ

Гностицизм и герметизм обнаруживают много общих черт. Их расцвет относится к I–II вв. по Р. Х. и наиболее активно они проявились в Египте. Оба направления представляют собой имманентный пессимизм, соединенный с возвышенным спиритуализмом, т. е. дуалистическое мировосприятие. Чувственному миру отказывается в какой-либо ценности или собственном существовании. Истинная человеческая природа, чтобы смочь реализоваться, должна быть раскрыта, познана и очищена в индивидуе в результате процесса, который в гностицизме требует искупления, а в герметизме — мистагогии (религиозного совершенствования).

В гностицизме (*гр.* γνῶσις: понимание, знание) миропонимание выражено посредством в высшей степени разнообразных космологическо-мифических систем. Понимание этих систем, включающих в себя предсуществование, падение, пленение и избавление, является исключительно важным для приобретения освобождающего гнозиса.

По всей вероятности, в основу древнейших гностических мифов положены сведения о Творении, почерпнутые из Ветхого Завета. Гностицизм же, очевидно, развивался как движение протеста, направленное сначала против иудаизма, а затем против христианства, которое, поначалу сосуществуя с иудаизмом, постепенно становилось официальным. Первоначальные ценности отбрасывались со все большей яростью, как, например, в апокрифе от Иоанна.

Наряду с этим гностицизм, как и герметизм, заимствовал многие термины, метафоры и представления у Платона, в частности из «Федра» и особенно из «Тимея». Само собой разумеется, что здесь речь идет и о толковании, означающем своего рода протест, так сказать, о платонизме с перевернутыми ценностями. Существует различие, как и в платоновской генологии, между высшей божественной сущностью, которая сокрыта, и открытым Божеством, которое создало чувственный мир, но это последнее скорее следовало бы считать демоном.

Гностицизм долгое время был известен только благодаря исключительно полемическим переложениям или отрывочным цитатам в

сочинениях отцов Церкви, но после находки, произошедшей вскоре после войны, значительного числа коптских рукописей в селении Наг Хаммади (Верхний Египет), стало возможным прочтение 52 оригинальных гностических сочинений. Все тексты первоначально были написаны по-гречески, но греческие оригиналы утеряны.

Гностицизм.

Из апокрифа от Иоанна

(Тайная книга от Иоанна)

Это основной гностический документ, содержащийся в четырех коптских рукописях, три из которых находятся в библиотеке Наг Хаммади. Четвертая известна с 1896 г. (Papyrus Beroliensis Gnosticus).

Два приведенных ниже отрывка представляют собой портреты «богов», первый — подлинный, настоящий гностический Бог, второй — ревнивый, неведающий, слабый создатель неба и земли.

Первые страницы рукописи довольно сильно пострадали, и исследователям пришлось иногда лишь догадываться, что уничтожено временем. Догадки опубликовавшего текст на норвежском языке проф. Виссоса кажутся весьма достоверными, и автор благодарен ему за критическую версию рукописи.

Неведомый Бог

Учение Спасителя и откровение тайн и вещей, которые сокрыты в темноте и которые Он открыл Иоанну, Своему пророку

Это случилось в день, когда Иоанн, брат Иакова, — это сыновья Себедея — пришел в храм, и подошел к нему фарисей по имени Ариман и сказал: «Где твой учитель, тот, за которым следуешь?» Иоанн ответил ему: «Откуда Он пришел, туда и вернулся». Тогда сказал ему фарисей: «Он хочет повести вас обманным путем, и он *(остаток строки не реконструируется)*, и закрыл сердца ваши, и отвернул вас от преданий отцов ваших»¹.

Когда я, Иоанн, услышал это, повернулся я от храма к пустыне и был очень подавлен *(текст не реконструируется)* и сказал: «Почему был выбран Спаситель, и почему был Он послан Своим Отцом в мир, и кто Его Отец, Тот, Кто послал Его, и каков тот (другой) Эон, к которому мы идем? Поскольку *(текст не реконструируется)* Он сказал нам: “Тот Эон, к которому идете, обрел свой образ по образу непреходящего Эона”. Но Он не научил нас, какого тот свойства».

Как только я подумал это в сердце своем, раскрылись небеса, и засияло все сотворенное, что есть под небом, и содрогнулся мир. Я был спасен, и вдруг привиделось мне в свете, что рядом со мной стоит юноша. Пока я смотрел на него, он стал похож на старика. И тут он изменил образ (снова) и стал похож на слугу. Передо мной не было никакого множества (я видел), но в свете — один образ со многими формами. И образы открывались друг через друга, и было у них три формы².

И он сказал мне: «Иоанн, Иоанн, почему ты сомневаешься? И почему ты боишься? Для тебя-то не в новинку такие речи? Иными словами: не занимайся ничтожными делами! Я — Тот, Кто с вами во все времена. Я — Отец, Я — Мать, Я — Сын, Я — непостижимый, Я — незапятнанный.

А сейчас Я пришел, чтобы принести тебе весть о том, что есть, и о том, что было, и о том, что будет, так, чтобы ты узнал и то, что сокрыто, и то, что открыто, чтобы рассказать тебе о совершенном человеке. «Так что теперь подними (лицо) свое, чтобы ты узнал, что Я скажу тебе сегодня, и рассказал это тем, кто одного духа с тобой, тем, что происходят из того же рода, что не шарахаются из стороны в сторону, тем, кто из (рода) совершенных людей». И я спросил, чтобы узнать об этом, и Он сказал мне:

«Единственный³ — единая власть, и ничего нет над ним. Он — Тот, Кто есть Бог и Отец всего, Невидимый, который над всем, который в вечности, который в чистом свете, которого ни один глаз не может узреть.

Он — невидимый Дух. Неправильно думать о Нем, как о Боге или чем-то подобном. Он — больше, чем Бог, поскольку ничего нет выше Его. Он не в том, что меньше, (потому что все вещи) в Нем. Он единственный (*текст не реконструируется*), потому что Ему ничего не нужно. Он и есть полное и всецелое совершенство. Ему не нужно ничего, что сделало бы Его совершенным, но Он на все времена всецело (и неделимо) совершенен в свете. Его невозможно ограничить, потому что нет никого выше Его, кто мог бы ограничить Его. За Ним нельзя проследить, потому что нет никого выше Его, кто мог бы следить за Ним. Его нельзя измерить, ибо нет никого выше Его, кто мог бы измерить Его. Он невидим, ибо никто не видел Его. Он вечен. Он существует извечно. Он несказуем, ибо никто не может постичь Его и (затем) описать. Он неназываем, ибо нет никого выше Его, кто мог бы дать Ему имя.

Он — неизмеримый свет, который ярок, светел и чист. Он несказанно, совершенно непреходящ, не заверченный, не блаженный, не божественный, нет. Он совершенно непревосходим. Он не телесен, но и не бестелесен. Он не велик, но и не мал. Он не таков, чтобы мы

могли сказать: “Как Он велик?” или “Каков Он?”, ибо никто не может знать Его. Его нет среди того, что существует, Он гораздо более превосходим. Не так, чтобы Он (Сам по Себе) был совершенно непревосходим, но Его сущность не имеет ничего общего с зонами или со временем. Ибо тому, кто имеет что-то общее с зонами, сначала была придана форма. Не был Он наделен и временем. Ибо Он ничего не берет у кого-то другого; это может быть воспринято как заем. Для того, кто кого-то превосходит, не может чего-то не хватать так, чтобы ему нужно было получать это от Него. Скорее, это должен делать последний, который исполненный ожиданий взирает на Него в Его свете.

Ибо совершенство величественно — чистая, неизмеримая огромность. Он — вечность, дарующая вечность: Он — жизнь, дающая жизнь; Он — благой, приносящий блаженство; Он — знание, которое дарует знание; Он — добрый, Который дарует доброту; Он — милосердный, Который дарует милосердие и спасение, милость, которая подает милость, не потому, что обладает ею, но потому, что Он дарует неизмеримый, непостижимый свет».

б. Злой демиург/ архонт

В следующем далее тексте описывается Плерома, предсущая, духовная целостность или полнота, состоящая из вечных эонов, последний из которых, София — центральный образ гностических мифов. Поскольку она — в своего рода эгоистической дерзости — хочет создать что-то только из одной себя, отвлекая таким образом внимание от Плеромы и своих эонов-партнеров с мужским началом, то образуется роковая трещина в плероматической благодати, гностическое “грехопадение”: «...и исходит из нее вещь, которая несовершенна и отлична от ее вида... И она видит (последствия) своего желания, как оно превращается в змею с лицом льва...» Это и есть мифический злой архонт, Ялдаваоф, который становится причиной создания материального мира и пленения человеческого духа.

Ялдаваоф и его рать — совершенная тьма, но он украл нечто от плероматического света своей матери:

...И когда свет смешался с тьмой, тьма начала светиться. И когда тьма смешалась со светом, свет стал темным, и больше не было ни светло, ни темно, но (все) стало больным. Архонт⁴, который болен, имеет три имени. Первое имя — Ялдаваоф, второе — Саклас, третье — Самаель⁵. И он безбожен в своем неразумии, том, что живет в нем. Ибо он сказал: “Я — Бог, и нет Бога кроме Меня”. Ибо он не ведает о своей силе, (а именно) о месте, из которого вышел⁶.

И архонты создали семь сил для себя самих, а силы создали по шесть ангелов, каждая из самой себя, пока не стало 365 ангелов⁷. Но это тела, у которых есть имена: первое — Атхот, овечье лицо, второе —

Элоайос, ослиное лицо, третье — Астафайос, лицо гиены, четвертое — Йао, лицо дракона с семью головами, пятое — Саваоф, лицо змеи, шестое — Адонин, лицо обезьяны, седьмое — Саввед⁸, лик пламени, который светит. Это семеричность недели.

Но Ялдаваоф имел множество лиц, больше, чем все, так что он по своему желанию походил на лицо каждого из них, когда находился среди серафимов. Он делил свое время между ними. Поэтому он стал господином над ними. По причине великолепия, которое было у него от света его матери, он называл себя «богом». Но он не был послушен тому месту, откуда вышел.

(24 строки оригинала оставлены без перевода.)

И каждую вещь он устраивал по образцу первых эонов, которые у него были, так что он мог создать их в непреходящем виде. Не потому, что он представлял их непреходящими, но сила, которая в нем, унаследованная им от своей матери, — она вызывала в нем образ космоса⁹. И когда он увидел все тварное, что обнимало его, и множество ангелов, что окружали его, (и) которые пронизывали его, то он сказал им: «Я — ревнивый Бог, и нет другого Бога, кроме Меня». И когда он заявил так, то выдал ангелам, которые были у него, что есть другой Бог, иначе кому бы он стал завидовать?

Тогда мать стала двигаться туда и сюда. Она заметила недостачу, нехватку сияния света, что был взят у нее. И она потемнела, потому что ее супруг был недоволен ею.

Но я сказал: «Господи, что значит: она двигалась туда и сюда?». Но Он улыбнулся и сказал: «Не подумай, что это так, как сказал Моисей — “над водами”. Вовсе нет! Но когда она увидела причиненное зло и воровство, которое совершил ее сын, то раскаялась. И в темноте неведения сошло на нее глубокое забвение, и она стала стыдиться, блуждая вокруг. И это блуждание и есть движение туда и сюда.

Но самозванец (т. е. архонт) отнял у своей матери силу. Потому что был он неведающим и не верил, что существует иная сила, кроме той, что у его матери. И когда он увидел множество ангелов, которые создал, то возвысился над ними.

Но когда мать поняла, что возникла завеса мрака и несовершенства, то поняла (также), что ее супруг не согласен с нею. Она раскаялась и горько заплакала»¹⁰.

¹ Гр. αἰών. У гностиков это слово очень многозначно. Может означать течение времени, становление мира, а также события по ту сторону времени, т. е. вечность. Гностические коптские рукописи чрезвычайно богаты греческими терминами, а также чуждыми языковыми элементами.

² Эта триада по праву может называться гностической Троицей. В целом ряде мифов встречается предсущая прапара мужского и женского начала, чья взаимосвязь ведет к «рождению» гностического пантеона.

³ Гр. πανός — термин, редко встречающийся в гностической литературе. В дальнейшем Божество описывается через длинную череду присущих ему свойств (апофатически). Такой (платонистский) способ характеризования присущ как гностической, так и вообще мистической литературе и в христианстве, и вне его.

⁴ Гр. ἀρχόν. Часто встречающееся в гностической литературе обозначение создателя. Силы, которые он порождает, в частности, его сыновья, называются архонты.

⁵ Все три имени архонта еврейско-арамейского происхождения. Этимология имени Ялдаваоф неясна, на этот счет существуют разные теории, наиболее популярная из них, что оно означает «князь хаоса». Саклас — неведущий, Самаель выступает в роли ангела смерти, а в раввинистической литературе — дьявола. Все три имени несут в себе мощный протест против ветхозаветного Бога Создателя.

⁶ Он был рожден Софией. Таки образом, «место из которого он вышел», в какой-то степени Плерома, духовный мир, даже если он был рожден «по ошибке».

⁷ Сыновья Ялдаваофа и их потомство обрели господство над каждым днем человеческого года, что включает в себя в дальнейшем силы, которые стали управлять человеческой жизнью и судьбой.

⁸ Многие имена архонтов включают в себя часть имени Яхве, или Саваофа, или арамейского бога Адоная, или священной для Израиля Субботы. Каждый из этих архонтов управляет одной из небесных сфер, а вместе они господствуют над семью днями недели.

⁹ Из этого пассажа видно, до какой степени здесь использована идея Платона «Тимея» того, что демиург там (архонт здесь) творит по моделям из космоса, «который есть», и продуцирует отражения в вещественный космос, «который будет». Но если в «Тимее» говорится о всепронизывающей доброте демиурга, то здесь с такой же силой об обратном.

¹⁰ Ср. «Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 1). Гностики в своем протесте низвергают библейские ценности. Создание Богом неба и земли рассматривается здесь как воровство, совершенное псевдо-богом и расценивается как «зло».

Еврейское слово ruach, означающее Дух, женского рода, отсюда в еврейской философии представление о женских качествах Бога, которые могут выступить и как самостоятельное начало, как Божья Премудрость (гр. София), как посредник творения.

ГЕРМЕТИЗМ (II–III вв.)

Гермес был богом греческих мистерий и водителем душ, прочно связанным с орфической традицией. В эллинизме его имя идентифицировалось с египетским богом, между прочим, покровителем письменности, Тотом (ср. заключительную часть Платонова «Федра»). Возникший отсюда герметизм представляет собой греческо-египетское дополнение к тогдашнему всеобщему гностицизму и до сих пор является скрытым, но действенным элементом европейской ду-

(12) ... Ὁ οὖν θεὸς τί ἐστιν;

Ὁ μὴδὲ ἐν τούτων ὑπάρχων, ὦν δὲ καὶ τοῦ εἶναι τούτοις αἴτιος καὶ πᾶσι καὶ ἐνὶ ἐκάστῳ τῶν ὄντων πάντων. (13) οὐδὲ γὰρ οὐδὲν ὑπέλειπε πλεόν τὸ μὴ ὄν, πάντα δέ ἐστι τὰ ἐκ τῶν ὄντων γινόμενα οὐκ ἐκ τῶν μὴ ὄντων· τὰ γὰρ μὴ ὄντα οὐ φύσιν ἔχει τοῦ δύνασθαι γενέσθαι ἀλλὰ τοῦ μὴ δύνασθαι τι τὸ γενέσθαι καὶ πάλιν τὰ ὄντα οὐ φύσιν ἔχει τοῦ μὴδέποτε εἶναι. (14) τί οὖν φῆς τοῦ μὴ εἶναί ποτε;

ὁ οὖν θεὸς οὐ νοῦς ἐστιν, αἴτιος δὲ τοῦ νοῦν εἶναι, οὐδὲ πνεῦμα, αἴτιος δὲ τοῦ εἶναι πνεῦμα, οὐδὲ φῶς, αἴτιος δὲ τοῦ φῶς εἶναι. ὁθεν τὸν θεὸν δυσὶ ταύταις ταῖς προσηγορίαις σέβασθαι δεῖ, ταῖς μόνῳ αὐτῷ προσωκειομέναις καὶ ἄλλῳ οὐδενί. οὔτε γὰρ τῶν ἄλλων λεγομένων θεῶν οὔτε ἀνθρώπων οὔτε δαιμόνων τις δύναται καὶν κατὰ ποσοῦν ἀγαθὸς εἶναι ἢ μόνος ὁ θεός. καὶ τοῦτό ἐστι μόνον καὶ οὐδὲν ἄλλο. τὰ δὲ ἄλλα πάντα ἀχώρητά ἐστι τῆς τοῦ ἀγαθοῦ φύσεως· σῶμα γάρ εἰσι καὶ φυχή, τόπον οὐκ ἔχοντα χωρῆσαι δυνάμενον τὸ ἀγαθόν.

(15) τοσοῦτον γὰρ ἐστι τοῦ ἀγαθοῦ τὸ μέγεθος ὅσον ἐστὶν ὑπαρξίς πάντων τῶν ὄντων, καὶ σωμάτων καὶ ἀσωμάτων, καὶ αἰσθητῶν καὶ νοητῶν. τοῦτό ἐστι τὸ ἀγαθόν, τοῦτό ἐστιν ὁ θεός. μὴ οὖν εἴπῃς ἄλλο τι ἀγαθόν, ἐπεὶ ἀσεβεῖς, ἢ ἄλλο τί ποτε τὸν θεὸν ἢ μόνον τὸ ἀγαθόν, ἐπεὶ πάλιν ἀσεβεῖς.

(16) λόγῳ μὲν οὖν ὑπὸ πάντων λέγεται τὸ ἀγαθόν, οὐ νοεῖται δὲ τί ποτὲ ἐστὶν ὑπὸ πάντων. διὰ τοῦτο οὐδὲ ὁ θεὸς νοεῖται ὑπὸ πάντων, ἀλλ' ἄγνοια καὶ τοὺς θεοὺς καὶ τινὰς τῶν ἀνθρώπων ἀγαθοὺς ὀνομάζουσι, μὴδέποτε δυναμένους μήτε εἶναι μήτε γενέσθαι· ἀναλλοτριώτατον γὰρ ἐστι τοῦ θεοῦ καὶ ἀχώριστον, ὡς αὐτὸς ὁ θεὸς ὢν. θεοὶ μὲν οὖν οἱ ἄλλοι πάντες ἀθάνατοι τετιμημένοι τῇ τοῦ θεοῦ προσηγορίᾳ· ὁ δὲ θεὸς τὸ

ховной жизни. Герметизм обладал ярко выраженными магическими и мистическими чертами, что было существенно для спиритуализации позднеантичной религиозности, проявившейся в мистериях. Приведенный отрывок взят из сочинения «Poimandres» (Corpus Hermeticum, ed. Nauck, 1), что означает «Пастырь» и, вероятно, адресовано к мужскому составу мистерии. Отрывок вполне типичен с точки зрения содержащейся в таких сочинениях морали.

Двойное именование Бога (Поймандр. II, 12–17)

(Асклепий спрашивает Тота (Гермеса)):

(12) ...Бог, кто Он такой?¹

Тот, Кто — ничто из этого, но Кто — причина бытия и вообще все-го, и отдельно каждого из всего, что есть. Ведь в Нем нет места несущему, и все, что есть, возникло из сущего, а не из не-сущего; ибо несущему не свойственно становиться чем-то, — оно лишь для того, чтобы не быть, и напротив: не-сущему не свойственно никогда не быть.

(14) Какой смысл ты вкладываешь в выражение «когда-либо не быть»?² — Что Бог — не разум, но причина того, что разум есть, не дух, но причина того, что существует дух, не свет, но причина того, что существует свет. Из этого следует, что Бога нужно прославлять этими двумя именами³, присущими Ему одному и никому иному. Ведь никто из других так называемых богов, или людей, или демонов не в силах быть благим даже в самой малой степени — один только Бог. Лишь Он один — и ничто другое. Во всем другом нет помещения для природы Блага; ведь будь они тела, или — души, нет в них места, чтобы вместились Благо.

(15) Ибо величие Блага в том, что оно — реальность всего сущего, как телесного, так и бестелесного, как чувственного, так и мысленного. То, что есть Благо, и есть Бог. Потому не называй, дабы не кощунствовать, благим что-то иное, или Бога — чем-то иным, нежели Благом, ибо тогда ты богохульствуешь снова.

(16) На словах все превозносят Благо, но что это такое, познается не всеми. По той же причине и Бог познается не всеми, хотя по неведению и богов, и некоторых людей называют благими, — тех, кто никак не может ни быть, ни оставаться таковыми; ведь только для Бога Благо неотъемлемо и неотделимо, ибо оно и есть Сам Бог. Все

ἀγαθόν, οὐ κατὰ τιμήν, ἀλλὰ κατὰ φύσιν· μία γὰρ ἡ φύσις τοῦ θεοῦ, τὸ ἀγαθόν, καὶ ἐν γένος ἀμφοτέρων, ἐξ οὗ τὰ γένη πάντα.

ὁ γὰρ ἀγαθὸς ἅπαντά ἐστι διδοὺς καὶ μηδὲν λαμβάνων. ὁ οὖν θεὸς πάντα δίδωσι καὶ οὐδὲν λαμβάνει· ὁ οὖν θεὸς τὸ ἀγαθόν, καὶ τὸ ἀγαθὸν ὁ θεός.

(17) ἡ δὲ ἑτέρα προσηγορία ἐστὶν ἡ τοῦ πατρός, πάλιν διὰ τὸ ποιητικὸν πάντων· πατὴρ γὰρ τὸ ποιεῖν. διὸ καὶ μεγίστη ἐν τῷ βίῳ σπουδὴ καὶ εὐσεβεστάτη τοῖς εὖ φρονοῦσιν ἐστὶν ἡ παιδοποιΐα, καὶ μέγιστον ἀτύχημα καὶ ἀσέβημά ἐστιν ἄτεκνόν τινα ἐξ ἀνθρώπων ἀπαλλαγῆναι, καὶ δίκην οὗτος δίδωσι μετὰ θάνατον τοῖς δαίμοσιν. ἡ δὲ τιμωρία ἐστὶν ἥδε, τὴν τοῦ ἀτέκνου φυγὴν εἰς

σῶμα καταδικασθῆναι μήτε ἀνδρὸς μήτε γυναικὸς φύσιν ἔχοντος, ὅπερ ἐστὶ κατηραμένον ὑπὸ τοῦ Ἡλίου.

τοιγαροῦν, ὃ Ἀσκληπιέ, μηδενὶ ὄντι ἀτέκνω συνησθῆς· τοῦναντίον δὲ ἐλέησον τὴν συμφορὰν, ἐπιστάμενος οἷα αὐτὸν μένει τιμωρία.

τοσαῦτα καὶ τοιαῦτα λελέχθω, ὃ Ἀσκληπιέ, προγνωσία τις τῆς πάντων φύσεως.

другие бессмертные боги почитались именем Бога, но Бог есть Благо не по почести, а по природе. Ибо природа Бога одна: Благо; и оба они одного рода, из коего происходят все роды.

Ведь Благо — это то, что все дает и ничего не берет. Бог — это Тот, Кто все дает и ничего не берет. Таким образом, Бог есть Благо, а Благо есть Бог.

(17) Второе имя — имя Отец, потому что Он — Создатель всего, а создавать присуще Отцу. Потому-то для умных рождение детей — самое важное и благочестивое в жизни, а самое большое несчастье и наихудшее кощунство, когда человек умирает бездетным; после смерти такого наказывают демоны. И наказание состоит в том, что бездетная душа обречена иметь тело и не мужской, и не женской природы⁴, — то, что проклято Солнцем⁵.

Потому, мой Асклепий, не приходи к единомыслию с бездетным, но посочувствуй его несчастью, зная, какое наказание его ожидает.

Так много разного может быть сказано, любезный Асклепий, для предварительного знакомства с природой всего.

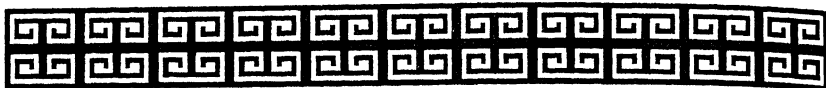
¹ Этим, в духе Платона, указывается на наличие высшего божества, стоящего за всем, что есть, в том числе и за разумом. Феномен божественного, составляющего единое с разумом, которое для Аристотеля — просто-напросто Бог, для этого взгляда представляет собой феномен только вторичного бога. Это вторичное божество должно, в свою очередь, отличаться от божественного «демиурга», который создал чувственный мир и который для гностиков — феномен плохого бога.

² Издатели (Nauck и др.) считают это места оригинала лишенным смысла. Вероятно, смысл его в том, что время («когда-либо») не может сочетаться с не-бытием, в котором невозможно ни возникновение, ни исчезновение.

³ Имеются в виду два имени: Бог и Отец.

⁴ Речь идет не только о евнухах (Nauck), но и о бесплодных гомосексуалистах, гермафродитах и т. п.

⁵ Имеется в виду то, что те, кто вынужден скрывать свои поступки, бояться света. А свет, Солнце, в поздней античности — высшее божество.

СРЕДНИЙ ПЛАТОНИЗМ

«Средний платонизм» — общее наименование целого ряда связанных с платонизмом течений, которые спонтанно возникли и распространились по многим странам, в особенности на востоке Римской империи, и которые в эпоху, предшествовавшую неоплатонизму и Плотину, были по большей части независимы друг от друга. Расцвет этого направления приходится на II в. по Р. Х., этот беспокойный век (Age of anxiety, E. R. Dodds), когда, вместе с последующим неоплатонизмом, оно наложило свой отпечаток на всю позднеантичную духовную жизнь. Помимо Александрии и Афин, и в других местах возникли или получили дальнейшее развитие центры философской академической учености, в особенности на западном побережье Малой Азии (Гай и Теон в Смирне). Но этот средний платонизм, ограниченный и географически, и типологически, носил ярко выраженный эклектический характер. Отсутствовало должное внимание как к созидательной онтологии (как в свое время у Спевсиппа), так к критической теории познания (как у Аркесилая), но весь упор делался на то, чтобы развивать — исходя из перспективы принимаемого единства — традицию и культуру (гр. *παιδεία*). Вследствие этого особое значение приобретали «заветы старины глубокой», большое внимание уделялось образовательным программам, процветала всеохватывающая эсσειстика (Плутарх) и вместе с тем с большим пиететом сохранялось письменное наследие самого Платона. Корпус сочинений Платона был поделен на тетралогии, к которым были составлены комментарии и введения (Альбин/Алкиной). Кроме того, на передний план выдвинулась фигура Сократа (Апулей).

Центральным пунктом культурологических споров становилось философское отношение к феномену религии. Апулей, казалось, был очарован мудростью современных ему мистерий и у него не было ни малейших поползновений к их критическому рассмотрению. Плутарх, который сам был жрецом в Дельфах, сохранял некую старательно культивируемую отстраненность, Цельс же выступил как критик и противник современных религиозных феноменов,

а именно христианства. Альбин/Алкиной, напротив, занимался только толкованием Платона и распространением его учения, не вступая при этом, насколько нам известно, ни в какие культурологические споры.

11. Плутарх

Эссеист Плутарх из Херонеи (ок. 45–120) посвятил целый ряд сочинений толкованию оракула Аполлона в Дельфах, где сам он был жрецом. Одно из его толкований относится к мистической надписи на стене храма Аполлона, которая звучит как «Еї». Эту надпись можно понимать как неправильный дифтонг (в котором отпала буква «ї»), за которым, таким образом, может стоять целый ряд различных значений. По существу, надпись представляет собой букву «эпсилон», которая, в свою очередь, может употребляться как цифра 5 (буква «эпсилон» — пятая в греческом алфавите). Понимаемая как союз, она может означать «если», «насколько» и т. д., аналогично английскому союзу *if*. Она может означать также часть глагола «быть» в значении «ты есть».

Плутарх объясняет все нюансы значений. Для современных ему комментаторов своего рода спорт — отыскивание еще каких-то новых смыслов.

17. 'Οδ' Ἀμμώνιος, ἅτε δὴ καὶ αὐτὸς οὐ τὸ φαυλότατον ἐν μαθηματικῇ φιλοσοφίας τιθέμενος, ἥσθη τε τοῖς λεγομένοις καὶ εἶπεν, "οὐκ ἄξιον πρὸς ταῦτα λίαν ἀκριβῶς ἀντιλέγειν τοῖς νέοις, πλὴν ὅτι τῶν ἀριθμῶν ἕκαστος οὐκ ὀλίγα βουλομένοις ἐπαινεῖν καὶ ὑμνεῖν παρέξει. καὶ τί δεῖ περὶ τῶν ἄλλων λέγειν; ἡ γὰρ ἱερὰ τοῦ Ἀπόλλωνος ἑβδομάς ἀναλώσει τὴν ἡμέραν πρότερον ἢ λόγῳ τὰς δυνάμεις αὐτῆς ἀπάσας ἐπεξελεῖν. εἶτα τῷ κοινῷ νόμῳ 'πολεμοῦντας' ἅμα καὶ 'τῷ πολλῷ χρόνῳ' τοὺς σοφοὺς ἀποφανοῦμεν ἄνδρας, εἰ τὴν ἑβδομάδα τῆς προεδρίας παρώσαντες τῷ θεῷ τὴν πεμπάδα καθιερώσουσιν ὡς μᾶλλον τι προσήκουσαν. οὐτ' οὖν ἀριθμὸν οὔτε τάξιν οὔτε σύνδεσμον οὐτ' ἄλλο τῶν ἐλλειπῶν μορίων οὐδὲν οἶμαι τὸ γράμμα σημαίνειν· ἀλλ' ἔστιν αὐτοτελὴς τοῦ θεοῦ προσαγόρευσις καὶ προσφώνησις, ἅμα τῷ ῥήματι τὸν φθεγγόμενον εἰς ἔννοιαν καθιστάσα τῆς τοῦ θεοῦ δυνάμεως. ὁ μὲν γὰρ θεὸς ἕκαστον ἡμῶν ἐνταῦθα προσιόντα οἷον ἀσπαζόμενος προσαγορεύει τὸ 'γνώθι σαυτόν,' ὃ δὴ τοῦ 'χαῖρε' οὐδὲν μεῖον ἐστίν· ἡμεῖς δὲ πάλιν ἀμειβόμενοι τὸν θεόν, 'εἰ,' φαμέν, ὡς ἀληθῆ καὶ ἀψευδῆ καὶ μόνην μόνῳ προσήκουσαν τὴν τοῦ εἶναι προσαγόρευσιν ἀποδιδόντες.

18. Ἡμῖν μὲν γὰρ ὄντως τοῦ εἶναι μέτεστιν οὐδέν, ἀλλὰ πᾶσα θνητὴ φύσις ἐν μέσῳ γενέσεως καὶ φθορᾶς γενομένη φάσμα παρέχει καὶ δόκησιν ἀμυδρὰν καὶ ἀβέβαιον αὐτῆς· ἂν δὲ τὴν διάνοιαν ἐπερείσῃς

Эссе, построенное в виде диалогов, хорошо скомпоновано, и мысль в нем проходит несколько стадий развития. За несколько шутивым рассмотрением ряда аспектов, в том числе астрологического, следует мистико-религиозный подход, трактующий надпись как часть своего рода вопросника, с которым обращаются к оракулу. Затем следует урок логики, когда надпись рассматривается как введение в предполагаемый силлогизм. Венчает все это двойной стадией, в которой сначала автор сам дает свое математико-музыкальное толкование, привязанное к пифагорейскому принципу числа, а затем Аммоний развивает диалектико-философское толкование, вершиной которого является анализ выражения «ты есть» и «ты есть один».

Здесь приведен отрывок из толкования Аммония.

О надписи «Е» в Дельфах

17. Так как Аммоний сам видел в математике не ничтожнейшее дело для философии, он обрадовался моей речи и сказал: «Недостойно было бы с чрезмерной скрупулезностью опровергать юношей, заметим только одно, а именно: что каждое число предоставляет желающим восхвалять и воспевать его немалые основания. Но зачем нужно говорить о других числах? Ведь на посвященное Аполлону число семь будет потрачен целый день, прежде чем удастся рассмотреть все его свойства. После этого мы объявим, что мудрецы “воюют” против общего мнения и вместе с тем “против давнишней традиции”, они, отказав числу семь в почетном месте, посвятили богу число пять, как более подобающее ему.

Я думаю, что буква “Е” не обозначает ни число, ни порядок космоса, ни союз или какую-либо недостающую частицу речи, но она является независимым от других частей речи обращением к богу, доводящим до сознания человека при произнесении ее силу бога. Ведь бог обращается здесь к каждому из нас как бы с радужным приветствием: “Познай самого себя”, что имеет смысл не меньший, чем “Здравствуй”. А мы, со своей стороны, в ответ богу говорим: “Ты еси”, обращаясь к нему с единственно правдивым и истинным приветствием, подходящим только ему одному, утверждая, что он существует.

18. Ведь ничто из действительного бытия не имеет к нам никакого отношения, но вся смертная природа, явленная в рождении и смерти, представляет призрак и несовершенную и переменчивую видимость самой себя.

λαβέσθαι βουλόμενος, ὥσπερ ἡ σφοδρὰ περίδραξις ὕδατος τῷ πιέζειν καὶ εἰς ταῦτὸ συνάγειν διαρρέον ἀπόλλυσι τὸ περιλαμβανόμενον, οὕτω τῶν παθητῶν καὶ μεταβλητῶν ἐκάστου τὴν ἄγαν ἐνάργειαν ὁ λόγος διώκων ἀποσφάλλεται τῇ μὲν εἰς τὸ γιγνόμενον αὐτοῦ τῇ δ' εἰς τὸ φθειρόμενον, οὐδενὸς λαβέσθαι μένοντος οὐδ' ὄντος ὄντως δυνάμενος.

“Ποταμῷ γὰρ οὐκ ἔστιν ἐμβῆναι δις τῷ αὐτῷ καθ' Ἡράκλειτον οὐδὲ θνητῆς οὐσίας δις ἄψασθαι κατὰ ἔξιν· ἀλλ' ὀξύτητι καὶ τάχει μεταβολῆς σκίδνησι καὶ πάλιν συνάγει, μᾶλλον δ' οὐδὲ πάλιν οὐδ' ὕστερον ἀλλ' ἅμα συνίσταται καὶ ἀπολείπει καὶ πρόσεισι καὶ ἄπεισι.”

“Ὅθεν οὐδ' εἰς τὸ εἶναι περαίνει τὸ γιγνόμενον αὐτῆς τῷ μηδέποτε λήγειν μηδ' ἴστασθαι τὴν γένεσιν, ἀλλ' ἀπὸ σπέρματος αἰεὶ μεταβάλλουσαν ἐμβρυον ποιεῖν εἴτα βρέφος εἴτα παῖδα, μειράκιον ἐφεξῆς, νεανίσκον, εἴτ' ἄνδρα, πρεσβύτην, γέροντα, τὰς πρώτας φθείρουσαν γενέσεις καὶ ἡλικίας ταῖς ἐπιγιγνομέναις. ἀλλ' ἡμεῖς ἕνα φοβούμεθα γελοῖως θάνατον, ἥδη τοσοῦτους τεθνηκότες καὶ θνήσκοντες. οὐ γὰρ μόνον, ὡς Ἡράκλειτος ἔλεγε, ‘πυρὸς θάνατος ἀέρι γένεσις, καὶ ἀέρος θάνατος ὕδατι γένεσις,’ ἀλλ' ἔτι σαφέστερον ἐπ' αὐτῶν ἡμῶν ἴδοις ἄν· φθίρεται μὲν ὁ ἀκμάζων γενομένου γέροντος, ἐφθάρη δ' ὁ νέος εἰς τὸν ἀκμάζοντα, καὶ ὁ παῖς εἰς τὸν νέον, εἰς δὲ τὸν παῖδα τὸ νήπιον·

ὁ τ' ἐχθὲς εἰς τὸν σήμερον τέθνηκεν, ὁ δὲ σήμερον εἰς τὸν αὔριον ἀποθνήσκει· μένει δ' οὐδεὶς οὐδ' ἔστιν εἷς, ἀλλὰ γιγνόμεθα πολλοί, περὶ ἓν τι φάντασμα καὶ κοινὸν ἐκμαγεῖον ὕλης περιελαυνομένης καὶ ὀλισθανούσης. ἐπεὶ πῶς οἱ αὐτοὶ μένοντες ἐτέροις χαίρομεν νῦν, ἐτέροις πρότερον, τάναντία φιλοῦμεν ἢ μισοῦμεν καὶ θαυμάζομεν καὶ ψέγομεν, ἄλλοις δὲ χρώμεθα λόγοις ἄλλοις πάθεσιν, οὐκ εἶδος οὐ μορφὴν οὐ διάνοιαν ἔτι τὴν αὐτὴν ἔχοντες; οὔτε γὰρ ἄνευ μεταβολῆς ἕτερα πάσχειν εἰκός, οὔτε μεταβάλλον ὁ αὐτός ἐστιν· εἰ δ' ὁ αὐτός οὐκ ἔστιν, οὐδ' ἔστιν, ἀλλὰ τοῦτ' αὐτὸ μεταβάλλει γιγνόμενος ἕτερος ἐξ ἐτέρου. ψεύδεται δ' ἡ αἰσθησις ἀγνοίᾳ τοῦ ὄντος εἶναι τὸ φαινόμενον.

19. Τί οὖν ὄντως ὄν ἐστι; τὸ αἰδῖον καὶ ἀγένητον καὶ ἀφθαρτον, ᾧ χρόνος μεταβολὴν οὐδὲ εἰς ἐπάγει. κινήτων γάρ τι καὶ κινουμένη συμφантаζόμενον ὕλῃ καὶ ῥέον αἰεὶ καὶ μὴ στέγον, ὥσπερ ἄγγειον φθορᾶς καὶ γενέσεως, ὁ χρόνος, οὐ γε δὴ τὸ μὲν ‘ἔπειτα’ καὶ τὸ ‘πρότερον’ καὶ τὸ ‘ἔσται’ λεγόμενον καὶ τὸ ‘γέγονεν,’ αὐτόθεν ἐξομολόγησίς ἐστι τοῦ μὴ ὄντος· τὸ γὰρ ἐν τῷ εἶναι τὸ μηδέπω γεγονὸς ἢ πεπαυμένον ἥδη τοῦ εἶναι λέγειν ὡς ἔστιν, εὐθὺς καὶ ἄτοπον. ᾧ δὲ μάλιστα τὴν νόησιν ἐπερείδοντες τοῦ χρόνου, τὸ ‘ἐνέστηκε’ καὶ τὸ ‘πάρεστι’ καὶ τὸ ‘νῦν’ φθεγγόμεθα, τοῦτ' αὖ πάλιν ἅπαν εἰσδυόμενος ὁ

Если мы хотим схватить изменчивую природу, сосредоточив на ней мысль, то она подобна воде: сильно схватив воду, мы сжимаем и собираем растекающуюся, но она исчезает. Точно так же рассудок, стремясь к чрезвычайной ясности состояний и изменений каждой вещи, обманывается то в отношении рождения ее, то в отношении смерти, не имея возможности постичь природу, так как она лишена всякой устойчивости и истинного бытия. Ведь невозможно дважды, согласно Гераклиту, войти в одну и ту же реку, и невозможно прикоснуться дважды к одной и той же тленной субстанции, но вследствие стремительности и быстроты происходящих изменений она рассеивается и снова собирается, точнее, не снова и не потом, а одновременно она образуется и исчезает, присутствует и отсутствует. Вследствие этого становление субстанции никогда не дойдет до бытия, так как она не прекратит и не задержит рождения, но в постоянном изменении создаст из спермы эмбрион, затем младенца, ребенка, подростка, юношу, взрослого мужчину, пожилого и старика, разрушая первые стадии развития и возрасты для идущих на смену.

Но мы, уже столько раз умерев и умирая, смешно боимся одной смерти. Ведь не только, как говорит Гераклит, смерть огня есть рождение для воздуха и смерть воздуха — рождение для воды; но еще более ясно это в отношении нас самих: мужчина во цвете лет умирает, когда рождается старик, а юноша погиб для перехода во взрослого, а ребенок — для перехода в юношу, а младенец — в ребенка.

Вчерашний человек умер в сегодняшнем, а сегодняшний умирает в завтрашнем. Никто никогда не остается одним и тем же, но каждый из нас — это многие существа: ведь остается только единый образ и некий общий отпечаток, вокруг которого движется и скользит материя.

Как же, оставаясь неизменными, могли бы мы радоваться теперь одному, а раньше другому, любить противоположное, ненавидеть, восхвалять и порицать противоположные вещи, употреблять разные слова, испытывать разные ощущения, не сохраняя неизменными ни внешнего вида, ни фигуры, ни мысли?

Правдоподобно ли, что можно испытывать различное, не изменяясь самому, а изменяясь, оставаться одним и тем же? А если человек не остается одним и тем же, значит, он не существует, но в ходе изменения становится отличным от прежнего. Чувство лжет вследствие незнания того, что кажущееся не есть сущность.

19. Итак, что же действительно существует? Вечное, нерожденное и не гибнущее, которому никакое время не приносит изменения. Время есть нечто движущееся и возникающее в представлении одновременно с движущейся материей, вечно текущее, и не останавливающееся, как бы сосуд смерти и рождения. Выражения: “после чего”,

λόγος ἀπόλλυσιν. ἐκθλίβεται γὰρ εἰς τὸ μέλλον καὶ τὸ παρωχημένον ὥσπερ ἀκμὴν βουλομένοις ἰδεῖν, ἐξ ἀνάγκης διστάμενον. εἰ δὲ ταῦτα τῷ μετροῦντι πέπονθεν ἢ μετρουμένη φύσις, οὐδὲν αὐτῆς μένον οὐδ' ὄν ἐστιν, ἀλλὰ γιγνόμενα πάντα καὶ φθειρόμενα κατὰ τὴν πρὸς τὸν χρόνον συννέμῃσιν. ὅθεν οὐδ' ὁσιόν ἐστιν οὐδ' ἐπὶ τοῦ ὄντος λέγειν ὡς ἦν ἢ ἔσται·

ταῦτα γὰρ ἐγκλίσεις τινές εἰσι καὶ μεταβάσεις καὶ παραλλάξεις τοῦ μένειν ἐν τῷ εἶναι μὴ πεφυκός.

20. Ἄλλ' ἐστιν ὁ θεός, εἰ χρή φάναι, καὶ ἔστι κατ' οὐδένα χρόνον ἀλλὰ κατὰ τὸν αἰῶνα τὸν ἀκίνητον καὶ ἄχρονον καὶ ἀνέγκλιτον καὶ οὐ πρότερον οὐδὲν ἐστιν οὐδ' ὕστερον οὐδὲ μέλλον οὐδὲ παρωχημένον οὐδὲ πρεσβύτερον οὐδὲ νεώτερον· ἀλλ' εἰς ὧν ἐνὶ τῷ νῦν τὸ αἰετὶ πεπλήρωκε, καὶ μόνον ἐστὶ τὸ κατὰ τοῦτον ὄντως ὄν, οὐ γεγονὸς οὐδ' ἐσόμενον οὐδ' ἀρξάμενον οὐδὲ παυσόμενον. οὕτως οὖν αὐτὸν δεῖ σεβομένους ἀσπάζεσθαι καὶ προσαγορεύειν, 'εἰ,' καὶ νῆ Δία, ὡς ἐνιοι τῶν παλαιῶν, 'εἰ ἐν.'

Ἄλλ' οὐ γὰρ πολλὰ τὸ θεῖόν ἐστιν, ὡς ἡμῶν ἕκαστος ἐκ μυρίων διαφορῶν ἐν πάθεσι γιγνομένων, ἄθροισμα παντοδαπὸν καὶ πανηγυρικῶς μεμειγμένον· ἀλλ' ἐν εἶναι δεῖ τὸ ὄν, ὥσπερ ὄν τὸ ἐν. ἢ δ' ἑτερότης διαφορᾶ τοῦ ὄντος εἰς γένεσιν ἐξίσταται τοῦ μὴ ὄντος. ὅθεν εὖ καὶ τὸ πρῶτον ἔχει τῷ θεῷ τῶν ὀνομάτων καὶ τὸ δεύτερον καὶ τὸ τρίτον. Ἀπόλλων μὲν γὰρ οἶον ἀρνούμενος τὰ πολλὰ καὶ πλῆθος ἀποφάσκων ἐστίν, Ἰήιος δ' ὡς εἰς καὶ μόνος· Φοῖβον δὲ δήπου τὸ καθαρὸν καὶ ἁγνὸν οἱ παλαιοὶ πᾶν ὀνόμαζον, ὡς ἔτι Θετταλοὶ τοὺς ἱερέας ἐν ταῖς ἀποφράσιν ἡμέραις αὐτοὺς ἐφ' ἑαυτῶν ἔξω διατρίβοντας, οἶμαι, 'φοιβονομεῖσθαι' λέγουσιν.

Ἄλλ' ὅτι ἐν εἰλικρινὲς καὶ καθαρὸν· ἑτέρου γὰρ μείξει πρὸς ἕτερον ὁ μiasμός, ὡς πού καὶ Ὅμηρος 'ἐλέφαντα' τινὰ φοινισσόμενον βαφῇ 'μυαίνεσθαι' φησί· καὶ τὰ μειγνύμενα τῶν χρωμάτων οἱ βαφεῖς 'φθειρέσθαι' καὶ 'φθορὰν' τὴν μείξιν ὀνομάζουσιν. οὐκοῦν ἐν τ' εἶναι καὶ ἄκρατον αἰετὶ τῷ ἀφθάρτῳ καὶ καθαρῷ προσήκει."

“раньше чего”, “будет” и “было” — разве они не являются сами по себе полным признанием небытия? Ведь говорить о том, чего еще не было в существовании, или о том, что прекратило уже существование, говорить об этом, что оно существует, — нелепо и странно.

Сосредоточив мысль на времени, мы произносим “это существует”, “присутствует”, “сейчас”, но как только вдумаясь в эти выражения, смысл исчезает. Ведь прошедшее вытесняется будущим, рассеиваясь обязательно, как свет при чрезмерном напряжении зрения.

Если изменения в природе измерять категориями времени, то окажется, что ничто в ней не остается неизменным и вообще не существует, но все рождается и гибнет в соответствии с делением времени. Вследствие этого неблагочестиво говорить о сущем, что оно было или будет. Ведь это только какие-то отклонения и изменения кажущегося постоянства, воплощенного в бытии.

20. Но бог существует (нужно ли об этом говорить), и он существует вне времени, от века неподвижно и безвременно, и неизменно, и ничего нет ни раньше его, ни позже его, ни будущего, ни минувшего, ни старше, ни моложе его, но, будучи единым, он вечно наполнен одним настоящим, и только оно есть реально сущее, в соответствии с ним не имеющее ни рождения, ни будущего, ни начала, ни конца.

Вот почему следует почитающим бога обращаться к нему с приветствием: “Ты еси” или даже, клянусь Зевсом, как обращались некоторые древние: “Ты един”.

Ведь божественное не есть множественность, как каждый из нас, представляющий разную совокупность из тысячи различных частиц, находящихся в изменении и искусственно смешанных. Но необходимо, чтобы сущее было одним, так как существует только единое.

Разнообразие же, по причине отличия от сущего, оборачивается небытием.

Поэтому хорошо, что бог имеет первое, второе и третье имя: ведь Аполлон означает как бы “отрицающий и отвергающий множественность”, Иэй означает, что он один и единственный, Фебом же древние называли его из-за полной чистоты и непорочности, как еще теперь фессалийцы, я полагаю, говорят о жрецах, когда в запретные дни те живут изолированно, что они “одержимы благодатью Феба”.

Единое — непорочно и чисто; а при смеси одного с другим образуется миазма, как где-то и Гомер говорит, что «слоновая кость, будучи выкрашена в красный цвет, грязнится», и красильщики называют «смешивать краски» — «быть погубленным», а смесь — «гибелью».

Итак, вечно неизменному и чистому присуще быть единым и несмешанным.

Пер. Н. Б. Клячко

12. Альбин/Алкиной (II в. по Р. Х.)

Книга «Διδασκαλικός» — учебник платонизма времени его промежуточного состояния — относится ко II в. по Р. Х. и, без сомнения, является значительнейшим и богатейшим источником сведений о важнейшей до-неоплатонической фазе в истории платонизма. Книга эта подобна мозаике, составленной из цитат и ссылок, и не только на Платона, но и на Аристотеля и стоиков. Самую значительную ее часть составляет «Тимей» Платона. Такой

Ἐξῆς δὲ περὶ τῆς τρίτης ἀρχῆς ποιητέον τὸν λόγον¹⁾, ἣν μικροῦ δεῖν καὶ ἄρρητον ἡγεῖται ὁ Πλάτων· ἐπαχθεῖμεν δ' ἂν περὶ αὐτῆς τοῦτον τὸν τρόπον. εἰ ἔστι νοητά, ταῦτα δὲ οὔτε αἰσθητά ἐστὶν οὔτε μετούσια τῶν αἰσθητῶν, ἀλλὰ πρῶτων τινῶν τῶν νοητῶν, ἔστι πρῶτα νοητὰ ἀπλᾶ, ὡς καὶ πρῶτα αἰσθητά· τὸ δ' ἡγούμενον, τὸ ἄρα λῆγον. ἄνθρωποι μὲν δὴ ἄτε τοῦ τῆς αἰσθήσεως πάθους ἐμπιπλάμενοι, ὥστε καὶ ὅποτε νοεῖν προαιροῖντο τὸ νοητόν, ἐμφανταζόμενον ἔχειν τὸ αἰσθητόν, ὡς καὶ μέγεθος συνεπινοεῖν καὶ σχῆμα καὶ χρῶμα πολλάκις, οὐ καθαρῶς τὰ νοητὰ νοοῦσι, θεοὶ δὲ ἀπηλλαγμένως τῶν αἰσθητῶν εἰλικρινῶς τε καὶ ἀμιγῶς. ἐπεὶ δὲ ψυχῆς νοῦς ἀμείνων, νοῦ δὲ τοῦ ἐν δυνάμει ὁ κατ' ἐνέργειαν πάντα νοῶν καὶ ἅμα καὶ ἀεὶ, τούτου δὲ καλλίων ὁ αἴτιος τούτου καὶ ὅπερ ἂν ἔτι ἀνωτέρω τούτων ὑφέστηκεν, οὗτος ἂν εἴη ὁ πρῶτος θεός, αἴτιος ὑπάρχων τοῦ ἀεὶ ἐνεργεῖν τῷ νῷ τοῦ σύμπαντος οὐρανοῦ. ἐνεργεῖ δὲ ἀκίνητος αὐτὸς ὧν εἰς τοῦτον, ὡς καὶ ὁ ἥλιος εἰς τὴν ὄρασιν, ὅταν αὐτῷ προσβλέπη, καὶ ὡς τὸ ὀρεκτὸν κινεῖ τὴν ὀρεξίν ἀκίνητον ὑπάρχον· οὕτω γε δὴ καὶ οὗτος ὁ νοῦς κινήσει τὸν νοῦν τοῦ σύμπαντος οὐρανοῦ. ἐπεὶ δὲ ὁ πρῶτος νοῦς κάλλιστος, δεῖ καὶ κάλλιστον αὐτῷ νοητὸν ὑποκεῖσθαι, οὐδὲν δὲ αὐτοῦ κάλλιον· ἑαυτὸν ἂν οὖν καὶ τὰ ἑαυτοῦ νοήματα ἀεὶ νοοῖη, καὶ αὕτη ἡ ἐνέργεια αὐτοῦ ἰδέα ὑπάρχει. καὶ μὴν ὁ πρῶτος θεὸς αἰδιόος ἐστίν, ἄρρητος, αὐτοτελὴς τούτέστιν ἀπροσδεής, ἀειτελὴς τούτέστιν ἀεὶ τέλειος, παντελὴς τούτέστι πάντῃ τέλειος· θειότης, οὐσιοτης, ἀλήθεια, συμμετρία, ἀγαθόν. λέγω δὲ οὐχ ὡς χωρίζων ταῦτα, ἀλλ' ὡς κατὰ πάντα ἐνὸς νοουμένου.

синкретизм предусматривает всеохватывающее комментирование диалогов Платона и дает представление о педагогическом методе, который господствовал в тогдашних аудиториях. Рукописная традиция единодушно называет автором книги Алкиной, а то, что современные исследователи (Фрейденталь, Витт) приписывают это произведение Альбину, выглядит сомнительным.

Дидаскалии (гл. X)

Теперь нужно сказать о третьем начале, которое Платон считает почти что невыразимым. Мы можем подойти к нему там. Если есть умопостигаемое и оно не есть ощущаемое и не причастно ощущаемому, но причастно первично умопостигаемому, — первично умопостигаемое должно быть простым, как и первично ощущаемое. Первое — верно; следовательно, верно и второе. Поскольку люди полны чувственных впечатлений, они, даже решив мыслить умопостигаемое, представляют нечто ощущаемое; мысленно приписывая умопостигаемому величину, очертания, цвет, они не могут мыслить его в его чистоте, тогда как боги, будучи свободны от ощущений, мыслят его чисто и вне смешения.

Поскольку ум лучше души и, как ум, актуально мыслящий все совокупно и вечно, он лучше ума в возможности и прекраснее его, будучи его причиной и тем, что выше всего остального, — он и будет первым богом, причиной того, что вечно действует ум целокупного неба. Первый ум действует на него, сам будучи неподвижным, — как Солнце на зрение, обращенное к нему, и как предмет вожделения движет вожделеющим, оставаясь неподвижным. Так и первый ум движет умом целокупного неба.

Как первый ум, он самый прекрасный, и предмет его мысли тоже самый прекрасный, но не более прекрасный, чем он сам: он вечно мыслит себя самого и свои мысли, и это его действие есть идея. Как первый бог он вечен, невыразим, самодовлеющ (т. е. ни в чем не нуждается), вечносвершенен (т. е. совершенен всегда), всесовершенен (т. е. совершенен во всех отношениях); он есть божество, бытие, истина, соразмерность, благо. Я говорю так не для того, чтобы разделить все это, но чтобы во всем этом мыслить его единым. Он благ, потому что он благодетельствует всему, насколько каждому посильно

καὶ ἀγαθὸν μὲν ἐστὶ, διότι πάντα εἰς δύναμιν εὐεργετεῖ, παντὸς ἀγαθοῦ αἴτιος ὢν· καλὸν δέ, ὅτι αὐτὸς τῇ ἑαυτοῦ φύσει τέλεόν ἐστι καὶ σύμμετρον· ἀλήθεια δέ, διότι πάσης ἀληθείας ἀρχὴ ὑπάρχει, ὡς ὁ ἥλιος παντὸς φωτός· πατὴρ δέ ἐστι τῷ αἴτιος εἶναι πάντων καὶ κοσμεῖν τὸν οὐράνιον νοῦν καὶ τὴν ψυχὴν τοῦ κόσμου πρὸς ἑαυτὸν καὶ πρὸς τὰς ἑαυτοῦ νοήσεις. κατὰ γὰρ τὴν ἑαυτοῦ βούλησιν ἐμπέπληκε πάντα ἑαυτοῦ, τὴν ψυχὴν τοῦ κόσμου ἐπεγείρας καὶ εἰς ἑαυτὸν ἐπιστρέψας, τοῦ νοῦ αὐτῆς αἴτιος ὑπάρχων· ὅς κοσμηθεὶς ὑπὸ τοῦ πατρὸς διακοσμεῖ σύμπασαν φύσιν ἐν τῷδε τῷ κόσμῳ. ἄρρητος δ' ἐστὶ καὶ νῶ μόνῳ ληπτός, ὡς εἴρηται, ἐπεὶ οὔτε γένος ἐστὶν οὔτε εἶδος οὔτε διαφορά, ἀλλ' οὐδὲ συμβέβηκε τι αὐτῷ, οὔτε κακόν· οὐ γὰρ θέμις τοῦτο εἰπεῖν· οὔτε ἀγαθόν· κατὰ μετοχὴν γάρ τινος ἐστὶ οὕτως καὶ μάλιστα ἀγαθότητος· οὔτε ἀδιάφορον. οὐδὲ γὰρ τοῦτο κατὰ τὴν ἔννοιαν αὐτοῦ· οὔτε ποιόν· οὐ γὰρ ποιωθέν ἐστὶ καὶ ὑπὸ ποιότητος τοιοῦτον ἀποτελεσμένον· οὔτε ἄποιον· οὐ γὰρ ἐστέρηται τινος ἐπιβάλλοντος αὐτῷ ποιού· οὔτε μέρος τινός, οὔτε ὡς ὅλον ἔχον τινὰ μέρη, οὔτε ὥστε ταῦτόν τι εἶναι ἢ ἕτερον· οὐδὲν γὰρ αὐτῷ συμβέβηκε, καθ' ὃ δύναται τῶν ἄλλων χωρισθῆναι· οὔτε κινεῖ οὔτε κινεῖται.

ἐστὶ δὴ πρώτη μὲν αὐτοῦ νόησις ἢ κατὰ ἀφαίρεσιν τούτων, ὅπως καὶ σημείον ἐνόησαμεν κατὰ ἀφαίρεσιν ἀπὸ τοῦ αἰσθητοῦ, ἐπιφάνειαν νοήσαντες, εἶτα γραμμὴν, καὶ τελευταῖον τὸ σημεῖον.

δευτέρα δέ ἐστὶν αὐτοῦ νόησις ἢ κατὰ ἀναλογίαν οὕτω πως· ὃν γὰρ ἔχει λόγον ὁ ἥλιος πρὸς τὴν ὄρασιν καὶ τὰ ὁρώμενα, οὐκ ὢν αὐτὸς ὄψις, παρέχων δὲ τῇ μὲν τὸ ὁρᾶν, τοῖς δὲ τὸ ὁρᾶσθαι, τοῦτον ἔχει τὸν λόγον ὁ πρῶτος νοῦς πρὸς τὴν ἐν τῇ ψυχῇ νόησιν καὶ τὰ νοούμενα· οὐ γὰρ ὢν ὅπερ ἐστὶν ἡ νόησις, παρέχει αὐτῇ τὸ νοεῖν καὶ τοῖς νοητοῖς τὸ νοεῖσθαι, φωτίζων τὴν περὶ αὐτὰ ἀλήθειαν.

τρίτῃ δὲ νόησις τοιαύτη τις ἂν εἴη· θεωρῶν γάρ τις τὸ ἐπὶ τοῖς σώμασι καλὸν μετὰ τοῦτο μέτεισιν ἐπὶ τὸ τῆς ψυχῆς κάλλος, εἶτα τὸ ἐν ἐπιτηδεύμασι καὶ νόμοις, εἶτα ἐπὶ τὸ πολὺ πέλαιος τοῦ καλοῦ, μεθ' ὃ αὐτὸ τὸ ἀγαθὸν νοεῖ καὶ το ἔραστον καὶ ἐφετὸν ὥσπερ φῶς φανέν καὶ οἶον ἐκλάμψαν τῇ οὕτως ἀνιούσῃ ψυχῇ· τούτῳ δὲ καὶ θεὸν συνεπινοεῖ διὰ τὴν ἐν τῷ τιμίῳ ὑπεροχὴν. ἀμερῇ τε διὰ τὸ μὴ εἶναι πρότερόν τι αὐτοῦ· τὸ γὰρ μέρος καὶ τὸ ἐξ οὗ πρότερον ὑπάρχει τούτου, οὐ μέρος· καὶ γὰρ τὸ ἐπίπεδον πρότερον ἢ τὸ σῶμα, καὶ ἡ γραμμὴ πρότερον ἢ τὸ ἐπίπεδον· μέρη γε μὴν οὐκ ἔχων ἀκίνητος ἂν εἴη κατὰ τόπον καὶ ἀλλοίωσιν. εἰ γὰρ ἀλλοιωθήσεται, ἢ ὑφ' αὐτοῦ ἢ ὑφ' ἑτέρου· εἰ μὲν οὖν

вместить его, и он — причина всякого блага. Он прекрасен, потому что его очертания естественно совершенны и соразмерны. Он истина, потому что он — начало всякой истины, как Солнце — начало всякого света. И он Отец, потому что он — причина всего и упорядочивает небесный ум и мировую душу, уподобляя их себе и своим помыслам. По своей воле он все наполнил собою, пробудив мировую душу и обратив ее к себе как к причине ее ума, который, будучи упорядочен Отцом, упорядочивает всю внутрикосмическую природу.

Он невыразим и, как сказано, постижим только для ума, поскольку он — не род, не вид, не различие. Нельзя говорить о его свойствах: он — не зло (говорить так — неблагочестиво), не благо (таковым он может стать по причастию чему-либо, а именно благу как таковому), не безразличное (это не входит в понятие о нем), не качество (он не обретал качества и не становился совершенным под влиянием некоего качества), не бескачественное (он не лишен качества следующего за ним); он не часть чего-либо, но и не целое, имеющее части; он ничему не тождествен, но и ни от чего не отличен: у него нет такого свойства, которое могло бы отделять его от чего-либо; он не движется и не движет.

Путем такого рода отвлечения возникает первоначальное мысленное представление (*vóησις*) о нем: так точку мы мыслим путем отвлечения от чувственно воспринимаемого, представляя плоскость, затем линию и, наконец, точку. Во-вторых, его можно представить себе мысленно путем аналогии примерно так: как Солнце соотносится со зрящим и зримым, само не будучи зрением, а только позволяя одному видеть, а другому быть видимым, так и первый ум соотносится с мышлением, доступным душе и мыслимым ею: он не есть само ее мышление, а только уделяет ей мыслительную способность и мыслимость — мыслимому, освещая доступную этой сфере истину.

В-третьих, можно мысленно представить его так: пусть некая душа созерцает прекрасное в телах, потом переходит к прекрасному в душе, потом — к прекрасному в обычаях и законах, потом — к великому морю красоты, после чего пусть мыслит благо само по себе и желанное и вожденное, наподобие света, явленного и просиявшего для восходящей так души, который по избытку его достоинства пусть она мысленно представит и богом.

У него нет частей в силу отсутствия предшествующего ему: часть и «то, из чего» прежде того, что из частей составляется, например плоскость прежде объемного тела, а линия прежде плоскости; поскольку у него нет частей, он неподвижен — и в смысле пространственного перемещения, и в смысле изменения. В самом деле, если

ὕφ' ἑτέρου, ἐκεῖνο αὐτοῦ ἰσχυρότερον ἔσται, εἰ δ' ὕφ' αὐτοῦ, ἥτοι ἐπὶ τὸ χειρὸν ἀλλοιωθεῖη ἂν ἢ ἐπὶ τὸ βέλτιον· ἅμφω δὲ ἄτοπα· ἐξ ὧν ἀπάντων ἀναφαίνεται καὶ τὸ ἀσώματον αὐτὸ εἶναι· ὅπερ κακὰ τούτων ἀποδειχθήσεται. εἰ γὰρ σῶμα ὁ θεός, ἐξ ὕλης ἂν εἴη καὶ εἶδους· διὰ τὸ πᾶν σῶμα συνδύασμά τι εἶναι ἕκ τε ὕλης καὶ τοῦ σὺν αὐτῇ εἶδους, ὅπερ ἐξομοιοῦται ταῖς ιδέαις καὶ μετέχει αὐτῶν δύσφραστον δὴ τινα τρόπον· ἄτοπον δὲ τὸν θεὸν ἐξ ὕλης εἶναι καὶ εἶδους· οὐ γὰρ ἔσται ἀπλοῦς οὐδὲ ἀρχικός· ὥστε ἀσώματος ἂν εἴη ὁ θεός. καὶ αὐτόθεν δέ· εἰ σῶμά ἐστιν, ἐξ ὕλης ἂν ὑπάρχοι· ἢ πῦρ ἂν οὖν εἴη ἢ ὕδωρ ἢ γῆ ἢ ἀήρ ἢ τι ἐκ τούτων· ἀλλ' ἕκαστόν γε τούτων οὐκ ἀρχικόν. καὶ ἄλλως δὲ ὕστερον γενήσεται τῆς ὕλης, εἰ ἐξ ὕλης ὑπάρχοι· ὧν ἀτόπων ὄντων ἀσώματον αὐτὸν ὑποληπτέον· καὶ γάρ, εἰ σῶμά ἐστι, καὶ φθαρτὸς ἔσται καὶ γενητὸς καὶ μεταβλητὸς· ἕκαστον δὲ τούτων ἄτοπον ἐπ' αὐτοῦ.

он станет меняться, то или благодаря самому себе, или благодаря иному; и если благодаря иному, то последнее будет сильнее его; а если благодаря самому себе, он может измениться к худшему или к лучшему; однако и то и другое нелепо. Из всего этого ясно, что он бестелесен; это же можно показать и иначе. Если бы бог был телом, он состоял бы из материи и вида, раз всякое тело есть некое сочетание материи и соединенного с нею вида, уподобляемого идеям и причастного им неким невыразимым способом. Но нелепо богу быть составленным из материи и вида, поскольку в таком случае он не будет ни простым, ни первоначальным; поэтому бог бестелесен.

И еще. Если бог — тело, значит, он материален, т. е. он вода, или земля, или воздух, или что-нибудь в таком роде; но все такое не первоначально. Кроме того, если он будет материален, он окажется после материи. Поскольку все это нелепо, нужно признать, что он бестелесен: будь он телом, он был бы подвержен уничтожению, возникновению и переменам; но все это нелепо по отношению к нему.

Пер. Ю. А. Шичалина

13. Апулей (124/125 — после 170 по Р. Х.)

Луций Апулей из Мадавры в Нумидии (Северная Африка, совр. Алжир) происходил из благородного сословия и получил основательное латиноязычное образование. Он написал ряд философских, религиозных и литературных сочинений и разъезжал с речами как свободный интеллигент («софист»), выступая в том числе и в Риме, и в Афинах. Он сам называл себя *philosophus platonicus*, и среди его сочинений имеется и изложенное лично

Erant in quadam civitate rex et regina. Hi tres numero filias forma conspicuas habuere, sed maiores quidem natu, quamvis gratissima specie, idonee tamen celebrari posse laudibus humanis credebantur, at vero puellae iunioris tam praecipua, tam praeclara pulchritudo nec exprimi ac ne sufficienter quidem laudari sermonis humani penuria poterat.

Multi denique civium et advenae copiosi, quos eximii spectaculi rumor studiosa celebritate congregabat, inaccessae formositatis admiratione stupidi et admoventes oribus suis dexteram primore digito in erectum pollicem residente ut ipsam prorsus deam venerabantur religiosi adorationibus.

Iamque proximas civitates et attiguas regiones fama pervaserat deam, quam caeruleum profundum pelagi peperit et ros spumantium fluctuum educavit, iam numinis sui passim tributa venia in mediis conversari populi coetibus, vel certe rursum novo caelestium stillarum germine non maria, sed terras Venerem aliam virginali flore praeditam pullulasse.

Sic immensum procedit in dies opinio, sic insulas iam proxumas et terrae plusculum provinciasque plurimas fama porrecta pervagatur. Iam multi mortalium longis itineribus atque altissimis maris meatibus ad saeculi specimen gloriosum confluebant. Paphon nemo, Cnidon nemo ac ne ipsa quidem Cythera ad conspectum deae Veneris navigabant; sacra deae differuntur, templa deformantur, pulvinaria perforantur, caerimoniae negleguntur; incoronata simulacra et arae viduae frigido cinere foedatae.

Puellae supplicatur et in humanis vultibus deae tantae numina placantur, et in matutino progressu virginis victimis et epulis Veneris absentis nomen propitiatur, iamque per plateas commeantem populi frequenter floribus sertis et solutis adprecantur.

им учение Сократа — «О демоне Сократа» (от такой демонологии постоянно дистанцировался Августин), и более сухой трактат — «О Платоне и его учении». Более всего Апулей знаменит своими неувядающими «Метаморфозами», или «Золотым ослом». Здесь приведена его знаменитая сказка «Амур и Психея» о Любви и Душе, возвращающая нас к платоновским сюжетам «Федра» и послужившая прототипом многих литературных сюжетов.

Амур и Психея

...В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей. Было у них три дочери-красавицы, но старшие по годам, хотя и были прекрасны, все же можно было поверить, что найдутся у людей достаточные для них похвалы, меньшая же девушка такой была красоты неопишуемой, что ни в сказках сказать, ни пером описать, и слов-то в человеческом языке для прославления ее не найти. Так что многие из местных граждан и множество иноземцев, которых молва испытанной славой к изрядному зрелищу привлекала, пораженные созерцанием недостижимой красоты, прикрывали рот своей правой рукой, положив указательный палец на вытянутый большой, словно они самой богине Венере священное творили поклонение. И уже по ближайшим городам и смежным областям пошла молва, что богиня, которую лазурная глубина моря породила и влага пенистая волн воздвигла, в виде особой божественной милости возвращается в толпе людей или же заново из нового семени светил небесных не море¹, но земля произвела на свет другую Венеру, одаренную цветом девственности.

Такое мнение со дня на день безмерно укреплялось, и слава во все стороны, на ближайшие острова, на материк, на множество провинций распространялась. И множество людей не останавливалось перед дальностью пути, перед морскою глубиною, чтобы подивиться на знаменитое чудо времени. Никто не ехал в Пафос, никто не ехал в Книд, даже на самое Киферу для лицезрения богини Венеры никто не ехал; жертвоприношения стали реже, храмы заброшены, святилища покинуты, обряды в пренебрежении, украшенные гирляндами изображения богов и алтари вдовствуют, покрытые холодной золой. К девушке обращаются с мольбами и под смертными чертами чтят величие богини; когда поутру дева появлялась, ей приносили дары и жертвы во имя отсутствующей Венеры, а когда на площадях она проходила, часто толпа ей дорогу усыпала цветами и венками.

Чрезмерное перенесение божеских почестей на смертную девушку сильно воспламенило дух настоящей Венеры, и в нетерпеливом негодовании, потрясая главой, так в волнении она себе говорила:

Haec honorum caelestium ad puellae mortalis cultum inmodica translatio verae Veneris vehementer incendit animos et inpatiens indignationis capite quassanti fremens altius sic secum disserit:

„En rerum naturae prisca parens, en elementorum origo initialis, en orbis totius alma Venus, quae cum mortali puella partiario maiestatis honore tractor, et nomen meum caelo conditum terrenis sordibus profanatur. Nimirum communi numinis piamento vicariae venerationis incertum sustinebo et imaginem meam circumferet puella moritura. Frustra me pastor ille, cuius iustitiam fidemque magnus comprobavit Iuppiter, ob eximiam speciem tantis praetulit deabus. Sed non adeo gaudens ista, quaecumque est, meos honores usurpabit: iam faxo eam huius etiam ipsius inlicitae formositatis paeniteat.“

Et vocat confestim puerum suum pinnatum illum et satis temerarium, qui malis suis moribus contempta disciplina publica, flammis et sagittis armatus, per alienas domos nocte discurrens et omnium matrimonia corrumpens impune committit tanta flagitia et nihil prorsus boni facit.

Hunc, quanquam genuina licentia procacem, verbis quoque insuper stimulat et perducit ad illam civitatem et Psychen — hoc enim nomine puella nuncupabatur — coram ostendit et tota illa perlata de formositatis aemulatione fabula gemens ac fremens indignatione:

„Per ego te“, inquit, „maternae caritatis foedera deprecor, per tuae sagittae dulcia vulnera, per flammae istius mellitas uredines, vindictam tuae parenti, sed plenam tribue et in pulchritudinem contumacem severiter vindica idque unum et pro omnibus unicum volens effice: virgo ista amore fragrantissimo teneatur hominis extremi, quem et dignitatis et patrimonii simul et incolumitatis ipsius Fortuna damnavit, tamque infimi, ut per totum orbem non inveniatur miseriae suae comparem.“

Sic effata et osculis hiantibus filium diu ac pressule saviata proximas oras reflui litoris petit plantisque roseis vibrantium fluctuum summo rore calcato ecce iam profundum maris sudo resedit vertice.

Et ipsum quod incipit velle, statim, quasi pridem praeceperit, non moratur marinum obsequium: adsunt Nerei filiae chorum canentes et Portunus caeruleis barbis hispidus et gravis piscoso sinu Salacia et auriga parvulus delphini Palaemon; iam passim maria persultantes Tritonum catervae hic concha sonaci leniter bucinat, ille serico tegmine flagrantiae solis obsistit inimici, alius sub oculis dominae speculum progerit, curru biuges alii subnatant. Talis ad Oceanum pergentem Venerem comitatur exercitus.

— Как, древняя мать всего существующего! Как, родоначальница стихий! Как, всего мира родительница, Венера, я терплю такое обращение, что смертная дева делит со мною царственные почести и имя мое, в небесах утвержденное, оскверняется земною нечистотою? Так я и примирюсь, что часть жертв буду делить с заместительницей, и смертная девушка будет носить мой образ? Напрасно, что ли, пастырь пресловутый, суд и справедливость которого великий подтвердил Юпитер, предпочел меня за несравненную красоту двум великим соперницам? Но не на радость себе присвоила та самозванка, кто бы она ни была, мои почести! Устрою я так, что раскается она в самой своей недозволенной красоте!

Сейчас же призывает она к себе сына своего крылатого, дерзкого мальчика, который, пренебрегая в злых своих нравах общественными установлениями, вооруженный стрелами и факелом, бежит ночью по чужим домам, расторгая везде супружества, и, безнаказанно совершая такие преступления, хорошего решительно ничего не делает. От природной испорченности наглого, она возбуждает еще словами и ведет в тот город, и Психею — таково было имя у девушки, — ему показав, рассказывает всю историю о соревновании в красоте; вздыхая, дрожа от негодования, говорит она ему:

— Заклинаю тебя узами любви материнской, нежными ранами твоих стрел, факела твоего сладкими обжогами, отомсти за свою родительницу. В полной мере отмерь и жестоко отомсти дерзкой красоте, сделай то, что всего охотней ты делаешь и что единственно ты и можешь сделать: пусть дева эта влюбится в последнего человека, которому судьба отказала и в происхождении, и в состоянии, и в самой безопасности, в такое убожество, что во всем мире не нашлось бы более жалкого.

Сказав так и поцеловав полуоткрытыми устами сына, идет она к заливному краю побережья; едва ступила она розовыми ступнями на поверхность шумящих волн, как вот уж и села на влажном гребне, и только явилось желание, как немедля, будто заранее приготовленная, показалась и свита морская: налицо и Нереевы дочери, хором поющие, и Портун со включенной синей бородой, и Салация, держащая рыб у груди, и маленький возница дельфинов Палемон; вот из моря выпрыгивает стадо тритонов, что в звучную раковину нежно трубят; другой от враждебного солнечного зноя простирает шелковое покрывало, третий к глазам госпожи подносит зеркало, прочие на двухупряжных колесницах плавают. Такая толпа сопровождала Венеру, которая держала путь к Океану.

Пер. М. Кузмина

¹ Богиня красоты Венера (Афродита) была рождена морем, Океаном, от неба, Урана.

14. Цельс (ок. 180 по Р. Х.)

Цельс — имя автора, ничем другим не примечательного, кроме направленного против христиан сочинения под названием «Истинное Слово», которое, в отрывках, приводится ниже. Собственная позиция Цельса эклектична, особенно ярко в ней выражены стоические и платоновские мотивы. Его стиль, вкус и оценки носят ярко выраженный «академический» характер. Логос для него — общечеловеческая данность, свободно существующая в мифах и мистериях, но вершина которого — философия, в особенности — платоновская. То, что только иудеи, а следом за ними христиане, проложили в богословии собственный курс, предъявив свои права на Логос, это, по Цельсу, величайшее заблуждение, от которого необходимо освободить мир.

У Цельса можно обнаружить своеобразную концепцию истории (К. Андерсен). Другая характерная его черта — любовь к закону и порядку. В сочинении были собраны и развиты все типы аргументов, которые впоследствии, в течение столетий, использовались против христианства.

Само сочинение в своей первоначальной форме не сохранилось. Мы располагаем только фрагментами из большого ответа Цельсу,

Εἴτα μετὰ ταῦτα, ὡς ἐπὶ ἐνεργέστερον διδάσκαλον τῶν θεολογίας πραγμάτων, ἀναπέμπει ἡμᾶς ἐπὶ τὸν Πλάτωνα, παρατιθέμενος αὐτοῦ τὰς ἀπὸ τοῦ Τιμαίου λέξεις οὕτως ἔχουσας· "Τὸν μὲν οὖν ποιητὴν καὶ πατέρα τοῦδε τοῦ παντὸς εὐρεῖν τε ἔργον, καὶ εὐρόντα λέγειν εἰς πάντας ἀδύνατον. " Εἴτ' ἐπιφέρει τοῦτοις, λέγων·

"Ὅρᾳτε ὅπως ζητεῖται θεοπρόποις ἀληθείας ὁδὸς, καὶ ὡς ἥδει Πλάτων, ὅτι ταῦτη βῆναι πᾶσιν ἀδύνατον. Ἐπειδὴ δὲ τούτου χάριν ἐξηγῆται σοφοῖς ἀνδράσιν, ὡς ἂν τοῦ ἀκατονομάστου καὶ πρώτου λάβοιμὲν τινα ἐπίνοιαν, διαδηλοῦσαν αὐτὸν ἢ τῇ συνθέσει τῇ ἐπὶ τὰ ἄλλα, ἢ ἀναλύσει ἀπ' αὐτῶν, ἢ ἀναλογίᾳ, τὸ ἄλλως ἄρρητον θέλων διδάξαι, θαυμάσαιμι δ' ἂν εἰ ἀκολουθεῖσαι δυνήσεσθε, παντελῶς τῇ σαρκὶ ἐνδεδεμένοι, καὶ μηδὲν καθαρὸν βλέποντες."

которое написал несколькими поколениями позже Ориген из Александрии (*Ориген. Против Цельса. Ок. 250 по Р. Х.*). Тем не менее это собрание фрагментов такое полное, что в большой степени позволяет реконструировать сочинение Цельса. В первой части (*Ориген, I, 28–V*) рассматривается новый мистический аспект религии, в основание этого положено то, что Цельс считает иудео-христианской фальсификацией истории. Особенно большое внимание уделено учению евангелистов о жизни Иисуса Христа, поднят вопрос об «историчности» Христа. Далее рассматривается догматический аспект, в котором предпринята попытка соотнесения четвертого евангелиста, Иоанна, с платоновской философией (книга VI–VII, 61). В последней части (VII, 62–VIII) рассматривается культовый аспект, сосредоточенный на обязанностях христиан перед государством и обществом.

Затем он (Цельс) обращает наше внимание на одного, как он говорит, «еще более проникновенного учителя на ниве богословия», а именно на Платона, из «Тимея» которого он приводит следующие слова: «Весьма трудно найти Создателя и Отца всего в этом мире. А найдя, невозможно рассказать о Нем всем» (*Тим. 28С*). Относительно этих слов Цельс замечает следующее:

Истинное слово

(Два отрывка из сочинения Оригена *Contra Celsum*, кн. VII)

«Посмотрите (вы, христиане), как провидцы и философы ищут путь истины и как Платон знал, что невозможно всем идти этим путем. Но поскольку мудрецы все же нашли путь, так что мы можем получить представление о Неназываемом и Первичном, — понятии, которое не открывается ни через сопоставление с “иным”, ни через аналитическое отделение от него или аналогию, — то я научу тому, что по-другому невыразимо¹. И мне будет странно, если вы, всецело привязанные к плоти и не имеющие сил различать что-то чистое, сможете следовать за мной»².

(Ориген продолжает:)

«Прекрасно и заслуживает всяческого уважения то, что сообщает Платон в приведенном высказывании. Но вдумайтесь, разве Священное Писание не предоставляет более человеколюбивое учение — учение о Боге-Слове, Которое, в начале быв у Бога, стало плотью: ведь Слово воистину может доходить до любого и каждого — то Слово, о котором Платон сказал, что даже тот, кто нашел его, не может рассказать о нем другим. Пусть Платон утверждает, что “нелегкая задача

Μεγαλοφυνδὸς μὲν καὶ οὐκ εὐκαταφρονήτως τὴν ἐκκειμένην λέξιν ὁ Πλάτων προφέρειται. "Ὅρα δέ, εἰ μὴ φιλανθρωπότερον ὁ θεὸς λόγος εἰσάγει τὸν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν θεόν, θεὸν λόγον γενόμενον σάρκα· ἵνα εἰς πάντας δυνατὸς ᾗ φθάνειν ὁ λόγος, ὃν καὶ τὸν εὐρόντα εἰς πάντας ἀδύνατον λέγειν φησὶν ὁ Πλάτων. Πλάτων μὲν οὖν λεγέτω τὸν ποιητὴν καὶ πατέρα τοῦδε τοῦ παντὸς ἔργον εἶναι εὐρεῖν, οὐκ ἀδύνατον ἐμφαίνων εἶναι τῇ ἀνθρωπίνῃ φύσει τὸ εὐρεῖν κατ' ἀξίαν τὸν θεόν· ἢ εἰ μὴ κατ' ἀξίαν, ἀλλ' ἐπὶ πλεῖον γε καὶ παρὰ τοὺς πολλοὺς· ὅπερ εἰ ἦν ἀληθές, καὶ θεὸς κατ' ἀλήθειαν εὕρητο Πλάτωνι, ἢ τι τῶν Ἑλλήνων· οὐκ ἄλλο τι ἔσεβον καὶ θεὸν ἐκάλουν, καὶ προσεκύουν, ἦτοι τοῦτον καταλιπόντες· ἢ συμπαραλαμβάνοντες τὰ μὴ συμπαραληπτὰ τῷ τηλικούτῳ θεῷ.

Ἡμεῖς δὲ ἀποφαινόμεθα, ὅτι οὐκ αὐτάρκης ἡ ἀνθρωπίνη φύσις ὅπως ποτανοῦν ζητῆσαι τὸν θεόν, καὶ εὐρεῖν αὐτὸν καθαρῶς, μὴ βοηθηθεῖσα ὑπὸ τοῦ ζητουμένου· εὐρισκομένου τοῖς ὁμολογοῦσι, μετὰ τὸ παρ' αὐτοὺς ποιεῖν, ὅτι δέονται αὐτοῦ, ἐμφανίζοντος ἑαυτὸν οἷς ἂν κρίνῃ εὐλόγον εἶναι ὀφθῆναι, ὥς πέφυκε θεὸς μὲν ἀνθρώπῳ γινώσκεισθαι, ἀνθρώπου δὲ ψυχῇ ἔτι οὐσα ἐν σώματι γινώσκειν τὸν θεόν.

45. Ὀυσία καὶ γένεσις, νοητόν, ὁρατόν· μετὰ οὐσίας μὲν ἀλήθεια, μετὰ δὲ γενέσεως πλάνη. περὶ ἀλήθειαν μὲν οὖν ἐπιστήμη, περὶ δὲ θάτερον δόξα· καὶ νοητοῦ μὲν ἐστὶ νόησις, ὁρατοῦ δὲ ὄψις. γινώσκει δὲ νοητόν μὲν νοῦς, ὁρατόν δὲ ὀφθαλμός. ὅπερ οὖν ἐν τοῖς ὁρατοῖς ἥλιος οὐτ' ὀφθαλμὸς ὦν οὐτ' ὄψις ἀλλ' ὀφθαλμῷ τε τοῦ ὁρᾶν αἴτιος καὶ ὄψει τοῦ δι' αὐτὸν συνίστασθαι καὶ ὁρατοῖς τοῦ ὁρᾶσθαι, πᾶσιν αἰσθητοῖς τοῦ γίνεσθαι καὶ μὴν αὐτὸς αὐτῷ τοῦ βλέπεσθαι, τοῦτο ἐν τοῖς νοητοῖς ἐκεῖνος, ὅσπερ οὔτε νοῦς οὔτε νόησις οὐτ' ἐπιστήμη, ἀλλὰ νῶ τε τοῦ νοεῖν αἴτιος καὶ νοήσει τοῦ δι' αὐτὸν εἶναι καὶ ἐπιστήμη τοῦ δι' αὐτὸν γινώσκειν καὶ νοητοῖς ἅπασιν καὶ αὐτῇ ἀληθείᾳ καὶ αὐτῇ οὐσίᾳ τοῦ εἶναι, πάντων ἐπέκεινα ὦν, ἀρρήτῳ τινὶ δυνάμει νοητός.

Ταῦτ' εἴρηται μὲν ἀνθρώποις νοῦν ἔχουσιν· εἰ δέ τι αὐτῶν καὶ ὁμεῖς συνίετε, εὖ ὑμῖν ἔχει. καὶ πνεῦμα εἴ τι οἴεσθε κατιὸν ἐκ θεοῦ προαγγέλλειν τὰ θεῖα, τοῦτ' ἂν εἴῃ τὸ πνεῦμα τὸ ταῦτα κηρύττον, οὗ δὴ πλησθέντες ἄνδρες παλαιοὶ πολλὰ κάγαθα

найти Создателя и Отца всего в этом мире». Этим он на самом деле отмечает, что человеческой природе не невозможно найти Бога адекватным способом, или, если не адекватным, то, по крайней мере, лучшим, чем это доступно большинству людей, — и будь это так, и Платон, и кто-то другой из эллинов действительно нашли бы Бога, то они никогда не стали бы поклоняться ничему другому и не называли бы его Богом и не молились бы ему и не оставляли бы его, и не прилагали бы к нему определений, которые нельзя приложить к такому Богу.

Мы, христиане, напротив, прямо говорим, что человеческой природы недостаточно для того, чтобы искать Бога и находить Его в чистом разуме — лучше, чтобы помог Взыскуемый. Его найдут те, кто, сделав все, что могут, поймут, что нуждаются в Нем, и только там, где Он откроется им, посчитав Своими людьми, дабы открыться, — в той мере, в какой Бог вообще позволяет человеку узнать Себя, и в той мере, в какой душа человеческая, покуда еще пребывает в теле, способна познать Бога...»

В приведенном фрагменте Цельс ставит себе задачу обучить философски «непосвященных». Он говорит, что это может произойти одним из трех названных им способов, выбирая для себя аналогию. В следующем отрывке Цельс представляет, как он понимает основную идею платонизма.

«Бытие и процесс становления — соответственно умопостигаемы и зримы. С бытием связана истина, со становлением — совершение ошибки. Познание относится к истине, собственное мнение — ко второму. Мысль относится к мысленному, видимость — к видимому. Ибо разум познает умопостигаемое, глаз — видимое. Следовательно, что такое Солнце для видимых вещей? Оно не глаз и не сила зрения, но оно — причина того, что глаз может видеть и что сила зрения начинает действовать, дабы были увидены видимые объекты и возникли все ощущаемые вещи; оно само — причина того, что оно видимо, — вот что такое оно для мысленных величин. Оно не есть ни разум, ни мысль и ни познание, но для разума оно — причина, чтобы мыслить, для мысли — причина, чтобы быть, для познания — причина познавать, оно — причина всего умопостигаемого, причина, чтобы быть и собственно истине, и собственно бытию: само по себе — запредельное всему и мыслимое в силу чего-то невыразимого.

Это (истинное) учение я изложил здесь для людей высокого разума. Если и вы (христиане) что-то поймете, будет хорошо для вас. Если вы согласны, что дух исходит от Бога, чтобы проповедовать божественные истины, тогда это должен был быть дух, который проповедовал это учение и который наполнял древних мудрецов, когда они

ἤγγειλαν· ὧν εἰ μὴ δύνασθε ἐπαΐειν, σιωπᾶτε καὶ τὴν ἑαυτῶν
ἀμαθίαν ἐγκαλύπτετε καὶ μὴ λέγετε τυφλώττειν τοὺς βλέποντας
καὶ χωλοὺς εἶναι τοὺς τρέχοντας αὐτοὶ πάντῃ τὰς ψυχὰς
ἀποκεχωλεωμένοι καὶ ἡκρωτηριασμένοι, καὶ τῷ σώματι ζῶντες,
τουτέστι τῷ νεκρῷ.

сообщали от него столь много прекрасного. Если вы не можете понять такие вещи, тогда замолчите, и спрячьте свою невежественность, и не утверждайте, что зрячие слепы, а бегущие — паралитики, ибо сами вы паралитики душой и увечные, поскольку живете только ради тела, а значит — ради трупа».

Этот отрывок представляет собой интеллектуальную вершину сочинений Цельса. Здесь, согласно платонистической традиции, «истинное» философское слово сообщается сжато и в приподнятом стиле гимна. Учение строится на «подобии Солнцу», от текста которого он нигде не отступает. Именно в свете этой истины (платонистической и вневременной) критикует Цельс христианство. Он подходит к христианскому учению о Святом Духе с платонистической меркой. Все, что ей соответствует, — от Духа, все, что не соответствует, — заблуждение.

¹ Эти слова Платона чаще всего цитировались в античные времена.

² «Путь истины» — путь платоновской диалектики. «Неназываемое и первичное» представляет собой в платоновской философии высший принцип единства, в противоположность которому существует принцип «иного». Есть три способа обнаружения первичного в ином, соответственно синтез, анализ и аналогия. Эти способы так иллюстрируются собственными сочинениями Платона: «Пир» открывает «первичное» синтезом, «Парменид» — анализом, «Государство» — аналогией.

ПЛОТИН И НЕОПЛАТОНИЗМ

Плотин (ок. 205 — ок. 270) — основатель неоплатонизма. Он учился в Александрии у весьма таинственной личности — Аммония Саккаса (учеником которого был и Ориген), и деятельность его по большей части протекала в Риме. Лишь в конце жизни ученики подвигли его на то, чтобы записать свои мысли, которые он собрал в «Эннеады». Эти сочинения Плотина по форме являются в высшей степени концентрированным, уплотненным выражением его философского кредо: мировоззрения единства. Бесспорным учителем для него был классический Платон, к которому он постоянно обращался, но одновременно Плотин был глубоко оригинален, так что созданная им новая форма платонизма приобрела самостоятельные очертания и возраставшую с течением времени актуальность. В Германии уже во времена Гете наука (по мнению Ф. Шлейермахера) оторвала друг от друга два понятия: Платон и неоплатонизм. Сегодня существует тенденция снова соединить два эти понятия, но уже как самостоятельные величины в рамках общей формы. (Настоящее издание возникло из желания такого соединения.)

Через ученика Плотина Порфирия, самостоятельного мыслителя, недовольного христианством, эта одержимость ушла на Восток, в Сирию, где Ямвлих придал этой философии теософский и теургический характер, что затем — через мистика Максима — вдохновило императора Юлиана на отход от христианства. Последний взлет неоплатонизма произошел в позднеантичные времена в Академии, в Афинах, где Прокл стал великим учителем. Академия была закрыта в 529 г. императором Юстинианом одновременно с учреждением в Византии учебного заведения (Университета), способствующего укреплению религиозной благочестивой жизни.

Между тем платонизм и христианство обоюдно влияли друг на друга. Так, импульсы среднего платонизма были восприняты Оригеном (который хотя и косвенно, но оказался под влиянием своего современника Плотина), Плотин оказал влияние на каппадокийских отцов Церкви, а Прокл — на Дионисия Ареопагита. Соединительным звеном между ними явился Марий Викторин.

15. ΠΛΩΤΙΝΗ

Τίς τέχνη ἢ μέθοδος ἢ ἐπιτήδευσίς ἡμᾶς οἱ δεῖ πορευθῆναι ἀνάγει; ὅπου μὲν οὖν δεῖ ἐλθεῖν, ὥς ἐπὶ τάγαθόν καὶ τὴν ἀρχὴν τὴν πρώτην, κείσθω διωμολογημένον καὶ διὰ πολλῶν δεδειγμένον· καὶ δὴ καὶ δι' ὧν τοῦτο ἐδεικνυτο, ἀναγωγὴ τις ἦν. τίνα δὲ δεῖ εἶναι τὸν ἀναχθῆσόμενον; ἀρά γε τὸν πάντα ἢ τὸν πλεῖστά φησιν ἰδόντα, ὃς ἐν τῇ πρώτῃ γενέσκει εἰς γονὴν ἀνδρὸς ἐσομένου φιλοσόφου μουσικοῦ τινος ἢ ἐρωτικοῦ; ὁ μὲν δὴ φιλόσοφος τὴν φύσιν καὶ ὁ μουσικὸς καὶ ὁ ἐρωτικὸς ἀνακτέοι. τίς οὖν ὁ τρόπος; ἀρά γε εἰς καὶ ὁ αὐτὸς ἅπασιν τούτοις, ἢ καθ' ἓνα εἰς τις; ἔστι μὲν οὖν ἡ πορεία διττὴ πᾶσιν ἢ ἀναβαίνουσιν ἢ ἄνω ἐλθοῦσιν· ἡ μὲν γὰρ προτέρα ἀπὸ τῶν κάτω, ἡ δὲ γε δευτέρα, οἷς ἤδη ἐν τῷ νοητῷ γενομένοις καὶ οἷον ἴχνος θείσιν ἐκεῖ πορεύεσθαι ἀνάγκη, ἕως ἂν εἰς τὸ ἔσχατον τοῦ τόπου ἀφίκωνται, ὃ δὴ τέλος τῆς πορείας ὃν τυγχάνει, ὅταν τις ἐπ' ἄκρῳ γέννηται τῷ νοητῷ. ἀλλ' ἡ μὲν περιμενέτω, περὶ δὲ τῆς ἀναγωγῆς πρότερον πειρατέον λέγειν.

Πρῶτον δὴ διασταλτέον τοὺς ἄνδρας τούτους ἡμῖν ἀρξαμένοις ἀπὸ τοῦ μουσικοῦ ὅστις ἐστὶ λέγοντας τὴν φύσιν. θετέον δὴ αὐτὸν εὐκίνητον καὶ ἐπτοημένον μὲν πρὸς τὸ καλόν, ἀδυνατώτερον δὲ παρ' αὐτοῦ κινεῖσθαι, ἔτοιμον δὲ ἐκ τῶν τυχόντων, οἷον ἐκ τύπων, ὥσπερ οἱ δειλοὶ πρὸς τοὺς ψόφους, οὕτω καὶ τοῦτον πρὸς τοὺς φθόγγους καὶ τὸ καλὸν τὸ ἐν τούτοις ἔτοιμον, φεύγοντα δὲ αἰετὶ τὸ ἀνάρμοστον καὶ τὸ μὴ ἐν ἐν τοῖς ἁδομένοις καὶ ἐν τοῖς ῥυθμοῖς καὶ τὸ εὐρυθμον καὶ τὸ εὐσχημον διώκειν.

μετὰ τοίνυν τοὺς αἰσθητοὺς τούτους φθόγγους καὶ ῥυθμοὺς καὶ σχήματα οὕτως ἀκτέον· χωρίζοντα τὴν ὕλην ἐφ' ὧν αἱ ἀναλογίαι καὶ οἱ λόγοι εἰς τὸ κάλλος τὸ ἐπ' αὐτοῖς ἀκτέον καὶ διδασκτέον, ὥς περὶ ἃ ἐπτόητο ἐκεῖνα ἦν, ἡ νοητὴ ἀρμονία καὶ τὸ ἐν ταύτῃ καλὸν καὶ ὁλως τὸ καλόν, οὐ τό τι καλόν μόνον, καὶ λόγους τοὺς φιλοσοφίας ἐνθετέον· ἀφ' ὧν εἰς πίστιν ἀκτέον ὧν ἀγνοεῖ ἔχων. τίνες δὲ οἱ λόγοι, ὕστερον.

Ὁ δὲ ἐρωτικὸς, εἰς ὃν μεταπέσοι ἂν καὶ ὁ μουσικὸς καὶ μεταπεσὼν ἢ μένοι ἂν ἢ παρέλθοι, μνημονικὸς ἐστὶ πῶς κάλλους· χωρὶς δὲ ὃν ἀδυνατεῖ καταμαθεῖν, πληττόμενος δὲ ὑπὸ τῶν ἐν ὧσι καλῶν περὶ αὐτὰ ἐπτόηται. διδασκτέον οὖν αὐτὸν μὴ περὶ ἐν σώμα πεσόντα ἐπτοῆσθαι, ἀλλ' ἐπὶ πάντα ἀκτέον τῷ λόγῳ σώματα δεικνύντα τὸ ἐν πᾶσι ταῦτόν καὶ ὅτι ἕτερον τῶν σωμάτων καὶ ὅτι ἄλλοθεν λεκτέον

О диалектике

Диалектика есть способность давать в логосе [мысленное и словесное] определение каждой вещи, что она есть и чем отличается от других вещей и что у нее общее с ними, и кроме того, где место каждой из них, и есть ли она сущность, и сколько имеется сущих и, с другой стороны, не-сущих, отличных от сущих. Она говорит и о благе, и о не-благе, и о том, что относится к благу, и о противоположном ему, и о том, что вечно, и, конечно, о том, что не таково; [говорит] обо всем она на основании знания, а не мнения. Отказавшись от блуждания в области чувственного, она утверждается в области умопостигаемого и там занимается тем, что отвергает ложь и питает душу в так называемой обители истины. Она пользуется Платоновым делением для различения идей, равно как и для определения смысловой единичности, пользуется им, далее, для [установления] первых родов [сущего], мысленно сочетая их, пока не пройдет всю область умопостигаемого, и снова расчленяя их, пока не дойдет до первоначала. Тогда она успокаивается, по крайней мере, пока она там, она сохраняет молчание и, не занимаясь уже множеством дел, но собираясь в единое, зрит, передавая так называемое логическое учение о посылках и силлогизмах — словно [некое] умение писать — другому искусству; считая кое-что из этого необходимым для искусства, она все это разбирает, равно как и прочее, считая кое-что из этого полезным, а кое-что излишним и отвечающим способу исследования в этой [области].

καὶ ὅτι ἐν ἄλλοις μᾶλλον, οἷον ἐπιτηδεύματα καλὰ καὶ νόμους καλοὺς δεικνύντα – ἐν ἄσωμάτοις γὰρ ὁ ἐθισμὸς τοῦ ἐρασμοῦ ἤδη – καὶ ὅτι καὶ ἐν τέχναις καὶ ἐν ἐπιστήμαις καὶ ἐν ἀρεταῖς. εἴτα ἐν ποιητέον καὶ διδασκτέον, ὅπως ἐγγίνονται. ἀπὸ δὲ τῶν ἀρετῶν ἤδη ἀναβαίνειν ἐπὶ νοῦν, ἐπὶ ὃν· καὶ κεῖ βαδιστέον τὴν ἄνω πορείαν.

Ὁ δὲ φιλόσοφος τὴν φύσιν ἔτοιμος οὗτος καὶ οἷον ἐπτερωμένος καὶ οὐ δεόμενος χωρίσεως, ὥσπερ οἱ ἄλλοι οὔτοι, κεκινημένος πρὸς τὸ ἄνω, ἀπορῶν δὲ τοῦ δεικνύντος δεῖται μόνον. δεικτέον οὖν καὶ λυτέον βουλόμενον καὶ αὐτὸν τῇ φύσει καὶ πάλαι λελυμένον. τὰ μὲν δὴ μαθήματα δοτέον πρὸς συνεθισμόν κατανοήσεως καὶ πίστεως ἄσωμάτου –

καὶ γὰρ ῥᾶδιον δέξεται φιλομαθῆς ὢν – καὶ φύσει ἐνάρετον πρὸς τελείωσιν ἀρετῶν ἀκτέον καὶ μετὰ τὰ μαθήματα λόγους διαλεκτικῆς δοτέον καὶ ὅλως διαλεκτικὸν ποιητέον.

Τίς δὲ ἡ διαλεκτικὴ, ἣν δεῖ καὶ τοῖς προτέροις παραδιδόναι; ἔστι μὲν δὴ ἡ λόγῳ περὶ ἐκάστου δυναμένη ἕξις εἰπεῖν τί τε ἕκαστον καὶ τί ἄλλων διαφέρει καὶ τίς ἡ κοινότης· ἐν οἷς ἔστι καὶ ποῦ τούτων ἕκαστον καὶ εἰ ἔστιν ὃ ἔστι καὶ τὰ ὄντα ὅποσα καὶ τὰ μὴ ὄντα αὐ, ἕτερα δὲ ὄντων. αὕτη καὶ περὶ ἀγαθοῦ διαλέγεται καὶ περὶ μὴ ἀγαθοῦ καὶ ὅσα ὑπὸ τὸ ἀγαθὸν καὶ ὅσα ὑπὸ τὸ ἐναντίον καὶ τί τὸ αἰδίων καὶ τὸ μὴ τοιοῦτον, ἐπιστήμη δηλονότι περὶ πάντων, οὐ δόξη. παύσασα δὲ τῆς περὶ τὸ αἰσθητὸν πλάνης ἐνιδρύει τῷ νοητῷ καὶ κεῖ τὴν πραγματείαν ἔχει τὸ ψεῦδος ἀφείσα ἐν τῷ λεγομένῳ ἀληθείας πεδίῳ τὴν ψυχὴν τρέφουσα, τῇ διαιρέσει τῇ Πλάτωνος χρωμένη μὲν καὶ εἰς διάκρισιν τῶν εἰδῶν, χρωμένη δὲ καὶ εἰς τὸ τί ἐστὶ, χρωμένη δὲ καὶ ἐπὶ τὰ πρῶτα γένη, καὶ τὰ ἐκ τούτων νοερῶς πλέκουσα, ἕως ἂν διέλθῃ πᾶν τὸ νοητόν, καὶ ἀνάπαλιν ἀναλύουσα, εἰς ὃ ἂν ἐπ' ἀρχὴν ἔλθῃ, τότε δὲ ἡσυχίαν ἄγουσα, ὥς μέχρι γε τοῦ ἐκεῖ εἶναι ἐν ἡσυχίᾳ, οὐδὲν ἔτι πολυπραγμονοῦσα εἰς ἐν γενομένη βλέπει, τὴν λεγομένην λογικὴν πραγματείαν περὶ προτάσεων καὶ συλλογισμῶν, ὥσπερ ἂν τὸ εἰδέναι γράφειν, ἄλλῃ τέχνῃ δοῦσα· ὢν τινα ἀναγκαῖα καὶ πρὸ τέχνης ἡγουμένη, κρίνουσα δὲ αὐτὰ ὥσπερ καὶ τὰ ἄλλα καὶ τὰ μὲν χρήσιμα αὐτῶν, τὰ δὲ περιττὰ ἡγουμένη καὶ μεθόδου τῆς ταῦτα βουλομένης.

Ἄλλὰ πόθεν τὰς ἀρχὰς ἔχει ἡ ἐπιστήμη αὕτη; ἡ νοῦς δίδωσιν ἐναργεῖς ἀρχάς, εἴ τις λαβεῖν δύναται ψυχῇ· εἴτα τὰ ἐξῆς καὶ συντίθησι καὶ συμπλέκει καὶ διαιρεῖ, ἕως εἰς τέλεον νοῦν ἦκη. ἔστι γάρ, φησιν, αὕτη τὸ καθαρῶτατον νοῦ καὶ φρονήσεως. ἀνάγκη οὖν τιμιωτάτην οὖσαν ἔξιν τῶν ἐν ἡμῖν περὶ τὸ ὄν καὶ τὸ τιμιώτατον εἶναι, φρόνησιν μὲν

Но откуда это знание берет свои начала? Конечно, ум дает ей очевидные начала, если только душа способна их постичь. Душа затем вытекающее из них соединяет, сочетает и различает, пока не доходит до совершенного ума. В самом деле, [диалектика], сказал [Платон], есть самое чистое в уме и мышлении. Будучи наиболее ценной из всех наших способностей, она необходимо занимается сущим и наиболее ценным, как мышление — сущим, как ум — тем, что за пределами сущего. Но что такое философия? Она самое ценное. Но тождественна ли она с диалектикой? Нет, диалектика — [самая] ценная часть философии. В самом деле, не следует думать, что диалектика есть [лишь] орудие философа; она не состоит из пустых положений и правил, а трактует о вещах и имеет сущее как бы своей материей; она приступает к ним методически, имея вместе с положениями и вещи.

περί τὸ ὄν, νοῦν δὲ περί τὸ ἐπέκεινα τοῦ ὄντος. τί οὖν; ἡ φιλοσοφία τὸ τιμωτάτον; ἢ ταῦτόν φιλοσοφία καὶ διαλεκτική; ἢ φιλοσοφίας μέρος τὸ τίμιον. οὐ γὰρ δὴ οἰητέον ὄργανον τοῦτο εἶναι τοῦ φιλοσόφου· οὐ γὰρ ψιλὰ θεωρήματά ἐστι καὶ κανόνες, ἀλλὰ περί πράγματα ἐστι καὶ οἷον ὕλην ἔχει τὰ ὄντα· ὁδῶ μέντοι ἐπ' αὐτὰ χωρεῖ ἅμα τοῖς θεωρήμασι τὰ πράγματα ἔχουσα· τὸ δὲ ψεῦδος καὶ τὸ σόφισμα κατὰ συμβεβηκὸς γινώσκει ἄλλου ποιήσαντος ὥς ἀλλότριον κρίνουσα τοῖς ἐν αὐτῇ ἀληθέσι τὸ ψεῦδος, γινώσκουσα, ὅταν τις προσαγάγῃ, ὃ τι παρὰ τὸν κανόνα τοῦ ἀληθοῦς. περί προτάσεως οὖν οὐκ οἶδε — καὶ γὰρ γράμματα — εἰδυῖα δὲ τὸ ἀληθὲς οἶδεν ὁ καλοῦσι πρότασιν, καὶ καθόλου οἶδε τὰ κινήματα τῆς ψυχῆς, ὃ τε τίθῃσι καὶ ὃ αἶρει, καὶ εἰ τοῦτο αἶρει ὃ τίθῃσιν ἢ ἄλλο, καὶ εἰ ἕτερα ἢ ταῦτά, προσφερομένων ὥσπερ καὶ ἡ αἴσθησις ἐπιβάλλουσα, ἀκριβολογεῖσθαι δὲ ἑτέρα διδωσι τοῦτο ἀπαώση.

Μέρος οὖν τὸ τίμιον· ἔχει γὰρ καὶ ἄλλα φιλοσοφία· καὶ γὰρ καὶ περί φύσεως θεωρεῖ βοήθειαν παρὰ διαλεκτικῆς λαβοῦσα, ὥσπερ καὶ ἀριθμητικῇ προσχρῶνται αἱ ἄλλαι τέχναι· μᾶλλον μέντοι αὕτη ἐγγύθεν κομίζεται παρὰ τῆς διαλεκτικῆς· καὶ περί ἡθῶν ὡσαύτως θεωροῦσα μὲν ἐκεῖθεν, προστιθεῖσα δὲ τὰς ἕξεις καὶ τὰς ἀσκήσεις, ἐξ ὧν προΐασιν αἱ ἕξεις. Ἰσχοῦσι δὲ αἱ λογικαὶ ἕξεις καὶ ὥς ἴδια ἦδη τὰ ἐκεῖθεν· καὶ γὰρ μετὰ τῆς ὕλης τὰ πλεῖστα· καὶ αἱ μὲν ἄλλαι ἀρεταὶ τοὺς λογισμοὺς ἐν τοῖς πάθεσι τοῖς ἰδίους καὶ ταῖς πράξεσιν, ἡ δὲ φρόνησις ἐπιλογισμός τις καὶ τὸ καθόλου μᾶλλον καὶ εἰ ἀντακολουθοῦσι καὶ εἰ δεῖ νῦν ἐπισχεῖν ἢ εἰσαυθίς ἢ ὅλως ἄλλο βέλτιον· ἡ δὲ διαλεκτική καὶ ἡ σοφία ἐτι καθόλου καὶ ἀύλως πάντα εἰς χρῆσιν προφέρει τῇ φρονήσει. πότερον δὲ ἔστι τὰ κάτω εἶναι ἄνευ διαλεκτικῆς καὶ σοφίας; ἢ ἀτελῶς καὶ ἐλλειπόντως. ἔστι δὲ σοφὸν εἶναι καὶ διαλεκτικὸν οὕτως ἄνευ τούτων; ἢ οὐδ' ἂν γένοιτο, ἀλλὰ ἡ πρότερον ἢ ἅμα συναύζεται. καὶ τάχα ἂν φυσικὰς τις ἀρετὰς ἔχοι, ἐξ ὧν αἱ τέλειαι σοφίας γενομένης. μετὰ τὰς φυσικὰς οὖν ἡ σοφία· εἴτα τελειοῖ τὰ ἦθη, ἢ τῶν φυσικῶν οὐσῶν συναύζεται ἦδη ἅμφω καὶ συντελειοῦται; ἢ προλαβοῦσα ἡ ἑτέρα τὴν ἑτέραν ἐτελείωσεν· ὅλως γὰρ ἡ φυσικὴ ἀρετὴ καὶ ὁμα ἀτελες καὶ ἡθὸς ἔχει, καὶ αἱ ἀρχαὶ τὸ πλεῖστον ἀμφοτέραις ἀφ' ὧν ἔχομεν.

Ошибки и софизмы она принимает во внимание, когда их допускает кто-то иной, осуждает ложь как чуждое истинному в ней, полагая, что, когда кто-то предлагает ложь, то против правил истины. Стало быть, посылки не предмет ее познания, ибо они [только] буквы, а знает она только истину, зная тем самым то, что называется посылкой, и вообще знает душевные движения, то, что душа полагает [в посылках] и доказывает [в заключении], и доказывает то, что полагает, или что-то другое и идет ли речь о разном или о тождественном; когда все это ей встречается, она подходит к этому подобно восприятию. Однако тщательное исследование она предоставляет другому искусству, которое находит в этом удовлетворение.

**Против тех, кто утверждает, что мир создан
злым мастером и что мир — зло
(Эннеада II, 9. Против гностиков).**

Знаменитая «Эннеада» II, 9 Плотина (первая часть из которой приводится ниже) традиционно носит подзаголовок «Против гностиков». «Гностики» в данном случае — более позднее общее наименование для тех, кто считает, что мир — это юдоль скорби, подвластная Князю тьмы. Обычно это определение применяется к некоторым нехристианским духовным течениям поздней

1. Ἐπειδὴ τοίνυν ἐφάνη ἡμῖν ἡ τοῦ ἀγαθοῦ ἀπλὴ φύσις καὶ πρώτη — πᾶν γὰρ τὸ οὐ πρῶτον οὐχ ἀπλοῦν — καὶ οὐδὲν ἔχον ἐν ἑαυτῷ, ἀλλὰ ἐν τι, καὶ τοῦ ἐνὸς λεγομένου ἡ φύσις ἡ αὐτὴ — καὶ γὰρ αὕτη οὐκ ἄλλο, εἴτα ἐν, οὐδὲ τοῦτο ἄλλο, εἴτα ἀγαθόν — ὅταν λέγωμεν τὸ ἐν, καὶ ὅταν λέγωμεν ἀγαθόν, τὴν αὐτὴν δεῖ νομίζειν τὴν φύσιν καὶ μίαν λέγειν οὐ κατηγοροῦντας ἐκείνης οὐδέν, δηλοῦντας δὲ ἡμῖν αὐτοῖς ὡς οἶόν τε. καὶ τὸ πρῶτον δὲ οὕτως, ὅτι ἀπλούστατον, καὶ τὸ αὐταρκες, ὅτι οὐκ πλειόνων· οὕτω γὰρ ἀναρτηθήσεται εἰς τὰ ἐξ ὧν· καὶ οὐκ ἐν ἄλλῳ, ὅτι πᾶν τὸ ἐν ἄλλῳ καὶ παρ' ἄλλου. εἰ οὖν μηδὲ παρ' ἄλλου μηδὲ ἐν ἄλλῳ μηδὲ σύνθεσις μηδεμία, ἀνάγκη μηδὲν ὑπὲρ αὐτὸ εἶναι. οὐ τοίνυν δεῖ ἐφ' ἐτέρας ἀρχὰς ἰέναι, ἀλλὰ τοῦτο προσθησαμένους, εἴτα νοῦν μετ' αὐτὸ καὶ τὸ νοοῦν πρῶτως, εἴτα ψυχὴν μετὰ νοῦν — αὕτη γὰρ τάξις κατὰ φύσιν — μήτε πλείω τούτων τίθεσθαι ἐν τῷ νοητῷ μήτε ἐλάττω. εἴτε γὰρ ἐλάττω, ἢ ψυχὴν καὶ νοῦν ταύτων φήσουσιν, ἢ νοῦν καὶ τὸ πρῶτον· ἀλλ' ὅτι ἔτερα ἀλλήλων, ἐδείχθη πολλαχῇ. λοιπὸν δὲ ἐπισκέψασθαι ἐν τῷ παρόντι, εἰ πλείω τῶν τριῶν τούτων, τίνες ἂν οὖν εἶεν φύσεις παρ' αὐτάς.

Εἰ δὲ οἶον περὶ ὁρμήσασαν τὴν ψυχὴν φήσουσι πεποιηκέναι, οὐχ ἡ τοῦ παντὸς τοῦτο πάσχει· εἰ δὲ σφαλεῖσαν αὐτοὶ φήσουσι, τοῦ σφάλματος λεγέτωσαν τὴν αἰτίαν. πότε δὲ ἐσφάλῃ; εἰ μὲν γὰρ ἐξ αἰδίου, μένει κατὰ τὸν αὐτῶν λόγον ἐσφαλμένη· εἰ δὲ ἤρξατο, διὰ τί οὐ πρὸ τοῦ;

Ἡμεῖς δὲ οὐ νεύσιν φαμεν τὴν ποιοῦσαν, ἀλλὰ μάλλον μὴ νεῦσιν. εἰ δὲ ἐνευσε, τῷ ἐπιλελῆσθαι δηλονότι τῶν ἐκεῖ· εἰ δὲ ἐπελάθετο, πῶς δημιουργεῖ; πόθεν γὰρ ποιεῖ ἢ ἐξ ὧν εἶδεν ἐκεῖ; εἰ δὲ ἐκείνων μεμνημένη ποιεῖ, οὐδὲ ὅλως ἐνευσεν, οὐδὲ γὰρ εἰ

античности, но, кажется, что под осуждение Плотина попадают и христиане. «Гностикам» он противопоставляет классический греческий, в особенности платоновский, взгляд на этот мир как на самое лучшее отражение, «подобие», потустороннего духовного мира, принесенного сюда добрым демоном.

Мы уже говорили о том, что благо, первоначало, является простым и неразложимым, в то время как то начало, что следует за ним (т. е. ум), будучи едино-многим, имеет уже сложную природу; первое единое же ничего постороннего в себе не содержит и представляет, таким образом, абсолютное единство.

Такова природа того начала, которое мы называем единым. Подобно тому, как благодать является неотъемлемым свойством блага, а не чем-либо, привнесенным в него извне от некоторой другой, более первичной субстанции, так и единство изначально присуще единому.

Когда мы говорим о едином или же рассуждаем о благе, мы не можем не заметить идентичности их природы; очевидно, что как в первом, так и во втором случае речь идет об одном и том же начале, что единое и благо суть одно и то же, хотя это верно лишь настолько, насколько мы вообще можем что-либо утверждать относительно в принципе неопределимой сущности, обозначая ее теми наилучшими терминами, какие подсказывает нам наш разум.

Даже называя его первым единым, мы этим обозначаем лишь то, что оно есть абсолютно простое и самодовлеющее в том смысле, что не имеет сложной природы, которая сделала бы его зависимым от любых составляющих его частей. Оно целиком содержит самого себя, поскольку все, что содержится в чем-то ином, необходимо требует существования наряду с собой и этого иного.

Мы не можем составить его из ничего иного, ибо иное ему есть «ничто». Оно не вводится в «ничто» и, тем более, не выводится из «ничто» — «ничто» всегда вне его. А потому нам нет нужды искать какое-либо первое начало кроме единого или блага; за ним следует первый мыслящий принцип — ум, третье же начало — мировая душа. Таков порядок мироздания — меньшее число первичных субстанций умалило бы умный космос, большее было бы излишним.

ἀμυδρῶς ἔχει. οὐ μᾶλλον νεύει ἐκεῖ, ἵνα μὴ ἀμυδρῶς ἴδῃ; διὰ τί γὰρ ἂν οὐκ ἠθέλησεν ἔχουσα ἡντινοῦν μνήμην ἐπανελθεῖν; τί γὰρ ἂν ἑαυτῇ καὶ ἐλογίζετο γενέσθαι ἐκ τοῦ κοσμοποιῆσαι; γελοῖον γὰρ τὸ ἵνα τιμῶτο, καὶ μεταφερόντων ἀπὸ τῶν ἀγαλματοποιῶν τῶν ἐνταῦθα. ἐπεὶ καὶ εἰ διανοίᾳ ἐποίει καὶ μὴ ἐν τῇ φύσει ἦν τὸ ποιεῖν καὶ ἡ δύναμις ἡ ποιοῦσα ἦν, πῶς ἂν κόσμον τόνδε ἐποίησε; πότε δὲ καὶ φθερεῖ αὐτόν; εἰ γὰρ μετέγνω, τί ἀναμένει; εἰ δὲ οὐπω, οὐδ' ἂν μεταγνοίῃ ἔτι ἤδη εἰθισμένη καὶ τῷ χρόνῳ προσφιλεστέρα γενομένη. εἰ δὲ τὰς καθ' ἑκαστον ψυχὰς ἀναμένει, ἤδη ἔδει μηκέτι ἐλθεῖν εἰς γένεσιν πάλιν πειραθείσας ἐν τῇ προτέρᾳ γενέσει τῶν τῆδε κακῶν· ὥστε ἤδη ἂν ἐπέλιπον ἰοῦσαι.

Οὐδὲ τὸ κακῶς γεγονέναι τόνδε τὸν κόσμον δοτέον τῷ πολλὰ εἶναι ἐν αὐτῷ δυσχερεῖ· τοῦτο γὰρ ἀξίωμα μεῖζόν ἐστι περιτιθέντων αὐτῷ, εἰ ἀξιούσι τὸν αὐτὸν εἶναι τῷ νοητῷ, ἀλλὰ μὴ εἰκόνα ἐκείνου. ἢ τίς ἂν ἐγένετο ἄλλη καλλίων εἰκὼν ἐκείνου; τί γὰρ ἄλλο πῦρ βελτίων τοῦ ἐκεῖ πυρὸς παρὰ τὸ ἐνταῦθα πῦρ; ἢ τίς γῆ ἄλλη παρὰ ταύτην μετὰ τὴν ἐκεῖ γῆν; τίς δὲ σφαῖρα ἀκριβεστέρα καὶ σεμνοτέρα ἢ εὐτακτοτέρα τῇ φορᾷ μετὰ τὴν ἐκεῖ τοῦ κόσμου τοῦ νοητοῦ περιοχὴν ἐν αὐτῷ; ἄλλος δὲ ἥλιος μετ' ἐκείνον πρὸ τούτου ὁρωμένου τις;

5. 'Ἄλλ' αὐτοὺς μὲν σῶμα ἔχοντας, οἷον ἔχουσιν ἄνθρωποι, καὶ ἐπιθυμίαν καὶ λύπας καὶ ὀργὰς τὴν παρ' αὐτοῖς δύναμιν μὴ ἀτιμάζειν, ἀλλ' ἐφάπτεσθαι τοῦ νοητοῦ λέγειν ἐξεῖναι, μὴ εἶναι δὲ ἐν ἡλίῳ ταύτης ἀπαθεστέραν ἐν τάξει μᾶλλον καὶ οὐκ ἐν ἀλλοιώσει μᾶλλον οὔσαν, οὐδὲ φρόνησιν ἔχειν ἀμείνονα ἡμῶν τῶν ἄρτι γενομένων καὶ διὰ τοσοῦτων κωλυομένων τῶν ἀπατώντων ἐπὶ τὴν ἀλήθειαν ἐλθεῖν· οὐδὲ τὴν μὲν αὐτῶν ψυχὴν ἀθάνατον καὶ θείαν λέγειν καὶ τὴν τῶν φανυλολατῶν ἀνθρώπων, τὸν δὲ οὐρανὸν πάντα καὶ τὰ ἐκεῖ ἄστρα μὴ τῆς ἀθανάτου κεκοινωνηκέναι ἐκ πολλῷ καλλιόνων καὶ καθαρωτέρων ὄντα, ὁρῶντας ἐκεῖ μὲν τὸ τεταγμένον καὶ εὐσχημον καὶ εὐτακτον καὶ μάλιστα τὴν ἐνταῦθα περὶ γῆν ἀταξίαν αὐτοὺς αἰτιωμένους· ὥσπερ τῆς ἀθανάτου ψυχῆς τὸν χεῖρω τόπον ἐπίτηδες ἐλομένης, παραχωρῆσαι δὲ τοῦ βελτίονος τῇ θνητῇ ψυχῇ ἐλομένης. ἄλογος δὲ καὶ ἡ παρεισαγωγὴ αὐτοῖς τῆς ἐτέρας ψυχῆς ταύτης, ἣν ἐκ τῶν στοιχείων συνιστᾶσι· πῶς γὰρ ἂν ζώῃν ἡντινοῦν ἔχοι ἢ ἐκ τῶν στοιχείων σύστασις; ἢ γὰρ τούτων κρᾶσις ἢ θερμὸν ἢ ψυχρὸν ἢ μικτὸν ποιεῖ, ἢ ξηρὸν ἢ ὑγρὸν ἢ μίγνα ἐκ τούτων. πῶς δὲ συνοχὴ τῶν τεσσάρων ὑστέρα γενομένη ἐξ αὐτῶν; ὅταν δὲ προστιθῶσι καὶ ἀντίληψιν αὐτῇ καὶ βούλευσιν καὶ ἄλλα μυρία, τί ἂν τις εἴποι;

Те, кто считает, что первоначальных субстанций меньше трех, должны либо ум и душу полагать одним и тем же началом, либо ум и первое единое. Ранее, впрочем, мы уже доказали, что все эти три субстанции принципиально различны.

Теперь нам остается выяснить, не насчитывается ли их более трех.

Есть и такие, кто утверждает, будто творение — акт души, чьи «крылья ослабели». Неужели подобное несчастье может произойти с мировой душой? В чем причина подобного падения, да и когда, собственно, душа пала? Если в вечности, то душа, пожалуй, пропащая вещь, если в некоторый конкретный момент, то почему не раньше или не позже?

Мы утверждаем, что созидательная деятельность мировой души есть свидетельство не ее упадка, но, наоборот, творческой мощи. Падение души может выражаться только в забвении ею всего божественного. Но как могла бы она созидать, если бы божественное было забыто? Ведь душа творит по образу эйдосов, которые она наблюдает в уме, храня же память об увиденном, она не может ниспасть. Даже если предположить, что, обустривая низшие планы бытия, душа находится в некотором неопределенном промежуточном состоянии, то и из этого никак нельзя сделать вывод, что она пришла в упадок. Ведь даже временное отпадение от высших сфер потребует ее немедленного возвращения, поскольку забвение истинно-сущего лишит ее возможности творить. Если же она всегда хранит память о наилучшем, что еще она может желать, как не постоянного обращения к этому наилучшему?

И еще: какую цель может преследовать мировая душа, творя наш мир? Может быть, ей нужна слава? В подобный мотив способны поверить разве что наши художники и артисты. Да и вообще, что, кроме естественной потребности, может послужить импульсом к созданию Вселенной?

И почему вдруг душа захочет уничтожить свою работу? Если даже она в ней и разочаруется, то что последует за этим? Впрочем, если она не раскаялась за сотворенное до сих пор, то уже не раскается никогда. Ведь, помимо всего прочего, она не могла за столь длительный срок не привязаться к своему созданию.

Что же ожидает те души, что все еще здесь? А что ждало их прежде, когда, расставшись было с телом, они вновь вернулись сюда, хотя, имея опыт предыдущей жизни, уже знали о пороках чувственного мира? Ведь их истинное рождение произошло гораздо раньше, чем они вошли в нижние пределы.

Не следует также полагать, будто бы наш мир — источник всяческих бед и несчастий лишь потому, что в нем мы находим много

Ἀλλὰ οὐ τιμῶντες ταύτην τὴν δημιουργίαν οὐδὲ τήνδε τὴν γῆν καινὴν αὐτοῖς γῆν φασὶ γεγενῆσθαι, εἰς ἣν δὴ ἐντεῦθεν ἀπελεύσονται· τοῦτο δὲ λόγον εἶναι κόσμου, καίτοι τί δεῖ αὐτοῖς ἐκεῖ γενέσθαι ἐν παραδείγματι κόσμου, ὃν μισοῦσι; πόθεν δὲ τὸ παράδειγμα τοῦτο; τοῦτο γάρ κατ' αὐτοὺς νενευκότος ἤδη πρὸς τὰ τῆδε τοῦ τὸ παράδειγμα πεποιηκότος. εἰ μὲν οὖν ἐν αὐτῷ τῷ ποιήσαντι πολλὴ φροντίς τοῦ κόσμον μετὰ τὸν κόσμον τὸν νοητὸν ὃν ἔχει ἄλλον ποιῆσαι – καὶ τί ἔδει; – καὶ εἰ μὲν πρὸ τοῦ κόσμον, ἵνα τί; ἵνα φυλάζωνται αἱ ψυχαί. πῶς οὖν; οὐκ ἐφυλάξαντο, ὥστε μάτην ἐγένετο. εἰ δὲ μετὰ τὸν κόσμον ἐκ τοῦ κόσμου λαβὼν ἀποσυλήσας τῆς ὕλης τὸ εἶδος, ἤρκει ἡ πείρα ταῖς πειραθείσαις ψυχαῖς πρὸς τὸ φυλάξασθαι. εἰ δ' ἐν ταῖς ψυχαῖς λαβεῖν ἀξιοῦσι τοῦ κόσμου τὸ εἶδος, τί τὸ καινὸν τοῦ λόγου;

τὰς δὲ ἄλλας ὑποστάσεις τί χρὴ λέγειν ἅς εἰσάγουσι, παροικήσεις καὶ ἀντιτύπους καὶ μετανοίας; εἰ μὲν γὰρ ψυχῆς ταῦτα λέγουσι πάθη, ὅταν ἐν μετανοίᾳ ᾗ, καὶ ἀντιτύπους, ὅταν οἶον εἰκόνας τῶν ὄντων, ἀλλὰ μὴ αὐτὰ πῶ τὰ ὄντα θεωρῇ, καινολογούντων ἐστὶν εἰς σύστασιν τῆς ἰδίας αἵρήσεως· ὥς γὰρ τῆς ἀρχαίας Ἑλληνικῆς οὐχ ἀπτόμενοι ταῦτα σκευωροῦνται εἰδότων καὶ σαφῶς τῶν Ἑλλήνων ἀτύφως λέγοντων ἀναβάσεις ἐκ τοῦ σπηλαίου καὶ κατὰ βραχὺ εἰς θέαν ἀληθεστέραν μᾶλλον καὶ μᾶλλον προιούσας. ὅλως γὰρ τὰ μὲν αὐτοῖς παρὰ τοῦ Πλάτωνος εἴληπται, τὰ δέ, ὅσα καινοτομοῦσιν, ἵνα ἰδίαν φιλοσοφίαν θῶνται, ταῦτα ἐξω τῆς ἀληθείας εὕρηται. ἐπεὶ καὶ αἱ

неприятных вещей. Подобное суждение возносит его слишком высоко, уравнивая в чем-то с умопостигаемым миром, в то время как он — просто отражение последнего.

Да и разве можно представить себе более прекрасный образ высшего мира, нежели наш, чувственный мир? Какой образ истинного огня благороднее нашего? Какая другая земля, как образ земли идеальной, лучше нашей? Или какая-то чувственная планета может быть более совершенной, нежели эта, или мы знаем иное чувственное Солнце, что более светозарно?

А вот и еще одна несообразность: есть такие, кто, будучи привязанным к своей телесной оболочке и предметам своих плотских желаний, вечно печальные и раздраженные, столь, однако, высокомерны, что, признавая свою связь с умопостигаемым миром, в то же время отрицают такую связь у, скажем, Солнца, хотя оно в гораздо меньшей степени, нежели они, подвержено всевозможным сторонним влияниям и изменениям; отрицая разумность светил и их более раннее и благородное происхождение, они, тем самым, препятствуют постижению истины.

Они заявляют, что их душа, равно как и души прочих людей, бессмертна и божественна, в то время как небеса и звезды никак не связаны с бессмертной душой. Однако же очевидно, что и небеса и звезды имеют строение гораздо более утонченное и чистое, нежели род людской. Впрочем, подобные люди отнюдь не слепы и прекрасно видят ту стройность образа и гармонию, что царят на небесах, поскольку никто так громко, как они, не жалуется на беспорядок, возмущающий нашу землю. Гораздо естественней представить, что бессмертная душу избирает себе наиболее приличествующее ей место, то же, что смертно — место менее благородное.

Столь же безосновательно их представление о том, что сложный и прекрасно организованный космос составил^{ся} как случайная комбинация разрозненных элементов.

Подобного рода смешения могут привести лишь к изменению температуры или влажности той или иной субстанции. И, кроме того, что может удерживать эти элементы вместе? Если же, как утверждают иные, уже составившиеся таким образом вещи производят нечто вроде своей частной души, поддерживающей их существование, то неужто эта душа может обладать разумом и волей?

Более того, некоторые учителя, презирая наш тварный мир, заявляют, что для них должна быть создана другая земля, на которую они вступят после смерти. Эта новая земля, по их мнению, является первообразом (логосом) нашего мира. Странно, что им столь любезен прототип этого, противного им мира.

δίκαί καὶ οἱ ποταμοὶ οἱ ἐν ᾿Αἰδοῦ καὶ αἱ μετενσωματώσεις ἐκείθεν. καὶ ἐπὶ τῶν νοητῶν δὲ πλήθος ποιῆσαι, τὸ ὄν καὶ τὸν νοῦν καὶ τὸν δημιουργὸν ἄλλον καὶ τὴν ψυχὴν, ἐκ τῶν ἐν τῷ Τιμαίῳ λεχθέντων εἴληπται· εἰπόντος γὰρ αὐτοῦ “ἥπερ οὖν νοῦς ἐνούσας ἰδέας ἐν τῷ ὃ ἔστι ζῶον καθορᾶ, τοσαύτας καὶ ὁ τόδε ποιῶν τὸ πᾶν διενοήθη σχεῖν”. οἱ δὲ οὐ συνέντες τὸν μὲν ἔλαβον ἐν ἡσυχίᾳ ἔχοντα ἐν αὐτῷ πάντα τὰ ὄντα, τὸν δὲ νοῦν ἕτερον παρ’ αὐτὸν θεωροῦντα, τὸν δὲ διανοοῦμενον – πολλάκις δὲ αὐτοῖς ἀντὶ τοῦ διανοομένου ψυχὴ ἐστὶν ἡ δημιουργοῦσα – καὶ κατὰ Πλάτωνα τοῦτον οἶοντα εἶναι τὸν δημιουργὸν ἀφεστηκότες τοῦ εἰδέναι τίς ὁ δημιουργός.

Καὶ ὅλως τὸν τρόπον τῆς δημιουργίας καὶ ἄλλα πολλὰ καταψεύδονται αὐτοῦ καὶ πρὸς τὸ χεῖρον ἔλκουσι τὰς δόξας τοῦ ἀνδρὸς ὡς αὐτοὶ μὲν τὴν νοητὴν φύσιν κατανενοηκότες, ἐκείνου δὲ καὶ τῶν ἄλλων τῶν μακαρίων ἀνδρῶν μή. καὶ πλήθος νοητῶν ὀνομάζοντες τὸ ἀκριβὲς ἐξευρηκέναι δόξειν οἶοντα αὐτῷ τῷ πλήθει τὴν νοητὴν φύσιν τῇ αἰσθητικῇ καὶ ἐλλάττονι εἰς ὁμοιότητα ἄγοντες, δέον ἐκεῖ τὸ ὡς ὅτι μάλιστα ὀλίγον εἰς ἀριθμὸν διώκειν καὶ τῷ μετὰ τὸ πρῶτον τὰ πάντα ἀποδιδόντας ἀπηλλάχθαι, ἐκείνου τῶν πάντων ὄντος καὶ νοῦ τοῦ πρώτου καὶ οὐσίας καὶ ὅσα ἄλλα καλὰ μετὰ τὴν πρώτην φύσιν. ψυχῆς δὲ εἶδος τρίτον· διαφορὰς δὲ ψυχῶν ἐν πάθεσιν ἢ ἐν φύσει ἰχνεύειν μηδὲν τοὺς θεῖους ἀνδρας διασύροντας, ἀλλ’ εὐμενῶς δεχομένους τὰ ἐκείνων ὡς παλαιότερων καὶ ἃ καλῶς λέγουσι παρ’ ἐκείνων λαβόντας, ψυχῆς ἀθανασίαν, νοητὸν κόσμον, θεὸν τὸν πρῶτον, τὸ τὴν ψυχὴν δεῖν φεύγειν τὴν πρὸς τὸ σῶμα ὁμιλίαν, τὸν χωρισμὸν τὸν ἀπ’ αὐτοῦ, τὸ ἐκ γενέσεως φεύγειν εἰς οὐσίαν· ταῦτα γὰρ κείμενα παρὰ τῷ Πλάτῳ σαφῶς οὕτως λέγοντες καλῶς ποιοῦσιν. οἷς θέλουσι διαφωνεῖν φθόνος οὐδεὶς λεγόντων οὐδ’ ἐν τῷ τοὺς “Ἕλληνας διασύρειν καὶ ὑβρίζειν τὰ αὐτῶν ἐν συστάσει παρὰ τοῖς ἀκούουσι ποιεῖν, ἀλλ’ αὐτὰ παρ’ αὐτῶν δεικνύειν ὀρθῶς ἔχοντα, ὅσα ἴδια αὐτοῖς ἔδοξε παρὰ τὴν ἐκείνων δόξαν λέγειν, εὐμενῶς καὶ φιλοσόφως αὐτὰς τὰς δόξας τιθέντας αὐτῶν καὶ οἷς ἐναντιοῦνται δικαίως, πρὸς τὸ ἀληθὲς βλέποντας, οὐ τὴν εὐδοκίμησιν θηρωμένους ἐκ τοῦ [πρὸς] ἀνδρας κεκριμένους ἐκ παλαιοῦ οὐ παρὰ φαύλων ἀνδρῶν ἀγαθοὺς εἶναι ψέγειν, λέγοντας ἑαυτοὺς ἐκείνων ἀμείνους εἶναι.

Да и откуда бы взялся подобный прототип? И раз уж он лучше мира нашего, то не следует ли из этого, что наш мир возник прежде того, и что Создатель, учтя свои ошибки, сотворил нечто более совершенное?

Можно также предположить, что демиург, по неведомой нам причине, произвел, помимо ума, некий промежуточный мир раньше нашего. Но зачем? В качестве пристанища для душ? Но тогда им следовало бы пребывать в нем вечно, ибо, как временное убежище, такой мир не имеет смысла.

Если же тот мир возник позже и представляет собой подобие нашего, но только очищенное от материи, то чем он будет так привлекателен для душ? Или ненависть ко всему материальному — это единственное, чему души могут научиться в своем земном воплощении?

И что представляет собой это несметное число новых форм бытия, которые они без устали изобретают — все эти «изгнания», «впечатления», «раскайня»?

Если они имеют в виду, что душа раскаивается, отклоняясь от истинного пути, впечатляется, созерцая не эйдосы, но лишь их подобия, то, выходит, что тут нет ничего нового, такого, о чем бы не говорили еще древнегреческие мудрецы, ясно и просто учившие о «выходе из пещеры», о продвижении души к все более и более правильному, цельному видению. И тогда весь этот громоздкий, надуманный жаргон — не более, чем попытка скрыть полное отсутствие собственных идей.

Таким образом, все, что в их доктринах заслуживает внимания, восходит к Платону; остальное же лежит за пределами истины. У Платона они заимствовали свои «наказания», подземные реки, текучесть всего телесного; утверждая множественность, они признают наличие в уме разумного начала, эйдосов, демиурга. Но об этом и говорил Платон в своем «Тимее»: «сколько и каких идей усматривает ум в живом существе, столько же и таких же он счел нужным осуществить в космосе».

Впрочем, и «Тимея» они трактуют ошибочно. По их представлению, один ум пассивно содержит все сущее, другой, обладающий видением, их различает, третий же созидает мироздание (иногда эту функцию они приписывают душе, называя ее демиургом). Разумеется, Платон не имел в виду ничего подобного.

Искажая теорию Платона как в рассуждениях о методе творения, так и в прочих вопросах, они, по сути, бесчестят его учение.

Надеясь произвести впечатление на своих слушателей, они постоянно умножают духовные и разумные начала, определяя их самым произвольным образом, и, тем самым, низводят умопостигаемый мир

Ἐπεὶ τὰ γε εἰρημένα τοῖς παλαιοῖς περὶ τῶν νοητῶν πολλῶ ἀμείνω καὶ πεπαιδευμένως εἴρηται καὶ τοῖς μὴ ἐξαπατωμένοις τὴν ἐπιθέουσαν εἰς ἀνθρώπους ἀπάτην ῥαδίως γνωσθήσεται· τὰ δ' ὕστερον τούτοις παρ' ἐκείνων ληφθέντα, προσθήκας δέ τινας οὐδὲν προσηκούσας εἰληφότα, ἐν τε οἷς ἐναντιοῦσθαι θέλουσι γενέσεις καὶ φθορὰς εἰσάγοντες παντελεῖς καὶ μεμφόμενοι τῷδε τῷ παντὶ καὶ τὴν πρὸς τὸ σῶμα κοινωνίαν τῇ ψυχῇ αἰτιώμενοι καὶ τὸν διοικοῦντα τόδε τὸ πᾶν ψέγοντες καὶ εἰς ταυτὸν ἄγοντες τὸν δημιουργὸν τῇ ψυχῇ καὶ τὰ αὐτὰ πάθη διδόντες, ἅπερ καὶ τοῖς ἐν μέρει.

Ὅτι μὲν οὖν οὔτε ἤρξατο οὔτε παύσεται, ἀλλ' ἔστιν αἰεὶ καὶ ὁδε ὁ κόσμος, ἕως ἂν ἐκεῖνα ᾗ, εἴρηται. τὴν δὲ πρὸς τὸ σῶμα τῇ ψυχῇ κοινωνίαν τῇ ἡμετέρᾳ πρὸ αὐτῶν εἴρηται ὥς οὐκ ἄμεινον τῇ ψυχῇ· τὸ δὲ ἀπὸ τῆς ἡμετέρας καὶ τὴν τοῦ παντὸς λαμβάνειν ὁμοιον, ὥς εἴ τις τὸ τῶν χυτρώων ἢ χαλκῶων λαβὼν γένος ἐν πόλει εὐ οἴκουμένη τὴν ἅπασαν ψέγοι. δεῖ δὲ τὰς διαφορὰς λαμβάνειν τὰς τῆς ὅλης ὅπως διοικεῖ, ὅτι μὴ ὁ αὐτὸς τρόπος μὴδ' ἐνδεδεμένη. πρὸς γὰρ αὐτὰς ἄλλαις διαφοραῖς, αἱ μυρία εἴρηνται ἐν ἄλλοις, καὶ ἐκεῖνο ἐνθυμεῖσθαι ἔδει ὅτι ἡμεῖς μὲν ὑπὸ τοῦ σώματος δεδόμεθα ἤδη δεσμοῦ γεγεννημένου. ἐν γὰρ τῇ πάσῃ ψυχῇ ἢ τοῦ σώματος φύσιν δεδεμένη ἤδη συνδεῖ ὃ ἂν περιλάβῃ· αὕτη δὲ ἢ τοῦ παντὸς ψυχῇ οὐκ ἂν δέοιτο ὑπὸ τῶν ὑπ' αὐτῆς δεδεμένων· ἄρχει γὰρ ἐκείνη. διὸ καὶ ἀπαθὴς πρὸς αὐτῶν, ἡμεῖς δὲ τούτων οὐ κύριοι· τὸ δ' ὅσον αὐτῆς πρὸς τὸ θεῖον τὸ ὑπεράνω ἀκέραιον μένει καὶ οὐκ ἐμποδίζεται, ὅσον δὲ αὐτῆς δίδωσι τῷ σώματι ζωὴν οὐδὲν παρ' αὐτοῦ προσλαμβάνει.

Ὅλως γὰρ τὸ μὲν ἄλλου πάθημα τὸ ἐν αὐτῷ ἐξ ἀνάγκης δέχεται, ὃ δ' αὐτὸ ἐκείνῳ οὐκέτι τὸ αὐτοῦ δίδωσιν οἰκείαν ζωὴν ἔχοντι·

Οἷον εἰ ἐγκεντρισθέν τι εἴη ἐν ἄλλῳ, παθόντος μὲν τοῦ ἐν ᾧ συμπέπονθεν, αὐτὸ δὲ ξηρανθὲν εἶασεν ἐκεῖνο τὴν αὐτοῦ ζωὴν ἔχειν. ἐπεὶ οὐδ' ἀποσβεννυμένου τοῦ ἐν σοὶ πυρὸς τὸ ὅλον πῦρ ἀπέσβη· ἐπεὶ οὐδ' εἰ τὸ πᾶν πῦρ ἀπόλοιτο, πάθοι ἂν τι ἢ ψυχῇ ἢ ἐκεῖ, ἀλλ' ἢ τοῦ σώματος σύστασις, καὶ εἰ οἷόν τε εἴη διὰ τῶν λοιπῶν κόσμον τινὰ εἶναι, οὐδὲν ἂν μέλοι τῇ ψυχῇ τῇ ἐκεῖ. ἐπεὶ οὐδὲ ἢ σύστασις ὁμοίως τῷ παντὶ καὶ ζῶν ἐκάστω· ἀλλ' ἐκεῖ οἷον ἐπιθεῖ κελεύσασα μένειν,

до уровня мира чувственного. Результат их усилий — наложение всевозможных ограничений на потенции высших начал и отнесение их к вещам более позднего происхождения. Куда разумней и достойней было бы для них не оскорблять своими измышлениями древних и мудрых учителей, но принять их благородную доктрину о том, что выше всего, даже истинно сущего, стоит единое — абсолютное благо, за ним следует ум, а вслед за умом — мировая душа, а также и то, что наши человеческие души, тоскуя о благе, стремятся к нему, бегут от вечно текучего, мнимосущего чувственного мира в умопостигаемую область.

В той мере, в какой они следуют этому учению, их мысли ясны и понятны, но как только начинают они, критикуя великих эллинов, выдвигать собственные теории, то тут же становятся грубы и нетерпимы. Если они полагают себя истинными философами, им бы следовало устанавливать критерии и высказывать свои мнения с должной учтивостью, следуя при этом определенному методу, те же мнения, которые они берутся оспаривать, по крайней мере, предварительно рассмотреть.

Тот, кто направляет свой ум на поиск истины, не станет, охотясь за славой, оскорблять и поносить тех, чья мудрость по праву почитается уже столько веков.

Справедливости ради следует заметить, что великие мужи древности не стремились прояснить доктрину о божественных ипостасях, подавая ее в виде отдельных изречений. Целостные учения возникли уже позднее, тем не менее связь их с мудростью древних очевидна. Этого никак нельзя сказать о новомодных течениях, без разбору смешивающих созидание и уничтожение, огульно порицающих все мироздание в целом, осуждающих душу за ее связь с телесной природой и, полагая ее демиургом, приписывающих ей свойства и качества, присущие вещам другой, низшей сферы.

Что этот мир не имеет ни начала, ни конца, но существует вечно — в этом нет ничего нового. Старо также и учение о том, что тело — «темница души». Ново лишь то, что слабости человеческих душ приписываются душе мировой. Это подобно тому, как если бы из-за того, что какой-нибудь гончар, или даже все гончары вместе, лепили плохие горшки, кто-либо сделал вывод, что город, в котором они живут, уродлив и управляется дурно.

Мы должны признать, что, управляя мирозданием, мировая душа действует несколько иначе, чем наши души, попечительствующие телам. Схваченные, скованные материей, наши души осквернены ложью и всяческим злом. Их свобода крайне ограничена, ибо разве может быть вполне свободен тот, кто пребывает в оковах?

ἐνταῦθα δὲ ὡς ὑπεκφεύγοντα εἰς τὴν τάξιν τὴν ἑαυτῶν δέδεται δεσμῷ δευτέρῳ· ἐκεῖ δὲ οὐκ ἔχει ὅπου φύγη. οὔτε οὖν ἐντὸς δεῖ κατέχειν οὔτε ἔξωθεν πιέζουσιν εἰς τὸ εἶσω ὠθεῖν, ἀλλ' ὅπου ἡθέλησεν ἐξ ἀρχῆς αὐτῆς ἡ φύσις μένει, ἐὰν δὲ πού τι αὐτῶν κατὰ φύσιν κινηθῇ, οἷς οὐκ ἔστι κατὰ φύσιν, ταῦτα πάσχει, αὐτὰ δὲ καλῶς φέρεται ὡς τοῦ ὄλου· τὰ δὲ φθείρεται οὐ δυνάμενα τὴν τοῦ ὄλου τάξιν φέρειν, οἷον εἰ χοροῦ μεγάλου ἐν τάξει φερομένου ἐν μέσῃ τῇ πορείᾳ αὐτοῦ χελώνη ληφθεῖσα πατοῖτο οὐ δυνηθεῖσα φυγεῖν τὴν τάξιν τοῦ χοροῦ· εἰ μέντοι μετ' ἐκείνης τάξειεν ἑαυτήν, οὐδὲν ἂν ὑπὸ τούτων οὐδ' αὐτὴ πάθοι.

Τὸ δὲ διὰ τί ἐποίησε κόσμον ταῦτὸν τῷ διὰ τί ἔστι ψυχὴ καὶ διὰ τί ὁ δημιουργὸς ἐποίησεν. ὁ πρῶτον μὲν ἀρχὴν λαμβανόντων ἔστι τοῦ αἰεί· ἔπειτα οἶονται τραπέντα ἐκ τινος εἰς τι καὶ μεταβάλλοντα αἴτιον τῆς δημιουργίας γεγονέναι.

Διδακτέον οὖν αὐτούς, εἰ εὐγνωμόνως ἀνέχονται, τίς ἡ φύσις τούτων, ὡς αὐτοὺς παύσασθαι τῆς εἰς τὰ τίμια λοιδορίας ἣν εὐχερῶς ποιοῦνται ἀντὶ πολλῆς προσηκόντως ἂν γενομένης εὐλαβείας. ἐπεὶ οὐδὲ τοῦ παντὸς τὴν διοίκησιν ὀρθῶς ἂν τις μέμψαιτο πρῶτον μὲν ἐνδεικνυμένην τῆς νοητῆς φύσεως τὸ μέγεθος. εἰ γὰρ οὕτως εἰς τὸ ζῆν παρελήλυθεν, ὡς μὴ ζῶν ἀδιάρθρωτον ἔχειν — ὅποια τὰ σμικρότερα τῶν ἐν αὐτῷ, ἃ τῇ πολλῇ ζωῇ τῇ ἐν αὐτῷ αἰεὶ νύκτωρ καὶ μεθ' ἡμέραν γεννᾶται — ἀλλ' ἔστι συνεχῆς καὶ ἐναργῆς καὶ πολλὴ καὶ πανταχοῦ ζωὴ σοφίαν ἀμήχανον ἐνδεικνυμένη, πῶς οὐκ ἂν τις ἀγαλμα ἐναργὲς καὶ καλὸν τῶν νοητῶν θεῶν εἴποι;

Но мировая душа свободна от чего-либо, что ограничивало бы ее деятельность. Она суверенна и, следовательно, невосприимчива ко всему, что ниже ее и над чем мы, увы, не властны. Ей, устремленной к божественному и трансцендентному, нет никаких преград; сообщая жизнь телам, она не приемлет в себя ничего от телесной природы.

Общеизвестно, что акцидентальный, привнесенный извне признак, свойство или субстрат (например, тело) так или иначе разделяет судьбу субстрата приемлющего (например, души), в то время, как последний сохраняет свою независимость. Так черенок, привитый к дереву, умирает, если умирает дерево, но если он засохнет сам по себе, то с деревом в целом ничего не случится. Если погаснет один из огней, то это вовсе не означает, что, как явление, огонь исчезнет вообще. Но если даже погаснут все огни, то какой ущерб может понести от этого душа, всецело пребывающая в горних сферах? Да и все прочие элементы: исчезновение любого из них — катастрофа для нашего космоса, но бестелесное всегда пребывает бесстрастным.

Устройство всеобщего отлично от устройства единичных, частных форм. Высшие сущности самодовлеющи и, поскольку пребывают в вечности, неизменны. Вещи же здешнего мира двойственны — лишь отчасти они связаны с высшим, являя как бы его след, отпечаток, оставленный в изменчивой и текучей чувственной природе. Никто не принуждает их «пребывать в оковах», но тем не менее они могут быть именно там, где им назначено быть мировой душой.

Существует свобода внутри системы, и существует общая тенденция самой системы. Любая сущность, включенная в такую систему, может самопроизвольно действовать наперекор тенденции, но тогда она рискует быть уничтоженной. Так черепахе, если в пути ее нагоняет толпа и нет возможности свернуть, остается либо ускорить движение, либо быть затоптанной.

Спрашивать, почему душа создала космос, все равно, что спрашивать, почему вообще существует душа или почему творец творит. Подобный вопрос предполагает также, что вечность имеет свое начало. Кроме того, в этом случае творение представляется продуктом деятельности изменчивой сущности, вынужденной обдумывать и обосновывать каждый свой акт. Те, кто придерживаются подобных заблуждений, должны яснее представлять природу божественных сил, о которых они позволяют себе рассуждать столь легкомысленно и богохульно. Ничто в управлении мирозданием не дает повода для нападок.

Истинное величие ума заключается в его целостности, о которой никак нельзя судить по тем малым и частным формам, что постоянно нарождаются благодаря изобилию его энергий. Таким образом,

Εἰ δὲ μιμούμενον μὴ ἔστιν ἐκεῖνο, αὐτὸ τοῦτο κατὰ φύσιν ἔχει· οὐ γὰρ ἦν ἔτι μιμούμενον. τὸ δὲ ἀνομοίως μεμιμησθαι ψεῦδος· οὐδὲν γὰρ παραλέλειπται ὧν οἶόν τε ἦν καλὴν εἰκόνα φυσικὴν ἔχειν. ἀναγκαῖον μὲν γὰρ ἦν εἶναι οὐκ ἐκ διανοίας καὶ ἐπιτεχνήσεως τὸ μίμημα· οὐ γὰρ οἶόν τε ἦν ἔσχατον τὸ νοητὸν εἶναι. εἶναι γὰρ αὐτοῦ ἐνέργειαν ἔδει διττήν, τὴν μὲν ἐν ἑαυτῷ, τὴν δὲ εἰς ἄλλο. ἔδει οὖν εἶναί τι μετ' αὐτό· ἐκεῖνου γὰρ μόνου οὐδὲν ἔστιν ἔτι πρὸς τὸ κάτω, ὃ τῶν πάντων ἀδυνατώτατόν ἐστι. δύναμις δὲ θαυμαστὴ ἐκεῖ θεῖ· ὥστε καὶ εἰργάσατο. εἰ μὲν δὴ ἄλλος κόσμος ἔστι τούτου ἀμείνων, τίς οὗτος; εἰ δὲ ἀνάγκη εἶναι, ἄλλος δὲ οὐκ ἔστιν, οὗτός ἐστιν ὁ τὸ μίμημα ἀποσώζων ἐκεῖνου.

Γῇ μὲν δὴ πᾶσα ζῶων ποικίλων πλήρης καὶ ἀθανάτων καὶ μέχρις οὐρανοῦ μεστὰ πάντα· ἄστρα δὲ τά τε ἐν ταῖς ὑποκάτω σφαίραις τά τε ἐν τῷ ἀνωτάτῳ διὰ τί οὐ θεοὶ ἐν τάξει φερόμενα καὶ κόσμῳ περιόντα; διὰ τί γὰρ οὐκ ἀρετὴν ἔξουσιν ἢ τί κώλυμα πρὸς κτήσιν ἀρετῆς αὐτοῖς; οὐ γὰρ δὴ ταῦτά ἐστιν ἐκεῖ, ἅπερ τοὺς ἐνταῦθα ποιεῖ κακοῦς, οὐδ' ἢ τοῦ σώματος κακία ἐνοχλουμένη καὶ ἐνοχλοῦσα. διὰ τί δὲ οὐ συνιᾶσιν ἐπὶ σχολῆς αἰεὶ καὶ ἐν νῷ λαμβάνουσι τὸν θεὸν καὶ τοὺς ἄλλους τοὺς νοητοὺς θεοὺς, ἀλλ' ἡμῖν σοφία βελτίων ἔσται τῶν ἐκεῖ; ταῦτα τίς ἂν μὴ ἐκφρων γεγεννημένος ἀνάσχοιτο; ἐπεὶ καὶ αἱ ψυχαὶ εἰ μὲν βιασθεῖσαι ὑπὸ τῆς τοῦ παντὸς ψυχῆς ἡλθον, πῶς βελτίους αἱ βιασθεῖσαι; ἐν γὰρ ψυχαῖς τὸ κρατῆσαν κρεῖττον. εἰ δ' ἐκοῦσαι, τί μέμφεσθε εἰς ὃν ἐκόντες ἦλθετε διδόντος καὶ ἀπαλλάττεσθαι, εἰ τις μὴ ἀρέσκοιτο;

Εἰ δὲ δὴ καὶ τοιοῦτόν ἐστι τόδε τὸ πᾶν, ὥς ἐξεῖναι ἐν αὐτῷ καὶ σοφίαν ἔχειν καὶ ἐνταῦθα ὄντας βιοῦν κατ' ἐκεῖνα, πῶς οὐ μαρτυρεῖ ἐξηρτῆσθαι τῶν ἐκεῖ;

и вся Вселенная, будучи порождением и подобием такого отца, движется и живет организованной, эффективной, сложной и всеобъемлющей жизнью.

Разумеется, подобие всегда уступает оригиналу, однако природа этого подобия истинна, не символична и условна, но вполне реальна. Насколько физический мир может воспринимать прекрасные образы, заключенные в уме, настолько адекватно они и отображаются в нем.

Подобное, необходимо происходящее и не требующее предварительного обдумывания и планирования воспроизведение, не есть конечный акт ума, ибо носит двойственный характер: с одной стороны, ум творит эйдосы в самом же себе, а с другой — как бы производит их вовне, в нечто более позднее и низшее, в то, далее чего уже не могут проникнуть никакие энергии.

Итак, неисчерпаемые энергии ума создают космос, отображая в нем красоту эйдосов, и, так как нет иного космоса, то, значит, нет и иных отображений.

Наш мир полон меняющихся форм жизни и бессмертных сущностей. И звезды высших и низших сфер, неизменно следующие своими путями, — неужто они лишены божественности? Нет сомнения в том, что они не могут быть причастны пороку, или греху, или какому-нибудь иному проявлению зла.

Истинно в полном смысле слова лишь то, что находится в мире истинно-сущего; там же находится и истинное знание. Те же, кто полагает, что их мудрость превосходит мудрость божеств, глупцы и невежды.

И еще: если мы согласимся с тем, что ниспадение наших душ происходит по велению мировой души, то это, вопреки мнению иных новоявленных учителей, отнюдь не возвышает и не облагораживает человеческие души. Если же нисхождение было добровольным, если мы сами избрали этот мир, зачем же так старательно искать в нем изъяны, тем более что в любой момент мы вольны его покинуть.

О Благѣ, или Едином (Эннеада VI, 9)

Эта эннеада, заканчивающая отредактированный Порфирием сборник сочинений Плотина, — классическое выражение его мировоззрения, представляющее собой экстатическое соединение (однако не отождествление) с Единым. Через весь трактат, который приведен в отрывках, но включает

(1) Πάντα τὰ ὄντα τῷ ἐνὶ ἔστιν ὄντα, ὅσα τε πρῶτως ἔστιν ὄντα, καὶ ὅσα ὁπωσοῦν λέγεται ἐν τοῖς οὖσιν εἶναι. τί γὰρ ἂν καὶ εἶη, εἰ μὴ ἐν εἶη; Ἐπεὶπερ ἀφαιρεθέντα τοῦ ἐν δ' λέγεται οὐκ ἔστιν ἐκεῖνα. Οὐτε γὰρ στρατός ἐστιν, εἰ μὴ ἐν ἔσται, οὔτε χορός οὔτε ἀγέλη μὴ ἐν ὄντα. Ἄλλ' οὐδὲ οἰκία ἢ ναὺς τὸ ἐν οὐκ ἔχοντα, ἐπεὶπερ ἢ οἰκία ἐν καὶ ἢ ναὺς, ὃ εἰ ἀποβάλοι, οὐτ' ἂν ἢ οἰκία ἔτι οἰκία οὔτε ἢ ναὺς. Τὰ τοῖνυν συνεχῇ μεγέθῃ, εἰ μὴ τὸ ἐν αὐτοῖς παρείη, οὐκ ἂν εἶη· τμηθέντα γοῦν, καθ' ὅσον τὸ ἐν ἀπόλλυσιν, ἀλλάσσει τὸ εἶναι. Καὶ δὴ καὶ τὰ τῶν φυτῶν καὶ ζώων σώματα ἐν ὄντα ἕκαστα εἰ φεύγει τὸ ἐν εἰς πληθος θρυπτόμενα, τὴν οὐσίαν αὐτῶν, ἣν εἶχεν, ἀπώλεσεν οὐκέτι ὄντα ἃ ἦν, ἄλλα δὲ γενόμενα καὶ ἐκεῖνα, ὅσα ἐν ἔστι. Καὶ ἡ ὑγίεια δέ, ὅταν εἰς ἐν συνταχθῇ τὸ σῶμα, καὶ κάλλος, ὅταν ἡ τοῦ ἐνὸς τὰ μόρια κατὰσχῃ φύσις· καὶ ἀρετὴ δὲ ψυχῆς, ὅταν εἰς ἐν καὶ εἰς μίαν ὁμολογίαν ἐνωθῇ.

Ἄρ' οὖν, ἐπειδὴ ψυχὴ τὰ πάντα εἰς ἐν ἄγει δημιουργοῦσα καὶ πλάττουσα καὶ μορφοῦσα καὶ συντάττουσα, ἐπὶ ταύτην ἐλθόντας δεῖ λέγειν, ὥς αὕτη τὸ ἐν χορηγεῖ καὶ αὕτη ἐστὶ τὸ ἐν; Ἡ ὥσπερ τὰ ἄλλα χορηγοῦσα τοῖς σώμασιν οὐκ ἔστιν αὕτη δ' δίδωσιν, οἷον μορφήν καὶ εἶδος, ἀλλ' ἕτερα αὐτῆς, οὕτω χρή, εἰ καὶ τὸ ἐν δίδωσιν, ἕτερον δὲ αὐτῆς νομίζειν αὐτὴν διδόναι καὶ πρὸς τὸ ἐν βλέπουσαν ἐν ἕκαστον ποιεῖν, ὥσπερ καὶ πρὸς ἄνθρωπον, ἄνθρωπον συλλαμβάνουσαν μετὰ τοῦ ἀνθρώπου τὸ ἐν αὐτῷ ἐν. Τῶν γὰρ ἐν λεγομένων οὕτως ἕκαστόν ἐστιν ἐν, ὥς ἔχει καὶ ὃ ἔστιν. Ὡστε τὰ μὲν ἦττον ὄντα ἦττον ἔχει τὸ ἐν, τὰ δὲ μᾶλλον μᾶλλον. Καὶ δὴ καὶ ψυχὴ ἕτερον οὔσα τοῦ ἐνὸς μᾶλλον ἔχει κατὰ τὸν λόγον τοῦ μᾶλλον καὶ ὄντως εἶναι τὸ ἐν, οὐ μὴν αὐτὸ τὸ ἐν· ψυχὴ γὰρ μία καὶ συμβεβηκός πως τὸ ἐν καὶ δύο τοῦτα, ψυχὴ καὶ ἐν, ὥσπερ σῶμα καὶ ἐν.

Καὶ τὸ μὲν διεστηκός, ὥσπερ χορός, πορρωτάτω τοῦ ἐν, τὸ δὲ συνεχές ἐγγυτέρω· ψυχὴ δὲ ἔτι μᾶλλον κοινωνοῦσα καὶ αὐτῇ. Εἰ δ' ὅτι ἄνευ τοῦ ἐν εἶναι οὐδ' ἂν ψυχὴ εἶη, ταύτη εἰς ταυτόν τις ἄγει ψυχὴν καὶ τὸ ἐν, πρῶτον μὲν καὶ τὰ ἄλλα ἕκαστα μετὰ τοῦ ἐν εἶναι ἔστιν· ἀλλ'

в себя вводную и заключительную части, проходят мощные платоновские реминисценции, особенно из его наиболее выраженных генологических сочинений, образцы которых приведены в нашей антологии.

1. Все существа — не только первичные, которые обладают истинным бытием, но и те, которые должны считаться относительно существующими, существуют только благодаря присущему им единству, а без него что случилось бы с ними? — Лишенные единства, они перестали бы быть тем, что они есть и чем мы их называем. Армия, например, уже не армия, когда в ней отсутствует всякое единство, — точно так же — хор, стадо и тому подобное. Дом, корабль и тому подобное тоже существует лишь дотоле, пока ему присуще единство, а коль скоро оно исчезает, тотчас перестает быть тем, чем был. То же самое бывает с тем, что называется сплошными величинами (или массами), потому что и они как только теряют свое единство и раздробляются, то вместе с тем изменяют также и свою (первоначальную) природу. Потом, если взять организмы растений и животных, то они тем более существуют как таковые лишь дотоле, пока каждый из них представляет собою единство, а коль скоро теряют его, раздробляемые на многие части, тотчас перестают быть тем, чем были и становятся вещами совсем иными, новыми, которые, в свою очередь, тоже лишь настолько могут существовать, насколько содержат в себе какое-либо единство. Наконец, то же самое следует сказать о здоровье, которое принадлежит телу только тогда, когда в нем есть объединение и соупорядочение (всех функций), — о красоте, которая обуславливается гармоническим единством частей, — и даже о добродетели, потому что и добродетелью душа обладает настолько, насколько ей удается установить гармоническое единство (своих деятельностей).

Не подлежит сомнению, что душа все (оживляемое ею) приводит в единство, как начало производящее, упорядочивающее, формирующее; но следует ли из этого, что она не только сообщает всему единство, но и сама есть (чистое) единство? — Нисколько: подобно тому, как многое другое, что сообщается от души телам, как, например, форма, фигура и т. п., вовсе не есть то же самое, что и дающая все это душа, так и тут — хотя душа всему дает единство, но это вовсе не потому, что она сама есть единство в себе (чистое, абсолютное), а потому что созерцает такое единство и соотнобразуется с ним в своих произведениях, сообщая каждому из них единство, как, например, когда

ὁμως ἕτερον αὐτῶν τὸ ἓν· οὐ γὰρ ταῦτόν σῶμα καὶ ἓν, ἀλλὰ τὸ σῶμα μετέχει τοῦ ἓν. Ἐπειτα δὲ πολλὴ ἡ ψυχὴ καὶ ἡ μία κἂν εἰ μὴ ἐκ μερῶν· πλείσται γὰρ δυνάμεις ἐν αὐτῇ, λογίζεσθαι, ὀρέγεσθαι, ἀντιλαμβάνεσθαι, ἃ τῷ ἐνὶ ὥσπερ δεσμῷ συνέχεται. Ἐπάγει μὲν δὴ ψυχὴ τὸ ἐν ἐν οὐσα καὶ αὐτὴ ἄλλω· πάσχει δὲ τοῦτο καὶ αὐτὴ ὑπ' ἄλλου.

(3) Τί ἂν οὖν εἴη τὸ ἓν καὶ τίνα φύσιν ἔχον; ἢ οὐδὲν θαυμαστόν μὴ ῥᾶδιον εἰπεῖν εἶναι. ὅπου μὴδὲ τὸ ὄν ῥᾶδιον μὴδὲ τὸ εἶδος, ἀλλ' ἔστιν ἡμῖν γνῶσις εἶδεσιν ἐπεριδομένη. Ὅσῳ δ' ἂν εἰς ἀνείδεον ἡ ψυχὴ ἦ, ἑξαδυνατούσα περιλαβεῖν τῷ μὴ ὀρίζεσθαι καὶ οἷον τυποῦσθαι ὑπὸ ποικίλου τοῦ τυποῦντος ἐξολισθάνει καὶ φοβεῖται, μὴ οὐδὲν ἔχη. Διὸ κάμνει ἐν τοῖς τοιούτοις καὶ ἀσμένῃ καταβαίνει πολλάκις ἀποπίπτουσα ἀπὸ πάντων, μέχρις ἂν εἰς αἰσθητὸν ἦκη ἐν στερεῷ ὥσπερ ἀναπαυομένη· οἷον καὶ ἡ ὄψις κάμνουσα ἐν τοῖς μικροῖς τοῖς μεγάλοις ἀσμένως περιπίπτει. Καθ' ἑαυτὴν δὲ ἡ ψυχὴ ὅταν ἰδεῖν ἐθέλῃ, μόνον ὁρώσα τῷ συνεῖναι καὶ ἐν οὐσα τῷ ἐν εἶναι αὐτῷ οὐκ οἶεταί πως ἔχειν δ' ζητεῖ, ὅτι τοῦ νοουμένου μὴ ἕτερόν ἐστιν. Ὅμως δὲ χρὴ οὕτω ποιεῖν τὸν μέλλοντα περὶ τὸ ἐν φιλοσοφῆσιν.

(4) Γίνεται δὲ ἡ ἀπορία μάλιστα, ὅτι μὴδὲ κατ' ἐπιστήμην ἡ σύνεσις ἐκείνου μὴδὲ κατὰ νόησιν, ὥσπερ τὰ ἄλλα νοητά, ἀλλὰ κατὰ παρουσίαν ἐπιστήμης κρείττονα. Πάσχει δὲ ἡ ψυχὴ τοῦ ἐν εἶναι τὴν ἀπόστασιν καὶ οὐ πάντῃ ἐστὶν ἐν, ὅταν ἐπιστήμην τοῦ λαμβάνῃ· λόγος γὰρ ἡ ἐπιστήμη, πολλὰ δὲ ὁ λόγος. Παρέρχεται οὖν τὸ ἐν εἰς ἀριθμὸν καὶ πλῆθος πεσοῦσα. Ὑπὲρ ἐπιστήμην τοῖνον δεῖ δραμεῖν καὶ μηδαμῇ ἐκβαίνειν τοῦ ἐν εἶναι, ἀλλ' ἀποστῆναι δεῖ καὶ ἐπιστήμης καὶ ἐπιστητῶν καὶ παντὸς ἄλλου καὶ καλοῦ θεάματος. Πᾶν γὰρ καλὸν ὑστερον ἐκείνου καὶ παρ' ἐκείνου, ὥσπερ πᾶν φῶς μεσημερινὸν παρ' ἡλίου. Διὸ οὐδὲ ρητὸν οὐδὲ γραπτὸν φησιν. Ἀλλὰ λέγομεν καὶ γράφομεν πέμποντες εἰς αὐτὸ καὶ ἀνεγείροντες ἐκ τῶν λόγων ἐπὶ τὴν θέαν ὥσπερ ὁδὸν δεικνύντες τῷ τι θεάσασθαι βουλομένῳ. Μέχρι μὲν γὰρ τῆς ὁδοῦ καὶ τῆς πορείας ἡ διδασκαλία, ἡ δὲ θέα αὐτοῦ ἔργον ἤδη τοῦ ἰδεῖν βεβουλημένου.

(8) ... ἐπειδὴ δὲ αὐταὶ τε αἱ ψυχαὶ νοηταί, ὑπὲρ νοῦν τε ἐκείνο, δυνάμεσιν ἄλλαις, ἣ πέφυκε τὸ νοοῦν πρὸς τὸ κατανοοῦμενον συνάπτειν, οἷητέον τὴν συναφὴν γίνεσθαι, καὶ πλεόν, ὥς τὸ νοοῦν παρεῖναι ὁμοιότητι καὶ ταυτότητι καὶ συνάπτειν τῷ συγγενεῖ οὐδενὸς διείργοντος. Σώμασι μὲν γὰρ σώματα κωλύεται κοινωνεῖν ἄλλοις, τὰ δὲ

производит человека, то соотнобразуется с человеком в себе (с идеей человека). Каждая вещь, называемая единою, всегда в такой же степени обладает единством, в какой — и бытием, так что низшей ступени бытия соответствует низшая степень единства, а высшей степени бытия — высшая степень единства. Поэтому даже душа не есть само единство; конечно, она имеет как высшую форму бытия, так и высшую форму единства (в сравнении с телом), а все-таки она не есть само единство; потому что она едина лишь вследствие присущего ей единства, так что тут (вместо чистого единства) оказывается двойство: душа и (присущее ей) единство, подобно тому как и тело, есть само по себе, а (зависящее от души его) единство само по себе. Дальше всего отстоит от единства все дискретное, разделенное, как, например, хор, ближе к нему стоит все непрерывное, сплошное, а еще более причастна единству душа. Однако если бы на том только основании, что душа не могла бы и душою быть, если бы не была единою, стал бы кто-либо утверждать тождественность души и единства, тому мы поставили бы на вид, во-первых, что и многие другие вещи обладают индивидуальным бытием благодаря участию в единстве, и, однако, вовсе не суть само единство, ибо, например, даже тело причастно единству, и, однако, вовсе не есть само единство, и во-вторых, что сама душа хотя не состоит из частей, однако, будучи единою, представляет также и множественность, ибо обладает многими силами, или способностями, каковы, например, способности рассуждения, желания, восприятия и тому подобное, которые все соединяются единством, как бы некоею связью. Итак, хотя душа сообщает единство другому (телу), так как сама обладает единством, но зато, в свою очередь, и сама она, что касается единства, стоит в такой же зависимости от другого (начала).

3. Что же такое есть первое единое и какова его природа? Нечего удивляться, что нам трудно высказать, что есть сущее, бытие, или что есть идея, несмотря на то, что на идеях зиждется все наше познание, — неудивительно это потому, что всякий раз как душа направляется мыслью на нечто такое, что не имеет формы, она, будучи бессильна охватить (мыслью) то, что не имеет в себе отпечатлевшейся какой-либо из разнообразных форм, тотчас как бы оступается или соскользает (вниз), убоявшись, что тут (не имеет под собою никакой опоры) имеет дело уже с чистым ничто; почувствовав неприятное состояние в области такого рода вещей, она с удовольствием направляется вниз и удаляется от них все дальше и дальше, пока не ниспадет и не направит свое внимание на что-либо твердое, телесное, на котором затем как бы отдыхает, подобно тому как глаз, утомленный наблюдением микроскопически малого, с удовольствием направляется на большое, объемистое. Или иначе, когда душа пытается созерцать нечто сама собою и это нечто видит, только соединяясь и сливаясь с ним, то ей кажется, что то, чего она искала (своею мыслью),

ἄσώματα σώμασιν οὐ διείργεται· οὐδ' ἀφέστηκε τοίνυν ἀλλήλων τόπῳ, ἑτερότητι δὲ καὶ διαφορᾷ· ὅταν οὖν ἡ ἑτερότης μὴ παρῇ, ἀλλήλοις τὰ μὴ ἕτερα πάρεσιν. Ἐκεῖνο μὲν οὖν μὴ ἔχον ἑτερότητα ἀεὶ πάρεσιν, ἡμεῖς δὲ ὅταν μὴ ἔχωμεν· κάκεῖνο μὲν ἡμῶν οὐκ ἐφίεται, ὥστε περὶ ἡμᾶς εἶναι, ἡμεῖς δὲ ἐκείνου, ὥστε ἡμᾶς περὶ ἐκεῖνο. Καὶ ἀεὶ μὲν περὶ αὐτό, οὐκ ἀεὶ δὲ εἰς αὐτὸ βλέπομεν, ἀλλ' οἷον χορὸς ἐξάδων καὶ περ ἔχων περὶ τὸν κορυφαῖον τραπεῖη ἂν εἰς τὸ ἔξω τῆς θέας, ὅταν δὲ ἐπιστρέψῃ, ἄδει τε καλῶς καὶ ὄντως περὶ αὐτὸν ἔχει· οὕτω καὶ ἡμεῖς ἀεὶ μὲν περὶ αὐτό, καὶ ὅταν μὴ, λύσις ἡμῖν παντελὴς ἔσται καὶ οὐκέτι ἐσόμεθα· οὐκ ἀεὶ δὲ εἰς αὐτό, ἀλλ' ὅταν εἰς αὐτὸ ἴδωμεν, τότε ἡμῖν τέλος καὶ ἀνάπαυλα καὶ τὸ μὴ ἀπᾶδειν χορεύσιν ὄντως περὶ αὐτὸ χορεῖαν ἐνθεον.

(9) Ὅστις δὲ εἶδεν, οἶδεν ὃ λέγω, ὡς ἡ ψυχὴ ζῶν ἄλλην ἴσχει τότε προσιούσα καὶ ἤδη προσελθοῦσα καὶ μετασχοῦσα αὐτοῦ, ὥστε γινῶναι διατεθεῖσαν, ὅτι πάρεσιν ὁ χορηγὸς ἀληθινῆς ζωῆς, καὶ δεῖ οὐδενὸς ἔτι· τοῦναντίον δὲ ἀποθέσθαι τὰ ἄλλα δεῖ, καὶ ἐν μόνῳ στήναι τούτῳ, καὶ τοῦτο γενέσθαι μόνον περικόψαντα τὰ λοιπὰ ὅσα περικείμεθα· ὥστε ἐξελεθεῖν σπεύδειν ἐντεῦθεν καὶ ἀγανακτεῖν ἐπὶ θάτερα δεδεμένους, ἵνα τῷ ὅλῳ αὐτῶν περιπτωζόμεθα καὶ μηδὲν μέρος ἔχωμεν, ᾧ μὴ ἐφαπτόμεθα θεοῦ. Ὅρᾱν δὴ ἔστιν ἐνταῦθα κάκεῖνον καὶ ἑαυτὸν ὡς ὁρᾶν θέμις· ἑαυτὸν μὲν ἡγλαῖσμένον, φωτὸς πλήρη νοητοῦ, μᾶλλον δὲ φῶς αὐτὸ καθαρὸν, ἀβαρῆ, κοῦφον, θεὸν γενόμενον, μᾶλλον δὲ ὄντα, ἀναφθέντα μὲν τότε, εἰ δὲ πάλιν βαρύνοιτο, ὥσπερ μαραινόμενον.

(11) Τοῦτο δὴ ἐθέλον δηλοῦν τὸ τῶν μυστηρίων τῶνδε ἐπίταγμα, τὸ μὴ ἐκφέρειν εἰς μὴ μεμνημένους, ὡς οὐκ ἔκφορον ἐκεῖνο ὃν ἀπείπε δηλοῦν πρὸς ἄλλον τὸ θεῖον, ὅτῳ μὴ καὶ αὐτῷ ἰδεῖν εὐτύχηται. Ἐπεὶ τοίνυν δύο οὐκ ἦν, ἀλλ' ἐν ἡν αὐτὸς ὁ ἰδὼν πρὸς τὸ ἑωραμένον, ὡς ἂν μὴ ἑωραμένον, ἀλλ' ἠνωμένον, ὃς ἐγένετο ὅτε ἐκείνῳ ἐμίγνυτο εἰ μεμνῶτο, ἔχοι ἂν παρ' ἑαυτῷ ἐκείνου εἰκόνα. Ἦν δὲ ἐν καὶ αὐτὸς διαφορὰν ἐν αὐτῷ οὐδεμίαν πρὸς ἑαυτὸν ἔχων οὔτε κατὰ ἄλλα· οὐ γὰρ τι ἐκινεῖτο παρ' αὐτῷ, οὐ θυμός, οὐκ ἐπιθυμία ἄλλου παρῇν αὐτῷ ἀναβεβηκότι, ἀλλ' οὐδὲ λόγος οὐδέ τις νόησις οὐδ' ὅλως αὐτός, εἰ δεῖ καὶ τοῦτο λέγειν· ἀλλ' ὥσπερ ἀπρασθεῖς ἡ ἐνθουσιάσας

ускользнуло от нее, и это потому, что в таком состоянии она не отличает себя от того, что составляет предмет ее мысли.

4. Недоумения же тут возникают больше всего потому, что познание первого единого не достигается ни путем научного исследования, ни путем размышления, но получается единственно от присущия (παρουσία) Его нам, которое выше всякой науки. В самом деле, когда душа познает предмет научным образом, то она eo ipso выделяет его из единства (как один из многих) и сама перестает быть вполне единою, ибо научное знание предполагает употребление дискурсивного разума, а такой разум есть множественность, так что душа в этом разе, удаляясь от единства, ниспадает в область числа и множества. Поэтому (чтобы достигнуть мыслью первого единого) следует душе стать выше самой науки и, ни на мгновение не выступая из своего единства, отрешиться и от своих знаний, и от предметов знания, и от всего прочего, даже от зрелища красоты, ибо даже красота позднее его и от него, как дневной свет — от солнца. Вот почему (Платон) говорит о нем, что оно неизреченно, неопишимо, неизобразимо (οὐδὲ ρητὸν οὐδὲ ὑφαττόν), и если несмотря на это мы говорим о нем и пишем, то делаем это единственно с целью рассуждения возбудить (себя и других), направить на то дивное божественное зрелище, подобно тому как мы указываем путь тому, кто хочет найти и увидеть что-либо (замечательное), ибо самое большее, что тут может сделать научение, так это показать путь и руководить прохождением его, между тем как лицезрение Бога есть уже дело самого желающего лицезреть.

8. Так как души суть существа ноуменального мира, а верховное существо совершеннее самого ума, то следует думать, что связь с ним души осуществляется иными путями, чем взаимоотношение между умом и тем, что составляет предмет его мышления. Следует думать, что эта связь есть более внутренняя и глубокая, чем то отношение мышления к мыслимому, которое основывается на сходстве и тождестве, что она основывается на таком сродстве (συγγένει) души с верховным существом, которое способно устоять против всякой попытки разобщения. Тела, конечно, сами не способны к соединению и совпадению (по закону непроницаемости), но даже тела не могут препятствовать соединению бестелесных сущностей, потому что разделяющее их друг от друга есть не расстояние в пространстве, а только их собственное разнообразие, различие, а потому как только это различие исчезает, они становятся присущи друг другу. Так как верховное существо не имеет в себе инаковости, то оно всегда и всему присуще, а мы соприсутствуем ему тогда, когда освобождаемся от инаковости; оно не устремлено к нам и не движется около нас, напротив, мы к нему стремимся, мы всегда вокруг него движемся, но не всегда только направляем на него взоры свои, и в этом разе уподобляемся хору певцов, которые, хотя всегда окружают корифея, но иногда поют нестройно, не в такт, потому что, отвернувшись от него, обращают

ἡσυχῇ ἐν ἐρήμῳ καταστάσει γεγένηται ἀτρεμεῖ τῇ αὐτοῦ οὐσίᾳ οὐδαμοῦ ἀποκλίνων οὐδὲ περὶ αὐτὸν στρεφόμενος, ἐστὼς πάντῃ καὶ οἷον στάσις γενόμενος· οὐδὲ τῶν καλῶν, ἀλλὰ καὶ τὸ καλὸν ἤδη ὑπερθέων, ὑπερβὰς ἤδη καὶ τὸν τῶν ἀρετῶν χορόν, ὥσπερ τις εἰς τὸ εἶσω τοῦ ἀδύτου εἰσδὺς εἰς τοῦπίσω καταλιπὼν τὰ ἐν τῷ ναῷ ἀγάλματα, ἃ ἐξελθόντι τοῦ ἀδύτου πάλιν γίνεται πρῶτα μετὰ τὸ ἔνδον θέαμα καὶ τὴν ἐκεῖ συνουσίαν πρὸς οὐκ ἄγαλμα οὐδ' εἰκόνα, ἀλλ' αὐτό· ἃ δὴ γίνεται δεύτερα θεάματα.

Τὸ δὲ ἴσως ἦν οὐ θέαμα, ἀλλὰ ἄλλος τρόπος τοῦ ἰδεῖν, ἔκστασις καὶ ἁπλωσις καὶ ἐπίδοσις αὐτοῦ καὶ ἔφεσις πρὸς ἀφὴν καὶ στάσις καὶ περινόησις πρὸς ἐφαρμογήν, εἴπερ τις τὸ ἐν τῷ ἀδύτῳ θεάσεται. Εἰ δ' ἄλλως βλέποι, οὐδὲν αὐτῷ πάρεστι. Ταῦτα μὲν οὖν μιμήματα, καὶ τοῖς οὖν σοφοῖς τῶν προφητῶν αἰνίττεται, ὅπως θεὸς ἐκεῖνος ὁρᾶται· σοφὸς δὲ ἱερεὺς τὸ αἰνίγμα συνειὶς ἀληθινὴν ἂν ποιοῖτο ἐκεῖ γενόμενος τοῦ ἀδύτου τὴν θέαν. Καὶ μὴ γενόμενος δὲ τὸ ἀδύτον τοῦτο ἀόρατόν τι χρῆμα νομίσας καὶ πηγὴν καὶ ἀρχὴν εἰδήσει, ὡς ἀρχῇ ἀρχὴν ὁρᾷ, καὶ συγγίνεται καὶ τῷ ὁμοίῳ τὸ ὁμοιον, οὐδὲν παραλιπὼν τῶν θείων ὅσα δύναται ψυχὴ ἔχειν. Καὶ πρὸ τῆς θέας τὸ λοιπὸν ἐκ τῆς θέας ἀπαιτεῖ· τὸ δὲ λοιπὸν τῷ ὑπερβάντι πάντα τὸ ὅ ἐστι πρὸ πάντων. Οὐ γὰρ δὴ εἰς τὸ πάντῃ μὴ ὄν ἤξει ἡ ψυχῆς φύσις, ἀλλὰ κάτω μὲν βᾶσα εἰς κακὸν ἤξει, καὶ οὕτως εἰς μὴ ὄν, οὐκ εἰς τὸ παντελὲς μὴ ὄν· τὴν ἐναντίαν δὲ δραμοῦσα ἤξει οὐκ εἰς ἄλλο, ἀλλ' εἰς ἑαυτήν, καὶ οὕτως οὐκ ἄλλῳ οὔσα ἐν οὐδενὶ ἐστίν, ἀλλ' ἐν αὐτῇ· τὸ δ' ἐν αὐτῇ μόνῃ καὶ οὐκ ἐν τῷ ὄντι ἐν ἐκείνῳ· γίνεται γὰρ καὶ αὐτός τις οὐκ οὐσία, ἀλλ' ἐπέκεινα οὐσίας ταύτῃ, ἣ προσομιλεῖ. Εἰ τις οὖν τοῦτο αὐτὸν γενόμενον ἴδοι, ἔχει ὁμοίωμα ἐκείνου αὐτόν, καὶ εἰ ἀφ' αὐτοῦ μεταβαίνει ὡς εἰκὼν πρὸς ἀρχέτυπον, τέλος ἂν ἔχοι τῆς πορείας. Ἐκπίπτων δὲ τῆς θέας πάλιν ἐγείρας ἀρετὴν τὴν ἐν αὐτῷ καὶ κατανοήσας ἑαυτὸν πάντῃ κεκοσμημένον πάλιν κουφισθήσεται δι' ἀρετῆς ἐπὶ νοῦν ἰὼν καὶ διὰ σοφίας ἐπ' αὐτό. Καὶ οὗτος θεῶν καὶ ἀνθρώπων θείων καὶ εὐδαιμόνων βίος, ἀπαλλαγὴ τῶν ἄλλων τῶν τῇδε, βίος ἀνήδονος τῶν τῇδε, φυγὴ μόνου πρὸς μόνον.

взор и внимание на что-нибудь постороннее, между тем как если бы они были постоянно обращены лицом к нему, то пели бы стройно, составляя все как бы одно с ним. Подобным образом и мы всегда находимся вокруг верховного существа, ибо в противном случае, то есть если бы совсем отделились от него, то тотчас бы перестали бы существовать, но только не всегда мы направляем взоры свои на него, зато всякий раз как устаиваемся узреть его, мы достигаем последнего предела наших желаний, успокаиваемся, не внося более никакого диссонанса в целый, окружающий первое единое, божественный хор.

9. Кто удостоится присутствовать в этом хоре, тот может узреть здесь источник жизни, источник ума, начало всякого бытия, причину всякого блага, корень души. Все это производит первое единое, нисколько оттого не умаляясь, так как оно бестелесно. Не будь оно таковым, тогда все, происшедшее от него, было бы тленным, между тем как (все названные сейчас) сущности вечны, вечны потому, что оно — виновник их — пребывает в себе неизменно и не делится в них, но остается целостным, — вот почему и они пребывают вечно подобно тому, как пребывает свет, пока пребывает Солнце. Да и мы, несмотря на то, что нас влечет к себе природа облекающего нас тела, не отделены от Бога, не разобщены с ним, напротив, можно сказать, мы им только и дышим, им сохраняем свое существование (*ἐπιβιόμεν καὶ ὁμοιομεθα*), потому что оно не удаляется от нас, давши нам жизнь, но постоянно дает (ее) нам, насколько он сам неизменяем, насколько мы обращаемся и стремимся к нему; в общении с ним наше блаженство и совершенство, а удаление от него равносильно падению и извращению; воспаривши к нему — в это место чистое от всяких зол, душа и сама освобождается от всякого зла и обретает тут чистый покой, тут только она, став бесстрастной и обротившись в чистую мысль, живет настоящею истинною жизнью.

11. Вот на чем, собственно, основывается обычное в мистериях запрещение посвященным делиться тайнами с непосвященными: так как божественное невыразимо, неопишимо, то и запрещается толковать о божественном с теми, которые не удостоились еще созерцать его. Так как в момент лицезрения Бога исчезает всякое двойство, так как созерцающий тут отождествляется до такой степени с созерцаемым, что, собственно говоря, не созерцает его, а сливается с ним воедино, то понятно, что лишь тот может сохранить в себе образ Бога, кто может сохранить целым воспоминание о том, каким сам он был во время лицезрения Божия, бывает же сам он тогда в состоянии такого объединения, самососредоточения, в котором не сознает никакого различия ни в себе самом, ни по отношению ко всему другому; в этом экзальтированном его состоянии никакая душевная деятельность не проявляет себя — ни гнев, ни сожаление, ни рассудок, ни даже мышление; можно сказать, что он тут и сам весь как бы исчезает.

Пер. Г. В. Малеванского

16. Πορφύριος (232–304)

Μαθητής και βιογράφος Πλωτίνου, ο οποίος πείσωσε τον δάσκαλό του να γράψει τα φιλοσοφικά του θέματα, ο Πορφύριος πήρε εξέχοντα μέρος στην ιστορία της φιλοσοφίας χάρη στο έργο του «Εισαγωγή στην αριστοτελική λογική» («Ισαγωγή»), το οποίο έγινε βασικό βιβλίο για τη λογική στα μεσαιωνικά φιλοσοφικά σχολεία, και αργότερα μεσαιωνικά — πηγή των συζητήσεων για τον νομιναλισμό και τον ρεαλισμό. Εκτός από αυτό, ο Πορφύριος — συγγραφέας συστηματικού έργου, απευθυνόμενος εναντίον των χριστιανών, πλήρους ειρωνείας και σαρκασμού (καίεται από τον Θεοδοσίον Β'), που βρίσκεται δίπλα στον Ζηρό και τον αυτοκράτορα Ιουλιανό.

Ὁ νοῦς οὐκ ἔστιν ἀρχὴ πάντων· πολλὰ γάρ ἐστιν ὁ νοῦς, πρὸ δὲ τῶν πολλῶν ἀνάγκη εἶναι τὸ ἕν.

Ὅτι δὲ πολλὰ ὁ νοῦς δηλον· νοεῖ γὰρ αἰεὶ τὰ νοήματα οὐχ ἓν ὄντα, ἀλλὰ πολλὰ καὶ οὐκ ἄλλα ὄντα παρ' ἐκείνων. εἰ οὖν ὁ αὐτός ἐστιν αὐτοῖς, ἐκεῖνα δὲ πολλὰ, πολλὰ ἂν εἴη καὶ ὁ νοῦς.¹⁾ Ὅτι δὲ ὁ αὐτός ἐστι τοῖς νοητοῖς, οὕτως δείκνυται·

εἰ γὰρ τι ἔστιν ὃ θεωρεῖ, ἥτοι ἐν ἑαυτῷ ἔχων τοῦτο θεωρήσει ἢ ἐν ἄλλῳ κείμενον. καὶ ὅτι μὲν θεωρεῖ δηλον· σὺν γὰρ τῷ νοεῖν εἴη ἂν νοῦς, ἀφαιρεθεὶς δὲ τοῦ νοεῖν ἀφήρηται τῆς οὐσίας.

δεῖ τοίνυν ἐπιστήσαντας τοῖς πάθεσιν ἃ συμβαίνει περὶ τὰς γνώσεις ἀνιχνεύσαι τὴν ἐκείνου θεωρίαν. γνωστικαὶ δὲ δυνάμεις ἐν ἡμῖν ἀθρόον αἴσθησις, φαντασία, νοῦς. πάντα δὲ τὸ αἰσθήσει προσχρῶμενον τοῖς ἔξω ἐπιβάλλον θεωρεῖ, οὐχ ἐνούμενον ἐκείνοις ἃ θεωρεῖ, ἀλλὰ μόνον τύπον αὐτῶν ἐκ τῆς πρὸς αὐτὰ προσβολῆς λαμβάνον. ὅταν οὖν ἴδῃ ὁφθαλμὸς τὸ ὁρώμενον, ἀμήχανον ἐν ταυτότητι γενέσθαι τοῦ ὁρωμένου· οὐ γὰρ ἂν ἴδοι, εἰ μὴ ἐν διαστάσει γένοιτο· ὡσαύτως δὲ καὶ τὸ ἀπτόμενον ἐν ταυτότητι γεγόμενον φθαρεῖ. ἐξ ὧν δηλον ὅτι αἰεὶ ἢ τε αἴσθησις καὶ τὸ αἰσθήσει προσχρῶμενον εἰς τὸ ἔξω φέρεται, εἰ μέλλει τὸ αἰσθητὸν καταλήψεσθαι.

ὡσαύτως δὲ καὶ ἡ φαντασία αἰεὶ ἐπὶ τὸ ἔξω φέρεται καὶ τῇ τάσει αὐτῆς τὸ εἰκόνισμα παρυσίσταται²⁾ ἥτοι καὶ παρασκευάζον ἔξωθεν ἢ αὐτῇ τῇ πρὸς τὸ ἔξω τάσει τὴν ὡς ἔξω ὄντος εἰκόνισματος ἐνδεικνύμενον.

καὶ τούτων μὲν κατάληψις τοιαύτη, ὧν οὐδεμία εἰς ἑαυτὴν συνενέουσα καὶ συναγομένη ἐντύχοι ἂν ἢ τῷ αἰσθητῷ ἢ τῷ ἀναισθητῷ εἶδει.

Ему, по всей вероятности, принадлежит фрагментарно сохранившийся комментарий к «Пармениду», относящийся к этому времени (П. Адо). Фрагменты философских сочинений Порфирия сохранились также в собрании «сентенций». Для них характерен выраженный генологический характер мышления, сходный с идеями Плотина и позднего Прокла. Следующая сентенция «ad Nous» (Ум/мысль), которой, правда, недостает цельности, взята оттуда. Отрывок в большой степени реконструирован издателями.

О том, что ум/мысль множественны (Sententiarium 43)

Ум/мысль (нус) не есть причина всего. Ведь мысль множественна, а прежде множественности обязательно должно быть единое.

То, что мысль множественна, очевидно. Мысль для думающего ее всегда представляется не как одно, но как множество, даже если никаких других рядом с ней нет. Значит, если она идентична с ними, а их много, то и мысль должна быть множественна. Но то, что она идентична объекту мышления, можно показать следующим образом:

А именно, если то, что созерцает мысль, *есть* что-то, то она будет созерцать это *или* в силу того, что обладает им в себе самой, *или* как находящееся в чем-то другом. Что она созерцает, это ясно. Ведь «мысль» может существовать только «мысля», как только прекращается мыслительная деятельность, исчезает вследствие своей сущности и мысль.

Понявшие, что происходит с нашими ощущениями в процессе познания, будут в состоянии пойти по следу того, что она (т. е. мысль) созерцает. Познающие способности в нас подчинены одному: ощущению, воображению, мысли. Тот, кто по большей части мыслит, используя ощущение, воспринимает внешние вещи, не соединяясь с теми объектами, которые созерцает, воспринимая лишь впечатление о них, полученное из своего столкновения с ними. Следовательно, когда глаз увидит объект созерцания, он никак не сможет идентифицироваться с объектом; тем более, что он не сможет увидеть то, что находится на расстоянии. То же самое будет, если *прикоснуться* к объекту, чтобы идентифицироваться с ним, — ничего не получится. Исходя из этого, ясно, что чувственное рассмотрение и то, что использует чувственное рассмотрение, будет постоянно выноситься вовне, даже при постижении чувственного.

ἐπὶ δὲ τοῦ νοῦ οὐ τοῦτον τὸν τρόπον ἢ κατάληψις, ἀλλὰ συννεύοντος εἰς ἑαυτὸν καὶ ἑαυτὸν θεωροῦντος· παρεξελθὼν γὰρ τοῦ θεάσασθαι τὰς ἑαυτοῦ ἐνεργείας καὶ ὄμμα εἶναι τῶν αὐτοῦ ἐνεργειῶν οὐσῶν τὸ ὄραμα οὐδὲν ἂν νοήσειεν. ὥς μὲν οὖν ἦν ἡ αἰσθησίς

τε καὶ τὸ αἰσθητόν, οὕτως ἐστὶ ὁ νοῦς τε καὶ τὸ νοητόν. θεωρεῖ δὲ ἡ μὲν ἐκτεινομένη εἰς τὸ ἔξω, εὐρίσκουσα τὸ αἰσθητόν ἐν τῇ ὕλῃ κείμενον, ὁ δὲ νοῦς εἰς αὐτὸν συναγόμενος· εἰ δὲ μὴ ἔξω ἐκτεινόμενος — ὅπερ καὶ ἐδόκει τισὶν ὀνόματος διαφορᾶς προστεθείσης τῇ τοῦ νοῦ ὑποστάσει καὶ τῆς φαντασίας· ἡ γὰρ ἐν λογικῷ ζῷῳ φαντασία δέδοκτο αὐτοῖς νόησις. ἀλλ' εἰ ἐκείνοις μὲν πάντα ἀπαρτήσασιν ἀπὸ τῆς ὕλης καὶ τῆς σωματικῆς φύσεως ἀκόλουθον ἦν καὶ τὸν νοῦν τούτων ἀναρτᾶν, ὁ δ' ἡμέτερος σωμάτων καὶ ἐτέρων θεωρὸς οὐσιῶν, ποῦ τοίνυν κειμένης καταλήψεται αὐτάς; ἔξω δὲ ὄντων ὕλης, οὐδαμοῦ ἂν εἴη ταῦτα δηλον ὥς νοερὰ καὶ νοήσει συναχθήσεται καὶ τοίνυν, εἰ νοερά, εἰς τὸν νοῦν καὶ τὸ νοητόν —, καὶ ἑαυτὸν θεωρήσει νοῶν τὰ νοητὰ καὶ χωρῶν εἰς ἑαυτὸν νοεῖ διὰ τὸ εἰς ἐκεῖνα χωρεῖν. εἰ δὲ πολλὰ τὰ νοητὰ — πολλὰ γὰρ ὁ νοῦς νοεῖ καὶ οὐχ ἓν —, πολλὰ ἂν εἴη καὶ ἐξ ἀνάγκης καὶ αὐτός.

κεῖται δὲ πρὸ τῶν πολλῶν τὸ ἓν, ὥστε ἀνάγκη πρὸ τοῦ νοῦ εἶναι τὸ ἓν.

Таким же образом постоянно будет выноситься *вовне* и воображение с его способностью создавать отражение... независимо от того, создается ли и оно где-то «вовне» или же благодаря самой направленной вовне силе проявляется как присущее именно внешнему отражению.

Постижение этих объектов характерно следующим: оно никогда не совпадает, соответствуя ей, ни с ощущаемой, ни с не ощущаемой формой, и проявляется само собою.

Между тем постижение мыслью происходит не этим способом, а тем, что она (мысль) соответствует самой себе и созерцает саму себя. Ибо если бы она перестала воспринимать свои собственные силы (энергии) и не была бы «глазом» своих собственных действующих сил, у нее не было бы умозрений для размышления. Следовательно, так же как есть само ощущение и объект ощущения, так же есть мысль и мыслимый объект. Они — чувственное восприятие, простираясь вовне и находя объект чувств, имеющийся в материи, Мысль, возвращаясь к самой себе, — созерцает, если и не простирается вовне: так, некоторые даже полагали, что разница в существовании «мысли» и «воображения» вызвана лишь разницей в названии; ведь способность воображать, которая свойственна мыслящему существу, и делает его мыслящим. Но если бы все зависело от материи и телесной природы, то следствием этого была бы и зависимость мысли от них. Наша (мысль), однако, только созерцатель тел и высших субстанций. Где же они, чтобы она постигала их? (Если же она — созерцатель) вещей, которые находятся вне материальности, то они, очевидно, будучи умственными, нигде не находятся и сообщаются мысли вместе с мышлением и мыслимым как умопостигаемые, и тогда, обдумывая мысленные объекты, она будет созерцать *самое себя*, и, возвращаясь в себя, будет думать, ибо будет возвращаться к этим объектам. Но если умопостигаемых объектов множество — ведь мысль обдумывает многое, а не одно, то необходимо, чтобы и она сама была многим.

Но Единое находится впереди множественности. Значит, Единое — обязательно впереди мысли.

17. Ямвлих (ум. ок. 330)

Сириец Ямвлих — представитель теософской магико-мистической ветви неоплатонизма, которая, однако же, сохраняет философско-спекулятивный характер. Ямвлих принадлежал египетской, в частности герметической, традиции мистерий, на заднем плане которой, помимо Платона, таинственной фигурой мелькает Пифагор. Ямвлих снискал большую славу как ком-

I, 1. Θεὸς ὁ τῶν λόγων ἡγεμὼν, Ἑρμῆς, πάλοι δέδοκται καλῶς ἅπασιν τοῖς ἱερεῦσιν εἶναι κοινός. ὁ δὲ τῆς περὶ θεῶν ἀληθινῆς ἐπιστήμης προεστηκὼς εἰς ἐστὶν ὁ αὐτὸς ἐν ὅλοις· ᾧ δὴ καὶ οἱ ἡμέτεροι πρόγονοι τὰ αὐτῶν τῆς σοφίας εὐρήματα ἀνετίθεσαν, Ἑρμοῦ πάντα τὰ οἰκεῖα συγγράμματα ἐπονομάζοντες. Εἰ δὲ τοῦδε τοῦ θεοῦ καὶ ἡμεῖς τὸ ἐπιβάλλον καὶ δυνατόν ἑαυτοῖς μέρος μετέχομεν, σύ τε καλῶς ποιεῖς ἃ εἰς γινῶσιν τοῖς ἱερεῦσιν, ὡς φιλοῦσι, περὶ θεολογίας προτείνων ἐρωτήματα, ἐγὼ τε εἰκότως τὴν πρὸς Ἀνεβῶ τὸν ἐμὸν μαθητὴν πεμφθεῖσαν ἐπιστολὴν ἑμαυτῷ γεγράφθαι νομίσας ἀποκρινοῦμαι σοι αὐτὰ τάληθ' ὑπὲρ ὧν πυθάνη. Οὐδὲ γὰρ ἂν εἴη πρέπον Πυθαγόραν μὲν καὶ Πλάτωνα

καὶ Δημόκριτον καὶ Εὐδοξον καὶ πολλοὺς ἄλλους τῶν παλαιῶν Ἑλλήνων τετυχηκέναι διδαχῆς τῆς προσηκούσης ὑπὸ τῶν καθ' ἑαυτοὺς γιγνομένων ἱερογραμμάτων, σὲ δ' ἐφ' ἡμῶν ὄντα καὶ τὴν αὐτὴν ἐκείνοις ἔχοντα γνώμην διαμαρτεῖν τῆς ὑπὸ τῶν νῦν ζώντων καὶ καλουμένων κοινῶν διδασκάλων ὑφηγήσεως. Ἐγὼ μὲν οὖν οὕτως ἐπὶ τὸν λόγον τὸν παρόντα πρόσειμι, σὺ δ', εἰ μὲν βούλει, τὸν αὐτὸν ἡγοῦ σοι πάλιν ἀντιγράφειν ᾧπερ ἐπέστειλας· εἰ δὲ καὶ φαίνοιτό σοι δεῖν, ἐμὲ θὲς εἶναι σοι τὸν ἐν γράμμασι διαλεγόμενον ἢ τινα ἄλλον προφήτην Αἰγυπτίων· οὐδὲ γὰρ τοῦτο διενήνοχεν· ἢ εἰ βέλτιον, οἶμαι, τὸν μὲν λέγοντα ἄφες, εἴτε χεῖρων εἴτε ἀμείνων εἴη, τὰ δὲ λεγόμενα σκόπει εἴτε ἀληθ' εἴτε καὶ ψευδ' λέγεται, προθύμως ἀνεγείρας τὴν διάνοιαν.

Ἐν ἀρχῇ δὴ διελόμεθα τὰ γένη πόσα τέ ἐστι καὶ ὅποια τῶν νυνὶ προκειμένων προβλημάτων· ἀπὸ τίνων τε εἴληπται θείων θεολογιῶν τὰ

ментатор диалогов Платона, в первую очередь «Федра» и «Тимея», и — под прямым или косвенным воздействием мистика Максима — приобрел большое влияние на императора Юлиана, который считал его «божественным». Неудивительно, что в новейшее время к Ямвлиху как носителю мудрости мистерий обратилась антропософия в лице Рудольфа Штайнера.

О египетских мистериях, I, 1–2

Все сказанное вложено в уста египетского священника по имени Абамон. По всей вероятности, это ответ на утраченное письмо Порфирия (см. выше) некоему египтянину Анебону, о чем сообщает приписка, сделанная византийцем Михаилом Пселлом.

1. Бог Гермес, повелитель слов, с древности справедливо почитается всеми жрецами за общего. Он единственный стоит также во главе истинного знания о богах, один и тот же повсюду. Наши предки приписывали ему открытия собственной мудрости, подписывая именем Гермеса все свои сочинения. И если мы смогли воспринять от этого бога причитающуюся нам и возможную для нас самих частицу, то, значит, и ты хорошо поступаешь, предлагая некоторые вопросы относительно теологии на решение жрецам, с радостью их принимающим, и я, не без основания сочтя письмо, посланное моему ученику Анебону, написанным мне самому, дам тебе истинные ответы на то, о чем ты спрашиваешь. Ибо не подобает, чтобы Пифагор, Платон, Демокрит, Евдокс и многие другие эллины получили надлежащее поучение от тогдашних толкователей священных текстов, а ты, живя в наше время и придерживаясь одинакового с ними мнения, не получил бы наставления от ныне живущих и называющихся всеобщими наставниками. Вот каким образом я подхожу к настоящему рассмотрению, а ты, если хочешь, считай, что тебе отвечает именно тот, кому ты послал письмо. Если же тебе это покажется необходимым, то полагай, что с тобой письменно веду беседу я или другой какой-нибудь египетский пророк, ибо это безразлично. А еще лучше, я думаю, не обращай внимания на то, хорош ли говорящий или плох, но, ревностью побуждая рассудок, продумывая в отношении высказываемого, произносится ли истина или ложь.

Давай сперва разберем, сколько существует родов ныне подлежащих рассмотрению проблем и каковы они. Давай расскажем, откуда взялись спорные вопросы божественных учений, и составим себе обзор того, при помощи каких наук они исследуются.

ἀπορήματα διέλθωμεν, καὶ κατὰ ποίας τινὰς ἐπιστήμας ἐπιζητεῖται τὴν πρόθεσιν αὐτῶν ποιησώμεθα. Τὰ μὲν οὖν ἐπιποθεῖ διάκρισιν τινα τῶν κακῶς συγκεχυμένων, τὰ δ' ἐστὶ περὶ τὴν αἰτίαν δι' ἣν ἕκαστά ἐστὶ τε οὕτως καὶ νοεῖται, τὰ δ' ἐπ' ἄμφω τὴν γνώμην ἔλκει κατ' ἐναντιώσιν τινα προβαλλόμενα· ἕνια δὲ καὶ τὴν ὅλην ἀπαιτεῖ παρ' ἡμῶν μυσταγωγίαν³). Τοιαῦτα δὲ ὄντα πολλαχόθεν εἴληπται καὶ ἀπὸ διαφερουσῶν ἐπιστημῶν. Τὰ μὲν γὰρ ἀφ' ὧν οἱ Χαλδαίων σοφοὶ παραδεδώκασι τὰς ἐπιστάσεις προσάγει· τὰ δ' ἀφ' ὧν Αἰγυπτίων οἱ προφηταὶ διδάσκουσι ποιεῖται τὰς ἀντιλήψεις, ἕνια δὲ καὶ τῆς τῶν φιλοσόφων θεωρίας ἐχόμενα τὰς ἐρωτήσεις ἐπομένως αὐτοῖς ποιεῖται. Ἦδη δέ τινα καὶ ἀπ' ἄλλων οὐκ ἀξίων λόγου δοξασμάτων ἐφέλκεται τινα ἀπρεπῇ διαμφισβήτησιν, τὰ δ' ἀπὸ τῶν κοινῶν ὑπολήψεων παρ' ἀνθρώποις ὥρμηται· αὐτὰ τε οὖν καθ' ἑαυτὰ ἕκαστα ποικίλως διάκειται καὶ πρὸς ἄλληλα πολυειδῶς συνήρμοστοι, ὅθεν δὴ διὰ πάντα ταῦτα λόγου τινός ἐστιν ἐπιδεῇ τοῦ κατευθύνοντος αὐτὰ προσηκόντως.

2. Ἡμεῖς οὖν τὰ μὲν Ἀσσυρίων πάτρια δόγματα παραδώσομέν σοι μετ' ἀληθείας τὴν γνώμην, τὰ δὲ ἡμέτερά σοι σαφῶς ἀποκαλύψομεν, τὰ μὲν ἀπὸ τῶν ἀρχαίων ἀπειρῶν γραμμάτων ἀναλογιζόμενοι τῇ γνώσει, τὰ δ' ἀφ' ὧν ὕστερον εἰς πεπερασμένον βιβλίον συνήγαγον οἱ παλαιοὶ τὴν ὅλην περὶ τῶν θείων εἰδήσιν.

Итак, одни вопросы направлены на некое разделение дурным образом смешанного, другие относятся к причине, по которой существует и мыслится именно таким образом отдельное, третьи же обращают познание к тому и другому, будучи предложены как некое противоречие. Некоторые требуют от нас и полного посвящения в мистерии. Поскольку они являются таковыми, они возникли по многим причинам и относятся ко многим наукам.

Ибо одни вопросы привлекают наблюдения, основанные на том, что передали халдейские мудрецы, другие строят свои возражения на том, чему учат египетские пророки, а некоторые, соприкасаясь с учениями философов, задаются сообразно с ними. Далее, кое-какие привносят с собой некое неподобающее сомнение на основании других недостойных рассмотрения предположений, а иные опираются на обыденные воззрения людей. Итак, они и сами по себе разнообразны, и сочетаются между собой многими способами, и по всем этим причинам нуждаются в некоем рассуждении, которое подобающим образом упорядочило бы их.

2. Итак, мы передадим тебе с величайшей точностью и истинностью представление о старинных преданиях ассирийцев и ясно откроем тебе наши собственные, частью выводя познавательные умозаключения относительно их на основании бесчисленных древних писем, а частью — того, как древние позднее свели в законченную книгу знание о божественном.

Пер. Л. Ю. Лукомского

18. Марий Викторин (род. ок. 340)

Философ-ритор Марий Викторин из Рима является важной переходной фигурой и соединительным звеном между нехристианским и христианским неоплатонизмом. Он был североафриканцем по рождению, последователем Порфирия, но — как и Августин — в зрелом возрасте перешел в христианство, став, между прочим, учителем св. Иеронима.

Благодаря своему исключительному знанию греческого языка Викторин приобрел большую известность как переводчик на латынь неоплатонистских сочинений (см. высказывание Августина, первый отрывок).

Как христианин, Викторин выступал против арианского отрицания божественной ипостаси Иисуса Христа, и аргументацию для этого он черпал в неоплатонической генологии. Это оказало влияние на развитие учения о Троице в западном богословии — вплоть до Николая Кузанского. В аргу-

Рассуждения о Троице с точки зрения Единого (Против Ария, I, 49)

Викторин утверждает, что Сын, или Логос (Слово), и Отец едины (*ср. Ин. 10, 50*), так же, как Сын и Дух Святой едины в Логосе, а стало быть два — в одном. Здесь, полемизируя с арианской ересью, он объясняет, как два эти единства — Сын и Отец и Сын и Дух — нераздельны и тождественны. Он

49)... Ante omnia quae vere sunt, unum fuit, sive unalitas, sive ipsum unum, antequam sit ei esse, unum. Illud enim unum oportet dicere et intellegere quod nullam imaginationem alteritatis habet, unum solum, unum simplex, unum per concessionem, unum ante omnem existentiam, ante omnem existentialem et maxime ante omnia inferiora, ante ipsum «ὄν»; hoc enim unum ante «ὄν»; ante omnem igitur essentialem, substantiam, subsistentiam et adhuc omnia quae potentiora; unum sine existentia, sine substantia, sine intellegentia — supra enim haec — inmensum, invisibile, indiscernibile universaliter omni alteri et his quae in ipso et his quae post ipsum, etiam quae ex ipso, soli autem sibi et discernibile et definitum, ipsa sua existentia, non actu, ut non quiddam alterum sit ab ipso consistentia et cognoscentia sui, inpartite undique, sine figura, sine qualitate neque inqualitate, sine qualitate, quale, sine colore, sine specie, sine forma, omnibus formis carens, neque quod

ментации, разработанной в период между Никейским (325 г.) и Константинопольским (381 г.) соборами, по-видимому, уже присутствовал пункт о *filioque*, защитником которого позднее стал Августин, но который был отвергнут Восточной Церковью. Викторин считал, что есть двое: Отец и Сын и между ними посредник — Святой Дух. Основным источником его философии был «Парменид» Платона, очевидно, ставший ему знакомым по комментарию к диалогу, сделанному Порфирием, и к настоящему времени сохранившемуся лишь фрагментарно.

Иероним считал философию Викторина «в высшей степени темной» и как христианин упрекал его за то, что тот недостаточно слушается сказанного в Библии.

делает это, прибегая к помощи упомянутых в «Пармениде» различий между высшим Единым, про которое даже нельзя сказать, что Оно есть (Парменид, 1-я гипотеза), и тем Единым, которое именно есть — со всеми последствиями, вытекающими из этого (2-я гипотеза).

49. ...упреждая все, что действительно есть, было единое или единство, или единое как таковое, единое прежде, чем оно стало *быть*. Ведь необходимо называть и мыслить единым то, что не имеет в себе никакой инаковости, единственное, простое, единое по согласию, единое прежде всякого существования, прежде всякой возможности существования и вообще прежде всего, что ниже, прежде самого сущего, ведь это единое — прежде сущего; следовательно, оно прежде всякой сущности, субстанции, основания бытия и даже всего, что обладает большим совершенством; единое без существования, без субстанции, без мысли — поскольку оно *выше* всего этого — безмерное, незримое, неразличимое для всего иного — как того, что в нем самом, так и для того, что *за* ним, даже для того, что *из* него самого; но только для себя одного оно и различимо и определено — самим своим существованием, не действием, поскольку его состав и познание не есть что-то отличное от него самого, — совершенно неделимое, без очертания, без качества и не без отсутствия качества (качества быть

sit ipsa forma qua formantur omnia; et universalium et partium omnium quae sunt prima causa, omnium principiorum praeprincipium, omnium intelligentiarum praeintelligentia, omnium potentiarum fortitudo, ipsa motione celebrior, ipso statu stabilior – motione enim ineloquibili status est, statu autem ineffabili superrelativa motio est – continuatione omni densior, distantia universa altior, definitior universo corpore et maius omni magnitudine, omni incorporali purius, omni intelligentia et corpore penetrabilius, omnium potentissimum, potentia potentarium, omni genere, omni specie magis totum, vere «ὅν» totum, vere quae sunt omnia ipsum existens, omni toto maius, corporali et incorporali, omni parte magis pars, inenarrabili potentia pure existens omnia quae vere sunt.

50) Hic est deus, hic pater, praeintelligentia praeexistens et praeexistentia beatitudinem suam et immobili motione semet ipsum custodiens, et propter istud, non indigens aliorum, perfectus super perfectos, tripotens in unalitate spiritus, perfectus et supra spiritum: non enim spirat, sed tantum spiritus est in eo quod est ei esse, spiritus spirans in semet ipsum ut sit spiritus, quoniam est spiritus inseparabilis a semet ipso, ipse sibi et locus et habitator, in semet ipso manens, solus in solo, ubique existens et nusquam³)...

Isto igitur uno existente, unum proexsiluit, unum unum, in substantia unum, in motu unum, et motus enim existentia, quoniam et existentia motus. Istud igitur unum, existentialiter unum, sed non ut pater inexistentialiter unum, qui est secundum potentiam existentialiter unum. Habet enim potentia et magis habet quod ei futurum est, secundum operationem, esse, et, secundum veritatem, non habet, sed est, quoniam potentia, qua actio actiosa fit, omnia est sine molestia et vere omnimodis, non egens quae sit, ad hoc ut sint omnia, potentia etenim, qua potens nata actio agit, agens ipsa. Unalitas igitur ista.

Sed unum istud quod esse dicimus unum unum, vita est, quae sit motio infinita, effectrix aliorum, vel eorum quae vere sunt, vel eorum quae sunt, existens «λόγος» ad id quod est esse quae sunt omnia, a se semet movens, semper in motu, in semet ipsa habens motum, magis autem ipsa motus est;

без качества), без цвета, без образа, без вида, без формы (так как у него отсутствует всякая форма, даже та, что есть сама Форма, которой все формируется); и оно есть Первопричина и универсального и частного, Прана начало всех начал, Прамысль всех мыслей, всех сил Сила, быстрее, чем самое движение, устойчивей, чем сама неподвижность, — ибо оно есть покой несказуемого движения и сверхмерное движение невыразимого покоя — плотнее, чем любая взаимосвязь, выше и глубже, чем любое расстояние, определеннее любого тела и больше любой величины, чище любой бестелесности, проникновенней любой мысли и любого тела, могущественней, чем всякое могущество и сила сил, более цельное, чем всякий род и всякий вид, истинно цельное Сущее, воистину само сущее всего, что *есть*, больше, чем все целое, как телесное, так и бестелесное, всякой части бóльшая часть, сущее чистого, неопикуемого могущества и силы всего, что воистину *есть*.

50. Это — Бог, это — Отец, Который прасуществующей прамыслью и прасуществованием соблюдает блаженство Свое, а неподвижным движением — Себя Самого, и Который по причине этого не нуждается в ином, совершенный превыше совершенных, един в единстве трижды всесильного Духа, совершенный и превыше Духа: ведь Он не дышит, но только Он — Дух в том, что есть Его бытие, Дух, Который, чтобы быть Духом, дышит в Себя же Самого, поскольку Он есть Дух, неотделимый от Себя Самого, Сам Себе и обитатель и обитель, в самом же себе пребывая, един в едином, существуя всюду и нигде...

Итак, существованием этого единого возникло некое единое, едино-единое (ипсум ипсум), единое в субстанции, единое в движении (ведь и движение есть существование, поскольку и существование есть движение). Следовательно, это единое едино по существованию, так как то, что есть единое по существованию через потенцию, — не то, что единое Отца, которое едино по не-существованию. Ведь потенция *имеет*, и *имеет* в высшей степени, то бытие, которое у нее будет действовать в будущем, и воистину она его не только *имеет*, но она и *есть* оно, поскольку потенция, благодаря которой действие оказывается действительным, есть без всякого затруднения все и воистину всевозможным образом, не нуждаясь в том, чтобы являться самой для того, чтобы *все* было, ведь потенция, благодаря которой способно действовать данное от природы действие, действительна и сама. Следовательно, она есть единство (монада).

Но то единое, о котором мы говорим, что оно — едино-единое, это жизнь, которая есть бесконечное движение, явительница движений других — как тех, что истинно есть, так и тех, что могут быть, — существующий Логос того бытия, которое есть все, движущий себя самого самым же собой, всегда в движении, в себе самом имея движение, или скорее сам — движение; и именно так говорит Священное

sic enim scriptura divina dicit quod dedit ipsi pater deus *in ipsa esse vitam esse*.

Iste filius est, «λόγος» qui est *ad deum*, iste *per quem facta sunt omnia*, iste filius et filietas tota paternitatis totius, semper qui sit et filius et ex aeterno, filius autem a semet mota motione; . . .

Ista igitur exsistentia totius exsistentiae, est vita, et iuxta quod vita motus, quasi femineam sortita est potentiam, hoc quod concupivit vivificare. Sed quoniam, sicut demonstratum, ista motio, una cum sit, et vita est et sapientia, vita conversa in sapientiam et magis in exsistentiam patricam, magis autem retro motae motionis, in patricam potentiam, et ab ipso virificata, vita, recurrens in patrem, vir effecta est. Descensio enim vita, ascensio sapientia. Spiritus autem et ista, spiritus igitur utraque, in uno duo.

Писание, что Бог Отец дал ему «иметь жизнь в Самом Себе» (ср. Ин. 5, 26).

Это — Сын, Логос, который — «у Бога», Того, «через Которого все начало быть» (ср. Ин. 1, 1–3), это — Сын и все сыновство всего отцовства, Сын навсегда и от века, Сын как движение, приведенное в движение Им же...

Это существование всего существования есть, таким образом, Жизнь и поскольку жизнь — это движение, то она получает своего рода женскую потенцию желания давать жизнь. Но поскольку, как показано, это движение (так как оно едино) есть и Жизнь и Мудрость, оно стало Жизнью, обращенной к Мудрости, и чем более обращено оно к отцовскому существованию, тем более — обратным движением — к отцовской потенции и, получив мужское начало, Жизнь, стремясь обратно к Отцу, становится Мужем. Ибо жизнь — это нисхождение, а мудрость — восхождение. Значит и она (жизнь) есть Дух, стало быть, дух — оба: два в одном.

19. Ипатия (370–415). Ее жизнь и смерть

Философ-неоплатоник Ипатия была, помимо прочего, учительницей Синесия (см. ниже) в Александрии, но из ее обширного творческого наследия ничего не сохранилось. Она приняла мученическую смерть, будучи заподозренной в участии в заговоре против епископа Кирилла. Об этом церковный историк Сократ сообщает следующее:

Ἦν τις γυνὴ ἐν τῇ Ἀλεξανδρείᾳ, τοῦνομα Ὑπατία. Αὕτη Θέωνος μὲν τοῦ φιλοσόφου θυγάτηρ ἦν· ἐπὶ τοσοῦτο δὲ προὔβη παιδείας, ὥς ὑπερακοντίσαι τοὺς κατ' αὐτὴν φιλοσόφους, τὴν δὲ Πλατωνικὴν ἀπὸ Πλωτίνου καταγομένην διατριβὴν διαδέξασθαι, καὶ πάντα τὰ φιλόσοφα μαθήματα τοῖς βουλομένοις ἐκτίθεσθαι. Διὸ καὶ οἱ πανταχόθεν φιλοσοφεῖν βουλόμενοι κατέτρεχον παρ' αὐτὴν, διὰ τὴν προσοῦσαν αὐτῇ ἐκ τῆς παιδεύσεως σεμνὴν παρρησίαν. Καὶ τοῖς ἄρχουσι σωφρόνως εἰς πρόσωπον ἤρχετο· καὶ οὐκ ἦν τις αἰσχύνῃ ἐν μέσῳ ἀνδρῶν παρεῖναι αὐτήν. Πάντες γάρ, δι' ὑπερβάλλουσαν σωφροσύνην, πλέον αὐτὴν ἡδοῦντο καὶ κατεπλήττοντο.

Κατὰ δὴ ταύτης τότε ὁ φθόνος ὥπλίστατο. Ἐπεὶ γὰρ συνετύγγανεν συχνότερον Ὁρέστη, διαβολὴν τοῦτ' ἐκίνησε κατ' αὐτῆς παρὰ τῷ τῆς Ἐκκλησίας λαῷ, ὥς ἄρα εἶη αὕτη μὴ συγχωροῦσα τὸν Ὁρέστην εἰς φιλίαν τῷ ἐπισκόπῳ συμβῆναι. Καὶ δὴ συμφωνήσαντες ἄνδρες τὸ φρόνημα ἔνθερμοι, ὧν ἡγεῖτο Πέτρος τις ἀναγνώστης, ἐπιτηροῦσι τὴν ἀνθρωπὸν ἐπανιοῦσαν ἐπὶ οἰκίαν ποθέν, καὶ ἐκ τοῦ δίφρου ἐκβαλόντες, ἐπὶ τὴν ἐκκλησίαν, ἥ ἐπώνυμον Καισάριον, συνέλκουσιν· ἀποδύσαντές τε τὴν ἐσθῆτα ὀστράκοις ἀνείλον. καὶ μεληδὸν διασπάσαντες, ἐπὶ τὸν καλούμενον Κιναρῶνα τὰ μέλη συνάραντες, πυρὶ κατηνάλωσαν.

Ταῦτα οὐ μικρὸν μῶμον Κυρίλλῳ, καὶ τῇ Ἀλεξανδρέων Ἐκκλησίᾳ εἰργάσαντο. Ἀλλότριον γὰρ παντελῶς τῶν φρονούντων τὰ Χριστοῦ φόνοι, καὶ μάχαι, καὶ τὰ τούτοις παραπλήσια.

Ταῦτα πέπρακται τῷ τετάρτῳ ἔτει τῆς Κυρίλλου ἐπισκοπῆς, ἐν ὑπατείᾳ Ὀνωρίου τὸ δέκατον, καὶ Θεοδοσίου τὸ ἕκτον ἐν μηνὶ Μαρτίῳ, νηστείων οὐσῶν.

Имело же это место в четвертый год епископства Кирилла, в десятое консульство Гонория и шестой год правления Феодосия — в марте месяце во время поста.

Была в Александрии некая женщина по имени Ипатия. Была она дочерью философа Теона. Она достигла таких высот в своем образовании, что превзошла современных ей философов. Посвятив себя изучению платонизма, берущего свое начало от Плотина, она начала преподавать философские науки всем желающим. Поэтому и желающие заниматься философией отовсюду стекались к ней, поскольку благодаря образованию она обладала великолепной свободой речи. И, будучи благоразумной, она не боялась представлять перед лицом правителей, и не было никакого позора в том, что она присутствовала среди мужчин. Ибо благодаря ее превосходной учености все обычно почитали ее и восхищались ею.

Тогда-то против нее подняла голову зависть. Ибо поскольку она очень часто встречалась с Орестом, это возбудило клевету церковного люда против нее; говорили, что, вероятно, она была тем человеком, который не позволил Оресту сойтись в дружбе с епископом. И вот, сговорившись и распалившись душой, мужчины под водительством некоего чтеца Петра, с криками подстерегают женщину, которая возвращается откуда-то домой и, сбросив ее с повозки, волокут к церкви, которая называется Кесарий и, сняв с нее одежды, убивают ее глиняными черепками и, расчленив на части ее тело, они, изрыгая проклятья, огнем уничтожают ее останки в месте, которое называется Кинарон.

Это принесло немалый позор Кириллу и Александрийской церкви, ибо убийства, драки и тому подобное совершенно чужды тем, у кого христианский образ мыслей.

И произошло это в четвертый год епископства Кирилла, в десятое консульство Гонория, в шестой год правления Феодосия, в месяце марте, во время поста.

20. Синесий из Кирен (340–413)

Ученик Ипатии, ливиец Синесий был одновременно гуманистом и христианином (будучи епископом в Киренах) и подвергался критике как со стороны «белых клобуков», т. е. софистов, так и «черных клобуков», проповед-

Ἐγὼ δὲ βουλοίμην μὲν ἂν εἶναι τῆς φύσεως ἡμῶν, αἰὲ πρὸς θεωρίαν ἀνατετάσθαι· ἀμυχάνου δὲ ὄντος τε καὶ πεφηνότος βουλοίμην ἂν ἐν τῷ μέρει μὲν ἔχῃ τῶν ἀρίστων, ἐν τῷ μέρει δὲ κατιῶν εἰς τὴν φύσιν, ἅπτεσθαι τίνος εὐφροσύνης καὶ ἐπαλείφειν εὐθυμία τὸν βίον· ἐπίσταμαι γὰρ ἄνθρωπος ὢν, καὶ οὐτε θεός, ἵνα δὴ καὶ ἀκλινὴς εἴην πρὸς ἅπασαν ἡδονήν, οὐτε θηρίον, ἵνα τὰς σώματος ἡδοίμην ἡδονάς. λείπεται δὴ τι τῶν ἐν μέσῳ ζητεῖν.

τί δ' ἂν εἴη πρὸ τῆς ἐν λόγοις τε καὶ περὶ λόγους διατριβῆς; τίς ἡδονὴ καθαρωτέρα; τίς ἀπαθεστέρα προσπάθεια; τίς ἥττον ἐν ὕλῃ; τίς μᾶλλον ἀμόλυντος; ταῦτ' ἡ δὴ πάλιν τὸν Ἑλληνα τοῦ βαρβάρου πρῶτον ἄγω, ¹⁾ καὶ σοφώτερον τίθημι, ὅτι κατιέναι δεῖσαν, ὁ μὲν ἐν γειτόνων ἔσθῃ τὴν πρώτην· εἰς ἐπιστήμην γὰρ ἔσθῃ. ἐπιστήμη δὲ νοῦ διέξοδος· κῆτα εἰς λόγον ἦλθεν ἄλλον ἀπ' ἄλλου, δι' ὧν καὶ προῆλθε. τί δ' ἂν εἴη λόγου νῶν συγγενέστερον; τί δὲ πορθημεῖον ἐπὶ νοῦν οἰκειότερον; ὥς οἶπου λόγος, ἐκεῖ που καὶ νοῦς· εἰ δὲ μή, πάντως τις εἰδησις, ἐν ὑστέροις νόησις οὔσα. καὶ γὰρ ἐνθάδε καλοῦνται τινες θεωρίαι καὶ θεωρήματα ἔργα ἐλάττονος νοῦ, ῥητορικά τε καὶ ποιητικά, καὶ ἐν φύσει καὶ ἐν μαθήμασιν· ἀλλὰ τοι πάντα ταῦτα κοσμεῖ τὸ ὄμμα ἐκεῖνο, καὶ ἀφαιρεῖ τὴν λήμην, καὶ διεγείρει κατὰ βραχὺ προσεθίζοντα τοῖς ὁράμασιν, ὥστε θαρσῆσαι ποτε καὶ πρεσβύτερον θέαμα, καὶ μὴ ταχὺ σκαρδαμύξαι πρὸς ἥλιον ἀτενίσαντα.

οὕτω μὲν ἄνθρωπος Ἑλληνας καὶ οἷς τρυφᾷ τὴν ἐπιβολὴν γυμνάζει, καὶ ἀπὸ τῆς παιδείας εἰς τὴν πρώτην ὑπόθεσιν ὄφελος ἄρνυται. καὶ γὰρ τὸ κρῖναι καὶ συνθεῖναι λόγον ἢ ποιῆσιν, οὐκ ἔξω νοῦ· καὶ τὸ λέξιν καθῆραι τε καὶ ἀποσμιλεῦσαι, καὶ τὸ κεφάλαιον ἐξευρεῖν τε καὶ τάξαι, καὶ ἐτέρου τάξαντος αὐτὸν ἐπιγινῶναι, πῶς ταῦτα καὶ ἀσπούδαστα παίγνια;

ников и монахов (см. Письмо к Ипатии). В сочинении «Дион» он излагает свой философский жизненный идеал своему еще нерожденному сыну. В гуманитарном образовании видит он золотой срединный путь для «эллинов».

Литература как срединный эллинский путь (Дион, гл. 8)

Лично я предпочел бы, чтобы нашей природе было свойственно постоянно тянуться к созерцанию. Но так как случается, что это бывает невозможным, то я предпочел бы частично обнимать высшее, частично же, снисходя к природе, соприкасаться с каким-то счастьем и украшать свою жизнь удовольствием. Ибо я знаю, что я человек, а не бог, чтобы не быть склонным ко всяческому наслаждению, и не зверь, чтобы довольствоваться только телесными радостями. Остается, таким образом, искать что-то из того, что посредине.

Что же тогда может быть предпочтительней, чем занятия тем, что в словах и о словах? Есть ли более чистое наслаждение? Какая страсть более бесстрастна? Какая менее материальна? Какая более незапятнанна? И поэтому тоже эллина я предпочитаю варвару и считаю его мудрее, поскольку, когда нужно было спуститься, он остановился на первой ступеньке: он остановился на науке. А наука есть выход для ума. А затем он перешел от одного *логоса* к другому, благодаря чему и развился. Ибо что роднее уму, нежели *логос*? Какое судно для ума более подходяще? Ибо где *логос*, где-то там и ум; а если нет, то это обязательно — некое знание, представляющее собою мысль более низкого уровня. Именно здесь ведь некими теориями и теоремами называются произведения более низкого ума, как то: риторика, поэтика, и то, что принадлежит естественным наукам и математике. Но все это укрепляет «око», снимает с него пелену и пробуждает понемногу для восприятия видимого, чтобы оно когда-нибудь отважилось на более достойное созерцание и не заморгало, жмурясь на Солнце.

Так, муж-эллин и в беззаботных занятиях упражняется в своем деле и из своих забав получает пользу для своего главного дела. Ибо оценивать и составлять слово, или поэтическое произведение, — занятие не вне ума. Очищать и исправлять речение, выискивать и выстраивать главное, а если его выстроил другой, понимать его, — как это может быть недостойной внимания игрой?

Ο τεχνική литературной композиції. «Φεδρ»

Из письма 15, 4 к Ипатию. Это письмо сопровождало пересылку цитируемого выше сочинения «Дион».

Εἰ δὲ ἕκαστον ἐν τάξει τῇ προσηκούσῃ καὶ πάντα σὺν ὥρᾳ καὶ ἀφορμαὶ δίκαιαι τῶν ἑκασταχοῦ προκεχειρισμένων, καὶ εἰ μερίζεται μὲν πλείοσι κεφαλαίοις κατὰ τὸ θεσπέσιον γράμμα, τὸν Φαῖδρον, ὃν περὶ πάντων ὁμοῦ τῶν εἰδῶν τοῦ καλοῦ Πλάτων ἐξήνεγκε, μεμηχάνηται δὲ ἅπαντα συννεύειν ἐφ' ἓν τὸ προκείμενον, καὶ εἴ που γέγονε πίστις ὑφέρπουσα τὸ ὑπτιάσαν διήγημα, καὶ εἰ προῆλθεν ὥς ἐν τοιούτοις ἀπόδειξις ἐκ τῆς πίστεως καὶ εἰ τὸ δι' ἄλλο γενόμενον, ταῦτα μὲν τέχνης ἂν εἴη δῶρα καὶ φύσεως.

Ὅστις δὲ οὐκ ἀγύμναστος ἐπιφωρᾶσαί τι καὶ πρόσωπον θεῖον ὑπὸ φαυλοτέρῳ κρυπτόμενον σχήματι, ὥσπερ ἐποιοῦν Ἀθήνησιν οἱ δημιουργοί, Ἀφροδίτην καὶ Χάριτας καὶ τοιαῦτα κάλλη θεῶν ἀγάλμασι Σειληνῶν καὶ Σατύρων ἀμπίσχοντες, τοῦτον οὐ λήσεται τὸ γράμμα, συχνὰ καὶ τῶν ἀβεβήλων ἀποκαλύψαν δογμάτων ὑπὸ τῇ προσποιήσῃ τοῦ παρέλκειν ἑτέροις λανθάνοντα καὶ τὸ λίαν εἰκῇ καὶ ὥς ἂν δόξειεν ἀφελῶς ἐγκατεσπάρθαι τῷ λόγῳ. τῶν μὲν γὰρ ἐκ τῆς σεληνιακῆς αἰτίας ἀποψύξεων οἱ νοσοῦντες ἐπιληψίαν αἰσθάνονται μόνοι, τῶν δὲ κατὰ νοῦν ἐπιβολῶν μόνοι δέχονται τὰς ἐκλάμψεις, οἷς ὑγιαίνουσι τὸ νοερὸν ὅμμα φῶς ἀνάπτει συγγενὲς ὁ θεός, ὃ τοῖς τε νοεροῖς τοῦ νοεῖν καὶ τοῖς νοητοῖς αἴτιος τοῦ νοεῖσθαι· καθάπερ τὸ τῆδε φῶς ὅψιν συνάπτει χρώματι, κἂν ἀφέλῃς, παρόντος ἢ πρὸς αὐτὸ δύναμις ἀνενέργητος.

Если каждая деталь — на надлежащем месте, и все в свое время, и представлены истинные точки опоры поднятых при случае вопросов; и если произведение делится на многие главы по образцу божественного «Федра», в котором Платон, говоря об одном, охватил все виды прекрасного (на самом деле, ему удалось сделать так, чтобы все в ткани его повествовании сводилось к одному); и если в дальнейшем то, что незаметно возникло из правдивого рассказа, оказалось достоверным, и если, как бывает в таких случаях, из достоверности выросло доказательство, или если это произошло по какой-то другой причине, то это будет даром искусства и природы.

Тот, кто не лишен навыка в обнаружении прекрасного и даже божественного лика, скрытого под самым непритязательным внешним видом, — так делали художники в Афинах, скрывая Афродиту, Харит и подобных им божественных красавиц за окружением из статуй Силен и Сатиров, — от того не укроется, что мое сочинение выявило и многие священные догмы, скрытые под обманчивой личной будто бы отхода в сторону от основной ткани, и что оно будто бы совершенно случайно и, как представляется, беспорядочно усеяно разъяснениями. Только те, кто страдает эпилепсией, чувствуют успокаивающее влияние Луны; только те воспринимают свет умственных лучей разума, чье умственное око здорово и в ком божество может возжечь родственный себе свет, который для способностей ума — залог умопостижения, а для умопостигаемых предметов — залог того, что они будут постигнуты, подобно тому, как свет здесь, на земле, привязывает зрение к цвету, но если удалить свет, то свойственная зрению способность, хоть и сохранится, однако же станет бездейственной.

21. Прокл (ок. 410–485)

Один из последних блестяще образованных руководителей Академии в Афинах (которая была закрыта императором Юстинианом в 529 г.). Свою философию он строит на учении Плотина об эманации со всеми ее стадиями: Единое, Ум, Душа, Тело.

Его важнейшее философское произведение, «Элементы теологии», подобно «Этике» Спинозы, построено *more geometrico*. Кольридж говорит о Прокле, что он — прототип мыслителя, строящего интеллектуальный универсум с помощью исключительно интеллектуальных кирпичей («идей»).

Гимн неведомому Богу

Этот греческий гимн создан неоплатоником периода поздней античности и скорее всего Проклом. Некоторое время его приписывали отцу Церкви Григорию Назианзину, но современные исследования (А. Jahn) показали, что автор, должно быть, происходил из нехристианской среды. Нельзя прямо сказать, что гимн не соответствует языку тогдашних христиан, который был пронизан неоплатонистскими формулировками, но он слишком близок и «жидковат», чтобы богослов уровня Григория мог довольствоваться им. С другой стороны, его идейное содержание восходит к философии Прокла, в особенности, к его сочинению «Theologia platónica», и имеется современное ему указание (у Олимпиодора) на то, что автором был неоплатоник.

Ὡ πάντων ἐπέκεινα! τί γὰρ θέμις ἄλλο σε μέλπειν;
 πῶς λόγος ὑμνήσει σε; σὺ γὰρ λόγῳ οὐδενὶ ῥητός.
 πῶς νόος ἀθρήσει σε; σὺ γὰρ νόῳ οὐδενὶ ληπτός.
 μοῦνος ἔῶν ἀφραστός· ἐπεὶ τέκες ὅσα λαλεῖται.
 μοῦνος ἔῶν ἀγνώστος· ἐπεὶ τέκες ὅσα νοεῖται.
 πάντα σε καὶ λαλέοντα καὶ οὐ λαλέοντα λιγαίνει.
 πάντα σε καὶ νοέοντα καὶ οὐ νοέοντα γεραίρει.
 ξυνοὶ γὰρ τε πόθοι, ξυναὶ δ' ὥδινες ἀπάντων
 ἀμφὶ σέ· σοὶ δὲ τὰ πάντα προσεύχεται· εἰς σέ δὲ πάντα
 σύνθεμα σὸν νοέοντα λαλεῖ σιγώμενον ὕμνον.
 σοὶ ἐνὶ πάντα μένει· σοὶ δ' ἀθρόα πάντα θοάζει.
 καὶ πάντων τέλος ἐσσί, καὶ εἷς, καὶ πάντα καὶ οὐδεὶς,
 οὐχ ἔν ἑῶν, οὐ πάντα· πανώνυμε, πῶς σε καλέσω,
 τὸν μόνον ἀκλήϊστον; ὑπερνεφέας δὲ καλύπτρας
 τίς γόος οὐρανίδης εἰσδύσεται; ἴλαος εἷης,
 ὦ πάντων ἐπέκεινα· τί γὰρ θέμις ἄλλο σε μέλπειν!

Прокл приобрел — не в последнюю очередь благодаря своему воздействию на Дионисия Ареопагита — большое влияние на спекулятивную философию всех последующих веков.

Образы гегелевских триад, например, несут на себе отпечаток философии Прокла. У Прокла — как и вообще у современных ему неоплатоников — находят большую склонность к мистификации (ср. образ мистика Максима в драме Ибсена «Цезарь и Галилеянин»). Это способствовало тому, что в настоящее время философии Прокла сопутствует необратимо дурная слава.

Гимн подчеркивает — в духе Прокла — трансцендентность Бога, или Единого («О, Запредельный!»), основываясь на платоновском выражении трансцендентности в VI книге «Государства». Платон — по трактовке Прокла — соединяет его со своим учением о Едином в диалоге «Парменид». Гимн — и все позднейшие споры об его авторстве — лучше многих речей показывает, насколько близко неоплатонизм и христианство подошли друг к другу в поздней античности. И разделял их только и единственно опыт того, что «Слово стало плотью» (ср. Августин).

О Ты, Кто за пределами всего (как смеем мы назвать Тебя иначе?)!
Как словом восхвалить Тебя? — ведь нет такого, чтоб Тебя
вместило, Тебя,
Кого назвать не можем, хоть Ты и создал все, что называться может.
Как мыслию Тебя объять? — ведь нет такой, чтобы Тебя постигла,
Тебя, единого, неведомого нам, хотя и создал Ты все знакомое нами.
Все говорящее и все немое взывает лишь к Тебе.
Все, что помыслить может и не может, Тебя лишь славит.
Все чаянья, надежды и желанья устремлены к Тебе,
И все, что только есть, Тебе приносят и к Тебе возносят.
И, понимая знаменья Твои, Тебя безмолвно славословят.
Все сущее — в Тебе, вокруг Тебя всяк путь свой совершает,
к Тебе стремится все, поскольку Ты один — причина
и единичного и общего всего,
не будучи ни единичным, ни всеобщим. О, именуемый
столь разное, как называть Тебя, Тебя, единого, Кто безымянен?
Кого же из небесных духов скрывает лучезарный Твой покров?
Будь милостив, о, Запредельный (как смеем мы назвать
Тебя иначе?)!

Единое, ум и душа (Элементы теологии, 20)

Πάντων σωμάτων ἐπέκεινά ἐστιν ἡ ψυχῆς οὐσία, καὶ πασῶν ψυχῶν ἐπέκεινα ἡ νοερά φύσις, καὶ πασῶν τῶν νοερῶν ὑποστάσεων ἐπέκεινα τὸ ἓν.

Πᾶν γὰρ σῶμα κινητόν ἐστιν ὑφ' ἐτέρου, κινεῖν δὲ ἑαυτὸ οὐ πέφυκεν, ἀλλὰ ψυχῆς μετουσίᾳ κινεῖται ἐξ ἑαυτοῦ, καὶ ζῇ διὰ ψυχὴν· καὶ παρούσης μὲν ψυχῆς αὐτοκίνητον πῶς ἐστιν, ἀπούσης δὲ ἑτεροκίνητον, ὥς ταύτην ἔχον καθ' αὐτὸ τὴν φύσιν, καὶ ὥς ψυχῆς τὴν αὐτοκίνητον οὐσίαν λαχούσης. ᾧ γὰρ ἂν παραγένηται, τούτῳ μεταδίδωσιν αὐτοκινησίας· οὐ δὲ μεταδίδωσιν αὐτῷ τῷ εἶναι, τοῦτο πολλῷ πρότερον αὕτῃ ἐστιν. ἐπέκεινα ἄρα σωμάτων ἐστίν, ὥς αὐτοκίνητος κατ' οὐσίαν, τῶν κατὰ μέθεξιν αὐτοκινήτων γινομένων.

Πάλιν δὲ ἡ ψυχὴ κινουμένη ὑφ' ἑαυτῆς δευτέραν ἔχει τάξιν τῆς ἀκινήτου φύσεως καὶ κατ' ἐνέργειαν ἀκινήτου ὑφεστώσης· διότι πάντων μὲν τῶν κινουμένων ἡγεῖται τὸ αὐτοκίνητον, πάντων δὲ τῶν κινούντων τὸ ἀκίνητον. εἰ οὖν ἡ ψυχὴ κινουμένη ὑφ' ἑαυτῆς τὰ ἄλλα κινεῖ, δεῖ πρὸ αὐτῆς εἶναι τὸ ἀκινήτως κινοῦν. νοῦς δὲ κινεῖ ἀκίνητος ὧν καὶ αἰεὶ κατὰ τὰ αὐτὰ ἐνεργῶν. καὶ γὰρ ἡ ψυχὴ διὰ νοῦν μετέχει τοῦ αἰεὶ νοεῖν, ὥσπερ σῶμα διὰ ψυχὴν τοῦ ἑαυτὸ κινεῖν. εἰ γὰρ ἦν ἐν ψυχῇ τὸ αἰεὶ νοεῖν πρῶτως, πάσαις ἂν ὑπῆρχε ψυχαῖς, ὥσπερ καὶ τὸ ἑαυτὴν κινεῖν. οὐκ ἄρα ψυχῇ τοῦτο ὑπάρχει πρῶτως· δεῖ ἄρα πρὸ αὐτῆς εἶναι τὸ πρῶτως νοητικόν· πρὸ τῶν ψυχῶν ἄρα ὁ νοῦς.

Ἀλλὰ μὴν καὶ πρὸ τοῦ νοῦ τὸ ἓν. νοῦς γὰρ εἰ καὶ ἀκίνητος, ἀλλ' οὐχ ἓν· νοεῖ γὰρ ἑαυτὸν καὶ ἐνεργεῖ περὶ ἑαυτόν. καὶ τοῦ μὲν ἐνὸς πάντα μετέχει τὰ ὁπωσοῦν ὄντα, νοῦ δὲ οὐ πάντα· οἷς γὰρ ἂν παρῇ νοῦ μετουσίᾳ, ταῦτα γνώσεως ἀνάγκη μετέχειν, διότι ἡ νοερά γνώσις ἐστιν ἀρχὴ καὶ αἰτία πρώτη τοῦ γινώσκειν. ἐπέκεινα ἄρα τὸ ἓν τοῦ νοῦ.

Καὶ οὐκέτι τοῦ ἐνὸς ἄλλο ἐπέκεινα. ταῦτόν γὰρ ἐν καὶ τάγαθόν· ἀρχὴ ἄρα πάντων, ὥς δέδεικται.

Выше всех тел — сущность души, выше всех душ — мыслительная природа, выше всех мыслительных субстанций — единое.

В самом деле, всякое тело подвижно другим, ведь по своей природе оно само себя не может двигать, но благодаря общению с душой движется само собой и живет благодаря душе, и при наличии души оно в некотором смысле самодвижно, а при отсутствии души оно подвижно иным, поскольку такова его природа сама по себе, душа же получила в удел самодвижную сущность. В чем она будет присутствовать, тому и передает она самодвижность. И сама она гораздо раньше того, что она уделяет своим бытием. Следовательно, она, как самодвижная по своей сущности, выше тел, становящихся самодвижными [только] по причастности.

В свою очередь, движущая сама по себе душа занимает вторичный разряд неподвижной природы, остающейся неподвижной и по энергии. Вследствие этого всякому движущемуся предшествует самодвижное, а всякому движущему — неподвижное. Поэтому, если душа, движущаяся сама собой, движет другое, то необходимо, чтобы до нее существовало неподвижно движущее. Именно ум и движет, будучи неподвижным и всегда действуя одинаково. А душа через ум причастна постоянству мышления, подобно тому как тело через душу причастно самодвижности. В самом деле, если бы постоянство мышления было в душе первично, то она было бы присуще всем душам, как и ее самодвижность. Следовательно, оно не присуще душе первично. Поэтому необходимо, чтобы до нее существовало первично мыслящее, а, следовательно, до душ — ум.

Однако поистине и уму предшествует единое, поскольку ум, хотя и неподвижен, но не есть единое. Действительно, он мыслит себя и есть предмет собственного действия, а единому причастно всякое сущее, уму же не все. Ведь то, в чем наличествует общение с умом, должно быть причастно знанию. Поэтому мыслительное знание есть начало и первичная причина познания. Следовательно, единое выше ума; и уже нет ничего другого выше единого, ибо единое и благо тождественны, а благо, как доказано, есть начало всего.

Пер. А. Ф. Лосева

22. АВГУСТИН (354–430)

Переход от античности к средневековью, от религиозной мысли к мыслящей вере, происходил постепенно и в то же время скачком. Постепенно — по мере того как мысль, проходя через платонизм, становилась всеобщим достоянием, «убивая» самое себя. Скачком — поскольку вера сделала фактом абсолютного знания историческое событие явления Бога в Иисусе Христе.

Большую роль в осознании этого перехода на Западе сыграла фигура латинянина Августина (хотя на восточное христианство он не оказал никакого особого влияния). Он происходил из Северной Африки (совр. Алжир) и образование получил в школе риторики в Карфагене. На своем пути к христианству, описанном в его классической «Исповеди», он поэтапно проходит все основные стадии пестрой позднеантичной духовной жизни, включая и цицероновский гуманизм, и гностическое манихейство, и академический скепсис, и, наконец, неоплатонизм Плотина и Порфирия, чьи духовные откровения освободили его от приверженности как к скепсису, так и к гнозису. Слово, Логос, существовало и действовало для него в соответствии с платоновской мыслью.

Et primo volens ostendere mihi, quam resistas superbis, humilibus autem des gratiam, et quanta misericordia tua demonstrata sit hominibus via humilitatis, quod verbum caro factum est et habitavit inter homines: procurasti mihi per quendam hominem, inmanissimo typho turgidum, quosdam Platoniorum libros ex graeca lingua in latinum versos.

Et ibi legi non quidem his verbis, sed hoc idem omnino multis et multiplicibus suaderi rationibus, quod in principio erat verbum et verbum erat apud deum et deus erat verbum: hoc erat in principio apud deum; omnia per ipsum facta sunt, et sine ipso factum est nihil; quod factum est, in eo vita est, et vita erat lux hominum; et lux in tenebris lucet, et tenebrae eam non comprehenderunt; et quia hominis anima, quamvis testimonium perhibeat de lumine, non est tamen ipsa lumen, sed verbum, deus ipse, est lumen verum, quod inluminat omnem hominem venientem in hunc mundum; et quia in hoc mundo erat, et mundus per eum factus est, et mundus eum non cognovit.

Quia vero in sua propria venit et sui eum non receperunt, quotquot autem receperunt eum, dedit eis potestatem filios dei fieri, credentibus in nomine eius, non ibi legi.

Item legi ibi, quia verbum, deus non ex carne, non ex sanguine, neque ex voluntate viri, neque ex voluntate carnis, sed ex deo natus est; sed quia verbum caro factus est et habitavit in nobis, non ibi legi.

Но — и в этом-то и заключался «скачок» — платоники ничего не говорили о том, что «Слово стало плотью и обитало с нами». Их «демоны», подчеркивает Августин, в лучшем случае соответствуют христианским «вестникам», ангелам (а в худшем — демонам или чертям). Но Слово, ставшее плотью в Иисусе Христе, изошло не из общего ангельского царства света, но от Отца, Который по ту сторону и этого царства тоже, то есть Оно изошло от Того, Кто для Платона был Единым.

Платоник Августин стал, таким образом, тем, кого называют «богословом Воплощения». В моменте Воплощения он увидел разделяющую черту между временем и вечностью, *punc stans*, остановившееся настоящее. Его представление об этом является жемчужиной нашей философской литературы. В соответствии с этим он разработал собственную историко-философскую концепцию — сочинение *De Civitate Dei* («О Граде Божьем»). Из него нами взят небольшой отрывок о духе согласия, *concordia*. Мы не включили сюда его чисто богословское произведение *De Trinitate* («О Троичности»). О его проблематике см. далее (Отцы-каппадокийцы, в частности, Василий Великий, ср. также Марий Викторин).

Слово стало плотью (Исповедь, VII, 9)

И прежде всего Ты пожелал показать мне, как «Ты противишься гордым, смиренным же даешь благодать» и как Ты милосерд, явив людям путь смирения, ибо «Слово стало плотью и обитало среди людей». Ты доставил мне через одного человека, надутого чудовищной гордостью, некоторые книги платоников, переведенные с греческого на латинский.

Я прочитал там, не в тех же, правда, словах, но то же самое со множеством разнообразных доказательств, убеждающих в том же самом, а именно: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Человеческая же душа хотя и свидетельствует о свете, но сама не есть свет; Слово, Бог, — вот «истинный Свет, просвещающий всякого человека, приходящего в этот мир», и был Он в «этом мире, и мир Им создан, и мир Его не познал» (ср. *Ин. 1, 1–11*). Того же, что Он пришел в Свое имение, и Свои Его не приняли, а тем, кто Его принял, верующим во Имя Его, дал власть быть «чадами Божиими» (ср. *Ин. 12*), — этого я там не прочел.

Также прочел я там, что Слово, Бог, родилось «не от плоти, не от крови, не от хотения мужа, не от хотения плоти», а от Бога, но что «Слово стало плотью и обитало вместе с нами» (ср. *Ин. 1, 13–14*) — этого я там не прочел.

Indagavi quippe in illis litteris varie dictum et in multis modis, quod sit filius in forma patris non rapinam arbitratus esse aequalis deo, quia naturaliter id ipsum est: sed quia semet ipsum exinanivit formam servi accipiens, in similitudinem hominum factus et habitu inventus ut homo, humiliavit se factus oboediens usque ad mortem, mortem autem crucis. Propter quod deus eum exaltavit a mortuis, et donavit ei nomen, quod est super omne nomen, ut in nomine Iesu omne genu flectatur caelestium, terrestrium et infernorum et omnis lingua confiteatur, quia dominus Iesus in gloria est dei patris, non habent illi libri.

Quod autem ante omnia tempora et supra omnia tempora inconmutabiliter manet unigenitus filius tuus, coaeternus tibi, et quia de plenitudine eius accipiunt animae, ut beatae sint, et quia participatione manentis in se sapientiae renovantur, ut sapientes sint, est ibi; quod autem secundum tempus pro impiis mortuus est, et filio unico tuo non pepercisti, sed pro nobis omnibus tradidisti eum, non est ibi. abscondisti enim haec a sapientibus et revelasti ea parvulis, ut venirent ad eum laborantes et onerati et reficeret eos, quoniam mitis est et humilis corde, et dirigit mites in iudicio, et docet mansuetos vias suas, videns humilitatem nostram et laborem nostrum et dimittens omnia peccata nostra. qui autem cothurno tamquam doctrinae sublimioris elati non audiunt dicentem: Discite a me, quoniam mitis sum et humilis corde, et invenietis requiem animabus vestris, et si cognoscunt deum, non sicut deum glorificant, aut gratias agunt, sed evanescent in cogitationibus suis, et obscuratur insipiens cor eorum; dicentes se esse sapientes stulti fiunt.

Et ideo legebam ibi etiam inmutatam gloriam incorruptionis tuae in idola et varia simulcra, in similitudinem imaginis corruptibilis hominis et volucrum et quadrupedum et serpentium, videlicet Aegyptium cibum, quo Esau perdidit primogenita sua, quoniam caput quadrupedis pro te honoravit populus primogenitus, conversus corde in Aegyptum et curvans imaginem tuam, animam suam, ante imaginem vituli manducantis faenum. inveni haec ibi et non manducavi. placuit enim tibi, domine, auferre opprobrium diminutionis ab Iacob, ut maior serviret minori, et vocasti gentes in hereditatem tuam. et ego ad te veneram ex gentibus; et intendi in aurum, quod ab Aegypto voluisti ut auferret populus tuus, quoniam tuum erat, ubicumque erat.

Et dixisti Atheniensibus per apostolum tuum, quod in te vivimus et movemur et sumus, sicut et quidam secundum eos dixerunt, et utique inde erant illi libri. et non adtendi in idola Aegyptiorum, quibus de auro tuo ministrabant, qui transmutaverunt veritatem dei in mendacium, et coluerunt et servierunt creaturae potius quam creatori.

Я выискал, что в этих книгах на всякие лады и по-разному сказано, что Сын, обладая свойствами Отца, не полагал Себя самозванцем, считая Себя равным Богу; Он ведь по природе Своей и есть Бог. Но что Он «уничтожил Себя, приняв образ раба, уподобившись людям и став по виду как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти и смерти крестной, — посему Бог и превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (ср. *Флп. 2, 6–11*) — этого в этих книгах нет.

Что раньше всех времен и над всеми временами неизменно пребывает Единородный Сын Твой, извечный, как и Ты, и что «от полноты Его» приемлют души блаженство, и причастием мудрости, в нем пребывающей, обновляются и умудряются — это там есть, но что «в определенное время умер Он за нечестивых, и Ты Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас» (*Рим. 8, 32*) — этого там нет. «Ты утаил это от мудрых и разумных и открыл младенцам», чтобы пришли к Нему «труждающиеся и обремененные» и Он успокоил бы их, потому что «кроток и смирен сердцем» и «направляет кротких по пути справедливости и научает покорных путям Своим», видя смирение наше и труд наш и «отпуская все грехи наши». Они же, поднявшись на котурны будто бы более высокой науки, не слышат говорящего: «научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (ср. *Мф. 11, 8–29*). Хотя они и знают Бога, но «не прославляют Его, как Бога, и не благодарят Его; суетны помышления их и омрачилось несмысленное сердце их; называя себя мудрыми, оказались глупыми» (ср. *Рим. 1, 21–22*).

И поэтому прочитал я там, что приписали «Твою нетленную славу» идолам и различным изображениям, «подобиям глениго человека, птиц, четвероногих и змей». Вот египетская пища, ради которой Исава потерял первородство свое, ибо народ, первенец Твой, «обратившись сердцем к Египту», вместо Тебя чтит четвероногое и склонял образ Твой, душу свою, перед образом «теленка, жующего сено». Я нашел эту пищу там и не стал ее жевать. Угодно Тебе было, Господи, младшего Иакова не умалить: «пусть старший служит младшему», и Ты призвал язычников в наследство Свое. И я пришел к Тебе от язычников и устремился к золоту, которое по воле Твоей унес из Египта народ Твой, ибо где бы оно ни было, оно было Твоим. И через апостола Своего сказал Ты афинянам, что «мы Тобой живем и движемся и существуем» (ср. *Деян. 17, 28*), как говорили и некоторые их единоплеменники. Оттуда же во всяком случае были и те книги. Я не потянулся к египетским идолам, которым они служили Твоим золотом: «заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца».

Пер. М. Е. Сергиенко

О вечности и времени (Исповедь, XI, 10–31)

Последние три-четыре книги из большого исповедального сочинения Августина часто опускаются в современных изданиях, так как они уже не носят автобиографического характера, а являются богословско-философскими. Однако в них есть текстовое единство, которое, возможно, является вершиной философского творчества Августина. Можно сказать, что богословская идея «вечности» и идея «времени», которые идут рука об руку, наложили отпечаток на все западное мировоззрение, и влияние это продол-

10. Nonne ecce pleni sunt vetustatis suae qui nobis dicunt: quid faciebat deus, antequam faceret caelum et terram? si enim vacabat, inquirunt, et non operabatur aliquid, cur non sic semper et deinceps, quemadmodum retro semper cessavit ab opere? si enim ullus motus in deo novus extitit et voluntas nova, ut creaturam conderet, quam numquam ante condiderat, quomodo iam vera aeternitas, ubi oritur voluntas, quae non erat? neque enim voluntas dei creatura est, sed ante creaturam, quia non crearetur aliquid, nisi creatoris voluntas praecederet. ad ipsam ergo dei substantiam pertinet voluntas eius. quod si exortum est aliquid in dei substantia, quod prius non erat, non veraciter dicitur aeterna ille substantia; si autem dei voluntas sempiterna erat, ut esset creatura, cur non sempiterna et creatura?

11. Qui haec dicunt, nondum te intellegunt, o sapientia dei, lux mentium, nondum intellegunt, quomodo fiant, quae per te atque in te fiunt, et conantur aeterna sapere, sed adhuc in praeteritis et futuris rerum motibus cor eorum volitat et adhuc vanum est. quis tenebit illud et figet illud, ut paululum stet et paululum rapiat splendorem semper stantis aeternitatis et comparet cum temporibus numquam stantibus et videat esse incomparabilem et videat longum tempus nisi ex multis praetereuntibus motibus, qui simul extendi non possunt, longum non fieri; non autem praeterire quicquam in aeterno, sed totum esse praesens; nullum vero tempus totum esse praesens: et videat omne praeteritum propelli ex futuro et omne futurum ex praeterito consequi et omne praeteritum ac futurum ab eo, quod semper est praesens, creari et excurrere? quis tenebit cor hominis, ut stet et videat, quomodo stans dictet futura et praeterita tempora nec futura nec praeterita aeternitas? numquid manus mea valet hoc aut manus oris mei per loquellas agit tam grandem rem?

жается и в наши дни. Августин обосновывает здесь философию сознания, которая сказала на всем последующем идеалистическом мышлении (Кузанский — Декарт — Беркли — Кант — Фихте — Бергсон и т. д.). Именно окончание большого произведения исповедального характера, ткань которого пронизана воспоминаниями, естественным для Августина образом отчеканило сделавшееся историческим признание: «В тебе, душа моя, изменяю я свои времена».

10. Разве не обетшали разумом те, кто спрашивает нас: «что делал Бог до того, как создал небо и землю? Если Он ничем не был занят, — говорят они, — и ни над чем не трудился, почему на все время и впредь не остался Он в состоянии покоя, в каком все время пребывал и раньше? Если же у Бога возникает новое деятельное желание создать существо, которое никогда раньше Им создано не было, то что же это за вечность, в которой рождается желание, раньше не бывшее? Воля ведь присуща Богу до начала творения: ничто не могло быть сотворено, если бы воля Творца не существовала раньше сотворенного. Воля Бога принадлежит к самой субстанции Его. И если в божественной субстанции родилось то, чего в ней не было раньше, то субстанция эта по справедливости не может быть названа вечной; если вечной была воля Бога творить, почему не вечно Его творение?»

11. Те, кто говорит так, еще не понимают Тебя, Премудрость Божия, просвещающая умы, еще не понимают, каким образом возникло то, что возникло через Тебя и в Тебе. Они пытаются понять сущность вечного, но до сих пор в потоке времени носится их сердце и до сих пор оно суетно. Кто удержал бы и остановил бы его на месте: пусть минуту стоит неподвижно, пусть поймает отблеск всегда недвижимой сияющей вечности, пусть сравнит ее и время, никогда не останавливающееся. Пусть оно увидит, что они несравнимы: пусть увидит, что длительное время делает длительным множество преходящих мгновений, которые не могут не сменять одно другое; в вечности ничто не преходит, но пребывает как настоящее во всей полноте; время, как настоящее, в полноте своей пребывать не может. Пусть увидит, что все прошлое вытеснено будущим, все будущее следует за прошлым, и все прошлое и будущее создано Тем, Кто всегда пребывает, и от Него исходит. Кто удержал бы человеческое сердце: пусть стоит недвижно и увидит, как недвижимая пребывающая вечность, не знающая ни прошедшего, ни будущего, указывает времени быть

12. Ecce respondeo dicenti: „Quid faciebat deus, antequam faceret caelum et terram?“

Respondeo non illud, quod quidam respondisse perhibetur ioculariter eludens quaestionis violentiam: «alta», inquit, «scrutantibus gehennas parabat». aliud est videre, aliud ridere. haec non respondeo. libentius enim responderim: «nescio, quod nescio» quam illud, unde irridetur qui alta interrogavit et laudatur qui falsa respondit.

Sed dico te, deus noster, omnis creaturae creatorem et, si caeli et terrae nomine omnis creatura intellegitur, audenter dico: antequam faceret deus caelum et terram, non faciebat aliquid. si enim faciebat, quid nisi creaturam faciebat?

Et utinam sic sciam, quidquid utiliter scire cupio, quemadmodum scio, quod nulla fiebat creatura, antequam fieret ulla creatura.

13. At si cuiusquam volatilis sensus vagatur per imagines retro temporum et te, deum omnipotentem et omnireantem et omnitenentem, caeli et terrae artificem, ab opere tanto, antequam id faceres, per innumerabilia saecula cessasse miratur, evigilet atque adtendat, quia falsa miratur.

Nam unde poterant innumerabilia saecula praeterire, quae ipse non feceras, cum sis omnium saeculorum auctor et conditor? aut quae tempora fuissent, quae abs te condita non essent? aut quomodo praeterirent, si numquam fuissent? cum ergo sis operator omnium temporum, si fuit aliquod tempus, antequam faceres caelum et terram, cur dicitur, quod ab opere cessabas? id ipsum enim tempus tu feceras, nec praeterire potuerunt tempora, antequam faceres tempora. si autem ante caelum et terram nullum erat tempus, cur quaeritur, quid tunc faciebas? non enim erat tunc, ubi non erat tempus.

Nec tu tempore tempora praecedis: alioquin non omnia tempora praecederes. sed praecedis omnia praeterita celsitudine semper praesentis aeternitatis et superas omnia futura, quia illa futura sunt, et cum venerint, praeterita erunt; tu autem idem ipse es, et anni tui non deficient.

Anni tui nec eunt nec veniunt: isti enim nostri eunt et veniunt, ut omnes veniant. anni tui omnes simul stant, quoniam stant, nec euntes a venientibus excluduntur, quia non transeunt: isti autem nostri omnes erunt, cum omnes non erunt. anni tui dies unus, et dies tuus non cotidie, sed hodie, quia hodiernus tuus non cedit crastino; neque enim succedit hesterno. hodiernus tuus aeternitas: ideo coaeternum genuisti, cui dixisti: ego hodie genui te.

Omnia tempora tu fecisti et ante omnia tempora tu es, nec aliquo tempore non erat tempus.

прошедшим и будущим. Есть ли в руке моей сила описать; может ли язык мой поведать о столь великом?

12. Вот мой ответ спрашивающему: «что делал Бог до сотворения неба и земли?» Я отвечаю не так, как, говорят, ответил кто-то, уклоняясь шуткой от настойчивого вопроса: «приготавлиал преисподнюю для тех, кто допытывается о высоком». Одно — понять, другое — осмелеть. Так я не отвечаю. Я охотнее ответил бы: «я не знаю того, чего не знаю», но не подал бы повода осмеять человека, спросившего о высоком, и похвалить ответившего ложью. Я называю Тебя, Боже наш, Творцом всего творения, и если под именем неба и земли разумеется все сотворенное, я смело говорю: до создания неба и земли Бог ничего не делал. Делать ведь для Него означало творить. Если бы я знал так же все, что хочу знать на пользу себе, как знаю, что не было ничего сотворенного до того, как было сотворено!

13. И если чей-то легкомысленный ум скитается среди образов давних времен и удивляется, почему Ты, Господи, Всемогуший, все создавший и все содержащий, Мастер, создавший небо и землю, не приступил к такому великому делу в течение бесчисленных веков, то пусть он пробудится и поймет, что удивление его напрасно.

Как могли пройти бесчисленные века, если они не были еще созданы Тобой, Творцом и Учредителем всех веков? Было разве время, Тобой не учрежденное? И как могло оно пройти, если его вовсе и не было? А как делатель всякого времени — Ты, то если до сотворения неба и земли было какое-то время, то почему можно говорить, что Ты пребывал в бездействии (*ср. Быт. 2, 3*)? Это самое время создал Ты, и не могло проходить время, пока Ты не создал времени. Если же раньше неба и земли вовсе не было времени, зачем спрашивать, что Ты делал тогда? Когда не было времени, не было и «тогда».

Ты не во времени был раньше времен, иначе Ты не был бы раньше всех времен. Ты был раньше всего прошлого на высотах всегда пребывающей вечности, и Ты возвышаешься над всем будущим: оно будет и, придя, пройдет. «Ты же всегда — тот же, и годы Твои не кончаются» (*ср. Пс. 102, 8*). Годы Твои не приходят и не уходят, а наши, чтобы прийти им всем, приходят и уходят. Все годы Твои одновременны и недвижимы: они стоят; приходящие не вытесняют идущих, ибо они не проходят; наши годы исполнятся тогда, когда их вовсе не будет. «Годы Твои как один день», и день этот наступает ежедневно, а сегодня, ибо Твой сегодняшний день не уступает места завтрашнему и не сменяет вчерашнего. Сегодняшний день Твой — это вечность, поэтому вечен, как и Ты, Сын Твой, Которому Ты сказал: «сегодня Я породил Тебя» (*ср. Пс. 2, 7*). Всякое время создал Ты, и не было времени, когда времени вовсе не было.

Не было времени, когда бы Ты не создавал чего-нибудь; ведь создатель самого времени Ты. Нет времени вечного, как Ты, ибо Ты пребываешь, а если бы время пребывало, оно не было бы временем.

14. Nullo ergo tempore non feceras aliquid, quia ipsum tempus tu feceras. et nulla tempora tibi coaeterna sunt, quia tu permanes; at illa si permanerent, non essent tempora. quid est enim tempus? quis hoc facile breviterque explicaverit? quis hoc ad verbum de illo proferendum vel cogitatione comprehenderit? quid autem familiarius et notius in loquendo commemoramus quam tempus? et intellegimus utique, cum id loquimur, intellegimus etiam, cum alio loquente id audimus. quid est ergo tempus? si nemo ex me quaerat, scio; si quaerenti explicare velim, nescio:

Fidenter tamen dico scire me, quod, si nihil praeteriret, non esset praeteritum tempus, et si nihil adveniret, non esset futurum tempus, et si nihil esset, non esset praesens tempus. duo ergo illa tempora, praeteritum et futurum, quomodo sunt, quando et praeteritum iam non est et futurum nondum est? praesens autem si semper esset praesens nec in praeteritum transiret, non iam esset tempus, sed aeternitas.

15. Et tamen dicimus longum tempus et breve tempus, neque hoc nisi de praeterito aut futuro dicimus. praeteritum tempus longum verbi gratia vocamus ante centum annos, futurum itidem longum post centum annos, breve autem praeteritum sic, ut puta dicamus ante decem dies, et breve futurum post decem dies. sed quo pacto longum est aut breve, quod non est? praeteritum enim iam non est et futurum nondum est non itaque dicamus: longum est, sed dicamus de praeterito: longum fuit, et de futuro: longum erit.

Domine meus, lux mea, nonne et hic veritas tua deridebit hominem? quod enim longum fuit praeteritum tempus, cum iam esset praeteritum, longum fuit, an cum adhuc praesens esset? tunc enim poterat esse longum, quando erat, quod esset longum: praeteritum vero iam non erat; unde nec longum esse poterat, quod omnino non erat. non ergo dicamus: longum fuit praeteritum tempus; neque enim inveniemus, quid fuerit longum, quando, ex quo praeteritum est, non est, sed dicamus: «longum fuit illud praesens tempus», quia cum praesens esset, longum erat. nondum enim praeterierat, ut non esset, et ideo erat, quod longum esse posset; postea vero quam praeteriit, simul et longum esse destitit, quod esse destitit.

Videamus ergo, anima humana, utrum praesens tempus possit esse longum: datum enim tibi est sentire moras atque metiri. quid respondebis mihi?

An centum anni praesentes longum tempus est? vide prius, utrum possint praesentes esse centum anni. si enim primus eorum annus agitur, ipse praesens est, nonaginta vero et novem futuri sunt, et ideo nondum sunt: si autem secundus annus agitur, iam unus est praeteritus, alter praesens, ceteri

Что же такое время? Кто бы смог объяснить это просто и кратко? Кто смог бы постичь мысленно, чтобы ясно об этом рассказать? О чем, однако, упоминаем мы в разговоре, как о совсем привычном и знакомом, как не о времени? И когда мы говорим о нем, мы, конечно, понимаем, что это такое, и когда о нем говорит кто-то другой, мы тоже понимаем его слова. Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю. Настаиваю, однако, на том, что твердо знаю: если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени. А как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? И если бы настоящее время оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое. Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?

15. И, однако, мы говорим «долгое время», «краткое время» и говорим это только о прошлом и будущем. О сроке, например, в сто лет как в прошлом, так и в будущем мы говорим, как о «долгом времени»; «кратким временем» назовем предположительно для прошлого и будущего промежуток дней в десять. Но как может быть долгим или кратким то, чего нет? Прошлого уже нет, будущего еще нет. Не будем же говорить о прошлом просто «долго», но скажем «было долго», а о будущем: «будет долго».

Боже мой, Свет мой, не посмеется ли истина Твоя и здесь над человеком? Долгое прошлое стало долгим, когда уже прошло, или раньше, когда было настоящим? Оно могло быть долгим тогда, когда было то, что могло быть долгим; но ведь прошлого уже нет — как же долгим может быть то, чего вовсе нет? Не будем, следовательно, говорить: «долгим было прошлое время»; мы ведь не найдем ничего, что было долгим: прошлое прошло, и его больше нет. Скажем так: «долгим было это настоящее время», будучи настоящим, оно и было долгим. Оно еще не прошло, не исчезло, и поэтому и было то, что могло быть долгим; когда же оно прошло, то сразу же перестало быть долгим, потому что перестало быть вообще.

Посмотрим, душа человеческая, может ли настоящее быть долгим; тебе ведь дано видеть сроки и измерять их. Что ты ответишь мне? Сто лет настоящего времени — это долго? Посмотри сначала, могут ли все сто лет быть в настоящем? Если из них идет первый год, то он и есть настоящее, а остальные девятью девять — это будущее, их пока нет. Если пойдет второй год, то один окажется уже в прошлом, другой в настоящем, а остальные в будущем. Возьми, как настоящий,

futuri. atque ita mediorum quemlibet centenarii huius numeri annum praesentem posuerimus: ante illum praeteriti erunt, post illum futuri. quocirca centum anni praesentes esse non poterunt.

Vide saltem, utrum qui agitur unus ipse sit praesens. et eius enim si prius agitur mensis futuri sunt ceteri, si secundus, iam et primus praeteriit et reliqui nondum sunt. ergo nec annus, qui agitur, totus est praesens, et si non totus est praesens, non annus est praesens. duodecim enim menses annus est, quorum quilibet unus mensis, qui agitur, ipse praesens est, ceteri aut praeteriti aut futuri. quamquam neque mensis, qui agitur, praesens est, sed unus dies: si primus, futuris ceteris, si novissimus, praeteritis ceteris, si mediorum quilibet, inter praeteritos et futuros.

Ecce praesens tempus, quod solum inveniebamus longum appellandum, vix ad unius diei spatium contractum est. sed discutiamus etiam ipsum, quia nec unus dies totus est praesens, nocturnis enim et diurnis horis omnibus viginti quattuor expletur, quarum prima ceteras futuras habet, novissima praeteritas, aliqua vero interiectarum ante se praeteritas, post se futuras. et ipsa una hora fugitivis particulis agitur: quidquid eius avolavit, praeteritum est, quidquid ei restat, futurum. si quid intellegitur temporis, quod in nullas iam vel minutissimas momentorum partes dividi possit, id solum est, quod praesens dicatur; quod tamen ita raptim a futuro in praeteritum transvolat, ut nulla morula extendatur. nam si extenditur, dividitur in praeteritum et futurum: praesens autem nullum habet spatium.

Ubi est ergo tempus, quod longum dicamus? an futurum? non quidem dicimus: longum est, quia nondum est quod longum sit, sed dicimus: longum erit. quando igitur erit? si enim et tunc adhuc futurum erit, non erit longum, quia quid sit longum nondum erit: si autem tunc erit longum, cum ex futuro quod nondum est esse iam coeperit et praesens factum erit, ut possit esse quod longum sit, iam superioribus vocibus clamat praesens tempus longum se esse non posse.

16. Et tamen, domine, sentibus intervalla temporum et comparamus sibi met et dicimus alia longiora et alia breviora. metimur etiam, quanto sit longius aut brevius illud tempus quam illud et repondemus duplum esse hoc vel triplum, illud autem simplum aut tantum hoc esse quantum illud. sed praetereuntia metimur tempora, cum sentiendo metimur; praeterita vero, quae iam non sunt, aut

futura, quae nondum sunt, quis metiri potest, nisi forte audebit quis dicere metiri posse quod non est?

любой год из середины этой сотни: бывшие до него будут прошлым, после него начнется будущее. Поэтому сто лет и не могут быть настоящими. Посмотри дальше: тот год, который идет, будет ли в настоящем? Если идет первый его месяц, то остальное — это будущее; если второй, то первый — это прошлое, остальных месяцев еще нет. Следовательно, и текущий год не весь в настоящем, а если он не весь в настоящем, то и год не есть настоящее. Двенадцать месяцев составляют год; из них любой текущий и есть настоящее; остальные же или прошлое или будущее. А, впрочем, и текущий месяц не настоящее; настоящее — это один день; если он первый, то остальные — будущее; если последний, то остальные — прошлое; если любой из средних, он оказывается между прошлыми и будущими.

Вот мы и нашли, что долгим можно назвать только настоящее, да и то сведенное до однодневного срока. Расчленим, однако, и его: ведь и один день в целом — не настоящее. Он состоит из ночных и дневных часов; всего их двадцать четыре. По отношению к первому часу остальные — будущее; по отношению к последнему — прошлое; по отношению к любому промежуточному бывшие до него — прошлое; те, которые наступят — будущее. И самый этот единый час складывается из убегающих частиц: улетевшие — в прошлом, оставшиеся — в будущем. Настоящим можно назвать только тот момент во времени, который невозможно разделить хотя бы на мельчайшие части, но он так стремительно уносится из будущего в прошлое! Длительности в нем нет. Если бы он длился, в нем можно было бы отделить прошлое от будущего; настоящее не продолжается.

Где же то время, которое мы называем долгим? Это будущее? Мы, однако, не говорим: «оно долгое», ибо еще нет того, что может стать долгим, а говорим: «долго будет». Когда же оно будет? Если в будущем, то как может стать долгим то, чего еще нет? если же оно станет долгим тогда, когда начнет возникать из будущего, которого еще нет, станет настоящим и окажется как будто тем, что может стать долгим, то ведь это настоящее время всеми выпесказанными словами закричит, что оно не может быть долгим.

16. И, однако, Господи, мы понимаем, что такое промежутки времени, сравниваем их между собой и говорим, что одни длиннее, а другие короче. Мы даже измеряем, насколько одно время длиннее или короче другого, и отвечаем, что этот промежуток вдвое или втрое больше или меньше того, или что оба равны. Мы измеряем, однако, время только пока оно идет, так как, измеряя, мы это чувствуем. Можно ли измерить прошлое, которого уже нет, или будущее, которого еще нет? Осмелится ли кто сказать, что можно измерить не существующее? Пока время идет, его можно чувствовать и измерять; когда оно прошло, это невозможно: его уже нет.

Cum ergo praeterit tempus, sentiri et metiri potest, cum autem praeterierit, quoniam non est, non potest.

17. Quaero, pater, non adfirmo: deus meus, praeside mihi et rege me.

Quisnam est, qui dicat mihi non esse tria tempora, sicut pueri didicimus puerosque docuimus, praeteritum, praesens et futurum, sed tantum praesens, quoniam illa duo non sunt? an et ipsa sunt, sed ex aliquo procedit occulto, cum ex futuro fit praesens, et in aliquod recedit occultum, cum ex praesenti fit praeteritum? nam ubi ea viderunt qui futura cecinerunt, si nondum sunt? neque enim potest videri id quod non est. et qui narrant praeterita, non utique vera narrarent, si animo illa non cernerent: quae si nulla essent, cerni omnino non possent.

Sunt ergo et futura et praeterita.

18. Sine me, domine, amplius quaerere, spes mea, non conturbetur intentio mea.

Si enim sunt futura et praeterita, volo scire, ubi sint. quod si nondum valeo, scio tamen, ubicumque sunt, non ibi ea futura esse aut praeterita, sed praesentia, nam si et ibi futura sunt, nondum ibi sunt, si et ibi praeterita sunt, iam non ibi sunt. ubicumque ergo sunt, quaecumque sunt, non sunt nisi praesentia. quamquam praeterita cum vera narrantur, ex memoria proferuntur non res ipsae, quae praeterierunt, sed verba concepta ex imaginibus earum, quae in animo velut vestigia per sensus praetereundo fixerunt. pueritia quippe mea, quae iam non est, in tempore praeterito est, quod iam non est; imaginem vero eius, cum eam recolo et narro, in praesenti tempore intueor, quia est adhuc in memoria mea. utrum similis sit causa etiam praedictorum futurorum, ut rerum, quae nondum sunt, iam existentes praesentiantur imagines, confiteor, deus meus, nescio.

Illud sane scio, nos plerumque praemeditari futuras actiones nostras eamque praemeditationem esse praesentem, actionem autem, quam praemeditamur, nondum esse, quia futura est; quam cum aggressi fuerimus et quod praemeditabamur agere coeperimus, tunc erit illa actio, quia tunc non futura, sed praesens erit.

Quoquo modo se itaque habeat arcana praesensio futurorum, videri nisi quod est non potest. quod autem iam est, non futurum sed praesens est. cum ergo videri dicuntur futura, non ipsa, quae nondum sunt, id est quae futura sunt, sed eorum causae vel signa forsitan videntur; quae iam sunt: ideo non futura, sed praesentia sunt iam videntibus, ex quibus futura praedicantur animo concepta. quae rursus conceptiones iam sunt, et eas praesentes apud se intuentur qui illa praedicunt.

17. Я ищу, Отец, не утверждаю; Боже мой, помоги мне, руководи мной, кто решился бы сказать, что трех времен, прошедшего, настоящего и будущего, как учили мы детьми и сами учили детей, не существует; что есть только настоящее, а тех двух нет? Или же существуют и они? Время, становясь из будущего настоящим, выходит из какого-то тайника, и настоящее, став прошлым, уходит в какой-то тайник? Где увидели будущее те, кто его предсказывал, если его вовсе нет? Нельзя увидеть не существующее. И те, кто рассказывает о прошлом, не рассказывали бы о нем правдиво, если бы не видели его умственным взором, а ведь нельзя же видеть то, чего вовсе нет. Следовательно, и будущее и прошлое существуют.

18. Позволь мне, Господи, Надежда моя, спрашивать и дальше, да не приведут меня в смятение искания мои. Если и будущее и прошлое существуют, я хочу знать, где они. Если мне еще не по силам это знание, то все же я знаю, что где бы они ни были, они там не прошлое и будущее, а настоящее. Если и там будущее есть будущее, то его там еще нет; если прошлое и там прошлое, его там уже нет. Где бы, следовательно, они ни были, каковы бы ни были, но они существуют только как настоящее. И правдиво рассказывая о прошлом, люди извлекают из памяти не сами события — они прошли, — а слова, подсказанные образами их; прошлые события, затронув наши чувства, запечатали в душе словно следы свои. Детства моего, например, уже нет, оно в прошлом, которого уже нет, но когда я о нем думаю и рассказываю, то я вижу образ его в настоящем, ибо он до сих пор жив в памяти моей.

Не по сходной ли причине предсказывают будущее? По образам, уже существующим, предчувствуют то, чего еще нет? Признаюсь, Господи, не знаю этого. В точности, однако, знаю, что мы обычно предварительно обдумываем будущие действия наши, и это предварительное обдумывание происходит в настоящем, самого же действия, заранее обдуманного, еще нет: оно в будущем. Когда мы приступим к нему и начнем осуществлять предварительно обдуманное, тогда только действие и возникает, ибо тогда оно уже не в будущем, а в настоящем.

Каким же образом происходит это таинственное предчувствие будущего? Увидеть можно ведь только то, что есть, а то, что есть, это уже не будущее, а настоящее. И когда о будущем говорят, что его «видят», то видят не его — будущего еще нет, — а, вероятно, его причины или признаки, которые уже налицо. Не будущее, следовательно, а настоящее предстает видящим, и по нему предсказывается будущее, представляющееся душе. Эти представления уже существуют, и те, кто предсказывает будущее, всматриваются в них: они живут в их уме. Пусть пояснением послужит мне один пример, а их множество. Я вижу зарю и уже заранее объявляю, что взойдет Солнце. То,

Loquatur mihi aliquod exemplum tanta rerum numerositas. intueor auroram: oriturum solem praenuntio. quod intueor, praesens est, quod praenuntio, futurum: non sol futurus, qui iam est, sed ortus eius, qui nondum est: tamen etiam ortum ipsum nisi animo imaginarer, sicut modo cum id loquor, non eum possem praedicare. sed nec illa aurora, quam in caelo video, solis ortus est, quamvis eum praecedat, nec illa imaginatio in animo meo: quae duo praesentia cernuntur, ut futurus ille ante dicatur.

Futura ergo nondum sunt, et si nondum sunt, non sunt, et si non sunt, videri omnino non possunt; sed praedici possunt ex praesentibus, quae iam sunt et videntur.

19. Tu itaque, regnator creaturae tuae, quis est modus, quo doces animas ea quae futura sunt? docuisti enim prophetas tuos. quisnam ille modus est, quo doces futura, cui futurum quicquam non est? vel potius de futuris doces praesentia? nam quod non est, nec doceri utique potest. nimis longe est modus iste ab acie mea; invaluit ex me, non potero ad illum; potero autem ex te, cum dederis tu, dulce lumen occultorum meorum.

20. Quod autem nunc liquit et claret, nec futura sunt nec praeterita, nec proprie dicitur: tempora sunt tria, praeteritum, praesens et futurum, sed fortasse proprie diceretur: tempora sunt tria, praesens de praeteritis, praesens de praesentibus, praesens de futuris. sunt enim haec in anima tria quaedam et alibi ea non video, praesens de praeteritis memoria, praesens de praesentibus contuitus, praesens de futuris expectatio. si haec permittimur dicere, tria tempora video fateorque, tria sunt.

Dicatur etiam: tempora sunt tria, praeteritum, praesens et futurum, sicut abutitur consuetudo; dicatur. ecce non curo nec resisto nec reprehendo, dum tamen intellegatur quod dicitur, neque id, quod futurum est, esse iam, neque id, quod praeteritum est. pauca sunt enim, quae proprie loquimur, plura non proprie, sed agnoscitur quid velimus.

21. Dixi ergo paulo ante, quod praetereuntia tempora metimur; ut possimus dicere duplum esse hoc temporis ad illum simplum aut tantum hoc quantum illud et si quid aliud de partibus temporum possumus renuntiare metiendo. quocirca, ut dicebam, praetereuntia metimur tempora, et si quis mihi dicat: «unde scis?» respondeam: scio, quia metimur, nec metiri quae non sunt possumus, et non sunt praeterita vel futura.

Praesens vero tempus quomodo metimur, quando non habet spatium? metimur ergo, cum praeterit, cum autem praeterierit, non metimur; quid

что я вижу, это настоящее; то, о чем я объявляю, это будущее; в будущем не Солнце — оно уже есть, а восход его, которого еще нет. Если бы я не представлял себе в душе этот восход, как представляю сейчас, когда о нем говорю, я не смог бы его предсказать. Ни заря, которую я вижу на небе, не есть солнечный восход, хотя она ему предшествует; ни воображаемая картина его в душе моей; но то и другое я вижу в настоящем, и заранее объявляю, что Солнце взойдет. Будущего еще нет, а если его еще нет, то его вообще нет, а если вообще нет, то его и увидеть никак нельзя, но можно предсказать, исходя из настоящего, которое уже есть и которое можно видеть.

19. Каким образом Ты, правящий миром, Тобою созданным, объясняешь душам будущее? А Ты объяснял его пророкам Своим. Каким же образом объясняешь Ты будущее, Ты, для Которого будущего нет? Или, вернее, через настоящее объясняешь ты будущее? Ибо, того, чего нет, никак невозможно объяснить. Не так остры глаза мои, чтобы рассмотреть, как Ты действуешь, это выше сил моих, не могу постичь сам, но смогу с Твоей помощью, когда Ты подашь ее, о, сладостный свет внутреннего взора моего (*ср. Песн. 38, 11*).

20. Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — это непосредственное созерцание; настоящее будущего — это ожидание. Если мне позволено будет говорить так, то я согласен, что есть три времени; признаю, что их три. Пусть даже говорят, как принято, хотя это и неправильно, что есть три времени: прошедшее, настоящее и будущее: пусть говорят. Не об этом сейчас моя забота, не спорю с этим и не возражаю; пусть только люди понимают то, что они говорят и знают, что ни будущего нет, ни прошлого. Редко ведь слова употребляются в их собственном смысле; в большинстве случаев мы выражаемся неточно, но нас понимают.

21. Я несколько ранее говорил о том, что мы измеряем время, пока оно идет, и можем сказать, что этот промежуток времени вдвое длиннее другого или что они между собой равны, и вообще сообщить еще что-то относительно измеряемых нами частей времени. Мы измеряем, как я и говорил, время, пока оно идет, и если бы кто-нибудь мне сказал: «откуда ты это знаешь?», я бы ему ответил: «знаю, потому что мы измеряем его; того, что нет, мы измерить не можем, а прошлого и будущего нет». А как можем мы измерять настоящее, когда оно не имеет длительности? Оно измеряется, следовательно, пока

enim metiatur, non erit. sed unde et qua et quo praeterit, cum metitur? unde nisi ex futuro? qua nisi per praesens? quo nisi in praeteritum? ex illo ergo,

quod nondum est, per illud, quod spatio caret, in illud, quod iam non est. quid autem metimur nisi tempus in aliquo spatio? neque enim dicimus simpla et dupla et tripla et aequalia et si quid hoc modo in tempore dicimus nisi spatia temporum.

In quo ergo spatio metimur tempus praeteriens? utrum in futuro unde praeterit? sed quod nondum est, non metimur. an in praesenti, qua praeterit? sed nullum spatium non metimur. an in praeterito, quo praeterit? sed quod non iam est, non metimur.

22. Exarsit animus meus nosse istuc implicatissimum aenigma. noli claudere, domine deus meus, bone pater, per Christum obsecro, noli claudere desiderio meo ista et usitata et abdita, quominus in ea penetret et dilucescant allucente misericordia tua, domine? quem percontabor de his? et cui fructuosius confitebor inperitiam mean nisi tibi, cui non sunt molesta studia mea flammantia vehementer in scripturas tuas? da quod amo: amo enim, et hoc tu dedisti. da, pater, qui vere nosti data bona dare filiis tuis, da quoniam suscepi cognoscere et labor est ante me, donec aperias. per Christum obsecro, in nomine eius sancti sanctorum nemo mihi obstrepat. et ego credidi, propter quod et loquor. haec est spes mea; ad hanc vivo, ut contempler delectationem domini. ecce veteres posuisti dies meos et transeunt, et quomodo, nescio.

Et dicimus tempus et tempus, tempora et tempora: «quamdiu dixit hoc ille», «quamdiu fecit hoc ille» et: «quam longo tempore illud non vidi» et «duplum temporis habet haec syllaba ad illam simplam brevem». dicimus haec et audivimus haec et intellegimur et intellegimus. manifestissima et usitatissima sunt, et eadem rursus nimis latent et nova est inventio eorum.

23. Audivi a quodam homine docto, quod solis et lunae ac siderum motus ipsa sint tempora, et non adnui. cur enim non potius omnium corporum motus sint tempora? an vero, si cessarent caeli lumina et moveretur rota figuli, non esset tempus, quo metiremur eos gyros et diceremus aut aequalibus morulis agi, aut si alias tardius, alias velocius moveretur, alios magis diuturnos esse, alios minus? aut cum haec diceremus, non et nos in tempore loqueremur aut essent in verbis nostris aliae longae syllabae, aliae breves, nisi quia illae longiore tempore sonuissent, istae breviores?

Deus, dona hominibus videre in parvo communes notitias rerum parvarum atque magnarum. sunt sidera et luminaria caeli in signis et in temporibus

проходит; когда оно прошло, его не измерить: не будет того, что можно измерить. Но откуда, каким путем и куда идет время, пока мы его измеряем? Откуда, как не из будущего? Каким путем? Только через настоящее. Куда, как не в прошлое? Из того, следовательно, чего еще нет; через то, в чем нет длительности, к тому, чего уже нет. Что же измеряем мы как не время в каком-то его промежутке? Если мы говорим о времени: двойной срок, тройной, равный другому, и т. д. в том же роде, то о чем говорим мы, как не о промежутке времени? В каком же промежутке измеряется время, пока оно идет? В будущем, откуда оно приходит? Того, чего еще нет, мы измерить не можем. В настоящем, через которое оно идет? То, в чем нет промежутка, мы измерить не можем. В прошлом, куда оно уходит? Того, чего уже нет, мы измерить не можем.

22. Горит душа моя понять эту запутаннейшую загадку. Не скрывай от меня, Господи Боже мой, добрый Отец мой, умоляю Тебя ради Христа, не скрывай от меня разгадки; дай проникнуть в это явление, сокровенное и обычное, и осветить его при свете милосердия Твоего, Господи. Кого расспросить мне об этом? Кому с большей пользой сознаюсь я в невежестве моем, как не Тебе? Кому не в тягость огнем пламенеющее усердие мое над Твоим Писанием? Дай мне то, что я люблю; да, я люблю, и это дал мне Ты. Дай, Отец, — Ты ведь воистину умеешь «давать дары добрые детям Твоим» (*ср. Мф. 7, 11*) — дай мне узнать, над чем я тружусь, и «трудно это в глазах моих», пока Ты не откроешь мне. Молю Тебя ради Христа, во имя Его, Святого среди святых, да никто не мешает мне. «Я верю, потому и говорю». Вот надежда моя; ради нее и живу, «да увижу красоту Господню» (*ср. Пс. 27, 4*). «Определил Ты дни мои стариться», они проходят, а как, я не знаю.

А мы только и говорим: «время и время, времена и времена»: «как долго он это говорил»; «как долго он это делал»; «какое долгое время я этого не видел»; «чтобы произнести этот слог, времени требуется вдвое больше, чем для того, краткого». Мы и говорим это и слышим это; сами понимаем и нас понимают. Это яснее ясного, обычнее обычного и это же так темно, что понять это — это открытие.

23. Я слышал от одного ученого человека, что движение Солнца, луны и звезд и есть время, но я с этим не согласен. Почему тогда не считать временем движение всех тел? Если бы светила небесные остановились, а гончарное колесо продолжало двигаться, то не было бы и времени, которым мы измеряли бы его обороты? Разве не могли бы мы сказать, в зависимости от того, как шло колесо; равномерно, замедляя свой ход или ускоряя его: эти обороты длились дольше, а те меньше? Разве, говоря это, мы говорили бы вне времени? И не было в наших словах долгих и коротких слогов? Одни ведь звучали в течение более длительного, а другие более короткого времени. Господи,

bus et in diebus et in annis. sunt vero; sed nec ego dixerim circuitum illius ligneolae rotae diem esse, nec tamen ideo tempus non esse ille dixerit.

Ego scire cupio vim naturamque temporis, quo metimur corporum motus et dicimus illum motum verbi gratia tempore duplo esse diuturniorem quam istum.

Nam quaero, quoniam dies dicitur non tantum mora solis super terram, secundum quod aliud est dies, aliud nox, sed etiam totius eius circuitus ab oriente usque orientem, secundum quod dicimus: «tot dies transierunt» – cum suis enim noctibus dicuntur tot dies, nec extra reputantur spatia noctium – quoniam ergo dies expletur motu solis atque circuitu ab oriente usque ad orientem, quaero, utrum motus ipse sit dies an mora ipsa, quanta peragitur, an utrumque. si enim primum dies esset, dies ergo esset, etiamsi tanto spatio temporis sol cursum illum peregisset, quantum est horae unius, si secundum, non ergo esset dies, si ab ortu solis usque in ortum alterum tam brevis mora esset, quam est horae unius, sed viciens et quater circuiret sol, ut expleret diem. si utrumque, nec ille appellaretur dies, si horae spatio sol totum suum gyrum circuiret, nec ille, si sole cessante tantum temporis praeteriret, quanto peragere sol totum ambitum de mane in mane adsolet.

Non itaque nunc quaeram, quid sit illud, quod vocatur dies, sed quid sit tempus, quo metientes solis circuitum diceremus eum dimidio spatio temporis peractum minus quam solet, si tanto spatio temporis peractus esset, quanto peraguntur horae duodecim, et utrumque tempus comparantes diceremus illud simplum, hoc duplum, etiamsi aliquando illo simplo, aliquando isto duplo sol ab oriente usque orientem circuiret.

Nemo ergo mihi dicat caelestium corporum motus esse tempora, quia et cuiusdam voto cum sol stetisset, ut victoriosum proelium perageret, sol stabat, sed tempus ibat. per suum quippe spatium temporis, quod ei sufficeret, illa pugna gesta atque finita est.

Video igitur tempus quandam esse distentionem. sed video? an videre mihi videor? tu demonstrabis, lux veritas.

24. Iubes ut adprobem, si quis dicat tempus esse motum corporis? non iubes. nam corpus nullum nisi in tempore moveri audio: tu dicis. ipsum autem corporis motum tempus esse non audio: tu non dicis. cum enim movetur corpus, tempore metior, quamdiu moveatur ex quo moveri incipit, donec desinat. et si non vidi, ex quo coepit, et perseverat moveri, ut non videam, cum desinit, non valeo metiri, nisi forte ex quo videre incipio, donec desinam. quod si diu video, tantummodo longum tempus esse renuntio, non autem, quantum sit, quia et quantum cum dicimus, conlatione dicimus, velut: «tantum hoc, quantum illud» aut: «duplum hoc ad illud» et si

дай людям в малом увидеть законы общие для малого и великого. Есть звезды, светильники небесные, «для знамений и времен дней и годов» (ср. *Быт.* 1, 4). Да, есть, но ни я не скажу, что оборот этого деревянного колеса есть день, ни тот ученый не сможет сказать, что тут времени нет.

Я хочу узнать природу и сущность времени, которым мы измеряем движение тел и говорим, например: «это движение было вдвое длилнее того». Я спрашиваю вот о чем: днем называется не только время, когда Солнце находится над землей (этим обусловлена разница между днем и ночью), но и время, за которое оно совершает весь круговорот свой от восхода до восхода, в соответствии с чем мы и говорим: «прошло столько-то дней» — в это понятие «сколько-то дней» включаются и ночи; ночное время не высчитывается отдельно. Полный день, следовательно, определяется движением Солнца и его круговоротом от восхода до восхода, и я спрашиваю, что такое день: само это движение; срок, в течение которого оно совершается, или и то и другое?

В первом случае днем оказался бы и один час, если бы Солнце могло совершить свой путь за такой промежуток времени; во втором дня вовсе бы не было, если бы один восход Солнца был отделен от другого кратким промежутком в один час; Солнцу пришлось бы для полного дня совершить двадцать четыре круговорота. В третьем случае нельзя назвать днем ни часовой промежуток, за который Солнце совершило бы полный свой оборот, ни (допустив, что Солнце остановится) такое количество времени, за какое оно обычно совершает весь свой обход от утра до утра. Итак, я не буду спрашивать сейчас, что такое называется днем: я спрашиваю, что такое время, измеряя которым движение Солнца, мы говорим: Солнце прошло свой путь за промежуток времени в половину меньший, чем обычно, если оно совершило его за промежуток времени в двенадцать часов. Сравнивая оба времени, мы скажем, что одно вдвое больше другого и что Солнце совершает свой обход от восхода до восхода иногда за одно время, иногда за другое, двойное. Пусть же никто не говорит мне, что движение небесных тел и есть время: когда некий человек остановил молитвой Солнце, чтобы победоносно завершить битву, Солнце стояло, но время шло. Сражение длилось и закончилось в свое время. Итак, я вижу, что время есть некая протяженность. Вижу ли? Не кажется ли мне, что вижу? Ты покажешь мне это.

24. Ты велишь мне подтвердить, что время — это движение тел? Нет, не велишь. Что всякое тело может двигаться только во времени, это я слышу. Ты мне это говоришь. А что это самое движение тела есть время, этого я не слышу: не Ты это говоришь. Когда тело начинает двигаться, то я временем измеряю, как долго, от начала

quid aliud isto modo. si autem notare potuerimus locorum spatia, unde et quo veniat corpus, quod movetur, vel partes eius, si tamquam in torno movetur,

possumus dicere, quantum sit temporis, ex quo ab illo loco usque ad illum locum motus corporis vel partis eius effectus est.

Cum itaque aliud sit motus corporis, aliud, quo metimur quamdiu sit, quis non sentiat, quid horum potius tempus dicendum sit? nam si et varie corpus aliquando movetur, aliquando stat, non solum motum eius, sed etiam statum tempore metimur et dicimus: «tantum stetit, quantum motum est» aut: «duplo vel triplo stetit ad id quod motum est» et si quid aliud nostra dimensio sive comprehenderit sive existimaverit, ut dici solet plus minus.

Non ergo tempus corporis motus.

25. Et confiteor tibi, domine, ignorare me adhuc, quid sit tempus, et rursus confiteor tibi, domine, scire me in tempore ista dicere et dui me iam loqui de tempore atque ipsum diu non esse diu nisi mora temporis. quomodo igitur hoc scio, quando quid sit tempus nescio? an forte nescio, quemadmodum dicam quod scio? ei mihi, qui nescio saltem quid nesciam!

Ecce, deus meus, coram te, quia non mentior: sicut loquor, ita est cor meum. tu inluminabis lucernam meam, domine, deus meus, inluminabis tenebras meas.

26. Nonne tibi confitetur anima mea confessione veridica metiri me tempora? ita, deus meus, metior et quid metiar nescio. metior motum corporis tempore. item ipsum tempus nonne metior? an vero corporis motum metior, quamdiu sit et quamdiu hinc illuc perveniat, nisi tempus, in quo movetur, metirer?

Ipsam ergo tempus unde metior? an tempore breviori metimur longius sicut spatio cubiti spatium transtri? sic enim videmur spatio brevis syllabae metiri spatium longae syllabae atque id duplum dicere. ita metimur spatia carminum spatiis versuum et spatia versuum spatiis pedum et spatia pedum spatiis syllabarum et spatia longarum spatiis brevium, non in paginis – nam eo modo loca metimur, non tempora – sed cum voces pronuntiando transeunt et dicimus: «longum carmen est, nam tot versibus contextitur; longi versus, nam tot pedibus constant; longi pedes, nam tot syllabis tenduntur;

движения и до прекращения его, оно находилось в движении. И если я не видел, с какого времени тело начало двигаться, а оно движения не прекращало, и я тоже не увидел, когда оно остановилось, то я не могу измерить продолжительности движения, разве что за время, с какого я это тело увидел и до того, как перестал его видеть. И если я его вижу длительно, то я могу заявить только, что прошло много времени, не определяя точно его продолжительности, ибо продолжительность определяется сравнением; например: «такой же срок, как и тот», или «срок вдвое больший» и прочее в том же роде. Если же мы сможем отметить место, откуда начинает и где заканчивает свое движение тело или его части, если оно движется словно на токарном станке, то мы сможем сказать, сколько времени продолжалось движение тела или части его от одного места до другого. А раз движение тела — это одно, а то, чем измеряется длительность этого движения, — другое, то не ясно ли, чему скорее следует дать название времени? И если тело и движется иногда по-разному, а иногда и останавливается, то мы можем измерить временем не только движение, но и остановку, и сказать: «стояло столько же времени, сколько и двигалось» или «стояло вдвое или втрое больше, чем двигалось» и прочее в том же роде, смотря потому, точно наше исчисление или приблизительно: «больше», «меньше». Время, следовательно, не есть движение тела.

25. Признаюсь Тебе, Господи, я до сих пор не знаю, что такое время, но признаюсь, Господи, и в другом: я знаю, что говорю это во времени, что я долго уже разговариваю о времени и что это самое «долго» есть не что иное, как некий промежуток времени. Каким же образом я это знаю, а что такое время, не знаю? А может быть, я не знаю, каким образом рассказать о том, что я знаю? Горе мне! Я не знаю даже, чего я не знаю. Вот, Боже мой, я пред Тобою: я не лгу; как говорю, так и думаю. «Ты зажжешь светильник мой, Ты осветишь тьму мою» (ср. Пс. 18, 29).

26. Разве не правдиво признание души моей, признающей Тебе, что она измеряет время? Да, Господи Боже мой, я измеряю и не знаю, что измеряю. Я измеряю движение тела временем. И разве я не измеряю само время? Когда я измеряю, как долго движется тело и как долго проходит оно путь оттуда сюда, что я измеряю, как не время, в течение которого тело движется? А само время чем мне измерять? Более длинное более коротким, подобно тому, как мы вымеряем балку локтем? Мы видим, что длительностью краткого слога измеряется длительность долгого: о нем говорится, что он вдвое длиннее. Мы измеряем величину стихотворения числом стихов, длину стиха числом стоп, длину стоп числом слогов и длительность долгих длительностью коротких. Счет этот ведется независимо от страниц (в противном случае мы измеряли бы место, а не время), но по мере того,

longa syllaba est, nam dupla est ad brevem.« sed neque ita comprehenditur certa mensura temporis, quandoquidem fieri potest, ut ampliore spatio temporis personet versus brevior, si productius pronuntietur, quam longior, si correptius. ita carmen, ita pes, ita syllaba.

Inde mihi visum est nihil esse aliud tempus quam distentionem: sed cuius rei, nescio, et mirum, si non ipsius animi. quid enim metior, obsecro, deus meus, et dico aut indefinite: «longius est hoc tempus quam illud» aut etiam definite: «duplum est hoc ad illud?» tempus metior, scio; sed non metior futurum, quia nondum est, non metior praesens, quia nullo spatio tenditur, non metior praeteritum, quia iam non est. quid ergo metior? an praetereuntia tempora, non praeterita? sic enim dixeram.

27. Insiste, anime meus, et adtende fortiter: deus adiutor noster; ipse fecit nos, et non nos. adtende, ubi albescet veritas.

Ecce puta vox corporis incipit sonare et sonat et adhuc sonat et ecce desinit, iamque silentium est, et vox illa praeterita est et non est iam vox. futura erat, antequam sonaret, et non poterat metiri, quia nondum erat, et nunc non potest, quia iam non est. tunc ergo poterat, cum sonabat, quia tunc erat, quae metiri posset. sed et tunc non stabat; ibat enim et praeteribat. an ideo magis poterat? praeteriens enim tendebatur in aliquod spatium temporis, quo metiri posset, quoniam praesens nullum habet spatium.

Si ergo tunc poterat, ecce puta altera coepit sonare et adhuc sonat continuato tenore sine ulla distinctione: metiamur eam, dum sonat; cum enim sonare cessaverit, iam praeterita erit et non erit, quae possit metiri. metiamur plane et dicamus, quanta sit. sed adhuc sonat nec metiri potest nisi ab initio sui, quo sonare coepit, usque ad finem, quo desinit. ipsum quippe intervallum metimur ab aliquo

initio usque ad aliquem finem. quapropter vox, quae nondum finita est, metiri non potest, ut dicatur, quam longa vel brevis sit, nec dici aut aequalis alicui aut ad aliquam simpla vel dupla vel quid aliud. cum autem finita fuerit, iam non erit. quo pacto igitur metiri poterit? et metimur tamen tempora, nec ea, quae nondum sunt, nec ea, quae iam non sunt, nec ea, quae nulla mora extenduntur, nec ea, quae terminos non habent. nec futura ergo nec praeterita nec praesentia nec praetereuntia tempora metimur et metimur tamen tempora.

Deus creator omnium: versus iste octo syllabarum brevibus et longis alternat syllabis: quattuor itaque breves, prima, tertia, quinta, septima, simplae sunt ad quatuor longas, secundam, quartam, sextam, octavam. hae singulae ad illas singulas duplum habent temporis; pronuntio et renuntio, et ita est, quantum sentitur sensu manifesto. quantum sensus manifestus

как слова произносятся и умолкают, мы говорим: «это стихотворение длинное; оно составлено из столько-то стихов; стихи длинные — в них столько-то стоп; стопы длинные: они растянуты на столько-то слогов; слог долог, он вдвое длиннее короткого». Точной меры времени здесь, однако, нет; может ведь иногда случиться, что стих более короткий, но произносимый более протяжно, займет больше времени, чем стих более длинный, но произнесенный быстро. Так и с целым стихотворением, так и со стопой, так и со слогом. Поэтому мне и кажется, что время есть не что иное, как растяжение, но чего? не знаю; может быть, самой души. Что же я, Господи, измеряю, говоря или неопределенно: «это время длиннее того», или определено: «оно вдвое больше того». Что я измеряю время, это я знаю, но я не могу измерить будущего, ибо его еще нет; не могу измерить настоящего, потому что в нем нет длительности, не могу измерить прошлого, потому что его уже нет. Что же я измеряю? Время, которое проходит, но еще не прошло? Так я и говорил.

27. Будь настойчива, душа моя, напрягай свою мысль сильнее: «Бог помощник наш, Он создал нас, а не мы себя» (ср. Пс. 100, 3). Обрати внимание туда, где брезжит заря истины. Вот, представь себе: человеческий голос начинает звучать и звучать и еще звучит, но вот он умолк и наступило молчание: звук ушел, и звука уже нет. Он был в будущем, пока не зазвучал, и его нельзя было измерить, потому что его еще не было, и сейчас нельзя, потому что его уже нет. Можно было тогда, когда он звучал, ибо тогда было то, что могло быть измерено. Но ведь и тогда он не застыл в неподвижности: он приходил и уходил. Поэтому и можно было его измерять? Проходя, он тянулся какой-то промежуток времени, которым и можно его измерить: настоящее ведь длительности не имеет.

Если, следовательно, можно было измерить тогда, то вот смотри: начинает звучать другой звук и звучит еще и сейчас непрерывно и однообразно; измерим его, пока он звучит. Когда он перестанет звучать, он уйдет и измерять будет нечего. Измерим же точно и скажем, какова его длительность. Но он еще звучит, а измерить его можно только с того момента, когда он начал звучать, и до того, как перестал. Мы, значит, измеряем промежуток между каким-то началом и каким-то концом. Поэтому звук, еще не умолкший, нельзя измерить и сказать, долог он или краток, равен другому, вдвое его длиннее или еще что-нибудь подобное. Когда же он умолкнет, его уже не будет. Каким же образом можно его измерять? И все же мы измеряем время — не то, которого еще нет, и не то, которого уже нет, и не то, которое вовсе не длится, и не то, которое не дошло еще до своих границ. Мы измеряем, следовательно, не будущее время, не прошедшее, не настоящее, не проходящее — и все же мы измеряем время.

est, brevi syllaba longam metior eamque sentio habere bis tantum. sed cum altera post alteram sonat, si prior brevis, longa posterior, quomodo tenebo brevem et quomodo eam longae metiens applicabo, ut inveniam, quod bis tantum habeat, quandoquidem longa sonare non incipit, nisi brevis sonare destiterit? ipsamque longam num praesentem metior, quando nisi finitam non metior? eius autem finitio praeteritio est. quid ergo est, quod metior? ubi est qua metior brevis? ubi est longa, quam metior? ambae sonuerunt, avolaverunt, praeterierunt, iam non sunt: et ego metior fidenterque respondeo, quantum exercitato sensu fiditur, illam simplam esse, illam duplam, in spatio scilicet temporis. neque hoc possum, nisi quia praeterierunt et finitae sunt. non ergo ipsas, quae iam non sunt, sed aliquid in memoria mea metior, quod infixum manet.

In te, anime meus, tempora metior. noli mihi obstrepere, quod est: noli tibi obstrepere turbis affectionum tuarum. in te, inquam, tempora metior. affectionem, quam res praetereuntes in te faciunt et, cum illae praeterierint, manet, ipsam metior praesentem, non ea quae praeterierunt, ut fieret; ipsam metior, cum tempora metior. ergo aut ipsa sunt tempora, aut non tempora metior.

Quid cum metimur silentia et dicimus illud silentium tantum tenuisse temporis, quantum illa vox tenuit, nonne cogitationem tendimus ad mensuram vocis, quasi sonaret, ut aliquid de intervallis silentiorum in spatio temporis renuntiare possimus? nam et voce atque ore cessante peragimus cogitando carmina et versus et quemque sermonem motionumque dimensiones quaslibet et de spatiis temporum, quantum illud ad illud sit, renuntiamus non aliter, ac si ea sonando diceremus. voluerit aliquis edere longiusculam vocem et constituerit praemeditando, quam longa futura sit, egit utique iste spatium temporis in silentio memoriaeque commendans coepit edere illam vocem, quae sonat, donec ad propositum terminum perducatur: immo sonuit et sonabit; nam quod eius iam peractum est, utique sonuit, quod autem restat, sonabit atque ita peragitur, dum praesens intentio futurum in praeteritum traicit deminutione futuri crescente praeterito, donec consumptione futuri sit totum praeteritum.

28. Sed quomodo minuitur aut consumitur futurum, quod nondum est, aut quomodo crescit praeteritum, quod iam non est, nisi quia in animo, qui illud agit, tria sunt? nam et expectat et adtendit et meminit, ut id quod expectat per id quod adtendit transeat in id quod meminerit. quis igitur negat futura nondum esse? sed tamen iam est in animo expectatio futurorum. et

Deus creator omnium («Господь всего Создатель») — стих этот состоит из восьми слогов, кратких и долгих, чередующихся между собой; есть четыре кратких: первый, третий, пятый, седьмой; они однократны по отношению к четырем долгим: второму, четвертому, шестому и восьмому. Каждый долгий длится вдвое дольше каждого краткого: я утверждаю это, произнося их: поскольку это ясно воспринимается слухом, то оно так и есть. Оказывается — если доверять ясности моего слухового восприятия — я вымеряю долгий слог кратким и чувствую, что он равен двум кратким. Но когда один звучит после другого, сначала краткий, потом долгий, как же удержать мне краткий, как приложить его в качестве меры к долгому, чтобы установить: долгий равен двум кратким. Долгий не начнет ведь звучать раньше, чем отзвучит краткий. А долгий — разве я измеряю его, пока он звучит? Ведь я измеряю его только по его окончанию. Но, окончившись, он исчезает. Что же такое я измеряю? Где тот краткий, которым я измеряю? Где тот долгий, который я измеряю? Оба прозвучали, улетели, исчезли, их уже нет, а я измеряю и уверенно отвечаю (насколько можно доверять изощренному слуху), что долгий слог вдвое длиннее краткого, разумеется, по длительности во времени. И я могу это сделать только потому, что эти слоги прошли и закончились. Я, следовательно, измеряю не их самих — их уже нет, — а что-то в моей памяти, что прочно закреплено в ней.

В тебе, душа моя, измеряю я время. Избавь меня от бурных возражений; избавь и себя от бурных возражений в сумятице своих впечатлений. В тебе, говоря я, измеряю я время. Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило. Вот его я измеряю, измеряю время. Вот где, следовательно, время, или же времени я не измеряю.

Что же? Когда мы измеряем молчание и говорим: «это молчание длилось столько времени, сколько длился этот звук», разве мы мысленно не стремимся измерить звук будто бы раздавшийся, и таким образом получить возможность что-то сообщить о промежутках молчания во времени. Молча, не говоря ни слова, мы произносим в уме стихотворения, отдельные стихи, любую речь; мы сообщаем об их размерах, о промежутках времени, ими занятых, и о соотношении этих промежутков так, как если бы мы все это произносили вслух. Допустим, кто-то захотел издать продолжительный звук, предварительно установив в уме его будущую длительность. Он, конечно, молчаливо определил этот промежуток времени, запомнил его и тогда уже начал издавать звук, который и будет звучать до положенного ему срока, вернее, он звучал и будет звучать: то, что уже раздалось, конечно, звучало; оставшееся еще прозвучит, и все закончится таким образом: внимание, существующее в настоящем, переправляет

quis negat praeterita iam non esse? sed tamen adhuc est in animo memoria praeteritorum. et quis negat praesens tempus carere spatio, quia in puncto praeterit? sed tamen perdurat attentio, per quam pergat abesse quod aderit.

Non igitur longum tempus futurum, quod non est, sed longum futurum longa expectatio futuri est neque longum praeteritum tempus, quod non est, sed longum praeteritum longa memoria praeteriti est.

Dicturus sum canticum, quod novi: antequam incipiam, in totum expectatio mea tenditur, cum autem coepero, quantum ex illa in praeteritum decerpsero, tenditur et memoria mea, atque distenditur vita huius actionis meae in memoriam propter quod dixi et in expectationem propter quod dicturus sum: praesens tamen adest attentio mea, per quam traicitur quod erat futurum, ut fiat praeteritum. quod quanto magis agitur et agitur, tanto breviate expectatione prolongatur memoria, donec tota expectatio consumatur, cum tota illa actio finita transierit in memoriam.

Et quod in toto cantico, hoc in singulis particulis eius fit aque in singulis syllabis eius, hoc in actione longiore, cuius forte particula est illud canticum, hoc in tota vita hominis, cuius partes sunt omnes actiones hominis, hoc in toto saeculo filiorum hominum, cuius partes sunt omnes vitae hominum.

29. Sed quoniam melior est misericordia tua super vitas, ecce distentio est vita mea, et me suscepit dextera tua in domino meo, mediatore filio hominis inter te unum et nos multos, in multis per multa, ut per eum adprehendam, in quo et adprehensus sum, et a veteribus diebus colligar sequens unum, praeterita oblitus, non in ea quae futura et transitura sunt, sed in ea quae ante sunt non distentus, sed extensus, non secundum distentionem, sed secundum intentionem sequor ad palmam supernae vocationis, ubi audiam vocem laudis et contempler delectationem tuam nec venientem nec praetereuntem.

Nunc vero anni mei in gemitibus, et tu solacium meum, domine, pater meus aeternus es; at ego in tempora dissilui, quorum ordinem nescio, et tu multuosis varietatibus dilaniantur cogitationes meae, intima viscera animae meae, donec in te confluum purgatus et liquidus igne amoris tui.

30. Et stabo atque solidabor in te, in forma mea, veritate tua, nec patiar quaestiones hominum, qui poenali morbo plus sitiunt, quam capiunt, et dicunt: «quid faciebat deus, antequam faceret caelum et terram?» aut «quid ei venit in mentem, ut aliquid faceret, cum antea numquam aliquid fecerit?» da illis, domine, bene cogitare, quid dicant, et invenire, quia non dicitur

будущее в прошлое; уменьшается будущее — растет прошлое; исчезает совсем будущее — и все становится прошлым.

28. Каким же образом уменьшается или исчезает будущее, которого еще нет? Каким образом растет прошлое, которого уже нет? Только потому, что это происходит в душе, и только в ней существует три времени. Она и ждет, и внимает, и помнит: то, чего она ждет, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чем она вспоминает. Кто станет отрицать, что будущего еще нет? Но в душе есть ожидание будущего. И кто станет отрицать, что прошлого уже нет? Но и до сих пор есть в душе память о прошлом. И кто станет отрицать, что настоящее лишено длительности: оно проходит мгновенно. Наше внимание, однако, длительно, и оно переводит в небытие то, что появится. Длительно не будущее время — его нет; длительно будущее — это длительное ожидание будущего. Длительно не прошлое, которого нет; длительно прошлое — это длительная память о прошлом.

Я собираюсь пропеть знакомую песню; пока я не начал, ожидание мое устремлено на нее в целом; когда я начну, то по мере того, как это ожидание обрывается и уходит в прошлое, туда устремляется и память моя. Сила, вложенная в мое действие, рассеяна между памятью о том, что я сказал, и ожиданием того, что я скажу. Внимание же мое сосредоточено на настоящем, через которое переправляется будущее, чтобы стать прошлым. Чем дальше и дальше движется действие, тем короче становится ожидание и длительное воспоминание, пока, наконец, ожидание не исчезнет вовсе: действие закончено; оно теперь все в памяти. То, что происходит с целой песней, то происходит и с каждой ее частицей и с каждым слогом; то же происходит и с длительным действием, частицей которого является, может быть, эта песня; то же и со всей человеческой жизнью, которая складывается, как из частей, из человеческих действий; то же со всеми веками, прожитыми «сынами человеческими», которые складываются, как из частей, из всех человеческих жизней.

29. Но так как «милость Твоя лучше, нежели жизнь» (ср. Пс. 63, 4), то вот жизнь моя: это сплошное рассеяние, и «десница Твоя подхватила меня» в Господе моем, Сыне Человеческом, посреднике между Тобой, Единым, и нами, многими, живущими во многом и многим; «да достигну через Него, как достиг меня Он». Уйдя от ветхого человека и собрав себя, да последую за одним. «Забывая прошлое» (ср. Флп. 3, 12–14), не рассеиваясь в мыслях о будущем и преходящем, но сосредоточиваясь на том, что передо мной, не рассеянно, но сосредоточенно «пойду к победе призвания свыше» и услышу «глас хвалы и буду созерцать красоту Твою» (ср. Пс. 26, 27), которая не появляется и не исчезает. Теперь же «годы мои проходят в стенаниях» (ср. Пс. 31, 11) и утешение мое Ты, Господи; Ты мой извечный

numquam, ubi non est tempus, qui ergo dicitur numquam fecisse, quid aliud dicitur nisi nullo tempore fecisse?

Videant itaque nullum tempus esse posse sine creatura et desinant istam vanitatem loqui. extendantur etiam in ea, quae ante sunt, et intelligant te ante omnia tempora aeternum creatorem omnium temporum neque ulla tempora tibi esse coaeterna nec ullam creaturam, etiamsi est aliqua supra tempora.

31. Domine deus meus, quis ille sinus est alti secreti tui et quam longe inde me proiecerunt consequentia delictorum meorum? sana oculos meos, et congaudeam luci tuae.

Certe si est tam grandi scientia et praescientia pollens animus, cui cuncta praeterita et futura ita nota sint, sicut mihi unum canticum notissimum, nimium mirabilis est animus iste atque ad horrorem stupendus, quippe quem ita non lateat quidquid peractum et quidquid reliquum saeculorum est, quemadmodum me non latet cantantem illud canticum, quid et quantum eius abierit ab exordio, quid et quantum restet ad finem. sed absit, ut tu, conditor universitatis, conditor animarum et corporum, absit, ut ita noveris omnia futura et praeterita. longe tu, longe mirabilius longeque secretius. neque enim sicut nota cantantis notumve canticum audientis expectatione vocum futurarum et memoria praeteritarum variatur affectus sensusque distenditur, ita tibi aliquid accidit inconmutabiliter aeterno, hoc est vere aeterno creatori mentium.

Sicut ergo nosti in principio caelum et terram sine varietate notitiae tuae, ita fecisti in principio caelum et terram sine distinctione actionis tuae.

qui intellegit, confiteatur tibi,
et qui non intellegit, confiteatur tibi.
o quam excelsus es,
et humiles corde sunt domus tua!
tu enim erigis elisos,
et non cadunt,
quorum celsitudo tu es.

Отец, я же низвергся во время, строй которого мне неведом; мысли мои, самая сердцевина души моей раздираются в клочья шумной его пестротой, доколе не сольюсь я с Тобой, очищенный и расплавленный в огне любви Твоей.

30. Тогда я встану и утвержусь в Тебе, в образе моем, в истине Твоей. Я не буду больше терпеть от вопросов людей, которые наказаны болезненной жаждой: им хочется пить больше, чем они могут вместить. Они и спрашивают: «что делал Бог до сотворения мира?» или «зачем Ему пришло на ум что-то делать, если раньше Он никогда ничего не делал?» Дай им, Господи, как следует понять, что они говорят, дай открыть, что там, где нет времени, нельзя говорить «никогда». Сказать о ком-нибудь: «он никогда не делал» — значит сказать: «он не делал во времени». Пусть они увидят, что не может быть времени, если нет сотворенного; и пусть прекратят пустословие. Пусть обратятся к тому, что «перед ними»; пусть поймут, что раньше всякого времени есть Ты — вечный Создатель всех времен, что раньше Тебя не было ни времени, ни созданий, если даже есть и надвременные.

31. Господи Боже мой, в каких же глубинах скрываются тайны Твои и как далеко от них отбросило меня следствие грехов моих. Исцели глаза мои, да сорадуюсь свету Твоему. Если есть душа, сильная великим знанием и предвиденьем, которой все прошлое и будущее знакомо так, как мне прекрасно знакомая всем песня, то это душа удивительная, повергающая в священный трепет: от нее ведь не сокрыто ни то, что прошло, ни то, что еще остается в веках, как не сокрыто от меня, когда я пою эту песню, что и сколько из нее уже спето, что и сколько остается до конца.

Да не придет мне в голову, что Ты, устроитель Вселенной, устроитель душ и тел, да не придет в голову, что Ты знаешь все будущее и прошлое в такой же мере. Ты постигаешь его гораздо-гораздо чудеснее и гораздо таинственнее. У поющего знакомую песню и слушающего ее настроение меняется в ожидании будущих звуков и при воспоминании о прошлых, и чувства возникают разные. Не так у Тебя, неизменно вечного, воистину вечного Творца умов. И как Ты знал «в начале небо и землю» (*Быт. 1. 1*) неизменным знанием Твоим, так и сотворил Ты в начале небо и землю единым действием Твоим. Кто это понимает, пусть восхвалит Тебя, и кто не понимает, пусть восхвалит Тебя! О! На каких Ты высотах! И сердца смиренных — дом Твой. «Ты поднимаешь поверженных» (*ср. Пс. 146, 8*), и не падают те, кого Ты возвысил.

Пер. М. Е. Сергиенко

Единомыслие**(О Граде Божьем, 19, 13)**

... Pax itaque corporis est
ordinata temperatura partium,
pax animae irationalis
ordinata requies appetitionum,
pax animae rationalis
ordinata cognitionis actionisque consensio,
pax corporis et animae
ordinata vita et salus animantis,
pax hominis mortalis et Dei
ordinata in fide sub aeterna lege oboedientia,
pax hominum ordinata concordia,
pax domus ordinata imperandi atque oboediendi
concordia cohabitantium,
pax civitatis ordinata
imperandi atque oboediendi concordia civium,
pax caelestis civitatis
ordinatissima et concordissima societas
fruendi Deo
et invicem in Deo,
pax omnium rerum tranquillitas ordinis.
Ordo est parium dispariumque rerum
sua cuique loca tribuens dispositio.

...И посему мир тела — уравновешенность его частей,
мир неразумной души — упорядоченный покой ее стремлений,
мир разумной души — согласованность понимания и поступков,
мир между телом и душой — упорядоченная жизнь
и здоровье живущего,
мир между смертным человеком и Богом —
повиновение, упорядоченное в вере под вечным законом,
мир среди людей — упорядоченное согласие,
мир дома — упорядоченное согласие совместно живущих
в управлении и повиновении,
мир государства — упорядоченное согласие граждан
в управлении и повиновении,
мир града Небесного — община, которая, наслаждаясь Богом
и друг другом в Боге, есть наиболее упорядоченная и согласная;
мир всех вещей — спокойствие порядка.
Порядок же — расположение подобного и неподобного,
наделяющее всякую вещь своим местом.

ЛАТИНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(500—1000)

Как уже сказано, Августин представляет собой переходную фигуру от античности к западному латинскому средневековью. Еще один находящийся под влиянием Платона «основатель Средних веков» (Е. К. Rand) — римский государственный деятель и философ Боэций, который как своими трудами по логике, так и своими размышлениями о Троичности, а прежде всего, своим благородным гуманизмом вносил некий отсвет античности в довольно «темное», с интеллектуальной точки зрения, начало средневековья.

Существует и еще одно творческое наследие эллинов, оставившее свой глубокий след на Западе, — *Corpus Dionysiacum*, названный так по псевдониму «Дионисий Ареопагит». По приказу императора Карла Плешивого сочинения Псевдо-Дионисия, а также его последователя Максима Исповедника были переведены на латынь философом Иоанном Скотом Эриугеной, что явилось величайшим вкладом в западную традицию. И с тех пор в западной духовной жизни действуют два типа платонизма: августинианский и псевдо-дионисиевский (J. Koch). Августинианское богословие Воплощения сконцентрировано на человеке как на существе плотском, страстном и творящем историю на этой земле и в этой жизни; на Западе августинианское богословие выдвинулось вперед и стало играть более значительную роль со времени Лютера. Псевдо-дионисиевский тип, напротив, представляет собой ярко выраженное генологическое богословие, *theologia gloriae*, имеющее дело по большей части с небесным и ангельским, с тем, что «наверху», чтобы через это постигать и посредством ритуала передавать дальше божественную мистерию.

О влиянии сочинений Псевдо-Дионисия на устремленный к небу готический стиль в церковной архитектуре см.: Сугерий из Сен-Дени в данном сборнике.

Впрочем, это время было скупо на внешние проявления духовности. Отвернувшись от гностического многообразия античной религиозности, философы искали прибежища в тихом однообразии мо-

настырской жизни. Бесконечно плодovitая деятельность одного Августина сменилась деятельностью «человека одной книги», homo unius libri (например, германский перевод Библии, сделанный Вульфиллой), или внутренним светом, как в ирландских монастырях, где опять-таки занимались одной только книгой (The Book of Kells). Весь этот период с генеалогической точки зрения представляет собой путь апофатического отрицания, ведущий к моменту тишины на рубеже тысячелетий. После этого начинается новый, направленный вовне и катафатический 500-летний период, результатом которого стало Возрождение, Ренессанс античного наследия.

23. Боэций (ок. 480–524)

Боэций — римский государственный деятель и философ, который на вершине своей карьеры был брошен в тюрьму готским королем Теодорихом и, обвиненный в государственной измене, казнен. Находясь в тюрьме, он написал сочинение «Утешение философией», в котором следовал традиции, идущей от Платона через Аристотеля («Протрептик») и Цицерона («Гортензий») к Августину. Обстоятельства личной жизни сделали это написанное в утешение сочинение далеко выходящим за рамки популярной философии. Оно начинается с того, что в камеру Боэция входит Философия в образе внушающей благоговение женщины (вроде Диотимы), которая сразу же выгоняет за дверь всех его причитающих и плачущих муз. Пусть не командуют тобой эти прислужницы страсти, нет, ищи просветления и утешения только в чистых ображениях разума! Сочинение гармонично поделено на прозаические и поэтические части и имеет форму диалога между самим Боэцием и Филосо-

Assentior, inquam; cuncta enim firmissimis nexa rationibus constant. — Tum illa: Quanti, inquit, aestimabis, si bonum ipsum quid sit agnoveris? — Infinito, inquam, si quidem mihi pariter deum quoque, qui bonum est, continget agnoscere. — Atqui hoc verissima, inquit, ratione patefaciam, maneant modo quae paulo ante conclusa sunt. — Manebunt. —

Nonne, inquit, monstravimus ea quae appetuntur pluribus idcirco vera perfectaque bona non esse quoniam a se invicem discreparent, cumque alteri abesset alterum plenum absolutumque bonum afferre non posse, tum autem verum bonum fieri cum in unam veluti formam atque efficientiam colliguntur, ut quae sufficientia est eadem sit potentia, reverentia, claritas atque iucunditas, nisi vero unum atque idem omnia sint, nihil habere quo inter expetenda numerentur? — Demonstratum, inquam, nec dubitari ullo modo potest. — Quae igitur cum discrepant minime bona sunt, cum vero unum esse coeperint bona fiunt, nonne haec ut bona sint unitatis fieri ademptione contingit? — Ita, inquam, videtur. — Sed omne quod bonum est boni participatione bonum esse concedis, an minime? — Ita est. — Oportet igitur idem esse unum atque bonum simili ratione concedas; eadem namque substantia est eorum quorum naturaliter non est diversus effectus. — Nega-re, inquam, nequeo. —

Nostine igitur, inquit, omne quod est tam diu manere atque subsistere quamdiu sit unum, sed interire atque dissolui pariter atque unum esse destiterit? — Quonam modo? — Ut in animalibus, inquit, cum in unum coeunt ac permanent anima corpusque id animal vocatur, cum vero haec unitas

фией. Оно состоит из пяти книг, и в его третьей книге (отрывок из которой здесь приведен) достигнута платонистическая вершина в разработке понимания Бога как абсолютного блага и, наоборот, блага — как абсолютно единого.

Благодаря своим комментариям к Аристотелю Бозций сделался главным соединительным звеном между античной и средневековой философией, и его стали называть первым схоластом. Весьма примечательно в связи с нашей темой, что он писал также богословские трактаты. Почему в его камеру вошла Философия, а не Христос? Наверное, тема христианского утешения в таких ситуациях слишком глубока, чтобы такой самокритичный эстет осмелился его выразить. Во всяком случае, произведение задумано как рассказ лишь о философском утешении.

Благо (единство) есть мера всех вещей (De cons. phil. III, 11)

Согласен с этим, — сказал я, — ибо подтверждается это убедительнейшими доводами. — Тогда она спросила: Будешь ли ты признателен мне, когда узнаешь, что представляет собой благо? — Бесконечно, — ответил я, — если бы удалось мне познать Бога, Который в равной степени есть благо. — Я открою это тебе, основываясь на наиболее верных суждениях, запомни только наши предшествующие выводы. — Запомню. — Разве мы не показали, что блага, желаемые большинством людей, на самом деле не являются истинными и совершенными, поскольку каждое из них, в свою очередь, отличается от другого и содержит в себе нечто, не свойственное другим, вследствие чего они не могут доставить истинного и абсолютного блага? Они лишь тогда представляются истинным благом, когда слиты в единое целое и показывают воздействие в совокупности: если богатство есть то же самое, что и могущество, уважение, известность и наслаждение. А если они не являются одним и тем же, то в них нет ничего, что заставляло бы стремиться к ним. — Это доказано и не может быть подвергнуто сомнению ни с какой точки зрения.

Когда эти вещи отличаются одна от другой, они не суть блага, когда же они соединяются воедино, то становятся благом, и не в единстве ли заключено их благо? — Вполне возможно, — сказал я. — Но все благое является таковым из-за причастности своему благу, согласен ли ты с этим? — Да. — Ты должен также признать, что единство и благо — одно и то же. Единая сущность заключена в том, что от природы не разделено. — Не могу отрицать, — сказал я. — Знаешь ли ты, — спросила она, — все, что существует, до тех пор лишь продолжается

utriusque separatione dissolvitur interire nec iam esse animal liquet; ipsum quoque corpus cum in una forma membrorum coniunctione permanet humana visitur species, at si distributae segregataeque partes corporis distraxerint unitatem desinit esse quod fuerat: eoque modo percurrenti cetera procul dubio patebit subsistere unumquodque dum unum est, cum vero unum esse desinit interire. – Consideranti, inquam, mihi plura minime aliud videtur. –

Estne igitur, inquit, quod, in quantum naturaliter agat, relicta subsistendi appetentia venire ad interitum corruptionemque desideret? – Si animalia, inquam, considerem, quae habent aliquam volendi nolendique naturam, nihil invenio quod nullis extra cogentibus abiciant manendi intentionem et ad interitum sponte festinent. Omne namque animal tueri salutem laborat, mortem vero perniciemque devitat. Sed quid de herbis arboribusque, quid de inanimatis omnino consentiam rebus prorsus dubito. – Atqui non est quod de hoc quoque possis ambigere, cum herbas atque arbores intuearis primum sibi convenientibus innasci locis, ubi, quantum earum natura queat, cito exarescere atque interire non possint. Nam aliae quidem campis, aliae montibus oriuntur, alias ferunt paludes, aliae saxis haerent, aliarum fecundae sunt steriles harenae, quas si in alia quispiam loca transferre conetur arescant. Sed dat cuique natura quod convenit, et ne, dum manere possunt, intereant elaborat. Quid quod omnes velut in terras ore demerso trahunt alimenta radicibus ac per medullas robur corticemque diffundunt? Quid quod mollissimum quidque, sicuti medulla est, interiore semper sede reconditur, extra vero quadam ligni firmitate, ultimus autem cortex adversum caeli intemperiem quasi mali patiens defensor opponitur? Iam vero quanta est naturae diligentia ut cuncta semine multiplicato propagentur! Quae omnia non modi ad tempus manendi, verum generatim quoque quasi in perpetuum permanendi veluti quasdam machinas esse quis nesciat? Ea etiam quae inanimata esse creduntur nonne quod suum est quaeque simili ratione desiderant? Cur enim flammas quidem sursum levitas vehit, terras vero deorsum pondus deprimit, nisi quod haec singulis loca motionesque conveniunt? Porro autem, quod cuique consentaneum est id unumquodque conservat, sicuti ea quae sunt inimica corrumpunt. Iam vero quae dura sunt ut lapides adhaerent tenacissime partibus suis et ne facile dissolvantur resistunt; quae vero liquentia ut aer atque aqua facile quidem dividitibus cedunt, sed cito in ea rursus a quibus sunt abscisa relabuntur; ignis vero omnem refugit sectionem.

Neque nunc nos de voluntariis animae cognoscentis motibus, sed de naturali intentione tractamus, sicuti est quod acceptas escas sine cogitatione

и существует, пока является единым, но обречено на разрушение и гибель, если единство будет нарушено. — Каким образом? — спросил я. — Например, у живых существ, если они представляют собой единое целое, в котором сосуществуют тело и душа, это соединение и представляет собой живое существо. Когда же это единство распадается при отделении частей друг от друга, то очевидно, что живое существо погибнет и перестанет существовать. Само тело, когда пребывает в единой форме благодаря связи членов, имеет облик, присущий человеку. Но если разрушить и разделить части тела, единство утратится, и тело перестанет быть тем, чем было.

Таким образом, окинув взором все, ты, без сомнения, убедишься, что существует все как нечто определенное до тех пор, пока оно едино, когда же единство разрушается, оно перестает существовать. — Поразмыслив, я не могу представить себе иного, — сказал я. — А разве не бывает так, чтобы созданное природой настолько утратило желание жить, что само пожелало бы собственной гибели и разрушения? — Если говорить о животных, — ответил я, — которые в некоторой степени наделены от природы способностью желать и не желать, то я не найду ни одного, которое, если его не принуждает что-либо извне, отвергло бы жизнь и добровольно устремилось бы к гибели. Ведь каждое животное стремится поддержать, сохранить себя и избегает смерти и разрушения. Но что касается травы, деревьев и всех неодушевленных веществ, то здесь я колеблюсь, не зная, какое мне о них следует составить суждение. — Тебе не надо испытывать сомнения относительно их, поскольку и травы, и деревья, как ты должен знать, растут в наиболее подходящих для них местах, где, в зависимости от своей природы, оказываются лучше защищенными от скорого увядания и гибели. Так, некоторые из них растут в полях, другие — в горах, третьи рождаются на болотах, четвертые цепляются за скалы, для пятых благоприятными оказываются бесплодные пески, причем настолько, что если их попытаются перенести, они погибнут. Природа наделяет каждый вид тем, что ему необходимо, и она заботится, чтобы все, пока сохраняет силу жизни, не погибло. В противном случае, — я спрашиваю, — отчего все растения, как бы влившись в землю устами, корнями тянут из нее питательные соки, а через кору и сердцевину питаются, приобретая крепость и силу? Ведь вследствие этого их наиболее мягкая часть, составляющая сердцевину, всегда сокрыта внутри, а над ней для крепости располагается древесный слой, который защищает их от превратностей погоды. Столь велика забота природы, что с помощью рассеивания семени она дала растениям не только временное бытие, но и как бы одарила их вечным существованием посредством какого-то (тайнственного) механизма. Кто этого не знает? То же можно сказать и о вещах

transigimus, quod in somno spiritum ducimus nescientes. Nam ne in animalibus quidem manendi amor ex animae voluntatibus, verum ex naturae principiis venit. Nam saepe mortem cogentibus causis, quam natura reformat, voluntas amplectitur, contraque illud quo solo mortalium rerum durat diuturnitas, gignendi opus, quod natura semper appetit, interdum coercet voluntas. Adeo haec sui caritas non ex animali motione, sed ex naturali intentione procedit; dedit enim providentia creatis a se rebus hanc vel maximam manendi causam ut quoad possunt naturaliter manere desiderent. Quare nihil est quod ullo modo queas dubitare cuncta quae sunt appetere naturaliter constantiam permanendi, devitare perniciem. —

Confiteor, inquam, nunc me indubitato cernere quae dudum incerta videbantur. — Quod autem, inquit, subsistere ac permanere petit id unum esse desiderat; hoc enim sublato ne esse quidem cuiquam permanebit. — Verum est, inquam. —

Omnia igitur, inquit, unum desiderant. — Consensi. — Sed unum id ipsum monstravimus esse quod bonum. — Ita quidem. — Cuncta igitur bonum petunt, quod quidem ita describas licet ipsum bonum esse quod desideretur ab omnibus. — Nihil, inquam, verius excogitari potest; nam vel ad nihil unum cuncta referuntur et uno veluti vertice destituta sine rectore fluitabunt aut si quid est ad quod universa festinant id erit omnium summum bonorum. — Et illa: Nimium, inquit, o alumne, laetor; ipsam enim mediae veritatis notam mente fixisti. Sed in hoc patuit tibi quod ignorare te paulo ante dicebas. — Quid? inquam. — Quis esset, inquit, rerum omnium finis. Is est enim profecto quod desideratur ab omnibus; quod quia bonum esse collegimus, oportet rerum omnium finem bonum esse fateamur.

неодушевленных, ведь они так же устремляются к тому, что соответствует их природе. Разве поднималось бы легкое пламя вверх, а тяжесть не увлекала бы землю вниз, если бы такие движения не были им свойственны? Далее, если одно соответствует другому, то оба эти явления сохраняют единство, тогда как то, что недружественно, распадается. В соответствии с этим законом такие твердые тела, как, например, камни, в которых составляющие их частицы соединены наитеснейшим образом, при попытке разрушить их оказывают сопротивление. То же наблюдается и в жидкостях, равно как в воздухе и воде, ибо, хотя они и легко поддаются силам, их разделяющим, но быстро возвращаются в прежнее состояние. Огонь же избегает всякого расчленения. А ведь в этих случаях мы имеем дело не с волевыми движениями сознающей души, а с природными побуждениями, которые сродни проглатыванию пищи, свершение чего не вызывает у нас раздумий, или дыханию во сне, когда мы дышим, не задумываясь над этим. Так и у животных любовь к бытию проистекает не из желаний души, но из законов природы.

Однако часто случается, что смерть, которой страшится природа, избирает воля, и она заставляет также иногда отrekаться от продолжения рода, дара, которым природа наградила всех смертных для поддержания непрерывности их существования, и исполнения чего она неукоснительно требует. Итак, любовь к жизни проистекает не из осознанного желания живого существа, но из природного стремления. К тому же Провидение вложило в созданное им великую основу бытия — стремление жить до тех пор, пока это возможно. Поэтому ты не должен иметь сомнений относительно того, что всему живущему от природы свойственно желать постоянства бытия и избегать гибели. — Признаюсь, — сказал я, — теперь мне кажется несомненным то, что раньше представлялось вполне ясным. — То же, что жаждет существовать, — продолжала она, — желает быть единым, если же это условие не выполняется, оно перестает быть тем, продолжением чего должно быть. — Верно. — Все стремится к единству. — Согласен. — Но я показала, что единство есть не что иное, как благо. — Да. — Следовательно, все стремится к благу, и тебе надо так написать: благо есть то, чего все желают. — Ничего более убедительного не могу себе представить, — сказал я, — и в таком случае нельзя не признать, что если все стремится к небытию и одиноко, без рулевого, несется по бурной пучине, или же существует нечто, к чему все спешат, и оно представляет собой наивысшее из всех благ. — Мне радостно слышать от тебя это, о питомец, ибо твой разум проник в самую суть истины. Тебе открылось то, о чем ты ранее говорил как о неведомом. — Что же теперь? — Какова цель всего сущего? Она заключена в том, что желаемо всеми, и, исходя из наших предшествующих рассуждений, цель всего сущего есть благо.

Quisquis profunda mente vestigat verum
cupitque nullis ille deviis falli
in se revoluat intimi lucem visus
longosque in orbem cogat inflectens motus
animumque doceat quicquid extra molitur
suis retrusum possidere thesauris;
dudum quod atra texit erroris nubes
lucebit ipso perspicacius Phoebō.
Non omne namque mente depulit lumen
obliviosam corpus invehens molem;
haeret profecto semen introrsum veri
quod excitatur ventilante doctrina;
nam cur rogati sponte recta censetis
ni mersus alto viveret fomes corde?
Quodsi Platonis Musa personat verum,
quod quisque discit immemor recordatur. —

Всякий, кто правду умом своим постигает
И не желает стать на путь заблужденья,
Должен в себя погрузить взор свой пытливый.
Смертного взор блуждает в мирах отдаленных.
Путь изменив свой, он постигает, однако,
Истину ту, что сколько бы он ни пытался
Клад тот извне обрести, поймет, что таится
В сердце лишь он. В глубинах души лишь можно
Это сокровище зреть. Ведь не полностью света
Ум человека лишен под бременем тяжким
Смертного тела, чей груз к правды забвенью
Душу влечет. Ибо семя правды таится
В самых глубинах души. Оно прорастает
Лишь под лучом благого ученья, что будит
Смертную душу. Если бы в сердца глубинах
Жар не таился, то как могли бы вы сами
Верно судить. По слову Платоновой музыки:
Кто познает, забытое лишь вспоминает.

Пер. В. И. Уколовой и М. Н. Цейтлина

24. Дионисий Ареопагит (ок. VI в. по Р. Х.)

Dionysios Areopagos — имя неизвестного автора сочинений на греческом языке, Corpus Dionysiacum, которые появились в Константинополе в начале VI в. В IX в. сочинение стало известно на Западе благодаря переводу на латынь, сделанному философом Иоанном Скотом Эриугеной. После этого ему была уготована решающая роль в формировании средневекового богословия и философии. Даже ренессансный мыслитель Николай Кузанский (1401–1464) находился под его сильнейшим влиянием.

Автор этих произведений выдавал себя за Дионисия, который, если следовать «Деяниям апостолов», гл. 17, слушал Павла в Ареопаге, отсюда и имя автора: «Ареопагит». Современные исследования тем не менее отметили это как фальсификацию. Считается, что автором сочинения предположительно должен был быть мыслитель гораздо более позднего времени, такой, например, как неоплатоник Прокл, а также естественно было бы предполо-

Τίς ὁ θεῖος γνῶφος

1. Τριάς
ὕπερούσιε,
καὶ ὑπέρθεε, καὶ ὑπεράγαθε,
τῆς Χριστιανῶν ἔφορε θεοσοφίας,

Ἰθυνον ἡμᾶς ἐπὶ τὴν τῶν μυστικῶν λογίων ὑπεράγνωστον,
καὶ ὑπερφαῖ καὶ ἀκροτάτην κορυφὴν,
ἐνθα τὰ ἀπλᾶ,
καὶ ἀπόλυτα, καὶ ἄτρεπτα τῆς θεολογίας μυστήρια,
κατὰ τὸν ὑπέρφωτον ἐγκεκάλυπται
τῆς κρυφιομύστου σιγῆς γνόφον,
ἐν τῷ σκοτεινοτάτῳ
τὸ ὑπερφανέστατον ὑπερλάμποντα,
καὶ ἐν τῷ πάμπαν ἀναφεῖ καὶ ἀοράτῳ τῶν ὑπερκάλων ἀγλαῖῳ
ὑπερπληροῦντα τοὺς ἀνομμάτους νόας.

жить, что они были созданы недалеко от места своего появления — в Константинополе.

Однако существует внутренняя взаимосвязь между этими произведениями и речью Павла в Ареопаге, поскольку и Дионисий, и Павел говорят о Непознаваемом Боге. Другими важными понятиями и мотивами *Corpus Dionysiacum* являются «мистика», «ангелы», «иерархия», «символ», «свет», «рассуждение через отрицание», «диалектика». Сочинения пытаются придать неоплатонистское толкование библейскому Откровению.

Следующее небольшое произведение, *Theologia mystica*, приведенное здесь *in extenso*, является особенно существенным и известным. Его прозаический язык очень точен и сконцентрирован, но при этом его стилистика несет на себе отпечаток экстатических гимнов.

*И блистающий ум ты оставил, и знание сущих
Ночи ради бессмертной, которой нельзя называть.*

Дионисия Ареопагита, епископа Афинского,
к Тимофею, епископу Ефесскому

О МИСТИЧЕСКОМ БОГОСЛОВИИ

Глава 1

Что такое божественный мрак?

1. Троица пресущественная, пребожественная и преблагая, руководящая премудростью христиан, направь нас к таинственным слов пренепознаваемой, пресветлой и высочайшей вершине, где простые, абсолютные и неизменные таинства богословия, окутанные пресветлым мраком сокровенно таинственного молчания, в глубочайшей тьме пресветейшим образом сияют и совершенно таинственно и невидимо прекрасным блеском преисполняют безглазые умы. Такогово да будет моя молитва.

Ты же, дорогой Тимофей, усердно прилежаша мистическим созерцаниям, оставь как чувственную, так и умственную деятельность и вообще все чувственное и умообразное, все не сущее и сущее, и из всех сил устремись к соединению с Тем, Кто выше всякой сущности и познания. Неудержимым и абсолютным из себя и из всего уходом, все оставив и от всего освободившись, ты безусловно будешь возведен к пресущественному сиянию божественной тьмы.

Ἔμοι μὲν οὖν ταῦτα ἡῦχθω·

Σὺ δὲ, ὦ φίλε Τιμόθεε,
τῇ περὶ τὰ μυστικά θεάματα συντόνῳ
διατριβῇ καὶ τὰς αἰσθήσεις ἀπόλειπε,
καὶ τὰς νοερὰς ἐνεργείας, καὶ πάντα αἰσθητὰ καὶ νοητὰ, καὶ πάντα
οὐκ ὄντα καὶ ὄντα, καὶ πρὸς τὴν ἔνωσιν,¹⁾ ὡς ἐφικτόν,
ἀγνώστως ἀνατάθῃτι τοῦ ὑπὲρ πᾶσαν οὐσίαν καὶ γνῶσιν·
τῇ γὰρ ἑαυτοῦ καὶ πάντων ἀσχέτῳ
καὶ ἀπολύτῳ καθαρῶς ἐκστάσει πρὸς τὴν ὑπερούσιον
τοῦ θείου σκότους ἀκτίνα, πάντα ἀφελῶν
καὶ ἐκ πάντων ἀπολυθεῖς,
ἀναχθήσῃ.

2. Τούτων δὲ ὄρα, ὅπως μηδεὶς τῶν ἀμυήτων ἐπακούσῃ·
τούτους δέ φημι τοὺς ἐν τοῖς οὖσιν ἐνισχημένους,
καὶ οὐδὲν ὑπὲρ τὰ ὄντα ὑπερουσίως
εἶναι φανταζομένους,
ἀλλ' οἰομένους εἰδέναι
τῇ καθ' αὐτοὺς γνώσει
τὸν θέμενον σκότος ἀποκρυφὴν αὐτοῦ.

Εἰ δὲ ὑπὲρ τούτους εἰσὶν
αἱ θεῖαι μυσταγωγίαι,
τί ἂν τις φαίῃ περὶ τῶν μᾶλλον ἀμύστων,
ὅσοι τὴν πάντων ὑπερκειμένην αἰτίαν
καὶ ἐκ τῶν ἐν τοῖς οὖσιν ἐσχάτων χαρακτηρίζουσιν,
καὶ οὐδὲν αὐτὴν ὑπερέχειν φασὶ
τῶν πλαττομένων αὐτοῖς ἀθέων καὶ πολυειδῶν μορφωμάτων,
δέον ἐπ' αὐτῇ
καὶ πάσας τὰς τῶν ὄντων
τιθέναι καὶ καταφάσκειν θέσεις,
ὡς πάντων αἰτίᾳ,
καὶ πάσας αὐτὰς κυριώτερον ἀποφάσκειν,
ὡς ὑπὲρ πάντα ὑπερούση,
καὶ μὴ οἶεσθαι
τὰς ἀποφάσεις ἀντικειμένας εἶναι ταῖς καταφάσεσιν,
ἀλλὰ πολὺ πρότερον αὐτὴν
ὑπὲρ τὰς στερήσεις εἶναι τὴν ὑπὲρ πᾶσαν
καὶ ἀφαίρεσιν καὶ θέσιν;

2. Смотри, однако же, чтобы никто из непосвященных об этом не услышал. Таковыми я называю привязанных к сущему, воображающих, что ничего сверх сущего сверхсущественно не существует, но полагающих, что своим собственным разумом они способны ведать «Положившего тьму покровом Своим» (2 Цар. 22, 12; Пс. 17, 12). Если выше таковых оказываются божественные тайноучения, то что говорить о еще менее причастных к тайнам, которые лежащую над всем Причину изображают как последнее из сущего и утверждают, что Она ничем не превосходит создаваемых ими безбожных многообразных форм. Подобаает, между тем, приписывать Ей как всеобщей Причине все качества сущего и еще более подобаает их отрицать, поскольку она превыше всего суща; и не надо при этом считать, что отрицание противоречит утверждению, так как Она намного первичней и выше умалений, выше всякого и отрицания и утверждения.

3. Так, божественный Варфоломей говорит, что и велико богословие и мало, и Евангелие и пространно и велико, но при этом и кратко. Мне кажется, он совершенным образом понимал, что и многословесна благая Причина всего, и малоречива, и даже бессловесна настолько, что не имеет ни слова, ни мысли, потому как все Она сверхсущественно превосходит, и неприкрыто и истинно изъясняется только тем, кто, превзойдя все нечистое, как и чистое, и одолев восхождение на все и всяческие святые вершины, и все божественные светы, и звуки, и речи небесные оставив, вступает во мрак, где воистину пребывает, как говорит Писание, Тот, Кто вне всего.

3. Οὕτω γοῦν ὁ θεῖος Βαρθολομαῖός φησι,
 καὶ πολλὴν τὴν θεολογίαν εἶναι
 καὶ ἐλαχίστην·
 καὶ τὸ Εὐαγγέλιον πλατὺ καὶ μέγα,
 καὶ αὐθις συντετμημένον.
 Ἐμοὶ δοκεῖ ἐκεῖνο ὑπερφυῶς ἐννοήσας,
 ὅτι καὶ πολύλογός ἐστιν ἡ ἀγαθὴ πάντων αἰτία,
 καὶ βραχύλεκτος ἅμα καὶ ἄλογος,
 ὥς οὔτε λόγον οὔτε νόησιν ἔχουσα,
 διὰ τὸ πάντων αὐτὴν ὑπερουσίως ὑπερκειμένην εἶναι,
 καὶ μόνοις ἀπερικαλύπτως, καὶ ἀληθῶς ἐκφαινομένην
 τοῖς καὶ τὰ ἐναγῇ πάντα καὶ τὰ καθαρὰ διαβαίνουσι,
 καὶ πᾶσαν πασῶν ἀγίων ἀκροτήτων ἀνάβασιν ὑπερβαίνουσι,
 καὶ πάντα θεῖα φῶτα, καὶ ἤχους, καὶ λόγους οὐρανίους
 ἀπολιμπάνουσι, καὶ εἰς τὸν γνόφον εἰσδυομένοις, οὐ ὄντως ἐστίν,
 ὥς τὰ λόγια φησιν,
 ὁ πάντων ἐπέκεινα.

Καὶ γὰρ οὐχ ἀπλῶς ὁ θεῖος Μωϋσῆς
 ἀποκαθαρθῆναι πρῶτον αὐτὸς κελεύεται,
 καὶ αὐθις τῶν μὴ τοιούτων ἀφορισθῆναι,
 καὶ μετὰ πᾶσαν ἀποκάθαρσιν ἀκούει τῶν
 πολυφώνων σαλπίγων,
 ὄρᾳ φῶτα πολλὰ,
 καθαρὰς ἀπαστράπτοντα καὶ πολυχύτους ἀκτῖνας·
 εἶτα τῶν πολλῶν ἀφώριστα,
 καὶ κατὰ τῶν ἐκκρίτων ἱερέων ἐπὶ τὴν ἀκρότητα
 τῶν θείων ἀναβάσεων φθάνει.

Κάν τούτοις αὐτῷ μὲν οὐ συγγίνεται τῷ Θεῷ,
 θεωρεῖ δὲ
 οὐκ αὐτὸν (ἀθέατος γάρ·)
 ἀλλὰ τὸν τόπον οὐ ἐστι.

Τοῦτο δὲ οἶμαι σημαίνειν
 τὸ τὰ θειότατα καὶ ἀκρότατα τῶν ὁρωμένων καὶ νοουμένων
 ὑποθετικούς τινας εἶναι λόγους
 τῶν ὑποβεβλημένων τῷ πάντα ὑπερέχοντι,
 δι' ὧν ἡ ὑπὲρ πᾶσαν αὐτοῦ παρουσία

Не сразу и божественный Моисей — сначала ему повелено было самому очиститься и от неочищенных отделиться — лишь после всяческого очищения услышал он многогласные трубы и увидел светы многие, чисто сияющие, и разнообразные лучи. После этого он покинул толпу и со священниками многими достиг вершины божественных восхождений. Но и там он беседовал не с самим Богом и видел не Его Самого, ибо Тот незрим, но место, где Тот стоял. Это указывает, как мне кажется, на то, что божественнейшие и высочайшие из предметов созерцания и разумения являются всего лишь некоторыми гипотетическими выражениями подножий все Превосходящего, с помощью которых обнаруживается превышающее всякое мышление присутствие того, Кто опирается на умственные вершины Его святейших мест.

И тогда Моисей отрывается от всего зримого и зрящего и проникает в воистину таинственный мрак неведения, после чего оставляет всякое познавательное восприятие и в совершенной темноте и незрячести оказывается, весь будучи за пределами всего, ни себе, ни чему-либо другому не принадлежа, соединяясь в наилучшем смысле с совершенно не ведающей никакого знания бездеятельностью и уразумевая сверхразумное ничего-не-знанием.

δείκνυται, ταῖς νοηταῖς ἀκρότησι
 τῶν ἀγιωτάτων αὐτοῦ τόπων ἐπιβατεύουσα·
 καὶ τότε καὶ αὐτῶν ἀπολύεται
 τῶν ὀρωμένων καὶ τῶν ὀρώντων,
 καὶ εἰς τὸν γνόφον τῆς ἀγνωσίας εἰσδύνει τὸν ὄντως μυστικόν,
 καθ' ὃν ἀπομυεῖ πάσας τὰς γνωστικὰς ἀντιλήψεις,
 καὶ ἐν τῷ πάμπαν ἀναφεῖ καὶ ἀοράτῳ γίγνεται,
 πᾶς ὢν τοῦ πάντων ἐπέκεινα,
 καὶ οὐδενὸς οὔτε ἑαυτοῦ οὔτε ἐτέρου,
 τῷ παντελῶς δὲ ἀγνώστῳ
 τῆς πάσης γνώσεως ἀνενεργησίᾳ,
 κατὰ τὸ κρεῖττον ἐνούμενος,
 καὶ τῷ μηδὲν γινώσκειν,
 ὑπὲρ νοῦν γινώσκων.

Πῶς δεῖ καὶ ἐνοῦσθαι, καὶ ὕμνους ἀνατιθέναι
 τῷ πάντων αἰτίῳ, καὶ ὑπὲρ πάντα

Κατὰ τοῦτον ἡμεῖς γενέσθαι
 τὸν ὑπέρφωτον εὐχόμεθα γνόφον,
 καὶ δι' ἀβλεψίας καὶ ἀγνωσίας ἰδεῖν,
 καὶ γνῶναι τὸ ὑπὲρ θεᾶν καὶ γνῶσιν αὐτὸ τὸ μὴ ἰδεῖν μηδὲ γνῶναι·
 τοῦτο γάρ ἐστι τὸ ὄντως ἰδεῖν καὶ γνῶναι,
 καὶ τὸν ὑπερούσιον ὑπερουσίως
 ὑμνῆσαι διὰ τῆς πάντων
 τῶν ὄντων ἀφαιρέσεως,
 ὥσπερ οἱ αὐτοφυεῖς ἄγαλμα ποιοῦντες,
 ἐξαιροῦντες πάντα τὰ ἐπιπροσθούντα
 τῇ καθαυτῇ τοῦ κρυφίου θεᾶ κωλύματα,
 καὶ αὐτὸ ἐφ' ἑαυτοῦ τῇ ἀφαιρέσει μόνῃ
 τὸ ἀποκεκρυμμένον ἀναφαίνοντες κάλλος.
 Χρὴ δέ, ὥς οἶμαι, τὰς ἀφαιρέσεις
 ἐναντίως ταῖς θέσεσιν ὑμνῆσαι·
 καὶ γὰρ ἐκείνας μέν,
 ἀπὸ τῶν πρωτίστων ἀρχόμενοι,
 καὶ διὰ μέσων
 ἐπὶ τὰ ἔσχατα κατιόντες, ἐτίθεμεν·
 ἐνταῦθα δέ, ἀπὸ τῶν ἐσχάτων
 ἐπὶ τὰ ἀρχικώτατα τὰς ἐπαναβάσεις ποιούμενοι,

Глава 2

Как подобает восходить ко всеобщей и все превосходящей Причине и ее воспевать

Молимся о том, чтобы оказаться нам в этом пресветлом мраке и посредством невидения и неведения видеть и разуметь то, что выше созерцания и знания, что невозможно ни видеть, ни знать, ибо это и есть поистине видеть и ведать; и — чтобы Пресущественного пресущественно воспеть путем отъятия всего сущего, подобно создателям самородно-цельной статуи изымая все облегающее и препятствующее чистому восприятию сокровенного, одним отъятием выявляя как таковую сокровенную чистоту.

Подобает, как мне кажется, предпочитать отъятия прибавлениям. Ибо прилагая, мы идем от первейших через среднее к последним; а в этом случае, восходя от последних к первейшим, все отнимаем, чтобы, открыв, уразуметь то неведение, прикрытое в сфере сущего познаваемым, и увидеть тот пресущественный мрак, скрываемый всяческим светом, связанным с сущим.

τὰ πάντα ἀφαιροῦμεν,
 ἵνα ἀπερικαλύπτως γνῶμεν ἐκείνην τὴν ἀγνωσίαν,
 τὴν ὑπὸ πάντων τῶν γνωστῶν
 ἐν πᾶσι τοῖς οὐσι περικεκαλυμμένην,
 καὶ τὸν ὑπερούσιον ἐκείνον
 ἰδωμεν γνόφον,
 τὸν ὑπὸ παντὸς τοῦ ἐν τοῖς οὐσι φωτὸς ἀποκρυπτόμενον.

Τίνες αἱ καταφατικαὶ θεολογίαι, τίνες αἱ ἀποφατικαὶ

Ἐν μὲν οὖν ταῖς θεολογικαῖς ὑποτυπώσεσι τὰ κυριώτατα τῆς
 καταφατικῆς θεολογίας ὑμνήσαμεν,
 πῶς ἡ θεία καὶ ἀγαθὴ φύσις
 ἐνικὴ λέγεται,
 πῶς τριαδική·
 τίς ἡ κατ' αὐτὴν λεγομένη
 πατρότης τε καὶ υἰότης·
 τί βούλεται δηλοῦν ἡ τοῦ Πνεύματος θεολογία·
 Πῶς ἐκ τοῦ αὐλοῦ καὶ ἀμεροῦς ἀγαθοῦ
 τὰ ἐγκάρδια τῆς ἀγαθότητος ἐξέφυ φῶτα,
 καὶ τῆς ἐν αὐτῷ,
 καὶ ἐν ἑαυτοῖς, καὶ ἐν ἀλλήλοις
 συναϊδίου τῇ ἀναβλαστήσει μονῆς ἀπομεμένηκεν ἀνεκφοίτητα·
 πῶς ὁ ὑπερούσιος Ἰησοῦς
 ἀνθρωποφυϊκαῖς ἀληθείαις οὐσίωται·
 καὶ ὅσα ἄλλα πρὸς τῶν Λογίων ἐκπεφασμένα
 κατὰ τὰς θεολογικὰς ὑποτυπώσεις ὑμνεῖται.

Ἐν δὲ τῷ *Περὶ θείων ὀνομάτων*,
 πῶς ἀγαθὸς ὀνομάζεται,
 πῶς ζωὴ καὶ σοφία, καὶ δύναμις,
 καὶ ὅσα ἄλλα τῆς νοητῆς ἐστὶ θεωνυμίας·

Ἐν δὲ τῇ *Συμβολικῇ θεολογίᾳ*,
 τίνες αἱ ἀπὸ τῶν αἰσθητῶν
 ἐπὶ τὰ θεῖα μετωνυμιαί·
 τίνες αἱ θεῖαι μορφαί,
 τίνα τὰ θεῖα σχήματα, καὶ μέρη, καὶ ὄργανα,
 τίνες οἱ θεῖοι τόποι, καὶ κόσμοι,

Глава 3

Каково катафатическое богословие и каково апофатическое

В «Богословских очерках» мы раскрыли, что принадлежит собственно катафатическому богословию: почему божественная и благая Природа называется единственной, почему тройственной, что в ней именуется Отцовством и Сыновством, прояснению чего служит богословие Духа, как от невещественного и неделимого Блага происходят в сердце благодатные светлы и пребывают в нем, в самих себе и друг в друге неотрывными от совечного их возникновению Пребывалища; почему пресущественный Иисус восуществляется единственными для человека истинами; и остальное, что явлено Писанием, разъяснено в «Богословских очерках».

В книге же «О божественных именах» говорится о том, почему Бог именуется Благим, почему Сущим, почему Жизнью, Премудростью, Силой и прочим, чем пользуется умозрительное богоименование.

В «Символическом богословии» — каковы от чувственного на божественные метонимии, что такое божественные формы, каковы божественные образы, части, органы, что представляют собой божественные места, миры, каковы стремления, страдания, негодования, что такое упоения и похмелья, каковы клятвы и проклятия, что — сны, каковы пробуждения, и что представляют собой прочие священнозданные формы символического богословия. Ты, я думаю, видел, насколько последнее многословнее первого.

τίνες οἱ θυμοί, τίνες αἱ λύπαι, καὶ αἱ μῆνιδες,
 τίνες αἱ μέθαι καὶ κραιπάλαι,
 τίνες οἱ ὄρκοι, καὶ τίνες αἱ ἄραι,
 τίνες οἱ ὕπνοι, καὶ τίνες αἱ ἐγρηγόρσεις,
 καὶ ὅσαι ἄλλαι τῆς συμβολικῆς εἰσι θεοτυπίας
 ἱερόπλαστοι μορφώσεις.

Καὶ σε οἶμαι συνεωρακέναι, πῶς πολυλογώτερα μᾶλλον ἐστὶ τὰ
 ἔσχατα τῶν πρώτων· καὶ γὰρ ἐχρῆν τὰς θεολογικὰς ὑποτυπώσεις, καὶ
 τὴν τῶν θείων ὀνομάτων ἀνάπτυξιν βραχυλογωτέραν εἶναι τῆς
 Συμβολικῆς θεολογίας. Ἐπεὶ περ ὅσῳ πρὸς τὸ ἀναντες
 ἀνανεύομεν, τοσοῦτον οἱ λόγοι ταῖς συνόψεσι τῶν νοητῶν περι-
 στέλλονται·

Καθάπερ καὶ νῦν
 εἰς τὸν ὑπὲρ νοῦν εἰσδύνοντες γνόφον,
 οὐ βραχυλογίαν,
 ἀλλ' ἀλογίαν παντελῇ καὶ ἀνοησίαν εὐρήσομεν.

Κάκει μὲν ἀπὸ τοῦ ἄνω
 πρὸς τὰ ἔσχατα κατιῶν ὁ λόγος, κατὰ τὸ ποσὸν
 τῆς καθόδου, πρὸς ἀνάλογον πλῆθος ἡρῦνεντο·
 νῦν δέ,
 ἀπὸ τῶν κάτω πρὸς τὸ ὑπερκείμενον ἀνίων,
 κατὰ τὸ μέτρον τῆς ἀνόδου συστέλλεται,
 καὶ
 μετὰ πᾶσαν ἀνοδὸν
 ὁλος ἄφωνος ἔσται, καὶ ὁλος ἐνωθήσεται
 τῷ ἀφθέγκτῳ.

Διὰ τί δὲ ὅλως, φῆς, ἀπὸ τοῦ πρωτίστου θέμενοι τὰς θείας θέσεις,
 ἀπὸ τῶν ἐσχάτων ἀρχόμεθα τῆς θείας ἀφαιρέσεως;

Ὅτι, τὸ ὑπὲρ πᾶσαν
 τιθέντας θέσιν ἀπὸ τοῦ μᾶλλον
 αὐτῷ συγγενεστέρου,
 τὴν ὑποθετικὴν κατάφασιν ἐχρῆν τιθέναι·
 τὸ δὲ ὑπὲρ πᾶσαν
 ἀφαίρεσιν ἀφαιροῦντας,
 ἀπὸ τῶν μᾶλλον αὐτοῦ διεστηκότων ἀφαιρεῖν.

Подобает ведь «Богословским очеркам» и раскрытию божественных имен быть короче «Символического богословия». Ибо по мере нашего восхождения вверх, речи вследствие сокращения умозрений сокращаются. Так что и ныне, входя в сущий выше ума мрак, мы обретаем не малословие, но совершенную бессловесность и неразумение.

А оттуда, сверху, до пределов нисходя, слово соответствующим образом распространяется по мере нисхождения. Но теперь, восходя от нижнего к высшему, по мере восхождения оно сокращается и после полного восхождения будет вовсе беззвучным и все соединится с невыразимым.

Почему, спрашиваешь ты, утверждения о божественном, начиная с первичного, божественные отъятия мы начинаем с последнего? Потому что, высказывая утверждение о все Превосходящем, подобает начинать гипотетическую катафазу с более тому родственного. Отнимая же от того, что выше всякого отъятия, — начинать отнимать с более от того удаленного. Разве не более Бог жизнь и благодать, нежели воздух и камень? И не в большей ли мере не бывает Он в похмелье и не гневается, чем не может быть выражен словом или помыслен?

Ἡ οὐχὶ μᾶλλον ἐστὶ ζωὴ καὶ ἀγαθότης
 ἢ ἄηρ καὶ λίθος;
 καὶ μᾶλλον οὐ κραιπαλᾶ, καὶ οὐ μηνιᾶ,
 ἢ οὐ λέγεται οὐδὲ νοεῖται;

Δ. Ὅτι οὐδὲν τῶν αἰσθητῶν ὁ παντὸς αἰσθητοῦ καθ' ὑπεροχὴν αἴτιος

Λέγομεν οὖν, ὥς

ἢ πάντων αἰτία, ὑπὲρ πάντα οὔσα,
 οὔτε ἀνούσιός ἐστιν, οὔτε ἄζωος,
 οὔτε ἄλογος, οὔτε ἄνους,
 οὐδὲ σῶμά ἐστιν·
 οὔτε σχῆμα, οὔτε εἶδος,
 οὔτε ποιότητα, ἢ ποσότητα, ἢ ὄγκον ἔχει·
 οὐδὲ ἐν τόπῳ ἐστίν,
 οὔτε ὁράται, οὔτε ἐπαφὴν αἰσθητὴν ἔχει·
 οὐδὲ αἰσθάνεται, οὔτε αἰσθητὴ ἐστίν,
 οὐδὲ ἀταξίαν ἔχει καὶ παραχὴν,
 ὑπὸ παθῶν ὑλικῶν ἐνοχλουμένη·
 οὔτε ἀδύναμός ἐστιν, αἰσθητοῖς ὑποκειμένη συμπτώμασιν,
 οὔτε ἐν ἐνδείᾳ ἐστὶ φωτός,
 οὐδὲ ἀλλοίωσιν, ἢ φθοράν, ἢ μερισμόν,
 ἢ στέρησιν, ἢ ρεῦσιν, οὔτε ἄλλο τι
 τῶν αἰσθητῶν, οὔτε ἐστίν, οὔτε ἔχει.

Ε. Ὅτι οὐδὲν τῶν νοητῶν ὁ παντὸς νοητοῦ καθ' ὑπεροχὴν αἴτιος

Αὐθις δὲ ἀνιόντες λέγομεν, ὥς

οὔτε ψυχὴ ἐστίν, οὔτε νοῦς·
 οὔτε φαντασίαν, ἢ δόξαν,
 ἢ λόγον, ἢ νόησιν ἔχει·
 οὐδὲ λόγος ἐστίν, οὔτε νόησις·
 οὐδὲ λέγεται οὔτε νοεῖται·
 οὔτε ἀριθμός ἐστιν, οὔτε τάξις,
 οὔτε μέγεθος, οὔτε σμικρότης,
 οὔτε ἰσότης, οὔτε ἀνισότης·
 οὔτε ὁμοιότης ἢ ἀνομοιότης·
 οὔτε ἐστηκεν, οὔτε κινεῖται, οὔτε ἡσυχίαν ἔχει,

Глава 4**Что ничем из чувственного не является, превосходя его,
Причина всего чувственного**

Итак, мы утверждаем, что Причина всего, будучи выше всего, и несущностна, и нежизненна, не бессловесна, не лишена ума и не есть тело; не имеет ни образа, ни вида, ни качества, или количества, или величины; на каком-то месте не пребывает, невидима, чувственного осязания не имеет; не воспринимает и воспринимаемой не является; Ей не свойственны беспорядок, смута и беспокойство, возбуждаемые страстями материи; Она не бессильна как неподверженная чувственным болезням, не имеет недостатка в свете; ни изменения, ни тления, ни разделения, ни лишения, ни излияния не претерпевает; и ничего другого из чувственного Она не представляет собой и не имеет.

Глава 5**Что ничем из умственного не является, превосходя его,
Причина всего умственного**

Далее восходя, говорим, что Она не душа, не ум; ни воображения, или мнения, или слова, или разумения Она не имеет; и Она не есть ни слово, ни мысль; Она и словом не выражима и не уразумеваема; Она и не число, и не порядок, не величина и не малость, не равенство и не неравенство, не подобие и не отличие; и Она не стоит, не движется, не пребывает в покое, не имеет силы и не является ни силой, ни светом; Она не живет и не жизнь; Она не есть ни сущность, ни век, ни время; Ей не свойственно умственное восприятие; Она не знание, не истина, не царство, не премудрость; Она не единое и не единство, не божественность или благость; Она не есть дух в известном нам смысле, не сыновство, не отцовство, ни что-либо другое из доступного нашему или чьему-нибудь из сущего восприятию; Она не что-то из не-сущего и не что-то из сущего; не сущее не знает Ее такой, какова Она есть, ни Она не знает сущего таким, каково оно есть; Ей не свойственны ни слово, ни имя, ни знание; Она не тьма и не свет, не заблуждение и

οὔτε ἔχει δύναμιν, οὔτε δύναμίς ἐστιν, οὔτε φῶς·
 οὔτε ζῆ, οὔτε ζωή ἐστιν·
 οὐδὲ οὐσία ἐστίν,
 οὔτε αἰών, οὔτε χρόνος·
 οὐδὲ ἐπαφή ἐστιν αὐτῆς νοητή·
 οὔτε ἐπιστήμη, οὔτε ἀλήθεια ἐστιν·
 οὐδὲ βασιλεία, οὔτε σοφία·
 οὐδὲ ἔν, οὐδὲ ἐνότης,
 οὐδὲ θεότης, ἢ ἀγαθότης,
 οὐδὲ πνεῦμά ἐστιν ὡς ἡμᾶς εἰδέναι·
 οὔτε υἱότης, οὔτε πατρότης,
 οὐδὲ ἄλλο τι τῶν ἡμῖν
 ἢ ἄλλῳ τινὶ τῶν ὄντων συνεγνωσμένων·
 οὐδέ τι τῶν οὐκ ὄντων,
 οὐδέ τι τῶν ὄντων ἐστίν,
 οὐδὲ τὰ ὄντα αὐτὴν γινώσκει
 ἢ αὐτὴ ἐστιν·
 οὐδὲ αὐτὴ γινώσκει τὰ ὄντα
 ἢ ὄντα ἐστίν·
 οὐδὲ λόγος αὐτῆς ἐστιν,
 οὔτε ὄνομα, οὔτε γνῶσις·
 οὐδὲ σκότος ἐστίν, οὐδὲ φῶς·
 οὔτε πλάνη, οὔτε ἀλήθεια·
 οὐδέ ἐστιν αὐτῆς καθόλου θέσεις, οὔτε ἀφαιρέσεις·
 ἀλλὰ τῶν μετ' αὐτὴν τὰς θέσεις καὶ ἀφαιρέσεις ποιοῦντες αὐτήν,
 οὔτε τίθεμεν, οὔτε ἀφαιροῦμεν·

Ἐπεὶ καὶ ὑπὲρ πᾶσαν θέσιν
 ἐστὶν ἡ παντελὴς καὶ ἐνιαία τῶν πάντων αἰτία,
 καὶ ὑπὲρ πᾶσαν ἀφαιρέσιν
 ἡ ὑπεροχὴ
 τοῦ πάντων ἀπλῶς ἀπολελυμένου
 καὶ ἐπέκεινα τῶν ὄλων.

не истина; к Ней совершенно не применимы ни утверждение, ни отрицание; и когда мы прилагаем к Ней или отнимаем от Нее что-то из того, что за Ее пределами, мы и не прилагаем, и не отнимаем, поскольку выше всякого утверждения совершенная и единая Причина всего, и выше всякого отрицания превосходство ее, как совершенно для всего запредельной.

Пер. Г. М. Прохорова

25. Иоанн Скот Эриугена (810–ок. 877)

Единственный значительный философ на Западе в период между 500 и 1000 гг. Выходец из культурной среды, возникшей вокруг ирландских монастырей (имя скорее всего означает: скотт Иоанн ирландского рода), он находился под влиянием так называемого Каролингского Ренессанса в Париже. Эриугена переводил и комментировал сочинения Псевдо-Дионисия, продолжая его опыт соединения в единый сплав Платоновой (Прокловой) мысли и библейской христианской веры. Он — первый мыслитель германского происхождения, и его единственное большое произведение *De divisione naturae* имело большое влияние на немецкую мистику и умозрительную фи-

Magister. Saepe mihi cogitanti, diligentiusque quantum vires suppetunt inquirenti, rerum omnium, quae vel animo percipi possunt, vel intentionem ejus superant, primam summamque divisionem esse in ea quae sunt, et in ea quae non sunt, horum omnium generale vocabulum occurrit, quod graece φύσις, latine vero natura vocatur. An tibi aliter videtur?

Discipulus. Imo, consentio; nam et ego dum ratiocinandi viam ingredior, haec ita fieri reperio.

Mag. Est igitur natura generale nomen, ut diximus, omnium quae sunt et quae non sunt.

Disc. Est quidem; nihil enim in universo cogitationibus nostris potest occurrere, quod tali vocabulo valeat carere.

Mag. Quoniam igitur inter nos convenit de hoc vocabulo generale esse, velim dicas divisionis ejus per differentias in species rationem: aut sicubi libet, prius conabor dividere, tuum vero erit, divisa judicare.

Disc. Ingredere, quaeso; impatiens enim sum, de his veram rationem a te audire volens.

лософию. Обвиненное в пантеизме, оно было запрещено католической Церковью (при папе Гонории III в 1225 г.). Уже в Новое время католический философ Николай Мёллер написал труд об Эриугене, придерживаясь того же обвинительного духа (Иоанн Скот Эриугена и его заблуждения. Майнц, 1844). В Ирландии существует ученое богословское общество, цель которого — вернуть ему уважение и славу. Примечательно, что традиция, идущая от философии Скота Эриугены, например, от его понимания природы и его отношения к феномену отрицания, в Новое время приводит к неомарксистской и постмарксистской философии (Адорно).

О разделении природы (Книга I, гл. 1–7)

Введение. Идея «природы», ее всеобщность

Учитель. Часто, когда я мысленно взвешиваю и со всей тщательностью исследую соотношение между первым и высшим разрядами всех вещей в природе: между теми, что *есть*, и теми, что *не есть*, — можно ли их воспринимать душой, или же они находятся вне пределов досягаемости души — мне на ум приходит слово, которое включает в себя все это и которое по-гречески звучит *fusis*, а по-латински *natura*. Но, может быть, тебе это представляется иначе?

Ученик. Нет, я согласен с тобой. И я, начиная разумно мыслить, нахожу, что это так.

Учитель. Следовательно, *natura* — общее обозначение для всех вещей, которые *есть* и которые *не есть*.

Ученик. Да, это так. Ведь ничто в мире не может сообщиться нашим мыслям, находясь за пределами этого слова.

Учитель. Стало быть, мы едины в том, что это слово является общим для всего¹. — А скажи мне, как и к чему оно относится, когда — следуя соответствующим различиям — разделяется на отдельные виды. Если тебя это устраивает, я попытаюсь разделять, а твоей задачей будет — оценивать результат.

Ученик. С нетерпением жду. Ибо для меня будет полезно услышать от тебя об истинном соотношении этих вещей.

1. Четыре вида сущности природы

Учитель. По моему мнению, природа, делясь на четыре разряда, принимает четыре особых вида. Первый разряд включает в себя вид, который создает и не создается, второй — который создается и создает, третий — который создается и не создает, четвертый — который

1. *Mag.* Videtur mihi divisio naturae per quattuor differentias quattuor species recipere: quarum prima est in eam, quae creat et non creatur; secunda in eam, quae creatur et creat; tertia in eam, quae creatur et non creat; quarta, quae nec creat nec creatur. Harum vero quattuor binae sibi invicem opponuntur; nam tertia opponitur primae, quarta vero secundae; sed quarta inter impossibilia ponitur, cujus differentia est non posse esse. Rectane tibi talis divisio videtur, an non?

Disc. Recta quidem: sed velim repetas, ut praedictarum formarum oppositio clarius elucescat.

Mag. Vides, ni fallor, tertiae speciei primae oppositionem. Prima namque creat et non creatur; cui e contrario opponitur illa, quae creatur et non creat. Secunda vero quartae; siquidem secunda et creatur et creat, cui universaliter quarta contradicit, quae nec creat neque creatur.

Disc. Clare video. Sed multum me movet quarta species, quae a te addita est. Nam de aliis tribus nullo modo haesitare ausim, cum prima, ut arbitror, in causa omnium, quae sunt et quae non sunt, intelligatur; secunda vero in primordialibus causis; tertia in his, quae in generatione temporibusque et locis cognoscuntur. Atque ideo

de singulis disputari subtilius necessarium, ut video.

Mag. Recte aestimas. Sed quo ordine ratiocinationis via tenenda sit, hoc est, de qua specie naturae primo discutiendum, tuo arbitrio committo.

Disc. Ratum mihi videtur, ante alias de prima, quicquid lux mentium largita fuerit, dicere.

2.

Mag. Ita fiat. Sed prius de summa ac principali omnium, ut diximus, divisione in ea, quae sunt et quae non sunt, breviter dicendum aestimo.

Disc. Jure provideque. Non enim ex alio primordio ratiocinationem inchoari oportere video; nec solum, quia prima omnium differentia, sed quia obscurior ceteris videtur esse, et est.

не создает и не создается. Эти четыре вида сущности природы попарно противоположны друг другу. Третий вид противоположен первому, четвертый — второму. Однако же четвертый следует отнести к невозможному (*impossibilia*), ибо его отличие в том, чтобы не мочь быть. Кажется ли тебе такое разделение правильным или нет?

Ученик. Мне оно кажется совершенно правильным. Но будь любезен, повтори так, чтобы противоречия между названными видами стали бы яснее.

Учитель. Тебе интересны, я думаю, противоречия между третьим и четвертым разрядами. Ибо первый, который создает и не создается, прямо противоположен тому, который создается и не создает. То же самое и со вторым по отношению к четвертому. Ведь второй — и создается, и создает, а четвертый прямо противоположен этому, поскольку он и не создает, и не создается.

Ученик. Это мне ясно. Однако добавляемый тобою четвертый разряд весьма меня смущает. Относительно трех других у меня нет никаких сомнений. Первый, я полагаю, постижим в движущей причине (*causa*) всего, что есть и чего нет; второй — в соответствующих движущих причинах первого порядка; третий — в том, что познается как пребывающее во времени и пространстве. Стало быть, по моему разумению, нужен более подробный рассказ о том, что содержится в каждом отдельном разряде.

Учитель. Твоя оценка верна. Но я предоставляю тебе выбрать по своему усмотрению, в какой последовательности мы будем продвигаться по пути рассуждения, т. е. какой из разрядов сущности природы мы будем рассматривать первым.

Ученик. Мне кажется, лучше всего начать с первого, коему столь изобильно присущ умственный свет.

2. Первичное различие

Учитель. Пусть будет так. Но прежде, мне кажется, нужно сказать о разделении, которое мы называем наивысшим и самым основным из всех, а именно — разделением на то, что *есть*, и то, что *не есть*.

Ученик. Справедливо и разумно. Я полагаю, что соображение это не обязательно должно исходить из каких-то иных первопричин, и не только потому, что это различие — самое первичное из всех, но и потому, что оно и кажется, и есть на самом деле непонятнее прочих.

Учитель. Само это основополагающее и разделяющее различие требует некоторых определенных способов (*modi*) своего объяснения.

3. Главное отрицание

Первый способ (*modus*) — это, по-видимому, когда разум убежден в том, что обо всем, попадающем в него под влиянием физического чувства или мысли, можно сказать, что оно «есть»; про вещи же, не

Mag. Ipsa itaque primordialis omnium discretiva differentia certos suae interpretationis modos inquit.

3. Quorum primus videtur esse ipse, per quem ratio suadet, omnia, quae corporeo sensui, vel intelligentiae perceptioni succumbunt, posse rationabiliter dici esse; ea vero, quae per excellentiam suae naturae non solum ὅλιον, id est omnem sensum, sed etiam intellectum rationemque fugiunt, jure videri non esse. Quae nonnisi in solo Deo, materiaque, et in omnium rerum, quae ab eo conditae sunt, rationibus atque essentiis recte intelliguntur. Nec immerito; ipse namque omnium essentia est qui solus vere est, ut ait Dionysius Areopagita: Esse, inquit, omnium est, superesse Divinitas. Gregorius etiam, Theologus multis rationibus, nullam substantiam seu essentiam, sive visibilis sive invisibilis creaturae, intellectu vel ratione comprehendere posse confirmat, quid sit. Nam sicut ipse Deus in seipso ultra omnem creaturam nullo intellectu comprehenditur, ita etiam in secretissimis sinibus creaturae ab eo factae et in eo existentis considerata οὐσία incomprehensibilis est. Quicquid autem in omni creatura vel sensu corporeo percipitur, seu intellectu consideratur, nihil aliud est, nisi quoddam accidens incomprehensibile per se, ut dictum est, uniuscujusque essentiae; quae aut per qualitatem, aut quantitatem, aut formam, aut materiam, aut differentiam quandam, aut locum, aut tempus cognoscitur, non quid est, sed quia est.

Iste igitur modus primus ac summus est divisionis eorum, quae dicuntur esse et non esse; quia vero modus iste, qui videtur quodam modo introduci posse, qui in privationibus circa substantias habitudinum, ut circa oculus visus et orbitas, constituitur, nullo modo recipiendus est, ut arbitror. Nam quod penitus non est, nec esse potest, nec prae eminentiae suae existentiae intellectum exuperat, quomodo in rerum divisionibus recipi valeat, non video, nisi forte quis dixerit, rerum, quae sunt, absentias et privationes non omnino nihil esse, sed earum, quarum privationes seu absentiae seu oppositiones sunt, mirabili quadam naturali virtute contineri, ut quodam modo sint.

4. Fiat secundus modus essendi et non essendi, qui in naturarum creaturarum ordinibus atque differentiis consideratur, qui ab excelsissima et circa Deum

только не имеющие по своей исключительности (*excellentia*) материальности, но и непостижимые не только каким-либо чувством, но и умом или рассудком, можно по справедливости сказать, что они *не есть*. И это вполне заслуженно относится не только к Богу, но и к материи, и к движущим причинам и сущностям всех вещей, установленных Богом. Ибо Он есть сущность всех вещей, которые единственно и воистину *есть*, как говорит Дионисий Ареопагит: «Бытие (*esse*) присуще всем, а сверхбытие (*superesse*) — только Богу». Так и Григорий Богослов с помощью многих аргументов утверждает, что ни умом, ни рассудком невозможно постичь субстанциональную сущность как видимых, так и невидимых творений такой, *какая она есть*. Ибо подобно тому, как Бог, пребывая Сам в Себе за пределами всего тварного, не позволяет постичь Себя рассудком, так же непостижима во всей полноте и сущность, пребывающая во внутренних тайниках Им созданной и в Нем пребывающей твари. Но то, что ощущается физически или постигается умом в отдельной твари, есть не что иное, как некая сама по себе непостижимая, так называемая «принадлежность» (*accidens*) всякой сущности. И эта принадлежность познается — по качеству, или количеству, или форме, или материи, или некоему отличию, или по месту, или по времени, — но не по тому, *что* она есть, а по тому, *для чего* она есть.

Это, таким образом, первый и главнейший способ разделения (*modus divisionis*) всех вещей, про которые можно сказать «есть» и «не есть». Способ, противоположный этому, который, вероятно, можно было бы ввести, состоял бы в «присвоении» (*privationes*) сущностям каких-то состояний — например, если речь идет о глазах, то зрения или слепоты, — по моему мнению, не может быть принят. Ибо я не представляю, как то, чего нет, или чего не может быть, или что благодаря своей эминентности (*eminentia*) превосходит разум, может участвовать в разделении «вещей» (*res*), — тогда скорее можно утверждать, что то, что отсутствует или отнято у вещей, которые есть, есть не ничто, но в силу какой-то чудесной силы природы *содержится* в тех вещах, в которых оно отсутствует, или из которых отнято, или которым противоречит, — как будто некоторым образом оно *есть*.

4. Иерархия отрицания

Другой способ разделения бытия и не-бытия возникает при рассмотрении заключенных в естественных тварях различительных порядков, которые, начиная с наивысшей умственной энергии, — оттуда, где она находится прямо рядом с Богом, — нисходят вплоть до самых последних разумных и неразумных тварей, или, говоря более прямо, от самого возвышенного ангела и до самых глубин разумного и неразумного, а именно до питательной и растительной среды,

proxime constituta intellectuali virtute inchoans, usque ad extremitatem rationalis irrationalisque creaturae descendit; hoc est, ut apertius dicamus, a sublimissimo angelo usque ad extremam rationabilis irrationabilisque animae partem, nutritivam dico et auctivam vitam. Quae pars generalis animae ultimae est, quae corpus nutrit et auget.

Ubi mirabili intelligentiae modo unusquisque ordo cum ipso deorsum versus novissimo, qui est corporum, et in quo omnis divisio terminatur, potest dici esse et non esse.

Inferioris enim affirmatio, superioris est negatio. Itemque inferioris negatio, superioris est affirmatio. Eodemque modo superioris affirmatio, inferioris est negatio. Negatio vero superioris erit affirmatio inferioris. Affirmatio quippe hominis, mortalis adhuc dico, negatio est angeli. Negatio vero hominis affirmatio est angeli; et vicissim. Si enim homo est animal rationale, mortale, risibile, profecto angelus neque animal rationale est, neque mortale, neque risibile. Item si angelus est essentialis motus intellectualis circa Deum rerumque causas, profecto homo non est essentialis motus intellectualis circa Deum et rerum causas. Eademque regula in omnibus caelestibus essentiis, usque dum ad supremum omnium perveniatur ordinem, observari potest; ipse vero in supra sursum negatione terminatur. Ejus namque negatio nullam creaturam superiorem se confirmat. Tres autem ordines sunt, quos *ὑποταγῆς* vocant; quorum primus Cherubim, Seraphim, Throni; secundus Viriutes, Potestates, Dominationes; tertius Principatus, Archangeli, Angeli. Deorsum vero corporum novissimus solummodo superiorem se aut negat aut affirmat, quia infra se nihil habet, quod vel auferat vel constituat, quia ab omnibus superioribus se praeceditur, nullum vero inferiorem se praecedit.

Hac item ratione omnis ordo rationalis et intellectualis creaturae esse dicitur et non esse. Est enim, quantum a superioribus vel a se ipso cognoscitur; non est autem, quantum ab inferioribus se comprehendi non sinit.

5. Tertius modus non incongrue inspicitur in his, quibus hujus mundi visibilis plenitudo perficitur, et in suis causis praecedentibus in secretissimis naturae sinibus. Quicquid enim ipsarum causarum in materia formata, in temporibus et locis per generationem cognoscitur, quadam humana consuetudine dicitur esse. Quicquid vero adhuc in ipsis naturae sinibus continetur, neque in formata materia, vel loco vel tempore, ceterisque accidentibus apparet, eadem praedicta consuetudine dicitur non esse. Hujusmodi exempla late patent, et maxime in humana natura. Cum enim Deus omnes homines

ибо как раз она является крайней точкой одушевленности, представляя собой «жизненную силу», которая питает тело и способствует его росту.

В этой иерархии порядков про каждый отдельный порядок умственной природы, включая самый последний внизу, материальный по естеству и представляющий собой конечную точку всякого разделения, можно каким-то образом сказать «есть» или «не есть».

Утверждение более низкого порядка равнозначно отрицанию более высокого, отрицание же более низкого — равнозначно утверждению более высокого. Точно так же утверждение высшего порядка равносильно отрицанию низшего, а отрицание высшего — равносильно утверждению низшего. Например, утверждение «человека» — если под ним понимается «человек смертный» — равносильно отрицанию «ангела», а отрицание «человека» — равносильно утверждению «ангела» и наоборот. То есть, если человек есть существо разумное, смертное и смеющееся², то ангел — неразумное, несмертное и несмеющееся. И аналогично, если ангел есть по существу умственное движение вокруг Бога и начал всех вещей, то, следовательно, человек по существу не есть умственное движение вокруг Бога и начал всего. То же самое и со всеми небесными сущностями — до самого верхнего порядка, граница которого — наивысшее отрицание сверху. Ибо отрицание этого порядка не утверждается ни одним существом высшего порядка. Есть три порядка: первый — херувимы, серафимы, престолы, второй — господства, силы, власти, третий — начала, архангелы, ангелы³. Но самый последний материальный внизу не отрицает и не утверждает вышележащий порядок, поскольку у него нет ничего подчиненного ему, что бы он мог возвысить или утвердить, и поскольку все другие порядки превосходят его, а сам он не превосходит никакого нижележащего.

Таким образом, это и есть причина, по которой о порядке всякой разумной и одушевленной твари можно сказать «есть» и «не есть». Он *есть*, ибо познается вышележащими порядками или самим собой; он *не есть*, ибо не может быть познан порядками нижележащими.

5. Потенциальное (латентное) отрицание

Третий способ подходит для выражения в тех вещах, каковыми раскрывается видимая полнота этого мира, а также в предшествующих им движущих причинах, сокрытых в глубочайших тайниках природы. Про те из этих движущих причин, которые познаются в материальных формах, пребывающих в пространстве и времени, люди привыкли говорить «есть»; про те же, что все еще находятся в тайниках природы, не проявляясь ни в материальной форме, ни во времени, ни в пространстве, ни как-либо иначе, так же по привычке

in illo primo atque uno, quem ad imaginem suam fecit, simul constituerit, sed non simul in hunc mundum visibilem produxit, certis vero temporibus locisque naturam, quam simul condiderat, quadam, ut ipse novit, serie ad visibilem essentiam adducit, hi, qui jam in mundo visibiliter apparent, et apparuerunt, dicuntur esse; qui vero adhuc latent, futuri tamen sunt, dicuntur non esse.

Inter primum et tertium hoc distat. Primus generaliter in omnibus, quae simul et semel in causis et effectibus facta sunt. Tertius specialiter in his quae partim adhuc in causis suis latent, partim in effectibus patent, quibus proprie mundus iste contextitur. Ad hunc modum pertinet ratio illa, quae virtutem seminum considerat, sive in animalibus, sive in arboribus, sive in herbis. Virtus enim seminum eo tempore, quo in secretis naturae silet, quia nondum apparet, dicitur non esse; dum vero in nascentibus crescentibusque animalibus, seu floribus fructibusve lignorum et herbarum apparuit, dicitur esse.

6. Quartus modus est, qui secundum philosophos, non improbabilius ea solummodo, quae solo comprehenduntur intellectu, dicitur vere esse; quae vero per generationem, materiae distentionibus, seu detractionibus, locorum quoque spatiis temporumque motibus variantur, colliguntur, solvuntur, vere dicuntur non esse, ut sunt omnia corpora, quae nasci et corrumpi possunt.

7. Quintus modus est, quem in sola humana natura ratio intuetur. Quae cum divinae imaginis dignitatem, in qua proprie substitit, peccando deseruit, merito esse suum perdidit, et ideo dicitur non esse. Dum vero unigeniti Dei filii gratia restaurata ad pristinum suae substantiae statum, in qua secundum imaginem Dei condita est, reducit, incipit esse, et in eo, qui secundum imaginem Dei conditus est, inchoat vivere. Ad hunc modum videtur pertinere, quod Apostolus dicit: Et vocat ea quae non sunt, tanquam ea quae sunt, hoc est, qui in primo homine perdit sunt, et ad quandam insubsistentiam ceciderunt, Deus Pater per fidem in Filium suum

говорят «не есть». Примеры такого рода наглядны, особенно в человеческой природе. Ведь Бог, создав того первого и единственного человека, которого Он сотворил по образу Своему, одновременно создал и всех других людей, однако же, Он не одновременно явил их видимому миру; напротив, одновременно утвержденную Им природу Он вовлек в видимую полноту существования в какой-то Ему одному известной последовательности (*quadam serie*), привязав к определенным временам и местам. Поэтому про тех людей, которые видимо появляются и появлялись в этом мире, говорят «есть», про тех же, кто еще скрыт, но появится в будущем, говорят «не есть».

Существует различие между первым и третьим способами бытия и не-бытия. Первый обычно присущ всему, чему одновременно сообщены и движущие причины, и действия. Третий — свойственен тем вещам, которые частично, в своих движущих причинах, еще пребывают в латентном состоянии, частично же открываются в тех действиях, из которых, собственно, и соткан этот мир. Этому третьему способу релевантен аргумент, учитывающий особую энергию эмбриона — в живых ли существах, в деревьях или растениях. Покуда энергия эмбриона дремлет в недрах природы, про него, пока он еще не проявился, говорят «не есть». Но едва он проявился в существах, которые рождаются и растут, или в цветах и плодах деревьев и растений, про него говорят «есть»⁴.

6. Отрицание процесса становления

Четвертый способ, который, по мнению философов, вполне приемлем, исходит из того, что лишь о понимаемом и постижимом чистым разумом можно сказать «есть», а о меняющемся в процессе становления, соединяющемся или растворяющемся в зависимости от расширения и сжатия, а также от размера площади и течения времени, справедливо говорить «не есть» — так обстоит дело со всеми телами, которые могут рождаться и умирать.

7. Отрицание греха

Пятый способ провидит мысль лишь в человеческой природе. Если эта природа при грехопадении отложилась от красоты божественного образа, которым одним она и сохраняется, тогда тот, кто это заслужил, теряет свое существование и, следовательно, про него говорится «не есть». И наоборот, если человеческая природа, воскресшая по милости едиnorodного Сына Божия, возвращается к своей прежней сущности, той, какой она была создана по образу Божию, тогда она начинает *быть*, тогда начинает *жить* в ней созданное по образу и подобию Божию. Именно к этому способу относится слово апостола, которое звучит так: «И Он призвал тех, кого нет, наравне с теми, кто есть», т. е. тех, кто погиб в ветхом человеке и отошел к какому-то

vocat, ut sint, sicut hi, qui jam in Christo renati sunt. Quanquam et hoc ita intelligi possit et de his, quos quotidie Deus ex secretis naturae sinibus, in quibus aestimantur non esse, vocat, ut appareant visibiliter in forma, et materia, ceterisque, in quibus occulta apparere possunt, et si quid praeter hos modos indagatio ratio invenire potest. Sed praesentialiter, ut arbitror, de his satis dictum est . . .

несуществованию, Бог Отец призывает *быть* через веру в Своего Сына — наравне с теми, кто уже возрожден во Христе. Хотя слова эти могут быть поняты и как речь о тех вещах, которые Господь всякий день вызывает из внутренних тайников природы, где они как бы *не есть*, дабы они могли проявиться в форме, материи и прочем, в чем может открыться сокрытая вещь.

Возможно, при более пристальном изучении можно обнаружить способы и помимо этих. Но пока об этом сказано довольно....

¹ Это вводное определение природы в высшей степени характерно для Эриугены. В это понятие, по его мнению, входит не только чувственно воспринимаемая физическая природа, но и вообще все, что воспринимается душой, т. е. чисто интеллектуальные феномены.

² Определение человека как существа, которое, в отличие от животного, может смеяться, встречается в сочинении Немезия Эмесского «О природе человека» (ок. V в. Р. Х.).

³ Деление небесных иерархий, как и все основные положения этой главы, заимствованы у Псевдо-Дионисия.

⁴ Это положение относится к тому, что платоники делали различие между мысленным миром как «существующим» и чувственным миром как «становящимся», т. е. подверженным изменениям.

ЛАТИНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(1000–1500)

Этот второй период средневековой духовной жизни — речь идет о Западном средневековье — может, как вкратце было сказано выше, быть охарактеризован как катафатический, направляемый все более вовне и знаменующий светский, деятельный образ духовной жизни. И в нем тоже платонизм оставил свой существенный след, что не в последнюю очередь сказалось в строительстве огромных соборов. Для Шартрской школы путеводной звездой стало изучение математических примеров в платоновском диалоге «Тимей». А вдохновение, идущее от Псевдо-Дионисия, Сугерий из Сен-Дени выразил в камне готики — то самое вдохновение, которое Фома Аквинский пытался соединить с учением Аристотеля, достигая высочайшей систематики мысли (где все же аристотелевский импульс оставался доминирующим), оно же было смодулировано Данте Алигьери в его «райских» терцинах. Отблеск его попал даже в церковь Ульtima Туле в Норвегии. На западном портале Трондхеймского собора можно и сегодня видеть средневековую скульптуру французского Сен-Дени, которого ошибочно отождествляли с автором *Corpus Dionysiacum*.

Далее, уже в XII в. на передний план выдвигается фигура платоника Бернара из Клерво. Следуя иоанновско-платонистской традиции, идущей от Оригена, он излагает «Песнь Песней» Соломона анагогически, т. е. духовно приподнято и символически, как отражение брака Иисуса Христа с Церковью здесь, на земле, а самого Иисуса как небесного Жениха. Герметический импульс, идущий от европейского «андеграунда», был основательно подновлен и достиг в трудах таких личностей, как францисканец Бонавентура, Майстер Экхарт и Николай Кузанский сублимированной вершины христианско-платонистской генологии.

Особенно интересна для нашей антологии личность Николая Кузанского, главного вдохновителя многих последующих поколений. Кузанский, движимый своей ненасытной ренессансной жадью знаний, испил, так сказать, из трудов всех упоминаемых в этой части

авторов, а благодаря своим контактам с Восточной Церковью, в частности с кардиналом Виссарионом, и из трудов большинства авторов, упоминаемых во второй части. Он тоже, как в свое время Августин, стал переходной фигурой, отчасти оборачивающейся назад, отчасти устремленной вперед. Если он определяет Бога как «Не-иного», то потому, что есть «иное» по отношению к Богу, а именно мир, который теперь целиком притягивает к себе внимание западного интеллекта. «Наука и современный мир» — используя выражение А. Н. Уайтхеда (A. N. Whiteheads) — стоят у порога.

26. Теодор Шартрский (XI в.)

Шартрская философская школа была основана примерно в 990 г. Фульбертом из Шартра и стала своеобразным инкубатором распространившихся позднее жарких споров (номинализма с реализмом) по поводу универсалий. Кроме того, там делались попытки осмыслить естественные науки, исходя из платоновских принципов, изложенных, в частности, во фрагментарном переводе Халкидия платоновского «Тимея». Расцвет школы приходится на XI–XII вв., время братьев Бернара и Теодора Шартрских, о которых нам в общем мало известно. Теодор был своеобразным (с уклоном в математику) натурфилософом. Математические концепции Шартрской

Quoniam autem unitas omnem
numerum creat, numerus autem
infinitus est, necesse est
unitatem non habere finem
suae potentiae; unitas
igitur est omnipotens in
creatione numerorum.

Sed creatio numerorum
rerum est creatio.
Unitas igitur omnipotens
est in rerum creatione.

At quod est omnipotens in
rerum creatione, illud
unice et simpliciter
omnipotens est. Unitas
igitur omnipotens.

Unitatem igitur Deitatem esse
necesse est.

школы имели и эстетическую направленность и доказали свою плодотворность, внося значительный вклад в строительство великолепного местного собора. Готический принцип числа восходит — помимо Псевдо-Дионисия (см. ниже) — к сочинению Августина *De musica*, которое находится в русле пифагорейской традиции. Более позднее произведение, написанное в той же традиции и ставшее в настоящее время предметом повышенного интереса, — сочинение Николая Кузанского *De coniecturis* (Об искусстве предположения).

Единство есть Бог

Поскольку одно лишь сотворяет
 всякое число, число же бесконечно,
 то неизбежно, что одно
 границ не знает своей власти;
 отсюда значит, что одно
 всесильно в сотворении числа.
 Но сотворение числа
 есть сотворенье вещи.
 И, стало быть, одно
 всесильно в сотворении вещей.
 А то, однако же, что всесильно
 в твореньи вещи, лишь оно одно
 всесильно истинно и совершенно.
 Отсюда — лишь одно всесильно.
 И, следовательно, неизбежно,
 что одно есть Божество.

27. Сугерий из Сен-Дени (1081–1151)

Сугерий был аббатом монастыря Сен-Дени в окрестностях Парижа. Сен-Дени — важнейшее в государственных масштабах аббатство, тесно связанное с французским королевским домом. Там был похоронен французский апостол и мученик св. Дени (Дионисий), и там же покоятся французские короли. Сам аббат, таким образом, исполнял важную политическую функцию. Более же всего Сугерий знаменит как новатор в церковном искусстве. Монастырская церковь, которая тогда строилась, — западный портал был освящен в 1140 г., хоры несколькими годами позже — представляет собой первый образец полноценного архитектурного готического решения. Здесь был впервые спроектирован характерный шпиль огромных готических соборов. Сугерий написал два трактата, посвященных его новым детищам. Они дают нам исключительную возможность увидеть устремления создателя. Как и все в его время, Сугерий смотрел на видимый мир и человеческие творения как на материальное отражение высшей невидимой реальности. Это — наследие общепринятого платонизма, но заключенного в рамки христианства. Для Сугерия строительство церковного здания — это выявление невидимого духовного здания Церкви. Он повелел строить новые хоры, руководствуясь словами апостола Павла о храме небесном («Бывши утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным *камнем*, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Ду-

1. „Medium“ quippe duodecim columnæ duodenorum Apostolorum exponentes numerum, secundo vero totidem alarum columnæ Prophetarum numerum significantes, altum repente subrigebant ædificium, juxta Apostolum spiritualiter ædificantem: „Jam non estis“, inquit, „hostes et advenæ; sed estis cives sanctorum et domestici Dei, superædificati super fundamentum Apostolorum et Prophetarum, ipso summo angulari lapide Christo Jesu“, qui utrumque conjungit parietem, „in quo omnis ædificatio“, sive spiritualis, sive materialis, „crescit in templum sanctum in Domino“. „In quo et nos“ quanto altius, quanto aptius materialiter ædificare instamus, tanto per nos ipsos spiritualiter «coædificari in habitaculum Dei in Spiritu» sancto edocemur.

2. Quæ sacramentali sanctissimi Chrismatis delibutione et sanctissimæ Eucharistiæ susceptione materialia immaterialibus, corporalia spiritualibus, humana divinis uniformiter concopulas, sacramentaliter reformas ad suum puriores principium; his et hujusmodi benedictionibus visibiliter invisibiliter restauras, etiam præsentem in regnum cæleste mirabiliter transformas...

хом»: *Еф. 2, 20–22*), но сам при этом подчеркивал его двойственность — ведь должны одновременно присутствовать два его измерения: и духовное, и физическое. Когда высшие государственные и церковные деятели закладывают основания колонн, это подобно тому, как если бы они закладывали из драгоценных камней фундамент Небесного Иерусалима. Сакраментальное действо связывает два эти измерения в нерасторжимое целое. До этого момента Сугерий лишь выражает точку зрения современного ему богословия. Но он отходит от нее, когда провозглашает роль света как «материального указателя пути к высшим сферам».

Исследователи (Н. Sedlmayer) видят в этом влияние Дионисия Ареопагита. Св. Дени (Дионисий) как раз в это время отождествлялся не только с обращенным апостолом Павлом Дионисием из Ареопага, но и с византийским богословом Дионисием (ок. 500 г.), чьи исполненные света сочинения были переведены и прокомментированы Скотом Эриугеной как раз в монастыре Сен-Дени. Опираясь на Плотина и Прокла, Дионисий рассматривает универсум как ступенчатую эманацию единого нетварного источника, который он отождествляет с Богом, «Отцом Света». В универсуме все, что светит, призывает своего Творца и ведет вверх, обратно к Нему. Поэтому все, что сияет в помещении церкви, — блеск позолоты, сверкание драгоценных камней, таинственные прорези прекрасных окон — все это предвестники близости свехчувственного и божественного источника.

Из-под пера руководившего строительством Сугерия вышли два трактата: *De Consecratione* и *De Administratione*. Оба они изданы Э. Пановски (E. Panofsky, Princeton, 1979). Мы предлагаем несколько отрывков из первого и второго.

Духовная Церковь

1. Двенадцать колонн как олицетворение двенадцати апостолов, а затем столько же колонн в боковых нефках, обозначая число пророков, неожиданно поднимают центр здания в воздух, по словам Апостола, который строит в духовном, говоря: «вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, бывши утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе» (*Еф. 2, 19–21*). В сем храме и мы учимся, духовно осмысляя самих себя, обустриваться Святым Духом в жилище Божьем, тем более высоким и достойным, чем более мы стремимся выстроить его также и материально.

De Cons. V, s. 104–105

2. Причащением святых Твоих таин и принятием святой евхаристии Ты, Господи Иисусе Христе, соединяешь материальное и нематериальное, телесное и духовное, человеческое и божественное и преображаешь очищенные вещи, возвращая их к началу. Этими и подобными видимыми милостями Ты невидимо воссоздаешь и чудесно преобразуешь все сущее, возвышая его до Царствия Небесного.

De Cons. VII, s. 120–121

Сугерий из Сен-Дени. «Аз есмь врата»

Сугерий установил новые бронзовые ворота для западного портала. На них он сделал надпись в стихах. Символика света, о которой говорит над-

Valvas siquidem principales, accitis fusoribus et electis sculptoribus, in quibus passio Salvatoris et resurrectio vel ascensio continetur, multis expensis, multo sumptu in earum deauratione, ut nobili porticui conveniebat, ereximus; necnon et alias in dextera parte novas, in sinistra vero antiquas sub musivo, quod et novum contra usum hic fieri et in arcu portæ imprimi elaboravimus. Turrim etiam et superiora frontis propugnacula, tam ad ecclesiæ decorem quam et utilitatem, si opportunitas exigeret, variari condiximus; litteris etiam cupro deauratis consecrationis annum intitulari, ne oblivioni traderetur, præcepimus hoc modo:

Ad decus ecclesiæ, quæ fovit et extulit illum,
Suggerius studuit ad decus ecclesiæ.
Deque tuo tibi participans
martyr Dionysi,
Orat ut exores fore participem Paradisi.
Annus millenus et centenus quadragenus
Annus erat Verbi, quando sacrata fuit.

Versus etiam portarum hi sunt:

Portarum quisquis attollere quæris honorem,
Aurum nec sumptus, operis mirare laborem,
Nobile claret opus, sed opus quod nobile claret
Clarificet mentes, ut eant per lumina vera
Ad verum lumen, ubi Christus janua vera.
Quale sit intus in his determinat aurea porta:
Mens hebes ad verum per materialia surgit,
Et demersa prius hac visa luce resurgit.

Et in superliminari:

Suscipe vota tui, iudex districte, Sugerii;
Inter oves proprias fac me clementer haberi.

пись, подчеркнута позолоченными бронзовыми пластинами с изображением страстей, смерти и воскресения Иисуса Христа.

После того как были призваны мастера для литья бронзы и выбраны скульпторы, мы установили главные ворота, которые изображают страсти Спасителя и Воскресение, и Вознесение, понеся большие расходы и огромные затраты на их позолоту, — как и подобает за такой красивый вход. Кроме того, (мы установили) другие, новые двери с правой стороны и старые с левой, под мозаикой, которую мы намеревались сделать и установить под аркой портала, как нынче стало принято. Мы позаботились также об украшении башни и верхней части западного фронтона, сделав то и другое как с целью украшения, так и по практическим причинам — на случай какой-то надобности. Затем мы приказали начертать позолоченными буквами год освящения, дабы не канул он в забвение, таковым образом:

«Ради красоты той Церкви, что взрастила и возвысила его, потрудился Сугерий над красотой церкви этой.
Даруя тебе, мученик Дионисий, частицу твоего же, молит он, чтоб и ты наделил его частицей рая.
Год был тысяча сто сороковой от Воплощения Слова, когда освящено было сие строение».

А вот стихи на дверях:

«Кто б ни глядел на этих врат великолепье,
дивись не золоту и не большим затратам,
но только самому произведению.
Его свечение ведь благородно,
А все, что светит благородно,
Осветит мысли, их препровождая
Чрез этот свет в Свет истинный, куда
Христос есть настоящие Врата.
А позолоченные двери их подготовят
К тому, что будет в этом мире: слабый разум
Возвысится, сквозь свет материальный
Дойдя до Истинного, и согбенный прежде
При виде такового возродится».

А на верхней балке:

«Прими, о Строгий Судия, мольбы раба Твоего Сугерия.
Сподоби, по милости Твоей, причислить его к стаду
овец Твоих».

Возвышающая сила Прекрасного

Сугерий полагает, что загадочный блеск драгоценных камней дарохранительницы и прекрасного креста Элигия восхищают видящих их и возно-

... Hæc igitur tam nova quam antiqua ornamentorum discrimina ex ipsa matris ecclesiæ affectione crebro considerantes, dum illam ammirabilem sancti Eligii cum minoribus crucem, dum incomparabile ornamentum, quod vulgo „crista“ vocatur, aureæ aræ superponi contueremur, corde tenus suspirando: *Omnis, inquam, lapis preciosus operimentum tuum, sardius, topazius, jaspis, crisolitus, onix et berillus, saphirus, carbunculus et smaragdus*. De quorum numero, præter solum carbunculum, nullum deesse, imo copiosissime abundare, gemmarum proprietatem cognoscentibus cum summa admiratione claret. Unde, cum ex dilectione decoris domus Dei aliquando multicolor, gemmarum speciositas ab exintrinsicis me curis devocaret, sanctarum etiam diversitatem virtutum, de materialibus ad immaterialia transferendo, honesta meditatio insistere persuaderet, videor videre me quasi sub aliqua extranea orbis terrarum plaga, quæ nec tota sit in terrarum fæce nec tota in cæli puritate, demorari, ab hac etiam inferiori ad illam superiorem anagogico more Deo donante posse transferri.

Conferre consuevi cum Hierosolymitanis et gratantissime addiscere, quibus Constantinopolitanæ patuerant gazæ et Sanctæ Sophiæ ornamenta, utrum ad comparisonem illorum hæc aliquid valere deberent. Qui cum hæc majora faterentur, visum est nobis quod timore Francorum ammiranda quæ antea audieramus caute reposita essent, ne stultorum aliquorum impetuosa rapacitate Græcorum et Latinorum ascita familiaritas in seditionem et bellorum scandala subito moveretur; astucia enim præcipue Græcorum est. Unde fieri potuit ut majora sint quæ hic sub tuto reposita apparent, quam ea quæ non tuto propter scandala ibidem relictæ apparuerunt.

Ammiranda siquidem et fere incredibilia a viris veridicis quampluribus, et ab episcopo Laudunensi Hugone, in celebratione missæ de Sancta Sophiæ ornamentorum prærogativa, necnon et aliarum ecclesiarum audieramus. Quæ si ita sunt, imo quia eorum testimonio ita esse credimus, tam inæstimabilia quam incomparabilia multorum iudicio exponerentur. *Abundet unusquisque in suo sensu.*

сят — возводитительно — к высшим сферам. Он ассоциирует этот блеск готики с пышным великолепием византийской Святой Софии.

...В чистой любви к Матери-Церкви смотрим мы на многообразие и новых, и старых украшений. Любуясь как чудесным крестом святого Элигия, так и более мелкими из них, а также тем удивительным украшением, которое обычно называют «Гребень» (волна), установленным на алтаре, мы будто вздыхаем всем сердцем: «Все драгоценные камни были Твоим украшением: рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд» (*ср. Иез. 28, 13*). К величайшему удивлению тех, кто разбирается в камнях, ни один здесь не отсутствует, за исключением карбункула, и все они представлены в избытке. Когда, в силу моей любви к красоте дома Господня, пестрое великолепие драгоценных камней уносит меня прочь от внешних забот, и серьезная мысль заставляет углубиться в многообразие святых добродетелей, уводя от материального к нематериальному, мне кажется, будто я парю в ином, незнакомом мне мире, который и не на земле, и не на небесах, и будто я, по Божьей милости, перемещен вверх с более низкой на более высокую сферу.

Я часто разговаривал с иерусалимскими паломниками и с удовольствием узнавал от людей, которым довелось увидеть богатства Константинополя и великолепие церковной утвари Святой Софии, насколько ценность наших предметов выше по сравнению с теми. Когда они говорили, что наши ценнее, нам пришло на ум, что драгоценности, о которых мы слышали прежде, были осторожно припрятаны из страха перед франками, чтобы толпы наемников, призванных греками и латинянами, не подняли вдруг мятеж и не устроили беспорядков по причине неимоверной жадности какого-то глупца. Ведь хитрость характерна для греков. Так смогло получиться, что вещи, которые выставлены здесь, в условиях надежного хранения, могли показаться более значительными, чем те, которые в силу ненадежности переменчивых обстоятельств были оставлены для обозрения там.

От многих достойных людей и от епископа Гуго Лионского мы слышали хвалебные и почти невероятные вещи о непревзойденности богослужебной утвари в Святой Софии и в других церквях. Поскольку в этом есть вызов нам, или, правильнее говоря, поскольку мы, исходя из их слов, считаем это правдой, то пусть и эти бесценные и неповторимые сокровища станут предметом суждения многих. Пусть каждый составит о них свое мнение.

28. Бернар Клервоский (1091–1153)

Бернар Клервоский в возрасте 23 лет вступил в орден цистерцианцев и двумя годами позже стал аббатом вновь созданного монастыря Клерво. Будучи аббатом, он основал еще 70 монастырей. Бернар был видным церковным политиком: он много раз ездил в Италию для переговоров об окончании раскола с папством, он созвал два собора с целью осуждения как еретиков Абельяра и Жильбера де ля Порре и был страстным оратором, пропагандировавшим крестовые походы. В своих литературных произведениях он проявил

... solus tamen Dei sapientia Christus lignum est vitae, solus panis vivus qui descendit de caelo, et dat vitam mundo.

6. Ideo ait: SUB UMBRA EIUS QUEM DESIDERAVERAM SEDI, ET FRUCTUS EIUS DULCIS GUTTURI MEO. Merito eius desideraverat umbram, de quo et refrigerium esset, et refectionem pariter acceptura. Nam cetera quidem silvarum ligna, etsi solatii umbram habent, sed non vitae refectionem, non fructus perpetuos salutis. Unus est enim vitae auctor, unus mediator Dei et hominum homo Christus Iesus, qui dicit sponsae suae: SALUS TUA EGO SUM. NON MOYSES, inquit, DEDIT VOBIS PANEM DE CAELO VERUM, SED PATER MEUS DAT VOBIS PANEM DE CAELO VERUM. Propterea ergo Christi potissimum desideraverat umbram, quod solus sit qui non solum ab aestu refrigerat vitiorum, sed et replet delectatione virtutum.

SUB UMBRA EIUS QUEM DESIDERAVERAM SEDI. Umbra eius, caro eius; umbra eius, fides. Mariae obumbravit proprii Filii caro, mihi Domini fides. Quamquam et mihi quoque quomodo non obumbrat caro, qui in mysterio manduco eam? Et sancta nihilominus Virgo fidei et ipsa experta est umbram, cui dictum est: ET BEATA QUAE CREDIDISTI.

SUB UMBRA EIUS QUEM DESIDERAVERAM SEDI. Et Propheta: SPIRITUS, inquit, ANTE FACIEM NOSTRAM CHRISTUS DOMINUS, IN UMBRA EIUS VIVIMUS INTER GENTES. In umbra in gentibus, in

себя как многогранная личность — человек, щедрый душой, умудренный жизненным опытом и преисполненный книжной учености. Его сочинения представляют собой руководство для монахов и монахинь в делах духовных, поэтому его наследие в основном составляют проповеди, трактаты и письма. Они должны были помогать его читателям или слушателям направлять себя и все земное к единственной цели — Богу, в Котором заключены совершенное благо, красота и чистота.

Из тени к свету

Проповедь на тему «Песни Песней Соломона» (48, 5–7)

Проповедь Бернара на тему «Песни Песней» следует средневековой традиции комментирования псалмов. «Песнь Песней» рассматривается как аллегорическое описание мистической любви между Христом и Церковью, между душой и Словом — Богом. «Тень» для Бернара — выражение генологического понятия «инога».

...Единый Христос, Божья Премудрость, есть древо жизни, Он единый — хлеб, сошедший с небес и дающий жизнь миру.

6. Потому-то и сказала она (невеста): «Под сень его восхотех и седох, и плод его сладок в гортани моей» (*Песн. 2, 3*). По справедливости возлюбила она сень того древа, от которого происходит как прохлада, так и обновление жизни. Ведь другие древа лесные хоть и дают отрадную тень, но не дают ни обновления, ни вечного плода спасения. Один есть податель жизни, один есть посредник между Богом и людьми — человек Иисус Христос, который говорит своей невесте: Я спасение твое (*Пс. 34, 3*), не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес (*Ин. 6, 32*). Потому-то она и предпочла тень Христа, Который единственный не только охлаждает жар пороков, но и наполняет сладостью добродетелей.

«Под сень его восхотех и седох». Сень та есть Тело; сень та есть вера. Мария вместила своего Сына телесно, я же моего Господа — верой. Но разве Тело, которое я вкушаю в таинстве, не осеняет и меня? Да и сама святая Непорочная Дева своей верой сама стала сенью, о которой сказано: «и блаженна уверовавшая» (*Лк. 1, 45*).

«Под сень его восхотех и седох». И сказал Пророк: «Дух лица нашего помазанный Господь... в сени Его проживем во языцех» (*Плач 4, 20*). В сени во языцех, во свете с ангелами. В сени мы, пока ходим верою, а не видением (*ср. 2 Кор. 5, 7*): тот воистину в сени, кто живет по вере. Тот же, кто живет знанием, блажен, ибо живет уже не в тени, но в свете. Справедливо сказал Давид, который жил верой и говорил с Господом: «вразуми меня, и жить буду» (*Пс. 118, 144*), зная, что за верой должен следовать разум — разум, открывающий свет жизни —

luce cum angelis. In umbra sumus quamdiu per fidem ambulamus, et non per speciem: et ideo iustus in umbra, qui ex fide vivit. At qui vivit ex intellectu, beatus est, quia non in umbra iam, sed in lumine. Iustus erat David, et ex fide vivebat, cum dicebat Deo: DA MIHI INTELLECTUM, ET VIVAM, sciens successurum fidei intellectum, intellectui revelandum lumen vitae, et vitam lumini. Prius est venire ad umbram, et ita ad id, cuius umbra est, pertransire, quoniam NISI CREDIDERITIS, ait, NON INTELLIGETIS.

7. Vides fidem et vitam esse, et vitae umbram. Nam e regione vita in deliciis agens, quoniam non est ex fide, et mors est, et umbra mortis. QUAE ENIM, inquit, VIDUA IN DELICIIS EST; VIVENS MORTUA EST. Denique SAPIENTIA CARNIS MORS. Sed et mortis est umbra, illius scilicet quae cruciat in aeternum. Sedimus et nos aliquando in tenebrosis et umbra mortis, carnaliter conversantes et non ex fide viventes, mortui iam quidem iustitiae, a morte vero secunda paulo minus absorbendi. Quantum etenim umbra prope est corpori cuius est umbra, tantum pro certo vita illa nostra inferno appropinquavit. Denique NISI QUIA DOMINUS ADIUVIT ME, inquit, PAULO MINUS HABITASSET IN INFERNO ANIMA MEA. Nunc autem de umbra mortis ad vitae transivimus umbram, magis autem translati sumus de morte in vitam, in Christi umbra viventes, si tamen viventes, et non mortui. Nec enim reor, continuo, ut quis in umbra eius fuerit, quod vivat in ea, quia non plane omnis qui fidem habet, ex fide vivit. Nam FIDES SINE OPERIBUS MORTUA EST, nec potest dare vitam, quam ipsa minime habuerit. Ideo Propheta cum dixisset: SPIRITUS ANTE FACIEM NOSTRAM CHRISTUS DOMINUS, non contentus fuit sequi et dicere: IN UMBRA EIUS SUMUS, sed: IN UMBRA, inquit, EIUS VIVIMUS INTER GENTES. Et tu ergo vide ut vivas exemplo Prophetarum in umbra eius, ut quandoque et regnes in lumine eius. Nec enim tantum umbram habet: habet et lucem. Ipse per carnem umbra est fidei, ipse intelligentiae lumen per spiritum. Et caro est enim, et spiritus. Caro in carne manentibus, SPIRITUS ANTE FACIEM NOSTRAM, id est in futuro, si tamen quae retro sunt obliviscentes, ad ea quae ante sunt nosmetipsos extendimus, quo pervenientes experiamur de verbo quod dixit: CARO NON PRODEST QUIDQUAM; SPIRITUS EST QUI VIVIFICAT: Nec ignoro, quod in carne adhuc manens quis dixerit: ETSI COGNOVIMUS CHRISTUM SECUNDUM CARNEM, SED NUNC IAM NON NOVIMUS. At hoc ille. Nos vero, qui nondum in paradisum, nondum ad tertium caelum rapi meruimus, Christi interim carne pascamur, mysteria veneremur, exempla sectemur, fidem servemus, et vivimus profecto in umbra.

жизни, за которой — свет. Прежде следует прийти под сень, а потом к Тому, Кто эту сень дает, соединиться с Ним, потому что сказано: «не уразумеете... и не увидите» (Ис. 7, 9).

7. Итак, ты видишь, что вера есть и жизнь, и сень жизни. Однако жизнь, проводимая в удовольствиях, а не по вере, напротив — смерть и сень смерти. Ведь сказано, что сластолюбивая вдовица заживо умерла (ср. 1 Тим. 5, 6). Да и «мудрование плотское смерть есть» (ср. Рим. 8, 6). Но есть и сень смерти — сень смерти, означающая вечную муку. И мы иногда сидим во тьме и тени смертной, когда, обращаясь к плотскому и живя не в вере, поистине становимся мертвыми, от смерти не многим отделяемые. Ибо насколько тень близка к телу того, кто ее отбрасывает, настолько же и такая наша жизнь приближает нас к аду. Наконец, сказано: «аще не Господь помог бы ми, смале вселилася бы во ад душа моя» (Пс. 93, 17). Но теперь мы перешли от тени смертной к сени жизни — или лучше — перенесены из смерти в жизнь, где живем в сени Христа, — если действительно живы, а не мертвы. Я имею в виду тех, кто придя однажды под сень Христа, в ней и живет, ибо очевидно, что не все, кто имеет веру, живет по вере. «Ведь вера без дел мертва» (Иак. 2, 20) и не может дать жизнь, которую не имела бы сама. Поэтому пророк сказал: «Дух лица нашего Помазанный Господь», не довольствовался словами: «в сени Его мы», но сказал: «в сени Его поживем во языцех». Так и ты следи за тем, живешь ли ты в его сени, по примеру Пророка, чтобы и ты когда-нибудь воцарился в этом свете. Ибо Он есть не только сень, Он есть свет. Телом — сень веры, духом — свет познания. Он есть и плоть и дух. Плоть — в пребывающих во плоти, дух Он — «Перед лицом нашим», то есть в будущем, если только, забывая заднее и простираясь вперед, устремимся мы к цели (ср. Фил. 3, 13), чтобы, достигнув, испытать по сказанному слову: «дух есть, иже оживляет, плоть не пользуется ничтоже» (Ин. 6, 63). И мне не странны слова еще пребывающего во плоти: «Если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем» (2 Кор. 5, 16). Для него это было так. Так давайте же мы, еще не заслужившие рая, еще не восхищенные в небесную страну, будем, пока мы здесь, вкушать плоть Христову, почитать Его таинство, следовать Его примеру, сохранять веру в Него и воистину жить в Его сени.

Пер. В. Земсковой

29. «Книга двадцати четырех философов»

Так называлось в эпоху позднего средневековья маленькое анонимное сочинение, известное еще как «Гермес Трисмегист», которое состояло из

Deus est monas,
monadem gignens,
in se suum reflectens
ardorem.

Deus est sphaera infinita,
cuius centrum est ubique,
circumferentia nusquam.

Deus est totus
in quolibet sui.

Deus est,
quo nihil melius excogitari potest.

Deus est,
cuius comperatione substantia est accidens,
accidens nihil.

Deus est
principium sine principio,
processus sine variatione,
finis sine fine.

Deus est amor, qui
plus habitus
plus placet.

Deus est, cui soli
praesens est,
quicquid cuiuscunque
temporis est.

24 снабженных комментариями сентенций о Боге. Здесь приведена их большая часть, но комментарии опущены.

О Боге

Бог — Единое, рождающее Единое, в Себе воплощая Свою любовь.

Бог — бесконечная сфера, центр которой повсюду,
а окружность — нигде.

Бог — весь в том, что Его.

Бог — Тот, лучше чего не выдумать.

Бог — Тот, в сравнении с Кем сущность — лишь случай,
а случай — ничто.

Бог — Начало без начала, Действие без перемены, Конец
без конца.

Бог — Любовь, которую, чем больше имея, тем больше жаждешь.

Бог — Единственный, Кому открыто, что с кем будет и когда.

Deus est,
cuius posse non numeratur,
cuius esse non clauditur,
cuius bonitas non terminatur.

Deus est oppositio
nihil mediatione entis.

Deus est vita,
cuius via in formam est veritas,
in unitatem bonitas.

Deus est, quem solum
voces non significant
propter excellentiam,
nec mentes intelligunt
propter dissimilitudinem.

Deus est sphaera,
cuius tot sunt circumferentiae, quot sunt puncta.

Deus est semper movens
immobilis.

Deus est
tenebra in anima
post omnem lucem relictam.

Deus est,
qui verius cognoscitur quid non est,
quam quid est.

Deus est,
qui sola ignorantia mente
cognoscitur.

Бог — Тот, Чьи возможности неисчислимы, бытие не кончается,
доброта безгранична.

Бог — Противоположность, не опосредованная бытием.

Бог — Жизнь, путь которой к проявлению есть истина,
к единству — благо.

Бог — Единственный, чье беспредельное величие невозможно
обозначить словами, как невозможно постичь сознанием
беспредельную несравненность.

Бог — Сфера, в которой столько же окружностей, сколько точек.

Бог — Неподвижный в постоянном движении.

Бог — Мрак в душе, наступивший от совершенного света.

Бог — Тот, Кто более истинно узнается по тому, чем не является,
нежели по тому, что Он есть.

Бог — Тот, Кто познается лишь разумом неведения.

30. Бонавентура (1217–1274)

Бонавентура — один из известнейших монахов-францисканцев (ребенком он был излечен лично св. Франциском). «То, чем св. Франциск жил, Бонавентура переложил в богословскую систему» (Каур). Благодаря своему возвышенному, «серафическому» складу души, он получил прозвание «*Pater seraphicus*» (ср. окончание 2-й части «Фауста» Гете). Помимо св. Франциска, Бонавентура главным образом следовал Августину и средневековой неоплатонистской традиции. У Аристотеля он заимствовал ученость, у Платона — мудрость, у Августина — Святой Дух, который объединил ученость и мудрость. Сам он был выражением *theologia affectiva*, которая призвана

1. *Beatus vir, cuius est auxilium abs te! Ascensiones in corde suo disposuit in valle lacrymarum, in loco, quem posuit (Ps 83, 6 seq.)*

Cum beatitudo nihil aliud sit, quam summi boni fruitio; et summum bonum sit supra nos: nullus potest effici beatus, nisi supra semetipsum ascendat, non ascensu corporali, sed cordiali. Sed supra nos levare non possumus nisi per virtutem superiorem nos elevantem. Quantumcunque enim gradus interiores disponantur, nihil fit, nisi divinum auxilium comitetur. Divinum autem auxilium comitatur eos qui petunt ex corde humiliter et devote; et hoc est ad ipsum suspirare in hac lacrymarum valle, quod fit per ferventem orationem.

Oratio igitur est mater et origo sursum-actionis. Ideo Dionysius in libro de *Mystica Theologia* (I, 1), volens nos instruere ad excessus mentales, primo praemittit orationem.

Oremus igitur et dicamus ad Dominum Deum nostrum:

Deduc me, Domine, in via tua,
et ingrediar in veritate tua;
Laetetur cor meum,
ut timeat nomen tuum (Ps 86, 11).

2. In hac oratione orando illuminamur ad cognoscendum divinae ascensionis gradus. Cum enim secundum statum conditionis nostrae ipsa rerum universitas sit scala ad ascendendum in Deum; et in rebus quaedam sint vestigium, quaedam imago, quaedam corporalia, quaedam spiritualia, quaedam temporalia, quaedam aeviterna, ac per hoc quod quaedam extra

была соединить теоретические воззрения с позаимствованными из опыта практическими знаниями, и, стремясь к этому, он старался соединить философию, богословие и мистику в нерасторжимое целое. Это последнее нашло свое яркое выражение в его маленьком шедевре, *Itinerarium*, который является конструктивным с богословской точки зрения и просветительским — с философской. Неоплатонизм Бонавентуры в неменьшей степени проявился и в его метафизике света, которая соединяет «Божий след» в чувственном мире с сиянием божественных идей.

О ступенях восхождения к Богу и узрении Бога через Его следы в мироздании

После пролога, в котором Бонаventura описывает явившееся ему видение Христа, в свете которого он обрел свой путь, начинается описание самого пути (*itinerarium*):

1. «Блажен человек, сила которого в Тебе и у которого в сердце стези восхождения направлены к Тебе из долины плача» (ср. Пс. 83, 6). Так как блаженство представляет собой не что иное, как наслаждение величайшим благом, а величайшее благо находится выше нас, то никто не может стать блаженным, не возвысившись над собой, причем возвысившись не телом, а сердцем. Подняться же над собой мы можем лишь благодаря поднимающей нас высшей силе.

Сколько бы ни было внутренних ступеней в нашей душе, все равно это ни к чему не приведет без божественного содействия. Оно же ниспосылается тем, кто просит его со смирением и благоговейным сердцем, а это заключается в том, что он воздыхает пред Богом в этой долине плача, что достигается, в свою очередь, путем пламенной молитвы. Молитва же действительно — мать и источник нашего восхождения. Также и Дионисий в книге «О мистическом богословии», желая наставить нас в духовном восхождении, прежде всего требует молитвы. Помолимся же тогда и обратимся к Господу Богу с такими словами: «Настави меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить в истине Твоей; утверди сердце мое в страхе имени Твоего» (ср. Пс. 86, 11).

2. Читая эту молитву, посвящается молящийся к познанию ступеней восхождения к Богу. Ведь в настоящем состоянии нашей природы сотворенный мир представляет собой лестницу для восхождения к Богу. Среди творений одно является следом, другое — образом, одно телесно, другое духовно, одно преходяще, другое бессмертно, и вследствие этого одно находится внутри нас, другое — вне нас. Поэтому, чтобы достичь созерцания Первоисточника, Который в высшей степени

nos, quaedam intra nos; ad hoc perveniamus ad primum principium considerandum, quod est spiritualissimum et aeternum et supra nos, oportet, nos transire per vestigium, quod est corporale et temporale et extra nos, et hoc est deduci in via Dei; oportet, nos intrare ad mentem nostram quae est imago Dei aeviterna, spiritualis et intra nos, et hoc est ingredi in veritate Dei; oportet, nos transcendere ad aeternum, spiritualissimum et supra nos aspiciendo ad primum principium, et hoc est laetari in Dei notitia et reverentia Maiestatis.

3. Haec est igitur via trium dierum in solitudine (Ex 3, 18); haec est triplex illuminatio unius diei, et prima est sicut vespera, secunda sicut mane, tertia sicut meridies; haec respicit triplicem rerum existentiam, scilicet in materia, in intelligentia et in arte aeterna, secundum quam dictum est; fiat, fecit, et factum est (Gen 1, 3); haec etiam respicit triplicem substantiam in Christo, qui est scala nostra, scilicet corporalem, spiritualem et divinam.

4. Secundum hunc triplicem progressum mens nostra tres habet aspectus principales. Unus est ad corporalia exteriora, secundum quem vocatur animalitas seu sensualitas; alius intra se et in se, secundum quem dicitur spiritus; tertius supra se, secundum quem dicitur mens. — Ex quibus omnibus disponere se debet ad conscendendum in Deum, ut ipsum diligat ex tota mente, ex toto corde et ex tota anima (Mc 12, 30; cf. Mt. 22, 37; Lc 10, 27), in quo consistit perfecta Legis observatio et simul cum hoc sapientia christiana.

5. Quoniam autem quilibet praedictorum modorum geminatur, secundum quod contingit considerare Deum ut alpha et omega (Apc 1, 8), seu in quantum contingit videre Deum in unoquoque praedictorum modorum ut per speculum et ut in speculo, seu quia una istarum considerationum habet commisceri alteri sibi coniunctae et habet considerari in sua puritate: hinc est, quod necesse est, hos tres gradus principales ascendere ad senarium, ut, sicut Deus sex diebus perfecit universum mundum et in septimo requievit, sic minor mundus sex gradibus illuminationum sibi succedentium ad quietem contemplationis ordinatissime perducatur . . .

6. Iuxta igitur sex gradus ascensionis in Deum sex sunt gradus potentialium animae per quos ascendimus ab imis ad summa, ab exterioribus ad intima, a temporalibus conscendimus ad aeterna, scilicet sensus, imaginatio, ratio, intellectus, intelligentia et apex mentis seu synderesis scintilla⁸). Hos gradus in nobis habemus plantatos per naturam, deformatos per culpam,

духовен, вечен и превосходит нас, следует перейти через следы, которые телесны, преходящи и находятся вне нас, и это выведет нас на путь к Богу. Затем следует войти в нашу душу, которая является бессмертным образом Бога, духовна и находится внутри нас, и это значит, войти в истину Божию. Наконец, мы должны возвыситься до вечного, высшей духовности и находящегося выше нас, взирая на Первоисток, и это значит возрадоваться в познании Бога и благоговении перед Величием Его.

3. Так вот она — дорога «в пустыню на три дня пути» (ср. Ис. 3, 18) и тройное озарение одного дня: первое подобно вечеру, второе — утру, третье — полудню. Это озарение соответствует тройному существованию вещей: в материи, в уме и в вечном замысле Бога согласно тому, как сказано: «да будет, сделал и стало» (ср. Быт. 1, 3). Это также соответствует тройной субстанции во Христе, лестнице нашей, то есть телесной, духовной и божественной.

4. В соответствии с этим тройным восхождением наша душа имеет три основных начала. Первое обращено к внешним телам, поэтому оно называется животным или ощущающим началом; второе обращено в себя, поэтому называется духом; третье обращено на то, что превосходит себя, поэтому называется разумной душой. Исходя из этого тройного начала, следует расположить себя к восхождению к Богу и возлюбить Его «всем сердцем... и всею душою... и всем разумением» (ср. Мк. 12, 30; Мф. 22, 37; Лк. 10, 27), в этом состоит совершенное соблюдение закона, а также заключается христианская мудрость.

5. Но так как каждое из названных начал удваивается — ведь можно рассматривать Бога как альфу и как омегу (ср. Отк. 1, 8), то есть можно видеть Бога в каждом из названных начал как через духовное зеркало, так и в духовном зеркале, — иными словами, любое из этих начал может быть рассмотрено как смешанное с другим и соединенное с Ним, и может быть рассмотрено в чистом виде. Отсюда следует необходимость возвести эти три основные ступени до шести, ведь как шесть дней Бог создавал Вселенную и на седьмой почил, так и во внутреннем мире шесть следующих друг за другом ступеней озарения последовательно приводят к покою созерцания...

6. Итак, этим шести ступеням восхождения к Богу соответствуют шесть способностей души, посредством которых мы восходим от низшего к высшему, от внешнего к внутреннему и поднимаемся от преходящего к вечному. Этими способностями являются следующие: ощущение, воображение, смысл, понимание и вершина души или ее светоч. Эти ступени, установленные в нас природой, искаженные грехом, но восстановленные благодатью, должны быть очищены праведностью, укреплены знанием и усовершенствованы мудростью.

reformatos per gratiam; purgandos per iustitiam, exercendos per scientiam, perficiendos per sapientiam.

7. Secundum enim primam naturae institutionem creatus fuit homo habilis ad contemplationis quietem, et ideo posuit eum Deus in paradiso deliciarum (Gen 2, 15). Sed avertens se a vero lumine ad commutabile bonum, incurvatus est ipse per culpam propriam, et totum genus suum per originale peccatum, quod dupliciter infecit humanam naturam, scilicet ignorantia mentem et concupiscentia carnem; ita quod excaecatus homo et incurvatus in tenebris sedet et caeli lumen non videt, nisi succurrat gratia cum iustitia contra concupiscentiam, et scientia cum sapientia contra ignorantiam. Quod totum fit per Iesum Christum, qui factus est nobis a Deo sapientia et iustitia et sanctificatio et redemptio (I Cor 1, 30; ibid 24). Qui cum sit Dei virtus et Dei sapientia sit Verbum incarnatum plenum gratiae et veritatis, gratiam et veritatem fecit (Joan 1, 14.17), gratiam scilicet caritatis infudit quae, cum sit de corde puro et conscientia bona et fide non ficta (I Tim. 1, 5), totam animam rectificat secundum triplicem ipsius aspectum supradictum; scientiam veritatis edocuit secundum triplicem modum theologiae, scilicet symbolicae, propriae et mysticae, ut per symbolicam recte utamur sensibilibus, per propriam recte utamur intelligibilibus, per mysticam rapiamur ad supermentales excessus.

8. Qui igitur vult in Deum ascendere necesse est, ut, vitata culpa deformante naturam, naturales potentias supradictas exerceat ad gratiam reformatam, et hoc per orationem; ad iustitiam purificantem, et hoc in conversatione; ad scientiam illuminantem, et hoc in meditatione; ad sapientiam perficientem et hoc in contemplatione. Sicut igitur ad sapientiam nemo venit nisi per gratiam, iustitiam et scientiam, sic ad contemplationem non venit nisi per meditationem perspicuam, conversationem sanctam et orationem devotam.

Sicut igitur gratia fundamentum est rectitudinis voluntatis et illustrationis perspicuae rationis; sic primo orandum est nobis, deinde sancte vivendum, tertio veritatis spectaculis intendendum et intendendo gradatim ascendendum, quousque veniatur ad montem excelsum, ubi videatur Deus deorum in Sion (Ps. 83, 3).

7. По своей первой природе человек был сотворен способным к покою созерцания, и поэтому «...Бог поселил его в саду Едемском...» (ср. Быт. 2, 15). Но человек, обратившись от истинного света к исходящему благу, по своей вине исказил самого себя и весь род свой из-за первородного греха, что создало двойственную человеческую природу, то есть невежество души и вожделение плоти. Таким образом, ослепленный, с искаженной природой человек останется во тьме и не увидит небесного света, если благодать и праведность не придут на помощь против вожделения, а знание и мудрость — против невежества. И все это совершается через Иисуса Христа, «...Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением» (ср. 1 Кор. 30). Тот, Кто есть сила и мудрость Бога, воплощенное слово, «полное благодати и истины» (ср. Ин. 1, 14–17), творит нас благодатью и истиной, то есть ниспосылает нам благодать любви, которая, так как «исходит от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (ср. Тим. 1, 5), очищает всю душу, все ее три вышеназванных начала. Оно обучает нас знанию истины в соответствии с тремя видами богословия, то есть «символическим», «собственным» и «мистическим», чтобы благодаря символическому богословию мы правильно пользовались чувственно воспринимаемыми вещами, благодаря богословию в собственном смысле мы правильно пользовались вещами духовными, а благодаря мистическому мы были бы восхищены в превыше разума экстаз.

8. Итак, кто хочет восходить к Богу, должен, чтобы избежать искажающего природу греха, подчинить вышеназванные природные способности преображающей благодати, а это достигается молитвой; очищающей праведности, что достигается обращением; озаряющему знанию, что достигается размышлением; и совершенствующей мудрости, что достигается созерцанием. Подобно тому как к мудрости можно прийти только лишь через благодать, праведность и знание, так к созерцанию можно прийти только через сосредоточенное размышление, святой образ жизни и благочестивую молитву. А так как благодать есть основание воли и совершенной просвещенности разума, то мы должны, во-первых, молиться, во-вторых, свято жить, в-третьих, должны устремить свой взор на созерцание истины и, устремившись, восходить по ступеням, вплоть до вершины горы, где «является Бог богов на Сионе» (ср. Пс. 83, 3).

Пер. В. Л. Задворного

31. Майстер Экхарт (1260–1327)

Принадлежал к доминиканскому ордену и находился в русле как аристотелевско-томистской, так и платонистской традиции. Ориентировался на своего собрата по ордену Фому Аквинского и, в особенности, на Псевдо-Дионисия и Скота Эриугену, и развивал родственное Плотину учение об *unio mystica*. С философской точки зрения он считается самым значительным немецким христианским мистиком. Экхарт соединял яркую эмоциональность с требованием интеллектуальной твердости и полагал, что вера долж-

DOMINICA TERTIA DECIMA POST TRINITATEM DE EPISTULA
(AD GALATOS 3, 16–22)

DEUS UNUS EST, ad Gal. 3 et Deut. 6.

DEUS. Anselmus: deus est, quo nihil melius excogitari potest. Augustinus I De doctrina christiana c.11: «deorum deus cogitatur ut aliquid, quo nihil sit melius atque sublimius». Et infra: «nec quisquam inveniri potest, qui hoc deum credat esse, quo est aliquid melius». Bernardus V De consideratione: «quid est deus? Quo melius nihil cogitari potest». Seneca in prologo Quaestionum naturalium: «quid est deus? quod vides totum et quod non vides totum. Sic magnitudo sua illi redditur quo nihil maius excogitari potest».

Deus simplicitate est infinitus et infinitate sua est simplex. Ideo et ubique est et ubique totus est. Ubiq̃ue infinitate, sed totus ubiq̃ue simplicitate. Deus solus illabatur omnibus entibus, ipsorum essentiis. Nihil autem aliorum illabatur alteri. Deus est in intimis cuiuslibet et solum in intimis, et ipse solus unus est.

Notandum quod omnis creatura amat in deo unum, et ipsum amat propter unum et amat ipsum, quia unus est.

Primo, quia omne quod est amat et quaerit dei similitudinem. Similitudo autem est quaedam unitas sive quorundam unitas⁴. — Secundo in uno nunquam est dolor sive poena sive molestum, sed nec passibilitas aut mortalitas. — Tertio, quia in uno ratione qua unum sunt omnia.

на доводить сверхъестественные, экстатические представления до уровня логического знания. Высшей силой души Экхарт полагал разум (интеллект), который он называл также «искрой» души. В ней, он считал, сохраняется, несмотря на грехопадение, природное чувство добра. Проявления разума представляют собой действие Божие в нас.

28 тезисов его учения были осуждены папской буллой как еретические или в лучшем случае — спорные.

DEUS UNUS EST

**Проповедь 13, на следующее воскресенье после Троицы,
о Послании к Галатам 3, 16–22**

Бог Един (к Гал. 3 и Втор. 6)

БОГ. Ансельм: «Бог — Тот, по сравнению с Кем нельзя выдумать ничего лучше».

Августин. О христианском учении, I, 11: «Бог над богами предполагает такое, в сравнении с чем нет ничего лучше и возвышенней». И ниже: «Нет никого, кто думал бы, что Бог — Тот, в сравнении с Кем есть что-то лучшее».

Бернар. О рассуждении V: «Что такое Бог? То, лучше чего нельзя выдумать».

Сенека. Пролог к натурасторическому вопросу: «Что такое Бог? Все, что ты видишь, и все, что не видишь. Следовательно, Его величие сводится к тому, что нельзя себе представить ничего более величественного».

Бог в простоте — бесконечен, а в Своей бесконечности — прост. Поэтому Он повсюду — и повсюду как целое: повсюду — в силу бесконечности, повсюду как целое — в силу простоты. Бог один погружается во все, что есть, в собственную сущность вещей; но ничто из иного (*aliud*) не погружается в другое (*alter*)¹. Бог в глубине всякого, и только в глубине. И Он один Един². Примечательно, что всякое создание в Боге любит единое (*unum*), и любит Его по причине единого, и любит Его, потому что Он един³.

Во-первых, потому что все, что есть, любит и ищет подобия с Богом. А подобие (*similitudo*) — есть некое единство, единство неких вещей⁴.

Во-вторых, в едином нет ни горя, ни боли, ни муки, нет даже страдания (*passibilitas*) и смерти.

Omnis enim multitudo una est et unum et in uno et per unum. — Et quarto, quia nec potentia nec sapientia nec bonitas ipsa, sed nec esse amaretur, nisi quia nobis unitur et nos illi.

— Quinto, quia vere amans non potest amare nisi unum. Propter quod praemisso deus unus est sequitur: «diliges dominum deum tuum ex toto corde tuo», et procul dubio nollet esse nisi unum, quod se toto amat.

— Sexto, quia vult uniri amato. Quod non potest nisi ipsum sit unum. Praeterea deus non uniret sibi quidquam, nisi quia unus et ratione qua unus. Praeterea hoc ipso quod est unus necesse habet unire omnia et in se et sibi unire. — Septimo, quia unum est indistinctum ab omnibus. Igitur in ipsa ratione indistinctionis sive unitatis sunt omnia et plenitudo esse. — Octavo nota quod unum respicit totum et perfectum proprie; propter quod iterum ipsi nihil deest. — Nono nota quod unum respicit per essentiam esse ipsum sive essentiam, et hanc unam. Nam et ipsa semper una est et sibi debetur unio sive uniri ratione unitatis.

Iuxta quod notandum quod re vera amans deum utpote unum et propter unum et unionem nec prorsus curat nec dignatur omnipotentiam dei nec sapientiam, quia ista plurimum sunt et ad plura respiciunt; sed nec bonitatem generaliter, tum quia extra respicit et in rebus est, tum quia consistit in adhaesione, Psalmus: «mihi adhaerere deo bonum est».

— Decimo nota quod unum altius est, prius est et simplicius est ipso bono et immediatius ipsi esse et deo aut potius iuxta nomen suum unum esse ipsi esse sive cum ipso esse. — Undecimo, quia deus eo dives profusivus est,

В-третьих, в понятии единого как единицы есть все; ведь всякая величина есть единица и едина в едином и при едином⁵.

В-четвертых, поскольку и власть, и мудрость, и божественность как таковую, и даже бытие любят только в той мере, в какой они соединяются (*unitur*) с нами и мы с ними.

В-пятых, поскольку истинно любящий не в состоянии любить кого-то, кроме одного, то из предпосылки БОГ ЕДИН следует: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим». Несомненно, любящий хочет, чтобы тот, кого он всецело любит, был только один.

В-шестых, поскольку любящий хочет соединиться с объектом любви, чего он не может, если тот не один. Кроме того, Бог позволяет соединиться с Ним только потому, что Он един. Далее, именно потому что он един, Он, если нужно, может соединять все, и соединять это и с Собою, и в Себе.

В-седьмых, поскольку «единое» означает «неотделимо от всего», следовательно, в самом понятии «нераздельность» или «единство» содержится вся полнота бытия.

В-восьмых, заметь, что единое само по себе становится целостностью и совершенством, потому что у него нет недостатка ни в чем.

В-девятых, заметь, что единое по своей сущности становится бытием как таковым, или же сущностью, и сущностью, которая едина. Ведь и сущность (*essentia*) всегда едина, и добавляется единение (*unio*), и тогда возможно со-единение — на почве единого.

Вдобавок к этому нужно отметить, что тот, кто воистину любит Бога как Единого и по причине единства и со-единения, тому не важно, насколько велико Божие всемогущество или мудрость, так как единое дает больше и становится большим. Не думает он и о благе в обычном его понимании, отчасти потому, что оно касается внешнего и скрывается в вещах, отчасти потому, что оно основывается на более «тесной» связи (*adhaesio*): «А мне благо приближаться к Богу!» (*Пс. 72, 28*).

В-десятых, заметь, что Единое выше, важнее и проще, нежели само благо, и что оно ближе и к бытию, и к Богу; или лучше: то, что по названию «единое», может быть на самом деле со-«единое» — как бытие как таковое.

В-одиннадцатых, Бог потому преизбыточно богат, что Он Един. Именно в силу того, что Он един, Он — Первый и Наивысший. Вот почему Единое погружается во все и во всякое, всегда оставаясь единым и даруя единство отдельному. Вот почему шесть — не дважды три, но шесть раз по одному⁶.

Итак, слушай, Израиль, твой Бог — единый Бог⁷. Заметь, что единое, или Одно, выступает здесь и как нечто, присущее чему-то, и как нечто, единое с чем-то, — лишь с разумом (*intellectus*). О материаль-

quia unus. Primus enim et supremus est ratione qua unus. Propter quod unum descendit in omnia et singula, manens semper unum et divisa uniens. Propter quod sex non sunt bis tria, sed unum sexies.

Audi ergo, Israel, deus tuus unus est. Ubi nota quod unitas sive unum videtur proprium et proprietas intellectus solius. Entia siquidem materialia constat quot sunt unum et non unum, utpote quanta vel saltem composita ex forma et materia. Entia vero immaterialia, puta intellectualia, sunt non unum, vel quia ipsorum essentia non est esse, vel potius fortassis, quia ipsorum esse non est intelligere. Sunt ergo ex esse et essentia vel ex esse et intelligere. Vide in *De causis* commentum ultimae propositionis. Unde signanter dictum est: deus tuus deus unus est, deus Israel, deus videntium, qui scilicet intelligit et solo intellectu capitur, qui est intellectus se toto.

Deus unus est. Notandum quod dupliciter hoc potest accipi. Primo sic: deus unus est. Nam hoc ipso quod unus, ipsi competit esse, id est quod sit suum esse, quod sit purum esse, quod sit omnium esse. Secundo sic: deus tuus deus unus est, quasi nihil aliud est vere unum, quia nec quidquam creatum est purum et se toto intellectus. Iam non esset creabile. Adhuc autem de quocumque quaero utrum in ipso sit intellectus sive intelligere aut non. Si non, constat quod non est deus sive prima causa omnium sic ordinatorum in fines certos quod intellectu caret. Si vere in ipso est intellectus, quaero utrum in ipso sit aliquod esse praeter intelligere aut non. Si non, iam habeo quod sit unum simplex, et iterum quod est increabile,

ных формах существования сразу же можно сказать одно: они или нет, так как их множество, во всяком случае, составных по форме и материи. А нематериальные формы существования, т. е. мысленные, — не одно: или потому, что их сущность — не быть, или, еще чаще, потому что они существуют не мысля. Следовательно, они состоят из бытия и сущности, или же из бытия и мысли. Отсюда следует, что есть и такой смысл в словах «Твой Бог — единый Бог»: Бог Израиля — видящий Бог, Бог видящих⁸, Бог, Который мыслит и постижим только в мысли, Бог, Который всецело есть мыслящий ум.

DEUS UNUS EST. Примечательно, что это может пониматься двояко. Во-первых, так: «Есть единый Бог». Ведь именно потому, что Он един, Ему подобает быть, т. е. потому, что Он — Свое собственное бытие, что Он — чистое бытие, что Он — бытие всего сущего. Во-вторых, так: «Твой Бог — один Бог», означая то, что ничто иное не есть истинно единое. Ибо ничто из сотворенного не есть чистый и всецело мыслящий ум, ведь в таком случае оно не могло бы быть тварным. Так что я про любую вещь спрашиваю, есть ли в ней мыслящий ум или работа мысли. Если их нет, тогда ясно: то, чему недостает разума, не есть Бог или первопричина всего, что направлено на определенные цели. Если же в вещи есть мыслящий ум, я смотрю, есть ли в ней что-то еще, кроме мысли. Если ничего прочего нет, сразу становится ясно, что она есть простое единое и, кроме того, нетварна, первична и т. д., что она — Бог. Но если в ней есть что-то еще, кроме мысли, тогда ясно, что она составная и не является всецело простым единым.

Следовательно, становится очевидным, что один Бог в собственном смысле *есть* и что Он — мыслящий ум или мышление, и — только мышление, без примеси чего-либо другого, и что Он — совершенно прост. Поэтому только Бог, мысля, придает вещам бытие: ибо в Нем одном бытие — это мышление. А из этого следует, что ничто, кроме Него, не может быть чистым мышлением⁹. Напротив, будь у всего иного некое бытие, отличное от мышления, оно — отчасти потому, что мысль есть нечто нетварное, отчасти потому, что «первое из тварного есть бытие» — не было бы тварью.

В дополнение к предыдущему замечать, что всего, что проистекает из единого или одного, как, например, сходство, подобие, отражение, отношение и тому подобное¹⁰, в обычном и собственном смысле нет — оно скорее в Боге и в божественном. Посему Августин говорит в книге «Об истинной вере», гл. 53: «Теперь же отчетливо видится само истинное подобие или сходство и истинное и первое единое — и не телесными очами или иным каким-то чувством такого рода, но умом». Причина: во-первых, потому, что они сопутствуют единому, а оно, как сказано, свойственно Богу. Во-вторых, потому, что все вещи такого рода есть «одно во многом», нечто, чего в свою очередь никогда

primum et similia, et est deus. Si vero habet aliquid esse aliud quam intelligere, iam est compositum, non simpliciter unum.

Patet ergo manifeste quod deus est proprie solus et quod ipse est intellectus sive intelligere et quod solum intelligere praeter esse aliud simpliciter. Ideo solus deus per intellectum producit res in esse, quia in ipso solo esse est intelligere. Iterum etiam quod nihil praeter ipsum potest esse purum intelligere, sed habet aliquid esse differens ab intelligere, nec aliter esset creatura, tum quia intelligere est increabile, tum quia «prima rerum creaturarum est esse».

Iuxta praemissa nota quod omnia consequentia unum sive unitatem, puta aequalitas, similitudo, imago, relatio et huiusmodi, universaliter non sunt proprie nisi in deo sive in divinis. Unde Augustinus De vera religione c. 53 dicit: «porro ipsa vera aequalitas aut similitudo atque ipsa vera prima unitas non oculis carnis neque ullo tali sensu, sed mente intellecta conspicitur.»

Ratio est primo, quia consequuntur unitatem, quae propria est deo, ut dictum est. – Secundo, quia omnia huiusmodi dicuntur unum in multis, quod nusquam est et nunquam nisi in intellectu, nec est, sed intelligitur. Igitur ubi esse non est ipsum intelligere, nunquam est aequalitas. Sed in deo ipsum est esse quod intelligere solum. – Tertio, quia duo, cum sint similia aut aequalia, non possunt esse ipsa similitudo vel ipsa aequalitas, et sic de aliis. – Quarto, quia nunquam est dare duo ex aequo in universo nec duo in omnibus convenientia. Iam enim non essent duo nec essent ordinata. – Quinto, quia extra intellectum semper invenitur et occurrit diversitas, difformitas et huiusmodi etc., Psalmus: «tu autem idem ipse es». Identitas est enim unitas.

и нигде нет, за исключением разума, где оно не «есть», но мыслится. Следовательно, там, где существование не является самым процессом мышления, там нет и подобия. В-третьих, потому что две величины, подобны ли они, или только похожи, не могут быть ни самым подобием, ни самой похожестью, и так со всем остальным. В-четвертых, потому что нигде в мире нет как двух одинаковых величин, так и двух явлений, во всем совпадающих друг с другом. Случись так, они перестали бы быть двумя или бы иначе определялись. В-пятых, потому что везде, за исключением разума, всегда есть и проявляется различность, отклонение от формы и тому подобное. «Но Ты — тот же» (Пс. 101. 28). Тожество и есть единое.

Из того, что здесь сказано, можно понять и уразуметь, каким образом «соединяющийся с Господом есть один дух (spiritus) (с Господом)» (ср. 1 Кор. 6, 17). Мыслящий ум (intellectus) свойственен Богу, а Бог *един*. Следовательно, всякое простое содержит столько Бога и Единого и того, что оно — единое с Богом, сколько у него мыслящего ума или мыслительной энергии. Ибо единый Бог есть разум, а разум есть единый Бог.

Почему Бог никогда и нигде, помимо разума, не есть Бог? Августин, «Исповедь», гл. 15: «Там, где я нахожу истину, там я нахожу своего Господа, саму Истину». Возноситься к разуму, подчиняться ему означает соединяться с Богом. Соединяться, быть единым, означает становиться единым с Богом. Ибо Бог *един*. Все бытующее вне разума, помимо разума, есть тварь, есть тварное, есть «другое» по отношению к Богу, есть *не* Бог. Ведь в Боге нет другого (non est aliud)¹¹.

По действию и его энергии вообще различается существование всего тварного; существование есть первое действие, первое различие¹². В разуме же, в Боге — нет различия. Отсюда следует и то, что Писание постоянно призывает к уходу из этого мира, к уходу от самого себя, к забвению своего дома и дома своего рода, к оставлению своей страны и своей семьи, дабы вырасти в великий народ, в котором были бы благословенны все роды (ср. Исх. 12, 1–3); а лучшее место этому — царство мыслящего ума, где, несомненно, все — в той мере, в какой сами они есть мыслящие умы, а не другое — во всех (omnia in omnibus).

¹ Латынь в данном случае подчеркивает различие между двумя наименованиями «инаковости»: aliud, которое означает открытое противопоставление в форме всего «другого» или «прочего», и alter, которое означает скрытое противопоставление в форме «второго» из двух. В данном случае aliud означает все «другое» по отношению к Богу, все, что есть, все сущее, все абстрактные и конкретные «вещи», а alter означает «второй» по отношению к первому.

Ex dictis potest colligi quis sit modus, quo «qui adhaeret deo, unus spiritus est», Cor. 6. Intellectus enim proprie dei est, deus autem unus. Igitur quantum habet unumquodque de intellectu sive de intellectuali, tantum habet dei et tantum de uno et tantum de esse unum cum deo. Deus enim unus est intellectus, et intellectus est deus unus.

Unde deus nunquam est ut deus nisi in intellectu. Augustinus X Confessionum c. 15: «ubi inveni veritatem, ibi inveni deum meum, ipsam veritatem». Ascendere igitur ad intellectum, subdi ipsi, est uniri deo. Uniri, unum esse, est unum cum deo esse. Deus enim unus est. Omne esse praeter intellectum, extra intellectum creatura est, creabile est, aliud est a deo, deus non est. In deo enim non est aliud.

Actus et potentia sunt divisiones esse entis universaliter creati. Esse autem primus actus est, prima divisio est. In intellectu autem, in deo, nulla divisio est. Hinc est quod scriptura semper hortatur ad exitum ab hoc mundo, ad exitum a semet ipso, oblivisci domus suae et domus generationis suae, exire de terra sua et de cognatione, ut crescat in gentem magnam, ut in ipso benedicantur omnes gentes, quod optime fit in regione intellectus, ubi procul dubio in quantum huiusmodi nec aliter sunt omnia in omnibus.

² Буквально: Бог есть один.

³ Как на дальнейшее развитие этой идеи можно указать на слова С. Кьеркегора: «Чистота сердца в том, чтобы желать единого».

⁴ *Аристотель*. Метафизика. V, 1021: «Подобными называются те вещи, качество которых едино»; *Платон*. Парменид. 148А3: «Подобное то, что страдает тем же самым».

⁵ Последнюю часть этого периода нужно понимать так: каждая величина есть единица (уна) числом, единство (унит) сутью, в едином (in uno), в той мере, в какой оно составляет часть более высокого единства, через единое (per unum), в той мере, в какой оно своей двойственностью составляет часть этого единства.

⁶ Этот числовой пример основан на традиционном соединении платонистского и пифагорейского числового символизма. Августин говорит: «Число есть собрание единиц». Экхарт в одном из сочинений говорит: «Все, что есть число, зависит от единицы».

⁷ Здесь начинается новая тема. Предыдущая часть основана на Новом Завете (Посл. к Галатам), эта — на Ветхом (Исайя, 46, 9). Экхарт вводит свое основное понятие intellectus: ум, разум, рассудок, интеллект, греческое Νοῦς (в аристотелевском смысле).

⁸ Экхарт, по-видимому, обыгрывает фразу из Иеронима: «Израиль (Яков), человек, который видит Бога» (Israel vir videns deum). То, что в Библии тот «слышит» (audi), а не «видит», Экхарт игнорирует.

⁹ Ср. в «Пармениде»: «То же самое — мыслить и быть», где тем не менее нет понятия Бога. Идея того, что Бог производит разум, особенно развита в аристотелевско-томистской традиции.

¹⁰ Основным источником этих «частей единства» (partes unius) опять же является платоновский «Парменид». Это положение имело особое значение для средневековых платоников при разработке догмата о Троице. Так, Августин понимал Сына как aequalitas (подобие), а Отца как unitas (единство).

¹¹ В этом сопоставлении мыслящей субстанции, чистого разума, с Богом или абсолютным духом объединяются такие мыслители, как Аристотель, Экхарт и Гегель.

¹² Здесь Экхарт в какой-то мере предваряет понятие, которому будет уделять большое внимание Николай Кузанский, — «не-иное», non aliud. Кузанский, очевидно, был хорошо знаком с проповедями Экхарта, во всяком случае — с этой.

32. Николай Кузанский (1401–1464)

Николай Кузанский — последний великий мыслитель неоплатонистской традиции. В полемике с аристотелевским метафизическим понятием сущности и бытия он старался углубить интуитивное платоновское единство мышления. Его философия впоследствии получила название «философия единства», или генология. Основными идеями его математически выверенного мировоззрения являются «бесконечность» (*infinitas*), «просвещенное неведение» (*docta ignorantia*) и «совпадение противоречий» (*coincidentia oppositorum*). Из его (небольших и немногочисленных) сочинений особенно выделяются «*De docta ignorantia*» (О просвещенном неведении), «*De coniecturis*» (Об искусстве предположения), «*De mente*» (О Духе) и «*De non aliud*» (О не-ином).

ABBAS. Tu nosti nos tres, qui studio dediti tecum colloqui admittimur, in altis versari: ego enim in Parmenide Proculique commentariis, Petrus vero in theologia Platonis eiusdem Proculi, quam de graeca latinam facit, Ferdinandus autem Aristotelis perlustrat ingenium; tu vero, cum vacat, in Areopagita Dionysio theologo versaris. Gauderemus audire, an ne ad illa, quae per iam dictos tractantur, compendiosior tibi clariorque occurrat modus.

NICOLAUS. Undique circa profunda mysteria occupamur, neque, ut credo, brevius quisquam faciliusque illa diceret, quam hii, quos lectitamus, licet mihi aliquando visum sit illud per nos negligi, quod propinquius nos duceret ad quaesitum.

PETRUS. Hoc aperiri deprecimur.

FERDINANDUS. Ita omnes veritate afficimur, quod ipsam undique reperibilem scientes illum habere magistrum optamus, qui ipsam nostrae mentis oculis anteponat. Tu autem te infatigabilem ostendis in eo etiam tuo declinante senio, et quando pulsatus de ipsa loqueris, videris iuvenescere. Dicitur igitur tu illud, quod prae nobis ipse considerasti.

NICOLAUS. Dicam et tecum, Ferdinande, hoc pacto colloquar, quod omnia, quae a me audies, nisi compellaris ratione, ut levia abicias.

FERDINANDUS. Sic philosophi, praeceptores mei, agendum esse docuerunt.

...Вместо соответствующего традиции понятия «единство» (*unum*), противоположностью которого является «иное» (*alter, aliud*), Кузанский развивает идею «неинного» (*non aliud*). Результатом этого является не только новый аспект указанной традиционной идеи, но и приобретение новой значимости такой родственной ей идеи как «идентичность» (*identitas*), а также феномена отрицания (*non*). Идея «неинного» в течение последующих веков была утеряна философией из виду. Только сегодня она вновь стала объектом критического рассмотрения в связи с возрождением интереса к Николаю Кузанскому.

О неинном

Аббат. Ты знаешь, что мы втроем, допущенные к беседе с тобою, занимаемся изучением высоких предметов: я — «Парменида» и комментария Прокла, Петр — «Богословия Платона» того же Прокла, которое он перевел с греческого на латинский, а Фердинанд рассматривает глубокое учение Аристотеля. Ты же в свободное время погружаешься в изучение богословия Дионисия Ареопагита. Мы были бы рады услышать, не представился ли тебе более краткий и ясный способ понимания того, что уже трактовалось вышеупомянутыми философами.

Николай. Со всех сторон мы окружены глубокими тайнами, и никто, думаю, не может сказать о них короче и доступнее тех, кого мы часто перечитываем, хотя мне и кажется иной раз, что мы весьма нередко упускаем то, что ближе всего привело бы нас к искомому.

Петр. Настоятельно просим открыть нам это.

Фердинанд. Мы жаждем истины, а кроме того, знаем, что ее можно найти повсюду, и потому хотим иметь наставником того, кто поставил бы ее перед очами нашего ума. А ты проявляешь себя неутомимым в этом поиске истины даже на склоне дней твоих; и когда ты, волнуясь, начинаешь говорить об истине, кажется, что ты молодеешь. Так скажи нам о том, о чем ты сам размышлял прежде нас.

Николай. Я скажу, и с тобою, Фердинанд, у меня будет беседа, при том, однако, условии, чтобы ты отбросил как легкомысленное все, что от меня услышишь, если не будешь принужден к этому рассудком.

Фердинанд. Так учили поступать философы, мои наставники.

NICOLAUS. Abs te igitur in primis quaero: quid est quod nos apprime facit scire?

FERDINANDUS. Definitio.

NICOLAUS. Recte respondes; nam oratio seu ratio est definitio. Sed unde dicitur definitio?

FERDINANDUS. A definiendo, quia omnia definit.

NICOLAUS. Bene sane! Si igitur omnia definit definitio, et se ipsam igitur definit?

FERDINANDUS. Utique, cum nihil excludat.

NICOLAUS. Vides igitur definitionem omnia definientem esse non aliud quam definitum?

FERDINANDUS. Video, cum suiipsius sit definitio. Sed quanam sit illa, non video.

NICOLAUS. Clarissime tibi ipsam expressi. Et hoc est id, quod dixi nos negligere in venationis cursu quaesitum praetereuntes.

FERDINANDUS. Quando expressisti?

NICOLAUS. Iam statim, quando dixi definitionem omnia definientem esse non aliud quam definitum.

FERDINANDUS. Nondum te capio.

NICOLAUS. Pauca, quae dixi, facile rimantur, in quibus reperies «non aliud»; quodsi toto nisu mentis aciem ad id «non aliud» convertis, mecum ipsum definitionem se et omnia definientem videbis.

FERDINANDUS. Instrue nos, quonam modo id fiat; nam magnum est quod affirmas et nondum credibile.

NICOLAUS. Responde igitur mihi: quid est «non aliud»? Estne aliud quam non aliud?

FERDINANDUS. Nequaquam aliud.

NICOLAUS. Igitur non aliud.

FERDINANDUS. Hoc certum est.

NICOLAUS. Definias igitur «non aliud»!

FERDINANDUS. Video equidem bene, quomodo «non aliud» est non aliud quam non aliud.²⁾ Et hoc negabit nemo.

NICOLAUS. Verum dicis. Nonne nunc certissime vides «non aliud» se ipsum definire, cum per aliud definiri non possit?

FERDINANDUS. Video certe, sed nondum constat ipsum omnia definire.

NICOLAUS. Nihil cognitu facilius. Quid enim responderes, si quis te «quid est aliud?» interrogaret? Nonne diceres: «non aliud quam aliud»? Sic, «quid caelum», responderes: «non aliud quam caelum».

Николай. В таком случае я прежде всего спрошу тебя: что в первую очередь позволяет нам знать?

Фердинанд. Определение.

Николай. Верно: потому что определение есть речь, или рассуждение. Но отчего его называют «определением»?

Фердинанд. От «о-пределения», потому что оно определяет все.

Николай. Совершенно правильно. Но в таком случае, если определение определяет все, определяет ли оно самого себя?

Фердинанд. Непременно, раз оно не исключает ничего.

Николай. Ты видишь, следовательно, что определение, которое определяет все, есть не что иное, как определенное.

Фердинанд. Вижу, раз оно — определение себя самого. Но я не вижу, каково оно.

Николай. Я его показал тебе самым ясным образом. Это и есть то, чем мы, сказал я, пренебрегаем, в пылу исканий не радея об искомом.

Фердинанд. Когда показал?

Николай. Я показал уже в тот момент, когда заявил, что определение, которое все определяет, есть не иное что, как определенное.

Фердинанд. Я тебя еще не понимаю.

Николай. Легко пересмотреть то небольшое, что я сказал: ты найдешь там «неинное». Ведь если ты со всем тщанием обратишь острие ума на «неинное», ты вместе со мною увидишь, что оно есть определение, которое определяет себя и все.

Фердинанд. Научи нас, как это происходит, ибо велико то, что ты утверждаешь, но еще не убедительно.

Николай. Тогда отвечай мне: что такое неинное? Есть ли оно иное, чем неинное?

Фердинанд. Ниоим образом не есть иное.

Николай. Следовательно, оно есть неинное?

Фердинанд. Да, это так.

Николай. Определи же неинное.

Фердинанд. Я вполне хорошо вижу, что неинное есть не иное, чем неинное. Этого нельзя отрицать.

Николай. Правильно. Не видишь ли ты теперь с совершенной достоверностью, что неинное определяет себя самого потому, что не может быть определено через иное?

Фердинанд. Я вижу это точно. Но мне еще не ясно, что оно определяет все.

Николай. Нет ничего легче узнать это. Действительно, что бы ты ответил, если бы кто-нибудь спросил тебя: что такое иное? Не скажешь ли ты, что оно не что иное, как иное? Например, на вопрос, что такое небо, не ответишь ли ты, что оно есть не что иное, как небо?

FERDINANDUS. Utique veraciter sic respondere possem de omnibus, quae a me definiri expeterentur.

NICOLAUS. Cum igitur nihil maneat dubii, quin hic definiendi modus, quo «non aliud» se et omnia definit, praecissimus sit atque verissimus, non restat nisi circa ipsum attente immorari et quae humanitus sciri possunt reperire.

FERDINANDUS. Mira dicis et promittis. Cuperem quidem in primis audire, si quis palam hoc expresserit ex omnibus contemplativis.

NICOLAUS. Licet nullum legerim, prae ceteris tamen Dionysius propinquius videtur accessisse. Nam in omnibus, quae varie exprimit, «non aliud» ipse dilucidat. Quando vero ad finem Mysticae pervenit theologiae, creatorem affirmat neque quicquam nominabile, neque aliud quid esse. Sic tamen hoc dicit, quod non videatur ibi magni aliquid propalare, quamvis intendenti «non aliud» secretum expresserit undique per ipsum aliter explicatum.

FERDINANDUS. Nunc si otium tibi est, maximi illius Peripatetici et argutissimi Aristotelis quaedam hoc nostro principio scripta forte non indigna subintremus. Et quoniam ignotus penitus nequaquam tibi est, dic, quae-so, quid nobis voluit ostendere tantae sollicitudinis philosophus?

NICOLAUS. Ea sane arbitror, quae circa veri notitiam adinvenit.

FERDINANDUS. Quid igitur invenit?

NICOLAUS. Equidem, ut ingenue fatear, nescio; sed quidditatem, obiectum intellectus, semper quaesitam, numquam repertam dicit. Sic enim ait in prima philosophia: «Omnibus difficillimum est maximamque ambiguitatem habet, utrum unum et ens, ut Pythagorici et Plato dicebat, non est aliud quidquam sed entium substantia, an non; an aliud quidem subiectum, ut Empedocles amicitiam ait, alius ignem, alius aquam, alius aërem». Et alibi idem in eodem libro: «Tam olim quam nunc et semper quaeritur semperque dubitatur, quidnam ipsum ens sit, hoc est quaenam substantia est. Hoc enim quidam unum aiunt esse, quidam plura».³⁾

FERDINANDUS. Verba haec magni philosophi utique sunt aestimanda. Fac igitur, ut acuto visu hos philosophi sermones subintremus.

NICOLAUS. Tentabo pro virili. Equidem considero quomodo quaerit, utrum unum et ens non est aliud quidquam, sed entium substantia, qualiter per ipsum «non aliud» rerum substantiam quaesivit. Vidit enim rerum substantiam non esse aliud quidquam et ideo de ente et de uno et de amicitia et de aëre et aqua et omnibus dubitavit, an aliquid horum foret rerum sub-

Фердинанд. Конечно, я мог бы ответить так на все, что потребуется определить.

Николай. Тогда, раз не остается никакого сомнения в том, что этот способ определения, которым неинное определяет себя и все, является самым точным и самым истинным, остается внимательно остановиться на нем и найти то, что тут доступно познанию человека.

Фердинанд. Ты говоришь и обещаешь удивительное. Однако я желал бы прежде всего услышать, не выразил ли этого взгляда явно кто-нибудь из прежних мыслителей?

Николай. Хотя я ни у кого не читал об этом, однако, по-видимому, ближе всех подошел к этому Дионисий. Именно во всем, что он столь разнообразно выражает, он освещает неинное. Когда же он подходит к концу «Мистической теологии», то утверждает, что Творец не есть ни что-либо именуемое, ни что-либо иное. Он, однако, говорит это так, что не кажется, будто он провозглашает в этом случае нечто великое, хотя для внимательного читателя он выразил здесь скрытое неинное, во множестве мест по-разному им разъясняемое.

Фердинанд. Теперь, если у тебя есть время, то давай войдем в рассмотрение некоторых сторон того, что достойно изложено у величайшего и проникательнейшего перипатетика Аристотеля. И так как он никоим образом не может быть совершенно неизвестен тебе, то скажи, прошу, что хочет открыть нам философ такого размаха?

Николай. Я полагаю, именно то, что приводит к познанию истины.

Фердинанд. Что же он открыл?

Николай. Право, откровенно признаюсь, не знаю. Но он утверждает, что чойность (quidditas), объект ума (intellectus), всегда ищут и никогда не находят. Так именно он говорит в «Первой философии»: «Труднее всего и обладает наибольшей двусмысленностью вопрос, является ли, как говорили пифагорейцы и Платон, единое и сущее не чем иным, как субстанцией сущего, или нет? Или какой-нибудь другой субстрат — дружба, например, [Эмпедокл], или, согласно другому, — огонь, по третьему — вода, или, по четвертому, — воздух?» То же самое говорит он и в другом месте той же книги: «Как сейчас, так и некогда и всегда ищут и всегда подвергают сомнению, что такое само сущее, то есть что такое субстанция. Ведь одни говорят, что оно есть единое, другие — что многое».

Фердинанд. Во всяком случае отдадим должное словам великого философа. Сделай же так, чтобы мы проникательным взором проникли в эти речи философа.

Николай. Попытаюсь, сколько смогу. Я полагаю, что Аристотель исследует, есть ли единое и сущее не иное что, как субстанция сущего, потому что он нашел субстанцию вещей в неинном. В самом деле,

stantia, quoniam illa omnia aliud aliquid esse perspiciebat. Esse igitur rerum substantiam praesupposuit et plures tales non esse. Dubitavit autem, sicut alii omnes, quaenam haec esset. Et cum omnibus quaerens concurrir, qui ipsam varie nominabant, sciscitans, an per aliquem esset bene nominata. Et demum illi visum est, quod illam bene nemo nominavit; quia, quicumque eam nominarunt, aliquid aliud sive quid aliud, non ipsam simplicissimam rerum nominarunt quidditatem, quam utique vidit non posse esse aliud aliquid. Et in hoc quidem non erravit, sed ibi, sicut alii homines, cessavit. Vidit enim, quod omnis rationalis venandi modus ad capiendum ipsum tantopere desideratam et sapidam scientiam minime sufficit.

FERDINANDUS. Video philosopho id accidisse, quod praedixisti.

NICOLAUS. Quid illud?

FERDINANDUS. Quia qui quaerit videre, quaenam visibilium sit substantia, cum visu illam inter visibilia quaerat, lucem se anterioriter percipere non attendit, sine qua nec posset quaerere nec reperire visibile. Quodsi ad illam attenderet, in aliquo alio quaerere desineret; nempe sic philosopho accidit, qui cum mente rerum quidditatem quaereret, lumen, quod per «non aliud» significatur, illi sese obtulit, tamquam sine quo nequaquam reperi-
ret. Ceterum ipse lumen ipsum «non aliud» a quaesito non esse aliud non attendit. Quia vero per «non aliud» aliud quaesivit, non nisi aliud ab aliis repperit, quocirca hinc quaerendo remotius nimis adinvenit.

NICOLAUS. Verum dicis. Nam si lumen ipsum, quod mente medium esse vidit ad quaesitum perveniendi principium, etiam ac finem esse attendisset, non deviasset profecto et tot labores abbreviasset. Si enim dixisset: clarissime utique video rerum quidditatem quid aliud esse non posse: quomodo enim foret rerum quidditas, si aliud foret? Aliud enim se ipsum quaesitum negat; quodsi non aliud esse debet, ab omni sane alio «non aliud» esse necesse est. Sed hoc, quod ab omni alio aliud esse non debet, certe aliter nominari non potest. «Non aliud» igitur recte nominabitur. Esto igitur quod A per «non aliud» ipsum significetur, A profecto quaesitum erit.

он увидел, что субстанция не есть что-нибудь иное, и поэтому он усомнился о сущем, о едином, о дружбе, о воздухе, о воде и обо всем, является ли что-нибудь из этого субстанцией вещей, раз все это он воспринимал как нечто иное. Он, следовательно, предположил, что субстанция вещей существует и что не существует их много. Сомневался же он, как и все другие, в том, что она собой представляет. Он столкнулся в своих исканиях со всеми [другими], которые давали ей разнообразные наименования и старались определить, была ли она кем-либо хорошо названа. И наконец, оказалось, что до него никто не назвал ее хорошо. Именно, кто бы ни назвал ее, называл нечто иное или иное что, а не самую простейшую чтоинность вещей, относительно которой он во всяком случае видел, что она не может быть чем-либо иным. И в этом философ, конечно, не ошибся, но здесь он, как и другие, остановился, так как видел, что всякий рациональный способ овладения столь вожделенным и изысканным знанием совершенно недостаточен.

Фердинанд. Вижу, что с философией случилось то, что ты предсказывал.

Николай. Что же?

Фердинанд. А то, что ищущий увидеть, какова субстанция видимого, ища при помощи зрения ее среди видимого, не обращает внимания на то, что до всего иного (*interioriter*) он воспринимает свет, без которого он не мог бы ни искать, ни находить видимого. Если же он обратился бы к нему, то он бы перестал искать его в чем-либо ином. Именно так и случилось с философом: когда он искал умом существа вещей, ему явился свет, обозначаемый при помощи неинного, потому что без него он не мог бы искать. Но все же он не заметил, что свет, само не иное, и был не чем иным, как искомым. Но так как он в неинном искал иное, то он и нашел только иное в отношении к иному, почему в процессе искания он нашел нечто довольно отдаленное от этого.

Николай. Ты прав. Действительно, если бы он обратился к самому свету, который он видел умом как среду для достижения искомого принципа и даже как цель, то он, конечно, не уклонился бы с пути и избежал бы многочисленных затруднений. Ему бы нужно было сказать: «Я во всяком случае яснейшим образом вижу, что чтоинность вещей не может быть чем-либо иным; потому что как она была бы чтоинностью вещей, если бы была иным? Ведь иное отрицает, что оно искомое. Так что если оно должно быть неинным, необходимо, чтобы оно было неинным в отношении всего иного. Но то, что не должно быть иным в отношении всего иного, без сомнения, не может быть названо как-либо иначе. Следовательно, оно по праву должно именоваться неинным. Отсюда, если А обозначается через неинное, то А в настоящем смысле и будет искомым».

FERDINANDUS. Utinam, ut dicis, attendisset; magno quidem se et nos labore liberasset: nempe secretum hoc facillimis, clarissimis ac paucissimis verbis tradidisset. Neque enim laboriosa logica nec difficili definiendi arte opus habuisset, quae, cum vir ille maximo labore investigasset, ad perfectum tamen perducere non evaluit. Cessassent quoque omnes circa species et ideas difficultates ac opinionum diversitates humanamque scientiam gloriose consumasset.

NICOLAUS. Ostendis eximiam erga philosophum utique diligendum affectionem, qui quidem ratione lucidissima dotatus videtur fuisse. Verum idem fortasse de omnibus speculativis dici philosophis posset. Difficilium enim haec est facilitas, quae ad veritatem speculantes direxisset omni visui mentis indubitabilem, qua meo quidem iudicio brevior nulla et artior vel tradi vel apprehendi potest, quae sola perfecta est, cui nihil addi per hominem est possibile. Visum enim ad principium dirigit, ut ibidem contemplans delicietur assidueque pascatur et excrescat. Neque ulla alia reperibilis est perfecta, absoluta et completa traditio. Omnia enim, quae oculi mentis acie non videntur, sed ratione investigantur, tametsi verum admodum appropinquare videantur, nondum tamen ad ultimam certitudinem pervenerunt. Ultima autem et omni ex parte cumulata certitudo visio est.

FERDINANDUS. Cuncta, quae dicis, sic profecto se habent. Videtur sane philosophus ille omni suo tempore viam seu venandi rerum substantiam artem ex ratione elicere studuisse ac nullam, quae sufficeret, adinvenisse. Nam nec ipsa etiam ratio ad id, quod rationem antecedit, pertingit, minusque omnes a ratione productae artes possunt viam praebere ad id, quod omni rationi est incognitum. Philosophus ille certissimum credidit negativae affirmativam contradicere, quodque simul de eodem utpote repugnantia dici non possent. Hoc autem dixit rationis via id ipsum sic verum concludentis. Quodsi quis ab eo quaesivisset, quid est aliud, utique vere respondere potuisset: «non aliud quam aliud est.» Et consequenter si quaerens adiecisset: quare aliud est aliud? sane quidem, ut prius dicere valuisset: «quia non aliud quam aliud est»; et ita «non aliud» et aliud neque sibi ut repugnantia vidisset contradicere. Atque illud, quod primum principium nominat, pro viae ostensione perspexisset non sufficere ad veritatem, quae supra rationem mente contemplatur.

Фердинанд. Вот бы ему, как ты говоришь, это заметить! Ведь он освободил бы себя и нас от затруднений и передал бы сокровенное в самых нетрудных, ясных и немногих словах. И не имел бы он нужды ни в многотрудной логике, ни в сложном искусстве определения, которое — хотя прославленный муж занимался исследованиями с величайшим напряжением — все же не могло привести к совершенству. Устранились бы также все затруднения относительно видов и идей и различия во мнениях, и он со славою завершил бы человеческое знание.

Николай. Ты обнаруживаешь исключительное расположение к философу, достойному, во всяком случае, уважения, который был, по-видимому, наделен самым светлым рассудком. Быть может, то же самое могло бы быть сказано о всех умозрительных (*speculativis*) философам, потому что трудна та легкость, которая смогла бы направлять умозрение к истине, несомненной для всякого умственного созерцания, короче и искуснее которой, по моему мнению, ничто не может быть ни преподано, ни воспринято, которая одна совершенна и к которой человек ничего не может прибавить. Ибо она направляет созерцание к началу, чтобы созерцающий при этом услаждался, постоянно духовно питался и возрастал. И невозможно найти никакого другого абсолютно совершенного и полного преподавания. Ведь все, что не зрится остротой умственных очей, но исследуется рассудком, не является последней достоверностью, хотя бы и казалось, что оно весьма приблизилось к истине. Последняя достоверность, собранная из всего частичного, есть видение.

Фердинанд. Со всем, что ты говоришь, дело обстоит именно так. Действительно, кажется, что этот философ в течение всего своего времени старался извлечь из рассудка путь или искусство достигать субстанции вещей и не нашел ни одного, который был бы удовлетворителен. Ведь сам рассудок тоже не простирается на то, что предшествует рассудку; и тем более никакие искусства, созданные рассудком, не могут указать путь тому, что неизвестно никакому рассудку. Этот философ с полной достоверностью уверовал, что утвердительный [метод] противоречит отрицательному и что несогласное не может быть высказано одновременно об одном и том же. Но это он высказал путем рассудка, который заключил, что так правильно. А если бы кто-нибудь спросил у него, что такое иное, он, во всяком случае, мог бы правильно ответить: оно есть не что иное, как иное; и если бы спрашивающий далее прибавил, почему оно есть иное, он, как и раньше, без сомнения, был бы в состоянии ответить: потому что оно не что иное, как иное. Таким образом, он увидел бы, что неинное и иное не противоречат себе как несогласные. И он понял бы, что того, что

NICOLAUS. Tua equidem dicta laudo addoque, quod alio etiam modo ad veritatem intuendam viam sibi ipse praecluserat: aiebat enim substantiae non esse substantiam nec principii principium, ut supra tetigimus⁴); nam sic etiam contradictionis negasset esse contradictionem. At si quispiam eum interrogasset, numquid in contradicentibus contradictionem vidisset, veraciter se videre respondisset. Deinde interrogatus, si id, quod in contradicentibus vidit, anterioriter sicut causam ante effectum videret, nonne tunc contradictionem videret absque contradictione, hoc certe sic se habere negare nequivisset. Sicut enim in contradicentibus contradictionem esse contradicentium contradictionem vidit, ita ante contradicentia contradictionem ante dictam vidisset contradictionem, sicut Dionysius theologus Deum oppositorum vidit oppositionem sine oppositione. Oppositioni enim ante opposita nihil opponitur. Verum etsi philosophus ille in prima seu mentali philosophia defecerit, multa tamen in rationali ac morali omni laude dignissima conscripsit. Quae quoniam praesentis speculationis non sunt, haec de Aristotele dixisse sufficiat.

он, указывая путь, называет первым принципом, недостаточно для истины, которая созерцается умом превыше рассудка.

Николай. Одобрю сказанное тобой и прибавляю, что он также и другим способом сам преградил себе путь к созерцанию истины. Именно, он утверждал, что не существует субстанции у субстанции и у принципа принципа, как мы этого коснулись выше. В самом деле, он точно так же мог бы отрицать существование противоречия противоречия. Однако если бы кто-нибудь спросил его, видит ли он в противоречащем противоречие, он несомненно ответил бы, что видит. Затем, если бы его спросили, что, раз он предварительно видит то, что им усматривается в противоречащем как причина, раньше действия, неужели он в таком случае не видит противоречия без противоречия, — он не смог бы отрицать того, что это действительно так. Именно как в противоречащем он усматривает, что противоречие есть противоречие противоречащего, так он мог бы убедиться, что выше указанное противоречие есть противоречие прежде противоречащего. Таким же точно образом видит и богослов Дионисий, что Бог есть противоположность противоположного без противоположения, поскольку самому противоположению как тому, что прежде [наличия] противоположного, ничто не противопоставляется. Хотя этот философ погрешил в первой философии, или философии ума, он, однако, написал много достойного всяческой похвалы в рассудочной и моральной философии. Но поскольку это не относится к настоящему рассуждению, то об Аристотеле достаточно и сказанного.

Пер. А. Ф. Лосева

О сокровенном Боге

Gentilis: Sic igitur deo
non conveniret esse.

Christianus: Recte dicis.

G.: Est ergo nihil

Chr.: Non est nihil neque
non est, neque est et
non est, sed est fons
et origo omnium princi-
piorum essendi et non-essendi.

G.: Est deus fons princi-
piorum essendi et non-essendi?

Chr.: Non.

G.: Iam statim hoc dixisti.

Chr.: Verum dixi, quando dixi,
et nunc verum dico,
quando nego.
Quoniam si sunt quae-
cumque principia essen-
di et non-essendi, deus
illa praevenit. Sed non-
esse non habet prin-
cipium non-essendi, sed
essendi. Indiget enim
non-esse principio, ut sit.
Ita igitur est princi-
um non-essendi, quia non-
esse sine ipso non est.

- Язычник:* Стало быть, Богу
не подобает бытие.
- Христианин:* Правильное утверждение.
- Яз.:* Так что же, Он — Ничто.
- Хр.:* Он — не Ничто и Он — не Нечто,
но Он — Начало и Причина всего, что есть и чего нет.
- Яз.:* Так значит, Бог — Первопричина бытия, и не-бытия?
- Хр.:* Нет.
- Яз.:* Но только что ты это утверждал.
- Хр.:* Я сказал правду, это утверждая,
теперь же говорю я правду, отрицая это.
Поскольку если есть то иль иное начало и бытия,
и не-бытия,
то Бог предшествует ему.
Однако же не-бытие своим началом имеет бытие,
а не не-бытие.
- Ведь и не-бытие, чтоб *быть*, нуждается в начале.
И потому-то *есть* — начало и для не-бытия,
поскольку без него оно — не есть.

О покое в вере

1. Fuit ex his, quae apud Constantinopolim proxime saevissime acta per Turcorum regem divulgabantur, quidam vir zelo Dei accensus, qui loca illarum regionum aliquando viderat, ut pluribus gemitibus oraret omnium creatorem; quod persecutionem, quae ob diversum ritum religionum plus solito saevit, sua pietate moderaretur. Accidit, ut post dies aliquot, forte ex diuturna continuata meditatione, visio quaedam eidem zeloso manifestaretur, ex qua elicit, quod paucorum sapientum omnium talium diversitatum, quae in religionibus per orbem observantur, peritia pollentium unam posse facilem quandam concordantiam reperiri, ac per eam in religione perpetuam pacem convenienti ac veraci medio constitui. Unde, ut haec visio ad notitiam eorum, qui his maximis praesunt, aliquando deveniret, eam quantum memoria praesentabat, plane subter conscripsit.

2. Raptus est enim ad quandam intellectualem altitudinem, ubi quasi inter eos, qui vita excesserunt, examen huiusce rei in concilio excelsorum, praesidente cunctipotentis, ita habitum est; aiebat enim rex caeli et terrae, ad eum de regno huius mundi tristes nuntios gemitus oppressorum attulisse, ob religionem plerosque in invicem arma movere et sua potentia homines aut ad renegationem diu observatae sectae cogere aut mortem inferre. Fueruntque plurimi harum lamentationum ex universa terra geruli, quos rex in pleno sanctorum coetu proponere mandavit. Videbantur autem omnes illi quasi noti caelicolis a rege ipso universi ab initio super singulas mundi provincias et sectas constituti. Non enim habitu ut homines, sed intellectuales virtutes comparebant.

3. Dicebat enim princeps unus, omnium talium missorum vice, hanc sententiam: Domine, rex universitatis, quid habet omnis creatura, quod ei non dedisti? Ex limo terrae placuit corpus hominis formatum spiritu rationali per te inspirari, ut in eo reluceat ineffabilis virtutis tuae imago. Multiplicatus est ex uno populus multus, qui occupat aridae superficiem. Et quamvis spiritus ille intellectualis, seminatus in terra, absorptus in umbra, non videat lucem et ortus sui initium, tu tamen concreasti eidem ea omnia, per quae, excitatus admiratione eorum, quae sensu attingit, possit aliquando ad te omnium creatorem oculos mentis attollere et tibi caritate summa reuniri, et sic demum ad ortum suum cum fructu redire.

4. Sed nosti, domine, quod magna multitudo non potest esse sine multa diversitate, ac quod laboriosam aerumnis et miseriis plenam paene omnes vitam ducere coguntur, et servili subiectione regibus, qui dominantur subesse. Ex quo factum est, quod pauci ex omnibus tantum otii habent, ut propria utentes arbitrii libertate

1. Новость о жестоком набеге турецкого военачальника на Константинополь стала известна одному мужу, некогда посетившему те места, и воспалила в нем ревность о Боге. Он взмолился, обращаясь к Создателю, дабы Тот милосердием своим воздействовал на гонение, возникшее на почве разности религиозных обрядов. Через несколько дней было ему видение, вероятно, в результате долгого созерцания (*meditatio*). Он увидел нескольких уважаемых и знающих толк в различных мировых религиях мудрецов, пожелавших достичь единомыслия и заложить прочную основу вечного религиозного мира. И захотел он сделать это видение известным тем, у кого есть власть, и потому записал по памяти следующее.

2. Привиделось ему, что был он восхищен на такую высоту познания, где умершие обсуждали это в своем небесном собрании в присутствии Всемогущего; Царь неба и земли подтвердил, что получил весть о стонах притесненных. Люди вынуждены хвататься за оружие, принуждая друг друга под страхом смерти отказаться от своих убеждений. Царь предложил своим многочисленным посланникам изложить жалобы, пришедшие со всей земли, в кругу многих святых. Обитающие на небесах уже знали о них, ибо с самого начала Царь Вселенной возложил на них ответственность за каждую страну в отдельности и за верующих во всем мире. Присутствовали же те (посланники) не в человеческом облике, но как силы разума.

3. И самый первый сказал так от имени всех: «Господи, Царь Вселенной, разве есть у какой-либо твари что-то, помимо того, что Ты вложил в нее? Из грязи земной Ты слепил человека и дал ему жизнь духом разума, созданным Твоей несказанной силой. Из одного человека вырос великий народ, который распространился по всей земле. И хотя дух разума посеян в землю и объят тенью, так что не может различить света и своего начала, но Ты разом с ним создал чувственные вещи, вызывающие восхищение и обращающие мысль к своему Создателю. Таким образом человечество соединяется с Тобой в наивысшей любви, дабы в конце концов вернуться к своему началу обогащенным изобильными плодами.

4. Ты знаешь, Господи, что существование такого множества людей не может не привести к большому неравенству. Многие, будучи рабами своих царей, вынуждены влачить тяжкую жизнь, полную трудов и несчастий. Лишь немногие достаточно независимы, чтобы, пользуясь своей свободной волей, достичь собственного разумения. Остальным мешают материальные трудности и заботы, так что они не в силах искать Тебя, сокровенного Бога. Поэтому Ты послал царей и провидцев, которых называют пророками, дабы руководили

ad sui notitiam pergere queant. Multis enim corporalibus curis et servitiis distrahuntur. Ita te, qui es Deus absconditus, quaerere nequeunt. Quare praeposuisti diversos reges atque videntes, qui prophetae dicuntur, populo tuo; quorum plerique legationis tuae officio usi tuo nomine cultum et leges instituerunt et rudem populum instruxerunt. Has leges perinde ac si tu ipse rex regum facie ad faciem eis locutus fuisses acceptarunt, non eos, sed te in ipsis audire credentes. Variis autem nationibus varios prophetas et magistros misisti, et alios uno, alios alio tempore. Habet autem hoc humana terrena condicio, quod longa consuetudo, quae in naturam transisse accipitur, pro veritate defenditur. Sic eveniunt non parvae dissensiones, quando quaelibet communitas suam fidem alteri praefert.

5. Succure igitur tu, qui solus potes. Propter te enim, quem solum venerantur in omni eo, quod cuncti adorare videntur, est haec aemulatio. Nam nemo appetit in omni eo, quod appetere videtur nisi bonum, quod tu es. Neque quisquam aliud omni intellectuali discursu quaerit quam verum, quod tu es. Quid quaerit vivens nisi vivere? Quid existens nisi esse? Tu ergo, qui es dator vitae et esse, es ille, qui in diversis ritibus differenter quaeri videris et in diversis nominibus nominaris, quoniam uti es manes omnibus incognitus et ineffabilis.

Non enim, qui infinita virtus es, aliquod eorum es, quae creasti nec potest creatura infinitatis tuae conceptum comprehendere, cum finiti ad infinitum nulla sit proportio. Tu autem, omnipotens Deus, potes te, qui omni menti invisibilis es, modo quo capi queas, cui vis visibilem ostendere. Noli igitur amplius te occultare, Domine. Sis propitius et ostende faciem tuam, et salvi erunt omnes populi, qui amplius venam vitae et eius dulcedinem parum etiam praegustatam deserere nequeunt. Nam nemo a te recedit, nisi quia te ignorat.

6. Si sic facere dignaberis, cessabit gladius et odii livor, et quaeque mala. Et cognoscent omnes, quomodo non est nisi religio una in rituum varietate. Quod si forte haec differentia rituum tolli non poterit aut non expedit, ut diversitas sit devotionis adauctio, quando quaelibet regio suis ceremoniis quasi tibi regi gratioribus vigilantiorum operam impendat, saltem ut sicut tu unus es, una sit religio et unus latriae cultus.

Sis igitur placabilis, domine, quia ira tua est pietas, et iustitia misericordia. Parce debili creaturae tuae. Ita nos, tui commissarii, quos populo tuo custodes concessisti et hic intueris tuam maiestatem omni nobis possibili exorationis modo suppliciter deprecamur.

они Твоим народом. Твоим именем учредили они культы и законы, поучая несведущих. Люди относились к этим законам так, как если бы Ты сам, Царь царей, непосредственно проговорил бы их. Они верили, что слышат Твой голос. С течением времени Ты посылал разным народам разнообразных пророков и учителей. Ведь условия человеческой жизни приводят к тому, что старый обычай начинает восприниматься как закон природы и оберегаться как истина. Так каждая община начинает предпочитать собственную веру чужой, и через это возникает великое несогласие.

5. Так помоги же Ты, Который один всемогущ. Ведь борьба возникла из-за Тебя, Кого все почитают во всем, Тебе приносимом. Ведь в своей ревности никто не стремится ни к какому иному благу, кроме Тебя. Все устремления разума направлены к той истине, которая есть Ты. Что ищет живущий, кроме жизни? Что ищет существующий, кроме бытия? Ты, Кто подает жизнь и бытие, есть Тот, кого разными способами стараются найти в различных обрядах. Тебя называют различными именами, поскольку сущность Твоя остается неведомой и несказуемой для всех. По причине бесконечности Твоей созидательной силы Ты не можешь отождествляться со своим творением. Твоя бесконечность не может быть понята тварью, ибо нет никакой связи между конечным и бесконечным. Но Ты, всемогущий Боже, можешь, будучи невидимым для всякого ума, отступить от этого правила и открыться тому, кому захочешь. Господи, не скрывай Себя больше. Будь милостив и покажи лицо Твое, дабы спасены были все народы. Тогда не станут они больше покидать источник жизни и тот мир, которого вкусили. Ибо лишь не знающий Тебя может от Тебя отвернуться.

6. Если Ты сообразишь сделать так, то прекратится всякая борьба, ненависть и прочее зло. Все поймут, что одна и та же религия может быть выражена разными обрядами. И даже если это обрядовое несходство скорей всего не прекратится, ибо хотя поклонение и благочестие будут искренними, но каждая страна будет славить Тебя как Царя своими собственными церемониями, то все же это будет одна религия и поклонение единому Богу, так же, как един есть и Ты Сам.

Будь же милостив, Господи, ибо гнев Твой есть благо, и справедливость Твоя — милосердие. Пощади свое неможное творение. Так молим мы Тебя, давшему нам право вести Твой народ, смиренно и от всего сердца взывая к Твоему величию.

Пер. В. Земсковой

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ И ГРЕКО-ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Предисловие ко второй части

Вторая часть включает в себя избранные тексты из сочинений, лежащих в русле византийской, грекоязычной христианской традиции, связанной с поздней греческой античностью и философией Платона.

Эта часть составлялась более целенаправленно, и потому тексты для нее отбирались, если можно так сказать, более строго, чем для первой. Платонизм в ней по-прежнему понимается как «вѣдение Единого», или генология, — в значении учения о принципах единого/иного, которые являются общими и для Платона, и для неоплатонизма (хотя и осложненного далеко расходящимися вариантами). Но теперь христианство уже не на периферии философии, как в текстах первой части (до Августина латинским отцам Церкви вообще не было свойственно какое-либо откровенное платоно-генологическое мышление); теперь же оно стало критерием отбора. Поэтому возникла необходимость проследить развитие платонистических мотивов и воззрений на материале специфически христианского Откровения, т. е. Библии, чтобы и этот материал послужил ориентиром в наших поисках «золотого руна» платонизма. Это привлекло наше внимание к сочинениям Иоанна Богослова, или Иоанновскому корпусу, и иоанновскому духовному типу в его взаимосвязи с Писанием и Преданием. И от них — вновь к книгам ветхозаветной мудрости, в особенности к Соломоновой «Песне Песней» (и псалмам Давида Псалмопевца).

Рассматриваемая здесь византийская традиция не предполагает заполнения всего спектра богословского и философского мировоззрения, но вполне достаточна, чтобы быть представленной как вариант платоно-иоанновской мысли. В этом качестве восточная традиция чрезвычайно представительна, гораздо более, нежели западная латинская, и настолько ее богаче, что возникает желание вслед за Со-

ловьевым («Антихрист») вообще охарактеризовать православную духовность как платоно-иоанновскую.

Диалоги Платона, ставшие отправными точками этой традиции, это — помимо «Парменида» и «Тимея» — «Федон», «Пир» и X книга «Законов».

Естественно, что в процессе путешествия по этим неведомым нам восточным столетиям некоторые темы изменили свой вид. «Единство» в христианской традиции, разумеется, стало «Триединством», Троицей. «Иное» совпало с постоянно переживаемым заново захватывающим опытом трансцендентности. Платонический мотив ἀνάβασις/κατάβασις (восхождения/нисхождения) превратился в византийском богословии в два «пути» познания — апофатический (отрицательный) и катафатический (положительный). «Любовь» осветилась трояко: это и Платонов «эрос», и любовь в Соломоновой «Песне Песней», и Иоанново ἀγάπη (см. об этом «Единое и Иное»), нет только секса. У смертного одра сестры Макрины мы встречаемся со смертью и задаемся вопросами о воскресении тела, разрешаемыми как двойной темой Света и Жизни, так и Преображением Иисуса Христа на горе Фаворской. Особо следует указать на совершенно новое по сравнению с первой частью — на опыт аскетической мудрости монахов-пустынников, которые вживили Иисусову молитву в религиозную жизнь восточных стран. Нами взяты и образцы литургических текстов, поскольку в русле этой традиции глубоко укоренилось чисто церковное и ритуальное.

В западных духовно-исторических исследованиях мы по-прежнему встречаем мало открытости по отношению к специфическому восточному христианскому мышлению и мировоззрению. Часто говорят, что на исходе поздней античности духовная жизнь на Востоке находилась в застое, что не нашлось там своего Августина (см. Sampehausen). Однако вместо этого великого солиста в восточном богословии обнаружился высочайшей пробы квартет — квартет отцов-каппадокийцев. А ведь многие предпочитают прекрасную оркестровую музыку блестящей сольной. И кроме того, что значит «застой»? С таким же успехом можно сказать, что концерты для клавира Моцарта монотонны и лишены движения. Нельзя забывать, что каждое из этих произведений по-своему совершенно, что ими нельзя пресытиться и к ним нельзя ничего ни добавить, ни убавить. Это как у Сократа: «Я неизменно говорю то же самое и о том же самом!» Так же можно сказать и относительно сюиты христианских платоников на Востоке в период между IV и XV вв.

В этой сюите приняло участие гораздо больше исполнителей, — и Афанасий Великий в поздней античности, и Иоанн Златоуст в ранневизантийскую эпоху. Но не только у них достаточно выраженно

присутствуют платоно-иоанновские мотивы; во всяком случае осмелюсь предположить, что у них больше веры, чем чистой умозрительности и рефлексии, чему в дальнейшем найдется достаточно примеров.

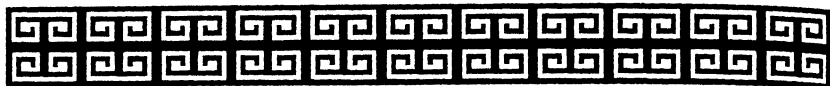
С чего следует начинать византийский период духовной истории и на какие этапы его подразделять — вопрос дефиниций. Здесь же, не выходя за пределы реальной истории, соответствующей структуре императорской власти, естественней всего сделать духовной отправной точкой учение отцов-каппадокийцев, подвизавшихся в период правления императора Юлиана и вскоре после, поскольку место их учения именно на той непрерывной прямой, что идет от платоников-александрийцев Климента и Оригена. На Западе тоже питали к ним известное почтение, полагая, что Августин был знаком с их трудами (хотя Августин и не владел греческим), руководствуясь при этом совершенно иной, нежели на православном Востоке философией — философией с абсолютно другим центром тяжести.

Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита придали восточной традиции богословия заостренно-новое звучание, которое было немедленно услышано Максимом Исповедником. Поэтому мы сочли необходимым поместить сочинения неоплатоника Прокла, вдохновителя Ареопагита, не только в первой части, но и во второй. В IX в. — одновременно с «Каролингским ренессансом» на Западе — на передний план выдвигается, вызывая споры, патриарх Фотий, который ставит во главу угла понятие *filioque*. Однако определенно платоником его назвать нельзя. Приведенный образец его текста больше относится к Псевдо-Дионисию, чем к нему самому. Примерно в это же время, ставшее на Западе и вправду «темными» веками, Восток, похоже, тоже вступает в полосу застоя. От окружения Фотия мы направляемся туда, где происходит крещение славян, завершившееся в Москве.

Рубеж тысячелетий принес с собой двойное обновление. Симеон Новый Богослов обновил своим творчеством мистическое богословие, сделав его более интимным, личным и менее рассудочным, а универсальное дарование Михаила Пселла пробудило в Византии впавшие было в спячку гуманистические штудии. Великим именем этой последней фазы византийской истории стало имя «исихаста» Григория Паламы, своего рода Фомы Аквинского с характерными чертами платоника. И далее, идя по двойному следу — и гуманистов, и мистиков — мы подходим к трагической точке — к 1453 г., которым и кончается антология, представляя напоследок народную песню. Тем временем некоторые греческие ученые перебрались на Запад, куда Гемист Плифон заронил семена своего задетого герметизмом платонистского учения, которое столкнулось там с гораздо более чистым

духом кардинала Виссариона; вместе они оказали влияние на платоников-флорентийцев, сгруппировавшихся вокруг Медичи. Вот тогда-то в полную силу и расцвел итальянский Ренессанс. Западный Николай Кузанский оказался в той лодке, которая перевезла Плифона и Виссариона из Константинополя во Флоренцию. Итак, круг замкнулся, путешествие окончено.

В качестве постскриптума к книге мною приведен краткий пересказ разговора, состоявшегося однажды с одним знакомым монахом на Афоне, этом еще живом продолжении Византии. Тогда я был мало знаком с тем материалом, которым стал затем заниматься, и потому сегодня далеко не всегда согласен с собой тогдашним. Но если кто-то из читателей окажется так же несведущ, как я тогда, то этот разговор может послужить ему трамплином для погружения в новую для него область знания.

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН

Иисусов ученик Иоанн, автор Иоанновского корпуса в Новом Завете (Евангелие, 3 Послания, Откровение), вероятней всего, закончил свои произведения в 90-е гг. в Ефесе, родном городе Гераклита. Тогда уже были начаты труды так называемых Мужей апостольских, в частности, Климента Римского. Некоторые из них — Папий и вслед за ним Игнатий — стали учениками Иоанна. В этом кругу христианских авторов очень отчетливо проявились платонистские черты (ср., напр., взгляд на христианина как на гражданина двух миров в «Послании к Диогнету»).

Во II в. первым заметным богословом, находившимся под несомненным влиянием Платона, стал Иустин Мученик, а первое учебное заведение, развивающее взгляды Платона, было основано в III в. в Александрии. Именно здесь Климент Александрийский противопоставил «новые» христианские гимны старым орфическим и сказал, что Платон черпал вдохновение из еврейских источников; Ориген, современник Плотина (см. ч. I, 14), выдвинул свое дерзкое «пневматологическое» (духовное) учение, которое способствовало платоновско-символическому толкованию как Преображения Иисуса Христа на горе Фавор, так и «новых» гимнов, воспевающих мистику отношений жениха Иисуса Христа с невестой Церковью. Ориген, ученик и биограф Григория Чудотворца, в своем доникийском Символе Веры ссылался на вдохновение, почерпнутое у Иоанна, а будучи епископом Новой Кесарии, столицы Каппадокии, он стал связующим звеном между александрийским платонизмом и учением отцов-каппадокийцев; Григорий крестил Макрину, их духовную мать.

В IV столетии христианство выходит на передний план как государственная религия (при императоре Феодосии, 346–395). Однако предпринятая Константином Великим христианизация прерывается отступничеством императора Юлиана. Юлианов «Гимн Гелиосу» — попытка реставрации веры в древних богов, в некое подобие бога Солнца в Ямвлиховом духе, а его сочинение «Против Галиле-

ян» вполне вписывается в ряд позднеантичных антихристианских сочинений. К этому же времени относится зарождение особого аскетического образа религиозной жизни южных и восточных монахов-пустынников (ср. *Откр.* 12, 6). Сам Юлиан чувствовал притягательность такой жизни, которая имела черты внешнего сходства с жизнью, воспетой философией киников, и в которой можно было видеть крайнее проявление неоплатонического бегства от мира (ср. с египетским учителем Плотина Аммонием Саккасом). («Темную» сторону этой жизни см. в судьбе Ипатии.) В унисон этой мистике пустынножительства Прокл, последний великий неоплатоник V в., тоже отмечает — в рамках мистерии покоя — значение покоя, нечто подобное он, видимо, вычитал в «Пармениде» Платона и вдохновил, вероятно, того сирийского монаха, который вполне мог стоять за так называемым корпусом сочинений Дионисия Ареопагита. От этого мы переходим к закладке каппадокийских основ византийской мысли.

Между греческой *λαίβεia*, или духовной культурой, отмеченной в первую очередь именем Платона, с одной стороны, и проявившейся в мистерии Христа (монофизитство) мудрости египетско-сирийских монахов-отшельников — с другой, пролег золотой срединный путь византийской мысли. И на нем, определив эпоху, самым существенным стал творческий вклад отцов-каппадокийцев.

1. Мужья апостольские (I–II в.)

В круг Мужей апостольских входили авторы церковных сочинений непосредственно «апостольского» времени, то есть 70–150-х гг., когда еще была жива память об апостолах. От современных им «апокрифических» эти сочинения отличаются тем, что, не являясь прямыми свидетельствами (Евангелиями), представляют собой, по определению С. Кьеркегора, произведения «учеников второго ряда». Однако они имели и продолжают иметь большое значение в борьбе Церкви с гностицизмом. Руководствуясь принятыми нами критериями, мы представляем здесь образцы их творчества.

XIX

πολλῶν οὖν καὶ μεγάλων καὶ ἐνδόξων μετεिल्φότες πράξεων ἐπαναδράμωμεν ἐπὶ τὸν ἐξ ἀρχῆς παραδεδομένον ἡμῖν τῆς εἰρήνης σκοπόν, καὶ ἀτενίσωμεν εἰς τὸν πατέρα καὶ κτίστην τοῦ σύμπαντος κόσμου καὶ ταῖς μεγαλοπρεπέσι καὶ ὑπερβαλλούσαις αὐτοῦ δωρεαῖς τῆς εἰρήνης εὐεργεσίαις τε κολληθῶμεν. ἴδωμεν αὐτὸν κατὰ διάνοιαν καὶ ἐμβλέψωμεν τοῖς ὁμμασιν τῆς ψυχῆς εἰς τὸ μακρόθυμον αὐτοῦ βούλημα· νοήσωμεν, πῶς ἀόργητος ὑπάρχει πρὸς πᾶσαν τὴν κτίσιν αὐτοῦ.

XX Οἱ οὐρανοὶ τῇ διοικήσει αὐτοῦ σαλευόμενοι ἐν εἰρήνῃ ὑποτάσσονται αὐτῷ. ἡμέρα τε καὶ νύξ τὸν τεταγμένον ὑπ' αὐτοῦ δρόμον διανύουσιν, μηδὲν ἀλλήλοις ἐμποδίζοντα ἡλιός τε καὶ σελήνη, ἀστέρων τε χοροὶ κατὰ τὴν διαταγὴν αὐτοῦ ἐν ὁμονοίᾳ δίχα πάσης παρεκβάσεως ἐξελίσσουσιν τοὺς ἐπιτεταγμένους αὐτοῖς ὁρισμούς. γῆ κυοφοροῦσα κατὰ τὸ θέλημα αὐτοῦ τοῖς ἰδίους καιροῖς τὴν πανπληθὴ ἀνθρώποις τε καὶ θηρσὶν καὶ πᾶσιν τοῖς οὖσιν ἐπ' αὐτῆς ζώοις ἀνατέλλει τροφήν, μὴ διχοστατοῦσα μηδὲ ἀλλοιοῦσά τι τῶν δεδογματισμένων ὑπ' αὐτοῦ. ἀβύσσων τε ἀνεξιχνίαστα καὶ νερτέρων ἀνεκδιήγητα κλίματα τοῖς αὐτοῖς συνέχεται προστάγμασιν. τὸ κύτος τῆς ἀπείρου θαλάσσης κατὰ τὴν δημιουργίαν αὐτοῦ συσταθὲν εἰς τὰς συναγωγὰς οὐ παρεκβαίνει τὰ περιτεθειμένα αὐτῇ κλεῖθρα, ἀλλὰ καθὼς διέταξεν αὐτῇ, οὕτως ποιεῖ. εἶπεν γάρ· Ὡς ὧδε ἦξεις, καὶ τὰ κύματά σου ἐν σοὶ συντριβήσεται. ὦκεανὸς ἀπέραντος ἀνθρώποις καὶ οἱ μετ' αὐτὸν κόσμοι ταῖς αὐταῖς ταγαῖς τοῦ δεσπότη διευθύνονται. καιροὶ ἑαρινοὶ καὶ θερινοὶ καὶ

Климент Римский (ум. 100)

Епископ (пресвитер) Рима, согласно традиции (Ириней), — третий после Петра. Его великолепное 1-е Послание направлено общине Коринфа и датируется временем до 96 г. О приведенном далее гимне см. ниже — «Новая Песня».

Гимн единству всего сотворенного (Послание Коринфянам)

19. Итак, имея пред собою столь многие великие и славные деяния, обратимся к цели мира, указанной нам изначала, и взирая на Отца и Создателя всего мира, вникнем в Его величественные и превосходные дары мира и в Его благодеяния. Воззрим на Него умом и душевными очами, посмотрим на долготерпение Его воли, и помыслим, как Он кроток ко всему творению Своему.

20. Небеса, по Его распоряжению движущиеся, в мире повинуются Ему: и день и ночь совершают определенное им течение, не препятствуя друг другу. Солнце и лики звезд, по Его велению, согласно, без малейшего уклонения проникают на назначенные им пути. Плодоносящая земля, по Его воле, в определенные времена производит изобильную пищу людям, зверям и всем находящимся на ней животным, не замедляя и не изменяя ничего из предписанного Им. Неисследимые и непостижимые области бездны и преисподней держатся теми же велениями. Беспредельное море, по Его устройению, совокупленное в большие водные массы, не выступает за положенные ему пределы, но делает так, как Он повелел. Ибо Он сказал: доселе дойдешь, и волны твои в тебе сокрушатся. Непроходимый для людей океан и миры, за ним находящиеся, управляются теми же повелениями Господа. Времена года — весна, лето, осень и зима мирно сменяются одни другими. Определенные ветры, каждые в свое время, беспрепятственно совершают свое служение. Неиссякающие источники, созданные для наслаждения и здоровья, непрестанно доставляют людям свою влагу, необходимую для их жизни. Наконец, малейшие животные мирно и согласно составляют сожительства между собою. Всему этому повелел быть в согласии и мире великий Создатель и Владыка всего, Который благотворил всем, а преимущественно нам,

μετοπωρινοὶ καὶ χειμερινοὶ ἐν εἰρήνῃ μεταπαραδιδόασιν ἀλλήλοις. ἀνέμων σταθμοὶ κατὰ τὸν ἴδιον καιρὸν τὴν λειτουργίαν αὐτῶν ἀπροσκόπως ἐπιτελοῦσιν· ἀέναοί τε πηγαί, πρὸς ἀπόλαυσιν καὶ ὑγίαν δημιουργηθεῖσαι, δίχα ἐλλείψεως παρέχονται τοὺς πρὸς ζωῆς ἀνθρώποις μαζοὺς· τὰ τε ἐλάχιστα τῶν ζώων τὰς συνελεύσεις αὐτῶν ἐν ὁμονοίᾳ καὶ εἰρήνῃ ποιοῦνται. ταῦτα πάντα ὁ μέγας δημιουργὸς καὶ δεσπότης τῶν ἀπάντων ἐν εἰρήνῃ καὶ ὁμονοίᾳ προσέταξεν εἶναι, εὐεργετῶν τὰ πάντα, ὑπερεκπερισσῶς δὲ ἡμᾶς τοὺς προσπεφευγότας τοῖς οἰκτιρμοῖς αὐτοῦ διὰ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ ἡ μεγαλωσύνη εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. ἀμήν.

XXI Ὅρατε, ἀγαπητοί, μὴ αἱ εὐεργεσίαι αὐτοῦ αἱ πολλαὶ γένωνται εἰς κρίμα ἡμῖν, ἐὰν μὴ ἀξίως αὐτοῦ πολιτευόμενοι τὰ καλὰ καὶ εὐάρεστα ἐνώπιον αὐτοῦ ποιῶμεν μετ' ὁμονοίας.

которые прибегли к милосердию Его через Господа нашего Иисуса Христа, Кому слава и величие во веки веков. Аминь.

21. Смотрите, возлюбленные, чтобы столь многие благодеяния Его не обратились всем нам в осуждение, если мы не будем, живя достойно Его, единодушно совершать благое и угодное Ему.

Пер. прот. П. Преображенского

Папий из Ефеса (ок. 65–145)

Согласно Иринею и другим источникам, Папий — ученик Иоанна, «ученика Господня» в Ефесе. Из его сочинений сохранились лишь фрагменты. Следующий (латиноязычный) фрагмент взят из его «Изложения Господня Евангелия» и сообщает Слово Иисуса, которое, по легенде, передал ему Иоанн.

Venient dies, in quibus vineae nascentur, singulae decem millia palmitum habentes, et in uno palmite dena millia brachiorum, et in uno vero palmite dena millia flagellorum, et in unoquoque flagello dena millia botruum, et in unoquoque botro dena millia acinorum, et unumquodque acinum expressum dabit viginti quinque metretas vini. Et cum eorum apprehenderit aliquis sanctorum botrum, alius clamabit: Botrus ego melior sum, me sume, per me dominum benedic. Similiter et granum tritici decem millia spicarum generaturum, et unamquamque spicam habituram decem millia granorum, et unumquodque granum quinque bilibres similae clarae mundaе: et reliqua autem poma et semina et herbam secundum congruentiam iis consequentem: et omnia animalia iis cibis utentia, quae a terra accipiuntur, pacifica et consentanea invicem fieri, subiecta hominibus cum omni subiectione.

Слово Иисуса Христа, переданное Иоанну

Дни пройдут прежде, чем возрастут виноградники, в каждом из коих будет по десять тысяч лоз, и на каждой лозе — по десять тысяч ветвей, и на каждой ветви — по десять тысяч побегов, а на каждом побеге — по десять тысяч гроздей с десятью тысячами виноградин в каждой, и из каждой грозди выжмут по двадцать пять анкеров вина. И если кто-то из святых возьмет одну виноградину, другая возопит: «Я — лучше, возьми меня, благослови мною Господа!»

Подобно тому и пшеничное зерно принесет десять тысяч колосьев, и каждый колос даст десять тысяч зерен, а каждое зерно — десять пудов чистой белой муки. Так же и другие фрукты, злаки и овощи дадут такой же урожай, каждый в своем роде. И все звери получат свое пропитание от тех плодов, что принесет земля; и все они будут жить в мире и согласии друг с другом и будут во всем и совершенно покорны человеку.

Игнатий Антиохийский (ум. ок. 115)

Мученик, ученик Поликарпа, современник Папия (см. выше). Его послания к единоверцам среди прочего содержат предупреждение не препятствовать ему претерпеть мученическую смерть.

VII. Ὡσπερ οὖν ὁ κύριος ἄνευ τοῦ πατρὸς οὐδὲν ἐποίησεν, ἠνωμένος ὢν, οὔτε δι' ἑαυτοῦ οὔτε διὰ τῶν ἀποστόλων· οὕτως μηδὲ ὑμεῖς ἄνευ τοῦ ἐπισκόπου καὶ τῶν πρεσβυτέρων μηδὲν πράσσετε· μηδὲ πειράσητε εὐλογόν τι φαίνεσθαι ἰδίᾳ ὑμῖν, ἀλλ' ἐπὶ τὸ αὐτὸ μία προσευχή, μία δέησις, εἰς νοῦς, μία ἐλπίς ἐν ἀγάπῃ, ἐν τῇ χαρᾷ τῇ ἀμώμῳ, ὃ ἐστὶν Ἰησοῦς Χριστός, οὗ ἄμεινον οὐδὲν ἐστίν. πάντες ὥς εἰς ἓνα ναὸν συντρέχετε θεοῦ, ὥς ἐπὶ ἓν θυσιαστήριον, ἐπὶ ἓνα Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν ἅψ' ἐνὸς πατρὸς προελθόντα καὶ εἰς ἓνα ὄντα καὶ χωρήσαντα.

VIII. Μὴ πλανᾶσθε ταῖς ἑτεροδοξίαις μηδὲ μυθεύμασιν τοῖς παλαιοῖς ἀνωφελέσιν οὖσιν. εἰ γὰρ μέχρι νῦν κατὰ Ἰουδαϊσμόν ζῶμεν, ὁμολογοῦμεν χάριν μὴ εἰληφέναι. οἱ γὰρ θειότατοι προφῆται κατὰ Χριστόν Ἰησοῦν ἔζησαν. διὰ τοῦτο καὶ ἐδιώχθησαν, ἐνπνεόμενοι ὑπὸ τῆς χάριτος αὐτοῦ, εἰς τὸ πληροφορηθῆναι τοὺς ἀπειθοῦντας, ὅτι εἰς θεὸς ἐστίν, ὃ φανερώσας ἑαυτὸν διὰ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ, ὃς ἐστὶν αὐτοῦ λόγος ἀπὸ σιγῆς προελθὼν, ὃς κατὰ πάντα εὐηρέστησεν τῷ πέμψαντι αὐτόν.

К Магнезийцам

7. Посему, как Господь без Отца, по Своему единению с Ним, ничего не делал ни Сам Собою, ни через апостолов, так и вы ничего не делайте без епископа и пресвитеров. Не думайте, чтобы вышло что-либо похвальное у вас, если будете это делать сами по себе; но в общем собрании да будет у вас одна молитва, одно прошение, один ум, одна надежда в любви и радости непорочной. Един Иисус Христос, и лучше Его нет ничего. Поэтому все вы составляйте из себя как бы один храм Божий, как бы один жертвенник, как бы одного Иисуса Христа, Который изшел от Единого Отца и в Едином пребывает, и к Нему Единому отошел.

8. Не обольщайтесь ни чуждыми учениями, ни старыми бесполезными баснями. Ибо если мы доселе еще живем по закону иудейскому, то через это открыто признаемся, что мы не получили благодати. И божественнейшие пророки жили о Христе Иисусе, посему и терпели гонения. Вдохновляемые благодатью Его, они удостоверяли неверующих, что Един есть Бог, явивший себя через Иисуса Христа, Сына Своего, Который есть слово Его вечное, происшедшее не из молчания, и Который во всем благоугодил Пославшему Его.

Пер. прот. П. Преображенского

Из «Послания к Диогнету»

Неизвестного автора. Написано простонародным языком и похоже на очень стилизованное Евангелие. Приведенный здесь отрывок — образец ярко выраженного Платонова понимания души.

V. Χριστιανοὶ γὰρ οὔτε γῇ οὔτε φωνῇ οὔτε ἔθει διακεκριμένοι τῶν λοιπῶν εἰσιν ἀνθρώπων. οὔτε γάρ που πόλεις ἰδίας κατοικοῦσιν οὔτε διαλέκτῳ τινὶ παρηλλαγμένη χρῶνται οὔτε βίον παράσημον ἀσκοῦσιν. οὐ μὴν ἐπινοίᾳ τινὶ καὶ φροντίδι πολυπραγμόνων ἀνθρώπων μάθημα τοῦτ' αὐτοῖς ἐστὶν εὐρημένον, οὐδὲ δόγματος ἀνθρωπίνου προσετᾶσιν, ὥσπερ ἔνιοι. κατοικοῦντες δὲ πόλεις ἑλληνίδας τε καὶ βαρβάρους, ὡς ἕκαστος ἐκκληρώθη, καὶ τοῖς ἐγχωρίοις ἔθεισιν ἀκολουθοῦντες ἐν τε ἐσθῆτι καὶ διαίτῃ καὶ τῷ λοιπῷ βίῳ θαυμαστὴν καὶ ὁμολογουμένως παράδοξον ἐνδείκνυνται τὴν κατάστασιν τῆς ἑαυτῶν πολιτείας.

πατρίδας οἰκοῦσιν ἰδίας, ἀλλ' ὡς πάροικοι· μετέχουσι πάντων ὡς πολῖται, καὶ πάνθ' ὑπομένουσιν ὡς ξένοι· πᾶσα ξένη πατρίς ἐστὶν αὐτῶν, καὶ πᾶσα πατρίς ξένη. γαμοῦσιν ὡς πάντες, τεκνογονοῦσιν· ἀλλ' οὐ ῥίπτουσι τὰ γεννώμενα. τράπεζαν κοινήν παρατίθενται, ἀλλ' οὐ κοίτην. ἐν σαρκὶ τυγχάνουσι ἀλλ' οὐ κατὰ σάρκα ζῶσιν. ἐπὶ γῆς διατρίβουσιν, ἀλλ' ἐν οὐρανῷ πολιτεύονται. πείθονται τοῖς ὁρισμένοις νόμοις, καὶ τοῖς ἰδίῳ βίοις νικῶσι τοὺς νόμους. ἀγαπῶσι πάντας, καὶ ὑπὸ πάντων διώκονται. ἀγνοοῦνται, καὶ κατακρίνονται· θανατοῦνται, καὶ ζωοποιοῦνται. πτωχεύουσι, καὶ πλουτίζουσι πολλούς· πάντων ὑστεροῦνται, καὶ ἐν πᾶσι περισσεύουσιν. ἀτιμοῦνται, καὶ ἐν ταῖς ἀτιμίαις δοξάζονται. βλασφημοῦνται, καὶ δικαιοῦνται. λοιδοροῦνται, καὶ εὐλογοῦσιν· ὑβρίζονται, καὶ τιμῶσιν. ἀγαθοποιοῦντες ὡς κακοὶ κολάζονται· κολαζόμενοι χαίρουσιν ὡς ζωοποιοῦμενοι. ὑπὸ Ἰουδαίων ὡς ἀλλόφυλοι πολεμοῦνται καὶ ὑπὸ Ἑλλήνων διώκονται· καὶ τὴν αἰτίαν τῆς ἐχθρας εἰπεῖν οἱ μισοῦντες οὐκ ἔχουσιν.

Христиане в миру

5. Христиане не отличаются от прочих людей ни строною, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где-либо особенных городов, не употребляют какого-либо необыкновенного наречия, и ведут жизнь, ничем не отличную от других. Только их учение не есть плод мысли или изобретение людей, ищущих новизны; они не привержены к какому-либо учению человеческому, как другие. Но обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят, как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество — чужая страна. Они вступают в брак, как и все, рожают детей, только не бросают их. Они имеют трапезу общую, но не простую. Они во плоти, но живут не по плоти. Находятся на земле, но суть граждане небесные. Повинуются установленным законам, но своей жизнью превосходят сами законы. Они любят всех и всеми бывают преследуемы. Их не знают, но осуждают, умерщвляют их, но они животворятся; они бедны, но многих обогащают. Всего лишены, и во всем изобилуют. Бесчестят их, но они тем прославляются; клеветают на них, и они оказываются праведны; злословят, и они благословляют; их оскорбляют, а они воздают почтением; они делают добро, но их наказывают, как злодеев; будучи наказываемы, радуются, как будто им давали жизнь. Иудеи вооружаются против них как против иноплеменников, и эллины преследуют их, но враги их не могут сказать, за что их ненавидят.

6. Словом сказать: что в теле душа, то в мире христиане. Душа распространяется по всем членам тела, и христиане по всем городам мира. Душа, хотя обитает в теле, но не телесна, и христиане живут в мире, но не суть от мира. Душа, будучи невидима, помещается в видимом теле; так и христиане, находясь в мире, видимы, но богопочтение их остается невидимо. Плоть ненавидит душу и воюет против нее, ничем не будучи обижена, потому что душа запрещает ей предаваться удовольствиям; так и мир ненавидит христиан, от которых он не терпит никакой обиды, — за то, что они вооружаются против

VI. 'Απλῶς δ' εἰπεῖν, ὅπερ ἐστὶν σώματι ψυχῇ, τοῦτ' εἰσὶν ἐν κόσμῳ Χριστιανοί. ἔσπαρται κατὰ πάντων τῶν τοῦ σώματος μελῶν ἡ ψυχῇ, καὶ Χριστιανοὶ κατὰ τὰς τοῦ κόσμου πόλεις. οἰκεῖ μὲν ἐν τῷ σώματι ψυχῇ, οὐκ ἔστι δὲ ἐκ τοῦ σώματος· καὶ Χριστιανοὶ ἐν κόσμῳ οἰκοῦσιν, οὐκ εἰσὶ δὲ ἐκ τοῦ κόσμου. ἀόρατος ἡ ψυχὴ ἐν ὁρατῷ φρουρεῖται τῷ σώματι· καὶ Χριστιανοὶ γινώσκονται μὲν ὄντες ἐν τῷ κόσμῳ, ἀόρατος δὲ αὐτῶν ἡ θεοσεβεία μένει. μισεῖ τὴν ψυχὴν ἡ σάρξ καὶ πολεμεῖ μηδὲν ἀδικουμένη, διότι ταῖς ἡδοναῖς κωλύεται χρῆσθαι· μισεῖ καὶ Χριστιανούς ὁ κόσμος μηδὲν ἀδικούμενος, ὅτι ταῖς ἡδοναῖς ἀντιτάσσονται. ἡ ψυχὴ τὴν μισοῦσαν ἀγαπᾷ σάρκα καὶ τὰ μέλη· καὶ Χριστιανοὶ τοὺς μισοῦντας ἀγαπῶσιν. ἐγκέκλεισται μὲν ἡ ψυχὴ τῷ σώματι, συνέχει δὲ αὐτὴ τὸ σῶμα· καὶ Χριστιανοὶ κατέχονται μὲν ὥς ἐν φρουρᾷ τῷ κόσμῳ, αὐτοὶ δὲ συνέχουσι τὸν κόσμον. ἀθάνατος ἡ ψυχὴ ἐν θνητῷ σκηνώματι κατοικεῖ· καὶ Χριστιανοὶ παροικοῦσιν ἐν φθαρτοῖς, τὴν ἐν οὐρανοῖς ἀφθαρσίαν προσδεχόμενοι. κακουργουμένη σιτίοις καὶ ποτοῖς ἡ ψυχὴ βελτιοῦται· καὶ Χριστιανοὶ κολαζόμενοι καθ' ἡμέραν πλεονάζουσι μᾶλλον. εἰς τοσαύτην αὐτοὺς τάξιν ἔθετο ὁ θεός, ἣν οὐ θεμιτὸν αὐτοῖς παραιτήσασθαι...

VIII. Τίς γὰρ ὅλως ἀνθρώπων ἡπίστατο, τί ποτ' ἐστὶ θεὸς πρὶν αὐτὸν ἐλθεῖν; ἢ τοὺς κενούς καὶ ληρώδεις ἐκείνων λόγους ἀποδέχῃ τῶν ἀξιοπίστων φιλοσόφων, ὧν οἱ μὲν τινες πῦρ ἔφασαν εἶναι τὸν θεὸν (οὐ μέλλουσι χωρήσειν αὐτοί, τοῦτο καλοῦσι θεόν), οἱ δὲ ὕδωρ, οἱ δ' ἄλλο τι τῶν στοιχείων τῶν ἐκτισμένων ὑπὸ θεοῦ; καίτοι γε, εἴ τις τούτων τῶν λόγων ἀποδεκτός ἐστι, δύναται· ἂν καὶ τῶν λοιπῶν κτισμάτων ἐν ἑκαστῷ ὁμοίως ἀποφαίνεσθαι θεόν. ἀλλὰ ταῦτα μὲν τερατεῖα καὶ πλάνη τῶν γοήτων ἐστὶν· ἀνθρώπων δὲ οὐδεὶς οὔτε εἶδεν οὔτε ἐγνώρισεν, αὐτὸς δὲ ἑαυτὸν ἐπέδειξεν. ἐπέδειξε δὲ διὰ πίστεως, ἣ μόνῃ θεὸν ἰδεῖν συγκεχώρηται.

его удовольствий. Душа любит плоть свою и члены, несмотря на то, что они ненавидят ее, и христиане любят тех, которые их ненавидят. Душа заключена в теле, но сама содержит тело; так и христиане, заключенные в мире, как бы в темнице, сами сохраняют мир. Бессмертная душа обитает в смертном жилище; так и христиане обитают, как пришельцы, в тленном мире, ожидая нетления на небесах. Душа, претерпевая голод и жажду, становится лучше, и христиане, будучи наказываемы, каждый день более умножаются. Так славно их положение, в которое Бог определил их и от которого им отказаться нельзя.

8. Кто из людей знал, что такое Бог прежде пришествия Его Самого? Или ты одобришь пустые и вздорные изречения тех мнимо достоверных философов, из которых одни называли Богом огонь, — что захотят они, то и называют Богом, воду — другие, третьи — что-нибудь иное из стихий, сотворенных Богом? Но если какое-либо из этих мнений достойно одобрения, то и всякая другая из сотворенных вещей подобным образом могла бы назваться Богом. Но все это есть ложь и обольщение обманщиков; из людей никто и не видел и не показал Бога; Он Сам Себя явил. Он явил Себя через веру, которой одной даровано видеть Бога.

Пер. прот. П. Преображенского

2. Иустин Мученик (род. ок. 110, обезглавлен в 165)

Первый философ, перешедший от платонизма к христианству. Как христианин он старался не «платонизировать», но использовать свои философские познания для выработки христианской апологетики. Под видом философа он переезжал из города в город и проповедовал, что навлекло на него

Ἐγὼ τε κατ' ἀρχὰς οὕτω ποθὼν καὶ αὐτὸς συμβαλεῖν τούτῳ· νί, ἐπέδωκα ἑμαυτὸν Στωϊκῷ τινι· καὶ διατρίψας ἱκανὸν με· αὐτοῦ χρόνον, ἐπεὶ οὐδὲν πλεόν ἐγένετό μοι περὶ θεοῦ [οὐδὲ γὰρ αὐτὸς ἠπίστατο, οὐδὲ ἀναγκαίαν ἔλεγε ταύτην εἶναι τὴν μάθησιν· οὗτου μὲν ἀπηλλάγην, ἐπ' ἄλλον δὲ ἦκα, Περιπατητικὸν καλούμενον, δριμύν, ὥς ὤετο. Καί μου ἀνασχόμενος οὗτος τὰ τρώτας ἡμέρας ἡξίου με ἔπειτα μισθὸν ὀρίσαι, ὥς μὴ ἀνωφελὴς συνουσία γίνοιτο ἡμῖν. Καὶ αὐτὸν ἐγὼ διὰ ταύτην τὴν αἰτία κατέλειπον μηδὲ φιλόσοφον οἰήθεις ὁλως.

Τῆς δὲ ψυχῆς ἔτι μου σπαργώσης ἀκοῦσαι τὸ ἴδιον καὶ τ· ξαίρετον τῆς φιλοσοφίας, προσῆλθον εὐδοκιμοῦντι μάλιστα· Ἰνθαγορεῖω, ἀνδρὶ πολὺ ἐπὶ τῇ σοφίᾳ φρονούντι. Κἄπειτα ὡ· ιελέχθην αὐτῷ, βουλόμενος ἀκροατὴς αὐτοῦ καὶ συνουσιαστὴ· ἐνέσθαι, τί δαί; Ὡμίλησας, ἔφη, μουσικῇ καὶ ἀστρονομίᾳ κα· ἔωμετρίᾳ; Ἦ δοκεῖς κατόψεσθαι τι τῶν εἰς εὐδαιμονία· ιυντελούντων, εἰ μὴ ταῦτα πρῶτον διδασχθείης, ἃ τὴν ψυχὴν ἀπ· ὦν αἰσθητῶν περισπάσει καὶ τοῖς νοητοῖς αὐτὴν παρασκευάσι· ρησίμην, ὥστε αὐτὸ κατιδεῖν τὸ καλὸν καὶ αὐτὸ ὃ ἐστὶν ἀγαθόν· Ἰολλὰ τε ἐπαινέσας ταῦτα τὰ μαθήματα καὶ ἀναγκαῖα εἰπὼ· ιπέπεμπέ με, ἐπεὶ αὐτῷ ὡμολόγησα μὴ εἰδέναι. Ἐδυσφόρου οὖν· ὃς τὸ εἰκός, ἀποτυχὼν τῆς ἐλπίδος, καὶ μᾶλλον ἢ ἐπίστασθαι· αὐτὸν ῥόμην· πάλιν τε τὸν χρόνον σκοπῶν, ὃν ἔμελλον ἐκτρίβει· ιερί ἐκεῖνα τὰ μαθήματα, οὐκ ἠνειχόμεν εἰς μακρὰ· ιποτιθέμενος.

Ἐν ἀμχανίᾳ δέ μου ὄντος ἔδοξέ μοι καὶ τοῖς Πλατωνικοῖ· ιντυχεῖν· πολὺ γὰρ καὶ τούτων ἦν κλέος. Καὶ δὴ νεωστ· ιπιδιμήσαντι τῇ ἡμετέρᾳ πόλει συνετῷ ἀνδρὶ καὶ προὔχοντι τοῖ· ιπлатωνικοῖς συνδιέτριβον ὥς τὰ μάλιστα, καὶ προέκοπτον κα· ιλειστον ὅσον ἐκάστης ἡμέρας ἐπεδίδουν. Καί με ἦρει σφόδρα· ιὼν ἀσωμάτων νόησις, καὶ ἡ θεωρία τῶν ἰδεῶν ἀνεπτέρου μοι τῇ· ιρόνησιν, ὀλίγου τε ἐντὸς χρόνου ὥμην σοφὸς γεγονέναι, καὶ ὑπ· ιλακειας ἡλπίζον αὐτίκα κατόψεσθαι τὸν θεόν· τοῦτο γὰρ τέλος· ιῆς Πλάτωνος φιλοσοφίας.

гнев профессиональных философов, в особенности киников. Приведенный отрывок является автобиографическим и показывает путь от философского мировоззрения к христианской вере (ср. соответствующий путь Августина, описанный в его «Исповеди»).

Мой философский путь

И я, изначально желая примкнуть к какому-то философу, обратился к *стоику*. Но проведя с ним довольно долгое время, я обнаружил, что знание мое о Боге нисколько не возросло — сам он был человеком неверующим и считал знание такого рода ненужным. Я отошел от него и обратился к другому, называвшемуся перипатетиком, — человеку острого ума, как он сам о себе думал. Он потерпел мое присутствие несколько дней, а потом потребовал от меня назначить плату, чтобы наше собеседование не было бесполезно для нас. По этой причине я оставил и его, почтя его недостойным имени философа. Но так как моя душа жаждала узнать то, что составляет сущность и главнейший предмет философии, то я пришел к знаменитому *пифагорейцу*, человеку, очень гордившемуся своею мудростью. Когда я объявил ему о своем желании сделаться его слушателем и учеником, он спросил: «А учился ли ты музыке, астрономии и геометрии? или думаешь, можно понять что-нибудь из науки, занимающейся благостью, если ты прежде не изучил того, что отвлекает душу от чувственного и приготавливает ее к умственному так, чтобы она была способна созерцать Прекрасное и Благо в их сущности?» Весьма возвысив эти знания и необходимость их изучения, он отослал меня, как только я признался в неведении их. Естественнo, я опечалился тем, что разрушились мои надежды, и тем более, что я считал его человеком с некоторым знанием. С другой стороны, представив, как много времени мне надо было бы употребить на эти науки, я не решился на долгую отсрочку.

Пребывая в растерянности, я решил попытаться счастья и у *платоников*, поскольку и они пользовались большой славой. Так как один из них, человек ученый и известный среди платоников, только что прибыл в наш город, то я стал общаться с ним сколько мог, отдавая ему большую часть своего времени. Меня захватило Платоновo учение о бестелесном, а теория идей окрыляла мой разум; вскоре я уже думал, что стал мудрецом и в своем безрассудстве надеялся немедленно созерцать самого Бога, ибо такова цель Платоновой философии.

Пер. прот. П. Преображенского

АЛЕКСАНДРИЙЦЫ

3. Климент Александрийский († ок. 212)

Климент — первый из великих александрийских отцов Церкви (об Оригене см. ниже). Будучи родом из Афин, он не только не скрывал, но и всячески подчеркивал свою связь с эллинской духовной культурой. В Александрии он возглавлял кафедру. Победив с помощью интеллектуального оружия поклонников герметизма и гностицизма в собственной среде, он нарисовал портрет «истинного» гностика, полагая таким того, кто через божественное откровение в Св. Писании сделался посвященным в высшие, божественные намерения и причастился божественной природе (*ср. 2 Петр. 1, 4*). Такой совершенный «гностик» находится в прямой связи с Богом и больше не нуждается в человеческой учености и руководстве. «Ни одного отца Церкви, — говорит Кампенхаузен (H. v. Campenhausen), — не оценивали столь противоречиво, как Климента, так как способности его и намерения были слишком разнонаправленны. К организованной Церкви он относился весьма равнодушно».

Сохранились следующие произведения Климента: «Строматы» — эклектичные по композиции, но подчиненные центральным христианским темам: значение мученичества, брака, девственности, проблематика взаимоотношений веры, знания и сущности «истинного» гностика; «Педагог», в котором идея христианской человечности, человеческого сердца, человека в целом противопоставлена, одновременно ее продолжая, классической эллинской сконцентрированности на феномене разума и интеллекта; «Протрептик» (собств. «Обращение», название античного литературного жанра), представляющий собой христианское сочинение миссионерской и пропагандистской направленности. На передний план в нем выдвинута эллинская культура и философия, в особенности Платон, которого он почитает за его предвидение христианского учения, Иисус же как Logos представляется ему — в противоположность языческому — истинным Орфеем, чья песнь является «новой», пришедшей с Сиона. Этот последний

текст, являющийся прелюдией к сочинению, имеет чисто гимнологическую основу и стиль, который современный исследователь стилей Эд. Норден (Ed. Norden) назвал наиболее рафинированным в дошедшей до нас античной прозе.

Новая песня

Увещевание к язычникам (Протрептик к грекам I)

Тема, которой посвящено введение, использовалась многими, в том числе Оригеном и Григорием Нисским в их комментариях к Соломоновой «Песне Песней».

Ἀμφίων ὁ Θηβαῖος καὶ Ἀρίων ὁ Μηθύμναϊος ἄμφω μὲν ἦσθιν ὥδικῶ, μῦθος δὲ ἄμφω· καὶ τὸ ἅσμα εἰσέτι τοῦτο Ἑλλήνων ἄδεται χορῶ, τέχνη τῇ μουσικῇ ὁ μὲν ἰχθὺν δελεάσας, ὁ δὲ Θήβας τειχίσας. Θράκιος δὲ ἄλλος σοφιστῆς (ἄλλος οὗτος μῦθος Ἑλληνικός) ἐτιθάσεν ταῖς θηρίαις γυμνῇ τῇ ᾧδῇ²) καὶ δὴ τὰ δένδρα, τὰς φηγούς, μετεφύτευε τῇ μουσικῇ. ἔχοιμ' ἂν σοὶ καὶ ἄλλον τούτοις ἀδελφὸν διηγῆσασθαι μῦθον καὶ ᾧδόν, Εὐνομον τὸν Λοκρὸν καὶ τέττιγα τὸν Πυθικόν.

Πῇ δὴ οὖν μύθοις κενοῖς πεπιστεύκατε, θέλγεσθαι μουσικῇ τὰ ζῷα ὑπολαμβάνοντες; ἀληθείας δὲ ὑμῖν τὸ πρόσωπον τὸ φαιδρὸν μόνον, ὥς ἔοικεν, ἐπίπλαστον εἶναι δοκεῖ καὶ τοῖς ἀπιστίας ὑποπέπτωκεν ὀφθαλμοῖς. Κιθαιρῶν δὲ ἄρα καὶ Ἑλικῶν καὶ τὰ Ὀδρυσῶν ὄρη καὶ Θρακῶν, τελεστήρια τῆς πλάνης, διὰ τὰ μυστήρια τευθεύσασθαι καὶ καθύμνηται. ἐγὼ μὲν, εἰ καὶ μῦθος εἰσι, δυσανασχετῶ τοσαύταις ἐκτραγωδουμέναις συμφοραῖς· ὑμῖν δὲ καὶ τῶν κακῶν αἱ ἀναγραφαὶ γεγόνασι δράματα καὶ τῶν δραμάτων οἱ ὑποκριταὶ θυμηδίας θεάματα.

ἀλλὰ γὰρ τὰ μὲν δράματα καὶ τοὺς ληναΐζοντας ποιητάς, τέλεον ἤδη παροινούντας, κιτῶ που ἀναδήσαντες, ἀφραίνοντας ἐκτόπως τελετῇ βακχικῇ, αὐτοῖς σατύροις καὶ θιάσῳ μαινόλῃ, σὺν καὶ τῷ ἄλλῳ δαιμόνων χορῶ [ἐν] Ἑλικῶνι καὶ Κιθαιρῶνι κατακλείσωμεν γεγηρακόσιν, κατὰγωμεν δὲ ἄνωθεν ἐξ οὐρανῶν ἀλήθειαν ἅμα φανοτάτῃ φρονήσει εἰς ὅρος ἅγιον θεοῦ καὶ χορὸν τὸν ἅγιον τὸν προφητικόν. ἢ δὲ ὥς ὅτι μάλιστα τηλαυγὲς ἀποστίλβουσα φῶς καταυγαζέτω πάντα τοὺς ἐν σκότει κυλινδουμένους καὶ τῆς πλάνης τοὺς ἀνθρώπους ἀπαλλαττέτω, τὴν ὑπερτάτην ὀρέγουσα δεξιάν, τὴν σύνεσιν, εἰς σωτηρίαν. οἱ δὲ ἀνανεύσαντες καὶ ἀνακύψαντες Ἑλικῶνα μὲν καὶ Κιθαιρῶνα καταλειπόντων, οἰκούντων δὲ Σιδῶν·

Амфион, фиванец, и Арион из Метимны¹ — оба были сведущими в музыкальном искусстве (оба, впрочем, принадлежат мифу, и песня о них доныне поется в хороводах язычников): Арион, приманивший музыкой рыбу, Амфион, окруживший Фивы стенами. Другой же художник, фракиец (это уже из иного мифа), приручал зверей одной лишь песней и даже деревья — дубы — пересаживал музыкой. Я, пожалуй, расскажу тебе еще один миф о певце, похожем на эти, о локрийце Евноме и о дельфийской цикаде. В Дельфах устраивалось празднество греков в память о мертвом змее, надгробное слово которому пел Евном. Не могу сказать, гимном или плачем о змее была эта песня. Проводилось состязание, и Евном играл на кифаре в час зноя, когда цикады пели под листьями, согретые на горах солнцем. Пели же они не мертвому пикийскому змею, но премудрому Богу песнь, свободную от правил, лучше мелодий Евнома. Рвется струна у локрийца, слетает цикада на накольную и начинает петь на инструменте, как на ветви. И певец, настроившись, заменил недостающую струну песней цикады². Так вот, не песней Евнома называется цикада, как того хочет миф, воздвигший в Дельфах медную статую Евнома вместе с его лирой и помощницей. Она слетела и пела сама по себе, язычникам же кажется, что она подражала музыке.

Как же вы поверили пустым мифам, полагая, что живые существа зачаровываются музыкой? Ясный же лик истины, отданный во власть неверия, по-видимому, единственное, что вам кажется поддельным; а Киферон и Геликон, и горы одрисов³ и фракийцев, места лживых посвящений, благодаря мистериям обоготворены и воспеты. Я не могу вынести столько несчастий, представленных в трагедиях, хотя это и миф; у вас же и описания несчастий стали сценическими произведениями, а исполнители их — приятным зрелищем. Но и драмы, и поэтов, одержимых Ленеем⁴, буйствующих в опьянении, безумствующих в вакхическом посвящении вместе с самими сатирами и иступленными процессиями и с остальным роем демонов, запрем, увенчав плющом, на обветшалом Геликоне и Кифероне; сведем сверху, с небес, истину, ясный ум и святой пророческий сонм на святую гору Божью. А истина, как далеко сияющий свет, пусть озарит

„ἐκ γὰρ Σιῶν ἐξελεύσεται νόμος,
καὶ λόγος κυρίου ἐξ Ἱερουσαλήμ,”

λόγος οὐράνιος, ὁ γνήσιος ἀγωνιστῆς ἐπὶ τῷ παντὸς κόσμου θεάτρῳ στεφανούμενος.

ἔδει δέ γε ὁ Εὐνομος ὁ ἐμὸς οὐ τὸν Τερπάνδρου νόμον οὐδὲ τὸν Καπίωνος, οὐδὲ μὴν Φρύγιον ἢ Λύδιον ἢ Δώριον, ἀλλὰ τῆς καινῆς ἀρμονίας τὸν αἰδίων νόμον, τὸν φερώνυμον τοῦ θεοῦ, τὸ ἄσμα τὸ καινόν, τὸ Λευιτικόν,

„νηπενθές τ' ἄχολόν τε, κακῶν ἐπίληθες ἀπάντων.”

γλυκύ τι καὶ ἀληθινὸν φάρμακον ἐγκέκραται τῷ ἔσματι.

“Ὅρα τὸ ἄσμα τὸ καινὸν ὅσον ἴσχυσεν· ἀνθρώπους ἐκ λίθων καὶ ἀνθρώπους ἐκ θηρίων πεποίηκεν. οἱ δὲ τὴν ἄλλως νεκροί, οἱ τῆς ὄντως οὔσης ἀμέτοχοι ζωῆς, ἀκροαταὶ μόνον γενόμενοι τοῦ ἔσματος ἀνεβίωσαν. τοὔτό τοι καὶ τὸ πᾶν ἐκόσμησεν ἐμμελῶς καὶ τῶν στοιχείων τὴν διαφωνίαν εἰς τάξιν ἐνέτεινε συμφωνίας, ἵνα δὴ ὅλος ὁ κόσμος αὐτῷ ἀρμονία γένηται· καὶ θάλατταν μὲν ἀνῆκεν λελυμένην, γῆς δὲ ἐπιβαίνειν κεκώλυκεν αὐτήν, γῆν δ' ἔμπαλιν ἐστερέωσεν φερομένην καὶ ὄρον αὐτὴν ἔπηξεν θαλάττης· ναὶ μὴν καὶ πυρὸς ὄρμην ἐμάλαξεν ἀέρι, οἶονεὶ Δώριον ἀρμονίαν κεράσας Λυδίῳ· καὶ τὴν ἀέρος ἀπηνῆ ψυχρότητα τῇ παραπλοκῇ τοῦ πυρὸς ἐτιθάσευεν, τοὺς νεάτους τῶν ὄλων φθόγγους τούτους κιρνᾷς ἐμμελῶς. καὶ δὴ τὸ ἄσμα τὸ ἀκήρατον, ἔρεισμα τῶν ὄλων καὶ ἀρμονία τῶν πάντων, ἀπὸ τῶν μέσων ἐπὶ τὰ πέρατα καὶ ἀπὸ τῶν ἄκρων ἐπὶ τὰ μέσα διαταθέν, ἡρμόσατο τόδε τὸ πᾶν, οὐ κατὰ τὴν Θράκιον μουσικὴν, τὴν παραπλήσιον Ἰουβάλ,¹⁰) κατὰ δὲ τὴν πάτριον τοῦ θεοῦ βούλησιν, ἣν

всех кружащихся во мраке и избавит людей от блуждания, протянув высочайшую десницу — знание — к спасению. Устремив взор ввысь и подняв голову вверх, пусть оставят они Геликон и Киферон, пусть живут на Сионе: «Ведь из Сиона придет закон, и слово Господа — из Иерусалима» (Ис. 2, 3) — небесный Логос, законный участник соревнования, увенчанный в театре всей Вселенной. Ведь мой Евном поет не на Терпандров лад и не на Капионов, и не на фригийский, лидийский или дорийский, но на вечный лад новых созвучий, соименный Богу, левитский; «миротворящий, печаль уносящий, дающий забвенье»⁵, сладкое и истинное лекарство от скорби, смешанное с песней, песнь новую.

Мне кажется, что тот фракиец, Орфей, и фиванец, и метимнец, мужи некие, не мужи вовсе, а обманщики были, под прикрытием музыки губя жизнь доверчивых, в искусном шарлатанстве неистовствуя на их погибель, справляя бесчинства, обожествляя страдания, первыми привели людей к идолам. На камнях и досках, то есть на статуях и изображениях, воздвигли цитадель грубого суеверия; подлинно прекрасную свободу поднебесных граждан напевами и заклинаниями впрягли в крайнее рабство. Но не такой мой Певец, Который пришел, чтобы разом сокрушить тягостное рабство тиранически властвующих демонов. Опять призвал в небо нас, брошенных на землю, направляя под мягкое и человеколюбивое ярмо благочестия.

Единственный из когда-либо существовавших, Он приручил самых трудных для дрессировки животных — людей: легкомысленных — птиц, лживых — пресмыкающихся, гневливых — львов, стремящихся к наслаждению — свиней, грабителей — волков. Камни и дерево не имеют чувств. Камней же бесчувственнее человек, погруженный в незнание. Пусть нам будут свидетелями слова пророка, согласные с истиной, жалеющие изнуренных неведением и безрассудством: «ведь из камней сих воздвигнуть детей Аврааму может Бог», Который, сжалившись над великим невежеством и жестокосердием окаменевших для восприятия истины, воздвиг семя благочестия, чувствительное к добродетели, из этих камней — язычников, веровавших в камни. С другой стороны, ядовитых и лживых лицемеров, строящих козни справедливости, назвал в одном месте «змеиным отродьем». Но если кто из этих змей добровольно раскается, последовав за словом Его, то станет «человеком Божиим». Иных же аллегорически называет волками в овечьей шкуре, намекая на хищников в людском обличье. И всех этих весьма диких животных, и эти камни сия небесная песня преобразовала в послушных ей людей. «Были ведь, были и мы некогда неразумными, непокорными, заблудшими, служащими удовольствиям и желаниям разнообразным, живя во зле и

ἐξήλωσε Δαυίδ. ὁ δὲ ἐκ Δαυίδ καὶ πρὸ αὐτοῦ, ὁ τοῦ θεοῦ λόγος, λύραν μὲν καὶ κιθάραν, τὰ ἄψυχα ὄργανα, ὑπεριδὼν, κόσμον δὲ τόνδε καὶ δὴ καὶ τὸν σμικρὸν κόσμον, τὸν ἄνθρωπον; ψυχὴν τε καὶ σῶμα αὐτοῦ, ἀγίῳ πνεύματι ἁρμολογούμενος, ψάλλει τῷ θεῷ διὰ τοῦ πολυφώνου ὄργανου καὶ προσάδει τῷ ὄργανῳ τῷ ἀνθρώπῳ. „σὺ γὰρ εἶ κιθάρα καὶ αὐλὸς καὶ ναὸς ἐμοί”.¹¹⁾ κιθάρα διὰ τὴν ἁρμονίαν, αὐλὸς διὰ τὸ πνεῦμα, ναὸς διὰ τὸν λόγον, ἵν’ ἡ μὲν κρέκη, τὸ δὲ ἐμπνέη, ὁ δὲ χωρήσῃ τὸν κύριον. ναὶ μὴν ὁ Δαυὶδ ὁ βασιλεὺς, ὁ κιθαριστής, οὐ μικρῷ πρόσθεν ἐμνήσθημεν, προὔτρεπεν ὡς τὴν ἀλήθειαν, ἀπέτρεπε δὲ εἰδῶλων, πολλοῦ γε ἔδει ὑμνεῖν αὐτὸν τοὺς δαίμονας ἀληθεῖ πρὸς αὐτοῦ διωκομένους μουσικῇ, ἢ τοῦ Σαοὺλ ἐνεργουμένου ἐκείνος ἄδων μόνον αὐτὸν ἰάσατο.¹²⁾ καλὸν ὁ κύριος ὄργανον ἔμπνουν τὸν ἄνθρωπον ἐξεργάσατο κατ’ εἰκόνα τὴν ἑαυτοῦ· ἀμέλει καὶ αὐτὸς ὄργανόν ἐστι τοῦ θεοῦ παναρμόνιον, ἐμμελὲς καὶ ἅγιον, σοφία ὑπερκόσμιος, οὐράνιος λόγος.

Τί δὴ οὖν τὸ ὄργανον, ὁ τοῦ θεοῦ λόγος, ὁ κύριος, καὶ τὸ ἔσχατον τὸ καινὸν βούλεται; ὀφθαλμοὺς ἀναπετάσαι τυφλῶν καὶ ὦτα ἀνοῖξαι κωφῶν καὶ σκάζοντας τὸ πόδε ἢ πλανωμένους εἰς δικαιοσύνην χειραγωγῆσαι, θεὸν ἀνθρώποις ἀφραίνουσιν ἐπιδείξαι, παῦσαι φθοράν, νικῆσαι θάνατον, υἱοὺς ἀπειθεῖς διαλλάξαι πατρί. φιλάνθρωπον τὸ ὄργανον τοῦ θεοῦ· ὁ κύριος ἔλεει, παιδεύει, προτρέπει, νουθετεῖ, σφάζει, φυλάττει καὶ μισθὸν ἡμῖν τῆς μαθήσεως ἐκ περιουσίας βασιλείαν οὐρανῶν ἐπαγγέλλεται, τοῦτο μόνον ἀπολαύων ἡμῶν, ὃ σφζόμεθα. κακία μὲν γὰρ τὴν ἀνθρώπων ἐπιβόσκειται φθοράν, ἡ δὲ ἀλήθεια ὥσπερ ἡ μέλιττα, λυμαινομένη τῶν ὄντων οὐδέν, ἐπὶ μόνῃς τῆς ἀνθρώπων ἀγάλλεται σωτηρίας. ἔχεις οὖν τὴν ἐπαγγελίαν, ἔχεις τὴν φιλάνθρωπίαν· τῆς χάριτος μεταλάμβανε.

Καί μου τὸ ἔσχατον τὸ σωτήριον μὴ καινὸν οὕτως ὑπολάβῃς ὡς σκεῦος ἢ ὡς οἰκίαν·

зависти, ненавидимые, ненавидящие друг друга, — как говорит апостольское писание, — когда же доброта и человеколюбие Спасителя, нашего Бога были явлены, — не из-за справедливых дел, совершенных нами, но по Своему состраданию Он спас нас». Смотри, какую силу имеет новая песня! — она сотворила людей из камней и людей из зверей. Мертвые, непричастные подлинной жизни, ожили, услышав ее.

И все остальное она устроила слаженно, и разногласие элементов привела к гармонии, чтобы вся Вселенная стала у нее созвучием. Дала свободу морю, однако воспрепятствовала ему покрыть землю; землю же, прежде подвижную, сделала твердой и установила ее границей для моря; натиск огня ослабила воздухом, как бы смешав дорийский лад с лидийским, а суровый холод воздуха укротила примесью огня, слаженно сочетав столь разные голоса. В самом деле, чистая песня, опора всего и гармония всего, распространившись от центра до краев и от краев до центра, все это настроила не согласно фракийскому ладу, подобному Иувалову, а согласно отеческой воле Бога, к которой возревновал Давид. Слово же Божье, от Давида пришедшее, но прежде Давида бывшее, презрев лиру и кифару — бездушные инструменты, эту Вселенную и малый космос — человека — душу и тело его — настроив сообразно со Святым Духом, играет Богу на многоголосом инструменте и обращается к этому инструменту, человеку: «ты — кифара, свирель и храм Мой». Кифара из-за гармонии, свирель из-за дыхания, храм из-за слова, чтобы одна наигрывала, другая звучала, а храм содержал в себе Господа. Действительно, Давид, царь и кифарист, которого мы упомянули немного выше, побуждал к истине, отвращал от идолов, будучи весьма далеким от того, чтобы воспевать демонов, преследуемых им истинной музыкой, которой, когда они мучили Саула, исцелял его, лишь напевая. Господь изготовил прекрасный живой музыкальный инструмент, человека, по Своему подобию. Конечно, и Сам Он является инструментом Божиим, пангармонием, хорошо настроенным, святым: Мудрость бесконечная, небесный Логос.

Чего же хочет сей инструмент, Слово Божье, Господь, Песнь новая? Открыть глаза слепым и отворить уши глухим, направить к справедливости хромых или заблудших, показать Бога безумным людям, положить конец погибели, победить смерть, непослушных сыновей примирить с Отцом. Человеколюбив музыкальный инструмент Бога: Господь жалеет, воспитывает, увещевает, наставляет, спасает, охраняет и в качестве платы за учение обещает нам от избытка Царство Небесное, одно лишь получая от нас — наше спасение. Порок питается гибелью людей, истина же, словно пчела, ничего существующего не портя своим прикосновением, радуется только спасению людей. Итак, ты имеешь обетование, знаешь о человеколюбии Божьем, причастись благодати! Не считай спасительную песню, о которой я говорю,

“πρὸ ἑωσφόρου” γὰρ ἦν, καὶ “ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεὸν καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος”· παλαιὰ δὲ ἡ πλάνη, καινὸν δὲ ἡ ἀλήθεια φαίνεται. εἴτ’ οὖν ἀρχαίους τοὺς Φρύγας διδάσκουσιν αἶγες μυθικαί, εἴτε αὐτοὺς Ἀρκάδας οἱ προσελήνους ἀναγράφοντες ποιηταί, εἴτε μὴν αὐτοὺς Αἰγυπτίους οἱ καὶ πρώτην ταύτην ἀναφῆναι τὴν γῆν θεοῦς τε καὶ ἀνθρώπους ὀνειρώσσοντες· ἀλλ’ οὐ πρό γε τοῦ κόσμου τοῦδε τούτων οὐδὲ εἷς, πρὸ δὲ τῆς τοῦ κόσμου καταβολῆς ἡμεῖς, οἱ τῷ δεῖν ἔσεσθαι ἐν αὐτῷ πρότερον γεγεννημένοι τῷ θεῷ, τοῦ θεοῦ λόγου τὰ λογικὰ πλάσματα ἡμεῖς, δι’ ὃν ἀρχαΐζομεν, ὅτι “ἐν ἀρχῇ ὁ λόγος ἦν.”

ἀλλ’ ὅτι μὲν ἦν ὁ λόγος ἄνωθεν, ἀρχὴ θεία τῶν πάντων ἦν τε καὶ ἔστιν· ὅτι δὲ νῦν ὄνομα ἔλαβεν τὸ πάλαι καθωσιωμένον, δυνάμεως ἄξιον, ὁ Χριστός, καινὸν ἕσμά μοι κέκληται.

новой в том же смысле, что утварь или жилище: ведь она была «прежде утренней звезды» (ср. Пс. 110, 3); и «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1, 1). Однако заблуждение является древним, а истина кажется новой. Пусть на фригийцев как на древнейших людей указывают вещие козы⁶, пусть на аркадцев — поэты, описывающие их как предлунных, пусть на египтян — увидевшие во сне, что их земля первой породила богов и людей, однако никто из них не был раньше этой Вселенной, до сотворения же космоса были мы, прежде рожденные в Самом Боге по причине того, что нам предстояло возникнуть. Мы — разумное творение Бога-Слова, благодаря Которому являемся древними, ибо «в начале было Слово» (Ин. 1, 1). Но из-за того, что Слово было издавна, оно было и остается божественным началом всего. Из-за того же, что оно теперь приняло имя, освященное в древности, и достойное могущества — Христос, оно названо мною Новой песней.

Пер. А. Ю. Братухина

¹ Речь идет об Арионе из Метимны, который так зачаровал дельфина своей игрой на лире, что тот перевез его на спине через море в Коринф. Об Амфионе говорилось, что он своей музыкой заставлял камни сами ложиться в строящуюся стену.

² Климент рассказывает историю о цикаде, которая своим пением заменила лопнувшую струну на лире Евнома.

³ Одрисы — фракийский народ, из которого происходил Орфей.

⁴ Ежегодный ленийский праздник в Афинах в честь Диониса, который ко времени Климента выродился в вакханалии, связанные с незначительными поэтическими соревнованиями.

⁵ Одиссея, 4, 221.

⁶ Рассказ Геродота из книги о Египте (II) о двух младенцах, которых заперли с козами, чтобы посмотреть, на каком языке они начнут говорить, и определить, фригийский ли это язык или нет.

Πλατοново понимание Бога

Увещевание к язычникам (Протрептик VI, I)

... Καὶ πολὺς μοι ἐπιρρεῖ τοιοῦτος ὄχλος, οἶονεὶ μορμῶ τινα, δαιμονίων παρεισάγων ξένων ἄτοπον σκιαγραφίαν, μυθολογῶν ὑθλῶ γραϊκῶ· τί γάρ, ὦ πρὸς τῆς ἀληθείας, τοὺς σοὶ πεπιστευκότας δεικνύεις ῥύσει καὶ φορᾷ δίναις τε ἀτάκτοις ὑποβεβλημένους; τί δέ μοι εἰδώλων ἀναπίμπλης τὸν βίον, ἀνέμους τε ἢ ἀέρα ἢ πῦρ ἢ γῆν ἢ λίθους ἢ ξύλα ἢ σίδηρον, κόσμον τόνδε, θεοὺς ἀναπλάττουσα, θεοὺς δὲ καὶ τοὺς ἀστέρας τοὺς πλανήτας, τοῖς ὄντως πεπλανημένοις τῶν ἀνθρώπων διὰ τῆς πολυθρυλήτου ταύτης ἀστρολογίας, οὐκ ἀστρονομίας, μετεωρολογούσα καὶ ἀδολεσχοῦσα;

τὸν κύριον τῶν πνευμάτων ποθῶ, τὸν κύριον τοῦ πυρός, τὸν κόσμου δημιουργόν, τὸν ἡλίου φωταγωγόν· θεὸν ἐπιζητῶ, οὐ τὰ ἔργα τοῦ θεοῦ. τίνα δὴ λάβω παρὰ σοῦ συνεργὸν τῆς ζητήσεως; οὐ γὰρ παντάπασιν ἀπεγνώκαμέν σε. εἰ βούλει, τὸν Πλάτωνα.

πῇ δὴ οὖν ἐξιχνευτέον τὸν θεόν, ὦ Πλάτων;

“τὸν γὰρ πατέρα καὶ ποιητὴν τοῦδε τοῦ παντὸς εὐρεῖν τε ἔργον καὶ εὐρόντα εἰς ἅπαντας ἐξεῖπεν ἀδύνατον.”

διὰ τί δῆτα, ὦ πρὸς αὐτοῦ;

“ῥητὸν γὰρ οὐδαμῶς ἐστίν.”

εὖ γε, ὦ Πλάτων, ἐπαφᾶσαι τῆς ἀληθείας· ἀλλὰ μὴ ἀποκάμης· ξύν μοι λαβοῦ τῆς ζητήσεως τάγαθοῦ πέρι· πᾶσιν γὰρ ἀπαξιαπλῶς ἀνθρώποις, μάλιστα δὲ τοῖς περὶ λόγους ἐνδιατρίβουσιν ἐνέστακται τις ἀπόρροια θεϊκή. οὐ δὴ χάριν καὶ ἄκοντες μὲν ὁμολογοῦσιν ἕνα γε εἶναι θεόν, ἀνώλεθρον καὶ ἀγένητον τοῦτον, ἄνω που περὶ τὰ νῶτα τοῦ οὐρανοῦ ἐν τῇ ἰδίᾳ καὶ οἰκείᾳ περιωπῇ ὄντως ὄντα αἰεῖ.

θεὸν δὲ ποῖον, εἰπέ μοι, νοητέον;

τὸν πάνθ' ὁρῶντα καὐτὸν οὐχ ὁρώμενον,

Εὐριπίδης λέγει. πεπλανῆσθαι γοῦν ὁ Μένανδρός μοι δοκεῖ, ἔνθα φησὶν

ἦλιε, σὲ γὰρ δεῖ προσκυνεῖν πρῶτον θεῶν,

δι' ὃν θεωρεῖν ἔστι τοὺς ἄλλους θεοὺς·

οὐδὲ γὰρ ἥλιος ἐπιδείξει ποτ' ἂν τὸν θεὸν τὸν ἀληθῆ, ὁ δὲ λόγος ὁ ὑγιής, ὃς ἐστὶν ἥλιος ψυχῆς, δι' οὐ μόνου ἐνδον ἀνατεῖλαντος ἐν τῷ βάθει τοῦ νοῦ αὐτῆς καταυγάζεται τὸ ὄμμα· ὁθεν οὐκ ἀπεικότως ὁ Δημόκριτος

И приближается ко мне большая толпа такого рода философов, словно некое страшилище, и показывает небывалую картину чуждых демонов, слагая мифы, полные старческого вздора. Мы настолько далеки от того, чтобы позволять взрослым людям слушать подобные речи, что не приучаем даже собственных детей, как говорится, когда они плачут, успокаиваться, слушая сказки, опасаясь вскормить вместе с ребенком безбожие, возвещаемое теми людьми, которые считают себя мудрыми, а на самом же деле знают не больше младенцев. Почему, о философия, заклинаю тебя ответить именем истины, являешь ты нашему взору поверивших тебе отданными во власть течению, круговращению и беспорядочным кружениям?¹ Зачем ты наполняешь жизнь призраками, делая из ветров, воздуха, огня, земли, камней, дерева, железа или этой Вселенной богов, рассуждая о небесных явлениях и болтая с действительно введенными в заблуждение всем известной астрологией (не астрономией) людьми о том, что богами являются также блуждающие звезды? Я же стремлюсь к Господу ветров, Владыке огня, Создателю Вселенной, к Тому, Кто дает свет солнцу. Ищу Бога, а не творение Бога.

Кого ты даешь помощником в поисках? Ведь мы не полностью отвергли тебя. Пожалуй, Платона. Где, о Платон, надо искать Бога? «Отца и Творца всего найти трудно, а, найдя, невозможно сказать о Нем всем» (*Тимей*, 28С). Почему, поведай нам ради Самого Бога! «Ибо является невыразимым словами» (7 *Посл.* 341С). Прекрасно, о Платон, ты прикасаешься к истине! Но прогони усталость: начнем поиски Благого вместе, ибо во всех вообще людей, особенно же в тех, которые проводят много времени в занятиях наукой, вливается по каплям некий божественный поток. По этой причине даже против воли они признают, что Бог — один, негибнущий и нерожденный, всегда пребывающий вверху, в небесах, словно на собственном наблюдательном пункте.

Скажи, каким мне Бога надо представлять?

Взирающим на все, невидимым людьми,² —

говорит Еврипид. Менандр же, мне кажется, ошибается, когда утверждает:

Тебя, о солнце, прежде всех должны мы чтить,
Ведь ты даешь взирать нам на богов других³.

“τῶν λογίων ἀνθρώπων ὀλίγους” φησὶν “ἀνατείναντας τὰς χεῖρας ἐνταῦθα ὃν νῦν ἡέρα καλέομεν οἱ Ἕλληνες, πάντα Δία μυθεῖσθαι· καὶ γὰρ πάντα οὗτος οἶδεν καὶ διδοῖ πάντα καὶ ἀφαιρεῖται, καὶ βασιλεὺς οὗτος τῶν πάντων.” ταύτη πη καὶ Πλάτων διανοούμενος τὸν θεὸν αἰνίττεται
 “περὶ τὸν πάντων βασιλέα πάντ’ ἐστὶ, κάκεῖνο αἷτιον ἀπάντων τῶν καλῶν.”

τίς οὖν ὁ βασιλεὺς τῶν πάντων; θεὸς τῆς τῶν ὄντων ἀληθείας τὸ μέτρον. ὥσπερ οὖν τῷ μέτρῳ καταληπτὰ τὰ μετρούμενα, οὕτως δὲ καὶ τῷ νοῆσαι τὸν θεὸν μετρεῖται καὶ καταλαμβάνεται ἡ ἀλήθεια. ὁ δὲ ἱερὸς ὄντως Μωυσῆς

“οὐκ ἔσται,” φησὶν, “ἐν τῷ μαρσίπῳ σου στάθμιον καὶ στάθμιον μέγα ἢ μικρόν, οὐδὲ ἔσται ἐν τῇ οἰκίᾳ σου μέτρον μέγα ἢ μικρόν, ἀλλ’ ἢ στάθμιον ἀληθινὸν καὶ δίκαιον ἔσται σοι,”
 στάθμιον καὶ μέτρον καὶ ἀριθμὸν τῶν ὄλων
 ὑπολαμβάνων τὸν θεόν·

τὰ μὲν γὰρ ἄδικα καὶ ἄνισα εἰδῶλα οἴκοι ἐν τῷ μαρσίπῳ καὶ ἐν τῇ ὥς ἔπος εἰπεῖν ῥυπώσῃ ψυχῇ κατακέκρυπται· τὸ δὲ μόνον δίκαιον μέτρον, ὁ μόνος ὄντως θεός, ἴσος αἰετὰ τὰ αὐτὰ καὶ ὡσαύτως ἔχων, μετρεῖ τε πάντα καὶ σταθμᾶται, οἷονεὶ τρυτάνῃ τῇ δικαιοσύνῃ τὴν τῶν ὄλων ἀρρεπῶς περιλαμβάνων καὶ ἀνέχων φύσιν.

“ὁ μὲν δὲ θεός, ὥσπερ καὶ ὁ παλαιὸς λόγος,
 ἀρχὴν τε καὶ τελευτὴν καὶ μέσα τῶν ὄντων ἀπάντων
 ἔχων, εὐθεῖαν περαίνει κατὰ φύσιν περι-
 πορευόμενος· τῷ δ’ αἰετὶ ξυνέπεται δίκη
 τῶν ἀπολειπομένων τοῦ θείου νόμου τιμωρός.”

πόθεν, ὦ Πλάτων, ἀλήθειαν αἰνίττη; πόθεν ἡ τῶν λόγων ἀφθονος χορηγία τὴν θεοσέβειαν μαντεύεται;
 σοφώτερα, φησὶν, τούτων βαρβάρων
 τὰ γένη.

οἶδά σου τοὺς διδασκάλους, κἂν ἀποκρύπτειν ἐθέλης· γεωμετρίαν παρ’ Αἰγυπτίων μανθάνεις, ἀστρονομίαν παρὰ Βαβυλωνίων, ἐπιδάς τὰς ὑγιεῖς παρὰ Θρακῶν λαμβάνεις, πολλὰ σε καὶ Ἀσσύριοι πεπαιδευκάσι, νόμους δὲ τοὺς ὅσοι ἀληθεῖς καὶ δόξαν τοῦ θεοῦ παρ’ αὐτῶν ὠφέλησαι τῶν Ἑβραίων,

Ибо не солнце показывает истинного Бога, но здравый разум, являющийся солнцем души. Лишь с его помощью, когда он, взойдя, озаряет недра ума, очи души начинают видеть. Вследствие чего Демокрит не без основания говорит: «Немногие из разумных людей, простерши руки к тому, что мы, эллины, теперь называем воздухом, придумали Зевса: ведь он все знает, дает все и отнимает и является царем всего»⁴. И Платон, размышляя таким образом, имеет в виду Бога: «Все находится во власти Царя Вселенной, Он — причина всего прекрасного».

Кто же Царь Вселенной? Бог, мерило истинности существующего. Как измеряемое воспринимается при помощи мерил, также и истина измеряется и постигается благодаря познанию Бога. Моисей, действительно причастный святости, говорит: «Не будет в мешке твоём двух гирь, большой и малой; и не будет в твоём доме мерил большого и малого, но будет у тебя гиря истинная и правильная» (*ср. Втор. 25, 13–15*), считая Бога гирей, мерилом и числом всего⁵. Ведь дома в мешке и, так сказать, в запятанной душе укрыты негодные и неверные идола; единственное же верное мерило, подлинно единственный Бог пребывая всегда одинаковым, все измеряет и взвешивает, словно на весах, Своим правосудием, охватывая и поддерживая в равновесии природу всех вещей. «Бог, как говорит древнее речение⁶, владея началом, концом и серединой всего существующего, совершает прямой путь, обходя Вселенную согласно природе. За Ним следует справедливость, карающая отступающих от божественного закона» (*Законы, 715E*).

Откуда у тебя, о Платон, эти проблески знания истины? Откуда взялся этот щедрый источник слов, предвещающий благочестие? От более мудрых, говорит, нежели греки, варварских племен (*Федон, 78A*). Знаю твоих учителей, даже если ты и захочешь их скрыть: геометрии ты учишься у египтян, астрономии у вавилонян, целительные заклинания ты заимствуешь у фракийцев. Многому тебя научили и ассирийцы. Истинные законы и представления о Боге получены тобой от самих евреев.

Тех, кто, не впад в заблуждения пустые, дела человек —
Из серебра, золотые и медные, и костяные,
Камень и дерево — идолов смертных умерших не ценят
Вовсе, подобно тому, как их чтут суеверные люди,
Но к небесам поднимают свои непорочные руки,
С ложа поутру вставая, все тело всегда омывают
Чистой водою и чтут лишь Властителя, чуждого смерти,
Вечного...⁷

οἴτινες οὐκ ἀπάτησι κεναῖς, οὐδ' ἔργ' ἀνθρώπων
χρύσεα καὶ χάλκεια καὶ ἀργύρου ἡδ' ἐλέφαντος
καὶ ξυλίνων λιθίνων τε βροτῶν εἶδωλα θανόντων τιμῶσιν,
ὅσα πέρ τε βροτοὶ κενεόφρονι βουλῇ·
ἀλλὰ γὰρ αἰείρουσι πρὸς οὐρανὸν ὠλένας ἀγνάς,
ὄρθριοι ἐξ εὐνῆς, αἰεὶ χροά ἀγνίζοντες
ὔδασι, καὶ τιμῶσι μόνον τὸν αἰεὶ μεδέοντα ἀθάνατον.

Καί μοι μὴ μόνον, ὦ φιλοσοφία, ἓνα τοῦτον Πλάτωνα, πολλοὺς δὲ καὶ
ἄλλους παραστήσαι σπουδασον, τὸν ἓνα ὄντως μόνον θεὸν ἀναφθε-
γομένους θεὸν κατ' ἐπίπνοϊαν αὐτοῦ, εἴ που τῆς ἀληθείας ἐπι-
δράξαιτο.

И позаботься представить мне, о философия, не только этого Платона, но и многих других, провозглашающих Богом лишь одного единственного Бога по Его наитию, когда им случается ухватиться за истину.

Пер. А. Ю. Братухина

¹ Выражения почерпнуты из Гераклита и Анаксагора.

² Фрагм. 1129 Наук (Nauk).

³ Фрагм. 30, Дильс (Diels).

⁴ 2 Посл. 321Е.

⁵ Ср. Федон, 78с.

⁶ «Древнее речение» — имеется в виду орфическое.

⁷ Пророчества сивилл (III, 586–588, 590–594). Это греческое по происхождению собрание предсказаний включает в себя большое число иудео-христианских интерполяций и потому в ранне-христианские времена воспринималось как книга откровений.

4. Ориген (185–254)

Ориген происходит из Александрии, из египетской семьи с христианскими корнями. Жизнь его хорошо известна благодаря исторiku Церкви Евсевию, который жил несколькими поколениями позже (и который стал в Новой Кесарии одним из учителей Василия Великого). Отец Оригена был убит при гонениях на христиан в 202 г. и, начиная с этого времени, Ориген добывал себе пропитание учительством, постепенно готовясь к интеллектуальной независимости и полной отдаче себя служению христианской вере, — задача, к которой он относился столь ревностно, что еще в молодости добровольно подвергся осклоплению. Заметка Порфирия указывает на то, что Ориген имел того же учителя, что и Плотин, — загадочного Аммония Саккаса.

Время между 210 и 220 гг., до того как он закончил в Антиохии написание собственного богословия, было им проведено в разъездах — сначала в Рим, затем в Палестину, с остановкой в Александрии. Похоже, что его жизнь протекала в постоянном творческом опьянении, и он может считаться наиболее плодовитым писателем, возвращенным христианством.

Его главное произведение — «О началах» (*De principis*) написано в Антиохии, по всей видимости, в 221–222 гг. В нем Ориген излагает основы систематического богословия, и его систематика несет в себе явные черты генологии, поскольку исследуемые им начала, по его

О богодухновенности Священного Писания (О началах. Кн. 4. Гл. 1, 6–7)

6. Ἀποδεικνύντες δὲ ὡς ἐν ἐπιτομῇ περὶ τῆς θεότητος Ἰησοῦ καὶ χρώμενοι τοῖς περὶ αὐτοῦ λόγοις προφητικοῖς, συναποδείκνυμεν θεοπνεύστους εἶναι τὰς προφητεούσας περὶ αὐτοῦ γραφάς, καὶ τὰ καταγγέλλοντα τὴν ἐπιδημίαν αὐτοῦ γράμματα καὶ διδασκαλίαν μετὰ πάσης δυνάμεως καὶ ἐξουσίας εἰρημένα καὶ διὰ τοῦτο τῆς ἀπὸ τῶν ἐθνῶν ἐκλογῆς κεκρατηκότα. λεκτέον δὲ ὅτι τὸ τῶν προφητικῶν λόγων ἔνθεον καὶ τὸ πνευματικὸν τοῦ Μωσέως νόμου ἔλαμψεν ἐπιδημήσαντος Ἰησοῦ. ἐναργῆ γὰρ παραδείγματα περὶ τοῦ θεοπνεύστους εἶναι τὰς παλαιὰς γραφάς πρὸ τῆς ἐπιδημίας τοῦ Χριστοῦ παραστήσαι οὐ πάνυ δυνατόν ἦν· ἀλλ' ἡ Ἰησοῦ ἐπιδημία δυναμένους ὑποπτεύεσθαι τὸν νόμον καὶ τοὺς προφῆτας ὡς οὐ θεῖα εἰς

мнению, имеют как — онтологически — действительную природу, так и — эпистемологически — умозрительную. Он развивает также платонистскую герменевтику — в той мере, в какой Св. Писание может быть истолковано духовно. А это противоречило буквальному толкованию Писания современными ему богословами.

В 231 г. Ориген был призван в Кесарию Палестинскую, где основал школу, ставшую вскоре знаменитой (в т. ч. своей библиотекой). В эту школу приезжал к нему и Григорий Чудотворец, принятый им. Большая часть сочинений Оригена, последние из которых — 8 книг, направленных против Цельса, была создана в этом учебном заведении.

В 249 г., когда началось первое повсеместное преследование христиан, Ориген был взят под стражу, заключен в колодки и подвергнут истязаниям, но все же избежал уготованной ему смертной казни. В конце концов его освободили, и умер он, очевидно, в Тире, 69 лет отроду.

Несмотря на то, что его учение оказало большое влияние на все христианское богословие вообще и на православных отцов-каппадокийцев в частности, в 523 г. оно было осуждено Константинопольским собором как неправославное. Осуждение касалось его учения об *ἀλογισμός*, всеобщем оправдании Страшным судом. Поэтому из огромного творческого наследия Оригена сохранились лишь отдельные части.

6. Доказывая кратко божественность Иисуса и приводя пророческие слова о Нем, мы вместе с тем доказываем, что Писания, пророчествовавшие о Нем, боговдохновенны, что божественны книги, возвещающие Его пришествие и учение, — книги, изложенные с полной силой и властью и потому покорившие лучших людей из (разных) народов. Но нужно сказать, что боговдохновенность пророческих слов и духовный смысл Моисеева закона сделались ясными (только) с пришествием Христа. До пришествия Христа не было полной возможности представить ясные доказательства боговдохновенности ветхозаветных Писаний. Пришествие же Христово тем, которые могли предполагать, что закон и пророки не божественны, представило очевидное доказательство того, что они написаны силою небесной

τοῦμφανές ἦγαγεν ὡς οὐρανίῳ χάριτι ἀναγεγραμμένα. ὁ δὲ μετ' ἐπιμελείας καὶ προσοχῆς ἐντυγχάνων τοῖς προφητικοῖς λόγοις, παθὼν ἐξ αὐτοῦ τοῦ ἀναγινώσκειν ἵχνος ἐνθουσιασμοῦ, δι' ὧν πάσχει πεισθῆσεται οὐκ ἀνθρώπων εἶναι συγγράμματα τοὺς πεπιστευμένους ἡμῖν εἶναι θεοῦ λόγους. καὶ τὸ ἐνυπάρχον δὲ φῶς τῷ Μωσέως νόμῳ, 'καλύμματι' ἐναποκεκρυμμένον, συνέλαμψε τῇ Ἰησοῦ ἐπιδημίᾳ 'περιαιρεθέντος τοῦ καλύμματος' καὶ 'τῶν ἀγαθῶν' κατὰ βραχὺ εἰς γνῶσιν ἐρχομένων, ὧν 'σκιὰν εἶχε' τὸ γράμμα.

7. Πολὺν δ' ἂν εἴη νῦν ἀναλέγεσθαι τὰς περὶ ἐκάστου τῶν μελλόντων ἀρχαιοτάτας προφητείας, ἵνα δι' αὐτῶν ὁ ἀμφιβάλλων πληχθεὶς ὡς ἐνθέων, διψυχίαν πᾶσαν καὶ περισπασμὸν ἀποθέμενος, ὅλη ἐαυτὸν ἐπιδῶ τῇ ψυχῇ τοῖς λόγοις τοῦ θεοῦ. εἰ δὲ μὴ καθ' ἕκαστον τῶν γραμμάτων τοῖς ἀνεπιστήμοσι προσπίπτειν δοκεῖ τὸ ὑπὲρ ἀνθρώπων τῶν νοημάτων, θαυμαστὸν οὐδέν· καὶ γὰρ ἐπὶ τῶν τῆς ἀποτομένης τοῦ παντὸς κόσμου προνοίας ἔργων, τινὰ μὲν ἐναργέστατα φαίνεται, ἢ προνοίας ἐστὶν ἔργα, ἕτερα δὲ οὕτως ἀποκέκρυπται, ὡς ἀπιστίας χώραν παρέχειν δοκεῖν τῆς περὶ τοῦ τέχνη ἀφάτῳ καὶ δυνάμει διοικοῦντος τὰ ὅλα θεοῦ. οὐχ οὕτω γὰρ σαφὴς ὁ περὶ τοῦ προνοοῦντος τεχνικὸς λόγος ἐν τοῖς ἐπὶ γῆς, ὡς ἐν ἡλίῳ καὶ σελήνῃ καὶ ἀστροῖς· καὶ οὐχ οὕτω δῆλος ἐν τοῖς κατὰ τὰ ἀνθρώπινα συμπτώματα, ὡς ἐν ταῖς ψυχαῖς καὶ τοῖς σώμασι τῶν ζώων, σφόδρα τοῦ πρὸς τί καὶ ἕνεκα τίνος εὐρίσκομένου τοῖς τούτων ἐπιμελομένοις περὶ τὰς ὁρμὰς καὶ τὰς φαντασίας καὶ φύσεις τῶν ζώων καὶ τὰς κατασκευὰς τῶν σωμάτων. ἀλλ' ὥσπερ οὐ χρεοκοπεῖται ἡ πρόνοια διὰ τὰ μὴ γινωσκόμενα παρὰ τοῖς γε ἅπαξ παραδεξαμένοις αὐτὴν καλῶς, οὕτως οὐδὲ ἡ τῆς γραφῆς θειότης διατείνουσα εἰς πᾶσαν αὐτήν, διὰ τὸ μὴ καθ' ἕκαστην λέξιν δύνασθαι τὴν ἀσθένειαν ἡμῶν παρίστασθαι τῇ κεκρυμμένῃ λαμπρότητι τῶν δογμάτων ἐν εὐτελεῖ καὶ εὐκαταφρονήτῳ λέξει ἀποκειμένη.

благодати. Впрочем, кто прилежно и внимательно читает пророческие слова, тот, при самом чтении своем, почувствует след божественного вдохновения и посредством этого своего опыта убедится, что Писания, признаваемые словами Бога, (действительно) — не человеческие. Таким образом, свет, принадлежащий закону Моисееву, (но) закрытый (в нем) покрывалом, воссиял с пришествием Христа, когда покрывало было снято и постепенно обнаружилось те блага, тень которых содержала буква.

Доказавши кратко это, т. е. божественность Иисуса Христа и исполнение всех пророчеств о Нем, мы, как я думаю, вместе с тем доказали и то, что самые Писания, которые пророчествовали о Нем и предсказали Его пришествие, и могущество Его учения, и принятие (в церковь) всех народов, что эти Писания — боговдохновенны. К этому нужно прибавить, что божественность и боговдохновенность пророческого прорицания и Моисеева закона стали особенно ясны и несомненны со времени пришествия Христа в этот мир¹. Конечно, пророчества были истинны и боговдохновенны и прежде исполнения того, что было предсказано ими, однако доказать их истинность было нельзя, потому что они еще не подтвердились исполнением. Пришествие же Христово показало, что слова пророчеств истинны и боговдохновенны, тогда как раньше считалось сомнительным, исполнится ли предсказанное. Впрочем, если кто со всем усердием и должным благословением будет исследовать пророческие слова, то при самом чтении и тщательном исследовании, наверное, испытает в своем уме и чувстве действие некоторого божественного веяния и таким образом узнает, что читаемые им слова произошли не от людей, но суть слова Божьи, и в себе самом почувствует, что (священные) книги написаны не с человеческим искусством и не смертным языком, но, так сказать, божественным слогом. Итак, свет Христова пришествия, освещающий закон Моисеев сиянием истины, снял лежащее на законе покрывало буквы и для всех верующих во Христа открыл все блага, прежде закрытые покровом слова².

7. Было бы долго собирать теперь древнейшие пророчества о каждом будущем событии, чтобы сомневающийся, пораженный их боговдохновенностью, оставил всякое сомнение и нерешительность и всю душою предался словам Божиим. Если же неопытным кажется, что в разных местах Писания встречаются мысли, не превышающие человеческого разума, то это нисколько не удивительно. Между делами Промысла, обнимающего весь мир, некоторые (дела) очень ясно представляются именно делами Промысла, другие же так сокрыты, что, по-видимому, дают место недоверию, действительно ли всем управляет Бог с неизреченным искусством и силою. Так, созидательная мысль Промыслителя не столь явна в предметах земных, как в солнце, и луне, и звездах, не так ясна в человеческой участи, как

ἔχομεν γὰρ θησαυρὸν ἐν ὀστρακίνοις σκεύεσιν, ἵνα λάμψη ἡ ὑπερβολὴ τῆς δυνάμεως τοῦ θεοῦ, καὶ μὴ νομισθῇ εἶναι ἕξ ἡμῶν τῶν ἀνθρώπων. εἰ γὰρ αἱ κατημαξευμένα τῶν ἀποδείξεων ὁδοὶ παρὰ τοῖς ἀνθρώποις ἐναποκείμεναι τοῖς βιβλίοις κατίσχυσαν τῶν ἀνθρώπων, ἡ πίστις ἡμῶν ἂν εὐλόγως ὑπελαμβάνετο ἕν σοφία ἀνθρώπων καὶ οὐκ ἕν δυνάμει θεοῦ· νῦν δὲ τῷ ἐπάραντι τοὺς ὀφθαλμοὺς σαφὲς ὅτι ὁ λόγος καὶ τὸ κήρυγμα παρὰ τοῖς πολλοῖς δεδύνηται οὐκ ἐν πειθοῖς σοφίας λόγοις, ἀλλ' ἐν ἀποδείξει πνεύματος καὶ δυνάμεως. διόπερ δυνάμεως ἡμᾶς οὐρανοῦ ἢ καὶ ὑπερουρανοῦ πληττούσης ἐπὶ τὸ σέβειν τὸν κτίσαντα ἡμᾶς μόνον, πειραθῶμεν ἄφέντες τὸν τῆς ἀρχῆς τοῦ Χριστοῦ λόγον, τουτέστι τῆς στοιχειώσεως, ἐπὶ τὴν τελειότητα φέρεσθαι, ἵνα ἡ τοῖς τελείοις λαλουμένη σοφία καὶ ἡμῖν λαληθῇ. ἡ σοφίαν γὰρ ἐπαγγέλλεται ὁ ταύτην κεκτημένος λαλεῖν ἐν τοῖς τελείοις, ἑτέραν τυγχάνουσιν παρὰ τὴν σοφίαν τοῦ αἰῶνος τούτου καὶ τὴν σοφίαν τῶν ἀρχόντων τοῦ αἰῶνος τούτου τὴν καταργουμένην· αὕτη δὲ ἡ σοφία ἡμῖν ἐντυπωθῆσεται τρανῶς κατὰ ἀποκάλυψιν μυστηρίου χρόνοις αἰώνιοις σεσιγημένου, φανερωθέντος δὲ νῦν διὰ τε γραφῶν προφητικῶν καὶ τῆς ἐπιφανείας τοῦ κυρίου καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ· ᾧ ἡ δόξα εἰς τοὺς σύμπαντας αἰῶνας. ἀμήν.

в душах и телах животных, — особенно для тех, кто старается отыскать, зачем и ради чего у животных именно такие стремления, желания, природа, устройство тел. Но подобно тому, как Промысел для тех, кто раз и навсегда признал его, не умаляется по причине своей непознаваемости, так и божественность Писания, простирающаяся на все Писание, ничего не теряет оттого, что наша немощь не может найти в каждом изречении скрытый свет догматов, заключенный в обычном и простом слове. «Сокровище мы носим в глиняных сосудах» (2 Кор. 4, 7), чтобы воссияло превосходство силы Божьей и не показалось бы, что (это сокровище) принадлежит нам, людям. Ведь если бы Библия побеждала людей обычными у людей путями доказательств, то было бы справедливо полагать нашу веру в мудрости человеческой, а не в силе Божьей (ср. 1 Кор. 2, 5). Теперь же для всякого, кто не закрывает глаз, видно, что слово и проповедь действуют на множество людей «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2, 4). По причине того, что небесная или даже сверхнебесная сила побуждает нас чтить Единого, сотворившего нас, «оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству» (Евр. 6, 1), дабы Премудрость, возвещаемая совершенным (ср. 1 Кор. 2, 6), была проповедана и нам. Ибо приобретший премудрость (апостол) обещает проповедовать ее между совершенными, — Премудрость, отличную от мудрости века сего и от преходящей мудрости князей века сего. Эта именно Премудрость ясно будет представлена нам и откроет тайну, которая была сокрыта в вечные времена, ныне же открылась через пророческие Писания и благодаря явлению Господа и Спасителя нашего, Иисуса Христа, Которому слава во все века. Аминь³.

¹ Ориген знает различие между Ветхим Заветом и Новым Заветом, которое было канонически закреплено еще до начала III в., но относится к этому различию критически. Для него существует только один Завет, включающий тот и другой (см.: Кампенхаузен Х. Возникновение христианской Библии. Тюбинген, 1968).

² Центральным для богословия Оригена является его учение о различных стадиях веры — от чистой веры (*pistis*) до веры совершенной (*hoi telehoi*), которая включает в себя не только *pistis*, но и *gnosis*.

³ Ориген цитирует здесь Рим. 16, 25–27, но со значительными добавками из 1 Тим 6, 14 и 2 Тим. 1, 10.

Из сочинения «О началах» на греческом сохранилась только первая часть 3-й книги и половина 4-й. Однако большие фрагменты сочинения содержатся в латинском переводе Руфина, и именно через него оно стало известно Августину. Очевидно, что основные темы его сочинений: Бог (I, 1–II, 3), Человек (II, 4–IV, 3) и Мир (IV, 4). Его метод — толкование Писания, и последняя книга, откуда взят предлагаемый отрывок, в основном касается восточных герменевтики.

Песнь Песней (Из Пролога)

Соломонова «Песнь Песней» (евр. *shir hashirim*) представляет собой, по раввинистической (иудейской) традиции, самую сакральную книгу в библейской литературе. Тот, кто воспринимает ее только как эротическое сочинение, сказано там (то же самое можно сказать и сегодня), не придет к жизни вечной. В то же самое время и для иудейских, и для христианских богословов она является наиболее зашифрованным сочинением в Библии. Ориген строит свое толкование на том: а) что это единое произведение, б) что это тексты песен с музыкой к ним, в) что, помимо песен, существовало и

Post haec exigit nos consequentia sermonis dicere etiam de superscriptione ipsa Cantici canticorum. Simile enim est hoc illis quae in tabernaculo testimonii appellantur Sancta sanctorum, et illis quae in libro Numerorum memorantur opera operum, quaeque apud Paulum dicuntur saecula saeculorum. Sed quomodo differant a sanctis Sancta sanctorum in Exodo, et quomodo differant opera ab operibus operum in Numerorum libro, tractatibus, prout potuimus, dictum est a nobis. Sed et de saeculo saeculorum in locis quibus occurrit, non omissum est, et ne eadem repetamus illa sufficiant.

Nunc ergo requiramus primo quae sint cantica, quorum canticorum hoc esse canticum dicitur. Puto ergo quod cantica sint illa quae dudum per prophetas, vel per angelos canebantur. Lex enim dicitur per angelos ministrata in manu mediatoris. Illa ergo omnia quae per illos annuntiabantur, cantica erant per amicos sponsi praecedentia. Istud vero unum canticum est, quod ipsi jam sponso sponsam suam suscepturo epithalamii specie erat canendum: in quo sponsa non adhuc per amicos sponsi cantari sibi vult, sed ipsius jam sponsi praesentis audire verba desiderat, dicens: Osculetur me osculo oris sui. Unde et omnibus canticis merito praefertur, videtur enim caetera cantica quae lex et prophetae cecinerunt, parvulae adhuc sponsae, et quae nondum vestibula maturae aetatis ingressa sit, decentata; hoc vero canticum adultae, et jam valde robustae, et quae capax sit jam virilis potentiae perfectique mysterii, decantari. Secundum quod dicitur de ipsa quia una sit perfecta columba. Quasi perfecta ergo perfecti viri sponsa perfectae suscepit verba doctrinae.

Primum ergo canticum cecinit Deo Moyses et filii Israel quando viderunt Aegyptios mortuos ad littus maris, et quando viderunt manum fortem et

сценическое действие, в) что главные песни — жениха и невесты — это своего рода эпиталамы. Два образа в ней он толкует духовно (см. выше) — в свете заключительных слов Библии о христианской душе/общине и Иисусе Христе. Толкование Оригена послужило основой для всей последующей традиции мистического восприятия жениха/невесты — Иисуса Христа/Церкви. Сочинение сохранилось только в отрывках из латинского перевода Руфина.

После этого, следуя ходу нашего повествования, нужно сказать что-то и о самом названии «Песнь Песней». А именно: оно соответствует тому, что словами свидетельства называется «святая святых» (ср. Исх. 30, 29), и тому, что по Книге Чисел известно как «работа работ» (ср. Числ. 4, 47), и тому, что у Павла называется «веки веков» (ср. «жизнь вечная», Рим. 2, 7). Но чем «святая святых» в Исходе отличается от «святости», и чем «работа» отличается от «работы работ», как про это сказано в Книге Чисел, — вот то, о чем по мере сил мы будем говорить. Не забудем мы и «веки веков», обсудив тогда, когда это будет уместно, дабы это стало ясно и не было бы у нас нужды повторяться.

Изучим прежде, что же это за песни, среди коих одна зовется песнью «песен». Я полагаю, что это те «песни», которые в древности были пропеты пророками или ангелами. А это и означает, что «закон был преподан через Ангелов, но сообщен через посредника» (ср. Гал. 3, 19). И стало быть, все сообщенное через него было песнями друзей, идущих впереди жениха. Следовательно, эта песня — единственная, которую будут петь как эпиталаму самому жениху при встрече невесты — когда та больше не хочет, чтобы ее воспевали его друзья, но, желая услышать слова уже пришедшего жениха, говорит: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих!» (Песн. 1, 2) Поэтому эта песня заслуживает того, чтобы смолкли другие, ибо кажется, что все остальные, пропеты законом и пророками, пелись в честь еще юной, не достигшей зрелости невесты. Эту же песню, думается, пропоют ей как возросшей и пышно расцветшей, способной почувствовать и мужскую силу, и подлинное таинство, и как раз об этом сказано здесь, что она — «голубица чистая» (ср. Песн. 6, 8).

Итак, подобно тому, как совершенная невеста принимает совершенного жениха, принимает душа совершенные слова Учителя.

brachium excelsum Domini, et crediderunt Deo et famulo ejus Moysi. Tunc cantaverunt dicentes:

Cantemus Domino, gloriose enim glorificatus est. Ego autem arbitror quod non possit ad istud perfectum quis et mysticum canticum pervenire, et ad istam perfectionem sponsae, quae in hac scriptura continetur, nisi prius ambulet per siccum in medio mari, et fiat ei aqua murus a dextera laevaque, et sic evadat de manibus Ægyptiorum; ita ut videat eos mortuos ad litus maris, atque intuens manum fortem Domini, quia interfecit Ægyptios, credat Domino et famulo ejus Moysi. Moysi autem dico legi atque Evangelis, omnibus divinis Scripturis, tunc enim merito cantabit et dicet:

Cantemus Domino, gloriose enim glorificatus est. Sed istius canticum canet quis cum primum liberatus fuerit a servitute Ægyptiorum.

Post haec autem cum transierit per haec omnia in Exodo et quae in Levitico scripta sunt, et venerit ad hoc ut in divinos numeros assumatur, tunc iterum secundum canticum canet, cum exierit de valle Zareth, quod interpretatur aliena descensio, et venerit ad puteum de quo scriptum est:

Et dixit Dominus ad Moysen:

Congrega populum,

et dabo eis aquam de puteo bibere.

Ibi enim cantabit et dicet:

Initiate ei puteum.

Foderunt illum principes,

excuderunt eum reges gentium in regno suo

cum dominantur eorum.

Sed de his plenius in Numerorum libro, secundum quod dedit nobis Dominus, dictum est.

Oportet igitur venire ad puteum, qui a principibus fossus est, et a regibus excusus est, in quo opere nemo plebeius operatur, sed omnes principes, omnes reges, regales scilicet et principales animae, quae altitudinem putei aquam vivam continentis inquirunt.

Post illud canticum venit ad Deuteronomii canticum, de quo dicit Dominus:

Et nunc scribite vobis verba cantici hujus,

et docete illud filios Israel,

et injicite illud in os eorum,

ut fiat mihi canticum istud ad testimonium in filiis Israel.

Et vide quantum et quale sit canticum istud cui ad audiendum terra non sufficit, sed convocatur et coelum. Ait enim:

Впервые воспели Бога сыны Моисея и Израиля, посмотрев, как умирают египтяне у кромки моря, и увидав могучую Господню мышцу и простертую Им длань, и поверив Моисею, слуге Его. Вот тогда запели они:

Пою Господа, ибо Он высоко превознесся! (ср. Исх. 15, 1)

Мне думается, что никто не мог прийти к этой совершенной и мистической песне, кроме того, кто сам прошел сушею среди моря, когда воздвиглась там стена для него слева и справа, и ускользнул он из рук египтян, дабы, глядя на мертвых у кромки воды и видя простертую силу Господню, коей побил он египтян, уверовал он в Господа и в слугу Его Моисея. Но под «Моисеем» понимаю я Закон и Евангелие, и все священные Книги: ведь только тогда он мог бы по праву говорить и петь:

Восхвалим Господа, ибо Он высоко превознесся!

Но эту песню споет тот, кто первым освободился из плена египетского.

Затем, пройдя через все написанное в Исходе и Левите и придя к тому, что сказано в божественных Числах, он снова запел *другую* песню — когда вышел из долины Заред (понимаемой как «низвержение чужих») и подошел к колодцу, о котором написано, что Господь сказал Моисею: собери народ, и дам им испытть воды из колодца (ср. Числ. 21, 16).

И запоют тогда и скажут:

Наполняйся, колодезь, пойте ему;
Колодезь, который выкопали князя,
вырыли вожди народа
с законодателем жезлами своими. (Числ. 21, 17–18)

Однако же подробней об этом сказано в Книге Чисел — столько, сколько Господь дозволил нам знать.

Итак, надобно идти к колодцу, который «выкопали князя» и «вырыли вожди народов», — дело, в котором не участвовал никто из народа, но лишь «князя» и «вожди», а именно — лишь княжеские и царственные души, кои стремятся в глубь колодца, наполненного животворной водой.

После этой песни перейдем к песне Второзакония, о которой Господь сказал:

Итак, напишите себе *слова* песни сей, и научи ей сынов

Израилевых,

и вложи ее в уста их, чтобы песнь сия была Мне свидетельством на сынов Израилевых. (Втор. 31, 19)

Attende coelum quae loquar,
et audiat terra verba ex ore meo.

Vide quam magna sint, quam ingentia quae dicuntur.

Exspectetur, ait, sicut pluvia eloquium meum,
et descendat sicut ros super gramen,
et sicut nix super faenum,
quia nomen Domini invocavi, et reliqua.

Quartum canticum est in libro Judicum, de quo scriptum est:

Et cantavit Debbora et Barach filius Abinoem
in die illa dicentes: Incipiendo principales in Israel
in proposito populi benedicite Dominium.

Audite, reges, auribus percipite, et reliqua.

Haec autem quae canit apis esse debet, cujus opus tale est, ut eo reges et mediocres utantur ad sanitatem. Debbora namque apis interpretatur quae istud canticum canit, sed et Barach cum ipsa: interpretatur autem Barach coruscatio. Et canitur istud canticum post victoriam, quia nec ante quis potest quae perfecta sunt canere, nisi ubi adversarios vicerit.

Sic denique et in ipso cantico dicitur:

Exsurge, exsurge, Debbora,
exsuscita millia populi.
Exsurge, exsurge, cane canticum,
exsurge Barach.

Verum et de his plenius in illis oratiunculis quas de libello Judicum edidimus, disserta reperiēs.

Quintum post haec canticum est in secundo libro Regnorum, cum locutus est David ad Dominum verba cantici hujus in die qua liberavit eum Dominus de manu omnium inimicorum suorum, et de manu Saul, et dixit:

Dominus mihi petra et munitio mea,
liberator Dominus,
Deus meus custos erit mihi.

Si ergo et tu potueris considerare qui sunt inimici David, quos in primo et secundo Regnorum libro superat ac prosternit, et quomodo dignus factus est ut Domini adjutorium mereretur et liberaretur ab hujusmodi inimicis: tunc poteris et tu quintum istud canticum canere.

Sextum est canticum in primo Paralipomenon libro, ubi constituit David in principio ad laudandum Dominum Asaph, et fratres ejus, et est initium cantici istius tale:

Посмотри, сколь велика и блага эта песня! Чтобы внимать ей, одной земли мало, небо тоже должно слышать ее! И он говорит:

Внимай, небо: я буду говорить;
и слушай, земля, слова уст моих.
Польется, как дождь, учение мое,
как роса, речь моя,
как мелкий дождь на зелень,
как ливень на траву.
Имя Господа прославляю;
воздайте славу Богу нашему. (*Втор. 32, 2–3*)

Книга Судей содержит четвертую песню, о которой написано:

В тот день воспела Девора и Варак, сын Авиноамов, сими словами:
Израиль отмщен,
народ показал рвение;
прославьте Господа!
Слушайте, цари, внимайте... (*Суд. 5, 1–3*)

Ту, что пела, можно было бы назвать пчелой, плодами трудов которой цари и закон могли бы пользоваться для исцеления. Имя «Девора» именно потому и толкуется как «пчела», поющая эту песню, но с нею был и Варак, а «Варак» толкуется как «сияние». И песня эта поется после победы, поскольку никто не может воспеть что-то *прежде*, чем оно совершено; сначала нужно было победить врагов.

Посему так и говорится в относящейся к этому песне:

Восприани, восприани, Девора,
восприани, восприани! воспой песни!
Восстань, Варак! и веди пленников твоих,
сын Авиноамов! (*Суд. 5, 12*)

Но и это ты найдешь в Книге Судей в более подробном изложении.

Воспетая вслед за тем пятая песнь находится во Второй книге Царств. Ее пел Давид Господу «в день, когда Господь избавил его от руки всех врагов его и от руки Саула» (*2 Цар. 22, 1*), и тогда сказал он:

Господь — твердыня моя, и крепость моя, и избавитель мой.
Бог мой — скала моя; на него я уповаю;
щит мой, рог спасения моего,
ограждение мое и убежище мое! (*2 Цар. 22, 3*)

Если ты поразмыслишь о том, кто такие враги Давида, которых он бил и побеждал в Первой и Второй книге Царств, и как заслужил он и удостоился помощи Господней и освободился от врагов такого рода, то и ты воспоешь эту пятую песню.

Laudate Dominum et confitemini,
et invoke eum in nomine ejus,
notas facite in populis voluntates ejus,
canite ei, et hymnum dicite,
narrate omnes adinventiones ejus quas fecit Dominus, etc.

Sciendum tamen est quod canticum quidem quod est in secundo Regnorum libro, valde simile est psalmo XVII. Quod autem est in primo libro Paralipomenon in initiis quidem usque ad eum locum ubi dicit: Et in prophetis nolite malignari, simile est CIV psalmo. Posteriora vero ab hoc loco similitudinem gerunt primarum partium XCV psal., ubi dicitur: Cantate Domino, omnis terra, usque ad eum locum ubi ait: Quia venit judicare terram.

Igitur si in his concludendus est numerus canticorum, septimo in loco ponendus videbitur liber hic Cantici canticorum. Si quis vero etiam Isaiae canticum cum caeteris numerandum putet, licet non valde convenire videatur, ut praecessisse putetur Isaiae canticum, quod longe posterioribus temporibus Isaias scripserit: tamen si quis putet quod prophetica dicta non temporibus, sed ratione pensanda sint, adjunget etiam illud canticum; et dicet hoc quod Salomon cecinit Canticum esse canticorum non tantum eorum quae prius, sed et eorum quae postmodum canenda videbantur.

Si quis vero putet etiam ex libro Psalmorum debere assumi, sicubi in eo vel canticum scribitur, vel canticum psalmi, multitudinem congregabit praecedentium canticorum. Junget enim caeteris etiam XV simul graduum cantica: et requirens singulorum virtutes canticorum, atque ex his proficientis animae gradus colligens ac spiritalis ordinem iterum consequentiamque componens, ostendere poterit magnificis gressibus incedens sponsa per haec omnia perveniat usque ad thalamum sponsi, digrediens in locum tabernaculi admirabilis usque ad domum Dei in voce exultationis et confessionis sonus epulantis; et perveniens usque ad ipsum, ut diximus, thalamum sponsi ut audiat et loquatur cuncta haec quae continentur in Cantico canticorum.

Шестая песня — в Первой книге Паралипоменон. Ее воспели «в день, когда Давид в первый раз повелел Асафу и братьям его славословить Господа» (ср. 1 Пар. 16, 7). И вот как начиналась эта песнь:

Славьте Господа, провозглашайте имя Его,
возвещайте в народах дела Его;
пойте Ему, бряцайте Ему,
поведайте о всех чудесах Его. (1 Пар. 16, 8–9)

Следует, однако, уяснить, что песня из Первой книги Царств в высшей степени схожа с псалмом 18 в Псалтири, а та, что в начале Первой книги Паралипоменон, — место, где он говорит: «Не прикасайтесь к помазанным Моим, и пророкам Моим не делайте зла» (1 Пар. 16, 22), — похожа на псалом 105; и все, что следует далее, сходно с первыми частями псалма 96, — от места, где говорится: «Воспойте Господу песнь новую; воспойте Господу, вся земля», и до места: «ибо идет судить землю» (Пс. 96, 1, 13).

Итак, если округлить число песен, учитывая и эти, то книга «Песнь Песней», очевидно, будет на седьмом месте. Если посчитать, что и песню Исаяи (Ис. 6) можно приписать ко прочим, ибо кажется маловероятным предположение, что песня Исаяи существовала прежде, ведь он написал ее много времени спустя. Однако же, полагая, что пророческие слова являются таковыми вне зависимости от времени, завися лишь от содержания, то надобно добавить и эту песню; и надобно сказать, что песнь, которую пел Соломон, есть одна из тех, кои могут петься не только упреждая что-то, но и следуя за ним.

Если же учесть и то, что может быть взято из Псалтири, независимо от того, называется ли оно «песня» или «псалом», то у нас получится много упреждающих песен. Ибо ко всем прочим добавятся и 15 ступенек восходящих псалмов (т. е. псалмы 120–134). А изучая величавость каждой из песен и складывая из них «степени» душевного вознесения, а затем обнаруживая внутренний порядок и верность следования (им) разумной души, можно будет показать, сколь сильно воспылала невеста и как она этим достигла брачного чертога, и как, вступив в сей преславный храм таинства, «в дом Божий со гласом радости и славословия» (ср. Пс. 42, 5), услышала и сказала там все то, что есть в «Песне Песней».

5. Григорий Чудотворец (ок. 210–280)

Происходил из Новой Кесарии в Каппадокии на Понте, где затем стал первым епископом. Ученик и горячий приверженец Оригена, о котором он сочинил восторженное Похвальное Слово (сохранилось), содержащее также автобиографический материал. Учитель Макарины, духовной матери великих каппадокийцев (см. ниже). «Чудотворцем» его стали называть за способ-

Ἐκθεσις τῆς πίστεως

*ἦν δι' ἀποκαλύψεως παρὰ τοῦ Μακαρίου τοῦ Ἰωάννου
Εὐαγγελιστοῦ, μεσιτεuούσης τῆς θεογενητρίας τῆς Παρθένου
Μαρίας, ἔσχεν.*

Εἰς Θεός,

Πατήρ Λόγου ζῶντος,

σοφίας ὑφεστῶσης, καὶ δυνάμεως,

καὶ χαρακτῆρος ἀϊδίου.

Τέλειος τελείου γεννήτωρ,

Πατήρ Υἱοῦ μονογενοῦς.

Εἰς Κύριος,

μόνος ἐκ μόνου, Θεὸς ἐκ Θεοῦ·

χαρακτῆρ καὶ εἰκὼν τῆς θεότητος, λόγος ἐνεργός·

Σοφία τῆς τῶν ὅλων συστάσεως περιεκτική·

καὶ δύναμις τῆς ὅλης κτίσεως ποιητική.

Υἱὸς ἀληθινός, ἀληθινοῦ Πατρὸς,

ность к необыкновенным деяниям, в частности за чудесные исцеления. Его доникийский, строго личный Символ Веры, приведенный ниже, является на удивление никейским. В нем проявилось влияние, идущее непосредственно от Иоанна.

**Изложение веры, которую он имел благодаря откровению
блаженного Иоанна Евангелиста при посредничестве
Богоматери, Девы Марии**

Один Бог,
Отец Слова живого,
Премудрости, положенной в основание, силы
и начертания вечного.
Совершенный родитель Совершенного,
Отец едиnorodного Сына.

Один Господь,
Единый от Единого, Бог от Бога,
начертание и образ божественности, Слово деятельное,
Премудрость, объемлющая совокупность всего,
и сила, всю тварь созидающая,
Сын истинный истинного Отца,
Невидимый — *от* Невидимого,
Неуничтожимый — *от* Неуничтожимого,
Бессмертный — *от* Бессмертного
и Вечный — *от* Вечного.

ἀόρατος ἀοράτου·
καὶ ἄφθαρτος ἀφθάρτου·
καὶ ἀθάνατος ἀθανάτου,
καὶ αἰδίδιος αἰδίδιου.

Καὶ ἐν Πνεῦμα ἅγιον,
ἐκ Θεοῦ τὴν ὑπαρξιν ἔχον·
καὶ διὰ Υἱοῦ πεφηνός, δηλαδὴ τοῖς ἀνθρώποις·
εἰκὼν τοῦ Υἱοῦ· τελείου τελεία·
ζωή, ζώντων αἰτία·
πηγὴ ἀγία· ἀγιότης,
ἀγιασμοῦ χορηγός.
Ἐν ᾧ φανεροῦται Θεὸς ὁ Πατήρ,
ὁ ἐπὶ πάντων καὶ ἐν πᾶσι·
καὶ Θεὸς ὁ Υἱός,
ὁ διὰ πάντων.

Τριάς τελεία,
δόξη καὶ αἰδιδιότητι καὶ βασιλείᾳ,
μὴ μεριζομένη, μηδὲ ἀπαλλοτριουμένη.
Οὔτε οὖν κτιστόν τι, ἢ δοῦλον ἐν τῇ Τριάδι·
οὔτε ἐπείσακτον,
ὥς πρότερον μὲν οὐκ ὑπάρχον, ὕστερον δὲ ἐπείσελθόν.
Οὔτε οὖν ἐνέλιπέ ποτε Υἱὸς Πατρί,
οὔτε Υἱῷ τὸ Πνεῦμα·
ἀλλ' ἄτρεπτος καὶ ἀναλλοίωτος,
ἡ αὐτὴ Τριάς αἰεί.

И один Дух Святой,
имеющий существование от Бога,
через Сына явленный, то есть — людям,
образ Сына, совершенного — совершенный,
жизнь, причина живущих,
святой источник, святость,
податель освящения,
в Ком проявляется Бог Отец,
пребывающий на всем и во всем,
и Бог Сын,
пострадавший за всех.

Троица совершенная,
славой, вечностью и царством
не разделяющаяся и не отчуждающаяся.
И чего-либо созданного или рабского нет в Троице,
ни привходящего,
что прежде не существовало, а потом произошло.
И никогда Сын не был покинут Отцом,
ни Дух Сыном,
но недвижима и неизменна
одна и та же Троица всегда.

6. Император Юлиан (332–363)

Император Юлиан, так называемый Отступник — единственный, кто вместе с Проклом представляет в этом разделе чистый нехристианский неоплатонизм. Многие другие его представители включены в первую часть. До Плотина включительно и академический платонизм, и неоплатонизм, ведущий свое начало от Плотина, не проявляли интереса к христианству. Но уже ученик Плотина Порфирий написал обвинительное сочинение против этого нового духовного направления (становившегося философски все более релевантным), объединившись в этом со стоящим особняком Цельсом, современником Плотина. Юлиан подхватил эту полемику (см. ниже), но, в отличие от своих предшественников, он сам был христианином, хотя и «отпавшим», отчего его полемика приобретает еще более острый и сатирический тон. После Юлиана уже не было антихристианских сочинений такой силы. Нехристианские мыслители вроде Прокла благоразумно молчали на этот счет.

Гимн царю Гелиосу. Саллюстию

Сочинен Юлианом в 358 г. как попытка создать императорский религиозный культ, заменяющий христианство. Толчком к сочинению послужило

Προσθήκειν ὑπολαμβάνω τοῦ λόγου τοῦδε μάλιστα μὲν ἄπασιν,
ὅσα τε γαῖαν ἐπι πνεῖει τε καὶ ἔρπει,
καὶ τοῦ εἶναι καὶ λογικῆς ψυχῆς καὶ νοῦ μετεἰληφεν, οὐχ ἥκιστα δὲ τῶν
ἄλλων ἀπάντων ἐμαυτῷ· καὶ γάρ εἰμι τοῦ βασιλέως ὁπαδὸς Ἡλίου.
τούτου δὲ ἔχω μὲν οἴκοι παρ' ἐμαυτῷ τὰς πίστεις ἀκριβεστέρας· ὁ δέ
μοι θέμις εἰπεῖν καὶ ἀνεμέσητον, ἐντέτηκέ μοι δεινὸς ἐκ παίδων τῶν
αὐγῶν τοῦ θεοῦ πόθος, καὶ πρὸς τὸ φῶς οὕτω δὴ τὸ αἰθέριον ἐκ
παιδαρίου κομιδῇ τὴν διάνοιαν ἐξιστάμην ὥστε οὐκ εἰς αὐτὸν μόνον
ἀτενὲς ὄραν ἐπεθύμουν. ἀλλὰ καί, εἴ ποτε νύκτωρ ἀνεφέλου καὶ
καθαρᾶς αἰθρίας οὔσης προέλθοιμι, πάντα ἀθρώως ἀφείς τοῖς
οὐρανίοις προσεῖχον κάλλεσιν, οὐκέτι ξυνιεις οὐδὲν εἴ τις λέγοι τι πρὸς
με οὐδὲ αὐτὸς ὃ τι πράττοιμι προσέχων. ἐδόκουν τε περιεργότερον ἔχειν
πρὸς αὐτὰ καὶ πολυπράγμων τις εἶναι, καὶ μέ τις ἤδη ἀστρόμαντιν
ὑπέλαβεν ἄρτι γενειήτην. καίτοι μὰ τοὺς θεοὺς οὐποτε τοιαύτη βίβλος
εἰς ἐμὰς ἀφῖκτο χεῖρας, οὐδὲ ἠπιστάμην ὃ τί ποτέ ἐστι τὸ χρῆμά πω
τότε.

Но одновременно с критикой сочинение Юлиана заключало в себе и положительную программу: назад к греческим богам! Он дал увлечь себя культом Митры, воспевающим солнце, персидским по происхождению, в котором искал оккультную мудрость. Его основным вдохновителем оказался в остальном мало известный мистик Максим из Ефеса, ученик Ямвлиха из Сирии. Выбранный нами «Гимн царю Гелиосу (богу Солнца)», как говорит сам Юлиан, был написан им в течение двух ночей, что типично как для его чрезвычайно одаренной натуры, так и для торопливого и не слишком оригинального ума. Образцом для него послужил Ямвлих.

Юлиан также провел несколько месяцев в платоновской Академии в Афинах — вместе с каппадокийцами Василием и Григорием Назианзином, которые пробыли там несколько лет. Это было еще до встречи Юлиана с Максимом и объявления им о своем отступничестве.

утраченное сочинение теософа Ямвлиха, которого Юлиан считал «божественным». Саллюстий, по всей вероятности, — имя философа-неоплатоника.

Речь эта, я полагаю, коснется «всего, что ползает и дышит на земле» (Гомер), всего, что причастно бытию, и в разуме и в мыслящей душе, и не менее всего прочего — меня самого. Я, по сути, — спутник царя Гелиоса. Это свойственно мне, чему есть верное доказательство. Я могу с уверенностью сказать, что животворная тяга к божественным лучам была вложена в мою детскую душу и что ум мой от колыбели был так всецело обращен к этому небесному светилу, что я не только не мигал, неотрывно глядя на него, но даже, прогуливаясь звездными ночами, оставлял без внимания все прочее и, приковав взгляд к явлениям небесной красоты, не слышал, что мне говорят, и не замечал, что я делаю сам. Все видели во мне человека и обладающего великим любопытством к вещам такого рода, и очень ими занятого.

У меня едва-едва начала расти борода, а меня уже считали астрономом. Хотя, клянусь богами, книга никогда не попадала в мои руки, и я по-настоящему не знал этот предмет.

Начнем же с того, что в гимнах воспоем, насколько в нашей власти, его (Гелиоса) праздник, который град царственный (Рим) отмечает

Φέρε οὖν, ὅπως ἂν οἰοί τε ὦμεν, ὑμνίσωμεν αὐτοῦ τὴν ἑορτήν, ἣν ἡ βασιλεύουσα πόλις ἐπετησίους ἀγάλλει θυσίαις. ἔστι μὲν οὖν, εὖ οἶδα, χαλεπὸν καὶ τὸ ξυνεῖναι περὶ αὐτοῦ μόνον, ὅποσος τίς ἐστιν ὁ ἀφανῆς ἐκ τοῦ φανεροῦ λογισαμένῳ, φράσαι δὲ ἴσως ἀδύνατον, εἰ καὶ τῆς ἀξίας ἔλαττον ἐθελήσειέ τις. ἐφικέσθαι μὲν γὰρ τοῦ πρὸς ἀξίαν εὖ οἶδα ὅτι τῶν ἀπάντων οὐδεὶς ἂν δύναίτο, ...

τίς οὖν ὁ τρόπος ἔσται τῶν ἐπαίνων; ἡ δῆλον ὅτι περὶ τῆς οὐσίας αὐτοῦ καὶ ὄθεν προῆλθε καὶ τῶν δυνάμεων καὶ τῶν ἐνεργειῶν διελθόντες, ὁπόσαι φανεραὶ ὄσαι τ' ἀφανεῖς, καὶ περὶ τῆς τῶν ἀγαθῶν δόσεως, ἣν κατὰ πάντας ποιεῖται τοὺς κόσμους, οὐ παντάπασιν ἀπᾶρόντα ποιησόμεθα τῷ θεῷ τὰ ἐγκώμια; ἀρκτέον δὲ ἐνθένδε.

‘Ο θεῖος οὗτος καὶ πάγκαλος κόσμος ἀπ’ ἄκρας ἀψίδος οὐρανοῦ μέχρι γῆς ἐσχάτης

ὑπὸ τῆς ἀλύτου συνεχόμενος τοῦ θεοῦ προνοίας ἐξ αἰδίου γέγονεν ἀγέννητος

ἔς τε τὸν ἐπίλοιπον χρόνον αἰδῖος,

οὐχ ὑπ’ ἄλλου του φρουρούμενος ἡ

προσεχῶς μὲν ὑπὸ τοῦ πέμπτου σώματος,

οὐ τὸ κεφάλαιόν ἐστιν ἀκτὶς ἀελίου,

βαθμῷ δὲ ὥσπερ δευτέρῳ τοῦ νοητοῦ

κόσμου,

πρεσβυτέρως δὲ ἔτι διὰ τὸν πάντων βασιλέα,

περὶ ὃν πάντα ἐστίν.

οὗτος τοίνυν,

εἴτε τὸ ἐπέκεινα τοῦ νοῦ καλεῖν αὐτὸν θέμις

εἴτε ἰδέαν τῶν ὄντων,

ὃ δὴ φημι τὸ νοητὸν ζύμπαν,

εἴτε ἔν, ἐπειδὴ πάντων τὸ ἐν δοκεῖ πως

πρεσβύτατον,

εἴτε ὁ Πλάτων εἶωθεν ὀνομάζειν τάγαθόν,

αὕτη δὲ οὖν ἡ μονοειδὴς τῶν ὄλων αἰτία,

πᾶσι τοῖς οὖσιν ἐξηγουμένη

κάλλους τε καὶ τελειότητος ἐνώσεώς τε

καὶ δυνάμεως ἀμηχάνου, κατὰ τὴν ἐν αὐτῇ μένουσαν πρωτουργὸν οὐσίαν

ежегодной жертвой. Теперь уж, вероятно, нелегко вместе с тем единственным (божеством), постичь, насколько оно, невидимое, велико; а сделать явным всем, хотя бы в малой степени достойно, — совсем уж невозможно. Ведь дотронуться достойно до него, как мне известно, вообще никто не сможет.

Как же тогда к нему дойдет моя хвала? Хотя не ясно разве, что если мы изучим его сущность — откуда происходит он, его силы и энергии его, сколь ни было бы их видимых и столько же невидимых, и щедрость благ, даруемых им всему сущему, и как им создается всецелый космос — то воздадим богу хвалу, не знающую фальши.

Начало гимна

Этот божественный и красотой исполненный мир —
от вершины небесного свода и до предела земли сочленен
божественным, не знающим изъяна вечным Провиденьем.
От века нерожденный
и в грядущем вечный,
никем не охраняется он, кроме
одного лишь пятого тела,
глава которого есть солнца луч,
а расположен он как бы на второй
ступени умопостигаемого космоса,
и даже еще более почетно: возле царя всего,
окрест которого все *есть*.
И это — если правильно и справедливо
его именовать Потусторонним умом или идеей сущего
(понимая под этим все умопостигаемое),
или же единым, поскольку единое мне представляется старейшим,
или же тем, чему обычно Платон дает название блага —
то это и будет причина единовидная всего,
которая привносит во все, что есть,
и красоту, и совершенство единения и несокрушимой силы,
открывая в нем изначально сущую всецелость бытия —
посреди умных посредников и демиургических причин —
великого бога Гелиоса,
который сам себе во всем подобен,
как утверждал божественный Платон, сказав:

«Оно (солнце) подобно благу: чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам» («Государство» 508в).

μέσον ἐκ μέσων τῶν νοερῶν καὶ δημιουργικῶν αἰτιῶν

Ἦλιον θεὸν μέγιστον

ἀνέφηεν ἐξ ἑαυτοῦ πάντα ὁμοιον ἑαυτῇ·

καθάπερ καὶ ὁ δαιμόνιος οἶεται Πλάτων,

“Τοῦτον τοῖνυν, ἦν δ’ ἐγώ, φάναι με λέγειν τὸν τοῦ ἀγαθοῦ ἔκγονον, ὃν τάγαθὸν ἐγέννησεν ἀνάλογον ἑαυτῷ, ὅτιπερ αὐτὸ ἐν τῷ νοητῷ τόπῳ πρὸς τε νοῦν καὶ τὰ νοούμενα, τοῦτο τοῦτον ἐν τῷ ὁρατῷ πρὸς τε ὄψιν καὶ τὰ ὁρώμενα.”

ἔχει μὲν δὴ τὸ φῶς αὐτοῦ ταύτην οἶμαι τὴν ἀναλογίαν πρὸς τὸ ὁρατόν, ἦνπερ πρὸς τὸ νοητὸν ἀλήθεια. αὐτὸς δὲ ὁ ξύμπας, ἅτε δὴ τοῦ πρώτου καὶ μεγίστου τῆς ἰδέας τάγαθοῦ γεγονῶς ἔκγονος, ὑποστάς αὐτοῦ περὶ τὴν μόνιμον οὐσίαν ἐξ αἰδίου καὶ τὴν ἐν τοῖς νοεροῖς θεοῖς παρεδέξατο δυναστείαν, ὣν τάγαθὸν ἐστὶ τοῖς νοητοῖς αἴτιον, ταῦτα αὐτὸς τοῖς νοεροῖς νέμων.

ἔστι δ’ αἴτιον οἶμαι τάγαθὸν τοῖς νοητοῖς θεοῖς κάλλους, οὐσίας, τελειότητος, ἐνώσεως, συνέχον αὐτὰ καὶ περιλάμπον ἀγαθοειδεῖ δυνάμει· ταῦτα δὴ καὶ τοῖς νοεροῖς Ἦλιος δίδωσιν, ἄρχειν καὶ βασιλεύειν αὐτῶν ὑπὸ τάγαθοῦ τεταγμένος, εἰ καὶ συμπροήλθον αὐτῷ καὶ συνυπέστησαν, ὅπως οἶμαι καὶ τοῖς νοεροῖς θεοῖς ἀγαθοειδὴς αἰτία προκαθηγουμένη τῶν ἀγαθῶν πᾶσιν ἅπαντα κατὰ νοῦν εὐθύνη.

Μεσότητα μὲν δὴ φαμεν οὐ τὴν ἐν τοῖς ἐναντίοις θεωρουμένην ἴσον ἀφεστῶσαν τῶν ἄκρων, οἷον ἐπὶ χρωμάτων τὸ ξανθὸν ἢ φαιόν, ἐπὶ δὲ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ τὸ χλιαρόν, καὶ ὅσα τοιαῦτα, ἀλλὰ τὴν ἐνωτικὴν καὶ συνάγουσαν τὰ διεσπῶτα, ὁποῖαν τινὰ φησιν Ἐμπεδοκλῆς τὴν ἁρμονίαν ἐξορίζων αὐτῆς παντελῶς τὸ νεῖκος.

τίνα οὖν ἐστίν, ἃ συνάγει, καὶ τίνων ἐστὶ μέσος; φημί δὴ οὖν ὅτι τῶν τε ἐμφανῶν καὶ περικοσμίων θεῶν καὶ τῶν ἀύλων καὶ νοητῶν, οἱ περὶ τάγαθὸν εἰσιν, ὥσπερ πολυπλασιαζομένης ἀπαθῶς καὶ ἀνευ προσθήκης τῆς νοητῆς καὶ θείας οὐσίας.

ὥς μὲν οὖν ἐστὶ μέση τις, οὐκ ἀπὸ τῶν ἄκρων κραθεῖσα, τελεία δὲ καὶ ἀμιγῆς ἀφ’ ὧν τῶν θεῶν ἐμφανῶν τε καὶ ἀφανῶν καὶ αἰσθητῶν καὶ νοητῶν ἡ τοῦ βασιλέως Ἠλίου νοερά καὶ πάγκαλος οὐσία, καὶ ὁποῖαν τινὰ χρὴ τὴν μεσότητα νομίζειν, εἴρηται. εἰ δὲ δεῖ καὶ τοῖς καθ’ ἕκαστον ἐπεξελθεῖν, ἴν’ αὐτοῦ καὶ κατ’ εἶδη τὸ μέσον τῆς οὐσίας, ὅπως ἔχει πρὸς τε τὰ πρῶτα καὶ τὰ τελευταῖα, τῷ νῶ κατὰ δωμεν, εἰ καὶ μὴ πάντα διελθεῖν ῥᾶδιον, ἀλλ’ οὖν τὰ δυνατὰ φράσαι πειραθῶμεν.

Его свет, я утверждаю, имеет то же отношение к (области) видимого, что и истина к умопостижаемому. Но сам он в своей целостности, являясь производным от первичного и большего, то есть от идеи блага, от века существующей по отношению к неизменной полноте бытия, становится владыкой умных богов, наделяя их тем, начало чего — благо для умопостигаемых богов.

Благо же, полагаю, для умопостигаемых богов — причина красоты, полноты бытия, совершенства, единения, объединяющая все и освещающая благодатной силой.

Но то же самое дает Гелиос и умным богам, подчиненным, как и он, благу, чтобы управлять и руководить ими, если они не вступили в сосуществование с ним, — дабы, мне думается, благодатная причина, которая доводит блага и до всех умных богов, смогла бы подчинить все уму.

.....

Срединная природа Гелиоса

Под «срединным» мы понимаем не то, что находится, если рассматривать пару противоположностей, на равном расстоянии от крайних точек, подобно тому, как в красках — посредине светлое или серое, или теплое — между горячим и холодным и т. д. Нет, мы имеем в виду объединяющее срединное, то, что соединяет разрозненные элементы, как соединяет их своей «гармонией» Эмпедокл, полностью устраняя «борьбу» между ними.

Что же это такое, что он (Гелиос) соединяет и чему это «середина»? Осмелюсь утверждать: видимых и космических богов, нематериальных и умопостигаемых, тех, что окрест блага, ибо умопостигаемая и божественная полнота бытия преобразуется во многие виды — неявно и никак внешне не проявляясь.

То, что умопостигаемая и всесовершенная полнота бытия царя Гелиоса есть «середина» — не смесь крайних точек, но полновесная и несмешанная середина всех видимых и невидимых богов, и чувственных и умопостигаемых, я уже сообщал, говоря, какую «середину» я имею в виду. Но если бы мы проследили за всеми вещами по отдельности, то мы словесно проникли бы в средоточие его бытия, узнав, каким образом оно соотносится и с первичным и конечным звеном, а если не легко будет проникнуть во все, то попытаемся хотя бы указать на то, что можно.

Умное, будучи всецело единым, представляет собой постоянно предсуществующее, равномерно соединяя в себе все в одно. Что же из этого? Не является ли всецелый космос единой сущностью жизни, всецело пронизанной душой и умом — приведенный к совершенству благодаря своим совершенным частям? Над этим однородным

Ἐν παντελῶς τὸ νοητὸν αἰεὶ προϋπάρχον, τὰ δὲ πάντα ὁμοῦ συνειληφὸς ἐν τῷ ἐνί. τί δέ; οὐχὶ καὶ ὁ σύμπας κόσμος ἐν ἑστὶ ζῶον ὅλον δι' ὅλου ψυχῆς καὶ νοῦ πλήρες, τέλειον ἐκ μερῶν τελείων; ταύτης οὖν τῆς διπλῆς ἐνοειδοῦς τελειότητος· φημί δὲ τῆς ἐν τῷ νοητῷ πάντα ἐν ἐνὶ συνεχοῦσης, καὶ τῆς περὶ τὸν κόσμον εἰς μίαν καὶ τὴν αὐτὴν φύσιν τελείαν συναγομένης ἐνώσεως· ἡ τοῦ βασιλέως Ἡλίου μέση τελειότης ἐνοειδής ἐστίν, ἐν τοῖς νοεροῖς ἰδρυμένη θεοῖς ...

... ῥητέον οὖν

ὥς ἐξ ἐνὸς μὲν προήλθε τοῦ θεοῦ

εἰς ἅπ' ἐνὸς τοῦ νοητοῦ κόσμου

βασιλεὺς Ἡλός, τῶν νοερῶν θεῶν μέσος

ἐν μέσοις τεταγμένος κατὰ

παντοίαν μεσότητα, τὴν ὁμόφρονα καὶ φίλην

καὶ τὰ διεστώτα συνάγουσαν,

εἰς ἔνωσιν ἁγῶν

τὰ τελευταῖα τοῖς πρώτοις,

τελειότητος καὶ συνοχῆς

καὶ γονίμου ζωῆς καὶ τῆς ἐνοειδοῦς οὐσίας

τὰ μέσα ἔχων ἐν ἑαυτῷ,

τῷ αἰσθητῷ κόσμῳ

παντοίων ἀγαθῶν προηγούμενος,

οὐ μόνον δι' ἧς αὐτὸς αὐγῆς

περιλάμπει

κοσμῶν καὶ φαιδρύνων,

ἀλλὰ καὶ τὴν οὐσίαν τῶν ἡλιακῶν ἀγγέλων

ἑαυτῷ συνυποστήσας

καὶ τὴν ἀγέννητον αἰτίαν τῶν γινομένων περιέχων, ἔτι τε πρὸ ταύτης

τῶν αἰδίων σωμάτων τὴν ἀγήρω καὶ μόνιμον

τῆς ζωῆς αἰτίαν.

... τελειότεροις δ' εἰ βούλει περὶ τῶν αὐτῶν καὶ μυστικωτέροις λόγοις ἐπιστῆσαι, ἐντυχὼν τοῖς παρὰ τοῦ θεοῦ γενομένοις Ἰαμβλίχου περὶ τῶν αὐτῶν τούτων συγγράμμασι τὸ τέλος ἐκεῖσε τῆς ἀνθρωπίνης εὐρήσεις σοφίας. δοίη δ' ὁ μέγας Ἡλὸς μηδὲν ἑλαττόν με τὰ περὶ αὐτοῦ γινώσκειν, καὶ διδάσκειν κοινῇ τε ἅπαντας, ἰδίᾳ δὲ τοὺς μανθάνειν ἀξίους. ἕως δέ μοι τοῦτο δίδωσιν ὁ θεός, κοινῇ θεραπεύωμεν τὸν τῷ θεῷ φίλον Ἰαμβλίχον, ὅθεν καὶ νῦν ὀλίγα ἐκ πολλῶν ἐπὶ νοῦν ἐλθόντα διεληλύθαμεν ...

двойным совершенством — я говорю о соединении, которое, с одной стороны, в умопостигаемом заключает все в одно, а с другой — доводит космические явления до одних и тех же зрелых природ — срединность царя Гелиоса представляет собой однородное совершенство, установленное среди умопостигаемых богов...

Выводы

...Пусть же будет сказано, что царь Гелиос произошел от единого божества — как единое от единого — от умопостигаемого мира и посредников умных богов (*meson*), будучи расположен в их середине по отношению к всеогласующему и дружественному посредничеству, соединяющему разрозненное, приводя последнее к соединению первым и имея в самом себе посредников (*mesa*) совершенства, и взаимосвязанности, и торжества жизни, и однородности сущности, ниспосылая в чувственный мир блага всякого рода: и не только сиянием света, коим, украшающим и сверкающим, освещает он его, но и тем, что дал солнцеподобным ангельским существам сосуществовать с собою; он превращает неосуществленную причину в осуществленную, а прежде того — нестареющую и неотъемлемую причину жизни в пребывающие (на своем месте) тела (небесные и т. д.).

Заключение

...Но если ты, пожелав возразить, выступишь с более совершенным и мистическим учением об этом, опираясь в таковом на сочинения, созданные божественным *Ямвлихом*, то обретишь полноту человеческой премудрости. Пусть же даст и мне великий Гелиос знать о нем не менее, дабы и я мог публично обучать всех, в отдельности же — тех, кто достоин учиться. Покуда бог дает мне это, давайте же повсюду чтить друга божьего *Ямвлиха*, источника того малого, что нам стало теперь известно о многих вещах, над которыми мы задумались.

Из «Против галилеян»

Из большого сочинения Юлиана, направленного против «галилеян» (уничжительное наименование, последовательно употребляемое им вместо «хрис-

Καλῶς ἔχειν ἔμοιγε φαίνεται τὰς αἰτίας ἐκθέσθαι πᾶσιν ἀνθρώποις, ὅφ' ὧν ἐπείσθην ὅτι τῶν Γαλιλαίων ἡ σκευωρία πλάσμα ἐστὶν ἀνθρώπων ὑπὸ κακουργίας συντεθέν. ἔχουσα μὲν οὐδὲν θεῖον, ἀποχρησαμένη δὲ τῷ φιλομύθῳ καὶ παιδαριώδει καὶ ἀνοήτῳ τῆς ψυχῆς μορίῳ, τὴν τερατολογίαν εἰς πίστιν ἤγαγεν ἀληθείας. Μέλλων δὲ ὑπὲρ τῶν πρώτων λεγομένων δογμάτων ἀπάντων ποιεῖσθαι τὸν λόγον ...

... Τὸν γοῦν Ἰησοῦν οὔτε Παῦλος ἐτόλμησεν εἰπεῖν θεὸν οὔτε Ματθαῖος οὔτε Λουκᾶς οὔτε Μάρκος. ἀλλ' ὁ χρηστὸς Ἰωάννης, αἰσθόμενος ἤδη πολὺ πληθὸς ἐαλωκὸς ἐν πολλαῖς τῶν Ἑλληνίδων καὶ Ἰταλιωτίδων πόλεων ὑπὸ ταύτης τῆς νόσου, ἀκούων δέ, οἶμαι, καὶ τὰ μνήματα Πέτρου καὶ Παύλου λάθρᾳ μὲν, ἀκούων δὲ ὁμῶς αὐτὰ θεραπευόμενα πρῶτος ἐτόλμησεν εἰπεῖν. μικρὰ δὲ εἰπὼν περὶ Ἰωάννου τοῦ βαπτιστοῦ, πάλιν ἐπανάγων ἐπὶ τὸν ὑπ' αὐτοῦ κηρυττόμενον λόγον “Καὶ ὁ λόγος” φησὶ “σὰρξ ἐγένετο καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν,” τὸ δὲ ὅπως οὐ λέγει αἰσχυρόμενος. οὐδαμοῦ δὲ αὐτὸν οὔτε Ἰησοῦν οὔτε Χριστόν, ἄχρις οὐ θεὸν καὶ λόγον ἀποκαλεῖ, κλέπτων δὲ ὥσπερ ἡρέμα καὶ λάθρᾳ τὰς ἀκοὰς ἡμῶν, Ἰωάννην φησὶ τὸν βαπτιστὴν ὑπὲρ Χριστοῦ Ἰησοῦ ταύτην ἐκθέσθαι τὴν μαρτυρίαν, ὅτι ἄρ' οὗτός ἐστιν, ὃν χρὴ πεπιστευκέναι θεὸν εἶναι λόγον. ἀλλ' ὅτι

μὲν τοῦτο περὶ Ἰησοῦ Χριστοῦ φησιν Ἰωάννης, οὐδὲ αὐτὸς ἀντιλέγω. καίτοι δοκεῖ τισι τῶν δυσσεβῶν ἄλλον μὲν Ἰησοῦν εἶναι Χριστόν, ἄλλον δὲ τὸν ὑπὸ Ἰωάννου κηρυττόμενον λόγον. οὐ μὴν οὕτως ἔχει. ὃν γὰρ αὐτὸς εἶναι φησι θεὸν λόγον, τοῦτον ὑπὸ Ἰωάννου φησὶν ἐπιγνωσθῆναι τοῦ βαπτιστοῦ Χριστὸν Ἰησοῦν ὄντα.

σκοπεῖτε οὖν, ὅπως εὐλαβῶς, ἡρέμα καὶ λεληθότως ἐπεισάγει τῷ δράματι τὸν κολοφῶνα τῆς ἀσεβείας οὕτω τέ ἐστὶ πανουργος καὶ ἀπατεῶν, ὥστε αὐθις ἀναδύεται προστιθείς· “Θεὸν οὐδεὶς ἑώρακε πώποτε· ὁ μονογενὴς υἱός, ὁ ὢν ἐν τοῖς κόλποις τοῦ πατρὸς, ἐκεῖνος ἐξηγήσατο.” πότερον οὖν οὗτός ἐστιν ὁ θεὸς λόγος σὰρξ γεγόμενος, ὁ μονογενὴς υἱός, ὁ ὢν ἐν τοῖς κόλποις τοῦ πατρὸς; καὶ εἰ μὲν αὐτός, ὃν περ οἶμαι, ἐθεάσασθε δηπουθεν καὶ ὑμεῖς θεόν. “ἐσκήνωσε” γὰρ “ἐν ὑμῖν καὶ ἐθεάσασθε τὴν δόξαν αὐτοῦ.” τί οὖν ἐπιλέγεις, ὅτι θεὸν οὐδεὶς ἑώρακε πώποτε; ἐθεάσασθε γὰρ ὑμεῖς εἰ καὶ μὴ τὸν πατέρα θεόν, ἀλλὰ τὸν θεὸν λόγον. εἰ δὲ ἄλλος ἐστὶν ὁ μονογενὴς υἱός, ἕτερος δὲ ὁ θεὸς λόγος, ὥς ἐγὼ τινων ἀκήκοα τῆς ὑμετέρας αἰρέσεως, ἔοικεν οὐδὲ ὁ Ἰωάννης αὐτὸ τολμᾶν ἔτι.

Ἄλλὰ τοῦτο μὲν τὸ κακὸν ἔλαβε παρὰ Ἰωάννου τὴν ἀρχὴν ...

тиане»), сохранились лишь фрагменты. Оно стоит в одном ряду с неоплатоническими антихристианскими сочинениями Порфирия и Целсы (см. ч. 1).

Мне кажется справедливым представить всему миру причины, убедившие меня, что хитроумные построения галилеян есть продукт человеческого зломыслия и ничто иное. В их учении нет ничего божественного, но апеллируя к таинственным, младенческим и невежественным уголкам души, это учение заставляет людей принимать суеверие за истину. Начну с их так называемых «догматов»...

(Из последующего отрывка следует, что особое негодование вызывает у него богословие Иоанна.)

...Ни Павел, ни Матфей, ни Лука, ни Марк не осмеливались называть Иисуса «Богом». Но дерзкий Иоанн, который уже осознал, что многие люди в греческих и римских городах охвачены этой заразой, и который также, как я полагаю, слышал, что могилы Петра и Павла, хотя и скрытно, но все же сделались объектом поклонения, был первым, кто отважился выговорить это. Сначала сказав немного о Иоанне Крестителе, а затем ссылаясь на проповедуемое им самим Слово, он сказал: «И Слово стало плотью и обитало с нами», но говорить, как именно, ему было неловко. Нигде не именует он Его «Иисус» или «Христос», пока называет «Богом» или «Словом», но, как бы потихоньку и незаметно усыпив наш слух, он говорит, что Иоанн Креститель оставил свидетельство, следуя которому надобно верить, будто этот человек и есть Бог Слово. То, что Иоанн (Креститель) утверждал это об Иисусе Христе, лично у меня не вызывает возражений. Хотя некоторые, будучи вскормлены суевериями, придерживаются тех представлений, что Иисус Христос — одно, а проповеданное Иоанном Слово — другое. Это вовсе не так. Ведь Тот, Кто, как он сам говорит, есть Бог Слово, Он же — продолжает он — был признан Иоанном Крестителем как Иисус Христос.

Итак, замечьте, как осторожно, неявно и туманно доводит он до кульминации драму безбожия, но он столь хитер и лжив, что выныривает опять и добавляет: «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (*Ин. 1, 18*). Так как же, стал ли именно Бог Слово плотью? Единородный Сын, сущий в недре Отчем? И если это Он, как я полагаю, то вы и вправду видели Бога. Ведь Он же «обитал с вами», и вы видели «славу Его»! Почему же вы добавляете слова, что никто никогда не видел Бога? Ведь как раз вы и видели — и если не Бога Отца, то Бога Слово. Но если Единородный Сын — это кто-то иной, нежели Бог Слово, как я слышал от некоторых из ваших еретиков, тогда, кажется, даже Иоанн не посмел бы добавить такие слова.

Нет, это зло берет свое начало от Иоанна...

7. Изречения отцов-пустынников

Сборник текстов под названием *Aporhthegmata patrum* («Изречения отцов») был записан в Египте, по всей вероятности, между 350 и 450 гг., но относится ко времени массового бегства в пустыню с сопутствующим этому созданию монастырей, которое последовало за приходом туда Антония Великого в 285 г. (после начала в 284 г. преследований христиан Диоклетиана).

На коптском языке

ⲁⲓⲓ ⲡⲉⲟⲩⲟⲉⲓⲱ ⲡⲓⲟⲩⲗⲓⲁⲛⲟⲥ ⲡⲁⲥⲉⲃⲛⲥ ⲡⲧⲉⲣⲉⲥⲃⲱⲕ ⲉⲧⲡⲉⲣⲥⲓⲥ
ⲁⲧⲧⲡⲛⲟⲟⲩ ⲡⲟⲩⲁⲓⲙⲱⲛ ⲉⲙⲙⲁⲡⲓⲱⲧⲧⲓ ⲉⲧⲣⲉⲥⲉⲓⲛⲉ ⲛⲁⲥ ⲁⲓⲓ ⲟⲩⲱⲡ
ⲉⲛⲱⲡ ⲡⲓⲡⲟⲩⲱ ⲡⲧⲉⲣⲉ ⲡⲁⲓⲙⲱⲛ ⲁⲉ ⲡⲱⲉ ⲉⲓⲡⲙⲁ ⲉⲥⲱⲟⲟⲡ ⲛ ⲁⲛⲧⲟⲩ
ⲡⲉⲓ ⲟⲩⲙⲟⲛⲁⲭⲟⲥ ⲁⲥⲱ ⲡⲙⲁⲩ ⲡⲙⲛⲧ ⲡⲓⲟⲟⲩ ⲡⲡⲉⲥⲕⲓⲙ ⲙ ⲡⲉⲥⲱⲡⲟⲙ
ⲉⲙⲟⲱⲉ ⲉⲑⲛ ⲉⲃⲟⲗⲁⲉ ⲡⲡⲉ ⲡⲙⲟⲛⲁⲭⲟⲥ ⲕⲁⲧⲟⲟⲧⲓ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲥⲱⲗⲛⲗ ⲟⲩⲁⲉ
ⲡⲉⲓⲟⲟⲩ ⲟⲩⲁⲉ ⲧⲉⲩⲱⲛ ⲁⲩⲱ ⲁⲕⲧⲟⲩ ⲡⲉⲓ ⲡⲁⲓⲙⲱⲛ ⲱⲁ
ⲡⲉⲛⲧⲁⲕⲧⲡⲛⲟⲟⲩⲥ ⲡⲡⲉⲥⲉⲓⲣⲉ ⲡⲗⲁⲁⲩ ⲡⲓⲱⲃ ⲁⲕⲁⲟⲟⲥ ⲁⲉ ⲛⲁⲥ ⲁⲉ
ⲉⲧⲃⲉⲟⲩ ⲁⲕⲱⲉ ⲁⲕⲟⲩⲱⲱⲃ ⲛⲁⲥ ⲡⲉⲓ ⲡⲁⲓⲙⲱⲛ ⲁⲉ ⲁⲓⲱⲥⲕ ⲁⲩⲱ ⲡⲡⲓⲣ
ⲗⲁⲁⲩ ⲡⲓⲱⲃ ⲁⲓⲣ ⲙⲛⲧ ⲕⲁⲣ ⲛ ⲓⲟⲩ ⲉⲓⲁⲉⲣⲁⲧ ⲉⲓⲣⲟⲉⲓⲥ ⲁⲉ ⲉⲣⲉ
ⲡⲟⲩⲡⲗⲓⲟⲥ ⲡⲙⲟⲛⲁⲭⲟⲥ ⲛⲁⲕⲁⲧⲟⲟⲧⲓ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲥⲱⲗⲛⲗ ⲡⲡⲁⲱ ⲡⲛⲁⲩ ⲁⲉ
ⲉⲓⲛⲁⲡⲁⲣⲁⲕⲉ ⲁⲩⲱ ⲡⲡⲉⲥⲕⲁⲧⲟⲟⲧⲓ ⲉⲃⲟⲗ ⲁⲩⲱ ⲁⲩⲥⲱⲱⲧ
ⲉⲧⲡⲧⲣⲁⲡⲁⲣⲁⲕⲉ ⲁⲩⲱ ⲁⲓⲕⲧⲟⲓ ⲉⲓⲟⲩⲟⲥⲓ ⲧⲟⲧⲉ ⲁⲕⲁⲛⲁⲕⲧⲉⲓ ⲡⲉⲓ
ⲡⲁⲥⲉⲃⲛⲥ ⲓⲟⲩⲗⲓⲁⲛⲟⲥ ⲉⲕⲁⲱ ⲡⲙⲟⲥ ⲁⲉ ⲉⲓⲱⲁⲛⲕⲧⲟⲓ ⲧⲛⲁⲣ ⲡⲁⲉⲁⲡ
ⲛⲡⲙⲁⲥ ⲁⲩⲱ ⲡⲡⲓⲟⲩⲛ ⲡⲓⲡⲕⲟⲩⲓ ⲡⲓⲟⲟⲩ ⲁⲩⲕⲟⲛⲥⲓ ⲁⲕⲙⲟⲩ ⲓⲧⲧⲛ ⲧⲙⲛ
ⲧⲕⲁⲓⲣⲟⲟⲩⲱ ⲡⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲁⲩⲱ ⲡⲧⲉⲩⲛⲟⲩ ⲁ ⲟⲩⲁ ⲁⲓⲓ ⲛⲉⲡⲁⲣⲭⲟⲥ ⲉⲧⲛⲡⲙⲁⲥ
ⲁⲕⲃⲱⲕ ⲁⲕⲃⲱⲕ ⲁⲕⲧ ⲉⲃⲟⲗ ⲡⲡⲕⲁ ⲛⲓⲙ ⲉⲧⲉⲟⲩⲛⲧⲁⲕⲥⲟⲩ ⲁⲕⲧⲁⲁⲩ
ⲡⲡⲓⲛⲕⲉ ⲁⲕⲉⲓ ⲱⲁ ⲡⲓⲗⲗⲟ ⲁⲕⲱⲱⲡⲉ ⲡⲙⲟⲛⲁⲭⲟⲥ ⲓⲁⲉⲧⲛⲕ

ⲁⲕⲁⲟⲟⲥ ⲡⲉⲓ ⲁⲡⲁ ⲁⲟⲩⲗⲟⲥ ⲡⲙⲁⲑⲛⲧⲛⲥ ⲡⲁⲡⲁ ⲃⲛⲥⲁⲣⲓⲟⲛ ⲁⲉ
ⲉⲛⲙⲟⲱⲉ ⲓⲁⲉⲧⲧⲛ ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ ⲁⲩⲱ ⲁⲓⲉⲓⲃⲉ ⲁⲓⲁⲟⲟⲥ ⲡⲁⲡⲁ ⲃⲛⲥⲁⲣⲓⲟⲛ
ⲁⲉ ⲡⲁⲉⲓⲱⲧ ⲧⲟⲃⲉ ⲧⲟⲛⲟⲩ · ⲡⲓⲗⲗⲟ ⲁⲉ ⲁⲕⲱⲗⲛⲗ ⲡⲉⲁⲕ ⲛⲁⲓ ⲁⲉ ⲥⲱ
ⲛⲁⲕ ⲁⲓⲓ ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ ⲁⲩⲱ ⲡⲙⲟⲟⲩ ⲓⲟⲗⲉ · ⲁⲛⲟⲕ ⲁⲉ ⲁⲓⲥⲱ ⲁⲩⲱ ⲁⲓⲧ
ⲡⲟⲩⲱⲛⲙ ⲡⲙⲟⲟⲩ ⲉⲡⲁⲁⲕⲕⲛⲛ ⲉⲧⲡⲧⲟⲟⲧ ⲉⲓⲁⲱ ⲡⲙⲟⲥ ⲁⲉ ⲙⲛⲡⲟⲧⲉ
ⲧⲁⲉⲓⲃⲉ ⲟⲛ · ⲡⲓⲗⲗⲟ ⲁⲉ ⲡⲧⲉⲣⲉⲕⲛⲁⲩ ⲡⲉⲁⲕ ⲛⲁⲓ ⲁⲉ ⲉⲧⲃⲉⲟⲩ ⲁⲕⲙⲉⲓ
ⲙⲟⲟⲩ · ⲡⲉⲁⲁⲓ ⲁⲉ ⲕⲱ ⲛⲁⲓ ⲉⲃⲟⲗ ⲁⲉ ⲙⲛⲡⲟⲧⲉ ⲧⲁⲉⲓⲃⲉ ⲡⲡⲉⲓⲥⲁ · ⲡⲉⲁⲉ
ⲡⲓⲗⲗⲟ ⲛⲁⲓ ⲁⲉ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲡⲡⲉⲓⲙⲁ ⲡⲧⲟⲕ ⲟⲛ ⲡⲉ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲡⲡⲉⲓⲥⲁ ·

ном). К 400 гг., вероятно, около миллиона человек прельстилось пустынно-жизельством с его строгой аскезой.

Тексты частью представлены на коптском языке, частью — на греческом. Здесь — образцы того и другого.

Когда Юлиан Нечестивый (Отступник) пошел в Персию, он послал одного демона на Запад, чтобы тот принес ему срочно вести. Когда же демон достиг мест, в которых был один монах, он оставался там десять дней, не двигался и не мог идти вперед, потому что монах ни днем, ни ночью не переставал молиться. Возвратился демон к тому, кто его послал, не сделав никакого дела. Юлиан сказал ему: «Почему ты задержался?» Ответил ему демон: «Я задержался и не сделал никакого дела, ибо я провел десять дней, сидя и сторожа, когда Публий-монах перестанет молиться, чтобы мне пройти, и возвратился, ничего не сделав». Тогда вознегодовал Нечестивый Юлиан, говоря: «Когда я вернусь, свершу мой суд над ним!» Но через несколько дней его закололи, он умер попечением Бога, и тотчас один из епархов, что был с ним, пошел, продал все вещи, которые были у него, раздал их бедным, пришел к тому старцу и стал у него монахом.

Говорил апа Дул, ученик апы Виссариона: Когда мы шли у моря, я почувствовал жажду и сказал апе Виссариону: «Мой отец, я очень хочу пить». Старец же помолился и сказал мне: «Пей себе из моря». И вода стала сладкой (т. е. пресной). Я напился и взял немного воды в сосуд, который был в моей руке, говоря (себе): «Может быть, я захочу пить снова». Старец же, увидев это, сказал мне: «Зачем ты набрал воды?» Сказал я: «Прости меня, но если мне захочется пить в другом месте?» Сказал старец мне: «Бог в этом месте, Он же Бог и в другом месте».

Говорили еще об апе Макарии, что однажды в пустыне он нашел череп. Он тронул его своим посохом и заговорил. Сказал ему старец: «Ты кто?» Сказал тот ему: «Я жрец эллинов, которые были в этом месте, а ты Макарий Духоносец. Во всякое время, когда ты жалеешь тех, кто в муках, бывает им немного покоя». Сказал апа Макарий ему: «Какой это покой?» Сказал он: «Как небо отдалено от земли,

αὐτοὺς⁽²⁾ ὅν ἐτβηντῷ ἀπα μακαρίος καὶ ἐνμοῶσε ἡγορεῖω
 2ῃ τερνμος ἀχβине ἡοῦκρανιον ἀκίμ ἐροχ ἡτεχ2ῖβωτ ἀχωααε
 . πεκαε π2λλο ναχ καὶ ἡτῖ nim πεκα4χ ναχ καὶ ἀνοκ πε
 παρχιερεῦς ἡἡ2λλην ἡταγωωπε ἡπειμα ἀγω ἡτοκ πε μακαρίος
 πεἡἡ2τοφορος ναγ nim ἐωακωἡ2τηκ 2α net2ῃ ἡκολασις
 ωαγωωπε 2ῃ οὔκοι ἡαναπαγσις . πεκαε ἀπα μακαρίος ναχ καὶ
 αω τε тапапаγсиς . нека4 ка ἡοε етере тпе оуны евол
 ἡпка2 таи те ое етере пкω2т сапесчт ἡмон агω 2итне ἡмон
 ена2ераτῃ 2ῃ тмте ἡнкω2т мἡ6ом етре оγ2α наγ еп2о
 ἡпет2итоγω4 αλλα οὔκοι ἐκκτηγ [CDB p.272a] ε2оγн еγсои
 ἡпнаγ δε ἐωακωαηλ εαωн 2ῃ оγмерос ωаре поγ2α поγ2α наγ
 еп2о ἡпет2итоγω4 . а π2λλο сωтῃ πεка4χ καὶ οὔκοι ἡπε2ооγ
 ἡтаγ2πε прωме ἡ2птῷ еωкае паи пе пἡтoн ἡἡκολасиς . πεκαε
 π2λλο нач каὶ мἡ 6е каcанос еγ2ооγ етаи . πεκαε πεκρανιον
 нач каὶ ἡпо6 ἡβасанос еγсапесчт ἡмон . πεκαε π2λλο нач каὶ
 nim петἡ2нтоγ πεка4χ нач каὶ ἀнон мпенсоуен пноуте ωαγна
 нан ἡоγкоуи нентаγсоуен пноуте агарна ммоч ἡпоγeире
 ἡпечоγωω ce2ипесчт ἡмон . мἡἡса наи а π2λλο чи ἡпекранιον
 ачωике 2ῃ пка2 ачка4ч ачвωк .

αὐτοὺς ἡ6и ἀπα δογλос καὶ ἐνμοῶσε ἡογ6оп 2ῃ π2αи
 ἀноκ мἡ паеиωт вhcарion ἀνει εαἡ οὔ6πγλαион агω аNBωк
 ε2оγн аn6ἡ псон еγ2моос ечep2ωв еγннвте агω м пeч4и
 ἡпеч2о е2раи е6ωωт ерон оγ2е ἡпечῖроγω нан πεкаε м2λλο наи
 каὶ марон евол аpнγ ἡпсон тнт ἡ2нт аn еω2ае нἡмаn аnei
 де евол2ῃ пма етἡмаγ аnмооωе е61ооγт етpeNBωк ω2а апа
 iω2аnnнc агω 2м тптенкто наnei он еαἡ пeспγлаион
 етἡмаγ пма ἡтапnaγ епсон n 2нтῷ агω πεкаε π2λλо каὶ
 марон ε2оγн ωароч аpнγ а пноуте тет пeч2нт етpeчω2ае
 нἡмаn агω n тepeNBωк ε2оγн аn2е еро4 е24аωк евол агω
 peкаε π2λ lo наи каὶ амоγ пасон ἡтἡωλ ἡпечсωма ἡта пноуте
 γар тἡнооγн епeиma етbe паи еncовте ἡмо4 екоосῷ аn6ἡтс
 еγс2ime те 2ἡтесфγсиς π2λλо де ачῖωпнpe πεка4χ каὶ n
 ke2ioме агмиωе ἡn мcатаnас агтаγоч епесчт 2и п2аie 2итἡ
 т6ом ἡпестаγpос агω анон 2ωωн 2ῃ ἡποлic тn аcхγмωnei
 агω аnтeооγ ἡпноуте пeтo ἡнаωте ἡоγон nim етme ἡмо4
 агω аNBωк евол2ῃ пма етἡмаγ

таким же образом огонь под нами и над нами, причем мы стоим между тем и другим, и невозможно, чтобы один видел лицо своего соседа, но спина обращена к спине. Во время же, когда ты молишься за нас, каждый видит частично лицо своего соседа». Старец услышал и сказал: «Горе дню, в который родился человек, если это является покоем от мук!» Сказал старец ему: «Нет ли муки хуже этой?» Сказал череп ему: «Великие муки ниже нас». Сказал старец ему: «Кто в них?» Сказал он ему: «Мы не знали Бога, и потому Он проявил мало милосердия к нам, (а) те, кто знали Бога, и отрекся от Него, и не выполнял Его воли, они ниже нас». После этого старец взял череп, закопал его в землю, оставил его и ушел.

Говорил апа Дул: Мы пошли однажды в пустыню, я и мой отец Виссарион. Мы пришли к одной пещере и вошли внутрь, и нашли (там) брата сидящего, плетущего веревку. Он не поднял своего лица взглянуть на нас, и не ответил нам. Сказал старец мне: «Выйдем, может быть, брат не расположен говорить с нами». Мы вышли из места того и пошли в Сиут, чтобы идти к апе Иоанну. И когда мы возвращались, пришли снова к той пещере, в которой видели брата. И сказал старец: «Войдем к нему, может быть, Бог расположил его сердце говорить с нами». И когда мы вошли, мы нашли его скончавшимся. Сказал старец мне: «Пойдем, мой брат, и возьмем его тело, ибо Бог послал нас сюда ради этого». Готовя же его похоронить, мы обнаружили, что это женщина по природе. Старец подивился и сказал: «И женщины боролись с сатаной и повергали его в пустыне силой креста, а мы (и) в городах ведем себя недостойно». И мы воздали славу Богу, Который укрепляет всякого, кто любит Его, и ушли из того места.

Пер. А. И. Еланской

На греческом языке

1. Ἡρωτήθη γέρων ποῖον δεῖ εἶναι τὸν μοναχόν; καὶ εἶπεν· Ἐὰν ὡς κατ' ἐμὲ μόνος πρὸς μόνον.¹⁾
2. Ἡρωτήθη γέρων· τί δεῖ ποιῶντας σωθῆναι; Ἦν δὲ σειρὰν ἐργαζόμενος καὶ μὴ ἀνανεύων ἐκ τοῦ ἔργου, καὶ ἀπεκρίθη· Ἴδού βλέπεις.
3. Ἡρωτήθη γέρων· Τί ἐστὶν τὸ ἔργον τοῦ μοναχοῦ; Καὶ ἀπεκρίθη· Διάκρισις.
4. Ἔλεγον οἱ γέροντες· Ἐσοπτρόν ἐστι τοῦ μοναχοῦ ἡ εὐχή.
5. Ἔλεγον οἱ γέροντες· Στέφανός ἐστι τοῦ μοναχοῦ ἡ ταπεινοφροσύνη.
6. Ἔλεγον οἱ γέροντες ὅτι ἡ ψυχὴ πηγὴ ἐστὶν, ἐὰν ὁρύξης καθαρίζεται, ἐὰν δὲ προσχώσης ἀφανίζεται.
7. Εἶπεν γέρων· Ἐὰν μοναχὸς ὅτε ἵσταται εἰς προσευχὴν, τότε μόνον εὐχεται, ὁ τοιοῦτος ὅλως οὐκ εὐχεται.
8. Εἶπεν γέρων· Οὐαὶ ἀνθρώπῳ ὅταν τὸ ὄνομα μεῖζόν ἐστι τῆς ἐργασίας αὐτοῦ.
9. Εἶπεν γέρων· Τὸ εἰς πάντα ἑαυτὸν βιάζεσθαι αὕτη ἐστὶν ἡ ὁδὸς τοῦ θεοῦ.
10. Εἶπεν γέρων· Ταῦτα ζητεῖ ὁ θεὸς παρὰ τοῦ ἀνθρώπου, τὸν νοῦν καὶ τὸν λόγον καὶ τὴν πρᾶξιν.

1. Старца спросили: «Как должен жить монах?» И он сказал: «По моему мнению: один перед Единым».

2. Одного старца спросили: «Что следует делать, дабы спастись?» Тот сидел и плел веревку и, не поднимая глаз от работы, ответил: «Вот, видишь».

3. Одного старца спросили: «Каково дело монаха?» Он ответил: «Различение».

4. Старцы говорили: «Молитва — зеркало монаха».

5. Старцы говорили: «Смирение — венец монаха».

6. Старцы говорили: «Душа — колодец: если копаешь, очищается; засыпаешь — исчезает».

7. Старец сказал: «Если монах молится лишь когда стоит на молитве, то он не молится вовсе».

8. Старец сказал: «Увы человеку, когда слава его больше его дел».

9. Старец сказал: «Во всем с собой бороться — вот Божий путь».

10. Старец сказал: «Вот чего Бог требует от человека — ума, слова и дела».

8. Прокл из Афин (411–485)

О Прокле см. ч. 1. Его комментарии к Платонову «Пармениду» составляют основу и восточного, и западного средневекового платонизма, особенно ярко выраженного у Николая Кузанского (ч. 1), снабдившего свой (латинский) экземпляр многочисленными заметками на полях. Заключительная часть, из конца которой и взят этот отрывок, был обнаружен в библиотеке

Платоново безмолвие перед Единым. Принцип противоречия (Комментарий к Пармениду. 142e7–142a9)

Que itaque unius abnegationes, non sunt circa unum. Nichil enim totaliter illi adest, neque ut species, neque ut privatio; sed sicut dicebamus quod nomen hoc, scilicet „unum“, est eius qui in nobis conceptus, sed non ipsius unius: sic utique dicimus, quod et abnegatio circa hunc est, circa illud autem unum nulla est dictarum abnegativarum conclusionum; sed exaltatum est propter simplicitatem ab omni oppositione et omni negatione.

Merito ergo in fine apposuit quod abnegationes he non sunt circa unum. Aliud enim est esse de uno et aliud esse circa unum. Et enim sermo circa unum quidem non est; indeterminabile enim est; de uno autem est, ipsum hoc dicentibus nobis quod indicibile. Quare et dicte abnegationes non sunt circa unum, sed de uno. Neque ergo hiis que intelligentialium neque hiis que sensibilibus abnegationibus nichil ipse assimilantur. He quidem enim circa hec illa sunt quorum utique et sunt abnegationes, he autem nullatenus sunt circa unum.

Merito ergo ultimo et ipsas abnegationes removit ab uno, impossibile dicens has esse circa unum indicibile et incognoscibile existens. Et non mireris, si ubique honorans axiomata Plato hic simul mentiri dicit et affirmationes et negationes in uno. In rebus enim dicibilibus dividunt verum et falsum; ubi autem nullus est sermo, qualis affirmatio congruet utique tali? Et michi videtur et non admittens post ipsum unum quod supra intellectum, eo quod contradictionis axiome omnino persuasus. Videns autem indicibile illud et ineloquibile apparens, stare usque ad intellectualem causam et intellectum, supra autem intellectum non iam valere principium contradictionis affirmavit.

Et hoc est quo a Platone differt demonius Aristoteles; videtur enim supraintellectualem cognitionem quidem non admittens, totorum causam intellectum autem ponens, providentiam interimere (hoc enim erat eius que

Кузанского в 1920-е гг. В нем говорится о самом последнем пассаже в первой гипотезе диалога «Парменид», где отрицание Единого достигает своей вершины, выражаясь в отказе от бытия, наименования и познаваемости. Латинский перевод был сделан Вильгельмом Мёрбеке.

...Итак, отрицания Единого не имеют отношения к Единому. Ведь ничто вообще не может быть свойственно Ему — ни всецело, ни в частности. Но подобно тому, как мы сказали, что это имя — «Единое» — есть название Его понятия в нас, а не само понятие Единого, так же говорим, что и отрицание касается этого понятия (в нас) и что ни одно из выдвинутых возражений не касается Единого, ибо по причине своей простоты оно выше любого отрицания.

Поэтому он (т. е. Платон) справедливо добавляет под конец, что эти отрицания не прикасаются к Единому. Ибо одно — быть «от» (de) Единого, а другое — быть «при» (circa). И речь, конечно же, не прикасается к чему-то в Едином, ибо Единое неразделимо. Но она все же «о» Едином, а именно о том, что, как мы говорим: оно «несказуемо». Поэтому и приведенные отрицания не «при» Едином, но «о» Нем. Таким образом, они совершенно непохожи на те отрицания, которые возникают в области умопостигаемого или чувственного. Ибо те «при» том, что они отрицают, приведенные же — никоим образом не «при» Едином...

Потому в конце концов он по праву удаляет от Единого и сами отрицания, говоря, что невозможно, чтобы они касались чего-то в Едином, которое несказуемо и непознаваемо. И не странно ли, что Платон, уважавший аксиомы наличия противоречий во всем остальном, здесь заявляет, что применительно к Единому и утверждения и отрицания равно ложны. Ведь истинное и ложное разделяются именно в области высказываемого, а разве может какое-то утверждение соответствовать (отрицанию) там, где ничего не высказывается? И по моему, он, будучи убежденным в наличии противоречий вообще, не допускает чего-то подобного в том, что следует за сверхумопостигаемым Единым. Но считая таковое Единое несказуемым и невыразимым, он утверждает, что принцип противоречия действует применительно к умопостигаемым причинам и разуму, но не действует относительно того, что *превыше* разума. И это та точка, в которой демонический Аристотель расходится с Платоном. Она именно в том, что он

supra intellectum unitiatis proprium, neque considerare secundum quod intellectus); providentiam autem, auferens et factionem interimere (nam le providere non potens nulli sterile est); factionem autem respuens non admittere ydearum hypothesim secundum quas facit faciens; et ut non omnia dinumerem, totum consequenter dialogum tollere.

Paternalem philosophiam novis dogmatibus introducere, ut igitur hoc non patiamur, contradictionem in indicibili quidem simul falsam esse dicendum, in solis autem dicibilibus dividere verum et falsum, converficari autem nullatenus in nulla rerum.

Propter omnia itaque hec videtur michi ultimo et abnegationes auferre ab uno. Ad ea quidem enim que velut preianualia unius deducet utique nos que per abnegationes hec tota dialectica methodus, auferens omnia inferiora et per ablationem solvens impedimenta speculationis illius, si possibile dicere. Post pertransitum autem per omnia seponere oportet et hanc tamquam valde negotiosam et coattrahentem abnegatorum conceptum, cum quibus non est illi adiacere. Neque enim intellectum est sincere videre preiacentem intelligentiam eorum que post ipsum, neque animam circumdistractam a superinstantia eorum que post animam, neque totaliter cum superinstantia videre aliquid perfecte. Nam superinstantie sunt difficultatem patientis speculationis, propter quod et natura anepistatos, id est sine superinstantia, facit que facit, et scientia dicit que dicit. Tunc autem superinstat, quando dubitat solum et deficit secundum quod est scientia.

Sicut igitur in hiis oportet operationem purgari a superinstantia, quamvis per superinstantias perfectam, secundum hec utique et in hiis oportet purgari ab omni dialectica operatione. Preparatio enim est hec eius que in illud tensionis, sed non tensio; magis autem non hec solum, sed et tensio desinit. Finaliter autem concludentem animam coesse uni θεμντόν; et in ipsa facta solum et simpliciter una, anima eliget solum le simpliciter unum.

Ad hoc enim et Parmenides concludens multam hanc de ipso sermonum pertractationem videtur hanc ultimam fecisse interrogationem. Unde merito et Aristoteles coassequens ipsi ad indicibile ipsum e + + + dat nature entis.

Nam per negari et ipse removit omnes abnegationes. Silentio autem conclusit eam que de ipso theoriam.

не признает сверхумопостигаемого познания. Но помещая причину всех вещей в разум, он исключает предвидение (ибо оно — свойство сверхмысленного единства, а не мышления, присущего разуму); а отвергая предвидение, он исключает и созидание (ибо предвидеть, но не мочь — бесплодно), а отвергая созидание, он не принимает и идейную предпосылку, которой следует созидающий. Значит, чтобы не перечислять все: он (т. е. Аристотель) последовательно отвергает всякую диалектику.

Дабы не рисковать, объясняя философию отцов с помощью новых научных положений, будем считать оба противоречия в области неизреченного одновременно ложными; лишь в области высказанного они разделяются на истинное и ложное; и никак и ни в чем не могут быть те и другие разом истинными...

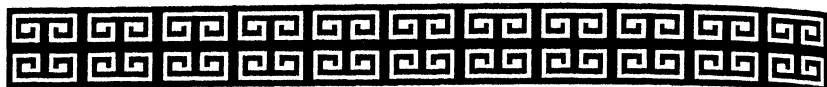
Мне кажется, что по всем этим причинам он (т. е. Платон) и убрал отрицания от Единого. Ибо весь этот диалектический метод путем отрицаний привел нас в конце концов как бы к пропилям Единого — отказу от всего более низкого и — при отказе — разложению того, что мешает его умосозерцанию (*speculatio*), если можно это *сказать*. Однако, преодолев все (отрицания), нужно отодвинуть в сторону как весьма затрудняющее и ограничивающее и это отрицательное понятие, с коим нельзя приблизиться к Единому.

Ведь разум не может непосредственно созерцать опережающее его понятие того, что происходит свыше (*post*) его, *над* ним, как не может и душа, отвлекаемая размышлениями, созерцать то, что выше ее. Вообще невозможно в совершенстве созерцать что-то путем размышлений. Ведь размышления означают умозрительную встречу с какой-то проблемой, почему природа и делает «невнимательно», т. е. не размышляя, то, что делает, и ум получает то, что получает, размышляя только *тогда*, когда он в сомнении и не может совладать с тем, что побудило его к размышлению.

И как в этих (более низких) отношениях следует очистить душу прежде, чем пуститься в размышления, хотя благодаря размышлениям она становится более совершенной, так же, как следствие из этого, и в (более высоких) отношениях должно происходить очищение перед всякой диалектической работой. Ибо это — подготовка к некоему притяжению к Нему, но не само притяжение. Более того: уже не будет не только ее, но и притяжения. И в конце концов душе дозволится *быть* с Единым. И, сделавшись единой, и единственной, и простой в себе самой, она выберет единое, и единственное, и простое Единое.

Кажется, имея в виду именно это, Парменид (диалоги), заключая пространное рассуждение о едином, ставит свой последний вопрос. Вот почему и Аристотель (диалоги), следуя за ним до самого неизреченного, по праву придает природе сущего... (*пропуск в оригинале*).

Ведь отрицая, он сам (т. е. Парменид) устранил все отрицания. Безмолвием закончил он свое размышление о Едином.

КАППАДОКИЙЦЫ (IV в.)

Каппадокия — дикая и труднодоступная горная страна на Анатолийском плоскогорье, к югу от Понта (Черного моря) и к западу от горы Арарат, не имевшая тогда ни собственной истории, ни собственной литературы, но в последующую христианскую эпоху прославившаяся своими пустынными горными пещерами и протяженными катакомбами, где во времена гонений могли найти убежище как отдельные люди, так и общины целых городов. В III в. христианство внесло в эту страну искру, от которой та вспыхнула, подобно сухой траве. Известно, что когда Григорий Чудотворец прибыл в эту страну в качестве новопоставленного епископа ее столицы, Новой Кесарии, он обнаружил там лишь четырех крещеных, но когда поколением позже он заканчивал свою проповедническую деятельность, там оставалось только четверо некрещеных. Его крестная дочь Макрина Старшая приобщила к христианской вере своего сына Василия и невестку Эммелию, двоих весьма состоятельных и влиятельных людей, которые доказали крепость своей веры во время гонений. В дальнейшем пятеро из их девяти детей были канонизированы. Двое из них умерли молодыми, но в живых оставались старшая сестра Макрина и старший брат Василий, а также Григорий (Нисский); к ним примкнули друг Василия, Григорий Назианзин, и его брат, врач Кесарий. Братья и сестра использовали доставшееся им наследство лишь на христианское служение, создав целые поселения для больных и из больных. Сами же они жили в крайней бедности.

Василий и его друг Григорий Назианзин в течение нескольких лет вместе учились в платоновской Академии в Афинах (которую в свое время посещал и Юлиан) и помышляли о светской карьере. Но сестра Макрина обратила Василия, а через него и Григория к богословским занятиям. Василий ушел к монахам-пустынникам в Палестину и Египет и столь рьяно предался аскезе, что если бы не вмешательство матери, умер бы там с голоду. В дальнейшем он избрал крайне суровый монашеский образ жизни; впрочем, те же монастырские правила, которыми руководствовался Василий, и поныне действуют в Православной Церкви. Он трудился над созданием общины

Святого Духа — в теории, в литургике и в богослужебной практике, а также — в не меньшей степени — с помощью обширной переписки. Его друг Григорий, напротив, был проповедником, хорошо владевшим риторикой; его яркая мысль и точные формулировки продолжали и впоследствии оказывать чрезвычайно сильное влияние и на вновь обращенных, и на уже имеющих опыт религиозной жизни. Традиция нарекла его почетным именем «Богослов», чего, помимо него, удостоились лишь Иоанн, автор Евангелия, и Симеон Новый Богослов. Очень одаренный литературно, Григорий Богослов руководствовался в своем творчестве классическими образцами. Первая автобиография, вышедшая из-под его пера, включала более двух тысяч стихотворных строк. В ней часто видят предшественницу «Исповеди» Августина.

Григорий Нисский был философским центром этого каппадокийского круга. Докапываясь до глубины, он приходил в своих сочинениях к христианско-платонистской мистике, сконцентрированной, по его мнению, в символике жених/брак Соломоновой «Песни Песней».

Старшую сестру Макрину он считал своей «учительницей», о чем, к сожалению, часто забывают. В возрасте 12 лет, после смерти своего избранника, Макрина выбрала безбрачие. Жизненной задачей для себя она считала организацию помощи больным. Для Григория, который сам был женат, ее жизнь служила примером. Чистая девственность, она была примером настоящей Христовой невесты. Ж. Даниелу (Jean Danielou), выдающийся знаток платонистской мистики Нисского, проводит духовно-историческую линию от Диотимы в «Пире» и Суламифи в Соломоновой «Песне Песней» до сестры Григория Макрины. В Новое время Ибсен был одним из немногих, кто понял истинное величие Макрины.

По сравнению с этими четырьмя брат Назианзин Кесарий оказался в тени. Он был выдающимся врачом и христианином, служившим при императорском дворе, но в философско-литературном отношении он известен только записями разговоров со своим братом. Тот факт, что именно он записал эти разговоры — между прочим, факт, признаваемый Фотием, — в настоящее время подвергается сомнению (Паули-Висова и др.), в основном потому, что Григорий Назианзин в посвященной ему надгробной речи ничего не говорит о сочинениях, написанных братом.

9. Василий Великий (339–379)

Шестоднев

Сотворение мира. 1-я беседа (отрывок)

В этой беседе (гомилии) мы слышим то, что говорит сам Василий, одновременно различая эхо его философских штудий в Константинополе и Афинах. Василий не был намерен отказываться от античной культуры. Хрис-

α'. πρέπουσα ἀρχὴ τῷ περὶ τῆς τοῦ κόσμου συστάσεως μέλλοντι διηγεῖσθαι ἀρχὴν τῆς τῶν ὁρωμένων διακοσμήσεως προθεῖναι τοῦ λόγου. οὐρανοῦ γὰρ καὶ γῆς ποίησις παραδίδοσθαι μέλλει, οὐκ αὐτομάτως συνενεχθεῖσα, ὥς τινες ἐφαντάσθησαν, παρὰ δὲ τοῦ Θεοῦ τὴν αἰτίαν λαβοῦσα. ποία ἀκοὴ τοῦ μεγέθους τῶν λεγομένων ἀξία; πῶς παρεσκευασμένην ψυχὴν πρὸς τὴν τῶν τηλικούτων ἀκρόασιν προσήκεν ἀπαντᾶν; καθαρῶν τῶν παθῶν τῆς σαρκός, ἀνεπισκόπητον μερίμναις βιοτικαῖς, φιλόπονον, ἐξεταστικὴν, πάντοθεν περισκοποῦσαν εἰ ποθεν λάβοι ἀξίαν ἐννοίαν τοῦ Θεοῦ.

β'. 'Εν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. Ἰστησί μου τὸν λόγον τὸ θαῦμα τῆς διανοίας. τί πρῶτον εἶπω; πόθεν ἄρξομαι τῆς ἐξηγήσεως; ἐλέγξω τῶν ἐξω τὴν ματαιότητα; ἢ ἀνυμνήσω τὴν ἡμετέραν ἀλήθειαν;

πολλὰ περὶ φύσεως ἐπραγματεύσαντο οἱ τῶν Ἑλλήνων σοφοί, καὶ οὐδὲ εἰς παρ' αὐτοῖς λόγος ἔστηκεν ἀκίνητος καὶ ἀσάλευτος, αἰεὶ τοῦ δευτέρου τὸν πρὸ αὐτοῦ καταβάλλοντος· ὥστε ἡμῖν μὴδὲν ἔργον εἶναι τὰ ἐκείνων ἐλέγχειν· ἀρκοῦσι γὰρ ἀλλήλοις πρὸς τὴν οἰκίαν ἀνατροπὴν. οἱ γὰρ Θεὸν ἀγνοήσαντες, αἰτίαν ἔμφρονα προεστάναι τῆς γενέσεως τῶν ὄλων οὐ συνεχώρησαν, ἀλλ' οἰκείως τῇ ἐξ ἀρχῆς ἀγνοίᾳ τὰ ἐφεξῆς συνεπέραναν. διὰ τοῦτο οἱ μὲν ἐπὶ τὰς ὑλικὰς ὑποθέσεις κατέφυγον, τοῖς τοῦ κόσμου στοιχείοις τὴν αἰτίαν τοῦ παντὸς ἀναθέντες· οἱ δὲ ἄτομα καὶ ἀμερῆ σώματα καὶ ὄγκους καὶ πόρους συνέχιν τὴν φύσιν τῶν ὁρατῶν ἐφαντάσθησαν. νῦν μὲν γὰρ συνιόντων ἀλλήλοις τῶν ἀμερῶν σωμάτων, νῦν δὲ μετασυγκρινομένων, τὰς γενέσεις καὶ τὰς φθοράς ἐπιγίνεσθαι· καὶ τῶν διαρκεστέρων σωμάτων τὴν ἰσχυροτέραν τῶν ἀτόμων ἀντεμπλοκὴν τῆς διαμονῆς τὴν αἰτίαν παρέχουν.

ὄντως ἰστὸν ἀράχνης ὑφαίνουσιν οἱ ταῦτα γράφοντες, οἱ οὕτω λεπτὰς καὶ ἀνυποστάτους ἀρχὰς οὐρανοῦ καὶ γῆς καὶ θαλάσσης ὑποτιθέμενοι.

тианин, по его мнению, по возможности должен извлекать пользу из того, что она несет в себе. Но эта культура вторична по отношению к Библии и должна пониматься и оцениваться, лишь исходя из нее.

«В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1)

1. Тому, кто хочет повествовать о возникновении мира, сперва надлежит рассказать о начале устройства всего видимого. Ведь он должен передать историю создания неба и земли, которые произошли не сами собою, как нафантазировали некоторые, но имели причину в Боге. Какой слух достоин великости повествуемого? С каким приготовлением надобно приступать душе к слышанию таких предметов? Ей должно быть чистой от плотских страстей, не омраченной житейскими заботами, трудолюбивой, ищущей, вникающей во все, из чего только можно получить представление о Боге, достойное Его.

2. «В начале сотворил Бог небо и землю» — изумление перед этой мыслью сковывает мою речь. С чего же начать? Как приступить к толкованию? Обличать ли суетность язычников? Или воспеть истину нашего учения?

Эллинские мудрецы много рассуждали о природе, и ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым; потому что последующим учением всегда опровергалось предшествующее. Поэтому нам и не нужно обличать их учения: их самих достаточно друг для друга, чтобы себя опровергать! Ведь те, кто не знал Бога, не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины; а в соответствии с этим своим изначальным неведением они судили и о последующем. Поэтому одни прибегали к материальным началам и причину всех вещей приписывали стихиям космоса; другие представляли себе, что природу видимых вещей составляют атомы и неделимые тела, тяжесть и пустота; так что рождение и разрушение происходят, когда неделимые тела то соединяются, то отдаляются, а в телах, существующих дольше других, причина продолжительного их существования заключается в крепчайшем сцеплении атомов.

Поистине те, которые пишут это, словно ткут паутину, предполагая, что начала неба, земли и моря столь мелки и незначительны. Они не умели сказать: «В начале Бог сотворил небо и землю» (Быт. 1, 1). Поэтому вселившееся в них безбожие внушило им ложную мысль, будто все существует без порядка и управления и приводится

οὐ γὰρ ἤδεσαν εἰπεῖν Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. διὰ τοῦτο ἀκυβέρνητα καὶ ἀδιοίκητα εἶναι τὰ σύμπαντα, ὥς ἂν τύχη φερόμενα, ὑπὸ τῆς ἐνοικουσύνης αὐτοῖς ἀθεότητος ἡπατήθησαν. ὅπερ ἵνα μὴ πάθωμεν ἡμεῖς, ὁ τὴν κοσμοποιίαν συγγράφων εὐθὺς ἐν τοῖς πρώτοις ῥήμασι τῷ ὀνόματι τοῦ Θεοῦ τὴν διάνοιαν ἡμῶν κατεφώτισεν, εἰπὼν Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ Θεός.

τί καλὴ ἡ τάξις. ἀρχὴν πρῶτον ἐπέθηκεν, ἵνα μὴ ἀναρχον αὐτὸν οἰηθῶσι τινες. εἶτα ἐπήγαγε τὸ Ἐποίησεν, ἵνα δειχθῇ, ὅτι ἐλάχιστον μέρος τῆς τοῦ δημιουργοῦ δυνάμεως ἐστὶ τὸ ποιηθέν. ὥς γὰρ ὁ κεραμεὺς ἀπὸ τῆς αὐτῆς τέχνης μυρία διαπλάσας σκεύη, οὔτε τὴν τέχνην οὔτε τὴν δύναμιν ἐξηνάλωσεν, οὕτω καὶ ὁ τοῦ παντὸς τούτου δημιουργὸς οὐχ ἐνὶ κόσμῳ σύμμετρον τὴν ποιητικὴν ἔχων δύναμιν, ἀλλ' εἰς τὸ ἀπειροπλάσιον ὑπερβαίνουσιν, τῇ ῥοπῇ τοῦ θελήματος μόνῃ εἰς τὸ εἶναι παρήγαγε τὰ μεγέθη τῶν ὁρωμένων.

εἰ οὖν καὶ ἀρχὴν ἔχει ὁ κόσμος, καὶ πεποιήται, ζητεῖ τίς ὁ τὴν ἀρχὴν αὐτῷ δοὺς καὶ τίς ὁ ποιητής. μᾶλλον δέ, ἵνα μὴ ἀνθρωπίνους λογισμοῖς ἐκζητῶν παρατραπῆς που τῆς ἀληθείας, προέφθασε τῇ διδασκαλίᾳ, οἶονεῖ σφραγίδα καὶ φυλακτήριον ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν ἐμβαλὼν τὸ πολυτίμητον ὄνομα τοῦ Θεοῦ, εἰπὼν Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ Θεός. ἡ μακαρία φύσις, ἡ ἀφθονος ἀγαθότης, τὸ ἀγαπητὸν πᾶσι τοῖς λόγου μετεिल्φοσί, τὸ πολυπόθητον κάλλος, ἡ ἀρχὴ τῶν ὄντων, ἡ πηγὴ τῆς ζωῆς, τὸ νοερὸν φῶς, ἡ ἀπρόσιτος σοφία, οὗτος Ἐποίησεν ἐν ἀρχῇ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν.

γ'. Μὴ οὖν ἀναρχα φαντάζου, ἄνθρωπε, τὰ ὁρώμενα, μηδέ, ἐπειδὴ κυκλόσε περιτρέχει τὰ κατ' οὐρανὸν κινούμενα, ἡ δὲ τοῦ κύκλου ἀρχὴ τῇ προχείρῳ αἰσθῆσει ἡμῶν οὐκ εὐληπτος, ἀναρχον εἶναι νομίσης τῶν κυκλοφορικῶν σωμάτων τὴν φύσιν. οὐδὲ γὰρ ὁ κύκλος οὗτος, τὸ ἐπίπεδον λέγω σχῆμα τὸ ὑπὸ μιᾶς γραμμῆς περιεχόμενον, ἐπειδὴ διαφεύγει τὴν ἡμετέραν αἰσθησιν, καὶ οὔτε ὄθεν ἤρξατο ἐξευρεῖν δυνάμεθα, οὔτε εἰς ὃ κατέληξεν, ἤδη καὶ ἀναρχον αὐτὸν ὀφείλομεν ὑποτίθεσθαι. ἀλλὰ κἄν τὴν αἰσθησιν διαφεύγῃ, τῇ γε ἀληθείᾳ πάντως ἀπὸ τινος ἤρξατο ὁ κέντρῳ καὶ διαστήματι τινι περιγράψας αὐτόν. οὕτω καὶ σὺ μή, ἐπειδὴ εἰς

ἑαυτὰ συννεύει τὰ κύκλῳ κινούμενα, τὸ τῆς κινήσεως αὐτῶν ὁμαλὸν καὶ μηδενὶ μέσῳ διακοπτόμενον τὴν τοῦ ἀναρχον τὸν κόσμον καὶ ἀτελεύτητον εἶναι σοι πλάνην ἐγκαταλίπη. παράγει γὰρ τὸ σχῆμα τοῦ κόσμου τούτου. καὶ ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ παρελεύσονται.

προαναφώνησις τῶν περὶ συντελείας δογμάτων καὶ περὶ τῆς τοῦ κόσμου μεταποιήσεως τὰ νῦν ἐν βραχέσι κατὰ τὴν στοιχειώσιν τῆς

в движение как бы случаем. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающий мироздание (Моисей) прямо, в первых словах, просветил наш разум именем Бога, сказав: «В начале сотворил Бог».

Какой прекрасный порядок! Сперва упомянув о *начале*, чтобы кто-нибудь не посчитал мир безначальным, он затем добавляет: *сотворил*, — показывая, что сотворенное есть самая малая часть могущества Создателя. Ибо как горшечник, с одинаковым искусством сделавший тысячи сосудов, не истощил тем ни искусства, ни силы, так и Создатель этой Вселенной, имея творческую силу, достаточную, чтобы создать не один только мир, но в бесконечное число крат большую, все величие видимого привел в бытие одним мановением воли.

А если мир имеет начало и сотворен, то спроси: кто дал ему начало и кто его Творец? Или лучше — чтобы, доискиваясь этого своими человеческими соображениями, не уклониться от истины, — следует сказать подобно Моисею, когда, предваряя свое учение, он как печать и оберег нашим душам поставил досточтимое имя Божие, говоря: *В начале сотворил Бог*. Вот оно — блаженное Естество, неоскудевающая Благодать, возлюбленное и желанное для всякого одаренного разумом существа, вот — многовожделенная красота, Начало сущего, Источник жизни, вот — умственный Свет, неприступная Мудрость, вот — *Кто сотворил в начале небо и землю!*

Посему, о человек, не представляй себе видимого безначальным и из того, что движущиеся на небе тела описывают круги, а в кругах чувство наше с первого взгляда не может заметить начало, не заключай, что природа вращающихся тел безначальна. Да и этот круг, т. е. начертание, описанное на плоскости одной линией, мы не должны считать не имеющим начала только потому, что оно ускользает от нашего чувства, и мы не можем найти ни начала его, ни конца. Наоборот, хотя оно и ускользает от нашего чувства, однако же поистине Тот, кто описывал круг из центра и с определенным радиусом, без сомнения откуда-то его начинал. Так и ты, видя, что тела, описывающие круги, возвращаются в прежнее свое положение, не придержи-вайся из-за равномерности и непрерывности их движения той ложной мысли, будто бы мир безначален и нескончаем. «Ибо проходит образ мира сего» (1 Кор. 7, 31) и «небо и земля прейдут» (Мф. 24, 35).

Ведь предвосхищением догматов о скончании и изменении мира и служит то, что ныне кратко сообщено нам в самых начатках богословного учения: «В начале сотворил Бог». То, что началось со временем, совершенно неизбежно и окончится во времени. Если временное имеет начало, то не сомневайся, что будет и конец.

Но о каком конце могут говорить геометрия, арифметические системы, учения о кубических величинах и пресловутая астрономия — вся эта поглощающая много сил суета, если изучившие эти науки

θεοπνεύστου διδασκαλίας παραδιδόμενα. Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ Θεός. τὰ ἀπὸ χρόνου ἀρξάμενα πᾶσα ἀνάγκη καὶ ἐν χρόνῳ συντελεσθῆναι. εἰ ἀρχὴν ἔχει χρονικὴν, μὴ ἀμφιβάλλης περὶ τοῦ τέλους. γεωμετρίαι γὰρ καὶ ἀριθμητικαὶ μέθοδοι καὶ αἱ περὶ τῶν στερεῶν πραγματεῖαι καὶ ἡ πολυθρύλητος ἀστρονομία, ἡ πολυάσχολος ματαιότης, πρὸς ποῖον καταστρέφουσι τέλος; εἶπερ οἱ περὶ ταῦτα ἐσπουδακότες συνᾶΐδιον εἶναι τῷ κτίσῃ τῶν ὅλων Θεῷ καὶ τὸν ὁρῶμενον τοῦτον κόσμον διενοήθησαν, πρὸς τὴν αὐτὴν δόξαν ἀγαγόντες τὸν περιγεγραμμένον καὶ σῶμα ἔχοντα ὑλικόν, τῇ ἀπεριλήπτῳ καὶ ἀοράτῳ φύσει, μὴδὲ τοσοῦτον δυνηθέντες ἐννοηθῆναι, ὅτι οὐ τὰ μέρη φθοραῖς καὶ ἀλλοιώσεσιν ὑπόκειται, τούτου καὶ τὸ ὅλον ἀνάγκη ποτὲ τὰ αὐτὰ παθήματα τοῖς οἰκείοις μέρεσιν ὑποστῆναι. ἀλλὰ τοσοῦτον ἐματαιώθησαν τοῖς διαλογισμοῖς αὐτῶν, καὶ ἐσκοτίσθη ἡ ἀσύνετος αὐτῶν καρδιά, καὶ φάσκοντες εἶναι σοφοί, ἐμωράνθησαν, ὥστε οἱ μὲν συνυπάρχειν ἐξ αἰδίου τῷ Θεῷ τὸν οὐρανὸν ἀπεφάναντο· οἱ δὲ αὐτὸν εἶναι θεὸν ἀναρχόν τε καὶ ἀτελεύτητον καὶ τῆς τῶν κατὰ μέρος οἰκονομίας αἷτιον.

δ'. Ἡ που αὐτοῖς ἡ περιουσία τῆς τοῦ κόσμου σοφίας προσθήκην οἶσει ποτὲ τῆς χαλεπῆς κατακρίσεως, ὅτι οὕτως δὲ περὶ τὰ μάταια βλέποντες, ἐκόντες πρὸς τὴν σύνεσιν τῆς ἀληθείας ἀπετυφλώθησαν. ἀλλ' οἱ τῶν ἄστρον τὰ διαστήματα καταμετροῦντες καὶ τοὺς ἀειφανεῖς αὐτῶν καὶ ἀρκτῶους ἀπογραφόμενοι, καὶ ὅσοι περὶ τὸν νότιον πόλον κείμενοι τοῖς μὲν εἰσι φανεροὶ ἡμῖν δὲ ἀγνωστοί, καὶ βόρειον πλάτος καὶ ζῳδιακὸν κύκλον μυρίοις διαστήμασι διαιροῦντες, καὶ ἐπαναφορὰς ἄστρον καὶ στηριγμοὺς καὶ ἀποκλίσεις καὶ πάντων τὴν ἐπὶ τὰ προηγούμενα κίνησιν δι' ἀκριβείας τηρήσαντες, καὶ διὰ πόσου χρόνου τῶν πλανωμένων ἕκαστος τὴν ἑαυτοῦ περίοδον ἐκπληροῖ, μίαν τῶν πασῶν μηχανὴν οὐκ ἐξεῦρον πρὸς τὸ τὸν Θεὸν ἐννοῆσαι ποιητὴν τοῦ παντὸς καὶ κριτὴν δίκαιον τὴν ἀξίαν ἀντίδοσιν τοῖς βεβιωμένοις ἐπάγοντα· οὐδὲ τῷ περὶ τῆς κρίσεως λόγῳ τὴν ἀκόλουθον τῆς συντελείας ἐννοίαν ἐπιγινῶναι, ὅτι ἀνάγκη μεταποιηθῆναι τὸν κόσμον, εἰ μέλλοι καὶ ἡ τῶν ψυχῶν κατάστασις πρὸς ἕτερον εἶδος ζωῆς μεταβάλλειν. ὥσπερ γὰρ ἡ παροῦσα ζωὴ συγγενὴ ἔσχε τοῦ κόσμου τούτου τὴν φύσιν, οὕτω καὶ ἡ μέλλουσα τῶν ψυχῶν ἡμῶν διαγωγὴ οἰκείαν τῇ καταστάσει ὑποδέχεται τὴν λῆξιν.

οἱ δὲ τοσοῦτον ἀπέχουσιν ὥς ἀληθεῖσι τούτοις προσέχειν, ὥστε καὶ πλατὺν γέλωτα καταχέουσιν ἡμῶν περὶ συντελείας τοῦ κόσμου τούτου καὶ παλιγγενεσίας αἰῶνος ἀπαγγελόντων.

пришли к выводу, что этот видимый мир совечен Богу, Творцу всех вещей, и если то, что конечно и материально, возвели они в ту же славу, что необъятное и невидимое по природе, не понимая, что там, где части подвержены уничтожению и изменению, там и все целое неизбежно разделит ту же участь, что его отдельные части. Но они до того «осутились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели» (Рим. 1, 21–22), что одни утверждали, будто бы небо от вечности существует вместе с Богом, а другие говорили, что оно есть Бог, безначальный и нескончаемый, причина благоустройства в частях Вселенной.

4. Без сомнения, излишество мирской мудрости принесет им когда-нибудь усугубление тяжкого осуждения за то, что с таким вниманием вникая в пустые предметы, они добровольно оставались слепы в понимании истины. Ибо измерив расстояние между звездами и установив, какие из них постоянно светят в северном полушарии, а какие — в южном и видимы лишь живущим там, а нам неизвестны, разделив на тысячи частей и северную широту и зодиакальный круг, точно пронаблюдав восхождение звезд, их положение и склонение, с точки зрения их главнейших траекторий, а также какое время требуется каждой из планет для совершения периода своего вращения, они не нашли единственного из всего возможного: понимания того, что Бог — Творец всего и праведный Судия, достойно воздающий каждому жившему по делам его. А также не смогли они постигнуть и вытекающую из понятия о суде мысль о skonчании мира: миру придется измениться, если и состояние души изменится, перейдя в другой вид жизни. Ибо как настоящая жизнь имеет природу, родственную этому миру, так и будущее существование наших душ получит жребий, свойственный своему новому состоянию. Но они (*вышеназванные «мудрецы»*) так далеки от этих истин, что разражаются смехом, когда мы возвещаем конечность этого мира и новое рождение в вечности.

5. Поскольку начало естественно предшествует тому, что следует за ним, необходимо было, чтобы повествующий о вещах, получивших бытие во времени (*Моисей*), предпослал эти слова остальным, говоря: «В начале сотворил».

Было нечто, вероятно, и прежде сего мира, но оно, хотя и постижимо нашим разумом, однако же не введено в повествование как необязательное для новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее становления мира было некоторое состояние, соответствующее надмирным силам, — надвременное, вечное, бесконечно продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всего создавал творения — умопостигаемый свет, соответствующий блаженству любящих Господа, невидимые разумные существа и весь тот порядок умопостигаемого,

ε'. Ἐπειδὴ δὲ ἡ ἀρχὴ κατὰ φύσιν προτέτακται τῶν ἀπ' αὐτῆς, ἀναγκαίως περὶ τῶν ἀπὸ χρόνου τὸ εἶναι ἐχόντων διαλεγόμενος ταύτην ἀπάντων προέταξε τὴν φωνήν, εἰπὼν Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν.

ἦν γάρ τι, ὡς ἔοικε, καὶ πρὸ τοῦ κόσμου τούτου, ὃ τῇ μὲν διανοίᾳ ἡμῶν ἐστὶ θεωρητόν, ἀνιστόρητον δὲ κατελείφθη, διὰ τὸ τοῖς εἰσαγομένοις ἔτι καὶ νηπίοις κατὰ τὴν γνῶσιν ἀνεπιτήδειον. ἦν τις πρεσβυτέρα τῆς τοῦ κόσμου γενέσεως κατάστασις ταῖς ὑπερκοσμίαις δυνάμεσι πρόπουσα, ἡ ὑπέρχρονος, ἡ αἰωνία, ἡ αἰδίος. δημιουργήματα δὲ ἐν αὐτῇ ὁ τῶν ὄλων κτίστης καὶ δημιουργὸς ἀπετέλεσε, φῶς νοητὸν πρέπον τῇ μακαριότητι τῶν φιλοῦντων τὸν Κύριον, τὰς λογικὰς καὶ ἀοράτους φύσεις, καὶ πᾶσαν τὴν τῶν νοητῶν διακόσμησιν, ὅσα τὴν ἡμετέραν διάνοιαν ὑπερβαίνει, ὧν οὐδὲ τὰς ὀνομασίας ἐξευρεῖν δυνατόν. ταῦτα τοῦ ἀοράτου κόσμου συμπληροῖ τὴν οὐσίαν, ὡς διδάσκει ἡμᾶς ὁ Παῦλος, λέγων Ὅτι ἐν αὐτῷ ἐκτίσθη τὰ πάντα, εἴτε ὁρατά, εἴτε ἀόρατα, εἴτε θρόνοι, εἴτε κυριότητες, εἴτε ἀρχαί, εἴτε ἐξουσίαι, εἴτε δυνάμεις, εἴτε ἀγγέλων στρατιαί, εἴτε ἀρχαγγέλων ἐπιστασίαι·

ὅτε δὲ ἔδει λοιπὸν καὶ τὸν κόσμον τοῦτον ἐπεισαχθῆναι τοῖς οὐσι, προηγουμένως μὲν διδασκαλεῖον καὶ παιδευτήριον τῶν ἀνθρωπίνων ψυχῶν, ἔπειτα μέντοι καὶ ἀπαξαπλῶς πάντων τῶν ἐν γενέσει καὶ φθορᾷ ἐπιτήδειον ἐνδιαίτημα, συμφυῆς ἄρα τῷ κόσμῳ καὶ τοῖς ἐν αὐτῷ ζῴοις τε καὶ φυτοῖς ἢ τοῦ χρόνου διεξόδος ὑπέστη, ἐπείγουμένη αἰεὶ καὶ παραρρέουσα καὶ μηδαμοῦ παυομένη τοῦ δρόμου. ἢ οὐχὶ τοιοῦτος ὁ χρόνος, οὗ τὸ μὲν παρελθὸν ἠφανίσθη, τὸ δὲ μέλλον οὐπὼ πάρεστι, τὸ δὲ παρὸν πρὶν γνωσθῆναι διαδιδράσκει τὴν αἴσθησιν; τοιαύτη δέ τις καὶ τῶν γινομένων ἢ φύσις, ἢ αὐξανόμενη πάντως ἢ φθίνουσα, τὸ δὲ ἰδρυμένον καὶ στάσιμον οὐκ ἐπίδηλον ἔχουσα. ἔπρεπεν οὖν τοῖς ζῶων τε καὶ φυτῶν σώμασιν, οἷονεὶ ῥεύματι τινὶ πρὸς ἀνάγκην ἐνδεδεμένοις καὶ τῇ πρὸς γένεσιν ἢ φθορὰν ἀγούσῃ κινήσει συνεχομένοις ὑπὸ τῆς τοῦ χρόνου φύσεως περιέχεσθαι, συγγενῇ τοῖς ἀλλοιούμενοις κεκτημένον τὴν ιδιότητα. ἐντεῦθεν οἰκείως ἐπέβαλε τῷ περὶ αὐτὸν λόγῳ ὁ σοφὸς ἡμᾶς τοῦ κόσμου τὴν γένεσιν ἐκδιδάσκων, εἰπὼν Ἐν ἀρχῇ ἐποίησε· τουτέστιν ἐν ἀρχῇ ταύτῃ τῇ κατὰ χρόνον. οὐ γὰρ δὴ κατὰ πρεσβυγένειαν πάντων τῶν γενομένων προέχειν αὐτὸν μαρτυρῶν λέγει ἐν ἀρχῇ γεγονέναι, ἀλλὰ μετὰ τὰ ἀόρατα καὶ νοούμενα τῶν ὁρατῶν τούτων καὶ αἰσθήσει ληπτῶν τὴν ἀρχὴν τῆς ὑπάρξεως διηγείται.

ς'. Τοσαυταχῶς οὖν λεγομένης τῆς ἀρχῆς, σκόπει εἰ μὴ πᾶσι τοῖς σημαινομένοις ἢ παροῦσα φωνὴ ἐφαρμόσει. καὶ γὰρ ἄφ' οὗ χρόνου

превосходящего наш разум, так что невозможно даже найти обозначений для них. Они-то и наполняют собой сущность невидимого мира, как учит нас Павел: «Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, силы ли» (Кол. 1. 16), и ангельские воинства, и архангельские чинопочаля.

Когда же возникла необходимость присоединить к существующему и этот мир, прежде всего как место обучения и школу для человеческих душ, а затем и вообще как место, подходящее для вообще всех, кто подвергается рождению и смерти, ибо течение времени, которое спешит и убегает, и никогда не останавливается, имеет естественную общность с этим миром и теми, кто в нем живет и растет — животными и растениями, — не таково ли время, где прошлое исчезло, будущее еще не наступило, настоящее же ускользает от чувства прежде, чем познано? Не таково ли и естество творений, существующих в нем? Оно то растет, то уменьшается, — очевидно, что в нем нет ничего прочного и незыблемого. И следовательно, телам тех, кто живет и растет, подобало быть как бы несомыми потоком, ведущим к несвободе и участвовать в движении или к рождению, или к уничтожению, так что они становятся включенными в природу времени, родственную тем сущностям, что подвержены изменению. Потому естественно, что тот, кто мудро разъяснял нам происхождение мира, в слове нам сказал: «В начале сотворил», т. е. в этом начале, временном. Не для того ведь чтобы свидетельствовать, что мир по своей первобытности предшествует всему появившемуся, он называет его происшедшим в начале, но чтобы сказать о начале происхождения этих видимых и постигаемых чувством вещей после невидимых и умозримых.

6. Поскольку слово «начало» имеет много оттенков, смотри, действительно ли в данном случае это слово соответствует всем его значениям. Ибо в твоих силах узнать, с какого времени началось становление этого мира: ведь если пойти обратно от настоящего времени в прошлое, то, постаравшись, ты обнаружишь первый день рождения мира, и найдешь, что это было, когда произошло первое движение времени, затем — что небо и земля укреплены на своего рода опорах и основаниях прежде всего прочего. Кроме того, ты обнаружишь некий искусный логос, руководивший устройством видимого, как показывает тебе само слово «начало», и что мир устроен не без причины и не по прихоти, а с полезной целью перед собой и с великой потребностью для сущего познать привносимый (с ними в бытие мир) как своего рода учебное заведение для мыслящих душ и школа богопознания. Через видимое и чувственное она направляет ум к созерцанию невидимого, как говорит апостол: «Невидимое Его, вечная

ἤρξατο ἡ τοῦ κόσμου τούτου σύστασις, δυνατόν σοι μαθεῖν, ἐάν γε ἐκ τοῦ παρόντος εἰς τὸ κατόπιν ἀναποδίξων φιλονεικίης εὐρεῖν τὴν πρώτην ἡμέραν τῆς τοῦ κόσμου γενέσεως. εὐρήσεις γὰρ οὕτω πόθεν τῷ χρόνῳ ἡ πρώτη κίνησις, ἔπειτα ὅτι καὶ οἶονεῖ θεμέλιοί τινες καὶ κρηπίδες προκατεβλήθησαν ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ· εἶτα ὅτι ἔστι τις τεχνικὸς λόγος ὁ καθηγησάμενος τῆς τῶν ὀρωμένων διακοσμήσεως, ὡς ἐνδείκνυται σοι ἡ φωνὴ τῆς ἀρχῆς· καὶ τὸ μὴ εἰκῆ μηδὲ μάτην, ἀλλὰ πρὸς τι τέλος ὠφέλιμον καὶ μεγάλην χρεῖαν τοῖς οὖσι συνεισφερόμενον ἐπινενοῆσθαι τὸν κόσμον, εἶπερ τῷ ὄντι ψυχῶν λογικῶν διδασκαλεῖον καὶ θεογνωσίας ἔστι παιδευτήριον, διὰ τῶν ὀρωμένων καὶ αἰσθητῶν χειραγωγίαν τῷ νῷ παρεχόμενος πρὸς τὴν θεωρίαν τῶν ἀοράτων, καθά φησιν ὁ ἀπόστολος, ὅτι Τὰ ἀόρατα αὐτοῦ ἀπὸ κτίσεως κόσμου τοῖς ποιήμασι νοούμενα καθορᾶται.

ἡ τάχα διὰ τὸ ἀκαριαῖον καὶ ἄχρονον τῆς δημιουργίας εἴρηται τὸ Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν, ἐπειδὴ ἀμερές τι καὶ ἀδιάστατον ἡ ἀρχή. ὡς γὰρ ἡ ἀρχὴ τῆς ὁδοῦ οὐπω ὁδὸς καὶ ἡ ἀρχὴ τῆς οἰκίας οὐκ οἰκία, οὕτω καὶ ἡ τοῦ χρόνου ἀρχὴ οὐπω χρόνος, ἀλλ' οὐδὲ μέρος αὐτοῦ τὸ ἐλάχιστον. εἰ δὲ φιλονεικῶν τις χρόνον εἶναι λέγοι τὴν ἀρχὴν, γινωσκέτω ὅτι διαιρήσει αὐτὴν εἰς τὰ τοῦ χρόνου μέρη. ταῦτα δὲ ἐστὶν ἀρχὴ καὶ μέσα καὶ τελευτή. ἀρχὴν δὲ ἀρχῆς ἐπινοεῖν παντελῶς καταγέλαστον. καὶ ὁ διχοτομῶν τὴν ἀρχὴν, δύο ποιήσει ἀντὶ μιᾶς, μᾶλλον δὲ πολλὰς καὶ ἀπείρους, τοῦ διαιρεθέντος ἀεὶ εἰς ἕτερα τεμνομένου. ἵνα τοῖνυν διδαχθῶμεν ὁμοῦ τῇ βουλήσει τοῦ Θεοῦ ἀχρόνως συνυφαστάναι τὸν κόσμον, εἴρηται τὸ Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν. ὅπερ ἕτεροι τῶν ἐρμηνευτῶν, σαφέστερον τὸν νοῦν ἐκδιδόντες, εἰρήκασιν Ἐν κεφαλαίῳ ἐποίησεν ὁ Θεός, τουτέστιν ἀθρόως καὶ ἐν ὀλίγῳ. τὰ μὲν οὖν περὶ ἀρχῆς, ὡς ὀλίγα ἀπὸ πολλῶν εἰπεῖν, ἐπὶ τοσοῦτον ...

ια'... τὸν ἀριστοτέχνην τῶν σοφῶς καὶ ἐντέχνως γενομένων δοξάσωμεν, καὶ ἐκ τοῦ κάλλους τῶν ὀρωμένων τὸν ὑπέρκαλον ἐννοώμεθα, καὶ ἐκ τοῦ μεγέθους τῶν αἰσθητῶν τούτων καὶ περιγραπτῶν σωμάτων ἀναλογιζώμεθα

τὸν ἄπειρον καὶ ὑπερμεγέθη καὶ πᾶσαν διάνοιαν ἐν τῷ πλήθει τῆς ἑαυτοῦ δυνάμεως ὑπερβαίνοντα. καὶ γὰρ εἰ καὶ τὴν φύσιν ἀγνοοῦμεν τῶν γενομένων, ἀλλὰ τό γε ὅλοσχερῶς ὑποπίπτον ἡμῶν τῇ αἰσθήσει τοσοῦτον ἔχει τὸ θαῦμα, ὥστε καὶ τὸν ἐντρεχέστατον νοῦν ἐλάττωνα ἀναφανῆναι τοῦ ἐλαχίστου τῶν ἐν τῷ κόσμῳ, πρὸς τὸ ἢ δυνηθῆναι αὐτὸ κατ' ἀξίαν ἐπεξελεῖν, ἢ τὸν ὀφειλόμενον ἐπαινον ἀποπληρῶσαι τῷ κτίσαντι· ᾧ πᾶσα δόξα, τιμὴ καὶ κράτος, εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων.

ἀμήν.

сила Его и божество от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1, 20).

Или, коль скоро действие творения мгновенно и не подлежит времени, то и сказано: «В начале сотворил», потому что начало есть нечто, не состоящее из отдельных частей и не протяженное. Ибо как начало пути — еще не путь, и начало дома — еще не дом, так и начало времени — еще не время, и даже не самая малая его часть. Если же какой-то любитель поспорить скажет, что начало времени есть время, то пусть знает, что этим он разделяет начало на части, и части эти — начало, середина и конец. Но придумывать начало для начала — смехотворно. И кто делит начало надвое, тот из одного начала делает два, или скорее, множество или бесконечное число начал, поскольку то, что разделено, будет продолжать делиться на другие части. Чтобы мы знали, что мир был сотворен не во времени и по хотению Божьему, сказано: *в начале сотворил*. Дабы яснее выразить эту мысль, древние толкователи говорили: В начале сотворил Бог, то есть сразу и мгновенно. Вот что о начале, если сказать об этом немного из многого...

11. ...Прославим же наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и познаем Его из красоты видимого — Его, Превосходящего всех красотой, и из величия того, что чувственно и ограничено, представим Его — Бесконечного, Его — Кто выше всякого величия и Кто по множеству Своей силы превосходит всякое понимание. Хотя мы и не знаем природы сотворенного, но и то, что мы можем наблюдать своими чувствами, столь удивительно, что даже самый деятельный ум оказывается недостаточным для того, чтобы объяснить как следует самую малую частицу мира и чтобы воздать должную похвалу Творцу, Которому слава, честь и держава во веки веков, аминь.

Описание пейзажа (Письмо 14-е. Григорию Назианзину)

Это написанное в 360 г. письмо является, очевидно, первым реалистическим и одновременно лирическим прозаическим описанием ландшафта, продолжающим в этом смысле Платонова «Федра», который появился на

1. Ἐγὼ τοῦ ἀδελφοῦ μοι ἐπιστεῖλαντος Γρηγορίου πάλαι βούλεσθαι ἡμῖν συντυχεῖν, προσθέντος δὲ ὅτι καὶ σοὶ αὐτὸ τοῦτο δεδογμένον ἐστί, τὸ μὲν τι καὶ διὰ τὸ πολλάκις ἀπατηθῆναι ὀκνηροτέρως ἔχων πρὸς τὸ πιστεύειν, τὸ δέ τι καὶ ὑπὸ ἀσχολιῶν περισπώμενος, ἐπιμεῖναι οὐκ ἠδυνήθην. Δεῖ γάρ με ἦδη ἀπελαύνειν ἐπὶ τὸν Πόντον, ἐν ᾧ τάχα ποτέ, τοῦ Θεοῦ βουληθέντος, τῆς πλάνης λήξομεν. Μόλις γὰρ ἀπογνοὺς τῶν ματαίων ἐλπίδων ἃς ἐπὶ σοὶ εἶχόν ποτε, μᾶλλον δὲ τῶν ὀνείρων, εἰ δεῖ ἀληθέστερον εἰπεῖν (ἐπαινῶ γὰρ τὸν εἰπόντα τὰς ἐλπίδας εἶναι γρηγορούντων¹) ἐνύπνια), κατὰ βίου ζήτησιν ἐπὶ τὸν Πόντον ἀπῆλθον.

Ἐνθα δὴ μοι ὁ Θεὸς χωρίον ὑπέδειξεν ἀκριβῶς συμβαῖνον τῷ ἑμῷ τρόπῳ, ὥστε, οἷον πολλάκις εἰώθειμεν ἀργοῦντες ἅμα καὶ παίζοντες τῇ διανοίᾳ συμπλάττειν, τοιοῦτον ἐπὶ τῆς ἀληθείας καθορᾶν.

2. Ὅρος γάρ ἐστιν ὑψηλὸν βαθεῖα ὕλη κεκαλυμμένον, ψυχροῖς ὕδασι καὶ διαφανέσιν εἰς τὸ κατ' ἄρκτον κατάρρυτον. Τούτου ταῖς ὑπωρεῖαις πεδίον ὑπτιον ὑπεστόρεσται, ταῖς ἐκ τοῦ ὄρους νοτίσι διηνεκῶς παινόμενον. Ὑλῃ δὲ τούτῳ αὐτομάτως περιφυεῖσα ποικίλων καὶ παντοδαπῶν δένδρων μικροῦ δεῖν ἀντὶ ἔρκους αὐτῷ γίνεται, ὥς μικρὰν εἶναι πρὸς τοῦτο καὶ τὴν Καλυψοῦς νῆσον, ἣν δὴ πασῶν πλέον Ὅμηρος εἰς κάλλος θαυμάσας φαίνεται²). Καὶ γὰρ οὐδὲ πολλὸ ἀποδεῖ τοῦ νῆσος εἶναι, ἔνεκά γε τοῦ πανταχόθεν ἐρύμασι περιεῖργεσθαι.

Φάραγγες μὲν γὰρ αὐτῷ βαθεῖαι κατὰ δύο μέρη περιερρώγασιν· κατὰ πλευρὰν δὲ ἀπὸ κρημοῦ ὁ ποταμὸς ὑπορρέων τεῖχος ἐστί καὶ αὐτὸς διηνεκὲς καὶ δυσέμβατον· ἐκ δὲ τοῦ ἐπὶ θάτερα τεταμένον τὸ ὄρος, δι' ἀγκώνων μηνοειδῶν ταῖς φάραγξιν ἐπιζευγνύμενον, τὰ βάσιμα τῆς ὑπωρείας ἀποτεριχίζει.

Μία δὲ τις εἰσοδος ἐπ' αὐτῆς, ἥς ἡμεῖς ἐσμεν κύριοι. Τὴν γε μὴν οἴκησιν αὐτῇν τις ἕτερος ὑποδέχεται, ὑψηλὸν τινα ἐπὶ τῆς ἄκρας ἀνέχων τένοντα, ὥστε τὸ πεδίον τοῦτο ὑψηλῶσθαι ταῖς ὕψει καὶ τοῦ μετεώρου ἐξεῖναι καὶ τὸν ποταμὸν περιρρέοντα καθορᾶν, οὐκ ἐλάττονα τέρψιν, ἔμοιγε δοκεῖν, παρεχόμενον ἢ τοῖς ἐκ τῆς Ἀμφιπόλεως τὸν

700 лет раньше (и который вообще первый). В своем ответе Григорий подчеркивает, что, по его мнению, подобное (красота пейзажа) имеет подчиненный характер, главное же — духовная жизнь.

1. Хотя мой брат Григорий (Нисский) ранее писал, что желал бы встретиться с нами, и добавлял, что и ты питаешь ту же надежду, я — отчасти по причине того, что из-за постигших меня великих разочарований стал с осторожностью полагаться на что-либо, отчасти из-за того, что путешествие дало бы мне возможность рассеяться, — был не в состоянии ждать более. А именно мне надо было немедленно отправиться в Понт, где по мере сил и если будет на то воля Божья я мог бы перестать вести скитальческую жизнь. С неохотой отрекся я от тех тщетных надежд, которые в свое время вселил в тебя, — или скорее, дабы сказать более точно, от снов (восхвалим человека, который сказал, что надежда — сновиденье бодрствующих) — и отправился в Понт, чтобы там искать пристанище в жизни.

И вот тут-то Бог воистину дал мне встретить такую местность, которая в точности соответствует моему вкусу, так что я воочию могу видеть пред собою то, что мы часто любили воображать себе в часы досуга и развлечений.

Ведь это — высокая гора, покрытая густыми лесами, с севера омываемая холодной прозрачной водой. У ее подножья простирается плоская равнина, во всякое время богатая влагой, стекающей с горы. Смешанный лес из всевозможных деревьев, сам собою выросший вокруг, служит ей неким защитным поясом, так что приходит на ум сравнение с островом Калипсо, красота которого, кажется, больше всех прочих прославила Гомера. Да, было бы неплохо, если бы место это было островом, ведь оно со всех сторон укреплено.

С двух сторон открывается глубокое ущелье; стекая вдоль крутого склона горы, речной поток образует стену, тоже сплошную и труднопреодолимую; а с противоположной стороны гора, подобно бастиону из ущелий с полумесяцами лоцин, препятствует проходу к своему подножью.

Но некий подход к нему, которого — хозяева мы, все же есть. Около моего жилища проходит что-то вроде другого перешейка, достигающего в своей крайней точке такой высоты, откуда видна вся простирающаяся внизу равнина, и сверху можно рассмотреть даже огибающую ее реку — картина, которая, как мне кажется, вливает в душу

Στρυμόνα καταμανθάνουσιν. Ὁ μὲν γὰρ σχολαίῳ τῷ ρεύματι περιλιμνάζων, μικροῦ δεῖν καὶ τὸ ποταμὸς εἶναι ὑπὸ τῆς ἡσυχίας ἀφήρηται· ὃ δὲ ὀξύτατα ὧν ἐγὼ οἶδα ποταμῶν ῥέων, βραχὺ τι τῇ γείτονι πέτρᾳ περιτραχύνεται, ὅφ' ἥς ἀναχεόμενος εἰς δίνην βαθεῖαν περιειλεῖται· ὅψιν τε ἡδίστην ἐμοὶ καὶ παντὶ θεατῇ παρεχόμενος καὶ χρεῖαν τοῖς ἐπιχωρίοις αὐταρκεστάτην, ἰχθύων τε πλῆθος ἀμύθητον ταῖς δίναις ἐντρέφων.

Τί δεῖ λέγειν τὰς ἐκ τῆς γῆς ἀναπνοὰς ἢ τὰς ἐκ τοῦ ποταμοῦ αὔρας; Τό γε μὴν τῶν ἀνθῶν πλῆθος ἢ τῶν ὀδικῶν ὀρνίθων ἄλλος μὲν ἂν τις θαυμάσειεν, ἐμοὶ δὲ οὐ σχολὴ τούτοις προσέχειν τὸν νοῦν. Ὁ δὲ μέγιστον ἔχομεν εἰπεῖν τοῦ χωρίου, ὅτι, πρὸς πᾶσαν ὑπάρχον καρπῶν φορὰν ἐπιτήδειον δι' εὐκαιρίαν τῆς θέσεως, ἡδιστον ἐμοὶ πάντων καρπῶν τὴν ἡσυχίαν τρέφει, οὐ μόνον ὅτι τῶν ἀστικῶν θορύβων ἀπήλλακται, ἀλλ' ὅτι οὐδὲ ὀδίτην τινὰ παραπέμπει πλὴν τῶν κατὰ θήραν ἐπιμιγνυμένων ἡμῖν. Πρὸς γὰρ τοῖς ἄλλοις καὶ θηροτρόφος ἐστίν, οὐχὶ ἄρκτων ἢ λύκων τῶν ὑμετέρων, μὴ γένοιτο, ἀλλ' ἐλάφων ἀγέλας καὶ αἰγῶν ἀγρίων καὶ λαγωὺς βόσκει καὶ εἴ τι τούτοις ὅμοιον.

Ἄρα οὖν οὐκ ἐνθυμῇ παρ' ὅσον ἦλθον κινδύνου, ὁ μάταιος ἐγώ, τοῦ τοιούτου χωρίου τὴν Τιβερίνην, τῆς οἰκουμένης τὸ βάραθρον, φιλονεικῶν ἀνταλλάξασθαι; Πρὸς ὅπερ νῦν ἐπειγομένῳ συγγνώσει. Πάντως γὰρ οὐδὲ Ἀλκμαίων, τὰς Ἐχινάδας εὐρών, ἔτι τῆς πλάνης ἠνέσχετο.

не меньший покой, чем тот, что чувствовали люди в Амфиполисе, взирая на Стримон. Ибо он (т. е. река Стримон) из-за своего медленного течения превращается в болото, так что еще немного — и в силу своего спокойствия вообще перестанет быть рекой; эта же река — самая быстрая из всех, что я знаю, и она делается и вовсе необузданной благодаря утесу, расположенному неподалеку, обтекая который, она вскипает до глубины, предлагая мне и любому наблюдателю самое захватывающее зрелище, а местным жителям — самую насущную для них пользу, ибо несметное количество рыбы кормится в ее пучинах.

Стоит ли говорить об ароматах земли или порывах речного ветерка? Да и о множестве цветов и певчих птиц, которые восхитили бы другого, но лично у меня нет дара уделять внимание подобному. Самое же важное, что мы должны сказать об этом месте, — что помимо того, что оно приносит всяческие плоды, здесь произрастает самый сладкий для меня плод — покой (исихия) — не только потому, что это место удалено от городского шума и суеты, но и потому, что здесь не бывает случайных прохожих, кроме тех, с кем общаешься во время охоты. Ведь помимо всего прочего, место это благоприятно для охоты — нет, не на медведей и волков, как у вас, отнюдь нет, но оно предоставляет пастбище стадам оленей и диких коз, а также зайцам и подобной дичи.

Не думай, что я, безумный, подвергаюсь большой опасности, из упрямства решившись поменять нашу Тиберину на этот край света. Будь снисходительным к тому, что движет ум. И Алкмеон, обнаружив (группу островов) Эвкиниды, уже не продолжал свои странствия¹.

¹ Мифического Алкмеона заставляли странствовать Эринии за то, что он, подобно Оресту, убил свою мать.

Что Дух может иметь столь же много значений, как предлог «в».

(О Святом Духе, гл. 26)

Это исследование о Святом Духе в свете употребления предлога «в» взято из богословского сочинения Василия Великого «О Святом Духе», занимающего в восточной догматике такое же центральное место, как и Августиново

61. Ἐμοὶ τοίνυν σκοποῦμένῳ δοκεῖ, ἀπλῆς καὶ συντόμου τῆς ἐκφωνήσεως οὖσης, πολλὰ καὶ ποικίλα εἶναι τὰ δι' αὐτῆς σημαίνόμενα. Ὅσαχῶς γὰρ λέγεται τὸ ἐν, τοσαυταχῶς εὐρίσκομεν ταῖς περὶ τοῦ Πνεύματος ἐννοίαις ὑπηρετούμενον. Λέγεται μὲν οὖν τὸ εἶδος ἐν τῇ ὅλῃ εἶναι, καὶ ἡ δύναμις ἐν τῷ δεκτικῷ, καὶ ἡ ἕξις ἐν τῷ κατ' αὐτὴν διακειμένῳ, καὶ πολλὰ τοιαῦτα.

Οὐκοῦν, καθὼς μὲν τελειωτικὸν τὸ ἅγιον Πνεῦμα τῶν λογικῶν, ἀπαρτίζον αὐτῶν τὴν ἀκρότητα, τὸν τοῦ εἶδους λόγον ἐπέχει. Ὁ γὰρ μηκέτι κατὰ σάρκα ζῶν, ἀλλὰ Πνεύματι Θεοῦ ἀγόμενος, καὶ υἱὸς Θεοῦ χρηματίζων, καὶ σύμμορφος τῆς εἰκόνης τοῦ Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ γενόμενος, πνευματικὸς ὀνομάζεται.

Καὶ ὥς ἡ δύναμις τοῦ ὁρᾶν ἐν τῷ ὑγιαίνοντι ὀφθαλμῷ, οὕτως ἡ ἐνέργεια τοῦ Πνεύματος ἐν τῇ κεκαθαρμένη ψυχῇ. Διὸ καὶ Παῦλος εὐχεται Ἐφεσίοις, πεφωτισμένους ὀφθαλμοὺς αὐτῶν εἶναι ἐν τῷ Πνεύματι τῆς σοφίας. Καὶ ὥς ἡ τέχνη ἐν τῷ ἀναλαβόντι αὐτήν, οὕτως ἡ χάρις τοῦ Πνεύματος ἐν τῷ ὑποδεξαμένῳ, αἶψα μὲν συμπαροῦσα, οὐχὶ δὲ καὶ ἐνεργοῦσα διηνεκῶς. Ἐπεὶ καὶ ἡ τέχνη δυνάμει μὲν ἐν τῷ τεχνίτῃ ἐστίν· ἐνεργεῖα δὲ τότε, ὅταν κατ' αὐτὴν ἐνεργῇ. Οὕτω καὶ τὸ Πνεῦμα αἶψα μὲν συμπάρεστι τοῖς ἁγίοις, ἐνεργεῖ δὲ κατὰ τὴν χρείαν, ἥ ἐν προφητεῖαις, ἥ ἐν ἱάμασιν, ἥ ἐν ἄλλοις τισὶ δυνάμεων ἐνεργήμασιν.

Ἔτι ὥς ἐν σώμασιν ὑγεία, ἥ θερμότης, ἥ ὅλως αἱ εὐκίνητοι διαθέσεις· οὕτω καὶ ἐν ψυχῇ πολλακίς ὑπάρχει τὸ Πνεῦμα, τοῖς διὰ τὸ τῆς γνώμης ἀνίδρυτον εὐκόλως, ἦν ἐδέξαντο χάριν ἀπωθουμένοις, μὴ παραμένον, οἷος ἦν ὁ Σαοὺλ, καὶ οἱ ἐβδομήκοντα πρεσβύτεροι τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ, πλὴν τοῦ Ἐλδὰδ καὶ Μωδάδ (τούτοις γὰρ μόνοις ἐκ πάντων φαίνεται παραμεῖναν τὸ Πνεῦμα), καὶ ὅλως εἰ τις τούτοις τὴν προαίρεσιν παραπλήσιος. Καὶ ὥς ὁ λόγος δὲ ἐν ψυχῇ, ποτὲ μὲν ὥς τὸ ἐγκάρδιον νόημα, ποτὲ δὲ ὥς ὁ προφερόμενος διὰ γλώσσης, οὕτω τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον· νῦν μὲν ὅταν συμμαρτυρῇ τῷ Πνεύματι, καὶ ὅταν κρᾶζῃ ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν· Ἀββᾶ ὁ Πατήρ· νῦν δὲ ὅταν λαλῇ ὑπὲρ ἡμῶν, κατὰ τὸ εἰρημένον, ὅτι Οὐχ ὑμεῖς ἐστε οἱ λαλοῦντες, ἀλλὰ τὸ Πνεῦμα τοῦ Πατρὸς τὸ λαλοῦν ἐν ὑμῖν.

Ἦδη δὲ καὶ ὥς ὅλον ἐν μέρεσι, νοεῖται τὸ Πνεῦμα κατὰ τὴν τῶν χαρισμάτων διανομήν. Πάντες γὰρ ἀλλήλων ἐσμέν μέλη, ἔχοντες δὲ χαρίσματα κατὰ τὴν χάριν τοῦ Θεοῦ τὴν δοθεῖσαν ἡμῖν διάφορα. Διὰ

«О Троичности» — в западной. Сочинение можно охарактеризовать как исследование употребления предлогов. Феномен «пребывания в» является важнейшим как для Платона (в «Пармениде» он являет собой категорию), так и для Аристотеля. В Новое время этот феномен был осмыслен заново в книге Хайдеггера «Бытие и Время».

О том, что в каких только случаях ни говорится предлог «в», во всех тех случаях берется он и о Боге

61. Рассматривая это простое и краткое сочетание звуков, полагаю, что значения его многочисленны и разнообразны. И в каких только случаях ни говорится (предлог) «в», во всех тех случаях, как находим, служит он к составлению понятия о Духе. Так, говорится, что образ — в материи, что сила — в способном к принятию ее, что свойство — в расположенном сообразно с оным, и многое подобное.

Посему Святой Дух, поскольку для разумных тварей есть сила совершающая, возводящая их на самую высоту, постольку удерживает понятие образа. Ибо кто живет уже не во плоти, но водим Духом Божиим и Сыном Божиим именуется и делается сообразным образу Сына Божия, тот называется духовным.

И как сила зрения в здоровом глазе, так действие Духа в очищенной душе. Потому и Павел желает Ефесянам, чтобы были *просвещены очеса* их в Духе премудрости (ср. *Еф. 1, 18*).

И как искусство в обучившемся ему, так благодать Духа в принявшем ее, хотя всегда пребывающая, но не непрерывно действующая, потому что и искусство в художнике находится как потенция, в действии же приводится тогда только, когда он действует сообразно с искусством. Так и Дух, хотя всегда пребывает в достойных, однако же в случаях только нужды действует, или в пророчествах, или в исцелениях, или в других действиях сил.

Еще — как в телах здоровье, или теплота, или вообще свобода телесных отправления — так и в душе нередко присутствующий Дух, но он не остается навсегда в тех, кто по непостоянству воли легко отталкивает от себя принятую им благодать. Таков был Саул, таковы семьдесят старцев у сынов Израилевых, кроме Елдада и Модада (ибо в них одних оказался пребывавшим Дух: *Числ. 11, 25, 26*). Таков вообще всякий им подобный своим произволением.

И как слово в душе иногда бывает сердечным помышлением, а иногда произносится языком, так и Дух Святой то когда сосвидетельствует духу и вопиет в сердцах наших *Авва Отче*, то когда говорит за нас по сказанному: *Не вы глаголющие, но Дух Отца глаголет в вас (Мф. 10, 20)*.

Еще же мыслится Дух — применительно к распределению харизм и как целое в частях. Ибо все мы — члены в рассуждении друг друга, имея различные дарования по данной нам Божией благодати. Потому

τοῦτο Οὐ δύναται ὁ ὀφθαλμὸς εἰπεῖν τῇ χειρὶ, Χρεῖαν σου οὐκ ἔχω· ἢ πάλιν ἡ κεφαλὴ τοῖς ποσὶ, Χρεῖαν ὑμῶν οὐκ ἔχω. Ἀλλὰ πάντα μὲν ὁμοῦ συμπληροῖ τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ ἐν τῇ ἐνότητι τοῦ Πνεύματος· ἀλλήλοις δὲ ἀναγκαῖαν τὴν ἐκ τῶν χαρισμάτων ἀντιδίδωσιν ὠφέλειαν. Ὁ μὲν γὰρ Θεὸς ἔθετο τὰ μέλη ἐν τῷ σώματι, ἐν ἑκαστον αὐτῶν καθὼς ἠθέλησε.

Τὰ μέντοι μέλη τὸ αὐτὸ μεριμνῶσιν ὑπὲρ ἀλλήλων, κατὰ τὴν πνευματικὴν κοινωνίαν τῆς συμπαθείας αὐτοῖς ὑπαρχούσης. Διόπερ Εἴτε πάσχει ἐν μέλος, συμπάσχει πάντα τὰ μέλη· εἴτε δοξάζεται ἐν μέλος, συγχαίρει πάντα τὰ μέλη. Καὶ ὥς μέρη δὲ ἐν ὅλῳ, οἱ καθ' ἓνα ἐσμὲν ἐν τῷ Πνεύματι· ὅτι οἱ πάντες ἐν ἐνὶ σώματι, εἰς ἐν Πνεῦμα ἐβαπτίσθημεν.

62. Ὁ δὲ παράδοξον μὲν εἰπεῖν, ἀληθὲς δὲ οὐδενὸς ἔλαττον, ὅτι καὶ ὥς χώρα τῶν ἁγιαζομένων πολλάκις τὸ Πνεῦμα λέγεται. Καὶ φανήσεται οὐδὲ οὗτος ὁ τρόπος κατασμικρύνων τὸ Πνεῦμα, ἀλλὰ μᾶλλον δοξάζων. Τὰ γάρ τοι σωματικὰ τῶν ὀνομάτων καὶ ἐπὶ τὰς πνευματικὰς ἐννοίας ἐναργείας ἔνεκεν πολλάκις ὁ λόγος μετακομίζει. Τετηρήκαμεν οὖν καὶ ἐπὶ τοῦ Θεοῦ τὸν Ψαλμῶδὸν λέγοντα· Γενοῦ μοι εἰς Θεὸν ὑπερασπιστήν, καὶ εἰς τόπον ὄχυρόν τοῦ σῶσαί με. Περὶ δὲ τοῦ Πνεύματος, Ἰδοὺ τόπος, φησί, παρ' ἑμοί, καὶ στήθι ἐπὶ τῆς πέτρας· τί ἄλλο λέγων τὸν τόπον ἢ τὴν ἐν Πνεύματι θεωρίαν, ἐν ἣ γενόμενος, ἐδύνατο ἰδεῖν γνωστῶς ἐμφανιζόμενον αὐτῷ τὸν Θεὸν ὁ Μωϋσῆς; Οὗτός ἐστιν ὁ τόπος ὁ τῆς ἀληθινῆς λατρείας ἴδιος. Πρόσεχε γάρ, φησί, ἀνενέγκης τὰ ὀλοκαυτώματά σου ἐν παντὶ τόπῳ, ἀλλ' ἐν τῷ τόπῳ, ᾧ ἂν ἐκλέξηται Κύριος ὁ Θεός σου. Ποῖον οὖν ἐστιν ὀλοκαύτωμα πνευματικόν; Ἡ θυσία τῆς αἰνέσεως. Ἐν ποίῳ δὲ τόπῳ ταύτην προσφέρομεν, ἢ ἐν τῷ Πνεύματι τῷ ἁγίῳ; Ποῦ τοῦτο μεμαθήκαμεν; Παρ' αὐτοῦ τοῦ Κυρίου λέγοντος, ὅτι Οἱ ἀληθινοὶ προσκυνηταὶ ἐν Πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ προσκυνήσουσι τῷ Πατρί. Τοῦτον τὸν τόπον ἰδὼν ὁ Ἰακώβ, ἔφη, ὅτι Κύριος ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ. Ὡστε τὸ Πνεῦμα τόπος ἀληθῶς τῶν ἁγίων.

Καὶ ὁ ἅγιος τόπος οἰκείος τῷ Πνεύματι ἐμπαρέχων ἑαυτὸν πρὸς ἐνοίκησιν τὴν μετὰ Θεοῦ, καὶ ναὸς αὐτοῦ χρηματίζων. Ὡς γὰρ ἐν Χριστῷ λαλεῖ Παῦλος· Κατενώπιον γάρ, φησί, Θεοῦ ἐν Χριστῷ λαλοῦμεν· καὶ Χριστὸς ἐν Παύλῳ, ὥς αὐτὸς λέγει· Ἡ δοκιμὴν ζητεῖτε τοῦ ἐν ἑμοί λαλοῦντος Χριστοῦ; οὕτω καὶ ἐν Πνεύματι λαλεῖ τὰ μυστήρια, καὶ τὸ Πνεῦμα πάλιν λαλεῖ ἐν αὐτῷ.

63. Ἐν μὲν οὖν τοῖς γεννητοῖς οὕτω πολυμερῶς καὶ πολυτρόπως ἐνεῖναι λέγεται τὸ Πνεῦμα· Πατρὶ δὲ καὶ Υἱῷ οὐχὶ ἐνεῖναι μᾶλλον, ἀλλὰ συνεῖναι εἰπεῖν εὐσεβέστερον.

не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна»; или также голова ногам: «вы мне не нужны» (1 Кор. 12, 21). Но все вместе составляют тело Христово в единении Духа, так взаимно друг другу доставляют необходимую пользу своими дарованиями. Потому что Бог поместил члены в теле, и каждый из них — как Ему было угодно. Члены же одинаково заботятся друг о друге — по духовному общению врожденной им сострадательности. *Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (1 Кор. 12, 26). И как части в целом, так мы, каждый отдельно взятый, в Духе, потому что в едином теле крещены в единого Духа.

62. Хотя странно сказать, однако же тем не менее истинно, что Дух нередко называется как бы местом освящаемых. И такой образ речи, как окажется, не унижает, а еще более прославляет Духа. Потому что писание для ясности нередко переносит на духовные понятия и то, что в именах есть телесного. Поэтому примечаем, что псалмопевец говорит и о Боге: *Будь мне в Бога защитника, и в дом прибежища, чтобы спасти меня* (Пс. 30, 3). О Духе же сказано: *вот место у Меня, стань на этой скале* (Исх. 33, 21). Ибо что иное называется здесь местом, как не созерцание в Духе, в котором находясь, Моисей мог сознательно видеть явившегося ему Бога? Вот то место, которое свойственно истинному богопоклонению. Ибо сказано: *Берегись приносить всесожжения твои на всяком месте, которое ты увидишь, но на том только месте, которое изберет Господь Бог твой* (Втор. 12, 13, 14). Поэтому какое есть духовное всесожжение? *Жертва хвалы* (ср. Пс. 49, 14). В каком же месте станем приносить сию жертву, как не в Духе Святом? Где мы научились сему? У Самого Господа, Который говорит: *истинные поклонники в Духе и истине поклоняются Отцу* (Ин. 4, 23).

Сие место видя, Иаков сказал: *Господь на месте сем* (Быт. 28, 16). Посему Дух — воистину место святых.

И святой есть собственное место Духа, предоставляет себя в жилище Духа с Богом, и именуется храмом Его. Как во Христе глаголет Павел, ибо говорит: *пред Богом, во Христе глаголем* (ср. 2 Кор. 13, 17), и Христос глаголет в Павле, о чем сам он говорит: *Искушения ищете глаголющего во мне Христа* (2 Кор. 13, 3), так и в Духе глаголет он тайны, и Дух опять глаголет в нем (ср. 1 Кор. 14, 2).

63. Посему о Духе говорится, что Он так многократно и многообразно пребывает в тварях. В отношении же к Отцу и Сыну гораздо благочестнее будет сказать, что Он не в них, но с Ними пребывает.

Благодарственная молитва по святом причащении

Это евхаристия из литургии Василия Великого, каковая в Православной Церкви является второй по значению воскресной службой после Божественной литургии Иоанна Златоуста. Слово «евхаристия» частично означает благодарственную молитву (как здесь), а частично — саму обедню.

Δέσποτα Χριστέ

ὁ Θεός, Βασιλεῦ τῶν αἰώνων καὶ δημιουργέ τῶν πάντων, εὐχαριστῶ σοι

ἐπὶ πᾶσιν οἷς παρέχου μοι ἀγαθοῖς

καὶ ἐπὶ τῇ μεταλήψει τῶν ἀχράντων καὶ ζωοποῶν σου

Μυστηρίων.

Δέομαι οὖν σου, ἀγαθὲ καὶ φιλόανθρωπε,

φύλαξόν με ὑπὸ τὴν σκέπην σου

καὶ ἐν τῇ τῶν πτερύγων σου σκιᾷ·

καὶ δώρησαί μοι ἐν καθαρῷ συνειδóτι

μέχρις ἐσχάτης μου ἀναπνοῆς

ἐπαξίως μετέχειν τῶν ἁγιασμάτων σου,

εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν

καὶ εἰς ζωὴν αἰώνιον.

Σὺ γὰρ εἶ

ὁ ἄρτος τῆς ζωῆς,

ἡ πηγὴ τοῦ ἁγιασμοῦ,

ὁ δοτὴρ τῶν ἀγαθῶν·

καὶ σοὶ τὴν δόξαν ἀναπέμπομεν,

σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι,

νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων.

Ἀμήν.

Владыко Христе

Боже, Царю веков и Содетелю всех, благодарю Тя

о всех, яже ми еси подал благих,

и о причащении пречистых и животворящих Твоих Таинств.

Молю убо Тя, Блаже и человеколюбче:

сохрани мя под кровом Твоим,

и в сени крилу Твоею;

и даруй ми чистою совестью,

даже до последнего моего издыхания,

достойно причащаться святынь Твоих

во оставление грехов и в жизнь вечную.

Ты бо еси хлеб жизни,

источник святыни,

Податель благих,

и Тебе славу возсылаем, со Отцем и Святым Духом,

ныне и присно, и во веки веков.

Аминь.

10. Григорий Назианзин (ок. 330–390)

Βασίλειος ὑπὸ βέλμοῳ

В беседе «Похвальное слово на смерть друга Василия» Григорий, восхваляя его, приводит диалог, в котором Василий противостоит римскому вельможе Модесту. Сцену можно сравнить с речью Сократа перед судом или в какой-то мере с разговором заключенного со Сталиным в «Круге первом» у Солженицына.

– Τί σοι, φησίν, ὃ οὗτος, βούλεται, τοῦνομα προσειπών (οὐπῶ γὰρ ἐπίσκοπον ἡξίου καλεῖν), τὸ κατὰ τοσοῦτου κράτους τολμᾶν, καὶ μόνον τῶν ἄλλων ἀπαυθαδιάζεσθαι;

– Τοῦ χάριν, ὁ γεννάδας φησί, καὶ τίς ἡ ἀπόνοια; Οὐπῶ γὰρ ἐχω γινώσκειν.

– Ὅτι μὴ τὰ βασιλέως θρησκευεῖς, φησί, τῶν ἄλλων ἀπάντων ὑποκλιθέντων καὶ ἡττημένων.

– Οὐ γὰρ ταῦτα, ἔφη, βασιλεὺς ὁ ἐμὸς βούλεται· οὐδὲ κτίσμα τι προσκυνεῖν ἀνέχομαι, Θεοῦ τε κτίσμα τυγχάνων, καὶ θεὸς εἶναι κεκελευσμένος.

– Ἡμεῖς δὲ τί σοι δοκοῦμεν; Ἡ οὐδὲν, ἔφη, ταῦτα προστάττοντες; Τί δαί; οὐ μέγα σοι τὸ μεθ' ἡμῶν τετάχθαι, καὶ κοινωνοὺς ἔχειν ἡμᾶς;

– Ὑπαρχοι μὲν, φησίν, ὑμεῖς, καὶ τῶν ἐπιφανῶν, οὐκ ἀρνήσομαι· οὐπῶ δὲ Θεοῦ τιμιώτεροι. Καὶ τὸ κοινωνοὺς ἔχειν, μέγα μὲν (πῶς γὰρ οὐ; πλάσμα Θεοῦ καὶ ὑμεῖς), ἀλλ' ὥσει τινὰς ἄλλους τῶν ὑφ' ἡμῖν τεταγμένων. Οὐ γὰρ προσώποις τὸν Χριστιανισμόν, ἀλλὰ πίστει χαρακτηρίζεσθαι.

ΜΘ'. Τότε δὴ κινηθέντα τὸν ὑπαρχον, ζέσαι τε πλέον τῷ θυμῷ, καὶ τῆς καθέδρας ἐξαναστῆναι, καὶ τραχυτέροις πρὸς αὐτὸν χρήσασθαι λόγοις.

– Τί δαί; οὐ φοβῇ τὴν ἐξουσίαν, φησίν;

– Μὴ τί γένηται; μὴ δὲ τί πάθω;

– Μὴ τί; Τῶν πολλῶν ἓν, ἃ τῆς ἐμῆς δυναστείας ἐστίν.

– Τίνα ταῦτα; γνωρίζεσθω γὰρ ἡμῖν.

– Δήμευσιν, ἐξορίαν, βασάνους, θάνατον.

– Εἴ τι ἄλλο, φησίν, ἀπέλπει· τούτων γὰρ οὐδὲν ἡμῶν ἀπτεται.

– Καὶ τὸν εἰπεῖν· Πῶς καὶ τίνα τρόπον;

— Что это значит, — сказал Модест, называя его по имени (он еще не удостоивал именовать его епископом), — сопротивляться такой власти и одному из всех оставаться непреклонным?

— В чем же мое неразумие? — отвечал доблестный муж. — Что-то я этого не понимаю.

— В том, что не держишься одной веры с царем, хотя все другие склонились и уступили.

— Но это не то, чего хочет *мой* царь, и я, будучи сам Божьей тварью и призванный быть богом, не могу поклониться твари.

— Так что же мы, по твоему мнению? Или мы, повелевающие это, ничего не значим? Почему не важно для тебя присоединиться к нам и быть с нами в общении?

— Вы, — говорит он, — вельможи, и вельможи знатные, я этого не отрицаю, однако же вы — не выше Бога. И для меня важно быть в общении с вами (почему же нет? И вы — Божья тварь); впрочем, не важнее, чем быть в общении со всякими другими из подчиненных нам. Потому что христианство определяется не личностями, но верой.

Тогда вельможа пришел в ярость. Кипя гневом, встал он со своего места и стал говорить более сурово, чем прежде:

— Что же, разве не боишься ты начальства?

— А что может случиться? И чего я не вытерплю?

— Чего? Да хотя бы и одного из многого, что в моей власти!

— Что же это такое? Объясни нам!

— Конфискация имущества, изгнание, пытки, смерть.

— Поищи другие угрозы! Ибо из этого ничто нас не пугает.

— Как же это? И почему? — спросил вельможа.

— Потому, — сказал Василий, — что нелегко отнять какое-то имущество у того, кто ничего не имеет, разве что потребуешь у меня и это волосяное рубище, и немногие книги, которые — все мои пожитки. Изгнание мне непонятно, я не ограничен никаким местом,

— Ὅτι τοι, ἔφη, δημεύσει μὲν οὐχ ἁλωτός, ὁ μὴδὲν ἔχων, πλὴν εἰ τούτων χρήσεις τῶν τρυχίνων μου βακίων, καὶ βιβλίων ὀλίγων, ἐν οἷς ὁ πᾶς ἐμοὶ βίος. Ἐξορίαν δὲ οὐ γινώσκω, ὁ μὴδενὶ τόπῳ περίγραπτος, καὶ μήτε ταύτην ἔχων ἐμήν, ἦν οἰκῶ νῦν, καὶ πᾶσαν ἐμήν, εἰς ἣν ἂν ῥιψῶ· μᾶλλον δέ, τοῦ Θεοῦ πᾶσαν, οὐ πάροικος ἐγὼ καὶ παρεπίδημος. Αἱ βάσανοι δέ, τί ἂν λάβοιεν, οὐκ ὄντος σώματος, πλὴν εἰ τὴν πρώτην λέγοις πληγὴν; Ταύτης γὰρ σὺ μόνης κύριος. Ὁ δὲ θάνατος εὐεργέτης. Καὶ γὰρ θᾶπτον πέμψει με πρὸς Θεόν, ὃ ζῶ, καὶ πολιτεύομαι, καὶ τῷ πλείστῳ, τέθνηκα, καὶ πρὸς ὃν ἐπείγομαι πόρρωθεν.

Ν'. Τούτοις καταπλαγέντα τὸν ὑπαρχον, Οὐδεῖς, φάναι, μέχρι τοῦ νῦν οὕτως ἐμοὶ διείλεκται, καὶ μετὰ τοσαύτης τῆς παρρησίας, τὸ αὐτοῦ προσθεῖς δομα.

— Οὐδὲ γὰρ ἐπισκόπῳ ἴσως, φησὶν, ἐνέτυχες· ἢ πάντως ἂν τοῦτον διεiléχθη τὸν τρόπον, ὑπὲρ τοιούτων ἀγωνιζόμενος. Τᾶλλα μὲν γὰρ ἐπικεικίς ἡμεῖς, ὑπαρχε, καὶ παντὸς ἄλλου ταπεινότεροι, τοῦτο τῆς ἐντολῆς κελευούσης· καὶ μὴ ὅτι τοσούτῳ κράτει, ἀλλὰ μὴδὲ τῶν τυχόντων ἐνὶ τὴν ὄφρυν αἵροντες. Οὐ δὲ Θεὸς τὸ κινδυνευόμενον καὶ προκείμενον, τᾶλλα περιφρονοῦντες, πρὸς αὐτὸν μόνον βλέπομεν. Πῦρ δέ, καὶ ξίφος, καὶ θῆρες, καὶ οἱ τὰς σάρκας τέμνοντες ὄνυχες, τρυφή μᾶλλον ἡμῖν εἰσιν, ἢ κατάπληξις. Πρὸς ταῦτα ὕβριζε, ἀπειλεῖ, ποιεῖ πᾶν ὃ τι οὖν ἂν ἡ βουλομένῳ σοι, τῆς ἐξουσίας ἀπόλαυε. Ἀκουέτω ταῦτα καὶ βασιλεύς· ὥς ἡμᾶς γε οὐχ αἰρήσεις, οὐδὲ πείσεις, συθέσθαι τῇ ἀσεβείᾳ, κἂν ἀπειλῆς χαλεπώτερα.

Ἐπειδὴ ταῦτα εἰπεῖν καὶ ἀκοῦσαι τὸν ὑπαρχον, καὶ τὴν ἐνστασιν μαθεῖν τοῦ ἀνδρός, οὕτως ἀκατάπληκτον καὶ ἀήττητον, τὸν μὲν ἐξω πέμψαι καὶ μεταστήσασθαι, οὐκ ἔτι μετὰ τῆς αὐτῆς ἀπειλῆς, ἀλλὰ τινος αἰδοῦς καὶ ὑποχωρήσεως.

и та страна, где живу, — не моя, и всякая, куда кинут, станет моею. Лучше сказать: все принадлежит Богу, а я — Его споспешник и спутник. А истязания? Что они сделают тому, чьего тела не существует, если именно на тело направлен твой первый удар? Это — единственное, чем ты можешь распорядиться! Смерть же для меня благодетельна. Она скорее преподшлет меня к Богу, для Которого живу, и с Которым — согражданин и для мира уже умер, и к Которому давно поспешаю.

Вельможа, изумленный таким словами, сказал:

— Никто прежде не говорил со мной так и с такой свободой. — И он присвокупил его имя.

— Ты, верно, никогда не встречал епископа, — сказал Василий. А если бы встретил, то в спорах о таких вещах он говорил бы с тобой подобным же образом. В других вещах мы слабы, о господин, и более смиренны, чем кто-либо другой — так нам повелевает наша заповедь. И мы не поднимаем брови (т. е. не возносимся) не только перед таким важным начальством, но и ни перед кем-либо вообще. Но там, где речь идет о Боге, и угрожают Ему, там только Он пред нашими глазами, а все иное мы презираем. Огонь и меч, и дикие звери, и крюки, врезающиеся в плоть, — для нас скорее удовольствие, чем ужас. Сверх этого — оскорбляй, грози, делай, что тебе угодно, пользуйся своей властью! Пусть и царь услышит об этом! Нас тебе никак не покорить и не заставить примкнуть к нечестию, чем бы ты нам ни грозил.

После такой беседы вельможа, узнав до какой степени неустрашима и неодолима твердость этого человека, уже не прежним угрожающим тоном, но с некоторым уважением и уступчивостью отпустил его, повелев уходить.

Слова о богословии (27–31)

Это произведение — важнейший богословский труд Григория и краеугольный камень православного богословия. Именно благодаря ему Григория называли «Богослов». Первая речь («логос») является вводной в полемике с арианской ересью, вторая посвящена Троице, две следующих — Сыну, а последняя — Духу Святому. Мы приводим отрывки из всех пяти.

I. 10

... Βάλλε μοι Πυθαγόρου τὴν σιωπὴν καὶ τοὺς κυάμους τοὺς ὄρφικους καὶ τὴν περὶ τὸ Αὐτὸς ἔφα καινότεραν ἀλαζονείαν. βάλλε μοι Πλάτωνος τὰς ιδέας, καὶ τὰς μετενσωματώσεις καὶ περιόδους τῶν ἡμετέρων ψυχῶν, καὶ τὰς ἀναμνήσεις, καὶ τοὺς οὐ καλοὺς διὰ τῶν καλῶν σωμάτων ἐπὶ ψυχὴν ἔρωτας· Ἐπικούρου τὴν ἀθείαν καὶ τὰς ἀτόμους καὶ τὴν ἀφιλόσοφον ἡδονήν· Ἀριστοτέλους τὴν μικρολόγον πρόνοιαν καὶ τὸ ἐντεχνον καὶ τοὺς θνητοὺς περὶ ψυχῆς λόγους καὶ τὸ ἀνθρωπικὸν τῶν δογμάτων· τῆς Στοᾶς τὴν ὀφρὺν, τῶν Κυνῶν τὸ λίχνον τε καὶ ἀγοραῖον. βάλλε μοι τὸ κενόν, τὸ πληρες τῶν ληρημάτων, ὅσα περὶ θεῶν ἢ θυσιῶν, περὶ εἰδώλων, περὶ δαιμόνων ἀγαθῶν τε καὶ κακοποιῶν, ὅσα περὶ μαντείας, θεαγωγίας, ψυχαγωγίας, ἄστρον δυνάμεως, τερατεύονται.

εἰ δὲ σὺ ταῦτα μὲν ἀπαξιοῖς λόγου, ὥς μικρά τε καὶ πολλάκις ἐληλεγμένα, περὶ δὲ τὰ σὰ στρέφη, καὶ ζητεῖς τὸ ἐν τούτοις φιλότιμον, ἐγὼ σοι κἀνταῦθα παρέξομαι πλατείας ὁδοῦς. φιλοσόφει μοι περὶ κόσμου ἢ κόσμων, περὶ ὕλης, περὶ ψυχῆς, περὶ λογικῶν φύσεων βελτιόνων τε καὶ χειρόνων, περὶ ἀναστάσεως, κρίσεως, ἀνταποδόσεως, Χριστοῦ παθημάτων. ἐν τούτοις γὰρ καὶ τὸ ἐπιτυχάνειν οὐκ ἄχρηστον, καὶ τὸ διαμαρτάνειν ἀκίνδυνον.

II. 3–4

3. Τί τοῦτο ἔπαθον, ὦ φίλοι καὶ μύσται καὶ τῆς ἀληθείας συνερασταί; ἔτρεχον μὲν ὥς Θεὸν καταληψόμενος, καὶ οὕτως ἀνῆλθον ἐπὶ τὸ ὄρος καὶ τὴν νεφέλην διέσχον, εἴσω γενόμενος ἀπὸ τῆς ὕλης καὶ τῶν ὑλικῶν καὶ εἰς ἑμαυτὸν ὥς οἶόν τε συστραφεῖς. ἐπεὶ δὲ προσέβλεψα, μόλις εἶδον Θεοῦ τὰ ὀπίσθια· καὶ τοῦτο τῇ πέτρᾳ

**1, 10. Истинные богословско-философские вопросы
(Из окончания вводной книги)**

...Рази, мой друг, Пифагорово молчание, и орфические бобы¹, и это вечное присловье новых времен «Он сам так сказал!» Рази Платоновы идеи, и перевоплощения и переселения наших душ, его воспоминания и его нечистую любовь (эрос) к душе из-за прекрасных тел; рази Эпикурово безбожие, и атомы, и чуждое философии наслаждение; рази Аристотелев мелочный промысел и (логическую) технику, его смертные суждения о душе и сосредоточенность его учения на человеке; рази надменность стойков и сластолюбие и низость киников. Рази пустоту, полную болтовни о богах или жертвах, об идолах и о добрых или злых демонах, — все, что они лгут о прорицаниях, о вызывании богов и душ, о влиянии звезд!

А если ты, считая, что об этом не стоит говорить, поскольку это мелко и многократно опровергнуто, обращаешься к своему и ищешь в этом славы, то и тут я предложу тебе широкие пути. Философствуй о мире или мирах, о материи, о душе, о лучших или худших разумных природах, о воскресении, о суде, о воздаянии, Христовых страданиях! Преуспеть в таких вопросах не бесполезно, а ошибиться не опасно.

Но мы обратимся к Богу, сейчас — немного, а чуть позже — может быть, поболее, к Самому Иисусу Христу, Господу нашему, Которому слава вовеки. Амины!

¹ Под «бобами» имеется в виду то, что пифагорейско-орфический образ жизни включал в себя запрет есть бобы.

II, 3–4. О возможности богопознания

Задача богословия рассматривается как ἀνάβασις (восхождение), подобно восхождению Моисея на гору Синай (Исх. 19, 3–13; 24), что в данном тексте излагается в свете Ин. 20 на примере ученика, который подбегает ко гробу и смотрит, там ли Иисус.

Но что со мною сделалось, друзья и посвященные, и подобно мне стремящиеся к истине? Я бежал с намерением постичь Бога; и так

σκεπασθείς, τῷ σαρκωθέντι δι' ἡμᾶς Θεῷ Λόγῳ· καὶ μικρὸν διακύψας, οὐ τὴν πρώτην τε καὶ ἀκήρατον φύσιν καὶ ἑαυτῇ, λέγω δὴ τῇ Τριάδι, γινωσκομένην, καὶ ὅση τοῦ πρώτου καταπετάσματος εἴσω μένει καὶ ὑπὸ τῶν χειρουβὶμ συγκαλύπτεται, ἀλλ' ὅση τελευταία καὶ εἰς ἡμᾶς φθάνουσα, ἥ δέ ἐστιν, ὅσα ἐμὲ γινώσκειν, ἥ ἐν τοῖς κτίσμασι καὶ τοῖς ὑπ' αὐτοῦ προβεβλημένοις καὶ διοικουμένοις μεγαλειότης, ἥ, ὡς ὁ θεὸς Δαυὶδ ὀνομάζει, μεγαλοπρέπεια. ταῦτα γὰρ Θεοῦ τὰ ὀπίσθια, ὅσα μετ' ἐκεῖνον ἐκείνου γνωρίσματα, ὥσπερ αἱ καθ' ὕδατων ἡλίου σκιαὶ καὶ εἰκόνες ταῖς σαθραῖς ὅψει παραδεικνῦσαι τὸν ἥλιον, ἐπεὶ μὴ αὐτὸν προσβλέπειν οἶόν τε, τῷ ἀκραιφνεῖ τοῦ φωτὸς νικῶντα τὴν αἴσθησιν.

οὕτως οὖν θεολογήσεις, κἂν ἥς Μωϋσῆς καὶ φαραὼ θεός, κἂν μέχρι τρίτου κατὰ τὸν Παῦλον οὐρανοῦ φθάσης καὶ ἀκούσης ἄρρητα ῥήματα, κἂν ὑπὲρ ἐκείνους γένῃ, ἀγγελικῆς τινὸς ἢ ἀρχαγγελικῆς στάσεως τε καὶ τάξεως ἡξιωμένος. κἂν γὰρ οὐράνιον ἅπαν, κἂν ὑπερουράνιον τι, καὶ πολὺ τὴν φύσιν ὑψηλότερον ἡμῶν ἢ, καὶ ἐγγυτέρω Θεοῦ, πλεόν ἀπέχει Θεοῦ καὶ τῆς τελείας καταλήψεως, ἢ ὅσον ἡμῶν ὑπεραίρει τοῦ συνθέτου καὶ ταπεινοῦ καὶ κάτω βρίθοντος κράματος.

4. Ἀρκτέον οὖν οὕτω πάλιν. Θεὸν νοῆσαι μὲν χαλεπόν, φράσαι δὲ ἀδύνατον, ὥς τις τῶν παρ' Ἑλλήσι θεολόγων ἐφιλοσόφησεν, – οὐκ ἀτέχνως ἐμοὶ δοκεῖν, ἵνα καὶ κατελιφέναι δόξη τὸ χαλεπὸν εἰπεῖν, καὶ διαφύγη τῷ ἀνεκφράστῳ τὸν ἔλεγχον –. ἀλλὰ φράσαι μὲν ἀδύνατον, ὡς ὁ ἐμὸς λόγος, νοῆσαι δὲ ἀδυνατώτερον. τὸ μὲν γὰρ νοηθὲν τάχα ἂν λόγος δηλώσειεν, εἰ καὶ μὴ μετρίως, ἀλλ' ἄμυδρῶς γε, τῷ μὴ πάντῃ τὰ ὅτα διεφθαρμένῳ καὶ νωθρῷ τὴν διάνοιαν. τὸ δὲ τοσοῦτον πρᾶγμα τῇ διανοίᾳ περιλαβεῖν πάντως ἀδύνατον καὶ ἀμήχανον, μὴ ὅτι τοῖς καταβεβλακευμένοις καὶ κάτω νεύουσιν, ἀλλὰ καὶ τοῖς λίαν ὑψηλοῖς τε καὶ φιλοθέοις, καὶ ὁμοίως πάσῃ γεννητῇ φύσει, καὶ οἷς ὁ ζόφος οὗτος ἐπιπροσθεῖ καὶ τὸ παχὺ τοῦτο σαρκίον πρὸς τὴν τοῦ ἀληθοῦς κατανόησιν ...

III. 2–3

2. Τρεῖς αἱ ἀνωτάτω δόξαι περὶ Θεοῦ, ἀναρχία, καὶ πολυαρχία, καὶ μοναρχία. αἱ μὲν οὖν δύο παισὶν Ἑλλήνων ἐπαίχθησαν, καὶ παιζέσθωσαν. τό τε γὰρ ἀναρχὸν ἄτακτον· τό τε πολυαρχὸν στασιῶδες, καὶ οὕτως ἀναρχὸν, καὶ οὕτως ἄτακτον. εἰς ταῦτόν γὰρ ἀμφοτέρω φέρει, τὴν ἀταξίαν, ἥ δὲ εἰς λύσιν· ἀταξία γὰρ μελέτη λύσεως.

поднялся я на гору и преодолел туман, исходивший из материи и материального, и обратился, насколько мог, к себе самому. Но когда я простер взор, то увидел Бога лишь сзади (*Исх. 33, 23*), и то в виде каменной скалы: Божье слово, которое ради нас стало плотью. И когда я немного наклонился, я увидел не то первичное и несмешиваемое естество, познаваемое Им Самим, т. е. Троицу, которое пребывает внутри в первичном сложении и прикрыто херувимами (*Исх. 25, 18*), но то, что относится к краям, и то, что достигает нас; и это, насколько я понимаю, — величие, или, как называет ее божественный Давид, «величественность» (*ср. Пс. 8, 2*), которое проявляется в тварях или в тех вещах, что созданы и управляемы Богом. Ибо Бог сзади — это то, что по Нему узнается в Нем. Подобно тому, как тени и отражения солнца в воде показывают его слабым взглядам, поскольку невозможно смотреть на него, так как в силу беспримесности своего света оно превосходит человеческие чувства.

Так же и тебе надобно заниматься богословием. И даже если бы ты был Моисеем и богом для фараона (*Исх. 7, 1*), и даже если бы ты достиг того, что Павел называет «третьим небом» и услышал «неизреченные слова» (*2 Кор. 12, 4*), и даже, превзойдя все, удостоился бы ангельского или архангельского состояний и чина, и пусть ты бы стал небесной или сверхнебесной природы, которая, должно быть, много выше, чем наша природа, и приблизился бы к Богу, все равно ты будешь на большем расстоянии от Бога и полного понимания Его, чем Он от нашего смешанного и низменного и отяжеленного естества.

4. Вернемся к началу. — «Постичь Бога трудно, описать Его невозможно» — как философствовал один из эллинских мудрецов (*Платон. Тимей, 28 в*) и, думаю, не ошибался, поскольку, мне кажется, он-то как раз и понял трудность изложения этого в словах, а также и то, что в силу своей несказуемости оно избегает и наглядности. Но мое учение идет дальше, утверждая, что хотя невозможно изложить это словами, постичь и понять еще невозможней. Поскольку то, что понято, по мере сил можно объяснить, пусть даже не полностью, но все же доступно для того, у кого не совсем повреждены уши и чья мысль не бессильна. Но постичь вещи такого уровня своей мыслью — совершенно невозможно и невыполнимо, и не только тугодумам и приземленным, но и весьма возвышенным и вполне одаренным милостью Божьей; и то же самое — со всяким тварным естеством и всеми, для кого эта темнота и эта непроницаемая телесность — преграда на пути к пониманию истины.

III, 2–3. Святая Троица и время/вечность

2. Есть три высших представления о Боге: безначалие (*анархия*), многоначалие (*полиархия*) и единоначалие (*монархия*). Игра в два первых была придумана детьми Эллады — и пусть себе играют! Ведь

ἡμῖν δὲ μοναρχία τὸ τιμώμενον· μοναρχία δέ, οὐχ ἦν ἐν περιγράφει πρόσωπον· ἔστι γὰρ καὶ τὸ ἐν στασιάζον πρὸς ἑαυτὸ πολλὰ καθίστασθαι· ἀλλ' ἦν φύσεως ὁμοτιμία συνίστησι, καὶ γνώμης σύμπνοια, καὶ ταυτότης κινήσεως, καὶ πρὸς τὸ ἐν τῶν ἐξ αὐτοῦ σύννευσις, ὅπερ ἀμήχανον ἐπὶ τῆς γεννητῆς φύσεως, ὥστε κἂν ἀριθμῷ διαφέρει, τῇ γε οὐσίᾳ μὴ τέμνεσθαι. διὰ τοῦτο μονὰς ἀπ' ἀρχῆς εἰς δυάδα κινήθεισα, μέχρι Τριάδος ἔστη.

καὶ τοῦτό ἐστιν ἡμῖν ὁ Πατήρ, καὶ ὁ Υἱός, καὶ τὸ ἅγιον Πνεῦμα· ὁ μὲν γεννήτωρ καὶ προβολεύς, λέγω δὲ ἀπαθῆς καὶ ἀχρόνως καὶ ἀσωμάτως· τῶν δὲ τὸ μὲν γέννημα τὸ δὲ πρόβλημα, ἢ οὐκ οἶδ' ὅπως ἂν τις ταῦτα καλέσειεν, ἀφελὼν πάντη τῶν ὀρωμένων. οὐ γὰρ δὴ ὑπέρχυσιν ἀγαθότητος εἰπεῖν θαρρήσομεν, ὃ τῶν παρ' Ἑλλήσι φιλοσοφησάντων εἰπεῖν τις ἐτόλμησεν, οἷον κρατὴρ τις ὑπερερρῦη, σαφῶς οὕτωςι λέγων, ἐν οἷς περὶ πρώτου αἰτίου καὶ δευτέρου φιλοσοφεῖ· μὴ ποτε ἀκούσιον τὴν γέννησιν εἰσαγάγωμεν, καὶ οἷον περίττωμά τι φυσικὸν καὶ δυσκάθεκτον, ἥκιστα ταῖς περὶ θεότητος ὑπονοίαις πρέπον. διὰ τοῦτο ἐπὶ τῶν ἡμετέρων ὄρων ἱστάμενοι τὸ ἀγέννητον εἰσάγομεν, καὶ τὸ γεννητόν, καὶ τὸ ἐκ τοῦ Πατρὸς ἐκπορευόμενον, ὥς πού φησιν αὐτὸς ὁ Θεὸς καὶ Λόγος.

3. Πότε οὖν ταῦτα; ὑπὲρ τὸ πότε ταῦτα. εἰ δὲ δεῖ τι καὶ νεανικῶς εἰπεῖν, ὅτε ὁ Πατήρ. πότε δὲ ὁ Πατήρ; οὐκ ἦν ὅτε οὐκ ἦν. τοῦτο οὖν καὶ ὁ Υἱός, καὶ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον πάλιν ἐρώτα με, καὶ πάλιν ἀποκρινοῦμαί σοι.

πότε ὁ Υἱὸς γεγέννηται; ὅτε ὁ Πατήρ οὐ γεγέννηται. πότε δὲ τὸ Πνεῦμα ἐκπεπόρευται; ὅτε ὁ Υἱὸς οὐκ ἐκπεπόρευται, ἀλλὰ γεγέννηται ἀχρόνως καὶ ὑπὲρ λόγον· εἰ καὶ μὴ δυνάμεθα τὸ ὑπὲρ χρόνον παραστήσαι, θέλοντες χρονικὴν ἐκφυγεῖν ἔμφασιν· τὸ γὰρ ὅτε καὶ τοῦδε καὶ μετὰ ταῦτα καὶ ἀπ' ἀρχῆς οὐκ ἄχρονα, κἂν ὅτι μάλιστα βιαζώμεθα· πλὴν εἰ τὸ παρεκτεινόμενον τοῖς αἰδίοις διάστημα τὸν αἰῶνα λαμβάνοιμεν, τὸ μὴ κινήσει τινὶ μηδὲ ἡλίου φορᾶ μεριζόμενον καὶ μετρούμενον, ὅπερ ὁ χρόνος. πῶς οὖν οὐ συνάναρχα, εἰ συνάΐδια; ὅτι ἐκεῖθεν, εἰ καὶ μὴ μετ' ἐκεῖνον. τὸ μὲν γὰρ ἀναρχον καὶ αἰδιον· τὸ αἰδιον δὲ οὐ πάντως ἀναρχον, ἕως ἂν εἰς ἀρχὴν ἀναφέρηται τὸν Πατέρα. οὐκ ἀναρχα οὖν τῷ αἰτίῳ· δηλον δὲ τὸ αἴτιον ὥς οὐ πάντως πρεσβύτερον τῶν ὧν ἐστιν αἴτιον· οὐδὲ γὰρ τοῦ φωτὸς ἥλιος. καὶ

безначалие беспорядочно, а многоначалие возмутительно и вследствие этого тоже беспорядочно. Оба приводят к одному и тому же — к беспорядку, а он в свою очередь — к разрушению, ибо беспорядок означает подготовку разрушения.

Мы же чтим единоначалие; не то единоначалие, что ограничено одной персоной (и одна, если она в разладе с самой собой, составит множество), но то, которое составляет природной равноценной, совпадением мнений, идентичностью мотивации и согласием с единым, из этого проистекающим (нечто невозможное в тварной реальности), — так что даже различаясь в числе, оно не разделяется по сути. Потому единица, изначально движущаяся к двойственности, останавливается на тринности.

А это для нас Отец и Сын и Дух Святой: Один — рождающий и производящий (я имею в виду бесстрастный, безвременный и бестелесный способ); а из двух последних Один — порождение, а Другой — произведение, или как еще назвать Их, удаляясь от всего чувственного. Ибо я не дерзаю сказать «преизбыток благодати», — то, на что, философствуя, дерзнул один из греков словами: «подобно переливающейся через края чаше»¹ (он ясно говорит об этом там, где размышляет о первичных и вторичных причинах), чтобы ни в коем случае не навести на мысль о произвольном рождении, чем-то вроде естественного преизбытка, который трудно удержать, что менее всего уместно, когда думаешь о Божестве. А потому мы остаемся в своих пределах и вводим (обозначения) «Нерожденный», «Рожденный» и «От Отца исходящий»², как однажды Сам Бог и Слово это сказал.

3. Когда это случилось? Это превыше «когда». Если же следует и нечто дерзкое спросить: «Если Отец?», то — «Когда же — Отец?» Никогда не было, чтобы Он не был!³ То же самое — относительно Сына и Святого Духа. Спроси меня снова и я снова так отвечу тебе.

Когда родился Сын? Когда не родился Отец! Когда изшел Дух? Когда не изшел, но был рожден Сын — вне времени и выше выразимого словом! Ведь мы не можем представить то, что выше времени, избегая выражений, означающих время. Ибо «когда» и «прежде», и «затем», и «сначала» не суть нечто вневременное, как ни старайся; короче, возьмем «вечность» для обозначения бесконечно великих величин, которые не делятся подобно времени и не измеряются неким движением или ходом солнца. Почему же тогда не со-безначальный, если не со-вечный? Потому что «из Него» (т. е. из Отца), а не после Него. Безначальное, конечно, тоже вечно, но вечное не совершенно безначально, если его можно возвести к началу, Отцу. Они же (т. е. Сын и Дух) не безначальны вследствие наличия их Причины; что же касается Причины, то очевидно, что ей совершенно не обязательно быть старше того, чему она причина, например, солнцу быть старше

ἀναρχά πως τῷ χρόνῳ, κἄν σὺ μορμολύττῃ ἀπλουστέρους· οὐ γὰρ ὑπὸ χρόνον τὰ ἐξ ὧν ὁ χρόνος.

III. 16

... Ὁ Πατήρ, φησίν, οὐσίας ἢ ἐνεργείας ὄνομα; ὥς ἀμφοτέρωθεν ἡμᾶς δήσοντες, — εἰ μὲν οὐσίας φήσομεν, συννησομένους ἑτεροούσιον εἶναι τὸν Υἱόν, ἐπειδὴ μία μὲν οὐσία Θεοῦ, ταύτην δέ, ὥς οὗτοι, προκατεῖληφεν ὁ Πατήρ· εἰ δὲ ἐνεργείας, ποίημα σαφῶς ὁμολογήσοντας, ἀλλ' οὐ γέννημα. οὐ γὰρ ὁ ἐνεργῶν, ἐκεῖ πάντως καὶ τὸ ἐνεργούμενον. καὶ πῶς τῷ πεποιηκότι ταὐτὸν τὸ πεποιημένον, θαυμάζειν φήσουσι.

σφόδρα ἂν ἡδέσθην ὑμῶν καὶ αὐτὸς τὴν διαίρεσιν, εἰ τῶν δύο τὸ ἕτερον δέξασθαι ἦν ἀναγκαῖον, ἀλλὰ μὴ τὰ δύο διαφυγόντα τρίτον εἰπεῖν ἀληθέστερον· ὅτι οὔτε οὐσίας ὄνομα ὁ Πατήρ, ὃ σοφώτατοι, οὔτε ἐνεργείας, σχέσεως δὲ καὶ τοῦ πῶς ἔχει πρὸς τὸν Υἱὸν ὁ Πατήρ, ἢ ὁ Υἱὸς πρὸς τὸν Πατέρα. ὥς γὰρ παρ' ἡμῖν αἱ κλήσεις αὗται τὸ γνήσιον καὶ οἰκεῖον γνωρίζουσιν, οὕτω κάκει τὴν τοῦ γεγεννημένου πρὸς τὸ γεγεννηκὸς ὁμοφυΐαν σημαίνουσιν.

ἔστω δέ, ὑμῶν χάριν, καὶ οὐσίας τις ὁ Πατήρ· συνεισάξει τὸν Υἱόν, οὐκ ἀλλοτριώσει, κατὰ τὰς κοινὰς ἐννοίας καὶ τὴν τῶν κλήσεων τούτων δύναμιν. ἔστω καὶ ἐνεργείας, εἰ τοῦτο δοκεῖ· οὐδὲ οὕτως ἡμᾶς αἰρήσετε. αὐτὸ δὲ τοῦτο ἐνεργηκῶς ἂν εἴῃ τὸ ὁμοούσιον, εἰ καὶ ἄτοπος ἄλλως ἢ τῆς περὶ τοῦτο ἐνεργείας ὑπόληψις.

IV. 17-18

17. Ἀρκτέον δὲ ἡμῖν ἐντεῦθεν. τὸ θεῖον ἀκατονόμαστον· καὶ τοῦτο δηλοῦσιν, οὐχ οἱ λογισμοὶ μόνον, ἀλλὰ καὶ Ἑβραίων οἱ σοφώτατοι καὶ παλαιότατοι, ὅσον εἰκάζειν ἔδοσαν. οἱ γὰρ χαρακτηρῶσιν ἰδίους τὸ θεῖον

света. Они таким образом — безначальны вследствие независимости от времени, если тебя не пугает это более простое выражение. Ибо не под временем Те, из Которых начинается время.

III, 16. *Сущность (οὐσία) и/или энергия (ἐνέργεια)?*

Говорят, а что же тогда «Отец», это имя по сущности или по энергии?

И словно хотят связать нас с обеих сторон. Ибо если мы скажем «по сущности», они возразят, что Сын — иносущий, поскольку сущность Божия одна и ее, скажут они, предвосхитил уже Отец. А скажем «по энергии», они возразят, что тогда очевидно, что Сын — творение, а не рождение, потому что там, где есть действующий, должно быть и произведение. И они будут продолжать спрашивать, как же сотворенный может быть тождествен Творцу.

Я бы в высшей степени уважал расхождение их мнений, если бы было необходимо принять одну из двух возможностей и если бы не было справедливей, избежав обе опасности, выбрать вместо этого третье. Ибо «Отец» — имя не сущности или, о мудрейшие, энергии, но отношения, а именно того, как Отец относится к Сыну или Сын относится к Отцу. Ведь подобно тому, как у нас эти слова означают родство и семейную близость, так же и здесь они показывают соестественность рожденного с родившим.

Ну хорошо, пусть ради вас слово «Отец» будет для обозначения некой сущности! Оно внесет с собою и Сына, а не отчуждит Его по отношению к общепринятому и наличествующему в этих наименованиях смыслу. А если хотите, пусть имя будет и энергии. И в этом случае вы не переспорите нас. Мы утверждаем, что единосущность именно и должна была быть по энергии, а иначе принятие энергии в этом случае было бы бессмысленно.

¹ Плотин. Эннеада 5, 1, 6 (ср.: Платон. Тимей 41d). Григорий в данном случае критикует учение Плотина об эманации.

² Положение «Святой Дух, «исходящий от Отца»» (Ин. 16, 26), стало впоследствии предметом споров о *filioque* между Западной и Восточной Церквями, так как Западная Церковь добавила: «и от Сына».

³ Эта формулировка через Оригена (De Princip. I, 2, 9; IV, 4, 1) восходит к толкованию «Тимея» в эпоху срединного платонизма (Дидаскалии Альбина. XIV).

IV, 17–18. *Неназываемые имена Божьи*

17. Начнем со следующего. Божество именуемо. И не одни только общие рассуждения доказывают это, но и мудрейшие и древнейшие из евреев, обладавшие искусством возражения. Ведь почтив Божество особыми начертаниями и не дерзнув теми же буквами, какими описы-

τιμήσαντες, καὶ οὐδὲ γράμμασιν ἀνασχόμενοι τοῖς αὐτοῖς ἄλλο τι γράφεσθαι τῶν μετὰ Θεὸν καὶ Θεόν, ὡς δέον ἀκοινώνητον εἶναι καὶ μέχρι τούτου τὸ θεῖον τοῖς ἡμετέροις, πότε ἂν δέξαιτο λυομένη φωνὴ δηλοῦσθαι τὴν ἄλυτον φύσιν καὶ ἰδιάζουσαν; οὔτε γὰρ ἄερα τις ἐπνευσεν ὅλον πῶποτε, οὔτε οὐσίαν Θεοῦ παντελῶς ἡ νοῦς κεχώρηκεν, ἡ φωνὴ περιέλαβεν. ἀλλ' ἐκ τῶν περὶ αὐτὸν¹⁾ σκιαγραφοῦντες τὰ κατ' αὐτόν, ἀμυδρὰν τινα καὶ ἀσθενῆ καὶ ἄλλην ἀπ' ἄλλου φαντασίαν συλλέγομεν.

καὶ οὗτος ἄριστος ἡμῖν θεολόγος, οὐχ ὃς εὔρε τὸ πᾶν, οὐδὲ γὰρ δέχεται τὸ πᾶν ὁ δεσμός,²⁾ ἀλλ' ὃς ἂν ἄλλου φαντασθῇ πλέον, καὶ πλεῖον ἐν ἑαυτῷ συναγάγῃ τὸ τῆς ἀληθείας Ἰνδαλμα,³⁾ ἡ ἀποσκίασμα, ἡ δὲ τι καὶ ὀνομάσομεν.

18. "Ὅσον δ' οὖν ἐκ τῶν ἡμῖν ἐφικτῶν, ὁ μὲν ὢν, καὶ ὁ Θεός, μᾶλλον πῶς τῆς οὐσίας ὀνόματα· καὶ τούτων μᾶλλον ὁ ὢν· οὐ μόνον ὅτι τῷ Μωϋσεὶ χρηματίζων ἐπὶ τοῦ ὄρους, καὶ τὴν κλῆσιν ἀπαιτούμενος, ἡ τίς ποτε εἶπεν, τοῦτο προσεῖπεν ἑαυτόν, 'Ὁ ὢν ἀπέσταλκέ με, τῷ λαῷ κελεύσας εἰπεῖν· ἀλλ' ὅτι καὶ κυριωτέραν ταύτην εὐρίσκομεν.

ἡ μὲν γὰρ τοῦ Θεοῦ, κἂν ἀπὸ τοῦ θέειν, ἡ αἰθεῖν, ἡτυμολόγηται τοῖς περὶ ταῦτα κομποῖς,

διὰ τὸ ἀεικίνητον καὶ δαπανητικὸν τῶν μοχθηρῶν ἑξεῶν, — καὶ γὰρ πῦρ καταναλίσκον ἐντεῦθεν λέγεται, — ἀλλ' οὖν τῶν πρὸς τι λεγομένων ἐστί, καὶ οὐκ ἄφετος· ὥσπερ καὶ ἡ Κύριος φωνή, ὄνομα εἶναι Θεοῦ καὶ αὐτῇ λεγομένη· Ἐγὼ γάρ, φησί, Κύριος ὁ Θεός σου· τοῦτό μοι ἐστὶν ὄνομα. καὶ Κύριος ὄνομα αὐτῷ.

ἡμεῖς δὲ φύσιν ἐπιζητοῦμεν, ἡ τὸ εἶναι καθ' ἑαυτό, καὶ οὐκ ἄλλω¹⁾ συνδεδεμένον· τὸ δὲ ὄν ἴδιον ὄντως Θεοῦ, καὶ ὅλον, μήτε τῷ πρὸ αὐτοῦ, μήτε τῷ μετ' αὐτόν, οὐ γὰρ ἦν, ἡ ἔσται, περατούμενον ἡ περι-κοπτόμενον.

V. 5 etc.

5. Τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον σαδδουκαῖοι μὲν οὐδὲ εἶναι τὸ παράπαν ἐνόμισαν· οὐδὲ γὰρ ἀγγέλους, οὐδὲ ἀνάστασιν· οὐκ οἶδ' ὅθεν τὰς τοσαύτας περὶ αὐτοῦ μαρτυρίας ἐν τῇ παλαιᾷ διαπτύσαντες. Ἑλλήνων δὲ οἱ θεολογικώτεροι, καὶ μᾶλλον ἡμῖν προσεγγίσαντες, ἐφαντάσθησαν μὲν, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ· περὶ δὲ τὴν κλῆσιν διηνέχθησαν, νοῦν τοῦ παντός, καὶ τὸν θύραθεν νοῦν, καὶ τὰ τοιαῦτα προσαγορεύσαντες.

вали твари, созданные Богом, писать и имя Божие, поскольку Божество до такой степени должно быть вне сообщества с нашими вещами, они не посмели раскрывать своими замирающими голосами эту неразрешимую и особенную природу. Как никто и никогда не вдохнул весь воздух, так и Божью сущность ни один ум не вмещал, ни один звук всецело не обнимал. Но лишь исходя из того, что окрест Него, рисуем мы то, что касается Его Самого, составляя смутное, неточное и слабое, иное от иного представление *о Нем*.

И в наших глазах наилучший богослов не тот, кто нашел все, ибо связи не охватывают всего, но тот, у кого особенная, выдающаяся сила воображения и кто более всех прочих в состоянии вобрать проявление или отражение (или как это еще назвать) истины.

18. Наша мысль не может простираться далее того, что слова «Сущий» и «Бог» — наиболее подходящие для наименования сущности, и наилучшее из них — «Сущий». Последнее не только потому что Он, когда открылся Моисею на горе Синай, отвечая на просьбу сказать, кто Он, повелел сказать народу: «Сущий послал Меня» (*Исх. 3, 14*), но и потому, что мы находим это слово более важным.

Ведь слово «Бог» (Θεός), что бы ни понималось под этим, этимологически возводится разглагольствующими об этом к слову «бежать» (θεῖν) или «жечь» (ῥιβεῖν), в силу Его вечной подвижности и способности пожирать все плохое (отсюда и «огнь поядающий» (*Втор. 4, 24*)), но все же оно касается относительных имен, а не абсолютных, наподобие имени «Господь», так же употребляемым, как имя «Бог», ибо сказал Он: «Я Господь Бог твой, это — Мое имя» (*Ис. 42, 8*), а также «Господь имя Ему» (*Ам. 4, 13*).

Но мы ищем имя, которым бы выражалось естество Божие, которое бы отражало бытие, не связанное ни с чем другим, и тогда — «Сущий» принадлежит собственно Богу, Ему одному, не ограничиваясь и не кончаясь на чем-то до Него или после Него, или на «был» или «будет».

V, 5 и далее. Святой Дух

5. Саддукеи считали, что Святого Духа вообще нет — нет ни ангелов, ни Воскресения (*Деян. 23, 8*); не знаю, на каком основании отринули они многочисленные свидетельства Ветхого Завета. Наилучшие богословы среди греков, те, что ближе всего к нам, мне кажется, как-то представляли его, но отклонялись от нас в наименовании, называя то «умом всего», то «внешним умом» и тому подобным. Из наших мудрецов некоторые считали его действием, другие — чем-то тварным, третьи — Богом, тогда как некоторые не знали ни того, ни другого — из уважения к Писанию, которое, как они считали, ничего не сказало об этом ясно; по этой причине они и не чтут его, и не непо-

τῶν δὲ καθ' ἡμᾶς σοφῶν οἱ μὲν ἐνέργειαν τοῦτο ὑπέλαβον, οἱ δὲ κτίσμα, οἱ δὲ Θεόν, οἱ δὲ οὐκ ἔγνωσαν ὁπότερον τούτων, αἰδοῖ τῆς Γραφῆς, ὥς φασιν, ὥς οὐδέτερον σαφῶς δηλωσάσης. καὶ διὰ τοῦτο οὔτε σέβουσιν, οὔτε ἀτιμάζουσι, μέσως πως περὶ αὐτοῦ διακείμενοι, μᾶλλον δὲ καὶ λίαν ἀθλίως.

καὶ τῶν Θεὸν ὑπειληφότων οἱ μὲν ἄχρι διανοίας εἰσὶν εὐσεβεῖς, οἱ δὲ τολμῶσιν εὐσεβεῖν καὶ τοῖς χεῖλεσιν.

ἄλλων δὲ ἤκουσα μετρούντων Θεότητα σοφωτέρων, οἱ τρία μὲν εἶναι καθ' ἡμᾶς ὁμολογοῦσι τὰ νοούμενα, τοσοῦτον δὲ ἀλλήλων διέστησαν, ὥς τὸ μὲν καὶ οὐσία καὶ δυνάμει ποιεῖν ἄοριστον· τὸ δὲ δυνάμει μὲν, οὐκ οὐσία δέ· τὸ δὲ ἀμφοτέροις περιγραφτόν· ἄλλον τρόπον μιμούμενοι τοὺς δημιουργὸν καὶ συνεργὸν καὶ λειτουργὸν ὀνομάζοντας, καὶ τὴν ἐν τοῖς ὀνόμασι τάξιν καὶ χάριν τῶν πραγμάτων ἀκολουθίαν εἶναι νομίζοντας.¹⁾

6. Ἡμῖν δὲ πρὸς μὲν τοὺς οὐδὲ εἶναι ὑπειληφότας οὐδεὶς λόγος, ἢ τοὺς ληροῦντας ἐν Ἑλλήσιν. πρὸς δὲ τοὺς ἄλλους οὕτω διαλεξόμεθα

...

29. γεννᾶται Χριστός, προτρέχει·

βαπτίζεται, μαρτυρεῖ·

τειράζεται, ἀνάγει·

δυνάμει ἐπιτελεῖ, συμπαρομαρτεῖ·

ἀνέρχεται, διαδέχεται.

7. ... ἢ τάχα ἂν σὺ καὶ ἄρρενα τὸν Θεὸν ἡμῖν ὑπολάβοις, κατὰ τὸν λόγον τοῦτον, ὅτι Θεὸς ὀνομάζεται καὶ Πατήρ; καὶ θῆλύ τι τὴν Θεότητα ὅσον ἐπὶ ταῖς κλήσεσι;²⁾ καὶ τὸ Πνεῦμα οὐδέτερον, ὅτι μὴ γεννητικόν; εἰ δέ σοι καὶ τοῦτο παιχθεῖη, τῇ ἑαυτοῦ θελήσει τὸν Θεὸν συγγενόμενον, κατὰ τοὺς παλαιοὺς λήρους καὶ μύθους, γεννήσασθαι τὸν Υἱόν, εἰσῆχθη τις ἡμῖν καὶ Μαρκίωνος καὶ Οὐαλεντίνου³⁾ Θεὸς ἄρρε- νόθηλος, τοῦ τοὺς καινοὺς αἰῶνας ἀνατυπώσαντος.

читают, оставаясь по отношению к нему где-то посредине, или, скорее, в очень нейтральном положении.

А из тех, кто признает его «Богом», некоторые благочестивы только в мыслях, другие пытаются выказать благочестие и на словах тоже. Иные, я слышал, те, кто более мудро подходит к определению Божества, подобно нам признавая, что их три, в такой степени разделяют их между собою, что Одного полагают беспредельным и по сущности и по силе, Другого — беспредельным по силе, но не по сущности, а Третьего — ограниченным в том и другом, некоторым образом подражая тем, кто именует Их Создателем, Содейственным и Служителем, из порядка имен и благодати делая заключения о постепенности Именуемых.

6. Не скажем ни слова тем, кто не признает бытия *Духа*, или тем из греков, кто говорит пустое. Но другим мы должны сказать следующее...

Рождается Христос — *Дух* предваряет (*Лк. 1, 35*).

Крещается Христос — *Дух* свидетельствует (*Ин. 1, 33. 34*).

Искушается Христос — *Дух* возводит Его (*Мтф. 4, 1*).

Совершает силы Христос — *Дух* сопутствует.

Возносится Христос — *Дух* преемствует.

... Или, может быть, ты считаешь, что Бог — мужчина, на том основании, что Бога называют также и Отцом? И не находишь ли ты чего-то женского в «божественности», судя по наименованию? А *Дух* — ни то и ни другое, поскольку Он не имеет ничего общего с рождением. И если нравится тебе такая игра, то уж пусть тогда, согласно старым бредням и мифам, и Бог рождает Сына только от хотения Своего, и у нас появляется Бог — разом мужчино-женщина, как у Маркиана и Валентина, выдумавшего учение о новых Эонах!

Ἐπιταφία Μακρίνη

Из дошедшего до нас обширного поэтического наследия Григория мы в интересах рассматриваемой темы приводим эти двустишия, выдержанные в классическом гомеровском стиле, вероятно, архаичном уже во время Григория.

Εἰς Μακρίναν τὴν ἀδελφὴν τοῦ ἁγίου Βασιλείου.

Παρθένον αἰγλήσσαν ἔχω κόνις, εἴ τιν' ἀκούεις
Μακρίναν Ἑμμελίου πρωτότοκον μεγάλης,
Ἦ πάντων ἀνδρῶν λάθ' ἐν ὄμματι, νῦν δ' ἐνὶ πάντων
Γλώσσει, καὶ πάντων φέρτερον εὖχος ἔχει.

Макрине, сестре святого Василия

Я — гробница для праха блистательной девы Макрины,
старшей из чад, рожденных Эммелией высокородной.
Скрытой она оставалась для взоров людских, но сегодня
всеми устами ее превозносят, в молитвах неся прямо к Богу.

11. Макрина (327—379) (Григорий Нисский. Житие Макрины)

Григорий навещает свою сестру в женской общежительной обители и находит ее в лихорадке, умирающей на убогом ложе.

...

Καὶ τῆς μὲν ἡμέρας ἤδη παρῳχῇκει τὸ πλέον καὶ ὁ ἥλιος πρὸς δυσμὰς ἐπεκκλίνετο. τῇ δὲ οὐκ ἐνεδίδου ἢ προθυμία, ἀλλ' ὅσον τῇ ἐξόδῳ προσήγγιζεν, ὡς πλέον θεωροῦσα τοῦ νυμφίου τὸ κάλλος ἐν σφοδροτέρῳ τῇ ἐπεῖξει πρὸς τὸν ποθοῦμενον ἴετο, τοιαῦτα φθεγγομένη οὐκέτι πρὸς ἡμᾶς τοὺς παρόντας, ἀλλὰ πρὸς αὐτὸν ἐκείνον, πρὸς ὃν ἀτενὲς ἀφεώρα τοῖς ὀμμασι. πρὸς γὰρ ἀνατολὴν τέτραπτο αὐτῇ τὸ χαμεῦνιον, καὶ ἀποστᾶσα τοῦ πρὸς ἡμᾶς διαλέγεσθαι δι' εὐχῆς ὠμίλει τὸ λοιπὸν τῷ θεῷ χερσὶ τε ἰκετεύουσα καὶ ὑποφθεγγομένη λεπτῇ τῇ φωνῇ, ὥστε ἡμᾶς ἐπαΐειν μετρίως τῶν λεγομένων· τοιαύτη δὲ ἦν ἡ εὐχή, ὡς μηδὲ ἀμφιβάλλειν, ὅτι καὶ πρὸς τὸν θεὸν ἐγίνετο καὶ παρ' ἐκείνου ἠκούετο.

Σύ, φησὶν, ἔλυσας ἡμῖν, κύριε, τοῦ θανάτου τὸν φόβον. σὺ ζωῆς ἀληθινῆς ἀρχὴν ἡμῖν ἐποίησας τὸ τέλος τῆς ἐνταῦθα ζωῆς. σὺ πρὸς καιρὸν ἡμῶν ὑπνῷ διαναπαύεις τὰ σώματα καὶ πάλιν ἀφυπνίζεις ἐν τῇ ἐσχάτῃ σάλπιγγι. σὺ δίδως παρακαταθήκην τῇ γῇ τὴν ἡμετέραν γῆν, ἣν ταῖς σαῖς χερσὶ διεμόρφωσας, καὶ πάλιν ἀνακομίζῃ ὃ δέδωκας, ἀφ' ὧν χάριτι μεταμορφώσας τὸ θνητὸν ἡμῶν καὶ ἄσχημον... ὁ θεὸς ὁ αἰώνιος, ὃ ἐπερρίφην ἐκ κοιλίας μητρός· ὃν ἠγάπησεν ἡ ψυχὴ μου ἐξ ὅλης δυνάμεως, ὃ ἀνέθηκα καὶ τὴν σάρκα καὶ τὴν ψυχὴν ἀπὸ νεότητός μου καὶ μέχρι τοῦ νῦν, σὺ μοι παρακατάστησον φωτεινὸν ἄγγελον τὸν χειραγωγούντά με πρὸς τὸν τόπον τῆς ἀναψύξεως, ὅπου τὸ ὕδωρ τῆς ἀναπαύσεως, παρὰ τοὺς κόλπους τῶν ἁγίων πατέρων· ἀλλ' ἄμωμος καὶ ἀκηλίδωτος προσδεχθεῖν ἡ ψυχὴ μου ἐν ταῖς χερσὶ σου ὡς θυμίαμα ἐνώπιόν σου. καὶ ταῦτα ἅμα λέγουσα ἐπετίθει τὴν σφραγίδα τοῖς ὀφθαλμοῖς καὶ τῷ στόματι καὶ τῇ καρδίᾳ. καὶ κατ' ὀλίγον ἡ τε γλῶσσα τῷ πυρετῷ καταφυγεῖσα οὐκέτι διήρθρου τὸν λόγον καὶ ἡ φωνὴ ὑπενεδίδου, καὶ ἐν μόνῃ τῇ τῶν χειλέων διαστολῇ καὶ τῇ τῶν χειρῶν κινήσει τὸ ἐν προσευχῇ εἶναι αὐτὴν ἐγινώσκομεν.

Смертный час Макрины

День был уже на исходе, и солнце склонялось к закату. Но она еще не предала духа. Чем ближе становился конец и чем яснее видела она перед собой великолепие Жениха, тем более жарко отдавалась она предмету своей страсти. И речь ее предназначалась уже не нам, стоящим рядом, но только Ему, от Которого она не отрывала взгляда. Поскольку ложе ее было обращено на восток, то, перестав говорить с нами, она с него, молясь, обратила свою речь к Богу, молитвенно сложив руки. Она роняла слова столь слабым голосом, что мы почти не слышали, что она говорит. Но молитва ее была таковой, что невозможно усомниться, дошла ли она до Бога и была ли услышана Им:

«Господи, — говорила она, — Ты *отженил* от нас ужас смерти, Ты обратил конец этой жизни в начало жизни истинной. Когда придет час, Ты даруешь покой телам нашим, и Ты же вновь пробудишь их трубным гласом. Ты вернешь земле наш прах, слепленный Твоими руками, и возвратишь назад то, что дал, нетлением и милостью преобразив *все* смертное и безобразное в нас. ...Предвечный Господь, Кому отдала я себя прямо из материнского чрева! Кого возлюбила душа моя всей своей силой! Кому посвящала я и плоть и душу от самой юности моей и доныне! Уготовь мне ангела света, который проводил бы меня в место отдохновения, где вода упокоения на лоне святых отцов. Пусть душа моя, незапятнанная и безгрешная, придет в руки Твои — как фимиам перед ликом Твоим».

И произнося это, она осеняла крестом глаза, и уста, и сердце. Но вскоре из-за того, что лихорадка иссушала ее язык, она уже не могла произносить слова, и голос не слушался ее. Только по шевелению губ и движению рук можно было понять, что она продолжает молиться.

Тем временем наступил вечер и принесли лампу. Неожиданно она открыла глаза, и по тому, как она смотрела на ее яркое сиянье, стало понятно, что ей хочется возблагодарить за свет. Но так как голос не слушался ее, она исполнила свое намерение движением сердца и рук, одновременно с которыми двигались и ее губы, повинаясь движению

Καὶ ἐν τούτοις τῆς ἐσπέρας ἐπιλαβούσης καὶ φωτὸς εἰσκομισθέντος ἀθρόον τὸν τῶν ὁμμάτων διαστείλασα κύκλον καὶ πρὸς τὴν αὐγὴν ἀπιδούσα ἑκδηλος μὲν ἦν καὶ φθέγξασθαι τὴν ἐπιλύχνιον εὐχαριστίαν προθυμουμένη· τῆς δὲ φωνῆς ἐπιλειπούσης διὰ τῆς καρδίας καὶ διὰ τῆς τῶν χειρῶν κινήσεως ἐπλήρου τὴν πρόθεσιν καὶ τὰ χεῖλη πρὸς τὴν ἑνδοθεν ὁρμὴν συνεκινεῖτο·²⁾ ὥς δὲ ἐπλήρωσε τὴν εὐχαριστίαν καὶ ἡ χεὶρ ἐπαχθεῖσα διὰ τῆς σφραγίδος τῷ προσώπῳ τὸ πέρας τῆς εὐχῆς διεσήμενε, μέγα τι καὶ βύθιον ἀναπνεύσασα τῇ προσευχῇ τὴν ζωὴν συγκατέληξεν.

внутренней силы¹. Когда она исполнила благодарение, и рука, вытянутая, чтобы осенить лицо, показала, что молитва окончена, она сделала долгий и глубокий вдох и окончила свою жизнь разом с молитвой.

¹ Это необычное выражение «движение сердца», вероятно, является первым свидетельством вознесения столь почитаемой и распространенной в восточной традиции «Иисусовой молитвы», в которой внутренняя «сердечная» молитва понимается и как физическое состояние.

12. Григорий Нисский (ок. 331—ок. 395)

Разговор с Макриной о душе и воскресении

Это сочинение представляет собой христианское противопоставление Платонову «Федону».

Ἐπειδὴ τοῦ ἀνθρωπίνου βίου πρὸς τὸν θεὸν μετέστη ὁ πολὺς ἐν ἁγίοις Βασιλείος, καὶ κοινὴ πένθους ἀφορμὴ ταῖς ἐκκλησίαις ἐγένετο, περιῆν δὲ ἐτι τῷ βίῳ ἡ ἀδελφὴ καὶ διδάσκαλος, ἐγὼ μὲν ἦειν κατὰ σπουδὴν, κοινωνήσων ἐκείνῃ τῆς ἐπὶ τῷ ἀδελφῷ συμφορᾶς· καὶ μοι περιώδυνος ἦν ἡ ψυχὴ, πρὸς τοσαύτην ζημίαν ὑπεραλοῦσα, καὶ τινα τῶν δακρύων κοινωνὸν ἐπεζήτουν, τὸ ἴσον ἔχοντά μοι τῆς λύπης ἄχθος. Ὡς δὲ ἐν ὀφθαλμοῖς ἤμεν ἀλλήλων, ἐμοὶ μὲν ἀνεκίνει τὸ πάθος προφανεῖσα τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡ διδάσκαλος· καὶ γὰρ ἤδη καὶ αὐτὴ τῇ πρὸς θάνατον ἀρρωστίᾳ συνείχετο. Ἡ δὲ κατὰ τοὺς τῆς ἱππικῆς ἐπιστήμονας ἐνδοῦσά μοι πρὸς ὀλίγον παρενεχθῆναι τῇ ρύμῃ τοῦ πάθους, ἀναστομοῦν ἐπεχειρεῖ μετὰ ταῦτα τῷ λόγῳ, καθάπερ χαλινῷ τινὶ τῷ ἰδίῳ λογισμῷ τὸ ἀτακτοῦν τῆς ψυχῆς ἀπευθύνουσα, καὶ ἦν αὐτῇ τὸ ἀποστολικὸν λόγιον προφερόμενον,

ΜΑΚΡ. τὸ μὴ δεῖν ἐπὶ τῶν κεκοιμημένων λυπεῖσθαι· μόνων γὰρ τοῦτο τῶν οὐκ ἔχόντων ἐλπίδα τὸ πάθος εἶναι.

Κἀγὼ περιζεύσεως ἔτι μοι τῆς καρδίας τῇ λύπῃ,

ΓΡΗΓ. πῶς ἔστιν, εἶπον, ἐν ἀνθρώποις τοῦτο κατορθωθῆναι, οὕτως ἐν ἑκάστῳ φυσικῆς τινὸς πρὸς τὸν θάνατον διαβολῆς ὑπαρχούσης, καὶ οὔτε τῶν ὁρώντων τοὺς ἀποθνήσκοντας εὐκόλως καταδεχομένων τὴν θέαν, οἷς τε ἂν προστίῃ ὁ θάνατος ἀποφευγόντων, ἐφ' ὅσον οἶόν τε; ἀλλὰ καὶ τῶν ἐπικρατούντων νόμων ἔσχατον ἐν ἀδικίαις καὶ ἔσχατον ἐν τιμωρίαις τοῦτο κρινόντων, τίς μηχανὴ τὸ μηδὲν ἡγεῖσθαι τὴν τοῦ ζῆν ἀναχώρησιν καὶ ἐπὶ τῶν ἔξω τινός, μὴ ὅτι γε τῶν ἐπιτηδείων, ὅταν τοῦ βίου λήγωσιν; Ὅρῳμεν δὲ, εἶπον, καὶ πᾶσαν τὴν ἀνθρωπίνην σπουδὴν πρὸς τοῦτο βλέπουσαν, ὅπως ἂν ἐν τῷ ζῆν διαμένοιμεν. Διὰ τοῦτο γὰρ καὶ οἶκοι πρὸς διαγωγὴν ἡμῖν ἐπινενόηνται, ὥς ἂν μὴ τῷ περιέχοντι διὰ ψύξεως

В тот день, когда Василий, великий среди святых, отошел от человеческой жизни к Богу и всеобщая скорбь заполонила Церковь, сестра его и наставница еще была жива, и я поспешил к ней, дабы сообщить, что случилось с ее братом. Душа моя была исполнена болью, растворена в горестной скорби и искала того, с кем могла бы разделить свои слезы, того, кому было бы столь же тяжело, как и ей. Когда же мы предстали пред очи друг друга, моя печаль вспыхнула с новой силой при виде наставницы, ибо она и сама уже была объята смертельным недугом. Но подобно тем, кто умеет обращаться с верховыми лошадьми, она дала мне возможность еще некоторое время побыть ведомым одной лишь силой страсти, а затем с помощью слов сумела развязать мои уста, поправляя своими суждениями, как поводьями, то, что было не в порядке в душе. И то, с чего она начала, были апостольские слова:

МАКРИНА: Не скорбите об усопших. Скорбь лишь для не имеющих надежды (*ср. 1 Фес. 4, 13*).

И я, чье сердце еще саднило от боли, сказал:

ГРИГОРИЙ: Как это может ободрить людей, если внутри каждого царит естественное отвращение к смерти, и видящие, как умирает человек, с трудом переносят это зрелище, те же, к кому смерть приближается, изо всех сил пытаются ее избежать? А если власти осуждают на нее (т. е. смертную казнь) по закону, как на высшее наказание за наибольшее преступление, то разве можно смотреть, как лишают жизни — даже чужого, а тем более близкого, — разве можно смотреть, как жизнь подходит к своему концу? Ведь мы видим, — продолжал я, — что люди ничего не могут сделать перед лицом смерти, кроме попыток продолжить жизнь. Даже дом для нашей повседневной жизни продуман именно исходя из того, чтобы тела наши не страдали от холода или жары окружающего мира. А земледелие, что это, как ни удовлетворение наших жизненных потребностей? Ведь забота о жизни возникла только и единственно из страха смерти. А врач, разве ценилось бы его искусство столь высоко, когда бы он по мере

ἡ θερμότητος καταπονεῖτο τὰ σώματα. Γεηπονία δὲ τί ἄλλο καὶ οὐχὶ τοῦ ζῆν ἔστι παρασκευή; Ἡ δὲ τῆς ζωῆς φροντίς πάντως διὰ τὸν τοῦ θανάτου γίνεται φόβον. Τί δὲ ἱατρική; πόθεν τιμία τοῖς ἀνθρώποις ἔστιν; οὐκ, ἐπειδὴ μάχεσθαι πῶς διὰ τῆς τέχνης δοκεῖ πρὸς τὸν θάνατον; θώρακες δέ, καὶ θυρεοί, καὶ κνημίδες, καὶ κράνη, καὶ τὰ ἀμυντήρια τῶν ὀπλων, καὶ αἱ τῶν τειχῶν περιβολαί, καὶ σιδηρόδετοι πύλαι, καὶ ἡ τῶν τάφρων ἀσφάλεια, καὶ τὰ τοιαῦτα, τί ἄλλο, πλὴν διὰ τὸν τοῦ θανάτου γίνεται φόβον; Οὕτως οὖν ὄντος φοβεροῦ φυσικῶς τοῦ θανάτου, πῶς ἔστι βραδίως πεισθῆναι τῷ κελεύοντι ἄλυπον διαμένειν ἐπὶ τοῦ κατοικομένου τὸν περιόντα;

ΜΑΚΡ. Τί δέ, φησὶν ἡ διδάσκαλος, τί σοι μάλιστα λυπηρὸν αὐτὸ ἐφ' ἑαυτοῦ τὸ τοῦ θανάτου δοκεῖ; οὐ γὰρ ἱκανὸν εἰς διαβολὴν ἡ τῶν ἀλογωτέρων συνήθεια.

ΓΡΗΓ. Τί μὲν οὖν, οὐκ ἔστι λύπης ἄξιον, πρὸς αὐτὴν εἶπον ἐγώ, ὅταν βλέπωμεν τὸν τέως ζῶντά τε καὶ φθεγγόμενον, ἄπουν καὶ ἀναυδον καὶ ἀκίνητον ἀθρόως γενόμενον, καὶ πάντα αὐτῷ σβεσθέντα τὰ φυσικὰ αἰσθητήρια, οὐκ ὄψεως, οὐκ ἀκοῆς ἐνεργούσης, οὐκ ἄλλου τινὸς ὧν ἡ αἰσθησις τὴν ἀντίληψιν ἔχει; ὃ κἂν πῦρ προσενέγκης, κἂν σίδηρον, κἂν ἀνατέμης διὰ ξίφους τὸ σῶμα, κἂν τοῖς σαρκοβόροις προθῇς, κἂν ἐγκρύψης χώματι, πρὸς ἅπαντα ὁμοίως ὁ κείμενος ἔχει. Ὅταν οὖν ἐν τοῦτοις βλέπεται ἡ μεταβολή, τὸ δὲ ζωτικὸν ἐκεῖνο αἷτιον, ὃ τί ποτε ἦν, ἀφανές τε καὶ ἄδηλον ἀθρόως γένηται, καθάπερ ἐπὶ λύχνου σβεσθέντος, τῆς τέως ἐξαπτομένης αὐτοῦ φλογὸς οὔτε ἐπὶ τῆς θρυαλλίδος μενούσης, οὔτε ἐτέρωθί που μεθισταμένης, ἀλλ' εἰς ἀφανισμόν παντελεῖ μεταχωρεύσης, πῶς ἂν γένοιτο τὴν τοσαύτην μεταβολὴν ἐνεγκεῖν ἀλύπως μηδενὶ προδήλῳ ἐπερσιδόμενον; Ἐξοδὸν γὰρ ψυχῆς ἀκούσαντες, τὸ μὲν ὑπολειφθὲν ὀρώμεν, τὸ δὲ χωρισθὲν ἀγνοοῦμεν, αὐτὸ τε ὃ τί ποτε κατὰ τὴν φύσιν ἔστί, καὶ εἰς ὃ τι μετακεχώρηκεν, οὐ γῆς, οὐκ ἀέρος, οὐχ ὕδατος, οὐκ ἄλλου τινὸς τῶν στοιχείων ἐν ἑαυτῷ δεικνύντος ἐκείνην τὴν δύναμιν τὴν τοῦ σώματος ἐκχωρήσασαν· ἥς ὑπεξεληθούσης νεκρὸν ἔστι τὸ ὑπολειφθὲν καὶ πρὸς διαφθορὰν ἤδη ἐκκείμενον.

Ταῦτα δέ μου διεξιόντος μεταξύ κατασείσασα τῇ χειρὶ ἡ διδάσκαλος·

ΜΑΚΡ. μὴ τίς σε τοιοῦτος, φησι, φόβος ὑποταράσσει καὶ συνέχει τὴν διάνοιαν, ὥς οὐ διαμενούσης εἰς αἰετῆς ψυχῆς, ἀλλὰ συγκαταληγούσης τῇ διαλύσει τοῦ σώματος;

сил не боролся им со смертью? А кольчуги, и шлемы, и наколенники, и оружие, и укрепленные стены, и железные ворота, и рвы, и тому подобное — чему, как ни страху смерти, обязано своим существованием все это? Разве не тому, что смерть по природе своей — нечто отталкивающее? Как же можно тогда слушаться того, кто предлагает спокойно и беспечно смотреть, когда кто-то уходит?

МАКРИНА: Ну и что? — Сказала наставница. — Что тебе кажется скорбным в самой по себе смерти? Ведь того, что стало привычкой неразумных, еще недостаточно для отвращения.

ГРИГОРИЙ: Как же может быть недостойно скорби, — сказал я ей, — когда видим, что тот, кто еще недавно жил и говорил, сделался безмолвным, бездыханным и совершенно неподвижным: все его естественные способности угасли, не действуют ни зрение, ни слух, и ничто иное, чем можно было бы чувствовать? И если поднести к телу огонь, или железо, или рубить его мечом, или оставить хищным зверям, или погresti в земле — все ему одинаково. Когда не видишь изменения в том, чему причиной сама жизнь, какой бы она ни была, и она делается неявной и невидимой, — подобно тому, как, если гаснет лампа, то только что горевшее пламя не продолжает светить и не перемещается в другое место, но всецело обращается в невидимость, как же можно безболезненно вынести такое изменение, ничему явному не сопротивляясь? Мы слышим, что душа отошла, но мы видим то, что осталось, и не думаем о том, что отделилось (а именно, о душе), чем бы она ни была по своей природе и куда бы ни отошла, так как ни земля, ни воздух, ни вода и никакой другой элемент сами по себе не заключают ту силу, что покинула тело: когда она уходит, покинутое мертво и сразу же подвергается распаду.

Посреди моих слов наставница прервала меня, покачав пальцем.

МАКРИНА: Вероятно, — сказала она, — тебя сбивает с толку, пленяя твой разум, своего рода страх, что душа не будет существовать вечно, но исчезнет с распадом тела?

ГРИГОРИЙ: От горя еще не совсем хорошо понимая ее слова, я отвечал легкомысленно и невпопад. И я сказал, что божественные решения похожи на приказ, который обязывает нас быть убежденными в том, что душа существует вечно, не приводя при этом никаких аргументов в защиту такого взгляда. С нами скорее всего происходит то, что наша мысль склоняется перед приказом из внутреннего смирения и страха, а не присоединяется к этому утверждению добровольно и по собственному порыву. Из-за этого в нас возрастает еще более горькая скорбь по умершим, поскольку мы не понимаем в точности, что есть житнетворная сила, где она и как действует, и есть ли она где-нибудь вообще и действует ли вообще. Неуверенность в

ΓΡΗΓ. Ἐγὼ δέ· καὶ γὰρ οὐπω τοῦ πάθους τὸν λογισμὸν ἀνελεξάμην· θρασύτερόν πως ἀπεκρινάμην, οὐ πάνυ περισκεψάμενος τὸ λεγόμενον· εἶπον γὰρ ἐπιτάγμασιν εἰσὶν αἰεὶ διαμένειν ἀναγκάζομεθα· οὐ μὲν λόγῳ τινὶ τῷ τοιοῦτῳ προσήχθημεν δόγματι, ἀλλ' εἰσὶν αἰεὶ διὰ τοῦτο οὐκ ἐκουσίᾳ τινὶ ὁρμῇ τοῖς λεγομένοις συντίθεσθαι. Ὅθεν καὶ βαρυτέραι ἡμῖν ἐπὶ τῶν κατοικομένων αἱ λύπαι γίνονται, οὐκ ἀκριβῶς ἐπισταμένων ἡμῶν, εἴτ' ἔτι ἔστι καθ' ἑαυτὸ τοῦτο τὸ ζῶπον αἴτιον, καὶ ὅτι, καὶ ὅπως, εἴτε οὐκ ἔστιν οὐδαμῇ οὐδαμῶς. Ἰσας γὰρ ποιεῖ τοῦ ἀληθῶς ὄντος ἀδελφία τὰς ἐφ' ἑκάτερον ὑπολήψεις. Καὶ πολλοῖς μὲν τοῦτο, πολλοῖς δὲ τὸ ἐναντίον δοκεῖ. Καὶ εἰσὶ γέ τινες παρὰ τοῖς Ἑλλήσιν οὐ μικρὰν ἔχοντες ἐπὶ φιλοσοφίᾳ τὴν δόξαν, οἱ ταῦτα φήθησάν τε καὶ ἀπεφάναντο.¹)

ΜΑΚΡ. Ἐὰν, φησί, τοὺς ἐξωθεν λήρους, ἐν οἷς ὁ τοῦ ψεύδους εὐρετὴς ἐπὶ βλάβῃ τῆς ἀληθείας πιθανῶς τὰς ἡπατημένας ὑπολήψεις συντίθῃσιν· σὺ δὲ πρὸς τοῦτο βλέπε, ὅτι τὸ οὕτως περὶ ψυχῆς ἔχειν οὐδὲν ἄλλο ἐστίν, ἢ ἀλλοτρίως πρὸς τὴν ἀρετὴν ἔχειν, καὶ πρὸς τὸ παρὸν ἢ δὴ μόνον βλέπειν· τὴν δὲ τοῖς αἰῶσιν ἐνθεωρουμένην ζωὴν ἀπ' ἐλπίδος ποιεῖσθαι καθ' ἣν μόνῃ ἡ ἀρετὴ τὸ πλεῖον ἔχει.

ΓΡΗΓ. Καὶ πῶς φησιν, γένοιτ' ἂν ἡμῖν παγία τις καὶ ἀμετάθετος ἡ περὶ τοῦ διαμένειν τὴν ψυχὴν δόξα; Αἰσθάνομαι γὰρ καὶ αὐτός, ὅτι τοῦ καλλίστου τῶν κατὰ τὴν ζωὴν, τῆς ἀρετῆς, λέγω, ὁ τῶν ἀνθρώπων χηρεύσει βίος, εἰ μὴ τις ἀναμφίβολος ἡ περὶ τούτου πίστις ἐν ἡμῖν κρατυνθεῖ. Πῶς γὰρ ἔστι τὴν ἀρετὴν χώραν ἔχειν ἐφ' ὧν ἡ παρούσα ζωὴ περιγραφὴ τοῦ εἶναι ὑπείληπται, καὶ πλέον ἐλπίζεται μετὰ ταύτην οὐδέν;

ΜΑΚΡ. Οὐκοῦν ζητήσαι χρή, φησὶν ἡ διδάσκαλος, ὅθεν ἂν ἡμῖν τὴν δέουσαν περὶ τούτων ἀρχὴν ὁ λόγος λάβῃ, καὶ εἰ δοκεῖ, παρὰ σοῦ γενέσθω τῶν ἐναντίων δογμάτων ἢ συμμαχία· ὁρῶ γὰρ ὅτι σοὶ καὶ ὑποκεκίνηται πρὸς τὴν τοιαύτην καταφορὰν ἡ διάνοια. Εἰδ' οὕτως ὁ τῆς ἀληθείας μετὰ τὴν ἀντίθεσιν ἀναζητηθήσεται λόγος.

ΓΡΗΓ. Ἐπεὶ δὲ τοῦτο ἐκέλευσεν, παραιτησάμενος αὐτὴν μὴ κατ' ἀλήθειαν οἰσθῆναι τὰ παρ' ἡμῶν ἀντιλέγεσθαι, ἀλλ' ὑπὲρ τοῦ βεβαίως κατασκευασθῆναι τὸ περὶ τῆς ψυχῆς δόγμα τῶν ἀντιπυπτόντων πρὸς τὸν σκοπὸν τοῦτον ὑπεκλυθέντων· Ἡ που, φησιν ...

представлениях о том, что есть на самом деле, создает возможность предположений в обоих направлениях. И одним кажется, что все обстоит именно так, а другим — совсем наоборот. Да, есть среди эллинов некоторые, имеющие немалую славу как философы, которые думают так и учат этому других¹.

МАКРИНА: Оставь внешний вздор, из которого изобретатель лжи, дабы навредить истине, убедительно сочинит обманные предположения. А ты на то посмотри, что думать о душе так — не что иное, как чуждаться добродетели и помышлять лишь о сиюминутных удовольствиях, хотя, глядя из вечности, из которой одной добродетель приобретает ценность, они делают жизнь безнадежной.

ГРИГОРИЙ: Но каким образом, — сказал я, — предположение, что душа существует, может пребывать в нас прочным и неизменным? Ведь я чувствую, что человеческая жизнь будет лишена прекраснейшей из всех жизненных потребностей (я имею в виду добродетель), если нами не будет управлять наша вера и мы не будем полагаться на истинное. Как же добродетель найдет дорогу к тому, кто полагает, что нынешней жизнью ограничено все бытие и сверх этого нет более никакой надежды?

МАКРИНА: Следовательно, нужно узнать, — сказала наставница, — откуда могут брать свое подлинное начало речи такого рода. И если ты это поймешь, пусть в тебе вспыхнет борьба с противоположным учением! Ибо я вижу, что твой ум продвигается в этом разрушительном направлении. А затем пусть поиски истины продолжатся в направлении, противоположном этому.

После того как она предложила это, я попросил ее не думать, будто то, что было представлено нами как контраргументы, является в наших глазах истиной; это было сделано, чтобы прочнее закрепить учение о душе, отклонив доводы, приводимые против этого учения.

¹ В частности, эпикурейцы, материализм которых становится особой мишенью в дальнейшем.

13. Кесарий Назианзин (?–368)

Кесарий по прозванию «Мудрейший» (σφοδράτος), брат Григория Назианзина, был врачом. Известны четыре пространных диалога, в т. ч. с братом на богословские темы (хотя современные исследователи оспаривают авторство Кесария), подписанные его именем. В этих диалогах ставятся

Χθὲς τῆς ὥρας κατεπειγούσης, σήμερον ἡμῖν τὰ λείψανα τῆς τραπέζης ἐκείνης ἀπόδος, τὰ περὶ νυκτὸς ἡμῖν πλατυτέρως σαφηνίζων, καὶ διὰ τί ἡ ἀρχέγονος ἡμέρα, οὐ πρώτη παρὰ τῆς Γραφῆς εἴρηται, ἀλλὰ μία. Εἰ γὰρ δευτέρα καὶ τρίτη αἱ μετ' αὐτὴν ὀνομάζονται, ἀκολουθότερον ἦν κατάρχουσαν αὐτῶν πρώτην καὶ οὐχὶ μίαν λεχθῆναι.

Ἀπόκρισις. Τὸ ἡμερονύκτιον μίαν φησὶν ἡμέραν, τῷ ἐπικρατεστέρω τοῦ παντὸς διαστήματος, τῶν εἰκοσιτεσσάρων ὥρῶν τὸ κύρος ἀπένειμεν.

Οὕτω γὰρ φράζειν εἶωθε πολλαχοῦ ἡ θεία Πυκτή, ἐν τῇ ἀριθμῇσει τοῦ χρόνου ἡμέρας ἀριθμοῦσα, οὐχὶ δὲ καὶ νύκτας. Ἀκούεις δὴ τοῦ θείου μελωδοῦ. Αἱ ἡμέραι ἐτῶν ἡμῶν ἐν αὐτοῖς ἐβδομήκοντα ἔτη. Πρὸ τούτου δὲ Ἰακώβ ὁ πατριάρχης φησὶν. Αἱ ἡμέραι τῆς ζωῆς μου μικραὶ καὶ πονηραί. Πάλιν δὲ ὁ τῶν θείων μελωδὸς φησὶ. Καὶ τὸ κατοικεῖν με ἐν οἴκῳ Κυρίου, πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς μου. Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ὁ θεῖος εὐαγγελιστὴς φησιν. Πρὸ ἑξ ἡμερῶν τοῦ Πάσχα ἤλθεν ὁ Ἰησοῦς εἰς Βηθανίαν. Αὐτὸς δὲ θεωροῦν φησὶν. Οἴδατε, ὅτι μετὰ δύο ἡμέρας τὸ Πάσχα γίνεται. Ὡς τὰ νῦν ἐν ἱστορίας εἶδει παραδοθέντα, νομοθεσία ὑπάρχει πρὸς τὰ ἐξῆς.

Καὶ ἐγένετο, φησὶν, ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωΐ· ἡμέρα μία· δηλονότι προὑπαρχούσης τῆς ἡμέρας ἐγένετο ἑσπέρα, ἐκ δὲ τῆς ἑσπέρας, νύξ, ἐκ δὲ τῆς νυκτὸς, πρωΐ, ἐνθα περατοῦται ἡ μία ἡμέρα, διὰ τῶν τεττάρων καὶ εἰκοσι ὥρῶν τῆς μιᾶς ἡμέρας τὸ κύρος ἔχουσα, συνυπακουμένης δηλονότι τῆς νυκτὸς τῇ ἡμέρᾳ διὰ τῶν εἰκοσιτεσσάρων ὥρῶν. Ὡστε καὶ ἐν ταῖς τροπαῖς τοῦ ἡλίου συμβαίνει ταύτην ἐκείνης ὑπερβαίνειν τοῖς διαστήμασιν. Ἀλλὰ τότε ἀφωρισμένῳ χρόνῳ τῆς ἰσημερίας, δεῖ πάντως ἰσομοίρους τυγχάνειν ἀμφοτέρας, ἀντισπωμένας παρ' ἀλλήλων τὸ λείπον. Καὶ ἡ τοῦ οὐρανοῦ δὲ ὄψις ἐπὶ τὴν αὐτὴν πάλιν

короткие и точные вопросы, на которые даются подробные ответы. Бого-слобие Кесария в основе своей «каппадокийское», но ему недостает эlegantности языка его брата Григория.

**Повесть о сотворении мира. «Один день»
(Третий диалог. Вопрос 115)**

Вопрос: По мере того как время уходит от нас, мы, угощаясь остатками вчерашней трапезы, лучше понимаем все, что касается ночи, а также то, почему первозданный день назван в Писании не «первый», но «один». Ведь потому, что последующие названы «второй» и «третий», естественно было бы называть предыдущий «первым», а не «одним».

Ответ: День и ночь, говорит Он (Бог), есть «один день», указывая тем самым исходную точку тех двадцати четырех часов, которые властвуют во всяком измерении времени.

Так ведь по обыкновению говорится в божественных скрижалях: при исчислении времени считаются только дни и опускаются ночи. Послушайте божественного псалмопевца: «Дней лет наших семьдесят лет» (*Пс. 90, 10*). Прежде того патриарх Иаков сказал: «малы и несчастны дни жизни моей» (*Быт. 47, 9*). И снова божественный псалмопевец говорит: «И я пребуду в доме Господнем все дни жизни моей» (*Пс. 23, 6*). И не сказал ли божественный евангелист: «За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию» (*Ин. 12, 1*). И Сам Он (Иисус) говорит богодухновенно: «Вы знаете, что через два дня будет Пасха» (*Мф. 26, 2*). То, что для настоящего времени сообщается как факт, — закономерность для последующего.

«И был, — говорит он (Моисей), — вечер, и было утро: один день» (*Быт. 1, 5*). Ясно, что перед днем был вечер, а за вечером — ночь, а за ночью — утро. Этим ограничивается «один день», имеющий власть в течение двадцати четырех часов, так что ночь в течение двадцати четырех часов подчиняется дню. При солнцевороте бывает, что день превосходит ночь по размерам. А при наступлении равноденствия они оказываются равными, начиная перетягивать один у другого излишек времени. Но вид небес своим обновляющимся восходом регулярно соответствует «одному дню» — точно так же, как и для пустыни естественно употреблять слова «в течение года», обозначающие время от одного цветения до другого. Так, сколько бы

ἀποκατάστασιν, μία ἡμέρα εἰκότως προσαγορεύεται· ὅπερ καὶ ἐπὶ τῆς χέρσου γίνεσθαι πέφυκεν, ἐκ τῆς αὐτῆς ἀνθοφορίας ἐπὶ τὴν αὐτὴν, ἐνιαυτὸν ὀνομάζεσθαι. "Ὡστε οὖν ὁσάκις ἐσπέρα καὶ πρωί· κατὰ τὴν τοῦ ἡλίου περίοδον ἐπιλαμβάνει τὸν κόσμον, μὴ ἐν πλείονι καιρῷ, ἀλλ' ἐν μιᾷς ἡμέρας διαστήματι σημαίνεσθαι τὸ ἡμερονύκτιον, καὶ τὴν αὐτὴν τῶν φωστήρων ἀποκατάστασιν·

ἢ μᾶλλον κυριώτερός μοι δοκεῖ ὁ ἐν ἀπορρήτοις παραδιδόμενος·¹⁾ ὅτι ὁ τὴν τοῦ χρόνου φύσιν κατασκευάσας Θεός, μέτρα αὐτῷ καὶ σημεία τὰ τῶν ἡμερῶν ἔταξε διαστήματα· καὶ ἑβδομάδι αὐτὸν ἐκμετρήσας, αἰεὶ τὴν ἑβδομάδα εἰς ἑαυτὴν ἀνακυκλοῦσθαι κελεύει, ἐξαριθμῶν τοῦ χρόνου τὴν κίνησιν· τὴν ἑβδομάδα δὲ εἰς ἑαυτὴν ἀνακυκλοῦσθαι, πάλιν ἐκπληροῦν τὴν μίαν ἡμέραν, ἐπτάκις αὐτὴν εἰς ἑαυτὴν ἀναστρέφουσιν. Τοῦτο δὲ κυκλικὸν ὑπάρχει σχῆμα, ἀφ' ἑαυτοῦ ἄρχεσθαι, καὶ εἰς ἑαυτὸ καταλήγειν· ὁ δὲ καὶ τοῦ αἰῶνος ἴδιον, καὶ εἰς ἑαυτὸν ἀναστρέφειν μηδαμοῦ περατούμενον.

Διὸ τὴν κεφαλὴν τοῦ χρόνου, οὗ πρώτην ἡμερῶν, ἀλλὰ μίαν ὠνόμασεν, ὅπως τῇ προσηγορίᾳ τὸ συγγενὲς ἔχη πρὸς τὸν αἰῶνα. Τοῦ γὰρ μοναχοῦ καὶ ἀκοινωνήτου πρὸς ἕτερον²⁾ τὸν χαρακτῆρα δεικνῦσα, οἰκείως καὶ προσφυῶς προσηγορεύθη μία, αὐτὴ ἐν ἑαυτῇ διὰ παντὸς αἰῶνος ἀνακυκλουμένη εἰς ἑαυτήν.

вечеров и суток вследствие вращения солнца не добавилось бы во вселенной, количество времени в сутках будет не большим, нежели размер дня, соответствующий все тому же обращению звезд.

Еще более важным кажется мне все, что передано в апокрифах. То, что Бог, устанавливая природу времени, сделал так, что его мерой и его знаком стал размер дня. И отмерив его семеричностью недели, Он повелел, чтобы седмица постоянно вращалась вокруг себя — исчисляя движение времени. Но приказав седмице (неделе) вращаться вокруг себя, Он при этом снова использовал «один день», дав ему семь раз вращаться вокруг себя самого. И эта фигура вращения — начинающаяся в себе самом и в себе самом кончающаяся — есть нечто, отражающее вечность, а именно то, что она вновь и вновь оборачивается, никогда не кончаясь.

По этой причине он (Моисей) назвал исходную точку времени не «первым», но «одним» днем, ибо это название роднит его с вечностью. Ведь если эта исходная точка указывает на свойство единственности, которая не имеет ничего общего с «другим», то справедливо и всеобъемлюще называть ее «один» — или то, что постоянно вращается в самом себе, вечно возвращаясь к себе через себя.

ВИЗАНТИЙСКАЯ МЫСЛЬ (500–1000)

Этот первый и основной период развития византийской мысли строится в основном на вкладе в него каппадокийцев, на чьи имена, за исключением Макарины, мы постоянно ссылались. Но он обретает особый характер с того момента, когда появляется корпус сочинений Дионисия Ареопагита (см. ч. 1), и влияние его начинает во все возрастающей степени определять дальнейшее развитие христианского богословия. Представленное здесь сочинение Дионисия Ареопагита «О божественных именах» являет собой катафатический коррелят к его апофатическому сочинению «Мистическое богословие», представленному в первой части. Дионисий продолжает мистическое направление Григория Нисского, заостряя его созвучно учению Прокла о безмолвии перед Единым.

Особое место в этой традиции занимает Роман Сладкопевец — величайший создатель православных гимнов. Мы представляем образец его творчества, выбрав именно его отчасти в силу вневременности темы (которая повторена у Кьеркегора в «Страхе и трепете»), отчасти как образец отношения между дословным переводом и свободным поэтическим переложением. Последующие тексты посвящены центральной для нашей антологии теме: ярко выраженной путеводной нити восточного благочестия — «Иисусовой сердечной молитве». Материал взят из пятитомной «Филокалии» — собрания произведений, основополагающих для этой традиции, которая начинается от монахов-пустынников и доходит до всецело обращенного к этой теме Григория Паламы.

Особое место в этой традиции занимает Максим Исповедник, о трагической судьбе которого ниже. Благодаря переводу на латынь, сделанному Иоанном Скотом Эриугеной, он оказал большое влияние и на западную духовную жизнь (см. ч. 1). Свое истинное место начинает занимать Павлово и Иоанново учение о божественной любви (агапэ), или любви-преданности, найдя достойное отражение в трудах Иоанна Лествичника и Максима Исповедника.

В Иоанне Дамаскине восточное православие обретает прекрасного систематизатора. Его сочинение «О православной вере» представляет собой своего рода подведение итогов (*Summa*), где обрели свое место и с помощью простых и точных слов и ясных понятий нашли объяснение все оттенки богословской мысли и все виды проявления христианской веры. С именем Дамаскина в большой степени связано и окончание трагического периода иконоборчества, почти полтора десятилетия подтачивавшего потенциал религиозной веры. И здесь проявилась его способность все ставить на свои истинные места.

Оживление культурно-литературной жизни связано в IX в. и с неоднозначной личностью архиепископа Фотия — не в последнюю очередь благодаря его огромному собранию *Bibliotheca*. Из близкого к нему круга среди прочих вышли и епископ Арефа — мыслитель, находившийся под сильным влиянием Платона, и ученики Фотия Кирилл и Мефодий из Фессалоник, давшие мощнейший импульс христианизации славянских народов. И все же в интеллектуальной жизни этого времени как на Востоке, так и на Западе существовала некоторая опасность вырождения. И там и там среди ученых преобладал интерес к комментированию. Чтобы найти оригинальных мыслителей, нужно было вернуться на два столетия назад, к Максиму Исповеднику. Вот тогда, на рубеже тысячелетий, брезжил утренний свет.

14. Διονυσίῳ Ἀρεοπαγίτῃ

(Ὁ Διονυσίου см. с. 256 настоящего издания)

Ὁ βожественных именах

- 1 Νῦν δὴ, ὦ μακάριε, μετὰ
 τὰς Θεολογικὰς ὑποτυπώσεις
 ἐπὶ τὴν τῶν θείων ὀνομάτων ἀνάπτυξιν, ὥς ἐφικτόν,
 μετελεύσομαι.
 Ἔστω δὲ καὶ νῦν ἡμῖν ὁ τῶν Λογίων
 θεσμὸς προδιωρισμένος,
 τὸ τὴν ἀλήθειαν ἡμᾶς καταδείξασθαι τῶν περὶ Θεοῦ λεγομένων,
 „οὐκ ἐν πειθοῖς σοφίας ἀνθρωπίνης λόγοις,
 ἀλλ' ἐν ἀποδείξει τῆς πνευματοκινήτου τῶν θεολόγων δυνάμεως“,
 καθ' ἣν
 τοῖς ἀφθέγκτοις καὶ ἀγνώστοις
 ἀφθέγκτως καὶ ἀγνώστως συναπτόμεθα,
 κατὰ τὴν κρείττονα τῆς καθ' ἡμᾶς
 λογικῆς καὶ νοερᾶς δυνάμεως καὶ ἐνεργείας ἔνωσιν.

Καθόλου τοιγαροῦν οὐ τολμητέον
 εἰπεῖν οὔτε μὴν ἐννοῆσαι τι
 περὶ τῆς ὑπερουσίου καὶ κρυφίας θεότητος
 παρὰ τὰ θειωδῶς ἡμῖν
 ἐκ τῶν ἱερῶν Λογίων
 ἐκπεφασμένα.

Τῆς γὰρ ὑπὲρ λόγον καὶ νοῦν καὶ οὐσίαν αὐτῆς ὑπερουσιότητος
 ἀγνωσίᾳ αὐτῇ τὴν ὑπερούσιον ἐπιστήμην ἀναθετέον,
 τοσοῦτον ἐπὶ τὸ ἀναντες ἀνανεύοντας,
 ὅσον ἑαυτὴν ἐνδίδωσιν ἢ τῶν θεαρχικῶν Λογίων ἀκτίς,
 πρὸς τὰς ὑπερτέρας αὐγὰς τῇ περὶ τὰ θεῖα σωφροσύνη
 καὶ ὁσιότητι συστελλομένους.²⁾

Καὶ γάρ, εἴ τι δεῖ τῇ πανσόφῳ καὶ ἀληθεστάτῃ θεολογίᾳ πείθεσθαι,
 κατὰ τὴν ἀναλογίαν ἐκάστου τῶν νόων ἀνακαλύπτεται τὰ θεῖα καὶ
 ἐποπτεύεται,

1. А теперь, о блаженный, после «Богословских очерков», перейдем к разъяснению, насколько это возможно, божественных имен. И да будет у нас правилом обнаруживать истинный смысл того, что говорится о Боге, «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении движимой духом силы» (ср. 1 Кор. 2, 4) богословов, каковое невыразимо и непостижимо соединяет нас с невыразимым и непостижимым гораздо лучше, чем это доступно нашей словесной и умственной силе и энергии.

Совершенно ведь не подобает сметь сказать или подумать что-либо о сверхсущественной и сокровенной божественности помимо того, что боговидно явлено нам священными Речениями. Ведь неведение ее превышающей слово, ум и сущность сверхсущественности должны посвящать ей те, кто устремляется к горнему — насколько сияние богоначальных Речений открывает себя, и кто ради высших осияний облакает свое стремление к божественному целомудрию и благочестию. Ибо, если необходимо хоть сколько-нибудь верить всеумудрому и истиннейшему богословию, божественное открывает себя и бывает восприимчиво в соответствии со способностью каждого из умов, причем богоначальная благодать в спасительной справедливости подобающим божеству образом отделяет безмерность как не вмещающую от измеримого.

Как для чувственного неуловимо и невидимо умственное, а для наделенного обликом и образом простое и не имеющее образа, и для сформированного в виде тел неосязаемая и безвидная бесформенность бестелесного, так, согласно тому же слову истины, выше сущностей находится сверхсущественная неопределенность, и превышающее ум единство выше умов. И никакой мыслью превышающее мысль Единое непостижимо; и никаким словом превышающее слово Добро не

τῆς θεαρχικῆς ἀγαθότητος ἐν σωστικῇ δικαιοσύνῃ
τῶν ἐν μέτρῳ τὴν ἀμετρίαν θεοπρεπῶς,
ὥς ἀχώρητον, ἀποδιαστελλούσης.

Ὡσπερ γὰρ ἄληπτα καὶ ἀθεώρητα τοῖς αἰσθητοῖς
ἐστι τὰ νοητά,
καὶ τοῖς ἐν πλάσει καὶ τύπῳ
τὰ ἀπλᾶ καὶ ἀτύπωτα,
τοῖς τε κατὰ σωμάτων σχήματα
μεμορφωμένοις
ἢ τῶν ἀσωμάτων ἀναφῆς καὶ ἀσχημάτιστος ἀμορφία,
κατὰ τὸν αὐτὸν τῆς ἀληθείας λόγον
ὑπέρκειται τῶν οὐσιῶν ἢ ὑπερούσιος ἀοριστία
καὶ τῶν νόων ἢ ὑπὲρ νοῦν ἐνότης·
καὶ πάσαις διανοαῖς ἀδιανόητόν ἐστι τὸ ὑπὲρ διάνοιαν ἔν,
ἄρρητόν τε λόγῳ παντὶ τὸ ὑπὲρ λόγον ἀγαθόν,
ἐνὰς ἐνοποῖς ἀπάσης ἐνάδος
καὶ ὑπερούσιος οὐσία καὶ νοῦς ἀνόητος καὶ λόγος ἄρρητος,
ἀλογία καὶ ἀνοησία καὶ ἀνωθυμία,
κατὰ μηδὲν τῶν ὄντων οὐσα·
καὶ αἴτιον μὲν τοῦ εἶναι πᾶσιν,
αὐτὸ δὲ μὴ ὄν,
ὥς πάσης οὐσίας ἐπέκεινα
καὶ ὥς ὄν αὐτὸ περὶ ἑαυτοῦ κυρίως καὶ ἐπιστητῶς
ἀποφαίνοιτο.

2. Περὶ ταύτης οὖν, ὥς εἴρηται, τῆς ὑπερουσίου καὶ κρυφίας θεότητος οὐ τολμητέον εἰπεῖν οὔτε μὴν ἐννοῆσαί τι, παρὰ τὰ θεοειδῶς ἡμῖν ἐκ τῶν ἱερῶν Λογίων ἐκπεφασμένα· καὶ γὰρ ὥς αὐτὴ περὶ ἑαυτῆς ἐν τοῖς Λογίοις ἀγαθοπρεπῶς παραδέδωκεν, ἡ μὲν αὐτῆς ὃ τι ποτέ ἐστιν ἐπιστήμη καὶ θεωρία, πᾶσιν ἁβατός ἐστι τοῖς οὐσιν, ὥς πάντων ὑπερουσίως ἐξηρημένη. Καὶ πολλοὺς τῶν θεολόγων εὐρήσεις οὐ μόνον ὥς ἀόρατον αὐτὴν καὶ ἀπερίληπτον ὕμνηκότας, ἀλλὰ καὶ ἀνεξερευνήτον ἅμα καὶ ἀνεξιχνίαστον, ὥς οὐκ ὄντος ἴχνους οὐδενὸς τῶν ἐπὶ τὴν κρυφίαν αὐτῆς ἀπειρίαν διεληλυθότων.
Οὐ μὴν ἀκοινωντόν ἐστι καθόλου τάγαθόν οὐδενὶ τῶν ὄντων, ἀλλ' ἐφ' ἑαυτοῦ μονίμως τὴν ὑπερούσιον ἰδρῶσαν ἀκτίνα ταῖς ἐκάστου τῶν ὄντων ἀναλόγοις ἐλλάμψεσιν ἀγαθοπρεπῶς

выразимо; Единица, делающая единой всякую единицу; Сверхсущественная сущность; Ум непомыслимый; Слово неизрекаемое; Бессловесность, Непомыслимость и Безымянность, сущая иным, нежели все сущее, образом; Причина всеобщего бытия, Сама не сущая, ибо пребывающая за пределом всякой сущности, — как Она Сама по-настоящему и доступным для познания образом, пожалуй, может Себя открыть.

2. Итак, не подобает, как было сказано, сметь сказать что-либо или подумать об этой сверхсущественной и сокровенной божественности помимо того, что боговидно изъяснено нам священными Речениями. Ибо какое бы то ни было понимание и созерцание ее — как она сама подобающим Добру образом сообщила о себе в Речениях — недоступно для всего сущего, так как она сверхсущественно за пределами для всего. И ты найдешь, что много богословов воспели ее не только как невидимую и необъемлемую, но и как недоступную для исследования и изучения, потому что нет никаких признаков того, чтобы кто-то проник в ее сокровенную безграничность.

Однако же Добро несовершенно, непричастно ничему из сущего, но, воздвигнув только в Себе Самом источник Своего сверхсущественного света, Оно приличествующим Добру образом проявляется сияниями, соразмерными каждому из сущих, и возвышает до возможного созерцания, приобщения и уподобления Ему священные умы, насколько позволительно, подобающим священному образом устремляющиеся к Нему, не дерзающие в самоуверенной расслабленности

ἐπιφαίνεται καὶ πρὸς τὴν ἐφικτὴν αὐτοῦ θεωρίαν καὶ κοινωνίαν καὶ
ὁμοίωσιν ἀνατείνει

τοὺς ἱεροὺς νόας,

τοὺς ὡς θεμιτὸν αὐτῷ καὶ ἱεροπρεπῶς ἐπιβάλλοντας

καὶ μήτε πρὸς τὸ ὑπέρτερον τῆς ἐναρμονίως ἐνδιδομένης

θεοφανείας ἀδυνάτως ἀπαυθαδιαζομένους

μήτε

πρὸς τὸ κάταντες ἐκ τῆς ἐπὶ τὸ χεῖρον ὑφέσεως

ἀπολισθαίνοντας,

ἀλλ' εὐσταθῶς τε καὶ ἀκλινῶς ἐπὶ τὴν ἀκτῖνα

τὴν αὐτοῖς ἐπιλάμπουσαν ἀνατεινομένους

καὶ τῷ συμμέτρῳ

τῶν θεμιτῶν ἐλλάμψεων ἔρωτι

μετ' εὐλαβείας ἱερᾶς σωφρόνως τε καὶ δσίως ἀναπτερουμένους.

- 3 Τούτοις ἐπόμενοι τοῖς θεαρχικοῖς ζυγοῖς, οἱ καὶ τὰς ὄλας
διακυβερνῶσι τῶν ὑπερουρανίων τάξεων ἀγίας διακοσμήσεις,

τὸ μὲν ὑπὲρ νοῦν καὶ οὐσίαν τῆς θεαρχίας

κρύφιον ἀνεξερευνήτοις καὶ ἱεραῖς νοδὸς εὐλαβείαις,

τὰ δὲ ἄρρητα σῶφρονι σιγῇ

τιμῶντες,

ἐπὶ τὰς ἐλλαμπούσας ἡμῖν ἐν τοῖς ἱεροῖς Λογίοις αὐγὰς

ἀνατεινόμεθα καὶ πρὸς αὐτῶν φωταγωγούμεθα

πρὸς τοὺς θεαρχικοὺς ὕμνους,

ὑπ' αὐτῶν ὑπερκοσμίως φωτιζόμενοι

καὶ πρὸς τὰς ἱερὰς ὕμνολογίας τυπούμενοι,

πρὸς τὸν ὁρᾶν τὰ συμμέτρως ἡμῖν δι' αὐτῶν δωρούμενα

θεαρχικὰ φῶτα καὶ τὴν ἀγαθοδοτὴν ἀρχὴν ἀπάσης ἱερᾶς

φωτοφανείας ὕμνεῖν,

ὡς αὕτη περὶ ἑαυτῆς ἐν τοῖς ἱεροῖς Λογίοις

παραδέδωκεν·

οἶον, ὅτι πάντων ἐστὶν

αἰτία καὶ ἀρχὴ καὶ οὐσία καὶ ζωή,

καὶ τῶν μὲν ἀποπιπτόντων αὐτῆς

ἀνάκλησίς τε καὶ ἀνάστασις,

τῶν δὲ πρὸς τὸ τοῦ θεοειδοῦς παραφθαρτικὸν

ἀπολισθησάντων

ἀνακαινισμὸς καὶ ἀναμόρφωσις,

τῶν δὲ κατὰ τινα σάλον ἀνίερων παρακινουμένων

на высшее, чем следует, богоявление и не соскальзывающие немощно вниз, к худшему, но крепко стоящие и неуклонно устремляющиеся к сияющему им свету, со священным благочестием целомудренно и божественно окрыляемые соизмеримой любовью допущенных осияний.

3. Повинуясь этим богоначальным узам, управляющим всеми святыми порядками сверхнебесных сущностей, чья превышающую ум и сущность тайну Богоначалия священным не дерзающим на исследование умственным благочестием, неизреченное же — целомудренным молчанием, мы устремляемся навстречу лучам, сияющим нам в священных Речениях, их светом ведомые к богоначальным песнопениям, ими сверхмирно просвещаемые, вдохновляемые на священные песнословия, на созерцание соразмерно нам даруемых ими богоначальных светов, на воспевании благодатного Начала всяческого священного светоявления так, как Оно Само выразило Себя в священных Речениях. Например, что Оно Причина всего, Начало, Сущность и Жизнь; отпадающих от Него призвание и восстановление; соскользнувших к тому, что губит божественный образ, поновление и формирование заново; колеблющихся от какого-нибудь нечестивого потрясения священное утверждение; безопасность устоявших; руководство, помогающее восходящим взойти к Нему ввысь; просвещаемых осияние; посвящаемых священноначалие; обоживаемых Богоначалие; опрощаемых простота; объединяемых единство; сверхначальное сверхсущественное начало всякого начала; добрый податель сокровенного, насколько это возможно; и просто сказать, Жизнь живущего и Сущность существующего, всякой жизни и сущности Начала и

ἰδρυσις ἱερὰ
 καὶ τῶν ἐστηκότων ἀσφάλεια,
 καὶ τῶν ἐπ' αὐτὴν ἀναγομένων
 ἀνατατική χειραγωγία
 καὶ τῶν φωτιζομένων ἔλλαμψις,
 καὶ τῶν τελουμένων τελεταρχία
 καὶ τῶν θεουμένων θεαρχία,
 καὶ τῶν ἀπλουμένων ἀπλότης
 καὶ τῶν ἐνιζομένων ἐνότης,

ἀρχῆς ἀπάσης

ὑπερουσίως ὑπεράρχιος ἀρχὴ
 καὶ τοῦ κρυφίου κατὰ τὸ θεμιτὸν
 ἀγαθὴ μεταδότις,
 καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν,

ἢ τῶν ζώντων ζωὴ

καὶ τῶν ὄντων οὐσία,

πάσης ζωῆς καὶ οὐσίας ἀρχὴ καὶ αἰτία,

διὰ τὴν αὐτῆς εἰς τὸ εἶναι τὰ ὄντα

παρακτικὴν καὶ συνοχικὴν

ἀγαθότητα.

- 4 Ταῦτα πρὸς τῶν θείων Λογίων μεμυήμεθα. Καὶ πᾶσαν, ὥς εἰπεῖν, τὴν ἱερὰν τῶν θεολόγων ὕμνολογίαν εὐρήσεις πρὸς τὰς ἀγαθουργοὺς τῆς θεαρχίας προόδους¹⁾ ἐκφαντορικῶς καὶ ὕμνητικῶς τὰς θεωνυμίας διασκευάζουσιν. Ὅθεν ἐν πάσῃ σχεδὸν τῇ θεολογικῇ πραγματείᾳ τὴν θεαρχίαν ὀρῶμεν ἱερῶς ὕμνουμένην· ὥς μονάδα μὲν καὶ ἐνάδα, διὰ τὴν ἀπλότητα καὶ ἐνότητα τῆς ὑπερφυοῦς ἀμερίας, ἐξ ἧς, ὥς ἐνοποιοῦ δυνάμεως, ἐνιζόμεθα καὶ τῶν μεριστῶν ἡμῶν ἑτεροκλήτων ὑπερκοσμίως συμπτυσσομένων εἰς θεοειδῆ μονάδα συναγόμεθα καὶ θεομίμητον ἔνωσιν·

ὥς Τριάδα δέ, διὰ τὴν τρισυπόστατον τῆς ὑπερουσίου γονιμότητος ἑκφανσιν, ἐξ ἧς πᾶσα πατριὰ ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ γῆς ἐστι καὶ ὀνομάζεται·

ὥς αἰτίαν δὲ τῶν ὄντων, ἐπειδὴ πάντα πρὸς τὸ εἶναι παρήχθη διὰ τὴν αὐτῆς οὐσιοποιὸν ἀγαθότητα·

σοφὴν δὲ καὶ καλὴν, ὅτι τὰ ὄντα πάντα τὰ τῆς οἰκειᾶς φύσεως ἀπαράφθαρτα διασώζοντα πάσης ἁρμονίας ἐνθέου καὶ ἱερᾶς εὐπρεπείας ἐστὶν ἀνάπλεα·

φιλάνθρωπον δὲ διαφερόντως, ὅτι τοῖς καθ' ἡμᾶς πρὸς ἀλήθειαν ὀλικῶς ἐν μιᾷ τῶν αὐτῆς ὑποστάσεων ἐκοινωνήσεν, ἀνακαλουμένην

Причина в силу Своей вводящей сущее в бытие и поддерживающей его там благодати.

4. Этому мы научены божественными Речениями. И ты найдешь, что всякое, можно сказать, священное песнословие богословов, изъясняя и воспевая благодетельные выступления Богоначалия, приготавливает божественные имена. Так, мы видим, что почти во всяком богословском сочинении Богоначалие священно воспевается или как монада и Единица — по причине простоты и единства сверхсущественной неделимости, коей как единыщей силой мы соединяемы, и наши частные различия сверхмирно объединяемы, и мы собираемы в боговидную монаду и богоподобное единство; или как Троица — по причине триипостасного проявления сверхсущественной плодovitости, из которой происходит и согласно которой «именуется всякое отечество на небесах и на земле» (*Еф. 3, 15*); или как Причина всего сущего, поскольку все было приведено в бытие благодаря Ее сотворяющей сущности благодати; или как Премудрое и Прекрасное — как сохраняющее все сущее, не нарушая его собственной природы, и как исполненное всяческой божественной гармонией и священной красотой; в особенности же как Человеколюбивое, поскольку Оно поистине и полностью одной из Своих ипостасей приобщилось нашей природы, тем самым призвав к Себе и возвысив человеческую удаленность, из которой и был неизреченно составлен единый Иисус, и тем самым протяженность времени воспринял Вечный, и внутри нашей природы оказался сверхсущественно Превзошедший всякий порядок всякой природы, сохраняя пребывалище Своих свойств неизменным и неслиянным. И остальные, сколько их есть, божественно воздействующие свету изъяснительно даровало нам тайное предание наших боговдохновенных руководителей. В этом и мы были наставлены, насколько это возможно для нас теперь — посредством священных завес свойственного Речениям и священноначальным преданиям человеколюбия, окутывающего умственное чувственным, сверхсущественное существующим, обволакивающего формами и видами бесформенное и не имеющее вида, сверхъестественную же, лишенную образа простоту разнообразными частными символами умножающего и изображающего. А тогда, когда мы станем нетленными и бессмертными и сподобимся блаженнейшего свойственного Христу покоя и «всегда, — согласно Речению, — с Господом будем» (*1 Фес. 4, 17*), тогда мы будем исполняться видимого богоявления в пречистых видениях, озаряющих нас светлейшим сиянием, как учеников во время того божественнейшего Преображения, бесстрастным и нематериальным умом причащаясь Его умственного светодаяния

πρὸς ἑαυτὴν καὶ ἄνω τιθεῖσα τὴν ἀνθρωπίνην ἐσχατιάν, ἐξ ἧς ἀρρήτως ὁ ἀπλοῦς Ἰησοῦς συνετέθη

καὶ παράτασιν εἴληφε χρονικὴν ὁ ἀΐδιος

καὶ εἶσω τῆς καθ' ἡμᾶς ἐγεγόνει φύσεως,

ὁ πάσης τῆς κατὰ πᾶσαν φύσιν τάξεως

ὑπερουσίως ἐκβεβηκῶς

μετὰ τῆς ἀμεταβόλου καὶ ἀσυγχύτου τῶν οἰκείων

ἰδρύσεως.³⁾

Καὶ ὅσα ἄλλα θεουργικὰ φῶτα τοῖς Λογίοις ἀκολουθῶς

ἢ τῶν ἐνθέων ἡμῶν καθηγεμόνων κρυφία παράδοσις ἐκφαν-
τορικῶς ἡμῖν ἐδωρήσατο, ταῦτα καὶ ἡμεῖς μεμυήμεθα·

πάντων δὲ

ἀπεριλήπτῳ δυνάμει

καὶ τῶν ὑπερουρανίων νόων

ὑπεριδρυμένην.

Εἰ γὰρ αἱ γνώσεις πᾶσαι τῶν ὄντων εἰσὶ καὶ εἰς τὰ ὄντα τὸ πέρας
ἔχουσιν, ἡ πάσης οὐσίας ἐπέκεινα καὶ πάσης γνώσεως ἐστὶν
ἐξηρημένη.

- 5 Καὶ μὴν, εἰ κρείττων ἐστὶ παντὸς λόγου καὶ πάσης γνώσεως, καὶ
ὕπερ νοῦν καθόλου καὶ οὐσίαν ἱδρυται,

πάντων μὲν οὐσα περιληπτικὴ καὶ συναπτικὴ καὶ συλληπτικὴ
καὶ προληπτικὴ

πᾶσι δὲ αὐτῶς καθόλου

ἄληπτος,

καὶ οὔτε αἰσθησις αὐτῆς ἐστὶν οὔτε φαντασία

οὔτε δόξα οὔτε ὄνομα οὔτε λόγος

οὔτε ἐπαφὴ οὔτε ἐπιστήμη,¹⁾

πῶς ὁ περὶ θείων ὀνομάτων ἡμῖν διαπραγματευθήσεται λόγος,
ἀκλήτου καὶ ὑπερωνύμου τῆς ὑπερουσίου θεότητος ἀποδει-
κνυμένης;

Ἄλλ' ὅπερ ἔφημεν, ἥνίκα τὰς Θεολογικὰς Ὑποτυπώσεις
ἐξετιθέμεθα, τὸ ἔν, ὑπεράγνωστον, τὸ ὑπερούσιον, αὐτοάγαθον
ὅπερ ἐστί, τὴν τριαδικὴν ἐνάδα φημί, τὴν ὁμόθεον καὶ ὁμοάγαθον,
οὔτε εἰπεῖν, οὔτε ἐννοῆσαι δυνατόν· ἀλλὰ καὶ αἱ τῶν ἁγίων
δυνάμεων ἀγγελιοπρεπεῖς ἐνώσεις,²⁾ ἃς εἴτε ἐπιβολὰς εἴτε
παραδοχὰς χρὴ φάναι τῆς ὑπεραγνώστου καὶ ὑπερφανοῦς
ἀγαθότητος, ἄρρητοί τέ εἰσι καὶ ἄγνωστοι, καὶ μόνοις αὐτοῖς
ἐνυπάρχουσι τοῖς ὑπὲρ γνῶσιν ἀγγελικὴν ἡξιωμένοις αὐτῶν
ἀγγέλους.

и превосходящего ум соединения, когда неведомым и блаженным образом — в божественнейшем подражании сверхнебесным умам — мы окажемся достижимы для пресветлых лучей, ибо, как говорит истина Речений, мы будем «равны Ангелам» и сыны суть Божии, «будучи сынами воскресения» (Лк. 20, 36).

Ныне же мы, насколько нам возможно, пользуемся, говоря о божественном, доступными нам символами, а от них по мере сил устремляемся опять же к простой и соединенной истине умственных созерцаний, и после всякого свойственного нам разумения боговидений, прекращаем умственную деятельность и достигаем по мере возможности сверхсущественного света, в котором все пределы всех разумов в высшей степени неизреченно предсуществуют, каковой свет ни помыслить, ни описать, ни каким-либо образом рассмотреть невозможно, поскольку он за пределами всего, сверхнепознаваем и сверхсущественно содержит в себе прежде осуществления границы всех осуществленных разумов и сил и все вообще непостижимой для всего, пребывающей выше сверхнебесных умов, силой. Ведь если всякое познание связано с сущим и имеет в сущем предел, то находящееся за пределами сущности находится и за пределами всякого познания.

5. И если Оно превосходит всякое слово и всякое знание и пребывает превыше любого ума и сущности, все сущее объемля, объединяя, сочетая и охватывая заранее, Само же будучи для всего совершенно не объемлемо, не воспринимаемо ни чувством, ни воображением, ни суждением, ни именем, ни словом, ни касанием, ни познанием, как же мы можем написать сочинение «О божественных именах», когда сверхсущественное Божество оказывается неназываемым и пребывающим выше имен?

Но, как мы сказали в «Богословских очерках», о Едином, Непознаваемом, Сверхсущественном, Самом-по-себе-добре, какое Оно только может быть, — я имею в виду троичную, равную в божестве и в добре Единицу, — ни сказать, ни помыслить невозможно. Но и ангелоподобные соединения святых сил, каковые следует назвать либо явлениями, либо передачами сверхпознаваемой и пресветлой Благости, ни речи, ни познанию не подлежат и бывают ведомы лишь ангелам, удостоенным того, что выше их ангельского знания.

С таковым соединяющиеся, подражая по возможности ангелам, боговидные умы — поскольку по прекращении всяческой умственной деятельности происходит соединение обожаемых умов со сверхбожественным светом — воспевают это самым подходящим образом

Ταύταις οἱ θεοειδεῖς ἀγγελιομιμήτως, ὡς ἐφικτόν, ἐνούμενοι νόες
ἐπειδὴ κατὰ πάσης νοερᾶς ἐνεργείας ἀπόπauσιν
ἢ τοιάδε γίνεται τῶν ἐκθεουμένων νόων
πρὸς τὸ ὑπέρθεον φῶς ἔνωσις

ὕμνουσιν αὐτὸ κυριώτατα διὰ τῆς πάντων τῶν ὄντων ἀφαιρέσεως,
τοῦτο ἀληθῶς καὶ ὑπερφυῶς ἐλλαμφθέντες ἐκ τῆς πρὸς αὐτὸ
μακαριωτάτης ἐνώσεως, ὅτι πάντων μὲν ἔστι τῶν ὄντων αἴτιον,
αὐτὸ δὲ οὐδέν, ὡς πάντων ὑπερουσίως ἐξηρημένον.

Τὴν μὲν οὖν ὑπερουσιότητα τὴν θεαρχικὴν, ὃ τι ποτέ ἐστιν ἡ τῆς
ὑπεραγαθότητος ὑπερύπαρξις,

οὔτε ὡς λόγον ἢ δύναμιν,

οὔτε ὡς νοῦν ἢ ζῶην ἢ οὐσίαν ὑμῆσαι θεμιτὸν οὐδενὶ τῶν ὁσοι τῆς
ὑπὲρ πᾶσαν ἀλήθειαν ἀληθείας εἰσὶν ἑρασταί.

ἀλλ' ὡς πάσης ἔξεως, κινήσεως, ζῆς,

φαντασίας, δόξης, ὀνόματος, λόγου,

διανοίας, νοήσεως, οὐσίας,

στάσεως, ἰδρύσεως, ἐνώσεως,

πέρατος, ἀπειρίας,

ἀπάντων ὅσα ὄντα ἐστίν, ὑπεροχικῶς ἀφηρημένην.

Ἐπειδὴ δὲ ὡς ἀγαθότητος ὑπαρξις αὐτῷ τῷ εἶναι

πάντων ἔστι τῶν ὄντων αἰτία, τὴν ἀγαθαρχικὴν τῆς θεαρχίας
πρόνοιαν ἐκ πάντων τῶν αἰτιατῶν ὑμνητέον·

ἐπεὶ καὶ περὶ αὐτὴν⁴) πάντα καὶ αὐτῆς ἔνεκα,

καὶ αὐτὴ ἐστὶ πρὸ πάντων καὶ τὰ πάντα ἐν αὐτῇ συνέστηκε,

καὶ τῷ εἶναι ταύτην, ἡ τῶν ὄλων παραγωγὴ καὶ ὑπόστασις,

καὶ αὐτῆς πάντα ἐφίεται,

τὰ μὲν νοερὰ καὶ λογικὰ γνωστικῶς,

τὰ δὲ ὑφειμένα τούτων αἰσθητικῶς,

καὶ τὰ ἄλλα κατὰ ζωτικὴν κίνησιν ἢ οὐσιώδη

καὶ ἐκτικὴν ἐπιτηδειότητα.

- 6 Τοῦτο γοῦν εἰδότες οἱ θεολόγοι, καὶ ὡς ἀνώνυμον αὐτὴν ὑμνοῦσι καὶ
ἐκ παντὸς ὀνόματος.

Ἄνώνυμον μὲν ὡς ὅταν φασὶ τὴν θεαρχίαν αὐτὴν ἐν μιᾷ

τῶν μυστικῶν τῆς συμβολικῆς θεοφανείας ὁράσεων

ἐπιπληῆξαι τῷ φήσαντι, „τί τὸ ὄνομά σου;“

καὶ ὥσπερ ἀπὸ πάσης αὐτὸν

θεωνυμικῆς γνώσεως ἀπάγουσαν, φάναι τό, „καὶ ἵνατί ἐρωτᾷς
τὸ ὄνομά μου; καὶ τοῦτ' ἐστὶ θαυμαστόν“.

Ἡ οὐχὶ τοῦτο ὄντως ἐστὶ τὸ θαυμαστόν ὄνομα, τὸ ὑπὲρ

путем отрицания всего сущего, — до такой степени будучи поистине и сверхъестественно просвещены блаженнейшим соединением с тем, что является Причиной всего сущего, Само же — Ничем, как всему сверхсущественно запредельное.

Богоначальная сверхсущественность, каково бы ни было сверхбытие сверхблагости, не должна воспеваться никем, кто любит Истину, превышающую всякую истину, ни как слово или сила, ни как ум, или жизнь, или сущность, но — как всякому свойству, движению, жизни, воображению, мнению, имени, слову мысли, размышлению, сущности, состоянию, пребыванию, единству, пределу, беспредельности, всему тому, что существует, превосходительно запредельная. Поскольку же, будучи бытием Благости, самим фактом своего бытия Она является причиной всего сущего, богоначальный промысел Богоначалия следует воспевать исходя из всего причиненного Им, потому что в Нем — все и Его ради, и Он существует прежде всего, и все в Нем состоялось, и Его бытие есть причина появления и пребывания всего, и Его все желает: умные и разумные — разумно, низшие их — чувственно, а остальные либо в соответствии с движением живого, либо как вещества, соответствующим образом приспособленные к *существованию*.

6. Зная это, богословы и воспевают Его и как Безымянного, и как сообразного всякому имени.

Он безымянен, говорят, потому что Богоначалие сказано в одном символическом богоявлении из разряда таинственных видений, упрекая спросившего «Каково имя Твое?» и как бы отводя его от всякого знания Божьего имени: «Почему ты спрашиваешь имя Мое? Оно чудесно» (*Быт.* 32, 29). И не является ли поистине удивительным такое «имя, которое выше всякого имени» (*Флп.* 2, 9), — неназываемое, пребывающее «превыше всякого имени, именуемого и в этом веке и в будущем» (ср. *Еф.* 1, 21)?

Многоименен же Он, потому что при этом Его представляют говорящим: «Я есмь Сущий» (*Исх.* 3, 14), «Жизнь» (*Ин.* 14, 6), «Свет» (*Ин.* 8, 12), «Бог» (*Быт.* 28, 13), «Истина» (*Ин.* 14, 6), и в то же время те же самые богомудры воспевают Причину всего, заимствуя имена из всего причиненного ею, как-то: «Благой» (*Мф.* 19, 17), «Прекрасный» (*Пс.* 26, 4), «Мудрый», «Возлюбленный» (*Ис.* 5, 1), «Бог богов»

πᾶν ὄνομα, τὸ ἀνώνυμον, τὸ παντὸς ὑπεριδρυμένον
ὀνόματος ὀνομαζομένου, εἴτε ἐν τῷ αἰῶνι τούτῳ, εἴτε
ἐν τῷ μέλλοντι“;

Πολυνύμωμον δέ, ὡς ὅταν αὐθις αὐτὴν εἰσάγωσι φάσκουσιν,
„ἐγὼ εἰμι ὁ ὢν“,

ἡ ζωὴ, τὸ φῶς, ὁ Θεός, ἡ ἀλήθεια,

καὶ ὅταν αὐτοὶ τὸν πάντων αἷτιον οἱ θεόσοφοι πολυνύμωως ἐκ
πάντων τῶν αἰτιατῶν ὑμνῶσιν,

ὡς ἀγαθόν, ὡς καλόν, ὡς σοφόν, ὡς ἀγαπητόν,

ὡς Θεὸν θεῶν, ὡς Κύριον κυρίων,

ὡς Ἅγιον ἀγίων, ὡς αἰώνιον, ὡς ὄντα, καὶ

ὡς αἰώνων αἷτιον·

ὡς ζωῆς χορηγόν,

ὡς σοφίαν, ὡς νοῦν, ὡς Λόγον,

ὡς γινώστην, ὡς ὑπερέχοντα πάντας τοὺς θησαυροὺς ἀπάσης
γνώσεως,

ὡς δυνάμιν, ὡς δυνάστην, ὡς Βασιλέα τῶν βασιλευόντων,

ὡς παλαιὸν ἡμερῶν, ὡς καὶ ἀγήρω καὶ ἀναλλοίωτον,

ὡς σωτηρίαν, ὡς δικαιοσύνην, ὡς ἀγιασμόν,

ὡς ἀπολύτρωσιν, ὡς ἐν μεγέθει πάντων ὑπερέχοντα,

καὶ ὡς ἐν αὐρᾷ λεπτῇ.

Καί γε καὶ ἐν νόοις αὐτὸν εἶναί φασιν, καὶ ἐν ψυχαῖς καὶ ἐν σώμασι,
καὶ ἐν οὐρανῷ καὶ ἐν γῇ,

καὶ ἅμα ἐν ταύτῃ τὸν αὐτόν,

ἐγκόσμιον, περικόσμιον, ὑπερκόσμιον,

ὑπερουράνιον, ὑπερούσιον,

ἥλιον, ἀστέρα, πῦρ, ὕδωρ, πνεῦμα, δρόσον, νεφέλην,

αὐτόλιθον καὶ πέτραν,

πάντα τὰ ὄντα καὶ οὐδὲν τῶν ὄντων.

7 Οὕτως οὖν τῇ πάντων αἰτίᾳ καὶ ὑπὲρ πάντα οὐσῇ

καὶ τὸ ἀνώνυμον ἐφαρμόσει καὶ πάντα τὰ τῶν ὄντων ὀνόματα, ἵνα
ἀκριβῶς ἡ τῶν ὄλων βασιλεία,

καὶ περὶ αὐτὴν ἡ τὰ πάντα, καὶ αὐτῆς ὡς αἰτίας, ὡς ἀρχῆς,

ὡς πέρατος, ἐξηρητημένα,

καὶ αὕτη, κατὰ τὸ λόγιον, „ἡ τὰ πάντα ἐν πασίν“,

καὶ ἀληθῶς ὑμνῆται πάντων ὑποστάτις,

ἀρχικὴ καὶ τελειωτικὴ καὶ συνεκτικὴ φρουρὰ καὶ ἐστία,

καὶ πρὸς ἑαυτὴν ἐπιστρεπτικὴ,

καὶ ταῦτα ἡνωμένως, ἀσχέτως, ἐξηρημένως.

(Пс. 49, 1), «Господь господ» (Пс. 135, 3), «Святая Святых», «Вечный» (Втор. 33, 27), «Сущий» (Исх. 3, 14), и «Причина веков», «Податель Жизни», «Премудрость» (Притч. 9; Откр. 1, 30), «ум» (1 Кор. 2, 16), «Слово» (Ин. 1, 1), «Сведущий», «Обладающий заранее всеми сокровищами всякого знания» (ср. Кол. 2, 3), «Сила», «Властелин», «Царь царствующих», «Ветхий деньми» (Дан. 7, 9), «Нестареющий и Неизменный», «Спасение», «Справедливо» (ср. Иер. 23, 6), «Освящение» (Откр. 1, 30), «Избавление» (там же), «Превосходящий всех величием» и сущий «В дыхании тонком». Говорят также, что Она в умах, в душах, в телах, в небе и на земле, вместе с тем Сама в Себе, в мире, вокруг мира, над миром, над небом, над сущим; Ее называют солнцем, звездой, «огнем», «водой», «духом», росой, облаком, самоцветом, камнем, всем сущим и ничем из сущего.

7. Таким образом, ко всеобщей все превышающей Причине подходит и анонимность, и все имена сущего как к настоящей Царице всего, от Которой все зависит и Которой все принадлежит как Причине, как Началу, как Завершению. В соответствии с Речением Она является «всем во всем», и Она по праву воспевается как Основа всего, все начинающая, доводящая до совершенства и сохраняющая, защита всего и очаг, к Себе все привлекающая и делающая это объединенно, неудержимо и запредельно. Ибо Она — Причина не только связи, жизни или совершенства, чтобы всего лишь от одного или другого из этих попечений называться Сверхименной благодатью: все сущее Она заранее просто и неограниченно содержала в Себе все приводящими в исполнение благодатьями единого Своего всепричиненного промысла, и всеми существами по праву и воспевается и называется.

Οὐ γὰρ συνοχῆς ἢ ζωῆς ἢ τελειώσεως αἰτία μόνον ἐστίν, ἵνα ἀπὸ μόνης ταύτης ἢ τῆς ἑτέρας προνοίας ἢ ὑπερώνυμος ἀγαθότης ὀνομασθεῖη· πάντα δὲ ἀπλῶς καὶ ἀπεριορίστως ἐν ἑαυτῇ τὰ ὄντα προεῖληφε, ταῖς παντελέσι τῆς μιᾶς αὐτῆς καὶ παναιτίου προνοίας ἀγαθότησι, καὶ ἐκ τῶν ὄντων ἀπάντων ἑναρμονίως ὑμνεῖται καὶ ὀνομάζεται.

- 8 Καὶ γοῦν οὐ ταύτας μόνας οἱ θεολόγοι τὰς θεωνουμίας πρεσβεύουσι, τὰς ἀπὸ τῶν παντελῶν ἢ τῶν μερικῶν προνοιῶν ἢ τῶν προνοουμένων, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τινων ἔσθ' ὅτε θείων φασμάτων ἐν τοῖς ἱεροῖς ἀνακτόροις ἢ ἄλλοθι που τοὺς μύστας ἢ τοὺς προφήτας²⁾ καταλαμπάντων, κατ' ἄλλας καὶ ἄλλας αἰτίας τε καὶ δυνάμεις ὀνομάζουσι τὴν ὑπερφαῖ καὶ ὑπερώνυμον ἀγαθότητα, καὶ μορφάς
αὐτῇ καὶ τύπους
ἀνθρωπικούς ἢ πυρίους ἢ ἡλεκτρίνους περιτιθέασι,
καὶ ὀφθαλμοὺς αὐτῆς
καὶ ὄτα καὶ πλοκάμους καὶ πρόσωπα καὶ χεῖρας
καὶ μετάφρενα καὶ πτερὰ καὶ βραχίονας
καὶ ὀπίσθια καὶ πόδας ὕμνουσι·
στεφάνους τε
καὶ θώκους καὶ ποτήρια καὶ κρατῆρας αὐτῇ
καὶ ἄλλα ἅττα μυστικὰ περιπλάττουσι,
περὶ ὧν ἐν τῇ Συμβολικῇ Θεολογίᾳ κατὰ δύνάμιν ἐροῦμεν.

Νῦν δὲ ὅσα τῆς παρούσης ἐστὶ πραγματείας ἐκ τῶν Λογίων συναγαγόντες καὶ ὥσπερ τινὶ κανόνι τοῖς εἰρημένοις χρώμενοι καὶ πρὸς αὐτὰ σκοποῦντες, ἐπὶ τὴν ἀνάπτυξιν τῶν νοητῶν θεωνουμῶν προϊώμεν· καὶ, ὅπερ ἀεὶ κατὰ πᾶσαν ἡμῶν θεολογίαν ὁ ἱεραρχικὸς θεσμὸς ὑφηγεῖται, θεοπτικῇ διανοίᾳ τὰς θεοειδεῖς ἐποπτεύσωμεν, κυρίως εἰπεῖν, θεωρίας· καὶ ὅτα ἱερὰ ταῖς τῶν ἱερῶν θεωνουμῶν ἀναπτύξεσι παραθώμεθα, τοῖς ἁγίοις τὰ ἅγια, κατὰ τὴν θείαν παράδοσιν, ἐνιδρύνοντες καὶ τῶν ἀμυήτων αὐτὰ γελώτων καὶ ἐμπαιγμῶν ἐξαιρούμενοι, μᾶλλον δὲ αὐτοὺς ἐκείνους, εἴπερ ὅλως εἰσὶ τοιοῦδε τινὲς ἄνθρωποι, τῆς ἐπὶ τούτῳ θεομαχίας ἀπολυτρούμενοι.

Σοὶ μὲν οὖν ταῦτα φυλάξαι χρεών, ὦ καλὲ Τιμόθεε, κατὰ τὴν ἱερωτάτην ὑφήγησιν, καὶ μήτε ῥητὰ μήτε ἔκφορα τὰ θεῖα ποιεῖν εἰς τοὺς ἀμυήτους. Εμοὶ δὲ δῶγ ὁ Θεὸς θεοπρεπῶς ὑμῆσαι τὰς τῆς ἀκλήτου καὶ ἀκατανομάστου θεότητος ἀγαθουργικὰς θεωνουμίας καὶ μὴ περιέλοι λόγον ἀληθείας ἀπὸ τοῦ στόματός μου.

8. Таким образом, богословы заимствуют имена для Нее не только от всеобщих или частных промыслов, или предметов предпопечения, но и из некоторых божественных видений, озаривших посвященных или пророков в священных храмах или в других местах. Превосходящую и всякое имя Благость они называют именами то одной, то другой причины и силы, придавая Ей то человеческие, то огненные, то янтарные формы и вид, воспевая Ее «очи» (Пс. 11, 4; 90, 8), «уши» (Иак. 5, 4), «волосы» (Дан. 7, 9), «лицо» (Пс. 33, 17), «руки» (Иов. 10, 8), «спину», «крылья» (Пс. 90, 4), «плечи» (там же), «зад» (Втор. 33, 23) и «ноги» (там же 24, 10). Они снабжают Ее венками (Откр. 14, 14), престолами (Иез. 1, 26), кубками, чашами (Пс. 74, 9; Притч. 9, 2–3) и другими полными таинственного смысла вещами, о которых мы скажем, по мере сил, в «Символическом богословии».

А теперь, собрав из Речений то, что имеет отношение к настоящему сочинению, и пользуясь сказанным, как неким правилом, взирая на него, перейдем к раскрытию умопостигаемых Божьих имен. И, как того требует иерархический устав, всякий раз, когда мы богословствуем, мы должны зрящей Бога мыслью созерцать в полном смысле слова являющие Бога видения и созерцание и священные уши подставлять разъяснениям священных Божьих имен, на святом святое, согласно божественному преданию, основывая, ограждая его от насмешек и глумления непосвященных, главное же, если только вообще найдутся такие люди, избавляя их тем самым от богоборства.

И тебе, о добрый Тимофей, надо оберегать себя от таких вещей, следуя священнейшему правилу не говорить и не показывать непосвященным ничего божественного. Мне же да даст Бог боголепно воспеть добродетельную многоименность неназываемой и неименоваемой божественности и да не отнимет «слово Истины» от уст моих.

Пер. Г. М. Прсхорова

Ἐξαίφνης ἐστὶ τὸ παρ' ἐλπίδα, καὶ ἐκ τοῦ οἶον τέως ἀφανοῦς εἰς τὸ ἐμφανὲς ἐξαγόμενον. Ἐπὶ δὲ τῆς κατὰ Χριστὸν φιланθρωπίας, καὶ τοῦτο οἶμαι τὴν θεολογίαν αἰνίττεσθαι, τὸ ἐκ τοῦ κρυφίου τὸν ὑπερούσιον εἰς τὴν καθ' ἡμᾶς ἐμφάνειαν ἀνθρωπικῶς οὐσιωθέντα προεληλυθέναι. Κρύφιος δέ ἐστι καὶ μετὰ τὴν ἐκφανσιν, ἥ, ἵνα τὸ θειότερον εἴπω, καὶ ἐν τῇ ἐκφάνσει· καὶ τοῦτο γὰρ Ἰησοῦ κέκρυπται καὶ οὐδενὶ λόγῳ οὔτε νῦν τὸ κατ' αὐτὸν ἐξηκται μυστήριον, ἀλλὰ καὶ λεγόμενον ἄρρητον μένει, καὶ νοούμενον ἄγνωστον.

Послание к Гаю

«Внезапно» предполагает что-то, до той поры бывшее неявленным, выводимое, вопреки надежде, в явленность. Применительно же к Христову человеколюбию — а именно это исхождение осуществившегося как человек Сверхсущественного — из состояния сокрытости в доступное нам состояние явленности. Но Он — Сокрытый и после явления, или — чтобы более божественно сказать — и в явленности. Ведь и это свойство Иисуса сокрыто; и никаким словом и умом не изъяснить связанное с ним таинство; даже говоримое, оно пребывает неизреченным, и уразумеваемое — неведомым.

Пер. Г. М. Прохорова

15. Роман Сладкопевец (ок. 600 от Р. Х.)

Плач Сарры над Исааком

(Из гимна Жертве Авраамовой)

О Романе известно лишь то, что он, будучи крещеным евреем из Эмезы, стал священником в Византии и, по всей вероятности, служил в приходе Святой Софии. Его гимны, представляющие собой части утраченных литургических произведений, являются высочайшей вершиной, достигнутой христианством.

- ζ' Εἰ αὐτὸς ὁ διδοὺς ἐλάμβανε, τί παρέσχηκε;
 Σὺ, πρεσβῦτα, τὸν ἐμὸν ἔα πρὸς με,
 καὶ ὅταν θελήσῃ τοῦτον ὁ καλέσας σε, δηλώσῃ μοι·
 ὁ πρῶν δι' ἀγγέλου τόκον τούτου σημάνας,
 τὸν φόνον μοι αὐθις ὥς ἂν θέλῃ, δηλώσῃ·
 οὐ πιστεύω σοι τὸ τέκνον, οὐ δώσω σοι,
 ὅτι μόνος ἀγαθὸς ὁ σωτὴρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.
- η' Βραχὺν καιρὸν ζήσουςα, τοῦτ'ω συζήσω· μετὰ τὸ θανεῖν,
 ἂν θελήσῃς, τοῦτο δρᾶσον ἐν αὐτῷ·
 μὴ λείπῃ με καὶ λύπη κτείνῃ με, σοῦ αἰτέομαι.
 Μόλις τούτου ἐπετύχομεν, ἄνερ,
 καὶ παρ' ἐλπίδας παῖδα ἐκ κοιλίας μου ἐκτησάμεθα·
 εἰ οὖν πρῶν τυχόντες ἀποτύχωμεν ἄρτι,
 ἢ τάχα κυῆσαι, θηλαῖς θρέψαι ὀφείλω,
 χαὶ ἀκμάσαντα δοῦναι τῷ δώσαντι;
 ὅτι μόνος ἀγαθὸς ὁ σωτὴρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.
- θ' Ροπὴν ἐμοῦ ἀπόστηθι· τοῦτον ἀγκάλαις λαμβάνω ἐγώ
 πόνον γαστροῦ μου· κορεσθῆναι γὰρ ζητῶ·
 εἰ χρήζει θυσιν ὁ καλέσας σε, λάβῃ πρόβατον.
 Οἱμοι, τέκνον Ἰσαάκ, εἰ κατίδω
 σοῦ ἐπὶ γῆς [τὸ] αἷμα ἐκχυνόμενον . . . μὴ γένοιτο·
 φονεύσει με πρῶτην, εἰθ' οὕτως σε φονεύσει·
 πρὸ σοῦ τὴν τεκοῦσαν, μετ' αὐτὴν σὲ τὸν τόκον·
 μὴ κατίδω σου σφαγὴν, καὶ ἀπόλωμαι·
 ὅτι μόνος ἀγαθὸς ὁ σωτὴρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.
- ι' Ἀγγέλου σημάναντος τόκον [ἐν γήρῃ], ἐγέλασα πρίν,
 καὶ νῦν τὸ ῥῆμα ἰδοῦσα πρᾶγμα, ἐχάρην·

7. И если Тот, Кто дал, его возьмет, то что Он даст взамен?
Но ты, старик, верни мое дитя,
А если Он, тебя позвавший, так желает, то пусть даст знак.
Послав мне с ангелом весть о его рожденье,
Он и теперь даст знать, что нынче хочет его же взять.
Тебе ж я не поверю и не отдам тебе свое дитя:
Един Благой — Спаситель наших душ.
8. Немногое, что мне осталось, хочу прожить я с ним,
Когда ж умру, ты, если хочешь, над ним это свершишь;
Пока же, умоляю, да не покинет он меня и горе не убьет.
О, сколько счастья дал Он нам, супругам,
надежде вопреки нам даровав дитя в моей утробе.
Но прежде осчастливив, Он сделал нас несчастными теперь.
Неужто было суждено мне понести и у груди вскормить,
чтобы отдать, едва он вырастет, Тому, Кто дал?
Един Благой — Спаситель наших душ.
9. Прости мне долг! Ведь он в моих объятьях,
боль чресл моих; и я желаю упоенья.
А если Он, тебя позвавший, хочет жертвы, возьми агнца.
Дитя мое Исак, ужели я увижу, как лется кровь твоя.
Такого не случится!
Убей сперва меня, или себя убей,
Но прежде — меня, родившую, а после уж — тебя.
Не дай мне видеть, как тебя приносят в жертву, и с этим
умереть.
Един Благой — Спаситель наших душ.
10. Когда дал ангел знать мне о зачатие в мой год, смеялась я.
Потом же увидав, что слово стало делом, возрадовалась я.

ἀλλ' ἤδη ἡ χαρὰ εἰς δάκρυα τάχα τρέπεται·
 σύ μου φάος, σὺ αὐγὴ ἐμῶν βλεφάρων·
 σὲ ὥσπερ ἄστρον βλέπουσα λαμπρύνομαι, ὦ τέκνον μου·
 σὺ τῆς ἐμῆς κοιλίας καρπὸς ὥριμος ὥφθης·
 σὺ βότρυς περκάζων ἀκμασάσης ἀμπέλου·
 οὐ σβέσει σε πατήρ, οὐ τέμνει σε·
 ὅτι μόνος ἀγαθὸς ὁ σωτὴρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.
 ια Ἀκμάσας γενήσει μου στήριγμα γήρους, ὦ σπλάγχχνον ἐμόν,
 τὰ σὰ δὲ τέκνα βακτηρία πολιᾶς·
 κατίδω σῆς ὀσφύος ἔκγονα καὶ οὕτω θνήξομαι·
 σὺ δὲ κόρας τὰς ἐμὰς ἀποκλείσεις,
 σὺ σὺν τοῖς τέκνοις κόλποις παραπέμψεις με τῶν πατέρων μου,
 σὺ κλίνης μου πρῶτος πορευόμενος κλαύσεις·
 ἐγὼ δέ σου θνήσιν οὐδαμῶς μὴ θρηνήσω
 ὀλετῆρα σὸν πατέρα ἀκούσασα·
 ὅτι μόνος ἀγαθὸς ὁ σωτὴρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.

Но вот уж радость обернулась горем.
Дитя мое, ты — свет мой, утро для очей,
Как будто бы звезду, тебя увидев, я расцветаю!
Ты — чрева моего созревший плод,
Ты — поспевающая гроздь на винограднике цветущем.
Да не сорвет тебя отец и не погубит.
Един Благой — Спаситель наших душ.

11. Возросший, ты бы стал мне в старости опорой,
О, наполненье недр моих,
И твои дети мне б посохами стали в дряхлости моей.
Я увидала бы твое потомство и с тем бы умерла;
А ты б закрыл глаза мне,
И с детьми своими меня бы снарядил на праотцово лоно,
И, первым отойдя от моего одра, ты б зарыдал.
И не пришлось бы мне оплакивать тебя
И слышать, что отец твой будет твой убийца.
Един Благой — Спаситель наших душ.

16. Иисус и сердечная молитва (из «Добротолюбия», V–VI вв.)

Евагрий Понтийский (IV–V вв.)

Монах-пустынник Евагрий был очень близок каппадокийцам, особенно Григорию Назианзину. Однако самым первым его учителем в богословии был Ориген, и Евагрий разделил его судьбу, будучи, как и он, осужден собором. Поэтому сохранились лишь немногие из его сочинений.

γ'. Ἡ προσευχή, ὁμιλία ἐστὶ νοῦ πρὸς Θεόν. Ποίας οὖν δεῖται καταστάσεως ὁ νοῦς, ἵνα ἰσχύσῃ ἀμεταστρόφως ἐκταθῆναι πρὸς τὸν οἰκεῖον Δεσπότην καὶ συνομιλεῖν αὐτῷ μηδενὸς μεσιτεύοντος;

ς'. Κέκρησο τοῖς δάκρυσι, πρὸς παντὸς αἰτήματος κατόρθωσιν. Λίαν γὰρ χαίρει σου ὁ Δεσπότης, ἐν δάκρυσι προσευχομένου.

ια'. Ἀγωνίζου στήσαι τὸν νοῦν σου κατὰ τὸν καιρὸν τῆς προσευχῆς κωφὸν καὶ ἄλαλον, καὶ δυνήσῃ προσεύξασθαι.

ιδ'. Προσευχή ἐστι, πρᾶότητος καὶ ἀοργησίας βλάστημα.

ие'. Προσευχή ἐστι, χαρᾶς καὶ εὐχαριστίας πρόβλημα.

из'. Προσευχή ἐστι, λύπης καὶ ἀθυμίας ἀλέξιμα.

из'. Ἀπελθὼν πώλησόν σου τὰ ὑπάρχοντα καὶ δὸς πτωχοῖς, καὶ λαβὼν τὸν σταυρόν, ἀπάρνησαι ἑαυτόν, ἵνα δυνηθῇς ἀπερισπάστως προσεύξασθαι.

ла'. Μὴ προσεύχου τὰ σὰ θελήματα γενέσθαι. Οὐδὲ γὰρ πάντως συμφωνοῦσι τῷ θελήματι τοῦ Θεοῦ. Ἀλλὰ μᾶλλον καθὼς ἐδιδάχθης προσεύχου λέγων· γεννηθῶ τὸ θέλημά σου ἐν ἐμοί. Καὶ ἐπὶ παντὶ πράγματι, οὕτως αὐτὸν αἶτει, ἵνα τὸ αὐτοῦ γένηται θέλημα. Θέλει γὰρ τὸ ἀγαθὸν καὶ συμφέρον τῇ ψυχῇ σου· σὺ δὲ οὐ πάντως τοῦτο ζητεῖς.

О молитве

(Из сочинения, содержащего 153 сентенции)

3. Молитва есть беседа ума с Богом. Какого же состояния должен достичь ум, чтобы он был в силах неизменно простираться к своему Владыке и беседовать с Ним без всякого посредника?

6. Пользуйся слезами для исправления всякого прошения. Ибо весьма радуется о тебе Владыка, когда ты молишься со слезами.

11. Стремись к тому, чтобы во время молитвы ум твой стал глухим и немым, и тогда сможешь молиться.

14. Молитва есть побег [от древа] кротости и незлобivosti.

15. Молитва есть плод радости и благодарения.

16. Молитва есть защита от печали и уныния.

17. Уходя [от мира], продай имение твое, и раздай нищим (*Мф. 19, 21*) и, взяв крест, отвергнись себя (*Мф. 16, 24*), дабы ты смог молиться нерассеянно.

31. Не молись об исполнении желаний своих, ибо они не всегда созвучны воле Божией. Лучше молись, как тебя научили, говоря: Да будет воля Твоя (*Мф. 6, 10*) во мне. И во всяком деле так проси Бога, чтобы была Его воля. Ибо Он желает доброго и полезного душе твоей, а ты не всегда ищешь этого.

42. Молишься ли ты с братией или наедине, подвизайся молиться не по привычке только, но с чувством.

53. Состояние молитвы есть навык бесстрастия, который с помощью наивысшей любви восхищает любомудренный ум на умозримую высоту.

60. Молящийся в духе и истине чтит благоговейно Творца, не от (лица) тварей, но от (лица) Него Самого воспевает Его.

61. Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты — богослов.

μβ'. Εἰ μετὰ ἀδελφῶν, εἴτε καταμόνας προσεύχη, ἀγώνισαι, μὴ ἔθει, ἀλλ' αἰσθήσει προσεύχεσθαι.

νγ'. Κατάστασίς ἐστι προσευχῆς, ἕξις ἀπαθῆς, ἔρωτι ἀκροτάτῳ εἰς ὕψος νοητὸν ἀρπάζουσα τὸν φιλόσοφον νοῦν.

ξ'. Ὁ ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ προσευχόμενος, οὐκ ἔτι ἐκ τῶν κτισμάτων τὸν Δημιουργὸν γεραίρει, ἀλλ' ἐξ αὐτοῦ αὐτὸν ἀνυμνεῖ.

ξα'. Εἰ θεολόγος εἶ, προσεύξῃ ἀληθῶς. Καὶ εἰ ἀληθῶς προσεύχῃ, θεολόγος εἶ.

ξς'. Εἰ προσεύξασθαι ποθεῖς, μηδὲν τῶν ἐναντιουμένων τῇ προσευχῇ πρᾶττε· ἵνα ὁ Θεὸς ἐγγίσας, συμπορεύσῃ σοι.

οβ'. Οὐ δύναται δεδεμένος δραμεῖν. Οὐδὲ νοῦς πάθει δουλεύων, προσευχῆς πνευματικῆς τόπον ἰδεῖν. Ἔλκεται γὰρ καὶ περιφέρεται ἐκ τοῦ ἐμπαθοῦς νοήματος καὶ οὐχ ἔξει στάσιν ἀκλόνητον.

ος'. Τὸ λέγειν ἐν τῇ Ἀποκαλύψει, κομίζεσθαι τὸν Ἀγγελον θυμίαμα, ἵνα δῶ εἰς τὰς προσευχὰς τῶν Ἀγίων, οἶμαι τὴν χάριν εἶναι ταύτην, τὴν διὰ τοῦ Ἀγγέλου ἐνεργουμένην. Γινῶσιν γὰρ ἐμποιεῖ τῆς ἀληθοῦς προσευχῆς, ὥστε ἐστάναι λοιπὸν ἐκτὸς παντὸς κλόνου, ἀκηδίας τε καὶ ὀλιγωρίας τὸν νοῦν.

οζ'. Αἱ φιάλαι τῶν θυμιαμάτων, αἱ προσευχαὶ εἶναι λέγονται τῶν Ἀγίων, ἃς οἱ εἰκοσιτέσσαρες πρεσβύτεροι ἐπεφύροντο. Φιάλην δὲ ὑποληπτέον, τὴν πρὸς Θεὸν φιλίαν, ἥτοι τὴν τελείαν καὶ πνευματικὴν ἀγάπην, ἐν ᾗ ἡ προσευχὴ ἐνεργεῖται ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ.

66. Если желаешь молиться, не делай ничего противоположного молитве, дабы Бог, приблизившись [к тебе], сопутствовал тебе.

72. Не может связанный бежать; и ум, рабски служащий страсти, не может зреть место духовной молитвы, ибо он влачится и кружится страстной мыслью и не в силах обрести неподвижное постоянство.

76. Когда в «Апокалипсисе» говорится об Ангеле, который приносит фимиам, чтобы дать его [в помощь] молитвам святых (*Откр. 8, 3*), то я думаю, что здесь подразумевается благодать, приводимая в действие Ангелом. [Эта благодать] созидает ведение истинной молитвы, так что ум, наконец, твердо пребывает вне всякого смятения, уныния и нерадения.

77. Чаши, полные фимиама, которые, как говорится, суть молитвы святых и которые принесли двадцать четыре старца (*ср. Откр. 5, 8*), [нужно понимать так]: «чаша» есть привязанность к Богу, или совершенная и духовная любовь, в которой и осуществляется молитва в духе и истине.

Пер. А. И. Сидорова

Διαδοχ Φοτικийский (ок. 400)

Греческий епископ, первым упомянувший о «Иисусовой молитве» письменно.

λε'. "Ωσπερ ἡ θάλασσα τῷ ἐπιχειομένῳ αὐτῇ ἐλαίῳ, ὅταν ταράττηται, φύσιν ἔχει τοῦ εἶκιν ὑπὸ τῆς αὐτοῦ πίότητος νικωμένης τῆς ζάλης, οὕτω καὶ ἡ ψυχὴ ἡμῶν, ὅταν ὑπὸ τῆς χρηστότητος πιαίνεται τοῦ Ἁγίου Πνεύματος, ἡδέως γαληνῇ. Χαίρουσα γὰρ ἡττάται ...

νθ'. Ἀπαιτεῖ ἡμᾶς πάντως ὁ νοῦς, ὅταν αὐτοῦ πάσας τὰς διεξόδους τῇ μνήμῃ ἀποφράζωμεν τοῦ Θεοῦ, ἔργον ὀφείλον αὐτοῦ πληροφορεῖν τὴν ἐντρέχειαν. Δεῖν οὖν αὐτῷ διδόναι, τὸ Κύριε Ἰησοῦ μόνον, εἰς ὁλόκληρον πραγματεῖαν τοῦ σκοποῦ. Οὐδεὶς γάρ, φησί, λέγει Κύριον Ἰησοῦν, εἰ μὴ Πνεύματι Ἁγίῳ. Ἄλλ' οὕτω στενῶς τὸ ῥητὸν διαπαντὸς ἐν τοῖς ἑαυτοῦ ταμείοις θεωρεῖτω, ἵνα μὴ εἰς φαντασίας ἐκτρέποιτό τινας. "Οσοι γὰρ τοῦτο τὸ ἅγιον καὶ ἔνδοξον ὄνομα ἐν τῷ βάθει μελετῶσιν ἀπαύστως τῆς καρδίας, οὗτοι καὶ τὸ φῶς αὐτῶν τοῦ νοῦ δύνανται ὄραν ποτε. Στενῇ γὰρ τῇ μνήμῃ ὑπὸ τῆς διανοίας κρατούμενον, πάντα τὸν ἐπιπολάζοντα ῥύπον τῇ ψυχῇ, ἐν αἰσθήσει ἱκανῇ καταφλέγει. Καὶ γὰρ ὁ Θεὸς ἡμῶν, φησί, πῦρ καταναλίσκον τὴν μοχθηρίαν. "Οθεν εἰς ἀγάπην λοιπὸν πολλὴν τὴν ψυχὴν τῆς αὐτοῦ δόξης προσκαλεῖται ὁ Κύριος. Ἐγχνονίζον γὰρ τὸ ἔνδοξον ἐκεῖνο καὶ πολυπόθητον ὄνομα διὰ τῆς μνήμης τοῦ νοῦ τῇ θέρμῃ τῆς καρδίας, ἔξιν ἡμῖν πάντως ἐμποιεῖ τοῦ ἀγαπᾶν τὴν αὐτοῦ ἀγαθότητα, μηδενὸς ὄντος λοιπὸν τοῦ ἐμποδίζοντος. Οὗτος γάρ ἐστιν ὁ μαργαρίτης ὁ πολύτιμος, ὄντινα, πωλήσας τὴν περιουσίαν αὐτοῦ ἅπασάν τις, κτήσασθαι δύναται καὶ ἔχειν ἀνεκκλήττον ἐπὶ τῇ αὐτοῦ εὐρέσει χαράν.

Аскетическое толкование в ста отрывках

35. Как море, когда взволнуется оно, а поверх выльют масло, то природа оказывается бессильной перед образовавшейся маслянистой пленкой, и шторм бывает побежден, так и наша душа, когда умасливается добротой Святого Духа, сразу успокаивается...

59. Ум требует нас полностью, когда мы памятью Божией запираем все-все его выходы, искусно исполняя полезное ему дело. Следует ему дать как единственное дело для достижения цели только слова «Господи Иисусе». Ибо говорящий не называет Господа Иисуса «Господи», кроме как в Духе Святом (ср. 1 Кор. 14, 3). Но так строго ограниченными должны постоянно созерцаться эти слова в наших глубинах, чтобы никто не уклонился в фантазию. Те же, кто в глубине своего сердца непрестанно сосредоточен на этом пресвятом и преславном Имени, могут иногда увидеть свет их ума. Ибо когда Имя прочно удерживается мыслью памяти, оно распаляет сильное чувство, сжигая всю грязь, что покрывает душу. Поскольку именно Бог, говорится, — тот огонь, что пожирает греховность (ср. Исх. 4, 24). По этой причине Господь призывает душу питать великую любовь к Его славе. Ибо, укореняя памятью разума пресветлое и столь желанное Имя в теплоте сердца, Он обязательно подает нам способность любить Его благость, и тогда не будет никакой помехи на этом пути. Это «драгоценная жемчужина», увидев которую, купец пошел и, продав все, что имел, смог купить ее (ср. Мф. 13, 46) и иметь неизреченную радость от своего приобретения.

Αββα Φιλεμον (VI в.)

Μοναχ-αскет из Египта. Отрывки из (современного ему?) рассказа о нем.

Δεῖ οὖν σε χωρισθῆναι ἀπὸ τοῦ κόσμου παντός καὶ τῆς πρὸς τὸ σῶμα συμπαθείας τὴν ψυχὴν ἀπορρηξαι καὶ γενέσθαι ἄπολιν, ἄοικον, ἀνίδιον, ἀφιλάργυρον, ἀκτήμονα, ἀπράγμονα, ἀσυνάλλακτον, ἀμαθῆ τῶν ἀνθρωπίνων πραγμάτων, ταπεινόφρονα, συμπαθῆ, ἀγαθόν, πρῶτον, ἡσύχιον, ἔτοιμον ὑποδέξασθαι τῇ καρδίᾳ τὰς ἐκ τῆς θείας γνώσεως ἐγγινομένας διατυπώσεις. Οὐδὲ γὰρ ἐν κηρῷ γράψαι δυνατόν, μὴ πρότερον ἀπολεάναντα τοὺς ἐναποκειμένους χαρακτῆρας. Ταῦτα γὰρ ἡμᾶς διδάσκει ὁ Μέγας Βασίλειος.

Ἐδελφός τις Ἰωάννης τοῦνομα ἐκ τῆς παραλιωτῶν ὁρμώμενος, παρέβαλε τῷ Ἀγίῳ τούτῳ καὶ Μεγάλῳ Πατρὶ Φιλήμονι καὶ κρατήσας αὐτοῦ τοὺς πόδας εἶπε πρὸς αὐτόν·

τί ποιήσω, Πάτερ, ἵνα σωθῶ; ὁρῶ γὰρ ὅτι ὁ νοῦς μου περιάγεται καὶ ῥέμβεται ὧδε κακεῖ, εἰς ἃ μὴ δεῖ.

Ὁ δέ, μικρὸν ἐπισχών, ἔφη· τοῦτο τὸ πάθος τῶν ἔξω ἐστὶ καὶ παραμένει ἐπειδὴ ἀκμὴν οὐκ ἔχεις τέλειον πόθον εἰς τὸν Θεόν. Οὐπω γὰρ ἤλθεν ἐν σοὶ θέρμη τοῦ πόθου καὶ τῆς ἐπιγνώσεως αὐτοῦ.

Λέγει ὁ ἀδελφός· καὶ τί ποιήσω, Πάτερ;

λέγει αὐτῷ· ὕπαγε τέως ἔχε κρυπτὴν μελέτην ἐν τῇ καρδίᾳ σου, ἥτις δύναται σου τὸν νοῦν ἐκκαθάραι ἀπὸ τούτων.

Ὁ ἀδελφὸς ἀμύητος ὢν τῶν λεγομένων, λέγει τῷ Γέροντι· τί ἐστὶν ἡ μελέτη, Πάτερ;

καὶ φησι πρὸς αὐτόν· ὕπαγε, νῆφε ἐν τῇ καρδίᾳ σου, καὶ ἐν τῇ διανοίᾳ σου νηφόντως μετὰ φόβου καὶ τρόμου λέγε·

Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ,

ἐλέησόν με.

καὶ γὰρ ὁ Μακάριος Διάδοχος τοῖς ἀρχομένοις, οὕτω παραδίδωσιν.

ἡ ἡσυχία τίκτει τὴν ἄσκησιν·

ἡ δὲ ἄσκησις τίκτει τὸν κλαυθμόν·

ὁ δὲ κλαυθμός, τὸν φόβον·

ὁ δὲ φόβος, τὴν ταπείνωσιν·

ἡ ταπείνωσις, τὸ προορᾶν.

τὸ προορᾶν, τὴν ἀγάπην·

ἡ δὲ ἀγάπη ποιεῖ τὴν ψυχὴν

ἄνοσον καὶ ἀπαθῆ·

καὶ τότε γινώσκει ὁ ἄνθρωπος,

ὅτι οὐ μακράν ἐστὶ τοῦ Θεοῦ.

Об авве Филемоне

Филемон говорит:

Надобно совершенно оторваться от мира и отделить душу от чувств, основанных на телесном, и стать не имеющим ни государства, ни дома, ни собственности, не желать ни денег, ни имения, ни работы, не быть чем-то связанным, не заботиться о людских делах, быть смиренным, сострадательным, добрым, кротким, спокойным, готовым принять в свое сердце образы, возникающие из божественного знания. Ибо невозможно писать на воске, не стерев прежде букв, что находились на нем. Так ведь учит нас Василий Великий.

Приехал с побережья некий брат именем Иоанн и пришел к святому и великому отцу Филемону и, пока тот омывал его ноги, сказал ему:

Что мне делать, отец, дабы спастись? Я вижу, что разум мой блуждает и поворачивается туда, куда не следовало бы.

Филемон, немного помолчав, сказал: Эта страсть свойственна внешним людям, и она сохраняется, покуда у тебя не будет совершенной жажды Бога. Значит, к тебе еще не пришло жаркое возжелание и познание Его.

Брат сказал: Что же мне делать, отец?

Он ответил ему: Старайся, покуда не обретешь в своем сердце скрытое поучение, которое сможет очистить твой ум от такового.

Брат не понимал смысла этих слов и спросил старца: Что это за скрытое поучение, отец?

И он сказал ему: Старайся, трезвься в сердце своем и говори трезвенно со страхом и трепетом в мысли твоей:

*Господи Иисусе Христе,
помилуй меня.*

Ведь и Макарий Диадок давал такое *наставление* начинающим.

Тишина рождает аскезу,
аскеза рождает плачь,
плачь — страх,
страх — смирение,
смирение — предусмотрительность,
предусмотрительность — любовь,
любовь освобождает душу от болезней и страстей.
И тогда познает человек, что он недалеко от Бога.

17. Иоанн Лествичник (VI–VII в.)

Монах-аскет из Синайского монастыря, обстоятельства жизни которого неизвестны. Его единственное крупное произведение «Лествица» символизирует лестницу Иакова и описывает путь вверх (ἀνάβασις), состоящий из 30 ступеней, соответствующих возрасту Христа при Его крещении. Каждая ступень составляет отдельную главу, посвященную определенной аскетической «добродетели». Первая ступень касается отречения от всего (ἀποταγή), последняя — божественной любви (ἀγάπη). Мы приводим здесь последнюю

Νυνὶ δὲ λοιπόν, μετὰ πάντα τὰ προειρημένα, μένει τὰ τρία ταῦτα, τὰ τὸν σύνδεσμον πάντων ἐπισφίγγοντα καὶ κρατοῦντα, πίστις, ἐλπίς, ἀγάπη· Μείζων δὲ πάντων ἡ ἀγάπη· Θεὸς γὰρ ὀνομάζεται. Πλὴν ἔγωγε τὴν μὲν ἀκτῖνα ὁρῶ, τὴν δὲ φῶς, τὴν δὲ κύκλον· πάντα δὲ ἐν ἀπαύγασμα καὶ μίαν λαμπρότητα. Ἡ μὲν γὰρ πάντα δύναται καὶ ποιεῖν καὶ δημιουργεῖν· τὴν δὲ ἔλεος Θεοῦ περικυκλοῖ, καὶ ἀκαταίσχυντον ποιεῖ· ἡ δὲ οὐδὲ πίπτει οὐδ' ἐστήκει τοῦ θέειν· οὐδὲ τὸν τρωθέντα ἡρεμεῖν λοιπὸν τῆς μακαρίας μανίας ἐᾷ.

Ὁ περὶ ἀγάπης Θεοῦ λέγειν βουλόμενος, περὶ Θεοῦ λέγειν ἐπεχείρησε. Περί Θεοῦ δὲ λόγος διεξιέναι, σφαλερὸν καὶ ἐπικίνδυνον τοῖς μὴ προσέχουσιν. Ὁ περὶ ἀγάπης λόγος, ἀγγέλοις γνώριμος· κάκεινοις κατὰ τὴν ἐνέργειαν τῆς ἐλλάμπειας· Ἀγάπη ὁ Θεὸς ἐστίν, ὁ ὅρον δὲ τούτου λέγειν βουλόμενος, ἐν ἀβύσσῳ τυφλώτων τὸν ψάμμον μετρεῖ.

Ἀγάπη κατὰ μὲν ποιότητα ὁμοίως Θεοῦ, καθ' ὅσον βροτοῖς ἐφικτόν.³⁾ Κατὰ δὲ ἐνέργειαν μέθη ψυχῆς.⁴⁾ κατὰ δὲ τὴν ιδιότητα πηγὴ πίστεως, ἄβυσσος μακροθυμίας, θάλασσα ταπεινώσεως·

ἀγάπη ἐστὶ κυρίως ἀπόθεσις παντοίας ἐναντίας ἐννοίας· εἶπερ ἡ ἀγάπη οὐ λογίζεται τὸ κακόν. Ἀγάπη, καὶ ἀπάθεια, καὶ υἰοθεσία, τοῖς ὀνόμασι, καὶ μόνοις διακέκριται. Ὡς φῶς, καὶ πῦρ, καὶ φλὸξ εἰς μίαν συντρέχουσιν ἐνέργειαν, οὕτω καὶ περὶ τούτων νόει. Κατὰ τὸ μέτρον τῆς ἐλλείψεως ἐνυπάρχει φόβος· ὁ γὰρ φόβου χωρὶς ἀγάπης πεπλήρωται, ἢ τὴν ψυχὴν νενέκρωται·

οὐδὲν τὸ δυσχερὲς ἀπὸ τῶν ἀνθρωπίνων καὶ πόθου, καὶ φόβου, καὶ σπουδῆς, καὶ ζήλου, καὶ δουλείας, καὶ ἔρωτος Θεοῦ παραθεῖναι εἰκόνας.

главу, и, следовательно, последнюю ступень, целиком. Как известно, Серен Кьеркегор использовал имя Иоанна Лествичника как псевдоним, подписывая им некоторые из своих наиболее значительных сочинений. С точки зрения истории философии символ лестницы возвращает нас к платоновской традиции. Но там лестница была разделена на четыре «линии». Эта же традиция подводит нас к Логико-философскому трактату Витгенштейна.

Верхняя ступень лестницы к раю: О союзе трех добродетелей, т. е. о вере, надежде и любви

Ныне же, после всего сказанного, остается троица, все связующая и содержащая: вера, надежда и любовь, больше же всех любовь, ибо ею именуется Бог (*ср. 1 Кор. 13, 13*).

По моему разумению, вера подобна лучу, надежда — свету, а любовь — кругу солнца. Все же они составляют одно сияние и один свет.

Первая все может творить и созидать; вторую милость Божья ограждает и делает непостыдно; а третья никогда не падает, не перестает от течения, и не дает опочить уязвленному ею блаженным упоением.

Кто хочет говорить о любви Божьей, тот покушается говорить о Самом Боге; простирает же слово о Боге погрешительно и опасно для невнимательных.

Слово о любви известно ангелам; но и тем по мере их просвящения.

Любовь есть Бог (*Ин. 4, 8*); а кто хочет определить словом, что есть Бог, тот, по слепоте ума, покушается измерить песок в бездне морской.

Любовь по качеству своему есть уподобление Богу, сколько того люди могут достигнуть; по действию своему она есть упоение души; а по свойству — источник веры, бездна долготерпения, море смирения.

Любовь собственно есть отложение всякого противного помышления; ибо «любовь не мыслит зла» (*1 Кор. 13, 5*).

Любовь, бесстрастие и сыноположение различаются между собой одними только названиями. Как свет, огонь и пламень соединяются в одном действии, так должно рассуждать и о сих совершенствах.

По мере оскудения любви бывает в нас страх; ибо в ком нет страха, тот или исполнен любви, или умер душою.

Μακάριος ὅστις τοιοῦτον πρὸς Θεὸν ἐκτίησατο ἔρωτα, οἷον μανικὸς ἔραστῆς πρὸς τὴν ἑαυτοῦ ἐρωμένην κέκτηται.

Μακάριος ὁ οὕτως φοβηθεὶς τὸν Κύριον, ὡς δικαστὴν κατάδικον δεδοίκασι·

μακάριος ὁ οὕτως σπουδαῖος γενόμενος ἐν τῇ ὄντως σπουδῇ, ὡς εὐγνώμονες δοῦλοι πρὸς τὸν οἰκεῖον κύριον.

Μακάριος ὃς οὕτως ζηλωτὴς ἐν ἀρεταῖς γέγονεν, ὡς οἱ περὶ τὰς ἑαυτῶν ὁμοζύγους ἐκ ζήλου νήφοντες.

Μακάριος ὁ οὕτως Κυρίῳ ἐν προσευχῇ παριστάμενος, ὡς ὑπηρετᾷ βασιλεῖ παρεστήκασι.

Μακάριος ὁ Κύριον, ὡς ἀνθρώπους ἀποθεραπεύειν ἀνελλιπῶς ἀγωνιζόμενος·

οὐχ οὕτως μήτηρ ὑπομαζίῳ ὡς ἀγάπης υἱὸς τῷ Κυρίῳ προσκολλᾶσθαι πέφυκε πάντοτε.

Ὁ ὄντως ἔρων ἀεὶ τὸ τοῦ φιλουμένου πρόσωπον φαντάζεται, καὶ τοῦτο ἔνδον ἐνηδόνως περιπτύσσεται ὁ τοιοῦτος. Οὐκ ἔτι οὐδὲ καθ' ὕπνου ἡρεμεῖν τοῦ πόθου δύναται· ἀλλὰ κάκεῖσε πρὸς τὸ ποθούμενον ἀδολεσχεῖ. Οὕτως ἐπὶ σωματῶν, οὕτως ἐπὶ ἀσωμάτων πέφυκε γίνεσθαι.

Τρωθεὶς τις περὶ ἑαυτοῦ ἔλεγεν, ὅπερ θαυμάζω, ὡς Ἐγὼ καθεύδω διὰ τὴν χρεῖαν τῆς φύσεως, ἡ δὲ καρδία μου ἀγρυπνεῖ διὰ τὸ πλῆθος τοῦ ἔρωτος. Σημειώτεον σοι, ὦ πισυνέ, ὅτι περ μετὰ τούτων θηρίων παρὰ τῆς ἐλάφου ψυχῆς ὄλεθρον, τότε ἐπιποθεῖ καὶ ἐκλείπει πρὸς Κύριον πυρὶ τῆς ἀγάπης, ὡς ὑπὸ ἰοῦ βαλλομένη.

Ἡ μὲν τῆς πείνης ἐνέργεια ἀδηλός τις καὶ ἀσήμαντος· ἡ δὲ τῆς δίψης ἐπιτακτικὴ τις καὶ προφανής, καὶ τοῦ φλογμοῦ πᾶσι σημαντικὴ· διὰ τοῦτό φησιν ὁ Θεὸς ποθῶν· Ἐδίψησεν ἡ ψυχὴ μου πρὸς τὸν Θεόν, τὸν ἰσχυρόν, τὸν ζῶντα.

Εἰ πρόσωπον φιλουμένου ἐναργῶς ὅλους ἡμᾶς μεταβάλλει, καὶ φαιδρούς, καὶ ἱλαρούς, καὶ ἀλύπους ἀπεργάζεται· τί ἂν καὶ οὐ ποιήσῃ πρόσωπον Δεσπότη τοῦ ἐν καθαρᾷ ψυχῇ ἐπιδημίαν ἀοράτως ποιουμένου;

Ὁ μὲν φόβος ὅταν αἰσθήσῃ ψυχῆς γένηται, ἐκτῆκεν καὶ κατεσθίεν τὴν ῥυπαρίαν πέφυκε. Καθήλωσον γάρ, φησὶν, ἐκ τοῦ φόβου σου τὰς σάρκας μου. Ἡ δὲ ὅσια ἀγάπη ἐνίου μὲν κατεσθίεν εἶωθε, κατὰ τὸν εἰπόντα· Ἐκαρδίωσας ἡμᾶς, ἐκαρδίωσας. Ποτὲ δὲ τινὰς λαμπρύνειν, καὶ ἀγαλλιᾶσθαι ποιεῖ. Ἐπ' αὐτῷ γάρ φησιν· Ἠλπισεν ἡ καρδία μου καὶ ἐβοηθήθην, καὶ ἀνέθαλεν ἡ σὰρξ μου· καὶ καρδίας εὐφραινομένης, πρόσωπον θάλλει.

Нисколько не будет противно, как я думаю, заимствовать сравнения для вожделения, страха, тщательности, ревности, служения и любви к Богу от человеческих действий. Итак, блажен, кто имеет такую любовь к Богу, какую страстно любящий имеет к своей возлюбленной. Блажен, кто столько же боится Господа, сколько осужденные преступники боятся судьи. Блажен, кто так усерден и прилежен в благочестии, как благоразумные рабы усердны в служении господину своему. Блажен, кто столь ревностен к добродетелям, сколь ревнив мужья, лишаящие себя сна от ревности к своим супругам. Блажен, кто так предстоит Господу в молитве, как слуги предстоят царю. Блажен, кто подвизается непрестанно угождать Господу, как некоторые стараются угождать человеку.

Мать не так бывает привязана к младенцу, которого кормит грудью, как сын любви всегда прилепляется к Господу.

Истинно любящий всегда воображает лицо любимого и с улаживанием объемлет образ его в душе своей. Вожделение это не дает ему покоя даже и во сне, но и тогда сердце его беседует с возлюбленным. Так бывает обыкновенно в телесной любви, так и в духовной. Некто, уязвлен будучи такой любовью, сказал о самом себе то, (чему я удивляюсь): аз сплю, по нужде естества, а сердце мое бдит (*Песн. 5, 2*) по великой любви моей.

Заметь, о премудрый брат, что когда олень душевный истребит ядовитых змей, тогда душа желает и скончаться (*Пс. 83, 2*) от любви к Господу, будучи жегома огнем ее, как неким ядом.

Действие голода бывает как-то неопределенно и неясно, а действие жажды ясно и ощутительно; ее узнают по внутреннему жару. Посему любящий Бога и говорит: жаждет душа моя к Богу крепкому, живому (*Пс. 41, 3*).

Если присутствие любимого человека явственно всех нас изменяет и делает веселыми, радостными и беспечальными; то какого изменения ни сделает присутствие Небесного Владыки, невидимо в чистую душу приходящего?!

“Οταν λοιπόν ὁλος ὁ ἄνθρωπος οἷόν πως συνανακραθῇ τῇ τοῦ Θεοῦ ἀγάπῃ, τότε καὶ ἐκτὸς τοῦ ἐν τῷ σώματι ὡς δι’ ἐσόπτρου τινὸς τὴν τῆς ψυχῆς δείκνυσι λαμπρότητα· οὕτως δοξάζεται Μωϋσῆς ὁ θεόπτης ἐκεῖνος.

Οἱ τοιοῦτον ἰσάγγελον κατειληφότες, πολλάκις τροφῆς σωματικῆς ἐπιλανθάνονται. Οἶμαι δὲ οὐδὲ συχνότερον ταύτης ὀρέγονται. Καὶ οὐ θαῦμα· εἴπερ καὶ πόθος ἐναντίος πολλάκις τροφήν διεκρούσατο, οἶμαι τῶν ἀφθάρτων τούτων λοιπόν, μηδέ, ὡς ἔτυχε, τὸ σῶμα νοσηλεύεσθαι· ἡγνίσθη γὰρ καὶ τρόπον τινὰ ἐφθαρτοποιήθη διὰ φλογὸς ἀγνείας διακοψάσης φλόγα.

Οἶμαι μηδὲ αὐτὴν βρῶσιν, ἣν προσίενται λοιπόν μεθ’ ἡδύτητος προσίεσθαι. “Υδωρ μὲν γὰρ ὑπόγειον ρίζαν φυτοῦ, τούτων δὲ ψυχὴν πῦρ οὐράνιον τρέφειν πέφυκεν· αὐξησις φόβου ἀρχὴ ἀγάπης· τέλος δὲ ἀγνείας ὑπόθεσις θεολογίας.

‘Ο Θεῷ τελείως τὰς αἰσθήσεις ἐνώσας τοὺς λόγους αὐτοῦ μυσταγωγεῖται ὑπ’ αὐτοῦ· τούτων γὰρ μὴ συναφθέντων χαλεπὸν περὶ Θεοῦ διαλέγεσθαι. ‘Ενοῦσιος μὲν λόγος τελειοῖ ἀγνείαν, παρουσίᾳ ἑαυτοῦ νεκρώσας τὸν θάνατον· τούτου δὲ νεκρωθέντος, ὁ τῆς θεολογίας μαθητὴς πεφώτισται. ‘Ο λόγος Κυρίου ὁ ἐκ Κυρίου ἀγνὸς διαμένων εἰς αἰῶνα αἰῶνος· ὁ γὰρ Θεὸν μὴ γνοὺς στοχαστικῶς ἀποφθέγγεται·

ἀγνεῖα μαθητὴν θεολόγον εἰργάσατο δι’ ἑαυτοῦ κρατύναντὰ τῆς τριάδος τὰ δόγματα.

‘Ο ἀγαπῶν τὸν Κύριον, τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ προηγάπησεν. ‘Απόδειξις γὰρ τοῦ προτέρου τὸ δεῦτερον. ‘Ο ἀγαπῶν τὸν πλησίον οὐδέποτε καταλαλούντων ἀνέξεται· ὡς ἀπὸ πυρὸς μᾶλλον δὲ ἀποφεύξεται. ‘Ο λέγων Κύριον ἀγαπᾷ καὶ τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ ὀργιζόμενος, ὁμοίός ἐστι τῷ καθ’ ὕπνου τρέχοντι.

Κράτος ἀγάπης ἐλπίς, δι’ αὐτῆς γὰρ τὸν τῆς ἀγάπης μισθὸν ἀπεκδεχόμεθα. ‘Ελπίς ἐστὶν ἀδήλου πλοῦτου πλοῦτος· ἐλπίς ἐστὶν ἀνενδοίαστος πρὸ θησαυροῦ θησαυρός· αὕτη κόπων ἀνάπαυλαι, αὕτη ἀγάπης θύρα, αὕτη ἀναιρεῖ ἀπόγνωσιν, αὕτη τῶν ἀπόντων εἰκὼν· ἐλπίδος ἔλλειψις, ἀγάπης ἀφανισμός, ταύτη δέδενται πόνοι, ταύτη κρέμονται κόποι· ταύτην κυκλοῖ ἔλεος.

Εὐελπισ μοναχός, ἀκηδίας σφάκτης, ἐν μαχαίρᾳ ταύτης, ἐκείνην τροπούμενος, ‘Ελπίδα τίκτει δώρων Κυρίου πείρα· ὁ γὰρ ἄπειρος οὐκ ἀδίστακτος μένει. ‘Ελπίδα λυεῖ θυμός· ἡ μὲν γὰρ οὐ καταισχύνει· ἀνὴρ δὲ θυμῶδης οὐκ εὐσχήμων.

Страх Божий, когда он бывает в чувстве души, обыкновенно очищает и истребляет нечистоту ее. Пригвозди, говорит Пророк, страху Твоему плоти моя (*Пс. 118, 120*). Святая же любовь в действии своем иных снедает, по словам Песни Песней: сердце наше привлекла еси, сердце наше привлекла еси (*Песн. 4, 9*). А некоторых она просвящает и радует действием своим, по сказанному: «на Него уповало сердце мое: и Он помог мне, и возрадовалось сердце мое (*Пс. 27, 7*)»; и веселое сердце делает лицо веселым (*Притч. 15, 13*). И когда человек весь бывает внутренне соединен и срастворен с любовью Божьей, тогда и по наружному своему виду, на теле своем, как в зеркале, изъясняет светлость души своей. Так прославился Моисей Боговидец.

Достигшие сей равно-ангельской степени часто забывают телесную пищу; думаю же, что они очень часто и не желают оной. И это не удивительно, потому что нередко и противным сему желанием томимые отвергают пищу.

Еще думаю, что и тела сих нетленных не подвергаются болезни по обыкновенным причинам; ибо они уже очистились, и некоторым образом сделались нетленными от пламени чистоты, которая пресекала в них пламень страстей. Думаю также, что и саму пищу они принимают без всякого услаждения; ибо как подземная вода питает корни растений, так и сии души питает огонь небесный.

Умножение страха Божия есть начало любви; а совершенство чистоты есть начало богословия.

Совершенно соединивший чувства свои с Богом тайно научается от Него словесам Его. Но когда это соединение с Богом еще не совершилось, тогда и беседовать о Боге трудно.

Слово, соприисносущное Отцу, творит чистоту совершенную, пришествием Своим умертвив смерть; а когда она умерщвлена, ученик богословия получает просвящение.

Слово Господне, дарованное от Господа, чисто и пребывает в век века; не познавший же Бога разглагольствует о Нем по догадке.

Чистота сделала ученика своего богословом, который сам собой утвердил догматы о Пресвятой Троице.

Любящий Господа прежде возлюбил своего брата; ибо второе служит доказательством первого.

Любящий ближнего никогда не может терпеть клеветников, но убегает от них, как от огня.

Ἀγάπη προφητείας χορηγός·⁵⁾ ἀγάπη τεράτων παρεκτική· ἀγάπη ἐλλάμψεως ἄβυσσος. Ἀγάπη πηγή πυρός· ὅσον ἀναβλύσει, τοσοῦτον τὸν διψῶντα καταφλέξει· ἀγάπη ἀγγέλων στάσις· ἀγάπη προκοπή τῶν αἰώνων.

Ἀπάγγειλον ἡμῖν, ὦ καλὴ ἐν ἀρεταῖς, ποῦ ποιμαίνεις τὰ πρόβατά σου, ποῦ κατασκηνοῖς ἐν μεσημβρίᾳ;

φώτισον ἡμᾶς,

πότισον ἡμᾶς,

ὁδήγησον ἡμᾶς,

χειραγωγήσον ἡμᾶς,

ἐπειδὴ λοιπὸν ἀναβαίνειν πρὸς σέ βουλόμεθα. Σὺ γὰρ δεσπόζεις πάντων.

Νῦν δέ μου ψυχὴν κεκαρδίωκας, καὶ οὐ δύναμαι κατέχειν σου τὴν φλόγα, ὅθεν ὑμνήσας σε πορεύομαι·

Σὺ δὲ δεσπόζεις τοῦ κράτους τῆς θαλάσσης,

τὸν δὲ σάλον τῶν κυμάτων αὐτῆς σὺ καταπραΰνεις, καὶ

νεκροῖς· σὺ ταπεινοῖς ὡς τραυματίαν ὑπερήφανον λογισμόν·

ἐν τῷ βραχίονι τῆς δυνάμεώς σου διεσκόρπισας τοὺς ἐχθροὺς σου,

καὶ ἀπολεμήτους τοὺς σοὺς ἐραστὰς ἀπεργάζῃ.

Πῶς δὲ ὁ Ἰακώβ ἐπὶ τὴν κλίμακά σε ἐστηριγμένην τεθέαται μαθεῖν ἐπέιγομαι.

Τί δὲ ἄρα τὸ εἶδος τῆς τοιαύτης ἀνόδου ἐρωμένῳ φράσον· τίς δὲ ὁ τρόπος καὶ ὁ ξρανός σου τῆς τῶν βαθμῶν ἐκείνης συνθέσεως, ἥς ἀναβάσεις ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ διέθετο ὁ σοὺς ἐραστής·

τίς δὲ ὁ ἀριθμὸς τούτων ἐδίψων γνῶναι· ὅσος δὲ ἄρα τοῦ δρόμου χρόνος.

Τοὺς γὰρ χειραγωγοὺς ἀπήγγειλεν ὁ μαθὼν σου τὴν πάλην καὶ τὴν ὁρασιν· οὐδὲν δὲ ἕτερον φωτίζειν βεβούληται, μᾶλλον δὲ δεδύνηται, εἰ δέοι με λέγειν οἰκειότερον.

Ἡ δὲ ὥσπερ ἐξ οὐρανοῦ μοι φανεῖσα,

ἡ βασίλισσα αὐτῇ,

καὶ ὡς ἐν ᾧτί μου ψυχῆς τοῦτο προσομιλοῦσα

ἔλεγεν·

Ἐὰν μὴ λυθῇς, ὦ ἐραστά,

τῆς παχύτητος,

ἐμὴν ὥραν, ὡς ἔστι,

μανθάνειν οὐ δύνασαι.

Кто говорит, что любит Господа, а на брата своего гневается, тот подобен человеку, которому во сне представляется, что он бежит.

Сила любви в надежде; ибо надеждой ожидаем воздаяния любви.

Надежда есть обогащение невидимым богатством; надежда есть несомненное владение сокровищем еще прежде получения сокровища.

Надежда есть упокоение в трудах, она — дверь любви; она убивает отчаяние, она — залог будущих благ.

Оскудение надежды есть истребление любви; с надеждой связаны наши труды; на ней зиждутся подвиги; ее милость Божья окружает.

Монах с благою надеждою закаляет уныние, мечом первой умерщвляя второе.

Вкушение даров Господних рождает надежду; ибо невкусивший оных не может не иметь сомнений.

Надежду разрушает гневливость; ибо упование не посрамить, муж же ярый неблагоприятен (*Притч. 11, 25*).

Любовь есть подательница пророчества; любовь — виновница чудотворений; любовь — бездна сияния; любовь — источник огня в сердце, который, чем более истекает, тем более распаляет жаждущего. Любовь — утверждение Ангелов, вечное преуспевание.

Возвести нам, о Ты, прекраснейшая из добродетелей, где Ты пасши овцы твоя? Где почиваешь в полудне (*Песн. 1, 6*)? Просвети нас, напои нас, наставь нас, руководи нами: ибо мы жаждем прийти к Тебе. Ты владычествуешь над всеми. Ты уязвила душу мою, и не можешь стерпеть сердце мое пламени Твоего. Итак, воспев Тебя, иду. Ты владычествуешь державою морскою, возмущение же волн его Ты укрощаешь и умерщвляешь. Ты смиряешь, яко язвена, гордый помысл; и мышцею силы Твоей расточив врага Твоя (*Пс. 88, 10–11*), делаешь любителей Твоих непобедимыми от всякой брани.

Но желаю я узнать, как видел Тебя Иаков утвержденною на верху лестницы? Скажи мне, какой был вид одного восхождения? Что означает самый образ лестницы и расположение степеней ее, тех восхождений, которые полагал в сердце своем (*ср. Пс. 83, 6*) некий любитель красоты Твоей? И сколько их числом, жажду узнать? И сколько времени требуется на восхождение оной? Тот, который Тебя видел и боролся с Тобою, возвестил нам об одних только по одной лестнице руководителей (Ангелах); но ничего более не восхотел, или, лучше сказать, не возмог открыть. Тогда Она, сия царица, как бы с неба явившись мне и как бы на ухо души моей беседа, говорила: доколе ты, любитель Мой, не разрешишься от сей до белой плоти, не можешь познать красоты Моей, какова она. Лестница же, виденная Иаковом,

Ἡ δὲ κλίμαξ τὴν τῶν ἀρετῶν σε διδασκέτω πνευματικὴν σύνθεσιν·
 ἐπ' αὐτῆς διεστήριγμαι ἐγὼ τῆς κορυφῆς,
 καθὰ ὁ μέγας μου μύστης ἔφησε.
 Νῦν δὲ μένει τὰ τρία ταῦτα, πίστις, ἐλπίς, ἀγάπη·
 μείζων δὲ πάντων ἡ ἀγάπη.

Ἀναβαίνετε, ἀναβαίνετε,
 ἀναβάσεις προθύμως ἐν καρδίᾳ τιθέμενοι,
 ἀδελφοί, τοῦ φάσκοντος ἀκούοντες·
 Δεῦτε, ἀναβῶμεν εἰς τὸ ὄρος Κυρίου·
 καὶ εἰς τὸν οἶκον τοῦ Θεοῦ ἡμῶν
 τοῦ καταρτίζοντος τοὺς πόδας ἡμῶν ὥσει ἐλάφου,
 καὶ ἐπὶ τὰ ὕψηλὰ ἰστώντος,
 τοῦ νικῆσαι ἐν τῇ ὁδῷ αὐτοῦ.

Δράμετε, δυσωπῶ, μετ' ἐκείνου τοῦ λέγοντος·
 Σπουδάσωμεν
 ἕως οὗ κατανήσωμεν εἰς τὴν ἐνότητα πάντες
 τῆς πίστεως, καὶ τῆς ἐπιγνώσεως τοῦ Θεοῦ
 εἰς ἄνδρα τέλειον
 εἰς μέτρον ἡλικίας τοῦ πληρώματος τοῦ Χριστοῦ,
 ὃς τριακονταέτης τῇ ὀρωμένῃ ἡλικίᾳ βαπτισθεὶς,
 τὸν τριακοστὸν βαθμὸν ἐν τῇ νοερᾷ κλίμακι ἐκκληρώσατο·
 εἶπερ ἡ ἀγάπη ἐστὶν ὁ Θεός·
 ᾧ ὕμνος, ᾧ κράτος, ᾧ σθένος·
 ᾧ τὸ πάντων ἀγαθῶν αἴτιον ἔνεστι, καὶ ἦν, καὶ ἔσται
 εἰς ἀορίστους αἰῶνας.

пусть научит тебя составлять духовную лестницу добродетелей, на верху которой Я утверждаюсь, как и великий таинник мой говорит: ныне же пребывают три сия: вера, надежда, любовь; больше же всех любовь (*ср. 1 Кор. 13, 13*).

Краткое увещание, которое содержит в себе все то, что говорено было в сей книге пространно

Восходите, братья, восходите усердно, полагая восхождения в сердце своем и внимая Пророку, который говорит: приидите, взойдем на гору Господню, и в дом Бога нашего (*Ис. 2, 3*), делающего ноги мои, как олени, и на высотах моих поставляет меня (*Пс. 17, 34*), чтобы нам сделаться победителями на пути Его. Теките, умоляю вас, с Апостолом, сказавшим: потщимся, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (*Еф. 4, 13*). Христос же, крестившись в тридцатое лето видимого возраста, получил тридесатую степень в духовной сей лестнице; ибо любовь есть Бог. Ему хвала, Ему держава, и Ему сила; в Нем начало всех благ и есть, и было и будет в бесконечные веки. Аминь.

18. Максим Исповедник (580–662)

Максим, который после смерти был причислен к чину исповедников, вырос в аристократической семье, близкой к императорскому двору в Константинополе, и потому получил основательное образование. Он служил при дворе предположительно секретарем у самого императора, до тех пор пока в 614 г. не постригся в монахи, посвятив остаток своей жизни служению Господу. Очень рано он начал выделяться среди прочих своими интеллектуальными способностями.

На его жизнь наложили отпечаток политические катаклизмы, заставившие его много скитаться по миру, жить на Крите и в Африке, где он пробыл довольно долго. В этот период (630-е гг.) Максим выдвинулся как авторитетный церковный лидер, защищающий основы православной веры от всевозможных сект и движений, находящихся под восточным влиянием (монофизиты, монофилиты, иконоборцы), что, в свою очередь, вовлекло его в противостояние императору, пытавшемуся вмешиваться в эти споры.

В конце концов в 653 г. Максима по приказу императора посадили в тюрьму, а затем он находился в ссылке, пока в 662 г. его вновь не заточили, на этот раз по обвинению в тайном заговоре против императорской власти, за что он был подвергнут жестоким истязаниям — у него вырезали язык и

α'. 'Αγάπη μὲν ἐστὶ, διάθεσις ψυχῆς ἀγαθῇ, καθ' οὐδὲν τῶν ὄντων, τῆς τοῦ Θεοῦ γνώσεως προτιμᾷ. 'Αδύνατον δὲ εἰς ἕξιν ταύτης ἐλθεῖν τῆς ἀγάπης, τὸν πρὸς τι τῶν ἐπιγεῖων ἔχοντα προσπάθειαν.

β'. 'Αγάπην μὲν, τίκτει ἀπάθεια· ἀπάθειαν δέ, ἡ εἰς Θεὸν ἐλπίς· τὴν δὲ ἐλπίδα, ὑπομονὴ καὶ μακροθυμία· ταύτας δέ, ἡ περιεκτικὴ ἐγκράτεια· ἐγκράτειαν δέ, ὁ τοῦ Θεοῦ φόβος· τὸν δὲ φόβον, ἡ εἰς Θεὸν πίστις.

γ'. 'Ο πιστεύων τῷ Κυρίῳ, φοβεῖται τὴν κόλασιν. 'Ο δὲ φοβούμενος τὴν κόλασιν, ἐγκρατεῦται ἀπὸ τῶν παθῶν. 'Ο δὲ ἐγκρατεούμενος ἀπὸ τῶν παθῶν, ὑπομένει τὰ θλιβερά. 'Ο δὲ ὑπομένων τὰ θλιβερά, ἔξει τὴν εἰς Θεὸν ἐλπίδα. 'Η δὲ εἰς Θεὸν ἐλπίς, χωρίζει πάσης γήνης προσπαθείας τὸν νοῦν· ταύτης δὲ ὁ νοῦς χωρισθεὶς, ἔξει τὴν εἰς Θεὸν ἀγάπην.

δ'. Εἰ ἡ ζωὴ τοῦ νοῦ, ὁ φωτισμός ἐστὶ τῆς γνώσεως, τοῦτον δὲ ἡ εἰς Θεὸν ἀγάπη τίκτει, καλῶς οὐδὲν τῆς θείας ἀγάπης εἶρηται μεῖζον.

отрубили правую руку. Вскоре после этого он умер и сразу же (Шестым Вселенским собором в Константинополе) был канонизирован как Исповедник (а не Мученик, так как в собственном смысле слова его смерть не была мученической).

Как богослов Максим особенно известен своими комментариями к сочинениям Дионисия Ареопагита, в которых он возвращался к отцам-каппадокийцам и их обновленной платонистской традиции.

Следующий отрывок взят из центрального для творчества Максима сочинения «Четыреста параграфов об агапэ» написанного, очевидно, довольно рано (626 г.) и далекого от перипетий его жизни, полной скитаний и политической борьбы. По-видимому, Максим сам послал свое сочинение священнику Элпидию, сопроводив его небольшим письмом, в котором объяснял композицию своего произведения. Оно должно было быть построено аналогично четырем Евангелиям, и каждая его часть состояла из ста параграфов или изречений. В нашу антологию в основном вошли тексты из четвертой части, которая, согласно Максиму, должна была соответствовать четвертому Евангелию, и потому в ней должен был различаться голос самого Иоанна.

О божественной любви

Отрывки из сочинения «Четыреста параграфов об 'Αγάπῃ»

Первая сотница

1. Любовь есть благое расположение души, в соответствии с которым она ничего из сущего не предпочитает ведению Бога. Но навык такой любви невозможно приобрести тому, кто имеет пристрастие к чему-либо земному.

2. Любовь порождается бесстрашием, бесстрашие — упованием на Бога, упование — терпением и великодушием, они — всеобъемлющим воздержанием, воздержание — страхом Божиим, а этот страх — верой в Господа.

3. Верующий Господу боится [вечного] наказания, боящийся наказания воздерживается от страстей; воздерживающийся от страстей терпеливо переносит скорби; терпеливо переносящий скорби возымеет упование на Бога; упование на Бога отрешает ум от всякого земного пристрастия, а отрешенный от этого ум возымеет любовь к Богу.

9. Если жизнь ума есть просвященность ведением, а эта просвященность рождается любовью к Богу, то правильно говорится, что нет ничего выше любви к Богу.

ι'. "Όταν τῷ ἔρωτι τῆς ἀγάπης πρὸς Θεὸν ὁ νοῦς ἐκδημῇ, τότε οὔτε τινὸς τῶν ὄντων παντάπασιν ἐπαισθάνεται. Ὑπὸ γὰρ τοῦ θείου καὶ ἀπείρου φωτὸς καταλαμπόμενος, ἀναισθητεῖ πρὸς πάντα τὰ ὑπ' αὐτοῦ γεγονότα, καθάπερ ὀφθαλμὸς πρὸς τοὺς ἀστέρας, τοῦ ἡλίου ἀνατέλλοντος.

ηε'. "Ὡσπερ ὁ ἥλιος ἀνατέλλων καὶ τὸν κόσμον φωτίζων, δείκνυσί τε ἑαυτὸν καὶ τὰ ὑπ' αὐτοῦ φωτιζόμενα πράγματα· οὕτω καὶ ὁ τῆς δικαιοσύνης ἥλιος, τῷ καθαρῷ νῷ ἀνατέλλων, καὶ ἑαυτὸν δείκνυσι καὶ πάντων τῶν ὑπ' αὐτοῦ γεγονότων καὶ γενησομένων τοὺς λόγους.

ρ'. Ἐν δὲ Θεῷ γινόμενος, τοὺς περὶ οὐσίας αὐτοῦ πρῶτον λόγους ζητεῖ μὲν ὑπὸ τοῦ πόθου φλεγόμενος, οὐκ ἐκ τῶν κατ' αὐτὸν δὲ τὴν παραμυθίαν εὐρίσκει. (Ἀμήχανον γὰρ τοῦτο καὶ ἀνένδεκτον πάση γεννητῇ φύσει ἐξ ἴσου.) Ἐκ δὲ τῶν περὶ αὐτὸν παραμυθεῖται. Λέγω δὴ, τῶν περὶ ἀιδιότητος, ἀπειρίας τε καὶ ἀοριστίας, ἀγαθότητός τε καὶ σοφίας καὶ δυνάμεως δημιουργικῆς τε καὶ προνοητικῆς καὶ κριτικῆς τῶν ὄντων. Καὶ τοῦτο πάντῃ καταληπτὸν αὐτοῦ μόνον,

ἡ ἀπειρία

καὶ αὐτὸ τὸ μηδὲν γινώσκειν,

ὥσπερ οἱ Θεολόγοι ἄνδρες εἰρήκασι, Γρηγόριός τε καὶ Διονύσιος.

Из части II

ε'. Οὐκ ἄρκεῖ πρακτικὴ μέθοδος πρὸς τὸ τελείως τὸν νοῦν παθῶν ἐλευθερωθῆναι, ὥστε δυνηθῆναι αὐτὸν ἀπερισπάστως προσεῦχεσθαι, εἰ μὴ καὶ διάφοροι αὐτὸν διαδέχονται πνευματικαὶ θεωρίαι. Ἡ μὲν γάρ, ἀκрасίας καὶ μίσους μόνον τὸν νοῦν ἐλευθεροῖ, αἱ δὲ καὶ λήθης καὶ ἀγνοίας αὐτὸν ἀπαλλάττουσι· καὶ οὕτω δυνησεται ὡς δεῖ προσεῦξασθαι.

ς'. Τῆς καθαρᾶς προσευχῆς δύο εἰσὶν ἀκρόταται καταστάσεις· ἡ μὲν τοῖς πρακτικοῖς, ἡ δὲ τοῖς θεωρητικοῖς ἐπισυμβαίνουσα. Καὶ ἡ μὲν ἐκ φόβου Θεοῦ καὶ ἐλπίδος ἀγαθῆς, τῇ ψυχῇ ἐγγίνεται· ἡ δὲ ἀπὸ θείου ἔρωτος καὶ ἀκροτάτης καθάρσεως. Γνωρίσματα δέ, τοῦ μὲν πρώτου μέτρου, τὸ ἐν τῷ συναγαγεῖν τὸν νοῦν ἐκ πάντων τῶν τοῦ κόσμου νοημάτων καὶ ὡς αὐτῷ αὐτοῦ παρισταμένου τοῦ Θεοῦ, ὥσπερ καὶ πάρεστι, ποιεῖσθαι τὰς προσευχὰς ἀπερισπάστως καὶ ἀνενοχλήτως. Τοῦ δὲ δευτέρου, τὸ ἐν αὐτῇ τῇ ὁρμῇ τῆς προσευχῆς ἀρπαγῆναι τὸν νοῦν ὑπὸ τοῦ θείου καὶ ἀπείρου φωτὸς καὶ μήτε ἑαυτοῦ, μήτε τινὸς ἄλλου

10. Когда влечением любви ум возносится к Богу, тогда он совершенно не чувствует ни самого себя, ни что-либо из сущих. Озаряемый божественным беспредельным Светом, он перестает ощущать все тварное подобно тому, как и чувственное око перестает видеть звезды, когда восходит солнце.

95. Как солнце, восходя и освещая мир, являет и себя, и освещаемые им предметы, так и Солнце Правды, восходя в чистом уме, являет и Себя, и логосы всех [тварей] — уже приведенных в бытие и тех, которые еще будут сотворены.

100. Когда [ум] оказывается в Боге, то он, воспламеняемый любовным томлением, прежде всего взыскует логосы, которые окрест сущности Его, но не находит утешения, [познавая] то, что в Боге, ибо это невозможно и непосильно для всякого тварного естества. Поэтому [ум] утешается тем, что окрест Бога, — я имею в виду утешается тем, что относится к Вечности, Беспредельности и Бесконечности [Божией], а также относящимся к Благодати, Премудрости и Силе [Его], творящим сущие, промыслительно управляющим [ими] и судящим [их]. «В Нем совершенно постижимо сие одно — Его Беспредельность», и само неведение Его есть ведение, превосходящее ум, как сказали некогда мужи-богословы: Григорий и Дионисий.

Вторая сотница

5. Путь [духовного] делания недостаточен для совершенного освобождения ума от страстей и для возможности сосредоточенной молитвы, если различные духовные созерцания не становятся его преемниками. Ибо этот путь освобождает ум только от невоздержания и ненависти, а духовные созерцания избавляют его [еще и] от забвения и неведения: таким образом он получает возможность молиться как должно.

6. Есть два состояния чистой молитвы: одно соответствует подвижающимся в [духовном] делании, а другое — подвижающимся в созерцании. Первое возникает в душе из страха Божия и благой надежды, второе — от Божественной любви и высшей чистоты. Признаками первого состояния являются собирание ума и [удаление] его от всех мирских мыслей, творение сосредоточенной и [ничем] не приводимой в смятение молитвы так, как будто Сам Бог перед [молящимися], — а Он действительно и предстоит. Признак второго — восхищение ума Божественным и беспредельным светом в самом порыве молитвы, когда он вообще не чувствует ни самого себя, ни что-либо

τῶν ὄντων τὸ σύνολον ἐπαισθάνεσθαι, εἰ μὴ μόνου τοῦ διὰ τῆς ἀγάπης ἐν αὐτῷ τὴν τοιαύτην ἔλλαμψιν ἐνεργοῦντος· τότε δὲ καὶ περὶ τοὺς περὶ Θεοῦ λόγους κινούμενος, καθαρὰς καὶ τρανὰς τὰς περὶ αὐτοῦ λαμβάνει ἐμφάσεις.

κθ'. "Όταν λέγῃ ὁ Κύριος, ἐγὼ καὶ ὁ πατὴρ ἐν ἑσμεν, ταῦτόν τῆς οὐσίας σημαίνει. "Όταν δὲ πάλιν λέγῃ, ἐγὼ ἐν τῷ πατρὶ καὶ ὁ πατὴρ ἐν ἐμοί, τὸ ἀχώριστον δηλοῖ τῶν ὑποστάσεων. Χρὴ γὰρ καὶ τὸν ἕνα Θεὸν τηρεῖν καὶ τὰς τρεῖς ὑποστάσεις ὁμολογεῖν, κατὰ τὸν μέγαν Γρηγόριον, καὶ ἐκάστην μετὰ τῆς ιδιότητος. Καὶ γὰρ διαιρεῖται μὲν, ἀλλ' ἀδιαιρέτως, κατὰ τὸν αὐτόν, καὶ συνάπτεται μὲν, διηρημένως δέ. Καὶ διὰ τοῦτο, παράδοξος καὶ ἡ διαίρεσις καὶ ἡ ἔνωσις. Ἐπεὶ, τί ἔχει τὸ παράδοξον, εἰ ὡς ἄνθρωπος ἄνθρωπῳ ἥνεται καὶ κεχώριται, οὕτω καὶ ὁ Υἱὸς τῷ Πατρὶ καὶ οὐδὲν πλέον;

ης'. Σκιὰ θανάτου ἐστὶν ἡ ἀνθρωπίνη ζωή.

Из части III

κη'. Οἱ μὲν Ἕλληνες ἐξ αἰδίου λέγοντες συνυπάρχειν τῷ Θεῷ τὴν τῶν ὄντων οὐσίαν, τὰς δὲ περὶ αὐτὴν ποιότητας μόνον ἐξ αὐτοῦ ἐσχηκέναι, τῇ μὲν οὐσίᾳ οὐδὲν λέγουσιν ἐναντίον· ἐν δὲ ταῖς ποιότησι μόναις τὴν ἐναντίωσιν εἶναι.¹⁾ Ἡμεῖς δὲ μόνην λέγομεν τὴν θείαν οὐσίαν μὴ ἔχειν τι ἐναντίον, ὡς αἰδιόν τε οὐσαν καὶ ἀπειρον καὶ αἰδιότητος ταῖς ἄλλαις χαριστικῇ. Τῇ δὲ τῶν ὄντων οὐσίᾳ, εἶναι μὲν τὸ μὴ ὄν ἐναντίον. Καὶ ἐν τῇ ἐξουσίᾳ τοῦ κυρίως ὄντος, ὑπάρχειν τὸ ἀεὶ εἶναι αὐτὴν ἢ μὴ εἶναι. Ἀμεταμέλητα δὲ εἶναι τὰ χαρίσματα αὐτοῦ. Καὶ διὰ τοῦτο καὶ ἐστὶν ἀεὶ καὶ ἔσται, τῇ παντοκρατορικῇ δυνάμει διακρατούμενα, εἰ καὶ ἔχει τὸ ὄν ἐναντίον, ὡς εἴρηται, ὡς ἐκ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παραχθεῖσα καὶ ἐν τῇ βουλῇ αὐτοῦ ἔχουσα τὸ εἶναι αὐτὴν ἢ μὴ εἶναι.

Из части IV

α'. Πρῶτον μὲν θαυμάζει ὁ νοῦς τὴν θείαν ἐννοούμενος κατὰ πάντα ἀπειρίαν καὶ τὸ ἀνέκβατον ἐκεῖνο καὶ πολυπόθητον πέλαγος·²⁾ δεύτερον δὲ ἐκπλήττεται, πῶς ἐκ τοῦ μηδενὸς τὴν τῶν ὄντων εἰς τὸ εἶναι παρήγαγεν ὑπαρξιν. Ἀλλ' ὥσπερ τῆς μεγαλωσύνης αὐτοῦ οὐκ ἔστι πέρας, οὕτως οὐδὲ τῆς φρονήσεως αὐτοῦ ἐστὶν εὗρεσις.

из сущих, а лишь одного Того, Кто Своей любовью так озаряет его. Тогда, двигаясь вблизи логосов, которые окрест Бога, ум воспринимает чистые и явные отобразы Его.

19. Тяжел бес блуда, и бурно он нападает на подвизающихся против страсти, особенно при небрежении воздержанием в пище и во встречах с женщинами. Он сначала незаметно похищает ум нежностью наслаждения, а затем, с помощью памяти [об этом наслаждении], нападает на безмолвствующего, разжигая тело и представляя уму различные [срамные] образы. Тем самым он возбуждает его согласиться на грех. Если не хочешь, чтобы это задержалось в тебе, прими на себя пост, труд, бдение и прекрасное безмолвие с усиленной молитвой.

96. Сень смертная есть человеческая жизнь. И тот, кто с Богом, и с кем Бог, может смело сказать: Аще бо и пойду посреде сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси (ср. Пс. 22, 4).

Третья сотница

28. Эллины, говоря, что сущность сущих от вечности сосуществует с Богом и что от Него она воспринимает лишь свои качества, утверждают, будто в сущности нет ничего противоположного. Мы же говорим, что только одна Божественная сущность не имеет ничего противоположного, будучи вечной, беспредельной и дарующей вечность другим [сущностям]; что сущности сущих противоположно не-сущее и что от власти подлинного Бытия зависит быть всегда или не быть этой сущности, ибо дары Божии непреложны (Рим. 11, 29). Поэтому, удерживаемая Вседержительной Силой, она есть и будет всегда, хотя, как было сказано, имеет не-сущее в качестве противоположного, поскольку приведена в бытие из небытия и в воле Бога находится быть или не быть ей.

Четвертая сотница

1. Ум, постигая Божественную Беспредельность — во всех отношениях недоступный и многожеланный Океан сей, — прежде всего удивляется. Затем он поражается, каким образом [Бог] из ничего привел в бытие все существующее. Но, поскольку величие Его несть конца (Пс. 144, 3), то и Премудрость Его непостижима.

β'. ... Ἀλλὰ τοῦτο Ἑλλήνων παῖδες οὐ παραδέχονται, ἀγνοοῦντες τὴν παντοδύναμον ἀγαθότητα καὶ τὴν δραστήριον αὐτῆς καὶ ὑπὲρ νοῦν σοφίαν καὶ γνῶσιν.

γ'. Ἐξ αἰδίου Δημιουργὸς ὑπάρχων ὁ Θεός, ὅτε βούλεται δημιουργεῖ, Λόγῳ ὁμοουσίῳ καὶ Πνεύματι, δι' ἁπείρον ἀγαθότητα. Καὶ μὴ εἴπῃς, τίνι λόγῳ νῦν ἐδημιούργησεν αἰεὶ ἀγαθὸς ὑπάρχων; Ἐπεὶ κἀγὼ σοὶ λέγω, ὅτι ἡ τῆς ἀπείρου οὐσίας ἀνεξιχνίαστος σοφία τῇ ἀνθρωπίνῃ οὐχ ὑποπίπτει γνῶσει.

ζ'. Κατὰ τι μὲν γνωστὸν τὸ θεῖον καὶ τὰ θεῖα, κατὰ τι δὲ ἄγνωστον· καὶ γνωστὸν μὲν, τοῖς περὶ αὐτὸ θεωρήμασιν· ἄγνωστον δέ, τοῖς κατ' αὐτό.

η'. Μὴ ἔξεις καὶ ἐπιτηδειότητος ζητήσης ἐπὶ τῆς ἀπλῆς καὶ ἀπείρου οὐσίας τῆς Ἀγίας Τριάδος, ἵνα μὴ σύνθετον αὐτὴν ποιήσης, ὥσπερ τὰ κτίσματα· ὅπερ ἄτοπον καὶ ἀθέμιτον ἐπὶ Θεοῦ ἐννοήσαι.

ι'. Πᾶσα ἡ νοερὰ οὐσία καὶ αἰσθητικὴ ἔλαβε δυνάμεις παρὰ Θεοῦ, εἰς τὸ εἶναι παραχθεῖσα, ἀντιληπτικὰς τῶν ὄντων. Ἡ μὲν νοερά, τὰς νοήσεις· ἡ δὲ αἰσθητικὴ, τὰς αἰσθήσεις.

ια'. Ὁ μὲν Θεὸς μετέχεται μόνον· ἡ δὲ κτίσις καὶ μετέχει καὶ μεταδίδωσι· καὶ μετέχει μὲν τοῦ εἶναι, μεταδίδωσι δὲ τοῦ εὖ εἶναι μόνον· ἀλλ' ἐτέρως μὲν ἡ σωματικὴ, ἐτέρως δὲ ἡ ἀσώματος οὐσία.

ιβ'. Ἡ μὲν ἀσώματος οὐσία, καὶ λέγουσα καὶ πράττουσα καὶ θεωρουμένη, τοῦ εὖ εἶναι μεταδίδωσιν· ἡ δὲ σωματικὴ, θεωρουμένη μόνον.

ιγ'. Τὸ μὲν αἰεὶ εἶναι ἢ μὴ εἶναι τὴν νοερὰν καὶ λογικὴν οὐσίαν, ἐν τῇ βουλήσει ἐστὶ τοῦ τὰ πάντα καλὰ δημιουργήσαντος· τὸ δὲ ἀγαθὰ ταῦτα εἶναι κατὰ προαίρεσιν, ἢ φαῦλα, ἐν τῷ θελήματι τῶν γεγονότων ὑπάρχει.

ιδ'. Οὐ περὶ τὴν οὐσίαν τῶν γεγονότων τὸ κακὸν θεωρεῖται, ἀλλὰ περὶ τὴν ἐσφαλμένην καὶ ἀλόγιστον κίνησιν.

2. Ибо как не удивляться, созерцая этот безмерный и превышающий всякое изумление Океан Благодати? Как не прийти в иступление, постигая умом то, каким образом и откуда произошла умная и разумная сущность, а также четыре элемента, из которых образуются тела, когда не было никакой материи, предсуществующей их бытию? Какова та Сила, которая осуществилась и привела их в бытие? — Но чада эллинов не принимают этого, не ведая о всемогущей Благодати, Ее действенности, премудрости и ведении, превышающих ум.

3. Будучи от вечности Творцом, Бог, по беспредельной Благодати Своей, творит посредством единосущного Слова и Духа, когда хочет. И не спрашивай: «Почему Он сейчас сотворил, будучи всегда Благим?» Ибо я говорю тебе, что неисповедимая Премудрость беспредельной Сущности неподвластна человеческому ведению.

7. Божество и божественное в некотором отношении познаваемо, а в некотором — непознаваемо. Оно познаваемо в том, что созерцается окрест Него, и непознаваемо в том, что Оно [есть] Само в Себе.

8. В простой и беспредельной сущности Святой Троицы нет устойчивых состояний и способностей, дабы не делать ее сложной, напоподобие творений; мыслить подобное относительно Бога — нелепо и нечестиво.

10. Всякая мыслящая и чувствующая сущность получила от Бога, когда была приведена в бытие, силы, позволяющие постигать сущие [вещи]: мыслящая [сущность получила] способность мышления, а чувствующая — чувства.

11. Богу можно быть только сопричастным; тварь же и сопричастствует и сообщает [причастие]. Она сопричастствует и бытию и благобытию, но сообщает только благобытие: телесная сущность [сообщает его] одним образом, а нетелесная — другим.

12. Нетелесная сущность сообщает благобытие путем того, что она говорит, что она совершает и благодаря тому, что она созерцается; телесная же сущность [сообщает его], будучи только созерцаемой.

13. Приснобытие или небытие мыслящей и разумной сущности находится в воле Создавшего все добрым; но быть благими или дурными по произволению — зависит от воли тварей.

14. Зло созерцается не как относящееся к сущности тварей, но как относящееся к греховному и неразумному движению их.

ιε'. Εὐλόγως κινεῖται ἡ ψυχὴ, ὅταν τὸ ἐπιθυμητικὸν αὐτῆς τῇ ἐγκρατεῖα πεποιῶται· τὸ δὲ θυμικόν, τῆς ἀγάπης ἀντέχεται, τὸ μῖσος ἀποστρεφόμενον· τὸ δὲ λογιστικόν, πρὸς τὸν Θεὸν διάγει, διὰ προσευχῆς καὶ θεωρίας πνευματικῆς.

ις'. Οὕτω ἔχει τελείαν ἀγάπην, οὐδὲ τῆς θείας προνοίας κατὰ βάθος τὴν γνῶσιν, ὁ ἐν καιρῷ πειρασμοῦ μὴ μακροθυμῶν· ἐπὶ τοῖς συμβαίνουσι λυπηροῖς, ἀλλ' ἀποκόπτων ἑαυτὸν τῆς τῶν πνευματικῶν ἀδελφῶν ἀγάπης.

ιζ'. Σκοπὸς τῆς θείας προνοίας, τὸ τοὺς ὑπὸ τῆς κακίας ποικίλως διεσχισμένους, διὰ τῆς ὀρθῆς πίστεως καὶ πνευματικῆς ἀγάπης, ἐνοποιεῖν· εἴπερ διὰ τοῦτο πέπονθεν ὁ Σωτὴρ, ἵνα τὰ τέκνα τοῦ Θεοῦ τὰ διεσκορπισμένα, συναγάγῃ εἰς ἓν. Ὁ οὖν μὴ στέγων τὰ ὀχληρά, μηδὲ φέρων τὰ λυπηρά, μηδὲ ὑπομένων τὰ ἐπίπονα, ἐκτὸς τῆς θείας ἀγάπης καὶ τοῦ σκοποῦ τῆς προνοίας περιπατεῖ.

ιη'. Εἰ ἡ ἀγάπη μακροθυμεῖ καὶ χρηστεύεται, ὁ ὀλιγοψυχῶν ἐπὶ τῆς συμβαίνουσι λυπηροῖς καὶ διὰ τοῦτο πονηρευόμενος ἐπὶ τῆς λυπῆσαι καὶ τῆς πρὸς αὐτοὺς ἀγάπης ἑαυτὸν ἀποκόπτων, πῶς τοῦ σκοποῦ τῆς θείας προνοίας οὐκ ἐκπίπτει;

ιβ'. Πρόσεχε σεαυτῷ μήποτε ἡ χωρίζουσα ἐκ τοῦ ἀδελφοῦ κακία, οὐκ ἐν τῷ ἀδελφῷ, ἀλλ' ἐν σοὶ εὐρίσκεται, καὶ σπεῦσον αὐτῷ διαλλαγῆναι, ἵνα μὴ τῆς ἐντολῆς τῆς ἀγάπης ἐκπέσῃς.

κ'. Μὴ καταφρονήσης τῆς ἐντολῆς τῆς ἀγάπης, ὅτι δι' αὐτῆς υἱὸς Θεοῦ ἐση' ἦν παραβαίνων, υἱὸς γεέννης εὐρεθῆση.

κα'. Τὰ χωρίζοντα τῆς τῶν φίλων ἀγάπης, εἰσὶ ταῦτα· τὸ φθονεῖν ἢ φθονεῖσθαι, τὸ ζημιοῦν ἢ ζημιοῦσθαι, τὸ ἀτιμάζειν ἢ ἀτιμάζεσθαι καὶ οἱ ἐξ ὑπονοίας λογισμοί· μήποτε οὖν ἔδρασάς τι τοιοῦτον ἢ πέπονθας καὶ διὰ τοῦτο τῆς τοῦ φίλου ἀγάπης χωρίζῃ;

κε'. Μὴ εὐκόλος ἔσο ἐπὶ ἀποβολῇ πνευματικῆς ἀγάπης, διότι ἄλλη σωτηρίας ὁδὸς οὐχ ὑπολέλειπται τοῖς ἀνθρώποις.

15. Душа движется правильно, когда желающее начало [ее] определяется воздержанием, яростное начало стойко придерживается любви и отвращается от ненависти, а мыслящее начало устремляется к Богу посредством молитвы и духовного созерцания.

16. Кто во время искушений не проявляет долготерпения в отношении к приключившимся [с ним] скорбям, но отсекает себя от любви к духовным братьям, тот не имеет совершенной любви и глубоко ведения о Божием Промысле.

17. Цель Божиего Промысла — посредством правой веры и духовной любви соединить тех, кто многообразным способом разделены пороком. Ради того и пострадал Спасатель, чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино (*Ин. 11, 52*). Поэтому тот, кто не выдерживает [житейских] неудобств, не переносит скорбей и стойко не терпит трудностей, живет вне Божественной любви и цели Промысла.

18. Если любовь долготерпит и милосердствует (*1 Кор. 13, 4*), то малодушествующий при случившихся скорбях, а поэтому и дурно поступающий с обидившими его и отсекающий себя от любви к ним, разве не отпадает тем самым от цели Божиего Промысла?

19. Будь внимателен к себе: не обретается ли в тебе самом, а не в брате, порок, отделяющий тебя от брата; поспеши примириться [с ним], дабы не отпасть от заповеди любви.

20. Не пренебрегай заповедью любви, ибо через нее ты станешь сыном Божиим. Преступив же ее, окажешься сыном геенны.

21. От любви к друзьям [нас] отделяет следующее: зависть или превращение в предмет зависти, причинение или претерпение ущерба, нанесение или претерпение бесчестия и помыслы, возникшие через недоверие. Поэтому никогда не делай сам и не давай повода [другим] совершать это, чтобы не быть тебе отделенным от любви друга.

25. Не будь склонен к отвержению духовной любви, ибо иного пути ко спасению не осталось для людей.

λ'. Ἐὰν ἀδελφὸς τυχὸν πειραζόμενος ἐπιμείνη κακολογῶν σε, ἀλλὰ σύ γε μὴ ἐξενεχθῇς τῆς ἀγαπητικῆς καταστάσεως, τοῦ αὐτοῦ πονηροῦ δαίμονος ἐνοχλοῦντος κατὰ διάνοιαν· οὐκ ἐξενεχθήσῃ δὲ ταύτης, ἐὰν λοιδορούμενος εὐλογήσῃς, ἐὰν δυσφημούμενος εὐνοήσῃς· αὕτη ἐστὶν ἡ ὁδὸς τῆς κατὰ Χριστὸν φιλοσοφίας· καὶ ὁ μὴ ταύτην ὁδεύων, οὐ συναυλίζεται αὐτῷ.

μ'. Ἡ μὲν εἰς Θεὸν ἀγάπη, εἰς τὴν θείαν ὁμιλίαν ἀεὶ φιλεῖ πτερῶσαι τὸν νοῦν· ἡ δὲ εἰς τὸν πλησίον, ἀεὶ καλὰ λογίζεσθαι περὶ αὐτοῦ παρασκευάζει.

μζ'. Ἐν τοῖς τρισὶ τούτοις ὁ Χριστιανὸς φιλοσοφεῖ· ἐν ταῖς ἐντολαῖς, ἐν τοῖς δόγμασι καὶ ἐν τῇ πίστει· καὶ αἱ μὲν ἐντολαί, τῶν παθῶν τὸν νοῦν χωρίζουσι· τὰ δὲ δόγματα, εἰς τὴν γνῶσιν τῶν ὄντων αὐτὸν εἰσάγουσιν· ἡ δὲ πίστις, εἰς τὴν θεωρίαν τῆς Ἀγίας Τριάδος.

ν'. Ὁ μὲν τοῖς πράγμασιν ἀποταξάμενος, οἷον τῇ γυναικὶ καὶ τοῖς χρήμασι καὶ τοῖς ἐξῆς, τὸν ἕξω ἄνθρωπον ἐποίησε Μοναχόν, οὐπὼ δὲ καὶ τὸν ἔσω· ὁ δὲ τοῖς τούτων ἐμπαθέσι νοήμασι, τὸν ἔσω ἄνθρωπον, ὃς ἐστὶν ὁ νοῦς· καὶ τὸν μὲν ἕξω ἄνθρωπον, εὐκόλως τις ποιεῖ Μοναχόν, μόνον ἐὰν θελήσῃ· οὐκ ὀλίγος δὲ ἀγών, τὸν ἔσω ἄνθρωπον ποιῆσαι Μοναχόν.

να'. Τίς ἄρα ἐστὶν ἐν τῇ γενεᾷ ταύτῃ, ὁ παντάπασιν ἀπαλλαγείς ἐμπαθῶν νοημάτων καὶ τῆς καθαρᾶς διὰ παντὸς καὶ αὐλοῦ καταξιωθεὶς προσευχῆς,¹⁾ ὅπερ ἐστὶ σημεῖον τοῦ ἔνδον Μοναχοῦ;

πς'. Ἀγάπη καὶ ἐγκράτεια, παθῶν τὴν ψυχὴν ἐλευθεροῦσιν· ἀνάγνωσις καὶ θεωρία, ἀγνοίας τὸν νοῦν ἀπαλλάττουσιν. Ἡ δὲ τῆς προσευχῆς κατάστασις, αὐτῷ παρίστησιν αὐτὸν τῷ Θεῷ.

ης'. Τέσσαρές εἰσι γενικοὶ ἐγκαταλείψεως τρόποι· ἡ οἰκονομική, ὥς ἐπὶ τοῦ Κυρίου· ἵνα, διὰ τῆς δοκούσης ἐγκαταλείψεως, οἱ ἐγκαταλελειμμένοι σωθῶσιν. Ἡ δὲ πρὸς δοκιμὴν, ὥς ἐπὶ τοῦ Ἰῶβ καὶ Ἰωσήφ· ἵνα, ὁ μὲν ἀνδρείας, ὁ δὲ σωφροσύνης στήλαι ἀναφανῶσιν· ἡ δέ, πρὸς παιδευσιν πατρικὴν, ὥς ἐπὶ τοῦ Ἀποστόλου· ἵνα, ταπεινοφρονῶν, τὴν ὑπερβολὴν φυλάξῃ τῆς χάριτος· ἡ δὲ κατὰ

30. Даже если брат, впавший в искушение, не перестает злословить тебя, ты не попускай лукавому бесу вывести тебя из состояния любви и возмутить твою мысль. Этого не произойдет, если ты, поносимый, будешь благословлять; подвергаемый злословию, будешь молчать; наветуемый, будешь благоволить — таков путь любомудрия по Христу; тот, кто не шествует этим путем, не соводворится с Ним [в Царстве Небесном].

40. Любовь к Богу имеет обыкновение всегда воскрылять ум к Богообращению; любовь же к ближнему подготавливает [ум] всегда хорошо думать о нем.

47. Христианин любомудрствует тремя способами: заповедями, догматами и верой. Заповеди отделяют ум от страстей, догматы вводят его в ведение сущих, а вера — в созерцание Святой Троицы.

50. Отрекшийся от вещей — женщин, денег и тому подобного — соделал монахом [своего] внешнего человека, но не внутреннего. А отрекшийся от страстных мыслей об этих вещах [соделал монахом] и внутреннего человека, то есть ум. Внешнего человека, если захотеть, легко сделать монахом, но сделать им внутреннего человека требует немалого подвига.

51. Но кто в роде сем полностью избавился от страстных мыслей и удостоился чистой и невещественной молитвы — что и есть признак внутреннего монаха?

86. Любовь и воздержание избавляют душу от страстей; [душеполезное] чтение и созерцание освобождают ум от неведения, а молитвенное состояние приближает ум к Богу.

96. Есть четыре вида богооставленности. Первый — домостроительная богооставленность, как это было с Господом, дабы через кажущуюся богооставленность были спасены покинутые. Второй — богооставленность ради испытания, как это случилось с Иовом и Иосифом, дабы явить одного столпом мужества, а другого — столпом целомудрия. Третий — богооставленность ради отеческого назидания, как это произошло с Апостолом. Дабы смиряясь, он сохранил бы изобилие благодати. Четвертый — богооставленность в силу

ἀποστροφὴν, ὡς ἐπὶ τῶν Ἰουδαίων· ἵνα, κολαζόμενοι, πρὸς μετάνοιαν κατακαμφθῶσιν. Σωτήριοι δὲ πάντες οἱ τρόποι ὑπάρχουσι καὶ τῆς θείας ἀγαθότητος καὶ φιλανθρωπίας ἀνάμεστοι.

ηη'. Οἱ μὲν τοῦ Χριστοῦ φίλοι, πάντας ἀγαπῶσι γνησίως· οὐχ ὑπὸ πάντων δὲ ἀγαπῶνται· οἱ δὲ τοῦ κόσμου φίλοι, οὐδὲ ὑπὸ πάντων ἀγαπῶνται. Καὶ οἱ μὲν τοῦ Χριστοῦ μέχρι τέλους τὴν συνέχειαν τῆς ἀγάπης διατηροῦσιν· οἱ δὲ τοῦ κόσμου, μέχρις οὗ ἀλλήλοις διὰ τοῦ κόσμου προσκρούσωσιν.

ρ'. Πολλοὶ μὲν πολλὰ περὶ ἀγάπης εἰρήκασιν, ἐν μόνοις δὲ τοῖς τοῦ Χριστοῦ μαθηταῖς ταύτην ζητήσας, εὐρήσεις. Ἐπειδὴ μόνοι αὐτοὶ εἶχον τὴν ἀληθινὴν Ἀγάπην τῆς ἀγάπης διδάσκαλον· περὶ ἧς ἔλεγον· ἐὰν ἔχω προφητείαν καὶ εἰδῶ τὰ μυστήρια πάντα καὶ πᾶσαν τὴν γνῶσιν, ἀγάπην δὲ μὴ ἔχω, οὐδὲν ὠφελοῦμαι. Ὁ οὖν κτησάμενος τὴν ἀγάπην, αὐτὸν τὸν Θεὸν ἐκτήσατο· ἐπειδὴ ὁ Θεός, ἀγάπη ἐστίν·

αὐτῷ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας.

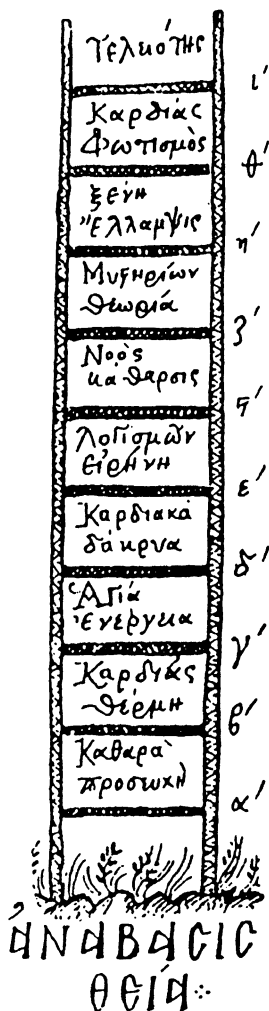
отпадения [от Бога], как это произошло с иудеями, дабы они, наказываемые, могли бы обратиться к покаянию. Все эти виды [богооставленности] спасительны и преисполнены Божией Благости и Премудрости.

98. Други Христовы сердечно любят всех, но не всеми бывают любимы. Друзья же мира [сего] и не всех любят, и не всеми бывают любимы. Други Христовы до конца сохраняют постоянство в любви; друзья же мира [сего] сохраняют его лишь до тех пор, пока не поссорятся друг с другом из-за чего-нибудь мирского.

100. Многие сказали многое о любви, но только ища ее среди учеников Христовых ты обретишь ее, ибо одни они имеют Учителем любви истинную Любовь, о которой говорится: Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание... а любви не имею — нет мне в том никакой пользы (*ср. 1 Кор. 13, 2–3*). Стяжавший же любовь стяжал Самого Бога, поскольку Бог есть любовь (*1 Ин. 4, 16*). Ему слава во веки. Аминь.

Пер. А. И. Сидорова

19. Μοναχ Φεοφαν (οκ. VIII β.)

Πρῶτον προσευχή καθαρωτάτη πέλει·
 Ἐξ ἧς πρόεισι καρδιακή τις θέρμη.
 Μεθ' ἦν ἐνέργεια ξένη τε καὶ ἁγία.
 Εἶτα δάκρυα θεῖα τὰ τῆς καρδιάς.
 Ἐφ' οἷς λογισμῶν παντοδαπῶν εἰρήνη·
 Ἐξ ἧς νοὸς κάθαρσις ἀναβλυστάνει,
 Θεωρία τε τῶν ἄνω μυστηρίων.

Ξένη μεθ' ἦν ἑλλαμψις ἀφράστῳ τρόπῳ·
 Ἄρρητος ἐξ ἧς φωτισμὸς τῆς καρδιάς.
 Κάντεϋθεν αὐθις ἀτελής τελειότης.

Πλάτος μὲν οὖν ἀπειρον ἡ βαθμὶς ἔχει,
 Κἂν ἐξ ἑνός γε συμπεραίνεται στίχου.

Αὐτίκα τῇ κλίμακι βαθμὶς ἡ κάτω,
 Μόνον προσευχὴν καθαρὰν ὑπογράφει.

Εἶδη δὲ αὐτῆς ἐστὶ καὶ πολλὰ πάνυ,
 Κἂν εἰ θέλομεν αὐτὰ νῦν καταλέγειν,
 Εἰς μῆκος ἡμῖν ἐκτενεῖ τὰ τοῦ λόγου.

Ταῦτόν τί μοι νόησον ἐν πᾶσι φίλος,
 Πείρα δὲ διδάσκαλος αὐτῶν, οὐ λόγος.

Κλίμαξ ἀνατείνουσα πρὸς πόλον ξένως.

Δεκάς βαθμίδων, ζώωσις ψυχῆς ξένη.

Δεκάς βαθμίδων, ζῶην ψυχῆς κηρύσσει.

Καί φησί που τις τῶν θεοφόρων τάδε·

Ὅ μὴ σπεύδων κτήσασθαι ζῶην ἐνταῦθα,
 Ψυχῆς ἐλπίσι μὴ κεναῖς ἀπατάτω

Ἐαυτὸν ὥς λήψεται αὐτὴν ἐκεῖσε.

Δεκάς βαθμίδων, θεῖα φιλοσοφία.

Δεκάς βαθμίδων, καρπὸς πάντων βιβλίων.

Δεκάς βαθμίδων, τὸ τέλειον δεικνύει.

Δεκάς βαθμίδων, εἰς οὐρανοὺς ἀνάγει.

Δεκάς βαθμίδων, ποιεῖ Θεὸν εἰδέναι.

Κλίμαξ ὁράται τῷ μήκει βραχυτάτη.

Εἰ δὲ πείρα λάβοι τις καρδιάς εἶσω,

Πλοῦτον εὐρήσει ἀχώρητον τῷ κόσμῳ,

Πηγὴν τε θεῖαν νάουσαν ζῶην ξένην.

В греческом издании «Добротолюбия» (т. II) имеется поэма «Молитвенная лестница». В ней отсутствуют как введение, так и какие-либо подробные сведения об авторе. Сам же автор называет себя «жалкий монах по имени Феофан» — и это все, что мы о нем можем узнать. Поэма представляет собой сжатое описание исихастско-монашеского молитвенного восхождения, сокращенного здесь до десяти ступеней. Первые десять стихов поэмы соответствуют каждой ступени лестницы, которые — в возрастающей последовательности — представляют собой стадии обожения человека. Подобно Григорию Нисскому, автор рассматривает движение к совершенству как бесконечное развитие — «бесконечно долгую лестницу». Характерно, что этот «жалкий» монах-исихаст тем не менее не ставит себя на десятую ступень, а, наоборот, поднявшись по лестнице, скатывается обратно, к месту под лестницей.

Лестница божественных милостей

Начало ее — молитва чистейшая.

Из нее исходит некое сердечное тепло.

За ним — энергия святая и чудесная.

Затем — божественные слезы сердца.

С ними — от всяческих помыслов отрешение.

Из него произрастает очищенность ума.

С ним — созерцание высших таинств.

Затем — неизъяснимо — приходит чудный свет.

Из него — невыразимое просвящение сердца.

А с ним опять — бесконечное совершенство.

Основание лестницы широты бесконечной,

Хоть вытекает она из одного лишь стиха.

Чтоб оказаться на нижней ступени лестницы этой,

Достаточно чистой молитвы.

Но у молитвы поистине множество ликов.

И если я стану описывать их,

То речь моя будет долга.

Подумай о том, что роднит их, друг мой,

Ведь им научаются опытом, а не словами.

Лестница чудом возносит к небесному своду —

Десяток ступеней — дивное оживотворенье души,

Десяток ступеней жизнь для души возвещает.

Некто, имеющий Бога внутри, как-то сказал:

«Кто не старался создать жизнь здесь,

да не морочит пусть душу бесплодной надеждой,

что обретет ее там».

Десяток ступенек — путь к премудрости Божьей.

Десяток ступенек — плод всех написанных книг.

Десяток ступенек откроет тебе совершенное.

Διδάσκαλος ἄριστος ἡ κλῖμαξ αὕτη,
 Σαφῶς γνῶναι ἕκαστον ἑαυτοῦ μέτρα.
 Ὅρων θείων κλίμακα χαρίτων δέκα,
 Εἰ νομίζεις ἴστασθαι παγίως ταύτη,
 Εἰπέ· ἐν ποίᾳ ταύτης βαθμίδι πέλεις,
 Εἰς ὠφέλειαν καὶ ἡμῶν τῶν ῥαθυμῶν;
 Εἰ θέλεις φίλος τι μαθεῖν περὶ τούτων,
 Ἀμερίμνησον ἐκ παντοίων πραγμάτων,
 Ἐξ ἀλόγων τε, καὶ τὸ δοκεῖν εὐλόγων,
 Οὐ γὰρ μάθης τι χωρὶς ἀμεριμνίας·
 Πείρα δὲ γινώσκονται ταῦτα, οὐ λόγῳ.
 Τοῦτο δ' ὥς ὑπόμνησιν λέγω σοι μόνον,
 Ἔστι δ' ὁ λόγος Ἀγίων Θεοφόρων,
 Εἰ καὶ βαρέως εἰς ἀκοὴν εἰσέλθῃ·
 Ὅ μὴ εὐρεθεὶς εἰς μίαν τῶν βαθμίδων,
 Ἡ μὴ μελετῶν πάντοτε ἐν τοιούτοις,
 Ἐν τῇ τελευτῇ καὶ καιρῷ τοῦ θανάτου,
 Φόβον ὄντως μέγαν τε καὶ τρόμον ἔξει
 Καὶ δειλίαν ἄμετρον μὴ ἀποστήσῃ.
 Εἰς τὸ φοβερόν κατέληξαν οἱ στίχοι,
 Συμφερόντως δὲ λίαν ἔλαχεν οὕτως.
 Οὐ γὰρ ἀγαθοῖς ἀνάγονται δὴ μάλλον
 Εἰς μετάνοιαν καὶ καλοκαγαθίαν,
 Οἱ σκληρότεροι· ὧν ἐγὼ εἰμι πρῶτος.
 Ὡς τοῖς φοβεροῖς καὶ δέος ἐμποιοῦσιν.
 Ὡτα ὁ ἔχων ἀκούειν ἀκουέτω·
 Ἄκουσον καὶ σύνες σὺ δὲ γράψας ταῦτα.
 Πῶς ἐτόλμησας σὺ γε εἰπεῖν τοιαῦτα;
 Ἄνθρωπος μὴ ἔχων τι ὅλως ἐκ τούτων;
 Πῶς δ' οὐκ ἔφριξας περὶ τούτων διδάσκειν;
 Οὐκ ἤκουσας Ζᾶν τί ἔπαθεν ἐκεῖνος,
 Θέλων διορθώσασθαι Κιβωτὸν Θεῖαν;
 Μὴ νομίσης ὥς διδάσκων ταῦτα λέγω,
 Ἄλλ' ἵν' ἐμαυτὸν στηλιτεύσω ἐν τούτοις,
 Ὅρων ἔπαθλα τῶν ἀγωνιζομένων,
 Καὶ τὴν ἐμαυτοῦ ἀκαρπλίαν ἐκ πάντων.

Десяток ступенек возносит на небеса.
Десяток ступенек дарует нам знание Бога.
Лестница вроде совсем коротка.
Но тот, кто пройдет ее в сердце своем,
Такое богатство отыщет, какому весь мир будет мал, —
Источник божественный, бьющий чудесною жизнью.
Лестница эта — лучший учитель любому,
Дабы ясней осознал он меру свою.
Видя десяток божественных милостей лестницы этой,
Если решишься ты твердо вступить на нее,
Поведай тогда, на какой ты стоишь из ступеней,
Чтобы на благо то было и, легкомысленным, нам.
Друг мой, если захочешь об этом узнать,
То не заботься о прочих вещах.
Ни о бессмысленных, ни о других, тех, что выглядят умно.
Не обретя равнодушия к ним, не научишься ты ничему.
Только лишь опыт сему научает, слова же бессильны.
Я говорю тебе это, лишь чтобы напомнить.
Слово ж об этом найдешь у богоносных святых.
Как бы ни трудно то было, ему ты внимай:
Тот, кто не будет стоять на одной из ступеней
И никогда даже не вспомнит о них,
Тот при кончине, в час свой последний узнает
Великий воистину трепет и страх,
И малодушия выше предела ему не избежать. —
Стихи превращаются в грозное предупреждение,
Ибо весьма вероятен именно этот исход.
Ведь нас, жесткосердых, средь коих — я первый,
приводят к раскаянью и сокрушению о Боге
скорей не благами, а страхом, рожденным угрозой.
«Имеющий уши, да слышит» (Лк. 14, 35).
Ты ж, написавший все это, постой и поразмысль хорошенько:
Как ты дерзнул промолвить все эти слова,
Ты, кто и сам-то совсем ничего не умеет?
Что ж не дрожишь, поучая?
Неужто не слышал про Озу, — как он пострадал,
Когда пожелал слегка приподнять ковчег Божий? (2Цар. 6, 6)
Нет, не считите, что я говорю поучая.
Да разве решил бы я среди прочих имя свое на столбе записать,
Зная прекрасно про то, что соперникам будет наградой,
Да и про то, что и сам я буду бесплоден во всем.

20. Иоанн Дамаскин (ок. 675–754)

Иоанн происходил из Дамаска (Сирия). В молодости он получил философское образование, но большую часть своей жизни прожил монахом в монастыре в Иерусалиме. Он не видел никакого противоречия как между верой и мыслью, так и между догматическим и мистическим богословием, или между «аристотелизмом» и «платонизмом». Все это он соединил в своем главном произведении «Точное изложение Православной веры», которое является огромным систематизированным сводом представлений о православной вере, сравнимым с «Summa theologica» Фомы Аквинского. Кроме того,

...

“Οτι μὲν οὖν ἐστὶ Θεός, δῆλον. Τί δέ ἐστι κατ’ οὐσίαν καὶ φύσιν, ἀκατάληπτον τοῦτο παντελῶς καὶ ἄγνωστον. Ὅτι μὲν γὰρ ἀσώματον, δῆλον. Πῶς γὰρ σῶμα, τὸ ἄπειρον, καὶ ἀόριστον, καὶ ἀσχημάτιστον, καὶ ἀναφές, καὶ ἀόρατον, καὶ ἀπλοῦν, καὶ ἀσύνθετον; Πῶς γὰρ ἄτρεπτον, εἰ περίγραφτον καὶ παθητόν; Καὶ πῶς ἀπαθές, τὸ ἐκ στοιχείων συγκείμενον, καὶ εἰς αὐτὰ πάλιν ἀναλυόμενον; Σύνθεσις γὰρ ἀρχὴ μάχης· μάχη δέ, διαστάσεως· διάστασις δέ, λύσεως· λύσις δέ ἄλλότριον Θεοῦ παντελῶς. Πῶς δὲ καὶ σωθήσεται τὸ διὰ πάντων ἥκειν καὶ πληροῦν τὰ πάντα Θεόν, ὥς φησιν ἡ Γραφή; Οὐχὶ τὸ οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ἐγὼ πληρῶ, λέγει Κύριος; Ἀδύνατον γὰρ σῶμα διὰ σωμάτων διήκειν, μὴ τέμνον καὶ τεμνόμενον, καὶ πλεκόμενον καὶ ἀντιπαρατιθέμενον, ὥσπερ ὅσα τῶν ὑγρῶν μίγνυνται καὶ συγκιρνᾶται ... Ἀσώματον τοίνυν ὑποληπτέον τὸ Θεῖον ...

он автор полемических сочинений против гностиков, особенно против манихеев, где утверждает, как прежде него Плотин (ч. 1), что материя создана Богом и потому не может быть злом. Он утверждает бытие Божие (по-аристотелевски), но оставляет зазор для апофатического (платоновского) мышления, примером чего служит приводимый нами отрывок. Этот отрывок прочно связан с Григорием Назианзином, особенно с его богословскими Словами, представленными выше.

Божественная сущность непостижима

(Из книги «Точное изложение Православной веры».

Гл. 4)

О том, что есть Бог. О том, что Божество невозможно постигнуть

Итак, что Бог *есть*, это очевидно. Но *что* Он *есть* по сущности и естеству — это совершенно непостижимо и неведомо. Что Он бестелесен, это ясно. Ибо как может быть телом то, что бесконечно и беспредельно, не имеет образа, не подлежит осязанию, невидимо, просто и несложно? И как может быть неизменяемым то, что ограничено и подвержено страстям? И как может не подлежать страсти то, что составлено из элементов и снова, в свою очередь, на них распадается? Ведь соединение — начало борьбы, борьба — начало разделения, а разделение — разложения; разложение же — совершенно чуждо Бога.

Как исполнится и то, что Бог проникает во все и все наполняет, как говорится в Писании: «Не наполняю ли Я небо и землю, говорит Господь» (Иерем. 23, 24)? Ведь невозможно, чтобы одно тело проникало в другое, не разрывая его и не разрываясь само, и не сливалось бы и не разделялось, подобно жидкостям, смешивающимся и растворяющимся друг в друге.

...Поэтому следует признать, что Божество — бестелесно.

Но и это не определяет еще Его сущность, равно как не определяет ее и [выражение] «непреходящий», «безначальный» и «неизменный» и все, что утвердительно говорится «о» Боге (peri, с. gen), или о Его бытии (том, что «около» Него, peri, с. acc). Ведь все это — обозначения не того, *что* есть Бог, но того, что Он *не* есть. Но желающий сказать что-то о сущности чего-либо, должен объяснить, *что* она есть, а не то, что она *не* есть. Однако сказать о Боге, *что* Он есть

Ἄλλ' οὐδὲ τοῦτο τῆς οὐσίας αὐτοῦ παραστατικόν ἐστιν, ὥσπερ οὐδὲ τὸ ἀγέννητον, καὶ τὸ ἀναρχον, καὶ τὸ ἀναλλοίωτον, καὶ τὸ ἀφθαρτον, καὶ ὅσα περὶ Θεοῦ, ἢ περὶ Θεὸν εἶναι λέγεται· ταῦτα γὰρ οὐ τὸ τί ἐστι, σημαίνει, ἀλλὰ τὸ τί οὐκ ἐστι. Χρὴ δὲ τὸν βουλόμενον τὴν τινος οὐσίαν εἰπεῖν, τί ἐστι, φράσαι, οὐ τὸ τί οὐκ ἐστι· ὁμῶς ἐπὶ Θεοῦ, τί ἐστιν, εἰπεῖν ἀδύνατον κατ' οὐσίαν· οἰκειότερον δὲ μᾶλλον ἐκ τῆς ἀπάντων ἀφαιρέσεως ποιεῖσθαι τὸν λόγον.³⁾ Οὐδὲν γὰρ τῶν ὄντων ἐστίν· οὐχ ὡς μὴ ὄν, ἀλλ' ὡς ὑπὲρ πάντα τὰ ὄντα, καὶ ὑπὲρ αὐτὸ τὸ εἶναι ὄν. Εἰ γὰρ τῶν ὄντων καὶ γνώσεις, τὸ ὑπὲρ γινώσιν, πάντως καὶ ὑπὲρ οὐσίαν ἔσται· καὶ τό ἀνάπαλιν τὸ ὑπὲρ οὐσίαν, καὶ γινώσιν ἔσται.

Ἄπειρον οὖν τὸ Θεῖον καὶ ἀκατάληπτον· καὶ τοῦτο μόνον αὐτοῦ κατάληπτον, ἢ ἀπειρία καὶ ἀκαταληψία. Ὅσα δὲ λέγομεν ἐπὶ Θεοῦ καταφατικῶς, οὐ τὴν φύσιν, ἀλλὰ τὰ περὶ τὴν φύσιν δηλοῖ. Κἂν ἀγαθόν, κἂν δίκαιον, κἂν σοφόν, κἂν ὃ τι ἂν ἄλλο εἴπῃς, οὐ φύσιν λέγεις Θεοῦ, ἀλλὰ τὰ περὶ τὴν φύσιν. Εἰσὶ δὲ καὶ τινὰ καταφατικῶς λεγόμενα ἐπὶ Θεοῦ, δύναμιν ὑπεροχικῆς ἀποφάσεως ἔχοντα· οἶον, σκότος λέγοντες ἐπὶ Θεοῦ, οὐ σκότος νοοῦμεν, ἀλλ' ὅτι οὐκ ἐστι φῶς, ἀλλ' ὑπὲρ τὸ φῶς· καὶ φῶς, ὅτι οὐκ ἐστι σκότος.

по существу, невозможно. Скорее, более свойственно говорить [о Нем], убрав от Него все. Ибо Он не есть что-либо из числа вещей существующих — не как несуществующий, но как Пресущественный, как существующий превыше всего, что существует, превыше самого бытия. Ибо если познание имеет предметом своим вещи существующие, то то, что «выше» познания, превышает и бытие. И наоборот, то, что превышает бытие, превышает и познание.

Итак, Бог беспределен и непостижим. И только это одно — Его беспредельность и непостижимость — и постижимо в Нем. А все, что мы говорим о Боге утвердительно (*катафатически*), показывает не естество Его, а то, что относится к естеству. Назовем ли мы Бога «благой», «праведный» или «премудрый» или как-то иначе, мы укажем этим не на естество Его, но на то, что относится к естеству. Некоторые вещи, сказанные о Боге утвердительно, имеют значение превосходящего все отрицания (*апофатии*); так, например, если, говоря о Боге, мы употребляем слово «мрак», мы разумеем не мрак, но то, что — не свет, а превыше света; говоря же о свете, мы разумеем то, что — не мрак.

Об иконах

Иоанн очень ярко проявил себя в развернувшейся в его столетии изнурительной борьбе против иконоборчества. В 726 г. император Лев III по прозванию Исавр запретил любую форму наглядного изображения Святой Троицы, что соответствовало абсолютному запрету на изображение фигур в исламе и иудаизме (ср. *Исх.* 20, 4–5). Иоанн, напротив, утверждал, как прежде

δ'. Οἶδα τὸν ἄψευδῶς εἰπόντα· „Κύριος ὁ Θεός σου, Κύριος εἰς ἔστι.“ Καί· „Κύριον τὸν Θεόν σου προσκυνήσεις, καὶ αὐτῷ μόνῳ λατρεύσεις.“ Καί· „Οὐκ ἔσονται σοι θεοὶ ἕτεροι.“ Καί· „Οὐ ποιήσεις γλυπτόν, πᾶν ὁμοίωμα, ὅσα ἐν τῷ οὐρανῷ ἄνω, καὶ ὅσα ἐν τῇ γῇ κάτω.“ Καί· „Αἰσχυνηθήτωσαν πάντες οἱ προσκυνοῦντες τοῖς γλυπτοῖς.“ Καί· „Θεοὶ, οἱ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ἐποίησαν, ἀπολέσθωσαν.“

καὶ ὅσα τοιουτοτρόπως πάλαι ὁ Θεὸς λαλήσας τοῖς πατράσιν ἐν τοῖς προφήταις, ἐπ' ἐσχάτων τῶν ἡμερῶν ἐλάλησεν ἡμῖν ἐν τῷ μονογενεῖ αὐτοῦ Υἱῷ, δι' οὗ καὶ τοὺς αἰῶνας ἐποίησεν. Οἶδα τὸν εἰπόντα· „Αὕτη δέ ἐστιν ἡ αἰώνιος ζωή, ἵνα γινώσκωσί σε, τὸν μόνον ἀληθινὸν Θεόν, καὶ ὃν ἀπέστειλας Ἰησοῦν Χριστόν.“

Πιστεύω εἰς ἓνα Θεόν, μίαν τῶν πάντων ἀρχήν, ἀναρχον, ἀκτιστον, ἀνώλεθρον καὶ ἀθάνατον, αἰώνιον καὶ αἰδίον, ἀκατάληπτον, ἀσώματον, ἀόρατον, ἀπερίγραπτον, ἀσχημάτιστον· μίαν ὑπερούσιον οὐσίαν, ὑπέρθεον θεότητα, ἐν τρισὶν ὑποστάσεσι, Πατρί, καὶ Υἱῷ, καὶ ἁγίῳ Πνεύματι, καὶ τούτῳ μόνῳ λατρεύω, καὶ τούτῳ μόνῳ προσάγω τὴν τῆς λατρείας προσκύνησιν. Ἐνὶ Θεῷ προσκυνῶ, μὴ θεότητι· ἀλλὰ καὶ Τριάδι λατρεύω

ὑποστάσεων, Θεῷ Πατρί, καὶ Θεῷ Υἱῷ σессарκωμένῳ, καὶ Θεῷ ἁγίῳ Πνεύματι, ἐνὶ Θεῷ. Οὐ προσκυνῶ τῇ κτίσει παρὰ τὸν κτίσαντα, ἀλλὰ προσκυνῶ τὸν κτίστην, κτισθέντα²⁾ τὸ κατ' ἐμέ, καὶ εἰς κτίσιν ἀταπεινώτως καὶ ἀκαθαιρέτως κατεληλυθότα, ἵνα τὴν ἐμὴν δοξάσῃ φύσιν, καὶ θείας κοινωνὸν ἀπεργάσῃται φύσεως.

Συμπροσκυνῶ τῷ βασιλεῖ καὶ Θεῷ, τὴν ἀλουργίδα τοῦ σώματος, οὐχ ὡς ἱμάτιον, οὐδὲ ὡς τέταρτον πρόσωπον· ἀπαγε· ἀλλ' ὡς ὁμόθεον χρηματίσασαν, καὶ γενομένην ὅπερ τὸ χρῖσαν ἀμεταβλήτως. Οὐ γὰρ

него патриарх Герман Константинопольский, что воплощение Бога Слова было видимым и запечатленным в Иисусе Христе. И потому следует почитать иконы и молиться перед ними. Невозможно изобразить лишь Бога Отца. Этот взгляд и победил на Никейском соборе в 787 г.

4. Мы знаем Того, Кто истинно говорит: «Господь Бог твой Господь един есть» (*Втор. 6, 4*) и «Господу Богу твоему будешь поклоняться и Ему одному служить» (*Втор. 6, 13*). «Да не будет у тебя богов других» (*Исх. 20, 3*). А также: «Не сотвори кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и того, что на земле внизу» (*Исх. 20, 4*). И «будут посрамлены все поклоняющиеся идолам». «Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут» (*Иерем. 10, 3*).

И то, что Бог так издревле говорил отцам через пророков, в последние дни сии Он сказал нам через единородного Сына Своего, «чрез Которого и веки сотворил» (*ср. Евр. 1, 1–20*). Я знаю сказавшего: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (*Ин. 17, 3*).

Верую во единого Бога, единое начало всего, безначального, не сотворенного, неистребимого и бессмертного, вечного и бесконечного, непостижимого, бестелесного, невидимого, неопишемого, не имеющего образа; единую сверхсущественную сущность, сверхбожественную божественность в трех ипостасях: Отца, Сына и Святого Духа, и Его одного почитаю, и Ему одному приношу преклонение (как знак) почитания. Единому Богу поклоняюсь, одной божественности, но почитаю и Троичность ипостасей: Бога Отца, и воплотившегося Бога Сына, и Бога Святого Духа как единого Бога. Не поклоняюсь твари помимо Творца, но поклоняюсь Творцу, создавшему все, что имеет ко мне отношение, сошедшему в тварь неуничтоженным и неущербленным, чтобы прославить мое естество и сделать его причастником божественного естества (*ср. 2 Петр. 1, 4*).

Сопоклоняюсь царю и Богу, почитаю пурпурное одеяние Его тела — не как одеяние, не как четвертую ипостась, отнюдь нет, но как содеянное равным с Богом и ставшее таким, каким его окрасили, — неизменным. Ибо не естество плоти стало божественным, но, как Слово стало непреложно плотью, оставаясь таким, каким было, так и

θεότης ἡ φύσις γέγονε τῆς σαρκός, ἀλλ' ὥσπερ ὁ Λόγος σὰρξ ἀτρέπτως γέγονε, μείνας ὅπερ ἦν, οὕτω καὶ ἡ σὰρξ Λόγος γέγονεν, οὐκ ἀπολέσασα τοῦθ' ὅπερ ἐστί, ταυτιζομένη δὲ μᾶλλον πρὸς τὸν Λόγον καθ' ὑπόστασιν.

Διὸ θαρρῶν, εἰκονίζω Θεὸν τὸν ἀόρατον, οὐχ ὡς ἀόρατον, ἀλλ' ὡς ὁρατὸν δι' ἡμᾶς γενόμενον, μεθέξει σαρκός τε καὶ αἵματος. Οὐ τὴν ἀόρατον εἰκονίζω θεότητα, ἀλλ' εἰκονίζω Θεοῦ τὴν ὁραθεῖσαν σάρκα. Εἰ γὰρ ψυχὴν εἰκονίσαι ἀμήχανον, πόσῳ μᾶλλον Θεόν, τὸν καὶ τῇ ψυχῇ δόντα τὸ αὔλον;

плоть стала Словом, не потеряв то, что она есть, более же отождествляясь со Словом по ипостаси.

И потому, дерзая, изображаю я Бога Невидимого не как невидимого, но как нас ради ставшего видимым по причастности плоти и крови. Изображаю не невидимую божественность, но изображаю видимую плоть Божию. Ведь если душу изобразить невозможно, то тем более — Бога, давшего и душе невещественность.

21. Фотий (ок. 810–891)

Патриарх Константинополя в 858–867 и 877–886 гг. Привел Восточную Церковь к духовному разрыву с Римской Церковью. Его ученики Константин (Кирилл) и Мефодий из Фессалоник стали «апостолами славян».

Об авторстве Дионисия Ареопагита

Огромный труд Фотия «Библиотека» включает в себя многие тома замечаний, в которых он, разнеся их по 280 разделам, сообщает содержание прочитанных им книг — сегодня это бесценное подспорье для понимания тогдашней богословской и гуманистической обстановки. Каждый раздел начинался формулой «Я прочел...». Приведенный текст касается спора относительно подлинности сочинений Дионисия Ареопагита. Некто Ипатий из Эфеса в

Ἀνεγνώσθη Θεοδώρου πρεσβυτέρου ὅτι γνησία ἡ τοῦ ἁγίου Διονυσίου βίβλος. διελύοντο δὲ ἐν τῷ λόγῳ ἐνστάσεις τέσσαρες,

μία μὲν ὅτι εἰ ἦν γνησία, πῶς οὐκ ἐμνήσθησαν τῶν ἐν αὐτῇ ῥητῶν τε καὶ χρήσεών τινες τῶν μεταγενεστέρων πατέρων;

δευτέρα δέ, ὅτι Εὐσέβιος ὁ Παμφίλου,¹⁾ ἀναγραφὴν ποιησάμενος τῶν συγγεγραμμένων τοῖς μακαρίοις πατράσιν ἡμῶν βιβλίων, οὐδεμίαν ταύτης μνήμην ἐποίησατο·

τρίτη δέ, ὅτι πῶς τῶν κατὰ προκοπὴν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ καὶ διὰ μακροῦ τοῦ χρόνου αὐξηθέντων παραδόσεων ἡ βίβλος αὕτη λεπτομερῇ τὴν ἐξηγήσιν ποιεῖται; ὁ μὲν γὰρ μέγας Διονύσιος σύγχρονος ἦν, ὡς δῆλον ἐκ τῶν Πράξεων, τοῖς ἀποστόλοις· ἃ δὲ ἡ βίβλος περιέχει, τὰ πλεῖστα τῶν κατὰ προκοπὴν καὶ ἐς ὕστερον ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ αὐξηθέντων παραδόσεων ἐστὶν ἀναγραφὴ· ἀπίθανον οὖν, φασί, μᾶλλον δὲ κακόπλαστον, τὰ μετὰ πολὺν χρόνον τῆς τελευτῆς τοῦ μεγάλου Διονυσίου ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ αὐξηθέντα Διονύσιον ὑπολαμβάνειν ἀναγράψαι·

τετάρτη δέ, πῶς μέμνηται τῆς τοῦ Θεοφόρου Ἰγνατίου ἐπιστολῆς ἡ βίβλος; ὁ μὲν γὰρ Διονύσιος τοῖς τῶν ἀποστόλων ἐνῆκμασε χρόνοις, Ἰγνάτιος δὲ ἐπὶ Τραϊανοῦ τὸν διὰ μαρτυρίου ἡθλήσεν ἄγων· ὃς καὶ πρὸ βραχὺ τῆς τελευτῆς ταύτης τὴν ἐπιστολήν, ἧς ἡ βίβλος μνημονεύει, γράφει.

Таύτας οὖν τέσσαρας ἀπορίας διαλῦσαι ἐπαγωνισάμενος, βεβαιοῖ τό γε ἐπ' αὐτῷ γνήσιον εἶναι τοῦ μεγάλου Διονυσίου τὴν βίβλον.

VI в. усомнился в их подлинности, а некий пресвитер Феодор в то же время опроверг это в своем сочинении. Аргументация Феодора (которую Фотий не приводит) в тот момент победила; только Лоренцо Валла в эпоху итальянского Возрождения вновь поставил под сомнение подлинность этих сочинений, и лишь в XIX в. этому были приведены филологические доказательства.

Я прочел у пресвитера Феодора, что книга святого Дионисия подлинна. В своем сочинении он разрешил четыре проблемы.

Первая: если она подлинна, то почему никто из последующих Отцов не упомянул ничего из сказанного и использованного в ней?

Вторая: почему Евсевий¹, ученик Памфила, сделав описание книг, созданных нашими блаженными отцами, никак о ней не упомянул?

Третья: почему в этой книге дается подробное изложение постепенно и в течение долгого времени накапливавшихся в Церкви преданий? Как следует из Деяний, великий Дионисий был современником апостолов. Но содержание книги по большей части представляет собой описание постепенно развивавшихся в Церкви и более поздних преданий. Так что невероятно, говорят, и даже совершенно невозможно предположить, чтобы Дионисий описал то, что появилось в Церкви много позже кончины великого Дионисия.

Четвертая: почему книга упоминает послание Игнатия Богоносца? Ведь период расцвета Дионисия пришелся на апостольские времена, Игнатий же совершил мученический подвиг при Траяне; а то послание, о котором упоминает книга, он написал незадолго до кончины.

Постаравшись разрешить эти четыре апории, он заверяет, что, по его мнению, книга великого Дионисия подлинна.

¹ Известный историк Церкви Евсевий из Кесарии (ок. 260–340), который был учеником мученика Памфила.

22. Арефа (ок. 850–944)

Митрополит Новой Кесарии (Каппадокия) и богослов, автор произведений ярко выраженной гуманистической направленности, Арефа находился под влиянием патриарха Фотия и был усердным читателем сочинений Платона, которые он снабдил комментариями на полях, так называемыми схолиями. Заметки представляют собой короткие рассуждения, дающие нам представление о том, что было положительного и негативного в тогдашних философских спорах на платонистские темы.

ἀλλὰ φαίην ἄν, ὦ Πλάτων, ἐγὼ ὡς οὐ τὸ λῆγον χώρ[αν] ἔξει σ[οι] μηδὲ τὸ ἡγούμενον. τίς γὰρ ἂν καὶ [εἴη αὐτὴ καθ'] ἐαυτὴν ἢ ὕλη, οὐ μόνον οὐχ ὑπὸ θεοῦ ὑποστᾶσα, ὡς γε ὑμῖν ἔδοξεν, ἀλλὰ καὶ συνάναρχος τούτ[ω] μετὰ τοῦ διαφόρου ἀναφαινομένη, ὡς ἐντεῦθεν καὶ πρὸς δυάδα τὸ ἀναρχὸν ὑποβάλλεσθαι καὶ πρὸς ἄλλο τι ἀρχηγικώτερον τὴν διάνοιαν παραπέμπειν; ἐπεὶ τοι δυάδος ἀπάσης τὸ ἐν προεπινοεῖται ἀναμφιλέκτως καὶ πάσης ἀρχῆς τοῦτο πρεσβύτερον. προσέτι δὲ καὶ

μηδὲν ἔχουσα τῶν ὡς ὑπαρξιν αὐτὴν ἐδραζόντων, οὐ ποσότητα, οὐ ποιότητα, οὐκ ἄλλο τι τῶν εἰς αἴσθησιν τοῦ εἶναι ταύτην ἀγόντων ἅτε δὴ ἀρχὴν αἰσθητῶν οὔσαν, ὡς χηρεύουσα τῶν τοιούτων οὐδὲ τῶν ἐν ὑπάρξει φωρῶτο· τὸ διδόναι δὲ τὸ καθάπαξ μὴ ὄν τοῖς οὖσιν ὑπόστασιν μὴ πρὸς τῷ ἀνοήτῳ καὶ καταγέλαστον ἦ.

εἰ δὲ τὸ ἐξ ἀναλογίας τῶν παρ' ἡμῖν τεχνιτευομένων δίδωσί τις αὐτῇ τὸ εἶναι, ἀλλὰ τῷ λόγῳ τούτῳ καὶ ταῖς ποιότησι καὶ ταῖς πηλικότησι δοίη τὸ καθ' ἐαυτὰς εἶναι, καὶ μᾶλλον ταύτης ἐκείναις, αἰσθήσει τε ἥπερ ἐκείνῃ ληπταῖς καὶ τῷ ἀθροίσματι ἐαυτῶν τὰ σώματα ὑφιστάνειν πιστευομέναις· ἐπεὶ τίς ἢ ἀποκλήρωσις, τὸ μὲν ἀνέμφατον ὅλως ἐπὶ τοῖς οὖσι τὸ πρεσβεῖον ἀπενέγκασθαι, τὰ δὲ τὴν ὑπαρξιν ἐμφανίζοντα ἐφυστερίζειν τῆς μὴ μόνον οὐδενὶ χαρακτηρι διαμορφουμένης, ἀλλὰ καὶ τούτων τὸ χερίστον ἐαυτὴν τῶν παρ' ἡμῖν ἐπιδεικνυούσης ὕλῳν, ἀφ' ὧν καὶ αὐτῇ ἢ τοῦ ποσῶς εἶναι προσεπορίσθη ἐπίνοια. ὅποιαν γὰρ ἂν τις

Комментарий к учению Платона об идеях и материи (К сочинению Альбина/Алкиноя «Дидаскалии», гл. IX–X)

Рукопись, хранящаяся в Национальной библиотеке в Вене, датируется 924–925 гг. (Vindob., phil. gr/ 314), содержит несколько небольших античных сочинений платоновской традиции, заполненных схолиями, которые, по всей вероятности, принадлежат Арефе (См.: *Westerink L. C., Lourdas B. Hellenika*, 17. 1962. P. 105–132). Некоторые из более пространств схолий относятся к центральным главам сочинения Альбина/Алкиноя «Дидаскалии» (середина II в.), являющегося своего рода путеводителем по платонизму (ч. 1, 13). В главах IX–X автор говорит о мире идей и о Боге. Он старается доказать существование идей посредством ряда силлогизмов. Далее следует рассмотрение материи: «Если материя не имеет цели в своей собственной природе, то она должна обретать цель в чем-то, что над ней, чем-то нематериальном. Это — предпосылка, из которой следует вывод: следовательно, существуют идеи как цель нематериального». Именно с этого пункта (p. 163. 33 Hermann) Арефа начинает свои комментарии (p. 112, 19–114, 5 *Westerink—Lourdas*).

Но я, со своей стороны, Платон, скажу, что ни вывод, ни предпосылка не выдерживают критики. Ибо чем таким может быть сама по себе материя — там, где она (согласно вашему учению) не только не появилась от Бога, но к тому же возникла безначально, как и Он, и вкуче с различностью, так что в безначальном признается и двоичность, а мысль отсылается к чему-то еще более изначальному? Но ведь несомненно, что единицу следует ставить впереди всякой двойцы и что она должна стоять прежде любого начала. Кроме того, у материи нет ничего, что бы говорило о ней как о чем-то сущем, — ни качества, ни количества, ни чего-то иного, что вызывало бы ощущение, что она есть, но, поскольку она — начало чувственного, то при отсутствии подобного не может и находиться среди того, что существует. Представление, будто то, чего абсолютно нет, дает существование тому, что есть, не только невероятно, но и смешно.

Если бы по аналогии с происходящим с нами, людьми, материи дали бы бытие, тогда, согласно этому доводу, следовало бы дать самостоятельное существование и качествам и количествам, и им даже скорее, нежели материи, потому что они в большей степени, чем та, доступны чувствам и представляются как нечто, дающее существование телам путем накопления самих себя. Какой абсурд: то, что совершенно не проявляет своего бытия, делается важным, а то, что проявляет, уступает по значению тому, у чего не только нет никакой формы выражения, но, хуже того, и не замечается ничего материального, почему-то обретает приписываемое ему свойство иметь количе-

ὑποθεῖη τῷ λόγῳ τὴν ὕλην, ἐτέραν μὲν εὖροι τῶν μετὰ ταῦτα εἰδοποιουμένων, οὐ μέντοι καὶ εἶδους χηρεύουσιν, ὅσα γε ὕλην παρίστησιν.

εἰ δέ τις τὸ πανδεχὲς γνῶρισμα ταύτης προβάλοι, ἀλλ' οὖν οὐ μόνη ταύτῃ τὸ πανδεχὲς ὥς τι τῶν ἐξαιρέτων ἀποτετάσσεται πρὸς εἰδοποιΐαν, πολλῆς καὶ ἄλλης τῆς ἐν ὑπάρξει ὕλης τοῦτο πασχούσης καὶ μηδαμῶς ἀπαναινομένης τὴν συνδρομὴν τῶν ἐπ' αὐτῇ πεφυκότων ὑφίστασθαι· ὥστε] καὶ ταύτῃ τὸ ἰδιάζον αὐτῆς κατακοινωθεῖη καὶ συγχυθήσεται. [...] ἀλλὰ καὶ ταῖς [ποι]ότησι καὶ ταῖς πηλικότησι καὶ πρὸς γε τῇ ὕλῃ, ὥς ὁ λόγος καταναγκάζει, δοθεῖη καὶ πρὸ τοῦ ἐν αἰσθήσει γενέσθαι καὶ καθ' ἑαυτὰ ὑφεστάναι. οὐδὲν πρᾶγμα λοιπὸν καὶ τρίτον ἐν ἐπινοίᾳ κόσμον παρὰ τὸν αἰσθητόν τε καὶ νοητὸν ἀναδύναι καὶ τὸ ἀτοπώτερον ἔστι οὐδὲ δημιουργὸν τὸν θεὸν εὐτυχῶν, ὅτι μὴδὲ ἡ ὕλη κατὰ τὸν λῆρον τῶν τὰ τοιαῦτα ὑφιστάντων, ἀλλὰ συντιθέναι μόνον εἰδότα καὶ οὐδὲν πλεόν ἀποφερόμενον τῶν τὰς ψηφίδας συντιθέναι αὐχούντων.

ἐπεὶ οὖν οὐ τὸ ἡγούμενον ἐξ ἐλευθέρας καὶ ἀνεπηρεάστου ἐννοίας, οὐδὲ τὸ λῆγον χώραν ἔχει.

— εἰ δὲ αἱ τοῦ θεοῦ νοήσεις, τοῦτο αἱ ιδέαι, νοεῖ δὲ πρῶτον ἑαυτόν, ἔστι κατὰ τοῦτο καὶ τοῦ θεοῦ παρ' ἑαυτῷ ιδέα· τὸ δὲ ἡγούμενον, τὸ ἄρα λῆγον. καὶ μὴν εἰ ἔστι κάλλιστον ὁ θεὸς καὶ ταύτῃ δεῖ αὐτῷ καὶ κάλλιστον νοητὸν ὑποκεῖσθαι, ἀφ' οὗ καὶ τὸ νοεῖν ἑαυτὸν δίδεται αὐτῷ, νοήσεις δὲ αὐτοῦ αἱ ιδέαι, εἶεν ἂν καὶ αὐταὶ ὁμότιμοι αὐτῷ καὶ εἰκότως θεοὶ καὶ αὐταί, εἴγε τὸ ἴσον τινὶ καὶ τῶν αὐτῶν ἐξ ἀναγκαίου ἀπολαύσει τῷ ᾧ ἴσον. καὶ οὕτως ἀπάντων τῶν φυσικῶν ὑφιστάμεναι ιδέαι θεοὶ καὶ αὐταὶ ἔσονται ὁμότιμοι τῷ πρώτῳ θεῷ· καὶ ποῦ σοι, Πλάτων, τὸ πρὸς τοὺς ἄλλους ἀσύγκριτον τοῦ θεοῦ;

— τοῖς προϋποκειμένοις περὶ ιδεῶν ἀτόποις καὶ ταῦτα ἐπακολουθήσει· πρῶτον τὸ καὶ θεὸν αὐτὸν τῇ ἑαυτοῦ νοήσει ὑφιστάντα ιδέαν πρὸς ὑπόδειγμα ἐτέρου θεοῦ τοῦτ[ο] ὑφιστᾶν ἥτοι εἰς κενὸν ταύτην προάγειν, οὐκ ὄντος παρὰ θεῷ τοῦ μάτην τι ποιεῖν. ἐν ᾧ καὶ τὸ τὰς νοήσεις αὐτοῦ ἐνυποστάτους εἶναι. εἰ μὲν ἐπὶ ταῖς ἀπαξ ὑποστάσας

ство. Как ни рассуждай о том, что материя обладает свойствами, приходишь к тому, что она все же отличается от того, что получило свою форму позднее, хотя и не лишена формы вовсе, — чтобы хоть как-то представить себе материю.

Если кто-нибудь захочет ввести в определение материи признак «всеосприимчивости» (*Платон. Тимей*, 51a), пусть не забывает, что она не единственная, кто наделен «всеосприимчивостью» как признаком, направленным на придание формы: и во многом другом существующая материя имеет это свойство и никоим образом не отвергает прибавления того, что по своей природе получило существование позже, чем она сама. Вот почему то особое, что есть у материи, становится всеобщим и накапливается. (*Два предложения пропущены.*) Но и количеству, и качеству, а кроме того, и материи, как это следует из рассуждения, прежде чем они стали осязаемыми, также должно было быть дано самостоятельное существование. В результате этого впереди чувственного и умопостигаемого в умознении появляется третье и еще более несуразное — что Бог на самом деле уже не Творец, поскольку нет материи (вследствие глупости тех, кто так это себе представляет), а может лишь складывать — не в силах сделать большего, чем похваляющиеся, будто могут собрать из осколков мозаику.

Итак, если предпосылка не исходит из свободного и непредвзятого мнения, не держится и вывод.

Если же идеи суть мысли Бога, а сначала Он мыслит Себя Сам, следовательно, идея Бога наличествует у Него Самого. Это — предпосылка, из которой должен делаться вывод. Если Бог — прежде всего в прекрасном, значит, и то, что Он мыслит, должно быть прекрасным, это и дает Ему возможность мыслить Самого Себя, и если идеи суть Его мысли, они будут равноценны Ему и, конечно, тоже будут богами, поскольку то, что равно чему-то, непреложно обладает теми же достоинствами, как и то, чему оно равно. Так, будучи равноценными Прабогу, идеи становятся богами для всех природных вещей. Ну и как тебе, Платон, нравится несравненность Божия?

За прежними глупостями относительно идей идут следующие: во-первых, что будто бы когда Сам Бог дает идее существование в Своей собственной мысли, Он делает это или в качестве образца для другого божества, или без особой цели, — но ведь Бог не способен делать что-либо впустую! Затем — утверждение, что Его мысли представляют собой субстанции. Если это шаг в направлении некогда существовавшего, то, значит, или: 1) они возникли по причине несовершенства уже продуманного, тогда в более поздней мысли есть какое-то дополнение к продуманному раньше, но в таком случае довод, касающийся несовершенного и незначительного у Бога (разве

τοῦτο προβαίνει, ἢ δι' ἀτέλειαν γένοιτ' ἂν τοῦτο τῶν ἤδη νοηθει-
σῶν, ἐχούσης τῆς μετὰ ταῦτα ἐπινοίας πλέον τι χαρίσασθαι τῷ
προεγνωθέντι, καὶ οὕτως πρὸς τῷ ἀτελεῖ καὶ ἀναξίῳ θεοῦ (οὐδὲ γὰρ
παρ' αὐτῷ τῆς πρώτης ἐπιβολῆς ἐκ προ[κοπῆς] τὸ τελεώτερον λήψεται)
εἰς ἀμαθίαν ὁ λόγος ἐκπεσεῖται· ἢ, εἰ μὴ τοῦτο, τέλεια δὲ καὶ ἐνεργ[ῆ] αἰ
τὰ] θεοῦ νοήματα, ἕτερα πάντως ἔσται τῶν πρώτων τὰ δεύτερα, καὶ
πάλιν τὸ τῆς ἀπειρίας ἐ[γ ...]τι. μεθ' ὧν ἄλλων ἀτόπων ἀνυπόστατος
ὁ τῶν ἰδεῶν λόγος καὶ πρὸς τερετίσματα, τὸ τοῦ Σταγειρίτου εἰπεῖν
κατὰ καιρόν, ἀποτελευτῶν.

может у Него что-то развиваться лишь для того, чтобы стать более совершенным, нежели первая попытка?) превращается в абсолютную глупость; или 2) если это не так и мысли Бога всегда совершенны и действенны, вторичные мысли будут совершенно иными, нежели первичные, снова обращаясь в бесконечность. Вкупе с другими несуразностями (платонистское) учение о идеях лишено сущности и в результате заканчивается простым суммированием, как очень точно говорит Стагирит (*Аристотель. Analytica Posteriora* 83a33).

«Аз есмь Альфа и Омега» (Откр. 1, 8)

Арефе принадлежит полный комментарий к Апокалипсису, который относится к его наиболее читаемым в последующие времена произведениям. Оно представляет собой обработку (сохранившегося) комментария на

‘Ο ὢν, καὶ ὁ ἦν, καὶ ὁ ἐρχόμενος, ὁ παντοκράτωρ. “Ον εἶρηκε ἀνωτέρω, ‘Ο ὢν, καὶ ὁ ἦν, καὶ ὁ ἐρχόμενος, καὶ ὁ παντοκράτωρ, ὃν καὶ οὐκ ἄλλον ἢ τὸν Χριστὸν εἶναι ἐδείκνυμεν, καθ’ ὅσον τὰ θεοπρεπῶς ἐπὶ τοῦ ὑπερουσίως ὄντος ἐν τῇ Τριάδι λεγόμενα, τὰ αὐτὰ πάλιν ἀδιαστάτως καὶ καθ’ ἐκάστης ἐναρμόττειν τῶν ὑποστάσεων, εὐσεβές, ἀλλ’ οὐκ ἀσεβές, τοῦτον αὐτὸν αὖθις εἰσάγει μετὰ τὸ τὴν ἐσχάτην ἐπέλευσιν αὐτοῦ γνωρίσαι αὐτῷ, καὶ ὅπως αὕτη ἔσται, ἔτι καὶ ταῦτα γνωρίσαντα.

‘Εγὼ εἰμι τὸ ἄλφα καὶ τὸ ω. “Αλφα διὰ τὸ ἀρχὴν εἶναι, ὅτι καὶ τὸ ἄλφα ἀρχὴ τῶν ἐν γράμματι στοιχείων, ω διὰ τὸ τέλος τῶν αὐτῶν. ‘Αρχὴν δὲ καὶ τέλος τίς οὐκ ἂν ἐννοήσῃ τὸ πρῶτος σημαίνεσθαι καὶ τὸ ἐσχάτος; διὰ τοῦ πρῶτος δέ, τὸ ἀναρχος ἐννοεῖται, ὥς καὶ διὰ τοῦ ἐσχάτου τὸ ἀτελεύτητος. ‘Επειδὴ γὰρ οὐκ ἔστι παρὰ ἀνθρώποις ἀναρχόν τι καὶ ἀτελεύτητον, τῇ παρ’ ἡμῖν ἀρχῇ τε καὶ τῷ τέλει ἀντὶ τοῦ ἀναρχος καὶ ἀτελεύτητος κατεχρήσατο. Τοῦτο καὶ διὰ ‘Ησαΐου ἔλεγεν· „‘Εγὼ Κύριος ὁ Θεὸς πρῶτος, ἐγὼ καὶ μετὰ ταῦτα.“ Καὶ ἵνα μή τις τὴν ἀρχὴν ἐξ οὐκ ὄντων εἰσαχθῇναι ὑπολάβῃ, ἐπιφέρει νῦν τὸ, ‘Ο ὢν, καὶ ὁ ἦν, καὶ ὁ ἐρχόμενος. Τί δὲ ταῦτα δύναται, εἴρηται, ὅτι ὡς διαωνίζοντα κατὰ τε ἀρχὴν καὶ τέλος, κατ’ ἀρχὴν μὲν, ἀνελλειπῶς, κατὰ τέλος δὲ, ἀδιαδόχως. ‘Ο δὲ ταῦτα, καὶ παντοκράτωρ, ὥς πάσης κτίσεως αἰσθητῆς κατάρχων καὶ νοητῆς, ὁ συναΐδιος τῷ Πατρὶ, καὶ ἀποδιδούς ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα. Πρὸ βραχέως δὲ τοῖς ταπεινοτέροις καὶ ἀνθρωπικοῖς ἐνδιατρίβων, νῦν καὶ τῶν θειοτέρων καὶ ἀξιοθέων ἐφάπτεται. “Ο καὶ ἀρχόμενος τῆς προκειμένης πραγματείας ποεῖ. ‘Αλλ’ ἐκεῖ μὲν οὐχ οὕτω τρανῶς, ἐνταῦθα δὲ πεπαρησιασμένως, καὶ οἶα εἰκὸς τὸ περὶ τῶν θείων ἔρεῖν, ἐκ τῶν ἁγίων λαβόντα προφητῶν τὸ ἐνδόσιμον.

сочинение его предшественника на епископском престоле Кесарии Андрея (VI–VII в.). Приводимый отрывок, по всей вероятности, вышел из-под пера Арефы.

«Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель». Тот, про Кого он (Иоанн) выше сказал «Который есть и был и грядет» (*Откр. 1, 4*), и Вседержитель — не кто иной, как Христос, как мы знаем теперь, и все, что говорится о Нем как о Боге, сверхсуществующем в Троице, тоже без всякого различия подходит и каждой из ипостасей, выраженное благочестивым, а не оскорбляющим образом. Того же самого он представляет, сообщив о Его последнем приходе в мир и о том, как это будет, — еще и это известно.

Аз есмь Альфа и Омега: «Альфа», поскольку Он — Начало, а *альфа* — начало алфавита, «Омега» — поскольку это конец алфавита. А разве не понятно, что «начало» и «конец» означает «первый» и «последний»? Но под «первым» нужно понимать «безначальный», равно как под «последним» — «бесконечный». Ведь потому, что у нас, человек, нет ничего безначального и бесконечного, Ему пришлось несвойственным им образом использовать наши слова «начало» и «конец» вместо «безначально» и «бесконечно». Он сказал это также и через Исайю: «Я первый и Я последний, и кроме Меня нет Бога» (*Ис. 44, 6*). И чтобы кто-нибудь не подумал, что начало откуда-то приходит, из чего-то несуществующего, он добавляет: «который Сущий и был и Грядущий». Что в этом заключено, уже сказано: это постоянное присутствие и относительно начала, и относительно конца — от начала, неизменно, до конца, непрерывно. Он соответствует этому, и кроме того Он — Вседержитель, как господствующий над всеми телесными и умственными тварями всегда вместе с Отцом и воздающий каждому по делам его. Совсем недавно Он претерпел мучения в низшем, человеческом мире, но сейчас Он — в том, что более божественно и достойно Бога. Тем же Он был, когда начинал исполнять задачу, которая ждала Его. Но не имея тогда возможности говорить совершенно ясно, Он теперь может говорить открыто и свободно, и, что естественно, когда речь заходит о божественных предметах, Он начинает ее от святых пророков.

23. Константин-Кирилл (826/827–869)

Константин родился в Фессалониках в 826 или 827 г. и умер в Риме 14 февраля 869 г. Перед смертью он постригся в монахи и взял имя Кирилл. Потому и сегодня его часто называют святым Константином-Кириллом. Вместе со своим старшим братом Мефодием (ок. 815–885) он принес славянам греческое православное христианство. Потому обоих по традиции называют апостолами славян. Молодым человеком Константин-Кирилл пришел в Константинополь, чтобы закончить светское образование у известного математика Льва, бывшего архиепископа Фессалоник, и столь же известного патриарха Фотия, о которых говорится в житии Константина. Закончив учебу, он последовал примеру своих учителей и поселился в столице тоже в качестве учителя. Когда в 862 г. князь Ростислав Великоморавский попросил прислать из Византии миссионеров, которые могли бы сообщить его народу Слово Божие на его родном языке, император Михаил III и патриарх Фотий указали ему на этих двоих братьев. Славянский язык был им знаком с самого детства, проведенного в Фессалониках. Великоморавия в конце 700-х гг., в связи с экспансией остфранков, уже была крещена запад-

II въ селѣньстѣмъ же градѣ бѣ мѡжѣ нѣкъи, добороденѣ и богатѣ. именѣмъ левъ, предръжа санѣ дръгарескъ под стратигомъ.¹⁾ бѣ же блѡговѣренѣ, и праведенѣ. съхранѣа въсѣ заповѣди бѣѡа исполнѣ, пакже иногда и евѣ. живѣи же съ подрѡжѣемъ своимъ, роди же седмѣро штрочатѣ. шт ниѣ же бѣ мѣзинецѣ, ѡ. константинѣ философѣ. наставникѣ и учитель нашѣ. [...]

III седми же лѣтъ отрочѣ въсвѣ видѣ сонѣ. и повѣда оцѣ и мѣри. и рече пакѣ стратигѣ, събравѣ въсѣ двѣа нашего града. и рече къ нимѣ, извери себѣ шт ниѣ, еюже хоѣши подрѡжѣю. на помощѣ, и съврѣсть себѣ. азѣ же гладавъ, и смотривѣ всѣхъ. видѣхъ единѣ краснѣишѣ всѣхъ. лицѣмъ свѣтащѣса. и ѡкрашенѣ вельми мѡнисты златыми. и бисеромъ, и въсею красотѣю, еи же бѣ имѣа содѣа, сирѣч мѡдрѣсть, тоу избрѣхъ. слышавша же словеса сѣа родителя его, рекоста къ немѣ, снѣ, храни законѣ оцѣ твоего. и не штрѣрѣси наказанѣа мѣре своеа. свѣтианикъ бо заповѣди законѣ и свѣтъ. рѣци же премѡдрѣсти, сестра ми бѣди. а мѡдрѣсть знаемѣ себѣ сътвори. сѣаетѣ бо премѡдрѣсть паче слѣнца. и аѣе приведеши ю себѣ имѣти подрѡжѣе, то шт многа зла избавишисѣ ею. егда же въдаста и въ ѡченѣе книжное, спѣмашѣ паче всѣхъ ѡченикъ въ книгахъ памѣтию и хытрѣстию доброу вельми. пакѣ и дивитисѣ всѣмъ.

ными миссионерами. Обращаясь за поддержкой к византийскому императору и греческой православной Церкви, Ростислав хотел обезопасить себя от господства франкской Церкви.

Братья не только осуществили первый перевод Священного Писания на тот язык, который позднее стал называться «церковно-славянским» (или «древнеболгарским»), но, кроме того, Константин создал и первый славянский алфавит, так называемую глаголицу, которую позднее ученики Константина преобразовали в кириллицу¹. Она и лежит в основании современных славянских алфавитов. Эти двое славянских апостолов вместе со своими учениками заложили и основы церковно-славянской литературы, следующей греческим православным образцам.

Анонимное житие Константина написано предположительно в конце 800-х гг. Следующий отрывок взят из церковно-славянского текста русской рукописи 1400-х гг., факсимильно изданной А. А. Туриловым и Б. Н. Флорей.

Житие Константина-Кирилла (IX в.)

В граде Солунии жил некий человек, хорошего рода и богатый, по имени Лев, имевший сан друнгария в подчинении у стратига. И был он благоверен и праведен, исполняя все Божии заповеди, как некогда Иов. Живя со своей женой, породили семерых отроков, из них младший, седьмой, был Константин Философ, наставник и учитель наш.

Когда отроку было семь лет, увидел он сон и поведал отцу и матери. И сказал: «Собрал стратиг всех девиц нашего города и обратился ко мне: “Выбери себе из них ту, которую хочешь иметь женой на помощь себе и супружество”. Я же, взглянув и рассмотрев всех, увидел одну прекраснее всех: сверкающую лицом и украшенную золотыми ожерельями и жемчугом и всеми украшениями. Имя же ее было София, то есть Мудрость. Ее избрал». И услышав его слова, сказали ему родители: «Сын, храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей. Ибо заповедь — светильник закону и свет. Скажи мудрости: “Ты сестра моя” и разум назови родным твоим. Сияет мудрость сильнее солнца, и если ты возьмешь ее супругой — от многих зол избавишься с ее помощью».

¹ Не единственная и не бесспорная точка зрения на происхождение славянских алфавитов. — *Примеч. ред.*

единою же шт днѣи. ꙗкоже обычаи естъ богатицищемъ. гл҃амленіе творити ловитвою, изиде съ ними на поле. ꙗстребъ свои въземъ. и ꙗко пѣсти и. вѣтръ са шербѣтъ по смотренію бж҃ію, възатъ и занесе. отрокъ же шттоле въ зныніе и въ печаль въпадъ, два днѣи не ꙗстъ хлѣба. чл҃колюбіемъ бо своимъ, мл҃стивыи бѣ, не вела емѣ привикнѣти житіискихъ вещей, оудобѣ зловити и, ꙗкоже древле злови плакидѣ въ ловѣ еленемъ, тако и сего ꙗстребши. въ себе помысливъ, житіа сего штѣхъ, окадшеса гл҃а. таково ли естъ житіе се. да въ радости мл҃есто, печаль пребываетъ шт сего б днѣи по инъ са пѣти имѣ. иже естъ сего лѣвши. и въ мл҃твѣ житіа сего своихъ днѣи не ижди-вѣ. и по зченіа са имъ, сѣдаше въ домѣ своемъ. оучаса книгамъ изъзѣсти сѣго григоріа фешлога. и знаменіе кр҃стное сътвори на стѣнѣ, и похвалѣ написа сѣомѣ григорію сице.

ш григоріе, тѣломъ чл҃че, а дш҃ею агг҃еле.
ты бш тѣломѣ чл҃къ еси и агг҃елъ ꙗвиса.
оуста бо твоа, ꙗко единъ шт серадимъ
бг҃а прославляютъ и всю възселеню просвѣщають.
правыа вѣбры наказаніемъ. тѣм же и мене
припадающа къ тебѣ. любовію и вѣброю,
пріими и вѣди ми просвѣтитель и зчитель.

и тако хвалаше бг҃а. възшед же въ многы бесѣды. и оумъ велѣи. не мшгы раззміѣти гл҃бини. въ зченіе велико възниде. страненъ же бг҃ нѣбкыи тѣ, оумѣа грамотикію. икъ немѣ шед, молаше и, и на ногѣ его падаа. въздааса емѣ добрѣ дѣа. на зчи ма хѣдожствѣ грамотичьскѣ. онъ же талантъ свои погребѣ. и рече къ немѣ отроче не трѣжаиса. штреклѣса есмь штнѣд. никого же не на зчити семѣ въ моа днѣи. ꙗкы же отрокъ съ слезами кланѣаса емѣ гл҃аше възми възю мою часть въ домѣ оца моего, еже мене достоинъ, а на зчи ма. не хотѣвшѣ же послѣшати его. шед домови въ мл҃итвахъ пребываше. дабы оврѣблъ желаніе ср҃дца своего. възскорѣ же бѣ сътвори волю вошцихса его. о красотѣ бо его и мд҃ршсти. и прилѣжнем зченіи. еже бг҃а растворено въ немъ. слышавъ же цр҃въ строитель. иже нарицаетса логофетъ. и посла по него да са бы съ цр҃емъ зчила. отрокъ же зслышавъ се. съ радостію пѣти са ꙗтъ. и на пѣти поклонѣса мл҃твѣ сътвори гл҃а.

Когда же отдали его в книжное учение, преуспел он в книгах больше всех учеников благодаря хорошей памяти так, что все удивлялись. И в один из дней, когда по обычаю дети богатых забавлялись охотой, вышел с ними в поле, взяв своего ястреба. И когда он пустил его, поднялся ветер по Божьему предначертанию и унес его. Отрок же с этого времени, впав в печаль и уныние, два дня хлеба не ел. Милостивый Бог по своему человеколюбию, не разрешая ему привыкать к житейским делам, умело уловил его — как в древности поймал Плакиду на охоте оленем, так и его ястребом. Поразмыслив об удовольствиях жизни сей, калялся он, говоря: «Что это за жизнь, если на место радости приходит печаль? С сегодняшнего дня направлюсь по другому пути, который лучше этого. А в хлопотах этой жизни дней своих не окончу». И взялся за учение, сидя в доме своем, уча наизусть книги святого Григория Богослова. И крест начертал на стене, и похвалу такую написал святому Григорию: «О Григорий, телом человек, а душою ангел! Ты плотью человек, ангелам уподобился. Уста твои, как одного из серафимов, Бога прославляют и Вселенную просвещают учением истинной веры. И меня, припадающего к тебе с любовью и верой, прими и будь мне просветитель и учитель». И так восхвалял Бога.

Когда же обратился он ко многим словам и великим мыслям <Григория>, то не в силах постичь глубины, впал в великую скорбь. Был же здесь некто пришелец, знавший грамматику. И придя к нему, умолял и падал в ноги, предавая себя <его воле>, говоря: «О человек, сотвори добро, научи меня грамматическому искусству». Тот же, скрыв свой талант, закопав, отвечал ему: «Отрок, не трудись. Зарекся я совершенно никого не учить этому до конца дней своих». Отрок же опять, со слезами кланяясь ему, говорил: «Возьми всю причитающуюся мне долю отцовского наследства, но научи меня». Но тот не хотел слушать его. Тогда отрок, вернувшись домой, молился, чтобы исполнилось желание сердца его.

И вскоре Бог сотворил волю боящихся Его. О красоте, мудрости и прилежном учении его, соединившихся в нем, услышал царский управитель, что именуется логофет, послал за ним, чтобы учился с царем. Отрок же, услышав это, с радостью отправился в путь и на пути поклонился Богу, начал молиться, говоря: «Боже отцов наших и Господь милости, Который словом сотворил все и премудростью Своей создал человека, чтобы он владел всеми созданными тобою тварями. Дай мне премудрость, обитающую рядом с Твоим престолом, чтобы, поняв, что угодно Тебе, я спасся, раб Твой и сын рабыни Твоей». И потом произнеся до конца всю молитву Соломона, встал, сказав: «Аминь».

бже штцѣ наших, и ги мѣштивѣ
 иже еси сътворилъ всачьскаа словомѣ.
 и премѣрштвою твоею създавъ члѣка,
 да владѣеть сътвореными тобою тварьми.
 даждь ми свѣщю въскрси твоихъ прѣстолъ премѣршть.
 да развѣмѣвъ что есть ѡгодно тебѣ и спсѣса.
 азъ бо есмь рабъ твои, и снѣ рабыня твоя.

и къ семѣ прочюю соломоню мѣтвѣ изъглад. и вѣставъ реч аминь.

IV. егда же прїиде къ црѣюградѣ. вѣдаша и ѹчителемѣ, да са ѹчить. и въ гѣ
 мѣсти навѣкъ въсю грамотикю. и по прочаа са штѣ оученїа. навѣи же са ори-
 мѣ и геомитри и оу лѣва, и ѣ фотѣ. диалексице, и всѣмъ философскимъ ѹченї-
 емѣ. къ силѣ же и риторики и аридмитики. и астрономїи. и мѣсикїи. и всѣмъ
 прочимъ еллинскимъ ѹченїемъ. такоже а навѣче вѣса. такоже ни единъ шт
 нихъ навѣче. скоростъ бо са съ прилежанїемъ съключи и дрѣга дрѣгоу
 приспѣюци. или же са ѹченїа и хѣдожества съврѣшають. болѣ же ѹченїа ти-
 хын образъ на себѣ павлаа, с тѣмъ бесѣдоваше. съ нимъ же бѣаше поле-
 знѣе. оукланася шт ѹкланюирихса въ стропѣты, како бы землими нѣснаа
 премѣньшѣ. излѣтѣти, истѣ телеси сего. и съ бѣгомъ жити. ѡзрѣвъ же и
 тако свѣща, логофет. дастъ емѣ власть на своемъ домѣ. и въ црѣвѣ полатѣ съ
 дрѣзновенїемъ вѣходити. и вѣпроси его единоу глѣ. философѣ хотѣлъ быхъ
 ѡвѣдѣти, что есть философіа. онъ же хытримъ ѡмомъ реч тогда вѣїамъ, и
 члѣамъ вещьмъ развѣмъ елико можетъ члѣкъ. приближитиса бѣѣ. пакѣ дѣте-
 лїю ѹчить члѣка. по шбразѣ и по подобїю быти сътворшемъ его. шт сего же
 паче вѣзлюбїи и прѣсно вѣпрашае и о всемъ. толикъ мѣжъ великъ и честенъ.
 онъ же сътвори емѣ оученїе философско въ малѣхъ словесѣхъ велїи ѡмѣ
 сказав. [...]

XIV. веселашѣ же са о бѣѣ философѣ. пакы дрѣгаа рѣч приспѣи и трѣда не мнен
 прѣвѣхъ. ростиславъ бо моравьскимъ князъ, бѣгомъ ѡстимъ, съвѣтѣтъ сътвори
 съ князи своимъ, и с моравланы, посла къ црѣю михаилѣ, глѣ. людемъ нашимъ
 поганьства са штврѣгшимъ. и по христїанескъ са законъ дрѣжащимъ оучи-
 телѣ не имамъ таковаг. иже бы ны въ свои рѣзыкъ истѣю вѣврѣ хрѣтїанскѣю
 сказалъ. да быша и ины страны тогъ зраще подобили бы са намъ; то послѣи
 намъ, влѣкш, епѣспа и ѹчителѣ таковаго. шт вѣсѣ бо на всѣа страны вѣсѣгда
 добрын законъ исхѣдит. събравъ же црѣ съборъ. призва константина фило-
 сфда. и сътвори и слышати рѣч сїю и рече, философѣ, вѣмъ тѣ трѣдолюбивѣ

Когда же пришел в Царьград, отдали его учителям, чтобы учился. И в три месяца выучился грамматике и за другие науки принял. Обучился же Гомеру и геометрии, и у Льва и у Фотия — диалектике и всем философским наукам вдобавок: и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским искусствам. Так научился всему, как кто-нибудь мог бы научиться одному <лишь> из них. Соединились в нем быстрота с прилежанием, помогая друг другу: с ними постигаются науки и искусства. Больше, чем <способность> к наукам, являл он образец скромности: с теми беседовал, с кем полезнее, избегая уклоняющихся с истинного пути на ложный, и помышлял, как бы, сменив земное на небесное, вырваться из плоти и с Богом пребывать.

Увидев же, каков он есть, дал ему логофет власть над своим домом и в царскую палату смело входить. И спросил его однажды, сказав: «Философ, хотел бы я знать, что такое философия». Он же быстрым <своим> умом тотчас ответил: «Божественных и человеческих дел понимание, насколько может человек приблизиться к Богу, и как делами учить человека быть по образу и подобию создавшего его». После этого еще больше полюбил его и постоянно обо всем спрашивал этот великий и почтенный муж. Он же ему преподавал науку философскую, в малых словах изложив большую мудрость.

И когда Философ радовался о Боге, вновь приспело иное дело и труд не меньше прежних.

Ибо Ростислав, моравский князь, наставляемый Богом, посовещавшись с князьями и мораванами, послал к цесарю Михаилу сказать: «Люди наши отвергли язычество и последовали христианскому учению, но мы не имеем такого учителя, который бы нам на нашем языке объяснил христианскую веру, чтобы и другие страны, видя это, уподобились нам. Пошли нам, владыка, епископа и учителя такого. Ведь от вас во все страны всегда добрый закон исходит».

Собрал цесарь совет, призвал Константина Философа и дал ему выслушать эти слова. И сказал: «Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе идти туда. Ведь этого дела никто другой не может исполнить так, как ты». Отвечал Философ: «И усталый телом и больной с радостью пойду туда, если они имеют письмена для своего языка». Сказал ему цесарь: «Дед мой и отец мой и другие многие пытались найти их, но не нашли. Так как же я могу найти это?» И сказал Философ: «Кто может на воде записать беседу или <захочет> приобрести прозвище еретика?» Отвечал ему вновь цесарь, и с Вардою, дядей своим: «Если ты захочешь, то может Бог дать тебе то, что дает всем, просящим без сомнения, и отвергает всем стукающимся».

Пошел Философ, и по прежнему своему обычаю обратился к молитве <вместе> с другими помощниками. И вскоре явился ему Бог,

сѣца. но достоитъ тебѣ тамо ити. сѣа бо рѣчи не можетъ инъ никтоже исправити, ꙗкоже ты. штвѣща филосѡд. и трѣденъ сы тѣлѡмъ и боленъ. радъ, идѣ тамо, аще имѣтъ вѣкви въ ꙗзыкѣ свои. и речѣ ѡрѣ къ немѣ. дѣдѣ мои и штѣѣ мои, и инѣи мнози, искавше того не обрѣли сѣтъ. то како азъ могъ обрѣсти. филосѡд же реч. то кто можетъ на водѣ бесѣдѣ написати.⁷⁾ или еретическо имѣ себѣ обрѣсти. штвѣща емѣ паки ѡрѣ. съ правдою и ѡмомъ своимъ. аще ты хоцещи. то можетъ бѣъ тебѣ дати, иже даетъ всѣмъ иже просатъ несѣмѣнѣимъ, и штврѣсаетъ тѣлѣщимъ. шед же филосѡд, по прѣвомѣ обычаю. на мѣитвѣ сѣа наложи, и съ инѣимъ съпоспѣшники. въскорѣ же вса емѣ бѣъ пави, послѣшаа и мѣтвы рабѣ своихъ. и тогда сложи писмена и нача бесѣдѣу писати еѡгласкѣю. искони бѣ слово. и слово бѣ ѡ бѣа. и бѣъ бѣ слово, и прочаа возвесели же сѣа ѡрѣ, и бѣа прослави съ своими совѣтники, и посла и съ дары мнози. написавъ, к ростиславоу епистолью сице, бѣ иже велитъ всакомѣ, дабы въ разѣмъ истиннымъ пришелъ. и на большии сѣа чинъ подвижалъ. видѣвъ вѣрѣ твою, и подвигъ. створи и инѣи въ наша лѣта, павѣ боѡкви. въ вашъ ꙗзыкѣ. егѡже не бѣ дано было, токмо въ перваа лѣта. да и вы причтетеса велицѣхъ ꙗзыцѣхъ. иже славатъ бѣа своимъ ꙗзыкомъ. и то ти послахомъ того, емоу же сѣа бѣъ пави. мѣжа чѣтна и бѣговѣрна, книжна сѣло и философа. и се примиъ даръ болии, чѣтнѣиши паче всего злата и сребра, и каменѣа драгаго, и богатѣства прѣходѣиаго, и понди с нимъ спѣшно оутвердити рѣчь и всѣмъ сѣдѣмъ вѣискати бѣа, и шѣщаго спѣсѣния не штрини, но вса подвигни не лѣбитисѣ, но ꙗтисѣ по истиннымъ пѣтъ. да и ты приведеъ ꙗ подвигомъ своимъ въ бѣжи разоумъ. примиши мѣздѣ свою. въ того мѣесто въ сии въ вѣкъ и боудѣи, за вса ты дѣша, хотѣшаа вѣровати, въ хѣ бѣъ нашъ шт нына и до кончины. и память свою штавалаа прочимъ родомъ подобно константинѣ, ѡрѣ великому.

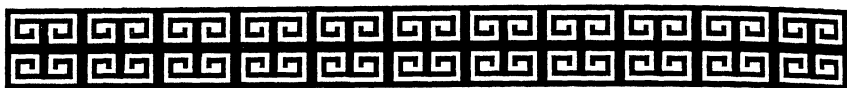
XV. дошедъшю же емѣ моравы. съ великою чѣтѣю приматъ и ростиславъ. и собравъ оученики, вѣдѣтъ ꙗ оучити. въскорѣ же сѣа весь ѡрквныи чинъ прѣдложи. и наоучѣа оутренѣи. и годинамъ обѣднѣи, и вечернѣи, и павечерници. и таинѣи сѣбѣжѣ. и штверзошасѣ, по прорѣчѣскомоу словеси. оуши глѣхѣхъ оуслышати книжнаа словеса. и ꙗзыкѣ ꙗснѣ бѣсѣ глѣгнѣимъ. бѣъ же сѣа възвесели ш семъ вельми, и дѣволъ постыдѣсѣа.

внимающий молитвам рабов Своих. И тогда он составил письмена и начал писать евангельские слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» и прочее.

И обрадовался цесарь и прославил со своими советниками Бога. И послал его с множеством даров, написав Ростиславу такое послание: «Бог, который велит всякому человеку прийти к пониманию истины и тем обрести себе большее достоинство, увидев твою веру и стремление, сотворил в наше время то, чего давно не было, только в начальные годы: явил письмена для вашего языка, чтобы и вы были причислены к великим народам, которые славят Бога на своем языке. И так послали к тебе того, кому открыл их Бог — человека достойного и благоверного, весьма сведущего в Писании и философа. Прими же дар лучше и ценнее всякого золота и серебра, и драгоценных камней, и богатства тленного. Постарайся же вместе с ним быстро упрочить дело и всем сердцем взыскать Бога. И не откажись от общего спасения, но сподвигни людей своих не лениться, но встать на истинный путь, чтобы и ты, усердием своим приведя к божественному разумению, получил награду свою за это в сем веке и в будущем за все те души, которые хотят веровать в Христа Бога нашего отныне и до смерти, и память о себе оставил другим поколениям подобно Константину, цесарю великому».

Когда же пришел он в Моравию, Ростислав принял его с великой честью. И собрав учеников, дал их учить. Вскоре же Философ перевел весь чин церковной службы, научил их утрени и часам, обедне и вечерне и повечернице, и тайной службе. И открылись, по пророческому слову, уши глухих, чтобы слушать слова Писания, и ясен стал язык косноязычных. Бог же очень радовался этому, а дьявол посрамился.

Пер. Л. В. Мошковой и А. А. Турилова

ВИЗАНТИЙСКАЯ МЫСЛЬ (1000–1500)

Если выстроить перспективу европейской духовной истории двадцати христианских веков, то первую тысячу лет можно представить как интеллектуальный *anabasis* (*восхождение*), а следующую — как соответственный *katabasis* (*нисхождение*). Работая над первой частью, мы наложили эту перспективу на развитие западно-европейской духовной жизни. Но и восточно-европейская, или византийская, духовная жизнь прошла через те же самые основополагающие фазы развития — независимо, но параллельно с западно-европейской. После первого миллениума с его постоянным восхождением по лестнице внутреннего делания на рубеже тысячелетий происходит изменение перспективы, соответствующее притоку новых сил, которые постепенно снова спускаются по лестнице — от Симеона Нового Богослова с его поэтизацией мистики к Григорию Паламе, утвердившему действие божественной энергии в мире, а затем — к 1453 г., когда разрушилась внутренняя цельность и Италия приготовилась принять и передать греческий импульс на Запад (Ренессанс), а Москва — на Восток («Третий Рим»). На Западе это означало возрождение классической греческой культуры, на Востоке — прямое продолжение греческого Православия в мышлении и религиозности русского народа.

Но именно на рубеже тысячелетий произошел разрыв между восточным и западным типами духовности. Начатый Фотием спор о *filioque* (касающийся взгляда на ипостась Духа Святого) привел в 1054 г. к расколу церковного мира и обоюдным проклятьям. Во многом следствием этого разрыва стало то, что рассматриваемый нами здесь период византийской истории на Западе по большей части — величина неизвестная, несмотря на то, что качественно он соизмерим с прежними периодами. Где было искать в те времена, да и сегодня тоже, западный след Симеона Нового Богослова, Михаила Пселла и — совершенно особый — Григория Паламы? Или же столь чистого платоника, как Каллист Катафигиот, или столь яркого христианского мистика, как Николай Кавасила? А ведь и книги Александра Солженицына, и фильмы Андрея Тарковского, как, впрочем, и творчество грека Панагиота Каннелопулоса, могут быть поняты на Западе лишь в све-

те византийского периода духовной истории, возникшего на рубеже тысячелетий и длившегося вплоть до падения Византии в 1453 г.

В 1204 г. произошло величайшее в истории предательство, совершившееся когда-либо именем Христовым. Западный крестовый поход, инициатором которого была Венеция, привел к завоеванию и разграблению Византии с ее художественными и культурными ценностями. Следующим был Священный Город, где грабеж беспрепятственно продолжился. С тех пор пути двух христианских культур Европы разошлись на западный и восточный. В дошедшем до нас следе того восточного пути, который мы сегодня способны различить, на удивление мало агрессии по отношению к западным вандалам, а в нашей антологии ее нет вовсе. Но лишь теперь стали заметны признаки того, что раны, оставшиеся после того вероломного нападения, начали затягиваться. Обе Церкви стали вновь разговаривать друг с другом.

Как сказано в предисловии к этой части, обновление коснулось как монашеской жизни, так и академических штудий; последние не прерывались в Византии с того момента, как Юстиниан в 529 г. закрыл Академию в Афинах. Сравнительно поздним вкладом в сокровищницу христианского благочестия явилось сочинение Николая Кавасилы «О жизни во Христе». Оно представляет собой византийское соответствие «Подражанию Христу», написанному в Голландии и приписываемому чаще всего Фоме Кемпийскому, к кругу которого был чрезвычайно близок Николай Кузанский. А разве не мог Кузанский познакомиться с сочинением Кавасилы во время своей поездки в Византию?

С Михаилом Пселлом на Востоке вновь всплывает «андеграундная» традиция герметизма, который как тень следует за платонизмом (ср. ниже указания Пселла на «оккультные» знания). Это, вероятно, способствовало постепенному обострению борьбы между ортодоксальным церковным и свободным гуманистическим платонизмом. В результате этого попали под церковное осуждение некоторые положения Иоанна Итала, позднее был отлучен от Церкви Гемист Плифон, а сочинения его были сожжены. Задача, поставленная Плифоном, была чисто языческой: воскресить, как того хотел император Юлиан, культ древних богов, возглавляемый традиционной мудростью, идущей от Заратустры.

С Плифоном герметизм пришел во Флоренцию, где весьма пышно расцвел (Фичино, Мирандола). Но нельзя сказать, что в нем отразились какой-то чистый платонизм или генология, и уж тем более понимание Иисуса Христа в духе Иоанна Богослова. Но кардинал Виссарион поддерживал свою дружбу с Плифоном и выказывал ему уважение (тот был к этому времени уже очень стар). Собственное указание Виссариона на то, что, бесцеремонно отбрасывая Платона, отвергают все святоотеческое Предание, является для нас наблюдением, подтверждаемым всем содержанием этой книги.

Итак, «читай Платонова "Парменида"!», а также все, написанное Иоанном Богословом, и византийская мысль, прозревающая в дне сегодняшнем день будущий, раскроется перед тобой, как цветок по весне...

24. Симеон Новый Богослов (ок. 949–1032)

Симеон, известный как Новый Богослов, еще ребенком выказывал горячее стремление к благочестивой жизни и уединению. Он блестяще окончил курс «грамматики» (общего образования) в придворной школе в Константинополе, но отказался от прохождения следующего, «философского», курса. В тот жестокий век, когда, к примеру, император Василий (975–1025) приказал ослепить пятнадцать тысяч плененных болгар, он жаждал чистой и праведной жизни. В 31 год он стал настоятелем своего поначалу любимого монастыря, но, однако же, оказался столь строгим наставником, что братия прогнала его. Он ушел без горечи и упреков и нашел пристанище в другом

1. Μὴ λέγετε, ἀδύνατον λαβεῖν τὸ Θεῖον Πνεῦμα,
μὴ λέγετε, χωρὶς αὐτοῦ δυνατὸν τὸ σωθῆναι,
μὴ οὖν ἀγνώστως τούτου λέγετέ τινα μετέχειν.
Μὴ λέγετε, ὅτι Θεὸς οὐχ ὁράται ἀνθρώποις,
μὴ λέγετε, οἱ ἄνθρωποι φῶς θεῖον οὐχ ὁρῶσιν,
ἢ ὅτι καὶ ἀδύνατον ἐν τοῖς παροῦσι χρόνοις.
Οὐδέποτε ἀδύνατον τοῦτο τυγχάνει, φίλοι,
ἀλλὰ καὶ λίαν δυνατὸν τοῖς θέλουσιν ὑπάρχει,
πλὴν ὅσοις βίος κάθαρσιν τὴν τῶν παθῶν παρέσχε
καὶ καθαρὸν εἰργάσατο τῆς διανοίας ὄμμα.

2.

Περὶ θεολογίας. Καὶ ὅτι οἱ τὸ κατ' εἰκόνα φυλάξαντες τὰς πονηρὰς δυνάμεις τοῦ ἄρχοντος τοῦ σκότους καταπατοῦσιν, οἱ δ' ἄλλοι, οἷς ἐμπαθῆς ὁ βίος, ὑπ' αὐτοῦ κρατοῦνται καὶ βασιλεύονται.

- 1 Φῶς ὁ πατήρ, φῶς ὁ υἱός, φῶς τὸ ἅγιον πνεῦμα·
βλέπε, τί λέγεις, ἀδελφέ· βλέπε, μὴ παρασφάλῃς·
ἐν γὰρ τὰ τρία φῶς εἰσιν, ἐν οὐ κεχωρισμένον,
ἀλλ' ἡνωμένον ἐν τρισὶ προσώποις ἀσυγχύτως·
- 5 θεὸς γὰρ ἀδιαίρετος ὅλως ἐστὶ τῇ φύσει
καὶ τῇ οὐσίᾳ ἀληθῶς ὑπὲρ πᾶσαν οὐσίαν·
οὐ τῇ δυνάμει τέμνεται, οὐ τῇ μορφῇ, οὐ δόξῃ,
οὐ τῇ ἰδέᾳ· ὅλος γὰρ ἀπλοῦν φῶς καθορᾶται.
ἐν τούτοις ἐν τὰ πρόσωπα, ἐν αἱ τρεῖς ὑποστάσεις·
- 10 τὰ τρία γὰρ ἐν τῷ ἐνί, ἐν τὰ τρία δὲ μᾶλλον·
τὰ τρία μία δύναμις, τὰ τρία μία δόξα,

монастыре. Ученик Симеона Никита Стифат посвятил своему учителю любовно и почтительно написанную его биографию (см. ниже).

Творчество Симеона включает в себя как высокого уровня поэзию, так и прозу. И то и другое всецело посвящено вопросам триединой сущности Божьей и человеческого пути к спасению. Центральным для Симеона является понятие «света», к которому он подходит с позиций собственного мистического опыта. И с литературной, и с богословской точки зрения Симеон сегодня несомненно считается классиком.

Из гимнов божественной любви

1. Мысли чистый взгляд

Не говорите, что нельзя божественного Духа воспринять,
не говорите, что возможно без Него спастись,
что кто-либо, не ведая, причаствует Ему, не говорите.
Не говорите, что людьми не созерцаем Бог,
не говорите, что божественный не видят люди свет,
иль невозможно будто это в наши времена.
Не невозможно это, право, никогда, друзья,
особенно же тем, кто пребывает свободным от страстей
и чистым умственное око соблюдает.

Гимн XXVII, 125–134

2. О богословии и о том, что сохранившие образ Божий попирают злые силы князя тьмы; прочие же, у которых жизнь проходит в страстях, находятся в его власти и царстве

Свет — Отец, свет — Сын, свет — Дух Святой.
Смотри, что говоришь ты, брат, смотри, не погрешь.
Ведь три суть свет один, один, не разделенный,
Но соединенный в трех лицах слитно.
Поскольку Бог ведь неразделен естеством,
И существом поистине любой Он сущности превыше,
Не разделяется ни силою, ни формою, ни славой,
Ни видом, ибо весь Он прост и созерцается как свет.
Здесь лица все — Единое, Единое — три ипостаси,
Ведь три — в Едином, а лучше: три — Единое.
Три — одна сила, три — одна слава,
Три — естество одно, и существо, и Божество.

- τὰ τρία μία φύσις γε, οὐσία καὶ θεότης·
 αὐτὰ καὶ φῶς τὸ ἐν εἰσιν, ὃ φωτίζει τὸν κόσμον·
 οὐχὶ τὸν κόσμον, ἅπαγε, τὸν ὁρώμενον τοῦτον·
 15 (οὐδὲ γὰρ ἔγνωκεν αὐτὸν οὐδὲ δύναται γνῶναι
 ὁ κόσμος ὁ ὁρώμενος οὐδ' οἱ τοῦ κόσμου φίλοι.
 ὁ γὰρ τὸν κόσμον ἀγαπῶν ἐχθρὸς θεοῦ τυγχάνει·)
 ἀλλ' ὃν αὐτὸς πεποίηκεν ἄνθρωπον κατ' εἰκόνα
 αὐτοῦ καὶ καθ' ὁμοίωσιν, κόσμον ἡμεῖς καλοῦμεν,
 20 ὅτι κοσμεῖται ἀρεταῖς, ἄρχει τῶν ἐπιγείων,
 καθὼς ἐκεῖνος τοῦ παντὸς ἔχει τὴν ἐξουσίαν,
 καὶ βασιλεύει τῶν παθῶν (τοῦτο τὸ κατ' εἰκόνα)
 καὶ ὑποτάσσει δαίμονας δημιουργοὺς κακίας,
 καταπατεῖ τὸν δράκοντα, τὸν ἀρχαῖον, τὸν μέγαν.
 25 ὥσπερ στρουθίον εὐτελές· καὶ πῶς, ἄκουσον, τέκνον·
 ὁ ἄρχων οὗτος ὁ πεσὼν τοῦ φωτὸς τῇ στερήσει
 ἐν σκότει γέγονεν εὐθὺς καὶ ἔστι μετὰ πάντων
 τῶν σὺν αὐτῷ ἐξ οὐρανοῦ πεσόντων ἐν τῷ σκότει
 καὶ βασιλεύει ἐν αὐτῷ, τῷ σκότει πάντως λέγω,
 τῶν κρατουμένων ἐν αὐτῷ δαιμόνων καὶ ἀνθρώπων·
 πᾶσα ψυχὴ μὴ βλέπουσα φῶς τῆς ζωῆς τὸ λάμπον
 ἐν τε ἡμέρᾳ καὶ νυκτὶ ὑπ' αὐτοῦ τιμωρεῖται,
 τιτρώσκεται, δαμάζεται, ἄγεται καὶ δεσμεῖται
 καὶ βέλεσι τῶν ἡδονῶν κεντᾶται καθ' ἡμέραν,
 εἰ καὶ δοκεῖ ἀνθίστασθαι, εἰ καὶ δοκεῖ μὴ πίπτειν·
 ἀλλ' οὐκ ἰδρῶτι σὺν πολλῷ, κόπῳ, πόνῳ καὶ μόχθῳ
 ἔχει αἰεὶ τὸν πόλεμον ἀκατάλλακτον τούτου.
 ψυχὴ δὲ πᾶσα ἢ τὸ φῶς καθορώσα τὸ θεῖον,
 ὅθεν ἐκεῖνος πέπτωκε, καταφρονεῖ ἐκείνου,
 καὶ λαμπομένη παρ' αὐτοῦ φωτὸς τοῦ ἀπροσίτου
 καταπατεῖ τὸν ἄρχοντα τοῦ σκότους ὥσπερ φύλλα
 καταπεσόντα ἐπὶ γῆν ἀφ' ὕψηλοῦ τοῦ δένδρου·
 ἐν σκότει γὰρ τὴν δύναμιν ἔχει καὶ ἐξουσίαν,
 ἐν τῷ φωτὶ δὲ γίνεται πτώμα νεκρὸν εἰς ἅπαν·

φῶς δὲ ἀκούων, πρόσεχε, ὅποιον φῶς σοι λέγω·
 μὴ ὑπολάβῃς λέγειν με τὸ φῶς τὸ τοῦ ἡλίου·
 καὶ γὰρ ὁρᾷς ἐν τῷ φωτὶ τούτου πολλοὺς ἀνθρώπους
 ἐξαμαρτόντας ὥς ἐγώ, δεινῶς μαστιζομένους,
 πίπτοντας καὶ ἀφρίζοντας μεσοῦσης τῆς ἡμέρας

Они и суть единый Свет, который просвещает мир.
Не этот видимый, конечно, нет,
Поскольку не познал Его и не познает
Ни видимый сей мир, и ни друзья его (*ср. Ин. 1, 15*),
Ведь тот, кто любит мир, враждует с Богом (*ср. Иак. 4, 4*).
Но человека, которого Он сотворил по образу
И по подобию Своему, мы называем «миром»,
Поскольку, украшенный добродетелями,
Он господин над всем земным,
Подобно тому, как Тот имеет власть над всем,
И над страстями царствует (тот, что по образу),
И покоряет демонов, пособничающих злу,
Великого и древнего дракона попирая,
Словно ничтожнейшую птичку, а как — послушай, чадо.
Князь этот, падший, будучи лишен света,
Тотчас оказался во тьме вместе
Со всеми с ним падшими с неба во тьму,
И в ней, я имею в виду, разумеется, тьму, правит он
Бесами и людьми, заключенными в ней.
Всякая душа, не видящая света жизни, светящего
И днем и ночью, бывает им мучима,
Язвима, томима, восхищаема и связываема,
И вседневно искалываема стрелами наслаждений.
Даже думая, что сопротивляется, даже думая, что не падает,
Но в потах многих, и трудах, и муках, и нужде
Она ведет безостановочную войну с ним.
Всякая же душа, видящая божественный свет,
От которого он ниспал, презирует его,
И будучи осияиваема самим неприступным Светом,
Попирает этого князя тьмы, как лист,
Ниспадший на землю с высокого древа.
Ибо силу и власть имея во тьме,
В свете он делается совершенно безжизненным трупом.

Слыша ж о свете, внимай, о каком говорю тебе свете.
Не подумай, что я говорю о солнечном свете,
Ибо в свете его ты видишь многих людей,
Согрешающих, как и я, бичуемых страшно,
Падающих и испускающих пену средь дня,
Невидимо страждущих от злых духов.
И хотя светит солнце, но уже не бывает
Пользы от него тем, кто предан бесам.
Итак, я говорю тебе не о свете чувствами осязаемого солнца,

καὶ ἀοράτως πάσχοντας ἐκ πονηρῶν πνευμάτων,
καὶ τοῦ ἡλίου λάμποντος οὐδὲν ἐκ τούτου πλέον
ἐγγίνεται τὸ ὄφελος τοῖς δαίμοσιν ἐκδότοις·
τοῖνυν οὐ λέγω σοι τὸ φῶς τοῦ αἰσθητοῦ ἡλίου,
οὐ τῆς ἡμέρας, ἅπαγε, οὐ λυχνιαῖον ὅλως·
οὐ τῶν ἀστέρων τῶν πολλῶν οὐδὲ σελήνης φάος·
οὐκ ἄλλου ὅλως ὁρατοῦ ἀπαύγασμα φωτός σοι
παραδηλῶ ἐνέργειαν τοιαύτην ὅλως ἔχειν·
τὰ αἰσθητὰ τοὺς αἰσθητοὺς ὀφθαλμοὺς καὶ γὰρ μόνους
φωτίζουν καὶ λάμπουσι φῶτα, καὶ βλέπειν μόνον
παρέχουσι τὰ αἰσθητά, τὰ νοητὰ οὐ μέντοι.
πάντες οὖν ὅσοι βλέπουσι τὰ αἰσθητὰ καὶ μόνον,
τυφλοὶ εἰσι τὰ νοερὰ ὁμματα τῆς καρδίας·
τὰ νοερὰ οὖν ὁμματα τῆς νοερᾶς καρδίας
καὶ νοερῶ φωτίζεσθαι ὀφείλουσι φωτὶ τε·
εἰ γὰρ ὁ ἔχων σῶματος τὰς κόρας ἐσβεσμένας
ὅλος ὑπάρχει σκοτεινὸς ἀγνοῶν ποῦ ὑπάρχει,
πόσῳ γε μᾶλλον ὁ ψυχῆς ἔχων τυφλὸν τὸ ὁμμα
ἐσκοτισμένος ἔσεται καὶ σῶματι καὶ πράξει,
μικροῦ νενεκρωμένος δὲ καὶ πνεύματι ὑπάρξει.
νόησον τοῖνυν ἀκριβῶς, ὅποιον φῶς σοι λέγω·
οὐ λέγω σοι τὴν πίστιν γάρ, οὐ λέγω τὴν τῶν ἔργων
πρᾶξιν οὐδὲ μετάνοιαν, οὐδὲ νηστείαν πάντως·
ἀκτημοσύνην οὐδαμῶς· οὐ σοφίαν, οὐ γνῶσιν,
ἀλλ' οὐδὲ τὸ διδάσκειν· τούτων γὰρ οὐδὲν ἔστιν.
οὐ φῶς οὐδὲ ἀπαύγασμα φωτός, οὐπὲρ σοι λέγω·
οὐδέ γε ἡ εὐλάβεια ἡ ἐξωθεν, οὐ σχῆμα
τὸ ταπεινὸν καὶ εὐτελές· πάντα γὰρ ταῦτα πράξεις
καὶ ἐντολῶν ἐκπλήρωσις, εἴ γε καλῶς τελοῦνται
καὶ ἐκπληροῦνται, ὡς αὐτὸς ἐντέλλεται ὁ κτίστης.
τὰ δάκρυα κατὰ πολλοὺς ἐκχέονται τοὺς τρόπους·
καὶ ἡ ἐπωφελὴ εἰσιν ἢ καὶ βλάπτουσι μᾶλλον,
τέως αὐτὰ καθ' ἑαυτὰ ἀνόνητα εἰς ἅπαν·
ἢ δ' ἄγρυπνία μοναχῶν οὐκ ἔστι πάντως μόνων,
ἀλλὰ καὶ τοῦ κοινοῦ λαοῦ ἔργοις ἀσχολουμένων·
καὶ ἀγρυπνοῦσι πλείονα ὑφαίνουσαι γυναῖκες
χρυσοχόοι τε καὶ χαλκεῖς ἢ μονασταὶ οἱ πλείστοι,
καὶ διὰ τοῦτο λέγομεν, ὅτι τούτων ἀπάντων,
τῶν ἐναρέτων πράξεων, οὐδὲν φάος καλεῖται·

Не о дневном, вовсе нет, и не о свете светильников,
И не о свете множества звезд и луны,
И вообще не о сиянии видимой красоты света
Я разъясняю, что оно обладает энергией этой.
Ведь воспринимаемые чувствами светлы освещают и озаряют
Одни только чувственные очи, давая видеть
Лишь чувственное, а не мысленное вовсе.
Поэтому все, видящие только чувственное,
Слепы умными очами сердца.
Умные же очи умного сердца
И освещаться должны умным светом.
Ведь если тот, телесные зеницы у кого угасли,
Во мраке весь, не зная, где он,
То сколько же боле тот, кто слеп оком души,
Помрачен будет телом и делом,
И не будет ли духом почти омертвелым?
Итак, точно уразумей, о каком говорю тебе свете.
Ведь я говорю не о вере, не о совершении дел,
Не о покаянии и не о посте, конечно ж,
Не о нестяжании отнюдь, не о мудрости, не о знании,
Даже не о науке, ибо ничто из этого не есть
Ни свет, ни отблеск света того, о котором я тебе говорю,
Ни внешнее благоговение, ни наружность,
Смирненная и простая, ибо все это — дела
И исполнение заповедей, и если они хорошо совершаются
И исполняются, как заповедал Создатель,
То многообразно изливаются слезы,
Кои или во благо бывают, или, напротив, во вред,
Сами ж собою вовсе они бесполезны.
Хоть бдение свойственно, конечно же, не одним монахам,
Но и людям вообще, погруженным в дела.
Так, ткачихи, золотых дел мастера или медники
Часто бодрствуют более многих монахов.
И потому мы говорим, что ни одно из всех этих
Дел добродетельных не называется светом.
И потому-то собранные воедино все дела
И добродетели все без изъятия не суть божественный свет,
Ведь все человеческие дела отличны от него.
Однако же и эти дела, совершаемые нами,
Для остальных, в скверне живущих,
Называются светом, поскольку ведут их к добру.
И та тьма, что во мне и меня ослепляет,
Светом станет для ближнего и светить будет тому, кто видит
(меня).

ὁμοῦ γὰρ συναγόμεναι εἰς ἓν αἱ πᾶσαι πράξεις
καὶ ἀρεταὶ ἀνελλιπῶς φῶς οὐκ εἰσὶ τὸ θεῖον·
διΐστανται γὰρ ἐξ αὐτοῦ πᾶσαι πράξεις ἀνθρώπων·
καὶ αὗται μὲν αἱ παρ' ἡμῶν ἐκπληρούμεναι πράξεις
τὸ καθ' ἡμᾶς πρὸς τοὺς λοιποὺς ζῶντας ἐν πονηρίᾳ
φῶς λέγονται, πρὸς τὰ καλὰ κάκεινους ὁδηγοῦσαι·
καὶ ὅπερ ἔστιν ἐν ἑμοὶ σκότος καὶ ἐκτυφλοῖ με,
φῶς τῷ πλησίον γίνεται καὶ τοῖς ὁρῶσι λάμπει·
καὶ ἵνα μὴ παράδοξα ὑποπτευθῶ σοι λέγειν,
ἄκουσον καὶ λαλήσω σοι αἰνίγματος τὴν λύσιν.

νηστεύω ἴσως διὰ σέ, ἵνα φανῶ νηστεύων,
καὶ τοῦτο κέντρον μὲν ἑμοῦ τοῖς ὀφθαλμοῖς ὑπάρχει
καὶ ὡς δοκὸς ἐμπέπηκται μέσον ἐν τούτοις πάντως·
σὺ δὲ φωτίζει βλέπων με, εἰ μὴ με κατακρίνης,
ἀλλ' εἰ μεμφόμενος σαυτόν, ὡς γαστρίμαργον πάντως·
πρὸς γὰρ ἐγκράτειαν γαστρὸς καθοδηγῇ ἐκ τούτου
καὶ τῆς τρυφῆς ὑπερορᾶν προφανῶς ἐκμανθάνεις.
πάλιν ἐγὼ ἐνδέδυμαι εὐτελεῇ καὶ ῥακώδη
καὶ μονοχίτων ἐν παντὶ περιπατῶν νομίζω
δόξαν ἐκ τῶν ὁρώντων με καὶ ἔπαινον θηρᾶσθαι
καὶ ὡς ἀπόστολος αὐτοῖς ἄλλος νέος ὁρᾶσθαι·
καὶ τοῦτο γίνεται ἑμοὶ πάσης αἰτίον βλάβης
καὶ σκότος ὄντως καὶ παχὺ νέφος ἐν τῇ ψυχῇ μου,
τοὺς δὲ ὁρῶντάς με λαοὺς φωτίζει καὶ διδάσκει
ὑπερφρονεῖν καλλωπισμοῦ, ὑπερφρονεῖν καὶ πλούτου
καὶ εὐτελοῦς ἀντέχεσθαι καὶ τραχείας ἐσθῆτος,
ὅπερ καὶ ἔστιν ἀληθῶς ἔνδυμα ἀποστόλων.
οὕτως καὶ πᾶσαι αἱ λοιπαὶ τῶν ἀρετῶν γε πράξεις,
πράξεις εἰσὶν ἐκτὸς φωτός, ἔργα ἀκτίνος δίχα·
ὁμοῦ γὰρ συναγόμεναι πᾶσαι, ὥσπερ προεῖπον,
καὶ εἰς τὸ ἐν γινόμεναι αἱ ἐνάρετοι πράξεις,
εἶπερ καὶ ἔστι δυνατόν ἐν ἀνθρώπῳ γενέσθαι,
λαμπάδι ἐξωμοίωνται φωτὸς ἐστερημένη·
ὡς γὰρ οὐκ ἔστι λέγεσθαι πῦρ τοὺς κάρβωνας μόνους,
ἀλλ' οὐδὲ πάλιν ἀνθρακας οὐδὲ φλόγα τὰ ξύλα,
οὕτως οὐ πίστις ἅπασα, οὐκ ἔργα οὐδὲ πράξεις,
οὐκ ἐντολῶν ἐκπλήρωσις πῦρ, φλὸξ ἢ φῶς τὸ θεῖόν
εἰσιν ἄξια λέγεσθαι· οὐ γὰρ εἰσι τῷ ὄντι·

И чтоб не заподозрил меня, что я говорю тебе вздор,
Послушай — и скажу я тебе решение загадки.

Представь, что я пощусь ради тебя, чтобы постящимся тебе
явиться,

И хоть щепка эта в глазах моих
Будто бревно, что воткнуто посреди них (*ср. Мф. 7, 3–5*),
Но ты учишься при виде меня, если меня не осуждаешь, —
И порицаешь себя за обжорство.
Ведь этим ты наставляешься к воздержанности чрева
И учишься открыто благополучье презирать.
Или еще — одевшись в бедную и рваную одежду,
Или расхаживая всюду в одном хитоне, я думаю
Снискать почет и похвалу от видящих меня,
Явившись им как бы апостолом иным и новым,
И становясь причиной всяческих попреков
И истинною тьмой и облаком густым в душе моей,
Оно, однако, просвещает всех видящих меня, их научая
Наряды презирать и презирать богатство
И обходиться простым и грубым платьем,
Подобным истинно апостольской одежде.
Так и все прочие деянья добродетелей
Суть дела вне света, труды, лишённые лучей.
Ибо, будучи собраны вместе, как говорил я раньше,
И соединены воедино, добродетельные дела —
Коли возможно это человеку —
Подобны светильнику, лишённому света.
В самом деле, как нельзя называть огнем одни уголья
И как дрова нельзя назвать ни пламенем, ни жаром,
Так ни вся вера, ни труды и ни дела,
Ни исполнение заповедей не стоят того,
Чтоб называться огнем и пламенем, и божественным светом,
Ибо в действительности они не суть (свет).
Но так как они могут воспринять этот огонь, приблизиться
к свету

И возжечься чрез неизреченное соединение,
То это-то и служит похвалою и славой для добродетелей.
И ради этого всякая аскеза и всякие дела
Совершаются нами, чтобы, как свеча, мы приобщились
Божественного света, когда душа, как чистый воск,
Вся отдается неприступному свету.
Скорее же, подобно в воск обмокнутой бумаге,
Душа, удобренная добрыми делами,

ἀλλ' ὅτι δέξασθαι τὸ πῦρ τῷ φωτὶ τε ἐγγίσαι
καὶ ἀναφθῆναι δύνανται ἀπορρήτῳ ἐνώσει,
τοῦτο ὑπάρχει ἀρετῶν ἔπαινός τε καὶ κλέος·
καὶ διὰ τοῦτο ἄσκησις πᾶσα καὶ πᾶσαι πράξεις
ἐπιτελοῦνται παρ' ἡμῶν, ἵνα φωτὸς τοῦ θείου
ὥσπερ λαμπὰς μετάσχωμεν, ὥς ἐν κηρίον πάσας
προβαλλομένης τῆς ψυχῆς φωτὶ τῷ ἀπροσίτῳ·
μᾶλλον δὲ ὥσπερ πάπυρος ἐμβάπτεται κηρίῳ,
οὕτω ψυχὴ ταῖς ἀρεταῖς ἀπάσαις πιανθεῖσα
ὅλη ἀνάψει ἐξ αὐτοῦ, ὅσον ὁρᾶν ἰσχύσει,
ὅσον ἐν οἴκῳ τε αὐτῆς εἰσαγαγεῖν χωρήσει·
καὶ τότε φωτιζόμεναι αἱ ἀρεταὶ ὥς θείῳ
φωτὶ συγκοινωνήσασαι φῶς καὶ αὐταὶ καλοῦνται,
μᾶλλον δ' εἰσι καὶ αὐταὶ φῶς φωτὶ συγκεκραμέναι
περιαυγάζουσιν τε φῶς ψυχὴν αὐτὴν καὶ σῶμα
καὶ λάμπουσιν γε ἀληθῶς πρῶτον τῷ κεκτημένῳ,
καὶ τότε πᾶσι τοῖς λοιποῖς τοῖς ἐν σκότει τοῦ βίου·
οὓς φώτισον ἐν πνεύματι, Χριστέ, τῷ παναγίῳ
καὶ κληρονόμους ποίησον οὐρανῶν βασιλείας
μετὰ πάντων ἁγίων σου νῦν καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας·
ἀμήν.

3. Σκιᾷ κρατοῦμαι καὶ ἀλήθειαν βλέπω,
δ' οὐδέν ἐστιν ἢ ἐλπίς ἢ βεβαία.
ποία οὖν ἐλπίς; ἦν ὀφθαλμοὶ οὐκ εἶδον.
αὕτη τί ἐστι; ζωή, ἦν ἅπαντες ποθοῦσιν.
ἦ δὲ ζωὴ τί ἢ θεὸς κτίστης πάντων;
τοῦτον πόθησον καὶ μισήσεις τὸν κόσμον·
κόσμος θάνατος· τί γὰρ ἄρρευστον ἔχει;

Вся возгорится от него, насколько сил достанет ей увидеть
И вместить, чтобы ввести в свою храмину.
И тогда добродетели, просвещаясь, как соприобщенные
Божественному свету, и сами называются светом,
Скорее ж — и они суть свет, сорастворившись в свете,
И как свет, просвещают самую душу и тело
И поистине светят, во-первых, стяжавшему их,
А затем и прочим всем, блуждающим во мраке жизни.
Каковых просвети в Духе, Христе, Всесвятом
И соделай наследниками Царствия Небесного,
Со всеми святыми Твоими ныне и во веки.

Аминь.

Гимн XLIII

3. Надежда и жизнь

Объят я тенью, истину же вижу:
То, что Ничто, мне твердая надежда.
На что надежда? Глаз Того не видел.
Что ж То такое? Жизнь, что всем желанна.
Но что есть жизнь — не Бог ли, всех Создатель?
Его и вождеley, возненавидь же мир:
Ведь мир есть смерть: что в нем непреходяще?

Гимн LVII

Пер. Г. М. Прохорова

25. Никита Стифат (XI в.)

Никита родился вскоре после 1000 г. Уже в 14 лет он стал монахом и всю свою жизнь провел в монастыре. Он рано познакомился и подружился со своим великим и любимым учителем Симеоном Новым Богословом, став впоследствии хранителем его творческого наследия. Сам Никита был экзальтированным человеком и, возможно, порой преувеличивал мистические

ὄψις με τοιαύτη ἐν μιᾷ τῶν νυκτῶν ἀναδέχεται.

(137) Ἐδόκουν ὡς ὑφ' ἐτέρου καλούμενος καὶ οὕτω λέγοντος πρὸς με· φωνεῖ σε ὁ πατήρ, ἀδελφέ, ὁ πνευματικός, καὶ ἔρχου ἀκολουθῶν μοι.

Ἐπεσθαι αὐτῷ σὺν χαρᾷ πάσῃ καὶ προθυμίᾳ ψυχῆς, οὐ γὰρ ἤμην ἀξιωθεὶς ἀφ' οὗπερ πρὸς θεὸν ἐνεδήμησεν ἰδεῖν αὐτὸν ἕως τότε. ὡς δ' ἐγενόμην πλησίον εἰς οἰκημὰ τι βασιλικὸν καὶ λαμπρότατον, δ' κουβούκλειον¹) οἶδε καλεῖν ἢ συνήθεια, ἐπέτρεψέ μοι τὴν εἰσοδὸν ὁ καλέσας διαπετάσας τὰς θύρας, καὶ ἰδοὺ θεωρῶ ἐπὶ πολυτιμίου κλίνης καὶ ὑψηλῆς ὑπτίον πῶς τὸν ἅγιον κείμενον καὶ οἶα τινα βασιλέα περιδοξὸν ἀναπαυόμενον, λαμπρὸν τὸ πρόσωπον ἔχοντα καὶ ὥσπερ ἐπιμειδῶντα καὶ βλέποντα εἰς ἐμέ· καὶ ὡς κατ' ὄψιν αὐτοῦ ἐγενόμην, νεύει μοι τῇ χειρὶ καὶ τῷ νεύματι προσεγγίσει αὐτῷ. καὶ εὐθὺς ἐγὼ σὺν εὐφροσύνῃ καρδίας πολλῇ ἔδραμον, καὶ κλίνας τὸ γόνυ τὴν τιμὴν ἀπένειμον ὡς εἶχον αὐτῷ μετ' αἰδοῦς πάσης καὶ εὐλαβείας.

ὁ δέ, ἐπεὶ ἀναστὰς προσῆλθον αὐτῷ, ἐνηγκαλίζετό με καὶ κατησπάζετο εἰς τὸ στόμα, καὶ οὕτω μοι ἱλαρῷ καὶ γλυκεῖ τῷ φθέγματι ἔλεγεν· ἀνέπαυσάς με, τέκνον μου ποθεινὸν καὶ φιλούμενον. λαβόμενος δέ μου καὶ τῆς δεξιᾶς χειρός, τέθεικεν αὐτὴν ὑπὸ τὸν μηρὸν αὐτοῦ τὸν δεξιόν, τῇ δὲ ἐτέρᾳ αὐτοῦ χειρὶ δεικνύων μοι ἦν ἡπλωμένον καὶ γεγραμμένον χαρτίον ἐν ταύτῃ κατέχων αὐτό, καὶ ἔλεγεν· ἵνα τί δὲ καὶ ἐπελάθου τοῦ λέγοντος·

ταῦτα παράθου πιστοῖς ἀνθρώποις,

οἵτινες ἱκανοὶ ἔσονται καὶ ἐτέρους διδάξαι;

ὡς δὲ ταῦτα μὲν ἐκεῖνος εἶπεν, ἐγὼ δὲ εὐθὺς σὺν τῷ λόγῳ ἔξυπνος γέγονα ὁ καθύπαρ καὶ οὐ καθ' ὕπνους τοῦτο ἰδὼν, ἐν τοσαύτῃ χαρᾷ εὗρον ἑμαυτὸν καὶ εὐφροσύνῃ ψυχῆς καὶ τὸ στόμα γέμον γλυκύτητος, καὶ ἀγαλλιάσεως τὴν καρδίαν μου, ὥστε ἀπὸ τῆς ἁγαν ἡδονῆς καὶ τῆς τοῦ πνεύματος εὐφροσύνης ἀποδύσασθαι τὸ σῶμα ἐξήτουν καὶ γυμνῇ

восторги. Его главными произведениями считаются «Духовный рай» и «Житие св. Симеона», однако полностью его сочинения до сих пор не изданы. Следующий отрывок взят из «Жития св. Симеона», которое предположительно написано им ок. 1054 г.

Видение Симеона во гробе

(Житие Симеона Нового Богослова, гл. 137–140)

Однажды ночью явилось мне таковое видение.

(137) Показалось мне, что кто-то зовет меня и говорит мне так:

«Брат, отец наш духовный зовет тебя, вставай и следуй за мною!» Я последовал за ним с великою радостью и душевным рвением, ибо с того времени, когда он (т. е. Симеон) отошел к Богу, и до сего момента я не удаивался зреть его. Когда же я приблизился к его почти что царской, наполненной светом опочивальне, называемой обычно куруклион, позвавший пригласил меня войти, открывая предо мною двери, и, представьте, я увидел пред собою святого мужа, полулежащего на спине на богато украшенном, высоко поднятом ложе, покоящегося, подобно прославленному царю, светящегося ликом и будто улыбающегося мне, глядя на меня; и когда я предстал пред лицом его, он махнул мне рукой, чтобы я подошел поближе. С бьющимся от радости сердцем я тут же подбежал к нему и, преклонив колени, выказал почтение, какое испытывал к нему, со всяческим уважением и благоговением.

Он же, после того как я, встав, подошел к нему, обнял меня и поцеловал в губы, говоря радостным и исполненным сладостной теплоты голосом: «Упокоил ты меня, чадо мое, желанное и возлюбленное». Одновременно с этим он взял мою правую руку, положил ее под свое правое бедро, другой своей рукой показывая мне развернутую и исписанную хартию, которую он держал, и проговорил: «Что же ты забыл того, кто сказал: "Передай это верным людям, которые были бы способны и других научить"»? (2 Тим. 2. 2)

Едва он это проговорил, я сразу же от его слов совершенно проснулся и видел сие бодрствуя, а не во сне, ибо почувствовал себя в столь великой радости и в столь великом душевном счастье, и уста мои преисполнились такой сладостью, а мое сердце — восторгом, что я в безграничном наслаждении и душевном счастье попытался отделиться от своего тела и явиться с обнаженной душой туда, где обрел он свою обитель, покоясь в невещественном блаженстве, вместе со всеми от века святыми.

τῇ ψυχῇ γενέσθαι ἔνθα ἡ κατοικία ἐκεῖνῳ ἐδόθη μετὰ πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἀγίων ἐν τῇ αὐτῷ μακαριότητι.

(138) Ὅτι δὲ ὁρασίς ἐστιν ἀληθείας καὶ οὐκ ἐνύπνιον τοῦτο, πείθει με καὶ ἡ γενομένη τηνικαῦτα χαρὰ ἐν ἑμοὶ μετ' εὐφροσύνης ἀρρήτου καρδίας, καὶ ἅμα ἡ ἐντυπωθεῖσα τῷ νοί' μου ἀνεξάλειπτος περὶ τούτου μνήμη. τὰ γὰρ φαντάσματα ὁμοῦ τε κατὰ φαντασίαν τῇ ψυχῇ ἐπιγίνονται καὶ τοῦ φαντασθέντος ἀδῆλα καὶ ἀμνημόνευτα καθόλου τῷ νοί' γίνονται· οὐχ οὕτω δὲ ἔχει ἐπὶ τῶν ὄψεων τῆς ἀληθείας, ἀλλ' εἰς μακροὺς χρόνους καὶ μέχρι τέλους ἐπιμένουσι τῷ νοί' ὡς ἐδείχθησαν·

πεῖθει δέ με καὶ ὁ θεολόγος Γρηγόριος εἰς Καισάριον οὕτω γράφων καὶ τὴν γενομένην αὐτῷ περὶ τούτου ὄψιν ὡς ἀλήθειαν ἀποδεξάμενος καὶ οἷς γράφει πιστούμενος·

τότε φησὶ Καισάριον ὄψομαι μηκέτι ἐκδημοῦντα, μηκέτι φερόμενον, μηκέτι ἐλεούμενον, λαμπρόν, ἐνδοξόν, ὕψηλόν, οἷός μοι καὶ κατ' ὄναρ ὠφθῆς πολλάκις, ὃ φίλτατε ἀδελφῶν ἑμοὶ καὶ φιλαδελφότατε.

καὶ ὅτι μὲν ὁρασίς ἀληθείας καὶ οὐ φαντασία τις ἄλογος καὶ τὸ κάμοι δειχθὲν ὑπάρχει, ἱκανῶς διὰ πάντων τῶν εἰρημένων ἡμῖν ἐδείξαμεν.

(139) Τὴν γοῦν τῆς ὄψεως κρίσιν κατ' ἑμαυτὸν ἐκζητῶν καὶ ἀνακρίνων, ὥσπερ τις μυστικώτερον ἐμυσταγῶγει με ταύτην. πλὴν ὁμῶς καὶ παλαιῷ σοφωτάτῳ τὰ θεῖα καὶ τὰ ἀνθρώπινα δεῖν ἔγνω ταύτην ἀνακαλύψαι, ὃς ἅμα τῷ συμβαλεῖν τοῖς λεγομένοις, καὶ τὰ αὐτὰ ἰσοφώνως τῇ γενομένῃ μοι περὶ ταύτης μυσταγωγίᾳ ὑπολαβὼν ἔλεγε·

διὰ μὲν τοῦ εἰπεῖν τὸν ἁγίον φησὶ πρὸς σέ· ἀνέπαυσάς με, τέκνον μου ποθεινόν καὶ φιλούμενον, τὴν τῶν ὕμνων ἀποδοχὴν καὶ τῶν ἐγκωμίων τῶν πρὸς αὐτὸν ὑπεσήμεναι, δεικνὺς ὅτι τῶν ὕμνων καὶ τῶν ἐγκωμίων τῶν πρὸς αὐτοὺς οἱ ἐν θεῷ ζῶντες ἅγιοι καὶ μετὰ θάνατον χαίροντες ἀντιλαμβάνονται μετὰ πάσης ἀποδοχῆς. τοῦτο γὰρ καὶ Διονύσιος ὁ ἁρεοπαγίτης ἐμφαίνει ἐν τῷ μυστηρίῳ καὶ τῇ θεωρίᾳ τῶν κεκοιμημένων, ὡς διαβαινούσης τῆς δόξης πρὸς τὸν θεὸν καὶ αὐτῆς δηλονότι τῆς ὠφελείας τῶν ἀκροωμένων βελτιουμένων ἀπὸ τῆς ἀκροάσεως καὶ τὴν πολιτείαν τῶν ἀγίων καὶ τὰς πράξεις μιμουμένων αὐτῶν.

διὰ δὲ τοῦ ἀσπασμοῦ τὴν ἐντεῦθεν γενομένην οἰκείωσιν πρὸς αὐτοὺς καὶ τὴν ἐξ ἐκεῖνων διδομένην χάριν τοῖς ταῦτα γράφουσιν ὑπεδήλου. τὸ δὲ θεῖναι τὴν δεξιάν σου χεῖρα εἰς τὸν μηρὸν αὐτοῦ τὸν δεξιὸν τὸν ὄρκον, ὃν ἀπήτησεν Ἀβραάμ ποτε τὸν οἰκογενῆ καὶ ἐπίτροπον αὐτοῦ οὕτως εἰπών·

(138) В том, что это был не сон, а истинное видение, убеждает меня та великая радость, которая возникла во мне вместе с несказанным чувством счастья, а также в неизбывной памяти об этом, коя запечатлелась в моем разуме. Ибо фантазии, которые посещают душу, возникающая от игры воображения, бывают расплывчаты для того, кого посещают, не оставляя в уме совершенно никакого воспоминания; однако же такого не случается с истинными видениями, кои долгое время до самого конца пребывают в человеке такими, какими были увидены.

Подтверждает это и Григорий Богослов, так пишущий о Кесарии, восприняв свое видение о нем как истинное и желая убедить в этом своих адресатов:

«Тогда, — говорит он, — я не увижу больше Кесария ни уходящим, ни уносимым, ни вызывающим жалость, но — блестящим, знаменитым, высоким, каким ты часто и являешься мне во сне, о, любимейший из моих братьев и братолюбивейший».

Вот и мы тоже вполне убедительно доказали всем сказанным, что увиденное мною было действительно истинным видением, а не некоей бессмысленной фантазией.

(139) Я пытался по собственному разумению судить об этом видении и оценивать его, и тут будто некто из высших таинственных сфер посвятил меня в это. Однако же мне стало ясно, что следует раскрыть его старшему и более умудренному в божественных и человеческих делах, и тот, едва услышав мой рассказ, расценил его в согласии с тем, что и мне при участии таинственных сфер стало ясно в нем, и сказал:

«Касательно того, что святой сказал тебе: “Упокоил ты меня, о чадо мое, желанное и возлюбленное”, то этим он хотел подтвердить приятие им гимнов и восхвалений, указывая на то, что святые, живущие в Боге, и после смерти, радуясь, воспринимают обращенные к ним гимны и хвалебные песнопения со всяческим одобрением. Ведь именно на это указывает Дионисий Ареопагит в таинстве и рассмотрении, связанном с усопшими, говоря, что прославления, достигая Бога, оборачиваются пользой и для тех, кто слушает их, ибо они делаются лучше, слушая их и подражая жизни и делам святых.

Что касается поцелуя, то он указывает на возникшую близость между тобой и ими и на милость, даруемую ими оттуда тем, кто пишет это. А что положил он твою руку под свое стегно, означает ту клятву, которую потребовал Авраам от выросшего в доме управителя своего, когда призвал его и сказал следующее: Положи руку твою под стегно мое, и клянись мне Богом неба и земли (*ср. Быт. 2, 2,*) — он потребовал у тебя клятвы, касающейся порождений его духа, зачатых им в страхе Божьем во чреве мыслей своих и выношенных им здесь, на земле, и именно при жизни этого поколения людей, — я говорю о его сочинениях, доставленных ему свыше Духом Святым, —

θές τὴν χεῖρά σου ὑπὸ τὸν μηρόν μου,

καὶ δημοσόν μοι τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, ὑπηνίττετο, ὄρκον ἀπαιτῶν σε περὶ τῶν γεννημάτων τοῦ πνεύματος, ὧν συνελάβετο ἐν γαστρὶ διανοίας αὐτοῦ ἐν φόβῳ θεοῦ καὶ ἐκύησεν ἐπὶ τῆς γῆς ἡγουν τῆς γενεᾶς ταύτης τῶν ἀνθρώπων, λέγω δὴ περὶ τῶν αὐτοῦ συγγραμμάτων τῶν χορηγηθέντων αὐτῷ παρὰ τοῦ πνεύματος ἄνωθεν, ὥσάν ταῦτα γραφῇ καὶ πιστοῖς ἀνθρώποις παράθῃς εἰς ὠφέλειαν τῶν ἐντυγχανόντων, καθὼς σοι διὰ τοῦ ἀποστολικοῦ καθυπέμνησε ῥήματος· ταῦτά φησι παράθου πιστοῖς ἀνθρώποις, οἵτινες ἱκανοὶ ἔσονται καὶ ἐτέρους διδάξαι, καὶ τὸν χάρτην ἡπλωμένον καὶ γεγραμμένον ὑπέδειξεν.

(140) Οὕτω τοιγαροῦν τῆς ὄψεως τὴν κρίσιν ὑπὸ τοῦ διανοίγοντος ἡμῶν τὸν νοῦν εἰς τὸ συνιέναι τὰς γραφὰς καὶ ὑπὸ τοῦ παλαιοῦ τῶν ἡμερῶν σοφωτάτου γέροντος μυσταγωγηθεῖς ...

пусть бы ты записал их и доверил верным людям, для пользы тех, кто придет после, о чем он и напоминает тебе, показывая развернутый и исписанный лист бумаги с апостольскими словами: "Передай верным людям, которые будут в состоянии учить других" *.

(140) Вот так и я с помощью того, кто раскрыл разум наш для понимания Писаний, сделался подобным «Ветхому днями» (*Дан. 7, 9; 13, 22*) мудрейшему старцу и стал посвящен в тайну видений...

Далее следует описание того, с какой великой заботой отнесся Стифат к предоставленному его заботам творческому наследию Симеона и как сохранил его для читателей.

26. Михаил Пселл (1018–1096)

Основной труд Пселла «Хронография» охватывает двухсотлетний период истории — от захвата власти Василием II (976 г.) до отречения Михаила VII (1078 г.) — и включает в себя 14 чрезвычайно живо написанных жизнеописаний императоров и императриц, в судьбе которых отчасти участвовал и он сам. Через эти жизнеописания постоянно и очень явственно просвечива-

... Ἐγὼ δὲ τηνικαῦτα εἰκοστὸν πέμπτον ἔτος ἄγων τῆς ἡλικίας τοῖς σπουδαιοτέροις προσανεῖχον μαθήμασι· περὶ δὺο γὰρ ταῦτα ἐσπουδακώς, ῥητορικοῖς μὲν λόγοις τὴν γλῶτταν πλάσασθαι πρὸς εὐπρέπειαν, καὶ φιλοσοφία καθάραι τὸν νοῦν, τοὺς μὲν ῥητορικοὺς λόγους οὐ πάλαι ἠκριβωκώς, ὥστε καὶ διελεῖν δύνασθαι τὸ ἄρθρον τῆς ὑποθέσεως καὶ τοὺς πρώτους καὶ δευτέρους λόγους εἰς τοῦτο συνενεγκεῖν, καὶ μὴ πάντα τὴν τέχνην δεδιέναι, μηδ' ἔπεσθαι ταύτῃ ὥσπερ τι θρέμμα ἐν ἄσπιν, ἀλλὰ καὶ πλέον τι συνεισενεγκεῖν ἐν τοῖς μέρεσι, φιλοσοφίας εἰδόμην, καὶ τοῦ συλλογίζεσθαι ἱκανῶς ἔχων, ἥ ἄνωθεν καὶ ἀμέσως, ἥ ἐκ τῶν μετέπειτα καὶ παντοδαπῶς, τῶν τε φυσικῶν λόγων ἡψάμην καὶ πρὸς τὴν πρώτην φιλοσοφίαν διὰ τῆς μέσης ἀνεπετρούμην γνώσεως.

Καὶ εἰ μὴ μέ τις φορτικὸν ἐντεῦθεν νομίζοι, ἀλλὰ συγχωρεῖ δὴ τῷ λόγῳ, καὶ τοῦτο δὴ τῶν ἐμῶν προσθήσω, ὃ δὴ καὶ μόνον μάλιστα εἰς εὐφημίαν τοὺς σπουδαιοτέρους κινήσει· καὶ μοι συμμαρτυρήσετε οἱ τήμερον τὸν λόγον ἀναγινώσκοντες, ὅτι ἐκπνεύσασαν τὴν σοφίαν καταλαβὼν ὅσον ἐπὶ τοῖς μετέχουσιν, αὐτὸς ἀνεξωπύρησα οἶκοθεν, οὔτε διδασκάλοις ἀξιολόγοις περιτυχὼν, οὔτε σπέρμα σοφίας ἐν τῇ Ἑλλάδι ἢ τῇ βαρβάρῳ τὸ ζύμπαν διερευνησάμενος εὐρηκώς· ἀλλ' ἐπειδὴ μέγα τι περὶ φιλοσοφίας ἐν τῇ Ἑλλάδι ἀκούων, ἐν φωναῖς τισιν ἀπλαῖς καὶ προτάσεσι κατεμάνθανον, καὶ ἦν ταῦτα ὥσανεὶ στῆλαι καὶ ὄρια, καταγνοὺς τῶν περὶ ταῦτα μικρολογουμένων ἐξήτησά τι πλέον εὑρεῖν· ὥς δέ τισι τῶν ἐξηγησαμένων τὴν ἐπιστήμην ἐνέτυχον, τὴν ὁδὸν παρ' αὐτῶν ἐδιδασκόμην τῆς γνώσεως, καὶ με ἄλλος εἰς ἄλλον παρέπεμπον, ὃ χεῖρων πρὸς τὸν κρεῖττονα, κάκεῖνος αὐθις εἰς ἕτερον, καὶ οὗτος εἰς Ἀριστοτέλη καὶ Πλάτωνα, ὧν δὴ καὶ οἱ πρὸ ἐκείνων ἡγάπησαν εἰ εὐθὺς τὰ δευτερεῖα μετ' ἐκείνους εἰλήχασιν.

ети и собственная личность автора. Следующий отрывок дает представление о той интеллектуальной обстановке на рубеже столетий, для улучшения которой многое сделал сам Пселл. А он фактически возродил высшее образование в Византии. Своеобразный стиль Пселла выглядит здесь несколько перегруженным риторикой.

Мое отношение к философии (О Константине VIII)

Мне шел тогда двадцать пятый год, я занимался серьезными науками и преследовал две цели: усовершенствовать речь риторикой и очистить ум философией. Изучив незадолго до того риторику настолько, чтобы быть в состоянии выделить суть предмета и свести к ней главные и второстепенные положения речи, не трепетать перед искусством красноречия, как школьник, не следовать всем его предписаниям, а в отдельных случаях и добавлять кое-что от себя, я принялся за философию и, хорошо освоив методы умозаключений — от причины и непосредственно, от обратного и многими способами, — взялся за естественные науки и с помощью срединного знания воспарил к высшей философии.

Если меня не сочтут докучным и дадут мне слово, добавлю к рассказу о себе, что уже само по себе должно снискать мне похвалу со стороны серьезных людей. Читающие сегодня мое сочинение, будьте свидетелями! Философию, если говорить о тех, кто причастен к ней, я застал уже умирающей и сам своими руками ее оживил, к тому же не имел никаких достойных учителей и при всех поисках не обнаружил семени мудрости ни в Элладе, ни у варваров. Прослышав многое об эллинской мудрости, я сначала изучил ее в простом изложении и основных положениях (были это, так сказать, столпы и конструкции знания), но, познакомившись с пустяжными писаниями по этому предмету, постарался найти и нечто большее. Я принялся читать труды некоторых толкователей этой науки и от них получил представление о пути познания, при этом один отсылал меня к другому, худший к лучшему, этот к следующему, а тот к Аристотелю и Платону. Любой из ученых, даже живших до этих философов, с удовольствием занял бы место вслед за ними.

После них я, как бы замыкая круг, подошел к Плотину, Порфирию и Ямвлиху, а затем продолжил путь и, как в великой гавани, бросил якорь у неподобного Прокла, у которого почерпнул всю мудрость и искусство точного мышления. Намереваясь затем подняться

Ἐντεῦθεν οὖν ὀρμηθεὶς αὐθις ὥσπερ περίοδον ἐκπληρῶν ἐς Πλωτίνους καὶ Πορφυρίους καὶ Ἰαμβλίχους κατήειν, μεθ' οὓς ὁδῶν προβαίνων εἰς τὸν θαυμασιώτατον Πρόκλον²) ὥς ἐπὶ λιμένα μέγιστον κατασχών, πᾶσαν ἐκείθεν ἐπιστήμην τε καὶ νοήσεων ἀκριβειαν ἔσπεισα· μέλλων δὲ μετὰ ταῦτα ἐπὶ τὴν πρώτην ἀναβαίνειν φιλοσοφίαν καὶ τὴν καθαρὰν ἐπιστήμην μυεῖσθαι, τὴν περὶ τῶν ἀσωμάτων θεωρίαν προῦλαβον ἐν τοῖς λεγομένοις μαθήμασιν, ἃ δὴ μέσην τινὰ τάξιν τετάχεται, τῆς τε περὶ τὰ σώματα φύσεως καὶ τῆς ἀσχέτου πρὸς ταῦτα νοήσεως, καὶ αὐτῶν δὴ τῶν οὐσιῶν, αἷς ἡ καθαρὰ συμβαίνει νόησις, ἵν' ἐντεῦθεν εἴ τι καὶ ὑπὲρ ταῦτα ὑπὲρ νοῦν ἢ ὑπερούσιον καταλήψομαι.

Διὰ ταῦτα ἀριθμῶν τε μεθόδοις ἑαυτὸν ἐντείνας καὶ γεωμετρικὰς ἀποδείξεις ἀναλαμβάνων, ἃς ἀνάγκας τινὲς ὀνομάζουσιν, ἔτι τε μουσικοῖς καὶ ἀστρονομικοῖς ἐνδιδούς λόγοις καὶ εἴ τινες ἄλλαι μαθήσεις ταύταις ὑπόκεινται, οὐδὲ τούτων οὐδὲ μίαν ἀπολείπων, καὶ πρῶτα μὲν κατὰ μίαν ἐκάστην διεξιὼν, εἰθ' ἀπάσας συνάψας, ὥς δι' ἀλλήλων

ἡκούσας εἰς ἓν, ὥς ἡ Ἐπινομίς βούλεται, οὕτω διὰ τούτων τοῖς ὑψηλοτέροις ἐπέβαλλον.

Ἐπεὶ δὲ τῶν τελεωτέρων ἡκηκόειν φιλοσόφων, ὅτι ἔστι τις καὶ ὑπὲρ τὴν ἀποδείξιν σοφία, ἣν μόνος εἶδεν ὁ σωφρόνως ἐνθουσιάζων νοῦς, οὐδὲ ταύτην παρέδραμον, ἀλλὰ τισι βιβλίοις ἀρρήτοις ἐντετυχηκώς, ὁπόσον εἰκὸς καὶ ἡ φύσις μοι ἔρρωτο, καὶ ταῦτ' εἰσεδεξάμην. Τὸ γὰρ δι' ἀκριβείας ταῦτα εἰδέναι, οὗτ' ἂν αὐτὸς περὶ ἑμαυτοῦ σεμνολογήσαιμι, οὗτ' ἄλλω πιστεῦσαιμι λέγοντι, τὸ δὲ μίαν τῶν πασῶν ἐπιστήμην ὥσπερ ἐστίαν φίλην ἑαυτῷ πεποιηκότα τινά, ἐντεῦθεν οἶονεὶ καθ' ἱστορίαν ἐξιόντα καὶ τῶν ἄλλων ἐν περινοίᾳ γίνεσθαι, καὶ αὐθις ἐπαναστρέφειν ἀφ' ἧς κεκίνηται, τοῦτο δὴ οὐ πάνυ τι τὴν φύσιν ἡμῶν ὑπεράλλεται.

Ἐωρακώς δὲ ὅτι δύο μερίδες τῶν λόγων εἰσὶ, καὶ τὴν μὲν ἡ ῥητορικὴ συμπληροῖ, τὴν δὲ φιλοσοφία ἀπέτεμε, καὶ ἡ μὲν οὐδέν τι τῶν σεμνοτέρων εἰδυῖα καχλάζει μόνον τῷ μεγάλῳ τῶν λέξεων ρεύματι, καὶ περὶ τὴν συνθήκην τῶν τοῦ λόγου μορίων στρέφεται, καὶ τινὰς λόγους ἀναπτύξεων τῶν πολιτικῶν ὑποθέσεων καὶ διαιρέσεων προβέβληται, καὶ κοσμεῖ τὴν γλῶτταν, καὶ ὅλως διαπρεπὴς ἐστὶν ἐν τοῖς πολιτικοῖς λόγοις, ἡ δὲ φιλοσοφία τοῦ περιπτυσσομένου τὸν λόγον κάλλους ἤττον φροντίζουσα, τὰς τε φύσεις ἀνιχνεύει τῶν ὄντων καὶ τὰς ἀρρήτους θεωρίας παρίστησι, καὶ οὐδὲ μέχρις οὐρανοῦ ὑψηλολογουμένη προβαίνει, ἀλλὰ καὶ εἴ τις ἐκείθεν κόσμος, καὶ τοῦτον ἐξυμνεῖ ποικιλώτερον, οὐκ ᾗθῃην δεῖν, ὥσπερ δὴ οἱ πλείστοι πεποιήκασιν ἢ

к первой философии и приобщиться к чистому знанию, я обратился к рассмотрению понятий бестелесного в так называемой математике, которая занимает среднее положение между, с одной стороны, наукой о телесной природе и независимым от нее мышлением и, с другой, — самыми сущностями, которыми занимается чистая мысль, дабы затем постигнуть и нечто еще более высокое: сверхсущее и сверхмыслимое.

Освоив учение о числах и познакомившись с доводами геометрии, которые иногда называют доказательствами, я посвятил себя музыке и астрономии и другим близким им наукам, ни одну из них не обошел вниманием и прежде изучил каждую в отдельности, затем сочетал все вместе и, как того и требует Послезаконие, все они привели меня к одной цели; таким образом, овладев ими, я принялся за более высокие материи.

Я узнал от людей, достигших совершенства в философии, что существует некая мудрость, недоступная логическим доводам, познать которую может только целомудренный и вдохновенный ум, и я не обошел ее, но прочел несколько тайных книг и, как мог, насколько хватило моей натуры, усвоил их содержание. Однако доскональным знанием этой науки я сам, пожалуй, не стану хвастаться и не поверю никому, кто себе его приписывает. А вот сделать одну какую-нибудь науку чем-то вроде родного своего дома и как бы отправляться из него для исследования и размышления над другими предметами, а потом возвращаться на старое место — это уже не за пределами возможностей нашей природы.

Словесные науки, как мне известно, разделены на две части. Одну из них составляет риторика, другая принадлежит философии. Первая, не касаясь глубокомысленных предметов и лишь бурля водоворотом слов, занимается построением речи, предлагает правила раскрытия политических тем и их подразделения, украшает язык и полностью являет свою красоту в политических речах; философия же, напротив, меньше озабочена украшением речи, но исследует природу сущего и предлагает лицезрение сокровенного, и не только велеречиво воспаряет к самому небу, но и мир, какой там есть, воспевают на все лады. Но я не считал нужным следовать примеру большинства и, выбрав риторику, забыть о философии или же, напротив, занявшись философией и наслаждаясь богатством прекрасных мыслей, пренебречь цветником слов и правилами искусного деления и построения речей. Поэтому-то многие мне уже не раз и ставили в упрек, что я, сочиняя ораторскую речь, случается, не без изящества ввожу в нее какой-нибудь научный довод и, наоборот, излагая философское положение, расцвечиваю его риторическими прелестями, чтобы ум

πεπόνθασιν, ἢ τὴν τέχνην ξυνειλοχότα τῆς ἐπιστήμης καταμελεῖν, ἢ ταύτην διαμελετῶντα καὶ ἐν θαυμασίοις πλουτοῦντα νοήμασι τῆς τῶν λέξεων κατολιγωρεῖν ἀνθης καὶ τῆς κατὰ τέχνην διαιρέσεώς τε καὶ τάξεως· διὰ ταῦτα, καὶ ὅπερ ἤδη μοι πολλοὶ προσωνείδισαν, καὶ ῥητορικὴν ὑπόθεσιν μελετῶν, ἔστιν οὐ καὶ ἀπόδειξιν τινα ἐπιστήμονα οὐκ ἀκόμψως εἰσάγω, καὶ αὐθις φιλόσοφόν τι ἀποδεικνύων θέλημα, καθωραΐζω τοῦτο ταῖς τεχνικαῖς χάρισιν, ἵνα μὴ πρὸς τὸ μέγεθος τοῦ νοήματος ἢ τοῦ ἀναγινώσκοντος ψυχῇ δυσπαραδεκτῆσασα τοῦ φιλοσοφουμένου λόγου στερίσκειτο.

Ἐπειδὴ δέ ἐστὶ τις καὶ ὑπὲρ ταύτην ἑτέρα φιλοσοφία, ἣν τὸ τοῦ καθ' ἡμᾶς λόγου μυστήριον συμπληροῖ, καὶ τοῦτο δὲ διπλοῦν καὶ φύσει καὶ χρόνῳ μεμερισμένον, ἵνα μὴ τὴν ἑτέραν λέγω διπλόην τὴν τε ἐν ἀποδείξεσι καὶ ὅση ἐξ ἐπινοίας καὶ τεθειαςμένης ἐγγίνεται τισι γνώσεως, περὶ ταύτην μᾶλλον ἢ περὶ τὴν ἑτέραν ἐσπούδασα, τὰ μὲν τὰ ἐκπεφασμένα περὶ ταύτης τοῖς μεγάλοις πατράσιν ἐπόμενος, τὰ δὲ καὶ αὐτός τι τῷ θεῷ συνεισφέρων πληρώματι· καὶ εἰ μέ τις, λέγω δὲ ἀπλῶς καὶ οὐ κομψεύμενος, ἐπαινεῖν ἐπὶ τοῖς λόγοις βούλοιο, μὴ με ἐντεῦθεν, μηδ' ὅτι πολλοῖς βιβλίοις ὠμίλησα, οὐ γὰρ ἐκ φιλαυτίας ἠπάτημαι, οὐδὲ τὸ ἐμὸν μέτρον ἠγνόηκα, ὅτι πολλοστόν ἐστι τῶν ὑπὲρ ἐμὲ σοφιστευσάντων ἢ φιλοσοφσάντων, ἀλλ' ὅτι μὴ ἐκ ῥεούσης πηγῆς εἰ τί μοι σοφίας μέρος συνείλεκται ἡρανισάμην, ἀλλ' ἐμπεφραγμένης εὐρηκῶς ἀνεστόμωσά τε καὶ ἀνεκάθηρα, καὶ ἐν βάθει που τὸ νάμα κείμενον σὺν πολλῷ ἀνείλκυσα πνεύματι.

Νῦν γὰρ οὐτε Ἀθῆναι, οὐτε ἡ Νικομήδεια, οὐτε ἡ πρὸς Αἰγύπτῳ Ἀλεξανδρεῖα, οὐτε Φοινίκη, οὐτε μὴν ἑκατέρω Ῥώμῃ, ἢ τε πρώτη καὶ ἡττων καὶ ἡ μετ' ἐκείνην καὶ κρείττων, οὗτ' ἄλλη τις πόλεων ἐπὶ τινι τῶν λόγων σεμνύνεται τανῦν, ἀλλὰ καὶ αἱ χρυσίτιδες φλέβες καὶ αἱ μετ' ἐκείνας καὶ ἀργυρίτιδες, καὶ εἰ τινες ἄλλαι τῆς ἀτιμοτέρας τούτων ὕλης, ἐμπεφραγμέναι ξύμπασαι πᾶσι τεθέανται· ὅθεν μὴ αὐτοῖς δὴ τοῖς ζῶσι νάμασιν ἐντυχεῖν ἔχων, ταῖς εἰκόσιν ἐκείνων προσεσχηκῶς, εἰδῶλα ἅττα καὶ αὐτὰ δεύτερα τῇ ἐμῇ συνεσπασάμην ψυχῇ, καὶ συλλαβὼν οὐδενὶ τούτων ἐβάσκηνα, ἀλλ' ἃ δὴ πόνῳ συνειλήχειν πολλῷ, τούτων πᾶσιν μετέδωκα, οὐ μισθοῦ τοὺς λόγους πωλῶν, ἀλλὰ καὶ προσεπιδιδοὺς εἰ τις λαμβάνειν ἐβούλετο· ἀλλὰ ταῦτα μὲν ὕστερον.

читающего не растерялся от величия мысли и не утерял нить философского рассуждения.

А поскольку выше ее есть и некая иная философия, которую составляет сокровенное содержание нашей науки (оно же двойственно, разделено по природе и времени, не говорю уже о другой двойственности, идущей от логических доказательств и от мысленного представления и боговдохновенного знания для избранных), я радел о ней больше, чем о первой, частично следуя толкованию ее у великих отцов, а частично и сам пополняя сокровищницу божественного знания. Скажу просто и без затей: если меня и можно хвалить за мои сочинения, то вовсе не из-за того, что я прочел много книг (я не ослеплен самомнением и хорошо знаю свою меру и то, сколь я уступаю стоящим выше меня риторам и философам), но потому, что имеющуюся у меня долю мудрости я почерпнул не из струящихся вод, а открыл и расчистил заваленные источники и с великими трудами извлек таящуюся на дне влагу.

Ныне ни Афины, ни Никомидия, ни Александрия в Египте, ни Финикия, ни оба Рима (первый — худший и второй — лучший) и никакой другой город не могут похвастаться ни одной из наук, а золотые россыпи, рудоносные и сереброносные жилы, да и не такие дорогие сокровища лежат, спрятанные от глаз. Поэтому-то я, не обнаружив живых источников, и обратился к их подобиям и постиг образы и отражения, а собрав их в своей душе, ни для кого не пожалел того, что добыл с такими трудами, но наделял каждого и при этом не продавал своей науки за мзду, но еще и приплачивал от себя всякому желающему. Но об этом позже.

Пер. Я. Н. Любарского

Ο ΠΛΑΤΟΝΟΒΥΧ «ΙΔΕΑΧ»

Αἱ τῶν ὄντων ἰδέαι, ἃς ὁ Πλάτων τίθεται, τίμια μοι καὶ τριπόθητε κεφαλὴ,¹⁾ ἢ παρ' ἄλλου τοῦ ἀκηκοῶς ἢ πρῶτος εὐρηκῶς καὶ ἐπονομάσας, ὁ νοητός ἐστι κόσμος, ὃν αὐτὸς αὐτοζῶν²⁾ καλεῖν εἶωθε. Καὶ περὶ τούτου πάντες [οἱ] ἐξαίσιτοι σοφοὶ συμφέρονται, τί ποτε δὲ ἐστὶν οὗτος ὀλίγοι μοι δοκοῦσι κατανενοηκέναι· ἐνέτυχον γὰρ ἐγὼ βίβλοις ἀνδρῶν εὐδοκιμησάντων ἐπὶ σοφίᾳ, οἳ δὴ ἐνθυμήματα τὰς ἰδέας τοῦ δημιουργοῦ ἐτόπασαν εἶναι οἷον νοητὰς τινὰς οὐσίας, ὧν ἐκκειμένων δίκην παραδειγμάτων τὸν σωματικὸν πρὸς αὐτὰς δεδημιουργῆσθαι κόσμον, ὥς εἶναι ταύτας ὥσπερ ἀπὸ κέντρου τοῦ δημιουργοῦ προϊούσας νοητὰς γραμμάς, αἷς ἀφωμοιώσατο καὶ τὸν τῆδε κόσμον ὁ ἐκείνων πατήρ· εἶναι γὰρ καὶ παρὰ τῷ θεῷ καὶ τὰ ἐνθυμήματα οὐ τύπους τινὰς ἢ ἀνυποστάτους ἀρχάς, ἀλλ' ὑπάρξεις καὶ οὐσίας· οὐδὲν γὰρ ἐκεῖ φασι συμβεβηκὸς εἶναι καὶ ἐπεισοδιῶδες. Οἱ οὖν οὕτω λέγοντες ταῦτα πρῶτον μὲν τιθέασιν τὸν δημιουργὸν τοῦ παντός, ἔπειτα τὰς ἰδέας, τὰ ἐκείνου πρωτουργὰ ἐνθυμήματα, καὶ μετὰ ταύτας τὸν τῆδε κόσμον, τὸ ἐξ οὐρανοῦ καὶ γῆς καὶ τῶν ἐν μέσῳ σύστημά τε καὶ σύγκριμα³⁾. Ἐκεῖ μὲν γὰρ ἀπλᾶ τὰ ἐκκείμενα καὶ ὄντως ἀρχέτυπα, ἐνταῦθα δὲ σύνθετα καὶ μιμήματα. Καὶ λέγουσι μέντοι καὶ οὕτω τὴν πλατωνικὴν γνώμην ἐφερμηνεύοντες, οὐ μοι δὲ δοκοῦσι κατελιφέναι τῆς ἐκείνου δόξης τὸ ἀκριβές. Ἐγὼ δὲ εἴ τι πλέον σοι τῶν εἰρημένων ἐξακριβώσομαι, οὐ [τὸ] δοκοῦν ἐμοὶ ἐπέξειμί σοι, ἀλλ' ὥσπερ τῆς ψυχῆς τοῦ πρῶτως εἰρηκότος καταμαντευόμενος ἀκριβεστέραν παρὰ τοὺς ἄλλους ποιοῦμαι τὴν ἐπεξήγησιν.

Ὁ γάρ τοι Πλάτων τὰς ἐνταῦθα μορφὰς τῶν σωμάτων ἐπικτήτους εἶναι [εἰπών],⁴⁾ τοῦτο καλῶς οἰηθεὶς, ἐζήτησε τίς ὁ παραγαγὼν καὶ τοῖς ὑποκειμένοις ἐντυπωσάμενος. Οἷον ὥσπερ ἐπὶ τῶν τεχνητῶν εἰδῶν τὸ τῆς κλίνης εἶδος ἐπικτήτον ἡγησάμενος εὗρεν, ὅτι τὸ μὲν ἡ τέχνη τὸ δὲ ὁ τεχνίτης τῇ κλίνῃ ἐντέθηκε καὶ ὅτι ἡ τέχνη παρὰ τῆς ψυχῆς τοὺς λόγους εὗρατο, ἡ δὲ ψυχὴ οὐκ ἀφ' ἑαυτῆς ἀλλὰ καὶ αὐτὴ παρ' ἐτέρου τινός, οὕτω δὴ καὶ ἐπὶ τῶν φυσικῶν τὰ μὲν ἡ φύσις προσεχῶς εἰδοποίησε, τὰ δὲ ἡ ψυχὴ τῇ φύσει τοὺς λόγους ἐνδοῦσα, τὰ δὲ ὁ νοῦς τῇ ψυχῇ πρῶτος χορηγήσας τοῦ εἶδους τὰς ἀφορμάς· καὶ οὐ χρὴ περαιτέρω προιέναι, ἵνα μὴ ἀρχῶν ἀρχὰς ζητῶμεν ἐπ' ἀπειρον.

Τὸ γὰρ ἐπὶ τοῦ σώματος εἶδος οὐχ οἷον αὐτὸ τὸ εἶδος τὸ νοητόν, ἀλλ' ἐπικτήτον καὶ παρ' ἄλλου ἐφῆκον τῷ σώματι· ὅθεν καὶ εἰς εὐμορφίαν μεθίσταται καὶ τελευταῖον εἰς τὸ ἀνείδεον. Οὐκ οὖν καθαρὸν εἶδος τὸ ἐπὶ τοῦ σώματος· οὐ γὰρ ἂν μετέβαλλεν οὐδ' εἰς τὸ ἐναντίον μεθίστατο.

Идеи сущего, которые предлагает Платон, о, достопочтенный и трижды вождеделенный государь¹, — услышал ли он о них от кого-то, или был первым, кто это придумал и сказал, — суть умопостигаемый мир, который сам Платон называл «саможивущим»². И с этим согласны все выдающиеся мудрецы. Но, мне кажется, немногие понимают, что он собой представляет. Ибо лично я только из книг преуспевших в мудрости мужей узнал, что на самом деле они полагают, будто идеи есть замыслы Создателя, род умственных сущностей, по которым, как по парадигмам, был создан чувственный мир: они — словно некие умопостигаемые линии, исходящие из центра, Создателя, для которых Он, их Отец, и приспособил существующий мир. Ибо в силу того, что они разом существуют и у Создателя, как замыслы, они представляют собой не какие-то прототипы или лишенные основания начала, но — существования и сущности, ибо *там* нет ничего (говорят) случайного и приводящего. Те, кто это говорит, на первое место ставят Создателя всего, затем — идеи, Его первозданные замыслы, а после них — мир «как систему и сложное соединение неба, земли и всех вещей между ними»³, там ведь все просто и обнаженно и является истинным архетипом, а здесь — составное и подражательное. И они (эти мудрецы) говорят, что именно так следует толковать Платоновое учение. Но мне кажется, что в точности его учение они не поняли. Что же касается меня, — а ради тебя мне пришлось более досконально вникать в такие вещи, — то я не буду говорить о том, что кажется *мне*, но поскольку я и сам есть «сущий» и в этом подобен душе, пока она еще не появилась, то я хочу сделать более точный обзор, нежели другие.

Итак, Платон говорил, и это справедливо, что формы тела *здесь* являются приобретенными⁴. Поэтому он искал *Того*, кто сделал отпечаток его в субстрате. Например: для мастера, делающего скамью, форма ее является чем-то приобретенным, чем-то, к чему нужно только приложить ремесло — и ее форма проявится, подобно тому, как искусство черпает свои понятия в душе, хотя душа, в свою очередь, не из себя самой, а из чего-то другого. Точно так же и с тем, что касается природных вещей, — что-то формируется непосредственно природой, что-то — душой, которая вкладывает в природу свои представления, а что-то — разумом, который вносит в душу формообразующий импульс. И не нужно идти дальше, иначе мы будем искать начала начал до бесконечности.

Однако та форма, что сообщается телу, не есть та же самая (умопостигаемая) форма, но — приобретенная, пришедшая к телу от другого, почему оно и изменяется, достигая благообразия, а в конце концов — бесформенности. Форма, которая таким образом сообщается телу, не является какой-то чистой формой; ведь в таком случае она бы не изменялась и не превращалась в свою противоположность. Но и сама

Ἄλλ' οὐδὲ ἡ ψυχὴ αὐτὸ τοῦτο εἶδος καὶ μηδὲν ἕτερον'). ἦν γὰρ ἂν πᾶσα ψυχὴ χρῆμά τι σταθερὸν καὶ μὴ μεταβαλλόμενον, ὁρῶμεν δ' ἐνίας εἰς τὸ ἄνουν μεταβαλλομένας. Ἄλλο οὖν παρὰ ταύτας τὸ ἀμετάθετον εἶδος καὶ καθαρώτατον.

Τί ποτε οὖν τοῦτο ἢ ὁ ἄυλος καὶ δημιουργικὸς⁶⁾ νοῦς; διττὸς γὰρ ὁ νοῦς, ὁ μὲν οἶον τὸ τῆς ψυχῆς εἶδος ἐξ αἰδίου ταύτην εἰδοποιοῦν, ὁ δὲ ὁ παντάπασι χωριστὸς καὶ τῶν ἄλλων νόων ὑπερκεείμενος, ὃς ὁμοῦ καὶ τὴν οὐσίαν καὶ τὴν ἐνέργειαν νοῦς ἐστὶ καθαρὸς, ἐν προθύροις ἐκκείμενος τάγαθου⁷⁾ καὶ αὐτὸς ὢν τὸ νοητὸν κάλλος. Οὗτος τοιγαροῦν καὶ τὰ ὄντα ἐστὶ καὶ πρῶτος αὐτὰ ἐνόησεν οὐκ ἄλλος ὢν παρ' ἐκεῖνα ἄλλ' ἐκεῖνα οἶον αὐτός. Αἱ οὖν ιδέαι αἱ πρῶται ἐκείνου ἔννοιαι καὶ ἀπλαῖ τῶν ὄντων ὑπάρξεις· καὶ ἅπερ αὐτός ἐστιν ὁ πρῶτος ἐνθυμηθεὶς, ταῦτα καὶ τὰ κυρίως ὄντα ἐκεῖνα τὰ ἐνθυμήματα· αὐτὰ γὰρ ἑαυτῶν εἰσι καὶ οὐκ ἄλλων γεγόνاسι, τὰ δὲ δεύτερα εἶδη καὶ τρίτα ἐκείνων μορφώματα καὶ τυπώματα.

Καὶ τρόπον μὲν τινὰ τὸ αὐτὸ εἰσιν ὄντα καὶ ιδέαι· ἡ γὰρ ἐκεῖσε ιδέα αὐτὸ δὴ τὸ πρῶτως ὄν καὶ κυρίως καὶ ἀρχέτυπον ὄν, ιδέα δημιουργική. Δοκεῖ δὲ τὰ ὄντα πρῶτα μὲν τῶν ιδεῶν εἶναι· μερίζομεν γὰρ ἡμεῖς ταῦτα καὶ ὥς ἐκκείμενα τῷ νῷ παρὰ τοῦ ἀγαθοῦ ἀναδεϊκνυμεν διὰ τῆς τοῦ νοῦ ποιήσεως·

τὰ μὲν γὰρ αἰσθητὰ μεθέξει ἐστὶν ἃ λέγεται τῆς ὑποκειμένης φύσεως μορφήν ἰσχύουσης ἄνωθεν, διὰ εἰδώλου τῆς τέχνης⁸⁾ εἰς αὐτὰ εἰσιούσης, τῆς τέχνης αὐτῆς ἔξω ὕλης ἐν ταυτότητι μενούσης καὶ τὸν ἀληθῆ ἀνδριάντα ἐχούσης, ὁ δὲ νοῦς αὐτὰ ἐστὶ τὰ ὄντα καὶ πάντα ἐν αὐτῷ οὐχ ὥς ἐν τόπῳ ἄλλ' ὥς αὐτὸν ἔχων.⁹⁾

Τοιαύτη τίς ἐστὶ καὶ ἡ περὶ τῶν πλατωνικῶν ιδεῶν θεωρία, διὰ πολλῶν μὲν ἐκείνῳ ἀκριβολογηθεῖσα, δι' ὀλίγων δέ σοι παρ' ἡμῶν καὶ σαφέστερον συνοψισθεῖσα.

душа не есть какая-то одна определенная форма и никакая иная⁵, ведь в таком случае каждая душа была бы статичной вещью и неизменной, но мы видим, как некоторые души превращаются в безумные. Следовательно, неизменная и абсолютно чистая форма — это нечто иное, нежели они.

Чем же еще это может быть, кроме нематериального ума Создателя?⁶ Дело в том, что ум двойственен: частично он то, что от вечности придает форму душе, частично — то, что всецело отличается и превосходит все другие умы, и что в то же время — по сущности и деятельности — есть чистый дух, поставленный «в преддверие Добра»⁷, будучи и сам умопостигаемой красотой. Он, таким образом, есть и сущее, и первым его помыслил, будучи не иным по отношению к нему, но оно — как Он. Так что идеи суть Его первые замыслы и простые существования сущего. И то, что является первым думающим, означает, что эти (Его) замыслы суть по-настоящему сущее; ибо они появились как образы самих себя, а не чего-то другого, вторичные же и третичные — образы и отпечатки их.

Да, каким-то образом сущее и идеи суть одно и то же; ведь там идеи суть само первично сущее и существующее по-настоящему, существующее архетипически, как идеи Создателя. С другой стороны, вероятно, что сущее первично по отношению к идеям, ибо мы разделяем их и указываем (на них) как явленные умом Благого благодаря творчеству (Его) ума.

«Ведь чувственное существует по причастности тому, что называется пребывающей выше формой нижележащей природы, вошедшей в него благодаря подобию искусства, причем само (это) искусство пребывает в (само)тождественности⁸ вне материи, обладая истинным «изваянием». А ум есть само сущее и все в нем, но не словно в (каком-то) месте, но как Его содержащее...»⁹.

Вот (тебе) и некая теория относительно платоновских «идей», которые им (Платоном) были рассказаны подробно и досконально, нами же пересказаны для тебя коротко и более ясно.

¹ Сочинение представляет собой послание к близкому к царю вельможе.

² Искусственно составленное слово, используемое в этом значении Дионисием Ареопагитом, Плотиним и Проклом, но не Платоном.

³ Цитата из Григория Назианзина — Слово 38 (PG 36, col. 321B).

⁴ Т. е. не данные от природы.

⁵ Здесь по существу представлена поздняя формулировка Николая Кузанского *non aliud* (не-иное), о чем Пселл не подозревал.

⁶ Непереводаемая игра слов, которая встречается уже у Платона, поскольку «демиург» по-гречески означает как раз мастера-ремесленника.

⁷ Цитата из Платонова «Филеба».

⁸ Контекстом для этой цитаты (из Плотина) служит описание того, как скульптор создает статую в камне, — излюбленный прием в античных и средневековых спорах о соотношении формы и материи.

⁹ Цитата продолжается еще на двух страницах.

27. Об Иоанне Итале (XI в.)

Иоанн Итал («Итальянец») был лучшим учеником Пселла и после его ухода в 1055 г. продолжил за него преподавание в Константинополе. Впоследствии его лекции о Платоне вызвали недовольство Церкви. В 1082 г. он частично попал под запрет — крайне редкое явление по отношению к учено-

1. Τοῖς δ' ὅλως ἐπιχειροῦσι νέαν τινὰ ζήτησιν καὶ διδασκῶν τῷ ἀρρήτῳ ἐνσάρκῳ οἰκονομίᾳ τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν καὶ Θεοῦ ἐπάγειν καὶ ζητεῖν οἶον τρόπον αὐτὸς ὁ Θεὸς λόγος τῷ ἀνθρωπίνῳ φυράματι ἤνωται, καὶ τὴν προσληφθεῖσαν σάρκα κατὰ τῖνα λόγον ἐθέωσε, καὶ λόγοις διαλεκτικοῖς φύσιν καὶ θέσιν ἐπὶ τῆς ὑπὲρ φύσιν καινοτομίας τῶν δύο φύσεων τοῦ Θεοῦ καὶ ἀνθρώπου λογομαχεῖν πειρωμένοις, ἀνάθεμα.

2. Τοῖς εὐσεβεῖν μὲν ἐπαγγελλομένοις, τὰ τῶν Ἑλλήνων δὲ δυσσεβεῖν δόγματα τῇ ὀρθοδόξῳ καὶ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ περὶ τῶν ψυχῶν ἀνθρωπίνων καὶ οὐρανοῦ καὶ γῆς καὶ τῶν ἄλλων κτισμάτων ἀναιδῶς ἢ μᾶλλον ἄσεβῶς ἐπεισάγουσι, ἀνάθεμα.

7. Τοῖς τὰ ἑλληνικὰ δὴ διεξιοῦσι μαθήματα καὶ μὴ διὰ παιδευσιν μόνην ταῦτα παιδευομένοις, ἀλλὰ καὶ ταῖς δόξαις αὐτῶν ταῖς ματαίαις ἐπομένοις καὶ ὡς ἀληθεῖσι πιστεύουσι, καὶ οὕτως αὐταῖς ὡς τὸ βέβαιον ἐχούσαις ἐγκειμένοις, ὥστε καὶ ἑτέρους ποτὲ μὲν λάθρα ποτὲ δὲ φανερώς ἐνάγειν αὐταῖς καὶ διδάσκειν ἀνενδοιάστως, ἀνάθεμα.

8. Τοῖς μετὰ τῶν ἄλλων μυθικῶν πλασμάτων ἀφ' ἑαυτῶν καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς πλάσιν μεταπλάττουσιν καὶ τὰς Πλατωνικὰς ἰδέας ὡς ἀληθεῖς δεχομένοις, καὶ ὡς αὐθυπόστατον τὴν ὕλην παρὰ τῶν ἰδεῶν μορφοῦσθαι λέγουσι, καὶ προφανῶς διαβάλλουσι τὸ αὐτεξούσιον τοῦ δημιουργοῦ ἀπὸ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παραγαγόντος τὰ πάντα καὶ ὡς ποιητοῦ πᾶσι ἀρχὴν καὶ τέλος ἐπιθέντος ἐξουσιαστικῶς καὶ δεσποτικῶς, ἀνάθεμα.

му. Иоанн ушел в монастырь, и больше о нем ничего не известно. Запрет включал в себя 11 пунктов, имя Иоанна было только в последнем. Здесь приведены четыре пункта этого документа.

Из осуждения церковным Синодом платонизма Иоанна Итала

1. Тем, кто вообще пытается предаться каким-то новым изысканиям и учениям о неизреченном промысле Спасителя нашего и Господа нашего и выведать, каким образом сам Бог Слово соединился с человеческим смешением и по какой причине обожествил воспринятую плоть, и тем, кто дерзает диалектическими словесами вести споры об объективности или субъективности сверхъестественного новообразования из двух природ, Бога и человека, — анафема.

2. Тем, кто, стараясь казаться благочестивым, бесстыдно или, скорее, кощунственно вносит в православную и католическую Церковь злостные эллинические учения о человеческой душе, о небе и земле и прочей твари, — анафема.

7. Тем, кто в действительности изучает эллинические науки не только ради образованности, но следует их пустым мнениям и верует в их истинность, и настолько полагает, что в них заключена достоверность, что и других приобщает к ним — когда скрытно, а когда и откровенно поучая без стеснения, — анафема.

8. Тем, кто сообразно прочим мифическим творениям от себя переделывает и наше (*мировоззрение*) и, признавая истинными идеи Платона, утверждает, что материя самосуца и что форму ей придают идеи, и открыто отрицает полную свободу Создателя, Который и привел все из небытия в бытие, а также то, что Создатель свободно и самовластно положил всему и начало и конец, — анафема.

28. Петр Дамаскин

Третий том «Добротолюбия» по большей части посвящен сочинениям в остальном совершенно неизвестного монаха-анакорета Петра Дамаскина. О нем известно лишь то, что он сам сообщил в своих сочинениях. По-видимому, он посвятил свою жизнь «царственному пути», указанному Иоанном Лествичником в его «Лестнице», т. е. исполненной «покая» (исихии) молитвенной жизни совместно с еще одним или несколькими братьями.

Жизнь Петра Дамаскина протекала на рубеже XI и XII вв., но сам он относит себя к традиции Евагрия и Максима Исповедника. Тем не менее стиль его сочинений более открытый и обстоятельный. Скупые и концент-

Φρόνησις, σωφροσύνη, ἀνδρεία, δικαιοσύνη, πίστις, ἐλπίς, ἀγάπη, φόβος, εὐσέβεια, γνῶσις, βουλή, ἰσχύς, σύνεσις, σοφία, συντριμμός, πένθος, πρῶτης, ἔρευνα τῶν θείων Γραφῶν, ἐλεημοσύνη, καθαρότης καρδίας, εἰρήνη, ὑπομονή, ἐγκράτεια, καρτερία, προαίρεσις ἀγαθή, πρόθεσις, αἴσθησις, ἐπιμέλεια, ἔρεισμα θεῖον, θέρμη, ἐργήγορις, ζέσις Πνεύματος, μελέτη, σπουδή, νῆψις, μνήμη, σύννοια, εὐλάβεια, αἰδώς, ἐντροπή, μεταμέλεια, ἀποχή κακῶν, μετάνοια, ἐπιστροφή πρὸς Θεόν, συνταγὴ Χριστοῦ, ἀποταγὴ τοῦ διαβόλου, τήρησις ἐντολῶν, φυλακὴ ψυχῆς, καθαρότης συνειδήσεως, μνήμη θανάτου, πόνος ψυχῆς, ἐργασία τῶν καλῶν, κόπος, μόχθος, σκληραγωγία, νηστεία, ἀγρυπνία, πεῖνα, δίψα, ὀλιγοδεία, αὐτάρκεια, εὐταξία, εὐσχημοσύνη, σεμνότης, ἀπερπερία, χρημάτων ὑπερωψία, ἀφιλαργυρία, ἀποταγὴ τῶν βιοτικῶν, ὑποταγὴ, ὑπακοή, εὐπείθεια, πτωχεία, ἀκτημοσύνη, φυγὴ τοῦ κόσμου, θελημάτων ἐκκοπή, ἀρνησις ἑαυτοῦ, συμβουλή, μεγαλοψυχία, σχολὴ κατὰ Θεόν, ἡσυχία, παιδεусиς, ξηροκοιτία, ἀλουσία, παράστασις, ἀγών, προσοχή, ξηροφαγία, γυμνότης, τῆξις σώματος, μόνωσις, ἡρεμία, γαλήνη, εὐθυμία, θάρσος, εὐτολμία, ζῆλος θεῖος, πυρπόλησις, προκοπή, μωρία διὰ Χριστόν, νοδὸς τήρησις, κατάστασις ἡθῶν, ὁσιότης, παρθενία, ἀγιασμός, καθαρότης σώματος, ἀγνεία ψυχῆς, ἀνάγνωσις διὰ Χριστόν, θεία μέριμνα, ἐπίγνωσις, ἐπιτηδεϊότης, ἀλήθεια, ἀπεριεργία, ἀκατακρίσια, ἀφесиς τῶν ὀφειλομένων, οἰκονομία, ἐπιδεξιωσύνη, ἀγχίνοια, ἐπιείκεια, χρήσις ὀρθῇ τῶν πραγμάτων, ἐπιστήμη, εὐφυΐα, ἐμπειρία, ψαλμωδία, προσευχή, εὐχαριστία, ἐξομολόγησις, ἱκεσία, γονυκλισία, παράκλησις, δέησις, αἴτησις, ἐντευξις, ὕμνωδία, δοξολογία,

рированные сентенции отцов-пустынников, которыми так долго отличались сочинения византийских мистиков, у Петра Дамаскина полностью отсутствуют. Сам же он осознает себя как передаточное звено в Предании и часто подчеркивает значение глубоких энциклопедических познаний для поддержания живой традиции. Особенно важно, полагает он, подробнейшим образом излагать все письменно — возможно, это рефлекс монастырской книжной традиции, сохранившейся в позднем византийском средневековье. Примерами таких записок являются приведенные тексты из третьего тома «Филокалии».

Исчисление добродетелей

Мудрость, целомудрие, мужество, праведность, вера, надежда, любовь, страх, благочестие, ведение, совет, крепость, разум, премудрость, сокрушение, плач, кротость, исследование Божественных писаний, милостыня, чистота сердца, мир, выдержка, самообладание, крепость, благое произволение, благожелательность, чувство, забота, божественное утверждение себя в Боге, горячность, бодрость, теплота духа, поучение, старание, трезвенность, памятование, собранность мыслей, благоговение, стыд, стыдливость, раскаяние, удаление от злого, покаяние, обращение к Богу, сочетание с Христом, отречение от дьявола, соблюдение заповедей, хранение души, чистота совести, память о смерти, болезнование душою, делание добра, труд, злострадание, суровость жизни, пост, бдение, алкание, жажда, довольство малым, довольствование собою, дисциплина, благопристойность, почтительность, нехвастливость, презрение собственности, несребролюбие, отвержение житейского, подчинение, повиновение, благопокорливость, нищета, нестяжание, удаление от мира, отсечение хотений, отречение от себя самого, советование, великодушие, умственный труд ради Бога, безмолвие, обучение, лежание на голой земле, неумовение, предстояние, подвиг, внимание, сухоядение, нагота, изнурение тела, уединение, жизнь в пустыне, тихость, благодушие, смелость, благое дерзновение, божественная ревность, горение, преуспевание, юродство ради Христа, хранение ума, устройство нравственности, преподобие, девство, освящение, чистота тела, очищение души, чтение ради Христа, попечение о божественном, познание, умение приспособляться, истинность, нелюбопытство, неосуждение, прощение долгов, управление, искусство (в обхождении), остроумие (в добре), уступчивость, правильное употребление вещей, повимание,

ἐξαγόρευσις, φροντίς, θρήνος, θλίψις, ὀδύνη, ἀδημονία, ὀδυρμός, στεναγμός, κλαυθμός, ἐπίπονα δάκρυα, κατάνυξις, σιωπή, θεία ζήτησις, ὀλολυγμός, ἀμεριμνία ἐκ πάντων, ἀνεξικακία, ἀκενοδοξία, ἀφιλοδοξία, ἀπλότης ψυχῆς, συμπάθεια, ἀφιλενδειξία, καλοήθεια, τὰ κατὰ φύσιν ἔργα, τὰ ὑπὲρ φύσιν, φιλαδελφία, ὁμόνοια, κατὰ Θεὸν κοινωνία, γλυκύτης, διάθεσις πνευματική, ἡμερότης, εὐθύτης, ἀκακία, ἡπιότης, ἀκεραιότης, ἀπλότης, εὐφημία, καλολογία, καλοεργία, προτίμησις τοῦ πλησίον, στοργή κατὰ Θεόν, ἕξις ἐνάρετος, συνέχεια, ποίωσις, εὐγνωμοσύνη, ταπείνωσις, ἀπροσπάθεια, μεγαλοπρέπεια, ἀνοχή, μακροθυμία, χρηστότης, ἀγαθότης, διάκρισις, τὸ εὐπρόσιτον, τὸ εὐπροσέγορον, ἀταραξία, θεωρία, ὁδηγία, παγίωσις, διόρασις, ἀπάθεια, χαρὰ πνευματική, ἀσφάλεια, δάκρυα τῆς συνέσεως, τὸ ψυχικὸν δάκρυον, θεῖος πόθος, οἰκτιρμός, εὐσπλαγχνία, φιλανθρωπία, καθαρότης ψυχῆς, καθαρότης νοός, προόρασις, καθαρὰ προσευχή, ἀναιχμάλωτος λογισμός, στερρότης, εὐτονία ψυχῆς καὶ σώματος, φωτισμός, ψυχῆς ἀνάκτησις, μῖσος ζῶης, διδασκαλία ὡς δεῖ, πόθος θανάτου ἀγαθός, νηπιότης ἐν Χριστῷ, ἐδραίωσις, νουθεσία καὶ παραίνεσις, σύμμετρος καὶ βιαστής, ἐπαινετὴ ἀλλοίωσις, ἔκστασις πρὸς Θεόν, τελειότης ἐν Χριστῷ, ἀψευδὴς ἔλλαμψις, θεῖος ἔρως, ἀρπαγὴ νοός, Θεοῦ ἐνοίκησις, φιλοθεΐα, φιλοσοφία ἐσωτική, θεολογία, ὁμολογία, θανάτου καταφρόνησις, ἀγιωσύνη, κατόρθωμα, ὑγεία τελεία ψυχῆς, ἀρετὴ, ἔπαινος ἐκ Θεοῦ, χάρις, βασιλεία, υἱοθεσία, καὶ διὰ πάντων ὁμοῦ σκη'. Τὸ δὲ θέσει γενέσθαι τὸν ἄνθρωπον, χάριτι τοῦ διδόντος ἡμῖν νίκην κατὰ τῶν παθῶν, ὧν τὰ ὀνόματά εἰσι ταῦτα, ὡς οἴμαι·

Δεινότης, πανουργία, πονηρία, κακοφροσύνη, ἀλογία, ἀκολασία, δελεασμός, ἀφύϊα, ἀνεπιστημοσύνη, ἀεργία, ψυχρότης, ἡλιθιότης, κολακεΐα, μωρία, ἐξήχησις, ἔκστασις φρενῶν, παραφρόνησις, ἀγροικία, θράσος, δειλία, νάρκησις, ἀργία τῶν καλῶν, πλημμέλημα, πλεονεξία, μειονεξία, ἄγνοια, ἄνοια, γνῶσις ψευδώνυμος, λήθη, ἀδιακρισία, ἀναισθησία, ἀδικία, κακὴ προαίρεσις, ἀσυνήδειτος ψυχὴ, νωθρότης, φλυαρία, ἀθέτησις, σφάλμα, ἁμαρτία, ἀνομία, παρανομία, πάθος, αἰχμαλωσία, συγκατάθεσις πονηρά, συνδυασμὸς ἄλογος,

быстрота ума (в добром), опытность, псалмопение, молитва, благодарение, исповедание, мольба, коленопреклонение, призывание, моление, прошение, ходатайство, песнопение, славословие, открытость, попечение, сетование, скорбение, печаль (по Богу), сострадание, тревога, стенание, оплакивание, прискорбные слезы, умиление, молчание, взыскание Бога, плачевный вопль, отрешение от всего, незлобие, нетщеславие, неславолюбие, простота души, сострадание, нелюбовь к выказыванию себя, благонравие, дела по естеству, дела превыше естества, братолюбие, единомыслие, общение о Боге, приятность, духовное устроение, тихость, прямота, незлобие, мягкость, непорочность, простота, приветливость, благое беседование, благое делание, предпочитание ближнего, привязанность о Боге, добродетельный навык, стойкость, направленность на добро, благоразумие, смирение, беспристрастие, щедрость, терпение, долготерпение, благость, доброта, рассуждение, удободоступность, обходительность, несмущение, созерцание, наставление, твердое укрепление, прозрение, бесстрастие, духовная радость, твердое стояние, слезы разума, душевная слеза, божественное желание, сострадание, милосердие, человеколюбие, чистота души, чистота ума, прозорливость, чистая молитва, нешлененный помысел, твердость, крепость души и тела, просвещение, восстановление души, ненавидение жизни, научение, благое желание смерти, младенчество во Христе, утверждение, поучение тому, как должно, и увещание соразмерное и понудительное, похвальное изменение, восторг о Боге, совершенство во Христе, неложное просяние, божественная любовь, восхищение ума, Божие вселение, боголюбие, внутреннее любомудрие, богословие, исповедание, презрение смерти, святых, исправление, совершенное здравие души, доброта ее, похвала от Бога, благодать, царство, сыноположение и через все двести двадцать восемь (*Пс. 81, 6; Ин. 1, 30*) усыновление, то есть бытие человеком Богом, благодатью даровавшего нам победу над страстями, названия которых, как думаю, суть следующие:

Исчисление страстей

Лютость, коварство, лукавство, злой образ мыслей, безрассудство, невоздержание, обольщение, грубость, невежество, праздность, холодность, окаменение, подхалимство, глупость, беспорядочный крик, выхождение из себя, помешательство, неучтивость, дерзость, боязнь, ожесточение, лень к доброму, законопреступная прибыль, корыстолюбие, скудость (от лени), неведение, безумие, лжеименное знание, забвение, нерассудительность, бесчувствие, неправда, худое произволение, бессовестность души, медленность, болтливость, незаконность, преткновение, грех, беззаконие, законопреступление,

προσβολή δαιμονική, ἐγγρόνισις, ἀνάπαυσις σωματική παρὰ τὸ δέον, κακία, πατῖσμα, νόσος ψυχῆς, ἀτονία, ἀσθένεια νοός, ἀμέλεια, ῥαθυμία, ἀθυμία ψεκτή, καταφρόνησις Θεοῦ, παρατροπή, παράβασις, ἀπιστία, δυσπιστία, κακοπιστία, ὀλιγοπιστία, αἵρεσις, συναίρεσις, πολυθεΐα, εἰδωλολατρία, ἀγνωσία Θεοῦ, ἀσέβεια, μαγεία, ἐπιτήρησις, μαντεία, γοητεία, ἄρνησις, εἰδωλομανία, ἀκρασία, σπατάλη, φιλολογία, ὀκνηρία, φιλαυτία, ἀπροσεξία, ἀπροκοπία, ἀπάτη, πλάνη, τόλμη, φαρμακία, μιαρωσύνη, μιαιοφαγία, τρυφή, ἀσωτία, γαστριμαργία, πορνεία, φιλαργυρία, ὀργή, λύπη, ἀκηδία, κενοδοξία, ὑπερηφανία, οἷσις, ἔπαρσις, ἀλαζονεία, ἀπόνοια, αἰσχροτής, κόρος, βλακεία, κάρωσις, ἡδονή, ἀπληστία, λαιμαργία, ἀχορταγία, λαυροφαγία, ἀδηφαγία, μονοφαγία, ἀδιαφορία, εὐκολία, αὐτοβουλία, ἀβουλία, αὐταρέσκεια,

ἀνθρωπαρέσκεια, ἀπειρία τοῦ καλοῦ, ἀπαιδευσία, ἀνεπιτηδεΐότης, γνώμης κουφότης, ἰδιωτεία, χωρικία, ἀντιλογία, φιλονεικία, κακολογία, κραυγή, ταραχή, μάχη, θυμός, ἐπιθυμία ἄλογος, χολή, παροξυσμός, σκάνδαλον, ἐχθρα, πολυπραγμοσύνη, συκοφαντία, πικρία, καταλαλιά, ψόγος, διαβολή, κατάκρισις, κατηγορία, μῖσος, λοιδορία, ὕβρις, ἀτιμία, ἀγριότης, μανία, αὐστηρία, ἀψότης, ἐπιορκία, ὄρκος, ἀνελεημοσύνη, μισαδελφία, ἀνισότης, πατραλοία, μητραλοία, κατάλυσις, παράλυσις, δωροληψία, κλοπή, ἀρπαγή, ζῆλος, ἔρις, φθόνος, ἀσχημοσύνη, χλεύη, ὄνειδισμός, μυκτηρισμός, κατάγελως, καταπραγματεία, καταδυναστεία, καταφρόνησις τοῦ πλησίον, μαστίγωσις, ἐμπαιγμός, ἀγγώνη, πνιγμός, τὸ ἄστοργον, τὸ ἄσπονδον, τὸ ἀσύνθετον, βασκανία, ἀπήνεια, ἀναΐδεια, ἀναισχυντία, αἰχμαλωσία, λογισμῶν σκοτισμός, ἀβλεψία, τύφλωσις, προσπάθεια προσκαιρῶν, ἐμπάθεια, ματαιότης, ἀπείθεια, καρηβαρία, νυσταγμός ψυχῆς, πολυπνία, φαντασία, πολυποσία, μέθη, ἀχρηστία, χαυνότης, τέρψις ἄλογος, φιληδονία, λαγνεία, αἰσχρολογία, θηλυμός, οἶστρος ἀκόλαστος, πύρωσις, μαλακία, μαύλησις, μοιχεία, ἀρσενοκοιτία, κτηνοβατία, μολυσμός, ἀσέλγεια, ῥύπος ψυχῆς, αἰμομιξία, ἀκαθαρσία, μαγαρισμός, μiasμός, μερική φιλία, γέλως, παίγνια, ὀρχησις, κρότοι, ἄσματα ἀπρεπῆ, χορεύματα, αὐλίσματα, παρρησία, πολυταξία, ἀνυποταξία, ἀκαταστασία, ὁμόνοια ψεκτή, ἐπιβουλή, πόλεμος, φόνος, λησταρχία, ἱεροσυλία, αἰσχροκέρδεια, τόκος, δόλος, τυμβωρυξία, σκληρότης καρδίας, δυσφημία, γογγυσμός, βλασφημία, μεμψιμοιρία, ἀχαριστία, κακοβουλία, ὀλιγωρία, μικροψυχία, σύγχυσις, ψεῦδος, γλωσσαλγία, ματαιολογία, ἄλογος χαρά, μετεωρισμός, ἄλογος φιλία, κακοήθεια,

страсть, пленение, лукавое согласие (с мыслью), беспорядочное сочетание (с мыслью), бесовское приложение (помысла), замедление, телесный покой сверх должного, злоба, падение, недуг души, изнеможение, немощь ума, небрежность, леность, малодушное порицание, презрение Бога, превращение, преступление, неверие, недоверчивость, зловерие, маловерие, ересь, соединение с ересью, многобожие, идолопоклонство, неведение Бога, нечестие, волшебство, подглядывание, догадки из соображений, чародейство, отрицание, идолонеистовство, невоздержание, мотовство, любовь к беседам, нерадение, самолюбие, невнимание, непреуспевание, обман, заблуждение, отважность, отравление, осквернение, ядение скверного, роскошь, нецеломудрие, чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, беспечность, тщеславие, гордость, самомнение, возношение, чванство, обезумление, гнусность, насыщение, вялость, сонливость, тяжесть головы (от вина), наслаждение, ненасытимость, гортанугодие, ненасыщение, тайноядение, объядение, уединенноядение, безразличие, легкость (удобство во всем), самовластие, бессовестие, самоугodie, человекоугodie, неопытность в добром, невразумление, необучение, легкомыслие, невежественность, нелюдимость, противоречие, спорливость, злословие, вопль, смущение, борьба, раздражительность, беспорядочная похоть, желчность, раздражение, соблазн, вражда, вмешательство в чужие дела, клевета, горечь, оговаривание, порицание, обвинение, осуждение, жалоба, ненависть, злословие, досаждение, бесчестие, свирепость, неистовство, жестокость, сплетение зла, клятвопреступление, проклинание, немилосердие, братоненавидение, неравенство, отцеубийство, матереубийство, расстройство, расслабление, принятие даров, воровство, грабеж, ревность, состязание, зависть, непристойность, насмешка, поношение, поругание, ругательство, подкуп, угнетение, презрение ближнего, биение жезлом, осмеивание, удушение, задушение, неприязнь, непримирение, вероломство, неосознанность, зложелательность, бесчеловечность, бесстыдство, наглость, пленение помыслов, омрачение, слепота, ослепление, пристрастие к временному, страстность, суета, неповиновение, отягощение головы, дремание души, многоспание, мечтание, многопитие, пьянство, непотребство, распутство, беспорядочное увеселение, привязанность к наслаждениям, сластолюбие, сквернословие, женоподобие, необузданное неистовство, разжение, рукоблудие, женопрелъщение на блуде, прелюбодейство, скотосмешение, осквернение, похотливость, нечистота души, кровосмешение, нечистота, сквернение, частное содружество, смех, игра, плясание, хлопанье (руками), неприличные песни, пляски, игра на инструментах, смелость, многочисленные, неподчинение, непостоянство, порочное согласие, злоумышление, битва, убийство,

λῆρος, μωρολογία, πολυλογία, σκνιφότης, μοχθηρία, ἀκαταδεξία, ἀγανάκτησις, πολυκτημοσύνη, μνησικακία, παράχρησις, καχεξία, φιλοζωία, περπερία, τύφος, φιλαρχία, ὑπόκρισις, εἰρωνεία, ὑπουλότης, εὐτραπελία, ἥττα, ἔως σατανικός, περιεργία, προσκρούσματα, ἀφοβία Θεοῦ, ἀνηκούϊα, ἀγνωμοσύνη, ὑψηλοφροσύνη, καύχησις, φυσίωσις, ἐξουδένωσις τοῦ πλησίον, ἀσπλαγχνία, ἀναλγησία, ἀνελπιστία, πάρεσις, μισοθεία, ἀπόγνωσις, αὐτοκτονία, καὶ διὰ πάντων ἔκπτωσις ἀπὸ Θεοῦ καὶ τελεία ἀπώλεια· ὁμοῦ πάντα σψη'.

Ταῦτα τοίνυν τὰ πάθη ὀνομαζόμενα ἐν ταῖς θείαις Γραφαῖς εὖρον, καὶ ἐφάπαξ τέθεικα, ὥς τὰς βίβλους εἰς τὴν ἀρχὴν τοῦ λόγου· κατὰ τάξιν δὲ οὐτε ἐδυνήθην, οὐτε ἐπεχείρησα τὴν κατάθεσιν, ὥς ὑπὲρ ἐμὲ οὔσαν, διὰ τὸν λόγον, ὃν εἶρηκεν ὁ τῆς Κλίμακος· ζητήσεις παρὰ κακοῖς σύνεσιν, φησί, καὶ οὐχ εὐρήσεις, διότι ἄτακτά εἰσιν ἅπαντα τὰ τῶν δαιμόνων· ἓνα καὶ μόνον σκοπὸν ἔχουσιν, ἐν ᾧ καὶ ἰσάζουσιν οἱ ἀνίσιοι καὶ ἀνόσιοι, τὸ ἀπολέσαι τὰς ψυχὰς τῶν δεχομένων τὴν κακίστην αὐτῶν συμβουλήν· εἰ καὶ ἄλλοις τισὶν ἀνθρώποις γίνονται στεφάνων πρόξενοι, ὅταν νικῶνται ὑπὸ τῆς πίστεως καὶ ὑπομονῆς τῶν ἐλπίζόντων ἐπὶ τὸν Κύριον, καὶ, τῇ ἐργασίᾳ τῶν καλῶν καὶ ἀντιστάσει τῶν λογισμῶν, ἀντιπραττόντων καὶ κατευχομένων αὐτῶν.

разбойничество, святотатство, бесчестный прибыток, рост (проценты), обман, раскапывание гробов, жестокосердие, злое ославление (ближнего), роптание, хула, недовольство своей участью, неблагодарность, злое советование, пренебрежение, малодушие, смущение, ложь, болтовня, пустословие, неразумная радость, легкомыслие, неразумное содружество, злонравие, шутки, глупые речи, многословие, скряжничество, отягощение других, злость, неблагоприятство, негодование, многостяжание, злопамятность, злоупотребление, навык в зле, любовь к жизни, тщеславие, надменность, властолюбие, лицемерие, подсмеивание, тайные козни, изворотливость, побуждение (худому), сатанинская любовь, любопытство, пристрастность (к ближнему), бесстрашие Бога, непослушание, неразумие, высокоумие, хвастовство, напыщенность, уничижение ближнего, немилосердие, нечувствительность, безнадежность, оставление, ненависть к Богу, отчаяние, самоубийство, и всеми отпадение от Бога, и совершенная погибель, — всех вместе 298.

Эти страсти нашел я упоминаемыми в божественных Писаниях и поместил их вместе, как и книги, прочитанные мною в начале слова; в порядке же не мог расположить, да и не покушался на это как на превышающее мои силы, по слову Лествичника: поищешь в злых разума — и не найдешь, ибо беспорядочны все у бесов и имеет одну только цель, в которой равны между собою неравные и нечестивые — губить души принимающих их злейший совет. Хотя некоторым другим людям и бывают они причиной венцов, когда побеждаемы бывают верой и терпением уповающих на Господа, и деланием доброго, и сопротивлением помыслам, борющимся с ними и молящимся на них.

29. Михаил Хониат (ок. 1140–1220)

Плач по Афинам

Этот образец византийской поэзии XII в. приведен здесь не ради поэтических качеств, но в силу его ностальгической темы. Поэзия в эту эпоху была в основном риторической, привязанной к античным размерам, а тут перед нами — образец ямбического триметра. Плач был широко распространенным жанром. Автор, Михаил Хониат (ошибочно называемый Акоминатом),

Ἐρως Ἀθηνῶν τῶν πάλαι θρυλουμένων
 ἔγραψε ταῦτα ταῖς σκιαῖς προσαθύρων
 καὶ τοῦ πόθου τὸ θάλπον ὑπαναψύχων·
 Ἐπεὶ γὰρ οὐκ ἦν οὐδαμοῦ φεῦ προσβλέπειν
 αὐτὴν ἐκείνην τὴν ἀοίδιμον πόλιν,
 τὴν दुसारίδμου καὶ μακραίωνος χρόνου
 λήθης βυθοῖς κρύψαντος ἠφαντωμένην,
 ἔρωτολήπτων ἀτεχνῶς πάσχω πάθος,
 οἱ τὰς ἀληθεῖς τῶν ποθουμένων θέας
 ἀμηχανοῦντες τῶν παρόντων προσβλέπειν
 τὰς εἰκόνας ὁρῶντες αὐτῶν, ὡς λόγῳ,
 παραμυθοῦνται τῶν ἐρώτων τὴν φλόγα.
 Ὡς δυστυχῆς ἔγωγε, καινὸς Ἰζίων,
 ἐρῶν Ἀθηνῶν, ὡς ἐκεῖνος τῆς Ἥρας,
 εἶτα λαθὼν εἶδωλον ἡγκαλισμένος.
 Φεῦ οἶα πάσχω καὶ λέγω τε καὶ γράφω·
 οἰκῶν Ἀθήνας οὐκ Ἀθήνας που βλέπω,
 κόνιν δὲ λυπρὰν καὶ κενὴν μακαρίαν.
 Ποῦ σοι τὰ σεμνά, τλημονεστάτη πόλις;
 Ὡς φροῦδα πάντα καὶ κατάλληλα μῦθοις
 δίκαι, δικασταί, βήματα, ψῆφοι, νόμοι,
 δημηγορίαι, πειθανάγκη ρητόρων,
 βουλαί, πανηγύρεις τε καὶ στρατηγίαι
 τῶν πεζομάχων ἅμα καὶ τῶν ναυμάχων,
 ἢ παντοδαπῆς Μοῦσα, τῶν λόγων κράτος.
 Ὅλωλε σύμπαν τῶν Ἀθηνῶν τὸ κλέος·
 γνώρισμα δ' αὐτῶν οὐδ' ἀμυδρόν τις ἴδοι.
 Συγγνωστὸς οὐκοῦν, εἴπερ οὐκ ἔχων βλέπειν
 τῶν Ἀθηναίων τὴν ἀοίδιμον πόλιν,
 ἱνδαλμα ταύτης γραφικὸν ἐστησάμην.

был старшим братом историка Никиты Хониата и учеником Евстафия. В течение тридцати лет он был архиепископом Афин, которые к его времени потеряли весь свой былой блеск и стали просто небольшим и небогатым городком.

Любовью к Афинам, издревле воспетым,
Написано это, подобно тому, как игра иль театр
Пригодны порой для смягченья утраты.
Ибо покуда его не увижу, город преславный,
Всеми воспетый, везде восхваленный, —
Спрятан, забыт он, заброшен в безбрежное море —
Времени море без меры, без края —
Делаюсь сам я не свой, будто в любовном чаду,
Даже не смея взглянуть на возлюбленный образ,
Только ищу отраженья его и утешенья в воде,
Чтоб, охладив, успокоить жаркий любовный огонь.
Столь же несчастный, как Иксион прежде,
К Гере стремившийся, рвусь я к Афинам,
В любовном томленье в объятия тень заключая.
Как я страдаю, желая сказать: посмотри,
Это — Афины, мой город! Но где же Афины?
Только лишь тлен, горстка пыли и мертвого праха!
Где же красоты твои и твой блеск, город бедный?
Все преходяще — пройдет, затеряется в сказках:
Судьи, суды, справедливость, закон,
Речи, ораторы, власти, народы,
Праздников шум и солдатские сборы
В дальние страны — сражаться на суше и море,
Власть нестареющей Музы над мыслью и словом —
Все преходяще, будь то злословье иль слава,
Все, миновав, не оставит и тени былого.
Простите ж мне, зная, что если не вижу Афины,
Город мой славный, то, будто икону в киот,
В стихи я возлюбленный образ вставляю.

30. Καλλιστ Καταφιγιот (ок. XIII в.)

Неизвестный греческий монах. Гимн «Неописуемый Бог» взят из его сочинения «О божественном соединении и созерцательной жизни», состоящего из 150 параграфов и написанного в генологической традиции. Гимн построен на отрицании, в основе которого лежит учение Дионисия Ареопа-

Ὡ Δέσποτα,
 ὁ πάντων τῶν ὀρωμένων καὶ νοουμένων ὦν ἀρχή,
 παντοκράτορ·
 ἀρχὴν ἔχων τὸ ἀναρχον,
 ἄκτιστε,
 καὶ ὀρισμὸν τὸ ἀόριστον,
 ἄπειρε,
 καὶ φύσιν τὸ ὑπερφυές,
 ἀπερίληπτε,
 καὶ οὐσίαν τὸ ὑπερούσιον,
 ἀγέννητε,
 καὶ εἶδος γοῦν τὸ ἀνείδεον,
 ἀόρατε,
 καὶ ἴδιον τὸ αἰδίον,
 ἀφθαρτε,
 καὶ σχῆμα τὸ ἀσχημάτιστον,
 ἀνεξιχνίαστε,
 καὶ τόπον τὸ ἀπερίγραπτον,
 ἀπεριόριστε,
 κατάληψίν τε τὸ ἀκατάληπτον,
 ἀνεξερεύνητε,
 καὶ γνῶσιν καὶ θεωρίαν τὸ ἀθέατόν τε καὶ ἀγνωστον,
 ἀπρόσιτε καὶ ἀπερινόητε,
 καὶ λόγον, τὸ ἀφθεγκτον,
 ἀνεκδιήγητε,
 καὶ ἐρμηνείαν τὸ ἀνερμήνευτον,
 ἄφατε,
 καὶ τὸ ἀεννόητον νόησιν,
 ἀδιανόητε,

гита. Характерны для традиции Ареопагита и возвышающее отрицание (например, в обращении «О, Несотворенный»), и противоречие между утверждением («Начало») и его отрицанием («Безначальный»).

Неописуемый Бог

О, Господи,
всего видимого и мыслимого Начало,
Вседержитель!
Начало безначальное,
Несозданный,
Граница безграничная,
Беспредельный,
Естество сверхъестественное,
Непостижимый,
Сущность сверхсущественная,
Нерожденный,
Вид невидимый,
Бессмертный,
Образ неизобразимый,
Неисследимый,
Место неопределимое,
Неограниченный,
Постижение непостижимое,
Неизыскуемый,
Знание и созерцание невидимое и непознаваемое,
Недоступный и Непомыслимый,
Слово непроизносимое,
Неизреченный,
Изъяснение неизъяснимое,
Невыразимый,
Мысль немислимая,
Непомышляемый,
Полное утверждение, превышающее всякое отрицание,
Сверхбоже!

καὶ ὅλως θέσιν τὴν ὑπὲρ πάντα ἀφαίρεσιν,
ὑπέρθε·

ὅλος εἶ

θαῦμα καὶ γαλήνη καὶ θάρρος καὶ ἀγάπη
καὶ γλυκύτης καὶ θυμηδία καὶ πεποίθησις ἐν ξύμπασι,
καὶ τῷ ὄντι ἀμεριμνία καὶ χαρά,
ἡ ἐνυπόστατος μόνη δόξα καὶ βασιλεία καὶ σοφία καὶ δύναμις.

Διὰ τοῦτο ἔκστασις ἀπὸ πάντων

τῶν ὀρωμένων καὶ κατάπαυσις ἀπὸ πάντων

τῶν νοουμένων πεφυκτότως ἄρρητα γίνῃ

καὶ ἀνάπαυσις ἐν σοὶ θαυμαστή

τοῖς

μετὰ μετοχῆς σὲ θεωροῦσι

τοῦ Ἁγίου Πνεύματος,

ἄφραστε Θεέ.

Весь Ты

чудо, тишина, безопасность и любовь
сладость, благоухание и доверие разом,
беззаботность и радость для сущего,

Единая воиспосташенная слава, царство, премудрость и сила.

Ради этого — отступление от всего

видимого и прекращение *восприятия* всего
умопостигаемого, родившегося несказанным рождением,
и упокоение в Тебе чудесное

для тех,
кто по причастии Тебя созерцает,
Святого Духа
несказанный Боже!

Пер. Г. М. Прохорова

31. Феодор Метохит (1270–1331)

Выдающийся государственный деятель, гуманист и эстет. Возглавлял восстановление монастыря Хора в предместье Константинополя — жемчужину византийского искусства. Стал жертвой политических интриг и, униженный и оскорбленный, вернулся в монастырь Хора. Будучи гуманистом, стал продолжателем линии Пселла и провозвестником Ренессанса. Его про-

“Οτι πᾶσι σύνηθες τοῖς σοφοῖς εἰρωνεῖα καὶ τὸ χαριεντίζεσθαι, καὶ Πλάτῳνι μάλιστα καὶ Σωκράτει.

Χαριέντες γε εἰσὶ τῶν σοφῶν οἱ πλεῖστοι πάλαι τε καὶ νῦν πρὸς τοὺς ἐντυγχάνοντας καὶ πολλῇ πρὸς αὐτοὺς εἰρωνεῖα χρώμενοι, καὶ οὐκ οἶδ’ ὅστις οὐ· ἀλλ’ οἱ μὲν καὶ μεθ’ ὅτι πλείστης κακοηθείας τε καὶ δυσνοίας ἐπιφερόμενοι, καὶ τῆς ἐν βάθει πικρίας ἰῶ κεχρωμένα τῇ γλώττῃ πέμποντες ἔσωθεν βέλη, καὶ τὸ βάσκανον σφᾶς ὀπλίζει, κἂν εἴῃστιν ὅτι τὴν ἐλευθερίαν πλάττῳνται· οἱ δ’ ἐξ ἐπιπολῆς, πῶς ἂν εἴποι τις εὐκολίᾳ καὶ ἡθους καὶ γλώττης χαίροντες, καὶ οὐ παντάπασιν ἀηδῶς, οὐδὲ φορτικῶς ἐκ τοῦ εὐθέως χρώμενοι, πάσης σκηνῆς κακούργου ἀλλότριον καὶ δράματος, καὶ ἔστιν αὐτοῖς καὶ τὸ δηγματῶδες ἐν τοῖς λόγοις οὐ καθάπας ἀφιλόνητον, οὐδ’ εὖ μάλ’ ἐπιτιθέμενον ἐπειθ’ ἐξῆς, οἷς προσπαίζουσιν, ἀλλ’ ἴσως μὲν ἀνύτον εἰς ὀνησὶν τινα, ἴσως δ’ ἄλλως οὕτωςί πως φέρον, μὴ δὲ προσποιούμενον σκοποῦ τινὸς πέρας, ἀλλ’ ἢ μόνον ὥς ἐρεῖν, τοῦ κόρδακος ἕνεκεν.

Ἄπαντά γε καὶ παρὰ Πλάτῳνι ταῦτ’ ἐστὶν ἐνορᾶν, ἢ τῷ τοῦ Πλάτῳνος ἐν τοῖς λόγοις Σωκράτει, εἰ δὲ βούλει μάλιστ’ ἀμφοῖν, ᾧ καὶ μᾶλλον ἐγὼ τίθεμαι. Οὐτε γὰρ τοσαῦτα φαίη ἂν ἐγωγε καταψεύδεσθαι Σωκράτους Πλάτῳνα καὶ τάλλοτριώτατα τοῦ ἡθους τε καὶ τοῦ βίου ἀνδρὶ φιλότατ’ οὐκοφαντοῦντα φέρειν, καὶ ταῦτ’ ἐν εἰδόσι τοῖς πλείοσιν ἐκείνον ἐκείνῳ τοῖς λόγοις χρώμενον, οὐτ’ αὖθις εἰ μὴ τοῖς αὐτοῖς ἔχαιρε καὶ αὐτὸς Πλάτῳν, καὶ χαίρων εἰθιστο χρησθαι παραπλησίως· καὶ εἰ ταῦτ’ ὄντως ἐκείνου, τοῖς ἐκείνου καὶ αὐτὸς μὴ προσέκειτο στέργων ἐπιεικῶς ὅλη ψυχῆς αἵρεσει, πολὺς ἂν ἦν ὁ Σωκράτης διὰ πάντων αὐτῷ τῶν λόγων οὕτω χρώμενος, οὗς εἰς τὸ κοινὸν ἀνθρώποις ἅπασιν ἐξῆς συνετάττετο κομιδῇ σπουδάζων προγράμματα τινα καὶ

изведение *Miscellanea*, откуда взят следующий отрывок, написано чрезвычайно «плетеными словесами» и представляет собой собрание 120 философских и исторических трактатов, в которых цитируется более 70 греческих авторов (и ни одного латинского). Выше всех он ставит Аристотеля как логика и Платона — как метафизика.

О понятии «ирония» (*Miscellanea*, гл. 8)

О том, что ирония и способность шутить обычны для всех мудрых мужей, в особенности же для Платона и Сократа.

Многие премудрые мужи — как в прошлом, так и сейчас — любят обращаться к окружающим с шуткой и часто используют по отношению к ним иронию, и, пожалуй, я не знаю здесь никакого исключения. Но если кто-либо выступает против них с превеликой злобой и недоброжелательством, то, будучи глубоко уязвлены, они в ответ стреляют в них из своего внутреннего оружия, используя язык в качестве стрел, а недоброжелательство лишь вооружает их и, бывает, что при этом они переступают грань дозволенного. У других же ирония лежит на поверхности: со своего рода почти благодушием, если можно так сказать, и в мыслях, и в языке они с радостью используют иронию, отнюдь не становясь желчными, и ведут себя не развязно, а, напротив, избегая любых злых и резких выражений, и даже если жало их речей бывает негуманно или агрессивно по отношению к тем, на кого направлена шутка, то все-таки чаще всего они используют ее либо для пользы дела, либо потому, что так уж вышло, и не преследуют никакой определенной цели, это, так сказать, — танец ради танца¹.

Именно такое можно видеть у Платона, или у Сократа в его платонистских сочинениях, или — если угодно — у них обоих, как я предпочел бы думать. Ибо *мне* не хотелось бы утверждать, что Платон все выдумывает про Сократа и, клеветца, приписывает весьма любезному мужу чуждые его характеру и поведению свойства, делая это, невзирая на то, что передает слова Сократа в кругу людей, хорошо его знающих. Он бы и не дал Сократу воспользоваться иронией, если бы сам не ценил ее точно так же и не имел бы обыкновения с удовольствием применять ее подобным же образом; и если даже в действительности это было присуще только ему (Сократу), сам же он (Платон) не был приверженцем таковой, старательно отгораживаясь от

στήλας καὶ κηρύγματα τοῦ βίου τὲ καὶ τῆς σοφίας ὑπὲρ ἑαυτοῦ τὲ καὶ τοῦ φίλου Σωκράτους.

Καὶ ἅμα τοῦτο καὶ περὶ ἀμφοῖν ἀκούειν ἔχομεν τῶν ἱστορούντων περὶ ἀμφοῖν, ὥς ἄρα τοιοῦτῳ χρωμένων ἦθει, καὶ τοιούτοις ἀμέλει τοῖς λόγοις αἰεὶ πρὸς τοὺς ἐντυγχάνοντας, ὥστε καὶ εἰσιν, οἳ φασιν, ὥς ἄρα καὶ οὗτος ὁ τρόπος καὶ ἡ τοῦ βίου χρήσις Πλάτῳ μὲν αἴτιον γέγονε τοῦ καθάπαξ ἐκφυγεῖν τὴν πολιτείαν, καὶ τὰ κοινὰ τῆς πατρίδος πράττειν μετὰ σοφίας ταύτης, καὶ ταῦτ' ἐν Ἑλλάδι, καὶ τῆς Ἑλλάδος Ἀθήνῃσι βιώσαντι. Σωκράτει δὲ ἐπραξεν ἐνταῦθα πολιτευομένῳ σωφρόνως τὲ καὶ δικαίως καὶ μετ' ὀρθῶν, ὥς εἰ τις ἄλλος, τῶν λογισμῶν κακῶς ἀπαλλάξαι, καὶ ὅλως τὸ κώνειον τοῦ θανάτου συνεκέρασεν ἢ τῶν ἐντυγχανόντων αὐτῷ, φήμ' ἔγωγε, πρὸς αὐτὸν ἀηδία, κοινῇ τὲ καὶ ἰδίᾳ ὕβριν δοκούντων καὶ ὑπερφηφανίαν τὸ πρᾶγμα, καὶ τοὺς ἐν τοῖς λόγοις μετ' εἰρωνείας ἐλέγχους ἐκάστοτε ἐκάστους κακοῆθειάν τε καὶ δύσνοιαν, ἀκρατόν τε καὶ ἀπολίτευτον.

Καὶ τοῦτ' ἔστι μὲν καὶ παρὰ τῆς ἱστορίας ἡμῖν, ἀλλὰ καὶ Ξενοφῶντες ἐν ὑπομνήμασι, ἀλλὰ καὶ Αἰσχίναι διαλεγόμενοι πολλὴν ἐν τοῖς λόγοις καὶ ταῖς ὁμιλίαις ὑπεμφαίνουσι τῷ Σωκράτει τὴν εἰρωνείαν, καὶ τὴν ἀηδίαν ἐντεῦθεν πᾶσα ἀνάγκη τῶν ἀκουόντων. Καὶ δῆλόν γε τοῖνυν κακὰ τούτων, ὥς οὐ πάνθ' ἡμῖν οἴκοθεν ὁ Πλάτων φθέγγεται, ἀ παρὰ Σωκράτους φθέγγεται, ἀλλ' εἰσὶ γε μάλισθ' οἱ λόγοι τῷ ἀνδρὶ γνήσιοι, καὶ σφόδρα ἐπαληθεύοντες αὐτῷ τῷ τοῦ Σωκράτους βίῳ καὶ τρόπῳ.

Πολὺς δ' ὁμοῦς ὁ ἐν Πλάτῳ Σωκράτης, ἢ ὁ ἐν Σωκράτει Πλάτων, εἰ δ' οὖν, ὥς ἔφην, ἔστω γε κοινὸς ἀμφοῖν ὁ Ἑρμῆς κατὰ τὴν παροιμίαν, πολὺς δ' οὖν τὴν εἰρωνείαν παντὶ γε, πρὸς ὃν οἱ λόγοι, εἴτε σκυτεὺς τίς ἐστιν, εἴτ' οἰκοδόμος, εἴτε ναυπηγός, εἴτε κεραμεύς, εἴθ' ὅστις τέχνης ἡστινοσοῦν ἐπιμελητής, καὶ αὖθις εἴτε βουλευτής καὶ προστάτης πόλεως, καὶ ὅλως τὰ κοινὰ πράττων, εἴτ' ἰδιώτης καὶ γ' ἔτι, εἴτε πρεσβύτης, εἴτε νέος, εἴθ' ἡστινος ἡλικίας ἀμφοῖν ἐν μέσῳ, καὶ μὴν ἔτ' αὖθις εἴτε ῥητορείας, καὶ τοῦ λέγειν τεχνίτης, εἴτε σοφιστείας, εἴτ' ἀληθοῦς φιλοσοφίας ἐστὶν ἐραστής, εἴτ' ἐποποιὸς αὐτός, εἴτ' ἀλλοτρίων πόνων ὑποκριτής τε καὶ ῥαψωδός. Ἄπανσι γὰρ εὐ μάλ' ἀνὴρ, εἰ καὶ μὴ παραπλησίως πᾶσι, μὴδ' ἐκ περινοίας, μὴδὲ δυσνοίας, ἀλλ' ἔστιν, οὗ καὶ ῥᾶον καὶ ἀξιοζητήτως βάθους τινὸς καὶ δεινότητος, ἅπανσι δ' οὖν ἐπιφύεται, καὶ εἰ δὴ τις ἄλλος ὥς ἀληθῶς τῶν σοφῶν,

нее всем складом своей души, разве стал бы тогда Сократ вести себя во всех его произведениях именно так, как он (Платон) написал об этом поочередно в одном за другим из них, удовлетворяя всеобщий интерес и уделяя особое внимание определенным правилам, примерам и сведениям о том образе жизни и мудрости, каковые являли и он сам, и его друг Сократ?

И в то же время от знающих связанные с ними обоими истории можно услышать, будто им были свойственны именно эти черты характера, и они всегда намеренно использовали речи такого рода по отношению к своему окружению, так что всегда находились говорившие, будто именно эта черта и весь стиль жизни Платона стали причиной, заставившей его раз и навсегда покинуть государственные учреждения, и что будто своей мудростью он подрывал общественные институты отечества, — и это несмотря на то, что жил он в Элладе, в эллинистических Афинах! Но для Сократа это кончилось тем, что он, ведущий в обществе умеренный и благонравный образ жизни и разделявший взгляды людей добропорядочных (как он говорил о некоторых), всегда из-за приводимых им доводов оказывался неудобным, и вообще, смею утверждать, именно недоброжелательство окружающих было той силой, что приготовила ему смертельный сок цикуты, посчитав — и все общество в целом, и каждый отдельно, — что все дело в его высокомерии, и решив, что любое возражение, с иронией высказываемое им во всякое время и во всяком разговоре, свидетельствует о его злокозненности и неуживчивости, невоздержанности и недостатке образования.

И мы узнаём это не только из истории; на то, что Сократ и в речах, и в диалогах часто использовал иронию, неизбежно вызывая этим раздражение слушателей, указывают как воспоминания Ксенофонта, так и беседы Афиней. Итак, отсюда следует, что все сообщаемое Платоном о Сократе говорится им хотя и не без оглядки на самого себя, но все же слова его в высшей степени честны и исключительно правдивы по отношению к жизни и быту самого Сократа.

Но всецело Сократом Сократа делает Платон, а Платона — Сократ, и, как говорится, пусть Гермес будет с ними обоими. Итак, он в полной мере использует иронию по отношению к каждому, чья речь обращена против него, — будь то сапожник или зодчий, корабельный мастер или горшечник², или еще кто-то в любой иной профессии, да будь он даже член городского совета, или городской голова, или какой-то политик, или частное лицо — никаких исключений, как неважно, старше ли он его, или моложе, или же — где-то посредине между ними, так же, как неважно, знаток ли он риторики и ораторского искусства, или, быть может, софистики, любитель ли чистой философии, или же автор эпических произведений, а быть может, пьес

Πλάτων μάλιστ' εἰρωνεῖα χαίρει πρὸς τοὺς ἐντυγχάνοντας πάσης εὐλαβείας ἕξω, καὶ παντὸς ὀκνου.

Πάνυ τοι θαρρῶν ἔοικεν ἑαυτῷ, καὶ οὐχ ἡττόν γε τῇ, πρὸς δ' βούλοιτ' ἄν, εὐστομία, ἢ τῷ τῆς σοφίας τε καὶ τοῦ ἡθους παντελείῳ τε καὶ ὀρθῷ, ἄκρος ἀνὴρ κατ' ἀμφότερα.

или рапсодий, требующих для исполнения усилий многих людей. Ведь муж сей воистину идет против всех, пусть и не всех одинаково, поступая так, однако же, не из чего-то вымышленного и не из презрения, но — и он весь в этом — из поучительной глубины и мощи: он идет против всех, и среди этих всех не является исключением и сам Платон, тот, кто, ничуть не остерегаясь и нисколько не колеблясь, с удовольствием использует иронию по отношению к своему окружению.

И он, кажется, вполне уверен в себе и в языковом изяществе того, что собирается сказать, ничуть не меньше, чем в совершенстве мудрости и права и в здравомыслии, — во всех отношениях муж сей на высоте.

¹ Имеется в виду *cordax*, который считался неприличным танцем в старой аттической комедии. Таким образом, выражение означает, что танец танцуется ради самого танца, а не ради скрытой в нем непристойности.

² Типы людей, встречающиеся в диалогах Платона или в других источниках о жизни Сократа.

32. Григорий Палама (1286–1359)

Уроженец Константинополя Григорий Палама был знатного рода и в юности получил солидное образование, рассчитанное на политическую карьеру. Но в 20 лет он порвал со светской культурой, став монахом на Афоне, где пробыл 25 лет. Он углубился там в чтение Библии и трудов отцов Церкви, в особенности же в изучение практики «сердечной молитвы», это «искусство превыше всех искусств», учителем которой он стал (исихазм). Против собственной воли он был вынужден обстоятельствами письменно защищать это духовное учение. Некоторые западные гуманисты, известные своими томистскими и номиналистскими воззрениями — и в первую очередь монах Варлаам из Калабрии, — получив доступ к императору и патриарху (Иоанну XIV) Константинополя, превратили спор между собой и Григорием Паламой в крайне ожесточенную борьбу. Григорий был обвинен в ереси и несколько лет просидел в тюрьме в Фессалониках (1341–1345), где впоследствии стал епископом. Во время заточения Палама написал некоторые свои наиболее известные трактаты. Он вышел из этого спора победителем, что имело огромное значение для обновления греческого Православия.

Критика Варлаама касалась прежде всего так называемых нетварных энергий. Говоря о них, можно проводить различие между божественной сущностью, недоступной человеческому сознанию и разуму, и открывающимся божественным светом, к которому верующий может причаститься благодаря упражнению (аскезе). Именно энергетическая наполненность этим божественным светом позволяет достичь того, о чем, например, пророк

22. Τί δὴ τὸ ἐκ τούτων συναγόμενον καὶ τὸ ἁμαχὸν τε καὶ ὁμολογὸν τῇ Γραφῇ προσμαρτυροῦν; Ὅτι καὶ ἔστι καὶ οὐκ ἔστι, καθ' ἕτερον ἕτερον τρόπον· τοῦτο δέ ἐστιν ὃ ἡμεῖς εἰρήκαμεν, ὅτι τὰ μὲν τῶν θείων γινώσκεται τε καὶ ἀποδείκνυται, τὰ δ' ἀπερινόητά ἐστι καὶ ἀνεξιχνίαστα· πλημμελὲς ἄρα τὸ λέγειν ὡς οὐκ ἔστιν ἀποδείξεις ἐπ' οὐδενὸς τῶν θείων· ἔστι γὰρ ἐφ' ὧν, καὶ ἔστιν ὧς. Ὡς γὰρ ἡ ἐνανθρώπις τοῦ Κυρίου ὑπὲρ φύσιν τέ ἐστι καὶ κατὰ φύσιν, καὶ λεγομένη ἄρρητος μένει καὶ νοουμένη ἄγνωστος, ἐπεὶ τὰ μὲν ὑπὲρ φύσιν, ὡς ἡ τῆς παρθένου κύσις, τὰ δὲ κατὰ φύσιν, ὡς ὁ τῆς νηδύος ὄγκος μετὰ σύλληψιν, οὕτω καὶ τὸ θεῖον ἀποδεικτόν τέ ἐστι καὶ οὐκ ἀποδεικτόν· ἀμερίστως μέντοι μεριζόμενον τῇ διαφορᾷ τῶν τρόπων, ἐπεὶ „καὶ διὰ γνώσεως γινώσκεται καὶ δι' ἀγνώσιας“. ὅτι μὲν γὰρ ἔστι καὶ ὅτι ἐν ἔστι καὶ γινώσκεται καὶ ἀποδείκνυται, τί δέ ἐστι καὶ τί γε ἐν ἀπερινόητόν ἐστι παντάπασιν.

Исайя говорит как о наполнении духом мудрости и разума, духом совета и помощи, духом знания и благочестия, духом страха Божия. Именно этот Дух нисходит и наполняет «безмолвников» (исихастов) светом, который иногда можно видеть телесными очами. Учение Паламы было «мистическим», т. е. недоступным разуму, но убедительным для верующего сердца.

Еще и сегодня западное богословие по большей части относится к паламизму скептически. Но внутри греко-русского Православия это восходящее к Платону мировоззрение занимает примерно то же положение, что в римской Церкви восходящий к Аристотелю томизм.

Обоснование понятия нетварной божественной энергии (Второе послание относительно Варлаама, 22–32)

В этом полемическом послании Григорий, критикуя своего противника Варлаама, защищает собственную метафизику света, используя при этом ярко выраженную платоно-гнозисическую аргументацию, почерпнутую в первую очередь из «парменидской» философии Дионисия Ареопагита. Центральным в этой традиции является различие между апофатическим (отрицательным) и катафатическим (утвердительным) богословием, первое из которых направлено на божественную сущность, а второе — на божественную энергию.

22. Что ж такое, составляемое из этого, неопровержимое и согласное с Писанием, привести нам во свидетельство того, что *Он* и есть, и *Его* нет, — каждое особым образом. Это и значит то, что мы говорим, что одно из божественного познается и доказывается, а другое немысливаемо и неизыскуемо. Ошибочно, таким образом, говорить, что применительно ни к чему божественному доказательство невозможно; ибо по отношению к некоторым *вопросам оно* возможно, и возможно так. Ведь как вочеловечение Господа и превыше природы, и в согласии с природой, и остается называемым неизреченным и мыслимым непознаваемым, поскольку одно *здесь* превышает природу, как-*то*: беременность девы, а другое согласно с природой, как-*то*: объем материнского чрева после зачатия, так и божественное и доказуемо и недоказуемо. Неделимо, конечно же, *Божество*, делимое различными способами, поскольку «и посредством познания познается *Бог* и посредством незнания»¹. Ибо то, что *Он* есть, и то,

¹ Дионисий Ареопагит. О божественных именах, 7, 3.

23. 'Αλλ' ὁ φιλόσοφος ἀκούων Διονυσίου τοῦ μεγάλου λέγοντος ὡς „ἡ θεότης καὶ μονὰς καὶ Τριάς ὑμνουμένη οὐκ ἔστι οὐδὲ μονὰς οὐδὲ τριάς ὑπὸ τινος τῶν ὄντων διεγνωσμένη“ οὕτω πως ὡς ἔοικεν ἐνόησεν ὡς ὑπ' οὐδενὸς ὅτι ἔστι μονὰς ἐγνωσθῇ· ὁ δὲ μέγας ἐκεῖνος οὐ τοῦτο φησιν, ἀλλ' ὅτι μὲν ἔστι μονὰς γινώσκεται τε καὶ ὑμνεῖται, ἀλλ' οὐ τῶν συνεγνωσμένων ἐν τοῖς οὖσιν ἐναρίθμων μονάδων, αἱ γὰρ οὐδὲ μονάδες ἂν κυρίως εἶεν, εἴ γε ἡ μονὰς οὐκ ἀριθμός, ὥστε διὰ τοῦτο ἐκεῖνο μᾶλλον ἔγνωσται μονὰς καὶ μόνον, ὃ, τι μὴ δι' ἀριθμοῦ τε καὶ ἐν ἀριθμοῖς γνωρίζεται· ἡ γὰρ κυρίως οὐκ ἀριθμός·
μονὰς οὖν ἡ θεότης, ἀλλ' οὐ τῶν ἐν τοῖς οὖσι διεγνωσμένη, καθάπερ καὶ Γρηγόριος ὁ θεολόγος εἰπὼν „τὴν τοῦ Θεοῦ φύσιν ἀληπτὸν τε καὶ ἀπερίληπτον“ εὐθὺς ἐπάγει, τῆς τοῦ ῥητοῦ διανοίας ἐρμηνεὺς γινόμενος· „λέγω δὲ οὐχ ὅτι ἔστιν, ἀλλ' ἥτις ἔστιν“. Ὁ δὲ φιλόσοφος οὗτος ἀληπτον ἐπίσης καὶ ἀναπόδεικτον τίθεται καὶ τὸ τί ἔστι καὶ τὸ ὅτι ἔστι, καὶ ἡ σεμνὴ πρόφασις αὐτῷ τὸ δι' ἀποδείξεως δεικνύειν ὅτι πάντα τὰ θεῖα ὑπὲρ ἀπόδειξιν.
24. ... Τίς γάρ, οὐδὲ ἀπὸ τῶν δημιουργημάτων ἔσται ἀπόδειξις ὅτι ἔστι δημιουργός; Οὐδὲ γνωστὰ ἔστί τινα τῶν ἁοράτων ἀπὸ τῶν ὁρωμένων; Οὐδὲ τὸν θεῖον Παῦλον δέξῃ μαρτυροῦντα ὅτι „τὰ ἁόρατα τοῦ Θεοῦ ἀπὸ κτίσεως κόσμου τοῖς ποιήμασι νοούμενα καθορᾶται“, ἀλλ' ὑπὲρ πᾶσαν ἐπαφὴν καὶ γνῶσιν πάντ' ἑρεῖς τὰ θεῖα;
25. ... Σὺ δ' ὅμως καὶ τοῦτ' ἂν ἡμῖν ἐκφάναις, ὁ κατὰ πᾶσαν ἐξουσίαν ὃ, τι ἂν ἐθέλοις λέγων, καὶ μάρτυρα ἡμῖν σοι παρέξεις θαυμαστὸν) λέγοντα· „Θεὸν νοῆσαι μὲν χαλεπὸν, φράσαι δὲ ἀδύνατον“. 'Αλλ' εἰ τοῦθ' οὕτω σοι δοκεῖ, τί γε ἐκεῖνο ὅπερ οὐκ οἶδ' ἢ τοι περὶ σαυτοῦ ἢ κατὰ σαυτοῦ προοιμιαζόμενος πρὸς τοὺς Λατίνους γράφεις, ὅτι „πλείω λέγεις ἢ νοεῖς“; 'Εγὼ δὲ οὐ μόνον ὅτι ἔστι δημιουργός κατανοῶ ἐκ τῶν δημιουργημάτων, ἀλλὰ καὶ ὅτι εἰς ἔστι καὶ νοῶ καὶ ἀποδείκνυμι· πάντα γὰρ ὁρῶ μιᾶς καὶ τῆς αὐτῆς βουλῆσεως καὶ σοφίας καὶ δυνάμεως δεόμενα γενέσθαι ἐκ μὴ ὄντων· μία δὲ βούλησις ἅμα καὶ σοφία καὶ δύναμις μιᾶς φύσεώς ἐστιν· εἰς ἄρα τῇ φύσει ὁ δημιουργός Θεὸς ἡμῶν.

что *Он* един, и познается, и доказывается, а что *Он* такое, вовсе непостижимо.

23. Но философ (*Варлаам*), слыша, что великий Дионисий говорит, что «божественность, воспеваемая как Единица и как Троица, не является ни единицей, ни троицей в понимании кого-либо из существ»¹, — каким-то образом подумал, кажется, что никем не познано то, что *Он* есть Единица. Великий же тот *Дионисий* не это говорит, но что *Он* и познается и воспевается как Единица, но — не в числе единиц, соопознанных в составе других чисел в сущем, каковые на деле не были бы и единицами, не будь Единицы не-числа. Так что посредством этого главным образом было понято то, что *Он* Единица и Единое, — потому что *Он* познается не через число и при этом среди чисел, ибо по сути *Он* не число.

Итак, божественность едина, но — не из числа познанного в сущем, как и Григорий Богослов, сказав: «Божью природу, недоступную и непостижимую», — тут же добавил, став толкователем высказанной мысли: «я имею в виду не то, есть ли она, а то, какова она есть»². А этот философ полагает, что равным образом недоступно и недоказуемо то, что *Он* есть, и что *Он* есть, и это служит ему прекрасным основанием для того, чтобы с помощью доказательства показать, что все божественное превышает доказательство.

24. ...Ибо какое может быть доказательство того, что существует Творец, помимо творений? И не познаваемо ли что-то из невидимого благодаря видимому? И с божественным Павлом ты не согласишься, засвидетельствовавшим, что «невидимое Божие, от создания мира творениями помышляемое, видимо» (ср. Рим. 1, 20), и скажешь, что божественное выше всякого прикосновения и знания?

25. ...Ты, однако же, и вот что объяснил бы нам, что, по всей возможности, и хотел бы, говоря, что и свидетеля чудного в твою пользу нам представишь, говорящего: «О Боге помыслить трудно, сказать же невозможно»³. Но если тебе так это кажется, то что же такое — не знаю, за себя ли, или против себя — ты пишешь во вступлении, обращаясь к латинянам, что «ты больше говоришь, чем думаешь»? Я же из творений не только, что существует Творец, уразумеваю, но и что *Он* один, понимаю и утверждаю. Ибо вижу, что все обязано своим появлением из не-сущего единым и тем же самым желанию, мудрости и силе. Единые же желание, мудрость и сила принадлежат одной природе. Таким образом Творец, наш Бог, по природе един.

¹ Дионисий Ареопагит. О божественных именах, 13, 3.

² PG 36, 32B.

³ Платон. Тимей 28 b-c.

26. Πάλιν ἀνάλαβέ σου τὰ ἀμυντήρια, προβалоῦ τοὺς Ἀριστοτέλους τοῦ σοῦ κανόνας, ἐρώτα τὰς πεύσεις τὰς ἀμφικρήμους, μικρὸν δ' ὁμως μέινον καὶ ταυτὰ σοι προθήσομεν εἰς ἐξέτασιν.

Nῦν δ' ἴδωμεν διὰ τίνων κατασκυάζει μηδαμῶς εὐλογον εἶναι τὸν Θεὸν ἓνα λέγεσθαι. Ὑποχρήν φησιν ὅτι οὐκ ἔστι, καθ' ὅσον ὑπαρξιν οὐκ ἔστι, κατ' αἰτίαν οὐκ ἔστιν ἓν· κατ' οὐδένα ἄρα τρόπον ἔστιν ὁ Θεὸς ἓν.

Τὴν μὲν οὐκ μετοχὴν καὶ ὑπαρξιν παρεῖναι μοι δοκῶ· τὸ μὲν γὰρ οὐδεὶς ἠγνόησεν ὅτι μὴ κατὰ μετοχὴν ἔστι τι Θεῶ, τὸ δὲ οὐδεὶς ἐζήτησε τί ἔστι καθ' ὅσον ὑπαρξιν Θεός. Κατ' αἰτίαν δὲ πῶς οὐκ εὐλογον ἓνα τὸν Θεὸν λέγεσθαι οὐκ ἔχω συνιδεῖν, οὐ μόνον ὅπως οὐκ εὐλογον, ἀλλ' οὐδ' ὅπως ἐτόλμησεν εἰπεῖν, σαφῶς τοῦτο τῶν ἁγίων διαγορευόντων. Ἄλλ' εἰ κατ' αἰτίαν τὸν Θεὸν ἓν οὐκ εὐλογον εἰπεῖν, οὐδὲ τοῦ ἐνὸς αἴτιος ἔσται, καὶ γὰρ ὧν ἔστιν αἴτιος, ἀπὸ τούτων ἔχει τὰς προσηγορίας· εἰ δὲ τοῦ ἐνὸς οὐκ ἔστιν ὁ Θεὸς αἴτιος, οὐδενὸς τῶν ὄντων ἔστιν αἴτιος· τῷ γὰρ εἶναι τὸ ἓν, πάντα ἔστι τὰ ὄντα, καὶ τῶν ὄντων ἕκαστον ἓν ἔστιν ἢ γένει ἢ εἴδει ἢ ἀριθμῷ, καὶ οὐδ' ἂν πολλὰ ἕκαστον αὐθις τούτων εἴη τῇ κατ' αὐτὰ διαφορᾷ, εἰ μὴ τὸ ἓν εἴη· τὸ γὰρ ἓν ἔστι στοιχειωτικὸν καὶ συνεκτικὸν καὶ συστατικὸν πάντων. Ὡσθ' ὁ τοῦ ἐνὸς μὴ ὧν αἴτιος οὐδενός ἔστιν αἴτιος.

27. „Ἄλλ' εἰ ὡς αἰτιός“ φησι „τοῦ ἐνὸς ἓν ἔστιν ὁ Θεός, οὐ μᾶλλον ἓν ἢ πολλά, καὶ γὰρ καὶ τῶν πολλῶν αἰτιός“. Παρίημι τοίνυν λέγειν ὡς τοῖς μὲν πολλοῖς οὐ συναναιρεῖται τὸ ἓν, τῷ δὲ ἐνὶ τὰ πολλά, καὶ ὡς ὁ Θεὸς ἐν τῷ ἐνὶ μένων καὶ τὰ πολλά προάγει, καὶ οὐ προάγει μόνον, ἀλλὰ καὶ γινώσκει, τοῦ ἐνιαίου μὴ πληθυνομένου τὰς ἐν τοῖς πλήθεσι διαφοράς· ἀλλ' εἰ μὴ μᾶλλον ὁ Θεὸς ἓν ἢ πολλά, διατί εἰς μὲν Θεὸς λέγομεν, πολλοὶ δὲ οὐ λέγομεν; Διατί δὲ πολυώνυμον αὐτὸν καλοῦμεν, ἀλλ' οὐ τοῖς ὀνόμασι συνδιαίρουμεν;

„Ἄλλ' οὐκ εἰπὼν“ φησιν „οὐ μᾶλλον ἓν ἢ πολλά, ἀλλ' οὐ μᾶλλον ἓν ἢ οὐχ ἓν“. Εἰ οὖν ἔστιν, οὐχ ἓν δὲ ἔστι, πολλά ἂν εἴη.

28. „Πῶς οὖν“, φησί, „Διονύσιος ὁ μέγας περὶ τοῦ Θεοῦ φησιν ὡς οὐτε ἓν ἔστιν“; Ἄλλ' οὐκ ἐπ' ἀναιρέσει τοῦ ἐνός, ὃ βέλτιστε· παράγγελμα γὰρ ἔστιν αὐτοῦ μὴ οἶεσθαι τὰς ἀποφάσεις ἀντικειμένους εἶναι ταῖς καταφάσεσιν ἐπὶ Θεοῦ.) Σὺ δ' ἐπ' ἀναιρέσει τοῦ ἐνός προφέρεις τὸ οὐχ ἓν, τὴν ἀσυνείκαστον ἐκείνην

26. Вновь возьми свои средства обороны, выстави свои любимые Аристотелевы каноны, задай каверзные вопросы и немного подожди, мы и их представим тебе для рассмотрения.

Ныне же мы видим, что с помощью некоторых людей, *цитат (?)* он сооружает *утверждение*, что ни в коем случае не благословенно говорить, что Бог един. «Ни в силу причастности, — говорят они, — ни по бытию, ни как причина Бог не един»¹.

Причастность и бытие *делу* не помогают. Мне кажется, нет ведь таких *людей*, кто не знает, что не по причастности существует что-то у Бога, а во-вторых, никто не исследовал, чем Бог является по бытию. Почему же неблагословенно говорить, что Бог един как причина, мне не понять, не только, почему *это* неблагословенно, но и почему он осмелился *так* сказать, когда это ясно утверждают святые. Но если не благословенно называть Бога единым как причину, то Он не окажется причиной и единого, ибо причиной чего Он является, от того и имеет прозвания; если же Бог не есть причина единицы, то Он не причина ничего из существующего. Ибо если существует Единое, то все существует, и у каждого из сущих единым является либо род, либо вид, либо число. И не было бы также у каждого из таковых специфических различий, не будь Единого. Оно ведь есть первичное, объемлющее и входящее в состав² всего. Так что не являющийся причиной единицы не является причиной *вообще* ничего.

27. «Но если, — говорит он, — как причина единого един Бог, то единое не больше, чем многое, а ведь Он и многих причина»³. Итак, излишне говорить, что со многим не погубляется одновременно единое, но с единым — многое; и что Бог, пребывая в едином, и производит многое, и не только производит, но и знает, причем единое не умножает присущих множеству различий. Но если Бог не более един, чем множествен, почему же мы говорим, что Бог един? Почему мы зовем Его и многоименным, но при этом именами не разделяем?

«Но я не сказал, — говорит он, — что Он не более единое, нежели многое, только, что Он — не более единое, чем не единое». Если, значит, Он есть, то не как единое, а, пожалуй, *как* многое.

28. «Как же, — говорит он, — великий Дионисий говорит о Боге, что Он не есть единое»⁴? Но тот не отвергает единое, о наилучший! Он учит, что не следует полагать, будто отрицания, применительно к Богу, противоположны утверждениям.⁵ Ты же на основании отвержения единого объявляешь, что Бог не един, неизобразимую эту

¹ Варлаам. Первое письмо Паламе.

² Три технических термина аристотелевской и стоической логики.

³ Варлаам. Первое письмо Паламе. С. 259.

⁴ Дионисий Ареопагит. О божественных именах, 13, 3.

⁵ Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии, 5.

αἰτίαν προστιθεὶς ὥς εἰ κατ' αἰτίαν ἔστιν ἓν, καθ' ὑπαρξιν οὐκ ἔσται ἓν, ὥστε φησὶν „οὐ μᾶλλον ἓν ἢ οὐχ ἓν“.

Τί δὴ σοι βούλεται τὸ καθ' ὑπαρξιν τοῦτο, ὃ διαλεκτικῆ σὺ καὶ ἄφυκτε; Εἰ μὲν γὰρ τὸ ἀπλῶς εἶναι, πῶς τὸ κατ' αἰτίαν ἓν οὐκ ἔσται αὐθις οὐδαμῶς ἓν; Αὐτῷ γὰρ τῷ εἶναι ὁ Θεὸς ἓν ὑπὲρ τὸ ἐν τοῖς οὖσιν ἓν καὶ τοῦ ἐν τοῖς οὖσιν ἑνὸς αἷτιος καθίσταται, ἀκλίτως ἴν' οὕτως εἶπω ἑαυτὸν ἐπιδιδούς καὶ τῆς οἰκείας ἐνότητος ἀγαθότητι μεταδιδούς καὶ ἀμεθέκτως μετεχόμενος.

Εἰ δὲ τὸ καθ' ὑπαρξιν τοῦτό σοι βούλεται ὅτι οὐκ ἔστιν οὐσία τοῦ Θεοῦ τὸ ἓν καὶ διὰ τοῦτο οὐκ εὐλογον ἓνα λέγειν τὸν Θεόν, οὐδ' ὁ ἥλιος λοιπὸν εἰς ἔστιν, ἐπεὶ οὐκ ἔστιν αὐτοῦ τὸ ἓν οὐσία· εἰ δὲ κατὰ μετοχὴν τοῦ αὐτοενὸς εἰς ἔστιν ὁ ἥλιος, οὐ μᾶλλον εἰς ἢ οὐχ εἰς, ἐπεὶ καθ' ὑπαρξιν οὐκ ἔστιν εἰς.

29. Τὸ αὐτὸ δὲ καὶ ἐπὶ πάντων ὅσα τοῦ ἑνὸς μετέχει, καὶ μάλα γε εἰκότως. Εἰ γὰρ τὸ αὐτοὲν οὐ μᾶλλον ἓν ἢ οὐχ ἓν κατὰ τὴν σὴν σοφίαν, πολλῶ μᾶλλον ὅσα τῷ μετέχειν τούτου ἓν ἔστιν· οὐκ ἐπὶ τοῦ ἑνὸς δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ τῶν δύο ἢ τριῶν καὶ παντὸς ἀριθμητοῦ· τοῦ γὰρ ποσοῦ μηδέποτε οὐσίας ὄντος, τὰ δύο οὐ μᾶλλον δύο ἢ μὴ δύο· καὶ γὰρ εἰ κατ' ἀριθμὸν δύο, ἀλλὰ καθ' ὑπαρξιν οὐ δύο πάντως.

“Ὡστε οὐ τὸν Θεὸν οὐχ ἓν ἀπέδειξεν ὁ φιλόσοφος, ἀλλὰ τὸ ἓν οὐκ ὄν, εἶπερ οὐ μᾶλλον ἓν ἢ οὐχ ἓν, καὶ ἀπλῶς πάντα ἀριθμὸν ἀνεῖλε. Τοῦτο δὲ ἔστιν, ἵνα κατὰ τὴν αὐτοῦ φῶμεν ἐπιστήμην, παραλογισμός, ὁ παρὰ τὴν τοῦ ἐλέγχου ἀγνοίαν, ᾧ καὶ θεολογῶν ὁ γεννάδας χρήται, δι' οὗ καὶ σοφισάμενος, πάντα ἀριθμὸν ἀνεῖλεν (οὐ γὰρ κατὰ τὸ αὐτὸ ἓν τε καὶ οὐχ ἓν), ῥαδίως δ' ἂν οὕτω τις καὶ ἑκαστον τῶν ὄντων μὴ μᾶλλον ὄν ἢ μὴ ὄν ἐλέγξειεν.

30. Οὐ μὴν ἀλλ' εἰ καὶ τῶν ἄλλων πάντων κατεψεύσατο, εἰς γὰρ ἐπιλάμπει ἥλιος ἡμᾶς, πλείους δὲ φωστῆρες, πλείστοι δὲ ἀστέρες, ἀλλ' ἑαυτοῦ γε ἕνεκα οὐκ ἔψευσται· εἰς γὰρ ὄν, οὐχ εἰς ἔστι ταῖς διαλέξεσιν, ἀλλ' ἄλλος καὶ ἐναντίος ἑαυτῷ. Ὁ γὰρ ἐνταῦθα μὴ καθ' ὑπαρξιν ἓν εἶναι τὸν Θεὸν ἰσχυρίζόμενος, ἀκούσατε τί λέγει ἀνωτέρω·

Причину представляя так, будто если в смысле причины Он един, то по бытию не будет един; потому он и говорит: «не более единое, чем не единое».

Что это тебе хочется, чтобы по бытию это было, о изворотливый ты диалектик? Ведь если *имеется в виду* вообще бытие, то отчего в смысле причины единое никак не будет единым в другом отношении? Ведь самым бытием Бог един в смысле, превышающем смысл единого в сущем, и является причиной единого в сущем, несклоняемо, так сказать, Себя даруя и благо Собственного единства передавая и оказываясь непричастно причастуемым.

Если же тебе хочется, чтобы было это по бытию, потому что сущность Божия не является единой, и потому, дескать, не благословенно называть Бога единым, то и солнце не едино, поскольку у него не одна сущность. Если же солнце едино по причастности Самой-по-себе-единицы, то оно не более едино, чем не едино, поскольку по бытию оно не есть единица.

29. То же самое — и применительно ко всему, что причастует единому, и вполне по справедливости. Ибо если Само-по-себе-единое не более едино, чем не единое, согласно твоей премудрости, то гораздо больше — то, что является единым по причастности; и это верно применительно не только к единице, но и к двум, или трем, и ко всякому числу. Ибо, если количество никогда не является сущностью, то два не более два, чем не два; и хоть по числу оно два, но по бытию вовсе не два.

Так что философ не то доказал, что Бог не единица, но что число один не существует, поскольку один не более, нежели не один; и тем самым просто всякое число он уничтожил. Это, чтобы нам сказать о его учености, — паралогизм, имеющий в виду незнание опровержения; им и пользуется благородный среди богословов, благодаря чему умудренный и всякое число уничтожил (ибо не по тому же самому Он и единица и не единица); так кто-нибудь легко мог бы и каждое из сущих изобличить как не более сущее, чем не сущее.

30. Нет, но если и обо всем другом он наговорил бы вздор, одно ведь сияет нам солнце, многие же светила, множайшие же числом звезды, но касательно себя он не ошибся: будучи един, в рассуждениях он не один, но другой и противоположный самому себе. Ибо здесь старающийся доказать, что Бог по бытию не един, послушайте, что пишет выше:

«То, что у других сущностей называется “само по себе”, существует и у Бога, называемым “у Него”. Невозможно ведь и быть и не быть. Так что если, — говорит он, — кто-то спросит тебя: то, что ты называешь существующим “у Бога”, лишено *собственного* основания, или причастно некоторому бытию? И если так, то сущности это или случайности? Как избежать того, чтобы не назвать божественную сущность недоказуемой?»¹

31. Что же он говорит? Поскольку все — или сущность или случайность, а «у Бога» случайностей нет, стало быть, Богу принадлежат сущности. Если же что-то из этого кто-то назовет познаваемым, то и о сущности Божией говорит как о познаваемой и доказуемой. А кто говорит, что Бог по бытию ничто, тут же одновременно называет таковым по бытию все, объемом классификации необходимо включая в это, разумеется, и нас. Так что по этой классификации, все сущее единым не объемлется. А если объемлется, то тому, что выше сущего, не так необходимо быть сообъемлемым классификацией сущего. Ибо ипостатом (*основой*) таковых, по великому Дионисию, является Бог, а не Он таковыми составлен, и ничто существующее «у Бога» не имеет завершением бытие Бога, и Его природа непознаваема, — чтобы была *между природами* разница по существу (*субстанциальная*), как говорит Василий Великий². Ибо Господь сущий и предсущий и единый сущий и просто и единственно сущий и не нуждается ни в каком различии для того, чтобы быть; а для сущих «у Него», являющихся многими, требуется различие.

Так что Божьи сущности — это те, что «у Бога», а Сам Он есть сущность тех, кто «у Него».

32. Поскольку Сам Он есть сущность, неизреченная и непомыслимая, поскольку Он есть сущность сущих, жизнь живущих, премудрость мудрствующих и вообще всех бытию и благому бытию причастующих, так сказать, существенность и сила добротворящая, Он и мыслится и называется и открывается, хоть Он и не «поскольку» существует. Если же то, что «у Бога», и причастствует некоего бытия, то не как сущности, и не как *нечто* лишенное основания, но совершенно также, как Он *дает* достойным, но как энергии Божьи существующей. Если же кто-то скажет, что это результаты действий (*энергий*), то и у таковых есть сущности, каковые ни в коем случае не божественны.

Пер. Г. М. Прохорова

¹ Варлаам. Первое письмо Паламе. 255.

² Послание № 225, 3.

Соединение и разделение

Предыдущие отрывки из сочинений Григория Паламы касались различия между божественной сущностью и тем, что «при» (peri с. асс.), т. е. тем, что к ней относится. Об этом подробнее говорится в следующем отрывке, взятом из философского трактата «Соединение и разделение». Термины эти позаимствованы в т. ч. и из философии Псевдо-Дионисия. Как и предыду-

1. Διονύσιος ὁ μέγας

αὐτήκοος γεγὼς τῆς τῶν ἀποστόλων τοῦ Χριστοῦ φωνῆς, ἢ πάντως ἀπὸ τῆς πυρίνης ἐξηχεῖτο γλῶττης, καὶ τῇ περὶ τὰ θεῖα συντόνῳ τε καὶ παντελεῖ σχολῇ νοῦν καὶ γλῶτταν διαρκῶς γεγυμνασμένος, ἀλλ' οὐδ' ἄνευ ἐπιπνοίας θείας, περὶ θείας ἐνώσεως καὶ διακρίσεως ἐκθέσθαι τοῖς ἔπειτ' ἐσομένοις λυσιτελῶς κεκινημένος, τὴν περὶ τούτων ἀσφαλεστάτην καὶ ἀληθῆ θεολογίαν τοῖς εὖ φρονοῦσι διετράνωσεν, ὥς ἂν ἡμεῖς ταύτη κανόνι καὶ φωτὶ χρώμενοι, καὶ δι' αὐτῆς ὀρθοτομοῦντες τὸν τῆς ἀληθείας λόγον, τοὺς κατὰ τι ταύτης ἐκκλίνοντας καὶ παρατρεπομένους εὐχερῶς τε διορῶμεν καὶ λυσιτελῶς εὐθύνωμεν· εἰ μὲν ἔλαιντο, καὶ αὐτοῖς· εἰ δὲ μὴ, τοῖς γοῦν ὑπὸ τῆς σεσοφισμένης αὐτῶν χρηστολογίας καὶ πιθανότητος σαλευομένοις, ἀσφαλείας ὀρέγοντες σὺν θεῷ φάναι χεῖρα, καθόσον ἐφικτόν.

2. Οὗτος τοίνυν ὁ μέγας

καὶ τοῖς πρὸ αὐτοῦ πᾶσι θεοφόροις τὰ αὐτὰ καὶ φρονεῖν καὶ λέγειν μαρτυρῶν
φησι·

„λέγουσιν οἱ τῆς καθ' ἡμᾶς θεολογικῆς
παραδόσεως ἱερομύσται τὰς μὲν ἐνώσεις τὰς θείας,
... τὰς διακρίσεις δὲ ...“

...

8. Τί γὰρ νοοῦμεν ἀπὸ τῶν κτισμάτων;

Ὅτι δημιουργὸς τούτων ὁ θεός.

Εἰ δὲ δημιουργὸς τοιούτων, καὶ ἀγαθὸς καὶ σοφὸς καὶ δυνατός· καὶ κατὰ ταῦτα νοοῦμεν ἀπὸ τῶν αὐτοῦ κτισμάτων τὸν θεόν, ἀλλ' οὐ κατὰ τὴν οὐσίαν, καθάπερ καὶ ὁ Παῦλος ἐδίδαξεν ἡμᾶς, ὅτι

щее послание, этот трактат полемизирует с монахами Варлаамом и Акиндином. Он начинается с похвалы Псевдо-Дионисию, основанием для чего служит его сочинение «О божественных именах» (см. 14). Основная ссылка относится к Посланию апостола Павла Римлянам (*Рим. 1, 19–20*).

1. Великий Дионисий, сам слышавший голос Христовых апостолов, совершенно изливавшийся из огненных уст, достаточно утрудив *свои* ум и язык согласным с *ним* совершенным сочинением о божественном, но и не без божественного вдохновения, подвигшись плодотворно изложить для будущих поколений то, что касается божественного единства и разделения, разъяснил благоразумным *людям* безопаснейшую и истинную богословскую мысль об этом, чтобы, пользуясь этим *как* канон и светом, мы, благодаря им правильно распространяя слово истины, тех, кто в чем-то от нее уклоняется и поворачивает, легко понимали и плодотворно поправляли и, если они воспримут *слово истины*, то и они *думали бы то же, что мы*, если же нет, то, простирая патающим от преумудренного их красноречия и искусства убеждать руку для защиты, с Богом сказали, насколько *это* возможно, *им об этом*.

2. И так этот великий богослов говорил, свидетельствуя, что все до него бывшие богоносные мужи мыслили и говорили *одно и то же*: «священнотаинники нашего богословского предания говорят, что божественные единства... разделения же...»

...

8. Ибо что мы уразумевает от творений? Что создатель их Бог. Если же Он создатель таковых, то Он благ, премудр и силен. И потому от Его творений мы уразумевает Бога, а не от *Его* сущности, как и Павел научил нас, сказав, что «невидимое Божие, от создания мира через рассматривание творений видимо», то есть — «невидимая Его сила и Божество» (*ср. Рим. 1, 20*). Итак, сущность ли Божия, творениями помышляемая, созерцается? Ни в коем случае. В этом ведь и

„τὰ ἀόρατα τοῦ θεοῦ
 ἀπὸ κτίσεως κόσμου
 τοῖς ποιήμασι νοούμενα καθορᾶται,
 ἥ τε ἁΐδιος αὐτοῦ δύναμις καὶ θειότης“.

Ἄρ' οὖν ἡ οὐσία τοῦ θεοῦ τοῖς ποιήμασι νοουμένη καθορᾶται;
 Οὐμενοῦν·

τοῦτο γὰρ τῆς Βαρλαάμ καὶ Ἀκινδύνου παραφροσύνης ἐστί, καὶ
 πρὸ τούτων τῆς Εὐνομίου παραφορᾶς· καὶ οὗτος¹⁾ γὰρ πρὸ τούτων
 κατὰ τούτους ἐκ τῶν ποιημάτων οὐδὲν ἕτερον, ἀλλ' αὐτὴν
 λογογραφεῖ νοεῖσθαι τὴν οὐσίαν τοῦ θεοῦ. Ὁ δὲ θεῖος ἀπόστολος
 πολλοῦ δεῖ τὰ τοιαῦτα ὑφηγεῖσθαι. Προδιδάξας γὰρ ὅτι

„τὸ τοῦ θεοῦ γνωστὸν
 φανερόν ἐστι“

καὶ δείξας ὡς ἔστι καὶ ἄλλο τι ὑπὲρ
 τὸ γνωστὸν τοῦτο τοῦ θεοῦ, ὅπερ ἐφάνερωσε
 πᾶσι τοῖς νοῦν ἔχουσιν αὐτός, εἴτ' ἐπήνεγκε·

„τὰ γὰρ ἀόρατα αὐτοῦ
 ἀπὸ κτίσεως κόσμου
 τοῖς ποιήμασι νοούμενα
 καθορᾶται“.

Τὸ δὲ γνωστὸν τοῦ θεοῦ τί ἐστιν, οὕτως ἂν μάθοις. Οἱ θεοφόροι
 πατέρες ἐξηγούμενοί φασι·

τοῦ θεοῦ τὸ μὲν ἐστὶν ἄγνωστον, ἦγουν ἡ οὐσία αὐτοῦ,
 τὸ δὲ γνωστὸν, ἦγουν πάντα τὰ περὶ τὴν οὐσίαν,

τουτέστιν ἡ ἀγαθότης, ἡ σοφία, ἡ δύναμις, ἡ θειότης, ἥτοι
 μεγαλειότης,

ἃ καὶ ἀόρατα ὁ Παῦλος λέγει, νοούμενα μέντοι τοῖς ποιήμασι.

Τὰ δὲ ἀπὸ τῶν κτισμάτων περὶ τὴν οὐσίαν τοῦ θεοῦ νοούμενα ταυτὶ
 πῶς ἂν εἴη πάλιν κτίσματα;

9. Οὕτως ἄρα ἐν μιᾷ θεότητι ἀκτίστῳ εἰς ἄκτιστος θεός, ὡς μὴ κατ'
 οὐσίαν μόνον ἄκτιστος ὑπάρχων τὴν πανταχόθεν παντάπασιν
 ἀπερινόητον, ἀλλὰ καὶ κατὰ τὰ περὶ τὴν οὐσίαν, ἃ νοεῖται κατὰ τὸν

состоит безумие Варлаама и Акиндина, и из-за этого произошло помешательство Евномия. Ведь до них и он¹, как и они, написал, что из творений ни что иное *следует* помышлять, как сущность Божию. Божественный же апостол совсем не это указывал. Ибо он наставлял что «то, что можно знать о Боге, явно для них» (Рим. 1, 19) и показал, что есть и нечто выше этого познаваемого Божия, что прояснил всем имеющим ум сам, затем прибавил: «ибо невидимое Его от создания мира через рассматривание творений видимо».

А что можно знать о Боге, он так бы и научил. Богоносные отцы, разъясняя, говорили: «У Бога одно непознаваемо, а именно Его сущность, другое же познаваемо, а именно то, что вокруг сущности»², то есть благодать, премудрость, сила, божественность или же величественность, что Павел и называет невидимым, мыслимым благодаря творениям. А это мыслимое благодаря творениям о Божьей сущности невидимое как может быть опять же творением?

9. Так ведь в одной несозданной божественности *есть* один несозданный Бог, существующий как не по сущности только несозданный, отовсюду вовсе не помыслимый, но и *познаваемый* по тому, что «у сущности», что мыслится, согласно божественному Павлу, «через рассматривание творений». Варлаам же и Акиндин это невидимое Божие, у сущности Божией *сущее*, благодать, премудрость, силу, божественность или же величественность, и подобное этому назвали сотворенным, поскольку они «у сущности», а не сущность. Не имея ведь *достаточно* ума, чтобы «через рассматривание творений» Божиих помышлять и видеть невидимое «у сущности» Божией, они, горемыки, так и делают надвое Бога — на тварное и нетварное — и учат безумно, что несозданная энергия неотличима от несозданной сущности. Говоря, что одна она несозданна и превосходяща, как и несозданная божественность, а все «у сущности» сущие энергии и сама причисляемая к ним отцами божественность создана, они впадают не только в двубожие, но и в безбожие.

Благодаря тому, что они опускают *какие-то* из энергий и божественную сущность до уровня твари, а что превосходством они одни от других отличаются, они отрицают, и так по недостатку *ума*, от неведения Бога, впадают они словно в некий мрак. Да и как в целом познают Бога люди, не видящие того, что познается о Нем через рассматривание творений, но сочиняющие такое — то о превышающей

¹ Об этих арианских положениях см. у Григория Назианзина.

² Ср.: Василий Великий. Послание № 234, 1, PG 32, 869а; ср. также: Дионисий Ареопагит. О божественных именах 1, 2.

θεῖον Παῦλον ἀπὸ τῶν κτισμάτων. Βαρλαάμ δὲ καὶ Ἀκίνδυνος τὰ ἄοράτα ταῦτα τοῦ θεοῦ, τὰ περὶ τὴν οὐσίαν ὄντα τοῦ θεοῦ, τὴν ἀγαθότητα, τὴν σοφίαν, τὴν δύναμιν, τὴν θειότητα, ἡγουν μεγαλειότητα, καὶ τὰ παραπλήσια τούτοις κτιστά φασιν, ἐπειδὴ περὶ τὴν οὐσίαν, ἀλλ' οὐκ οὐσία ἐστὶ· νοῦν γὰρ οὐκ ἔχοντες ἐκ τῶν ποιημάτων τοῦ θεοῦ νοῆσαί τε καὶ κατιδεῖν τὰ περὶ τὴν οὐσίαν τοῦ θεοῦ ἄοράτα, τὸν θεὸν οὐσίαν εἶναι μόνον ἰσχυρίζονται, καὶ μόνην ἄκτιστον τὴν οὐσίαν τοῦ θεοῦ, καὶ οὕτω διχοτομοῦσι τὸν θεὸν οἱ τάλανες εἰς κτιστὰ καὶ ἄκτιστα, καὶ δογματίζουσιν ἀφρόνως ἀδιάφορον εἶναι τῇ ἀκτίστῳ οὐσίᾳ τὴν ἄκτιστον ἐνέργειαν. Ταύτην οὖν μόνην εἶναι λέγοντες ἄκτιστον καὶ ὑπερκειμένην ὡς ἄκτιστον θεότητα, πάσας δὲ τὰς περὶ τὴν οὐσίαν ἐνεργείας καὶ αὐτὴν

τὴν ἐναριθμουμένην τούτοις παρὰ τῶν πατέρων θεότητα κτιστὴν, οὐ διθεία μόνον περιπίπτουσιν, ἀλλὰ καὶ ἀθεΐα·

διὰ μὲν γὰρ τῶν ἐνεργειῶν καὶ τὴν θείαν οὐσίαν εἰς κτίσμα κατασπῶσι, τῷ δὲ τὴν διαφορὰν αὐτῶν ἀρνεῖσθαι δι' ἀλλήλων ἀναιροῦσι ταύτας, καὶ οὕτω τῇ κατ' ἑλλειψιν ἀγνωσίᾳ τοῦ θεοῦ οἰοεὶ τινι ζόφῳ περιπίπτουσι. Πῶς γὰρ ὅλως γινώσκονται θεὸν οἱ τὸ γνωστὸν αὐτοῦ μὴ συνορῶντες ἐκ τῶν ποιημάτων, ἀλλὰ νῦν μὲν τῇ ὑπὲρ πᾶσαν γνῶσιν τοῦτο συντάττοντες οὐσίᾳ, νῦν δὲ τοῖς ἐξ ὧν γινώσκεται ποιήμασι, καίτοι τῆς δυνάμεως καὶ ἐνεργείας οὐδὲν ἄλλο συνιδεῖν ἐστίν, ἢ οὐ ἐστὶ δύναμις τε καὶ ἐνέργεια καὶ ὃ ἀποτελεῖ; Τῷ γὰρ λόγῳ τῆς ἐπινοίας ἐκ τῶν ἐνεργημάτων περὶ τὴν ἐνεργοῦσαν οὐσίαν καταλαμβάνεται, τῇ οὐσίᾳ ἣς ἐστὶ κατάλληλος, ὡς κτιστὴν μὲν εἶναι τῆς κτιστῆς οὐσίας τὴν ἐνέργειαν, ἄκτιστον δὲ τῆς ἀκτίστου.

всякое знание сущности, то о творениях, через рассмотрение которых *Бог* познается, хотя кроме силы и энергии ничего другого увидеть невозможно, помимо того, чьи *эти* сила и энергия и что они исполняют? Ведь логикой мысли путем рассмотрения действий применительно к действующей сущности постигается, что каждое *действие* соответствует своей сущности, — что у тварной сущности энергия тварна, а у нетварной — нетварна.

Пер. Г. М. Прохорова

Γομιλία 34. Преображение Христа на горе Фавор

Ἄλλὰ τῆς ὁγδόης ἐπιστάσης, καθάπερ εἴρηται, παραλαβὼν ὁ Κύριος τὸν Πέτρον καὶ Ἰάκωβον καὶ Ἰωάννην, ἀνέβη εἰς τὸ ὄρος προσεύξασθαι· αἰεὶ γὰρ ἦ πάντων, καὶ αὐτῶν τῶν ἀποστόλων, ἀποχωρῶν μόνος προσήχετο, καθάπερ ἦνίκα τοὺς πεντακισχιλίουσιν ὁ γυναιξὶ καὶ παιδίοις πέντε ἄρτοις καὶ δυσὶν ἰχθύσιν ἐξέθρεψε· πάραυτα γὰρ πάντας ἀπολύσας, καὶ τοὺς μαθητὰς πάντας ἀναγκάσας ἐμβῆναι εἰς τὸ πλοῖον, αὐτὸς ἀνέβη εἰς τὸ ὄρος προσεύξασθαι· ἦ συμπεριλαμβάνων ὀλίγους, καὶ τοὺς τῶν ἄλλων ὑπερέχοντας μεθ' ἑαυτοῦ· καὶ τοῦ σωτηρίου γὰρ πάθους προσάγοντος, τοῖς μὲν ἄλλοις μαθηταῖς φησι, Καθίσαιτε ὧδε, ἕως προσεύξομαι· παραλαμβάνει δὲ τὸν Πέτρον καὶ Ἰάκωβον καὶ Ἰωάννην μεθ' ἑαυτοῦ. Τοὺτους οὖν κάνταῦθα μόνους παραλαβὼν, ἀναφέρει εἰς ὄρος ὑψηλὸν κατ' ἰδίαν, καὶ μετεμορφώθη ἔμπροσθεν αὐτῶν, τουτέστιν αὐτῶν ὁρώντων. Τί ἐστι, Μετεμορφώθη; φησὶν ὁ Χρυσόστομος θεολόγος. Παρήνοιξεν, ὡς εὐδόκησεν, ὀλίγον τῆς θεότητος, καὶ τοῖς μύσταις ἔδειξε τὸν ἐνοικοῦντα Θεόν. Ἐγένετο γὰρ ἐν τῷ προσεύχεσθαι αὐτόν, ὡς ὁ Λουκᾶς φησι, τὸ εἶδος αὐτοῦ ἕτερον· λάμπαν ὥσπερ ἥλιος, ὡς ὁ Ματθαῖος γράφει. Ὡς ἥλιος δὲ εἶπεν, οὐχ ἵνα αἰσθητὸν ἐννοήσῃ τις τὸ φῶς ἐκεῖνο, ἀπαγε τῆς κατὰ νοῦν ἀβλεψίας τῶν μηδὲν τῶν κατ' αἴσθησιν φαινομένων ὑψηλότερον ἐννοεῖν δυναμένων. ἀλλ' ἵνα γινώμεν, ὅτι ὁ τοῖς κατ' αἴσθησιν ζῶσι, καὶ δι' αἰσθήσεως ὁρῶσιν ἐστὶν ὁ ἥλιος, τοῦτο τοῖς κατὰ πνεῦμα ζῶσι, καὶ ἐν πνεύματι ὁρῶσιν ἐστὶν ὁ Χριστὸς ὡς Θεός, καὶ οὐ χρεῖα τοῖς θεοειδέσιν ἐν τῇ θεοπτικῇ φωτὸς ἐτέρου· τοῖς γὰρ αἰδίοις αὐτός ἐστι φῶς οὐκ ἄλλο· τί γὰρ δεῖ φωτὸς δευτέρου τοῖς τὸ μέγιστον ἔχουσιν;

Ἐν τῷ προσεύχεσθαι δὲ οὕτως ἔλαμψε, καὶ ἀνεκάλυπεν ἀπορρήτως τοῖς τῶν μαθητῶν ἐκκρίτοις τὸ ἀπόρρητον ἐκεῖνο φῶς, τῶν ἁκρων προφητῶν συνόντων, ἵνα δείξῃ πρόξενον οὖσαν τὴν προσευχὴν τῆς μακαρίας ἐκείνης θέας, καὶ μάθωμεν, ὅτι διὰ τῆς πρὸς Θεὸν κατ' ἀρετὴν ἐγγύτητος, καὶ τῆς πρὸς αὐτὸν κατὰ νοῦν ἐνώσεως, ἡ λαμπρότης ἐγγίνεται καὶ ἀναφαίνεται ἐκείνη πᾶσι διδομένη τε καὶ ὁρωμένη, τοῖς δι' ἀγαθοεργίας ἀκριβοῦς, καὶ διὰ προσευχῆς εἰλικρινοῦς, ἀνατεινομένοις ἀδιαλείπτως πρὸς Θεόν. Κάλλος γάρ, φησιν, ἀληθινὸν καὶ ἐρασιμ-

Когда же настал восьмой день, как было сказано, Господь, взяв Петра, и Иакова, и Иоанна, взшел на гору для молитвы, потому что всегда уходил Он ото всех, чтобы помолиться, даже от самих апостолов. Так было и тогда, когда Он пятью хлебами и двумя рыбами накормил пять тысяч мужей с женами и детьми, — тогда отослал Он сразу же всех и заставил учеников войти в лодку, пока Сам Он взшел на гору помолиться. И так же Он, взяв с Собой некоторых — самых лучших — когда приблизились спасительные страсти, другим ученикам Своим сказал: посидите здесь, пока Я помолюсь, но Петра, Иакова и Иоанна взял с Собой (Мк. 14, 32–33). Их взял Он с Собой и в этом случае, отвел их на высокую гору и преобразился перед ними, т. е. пред их очами. Что значит преобразился? Золотоустый богослов говорит: «Приоткрыл, насколько Ему было угодно, немного Свое Божество и показал таинникам (посвященным) обитающего в Нем Бога». И когда молился, говорит Лука, было видение Его лица иное, просветилось оно, как солнце, пишет Матфей. Он сказал «как солнце», но не так, чтобы ты представил это в виде какого-то чувственного света, — нет, прочь слепоту неразумия тех, кто не в силах представить ничего, что превосходит явления, относящиеся к чувственным! — но так, чтобы мы знали: то, что для тех, кто живет чувствами и смотрит чувствами, является солнцем, то же Христос как Бог для тех, кто живет по Духу и смотрит в Духе, и для узрящих Бога нет потребности в каком-то ином свете для их богозрения, ибо Он Сам для вечных — Свет, исключаяющий все остальные. Какой же еще свет нужен тем, у кого уже есть величайший?

Пока Он молился, Он просиял так и открыл несказанным образом несказанный Свет избранным ученикам Своим, были же при том и первейшие пророки. Это было, чтобы показать, что молитва является подательницей сего блаженного видения, и чтобы мы смогли понять, что только приближением к Богу посредством добродетели и соединения с Ним посредством ума — только тогда приходит и проявляется это осияние. Оно дается каждому и видится каждым, кто неустанно возносится к Богу путем искреннего доброделания и чистой молитвы. Ибо истинная и возжажданная красота — как сказано — может быть зримой только для тех, кто очистил свой ум, поскольку она относится к божественной и блаженной природе, и тот, кто ясно видит ее сияние и благодать, перенимает от нее что-то, подобное сильному свету, впитывая в собственные глаза. Таким же образом засияло и все лицо Моисея, когда он разговаривал с Богом. Разве не видно было, как преобразился Моисей, когда взшел на гору

ώτατον μόνῳ τῷ τὸν νοῦν κεκαθαρμένῳ θεωρητὸν τὸ περὶ τὴν θείαν καὶ μακαρίαν φύσιν ἐστίν, οὗ ὁ ἐνατενίσας ταῖς μαρμαρυγαῖς καὶ ταῖς χάρισι μεταλαμβάνει τι ἀπ' αὐτοῦ, ὥσπερ αἶγλην τινὰ ἀνθηράν, εἰς τὴν οἰκείαν ὄψιν ἀναχρωννύμενος· ὁθεν καὶ Μωϋσῆς ἐν τῷ ὁμιλεῖν Θεῷ ἐδοξάσθη τὸ πρόσωπον. Ὁρᾷτε ὅτι καὶ Μωϋσῆς μετεμορφώθη ἀναβάς εἰς τὸ ὄρος, καὶ οὕτως εἶδε τὴν δόξαν Κυρίου; Ἀλλ' ἔπαθε τὴν μεταμόρφωσιν, οὐκ ἐνήργησε· κατὰ τὸν λέγοντα, Εἰς τοῦτο μὲ φέρει τὸ μέτριον ἐνταυθα φέγγος τῆς ἀληθείας, λαμπρότητα Θεοῦ καὶ ἰδεῖν καὶ παθεῖν. Ὁ δὲ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς οἰκοθεν εἶχε τὴν λαμπρότητα ἐκείνην· διὸ οὐδὲ προσευχῆς αὐτὸς ἐδεῖτο, θείῳ φωτὶ λαμπρυνούσης τὸ σῶμα, ἀλλ' ὅθεν τοῖς ἀγίοις ἡ λαμπρότης τοῦ Θεοῦ προσγενήσεται, καὶ ὅπως αὐτοῖς ὁφθήσεται ὑπεδείκνυ· λάμπουσι γὰρ καὶ οἱ δίκαιοι ὥς ἥλιος ἐν τῇ βασιλείᾳ τοῦ Πατρὸς αὐτῶν, καὶ οὕτω φῶς ὅλοι γεγονότες θείον, ὥς θείου φωτὸς γεννήματα, τὸν Θεῶς ἀπορρήτως ὑπερλάμποντα ὧνται Χριστὸν, οὗ ἐκ τῆς θεότητος ἡ δόξα φυσικῶς προῖοῦσα, κοινὴ καὶ τοῦ σώματος ἐν Θαβῶρ ἐδείκνυτο, διὰ τὸ ἐνιαῖον τῆς ὑποστάσεως. Οὕτω καὶ διὰ τοιούτου φωτὸς τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ὥς ὁ ἥλιος ἔλαμψεν. Οἱ δὲ τὸν Ἑλλῆνα λόγον καὶ τὴν τοῦ κόσμου τούτου σοφίαν ἐφ' ἡμῶν αὐχοῦντες, καὶ τοῖς πνευματικοῖς ἀνδράσιν ἐπὶ τῶν τοῦ Πνεύματος λόγων μὴ πειθαρχεῖν ὄλως, ἀλλὰ καὶ ἀνταίρειν προηρημένοι, φῶς ἀκούοντες τῆς ἐπ' ὄρους τοῦ Κυρίου μεταμορφώσεως, τὸ τοῖς ἀποστολικοῖς ὀφθαλμοῖς ἑωραμένον, εἰς τὸ αἰσθητὸν εὐθύς καὶ κτιστὸν κατὰγονται φῶς, καὶ κατασπῶσιν εἰς τοῦτο τὸ αἶνιον καὶ ἀνέσπερον καὶ ἀίδιον καὶ μὴ μόνον ὑπὲρ αἰσθησιν, ἀλλὰ καὶ ὑπὲρ νοῦν ἐκεῖνο φῶς, αὐτοὶ κάτω κείμενοι, καὶ μηδὲν ὑπὲρ τὰ πρόσγεια νοεῖν δυνάμενοι· καίτοι αὐτὸς ὁ κατὰ τοῦτο λάμψας ἄκτιστος ὃν προαπέδειξεν αὐτό, βασιλείαν τοῦτο καλέσας τοῦ Θεοῦ· οὐ γὰρ ἐστὶν ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ δούλη καὶ κτιστή· μόνη γὰρ πάντων ἀβασίλευτος καὶ ἀήττητος, καὶ χρόνου παντὸς καὶ αἰῶνος ἐπέκεινα· καὶ οὐ θέμις, φησὶν, ἥρχθαι ἢ φθάνεσθαι ὑπὸ αἰώνων ἢ χρόνων τὴν τοῦ Θεοῦ βασιλείαν. Ταύτην δὲ πιστεύομεν εἶναι τὴν τῶν σωζομένων κληρονομίαν.

Ἐπεὶ δὲ καὶ μεταμορφωθείς ὁ Κύριος ἔλαμψε, καὶ τὴν δόξαν καὶ τὴν λαμπρότητα καὶ τὸ φῶς ἐδειξεν ἐκεῖνο, καὶ ἤξει πάλιν οἷος ὥφθῃ τοῖς μαθηταῖς ἐν τῷ ὄρει, ἄρα προσελάβετό τι φῶς, καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας ἔξει, ὃ πρότερον οὐκ εἶχεν; Ἀπαγε τῆς βλασφημίας· ὁ γὰρ τοῦτο λέγων τρεῖς φύσεις

и таким образом увидел славу Господню? Но преображение было чем-то, что было передано ему (пассивным), а не его собственным действием, как сказано, и только до той степени, до какой допустила его тогда видеть и вынести свет Божий надлежащая мера сияния истины. Поскольку Господь наш Иисус Христос имел этот свет внутри Себя, у Него отнюдь не было нужды молиться, чтобы Его тело осиял божественный свет. Но этим Он показал, на основании чего святым будет приходить озарение Божие и каким образом оно будет созерцаемо ими, ибо и праведники просветятся, как солнце, в царстве Отца их (Мф. 13, 43), когда целиком и полностью станут божественным светом, ибо они суть чада света божественного. Они узрят божественно и неизреченно сверхсияющего Христа, слава божества Которого, присущая Его природе, явилась на Фаворе общей и для Его тела, вследствие единства Ипостаси. Таким образом и вследствие сего света лицо Его просияло, как солнце. Те же, что похваляются, что знают все учения греков и мудрость мира сего, и не питают доверия к учениям духовных мужей относительно Духа Святого, но предпочитают противостоять им, — когда они слышат о свете Господнего Преображения на горе Фаворе, том свете, который апостолы видели своими глазами, — они сразу же сводят его к чувственному и тварному свету. И они принижают этот свет, невещественный и невечерний, присносущный и превышающий не только чувства, но и разум, сами будучи низменными и не в силах представить себе ничего выше земного. И хотя Сам Он, Просиявший этим светом, Несотворенный, и явил это, когда назвал его (свет) Царством Божиим. Ибо Царство Божие не есть рабское или тварное, поскольку оно единое из всех неподвластно правителям и неодолимо и находится по ту сторону всякого времени и века. Царство Божие не возникает и не зависит от времени и века. Это, как мы веруем, то, что наследуют те, кто спасается.

Поскольку же и Господь, преобразившись, просиял, и явил славу и сияние, и свет оный, и снова придет таким, каким был виден учениками на горе, то неужели (именно тогда) Он получил некий свет в виде прибавления и будет обладать им вовеки, не обладая им (прежде Своего Преображения)? — Прочь такую хулу! Потому что говорящий так признал бы во Христе *три* природы: божественную, человеческую и природу одного Света. Нет, Он показал не какое-то иное сияние, но то, которое имел в Себе скрытым. Имел же Он скрытое под плотью сияние божественного естества, так что Свет оный есть Свет Божества, а не свет созданный. Согласно богословам, Христос *преобразился*. К Нему не прибавилось ничего, чего у Него раньше не было. Он *открылся* ученикам Своим, таким, каким Он был, и открыл их

ἐπὶ τοῦ Χριστοῦ δοξάσει, τὴν τε θεῖαν καὶ τὴν ἀνθρωπίνην, καὶ τὴν τοῦ φωτὸς ἐκείνου· τοιγαροῦν οὐχ ἑτέραν, ἀλλ' ἦν εἶχεν ἀφανῶς λαμπρότητα ταύτην ἐφάνέρωσεν. Εἶχε δὲ ὑπὸ τὴν σάρκα κεκρυμμένην τὴν λαμπρότητα τῆς φύσεως τῆς θείας· οὐκοῦν τῆς θεότητός ἐστι τὸ φῶς ἐκεῖνο, καὶ ἄκτιστόν ἐστιν· ἐπεὶ καὶ μετεμορφώθη Χριστὸς κατὰ τοὺς θεολόγους, οὐχ ὁ οὐκ ἦν προσλαβόμενος, οὐδὲ εἰς ὃπερ οὐκ ἦν μεταβαλόμενος, ἀλλ' ὃπερ ἦν τοῖς οἰκείοις μαθηταῖς ἐκφαινόμενος, διανοίγων τούτων τὰ ὅμματα, καὶ ἐκ τυφλῶν ἐργαζόμενος βλέποντας. Ὅρᾱς ὅτι πρὸς τὸ φῶς ἐκεῖνο τυφλοὶ εἰσιν οἱ κατὰ φύσιν ὀρῶντες ὀφθαλμοί; Οὐκοῦν οὐδὲ τὸ φῶς ἐκεῖνο αἰσθητόν, οὐδὲ οἱ ὀρῶντες αἰσθητικοὶς ἀπλῶς ἑώρων ὀφθαλμοῖς, ἀλλὰ μετασκευασθεῖσι τῇ δυνάμει τοῦ θεοῦ Πνεύματος. Ἐνηλλάγησαν οὖν, καὶ οὕτω τὴν ἐναλλαγὴν εἶδον, οὐχ ἦν ἀρτίως, ἀλλ' ἦν ἐξ αὐτῆς τῆς προσλήψεως ἔλαβε τὸ ἡμέτερον φύραμα, θεωθὲν τῇ ἐνώσει τοῦ Λόγου τοῦ Θεοῦ. Ἐντεῦθεν καὶ ἡ ἐν παρθενίᾳ συλλαβοῦσά τε καὶ τεκοῦσα ξένως τὸν ἐξ αὐτῆς τεχθέντα σαρκοφόρον Θεὸν ἐπέγνω· καὶ Συμεὼν ὡς βρέφος τοῦτον μετὰ χειρὸς λαβὼν, καὶ ἡ πρεσβυτίς Ἄννα προσυπαντήσασα· διαφαίνεται γὰρ οἶον δι' ὑελίνων ὑμένων ἡ θεία δύναμις διαυγάζουσα τοῖς ἔχουσι τοὺς ὀφθαλμοὺς τῆς καρδίας κεκαθαρμένους.

Τί δὲ καὶ τῶν ἄλλων ἀπολαμβάνει τοὺς κορυφαίους, καὶ ἀνάγει τούτους, καὶ κατ' ἰδίαν μόνους; Ἵνα τι πάντως ὑποδείξῃ μέγα τε καὶ μυστικόν. Πῶς οὖν μέγα καὶ μυστικόν ἡ τοῦ αἰσθητοῦ φωτὸς θέα, ἣν αὐτοὶ τε οἱ ἐκλεγέντες καὶ πρὶν ἀναχθῆναι, καὶ σὺν αὐτοῖς οἱ κάτω λειφθέντες εἶχον; Τίς δὲ αὐτοῖς χρεῖα καὶ Πνεύματος δυνάμεως, καὶ τῆς δι' αὐτῆς προσθήκης ἢ ἐναλλαγῆς ὁμμάτων πρὸς τὴν τοῦ φωτὸς ἐκείνου θέαν, εἰπερ αἰσθητόν τε καὶ κτιστόν; Πῶς δὲ δόξα καὶ βασιλεία τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Πνεύματος τὸ φῶς τὸ αἰσθητόν; Πῶς δ' ἐν τῇ τοιαύτῃ δόξῃ καὶ βασιλείᾳ κατὰ τὸν μέλλοντα αἰῶνα ἡξει ὁ Χριστὸς, ὅτε οὐκ ἄερος, οὐ φωτὸς οὐ τόπου χρεῖα καὶ τῶν τοιούτων, ἀλλ' ἀντὶ πάντων κατὰ τὸν Ἀπόστολον ἡμῖν ἔσται ὁ Θεός; Εἰ δὲ ἀντὶ πάντων, καὶ ἀντὶ φωτὸς πάντως· ὅθεν δείκνυται πάλιν καὶ τὸ φῶς ἐκεῖνο τῆς θεότητος ὄν· ἐπεὶ καὶ ὁ θεολογικώτατος τῶν εὐαγγελιστῶν Ἰωάννης διὰ τῆς Ἀποκαλύψεως ἐκφαίνει, ὡς ἡ μέλλουσα καὶ μένουσα ἐκείνη πόλις, „Οὐ χρεῖαν ἔχει τοῦ ἡλίου οὐδὲ τῆς σελήνης, ἵνα φαίνωσιν ἐν αὐτῇ· ἡ γὰρ δόξα τοῦ Θεοῦ ἐφώτισεν αὐτήν, καὶ ὁ λύχνος αὐτῆς τὸ ἄρνιον.“ Ἄρ' οὐ φανερῶς ὑπέδειξεν ἡμῖν κάκεῖ τὸν ἐν Θαβωρίῳ νῦν μεταμορφωθέντα θεῖως Ἰησοῦν;

глаза и сделал их, слепых, зрячими. Видишь ли, что физически зрячие очи слепы для видения онного света? Итак, Свет этот не есть чувственный и нельзя его видеть, просто глядя чувственными глазами, но увидеть его могут лишь те, кто приуготован к тому силой божественного Духа. Они были изменены и таким образом увидели изменение — не то, что только что произошло, но то, что Он воспринял, приобщив к нашей природе обожествленную единением со Словом Божиим (Логосом). Также познала рожденного от Нее Бога, носящего плоть, и Зачавшая в девстве и Родившая странным образом, и Симеон, принявший его Младенцем на руки, и старица Анна, выпешдая Ему навстречу — по тому, что будто через стеклянные перегородки просвечивала божественная сила, видная тем, кто очистил очи сердца своего.

Почему же Он выбирает из прочих только первейших и возводит их, и то строго их одних? — Чтобы показать нечто великое и таинственное. Но неужели вид чувственного света является чем-то великим и таинственным? Этот свет выбранные Им видели задолго до того, как он их выбрал, так же, как и те, что остались внизу. Почему же для этого нужна была божественная сила или преображение очей этой силой, чтобы суметь увидеть его, если бы это был чувственный и тварный свет? Разве царство Отца и Духа выражается в чувственном свете? Разве в такого рода славе придет Христос и в такое царство будущего века, где не будет нужды ни в воздухе, ни в свете, ни в пространстве, но где у нас, как сказал апостол (Павел), вместо всего этого будет один только Бог? И если вместо всего, то и вместо света. Из этого мы ясно видим, что онный Свет — божественный. Ведь величайший богослов из евангелистов, Иоанн, явил через Откровения, что онный будущий «город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец» (*Откр. 21, 23*). Разве не показал он нам и здесь божественное Преображение Иисуса Христа на Фаворе — когда Его тело стало, как факел, и Он явил Свою славу тем, кто взошел на гору вместе с Ним, а не какой-то (обычный) свет? Далее говорит он (Иоанн) о тех, кто живет в граде том: «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их» (*Откр. 22, 5*). Что же это за Свет такой, «у Которого нет изменения и ни тени перемены» (*Иак. 1, 17*)? Что же это за неизменный и невечерний Свет? Не свет ли это Божества? — Но и Моисей и Илия, и особенно Моисей, который был душою не сопряжен со своим телом, как могли они быть видимы и прославлены чувственным светом? Ибо

ὅς ἔχει μὲν ὡς λύχνον τὸ σῶμα, ἀντὶ δὲ φωτὸς τὴν ἐκφανεῖσαν ἐπ' ὄρους τοῖς συναναβᾶσι δόξαν τῆς θεότητος; Ἀλλὰ καὶ περὶ τῶν ἐνοικούντων τῇ πόλει ἐκείνῃ ὁ αὐτός φησιν, ὡς „Οὐχ ἔξουσι χρεῖαν φωτὸς λύχνου, καὶ φωτὸς ἡλίου, ὅτι Κύριος ὁ Θεὸς φωτίζει ἐπ' αὐτούς, καὶ νῦν οὐκ ἔσται ἔτι.“ Τί οὖν τὸ φῶς τοῦτο, παρ' ᾧ οὐκ ἔστι παραλλαγή, ἢ τροπῆς ἀποσκίασμα; Τί τὸ ἄτρεπτον καὶ ἀνέσπερον τοῦτο φῶς; ἄρ' οὐ τῆς θεότητος; Ἀλλὰ καὶ ὁ Μωϋσῆς καὶ ὁ Ἡλίας, καὶ μάλιστα ὁ Μωϋσῆς ψυχὴ ὑπάρχων οὐκ ἐνσώματος, πῶς ὥφθησαν καὶ ἐδοξάσθησαν δι' αἰσθητοῦ φωτός; καὶ οὗτοι γὰρ ὀφθέντες ἐν δόξῃ τηνικαῦτα ἔλεγον τὴν ἐξοδον, ἣν ἔμελλε πληροῦν ἐν Ἱερουσαλὴμ. Πῶς δὲ καὶ ἐπέγνωσαν οὓς οὐπω πρότερον εἶδον οἱ ἀπόστολοι, εἰ μὴ τῇ ἀποκαλυπτικῇ δυνάμει τοῦ φωτὸς ἐκείνου; ...

καὶ τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον· οὗ ῥυσθείμεν ἅπαντες ἐλλάμψει καὶ ἐπιγνώσει τοῦ αὐτοῦ καὶ αἰδίου φωτὸς τῆς τοῦ Κυρίου μεταμορφώσεως, εἰς δόξαν αὐτοῦ καὶ τοῦ ἀνάρχου αὐτοῦ Πατρός, καὶ τοῦ ζωοποιοῦ Πνεύματος, ὧν μία καὶ ἡ αὐτὴ λαμπρότης τε καὶ θεότης καὶ δόξα καὶ βασιλεία καὶ δυνάμις νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

и они, «явившись во славе, говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме» (Лк. 9, 31). Каким же образом узнали они то, что апостолы еще не видели, как не силой откровения одного Света?

И от тьмы крометшной да избавимся все мы осиянием и познанием невестственного и присносущного Света Господнего Преображения, во славу Его и Безначального Его Отца и Животворящего Духа, Которых единое и то же сияние и Божество, и слава, и царство, и сила, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Пер. арх. Амвросия (Погодина)

33. Николай Кавасила (ум. 1371)

Николай Кавасила родился в Фессалониках, образование получил в Константинополе, где провел большую часть своей жизни, и скончался, будучи архиепископом в своем родном городе. Он был горячим сторонником своего земляка Паламы, воззрения которого, вызывавшие жаркие споры, он умело защищал в своих сочинениях. Как богослов-мистик Кавасила вообще был одним из наиболее выдающихся представителей своей эпохи. Он находился под сильным влиянием Симеона Нового Богослова, а через него и целого ряда других мыслителей (все они представлены в нашей антологии): Максима Исповедника, Псевдо-Дионисия, Оригена, Игнатия Антиохийского.

Мистическое богословие — форма представления Единого, которое стремится к соединению с триединым Богом. Для Кавасилы это означает стремление к соединению с Иисусом Христом. Оба основных его сочинения — как носящее общецерковный характер «Толкование божественной литургии», так и сугубо личное «О жизни во Христе» — посвящены этой теме. Тем са-

1. Ἡ ἐν Χριστῷ ζωὴ φύεται μὲν ἐν τῷδε τῷ βίῳ καὶ τὰς ἀρχὰς ἐντεῦθεν λαμβάνει, τελειοῦται δὲ ἐπὶ τοῦ μέλλοντος, ἐπειδὴν εἰς ἐκείνην ἀφικώμεθα τὴν ἡμέραν· καὶ οὔτε ὁ βίος οὗτος τελείως δύναται ταύτην ἐνθεῖναι ταῖς τῶν ἀνθρώπων ψυχαῖς οὔτε ὁ μέλλων μὴ τὰς ἀρχὰς ἐντεῦθεν λαβών. Ἐπὶ μὲν γὰρ τοῦ παρόντος τὸ σαρκίον ἐπισκοτεῖ, καὶ ἡ ἐκεῖθεν νεφέλη καὶ φθορά, μὴ δυναμένη τὴν ἀφθαρσίαν κληρονομεῖν (ὁθεν ὁ Παῦλος τὸ ἀναλῦσαι πρὸς τὸ συνεῖναι Χριστῷ καὶ μάλα ἐνόμιζε φέρειν, „ἀναλῦσαι γάρ, φησί, καὶ σὺν Χριστῷ εἶναι, πολλῷ μᾶλλον κρεῖσσον“, ὃ τε μέλλων, οὗς ἂν μὴ τὰς δυνάμεις καὶ τὰς αἰσθήσεις, ὧν ἂν δέοι πρὸς τὸν βίον ἐκείνον, ἔχοντας λάβοι, τούτοις οὐδὲν ἔσται πλέον εἰς εὐδαιμονίαν, ἀλλὰ νεκροὶ καὶ ἄθλιοι τὸν μακάριον ἐκείνον καὶ ἀθάνατον οἰκήσουσι κόσμον.

2. Ὁ δὲ λόγος, ὅτι τὸ μὲν φῶς ἀνατέλλει καὶ ὁ ἥλιος καθαρὰν τὴν ἀκτῖνα παρέχει, ὁφθαλμὸν δὲ οὐκ ἐνι τηνικαῦτα πλασθῆναι· καὶ ἡ μὲν τοῦ πνεύματος εὐδωδία δαψιλῶς ἐκχεῖται καὶ τὰ πάντα κατέχει, ὁσφρησιν δὲ οὐκ ἂν τις λάβοι μὴ ἔχων. Καὶ τῶν μὲν μυστηρίων ἔξεστι κοινωνῆσαι τῷ Υἱῷ τοῦ Θεοῦ τοὺς φίλους κατὰ τὴν ἡμέραν ἐκείνην, καὶ

мым он сумел сопоставить, одновременно отделив друг от друга, частную религиозную жизнь христианина и церковные обряды — они для Кавасилы сливаются в одно: *imitatio Christi* («Подражание Христу»).

Тем самым этот византийский епископ XIV в. оказывается на одной параллели с *devotio moderna*, расцветшем примерно в то же время в Нидерландах в кружке, сплотившемся вокруг сочинения «*Imitatio Christi*» (несправедливо приписываемому Фоме Кемпийскому). Вряд ли речь идет о каком-то обоюдном влиянии. По-видимому, как раз в это время христианство как на Востоке, так и на Западе dorосло до ясной мистики следования за Христом. Из западной ветви этой мистики выросла специфическая немецкая христианская мистика (Таулер, Сузо), наследником которой стал Лютер. Восточного же Кавасилу и его «обновленную веру» на Западе не заметили. Как не замечают, видимо, и сегодня?

О жизни во Христе

Слово первое. О том, что она создается посредством Божественных таинств: крещения, миропомазания и священного приобщения

1. Жизнь во Христе возрастает в этой жизни и из нее черпает основы своего начала, но совершится в будущей жизни, если достигнем мы одного дня. И ни настоящая жизнь не может совершенно вложить ее в души людей, ни будущая, если не получит начатков ее в сей жизни. Ибо что касается настоящей жизни, то она помрачается плотским и темнотой тленности, к которой принадлежит, и Павел почитал, что лучше «разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Флп. 1, 23). А жизнь будущая, если и примет людей, не имеющих сил и чувств для жизни той, то ничуть не послужит их благополучию, но будут они обитать в блаженном том и бессмертном мире мертвыми и несчастными.

2. А причина та, что хотя свет сияет и солнце посылает свой чистый луч, но глаз не в состоянии придать ему форму. И благоухание духа обильно изливается и распространяется повсюду, но от этого не возникает чувство обоняния у того, кто не имел его прежде. Посредством таинств дозволено будет в день оный сообщиться с Сыном Божиим друзьям Его и узнать от Него, что слышал Он от Отца, но приходить к Нему нужно будучи другом Его и имея уши. Ибо там нельзя составлять дружбу и отверзать уши и приготавливать брачную одежду и уготовлять прочее, что нужно в оном брачном чертоге, но местом

ἃ ἤκουσε παρὰ τοῦ Πατρὸς ἐκεῖνος, παρ' ἐκείνου μαθεῖν αὐτοῦς· ἀνάγκη δὲ φίλους ὄντας αὐτοῦ καὶ ὧτα ἔχοντας ἀφικέσθαι. Οὐ γὰρ ἔστιν ἐνταῦθα φιλίαν συστήναι καὶ οὐς ἀνοιγῆναι καὶ ἱμάτιον νυμφικὸν κατασκευασθῆναι καὶ ἄλλα ἐτοιμασθῆναι, ὧν ἐκείνῳ δεῖ τῷ νυμφῶνι, ἀλλὰ τούτων ἀπάντων ἐργαστήριον οὗτος ὁ βίος· καὶ οἷς οὐκ ἐγένετο ταῦτα πρὶν ἀπελθεῖν, κοινὸν οὐδὲν εἰς ἐκείνην ἔστι τὴν ζωὴν. Καὶ μάρτυρες αἱ πέντε παρθένοι καὶ ὁ εἰς τὸν γάμον κληθείς, ἐπεὶ μὴ ἔχοντες ἦλθον, μὴ κτήσασθαι δυνηθέντες μήτε ἔλαιον μήτε ἱμάτιον.

3. Ὡς δὲ τὸν ἐντὸς ἄνθρωπον, τὸν καινόν, τὸν κατὰ Θεὸν κτιζόμενον, ὁ κόσμος οὗτος ὠδίνει, καὶ πλασθεὶς ἐνταῦθα καὶ μορφωθείς, οὕτω τέλειος εἰς τὸν τέλειον ἐκείνον καὶ ἀγήρω τίκτεται κόσμον. Καθάπερ γὰρ τὸ ἐμβρυον, ἕως ἔστιν ἐν τῷ σκοτεινῷ καὶ νηκτῷ βίῳ πρὸς τὴν ἐν φωτὶ ζωὴν ἢ φύσιν παρασκευάζει, καὶ πλάττεται καθάπερ εἰς κανόνα τὸν ὑποδεχόμενον βίον, τὸν ἴσον τρόπον καὶ τοῖς ἁγίοις συμβαίνει· καὶ τοῦτό ἐστιν, ὅπερ ὁ ἀπόστολος ἔφη Παῦλος, Γαλάταις γράφων, „τεκνία μου, οὐς πάλιν ὠδίνω, ἄχρις οὗ μορφωθῇ Χριστὸς ἐν ὑμῖν“. Οὐ μὴν ἀλλὰ τὰ μὲν ἐμβρυα ταυτησί τῆς ζωῆς οὐκ ἂν εἰς αἴσθησιν ἔλθοι ποτέ, τοῖς δὲ μακαρίοις πολλοὶ τῶν μελλόντων ἐπὶ τοῦ παρόντος ἐμφάσεις. Τὸ δὲ αἴτιον, ὅτι τοῖς μὲν οὐ πάρεστιν οἶτος ὁ βίος, ἀλλ' ἀκριβῶς ἔστι μέλλων. Οὐ γὰρ ἐγένετο ἄκτις ἐν τοῖς χωρίοις ἐκείνοις, οὐδὲ τῶν ἄλλων οὐδέν, ἃ τὴν ζωὴν ὑφίστησι ταύτην. Ἐφ' ἡμῶν δὲ οὐκέτι, ἀλλ' ὁ μέλλων ἐκείνος τῷ παρόντι τούτῳ καθάπερ ἐνεχέθη καὶ ἀνεμίγη καὶ ὁ ἥλιος ἐκείνος καὶ ἡμῖν ἀνέτειλε φιλανθρώπως καὶ τὸ ὑπερουράνιον μύρον ἐν τοῖς δυνάδεσι χωρίοις ἐξεκενώθη καὶ ὁ τῶν ἁγγέλων ἄρτος καὶ τοῖς ἀνθρώποις ἐδόθη.

4. Διὰ ταῦτα τοῖνυν οὐ διατεθῆναι μόνον καὶ παρασκευασθῆναι πρὸς τὴν ζωὴν, ἀλλ' ἤδη καὶ ζῆν κατ' ἐκείνην καὶ ἐνεργεῖν ἔξεστι τοῖς ἁγίοις ἐν τῷ παρόντι. „Ἐπιλαβοῦ γάρ, φησί, τῆς αἰωνίου ζωῆς“, Τιμοθέῳ γράφων ὁ Παῦλος, καὶ „ζῶ δὲ οὐκέτι ἐγώ, ζῆ δὲ ἐν ἐμοὶ Χριστός“, καὶ ὁ θεὸς Ἰγνάτιος, „ἔστιν ὕδωρ ζῶν καὶ λαλοῦν ἐν ἐμοί“. καὶ πολλῶν τοιούτων ἡ Γραφὴ γέμει. Παρὰ πάντα δὲ ταῦτα, ὅταν αὕτη ἡ ζωὴ συνεῖναι μέχρι παντὸς ἐπαγγέλληται τοῖς ἁγίοις („ἰδοὺ γάρ, φησὶν, ἐγὼ μεθ' ὑμῶν εἰμι πάσας τὰς ἡμέρας ἕως τῆς συντελείας τοῦ αἵωνος“), τί προσῆκεν ἄλλο λογίζεσθαι; Οὐ γὰρ τὰ σπέρματα τῆς ζωῆς τῇ γῇ παρασχὼν καὶ τὸ πῦρ καὶ τὴν μάχαιραν βαλὼν ἀπῆλθεν εὐθύς, τὸ φύσαι καὶ θρέψαι καὶ ἀνάψαι καὶ χρήσασθαι καταλιπὼν τοῖς ἀνθρώποις, ἀλλ' αὐτὸς πάρεστιν ἀληθῶς „ἐνεργῶν ἐν ἡμῖν τὸ θέλειν

для приготовления всего этого служит настоящая жизнь, и у кого не будет сего прежде отшествия, у тех нет ничего общего с той жизнью. И свидетели сему пять дев и тот, кто был зван на брачный пир (ср. *Мф. 22, 1–14*); они пришли, ничего не имея, и потому ничего и не получили, ни елея, ни одежды.

3. В самом деле, этот мир носит в своем чреве внутреннего, нового человека, «созданного по Богу» (*Еф. 4, 24*); зачатый и получивший свой образ здесь, он рождается уже выношенным для того совершенного и вечно юного мира. Ибо как и с зародышем: пока он в темноте и в утробной жизни, природа готовит его для жизни на свету и формирует его как бы по законам той жизни, какую он должен будет принять, — так же и со святыми, и именно так, как сказал апостол Павел в своем Послании к Галатам: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» Но разница в том, что эмбрионы никогда не осознают этой жизни, в то время как блаженные уже в нынешней жизни получают многие предощущения будущей. Причина этого в том, что для эмбриона существенней не эта жизнь, а будущая; ни один луч света не проникает в эти места, как и ничто иное, что составляет эту жизнь. Для нас же, напротив, если этого еще не было, то будет, — грядущее словно бы влито или примешано в это настоящее, и то солнце человеколюбиво всходит и для нас, и небесное миро излито на дурно пахнущие места, и «ангельский хлеб» дан человекам (ср. *Пс. 78, 25*).

4. По этим причинам святым возможно здесь и теперь не только принаравливаясь и готовиться к этой жизни, но уже жить ею и действовать по ее законам. Ибо «держись вечной жизни», говорит Павел в Послании к Тимофею (*1 Тим. 6, 12*), и «уже не я живу, но живет во мне Христос» (*Гал. 2, 20*), и божественный Игнатий: «есть вода живая и говорящая во мне» (*Рим. 7*). И в Писании много такого. Но прежде всего это: когда жизнь сама извещает, что будет со святыми во всем («И се, — сказал Он, — Я с вами во все дни до скончания века» (*Мф. 28, 20*)), о чем еще остается думать? Ибо бросив в землю семена жизни и подвергнув ее огню и мечу, Он не удалился и не предоставил человеку взращивать, и питаться, и поджигать, и употреблять все это, но Сам истинно присутствует, действуя в нас, «производя и хотение и действие по Своему благоволению», как говорит блаженный Павел (*Флп. 2, 13*); и огонь возжигает и вносит Он Сам, и меч держит. И подлинно: «Величается ли секира перед тем, кто рубит ею?» (*Ис. 10, 15*), и где не присутствует Благой, там не может быть ничего хорошего. И не только присутствовать у святых обещался Господь, но и пребывать у них, и больше того — сотворить в них обитель Себе (ср. *Ин. 14, 23*). И что я говорю, когда сказано, что Он и соединяется

καὶ τὸ ἐνεργεῖν“, ὁ μακάριος ἔφη Παῦλος, καὶ τὸ πῦρ αὐτὸς ἀνάπτει καὶ προσάγει, καὶ τὴν μάχαιραν αὐτός ἐστιν ὁ κατέχων. Καὶ ὅλως, „οὔτε ἀξίνη δοξασθήσεται ἄνευ τοῦ αἵροντος αὐτήν“ καὶ οἷς οὐ πάρεστιν ὁ ἀγαθός, γένοιτ' ἂν οὐδὲν ἀγαθόν. Καίτοι οὐ παρεῖναι τοῖς ἀγίοις ὁ Κύριος ἐπηγγέλατο μόνον, ἀλλὰ καὶ μένειν παρ' αὐτοῖς καί, ὁ τούτου μεῖζον, μονὴν ἐν αὐτοῖς ποιῆσαι. Καί τι λέγω, ὅπου γε καὶ ἐνοῦσθαι λέγεται αὐτοῖς, οὕτω φιλανθρώπως ὥστε ἐν πνεῦμα μετ' αὐτῶν εἶναι. „Ὁ γὰρ κολλώμενος τῷ Κυρίῳ ἐν πνευμά ἐστί“, καί, „ἵνα ᾗτε ἐν σῶμα καὶ ἐν πνεῦμα, καθὼς ἐγεννήθητε“, Παύλου φωνή.

5. Καθάπερ γὰρ ἡ φιλανθρωπία ἄρρητος ἡ περὶ τὸ ἡμέτερον γένος ἀγάπη τοῦ Θεοῦ τὸν λόγον τὸν ἀνθρώπινον ὑπερβαίνει καὶ τῇ θείᾳ ἀγαθότητι μόνῃ προσῆκεν (αὕτη γάρ ἐστιν „ἡ εἰρήνη τοῦ Θεοῦ, ἡ ὑπερέχουσα πάντα νοῦν“), τὸν ἴσον τρόπον ἀκόλουθον καὶ τὴν πρὸς τοὺς φιλουμένους ἔνωσιν ὑπὲρ πᾶσαν ἔνωσιν εἶναι, ἣν ἂν τις δύναιτο λογίσασθαι, καὶ πρὸς οὐδὲν παράδειγμα φέρειν. Διὰ τοῦτο καὶ πολλῶν ἐδέησε τῇ Γραφῇ παραδειγμάτων, ὥστε δυνηθῆναι τὴν συνάφειαν ἐκείνην μηνῦσαι ὡς οὐκ ἀρκοῦντος ἐνός, καὶ νῦν μὲν ἔνοικον καὶ οἰκίαν εἰσάγει, νῦν δὲ ἄμπελον καὶ κλήμα, καὶ νῦν μὲν γάμον, νῦν δὲ μέλη καὶ κεφαλὴν, ὧν οὐδέν ἐστιν ἴσον ἐκείνῃ· οὐ γὰρ ἐστιν ἀπὸ τούτων τῆς ἀληθείας ἀκριβῶς ἐφικέσθαι.

6. Μάλιστα μὲν γὰρ ἀνάγκη, τῇ φιλίᾳ καὶ τὴν συνάφειαν ἀκόλουθον εἶναι· τί δ' ἂν γένοιτο τῆς θείας ἀγάπης ἴσον; Ἐπειθ' ὅτι καὶ τὰ μάλιστα συνάφειαν καὶ ἐνότητα δεικνύναι δοκοῦντα ὁ γάμος ἐστὶ καὶ ἡ τῶν μελῶν πρὸς τὴν κεφαλὴν ἁρμονία, ταῦτα δὲ παμπληθὲς εἶσω πίπτει, καὶ πολλοῦ δεῖ τὰ ὄντα δηλῶσαι. Καὶ γὰρ ὁ μὲν γάμος οὐκ ἂν οὕτω συνάψαι, ὡς ἐν ἀλλήλοις εἶναι καὶ ζῆν τοὺς συναπτομένους, ὅπερ ἐπὶ τοῦ Χριστοῦ καὶ τῆς Ἐκκλησίας συμβαίνει· ὁθεν ὁ θεῖος Ἀπόστολος εἰπὼν περὶ τοῦ γάμου, „τὸ μυστήριον τοῦτο μέγα ἐστίν“, ἐπήγαγε, „λέγω δὲ εἰς Χριστὸν καὶ τὴν Ἐκκλησίαν“, δεικνὺς οὐ τοῦτον, ἀλλ' ἐκείνον τὸν γάμον διὰ θαύματος ἁγών. Τὰ δὲ μέλη συνῆπται μὲν τῇ κεφαλῇ καὶ ζῇ τῷ συνῆφθαι καὶ διαιρεθέντα ἀποθνήσκει, φαίνεται δὲ καὶ ταῦτα τῷ Χριστῷ συνημμένα μᾶλλον ἢ τῇ ἑαυτῶν κεφαλῇ, καὶ τούτῳ ζῶντα μᾶλλον ἢ τῇ πρὸς αὐτὴν ἁρμονίᾳ. Καὶ τοῦτο δηλὸν ἀπὸ τῶν μακαρίων μαρτύρων, οἳ τὸ μὲν ὑπέμειναν ἡδέως,

с ними так человеколюбиво, что становится одним духом с ними: «А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6, 17), и, по слову Павла, чтобы были вы «одно тело и один Дух, как вы и призваны» (Еф. 4, 4).

5. Ибо как неизреченное человеколюбие и любовь Божия к роду нашему превосходит разум человеческий и приличествует одной божественной благодати (это — «мир Божий, который превыше всякого ума» (Флп. 4, 7), так и, подобно этому, единение Его с возлюбленными выше всякого единения, о каком можно было бы подумать и представить в зрительных образах. Поэтому Писание использует для того много наглядных образов, поскольку одного недостаточно, — чтобы указать на эту связь, используют то образ обитателя, то дома, то виноградной лозы и ветви, то брака и свадебного пира, то членов тела и головы, поскольку ни один из них не подходит в совершенстве для изображения этого единства, ибо невозможно ими в точности достичь истины.

6. Так как весьма нужно, чтобы соединение было бы подобно дружбе и любви, то что можно уподобить божественной любви? То, что кажется наиболее указующим на соединение и единство, — это «брак» и сочетание «членов» с головой, но это всецело внутреннее состояние и ему многого не достает, чтобы раскрыть, как оно есть на самом деле. Ибо что касается «брака», то это понятие не соответствует такому соединению, когда соединенные пребывают и живут «в» друг друге, а именно это имеет место между Христом и Церковью; потому-то божественный апостол, когда говорит о браке, «тайна сия велика», добавляет: «Я говорю по отношению ко Христу и Церкви», тем самым указывая не на брак, а на чудесное в нем. А что касается «членов», то они соединяются с «головой» и живут соединением и умирают при разделении, но и они, кажется, более соединены со Христом, чем со своей собственной головой, и скорее живут Им, нежели сочетанием с ними, — это явственно проявилось у блаженных мучеников, которые легко переносили одно и не могли даже слышать о другом и которые с радостью отказывались от рук и прочих членов, но ни одним звуком не могли отказаться, не говоря уж о том, чтобы словом.

7. И сим утверждаю я нечто в высшей степени удивительное: что более соединено друг с другом, чем сам с собой? Но даже эта связь слабее, чем то соединение. Из блаженных духом каждый есть одно и то же с самим собой, однако же больше соединен со Спасителем, нежели с самим собой. Ибо Он любит его более, чем тот сам себя, и желая засвидетельствовать это, молится о том, чтобы «быть отлученным от Христа» ради спасения Иудеев (Рим. 9, 3), дабы Ему было

τὸ δὲ οὐδὲ ἀκοῦσαι ἠνέσχοντο, καὶ τὴν μὲν κεφαλὴν ἀπέθεντο καὶ τὰ μέλη σὺν ἡδονῇ, τοῦ Χριστοῦ δὲ οὐδὲ μέχρι φωνῆς ἐδυνήθησαν ἀποστῆναι.

7. Καὶ οὕτω λέγω τὸ καινότερον. Τί γὰρ ἂν ἄλλω συνάπτοιτο μᾶλλον ἢ αὐτὸ ἑαυτῷ; Ἀλλὰ καὶ αὕτη ἡ ἐνότης τῆς συναφείας ἐκείνης ἔλαττον ἔχει. Τῶν γὰρ πνευμάτων τῶν μακαρίων ἕκαστόν ἐστι μὲν ἓν καὶ ταῦτὸ ἑαυτῷ, συνῆπται δὲ τῷ Σωτῆρι μᾶλλον ἢ ἑαυτῷ· φιλεῖ γὰρ ἐκεῖνον μᾶλλον ἢ ἑαυτό, καὶ μαρτυρήσει τῷ λόγῳ Παῦλος εὐχόμενος ἀνάθεμα εἶναι ἀπὸ Χριστοῦ ὑπὲρ τῆς σωτηρίας τῶν Ἰουδαίων, ἵν' ἐκείνῳ προσθήκη γένηται δόξης. Εἰ δὲ τὸ τῶν ἀνθρώπων φίλτρον τοσοῦτον, τὸ θεῖον οὐδ' ἐστὶ λογίσασθαι. Εἰ γὰρ οἱ πονηροὶ τοσαύτην ἐπεδείξαντο τὴν εὐγνωμοσύνην, τί χρὴ περὶ τῆς ἀγαθότητος ἐκείνης εἰπεῖν; Οὕτω δὲ ὑπερφυοῦς ὄντος τοῦ ἔρωτος, ἀνάγκη καὶ τὴν συνάφειαν, πρὸς ἣν συνήλασε τοὺς ἐρῶντας τὴν διάνοιαν τὴν ἀνθρωπείαν κάτω τιθεῖν, ὥστε μὴδὲ πρὸς παράδειγμα ἀνενεχθῆναι δυνατὴν εἶναι.

8. Σκοπῶμεν δὲ καὶ τόνδε τὸν τρόπον. Πολλῶν ὄντων, οἷς συνεῖναι κατὰ τὸν βίον ἀνάγκη, ἄερος, φωτός, τροφῆς, ἱματίων, αὐτῶν τῶν ἐν τῇ φύσει δυνάμεων καὶ μελῶν, οὐδενὶ τῶν πάντων ἐκάστοτε καὶ πρὸς ἅπαντα κεχρησθαι καὶ συνεῖναι συμβαίνει, ἀλλὰ νῦν μὲν τούτῳ, νῦν δ' ἐκείνῳ, πρὸς τὴν αἰεὶ παροῦσαν χρεῖαν ἄλλοτε ἄλλου βοηθοῦντος. Τὸ γὰρ ἱμάτιον ἐνδυόμεθα μὲν, τροφή δὲ οὐκ ἂν εἴη, ἀλλὰ τραπέζης δεηθεῖσιν ἄλλο τι ζητεῖν ἀνάγκη. Καὶ τὸ μὲν φῶς οὐ δίδωσιν ἀναπνεῦσαι, ὃ δὲ ἀῆρ οὐκ ἂν γένοιτο ἡμῖν ἀντὶ τῆς ἀκτίνος, καὶ τῶν αἰσθήσεων δὲ ταῖς ἐνεργείαις καὶ τῶν μελῶν οὐκ αἰεὶ πάρεσμεν οὐδὲ χρώμεθα, ἀλλὰ καὶ ὁ ὀφθαλμὸς ἐνίοτε καὶ χεὶρ ἄργός ἐστιν, ἀκοῦσαι δεῆσαν, καὶ ἄψασθαι μὲν βουλομένοις ἡ χεὶρ ἄρκέσει, ὀσφρανθῆναι δὲ ἢ ἀκοῦσαι ἢ ἰδεῖν οὐκ ἂν ἔτι, ἀλλὰ ταύτην ἀφέντες εἰς ἄλλην ὁρῶμεν δύναμιν. Ὁ δὲ Σωτὴρ τοῖς ἐν αὐτῷ ζῶσιν οὕτως αἰεὶ κατὰ πάντα σύνεστι τρόπον, ὥστε πᾶσαν χρεῖαν παρέχει καὶ πάντα αὐτοῖς ἐστὶ, καὶ οὐκ ἔῃ πρὸς ἄλλο τι τῶν πάντων ἰδεῖν οὐδὲ ζητεῖν ἐτέρωθεν οὐδέν. Οὐ γὰρ ἐστὶν οὐ δεηθεῖσιν, ὅπερ οὐκ αὐτός ἐστι τοῖς ἁγίοις· καὶ γεννᾷ γὰρ καὶ αὖξει καὶ τρέφει καὶ φῶς ἐστὶ καὶ πνοή, καὶ πλάττει μὲν αὐτοῖς ὀφθαλμὸν ἑαυτῷ, φωτίζει δὲ ἑαυτῷ πάλιν, παρέχει δὲ ὁρᾶν ἑαυτόν. Καὶ τροφεὺς ὢν καὶ τροφή ἐστὶ, καὶ αὐτὸς μὲν ἐστὶν ὁ παρέχων τὸν ἄρτον τῆς ζωῆς, αὐτὸς δὲ ἐστὶν ὁ παρέχει· καὶ ζωὴ μὲν ἐστὶ ζῶσιν, ἀναπνέουσι δὲ μύρον,

еще более славы. Если такова человеческая любовь, то о божественной нельзя и помыслить. Ибо если жалкие показывают такую преданность, то что можно сказать о той благодати? Но когда любовь столь всепоглощающа, необходимо, чтобы и союз, в который она вовлекает любящих, ставил бы человеческую мысль на столь низкий уровень, чтобы он (союз) не был бы приписан какому-то зрительному образу.

8. Рассмотрим это также и следующим образом. — Хотя есть много вещей, которые по необходимости сосуществуют в жизни: воздух, огонь, пища, одежда, но ни одна из этих природных сил и звеньев не используется и не сосуществует всегда и повсюду — то одно, то другое в зависимости от потребности, времени и приносимой пользы. Мы облачаемся в одежду, но для пропитания она нам не служит, так что когда приходит пора сесть за стол, приходится искать что-то другое. И свет не дает нам дышать, хотя воздух не может нам заменить луч света, и мы не во всякое время проявляем свои чувства или действия членов и не используем их все, но то глаз, то рука бездействуют, когда нужно слушать, и тот, кто желает прикоснуться, протянет руку, а не тот, кто желает обонять, слушать, или смотреть; тогда мы оставляем руку и обращаемся к другой способности. Но с тем, кто живет в Нем, Спаситель сопребывает всегда и во всем, так что исполняет всякую его нужду и есть все для него и не нужно ему смотреть на что-то иное или искать что-то в другом месте. Потому что нет ничего, в чем бы они нуждались и чем бы Он сам не был для святых. Он и рождает, и дает возрасти, и питает, Он — свет и дыхание, Он создает у них око, дабы видели Его Самого, Самим Собою дает им свет и приносит его, дабы видели Его Самого. Он и питатель и пища, Сам Он — Тот, кто приносит хлеб жизни, и Сам же — То, что приносит; Он — жизнь для живущих, мир для дышащих, одежда для желающих одеться. Поистине, Он — Тот, кем мы можем ходить, и Он — путь, а кроме того, Он — и убежище на пути, и конец пути. Мы — члены, Он — Голова нужно бороться, Он борется с нами, нужно узнать, кто чего стоит, Он — Судия, побеждаем, Он — венец.

9. Так все и во всем обращает Он к Себе Самому и не позволяет обращать внимание на что-то иное или питать любовь к чему-то другому. И если в нас пробуждается страсть к одним каким-то вещам, Он останавливает это и заставляет прекратить, а если к другим — то снова Сам Он, уже с другого края, останавливает и на этом пути и поддерживает тех, кто блуждает на нем, — «Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: и там рука Твоя поведет меня, и удержит

ἱμάτιον δὲ ἐνδύσασθαι βουλομένοις. Καὶ μὴν αὐτὸς μὲν ἐστίν, ὃ δυνάμεθα βαδίζειν, αὐτὸς δὲ ἐστὶν ἡ ὁδός, καὶ πρὸς γε ὅτι τὸ κατάλυμα τῆς ὁδοῦ καὶ τὸ πέρας. Μέλη ἐσμέν, ἐκεῖνος κεφαλὴ· ἀγωνίζεσθαι δέον, συναγωνίζεται, εὐδοκιμοῦσιν, ἀγωνοθέτης ἐστί· νικῶμεν, στέφανος ἐκεῖνος εὐθύς.

9. Οὕτω πανταχόθεν πρὸς ἑαυτὸν ἐπιστρέφει καὶ οὐκ ἔῃ προσχεῖν τὸν νοῦν οὐδενὶ τῶν ἄλλων οὐδὲ λαβεῖν ἔρωτα τῶν ὄντων οὐδενός. Κἂν γὰρ ὧδε κινήσωμεν τὴν ἐπιθυμίαν, αὐτὸς ἴστησι καὶ ἀναπαύει, κἂν ἐκεῖσε, πάλιν αὐτός, κἂν ἐτέρωσε, καὶ ταύτην κατέχει τὴν ὁδὸν καὶ παριόντας χειροῦται. „Ἐὰν ἀναβῶ εἰς τὸν οὐρανόν, σὺ ἐκεῖ εἶ, φησὶν· ἐὰν καταβῶ εἰς τὸν ἄδην, πάρει· ἐὰν ἀναλάβω τὰς πτέρυγάς μου κατ’ ὄρθρον καὶ κατασκηνώσω εἰς τὰ ἔσχατα τῆς θαλάσσης, καὶ γὰρ ἐκεῖ ἡ χεὶρ σου ὁδηγήσει με καὶ καθέξει με ἡ δεξιὰ σου“, ἀνάγκη τινὶ θαυμαστῇ καὶ φιλανθρώπῳ τυραννίδι πρὸς ἑαυτὸν μόνον ἔλκων καὶ ἑαυτῷ μόνῳ συνάπτων. Καὶ ταύτην εἶναι οἶμαι τὴν ἀνάγκην, ἣ συνήλασε πρὸς τὴν οἰκίαν καὶ τὴν εὐωχίαν οὓς ἐκάλει, τῷ δούλῳ λέγων, „ἀνάγκασον εἰσελθεῖν, ὅπως γεμισθῇ ὁ οἶκός μου“.

10. Εἶεν. Ὅτι μὲν οὖν ἡ ἐν τῷ Χριστῷ ζωὴ οὐκ ἐπὶ τοῦ μέλλοντος μόνον, ἀλλ’ ἤδη καὶ ἐπὶ τοῦ παρόντος πάρεστι τοῖς ἁγίοις καὶ ζῶσι κατ’ ἐκείνην καὶ ἐνεργοῦσι, φανερόν ἐκ τῶν εἰρημένων. Ὅθεν δὲ ἐστὶν οὕτω ζῆσαι καί, ὃ φησι Παῦλος, ἐν καινότητι ζωῆς περιπατῆσαι, λέγω δὴ τί ποιοῦσιν ὁ Χριστὸς οὕτω συνάπτεται καὶ προσφύεται, καὶ οὐκ οἶδ’ ὃ, τι χρὴ καλεῖν, ἐξῆς ἂν εἶη ῥητέον.

меня десница Твоя... и свет вокруг меня делается ночью». (*Пс. 139, 8–10*) — при этом Он удивительным принуждением и человеколюбивым насилием привлекает к одному Себе и соединяет с одним Собой. Таково, я думаю, принуждение, которым заставил Он войти в дом и на пиршество тех, кого звал, говоря рабу: «Убеди прийти, чтобы наполнился дом мой!» (*Лк. 14, 23*).

10. Что, таким образом, жизнь во Христе для святых, которые и живут, и действуют соизмеряясь с нею, означает не только будущее время, но уже здесь и сейчас, ясно из сказанного. Как можно жить так и, как говорит Павел, «жить обновленной жизнью» (*Рим. 6, 4*), т. е., что должен делать соединяющий себя с Христом и возрастающий с Ним (не знаю, как это назвать), — об этом речь пойдет дальше.

34. Гемист Плифон (1355–1452)

Яркой личности этого выходца из Константинополя, философу, политику и ритору, местом пребывания которого в основном была Мистра на Пелопоннесе, в Новейшее время посвящено множество исследований и монографий. Его творчество (и творчество его последователя кардинала Виссариона, см. ниже) — это вклад платонизма в итальянский Ренессанс. В силу

Οἱ μὲν ἡμῶν παλαιότεροι καὶ Ἑλλήνων καὶ Ῥωμαίων Πλάτωνα Ἀριστοτέλους πολλῶ τῷ μέσῳ προετίμων· τῶν δὲ νῦν, καὶ μάλιστα τῶν πρὸς ἐσπέραν οἱ πολλοί, ἅτε ἐκεῖνων σοφώτεροι οἰόμενοι γεγονέναι, Ἀριστοτέλῃ πρὸ Πλάτωνος θαυμάζουσιν, Ἀβερρόει τινὶ Ἀραβι πειδόμενοι μόνον Ἀριστοτέλῃ φάσκοντι τέλειόν τι τῆς φύσεως ἐς σοφίαν ἔργον ἀποτελεῖσθαι, ἀνδρὶ εἰ μὲν τᾶλλα σπουδαίῳ οὐκ ἂν οὕτω ῥαδίως εἰπεῖν ἔχοιμι, τὸν μέντοι περὶ ψυχῆς λόγον οὕτω φαύλῳ ὥς καὶ θνητὴν αὐτὴν τίθεσθαι. Καίτοι ὃς γ' ἂν ταύτην τὴν ἀμαθίαν τυγχάνοι ἀμαθαίνων, τίνος ποτ' ἂν σπουδαίου πράγματος κριτὴς γένοιτο ἄξιος; καὶ ταῦτα οὐδ' Ἀριστοτέλους ταύτην δοκοῦντος τὴν ἀμαθαίν ἀμαθαίνειν; χρὴ γὰρ τάληθῃ λέγειν καὶ μὴ συκοφαντεῖν τὸν ἄνδρα, καίτοι πλείστους γε τῶν πρὸ αὐτοῦ σεσυκοφαντηκότα. Ἄλλ' εἰ μὴ οὐδὲ τὸ συκοφάντην ἀντισυκοφαντεῖν εὐαγὲς εἶναι δοκεῖ, ἐπεὶ δὲ καὶ νῦν εἰσιν οἱ Πλάτωνι μᾶλλον τὴν ψῆφον τίθενται, ἡμεῖς τούτοις τε χαριζόμενοι κάκεῖνους, εἰ μὴ σφόδρα φιλονείκως ἔχουσιν, ἐπανορθοῦντες, βραχέα περὶ ὧν διαφέρονται τῷ ἄνδρῳ ἐροῦμεν, καὶ δεῖξομεν

τὸν ἄνδρα τάνδρὸς οὐ μικρὸν λειπόμενον οὐ μακρὰς οὐδ' ἐριστικὰς, ἀλλ' ὥς οἶόν τε διὰ βραχυτάτων ποιούμενοι τὰς ἀποδείξεις. Κ'. Λοιπὸς δὲ δὴ ἡμῖν τῶν μεγίστων καὶ ὁ περὶ εἰδῶν λόγος. Περὶ ὧν οὐ Πλάτωνι συνειπεῖν, ἀλλ' Ἀριστοτέλῃ καὶ ἐν τούτοις ἀποδείξει φαύλως ἀντιλέγοντα, καὶ τὰ μὲν συκοφαντοῦντα, τὰ δ' οὐ περαίνοντα, ἀνεμέσητον, ἐπεὶ καὶ ἐν τῶν εἰρημένων ἔστιν οἷς οὐδὲν Πλάτωνι συνειρηκότες Ἀριστοτέλῃ τέως αὐτὸν ὑφ' αὐτοῦ περιτρεπόμενον ἐπιδεδείχαμεν.

Πρῶτον μὲν οὖν ἐκεῖνο ἐλεγκτέον ψευδόμενον αὐτόν, ὅτι δὴ πρώτους μετὰ Σωκράτῃ φησὶν ἄρξαι τοῦ περὶ εἰδῶν τούτου λόγου, τὸν Πλάτωνα δηλονότι λέγων. Φαίνονται δὲ καὶ πρὸ Πλάτωνος οἱ Πυθαγόρειοι ταύτῃ

неязыческих тенденций, присутствующих в его сочинениях, он, можно сказать, был выброшен из греческой духовной жизни. Теперь его часто вспоминают в связи с пробудившимся именно при нем греческим национализмом и, похоже, возвращают из забвения.

Чем Аристотель отличается от Платона

Это сочинение ставит точку в «бесконечном диалоге» между приверженцами Платона и Аристотеля и в ренессансной Италии (в Византии эти споры уже давно исчерпали себя). Сочинение является сжатым по форме, с высокой концентрацией философских аргументов. Тексты взяты из начала произведения, а также из заключительной 10-й главы, где доводы, приведенные Аристотелем против учения об идеях, столкнулись с противоположной точкой зрения.

Наши предки, как среди эллинов, так и среди римлян, ставили Платона намного выше, чем Аристотеля, но многие из нынешних, в особенности на Западе, больше восхищаются Аристотелем, нежели Платоном, думая, что так они будут выглядеть умнее, и подражают Аверроэсу, некоему арабу, утверждавшему, что лишь Аристотель создал труд, который по своей природе есть совершенство мудрости, — т. е. человеку (Аверроэсу), о достоинствах которого во всем остальном говорить весьма сложно, но который так кощунствует по отношению к сущности души, что даже считает ее смертной. Хотя может ли человек, способный на столь глубокое заблуждение, быть достойным судьей в каком-либо серьезном деле? Аристотель же, кажется, в этом не совершал подобной ошибки. Ведь следует говорить истинное, а не клеветать на человека, даже если сам он порочил многих своих предшественников. Но считая неподобающим отвечать клеветникам клеветой, поскольку и ныне есть те, кто готов проголосовать скорее за Платона, мы, чтобы доставить удовольствие одним и не слишком раздражать других, хотели бы вкратце изложить, чем эти два человека отличались друг от друга, и показать, что один из них совсем немножко не дорос до того, чтобы быть чуть-чуть лучше другого, чему мы приведем не пространные и отнюдь не полемичные, а как можно более краткие доказательства.

Следующее наше слово — о величайших мужах и как раз в том, что касается идей. Наше несогласие в этом с Платоном, — причем мы указываем, что и Аристотель привел здесь неудачные доводы, отчасти клеветца, отчасти приводя свое собственное мнение, — не

χρώμενοι τῇ δόξῃ, ὥς ἐκ τοῦ Τιμαίου τοῦ Λοκροῦ βιβλίου ἔστι λαβεῖν. Τὸν γὰρ οὐρανὸν τόνδε συνίστησι νοητοῦ παραδείγματος τοῦ ἰδανικοῦ κόσμου εἰκόνα. Καὶ τοῦτο μὲν οὕτω.

... ἡμῖν δ' ἀνάγκη οἶά τε τὰ εἶδη καὶ ὅπως ἔχοντα οἱ τιθέμενοι ἀξιοῦσιν εἶναι πρότερον ἐκθεμένοις, οὕτω πρὸς τὰ Ἀριστοτέλους ἀπαντᾶν, οὕτω γὰρ ἂν σαφέστατα ἐλεγχθῇ, τὰ μὲν συκοφαντῶν, τὰ δ' οὐδὲν περαίνων.

Τῶν γε μὴν τῇδε οὐσιῶν, τῶν τε ταῖς οὐσίαις καθ' αὐτὰ προσόντων καὶ σχέσεων ἐκεῖ εἶναι τὰ εἶδη τε καὶ παραδείγματα τῶν μὲν σχέσεων, ὅτι οὐδὲ τὰ κάκεῖ ἄσχετα πρὸς ἄλληλα. Τῶν οὖν ἐκεῖ σχέσεων τὰς τῇδε δεῖ εἶναι εἰκόνας, τῶν δὲ προσόντων, ὅτι οὐδ' ἄνευ προσόντων τάκεῖ.

Τοῦ μὲν γὰρ ὑπερουσίου ἑνὸς ἄτε ἄκρως ἑνὸς ὄντος οὔτε οὐσίαν, οὔτε προσόν, οὔτε ἐνέργειαν, οὔτε δύναμιν διακεκρίσθαι. Τῶν δὲ εἰδῶν τε καὶ νῶν τούτων ἄτε οὐκ ἐκείνῳ παρισυμμένων, προσόντα μὲν οὐσίας διακεκρίσθαι, ἐνεργείας δὲ δύναμιν οὐδέπω, ἀλλὰ τοῖς τῇδε ἤδη πρὸς τῇ ἐτέρῃ καὶ ταύτην τὴν διάκρισιν ἀποδίδοσθαι. Ὡστ' ἂν τάκεῖ μέσως πως ἔχειν τοῦ τε ὑπερουσίου ἑνός, καὶ τῶν τῇδε καὶ αἰσθητῶν.

должно стать поводом для того, чтобы подвергать нас критике, поскольку и раньше случалось, что мы, не примыкая к Платону, все же указывали, что Аристотель противоречит сам себе.

Прежде всего следовало бы опровергнуть его, когда он ошибочно утверждает, что первые, кто начал говорить о «идеях», появились после Сократа. Он, разумеется, имеет в виду Платона. Хотя очевидно, что еще до Платона это учение знали пифагорейцы, как это вытекает из Платонова «Тимея». Ибо он считал, что небо построено как отражение мысленного прообраза, мира идей. И довольно об этом.

...Мы считаем необходимым прежде всего показать, что именно основоположник идей вложил в понятие «идеи», что они представляют собой и как соотносятся друг с другом, чтобы таким образом ответить Аристотелю, ибо так его можно опровергнуть наиболее убедительно, — и там, где клеветал, и там, где приводил собственное мнение.

Ведь имеющиеся сущности и все свойственное им как таковым, включая их взаимоотношения, представляют собой некие идеи с определенным характером взаимоотношений, поскольку и там они не лишены взаимосвязи друг с другом. Здешные их взаимоотношения должны быть образом тамошних, им присущих, ибо там они — не без присущего им.

Что же касается сверхсущественного Единого, то поскольку оно абсолютно едино, от него не может быть отделена ни сущность, ни присущее, ни энергия, ни сила. У идей же и этих умопостигаемых сущностей, в силу их неравнозначности Ему, присущее отделяется от сущности, а сила же от энергии — никогда; но у здешнего добавочно к прочим есть и это разделение. Так что тамошнее находится посередине между сверхсущим Единым и здешними воспринимаемыми чувствами вещами.

Краткое изложение зороастрийских и платонических доктрин

Этот документ связан с запрещенным Церковью сочинением Плифона «Законы», которым он пытался придумать законы для своей выдуманной родины на Пелопоннесе. Документ и по стилю, и по содержанию представляет собой языческое подражание христианскому Символу Веры и сочинен в духе «Гимна» императора Юлиана, просуществовавшего к этому времени уже тысячу лет. В «Законах» Плифон возводит свое духовное преемство к «мидея-

Ἐκεῖνα μάλιστα ἂν δέοι κεφάλαια εἰδέναι τόν γε δὴ φρόνιμον ἐσόμενον.

Πρῶτον μὲν ἐκεῖνο περὶ θεῶν, ὡς εἰσίν.

εἰς μὲν αὐτῶν Ζεὺς ὁ βασιλεὺς, μέγιστός τε καὶ ἐς ὅσον γε ἐνῆν ἄριστος,¹⁾ τοῖς ὅλοις τοῖσδε ἐφεστκῶς, καὶ θεότητι ἐξαίρετος, αὐτὸς μὲν πάντῃ τε ὄν καὶ πάντως ἀγένητος, τῶς δ' ἄλλων ἀπάντων πατήρ τε καὶ δημιουργὸς πρεσβύτατος.

Τούτου δὲ παῖς μὲν πρεσβύτατος, ἀμήτωρ γε, δεῦτερος δὲ θεός, Ποσειδῶν, τὰ τε δευτερεῖα τῆς κατὰ πάντων ἡγεμονίας πρὸς τοῦ πατρὸς ἐπιτετραμμένος, καὶ

ἔτι τὴν τοῦδε τοῦ οὐρανοῦ γένεσιν τε καὶ δημιουργίαν, θεοῖς καὶ ἐτέροις χρώμενος ὑπάρχοις, τοῖς μὲν ἀδελφοῖς, ἀμήτορσι πᾶσιν ὑπερουρανίοις, Ὀλυμπίοις τε δὴ καὶ Ταρταρίοις· τοὺς δὲ καὶ αὐτὸς ἐξ Ἦρας ἤδη, θεοῦ τῆς γε ὕλης παραγωγῷ, γεννῶν, τοὺς ἐντὸς οὐρανοῦ τοῦδε, τό τε δὴ οὐράνιον γένος ἄστρον, καὶ τὸ τῇ ἡμετέρᾳ ἤδη φύσει προσεχὲς δαιμόνων γένος χθόνιον.

Ὅς καὶ Ἥλιῳ, παῖδων τῶν ἑαυτοῦ τῷ πρεσβυτάτῳ, ἡγεμονίαν τε τὴν τοῦδε τοῦ οὐρανοῦ ἐπιτέτραφε, καὶ ἔτι γένεσιν τὴν τῶν ἐν αὐτῷ θνητῶν, ταύτην μέντοι καὶ σὺν Κρόνῳ, θεῶν τῶν γε Ταρταρίων Τιτάνων ἀδελφῷ τε καὶ ἡγεμόνι.

Πρῶτον μὲν οὖν τοῦτο οὕτω τε καὶ ταύτῃ μάλιστα ἀκριβοῦμενον νομίζειν.

Ταῦτα δὴ ἰβ' σύμπαντα κεφάλαια περὶ τε θεῶν, καὶ τοῦ παντὸς τοῦδε, καὶ φύσεως τῆς ἡμετέρας, εἰδέναι τε δεῖ καὶ νομίζειν, εἰ μέλλοι τις ἂ χρῆ ὡς μάλιστα φρονῶν, καὶ φρόνιμος τῷ ὄντι ἔσσεσθαι.

нам», «персам» и Заратустре, к мифическим царям, вроде Миноса на Крите. Оттуда эстафету перенимают «маги» и «брахманы» на Востоке, затем — семь мудрецов в Элладе, далее — Пифагор, Платон, Плотин, Порфирий и Ямвлих (последние включены в нашу антологию). Так с Плифоном в ренессансное общество Италии приходит не только платонизм, но и герметизм.

Следующие положения обязательны для желающего быть воистину мудрым.

1. Прежде всего о богах: что они есть.

Один из них Зевс, царь, величайший и наилучший, насколько только возможно¹, всего здешнего причина и по божественности исключительный, сам везде суший и всецело нерожденный, а всего другого — Отец и главнейший творец.

Его старший сын, рожденный без матери и второй бог — Посейдон, кому доверил Отец второе место в управлении всем, а также поручил рождение и сотворение существующей Вселенной — с участием других подчиненных ему богов, частью его братьев и сестер — всех, рожденных без матери и сверхнебесных², а также богов с Олимпа и из Тартара, частью же тех, кого он сам породил непосредственно с Герой, богиней производной материи внутри этого неба: как из рода небесных звезд, так и из рода подземных демонов, непосредственно приближенных к нашей природе.

Посейдон доверил Гелиосу, старшему и достойнейшему из своих сыновей, как управление небесным сводом, так и рождение пребывающих на нем смертных существ — и все это совместно с Кроносом, братом его и главным над богами Тартара.

Таково первое, что мы признаем в точности.

(За этим следует еще одиннадцать соответствующих, но более сжатых пунктов Символа Веры. Затем идет конечный пассаж.)

Все эти двенадцать основных положений о богах, обо всем здешнем и о нашей (человеческой) природе следует знать и признавать всякому, кто намерен, руководствуясь ими и по возможности осмысляя, стать воистину мудрым³.

¹ Это ограничение возможностей высшего божества восходит к Платонову «Тимею».

² Выражение «сверхнебесный», восходя через Ямвлиха к Платонову «Федру», указывает на познаваемый разумом мир идей.

³ Это выражение несет на себе следы влияния как христианского Символа Веры, так и формулировок законов в римском праве.

35. Кардинал Виссарион

Иоанн, известный как кардинал Виссарион, происходил из Трапезунта, учился частью в Константинополе, частью у Плифона в Мистре. Вступил в монашеский орден Василия Великого, где и взял имя Виссарион. В 1437 г. стал архиепископом Никеи, а в 1438 г. сопровождал императора Иоанна VII Палеолога на соборы в Феррару и Флоренцию, где играл центральную роль в переговорах об унии между Восточной и Западной Церквями. Виссарион занял проримскую позицию и в 1439 г. получил от римской Церкви звание кардинала, после чего поселился в Италии. Его резиденция в Риме сделалась чем-то вроде Академии греческой и латинской учености. В 1467 г. он подарил Венеции свою огромную библиотеку, ставшую первым в Европе об-

Κεφ. α'. Τίς ἡ αἰτία τῆς συγγραφῆς

Ἀφίκετο ἡμῖν ἐς χειρας βιβλίον τι Πλάτωνος καὶ Ἀριστοτέλους ἐπαγγελόμενον σύγκρισιν. αὐτίκα γε οὖν ἡσθημεν τῷ εὐρήματι καὶ ὥσπερ οἱ λίχνοι περὶ τι τῶν ἐδεσμάτων, πάντων τῶν ἀνὰ χειρας ὀλιγωρήσαντες περὶ τὴν ἐκείνου ἀνάγνωσιν πᾶσαν ἐπεποιήμεθα τὴν σπουδὴν. ἡλπίσαμεν γὰρ ἐν αὐτῷ τῶν ἐκατέρου εἴτε φυσικῶν εἴτε ὑπερφῶν εἴτε λογικῶν εἴτε καὶ ἡθικῶν δογμάτων εὐρεῖν ἔκθεσιν σύγκρισίν τε πρὸς ἄλληλα, καὶ ἡ μὲν τόδε τῷδε συνάδει, ἡ δὲ τόδε τοῦδε ἀπάδει, καὶ τίσι μὲν λόγοις ἐκεῖνο, τίσι δὲ τοῦτο δείκνυται, καὶ πότερον ἢ πρώτη οὐσία ἡ ἢ δευτέρα κυριωτάτη, καὶ τί μὲν ὕλη καὶ εἶδος Ἀριστοτέλει, τί δὲ μέγα καὶ μικρὸν Πλάτωνι βούλεται, καὶ πῶς ἡ ἐντελέχεια τῇ αὐτοκινήσει ἐπὶ ψυχῆς συμβαίνει, καὶ εἴ τινα χωριστά εἰσιν εἶδη ἢ πάντῃ ἀχώριστα, καὶ εἰ χωριστά, πότερον καθ' αὐτὰ ὑφεστῶτα ἢ ἐν ψιλαῖς κείμενα ἐπινοίαις· καὶ πῇ μὲν ὁμωνύμως, πῇ δὲ συνωνύμως τῶν ὄντων

κατηγορεῖται τὸ ὄν, καὶ πῇ ἡ διαιρετικὴ μέθοδος, ὁ φιλοσοφίας θριγκός'), τῇ ἀποδεικτικῇ ἐπιστῇ ταυτόν, πῇ δὲ ἕτερον, καὶ πότερον ἀγένητον πάντῃ τὸ πᾶν καὶ αἰΐδιον ἢ γενητὸν καὶ φθαρτὸν ἢ γενητὸν καὶ ἀγένητον καὶ ἅμα αἰΐδιον, καὶ πῇ μὲν γενητόν, πῇ δὲ ἀγένητον, αὐτὸ τε καὶ ἡ ψυχὴ· καὶ εἰ ὁ θεὸς καὶ αὐτῆς τῆς οὐσίας ἢ μόνης ἐστὶ τῆς κινήσεως τῶν φυσικῶν αἷτιος καὶ δημιουργός· εἰ ὁ οὐρανὸς πέμπτον ἐστὶ τῶν ἀπλῶν σωμάτων ἢ ἐν τῶν τεττάρων'). καὶ πότερον τὴν ἀρετὴν καὶ τὸ καλὸν ἢ τὴν θεωρητικὴν ἐπιστήμην ἔσχατον τέλος εἶναι

щедоступным книжным собранием. В противоположность своему учителю Плифону, Виссарион был человеком умеренных взглядов и обладал большими дипломатическими способностями. Но в преклонном возрасте и он был вовлечен в непрекращающуюся борьбу между приверженцами Аристотеля и Платона, а также в острую полемику со своим земляком Георгием Трапезунтским (1396–1484), который, кстати, перевел на латынь «Парменида» Платона. Результатом этого стало появление его самого крупного и значительного произведения: *In calumniatorem Platonis* (1470), изданного на латыни и переведенного на греческий самим Виссарионом.

Против хулителей Платона

1.1. Основание для написания этого сочинения

К нам в руки попала книга, обещавшая представить нам сравнительную оценку Платона и Аристотеля. Мы сразу же были пленены захватывающей темой и, подобно охотим до лакомой пищи, отложив в сторону все, что держали в руках, со всем рвением принялись за чтение. И все потому, что мы надеялись найти в ней изложение и сравнительную оценку каждого отдельного учения — будь то естественное, или сверхъестественное, логическое, или этическое, — что вот, мол, здесь это совпадает с тем-то, а тут это отличается от того-то, и чем это объясняется, и насколько превосходят друг друга первичная или вторичная сущности, и что означает «материя и форма» у Аристотеля, а что — «великое и малое» у Платона, и каким образом энтелехия сообщает душе силу самоподвижности, и насколько различаются какие-то идеи, или же они вовсе не различаются, а если различаются, — в какой мере составляют они самостоятельные сущности, а в какой — представлены только мыслями, и как бытие определяется по отношению к сущему «омонимическим», а как «синонимическим» образом, и в чем состоит расчленяющий (диалектический) метод, венец философии, в чем он идентичен искусству доказательства, а в чем отличается от него, и является ли все всецело нетварным и вечным, или же тварным и преходящим, или же и тварным и нетварным и в то же время вечным, и в чем тварно, а в чем нетварно и оно само, и душа; и Бог ли — Причина этого и Создатель самой сущности или только движения физических тел, и является ли небо пятым из простых тел, или одним из четырех, и в какой мере

ἀνθρώπου θετέον· καὶ περὶ τῶν ἄλλων δὲ μεγίστων δογμάτων τῶν φιλοσόφων, ἄκαιρον γὰρ καὶ φιλοτιμίας εἰκαίης δόξειεν ἂν πάντα νῦν καταριθμήσασθαι.

περὶ τούτων οὖν πάντων ἢ τῶν γε πλειόνων ἐντυχεῖν παρὰ τῷ βιβλίῳ καὶ μάλα ἡλπίκαμεν. τοῦτο γὰρ καὶ ἄλλοι τῶν πρὸ ἡμῶν Ἑλλήνων τε καὶ Ῥωμαίων, οἱ μὲν Πλάτωνι, οἱ δὲ Ἀριστοτέλει συνιστάμενοι πεποίηκεσαν, τὰ μὲν ἐγκρίνοντας, τὰ δὲ ἀποκρίνοντας. εἰσὶ δὲ καὶ ταυτὰ τε πάντα τῷ τε φιλοσόφῳ ἀλλήλοιν διαλλάττοντες ἢ διαλλάξαι ὑπεσχημένοι, ὥς Σιμπλικίος τε παρ' Ἑλληνιστῶν περὶ τινῶν εἴργασται καὶ παρὰ Λατίνους Βοήθιος³⁾, ὃς πολὺς ἐπηγγεῖλατο· εἰ γὰρ καὶ πεποίηκεν, οὐκ ἴσμεν, βιβλίων τοιούτων γε αὐτοῦ νῦν οὐχ εὕρισκομένων. φόβην οὖν καὶ τὸν πατέρα ἐκείνου τοῦ συγγράμματος δόξαν ἑαυτῷ περιποιούμενον καὶ σοφίαν τε ἅμα καὶ εὐφροσύνην ἐπιδεικνύμενον τοιοῦτόν τι καὶ αὐτὸν ποιήσειν καὶ ἢ συνάδοντας δείξειν τοὺς φιλοσόφους ἢ γοῦν ἐγκρίνοντα τὸν ἕτερον λόγοις τε αὐτὸ τοῦτο δείξειν, τοῖς μὲν Ἀριστοτέλους συνηγοροῦντα δόγμασιν, εἰ τοῦτο ἡβούλετο, τὰ δὲ Πλάτωνος φαυλίζοντα, καὶ τὴν αἰτίαν, ἣ φαυλίζοι, ἀποδείξεισιν τε καὶ λόγων ἀνάγκαις τοὺς ἀκούοντας διδάξουσιν.

Ἐγαννύμην τε οὖν τῷ εὐρήματι διὰ ταῦτα καὶ πῶς οἶει τῆς ἀναγνώσεως ἐνεφορούμην καίτοι προσάντει μὲν εὐθὺς ἐξ ἀρχῆς ἐντυχὼν τῷ λόγῳ καὶ λοιδοριῶν ὄζοντι μεγίστων, ἐλπίζων δὲ ποτε ὁμῶς περαιτέρω τοῦ λόγου ἐντυχεῖν, οἷς ἐπόθουν. ἐπεὶ δὲ πάντα διηλθον τὸν λόγον καὶ ὁ μὲν θησαυρὸς ἀνθρακες καὶ τὰ ἐλπιζόμενα οὐδαμοῦ – πάσης δὲ λοιδορίας καὶ βλασφημίας καὶ δυσφημίας Πλάτωνος ὁ λόγος ἐφάνη μεστὸς καὶ οὐδὲν ἄλλ' ἢ κωμωδία ἀντικρυς ἀνακεκαλυμμένη, μᾶλλον δὲ καὶ πάσας τὰς πρότερον γεγεννημένας κωμωδίας ὑπερβάλλων – ἐξεπλάγην τε ὅλος καὶ ἐννεὸς ἐγενόμην, οὐκ ἂν ἐλπίσας τοιούτῳ ποτὲ ἐντεύξεσθαι λόγῳ, οὐδ' ἔσσεσθαι ἀνθρώπον, ὃς οὕτω διαρρήδην τάναντιώτατα τῶν τε ὄντων τῇ τε κοινῇ πάντων ἀνθρώπων δόξῃ λέγων οὐ μόνον οὐκ ἐγκαλύπτοιο, ἀλλὰ καὶ ὥς τι μέγα καὶ καλὸν λέγων, ὥς ἀγεννῆς ἀλεκτρυὼν, φησὶ Πλάτων, ἀποπηδῶν τοῦ λόγου ἕδοι τε καὶ καυχῶτο καὶ αὐτὸς ἑαυτὸν περιβλέποι. παραβάλλων γὰρ αὐτὸν δῆθεν Ἀριστοτέλει ἐκείνῳ μὲν εὐφημαῖς ἐξαίρει, καὶ καλῶς γε τοῦτο ποιῶν, μεγάλης γὰρ εὐφημίας ἄξιος ὁ ἀνὴρ, Πλάτωνα δὲ τοῖς ἐξ ἀμαξῶν σκώπτει. καὶ Ἀριστοτέλους μὲν καὶ βίον θαυμάζει καὶ λόγον, πᾶν εἶδος παιδείας, πᾶσαν παιδείαν, πᾶσαν σοφίαν, καὶ ἀληθῶς γε αὐτῷ προσμαρτυρῶν, Πλάτωνα δὲ οὐχ ἤττονά γε Ἀριστοτέλους, ἦν γὰρ ἂν φορητόν, ἀλλ' ἀμαθῆ καὶ ἀπαιδευτον, οὐ ῥητορικὴν, οὐ φιλοσοφίαν, οὐ τὴν μετὰ τὰ

добродетель и прекрасное, или умозрительная наука, составляют конечную цель человека, и о других высочайших мыслях этих двух философов: перечислять все — может показаться теперь несовременным или делом пустого тщеславия.

На самом деле, мы питали надежду, что в этой книге сможем встретиться со всеми или, во всяком случае, с большей частью этих вопросов. Ведь это как раз то, чем другие — как эллины, так и римляне — занимались до нас, что-то впитывая с Платоном, что-то — с Аристотелем, одобряя одно, отрицая другое. Есть и такие, кто старался показать, что оба эти философа во всем согласны друг с другом, и будто бы у эллинов первым это сделал Симплиций, а у римлян — Боэций, каковой часто (это) обещал. Если он это и сделал, мы (этого) не знаем — таковых его книг мне не найти. Мне казалось, что отец этого сочинения пожелает снискать себе славу, продемонстрировав свою премудрость и талант, и тоже явит нечто подобное, или показав, что (эти) философы в чем-то согласуются, или, если он предпочитает мнение одного из них, то подкрепив это аргументами, но если, пожелав присоединиться ко взглядам Аристотеля, он намерен принизить Платона, то, используя доказательства и убедительную аргументацию, он должен объяснить слушателям причины своей низкой оценки его.

Потому я радовался счастливой находке и, будучи не в силах сдерживать себя, набросился на чтение, но сразу же в самом начале наткнулся на речь, источавшую мерзейшую хулу; однако я все же надеялся, читая дальше, встретить те вещи, которые искал. Но прочтя все, я ничего, кроме угля в качестве драгоценности, не обнаружил, и того, чего ждал, нигде не было. Напротив, сочинение было полно бранью, клеветой и поношением Платона, все было не чем иным, как откровенной комедией, и даже превосходило все известные комедии. Я был совершенно поражен и онемел, поскольку не мог предположить, что можно когда-либо встретиться с подобными речами и что есть человек, который явно противоречит фактам и всеобщему мнению, не только не стесняется, но даже думает, будто изрекает нечто великое и благое, подобно «безродному петуху», который, как говорит Платон («Теэтет»), выпрыгивает из рассказа, кукарекая и заливаясь в хвастливом самолюбании. Ведь сравнивая его (Платона) с Аристотелем, он превозносит того (Аристотеля) в похвалах, в чем поступает хорошо, ибо этот человек заслуживает великой похвалы, но побазарному (с воза) высмеивает Платона. Да, и жизнь и учение Аристотеля заслуживают восхищения; он сам свидетельствует о себе, что воистину овладел любой областью знания, хорошо знаком со всей культурной жизнью и обладает всяческой премудростью и умением, однако он не просто умаляет Платона перед Аристотелем, это бы еще

φυσικά καὶ περὶ τὰ αὔλα ἐπιστήμην, οὐ τὰ μαθηματικά, οὐκ ἄλλο τι εἶδος τῶν λόγων ὅλως ἐπιστάμενον ἀπερικαλύπτω τῇ κεφαλῇ ἀποφαίνεται.

Εἰς τρία δὲ τοῦ συγγράμματος αὐτῷ διηρημένου, ἐν μὲν τῷ πρώτῳ τὰ εἰρημένα ποιεῖ, λόγον μὲν οὐδένα λέγων, ὅτι δὲ Ἀριστοτέλης τέχνην περὶ τούτων γε συνεγράψατο, Πλάτων δὲ οὐ, τούτῳ ἰσχυριζόμενος ἀσύστατα, ἀσύμβατα, ἐναντία, διάφωνα ἑαυτοῖς, ὥσπερ τινὰ παιδάρια ἀμαθέστατα Πλάτωνά τε καὶ τοὺς περὶ ἐκείνον γράφειν τε καὶ λέγειν, καὶ μηδὲν ὅλως λογισμοῦ ἢ συλλογισμοῦ ἐχόμενον ἢ εἰπεῖν αὐτοὺς ποτε ἢ ἐννοῆσαι – φεῦ τοῦ θράσους – ἀπαναισχυρτῶν· ἐν δὲ τῷ δευτέρῳ τὰ μὲν Ἀριστοτέλους τοῖς εὐαγγελικοῖς καὶ ἀληθέσιν ἡμῶν δόγμασι συνάδειν καὶ διὰ τοῦτο ἀληθέστερα, τὰ δὲ Πλάτωνος ἀπάδειν καὶ διὰ τοῦτο ψευδῆ εἶναι, ὥς οἴεται θρασυνόμενος· ἐν δὲ γε τῷ τρίτῳ τὸν σωφρονέστατον ἐκείνου καὶ φιλοσοφώτατον βίον κρίνων. φεῦ τῆς τόλμης. τίνος αὐτὸν οὐ μίμου, οὐ παρασίτου, οὐ πορνοβοσκοῦ, οὐ κιναιδίου, οὐκ ὀλέθρου, οὐ κύφωτος, οὐ βαράθρου, οὐκ ἀπατεῶνος, οὐ γόητος, οὐ καθάρματος αἰσχροτέρων τε καὶ ἀσελγέστερον βεβιωκέναι φησὶ τε καὶ δεῖξαι πειράται; φεῦ τῶν λοιδοριῶν, φεῦ τῆς ἀσελγείας, φεῦ τῶν τοσοῦτων βλασφημιῶν. εἰ δὲ καὶ σὺν ἀληθείᾳ περὶ τίνος ὅλως τὰ γε τοιαῦτα ἡδύνατο λέγεσθαι, πῶς ὁ γε συγγεγραφῶς ἢ ὅστις οὖν ἄλλος λόγων γε τρόφιμος, ἢ ὢν ἢ δοκῶν, ἢ εἰπεῖν καὶ γλώττῃ προενεγκεῖν ἢ γράμμασι παραδοῦναι ἠνέσχετο ἄν; τί γὰρ αὐτῷ τῶν αἰσχίστων οὐ προσάπτει; οὐ μέθην, οὐ πορνεῖαν, οὐ μοιχείαν, οὐ παιδοφθορίαν, οὐκ ἀχαριστίαν, οὐ τυραννίδα, οὐ βίαν, οὐκ ἀρπαγὰς, οὐ μωρίαν, οὐ νόμων κακίαν, οὐ πᾶν ὅτι ῥητόν τε καὶ ἄρρητον; εἰ δὲ καὶ πάντας τοὺς ἀπ' αἰῶνος πῶποτε γεγενημένους ἀσελγεστάτους ἀνθρώπων καὶ θηριώδεις τὸν βίον συνειληγῶς κακῶς ἔλεγε καὶ ψόγον κατ' αὐτῶν συνεκρότει, τί πλέον ἂν εἶχε κατὰ πάντων ἅμα εἰπεῖν, ἢ τίσι πλείοσιν ὀνειδέσει περιβαλεῖν;

Τούτοις οὖν καὶ τοιούτοις ἐντυχὼν λόγοις ἡχθέσθην μὲν ἐπὶ τῇ παρὰ πᾶν τὸ δέον ὁρμῇ τουτουῖτου ἀνθρώπου, τῶν φίλων ποτὲ ἡμῖν γεγονότος καὶ λόγων ὄντος τροφίμου, κάκεῖνα μᾶλλον αὐτῷ βουλομένοις, ἃ ἔπαινον οὐ κατηγορίαν οἴσειεν ἄν. ἡχθέσθην δὲ μάλιστα καὶ ὅτι ἐντεῦθεν οὐκ αὐτῷ Πλάτῳ μόνον οὖν, οὐ πολὺς ἡμῖν λόγος, ἀλλ' ὅτι τοῖς θεοῖς καὶ τοῖς ἱεροῖς ἡμῶν πατράσι καὶ τοῖς διδασκάλοις τῆς ἐκκλησίας, οἱ περὶ πλείστου πεποιήνται Πλάτωνα καὶ τὰ χρηστότερα αὐτῷ περὶ τε σοφίαν καὶ τρόπον τῶν δογμάτων πρὸς τὰ ἡμέτερα συμφωνίαν κοινῶς μαρτυροῦσιν, οὐ μικρά τις ἔπεται δυσφημία, εἰ τοιούτον αὐτὸν ὄντα, οἷον οὗτοσι πλάττει, ἢ ἡγνόησαν ἢ

было выносимо, но делает из него человека невежественного и некультурного, ничего не смыслящего ни в риторике, ни в философии, ни в метафизике, т. е. науке о нематериальных явлениях, ни в математике и ни в какой-либо иной области разумной деятельности вообще, — и все это объявляется «с непокрытой головой»! (ср. «Федр» 243, б)

Его сочинение разделено на три части. В первой он, не приводя никаких доводов, говорит, что, конечно же, Аристотель написал об этом профессионально, а Платон — нет. Более того, он начинает упрекать Платона и его сторонников, что они-де пишут и говорят бессвязно, непоследовательно, противореча сами себе, будто несмышленные дети, и вообще не в силах ни сказать, ни выдумать ничего, что отвечало бы требованиям логики и рассудка, — о, какая наглость! — сгораешь со стыда! Во второй этот наглец утверждает, что взгляды Аристотеля находятся в согласии с нашими евангельскими и истинными догмами и потому более верны, а взгляды Платона отходят от них и потому — ложны. А в третьей он осуждает его воздержаннейший и в высшей степени философский образ жизни — какая дерзость! Не утверждает ли он и не пытается ли доказать, что нет такого шута, паразита, развратника, сластолюбца, негодяя и колодника, мерзавца, обманщика, нечестивца, который прожил бы более беспутную жизнь, чем он? Какие поношения, какое бесстыдство, какая неслыханная хула! Как вообще можно — вслух ли только или письменно — говорить о ком-то подобное, даже если это отчасти справедливо, и как можно посметь говорить такое, будучи писателем или прикидываюсь им, или просто считаясь образованным человеком? Ведь каких только пороков он не приписывает ему? И пьянство-то, и порочность, и распутство, и растление детей, и жестокосердие, и склонность к тирании и насилию, и воровство, и безумство, и преступление законов — все видимые и невидимые! Собери он воедино всех самых развращенных и потерявших человеческий облик людей, когда-либо от века живших на земле, и начни говорить о них, оскорбляя и понося, — что более уничижительное он мог бы сказать, какие более бранные слова употребить?

Читая эти и подобные вещи, я возмущался беспричинной злобой этой падкой на мерзости личности, принадлежащей некогда к кругу моих друзей, человеком образованным, коему вместо обвинений пристало бы воздавать хвалу. Но меня больше всего огорчило то, что в его сочинении немалые хулы достаются не только самому ценимому нами за мысли Платону, но и божественным и священным для нас отцам и учителям Церкви, чрезвычайно высоко ценившим Платона и единодушно засвидетельствовавшим его большую пользу и согласие его учения о премудрости и образе с нашим, и если Платон действи-

εἰδότες τάναντία τῶν ὄντων αὐτῷ ἑμαρτύρησαν· οὔτε γὰρ πρὸς χρηστῶν οὔτε πρὸς σοφῶν ἀνδρῶν καὶ τῶν διδασκάλων τῆς ἀληθείας οὐδέτερον τούτων ἐστίν.

παρὰ δὲ ταῦτα μᾶλλον με τῶν ἄλλων ἐτάραξε καὶ ὅτι τῇ τῆς πίστεως συνηγορίᾳ, ἣν καὶ ἀπὸ τῶν ἐχθρῶν λάβοιμεν ἄν, οὐ μικρὰ ἢ τοιαύτη Πλάτωνος κατηγορία λυμαίνεται. οἱ γε ἡμέτεροι διδάσκαλοί τε καὶ πατέρες, οἱ τῆς ἀληθείας τῆς πίστεως θεμέλιοι, πρὸς τὰ ἡμέτερα χλευὴν καὶ γέλωτα οἰομένους ἐχθροὺς καὶ ἀπίστους ἀδύνατον τε καὶ ἄτοπον τὴν θρησκείαν οἰομένους ἀντιταττόμενοι καὶ τὸ εὐσεβὲς ἅμα αὐτῆς καὶ δυνατόν δεικνύντες, εἰδότες τε οὐ μικρὸν εἰς συνηγορίαν φέρειν, εἰ καὶ τῶν παρ' αὐτοῖς σοφωτέρων εἶναι δοξάντων τὰ προκείμενα αὐτοῖς βεβαιώσαιεν, τούτῳ ἐνὶ μάλιστα Πλάτῳ καὶ τοῖς αὐτοῦ δόγμασί τε καὶ μαρτυρίαις εἰς τὴν τῆς πίστεως ἐχρήσαντο σύστασιν, τὰ μὲν ἡμέτερα τοῖς λόγοις αὐτοῦ βεβαιοῦντες, τοῖς δὲ λόγοις ἐκείνου ἀξίωμα καὶ πίστιν ἐκ τῆς ἀπαραμίλλου σοφίας αὐτοῦ καὶ τῆς τῶν τρόπων χρηστότητος ἐμποιοῦντες, καὶ οὕτω τὴν τε Ἑλλήνων μανίαν τὴν καθ' ἡμῶν, τὴν τε τῶν ἄλλως ἡμῖν ἐμβαινόντων καὶ χλευὴν τὰ ἡμέτερα οἰομένων, τὴν τε τῆς θείας τριάδος ἀλήθειαν φλυαρούντων ἀδύνατον εἶναι ἐκ τῶν τοῦ πάντων Ἑλλήνων σοφωτέρου καὶ χρηστοτέρου τοὺς τρόπους, ὥς ἡ κοινὴ δόξα ἐκράτει, εἰρημένων καὶ οἶόντε τῇ ἡμετέρᾳ εὐσεβείᾳ συνῳδῶν ὄντων κατὰ κράτος ἐτρέψαντο καὶ ὥς ἰστὸν ἀράχνης διέλυσαν. εἴ τις οὖν νῦν τόν γε τοιοῦτον τῶν τοιούτων μάρτυρα ἐξουθενεῖ καὶ χλευάζει καὶ λῆρον οἶεται καὶ πάσης μὲν σοφίας ἁμοιρον, πάσης δὲ πονηρίας καὶ μοχθηρίας ἐμπλεων γεύεσθαι δεικνύναι πειράται, πῶς οὐχ ὁ τοιοῦτος αὐτοῖς τοῖς τῆς ἀληθείας διδασκάλοις καὶ κήρυξιν καὶ τῇ κείνων δόξῃ λυμαίνεται; πῶς δ' οὐκ αὐτῇ καθόλου τῇ πίστει βλάβην οὐ μικρὰν φέρει ἐκείνα αὐτῆς ἀφαιρούμενος, ἃ καὶ τῶν ἔξω τῆς ἡμετέρας αὐλῆς βοηθεῖται, καὶ θύρας ἀνοίγων Ἑλλησι καὶ τοῖς ἄλλοις τῆς πίστεως ἀμυήτοις κατ' αὐτῆς ἐπιχειρεῖν τε καὶ ὁρμᾶν ἐφιεμένους;

Κεφ. δ'

Τίνα φησὶ Πλάτων ἐν τῷ Παρμενίδῃ περὶ τῆς τῶν ὄντων ἀπάντων ἀρχῆς.

Περὶ τοίνυν τοῦ πρωτίστου τῶν ὄντων, μᾶλλον δὲ τῆς ὑπὲρ πάντα τὰ ὄντα καὶ πάντων αὐτῶν πρωτίστης ἀρχῆς, ἀκουσον, ἃ φησι Πλάτων ἐν Παρμενίδῃ. ἐροῦμεν δὲ αὐτοῦ τὰ συμπεράσματα μόνον.

„τὸ ἓν, φησὶν, — οὕτω δὲ καλεῖ τὴν ὑπερούσιον θεότητα — οὐ πολλὰ ἐστίν· οὔτε μέρος οὔτε ὅλον οὔτε ἀρχὴν οὔτε τελευτὴν οὔτε μέσον ἔχον.

тельно таков, каким представляет его этот человек, они же то ли по неведению, то ли по своей воле отвергли эти противоречивые свидетельства о нем, то ни то, ни другое недостойно славных и премудрых мужей, учителей истины.

Помимо этого, меня больше всего возмутило то, что это обвинение против Платона в не меньшей степени задевает и наше исповедание веры, которое, хотелось бы думать, мы разделяем и с враждебно настроенной стороной. Когда наши подлинные учителя и отцы, эти стражи истинной веры, боролись с нечестивыми врагами, считавшими наши ценности смешными и несерьезными, а нашу религиозную жизнь невозможной и нелепой, то, желая показать, что она одновременно и благочестива, и возможна, они, полагая, что для признания нашей веры будет немаловажным найти подтверждение собственных взглядов и у тех, кого даже противники считают мудрецами, намеренно использовали для систематизации веры Платоновое учение и свидетельство о Едином, и подтверждая свое исповедание его аргументацией, и придавая его словам неоспоримую силу веры, и учили при этом его несравненную мудрость и безупречный образ жизни. Таким образом, они взяли себе в помощь его слово, слово человека, который в силу своей необыкновенной проницательности был самым мудрым и благородным из всех греков, слово, которое могло соответствовать нашей религиозной жизни, обратив тем самым его мощь в противоположную сторону и разорвав, как паутину, враждебность эллинов и вообще всех, кто выступал против нас, полагая наши ценности несерьезными, а истинность Святой Троицы невозможной. И если теперь кто-то считает такое свидетельство пустяком и предметом насмешек, полагая, что он (Платон) глуп и не имеет никакого отношения к мудрости, и, более того, стараясь показать, что он совершенно испорчен и преисполнен пороков, — разве не наносит он урона и самим учителям и проповедникам истины, и их взглядам? Не причинит ли он (*автор*) немалый вред и самой вере, перекрывая путь идущей извне помощи и тем открыв двери грекам и прочим в веру непосвященным, дабы они, нападая, ополчались против нее?

Глава 4. Что говорит Платон в «Пармениде» о начале всего сущего

Итак, послушай, что говорит Платон в «Пармениде» о первейшем из сущего, а скорее — о превышающем все сущее и первейшем. Мы только приведем его выводы.

Единое, говорит он, называя так сверхсущественное божество, — не множественно, поскольку не имеет ни части, ни целого, ни начала, ни конца, ни середины. Оно — бесконечно и бесформенно, ибо

ἔτι δὲ ἄπειρον καὶ ἀσχημάτιστον, ἐν οὐδενὶ τόπῳ ὄν. μήτε ἰστάμενον, μήτε τινὰ ἢ τὴν καταφορὰν ἢ τὴν κατ' ἁλλοίωσιν κίνησιν κινούμενον, οὐθ' ὅλως γινόμενον. οὐχ ἑαυτῷ, οὐχ ἐτέρῳ οὔτε ταῦτόν οὔτε ἕτερον οὔτε ὅμοιον οὔτε ἀνόμοιον οὔτε ἴσον οὔτε ἄνισον οὔτε πρεσβύτερον οὔτε νεώτερον. οὐτ' ἐν χρόνῳ τινὶ ὄν, ἀλλὰ πάντῃ ἄχρονον. διὸ οὔτε ποτὲ γέγονεν οὔτε ἐγένετο οὐτ' ἦν ποτε οὔτε νῦν γέγονεν οὔτε γίγνεται οὐτ' ἐστὶν οὐτ' ἔπειτα γενήσεται οὔτε γενηθήσεται οὔτε ἔσται οὔτε οὐσίας μετέχει. τὸ γὰρ ἦν καὶ τὸ γέγονε καὶ τὸ ἐγένετο χρόνον τὸν ποτε γεγονότα σημαίνει. τὸ δὲ ἔσται καὶ γενήσεται καὶ γενηθήσεται τὸν μετέπειτα. τὸ δὲ ἔστι καὶ γίνεται τὸν παρόντα. τὸ δὲ μηδαμῇ χρόνου μηδὲν μετέχον οὐτ' ἦν οὐτ' ἔστιν οὐτ' ἔσται. οὔτε δὲ ὀνομά ἐστιν αὐτῷ αὐδὲ λόγος οὐδὲ τις ἐπιστήμη οὐδ' αἰσθησις οὐδὲ δόξα. οὐδ' ὀνομάζεται ἄρα οὐδὲ λέγεται οὐδὲ δοξάζεται οὐδὲ γινώσκεται οὐδὲ τι τῶν ὄντων αὐτοῦ αἰσθάνεται.“

ταῦτα μὲν ἐν Παρμενίδῃ ὡς ἐκ πολλῶν ὀλίγα. ἐν τε τοῖς ἄλλοις αὐτοῦ διαλόγοις Φαίδρῳ, Φαίδωνι, Φιλήβῳ, Τιμαίῳ, Σοφιστῇ, ἐν Νόμοις, ἐν Πολιτείαις, ἐν Ἐπιστολαῖς, ἁπλῶς ὅπου γε περὶ τούτων ἐμνήσθη, ἵνα μὴ μακρὸν λόγον συντείνω, ταῦτ' αὐτῷ περὶ τῶν αὐτῶν φησιν, ἅτε δὴ ἐπιστήμων ἀνὴρ καὶ σοφὸς καὶ σύμφωνος ἐν πᾶσιν ὢν ἑαυτῷ. ἐκεῖ γὰρ τὴν πρωτίστην ἀρχὴν ὑπὸ Πλάτωνος ἐν, ἐκεῖ τῶν ὄλων ὑποστάτην, ἐκεῖ τάγαθόν, ἐκεῖ πάντων βασιλέα καὶ δημιουργόν λαμπρῶς ἀνυμνούμενον εὐρήσεις. καὶ πρόκειται ἑτοιματὰ βιβλία τοῖς βουλομένοις ἀναγινώσκειν, εἰς δὲ τοὺς φιλοπόνους παραπέμπομεν.

οὕτω δὲ ἡ τοιαύτη αὐτοῦ θεολογία τοῖς ἡμετέροις πατράσι καὶ διδασκάλοις ἤρρεσεν, ὡς μὴ αἰσχυρῆσθαι ἐν τοῖς ἑαυτῶν συγγράμμασι περὶ θεοῦ ποιουμένους τὸν λόγον καὶ αὐτοῖς ῥήμασι τοῖς Πλατωνικοῖς οὐ μόνον τῇ διανοίᾳ χρῆσασθαι.

Αὐτίκα ὁ μακάριος Διονύσιος ὁ Ἀρεοπαγίτης, ὁ πρῶτιστός τε καὶ ἀριστός τῶν μετ' αὐτὸν ἀπάντων τῆς Χριστιανικῆς θεολογίας διδασκάλων γενομένων – πρὸ αὐτοῦ γὰρ οὐδεὶς πλὴν Παύλου τοῦ μεγάλου καὶ Ἱεροθέου Ἀθηνῶν, οἷς καὶ ἐμαθήτευσεν, ἄλλος ὑπῆρξεν – ἐν τῷ περὶ θείων ὀνομάτων·

„ὑπέρεκείται, φησί, τῶν οὐσιῶν ἡ ὑπερούσιος ἀπειρία καὶ τῶν νοῶν ἡ ὑπὲρ νοῦν ἐνότης, καὶ πάσαις διανοίαις ἀδιανόητόν ἐστι τὸ ὑπὲρ διάνοιαν ἐν, ἄρρητόν τε λόγῳ παντὶ τὸ ὑπὲρ λόγον ἀγαθόν.“ καὶ πάλιν·

„ἐνὰς ἐνοποιὸς ἀπάσης ἐνάδος καὶ ὑπερούσιος οὐσία καὶ νοῦς ἀνόητος καὶ λόγος ἄρρητος, ἄλογία καὶ ἀνοησία καὶ ἀνωθυμία, κατὰ μηδὲν τῶν ὄντων οὔσα. καὶ αἴτιον μὲν τοῦ εἶναι πᾶσιν· αὐτὸ δὲ μὴ ὄν, ὡς πάσης οὐσίας ἐπέκεινα.“ καὶ αὖ·

нигде не пребывает. Оно не неподвижно и в то же время не движется, в нем не происходит ни перемены места, ни существенного изменения; в нем вообще ничего не происходит. Оно не подобно чему-либо и не отлично, ни качественно, ни количественно, оно и не непохоже и не похоже, оно не старше и не моложе ни себя самого, ни чего-то другого. Оно и не во времени, и не совершенно вневременно. Ибо оно и не становится и не становилось, его и не было, и не возникало, и не возникает сейчас, и оно не есть, и оно не будет потом, и не возникнет, и не будет существовать или участвовать в сущности. Ведь «было», «стало», «сделалось» означает время для однажды уже ставшего, «будет» или «сделается» или «станет» — для становящегося в будущем, «есть», «становится» — для становящегося в настоящем. Оно никоим образом не причастно времени — его не было, нет и не будет. Не присуще ему ни имя, ни понятие, ни какое-то знание, или ощущение, или представление. Следовательно, оно не может быть ни названо, ни понято, ни воспринято, ни познано, и ничто из сущего не может почувствовать его.

Так написано в «Пармениде» — немногое из многого. И в других своих диалогах: Федр, Федон, Филеб, Тимей, Софист, в Законах, в Государстве, в Посланиях — вообще везде, где Платон размышляет о таких вещах (дабы не говорить слишком долго), он выдвигает подобные утверждения, а ведь он — муж сведущий и умный, во всем пребывающий в согласии с самим собой. В одном месте ты обнаружишь, что это первейшее начало блестяще воспевается Платоном как Единое, в другом — как Опора всего, в третьем — как Благо, еще где-то — как Царь и Демиург. Да, взяв на себя труд убедиться в этом, тот, кому любо чтение, обнаружит это во многих доступных книгах.

Это его богословие до такой степени полюбилось нашим отцам и учителям, что они, говоря в своих сочинениях о Боге, не стеснялись использовать не только его мысли, но и сами платоновские слова.

В этом признается блаженный Дионисий Ареопагит, первейший и славнейший из всех, кто стал после него учителем в христианском богословии, — а до него не было никого, кто превзошел бы его (Платона), за исключением великого Павла и Иерофея Афинянина, у которого он учился. Дионисий так говорит в своей книге «О божественных именах»:

Выше сущностей находится сверхсущественная неопределенность, и превышающее ум единство выше умов. И никакой мыслью превышающее мысль Единое непостижимо; и никаким словом превышающее слово Добро не вырази́мо. И еще: «Единица, делающая единой всякую единицу; Сверхсущественная сущность; Ум немыслимый; Слово неизречаемое; Бессловесность, Непомыслимость и

„οὐτε αἰσθησις αὐτῆς ἐστὶν οὐτε φαντασία οὐτε δόξα οὐτε ὄνομα οὐτε λόγος οὐτε ἐπαφή οὐτε ἐπιστήμη.“ καὶ μετὰ τινά· „τὴν μὲν οὖν ὑπερουσιότητα τὴν θεαρχικὴν, ὅτι ποτὲ ἐστὶν ἡ τῆς ὑπεραγαθότητος ὑπερῦπαρξις, οὐτε ὡς λόγον ἢ δύναμιν οὐτε ὡς νοῦν ἢ ζῶην ἢ οὐσίαν ὑπομνήσαι θεμιτὸν οὐδενὶ τῶν ὅσοι τῆς ὑπὲρ πᾶσαν ἀλήθειαν ἀληθείας εἰσὶν ἐρασταί· ἀλλ’ ὡς πάσης ἕξεως, κινήσεως, ζωῆς, φαντασίας, δόξης, ὀνόματος, λόγου, διανοίας, νοήσεως, οὐσίας, στάσεως, ἰδρύσεως, ἐνώσεως, πέρατος, ἀπειρίας, ἀπάντων ὅσα ἐστίν, ὑπεροχικῶς ἀφηρημένην.“

Ταῦτα, πρὸς θεοῦ, οὐκ αὐτοῖς ῥήμασιν ἐκ τῶν Πλάτωνος εἴληπται; τί δὲ ὁ θεολόγος Γρηγόριος ὁ καθ’ ὑπεροχὴν θεολόγος παρὰ τοῖς ἡμετέροις κληθεῖς; „θεὸς ἦν μὲν αἰεὶ, φησὶν ἐν τῷ εἰς τὸ πάσχα⁶), καὶ ἔστι καὶ ἔσται. μᾶλλον δὲ ἔστιν αἰεὶ· τὸ γὰρ ἦν καὶ ἔσται τοῦ καθ’ ἡμᾶς χρόνου τμήματα καὶ τῆς ῥευστῆς ταύτης φύσεως. ὁ δὲ ὢν αἰεὶ καὶ τοῦτο αὐτὸς ἑαυτὸν ὀνομάζει τῷ Μωϋσῇ χρηματίζων ἐπὶ τοῦ ὄρους. ὅλον γὰρ ἐν ἑαυτῷ συλλαβὼν ἔχει τὸ εἶναι, μήτε ἀρξάμενον, μήτε παυσόμενον.“ καὶ μετὰ τινά· „ἄπειρον οὖν τὸ θεῖον καὶ δυσθεώρητον. καὶ τοῦτο πάντῃ καταληπτὸν αὐτοῦ μόνον ἢ ἀπειρία“, καὶ τὰ ἐξῆς.

καὶ ταῦτα μὲν περὶ τῆς μιᾶς καὶ πρώτης τῶν ὄντων ἀρχῆς καὶ τῆς ἐνὸς θεοῦ ἀπλότητός τε καὶ ἐνότητος Πλάτωνος τε ἐφιλοσόφησε τῷ φυσικῷ φωτὶ ὀδηγούμενος καὶ οἱ τῶν ἡμετέρων διδασκάλων ἀγιώτατοί τε καὶ σοφώτατοι καὶ τῆς Χριστιανικῆς ἀληθείας καὶ θεολογίας καθηγεμόνες πνεύματι θείῳ ἐλλαμφθέντες θεολογοῦσι, μαρτυροῦντες ἐν τούτοις τῷ Πλάτῳ τοῦτό γε τὸ μέρος ὀρθὰ δοξάσαι. εἰ δ’ οἱ μάλιστα τῶν ἡμετέρων διδασκάλων προέχοντες τὰ Πλάτωνος ἐνταῦθά γε ἀποδέχονται, περὶ τῶν ἄλλων ἀμφιβάλλειν οὐ χρή· πάντες γὰρ οἱ ἄλλοι τὰ αὐτὰ τούτοις φασίν. οὕς ἡμεῖς φεύγοντες τὸ μῆκος τῶν λόγων παραλιμπάνομεν ...

Безымянность, сущая иным, нежели все сущее образом; Причина всеобщего бытия, Сама не сущая, ибо пребывающая за пределом всякой сущности». И далее: «Оно не воспринимаемо ни чувством, ни воображением, ни суждением, ни именем, ни словом, ни касанием, ни познанием». И после этого: «Богоначальная сверхсущественность, каково бы ни было сверхбытие сверхблагости, не должна восприниматься никем, кто любит Истину, превышающую всякую истину, ни как слово или сила, ни как ум, или жизнь, или сущность, но — как всякому свойству, движению, сущности, состоянию, пребыванию, единству, пределу, беспредельности, всему тому, что существует, — превосходительно запредельная» (*О божественных именах. 1, 5*).

Разве это, с помощью Божьей, не заимствовано — теми же самыми словами — у Платона?

А как быть с Григорием Богословом, которого по его высоте наши стали называть «Богослов»? В своей пасхальной проповеди он говорит (Слово № 45, 6. PG 36, 625с): «Бог был всегда, и есть, и будет. Лучше сказать: существует всегда. Ибо “был” и “будет” связано с отрезками нашего времени и нашей текучей природой. “Сущий” же означает (сущий) вечно — так называет Он Себя, разговаривая с Моисеем на горе (Синай). Поскольку “быть” включает в себя все, без начала и конца». И затем: «Божественное, таким образом, есть бесконечное и трудно представимое для взгляда. И одно лишь понятно в нем: бесконечность» (там же, 628а).

Да, Платон, ведомый природным светом, философствуя, говорил о Едином и о Первоначале всего сущего, и о простоте и единстве единого Бога то же, что и, богословствуя, святейшие и мудрейшие из наших учителей и просвещенные духом божественным руководители христианской истины и богословия, и они свидетельствовали, что Платон имел правильные представления об этих вещах. И если наши первейшие учителя, превосходя Платона, что-то здесь заимствовали у него, то можно не сомневаться относительно других: ведь то же, что они, говорят все другие, каковых мы обходим молчанием, избегая многословия.

36. Из переписки между Виссарионом и Плифоном

Письмо Виссариона Гемисту (Плифону)

В этом несколько неуверенном с точки зрения речевых оборотов послании, в целом характерном для последователя генологии, чувствуется отсылка к неоплатонистским, нехристианским корням, идущим от академической среды, существовавшей во времена Прокла. В центре — в особенности

Κοινῆς πᾶσιν ἐνεσπαρμένης ἐννοίας καὶ ταύτης ἀληθεστάτης, μηδὲν μηδαμῇ ἀνάτιον εἶναι, πλὴν τοῦ πρώτου καὶ πάντων αἰτίου, οὐκ ὀλίγους τῶν Πλάτωνος ἐταίρων, ὡς Πρόκλον, Ἑρμεῖαν τε καὶ Δαμάσκιον¹⁾ τὴν τε ψυχὴν, τοὺς τε πρὸ αὐτῆς πάντας εἴτε νοητοὺς τε καὶ νοηροὺς, εἴτε νοηροὺς θεοὺς αὐθυποστάτους εἶναι τεθεμένους εὐρίσκομεν. Εἴποι δ' ἂν τις μὴδ' ἂν μὴδὲ Πορφυρίῳ, Ἰαμβλίχῳ, Συριάνῳ²⁾, καὶ τῷ λοιπῷ τῶν ἀνδρῶν ἐκείνων θιάσῳ, περὶ γε τοῦ τοσοῦτου καὶ τοιοῦτου πράγματος ἄλλως δοκεῖν τοὺς γε προειρημένους, ὁρῶν συνεχῶς, τὰς τούτων ἀναλεγομένους ἐννοίας, καὶ τὰς αὐτῶν ἐπομένας ὡς τὰ πολλά, δόξας.

Ὡσπερ τοίνυν ἐκ μιᾶς γνώμης ἢ τριάς τῶν προειρημένων ἀνδρῶν αὐθυπόστατα εἶναι τὰ τοιαῦτα τῶν ὄντων ἀποφαίνεται, καὶ οὕτως αὐθυπόστατα ὡς αὐτὰ ἑαυτὰ ὑφιστῶντα καὶ αὐτὰ ἑαυτῶν αἰτία ὄντα καὶ ὅλα ἅμα αἰτιατά τε καὶ αἰτία· ἐν τε γὰρ τῇ θεολογικῇ αὐτοῦ στοιχειῶσει, τὸν Πρόκλον περὶ τῶν αὐθυποστάτων πολὺν ἂν εὖροις ποιούμενον λόγον ἐν τε τοῖς εἰς Παρμενίδην αὐτοῦ ὑπομνήμασι, οὐχ ὥσπερ λέγουσί τινες ὅτι πᾶν τὸ παραγόμενον ὑπ' ἄλλης αἰτίας παράγεται καὶ ἡμῖν

ῥητέον, φησίν, ἀλλ' ὥσπερ εἰώθαμεν αὐτοκίνητα προτάττειν ὡς ἑτεροκινήτων, οὕτω καὶ τὰ αὐθυπόστατα προθετέον τῶν ὑπ' ἄλλου παραγομένων. Εἰ γάρ ἐστι τὸ ἑαυτὸ τελειοῦν, ἔστι καὶ τὸ ἑαυτὸ γεννῶν. Εἰ δὲ ἔστι τὸ αὐθυπόστατον, δῆλον ὅτι τοιοῦτόν ἐστιν, οἷον καὶ παράγειν ἑαυτὸ καὶ παράγεσθαι ὑφ' ἑαυτοῦ· λέγω γάρ, φησίν, αὐθυπόστατον, ὃ ἂν ἑαυτὸ παράγῃ.

Τούτοις δὲ ὁμοία κἀν τοῖς εἰς τὴν Πλάτωνος φιλοσοφεῖ θεολογίαν. Τοῖς δ' αὐτοῖς λόγοις ἐν τε τοῖς εἰς τὸν Φαῖδρον ὑπομνήμασιν Ἑρμείας, ἐν τε τῇ περὶ ἀρχῶν πραγματείᾳ Δαμάσκιος τὴν ψυχὴν αὐθυπόστατον συμπεραίνουσιν. Οἱ δ' αὐτοὶ τὴν αὐτὴν τὰ τε θειότερα ταύτης ἄνευ τοῦ

во втором пункте — диалектика Платонова «Парменида», хотя богослов Виссарион и не чувствует себя вполне владеющим ею. Поэтому он призывает на помощь философа Плифона.

1. О самоподвижности и самосущности души

Поскольку среди всех распространено общее мнение, и это в высшей степени справедливо, что ничто и никак не может появиться без причины, за исключением самой первой Причины всего, то мы видим, что весьма многие последователи Платона, как-то Прокл, Гермий и Дамаский¹, считали и душу и все, что ей предшествует, — будь то умопостигаемые или умственные сущности или умственные боги — самосущими (authypostaton). Нужно сказать, что упомянутые лица думали ничуть не иначе, нежели Порфирий, Ямвлих, Сириан² и другие представители этого круга, — как можно заключить из общего обзора их соответствующих точек зрения и их в общем и целом совпадающих учений.

Мнение троих вышеназванных лиц о самосущности этих сущностей и о том, что они сами суть продолжение самих себя и сами являются своими собственными причинами, будучи одновременно и возникшими по этим причинам и сами являясь их же причинами, можно, таким образом, рассматривать как одно. И в своем сочинении «Основы богословия», и в своих комментариях к «Пармениду» ты отмечаешь, что Прокл много говорит о том, что касается самосущего, не показывая, как утверждают некоторые, что все появившееся появляется от другой причины и нами называется, но, подобно тому, как мы обычно ставим самодвижущееся впереди движимого кем-то, так и самосущее должно стоять впереди того, что появилось из «другого». Ведь если существует нечто осуществляющее само себя, то есть и нечто порождающее самое себя. Так что если есть самосущее, то оно должно и производить само себя и быть производимым самим собой. Ибо я понимаю под «самосущим», говорит он, то, что может производить самое себя.

Подобным этому образом философствует он в «Теологии Платона». В тех же самых словах делает умозаключение и Гермий в комментариях к «Федру», и Дамаский, рассматривая в сочинении «О началах»

συμπεραίνουσιν. Οἱ δ' αὐτοὶ τὴν αὐτὴν τὰ τε θειότερα ταύτης ἄνευ τοῦ πρωτίστου ἑνὸς ἢ τάγαθοῦ καὶ ὑπὸ τῶν αἰτιῶν (πρωτουργῶν) πάντων παράγεσθαι δογματίζουσιν, τὰ μὲν καὶ ἐκ πλειόνων, τὰ δέ γε ἐξ ἐλαττόνων, ὥς ὑφέσεως ἢ ὑπερθέσεως ἕκαστον ἂν εἶχεν, εἴπερ πάντα τελευτῶντα εἰς μίαν αἰτίαν τὴν πρώτην ἀνάγονται, ἀφ' ἧς καὶ προάγονται.

Τοῦτο δὲ ἐκ τε τῆς θεολογικῆς στοιχειώσεως Πρόκλου ἔστιν ἰδεῖν ἐκ τε τῶν εἰς τὸν Παρμενίδην αὐτῷ πονηθέντων, ὅπου τὰ εἶδη διακρινόμενα καὶ πληθυνόμενα ἐν ἑαυτοῖς τὴν τῶν αὐθυποστάτων εἰληχέναι φησὶ δύναμιν, ὑφιστάμενα μὲν ἀπὸ τῶν πρωτουργῶν αἰτιῶν, παραγόμενα δὲ καὶ ὑφ' ἑαυτῶν. Περί γε μὴν ψυχῆς καὶ Ὀλυμπιόδωρος ἐν τοῖς εἰς τὸν Φαίδωνα διχόθεν φάσκει αὐτὴν ὑποστᾶσαν, ὑφ' ἑαυτῆς, καὶ ὑπὸ Θεοῦ. Διχόθεν καὶ τελειοῦσθαι καὶ αὐθις ἐν τοῖς αὐτοῖς Πλατωνικὸν εἶναί φησι δόγμα τὸ αὐτὸ παράγωγον εἶναι τὴν ψυχὴν. Ταῦτα δὴ περὶ τῶν γε τοιούτων ἐοίκασι λέγειν, ὥς οὐκ ἂν ἄλλως ἀθάνατα ἐσόμενα· εἰ μὴ τοιαῦτά γε εἶεν, ὑφ' ἑαυτῶν τε παράγοιντο· ὥς γὰρ διὰ τοῦ αὐτοκινήτου, οὕτω καὶ διὰ τοῦ αὐθυποστάτου κατασκευάζουσι τό γε τῶν τοιούτων οὐσιῶν ἀθάνατον καὶ ἀνώλεθρον.

душу как самосущее. Но они же учат, что душа, а также и то, что божественней ее, за исключением Единого и Благого, появляются разом из всех (первично действующих) причин, одни — из более значительных, другие — из менее, в зависимости от того, причастны ли они к снижению или к восхождению, но, в конце концов, все они возводятся к одной первичной причине, из которой произошли.

Это можно видеть как в «Теологии Платона» Прокла, так и в его трудах, посвященных «Пармениду», где он утверждает, что идеи, сами по себе разделяющиеся и умножающиеся, принимают на себя потенцию самосущего, ибо, основанные на первично действующих причинах, они появляются сами собой. А что касается *души*, то и Олимпиодор в своей комментарии к «Федону» говорит, что, имея двойное существование — от самой себя и от Бога, — она и проявляется двойственным образом. И далее, в том же месте он утверждает, что в том-то и состоит Платоновое учение, что и душа проявляется так же. Они говорят так об этом потому, что им кажется, что иначе они не были бы бессмертными. Будь это не так, появлялись бы они сами собой. Ибо как посредством самодвижения, так и посредством самосуществования они обосновывают бессмертность и неуничтожимость сущностей такого рода.

¹ Трое последних платоников в Академии V в.

² Группа неоплатоников в Академии в III и IV–V вв. Отметим, что Плотин не упомянут.

2. Ο причастности и непричастности

Ἔτερον δὲ ὅτι καὶ πᾶσαν ἐνάδα, τό τε καθ' ἐκάστην σειρὰν ἀρχικὸν αἷτιον ἐν τοῖς προειρημένοις συγγράμμασιν οἱ αὐτοὶ, οὐ ταῦτα δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ αὐτὸ τὸ πάντων αἷτιον ἐν πῇ μὲν ἀμέθεκτα λέγειν δοκοῦσι, πῇ δὲ μεθεκτά· τοῦτο μὲν τῷ μήτε τὴν τινῶν ἀρχὴν αὐθυποστατεῖν ἐκείνων τινος ὧν αἰτία λέγεται εἶναι, μήτε τὴν πάντων ἀρχὴν τινος ὅλως αὐθυποστατεῖν τῶν ὅπως οὖν ὑφεστάναι λεγομένων, πάντων αὐτῶν οὖσαν αἰτίαν. Ὅθεν καὶ τὸ πρῶτον τῶν νοητῶν ὄνομα τὸ ἐν ὃν κατὰ μέθεξιν τοῦ πρώτου ἐνός, τοῦτό φασι κεκλήσθαι τῷ ὀνόματι, ἐκεῖνο δέ, τῷ τὸ μετεχόμενον ἐκείνου δεῖν ὑφ' οὗ μετέχεται. Τούτῳ δὲ ἐπεσθαι τῷ ἐνός εἶναι ὃν ἐν τῷ πλήθει, καὶ μὴ πᾶσιν ἅμα περιεῖναι. Ταύτας οὖν τὰς δοκούσας μὲν ἀντιφάσεις ἤκιστα δέ γε οὐσας· οὐ γὰρ ἂν ἔγωγε τοῦτο θαρρήσαιμι φάναι· σὸν ἂν εἶη, σοφώτατ' ἀνδρῶν, τοῦ μόνου τανῦν τῆς Πλατωνικῆς ἐποπτείας μυσταγωγοῦ τε καὶ μύστου, ἱκανῶς διαλύσασθαι καὶ τινα περὶ τούτων ἡμῖν ἐκθεῖναι διδασκαλίαν· ὥς ἐμοίγε σφόδρα προσίσταται καὶ λύσιν πολλὰ σκοπούμενος οὐδεμίαν οὐδέπω ἤτις καὶ ἱκανὴ ἔσται εὑρεῖν ἐδυνήθη· ἃ δ' ἂν τις φαινομένην ἀντίφασιν ἐν τούτοις συνάγων, ἢ πρὸς αὐθυπόστατον ἀπαντῶν, ἀδύνατά τε καὶ ἄτοπα ἐπάγοι τῷ λόγῳ, ἐξέθηκα ἂν εἰ μὴ τὴν πολυλογίαν φεύγων ἅμα καὶ σὲ ἡδεῖν διαβατικωτάτῳ σου νῶ πάντα περιοψόμενον.

Второе же — что те же (авторы) в вышеупомянутых сочинениях, кажется, утверждают, что всякая единица и изначальная причина каждой цепи (последствий) и не только они, но и само являющееся причиной всего Единое одному не причастно, а другому — причастно. Это потому, что ни начало чего-то не может быть самосущим относительно того, чего сущей причиной оно называется, ни причина всего не может быть совершенно независимой от того, что известно как тем или иным образом существующее, будучи всех их причиной. Исходя из этого они утверждают, что первичное наименование умопостигаемых величин, Единое, является таковым по причастности к Первоединому, а причастуемое должно называться по тому, что ему причастует. Следствие этого скажется тогда на Единосушем — каковое существует во множестве и не может проявиться все сразу. Того, что эти заметные противоречия незначительны, — я бы не дерзнул утверждать. Это должно стать твоей задачей, ведь ты, мудрейший среди мужей, единственный в наше время посвященный и учитель (мистагог и мист) платонистских созерцаний, способен разрешить это удовлетворительным образом и представить нам некое учение об этом, и хотя это в большей мере возложено на меня, я, несмотря на усердные поиски решения, все еще не смог найти ничего приемлемого. Я бы назвал невозможным и неразумным то, к чему придет пожелавший соединить очевидные противоречия в этих вещах или предпочесть «самосущее» всего, не будь я уверен, избегая лишних слов, что ты своим гибким умом способен объять все обозримое.

...(Далее следуют еще два пункта письма.)

«Читай Платонова “Парменида!”»

Ответ Гемиста Виссариону. Краткий вариант

Ответ Плифона Виссариону существует в пространном и кратком вариантах. Здесь приводятся два первых пункта краткой версии. Плифон, руководствуясь лучшим ренессансно-гуманистическим примером, рекомен-

Ἐπειδὴ καὶ μαρτυριῶν δύοι πρὸς τὰ προγεγραμμένα σοι ὑπὲρ μὲν περὶ τῶν τοῦ αὐτοπαραγώγου μοι εἰρημένων οὐκ ἂν ἔχοιμί σοι μαρτυρίαν δὴ τινα παρασχέσθαι· οὐ γὰρ οὐδ' αὐτὸς ὅλη γνώμη εἴρηκα ὃ εἴρηκα· ἀλλὰ τοσοῦτον μόνον ἐνδείξασθαι βουλόμενος, ὅτι εἰ οὕτω τιθέμενοι λέγοιεν τὸ αὐτὸ παράγωγον οἱ λέγοντες, οὐκ ἂν δὴ αὐτοὶ αὐτοῖς περιπίπτειν.

Ὑπὲρ δὲ τοῦ μεθεκτοῦ ὡς πλεοναχῇ λέγεται τὸ μεθεκτόν, ἀνάγνωθι τὸν Πλάτωνος μὲν Παρμενίδην· εὐρήσεις γὰρ ἐκεῖ ἀμφοτέρας τὰς μεθέξεις ἐν τῇ τῶν τῆδε πρὸς τὰ νοητὰ εἶδη κοινωνίᾳ, καὶ τὴν μὲν, ὡς μάλιστα ἀποδοκιμαζομένην, τὴν δ' ὡς ἡκιστα, τὴν κατ' αἰτίαν δὴ ἐν οἷς φησι,

τὰ μὲν εἶδη ταῦτα ὥσπερ παραδείγματα ἐστάναι ἐν τῇ φύσει, τὰ δ' ἄλλα τούτοις εἰσὶν καὶ εἶναι ὁμοιώματα· καὶ ἡ μέθεξις, αὕτη τοῖς ἄλλοις γίνεσθαι τῶν εἰδῶν οὐκ ἄλλη τις ἢ εἰκασθῆναι αὐτοῖς· ἐνταῦθα γὰρ κατ' αἰτίαν καὶ ταύτην τὴν παραδειγματικὴν καὶ οὐ τὴν κατ' ἐμπλοκὴν μέθεξιν καλεῖ.

дует великому кардиналу обратиться к истокам, т. е. отойти от чтения сбивающих с толку неоплатонистских комментариев и вернуться к чтению самого Платона. Этим замыкается круг, очерченный нашей антологией.

Если бы требовалось какое-то доказательство, вдобавок к написанному тебе ранее относительно того, что мне известно о «самопроизводном», то я, по сути, ничего не смог бы предъявить. И даже не потому, что все сказанное я изложил, не обладая всей полнотой знания; я хотел только указать на то, что если бы так считали говорившие о самопроизводном, они не пришли бы к противоречию самим себе.

Касательно же причастия — что о причастии говорится во многих смыслах, — то читай Платонова «Парменида»! Ведь ты найдешь там оба типа причастия в приобщении к умопостигаемым идеям: один наиболее отвергаемый, другой наименее — тот, что связан с причиной:

«Эти идеи как прообразы находятся в природе, а все прочие вещи похожи на них и являются подобиями. Причастность вещей идеям состоит именно в том, чтобы походить на них».

Ведь здесь он (Платон) говорит о причастности в связи с причиной, о парадигматическом характере таковой, а не о причастности по вовлечению...

(В продолжении дается ответ на два заключительных пункта послания Виссариона.)

37. Греческая народная песня о событиях 1453 года Последняя служба в Святой Софии

Для этой песни, появившейся сразу же после падения Константинополя, знаменательно то, что кончается она оптимистично: со временем все исправится. Народные песни, предшествовавшие падению города, были,

Σημαίνει ὁ Θεός, σημαίνει ἡ γῆς, σημαίνουν τὰ ἐπουράνια,
σημαίνει κι ἡ Ἁγία Σοφία, τὸ μέγα μοναστήρι,
μὲ τετρακόσια σήμαντρα¹⁾ κι ἐξηνταδυὸ καμπάνες,
κάθε καμπάνα καὶ παπάς, κάθε παπάς καὶ διάκος.
Ψάλλει ζερβὰ ὁ βασιλιάς, δεξιὰ ὁ πατριάρχης,
κι ἀπ' τὴν πολλὴ τὴν ψαλμουδιὰ ἐσειόντανε οἱ κολόνες.
Νὰ μποῦνε στὸ χερουβικὸ²⁾ καὶ νὰ ἔβγῃ ὁ βασιλέας,
φωνὴ τοὺς ἤρθε ἐξ οὐρανοῦ κι ἀπ' ἀρχαγγέλου στόμα·
„Πάψετε τὸ χερουβικὸ κι ἄς χαμηλώσουν τ' ἅγια,
παπάδες πᾶρτε τὰ γιερά, καὶ σεῖς κεριὰ σβηστήτε,
γιατὶ εἶναι θέλημα θεοῦ ἡ Πόλη νὰ τοῦρκέψη.
Μὲν στεῖλτε λόγο στὴ Φραγκιά, νὰ ῥτουνε τρία καράβια,
τό 'να νὰ πάρῃ τὸ σταυρὸ καὶ τ' ἄλλο τὸ βαγγέλιο,
τὸ τρίτο, τὸ καλύτερο, τὴν ἅγια τράπεζά μας,
μὴ μᾶς τὴν πάρουν τὰ σκυλιὰ καὶ μᾶς τὴ μαγαρίσουν.“
'Ἡ Δέσποινα ταράχτηκε, καὶ δάκρυσαν οἱ εἰκόνες.
„Σώπασε, κυρὰ Δέσποινα, καὶ μὴ πολυδακρύζης,
πάλι μὲ χρόνους, μὲ καιροὺς, πάλι δικά σας εἶναι.“

напротив, насквозь пессимистическими. Предчувствие надвигающейся катастрофы заглушало все прочие чувства, отодвигая в тень даже надежду.

Бог возвещает, земля возвещает и небеса возвещают,
и Святая София, великий монастырь,
в четыреста бил возвещает да в шестьдесят два колокола.
А где колокол — там поп, а где поп — там дьякон.
Слева царь поет, справа патриарх,
с такой мощью все поют, что от пения столпы сотрясаются.
Вот настало время Херувимской и Входа царского,
и раздался тут глас с небес из уст архангельских:
«Прекратите Херувимскую, ну а вы, попы-священники,
унесите святыню и свечи свои погасите:
такова на то воля Божия, чтобы Город наш турки заняли.
Вы пошлите письмо в землю Франкскую, чтобы выслали
три корабля:
пусть один возьмет крест, другой — Евангелие,
ну а третий, лучший самый, — Мой святой престол, —
да не тронут их собаки и не осквернят».
Горюет наша Владычица и на иконах слезы.
«Не надо, госпожа Владычица, много не плачь:
с годами, со временем, правда Твоя возвратится».

Приложение

РАЗГОВОР НА АФОНЕ О ВЕРЕ (1976)

Так называемая Святая гора Афон в Северной Греции, представляющая собой скалу, которая языком выступает в море и в своей высшей точке поднимается над ним до двух тысяч метров, — всегда, начиная со Средних веков, была заселена монахами, обитавшими в разрозненных монастырях, напоминающих стаи птиц, опустившихся на склоны горы. Сообщество монастырей является своего рода государством в государстве, с собственной гражданской администрацией и собственным календарем. Закон гласит, что ни одно существо женского пола, будь то женщина или курица, не имеет права появляться на этой горе. В остальном — свободный вход и широкое гостеприимство каждому, кто позаботится о получении визы у греческих властей, — так во всяком случае сообщается в туристических буклетах.

Здесь монахи представляют собой центральную нервную систему всего восточного греческого Православия. Мне посчастливилось провести среди них трое суток в трех из их монастырей. В первый же вечер у меня состоялся долгий разговор с монахом по имени Никодим, к которому у меня было дело, связанное с университетом в Фессалониках. На следующее утро я записал наш разговор, но вместо общего описания я прилагаю здесь то, что можно назвать его стенограммой.

Никодим принял меня без каких-либо общепринятых проявлений вежливости или формальностей, пригласил меня в свою пустую келью, все убранство которой состояло, кажется, только из сочинений отцов Церкви, и сразу же спросил (по-французски):

Н(икодим): Кто вы?

Я (Виллер): Крещеный платоник.

Н.: Тогда вы не христианин.

В.: Печально слышать.

Н.: Платон — великий философ, Декарт — великий философ, Мао — может быть, тоже. Но философия — человеческое занятие.

А когда она касается христианства, то становится критической, т. е. делает выбор. Это мне подходит, то не подходит. Иисус же — Слово, явленная мудрость, единый, неделимый и неизменный. С Иисусом все принимаешь или все отвергаешь. Кто же Иисус для вас?

В.: То же, что и для вас.

Н.: Вот как? Тогда где же у вас Иисус?

В.: Сейчас, может быть, здесь, в этой комнате.

Н.: «Может быть»?

В.: Во всяком случае, Он всегда в Библии.

Н.: Да, но кто записал слово Божие?

В.: Матфей, Иоанн, Петр, Павел...

Н.: ... и святой Василий Великий, и святой Иоанн Златоуст, и святой...

В.: Нет, Библия — священная Книга. Ничего нельзя вырвать из нее, в этом мы, разумеется, едины, но ничего нельзя и добавять.

Н.: Надобно признавать и Предание! Церковь — вот кто записывал слово Божие и в Библии, и в последующих поколениях. Возьмите Василия Великого! Основательно изучив его, я не нашел у него ни одной мысли, которая была бы чужда Библии.

В.: Я лютеранин и, как и вы, могу не признавать Папу. Но разве ваша Церковь взамен этого не признает двадцать-тридцать мелких пап?

Н.: Пап? Нет, авторитетов. Папа, как все уверены, стоит выше Предания, и потому, предполагается, что он обязан что-то изменять и обновлять. Авторитеты, напротив, только упрочняют и углубляют. Лютер был своего рода папой. У него можно найти много нового, новых мыслей и постановлений, не имеющих корней ни в Библии, ни в Предании. (Здесь Никодим пустился в долгие рассуждения о различии взглядов на крещение и причастие.) Если повнимательнее посмотреть, каждый лютеранин — папа, миллионы пап! — и называется это «свобода». Свобода выбирать то одно, то другое! Возьмите Бульзмана, этого великого лютеранского богослова. Он «выбрал» не замечать факта Воскресения! А некоторые из ваших лютеран в последнее время говорят: «Есть один Христос. Троица — просто умозрение»!

В.: Вы неправильно понимаете богословскую позицию лютеранской Церкви. Для меня как лютеранина Бульзманн вообще не является каким-либо авторитетом. Он — крещеный ученый и, следовательно, имеет право на путь проб и ошибок, который свойствен науке. Лично я считаю, что он на неверном пути.

Н.: В христианстве нет «лично я считаю». Христос — один и тот же, Его учение — одно и то же во все времена и для всех людей. Моя

мать верующая, я верующий, но вера наполняет меня больше, чем мою мать. Следовательно, моя вера больше, если смотреть количественно. Но качественно она — та же самая вера. Вы же, лютеране, наоборот, вводите в христианскую веру качественные оценки. Вспомните, что сказал Иисус в Нагорной проповеди: покуда пребудут небо и земля, не изменится ни единая йота Моего учения.

В.: Я боюсь слова «учение» в этом случае. В нашей Библии мы, ориентируясь на Ветхий Завет, переводим *nomos* оригинала как «закон».

Н.: Чтобы понять истинное учение Библии — или, если хотите, «закон» — нужно в совершенстве овладеть греческим. Греческий — священный язык, на котором было передано нам слово Божие. Мы, для кого греческий язык — родной и кто вырос на грекоязычном предании, имеем наибольшие шансы для полного понимания. Не знаю, может быть, вы знаете древнегреческий. Но те, кто владеет этим языком, имеют право и обязаны указывать путь другим.

В.: Вы заходите слишком далеко. Библия включает в себя еще и еврейский. И разве Иисус довольствовался тем, что писали на земле? Я немного уточню свое утверждение: Иисуса можно найти *через* Библию, а не *в* Библии. Рассуждая так, как сейчас, вы ставите Иисуса перед иконостасом, а не за ним, вы как будто держите Иисуса в своих руках.

Н.: Я принимаю вашу самопоправку и понимаю ваш вопрос. Иисус сокрыт от нашего непосредственного взгляда, мы, православные, видим Его *через* наших святых и через изображения святых (иконы). Но иногда Он и сам появляется перед иконостасом. Тогда Он непосредственно являет Себя таким, Какой есть.

В.: Позвольте и мне использовать образ. Иисус — бесконечный всеобъемлющий свет, мы, люди, — темная среда. Когда мы освещаемся этим светом, мы сами становимся им, но только не чистым. В нашей среде свет расщепляется и, таким образом, обретает цвет. Кто-то из нас становится красным, другие светятся желтым и т. д. Тем самым появляется возможность возникновения — тоже с качественной точки зрения — различных форм христианства, каждая из которых — все же истинная и настоящая.

Н.: У вас, вероятно, комплементарное мышление. Оставьте, это научно и заумно. Иисус явился на горе Фавор, преобразившись в чистый свет, и Петр, Иоанн и Иаков, которые видели это, говорили о чистом свете. Они не преломляли свет субъективно, не представляли собой какой-либо «цветной» христианской веры. Такова высшая задача каждого христианина — не оставлять позади себя всевозможные нюансы цвета, а стать с ним одним, самим преобразившись в свет.

В.: Я понимаю это как указание на исихазм, который практикуется именно здесь, на Афоне, и который по своей сути далек от за-

хватившей меня духовной силы, доведшей меня сюда от самой Норвегии. Скажите: можно ли быть «исихастом», т. е. жить и достигать «покоя в Боге», без методологического руководства со стороны православия? Я спрашиваю, потому что знаю, что среди норвежской христианской молодежи сегодня существует тяга к тому, что они называют «исихазм», — тому, что должно открыться из контакта между лютеранской и греческой православной религиозностью.

Н.: Это пустые комбинации. И буддисты и мусульмане учат тому, чтобы, как они говорят, жить «в покое Божьем». Тот свет, о котором мы здесь говорим, — христианский свет — достигается только практикой, а не теорией, и этот тип практики передан нам примерами той жизни, какую вели наши святые.

В.: Весьма странно, но мы, лютеране, отодвинули в дальний угол Преображение Иисуса на горе Фавор, этот важнейший эпизод Его жизни. В вашей же традиции он находится в самом центре; очевидно, что в этом отношении мы должны что-то исправить. Ваш Григорий Палама, например, создал самобытное учение о том, что он назвал «нетварной энергией Божией». Оно кажется мне очень привлекательным; не могли бы вы рассказать мне о нем по-подробней?

Н.: У Паламы нет какого-либо собственного учения. Он лишь вынес наружу то, что в скрытом виде содержалось в церковном Предании. Исихасты стремятся к Фаворскому свету подобно тому, как другие стремятся к покорению горной вершины. Достижение света есть результат длительного духовного упражнения, следует знать *путь* туда, наверх. Скажите мне: как вы молитесь?

Я не ответил.

Н.: Надобно знать, как правильно молиться. Тот, кто неправильно молится, не христианин, а тот, кто не христианин, не может постичь и уловить Фаворский свет и вообще стать на путь исихазма.

В.: Иисус Сам научил нас молитве «Отче наш». В остальном — молится так, как лучше получается. Молитва спонтанно возникает в том, в ком действует Святой Дух.

Н.: Спонтанно? По мнимой «свободе»? Оставьте свое наслаждение философией и самостоятельным мышлением и тогда вы встретите Христа там, где Он есть: в священном церковном Предании и учении. Только там находится истинная *мера*, которую вы, философы, напрасно ищете.

В.: Я не позволяю христианству подчинить себе философию и *меру* свободной мысли. Я — крещеный философ, как бывают крещеные музыканты, крещеные художники или крещеные поэты. Мысль — как и музыка — способ, которым можно выразить христианскую веру.

Н.: Но есть вера и вера. Какие у вас гарантии, что ваша вера и есть подлинная и истинная вера? Или, чтобы придерживаться вашей ана-

логии с музыкой: все поют, но одни чисто, а другие фальшиво. Только те, кто поет чисто, поют истинным и настоящим образом.

В.: Да, действительно, фальшивое пение — это не пение, а непение. Церковь ставит границы между верой и суеверием. Но когда поют вместе — и это то, чему учит нас лютеранское псалмопение, — тогда нет необходимости каждому выдавливать абсолютно чистый тон. Неточность одного, когда он берет слишком высоко, уравнивается другим, который, возможно, берет слишком низко. Вместе мы, христиане, создаем красивое и гармоничное созвучие. Моя вера, конечно же, не чиста, так как я грешный человек. Но она и не фальшива, как утверждаете вы. И помимо всего, наши Церкви имеют общий Символ Веры.

Н.: Формулировки Символа Веры так скупы, что их приходится толковать. Какие гарантии есть у вас как у «свободного» лютеранина, что ваше толкование не является частным и, таким образом, ложным?

В.: Лютер научил меня, что никто не должен стоять между отдельной личностью и Христом, даже сам Лютер.

Н.: Тут вы совершаете элементарную ошибку в рассуждении! Сначала вы вводите Лютера, а затем Лютера убираете!

В.: Именно так! И это вовсе не ошибка, а философский парадокс. Кроме того, то же самое и с Кьеркегором. Он многому научил меня, объяснив, что такое христианская вера, но он не стоит между мной и Христом. Каждый человек грешен и полон заблуждений — так же, как и Лютер, как, в том числе, и ваши отцы Церкви. Сам я нахожу два слабых пункта в лютеранском церковном учении. Первый — недооценка Преображения Христа на горе Фавор, Фаворский свет, — то, о чем мы говорили. Второй — некритическое принятие Римской Церковью *filioque*. От обоих пунктов дороги ведут к вашей Церкви, вызов которой Лютер все же не принял на себя полностью.

Н.: Здесь вы касаетесь проблемы, корни которой уходят глубже, чем вы сами можете представить. Вы не можете отбросить *filioque*, оставаясь в то же время лютеранином. Философия — серьезное и последовательное интеллектуальное занятие, но догматика далеко превосходит ее и по серьезности, и по последовательности. Я изучал Лютера — в Страсбурге. Он значителен в том, что касается оппозиции католикам и Папе. Но то догматическое учение, которым он старается их заменить, часто оказывается на еще более неверном пути, чем учение Римской Церкви. Нет, лютеранин — это не христианин, он ставит себя выше Церкви и такой же еретик, как и католик. Только представьте себе последствия отмены *filioque*! Ведь вы тогда сможете стать христианином, т. е. сможете признать истину православной Церкви.

В.: Вам бы следовало изучать Лютера в лютеранской стране!

Н.: Зачем? В Страсбурге есть лютеранский факультет.

В.: Извините, этого я не знал. Впрочем, я не богослов и не стараюсь во что бы то ни стало найти интеллектуальную последовательность в вопросах веры. Я — просто крещеный философ, который чувствует, что кое-что неладно в лютеровском утверждении *filioque* и что чего-то недостает в понимании нашей Церковью полной и совершенной реальности Святого Духа. О том, что вместо этого можно делать чисто богословски, я, конечно же, не имею ни малейшего представления. А возвращаясь к вопросам веры, с которых мы начали, и к вашим постоянным обвинениям в ереси, я скажу, что моя вера так же хороша и сильна, как — если не ваша, то, может быть, — вашей матери.

Становилось поздно. В скудно отапливаемой келье было холодно. Монах разразился длинной тирадой, отношения которой к разговору я не уловил; она касалась христианского мученичества и необходимости христианского пацифизма.

Я сказал о том, что Владимир Лосский был моим первым проводником в греческом православном богословии, в особенности же его книга об отношении к христианской мистике («Мистическое богословие в Восточной Церкви»). На это Никодим ответил:

Н.: Так вы знаете Лосского! Какое-то время он был в философском тупике, слишком ушел в Декарта. Но затем выправился — и вернулся. Книга, на которую вы указываете, очень репрезентативна относительно основ нашей христианской традиции.

Заканчивая, он сказал:

Н.: Я хотел бы только повторить свою главную мысль — впрочем, здесь, на Афоне, да и повсюду, вы можете найти представителей греческой Церкви, которые менее строги, чем я, — что полное признание Предания является абсолютно решающим для того, чтобы быть христианином.

В.: Я признаю, что Предание — чрезвычайно важно, но не абсолютно необходимо. Библия останется тем, что она есть, и без него.

Н.: На этом и разойдемся.

Дирекция издательства:

О. Л. Абышко

И. А. Савкин

Художественный редактор:

Е. И. Шиленкова

Ответственный редактор:

Г. М. Прохоров

Редактор:

Л. А. Абышко

Корректор:

Н. П. Дралова

Оригинал-макет:

Ж. О. Григорьева

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 17.05.2001. Подписано в печать 10.10.2001

Формат 60×88/16. 42 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 4423

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia